This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

P S8V
605
25

Harvard College Library

BOUGHT WITH INCOME

FROM THE BEQUEST OF

HENRY LILLIE PIERCE

OF BOSTON

Under a vote of the President and Fellows
October 24, 1898

JAN 10 1902

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

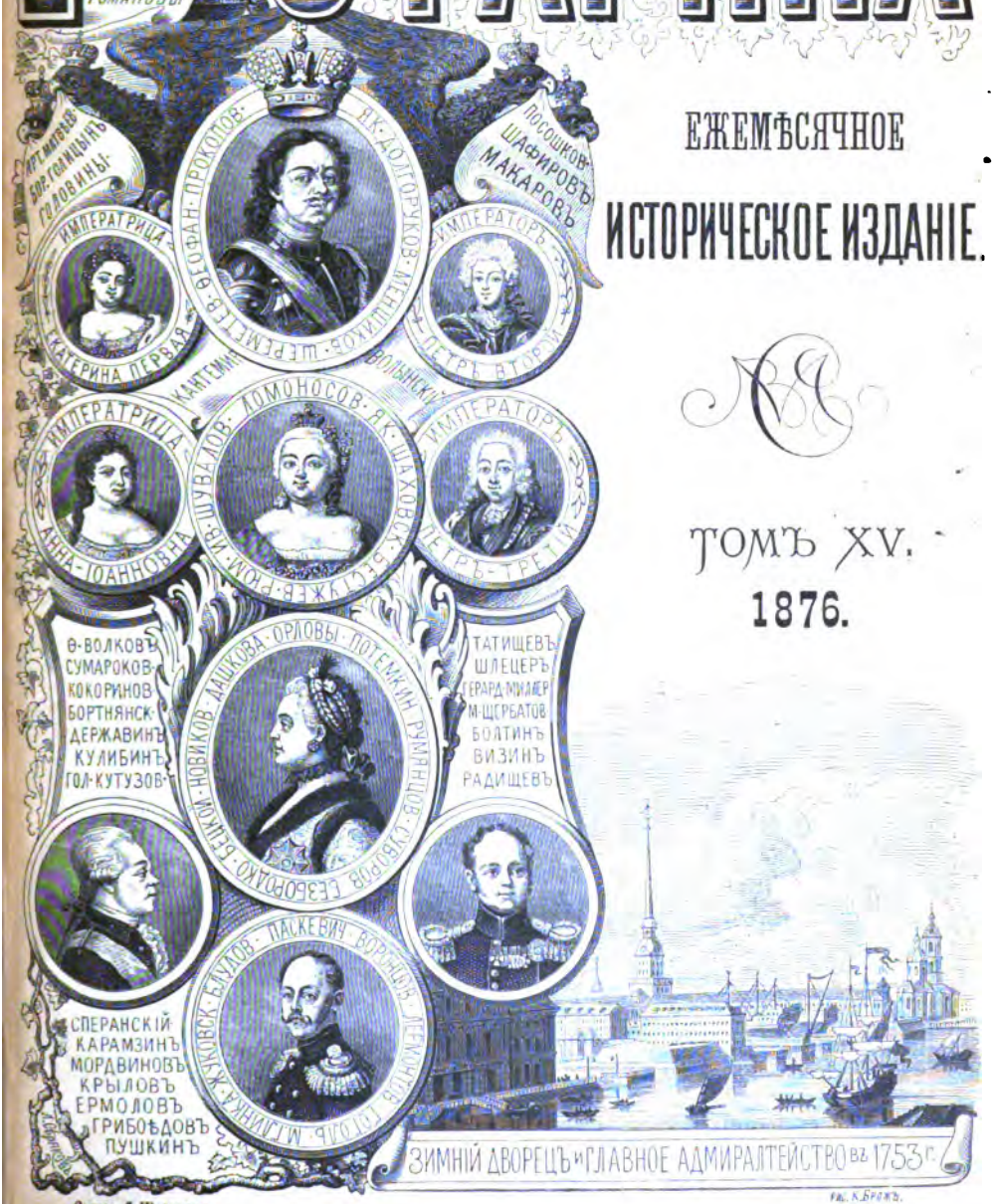
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

1876.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.



ТОМЪ XV.

1876.

Состав. А. Шарлемань.

Рис. К. Брожъ.

~~Slav 25.10~~
P Slav 605.25
Harvard College Library
Jan. [illegible], 1902
PIERCE FUND

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ седьмой. ЯНВАРЬ. 1876 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Лжедимитрій Первый. 1606 г. Статья **Н. И. Костомарова.** 1

II. Записки **Михаила Гарновскаго:** дворъ императрицы Екатерины II. 1786—1791 гг. Сообщ. **А. И. Левшинъ** 9

III. Михельсонъ, побѣдитель Пугачева. Біографическій очеркъ. Составилъ **И. И. Ореусъ** . . . 192

IV. Моя жизнь и художественно-археологическіе труды. Разсказъ академика **Ѳ. Г. Солнцева.** 1801—1875 гг. 109

V. Воспоминанія о русскомъ театрѣ 1826—1836 гг. **П. А. Каратыгина** 88

VI. Н. В. **Гоголь** въ его неизданныхъ письмахъ, 1827—1828 гг. . . 39

VII. В. Г. **Бѣлинскій** въ 1829—1832 гг., новые матеріалы къ его біографіи. Сообщ. **кн. Н. Н. Енгалычевъ** 46

VIII. А. Н. **Сѣровъ:** очерки и замѣтки о музыкѣ, 1842 г. Сообщ. **В. В. Стасовъ** 129

IX. Очеркъ событій на Кавказѣ 1835-1850 гг. 144

X. Восточная война, 1853—1854 гг. **Кн. Паскевичъ** и **кн. Горчаковъ.** 163

XI. Листки изъ записной книжки «Русской Старины»: 1) Артемій Волынскій, 1738 г. Сообщ. **кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій.** (211). 2) Письмо канцлера Бестуж.-Рюмина, 1764 г. Сообщ. **К. Н. Бестужевъ-Рюминъ.** (211). 3) Гр. П. А. Румянцевъ, 1771 г. Сообщ. **А. М. Лазаревскій.** (212). 4) Суворовъ, 1799 г. Сообщ. **К. А. Висковатовъ.** (213). 5) Походъ въ Индію, 1800 г. Сообщ. **Ю. В. Толстой.** (216). 6) Атаманъ Калишевскій. Сообщ. **Г. К. Рѣпинскій.** (217). 7) Узникъ 1802 г. Сообщ. **А. Чумиковъ.** (218). 8) Французы 1812 г. (218). 9) Самоучка-механикъ. (219). 10) Замѣтка о Лермонтовѣ. Сообщ. баронъ **Ѳ. А. Бюлеръ.** (220). 11) Смерть барона П. Вревскаго, 1855 г. Сообщ. баронъ **В. А. Вревскій.** (221). 12) Бѣгичевы. Сообщ. **Д. Д. Рябининъ.** (223).

XII. Библіогр. замѣтки: 1) Кавказскіе акты., статья **М. П. Щербинина.** (225). 2) Военная исторія соч. кн. Н. С. Голицына. (234).

XIII. Библіографическій листокъ (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЯ: I. Портретъ **Лжедимитрія** Перваго, гравюра Киліана 1606 г., точный снимокъ, исполненный акад. **И. П. Пожалостинымъ** и отпечатанный въ Парижѣ.—II. Портретъ **Михельсона,** побѣдителя Пугачева, гравюра на мѣди акад. **И. П. Пожалостина,** отпечатана въ Парижѣ.—III. Заглавная виньетка, рис. проф. **Шарлеманъ,** гравир. акад. **Л. А. Сѣряковъ.**

Отпечатано и продается **третье изданіе** „Русской Старины“ **1870** г.
Цѣна **8** руб. съ пересылкой.

Принимается подписка на «Русскую Старину» 1876 г.
Цѣна 8 руб. съ пересылкой.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева (Больш. Садовая, д. № 49—2).
1876.

I-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го января.

Библіографическій листокъ новыхъ русскихъ книгъ.

Описаніе зимняго похода въ Хиву въ 1839—1840 гг., сочиненіе генеральнаго штаба ген.-лейт. Иванина, 1 книга, 8°, въ Спб. Цѣна 2 руб. (продается въ канц. воен.-уч. ком. главн. штаба).

Генералъ-лейтенантъ Иваninъ, † 2-го сентября 1874 г., съ 1835 г., въ чинѣ капитана генеральнаго штаба, 8 лѣтъ весьма дѣятельно и съ большою пользою служилъ въ бывшемъ Оренбургскомъ корпусѣ; въ 1839—1840 гг. участвовалъ въ зимнемъ походѣ въ Хиву и по возвращеніи занялся составленіемъ описанія его на основаніи собранныхъ и разработанныхъ имъ свѣдѣній. Это описаніе было издано въ концѣ 1874 года на иждивеніе военно-учебнаго комитета — въ уваженіе замѣчательныхъ достоинствъ этого труда, богатаго не только достовѣрными фактическими данными, но и многими историческими, географическими, этнографическими и т. п. о Средней Азіи и кочевыхъ ея обитателяхъ свѣдѣніями. Въ книгѣ изложены: обзоръ походовъ въ Хиву, предшествовавшихъ походу 1839—1840 годовъ; изслѣдованіе путей въ Хиву, первоначальная смѣта издержекъ похода въ нее, планъ похода, приготовленія къ нему, составъ отряда, закупка и заготовка разныхъ запасовъ, выборъ передовыхъ укрѣпленій въ степи для склада запасовъ, перевозка послѣднихъ, сборъ верблюдовъ, выступленіе передоваго отряда и главныхъ силъ, движенія и дѣйствія ихъ до Эмбенскаго и потомъ до Акбулакскаго укрѣпленій, и возвращеніе отъ послѣдняго на оренбургскую линію, причины и послѣдствія того, разборъ причинъ неуспѣха похода и соображенія о возможности продолжать походъ въ Хиву, и въ концѣ книги весьма важныя приложенія, въ томъ числѣ выписка изъ путешествія Виткевича, въ 1836—37 гг., въ Бухару, также карта, планы укрѣпленій, чертежи и рисунки.

О военномъ искусствѣ и завоеваніяхъ монголо-татаръ и средне-азіятскихъ народовъ при Чингисъ-ханѣ и Тамерланѣ, сочиненіе генерала Иванина, съ картами и чертежами; въ 8°. Спб. 1875 г. Издана, по смерти автора, военно-ученымъ комитетомъ главнаго штаба подъ редакціею генералъ-лейтенанта князя Н. С. Голицына. Ц. два рубля.

Это замѣчательное сочиненіе г.-л. Иванина было первоначально составлено имъ, на основаніи главныхъ и лучшихъ восточныхъ источниковъ и трудовъ нашихъ и иностранныхъ оріенталистовъ, еще въ 1841—1845 гг. и напечатано въ 1846 г. во 2-й книгѣ «Военнаго Журнала». Въ послѣдствіи г.-л. Иванинъ болѣе нежели вчетверо пополнилъ и распространилъ это изслѣдованіе и въ началѣ 1874 года представилъ въ рукописи на разсмотрѣніе военно-ученаго комитета, но † 27-го сентября того же года, не доживъ до изданія своего почтеннаго труда.

Онъ раздѣленъ на 2 части, въ каждой изложены по порядку жизнь и политическія, гражданскія и военныя постановленія Чингисъ-хана и Тамерлана, система, характеръ и искусство веденія войны ими и самыя войны и походы ихъ на основаніи восточныхъ источниковъ и подлинныхъ сочиненій извѣстнѣйшихъ оріенталистовъ: русскихъ ученыхъ Іакинеа Бичурина, В. В. Григорьева, и иностранныхъ—Baron d'Ohsson, Baron Hammer и другихъ, равно Карамзина, Соловьева и другихъ. Изложенное впервые военнымъ спеціалистомъ, оно имѣетъ общеисторическое и собственно военно-историческое значеніе въ отношеніи къ Азіи и Европѣ вообще и къ Россіи въ частности. Въ послѣднемъ отношеніи оно имѣетъ преимущественное значеніе и важность для насъ русскихъ, по многимъ причинамъ, изображая нашествія монголо-татаръ на Россію и завоеваніе ея ими съ военной точки зрѣнія и знакомя насъ съ прошедшимъ и настоящимъ бытами той массы средне-азіятскихъ кочевыхъ народовъ, которые нѣкогда, соединенные подъ властію геніальныхъ Темудзина или Чингисъ-хана и Тимуръ-бека или Тамерлана, были грозою и ужасомъ Азіи и Европы. Критическое, вполнѣ вѣрное, хотя и краткое, военное изслѣдованіе походовъ Батыя, внука Чингисъ-хана, въ 1240—1241 гг., въ Россію, Польшу, Силезію, Моравію, Венгрію и даже до береговъ Адріатическаго моря,—походовъ, долженствовавшихъ быть первыми изъ числа 18-ти, во столько же лѣтъ, предназначенныхъ по плану Чингисъ-хана, для завоеванія всей Европы, представляются намъ, съ военной точки зрѣнія, въ иномъ видѣ, нежели тотъ, въ которомъ они изображены гражданскими историками—иностранными и на основаніи нашихъ монастырскихъ лѣтописей (очень неудовлетворительныхъ) русскими. Наконецъ, свѣдѣнія о монголо-татарахъ при Чингисъ-ханѣ и Тамерланѣ и о средне-азіятскихъ кочевыхъ народахъ въ ихъ и наше время могутъ быть существенно полезны для нашего управленія этими народами въ настоящее и будущее время и для веденія нами войны въ Средней Азіи.

Каспій: О походахъ древнихъ русскихъ въ Табаристанъ. Б. Дорна. Спб. 1875 г., LVI и 718 стр., съ картами и таблицами.

Этотъ объемистый томъ, составляющій приложеніе къ XXVI тому Записокъ имп. академіи наукъ — плодъ многолѣтнихъ и тщательныхъ изысканій нашего почтеннаго ученаго оріенталиста. Несмотря на спеціальность и неразлучную съ нею сухость, происходящую отъ перечисленія ча-

Οὐκ ἀφῆκεν αὐτὴν, ἕως ἤνεγκεν αὐτὴν σκῆπτρα καὶ βασιλείας
καὶ ἐξουσίαν τυραννούντων αὐτῆς· ψευδεῖς δὲ ἔδειξε τοὺς νω-
μησαμένους αὐτὴν, ἢ ἔδωκεν αὐτῇ δόξαν αἰώνιον. 60.

Admiratione uirtutis, quam Deus in luce populorum posuit,
Scalpsit Lucas Kilianus Augustæ Vind. An. MDCVI.

ЛЖЕДИМИТРІЙ ПЕРВЫЙ.

По поводу современнаго его портрета

1606 г.

Въ тотъ періодъ нашей исторіи, когда московскіе государи Рюриковой династіи медленно собирали русскую землю и распространяли ея предѣлы на счетъ бывшихъ своихъ завоевателей татаръ, пространство, заселенное великорусскимъ племенемъ и всѣми подчиненными ему племенами, было мало извѣстно западной Европѣ. Древняя, всеславянская связь русскаго народа съ Европой, существовавшая въ до-татарскія времена, давно уже предалась забвенію; Московія, какъ называли наше отечество на западѣ, играла для западныхъ европейцевъ такую же роль, какую теперь играетъ Коканъ, Кандагаръ или какое-нибудь другое средне-азіятское государство, куда за нѣсколько лѣтъ едва заѣдетъ любознательный англичанинъ, чтобы потомъ подарить европейской публикѣ свои путевыя замѣтки. Въ старую Россію ѣздили или торговые люди, имѣвшіе цѣлью всей жизни матеріальную наживу, или посольства изъ Польши, Германіи и другихъ сосѣднихъ странъ. Ни тѣмъ, ни другимъ не было большой охоты знакомиться со своеобразнымъ бытомъ чуждаго для нихъ края и описывать его. Исключеніе составлялъ Сигизмундъ Герберштейнъ, который, будучи имперскимъ посломъ, такъ хорошо присмотрѣлся къ московской странѣ, ея быту и образу жизни, что оставилъ сочиненіе, поражающее насъ и теперь добросовѣстностію автора столько же, какъ и вѣрностію переданныхъ имъ извѣстій. Герберштейнъ, въ его вѣкъ, былъ, можно сказать,

одинъ въ своемъ родѣ: никто изъ предшествовавшихъ его посѣтителей Россіи и изъ современниковъ его, переходившихъ за таинственный, не для всѣхъ открытый, рубежъ этой страны, не могъ сравниться съ Герберштейномъ въ достоинствахъ свѣдѣній, какія могъ тогда сообщить о Россіи познакомившійся съ нею иноземецъ. Съ царствованія Ивана Грознаго Европа начинаетъ болѣе знать Россію. Съ нею знакомится Англія; до тѣхъ поръ это была до того чуждая Россіи страна и до того Россія была для нея не вѣдома, что прибытіе на двинскій берегъ эскадры Ричарда Ченслера считалось у англичанъ такимъ же открытіемъ новыхъ странъ на земномъ шарѣ, какимъ были подвиги Колумба и его послѣдователей. Англія не только познакомилась съ Россіей, но даже подружилась съ нею; а такъ какъ Англія и въ тотъ вѣкъ стояла безмѣрно выше по образованію и политическому строю надъ Россіею, то и неудивительно, что англичане стали самыми безжалостными эксплоататорами экономическихъ силъ русской земли. Но съ этихъ поръ горизонтъ свѣдѣній о Россіи по всей Европѣ значительно расширился. Этому способствовало еще и слѣдующее обстоятельство. Пока Россія въ своей текущей исторіи не представляла для Европы ничего дивнаго, ничего сказочнаго, ничего необыкновеннаго, интересъ къ ней не могъ на западѣ проникнуть въ массы публики; но личность Ивана IV заключала въ себѣ нѣчто такое, что невольно останавливало на себѣ воображеніе, приводило въ ужасъ, оставляло какую-то загадочность. Слухи о его свирѣпствахъ, о дикихъ и вычурныхъ казняхъ, совершаемыхъ въ Александровской слободѣ, послужили поводомъ къ составленію не одной книги, которой авторъ ясно выказывалъ цѣль потѣшить своихъ читателей страшными, но занимательными разсказами анекдотическаго свойства. За грознымъ царемъ совершились въ Россіи одни за другими событія, которыя такъ и просились въ подобные разсказы. Такова была, напримѣръ, судьба Бориса и его семьи; но болѣе всего—чудная судьба царевича Димитрія, о которомъ десятки лѣтъ современники не въ состояніи были рѣшить: точно-ли этотъ царевичъ былъ умерщвленъ въ отрочествѣ, или же, чудеснымъ образомъ спасенный, явился на царство на короткое время, чтобы заплатить жизнію за предпочтеніе, оказываемое обычаямъ просвѣщенной Европы—обычаямъ варварской Московіи. Лицо царствовав-

шаго подъ именемъ Димитрія было до того загадочно, что послѣ него проходили столѣтія, а историкъ, обратившись къ нему, все продолжалъ становиться втупикъ надъ вопросомъ: кто и что была эта личность? Событія жизни перваго самозванца и вся послѣдовавшая за нимъ московская трагедія съ цѣлымъ рядомъ ложныхъ Димитріевъ, съ поляками, шведами, казаками, боярами-предателями и народомъ, спасавшимъ погибающее отечество — все это послужило явленію историческихъ описаній почти на всѣхъ европейскихъ языкахъ. Можно смѣло сказать, что ни объ одномъ изъ событій нашей древней исторіи не было писано въ Европѣ столько книжекъ и брошюръ, какъ о личности, открывшей собою цѣлый рядъ плутовъ, принимавшихъ на себя имя Димитрія. Не удивительно, что и современные портреты этого страннаго человѣка явились въ Германіи въ гравюрахъ, тогда какъ, сколько намъ извѣстно, никого еще тамъ не гравировали изъ государей, царствовавшихъ въ далекой Московіи.

Приложенный здѣсь портретъ—работы Луки Киліана, аугсбургскаго художника. Трудно намъ рѣшить, съ какого оригинала производилъ Киліанъ свою гравюру и была-ли она кѣмъ-нибудь ему заказана. Насколько намъ сохранились свѣдѣнія объ этомъ Киліанѣ, мы не видимъ въ нихъ ничего, чтобы указывало на обстоятельства, поставлявшія этого художника въ близкое соотношеніе съ московскимъ царемъ, или его роднею, которая могла бы заказать ему этотъ портретъ. Составленіе догадокъ ни къ чему не ведетъ. Очень можетъ быть, что Киліанъ задумалъ составить эту гравюру, когда ему попался въ руки портретъ и вмѣстѣ съ нимъ одно изъ тѣхъ занимательныхъ описаній похожденій Димитрія, которыхъ тогда ходило довольно. Какъ бы то ни было, портретъ самозванца, очевидно, сдѣланъ былъ при его жизни, или, быть можетъ, тогда, когда вѣсть о его смерти не разошлась еще по Европѣ, и художникъ считалъ его живымъ и царствующимъ въ Москвѣ: это показываетъ надпись вокругъ портрета. Гравюра Киліана уже была издана покойнымъ княземъ Михаиломъ Андреевичемъ Оболенскимъ, (въ 1839 г., гравир. Скотниковъ, но въ такомъ небольшемъ количествѣ экземпляровъ, что не могла составить достоянія многочисленной публики. Теперь эта гравюра издается въ количествѣ, равномъ количеству экземпляровъ «Русской Старины», и есть надежда, что не пропадетъ для занимающихся и интересующихся русской исторіей.

Много у насъ было толковъ о томъ, кто такой былъ первый самозванецъ и какого характера былъ этотъ человѣкъ. Тотчасъ послѣ его низверженія новое правительство увѣряло народъ, что онъ былъ бѣглый іеродіаконъ Чудова монастыря Григорій Отрепьевъ, то есть то самое лицо, какимъ его объявили народу при Борисѣ, когда названный Димитрій готовился съ толпою польскихъ и южно-русскихъ удальцовъ перейти рубежъ московскаго государства, чтобы сорвать корону съ похитителя. Это мнѣніе мало принималось въ то время народомъ: лучшимъ тому доказательствомъ служитъ то, что предъ воровскими знаменами втораго самозванца склонялись города за городами, области за областями и толпы всякаго чина людей бѣжали въ тушинскій лагерь, какъ въ обѣтованную землю, и только совершенной неспособности царика-вора, да безчинству поляковъ, помогавшихъ ему, обязанъ былъ Шуйскій тѣмъ, что тушинскій воръ не добрался до Кремля и не стащилъ царя Василія съ престола. Должно быть доводы, представляемые православному люду о томъ, что царствовавшій Димитрій былъ никто иной, какъ воръ-разстрига Гришка Отрепьевъ, казались современникамъ не слишкомъ вѣскими; но протекли годы за годами—ужасные годы тяжкихъ бѣдствій—годы страшнаго лихолѣтія, о которомъ у велико-русскаго народа сохранилось въ памяти, что тогда на всей Руси осталась едва десятая часть всего народонаселенія, число свидѣтелей появленія перваго Димитрія убывало, а ихъ дѣти и внуки могли говорить только то, что слыхали отъ отцовъ, либо отъ грамотныхъ духовныхъ, единственныхъ проводниковъ книжнаго просвѣщенія на родинѣ. Обращались къ писаннымъ книгамъ, но въ нихъ находили то, что нѣкогда угодно было правительству: царствовавшій подъ именемъ Димитрія былъ воръ, еретикъ, чародѣй, разстрига, который «Божьимъ попущеніемъ, при помощи діавола и при содѣйствіи іезувитовъ, восхотѣвшихъ искоренить православную вѣру греческаго закона и ввести въ россійское царство латинскую вѣру, обманулъ множество народа и на превысочайшій московскій престолъ аки песъ вскочилъ». Такимъ и остался онъ на долго. Мало подвергая критикѣ источникъ, откуда воспріяло начало мнѣніе о томъ, что царствовавшій подъ именемъ Димитрія былъ Гришка Отрепьевъ, позднѣйшіе историки наши вѣрили въ это потому, что такъ говорили стародавніе лѣтописцы и всякія царскія грамоты.

Мы не станемъ повторять нашихъ доводовъ, помѣщенныхъ въ нашемъ сочиненіи: «Смутное время Московскаго государства въ началѣ XVII столѣтія». Желающихъ узнать наше мнѣніе просимъ обратиться въ вышепомянутому нашему сочиненію. Не станемъ также повторять доказательствъ, что названный Димитрій не былъ настоящимъ царевичемъ. Но если онъ не настоящій Димитрій, то остается вопросъ: сознательно-ли онъ принялъ на себя это имя, будучи внутренно убѣжденъ, что онъ на самомъ дѣлѣ не царевичъ, или же онъ съ дѣтства былъ наученъ и подготовленъ другими, такъ что и самъ искренно вѣрилъ, что онъ Димитрій? Его характеръ, какъ мы сказали, сильно побуждаетъ къ послѣднему предположенію. Но есть одно обстоятельство, не позволяющее признать, что самозванецъ былъ наученъ другими въ такой степени, что вполнѣ вѣрилъ, что онъ Димитрій-царевичъ. Такая увѣренность могла быть при такомъ только условіи, когда бы Димитрія, для его спасенія, подмѣнили еще въ то время, о которомъ онъ не могъ имѣть никакой памяти, т. е. колыбельнымъ младенцемъ, или, по крайней мѣрѣ, не старше четырехъ, или пяти лѣтъ. Но событіе убійства царевича въ Угличѣ совершилось въ 1591 году, когда царевичу было почти девять лѣтъ. Между тѣмъ, король Сигизмундъ III, послѣ свиданія съ самозванцемъ въ Краковѣ, писалъ панамъ письма, въ которыхъ излагалъ свѣдѣнія, сообщенныя ему при личномъ свиданіи московскимъ царевичемъ о своемъ чудесномъ спасеніи. Одно изъ такихъ писемъ съ собственно-ручною подписью королевской руки къ пану Зеновичу находится въ рукописномъ собраніи императорской публичной библіотеки. Сигизмундъ извѣщаетъ, что царевичъ разсказываетъ, будто его спасли въ ту самую ночь, когда, по повелѣнію Бориса, злодѣи пришли убить его. Возможно-ли послѣ этого, чтобы человѣкъ, разсказывающій о событіи, случившемся въ то время, когда ему былъ девятый годъ отъ роду, могъ искренно вѣрить въ совершеніе этого событія, тогда какъ оно совершилось не надъ нимъ, а надъ другимъ лицомъ.

Такимъ образомъ это письмо Сигизмунда не допускаетъ признавать въ названномъ Димитріѣ невольнаго обманщика, обманывающаго другихъ въ томъ, въ чемъ самъ онъ былъ заранѣе обманутъ. Согласно съ этимъ извѣстіемъ, сохранившемся въ письмѣ Сигизмунда, понялъ нашего названнаго Димитрія и Янъ Замой-

скій, одинъ изъ образованнѣйшихъ, гуманнѣйшихъ и правдивѣйшихъ людей тогдашней Польши, благородный защитникъ совѣсти и всякихъ убѣжденій, нелюбимый коварнымъ Сигизмундомъ и ненавидимый наставниками послѣдняго — іезуитами.

Въ самомъ дѣлѣ, при началѣ поприща названнаго Димитрія, кто вѣрилъ въ его царское происхожденіе въ Польшѣ?—Мнишекъ, желавшій блестящимъ образомъ устроить дочь свою, да и самому нажиться на счетъ московскаго государства,—Мнишекъ, человѣкъ, не пользовавшійся уже издавна доброю репутаціею въ Польшѣ, человѣкъ, котораго считали обокравшимъ покойнаго короля Сигизмунда-Августа въ часъ его кончины въ замкѣ Кнышинѣ: да его родственники Вишневецкіе, которые въ этомъ вопросѣ превосходно себя заявили, когда Адамъ Вишневецкій первый, какъ извѣстно, признавшій въ своемъ служителѣ настоящаго царевича, былъ одинъ изъ первыхъ, признавшихъ за того же настоящаго Димитрія втораго самозванца, появившагося черезъ годъ послѣ того, какъ первый сложилъ голову. Затѣмъ признали его іезуиты, которые были готовы на всякій обманъ, слѣдуя правилу своего ордена употреблять безъ разбора всякія средства для распространенія власти папы и римско-католической вѣры. Стоитъ только просмотрѣть годовыя замѣтки іезуитскаго ордена (Annuæ Societates Iesu), чтобы видѣть, на какіе безстыдные обманы были способны эти господа, умышленно проводившіе въ общество господство мрака, суевѣрія и обмана. Вотъ друзья и сторонники названнаго Димитрія въ Польшѣ. Припомнимъ извѣстную поговорку: «скажи намъ, съ кѣмъ ты друженъ и я скажу, кто ты таковъ!»

Если Димитрій не былъ Гришка и притомъ не былъ ни настоящимъ царевичемъ, ни увѣреннымъ, съ голоса другихъ, что онъ царевичъ, то кто бы онъ ни былъ, онъ все-таки обманщикъ, плутъ. Какъ же согласить это съ тѣми свѣтлыми чертами, которыя проявлялись въ его характерѣ? Мы, конечно, не все въ подробности знаемъ о жизни этого человѣка; но если вѣрить разсказамъ голландца Массы (а не вѣрить ему — онъ нигдѣ не подаетъ повода), то за царемъ Димитріемъ водились очень не симпатичные признаки циническаго разврата, да наконецъ, его поступокъ съ Ксеніей Борисовной не очень говоритъ въ пользу его высокой нравственности. При томъ же въ свое кратковременное царствованіе онъ много наговорилъ хорошаго, много

надавалъ надежду, но мало привелъ ихъ въ исполненіе. Хорошія фразы еще не даютъ права плѣняться душою и умомъ произносящаго эти фразы. Наконецъ, даже нѣсколько свѣтлыхъ и великодушныхъ поступковъ не должны приводить насъ къ такому заключенію, что обманщикъ не въ состояніи сдѣлать этихъ поступковъ: нужно быть только умнымъ, чтобы дѣлать добро, соображая, что оно будетъ полезно для насъ. Такимъ образомъ насъ поражаетъ до безразсудства великодушный поступокъ его съ княземъ Шуйскимъ. Если кого, то ужъ болѣе всѣхъ долженъ былъ бояться самозванецъ этого Шуйскаго. Достаточно было того, что Шуйскій, производившій слѣдствіе въ Угличѣ и лично видѣвшій трупъ убитаго царевича Димитрія, никакъ не могъ повѣрить въ истинность царствовавшаго въ то время человѣка, подъ именемъ убитаго въ Угличѣ Димитрія. И, однако, самозванецъ не взвѣсилъ этого обстоятельства. Шуйскій обвиненъ въ заговорѣ противъ царя, обличенъ на судѣ, приговоренъ къ плахѣ и — прощенъ, помилованъ тѣмъ царемъ, на котораго онъ злоумышлялъ. Можетъ-ли, скажемъ мы невольно, такъ поступать хитрый обманщикъ? А между тѣмъ, всмотрѣвшись въ обстоятельство, можно признать, что самозванцемъ руководила надежда пріобрѣсть въ Шуйскомъ постояннаго друга и вѣрнаго слугу. Самозванецъ ошибся. Онъ нажилъ въ немъ свою погибель; но тутъ можно видѣть въ самозванцѣ, вмѣсто великодушія, значительную долю безразсудства, происходящаго отъ неопытности, свойственной молодымъ лѣтамъ. Какъ бы то ни было, но всѣ свѣтлыя черты названнаго Димитрія даютъ намъ право считать его въ извѣстной степени умнымъ, поэтическимъ и даже добросердечнымъ, но всего этого еще недостаточно, чтобы признавать его честнымъ и считать чуждымъ лжи и обману. Да и мало-ли видимъ мы историческихъ дѣятелей, способныхъ на добрыя дѣла и въ тоже время готовыхъ на коварство и лукавство во имя политики.

Въ этомъ случаѣ портретъ, въ настоящемъ нумерѣ помѣщаемый, очень краснорѣчивъ и дополняетъ наше представленіе о томъ, что́ за человѣкъ былъ названный Димитрій. Всматриваясь на этомъ портретѣ въ черты лица его, нельзя не видѣть личности, очень не симпатичной, не внушающей довѣрія. Мы увѣрены, что никто бы не рѣшился дать въ займы денегъ неизвѣстной личности съ подобной физіономіей, а еще менѣе положиться на нее въ

какомъ-нибудь важномъ дѣлѣ. Если справедливо, что физіономія есть вывѣска души, то нельзя сказать, чтобы физіономія, которую передалъ Лука Киліанъ, выражала благородную, честную душу. Самозванецъ не красивъ, но не это—порокъ его физіономіи. Много есть людей не красивыхъ по формамъ, но привлекательнымъ по выраженію лица, глазъ, рта, улыбки и проч. О названномъ Димитріѣ, по передачѣ Луки Киліана, никакъ нельзя этого сказать.

Николай Костомаровъ.

ЗАПИСКИ МИХАИЛА ГАРНОВСКАГО.

1786—1790.

Небольшое собраніе обнародованныхъ записокъ русскихъ дѣятелей, современниковъ императрицы Екатерины II, увеличивается новымъ историческимъ памятникомъ: Записками артиллеріи полковника Михаила Гарновскаго. Управитель домовъ, дачъ и стекляннаго завода князя Г. А. Потемкина въ Петербургѣ—Гарновскій вѣдалъ въ отсутствіе князя изъ столицы всѣми его дѣлами, какъ по его обширному хозяйству, такъ и по предмету его порученій при дворѣ, у государственныхъ дѣльцовъ, у людей «случая», наконецъ, во всевозможныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ.

Довѣріе и полномочія, данныя Потемкинымъ Гарновскому, обезпечили ему пріемъ и довѣріе при дворѣ. Всѣ двери ему были отворены; съ нимъ бесѣдовали и его требованіямъ уступали: графъ Безбородко, генералъ-прокуроръ князь Вяземскій, ему повѣряли свои тайныя думы и намѣренія «люди случая»—Мамоновъ, Зубовъ, наконецъ, его принимала императрица Екатерина: чрезъ него шли деньги, письма, посылки и разныя порученія къ князю Потемкину.

Обо всемъ видѣнномъ и слышанномъ, начиная съ дѣлъ государственной важности и кончая толками при дворѣ и въ городѣ, писалъ Гарновскій еженедѣльно, иногда два-три раза въ недѣлю, къ правителю канцеляріи Потемкина, къ его «правой рукѣ», Василію

Степановичу Попову; писалось же это для немедленнаго сообщенія общему ихъ начальнику, который, благодаря обширнымъ обозрѣніямъ всего видѣннаго и слышаннаго его повѣреннымъ, могъ зорко слѣдить за положеніемъ дѣлъ въ Петербургѣ и при дворѣ.

Донесенія Гарновскаго по формѣ не письма, а какъ бы отдѣльныя, несшитыя страницы записокъ, почти ежедневникъ. Въ самомъ дѣлѣ, лишь немногія изъ нихъ начинаются обращеніемъ: «Милостивый государь Василій Степановичъ» и оканчиваются увѣреніями въ чувствахъ; бо́льшая же часть написаны безъ всякихъ обращеній и всѣ на большихъ листахъ синеватой бумаги, бойкою скорописью, безъ помарокъ, очевидно тотчасъ послѣ того или другаго событія, послѣ разговора съ государыней или съ кѣмъ-либо изъ ея приближенныхъ, который подъ самымъ живымъ впечатлѣніемъ дословно и передается Гарновскимъ.

Записки Гарновскаго сохранились въ бумагахъ А. И. Левшина и притомъ столь бережно, что на многихъ страницахъ не осыпался еще золотистый песокъ, которымъ они были засыпаны; перешли онѣ къ А. И. изъ бумагъ В. С. Попова. Долгомъ считаемъ поблагодарить Алексѣя Ираклiевича за его вполнѣ важное для исторіи Екатерины II сообщеніе; при этомъ съ признательностью вспомнимъ о покойномъ М. Н. Лонгиновѣ, который привелъ въ хронологическій порядокъ отдѣльные листы печатаемыхъ нынѣ Записокъ.

Дошедшія до насъ Записки Гарновскаго (будемъ такъ и называть его обозрѣнія или донесенія о событіяхъ государственной, общественной и придворной жизни) объемлютъ 1786—1790 гг.; изъ предъидущихъ годовъ имѣемъ мы одно его донесеніе 1783 г., которое и помѣщаемъ въ началѣ. Изъ первыхъ же страницъ читатель увидитъ въ какой степени интересны Записки Гарновскаго и насколько важны онѣ для характеристики Екатерины II и ея главнѣйшихъ сподвижниковъ въ послѣдній періодъ ея царствованія.

Ред.

1783 г.

Въ Царскомъ Селѣ, іюня 6-го.

Разныя суммы, какъ-то: на строеніе херсонское за майскую треть (1783 г.), плотникамъ при адмиралтействѣ херсонскомъ за іюнь мѣсяцъ, экстраординарная на іюнь же мѣсяцъ, за вычетомъ изъ сей послѣдней, по предложенію его сія-тва князя Александра Алексѣевича (Вяземскаго), по извѣстному якобы его св-сти расчету 14,335 рублей 90 копѣекъ съ четвертью, отправлены въ Херсонъ 4-го іюня въ четырехъ повозкахъ, на двѣнадцати лошадяхъ, потому что въ число экстраординарной суммы отпущено 50,000 рублей серебряною монетою; и какъ не вся сумма къ полученію здѣсь назначена, а 129,916 руб. 10 коп. слѣдуетъ получить изъ Москвы, то, для полученія и доставленія и оныхъ въ Херсонъ, отправленъ г. Сорокинъ по московскому тракту.

Петръ Степановичъ (Валуевъ), сказывая мнѣ, что пишетъ къ нему Захаръ Зотовъ о присылкѣ туда куба, хотѣлъ, чтобы я оный послалъ вмѣстѣ съ казною; но какъ подъ казну и безъ сего не малое число лошадей взято, а подъ кубъ, въ разсужденіи великости и тягости его, надобно нарядить было двѣ особливыя повозки, да и не положивши его и трубы, къ нему принадлежащія, каждую вещь въ особый ящикъ, везти нельзя, то я отъ сей коммисіи отказался, тѣмъ болѣе, что на сіе отъ васъ повелѣнія не имѣю.

Артиллеріи офицеръ г. Меіеръ и Преображенскаго полку первый барабанщикъ на сихъ дняхъ отправятся туда.

О племянникѣ Александра Андреевича (Безбородко), г. капитанѣ Новицкомъ, выстряпалъ я, по приказанію вашему, и скорое представленіе, и скорую резолюцію. Опредѣленіе еще четвертаго дня подписано его сія-вомъ здѣсь, въ Царскомъ Селѣ, хотя, впрочемъ, коллежскія дѣла не иначе какъ по середамъ въ коллегіи подписывать изволитъ.

Шествіе Ея И. В-ва въ Фридрихсгамъ, которое назначено было 9-го іюня, отсрочено нынѣ до 15-го сего же мѣсяца, по случаю полученныхъ извѣстій, что е. в. король шведскій руку переломилъ.

25-го мая (1783 г.) присланъ, при сообщеніи изъ с.-петербургскаго губернскаго правленія, въ коллегію адъютантъ г. генералъ-маіора Зорича, Мейнерсъ, съ обвиненіемъ въ размѣнѣ онымъ фальшивой ассигнаціи. Я съ онаго сообщенія и съ приложеній при ономъ посылаю при семъ копіи, донося при томъ, что оригиналы сообщены отъ имени его сія-ва при письмѣ г-ну генералъ-прокурору со испрошеніемъ резолюціи, какимъ образомъ въ семъ случаѣ поступить. Отзыва на сіе не было, а слышу, что по оному Ея В-ву докладывано, и третьяго дня посланъ отъ кн. Александра Алексѣевича (Вяземскаго) курьеръ къ Зоричу о задержаніи его [1]).

Сію минуту взошло въ коллегію представленіе отъ генералъ-провіантмейстера о возвратѣ въ провіантскую канцелярію издержанныхъ оною на экстраординарные расходы суммы. Я оное препровождаю къ вамъ, покорнѣйше прося снабдить меня повелѣніемъ, что̀ по оному дѣлать? Его сія-во приказалъ заготовить по оному докладъ Ея В-ву; но, какъ мнѣ кажется, въ вѣдомости, приложенной при томъ представленіи, много лишняго написано, то я съ докладомъ о сей суммѣ удержусь, доколѣ не получу вашего повелѣнія.

Посылается при семъ также пакетъ отъ его прев-ва Михайлы Сергѣевича (Потемкина) и при ономъ посылка въ ящикѣ на имя его св-сти; два письма отъ его сія-ва графа Валентина Платоновича (Мусина-Пушкина) и указы коллежскіе на имя же князя; пакетъ и два письма къ князю Василью Васильевичу (Долгорукому) и нѣсколько писемъ на имя ваше.

1786 г.

Декабрь.

14-го числа сего мѣсяца, по утру, присылалъ за мною гр. Александръ Андреевичъ (Безбородко), чтобъ я къ нему немедленно явился. Пришедши въ ту Ея В-ва комнату, гдѣ иногда гг. докладчики, по выходѣ изъ кабинета Ея В-ва, занимаются разсмотрѣніемъ бумагъ, засталъ я графа, пишущаго письмо, не знаю къ кому, которое кончивши, онъ отдалъ г. Ефремову, коему также

[1]) Семенъ Гавриловичъ Зоричъ, флигель-адъютантъ Екатерины, пользовался значеніемъ при дворѣ въ теченіе одиннадцати мѣсяцевъ, съ 8-го іюня 1777 года.

нѣчто въ ухо шепнулъ. Тутъ я его сія-ву поклонился и графъ, отведя меня въ сторону, имѣлъ со мною слѣдующій разговоръ:

Гр. Безбородко. Скажите пожалуйста, топятся-ли княжіе покои, чисты-ли они и есть-ли въ оныхъ какія ни есть бумаги?

Г. Покои исподоволь топятся, чисты, и имѣются не только бумаги, но и другія вещи, изъ коихъ многія хранятся въ такихъ комнатахъ, въ коихъ двери заперты, запечатаны, и до коихъ коснуться я власти не имѣю.

Примѣчаніе (Гарновскаго). Когда г. Завадовскій изъ дворца удалился, то отъ графа Александра Андреевича (Безбородко), провѣдавшаго тогда, что покои его прев-ства назначены были для его свѣтлости племянницъ, отданъ былъ приказъ всѣмъ служителямъ г. Завадовскаго, чтобъ они сказали, что въ стоящихъ въ тѣхъ комнатахъ комодахъ хранятся нужныя казенныя бумаги, если о томъ спрошены будутъ. Мнѣ сіе вдругъ пришло на мысль, и не зная, на какой конецъ учиненъ мнѣ былъ вышеписанный вопросъ, я для того и отвѣтствовалъ, что во многихъ комнатахъ хранятся вещи и бумаги.

Гр. Б. Государынѣ покои нужны не болѣе какъ дни на четыре или на пять. Княжія комнаты удобнѣе прочихъ. Не худо, если бы онѣ были теплы и чисты, и какъ нельзя статься, чтобы княжія вещи и бумаги хранились во всѣхъ покояхъ, то какія изъ нихъ менѣе другихъ заняты бумагами?

Г. Присмотръ за покоями имѣетъ камеръ-лакей и бум....

Гр. Б. Нѣтъ, нѣтъ, не надобно камеръ-лакею говорить; да и ни съ кѣмъ о семъ не говорите. Государынѣ хочется близъ своихъ покоевъ помѣстить предъ отъѣздомъ своимъ на нѣсколько дней принцессъ, дабы онѣ послѣ отъѣзда принцевъ не скучали. То скажите мнѣ, которые изъ княжихъ покоевъ свободнѣе другихъ, и изъ оныхъ бумаги уберите въ другіе покои; вѣдь это на весьма короткое время.

Г. Тѣ, въ которыхъ жилъ г. Ермоловъ [1]).

(Графъ уходитъ къ Ея В-ву и приказываетъ мнѣ дожидать себя; потомъ, возвратясь оттуда, разговоръ продолжаетъ).

Гр. Б. Пожалуйте никому о семъ не говорите. Тамъ, кажется, есть покоя три или четыре?

Г. Есть.

(Графъ уходитъ вторично къ Ея В-ву, мнѣ не велитъ удаляться и, возвратясь, разговоръ возобновляетъ).

---

[1]) Ермоловъ, Александръ Петровичъ, флигель-адъютантъ Екатерины II. Значеніе его при дворѣ относится къ 1785 году и было непродолжительно (до 15-го іюля 1786 г.).

Гр. Б. Государынѣ покои нужны; ей хочется помѣстить туда принцессъ на самое короткое время, и такъ, пожалуйте, приберите вы бумаги изъ сихъ покоевъ въ другіе. Надобно однако-же, чтобъ они теплы и чисты были, да и въ верхнемъ этажѣ нужно также, чтобъ покои были теплы и чисты, дабы въ оныхъ можно было помѣстить находящихся при принцессахъ женщинъ.

Г. Слышу, я топить прикажу.

Гр. Б. Нѣтъ, нѣтъ, не приказывайте, развѣ сторонним образомъ. Прошу, чтобъ это было секретно.

Г. Слышу.

Гр. Б. Когда-жъ вы къ князю курьера отправите?

Г. Я только ожидаю писемъ отъ вашего сія-ва и коли угодно писать, то и сегодня отправлю.

Гр. Б. Нѣтъ, мнѣ писать нечего; вы можете курьера своего отправить. Мы ожидаемъ отъ князя на наши письма отвѣтовъ; или хорошо, подождите до заутра, я напишу.

Г. Слышу. Не благоугодно-ли доложить и Ея И. В-ву.

Гр. Б. Хорошо, хорошо.

(Я хотѣлъ было откланяться, но графъ сказалъ: «погодите». Тутъ камеръ-юнгфера позвала графа къ Ея В-ву и графъ возвратясь началъ мнѣ паки говорить).

Гр. Б. Я чаю, что государыня до помѣщенія туда принцессъ, пошлетъ напередъ камердинера своего осмотрѣть тѣ покои, а вы, между тѣмъ, бумаги приберите, или же государыня мнѣ прикажетъ, а вы отъ меня приказаніе получите, а можетъ быть, и отъ Александра Матвѣевича (Мамонова). Кто-нибудь изъ насъ дастъ вамъ знать о семъ дни за два напередъ. Пожалуйте только никому не сказывайте.

Г. Слышу.

Послѣ сего откланялся я, а графъ и еще разъ подтвердилъ мнѣ держать сіе въ секретѣ.

Размышляя о семъ прерывномъ и страннымъ для меня показавшемся разговорѣ, я не въ состояніи отгадать, чтóбы оный значилъ. Если бы покои дѣйствительно назначены были для принцессъ, то какая нужда держать намѣреніе сіе въ секретѣ? Развѣ только для того, чтобъ помѣщеніемъ симъ не подать публикѣ повода думать, что будто бы у свѣтлѣйшаго князя покои отъимаютъ? Но тѣмъ благопріятство графа Александра Андреевича

(Безбородко) такъ далеко не простирается. Не утверждаю, а догадываюсь, что подъ претекстомъ помѣщенія принцессъ, покои сіи на что-нибудь другое назначаются.

Нѣтъ почти ни малѣйшихъ слѣдовъ думать, чтобъ это было предзнаменованіе смѣны Александра Матвѣевича (Мамонова), который, кажется, состоитъ въ милости и въ милости чрезвычайно великой; однако-жъ при дворѣ нерѣдко и наканунѣ паденія ласкаютъ. Впрочемъ, событію сему хотя и невѣроятно, однако же и не невозможно, и ежели покои назначаются не на сей предметъ, то тѣмъ менѣе, мнится мнѣ, на пятидневное помѣщеніе принцессъ, которыя хотя, наконецъ, и будутъ туда помѣщены, но, можетъ статься, для того только, чтобъ симъ происшествіемъ прикрыть тайну, которая уповательно, между тѣмъ, имѣетъ быть произведена въ дѣйство. Не даромъ графъ (Безбородко) твердилъ мнѣ, чтобъ я никому о семъ не говорилъ. Легко быть можетъ и то, что тутъ ничего болѣе не кроется, кромѣ точію помѣщенія принцессъ, и что не велѣно говорить о семъ по причинѣ существующаго нынѣ между двумя половинами двора несогласія.

Означенные покои я топить приказалъ подъ претекстомъ могущаго нечаяннымъ образомъ воспослѣдовать прибытія сюда его св-сти, а подъ симъ претекстомъ и я, до отъѣзда Ея В-ва, недремлющимъ окомъ во дворцѣ продежурить намѣренъ.

15-го числа (декабря), ходилъ я къ гр. Александру Андреевичу (Безбородко) за обѣщаннымъ письмомъ, но графъ сказалъ мнѣ «заутра напишу» и потомъ началъ у меня спрашивать.

Гр. Б. Росписанія о войскахъ и о шефахъ по командѣ еще не посланы?

Г. О войскахъ посланы давно, а о шефахъ не знаю. Можетъ быть и объ оныхъ отъ его св-сти уже послано.

Гр. Б. Графъ Валентинъ Платоновичъ (Мусинъ-Пушкинъ) находится, кажется, въ Таврическомъ гренадерскомъ полку? командуетъ-ли онъ онымъ?

Г. Графъ состоитъ шефомъ въ Сибирскомъ гренадерскомъ полку, но не командуетъ онымъ, потому что сей полкъ находится въ командѣ у графа Петра Александровича Румянцова-Задунайскаго.

Гр. Б. Да, такъ, въ Сибирскомъ; у меня есть росписаніе.

Послѣ сего графъ пошелъ домой пѣшкомъ, а г. Ефремовъ спросилъ у меня: «Что покои?» Я отвѣтствовалъ ему, что покои стоятъ на своемъ мѣстѣ.

— «Они назначены на нѣкоторое секретное употребленіе», сказалъ онъ мнѣ.

— А на какое? спросилъ я его.

— «Не знаю», отвѣтствовалъ онъ.

Г. Новицкій, находившійся тутъ же, когда меня графъ спрашивалъ о росписаніяхъ, спросилъ меня, по выходѣ его сія-ства, чтобы это значило, что о шефахъ о сю пору не послано? Да у васъ и многія дѣла залеживаются, вѣрно графъ не самъ отъ себя, но по повелѣнію государыни о семъ справлялся?

Я отвѣтствовалъ, что дѣла у насъ идутъ своимъ порядкомъ, такъ какъ и вездѣ.

Александръ Матвѣевичъ (Мамоновъ) говорилъ, между прочимъ, Ея В-ву, что ему «при дворѣ жить очень скучно» и что «между придворными людьми почитаетъ онъ себя», такъ какъ между волками въ лѣсу». Не наскучилъ бы онъ таковыми отзывами прежде времени.

Гр. Александръ Андреевичъ (Безбородко) открылъ ему было нѣчто мнѣ неизвѣстное, которое принято было Александромъ Матвѣевичемъ (Мамоновымъ) за знакъ отличнаго къ нему графскаго доброхотства; но вскорѣ потомъ открылось, что сообщенная ему тайна была неосновательна. Александръ Матвѣевичъ (Мамоновъ) говорилъ послѣ сего о графѣ Александрѣ Андреевичѣ (Безбородко), что онъ весьма хитръ и что такъ силенъ у царицы, какъ болѣе быть нельзя.

Слышно также, что въ то время, когда вы помѣщены въ число Ея В-ва секретарей и когда графъ Александръ Андреевичъ (Безбородко) пожалованъ гофмейстеромъ, государыня изволила будто бы отзываться, что взнесенныя къ ней о семъ просьбы значатъ не что иное, какъ сдѣланные противъ графа Безбородко заговоры.

Господа гр. Воронцовъ и Завадовскій всячески стараются о пріобрѣтеніи украшенія распятія, Первозваннаго Андрея изображающаго. Петръ Васильевичъ (Завадовскій) весьма прилежно занимается теперь сочиненіемъ устава о ввѣренномъ ему новомъ банкѣ, который онъ предъ отъѣздомъ Ея В-ва кончить на-

вренъ [1]). Сочиняетъ же оной уставъ издатель «Зеркала свѣта», г. Туманской.

Случилось недавно, что Александръ Матвѣевичъ (Мамоновъ) настроенъ былъ поднести государынѣ купленныя Ея И. В-вомъ тысячъ въ 30 руб. серьги, въ то время, когда государыня, купно съ великимъ княземъ (Павломъ Петровичемъ) и великою княгинею (Маріею Ѳеодоровною), разговаривать изволили. Государыня, взявши серьги отъ Александра Матвѣевича (Мамонова), соизволила, показавъ оныя великой княгинѣ, спросить ея высочество: «Madame, comment les trouvez vous?» И какъ онѣ великой княгинѣ весьма понравились, то и были подарены ея высочеству. Великая княгиня была чрезвычайно рада, благодарила государыню и тотчасъ, скинувъ старыя серьги, соизволила вложить новыя. Это было предъ обѣдомъ въ воскресенье.

Послѣ обѣда великая княгиня приказала звать Александра Матвѣевича на другой день къ себѣ. Александръ Матвѣевичъ просилъ на сіе позволенія у Ея И. В-ва, но государыня была симъ крайне недовольна и изволила сказать:

— Ты! къ великой княгинѣ? Зачѣмъ? ни подъ какимъ видомъ. Какъ она смѣла тебя звать.

Послѣ сего Ея И. В-во, призвавъ гр. Валентина Платоновича (Мусина-Пушкина), приказала ему: «Поди тотчасъ къ великой княгинѣ, скажи, какъ она смѣла звать Александра Матвѣевича (Мамонова) къ себѣ. Зачѣмъ? чтобъ этого впредь не было».

Великая княгиня такъ сильно была симъ огорчена, что, плакавши горько, наконецъ, занемогла. Послѣ сего прислана была отъ великаго князя Александру Матвѣевичу въ подарокъ прекрасная, брилліантами осыпанная, табакерка, которую его прев-во показывалъ Ея И. В-ву.

Государыня, посмотрѣвъ оную, изволила сказать: «Ну, теперь ты можешь идти благодарить великаго князя, но съ гр. Валентиномъ Платоновичемъ, а не одинъ». Однако же великій князь отъ принятія сей визиты отказался.

---

[1]) Завадовскій, Петръ Васильевичъ, въ 1786 г. состоялъ при собственныхъ дѣлахъ императрицы и у принятія челобитень. Опредѣленъ одновременно съ Безбородко по рекомендаціи гр. П. А. Румянцева; упоминаемый здѣсь уставъ—государственнаго заемнаго банка, основаннаго 28-го іюня 1786 года.

Г-ну Рибопьеру дозволенъ входъ во внутренніе покои[1]).

На сихъ дняхъ отъѣзжаетъ обратно въ Москву Матвѣй Васильевичъ Дмитріевъ-Мамоновъ, которому пожаловано на дорогу 10,000 руб.

Его прев-во Михайло Сергѣевичъ (Потемкинъ) и ея сіят-во гр. Катерина Васильевна (Скавронская) предпріяли сегодня путь въ Москву. Податель сего отправленъ отсель вмѣстѣ съ ея сія-вомъ, а ея сія-во хотѣла онаго отъ себя съ дороги отправить, и сіе для того, что ея сія-ву хотѣлось писать съ дороги, не знаю, что̀ такое, чего здѣсь писать поопасалась.

Отъѣздъ Ея И. В-ва и ихъ высочествъ имѣетъ послѣдовать отсель въ Царское Село 2-го января 1787 г., а изъ Царскаго Села далѣе Ея В-во изволитъ предпріять путь 7-го января, ихъ же высочества—3-го января.

17-го числа, въ 10 часовъ пополудни, спросили гр. Валентина Платоновича (Мусина-Пушкина) къ государынѣ въ такое время, когда графъ уже спать ложился. Графъ находился у государыни и у ихъ и. в. почти до 3-го часа пополуночи. Примѣчено, что съ сего числа нѣсколько комнатъ Ея И. В-ва въ Эрмитажѣ, гдѣ, кромѣ ночниковъ, ничего по ночамъ не горѣло, освѣщаются нынѣ по всякой вечеръ многими свѣчами. Чуть-ли не живетъ тутъ принцесса Виртембергская, однако же живетъ секретно. Въ сіе же время удалился отселѣ принцъ Виртембергской, по повелѣнію Ея В-ва. Въ чужіе-ли краи онъ поѣхалъ, или въ другое мѣсто—неизвѣстно. Уповательно, что наши покои назначены были для помянутой принцессы, ибо 19-го числа сказалъ мнѣ графъ Александръ Андреевичъ (Безбородко): «По перемѣнившимся обстоятельствамъ покои ваши, кажется, болѣе не надобны, однако же не худо, если они и будутъ на случай готовы».

20-го числа, то есть въ воскресенье, ни великій князь, ни великая княгиня никуда изъ своихъ покоевъ не выходили. Сія половина находится въ великой печали и, Богъ знаетъ, какая тутъ происходитъ разстройка.

---

[1]) Рибопьеръ, Иванъ Степановичъ.

1787 г.

Январь 1787 г.

Принцесса Виртембергская, жившая нѣсколько времени въ Эрмитажѣ, предпріяла путь въ Ревель, гдѣ она, расположась въ пріуготовленномъ для нея замкѣ, до тѣхъ поръ пробыть имѣетъ, пока супружество ея уничтожится законнымъ порядкомъ. Находившійся въ деревняхъ своихъ отставной егермейстеръ Польманъ, бывъ сысканъ сюда по имянному указу, отправленъ вмѣстѣ съ принцессою, и имѣетъ находиться при ней чрезъ все время пребыванія ея въ Ревелѣ. Принцъ, супругъ ея свѣт-сти, дѣйствительно удалился отсель, и удалился, какъ нѣкоторые говорятъ, въ чужіе краи. Принцесса, претерпѣвъ отъ принца ужасные побои и опасаясь потерять ноги и руки, коихъ онъ лишить ея предполагалъ, послѣ отъѣзда отсель Е. И. В., приносила Ея В-ву жалобу и чрезъ сіе самое подала поводъ къ скорому его отъѣзду. Вотъ что̀ бо̀льшая часть людей въ городѣ думаютъ объ отъѣздѣ принца; однако̀ же—не всѣ; другіе подозрѣваютъ, будто бы принцу, впадшему въ преступленіе государственное, назначено по секрету пребываніе въ Перновѣ или Ригѣ.

Стеченіе разныхъ обстоятельствъ подало имъ поводъ шептать другъ другу въ уши, будто бы принцъ имѣлъ съ шведскимъ дворомъ опасную здѣшнему государству переписку, о которой г. Шпренгпортенъ преподалъ Ея И. В-ву первое извѣстіе, и какъ графъ Ангальтъ ѣздилъ недавно въ Финляндію, то думаютъ, что и сей посланъ былъ туда для того только, чтобъ развѣдать обстоятельнѣе о подозрительныхъ дѣяніяхъ принца и о взятіи надлежащихъ противу оныхъ предосторожностей.

Говорятъ, яко бы нѣкоторые и въ крѣпости уже по сему дѣлу содержатся. Впрочемъ, какая бы ни была причина внезапнаго принца отъѣзда, нѣтъ въ городѣ ни одного человѣка, не исключая и самыхъ коренныхъ нѣмцовъ, которые бы сожалѣли объ отъѣздѣ его.

Великій князь и великая княгиня, обременены бывши по случаю происшествія сего ужасною печалью, до новаго года изъ своихъ покоевъ никуда не выходили; да ихъ и. в. и къ себѣ, кромѣ гр. Валентина Платоновича (Мусина-Пушкина) и г-жи Бенкендорфши, никого не допускали.

17-го числа прошедшаго мѣсяца, какъ гр. Валентинъ Платоновичъ поднесъ ихъ и. в. и принцу (что случилось предъ самымъ ужиномъ въ комнатахъ ихъ и. в.) касательно отъѣзда сего собственноручныя Ея И. В-ва письма, каждому особое, то принцъ усильно просилъ великаго князя о показаніи ему полученнаго его высочествомъ письма, къ чему и великая княгиня просьбу свою присовокупить изволила. Однако же великій князь изволилъ, какъ я слышалъ отъ достовѣрнаго человѣка, отозваться тако: «Я—подданной россійской и сынъ императрицы россійской, что между мною и ею происходитъ, того знать не подобаетъ ни женѣ моей, ни родственникамъ, ниже кому другому». Его высочество, сказавъ сіе, изволилъ удалиться въ свой кабинетъ и приказалъ принца къ себѣ не допускать.

Я крайне доволенъ, что не наши покои принцессою заняты были, ибо видно, что они для ея свѣтлости назначены были. Заведя о семъ разговоръ съ гр. Валентиномъ Платоновичемъ (Мусинымъ-Пушкинымъ), сказалъ я съ умыслу его сія-ву, что отъ меня для принцессы требовали покоевъ, но что я на уступку оныхъ не былъ податливъ. Графъ отвѣтствовалъ мнѣ: «Ты хорошо сдѣлалъ, а иначе ея высочество изволила бы думать, что и свѣтлѣйшій князь соучаствовалъ въ удаленіи принца».

Его высоч. изволилъ, между прочимъ, проговаривать: «Послѣ отъѣзда Ея В-ва останется въ городѣ еще много людей и именно великой князь и гр. Валентинъ Платоновичъ, графъ Валентинъ Платоновичъ и великой князь». И сіи слова повторялъ его высоч. разъ десять.

1787 г., весною.

Ея и. в. находится въ беременномъ состояніи. Здѣсь носились слухи, что Ея И. В-во далѣе Кіева путешествовать не изволитъ; возвращеніе Ея И. В-ва сюда пророчествовали къ празднику Свѣтлаго Христова Воскресенія. Отвращеніе отъ путешествія въ Крымъ приписывали негодованію на свѣтлѣйшаго князя и новымъ при дворѣ происшедшимъ перемѣнамъ.

Александръ Матвѣевичъ (Мамоновъ) почитался оставленнымъ за болѣзнію въ Нѣжинѣ и отъ двора на всегда удаленнымъ. Нѣкоторые признавали къ престолу приближеннымъ Милорадовича, а другіе—Миклашевскаго. Оглашенныя въ газетахъ царскія милости, въ бытность въ домѣ Миклашевскихъ

явленныя, почитались достовѣрнымъ знакомъ монаршаго къ сей фамиліи благоволенія.

Г-нъ Суденковъ, находящійся теперь съ Миклашевскимъ въ ссорѣ, происшедшей недавно во время размежеванія смежныхъ имъ земель, крайне было пріунылъ, услышавъ вѣсть о возведеніи Миклашевскаго отъ человѣка, недавно сюда изъ дальнихъ мѣстъ чрезъ Нѣжинъ пріѣхавшаго, коего онъ почиталъ не въ числѣ лжепророковъ. Но часа два спустя, получа изъ Кіева, отъ людей, исправно его о всѣхъ происшествіяхъ увѣдомляющихъ, письма и увидя, что въ оныхъ ничего о сказанной ему перемѣнѣ упомянуто не было, ободрился, при чемъ также проговорилъ: «Брехунъ, впредь я ему не повѣрю!»

Я сіе знаю отъ малороссіянина, въ лучшемъ согласіи съ г. Суденковымъ живущаго, но, къ крайнему неудовольствію моему, нынѣ въ отчизну возвратившагося. Чтобъ убавить спѣси у г. Львова, разсѣявшаго здѣсь о себѣ слухи, будто бы онъ у гр. Александра Андреевича (Безбородко) ворочаетъ всѣми дѣлами, а во время болѣзни его и Ея И. В-ву докладываетъ, то г. Суденковъ, какъ я слышалъ отъ него самолично, писалъ, между прочимъ, къ Трощинскому тако: «сказываютъ, что г. Львовъ правитъ у васъ всѣми дѣлами, отпишите, пожалуйте, какими имянно?» Г. Суденковъ, проговоря сіе, сказалъ: «мнѣ кажется, что это Трощинскаго такъ сильно огорчитъ, что онъ употребитъ всѣ способы къ удаленію Львова отъ дѣлъ».

Между многими нелѣпыми слухами, носившимися здѣсь до прибытія его свѣт-сти въ Кіевъ, глупѣе не было сего, что его св-сть находился въ Кременчугѣ недѣли двѣ боленъ, а потомъ удалился въ Нѣжинъ, гдѣ также лежалъ боленъ.

Николай Ивановичъ (Салтыковъ) негодуетъ на невключеніе его въ число шефовъ. Отъ того, съ кѣмъ онъ о семъ говорилъ, слышалъ я слѣдующія его слова: «я не понимаю, за что я обойденъ; я болѣе другихъ служилъ. Развѣ затѣмъ обошли меня, что я нахожусь при ихъ и. в., да вѣдь и гр. Валентинъ Платоновичъ (Мусинъ-Пушкинъ) находится также при ихъ и. в.; или же свѣтлѣйшій князь хочетъ показать свѣту власть свою, что онъ дѣлаетъ то, что̀ хочетъ. Однако же я буду жаловаться на сіе Ея И. В-ву по прибытіи ея сюда».

Кн. Александръ Алексѣевичъ (Вяземскій), отъѣзжая отсель,

говорилъ одному изъ пріятелей своихъ: «когда я возвращусь сюда, то я буду съ Ея И. В-вомъ говорить такъ, какъ теперь говорю съ вами». Толкуютъ слова сіи аки пророчество воскресенія силъ его политичества.

Подношу при семъ сочиненную на кн. Александра Алексѣевича сатиру неизвѣстнымъ сочинителемъ.

1787 г., апрѣль.

Ея высокопр-ство Анна Никитична (Нарышкина), удостоясь получить 29-го марта, въ вечеру, орденъ св. Екатерины, разослала тотчасъ всѣхъ офиціантовъ въ разныя церкви для принесенія благодарственныхъ Богу молебней, да и самъ Александръ Александровичъ (Нарышкинъ) принесъ таковой тогда же въ церквѣ пресвятыя Казанскія Богоматери. Курьеру, привезшему орденъ, подарены 1,000 руб., да золотая табакерка.

Сдѣланныя Кенихомъ, съ превосходнѣйшимъ вкусомъ и искусствомъ, на стекляннomъ его св-сти заводѣ, корзинка съ семью яйцами, поднесенныя Петромъ Степановичемъ (Валуевымъ), посредствомъ гр. Валентина Платоновича (Мусина-Пушкина), наканунѣ Свѣтлаго Христова Воскресенія ихъ и. в., приняты съ изъявленіемъ благодарности весьма благосклонно. Яйцы достались всѣ и. в. молодымъ принцамъ и принцессамъ; но прекрасную корзинку е. и. в. вел. княгиня соизволила оставить у себя, потому что оная ея высоч-ву чрезвычайно понравилась.

Гр. Яковъ Александровичъ (Брюсъ) вступился довольно горячо за Цыгорова, имѣющаго спорное дѣло съ Баруковымъ, коему выданы изъ ломбарда, лежавшіе въ ономъ, Лариновы деньги. Въ сходствіе повелѣнія его сія-ва, дѣло сіе производится въ магистратѣ съ нарочитою, въ пользу Цыгорова, строгостію, и Баруковъ взятъ, 26-го марта, подъ стражу, гдѣ и нынѣ содержится. Находящійся при графѣ у производства губернскихъ дѣлъ надворный совѣтникъ Михайловъ, 30-го числа, обѣдалъ уже у Цыгорова на счетъ будущихъ по оному дѣлу успѣховъ.

Будучи у гр. Якова Александровича 4-го апрѣля на поклонѣ, имѣлъ я случай слышать разговоръ секретарей его сія-ва, о семъ дѣлѣ между собою разсуждавшихъ, коимъ я сказалъ: «ежели Барукова повѣсить приговорено будетъ, то Цыгорову надлежитъ ассигновать на воздухѣ мѣсто аршина два повыше Барукова».

1787 г., апрѣль.

Съ 19-го февраля, то есть со времени прибытія сюда къ Николаю Ивановичу (Салтыкову) курьера, привезшаго ко многимъ разнаго сорта людямъ письма, слухи о болѣзни его свѣт-сти не только возобновились, но и противъ прежнихъ умножились.

Многіе спрашивали меня во дворцѣ, 21-го и 28-го числъ, нѣтъ-ли извѣстій? всѣ-ли наши здоровы? и точно-ли его св-сть изъ Кіева уже выѣхалъ? Нѣкоторые заподлинно утверждаютъ, что Александръ Матвѣевичъ (Мамоновъ) уволенъ для излеченія болѣзней въ чужіе краи.

Одни толкуютъ много о Миклашевскомъ, а другіе—о Милорадовичѣ. Васъ почитаютъ находящимся на кавказской линіи и посланнымъ туда для приведенія тамошнихъ дѣлъ въ порядокъ.

Николай Ивановичъ (Салтыковъ) хранитъ переписку свою съ Ея И. В-вомъ, уповательно касающуюся до ввѣренныхъ воспитанію его принцовъ, такъ секретно, что никто объ оной ничего не знаетъ.

Говорятъ въ городѣ и при дворѣ еще слѣдующее: графы Задунайской и Ангальтъ приносили Ея И. В-ву жалобу на худое состояніе россійскихъ войскъ, отъ небреженія его свѣтлости въ упадокъ пришедшихъ. Его св-сть, огорчась на гр. Ангальта за то, что онъ таковыя вѣсти допускаетъ до ушей Ея И. В-ва, выговаривалъ ему словами, чести его весьма предосудительными. Послѣ чего гр. Ангальтъ требовалъ отъ его св-сти сатисфакціи. Къ сему присовокупляютъ, что Ея И. В-во не благоволитъ къ его св-сти.

Многіе и меня вопрошали, правда-ли это? Г. Суденковъ судитъ о семъ такo: «статься легко можетъ, что гр. Задунайскому взбрело на умъ жаловаться на худое состояніе войскъ. но и то правда, что въ разсужденіи старости лѣтъ не всякъ его сія-ву повѣритъ. Впрочемъ, все это брехня». Къ нему же писано изъ Кіева, что его св-сть въ Каневъ путь предпріять изволилъ.

Многіе не въ пользу его свѣт-сти толкуютъ и то, что его св-сть въ монастырѣ, а не во дворцѣ жить въ Кіевѣ изволилъ; во дворцѣ-де живутъ Ея И. В-ва камеръ-фрейлина, Александръ Матвѣевичъ (Мамоновъ), гр. Петръ Александровичъ (Румянцовъ-Задунайскій) и гр. Ангальтъ.

Сейчасъ былъ нѣкто у меня, которой увѣрялъ меня, что Александръ Матвѣевичъ въ Москву отправился.

Гр. Яковъ Александровичъ (Брюсъ) живетъ съ Петромъ

Васильевичемъ Завадовскимъ въ добромъ согласіи. Недавно отзывался первой о послѣднемъ, что онъ его за первѣйшаго друга почитаетъ.

10-го апрѣля 1787 г.

Получа 6-го апрѣля приказаніе о пріисканіи на мѣсто умершаго Боне другаго искуснаго фабриканта, тотчасъ совѣтовался я о семъ съ г. Германомъ, который отозвался, что онъ, кромѣ того, съ коимъ предполагалъ было условиться прежде Боне, и именно Шейблера, нынѣ въ Копенгагенѣ находящагося, другаго не знаетъ, который бы могъ замѣнить Боне. Вслѣдствіе сего Германъ написалъ къ Шейблеру приглашающее онаго сюда письмо, которое г. Сутерландъ отправилъ 8-го числа къ комисіонеру своему въ Копенгагенъ, для доставленія онаго кому слѣдуетъ для истребованія на оное скорѣйшаго отвѣта. Г-нъ Сутерландъ, съ своей стороны, никого не предлагалъ, потому что онъ, не имѣя съ суконными фабрикантами никакихъ дѣлъ, ни одного изъ нихъ не знаетъ. А хотя онъ и рекомендовалъ мнѣ нѣкоего Кейля, служащаго въ Смоленскомъ драгунскомъ полку поручикомъ, но я не надѣюсь, чтобы служащій въ полку офицеръ могъ на нашей фабрикѣ употребленъ быть съ пользою: ибо невѣроятно, чтобъ хорошій фабрикантъ не умѣлъ ѣсть пріятнѣе офицерскаго хлѣба.

Соображаясь съ пространными знаніями покойнаго Боне въ искусствѣ суконнаго дѣла, то въ Шейблерѣ есть уже маленькій недостатокъ. Сей не разумѣетъ красильнаго дѣла, да, по мнѣнію Германа, врядъ-ли сыщется теперь такой фабрикантъ въ Европѣ, который-бы соединилъ въ себѣ такъ, какъ покойный Боне, знаніе фабриканта суконъ со знаніемъ мастерства красильнаго. Германъ уповаетъ, что за 400 руб. годоваго жалованья лучшаго красильщика суконъ достать можно будетъ; да и заботиться о семъ, по мнѣнію его, надлежитъ предоставить Шейблеру, или другому фабриканту, когда Шейблеръ пріѣхать сюда не согласится.

Впрочемъ, Германъ увѣряетъ, что доколѣ новый фабрикантъ прибудетъ, работы на фабрикѣ не только пріостановиться не долженствуютъ, но и могутъ безпрерывно продолжаться, и именно, можно упражняться пряденіемъ заготовленной въ большомъ количествѣ шерсти и тканіемъ суконъ. Оба сіи рукодѣлья, доколѣ новый фабрикантъ прибудетъ, могутъ съ желаемымъ успѣхомъ

производиться, по данному отъ покойнаго Боне наставленію, подъ присмотромъ находящагося въ Любавичахъ мастера Фринца, коего Германъ отмѣнно хвалитъ. Что же касается до крашенія суконъ и отдѣлки оныхъ, то къ сему не прежде приступить можно будетъ, какъ тогда, когда уже новый фабрикантъ и красильный мастеръ на фабрику прибудутъ.

Говорилъ мнѣ Германъ и еще о какомъ-то фабрикантѣ Гольмѣ, живущемъ въ Нарвѣ, но за искусство сего Германъ не ручается.

1787 г., май.

30-го апрѣля Петръ Васильевичъ Завадовскій сочетался съ графинею Апраксиновою законнымъ бракомъ. Свадьба была въ Гостилицахъ и, сколько мнѣ извѣстно, то, кромѣ Осипа Степановича, другихъ гостей, прошенныхъ со стороны жениха, не было.

Со времени отъѣзда Ея И. В-ва изъ Кіева, не только всѣ непріятные о его св-сти слухи вдругъ умолкли, но и всѣ говорятъ теперь о его св-сти весьма громко.

Говорятъ, что гр. Петръ Александровичъ (Румянцовъ-Задунайскій) просится усильно въ отставку подачею уже вторичнаго Ея И. В-ву письма.

Поговариваютъ также, что его св-сть многимъ полковникамъ, въ томъ числѣ и кн. Дашкову, изволилъ отказать отъ команды; да и Ивану Максимовичу Синельникову пророчествуютъ тоже.

Выступленіе Архангелогородскаго пѣхотнаго полка въ походъ подало поводъ, какъ чужестраннымъ министрамъ, такъ и здѣшнимъ всѣмъ, твердить, что война съ турками почитается неизбѣжною.

И. и. в. Александръ Павловичъ и Константинъ Павловичъ соизволятъ предпріять путешествіе въ Москву мая 22-го или 23-го числъ.

1787 г., весною.

Его и. в. вел. князь наслѣдникъ и супруга его ея в. вел. княгиня соизволили 17-го числа сего мѣсяца предпріять путь въ Царское Село, куда и ихъ и. в. оба принцы (Александръ, Константинъ) и двѣ старшія принцессы (Александра, Елена) отправиться изволили. Младшая принцесса (Марія) оставлена на время здѣсь, дабы не имѣть общенія съ двумя старшими, коимъ имѣетъ быть привита оспа.

Того же числа былъ экзаменъ учащимся въ учрежденной

при Екатерининской больницѣ врачебной школѣ ученикамъ, надъ коими, во время настоящаго отсутствія г. Кельхана, инспекторствуетъ, подъ начальствомъ Петра Васильевича Завадовскаго, г. Рейнессъ. На экзаменѣ присутствовали, сверхъ чиновъ; по должности къ училищу принадлежащихъ, гг. здѣшній градоначальникъ, заемнаго банка начальникъ, здѣшней управы благочинія начальникъ, греческой гимназіи начальникъ, двое врачей, г. купецъ Вейнахтъ и я. Рѣчи, привѣтственная и благодарственная, говорены были на латинскомъ, а диспуты производились на нѣмецкомъ языкахъ.

Вы легко себѣ представить можете картину сего экзамена съ помощію слѣдующихъ примѣчаній. Тотъ, который болѣе прочихъ льстимъ былъ привѣтственною и благодарственною рѣчьми, латинскаго языка, сколько примѣтить можно было, не жалуетъ. Тотъ, кому принадлежало быть диспутамъ судіею, нѣмецкій языкъ почитаетъ языкомъ иноземскимъ; а хотя и былъ тутъ, правда, и такой, который и рѣчи, и диспуты слушалъ съ отличнымъ вниманіемъ, но сей изъ любви къ единицѣ, кромѣ православнаго языка, другихъ не..... Что же касается до Петра Степановича (Валуева) и меня, то кто способнѣе насъ судить о наукѣ ескулаповой? Какъ бы то ни было, по окончаніи экзамена всѣ начальники провозгласили, что они подобнаго училища въ свѣтѣ не видѣли.

Дѣло Барукова производится въ магистратѣ, но графъ Яковъ Александровичъ (Брюсъ) не занимается болѣе онымъ и заниматься не желаетъ.

Говорятъ, что кн. Дашковъ (сынъ кн. Екатерины Романовны Дашковой) проигралъ въ Кіевѣ тысячу двѣсти руб., которые заплачены его св-стію. Политика верхняго парламента предвозвѣщаетъ изъ сего Дашкову великое благополучіе.

По просьбѣ Аладовыхъ, посланъ изъ сената въ Володиміръ указъ о возобновленіи на отдающіеся на откупъ тамошніе питейные сборы торговъ. Г. Завадовскій болѣе трехъ недѣль не приступалъ къ подписанію сенатскаго опредѣленія, да и секретарю тому, который раза съ три покушался ему оное подносить, сказалъ: «что ты мнѣ дѣла подкидываешь?» Не думайте, чтобы онъ для того не приступалъ къ подписанію, что почиталъ просьбу Аладовыхъ незаконною, ибо оная была дѣйствительно законная.

Я увѣренъ, что сей мой единоземецъ давно уже привыкъ доброхотство свое къ его св-сти соображать съ носящимися о его свѣтлости слухами.

1787 г., іюнь.

Вейкартъ, при отъѣздѣ изъ Херсона въ Москву, журнала хотя и не прислалъ, однако же писалъ къ Либериху письмо (я онаго не видалъ), почти слѣдующаго содержанія: Послѣ отъѣзда государыни въ Тавриду остались мы здѣсь, какъ овцы безъ пастыря, или какъ сироты безъ отца и матери. Ѣсть и пить нечего, купить негдѣ, да и кого объ ономъ просить—не знаемъ. Рожерсонъ и Мессингъ, яко люди придворные, поѣхали туда же; а я придворныхъ ухватокъ не знаю, да и никогда оныхъ знать не желаю.

Говорятъ, что нѣкто... недоволенъ указомъ, запрещающимъ дуэли: «какъ можно благородному человѣку искать удовлетворенія за обиду порядкомъ письменнымъ?» Въ наслѣдниковомъ кирасирскомъ полку были предъ симъ весьма частыя дуэли.

Вслѣдствіе полученнаго фирмана, первая изъ сераля рейсъ-эфендія (Безбородко) наложница, Марія Алексѣевна Грекова, сонзволила отправиться на сихъ дняхъ въ Москву, въ препровожденіи кизляръ-аги (черный евнухъ), г. Рубана, казначея бывшаго откупщика Лукина, и не малой свиты, помѣщенной въ двухъ четырехъ-мѣстныхъ и одной двухъ-мѣстной каретахъ, да на нѣсколькихъ россійскаго изобрѣтенія повозкахъ.

Нѣкто изъ донскихъ казаковъ, настигши въ области таврической, въ лицѣ незнакомаго ему человѣка, гр. Фалькенштейна (Іосифа II) спросилъ его: «не въ Петербургъ-ли вы ѣдете?» и какъ графъ отвѣтствовалъ да, то казакъ сказалъ тогда графу: «Братъ мой родной служитъ въ полку Леонова, который находится теперь въ Петербургѣ. Я отъ брата давно уже не имѣю извѣстія, не знаю, живъ-ли онъ? Сдѣлайте одолженіе, отдайте (вручая письмо графу) сіе письмо брату моему повѣрнѣе». И въ самомъ дѣлѣ, графъ прислалъ оное сюда къ римско-императорскому консулу, для доставленія въ собственныя руки Вешинской станицы казаку Селивану Калундаеву. За симъ казакомъ, находившимся верстахъ въ 40 отъ столицы, у содержанія бдѣнію донцовъ ввѣреннаго поста, посланъ былъ нарочный, дабы онъ для полученія письма явился здѣсь къ консулу.

*

Дѣло между Фоминымъ и Собакинымъ [1]) рѣшено въ пользу Фомина; но, три дни спустя послѣ рѣшенія, Фоминъ умеръ.

Слухъ носится, что Харьковская губернія имѣетъ быть присоединена къ намѣстничеству Екатеринославскому. Говорятъ, что его св-сти пожаловано сто тысячъ рублей.

Многіе о неизбѣжной съ турками войнѣ толкуютъ, а многіе удѣльное владѣніе его св-сти обѣщаютъ.

Въ Гатчинѣ, гдѣ ихъ и. в. пребываніе свое имѣть изволятъ, съѣздъ гостей бываетъ чрезвычайно великъ; но многіе жалуются, что жить негдѣ. Также стоятъ въ лагерѣ наслѣдниковъ кирасирскій полкъ и баталіонъ солдатъ морскихъ, одѣтыхъ на прускую стать, и въ коемъ, какъ сказываютъ, кромѣ нѣмцевъ, нѣтъ другихъ офицеровъ.

Подполковникъ Кноррингъ едва-ли удержится въ полку, да и не проходитъ дня, чтобъ офицеры не стояли за фронтомъ. Александръ Николаевичъ Чичеринъ женится послѣ Петрова дни на богатой дѣвицѣ Демидовой, уже съ нимъ помолвленной. Сему никакъ не хочется и паки принять на себя званіе вице-полковника.

28-й день іюня, яко день восшествія на престолъ существа Россіи благотворительнаго, ожидается всѣми съ крайнею нетерпѣливостью. Обѣщаются два новые фельдмаршалы, многіе другіе чиновники прибавки трети жалованья и прочія царскія милости. Плоды двадцатипятилѣтняго царствованія премудрыя Екатерины.

Іюля 13-го дня 1787 г.

Коллежскій рѣзчикъ печатей находился при смерти боленъ. Теперь сдѣлалось ему полегче, однако же еще такъ слабъ, что не только пути предпріять не въ силахъ, но и на воздухъ выходить ему запрещено. Чрезъ недѣлю отправлю его къ вамъ, снабдя его какъ досками, для вырѣзанія гербовъ его св-ти потребными, такъ и нужными инструментами. По причинѣ болѣзни его, и работа печати съ императорскимъ флагомъ остановилась.

Г-нъ Сутерландъ отправилъ письма г. Юнія куда слѣдовало, и надлежащую сумму денегъ ассигновалъ. Я изъ кабинета 26-тысячъ руб. еще не получилъ, почему и г. Сутерланда, терпящаго

[1]) Т. е. Яковлевымъ.

въ деньгахъ нужду, неудовольствовалъ. Сегодня обѣщалъ мнѣ г. Стрекаловъ выдать тѣ деньги на сей недѣлѣ.

Г-нъ Сухаревъ не въ силахъ дѣлать, касательно представленія къ повышенію чиновъ, ни малѣйшаго пособія. Г-нъ Колокольцовъ, уполномоченный кн. Александра Алексѣевича (Вяземскаго), трезвонитъ теперь въ сенатѣ весьма громко. Г-нъ Голохвастовъ рекомендовалъ меня его прв-ству, и вы изъ письма къ вамъ г. Колокольцова и приложеннаго при ономъ списка изволите усмотрѣть число пожалованныхъ, по представленіямъ его св-сти и имена тѣхъ, коимъ отказано. Полтавскіе старшины всѣ произведены, и вскорѣ о нихъ указъ къ его св-сти пришлется.

Г-нъ Колокольцовъ принялъ меня весьма благосклонно и прилежно просилъ, чтобы я, въ случаѣ дѣлъ, до него касающихся, всегда бы прямо къ нему адресовался. Онъ сказалъ мнѣ также о сдѣланномъ въ сенатѣ опредѣленіи, чтобъ впредь отнюдь никого чрезъ чинъ не жаловать. Не жалко бы было, присовокупилъ онъ къ сему, еслибъ пользовались таковымъ преимуществомъ одни только тѣ, которые отъ его св-сти къ повышенію чиновъ аттестуются. Но всѣ намѣстники, не исключая ни одного, пользовались до сихъ поръ таковымъ же правомъ щедрости сенатской:—было то, что въ одну пятницу слишкомъ по сту человѣкъ чрезъ чинъ производились. По статской службѣ люди, почти ничего не значущіе, менѣе 10-ти лѣтъ въ бригадиры поступали.

Письмо отъ его св-сти къ гр. Валентину Платоновичу (Мусину-Пушкину), равномѣрно и депеши, слѣдовавшія къ его и. в., вручилъ я его сія-ву. Отвѣтъ его сія-ва, со вложеніемъ въ ономъ письма отъ его высоч. къ его св-сти, при семъ подношу[1]).

Какъ приказано будетъ рѣшить дѣло Михаила Федотовича Каменскаго съ г. полковникомъ Ржевскимъ?

Большой буравъ, привезенный изъ Англіи въ числѣ инструментовъ для хлѣбопашества, отданъ давно артиллеріи г. полковнику Миллеру для доставленія онаго къ Николаю Ивановичу Корсакову.

---

[1]) См. это письмо въ «Русской Старинѣ» изд. 1873 г. томъ VIII, стр. 856.

Доска съ гербомъ его св-сти, на которой выбиты были, для касокъ музыкантскихъ, бляхи, была мѣдная, и сдѣлавшись отъ выбитія гербовъ къ сему дѣлу долѣе неспособною, употреблена въ Преображенскомъ полку въ мѣдное дѣло. Стальная несравненно будетъ лучше мѣдной. Счеты отъ Дювала истребованные семъ подношу.

Кингстонша купила дѣйствительно во Франціи недвижимое имѣніе за два милліона ливровъ. Такимъ образомъ часть ожидаемаго мною наслѣдства принесена на жертву во храмъ Венеры какому-нибудь французскому купидону, сопернику моему.

Подношу при семъ реестръ вещамъ и депешамъ съ подателемъ сего г. курьеромъ Фитингомъ, къ вамъ отправленнымъ.

Царское Село, іюля 28-го дня 1787 г.

Исключая Александра Александровича (Нарышкина) и супруги его впр-ства Анны Никитичны, никто изъ городскихъ не имѣлъ чести видѣть Ея И. В-ва до середы, т. е. до 14-го числа сего мѣсяца. Въ среду же нѣкоторые изъ первостатейныхъ были уже представлены Ея И. В-ву. И. и. в. вел. князь и великая княгиня изволили отправиться въ Павловское, на третій день пріѣзда сюда Ея И. В-ва.

И. и. в. имѣютъ тамо всегдашнее теперь пребываніе, и пріѣзжаютъ сюда только въ праздники и въ воскресные дни за часъ до обѣдни.

17-го числа былъ у Александра Матвѣевича (Мамонова) ужинъ, на которомъ изволила быть Ея И. В-во и нѣсколько лучшихъ изъ здѣшнихъ и чужестранныхъ особъ.

18-го числа, т. е. въ воскресенье, былъ первый большой обѣденный столъ, за которымъ угощено было слишкомъ полтораста особъ.

Того же числа возвратился сюда изъ Москвы рейсъ-эфендіевъ (т. е. Безбородко) сераль, и прибыли потомъ изъ Москвы же благополучно и. и. в. вел. князья Александръ Павловичъ и Константинъ Павловичъ.

Какъ и. и. в. ожидали сюда, соображаясь маршруту ихъ, не прежде 19-го числа, то они преждевременнымъ пріѣздомъ сюда сдѣлали Ея И. В-ву и ихъ и. в. вел. князю и вел. княгинѣ весьма пріятный сюрпризъ, ибо, пріѣхавъ сюда, прошли во дворецъ садомъ

и предстали къ Ея И. В-ву въ то время, когда государыня, вел. князь и вел. княгиня въ карты съ гг. кавалерами играть изволили.

22-го тезоименитство ея и. в. вел. княгини празднованно здѣсь до послѣ обѣда; по обѣдѣ же и. и. в. вел. князья и вел. княгиня изволили возвратиться въ Павловское, гдѣ былъ маскарадъ, открывшійся въ 6 час. пополудни. Подъ вечеръ освѣщены были огнями тѣ же самые предметы, что и въ Петровъ день; кончилось все сіе небольшимъ фейерверкомъ.

Въ сей день вел. князь гораздо не такъ былъ веселъ, какъ въ Петровъ день, и сколько узнать можно было, потому, что Ея И. В-во на маскарадъ пожаловать не изволила. Рота изъ морскаго баталіона, стоящаго теперь лагеремъ между Павловскимъ и Графскою Славянкою, содержала и сей разъ караулъ при Павловскомъ дворцѣ, съ тою только разницею, что въ Петровъ день, содержащіе караулъ расположены были посреди двора, лицомъ къ фасаду дворца, а въ Марьинъ день фронтъ стоялъ плотно у лѣваго флигеля, лицомъ къ правому.

Александръ Александровичъ (Нарышкинъ), Анна Никитична (Нарышкина), гр. Ангальтъ и Александръ Матвѣевичъ (Мамоновъ) пріѣхали на маскарадъ въ 11-мъ часу пополудни. Анна Никитична принята здѣсь весьма благосклонно и почти безпрерывно въ царскосельскомъ дворцѣ живетъ, бывъ къ тому приглашена Ея И. В-вомъ.

26-го числа представлена была въ царскосельскомъ театрѣ первая комедія, и именно французская, по окончаніи которой былъ ужинъ въ Храмѣ Дружбы, къ коему Ея И. В-во пригласить изволила лучшихъ здѣшнихъ и чужестранныхъ министровъ.

Слышно, что государыня, прохаживаясь въ саду, изволила спрашивать г. садовника Буша, гдѣ посажены присланныя изъ Херсона за нѣсколько времени предъ симъ вишневыя деревья?

На оный вопросъ донесено Ея И. В-ву: «они всѣ пересохли».

— «Я хочу ихъ видѣть пересохшихъ», соизволила сказать государыня,—«покажите мнѣ то мѣсто, гдѣ они посажены были?»

Но какъ сказали, что они, яко пересохшіе, уже выброшены, то Ея И. В-во такъ сильно разгнѣвалась, что грозила Бушу отдать его въ уголовную палату подъ судъ.

Носится слухъ, что г. оберъ-полиціймейстеръ Рылѣевъ имѣетъ быть смѣненъ находящимся при Александрѣ Матвѣевичѣ (Ма-

моновѣ) любимцемъ его г. оберъ-кригскоммисаромъ Козловымъ.

Всѣ господа любопытствуютъ, гдѣ его св-сть? долго-ли въ Кременчугѣ пробыть, куда отъ толь путь предпріять, и когда сюда быть изволитъ? Не исключаются изъ таковыхъ любопытныхъ гр. Александръ Андреевичъ (Безбородко) и Александръ Матвѣевичъ (Мамоновъ), неоднократно меня о томъ вопрошавшіе. И такъ, заподлинно извѣстно, что здѣсь никто намѣренія его св-сти не знаетъ, развѣ Ея И. В-во.

Нѣкто кн. Бабичевъ, служившій въ наслѣдниковомъ кирасирскомъ полку, отставленъ отъ службы поручикомъ. Съ онаго, при выключкѣ изъ полку, въ который онъ задолжалъ по бытности въ службѣ 70 руб., взято въ платежѣ денегъ въ срокъ росписка и при оной, въ залогъ, данный ему изъ коллегіи объ отставкѣ указъ. Спустя два дни по прошествіи назначеннаго къ платежу срока, его имп. выс. вел. князь далъ знать собственноручнымъ письмомъ графу Якову Александровичу Брюсу, чтобы сей по своему градоначальству принялъ надлежащія ко взысканію тѣхъ денегъ мѣры.

Съ Бабичева, страдавшаго на одрѣ болѣзнію, взыскать денегъ, при всей строгости гр. Якова Александровича, не было никакой возможности, почему ему въ платежѣ оныхъ на мѣсяцъ отсрочено было, о чемъ и дано знать ордеромъ въ наслѣдниковъ кирасирскій полкъ. По прошествіи вторичнаго срока, вел. князь повторилъ къ графу собственноручное, о взысканіи помянутыхъ денегъ, требованіе. Но и тогда нашли Бабичева въ прежнемъ положеніи.

Графъ, бывъ тронутъ состояніемъ сего бѣдняка, вознамѣрился было взнести въ полкъ за него собственныя свои деньги, однако же, посовѣтуясь потомъ съ своею политикою, и намѣреніе свое оставилъ. Бабичеву и еще на мѣсяцъ отсрочено было, и тогда же ордеромъ знать въ полкъ дано. Наконецъ, по прошествіи срока уже третьяго, вел. князь и паки повторилъ требованіе свое собственноручнымъ же письмомъ. Но какъ и сей разъ князь Бабичевъ найденъ въ такомъ же положеніи, то находящійся при графѣ секундъ-маіоръ Бѣляевъ взнесъ за Бабичева свои деньги, которыя при ордерѣ графскомъ въ полкъ и отправлены.

Графъ послѣ того выговаривалъ г. Бѣляеву, какое онъ право имѣлъ платить за Бабичева, будучи самъ бѣднымъ человѣкомъ,

на что сей отвѣтствовалъ его сіят-ству: «Можетъ быть и за меня кто-нибудь заплатитъ, если со мною случится подобное несчастіе».

Я сумнѣваюсь, чтобы кто болѣе превозносилъ хвалами походъ Ея И. В-во въ Тавриду, какъ Евграфъ Александровичъ Чертковъ. Сіе преимущество отдаю я потому, что онъ льстить не умѣетъ. Онъ, между прочимъ, разсказывалъ почти тако:

— «Я былъ съ его св-стію въ Тавридѣ, въ Херсонѣ и Кременчугѣ мѣсяца за два до пріѣзда туда Ея И. В-ва. Я удивлялся его св-сти и не понималъ, что то было такое, что онъ тамъ хотѣлъ показать Ея И. В-ву. Нигдѣ тамъ ничего не видно было отмѣннаго; словомъ, я сожалѣлъ, что его св-сть позвалъ туда Ея И. В-во по пустому. Пріѣхавъ съ государынею, Богъ знаетъ, что тамъ за чудеса явилися. Чортъ знаетъ, откудова взялись строенія, войски, людство, татарва, одѣтая прекрасно, казаки, корабли.... Ну, ну, Богъ знаетъ что.... Какое изобиліе въ яствахъ, въ напиткахъ, словомъ, во всемъ — ну, знаешь, такъ, что придумать нельзя, чтобъ пересказать порядочно. Я тогда ходилъ какъ во снѣ, право, какъ сонный. Самъ себѣ ни въ чемъ не вѣрилъ, щупалъ себя, я-ли? гдѣ я? не мечту-ли или не привидѣніе-ли вижу? Н-у! надобно правду сказать, ему — ему только одному можно такія дѣла дѣлать, и когда онъ успѣлъ все это сдѣлать! Кажется, не видно было, чтобъ онъ и въ Кіевѣ занимался слишкомъ дѣлами, ну, знаешь, все какъ здѣсь. Только и слышно было «Василія Степановича», да «Попова»,—«Попова», да «Василія Степановича»; ну да все вѣдь одно. Удивилъ! ну подлинно удивилъ! Не духи-ли какіе-нибудь ему прислуживаются».

Богатый и первостатейный купецъ Долговъ находится теперь въ превеликихъ хлопотахъ. Будучи подрядчикомъ строенія бреговъ Фонтанки, дѣлалъ онъ ужасныя притѣсненія и обиды мужикамъ, при строеніи находившимся. Графъ Яковъ Александровичъ (Брюсъ) вывелъ сіе наружу и донесъ Ея И. В-ву. Государыня крайне не благоволитъ теперь на Долгова.

Стараются, а особливо г-нъ губернаторъ, примирить его съ мужиками, но, Богъ знаетъ, будетъ-ли въ томъ какой-нибудь успѣхъ.

Гр. Александръ Андреевичъ (Безбородко) проговорилъ касательно дѣла сего тако: «Долговъ каналья, негодный человѣкъ», и подлинно, поступалъ онъ съ мужиками варварски. Однако же

и графъ Брюсъ затѣваетъ все такія дѣла, чтобъ дѣлать людей несчастными. Но не доставало средствъ, чтобъ рѣшить дѣло сіе средствомъ миролюбивымъ; а что касается до оберъ-полиціймейстера, то этотъ, взыскавши при семъ случаѣ какіе-то стопятьдесять руб., думаетъ о себѣ такъ много, какъ будто бы онъ обогатилъ чрезъ то ужасно какъ государственную казну.

По случаю множества прошеній, вступившихъ въ государственный заемный банкъ отъ людей, о выдачѣ на двадцатилѣтній срокъ денегъ просящихъ, Петръ Васильевичъ Завадовскій намѣренъ, какъ слышно, доложить Ея И. В-ву, не благоугодно-ли будетъ указать роздать въ добавокъ къ прежнимъ еще пять милліоновъ рублей.

Его сія-ство графъ Александръ Андреевичъ (Безбородко) удивлялся, что его св-сть продаетъ Дубровицу за весьма дешевую цѣну. Послѣ сего сказалъ онъ: «да, да; можетъ быть, безъ фабрики, однако же и безъ фабрики дешево».

Его сія-ство ожидаетъ вѣрующаго письма, сказавъ мнѣ касательно онаго тако:

— «Можетъ быть, оное пришлется ко мнѣ съ моимъ почтальономъ, изъ Твери отъ меня къ его св-сти отправленнымъ».

Гр. Андрей Петровичъ (Шуваловъ), который остался за болѣзнію въ Москвѣ, еще сюда не пріѣхалъ.

Царское Село, 29-го іюля 1787 г.

По прибытіи сюда въ пятницу, т. е. 23-го числа сего мѣсяца, въ 11-мъ часу вечера, г-на Брозинскаго, полетѣлъ я на другой день съ вашимъ письмомъ къ Катеринѣ Ивановнѣ. Пришедъ къ ней въ десятомъ часу пополуночи, засталъ я ее въ пудренной рубашкѣ, съ распущенными по раменамъ съ главы власами, искусствомъ въ строй еще не поставленными. Она, сестрица ея и Марья Юрьевна, сидя за круглымъ столикомъ, пили чай и кофе. Сначала я поклонился и, при засвидѣтельствованіи отъ васъ почтенія, имѣлъ честь вручить ваше письмо, которое она, принявъ отъ меня съ изъявленіемъ знаковъ отличной на лицѣ радости, побѣжала вдругъ къ окошку, гдѣ сѣвъ на стулъ и распечатавъ письмо, занималась онымъ слишкомъ четверть часа. Между тѣмъ, посадили меня на стулъ подлѣ Марьи Юрьевны и потчивали чаемъ.

Примѣтя, что Катеринѣ Ивановнѣ весьма трудно было чтеніе письма, сколь она быстро глазами оное ни окидывала; потомъ, услышавъ и собственное ея въ томъ признаніе словами: «не безъ труда можно разобрать руку Василья Степановича» произнесенное,— принялъ я смѣлость доложить ей тако:

— Милостивая государыня! потребна къ тому привычка. А теперь, если угодно вамъ мнѣ поручить оное прочесть, то будьте увѣрены, что я довѣренности вашей не употреблю во зло». Тотчасъ подбѣжала она ко мнѣ и, сѣвъ подлѣ меня, заставила меня письмо прочесть.

— «Ахъ, Боже мой! Кажется, я никогда на Василья Степановича, касательно брата моего, не роптала», сказала она по окончаніи письма, «да и не писала ему о томъ никакихъ выговоровъ. Я увѣрена, что все то, что онъ съ братомъ дѣлаетъ, послужитъ къ пользѣ его».

— Нѣтъ въ томъ ни малѣйшаго сумнѣнія, отвѣтствовалъ я ей, присовокупя къ сему: Василій Степановичъ всячески старается вамъ угодное дѣлать.

Потомъ спросили меня, былъ-ли я въ Павловскомъ на маскарадѣ?

— Былъ, отвѣтствовалъ я.

— «А я не была ни на семъ, ни на Петропавловскомъ маскарадѣ, сказала Катерина Ивановна, перемѣнивъ при семъ случаѣ вдругъ радостныя черты лица, въ родѣ маленькой, пріятной задумчивости.

— Неужели вамъ веселости и забавы омерзѣли? спросилъ я ее.

— «Нѣтъ, но что-то такъ скучно», отвѣтствовала она, «я и на дачѣ Филиппа Ивановича (Бека) рѣдко бываю».

— А я считалъ, милостивая государыня, сказалъ я ей, что вы, пользуясь лѣтнимъ воздухомъ, скоро въ осенній превратиться имѣющимъ, живете на дачѣ, а здѣсь въ городѣ только случайно бывать изволите?

— «Никакъ нѣтъ. Напротивъ того, мы на дачѣ случайно бываемъ», отвѣтствовала Марья Юрьевна.

Здѣсь послѣдовали паузы, а за оными сказалъ я Катеринѣ Ивановнѣ:

— Василій Степановичъ приказалъ мнѣ объ обѣщанномъ Гейзерѣ, которому вы доброхотствуете, всемѣрно стараться, и

чтобы Катерина Ивановна въ таковомъ данномъ мнѣ отъ васъ приказаніи ни мало не сумнѣвалась, то прочелъ я ей статью о Гейзерѣ изъ вашего письма, сказавъ ей притомъ, коль скоро графъ Андрей Петровичъ (Шуваловъ) сюда прибудетъ, то я не премину предписаннаго въ самой точности исполнить.

Катерина Ивановна благодарила вамъ за сіе и увѣряла меня, что она, г-нъ Бекъ и вся фамилія ихъ будутъ вамъ и персонально за сіе благодарить. Тутъ опять послѣдовало молчаніе, послѣ чего и паки я говорить началъ:

— Во вторникъ отправлю я курьера, то я, буде писать изволите, буду имѣть честь прислать къ вамъ кого-нибудь для полученія вашихъ писемъ.

— «Буду писать, пожалуйте пришлите», сказала Катерина Ивановна, сдѣлавъ мнѣ притомъ поклонъ, «пожалуйте пришлите». За симъ, сдѣлавъ и я каждой дамѣ по поклону, поворотилъ во свояси.

Возвратясь на ночь въ Царское Село, нашелъ я г-на Гельфрейха. По поводу полученныхъ мною чрезъ него новыхъ коммисій, принужденъ я былъ опять въ городъ ѣхать. Явясь къ Катеринѣ Ивановнѣ во вторникъ, засталъ я ее поющую при клавикордахъ съ помощію Сольція, на оныхъ игравшаго. Она, при входѣ моемъ въ горницу, пѣть перестала и, схвативъ письмо со стола, встрѣтила меня съ усилившимся на лицѣ ея природнымъ румянцемъ. Тутъ я, поклонясь ей, сказалъ:

— Тотъ, котораго я за письмомъ прислать обѣщалъ, я самъ.

Вручая мнѣ письмо, «напрасно вы сами трудились», сказала она мнѣ весьма пріятнымъ голосомъ, и при ономъ (указывая рукою на Марью Юрьевну) «посылаются къ Василію Степановичу кокарды, которыя вы получите отъ г. Рейнегса».

Я увѣрилъ ее, что это исполнено будетъ, за что она меня благодарила. Далѣе не хотѣлъ я ее заманивать въ разговоръ, потому что обѣденный столъ былъ уже накрытъ у нихъ; спросилъ однако же ее, не будетъ-ли еще какихъ приказаній?

— «Прошу Василію Степановичу свидѣтельствовать мое нижайшее почтеніе». —Послѣ сего я откланялся.

Признаться надобно, что я принятъ былъ весьма учтиво и весьма почтительно, съ наблюденіемъ однако же съ ихъ стороны нѣсколько осторожности. Прежде нежели я имѣлъ честь быть у

нихъ (до полученія письма вашего я у нихъ никогда не былъ), нѣкто,—и я подозрѣваю на Петра Степановича,—сказалъ имъ обо мнѣ, что я изъ числа тѣхъ людей, которые къ вамъ обо всемъ пишутъ.

Его сія-во гр. Александръ Андреевичъ (Безбородко) и его прв-ство Александръ Матвѣевичъ (Мамоновъ) свидѣтельствуютъ вамъ свое почтеніе.

Мальчики ваши здоровы; давно уже не звалъ я ихъ на генеральной экзаменъ, что не премину исполнить по возвращеніи двора въ городъ. Навѣдываясь между тѣмъ почасту о состояніи поведенія каждаго изъ нихъ, слѣдующаго не умолчу. Теперь болѣе прочихъ подаютъ о себѣ надежду тотъ, который учится писать, Расмусовъ и учащійся у повара, въ домѣ г. Лазарева.

Бертень не вступилъ еще въ должность по причинѣ болѣзни своей, а то бы я отдалъ сего мальчика къ нему. Имѣющіе за ними присмотръ чрезвычайно ими довольны; равномѣрно и мальчики отмѣнно довольны своими мастерами. Склонность, охота, прилежность и раченіе у каждаго изъ нихъ къ своему рукодѣлію весьма примѣтны; поведеніе же и усердіе—примѣрныя. За оными слѣдуетъ парикмахеръ; сей учится хорошо и ведетъ себя порядочно, но, по младости лѣтъ, слабъ руками; нѣтъ сумнѣнія однако же, чтобы онъ не былъ со временемъ хорошимъ парикмахеромъ. Кондитеръ проворный мальчикъ. Послѣ учиненнаго наказанія, имѣнія своего хотя и не проматываетъ, но конфекты по немногу воруетъ, если сіе, позабывъ правило придворныхъ служителей, за воровство почесть можно.

Всѣмъ мальчикамъ, при кондитерской находящимся, не запрещено ѣсть конфектовъ, сколько кому захочется. Но сихъ преимуществъ для нашего мальчика не довольно. Онъ крѣпко держится правила: собирать, а не терять крупицы, падающія отъ трапезы богатаго. Въ самое то время, когда онъ въ дѣланіи конфектъ упражняется, окидываетъ всѣхъ присутствующихъ при томъ своими глазами, будто бы невинность изображающими, и прибирая полегоньку, такъ чтобы никто сего не примѣтилъ, излишнія сладости со стола, ниспосылаетъ ихъ въ небольшой свой карманъ. Нѣтъ однако же опасности, будетъ и сей добрымъ человѣкомъ и добрымъ кондитеромъ.

Поваръ, обучающійся въ домѣ у ея впр-ва Марьи Павловны

хотя и хорошаго поведенія, но тупъ. Сапожникъ—мальчикъ добраго же поведенія, но сложенія угрюмаго и упрямъ. Сей жаловался мнѣ на хозяина, что заставляетъ его дѣтей качать и воду носить, и будто бы ничему его не учитъ. Это вздоръ. Нѣтъ нигдѣ въ свѣтѣ сапожника, гдѣ бы мальчики сначала во всѣ домашнія работы не употреблялись. Терпѣніе и сего сдѣлаетъ въ свое время добрымъ сапожникомъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОГОЛЬ.

1827—1828.

Неизданныя письма Гоголя.

Въ перепискѣ отца моего, полковника артиллеріи Петра Петровича Косяровскаго, мною найдены письма къ нему Николая Васильевича Гоголя, относящіяся къ 1827—1828 гг., ко времени окончанія Гоголемъ курса въ Нѣжинскомъ лицеѣ. Переписка эта, послѣ смерти отца моего, послѣдовавшей въ 1849 году, хранилась въ имѣніи, доставшемся мнѣ отъ покойныхъ родителей, въ Лужскомъ уѣздѣ, селѣ Бѣломъ, и до настоящаго времени не была разобрана; только въ послѣднее время, разбирая ее, я встрѣтился съ письмами Николая Васильевича и познакомился съ ними. Н. В. Гоголь, находясь въ близкомъ родствѣ съ моимъ отцомъ (мать Гоголя, Марья Ивановна, и мой отецъ, Петръ Петровичъ, были дѣти двухъ родныхъ братьевъ, Ивана и Петра Матвѣевичей Косяровскихъ), кромѣ чувствъ родства, питалъ къ моему отцу глубокое искреннее расположеніе и въ своихъ письмахъ повѣрялъ ему откровенно свои мысли и планы будущаго. Такимъ образомъ, письма эти служатъ выраженіемъ того душевнаго состоянія, какое испытывалъ Гоголь въ своей ранней юности. Сознавая ихъ интересъ, я счелъ долгомъ сдѣлать ихъ извѣстными и просить васъ, милостивый государь, напечатать въ вашемъ многоуважаемомъ журналѣ.

Н. П. Косяровскій.

13-го сентября 1827 г.

Почтеннѣйшій дядинька Петръ Петровичъ, пишу къ вамъ, не зная, застанетъ-ли васъ письмо мое. Не помню, въ какое время вы назначили день отбытія своего; мнѣ все представляется, что вы пробудете долго еще въ Васильевкѣ, по крайней мѣрѣ, по какому-то странному сочувствію, мнѣ представляется, что я буду непремѣнно горевать въ тотъ день, когда вы уѣдете. Я слыхалъ, что хотѣли вы вступить въ тотъ полкъ, который стоитъ въ Миргородѣ, гдѣ служитъ и Чихмаревъ. Дай Богъ, чтобы сыскали тамъ счастье, впрочемъ, я думаю, вы не преминете извѣстить объ своемъ вступленіи того, который васъ такъ любитъ, такъ интересуется знать объ васъ, и который ни чѣмъ не могъ доказать любви своей и даже огорчалъ васъ частенько. Живо помню, какъ былъ когда-то я разсѣянъ, чѣмъ-то оскорбилъ васъ и даже забылъ поздороваться съ вами, и какъ черезъ минуту вы обняли меня съ улыбкой примиренія — и все было забыто.

Да, безцѣннѣйшій Петръ Петровичъ, вы слишкомъ добры, чтобы видѣть во мнѣ корень характера—злое упрямство, и никогда не будете имѣть обо мнѣ худыхъ мыслей.. ..

Весело-ли вы проводите время? Когда-то судьба сблизитъ опять насъ, или она уже положила руку разрозненія и неумолимая грань будетъ надолго раздѣлять насъ; но я буду все тотъ же, никогда любовь не остудѣетъ во мнѣ. Въ часы и тоски и радости буду вспоминать то время, когда мы вмѣстѣ составляли дружное семейство, какъ работали въ саду, трудились и, наконецъ, собирался къ домашнему незатѣйливому обѣду гораздо веселѣе и съ бо́льшимъ аппетитомъ, нежели въ Кибинцахъ, къ тамошнему—разноблюдному и огромному.

На дняхъ я получилъ 5-ю часть Ручной математической энциклопедіи, которая только что вышла. Не знаю, какъ воздать хвалу этому образцовому сочиненію; вѣрите-ли, что я, только читая ее, понялъ все то, что мнѣ казалось темнымъ, неудовлетворительнымъ, когда проходилъ математику. Какъ удивительно изъяснена теорія дифференціальнаго-интегральнаго исчисленія... Мнѣ нравится, что во всемъ этомъ курсѣ (который состоитъ изъ 13-ти томовъ) всякая часть, даже самая ариѳметика, написана такъ, что ее никакъ нельзя учить буквально, такъ какъ многіе дѣлаютъ съ другими учебными книгами, особливо съ геометріею,—все здѣсь изъяснено, выведено, все основано на умственномъ созерцаніи, но такъ просто, такъ легко, ясно изложено, что дитя въ состояніи понимать его. За пять донынѣ вышедшихъ частей я далъ 12 рублей; въ Кибинцахъ она должна быть: первыя части я видѣлъ.

Теперь у насъ проходятъ полевую фортификацію; жаль, что мнѣ нельзя съ вами позадорить немного, а я-бъ вамъ разсказалъ, какой планъ войны производилъ Тюренъ, принцъ Евгеній, Наполеонъ, Суворовъ, великій Конде, отчего проиграли императоры, какую ошибку сдѣлали французы въ укрѣпленіяхъ въ 1812 г., и проч., и проч., и проч.

Не слыхали-ли чего новенькаго въ происшествіяхъ по арміямъ? что дѣлается въ Грузіи? Но я надоѣлъ вамъ моимъ письмомъ, простите меня, милый, безцѣнный Петръ Петровичъ, не забывайте любящаго васъ вѣчно Н. Гоголя.

3-го октября 1827 г.— Нѣжинъ.

Безцѣннѣйшій отвѣтъ вашъ на письмо мое я получилъ; не знаю чѣмъ возблагодарить вамъ, почтеннѣйшій дядинька Петръ Петровичъ. Между теперешними вашими заботами и недосугами, вы таки находите время писать ко мнѣ; это наполняетъ меня сладкою увѣренностью, что вы меня любите (можетъ быть, я сказалъ много), что, по крайней мѣрѣ, приверженность моя къ вамъ не несносна, и я сохраню ее всегда, хотя разрозненіе наше едва-ли когда можетъ соединиться. Неизвѣстность вашей участи для васъ, можетъ быть, такъ темна, какъ и моей для меня. Къ тому времени, когда я возвращусь домой, можетъ быть, вашъ полкъ выступитъ, Богъ знаетъ куда, а меня судьба загонитъ въ Петербургъ, откуда на врядъ-ли залучу когда-либо въ Малороссію. Да можетъ быть, мнѣ цѣлый вѣкъ достанется отжить въ Петербургѣ, по крайней мѣрѣ, такую цѣль начерталъ я уже издавна. Еще съ самыхъ временъ прошлыхъ, съ самыхъ лѣтъ почти непониманія, я пламенѣлъ неугасимою ревностью сдѣлать жизнь свою нужною для блага государства, я кипѣлъ принести хотя малѣйшую пользу. Тревожныя мысли, что я не буду мочь, что мнѣ преградятъ дорогу, что не дадутъ возможности принесть ему малѣйшую пользу, бросали меня въ глубокое уныніе. Холодный потъ проскакивалъ на лицѣ моемъ, при мысли, что, можетъ быть, мнѣ доведется погибнуть въ пыли, не означивъ своего имени ни однимъ прекраснымъ дѣломъ—быть въ мірѣ и не означить своего существованія — это было для меня ужасно. Я перебиралъ въ умѣ всѣ состоянія, всѣ должности въ государствѣ и остановился на одномъ — на юстиціи; я видѣлъ, что здѣсь работы будетъ болѣе всего, что здѣсь только я могу быть благодѣяніемъ, здѣсь только буду истинно полезенъ для человѣчества. Неправосудіе, величайшее въ свѣтѣ несчастіе, болѣе всего разрывало мое сердце. Я поклялся ни одной минуты короткой жизни своей не утерять, не сдѣлавъблага. Два года занимался я постоянно изученіемъ правъ другихъ народовъ и естественныхъ, какъ основныхъ для всѣхъ законовъ, теперь занимаюсь отечественными.

Исполнятся-ли высокія мои начертанія? или неизвѣстность зароетъ ихъ въ мрачной тучѣ своей? Въ эти годы, эти долговременныя думы свои я затаилъ въ себѣ; недовѣрчивый ни къ кому, скрытный, я никому не говорилъ своихъ тайныхъ помышленій, не дѣлалъ ничего, что бы могло выявить глубь души моей, дай кому бы я повѣрилъ и для чего бы высказалъ себя? не для того-ли, чтобы смѣялись надъ моимъ сумасбродствомъ, чтобы считали пылкимъ мечтателемъ, пустымъ человѣкомъ. Никому, и даже изъ своихъ товарищей, я не открывался, хотя между ними было много истинно достойныхъ. Я не знаю, почему я проговорился теперь передъ вами, отъ того-ли, что вы, можетъ быть, принимали во мнѣ болѣе другихъ участія или по связи близкаго родства, этого не скажу: что-то непонятное двигало перомъ моимъ, какая-то невидимая сила натолкнула меня, предчувствіе вошло въ грудь мою, что вы не почтете ничтожнымъ мечтателемъ того, который около трехъ лѣтъ неуклонно держится одной цѣли, и котораго насмѣшки, намеки болѣе заставятъ укрѣпнуть въ предположенномъ начертаніи. Ежели же вы и не поучаствуете во мнѣ, по крайней мѣрѣ, вы затаите мое письмо, такъ же какъ я затаилъ въ себѣ одинъ свои упрямыя предначертанія. Доказательствомъ сему, можетъ, во все время бытія моего съ вами, я ни разу не давалъ себя узнать, занимался игрушками и никогда почти не заводилъ рѣчь о выборѣ будущей своей службы, о моихъ планахъ и проч. Даже маменька, которая хотѣла узнать мой образъ мыслей, еще не можетъ сказать навѣрно, куда я хочу; причинъ еще нѣкоторыхъ я не могу сказать теперь; впрочемъ, это только для одного меня можетъ только быть занимательно. Прошу васъ, безцѣннѣйшій Петръ Петровичъ, не оставлять того, который къ вамъ привязанъ болѣе нежели ко всѣмъ на свѣтѣ, который вамъ вывѣрилъ совершенно себя. Вы, думаю, будете иногда писать ко мнѣ, я знаю, что вы не почтете этого въ тягость, хотя рѣдко, хотя черезъ нѣсколько мѣсяцевъ разъ. Но не досадно-ли? я не могу больше писать къ вамъ. Совершенно истомился весь; 12 часовъ проиграло, а я еще не написалъ къ сестрѣ. Прощайте, милый, безцѣнный дядинька Петръ Петровичъ, можетъ быть, до другой почты. Н. Гоголь-Яновскій.

Бѣдный дядинька, вамъ будетъ холодно, а вы и не напомнили, когда я былъ съ вами, про тулупъ, а между тѣмъ еще и свое отдали. Ахъ, какъ вы добры! хорошо, что добрая маменька моя догадалась сказать вамъ объ этомъ; сдѣлайте милость, закутывайтесь, онъ тепелъ, только слишкомъ тяжелъ; онъ мнѣ былъ совсѣмъ не нуженъ, я даже его ни разу не надѣвалъ.

8-го сентября 1828 г.

Извините, почтеннѣйшій Петръ Петровичъ, что я не писалъ къ вамъ, я не зналъ, что и мое письмо будетъ служить вамъ не лишнимъ: я всегда думалъ: ненужно тамъ тратить словъ, гдѣ нужны дѣла,—что же буду писать къ вамъ. Если бы мое письмо хотя на мигъ заставило васъ позабыть вашу скуку, тогда бы я былъ счастливъ, я бы не потратилъ тогда словъ даромъ. Теперь у насъ ярмонка, и хотя его высокопревосходительство не благоволилъ пріѣхать, но мы провели время все-таки недурно, безпрестанно разъѣзжали по ярмонкѣ и разорялися въ пухъ... я одинъ промоталъ пару цѣлковыхъ, но она выгоднѣе всего была нашимъ людямъ, потому что всѣ покупки шли имъ. Въ Ярескахъ я уже не помню, когда былъ. Недавно только воротился изъ Кременчуга, гдѣ также была ярмонка и гдѣ болѣе всего я промотался на вина и на закуски; но какъ теперь яресковскихъ гостей не было, то весь этотъ запасъ остался намъ на все годовое продовольствіе. Въ праздникъ храмовой нашей церкви, мы пили таки винцо доброе, вспоминали васъ, сочтя не полное наше семейство. Зачѣмъ вы оторвались отъ насъ, отъ тѣхъ, которые думали и привыкли съ вами не разставаться; разъ засталъ я нашу рѣдкую маменьку въ слезахъ надъ письмомъ вашимъ, въ которомъ, по словамъ ея, заключался упрекъ на молчаніе, между тѣмъ, какъ она давно уже отправила письмо къ вамъ; цѣлый тотъ вечеръ, мы ни о чемъ больше не говорили, какъ только объ васъ. Воспоминанія кучею тѣснились на умъ; тогда только увидѣлъ я, сколько всѣ наши любятъ васъ, и мнѣ пришла въ голову счастливая мысль, но которая вскорѣ разрушилась, когда я услышалъ, что будто вы уже располагаете покинуть навсегда Малороссію. Неужели вы въ состояніи оставить тѣхъ, которые такъ васъ любятъ? зачѣмъ же было насъ всѣхъ такъ привязать къ себѣ, чтобы удаленіе ваше потомъ навело намъ горькую печаль. Я ѣду въ Петербургъ непремѣнно въ началѣ зимы, а оттуда Богъ знаетъ куда меня занесетъ; весьма можетъ быть, что попаду въ чужіе края, что обо мнѣ не будетъ ни слуху, ни духу нѣсколько лѣтъ, и, признаюсь, меня самого не беретъ охота ворочаться когда-либо домой, особливо бывши нѣсколько разъ свидѣтель, какъ эта необыкновенная мать наша бьется, мучится, иногда даже объ какой-нибудь копѣйкѣ, какъ эти безпокойства убійственно разрушаютъ ея здоровье, и все для того, чтобы доставить нужное намъ и удовлетворить даже прихотямъ нашимъ. Какъ разрывалося у меня сердце, глядя на такіе труды, и вспоминалъ, что я самъ часто употреблялъ во зло. Кто же въ это время моего отсутствія можетъ за-

ставить ее быть спокойною, когда прибавляется ей еще новая печаль, безпрестанныя заботы и часто печальныя мысли на счетъ отсутствующаго? Я прошу васъ, я умоляю, заклинаю и родствомъ, и пріязнію, и всѣмъ, что только можетъ подвигнуть ваше доброе сердце, не оставьте насъ, отмѣните свое грозное намѣреніе и совершивши свое достойное дѣло—пріѣзжайте въ Васильевку, будьте ангелъ-утѣшитель нашей матери. Вы всегда были помощникомъ ей и въ хозяйствѣ, и во всемъ добромъ, вы и теперь облегчите ея заботы; я, съ своей стороны, почти все сдѣлалъ, денегъ беру съ собой немного, чтобы стало на проѣздъ и на первое обзаведеніе; а для обезпеченія ея состоянія отказываюсь отъ своего наслѣдія и теперь занимаюсь составленіемъ дарственной записи, по которой часть имѣнія, принадлежащаго по завѣщанію мнѣ, съ домомъ, садомъ, лѣсомъ и прудами, оставляется матери моей въ вѣчное владѣніе. Не по легкомыслію, не по какому-либо безразсудительному хотѣнію это сдѣлаю, но самое благоразуміе этого требуетъ, нужно все предполагать. Можетъ быть, и весьма вѣроятно, что въ самомъ дѣлѣ я отлучусь и слишкомъ далеко (это и есть мое намѣреніе), обо мнѣ не будетъ и слуху, между тѣмъ уплыветъ десять лѣтъ, законная давность,—почему знать, каковы еще будутъ мои сестры,—можетъ быть, жадные наслѣдники не дадутъ ей и мѣста, гдѣ бы преклонить голову. Вы знаете этого алчнаго попа о. Меркурія, который съ такою жадностью слѣдитъ наше имѣніе, и который, пользуясь правомъ родства, уже зажилилъ порядочный кусокъ; чего они не сдѣлаютъ съ женщиною, хотя благоразумною, но все таки неимѣющей достаточной твердости для состязанія съ этими закоснѣлыми грабителями; что касается до меня, ежели найду свое счастіе, ежели приду въ состояніе помочь своимъ родственникамъ и сестрамъ—пріѣду. Ежели нѣтъ—потерплю нужду, а кого нужда не совершенствуетъ и не дѣлаетъ богатымъ? притомъ же до слишкомъ большой нужды не доѣду. Ежели для настоящаго пріобрѣтенія знаній не буду имѣть всѣхъ способовъ, могу прибѣгнуть покуда къ другому; вы еще не знаете всѣхъ моихъ достоинствъ. Я знаю кой-какія ремесла: хорошій портной, недурно раскрашиваю стѣны алфреской живописью, работаю на кухнѣ, и много кой-чего уже разумѣю изъ поваренаго искусства; вы думаете, что я шучу, спросите нарочно у маменьки. А что еще болѣе, за что я всегда благодарю Бога, это за свою настойчивость и терпѣніе, которыми я прежде мало обладалъ: теперь ничего изъ начатаго мною я не оставляю, пока совершенно не окончу. Не для того, чтобы хвалить себя, я говорю это, но чтобы обезпечить васъ на счетъ моей будущей участи. И такъ, хлѣбъ у меня будетъ всегда, дай только Богъ, чтобы исполнили вы нашу просьбу;

меня все увѣряетъ, что не оставите насъ, что вы будете жить вмѣстѣ съ нами, что вы не оставите безутѣшную. Вы не забудете, извините, ежели смѣю сказать, свой долгъ (хотя мы вамъ одолжены всѣмъ) быть съ тѣми, которые такъ любятъ и которые рады бы пожертвовать всѣмъ, чтобы возвратить къ себѣ милаго родственника. Дай Богъ вамъ возможнаго счастья и иногда, хотя рѣдко, легкой памяти обо мнѣ. Прощайте, милый дядинька! Какъ бы мнѣ хотѣлось еще разъ обнять васъ. Н. Гоголь-Яновскій.

9-го сентября (1828 г.?).— Васильевка.

Два дни было бы вамъ только подождать, и вы бы получили ваши лексиконы, но вы такъ спѣшили разстаться съ нами, какъ-будто хотѣли убраться изъ чужой стороны. Лексиконы эти въ переплетѣ, французскій особо, а русскія—двѣ части соедините въ одинъ томъ, такъ, какъ у меня. Доѣхали вы вѣрно хорошо, погода, какъ-будто нарочно для васъ, прелестная; у насъ все начало сентября было настоящее лѣто, въ тѣни было 18 градусовъ теплоты; я, какъ добрый песъ, вылеживался на солнцѣ. Душевно желаю вамъ поздоровѣть и поправиться въ Одессѣ, а между тѣмъ совѣтую вамъ не оставлять вытираться хорошенько на ночь уксусомъ, особливо поясницу. Прощайте, обнимаю и цѣлую васъ нѣсколько разъ. Вѣчно вашъ Н. Гоголь.

Варварѣ Петровнѣ, Павлу Петровичу и Ивану Петровичу поручаю вамъ передать мой поклонъ.

Надѣюсь, что вы не забудете написать мнѣ, въ какомъ теперь состояніи ваше здоровье. Письмо ваше еще можетъ меня здѣсь застать, въ Петербургъ же вы знаете, какъ мнѣ адресовать.

При семъ и я душевно васъ всѣхъ обнимаю, милые братцы и сестрицы.

ВИССАРІОНЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ БѢЛИНСКІЙ.

Новыя данныя для его біографіи.

1810—1840.

Въ 1874 году оконченъ трудъ А. Н. Пыпина „Опытъ біографіи В. Г. Бѣлинскаго", печатавшійся на страницахъ „Вѣстника Европы". Въ этомъ трудѣ, основанномъ на письмахъ Бѣлинскаго и на воспоминаніяхъ лицъ, его знавшихъ, изслѣдователь постепенно, шагъ за шагомъ, слѣдитъ за внутреннимъ развитіемъ знаменитаго писателя-критика, описываетъ внѣшнія обстоятельства, сопровождавшія это развитіе, выясняетъ положеніе и отношенія Бѣлинскаго къ роднымъ, друзьямъ, знакомымъ и т. д. При такомъ изложеніи біографическихъ данныхъ и при обстоятельной группировкѣ ихъ, вполнѣ самобытный нравственный обликъ Виссаріона Григорьевича предъ умственнымъ взоромъ читателя выясняется мало по малу все отчетливѣе и ярче.

Усиленная выработка теоретическихъ и практическихъ убѣжденій происходила у Бѣлинскаго среди внѣшнихъ положеній и обстоятельствъ, бо́льшею частью не только неблагопріятныхъ для такой внутренней работы, но прямо ей враждебныхъ; Виссаріону Григорьевичу приходилось вести упорную и мучительную борьбу за каждую добытую имъ идею. Прекрасная его натура вынесла эту борьбу и изъ нея, въ концѣ концовъ, выработалось міровоззрѣніе, которое оказало неотразимое вліяніе на послѣдующее развитіе литературы и общества.

Но если таково общее впечатлѣніе, остающееся, по прочтеніи „Опыта" г. Пыпина, то по отношенію нѣкоторыхъ частностей, отдѣльныхъ эпизодовъ жизни Бѣлинскаго, нельзя сказать, чтобы они выяснены были біографомъ съ тою полнотой, какая въ этомъ случаѣ желательна. Это произошло, какъ неоднократно заявляетъ самъ г. Пыпинъ, отъ недостатка матеріаловъ, особенно писемъ самого Бѣлинскаго.

„Русская Старина“ получила въ свое распоряженіе довольно много и притомъ весьма важныхъ матеріаловъ этого рода, но послѣ того какъ почтенный трудъ А. Н. Пыпина былъ оконченъ. Тѣмъ необходимѣе подѣлиться ими съ читателями „Русской Старины“ и вообще съ лицами, интересующимися исторіей отечественной словесности и ея лучшими представителями.

Вновь открытые матеріалы для біографіи Бѣлинскаго состоятъ въ слѣдующемъ: а) 42 подлинныхъ письма Виссаріона Григорьевича къ его родителямъ и къ брату Константину Григорьевичу; письма эти относятся къ 1829—1834 гг.; б) „Разсужденіе“ Бѣлинскаго на тему: „Доброе воспитаніе всего нужнѣе для молодыхъ людей“, написанное въ концѣ 1829 г.; в) отрывокъ „трагедіи“ съ половины IV-го явленія по XIII-ое; она написана Бѣлинскимъ во время пребыванія его въ университетѣ; г) два письма Бѣлинскаго къ брату, Константину Григорьевичу, писанныя одно въ 1838, а другое—въ 1840 г.; д) „Тетрадь стихотвореній разныхъ авторовъ, собранныхъ и собственноручно переписанныхъ В. Г. Бѣлинскимъ“ во время пребыванія его въ университетѣ; и, наконецъ, е) 5 писемъ Ивановыхъ къ роднымъ Виссаріона Григорьевича (1831—1838 гг.).

Бо́льшая часть этихъ матеріаловъ пріобрѣтены и тщательно сохранены для исторіи отечественной литературы княземъ Николаемъ Николаевичемъ Енгалычевымъ, который весьма обязательно сообщилъ ихъ на страницы „Русской Старины“. Письмо же Бѣлинскаго 1840 г. и тетрадь стихотвореній, имъ собранныхъ, доставлены И. Н. Захарьинымъ.

Долгомъ считаемъ засвидѣтельствовать нашу признательность князю Н. Н. Енгалычеву и И. Н. Захарьину за ихъ вкладъ въ наше собраніе матеріаловъ для исторіи русской литературы.

Полагая, что новыя данныя, относящіяся до жизни нашего знаменитаго критика, будутъ весьма полезны для его біографіи, мы помѣщаемъ на страницахъ нашего изданія сводъ этихъ матеріаловъ. При этомъ считаемъ необходимымъ замѣтить, что въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ (1859 г., № 293) напечатаны были нѣкоторыя свѣдѣнія о Бѣлинскомъ, заимствованныя, повидимому, изъ означенныхъ матеріаловъ, но изъ самой незначительной ихъ части свѣдѣнія, помѣщенныя въ „Москов. Вѣдом.“, столь кратки и отрывочны, что не даютъ даже малѣйшаго понятія о предлагаемыхъ нынѣ матеріалахъ.

Ред.

I.

Дѣтство и юношескіе годы.— Переѣздъ въ Москву.— Поступленіе въ университетъ.— Жизнь казеннокоштныхъ студентовъ.— Поѣздка къ роднымъ.

1810—1830.

В. Г. Бѣлинскій былъ родомъ изъ Пензенской губерніи. Отецъ его, Григорій Никифоровичъ, воспитывался, вѣроятно, въ Пензенской семинаріи, откуда поступилъ въ медицинскую академію. По окончаніи въ ней курса съ званіемъ лекаря, онъ опредѣленъ былъ на службу при балтійскомъ флотѣ. Во время пребыванія въ Кронштадтѣ, Бѣлинскій женился на дочери какого-то флотскаго офицера, Маріѣ Ивановнѣ. Вскорѣ послѣ этого Григорій Никифоровичъ переѣхалъ, вмѣстѣ съ флотскимъ экипажемъ, въ Свеаборгъ, гдѣ и родился у него, въ 1810 году, первый сынъ Виссаріонъ. Черезъ пять лѣтъ, Бѣлинскій-отецъ возвратился съ семьей въ свой родной край; онъ назначенъ былъ въ уѣздный городъ Чембаръ городскимъ и уѣзднымъ врачемъ. Въ то время, какъ Виссаріонъ учился уже въ школѣ, семья увеличилась: къ ней прибавилось еще два сына, Константинъ и Никаноръ, и дочь Александра.

Домашняя обстановка, среди которой выросталъ Виссаріонъ, была самая безотрадная. „Общество,—говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ Лажечниковъ,—которое дитя встрѣчало у отца, были городскіе чиновники, бо́льшею частію члены полиціи... Общество это видѣлъ онъ на распашку, часто за ерофѣичемъ и пуншемъ, слышалъ рѣчи, обращавшіяся болѣе всего около частныхъ интересовъ, приправленныя цинизмомъ взяточничества и мелкихъ продѣлокъ, видѣлъ во очію неправду и черноту, не замаскированныя боязнью гласности, не закрашенныя лоскомъ образованности, видѣлъ и купленное за ведерку крестное цѣлованіе понятыхъ и свидѣтельствованіе разнаго рода побоевъ и проч., и проч. Душа его, въ которую пала съ малолѣтства искра Божія, не могла не возмущаться при слушаніи этихъ рѣчей, при видѣ разнаго рода отвратительныхъ сценъ“.

Правда, Бѣлинскій-отецъ, по своему образованію, могъ стоять выше этого уѣзднаго общества; но онъ былъ грубъ, насмѣшливъ, недовѣрчивъ и подозрителенъ; притомъ онъ неохотно брался за леченіе и отказывался иногда подать медицинскую помощь тамъ, гдѣ она была необходима. Вслѣдствіе этого мѣстные помѣщики старались избѣгать Григорія Никифоровича, какъ врача; практика его сдѣлалась крайне ограниченною, а съ тѣмъ вмѣстѣ значительно уменьшались, и безъ того недостаточныя, матеріальныя средства семьи.

Мать Виссаріона Григорьевича хотя была и добрая женщина, но почти безъ всякаго образованія, раздражительная и сварливая. Уходъ и заботы ея о дѣтяхъ ограничивались тѣмъ, чтобы прилично одѣть и сытно ихъ накормить.

„Отношенія самихъ родителей,—говоритъ г. Пыпинъ,—кажется, издавна были далеко не мирныя. Различіе характеровъ и понятій, хозяйственныя нужды, на которыя у отца не доставало денегъ, подавали поводъ къ раздорамъ, которые вовсе не были назидательны для дѣтей; мать не умѣла сдерживать своей раздражительности, отецъ или молчалъ на ея брань, или отвѣчалъ шутками, которыхъ она не могла ни понять, ни вынести, или раздражался самъ, и тогда начинались настоящія бури, отъ которыхъ домашніе буквально бѣжали изъ дому".

Первоначальной русской грамотѣ Бѣлинскій учился у одной „привиллегированной" учительницы и затѣмъ подъ руководствомъ отца, который преподалъ ему, между прочимъ, начатки латинскаго языка. Потомъ Бѣлинскій опредѣленъ былъ въ ново-открытое Чембарское уѣздное училище. Уже здѣсь, по свидѣтельству Лажечникова, мальчикъ выдавался изъ среды своихъ товарищей. „Лобъ его былъ прекрасно развитъ, въ глазахъ свѣтлѣлся разумъ не по лѣтамъ... Смотрѣлъ онъ очень серьезно. На предлагаемые (во время экзамена) вопросы отвѣчалъ, большею частію, своими словами, прибавляя ими то, чего не было въ казенномъ руководствѣ. Доказательство, что онъ читалъ и книги, не положенныя въ классѣ". Дѣйствительно, въ это время Бѣлинскій не только читалъ разныя книги, но дѣлалъ гораздо больше этого. Въ одной изъ своихъ рецензій онъ разсказываетъ: „еще будучи мальчикомъ и ученикомъ уѣзднаго училища, я, въ огромныя кипы тетрадей, неутомимо, денно и нощно, и безъ всякаго разбору списывалъ стихотворенія Карамзина, Дмитріева, Сумарокова, Державина, Хераскова, Петрова, Станевича, Богдановича, Максима Невзорова, Крылова и другихъ....; я плакалъ, читая „Бѣдную Лизу" и „Марьину Рощу", и вмѣнялъ себѣ въ священнѣйшую обязанность бродить по полямъ при темномъ свѣтѣ луны, съ понурымъ лицомъ à la Эрастъ Чертополоховъ.... Природа дала мнѣ самое чувствительное сердце и сдѣлала меня поэтомъ, ибо, еще будучи ученикомъ уѣзднаго училища, я писалъ баллады и думалъ, что онѣ не хуже балладъ Жуковскаго, не хуже „Раисы" Карамзина, отъ которой я сходилъ съ ума".

Въ августѣ 1825 г. Бѣлинскій перешелъ изъ Чембарскаго училища въ Пензенскую гимназію. Составъ учителей гимназіи былъ крайне незавидный; преподаваніе велось безъ всякой системы, патріархально, какъ говорится, спустя рукава. Слѣдовательно, научиться тутъ было

нечему. Но въ гимназіи нашелся одинъ человѣкъ, который имѣлъ благотворное вліяніе на развитіе Бѣлинскаго; это былъ учитель естественной исторіи, М. М. Поповъ, человѣкъ съ любовью къ наукѣ, особенно къ литературѣ, съ основательнымъ образованіемъ соединявшій доброе сердце. Бѣлинскій сблизился съ Поповымъ, который до конца сохранилъ къ нему самыя дружескія отношенія[1]).

Въ разсказѣ этого друга и еще сверстника Бѣлинскаго, Иванисова, содержатся едва-ли ни самыя любопытныя свѣдѣнія о гимназическомъ ученьи Бѣлинскаго и вообще о его житьѣ-бытьѣ въ это время. „Въ Пензѣ,—говоритъ Иванисовъ,—Бѣлинскій жилъ въ большой бѣдности: зимой, ходилъ въ нагольномъ тулупѣ; на квартирѣ жилъ въ самой дурной части города, вмѣстѣ съ семинаристами; мебель имъ замѣняли квасные боченки". „На вакаціи Бѣлинскій ѣздилъ въ Чембаръ,—разсказываетъ Поповъ;—но не помню, чтобы отецъ его пріѣзжалъ къ нему въ Пензу; не помню, чтобы кто-нибудь принималъ въ немъ участіе. Онъ видимо былъ безъ женскаго призора, носилъ платье кое-какое, иногда съ непочиненными прорѣхами. Другой на его мѣстѣ смотрѣлъ бы жалкимъ, заброшеннымъ мальчикомъ, а у него взглядъ и поступки были смѣлые, какъ бы говорившіе, что онъ не нуждается ни въ чьей помощи, ни въ чьемъ покровительствѣ. Таковъ онъ былъ и послѣ, такимъ пошелъ и въ могилу".

При всей бѣдности, Бѣлинскій находилъ средства посѣщать театръ, страсть къ которому уже въ это время начинала у него проявляться.

Бѣлинскій бралъ у Попова книги и журналы, пересказывалъ ему прочитанное, судилъ и рядилъ обо всемъ, задавалъ вопросъ за вопросомъ. „Бывало поэкзаменуйте его,—говоритъ Поповъ,—какъ обыкновенно экзаменуютъ дѣтей—онъ изъ послѣднихъ; а поговорите съ нимъ дома, по-дружески, даже о точныхъ наукахъ—онъ первый ученикъ".

Но какъ бы то ни было, только Бѣлинскій въ февралѣ 1829 г. былъ вычеркнутъ изъ гимназическихъ списковъ, съ отмѣткой: „за нехожденіе въ классъ".

По выходѣ изъ гимназіи, Бѣлинскій началъ собираться въ Москву для поступленія въ университетъ. При ограниченности средствъ, которыми располагали родители Бѣлинскаго, такая поѣздка представлялась для нихъ дѣломъ не легкимъ. Кромѣ того, Виссаріону нужны были ко времени отъѣзда нѣкоторые необходимые въ этомъ случаѣ

---

[1]) Михаилъ Максимовичъ Поповъ умеръ въ Петербургѣ около 1868 г., въ чинѣ тайнаго совѣтника, состоя многіе годы на службѣ старшимъ чиновникомъ III-го отдѣленія собственной Е. И. В. канцеляріи.

документы, какъ метрическое и полицейское свидѣтельства; между тѣмъ, родители, по незнанію, или просто по безпечности, мало заботились о снабженіи ими сына. Кое-какъ дѣло, впрочемъ, уладилось: отецъ далъ необходимыя деньги на дорогу, а документы обѣщалъ выслать въ Москву немедленно. Въ августѣ 1829 г. Бѣлинскій отправился въ путь съ рекомендательными письмами отъ бывшаго своего учителя М. М. Попова къ И. И. Лажечникову, находившемуся въ это время въ Москвѣ, и отъ Лукерьи Савельевны (одной пензенской помѣщицы) къ генералу А. З. Дурасову. Онъ поѣхалъ вмѣстѣ съ однимъ изъ своихъ родственниковъ, И. Н. В—мъ, и прибылъ въ Москву 22-го августа 1829 г.

Вскорѣ по пріѣздѣ, Бѣлинскій былъ у Лажечникова и Дурасова, которые „приняли его очень ласково“, при чемъ послѣдній „обѣщался ему покровительствовать“. 31-го августа Бѣлинскій подалъ ректору университета Двигубскому прошеніе о принятіи его въ университетъ, но ректоръ тотчасъ же возвратилъ прошеніе обратно, такъ какъ при немъ не было метрическаго свидѣтельства. Между тѣмъ, черезъ три дня истекалъ срокъ пріема прошеній. Извѣщая обо всемъ этомъ родителей, Бѣлинскій, отъ 1-го сентября, писалъ: „теперь я не знаю, что мнѣ и дѣлать. Завтра опять хочу просить его пр-во Андрея Зиновьича Дурасова; если онъ откажется помочь, то я лишусь всякой надежды поступить нынѣшнимъ годомъ въ Московскій университетъ, и всему этому причиною вы. Безъ свидѣтельства, которое мнѣ такъ нужно, какъ мужику паспортъ, и самое мое пребываніе въ Москвѣ опасно. Еслибъ на заставѣ я не сказался лакеемъ И. Н—ча, меня бы остановили... Бога самого ради прошу васъ: пришлите какъ наивозможно скорѣе свидѣтельство. Я безъ него погибъ“.

Но родители, какъ видно, не торопились высылкою требуемыхъ документовъ, и Бѣлинскій чрезъ нѣсколько дней пишетъ имъ: „Мои обстоятельства въ самомъ худомъ положеніи.... Пріемъ просьбъ и экзамены кончились, и уже выдали табели. Надежда потеряна совершенно[1]). Но я въ Чембаръ не поѣду по слѣдующимъ причинамъ: меня, яко неимѣющаго никакого вида и свидѣтельства, задержатъ на заставѣ. Во-вторыхъ, я не хочу быть предметомъ посмѣянія и насмѣшекъ всего города, и посему лучше соглашусь умереть съ холода и голода среди московскихъ улицъ, или просить милостыню подъ окнами, нежели ѣхать къ вамъ въ Чембаръ. Опять, если я пріѣду въ Чембаръ, то не буду имѣть случая вторично ѣхать въ Москву: ибо и сей разъ съ большимъ грѣхомъ удалось мнѣ съѣхать“. Затѣмъ Бѣлинскій изла-

[1]) Т. е. на поступленіе въ университетъ.

гаетъ планы, какъ онъ намѣревался устроиться въ Москвѣ до слѣдующаго года. „Я могу пріискать квартиру рублей по 15-ти въ мѣсяцъ на хозяйскомъ содержаніи у какого-нибудь дьячка или понамаря, которые въ Москвѣ живутъ не хуже нашихъ поповъ. Буду заниматься языками, науками. Постараюсь найти кондиціи, и другія средства къ содержанію буду испытывать. Между тѣмъ, надѣюсь, что и вы меня не совсѣмъ оставите. На будущій годъ я всѣхъ прежде подамъ просьбу и навѣрное буду принятъ...“ Въ заключеніе слѣдуетъ опять убѣдительная просьба о высылкѣ документовъ, особенно вида на жительство. „Безъ сего свидѣтельства, — убѣждалъ родителей Бѣлинскій, — меня никто и на квартиру не пуститъ, ибо надобно заявить въ части. Теперь я все равно какъ бѣглый и нахожусь въ великой опасности: ибо Москва — не Чембаръ“.

Хотя Бѣлинскій и говорилъ, что на поступленіе въ университетъ у него „надежда потеряна совершенно“, но скоро оказалось, что это не совсѣмъ такъ. Дѣло въ томъ, что ему предстояла возможность зачислиться вольнымъ слушателемъ; а такъ какъ по выдержаніи годичнаго экзамена онъ могъ быть принятъ въ число студентовъ прямо на второй курсъ, то въ этомъ случаѣ потери времени не могло произойти. Извѣщая объ этомъ намѣреніи родителей, Бѣлинскій просилъ только поскорѣе выслать ему метрическое свидѣтельство. Это свидѣтельство было, наконецъ, выслано,—Бѣлинскій получилъ его 11-го сентября 1829 г., а съ тѣмъ вмѣстѣ измѣнились и обстоятельства.

„Съ живѣйшею радостію и нетерпѣніемъ спѣшу увѣдомить васъ,— писалъ Бѣлинскій въ концѣ сентября родителямъ, — что я принятъ въ число студентовъ императорскаго Московскаго университета. Меня не столько радуетъ то, что я студентъ, сколько то, что симъ могу доставить вамъ удовольствіе. Я съ своей стороны сдѣлалъ все, что только могъ сдѣлать: я передъ вами оправдался. Тѣмъ болѣе меня радуетъ и восхищаетъ принятіе въ университетъ, что я оному обязанъ не покровительству и стараніямъ кого-нибудь, но собственно самому себѣ. Хотя Лажечниковъ и просилъ обо мнѣ двухъ профессоровъ [1]), но его просьба потому осталась недѣйствительна, что въ то время, когда я держалъ экзаменъ, вмѣсто ихъ другіе были назначены экзаменаторами. Генералъ Дурасовъ тоже въ семъ случаѣ мнѣ нимало не помогъ. Впрочемъ, онъ тѣмъ сдѣлалъ мнѣ большую пользу, что собственноручною роспискою поручился въ томъ, что я буду всегда ходить въ форменной одеждѣ и поведеніемъ своимъ не нанесу никакого начальству безпокойства. По уставу, каждый студентъ дол-

[1]) Побѣдоносцева и Снегирева.

женъ найти себѣ поручителя; поручаться же можетъ отецъ, родственникъ и всякій чиновный человѣкъ. Я получилъ отъ васъ свидѣтельство о рожденіи 11-го числа, въ среду; просьбу подалъ 12-го числа, экзаменъ держалъ 19-го, табель получилъ 21-го. И такъ, я теперь студентъ и состою въ XIV-мъ классѣ, имѣю право носить шпагу и треугольную шляпу".

Повидимому, Бѣлинскій думалъ нѣсколько погордиться своимъ студенчествомъ предъ чембарскими жителями. Такъ, въ письмѣ отъ 9-го октября 1829 г., онъ, между прочимъ, говоритъ: „Я думаю, что въ вашемъ пресловутомъ Чембарѣ очень удивляются, что я принятъ въ императорскій Московскій университетъ студентомъ. Впрочемъ, я очень мало дорожу мнѣніемъ чембарцевъ. Ежели меня не умѣли оцѣнить въ Чембарѣ, то оцѣнили въ Москвѣ. Я думаю всѣмъ вѣстимо, что между Чембаромъ и Москвою есть небольшая разница, и что между чембарскими жителями и московскими профессорами есть маленькое разстояньице. О, Чембаръ, пресловутый Чембаръ!!!"

Бѣлинскій началъ посѣщать университетскія лекціи по словесному факультету, и еще 25-го сентября подалъ прошеніе въ совѣтъ о принятіи его на казенное содержаніе. „Рѣшеніе на мою просьбу выйдетъ около Р. Х., а не прежде,— писалъ Бѣлинскій домой,— и до тѣхъ поръ я долженъ жить на своемъ коштѣ".

Между тѣмъ, этотъ „коштъ" вскорѣ по пріѣздѣ въ Москву оказался недостаточенъ. Сначала Бѣлинскій нанялъ небольшую комнату со столомъ за 25 рублей въ мѣсяцъ у какой-то Ольги Матвѣевны, „добрѣйшей женщины"; потомъ, когда жилецъ нашелъ, что для него такая плата становится дорогою, то Ольга Матвѣевна согласилась держать его за 15 руб., при худшемъ, сравнительно съ прежнимъ, столѣ. „Это по-московски чрезвычайно дешево,—писалъ роднымъ Бѣлинскій,— и дешевле этого найти невозможно... Такъ какъ я себя очень хорошо веду, тихъ, ласковъ, вѣжливъ и услужливъ, то ей (добрѣйшей женщинѣ) и не хочется, чтобы я сошелъ" (съ квартиры). Кромѣ квартиры и стола, Бѣлинскій на первыхъ порахъ сдѣлалъ нѣкоторые расходы, казавшіеся ему необходимыми [1]). Вскорѣ послѣ поступленія въ

[1]) ..... Вы не можете себѣ представить, что̀ вышло на разныя мелочи, напримѣръ: я купилъ пару ваксенныхъ щетокъ, ваксы, помады, гребень, гребенку, рейсфедеръ, бумаги, перьевъ, чернилъ и прочихъ необходимыхъ мелочей, на которыя довольно вышло денегъ. При томъ же, пріѣхавши въ Москву, надобно было нанимать ямщиковъ до тѣхъ поръ, пока не узналъ хорошо улицъ. Бывало, когда пойду пѣшкомъ, то плутаю до тѣхъ поръ, что зайду отъ цѣли версты за три. При томъ же я купилъ себѣ довольно необходимыхъ книгъ,

университетъ, Бѣлинскій сошелъ съ квартиры Ольги Матвѣевны и поселился съ двумя товарищами (Максимовымъ и Слѣпцовымъ) у одного портнаго съ платою за комнату „по 20 руб. въ мѣсяцъ"; на содержаніе въ день у всѣхъ троихъ выходило не болѣе рубля. Наконецъ, до опредѣленія на казенный счетъ Бѣлинскому необходимо было сшить форменную одежду, такъ какъ безъ нея могли запретить ему посѣщеніе лекцій. О всѣхъ этихъ расходахъ и потребностяхъ Бѣлинскій сообщалъ родителямъ, прося ихъ о присылкѣ денегъ. Отцу это не нравилось и онъ не могъ удержаться отъ упрековъ сыну въ мотовствѣ, неумѣньи жить и т. п. Бѣлинскій огорчался, оправдывался, какъ могъ, въ сдѣланныхъ расходахъ, и настаивалъ на необходимости имѣть форменную одежду.

„Папенька, я получилъ ваше письмо 30-го сентября,—писалъ 2-го октября Бѣлинскій.—Сдѣланные вами мимоходомъ въ семъ краткомъ письмѣ, упреки сколько для меня горестны, столько, къ несчастью, и справедливы. Такъ запираться не для чего. Я во всемъ признаюсь: признаніе есть исправленіе половины вины. Я издержалъ всѣ деньги до копѣйки. Впрочемъ, сіе мотовство произошло не отъ безпорядочнаго поведенія или чего-нибудь подобнаго, но единственно отъ вѣтренности и неосторожности, отъ незнанія цѣнъ и безстыдства московскихъ продавцовъ. Напримѣръ, еще дорогою наслышался я отъ Ивана Николаевича и его честныхъ служителей, что сапоги въ Москвѣ чрезвычайно дороги. По пріѣздѣ въ оную, чрезъ два дня... прошу Евфима, чтобы онъ привелъ ко мнѣ сапожника и съ нимъ при мнѣ сладился о цѣнѣ. Онъ говоритъ, что у него есть знакомый сапожникъ, который цѣлый годъ шилъ сапоги на Ивана Николаевича и на него, и что онъ беретъ крайне дешево. На другой день приводитъ ко мнѣ дешеваго сапожника. Спрашиваю, что стоятъ хорошіе опокойные полусапожки?—„Не дороги, сударь, только 18 руб." Я изумился, смѣшался и не зналъ, что и подать. Честный Евфимъ съ сапожникомъ въ запуски увѣряютъ меня, что дешевле невозможно нигдѣ заказать; и я, увѣренный, или, лучше сказать, обманутый сими плутами, согласился за 14 руб. Правда, онъ сшилъ, по наружности, прекрасные полусапожки, но они не болѣе двухъ дней были крѣпки. Шельма, взявши съ меня такую цѣну, не постыдился употребить на мои сапоги товару съ изъяномъ. Искусно затертыя, замазанныя и зачищенныя дыры скоро

напримѣръ, ариѳметику Войтяховскаго, за которую заплатилъ два рубля и нѣсколько другихъ учебныхъ и французскихъ нужныхъ книгъ. Рублей съ пять издержалъ дорогой. При томъ же вы знаете, что Москва не Чембаръ, а я—не монахъ, отчужденный отъ міра. По всѣмъ симъ причинамъ у меня очень немного осталось денегъ...»

открылись. Послѣ я узналъ, что въ Москвѣ за очень хорошіе опойковые полусапожки не болѣе 6-ти или 8-ми руб. берутъ... Такимъ же образомъ, по рекомендаціи Евфима, я купилъ чемоданъ за 10 руб...., а онъ стоитъ не болѣе 6-ти руб. Вотъ, видите-ли, по неопытности и незнанію, я за двѣ покупки передалъ 10 руб. Такимъ же образомъ я промахивался и въ другихъ покупкахъ. Впрочемъ, много истратилъ денегъ на книги, и, что всего самому досаднѣй, на разные пустяки. Пріѣхавши въ такой городъ, гдѣ всѣ роды обольщеній какъ бы стараются выманивать деньги у неопытныхъ провинціаловъ..."

Относительно же необходимости имѣть форменную одежду, Бѣлинскій писалъ: „У насъ наистрожайшимъ образомъ студентамъ запрещается ходить на лекціи въ партикулярной одеждѣ. Однажды пришелъ въ нашу аудиторію профессоръ математическаго отдѣленія, инспекторъ своекоштныхъ студентовъ, Чумаковъ. Самымъ грубымъ образомъ погналъ всѣхъ фрачниковъ и сюртучниковъ на заднія лавки и сказалъ: „Ежели кто-нибудь черезъ недѣлю не будетъ имѣть форменной одежды, то я выключу изъ университета". Конечно, онъ выключить не можетъ, ибо въ семъ случаѣ одинъ не имѣетъ никакой силы, однако можетъ запретить ходить на лекціи, а чрезъ упущеніе очень много можно потерять. При томъ не имѣющій форменной одежды можетъ быть замѣченъ и навлечь негодованіе начальства. Посему мнѣ непремѣнно должно имѣть на первый случай хотя вицъ-мундиръ, форменную жилетку и картузъ".

Вслѣдъ за этимъ приводится подробное вычисленіе, сколько эти вещи обойдутся по самой умѣренной цѣнѣ; оказывается, что, за исключеніемъ картуза, нужно 54 руб. „Но изъ сей суммы, — утѣшаетъ родителей Бѣлинскій,—выгадаю и на картузъ. Конечно, 54 руб. сумма для васъ не маловажная, но дѣлать нечего: нужда не знаетъ законовъ". Кромѣ того, Бѣлинскій просилъ выслать ему денегъ еще „на содержаніе", такъ какъ въ это время онъ былъ уже долженъ одному изъ своихъ товарищей. Письмо оканчивается просьбою о томъ, чтобы отецъ давалъ денегъ Константину Григорьевичу на пересылку его писемъ къ Бѣлинскому.

Родители обѣщались прислать деньги, но медлили ихъ высылкою. Это обстоятельство удивляло и вмѣстѣ огорчало Бѣлинскаго. „Впрочемъ, я надѣюсь, — говоритъ онъ отцу, — непремѣнно получить обѣщанныя вами деньги вскорѣ; ибо, я думаю, что вы, несмотря на мои ошибки, все еще мнѣ отецъ и не допустите сына своего умереть съ голоду..." Наконецъ, деньги, 100 руб., были высланы, и Бѣлинскій, „движимый чувствомъ благодарности, со всѣмъ жаромъ сердца, тронутаго такимъ благодѣяніемъ, со всею сыновнею почтительностію",

благодарилъ за нихъ родителей. Эти деньги Бѣлинскій получилъ уже тогда, когда принятъ былъ на казенное содержаніе. Слѣдовательно, теперь шить форменную одежду ему не представлялось надобности, такъ, по крайней мѣрѣ, объяснялъ родителямъ Бѣлинскій, почему онъ, заплативъ кое-какіе долги и купивъ „нѣкоторыя необходимыя и касающіяся до литературы книги", остальныя деньги роздалъ въ долгъ товарищамъ.

Высылая упомянутыя деньги, отецъ не преминулъ высказать сыну свое неудовольствіе, упреки, брань и т. д. Вслѣдствіе этого, Бѣлинскій писалъ: „Папенька, вы на меня очень сердитесь и браните меня; это для меня чрезвычайно прискорбно. Признаюсь, я этого никакъ не ожидалъ. Часто случалось, въ бытность мою въ Пензѣ, переносить мнѣ подобные съ вашей стороны со мною поступки; они раздирали мою душу, приводили меня въ отчаяніе. Я молчалъ, былъ спокоенъ; но это молчаніе, это спокойствіе были ужасны. Надѣюсь, что впередъ вы будете ко мнѣ справедливѣе и подобными поступками не будете убивать вашего сына, чувствующаго къ вамъ истинную любовь и почтеніе,—сына, который почти одинъ умѣетъ понимать и цѣнить васъ. Можетъ быть, я не буду имѣть необходимости безпокоить васъ болѣе своими просьбами, равно какъ и одолжаться Николаемъ Михайловичемъ и Лукерьею Савельевною. Если успѣхъ одного предпріятія (?), которымъ занимается Н. Л. Григорьевъ съ однимъ студентомъ и въ которомъ и я имѣю участіе (?), не обманетъ нашего ожиданія, то я надѣюсь получить около 500 руб., а можетъ быть и втрое больше".

Такимъ образомъ, денежныя обстоятельства, которыя столь затрудняли и, можно сказать, тяготили Бѣлинскаго, теперь уладились, и поэтому онъ могъ свободнѣе переписываться съ родными о другихъ предметахъ, объ иныхъ впечатлѣніяхъ... Такъ, около этого времени Бѣлинскій описывалъ университетскій музей, библіотеку и проч.

„Я былъ,—разсказываетъ онъ,—въ музеумѣ императорскаго Московскаго университета. Что сказать о немъ? Это есть небольшое царство очарованій. Почти все, что есть удивительнаго и достойнаго вниманія въ природѣ, все тамъ находится. Всѣхъ же богатѣе собраніе минераловъ и птицъ. Видѣлъ университетскую библіотеку: она занимаетъ четыре пространныя комнаты; тамъ стоятъ алебастровые бюсты великихъ геніевъ: Ломоносова, Державина, Карамзина. Тамъ же стоятъ бюсты: императора Александра I и Шувалова. Жалко, что между помянутыми бюстами великихъ писателей стоятъ бюсты—площаднаго Сумарокова, холоднаго, напыщеннаго и сухаго Хераскова. Зала публичныхъ экзаменовъ прекрасна: красота, убранство и вели-

колѣпіе оной неописанны. Былъ въ анатомическомъ кабинетѣ... въ кабинетѣ физико-математическаго отдѣленія...“

Повѣряя родителямъ тѣ или другія впечатлѣнія, полученныя въ Москвѣ, Бѣлинскій не могъ удержаться, чтобы не поговорить о страстно любимомъ имъ театрѣ, о чарующемъ дѣйствіи игры Мочалова и Щепкина. „Я былъ,—говоритъ онъ въ письмѣ отъ 9-го октября 1829 г.,—четыре раза въ театрѣ; онъ сооруженъ въ 1824 г. и есть прекраснѣйшее и огромнѣйшее зданіе, одно изъ единственнѣйшихъ произведеній зодчества и одинъ изъ первѣйшихъ театровъ Европы. Видѣлъ въ роляхъ Отелло и Карла Моора знаменитаго Мочалова, перваго, лучшаго трагическаго московскаго актера, единственнаго соперника Каратыгина. Геній мой слишкомъ слабъ, слишкомъ ничтоженъ, недостаточенъ, чтобы достойно описать игру сего неподражаемаго актера, сего необыкновеннаго генія, сего великаго артиста драматическаго искусства. Впрочемъ, другіе трагическіе актеры, за исключеніемъ двухъ или трехъ, очень худо играютъ; напримѣръ: роль Едельмоны и Амаліи играла Рыкалова по пензенскому худо, а по московскому скверно. Вообще многіе актеры подгаживаютъ и вообще представленіе трагедій восхищаетъ въ частяхъ, а не въ цѣломъ. Что же касается до комедіи и оперъ, то я не знаю, можетъ-ли что-нибудь быть во всей нравственной и физической природѣ совершеннѣй представленій оныхъ. Лучшій комическій актеръ здѣсь Щепкинъ: это не человѣкъ, а дьяволъ, вотъ лучшая и справедливѣйшая похвала его. Красота декорацій, сходство ихъ съ натурою неописанны: мнѣ кажется, что въ семъ случаѣ искусство превзошло природу. Но довольно о театрѣ. Если вамъ будетъ (пріятно) сіе слабое описаніе Московскаго театра, то я буду вамъ писать о семъ подробнѣе“.

Но родителямъ видимо не нравились подобныя извѣстія, особенно матушкѣ; она, напротивъ, убѣждала сына „ходить по всѣмъ московскимъ церквамъ“, а вовсе не въ театръ. Бѣлинскій съ этимъ не соглашался...

Въ январѣ 1830 г. онъ писалъ матери: „Маменька, вы уже въ другомъ письмѣ увѣщеваете меня ходить по церквамъ: право, подобныя увѣщанія для меня не всегда пріятны и могутъ мнѣ наскучить. Если бы вы совѣтовали мнѣ быть добрымъ человѣкомъ, не измѣнять правиламъ добраго поведенія, то бы, хотя и самъ все сіе очень хорошо знаю, принялъ бы съ благодарностію подобные совѣты. Я почелъ бы ихъ за опасеніе матери, которая любитъ своего сына и страшится потерять его. И въ такомъ случаѣ, если бы я пошелъ по пути порока, увлекаемый пылкостію характера и огнемъ страстей, то, взглянувъ на ваши строки, вспомнилъ бы, что я имѣю отца и мать, что

я своимъ поведеніемъ могу причинить имъ много горестей и заставить стыдиться, что они имѣютъ такого сына—вспомнилъ бы—и, можетъ быть, удержался бы на краю пропасти, въ которую готовъ былъ низвергнуться. Но вы хотите изъ меня сдѣлать благочестиваго, странствующаго пилигримма и заставить меня предпринять благопохвальное путешествіе по московскимъ церквамъ, которымъ и счета нѣтъ. Шататься мнѣ по онымъ некогда, ибо чрезвычайно много другихъ, гораздо важнѣйшихъ дѣлъ, которыми должно заниматься.

„Вы меня, еще въ прежнемъ письмѣ, по этому поводу упрекали въ томъ, что я былъ въ театрѣ, а не былъ во всѣхъ соборныхъ и приходскихъ церквахъ. Театръ мнѣ необходимо должно посѣщать для образованія своего вкуса и для того, чтобы, видя игру великихъ артистовъ, имѣть толкъ въ этомъ божественномъ искусствѣ. Я пошелъ по такому отдѣленію, которое требуетъ, чтобы имѣть познаніе и толкъ во всѣхъ изящныхъ искусствахъ. И потому я прошу васъ уволить меня отъ нравоученій такого рода: увѣряю васъ, что они будутъ безполезны“.

Вслѣдствіе того обстоятельства, что, съ опредѣленіемъ на казенное содержаніе, Бѣлинскій не могъ болѣе обремѣнять родителей, или вслѣдствіе благопріятнаго душевнаго настроенія за это время, или же жизнь казеннокоштныхъ студентовъ была въ самомъ дѣлѣ хороша, какъ бы то ни было, только Бѣлинскій описывалъ родителямъ эту жизнь, какъ весьма удобную и привлекательную. Вотъ почти цѣликомъ это описаніе [1]): „комнаты, занимаемыя студентами, называются нумерами, которыхъ 16, изъ нихъ въ двухъ живутъ два субъ-инспектора. Всѣхъ казенныхъ студентовъ 150 человѣкъ. Въ каждомъ нумерѣ находится отъ 8-ми до 12-ти студентовъ. У каждаго студента своя кровать, свой столъ и своя табуретка. Кровати всѣ желѣзныя, очень аккуратно сдѣланныя... Номера наши, можно сказать, отлично хороши: карнизы стѣнъ украшены алебастровыми барельефами, полы крашенные, окна большія, чистота и опрятность необыкновенныя. Для каждаго номера опредѣленъ солдатъ, который мететъ полъ, прибираетъ постели и прислуживаетъ студентамъ. По уставу, вставать должно въ 6 часовъ, впрочемъ, спать можно и до 8½. Въ 7 часовъ бываетъ завтракъ, который состоитъ изъ булки и стакана молока... По буднямъ обѣдъ бываетъ въ 2 часа, а по праздникамъ въ 12. Столъ по буднямъ состоитъ изъ трехъ блюдъ..... хлѣбъ всегда бываетъ сытный и вкусный,

---

[1]) У г. Пыпина приведены нѣкоторыя выдержки изъ этого письма по тому краткому извлеченію, которое было помѣщено въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» ио которомъ мы выше упомянули.

и кушанья вообще приготовлены весьма хорошо. По воскресеньямъ и прочимъ праздникамъ, сверхъ обыкновеннаго, бываютъ пироги, жаркое и какое-нибудь пирожное. Столы всегда накрываются скатертями и для всякаго студента особенный приборъ, состоящій, какъ обыкновенно бываетъ, изъ тарелки, покрытой сложенной салфеткой, серебряной ложки, ножа и вилки. У каждаго стола, коихъ всѣхъ 14, прислуживаетъ солдатъ..... Порядокъ въ столовой чрезвычайно хорошъ. Увидя столы, накрытые снѣговыми скатертями, (на которыхъ) поставлены миски, блюда, графины съ квасомъ, приборы въ величайшемъ порядкѣ, можно подумать, что это приготовленъ обѣдъ для гостей какого-нибудь богача по случаю праздника, бала или чего-нибудь подобнаго... Миски и блюда блестятъ, какъ серебряныя. Такая чистота во всѣхъ отношеніяхъ наблюдается“....

„Нашъ инспекторъ, Дмитрій Матвѣевичъ Перевощиковъ, человѣкъ весьма извѣстный въ ученомъ свѣтѣ. Онъ строгъ, любитъ порядокъ, и мы спокойствіемъ, порядкомъ и устройствомъ нашего казеннаго быта бо́льшею частію одолжены ему. Помощники его въ должности называются субъ-инспекторами, ихъ четверо: одинъ докторъ медицины, два — лекаря, готовящіеся быть докторами, и одинъ кандидатъ словесности..... Они ни малѣйшей власти не имѣютъ надъ нами: если кто имъ нагрубитъ или сдѣлаетъ что-нибудь слишкомъ молодецкое, то они должны только донести инспектору. Въ разсужденіи свободы у насъ очень хорошо: по буднямъ отъ двухъ до десяти часовъ ночи я имѣю право быть внѣ университета; ежели хочу ночевать внѣ онаго, то долженъ для проформы спроситься у дежурнаго субъ-инспектора..... Вотъ вамъ краткое описаніе казеннаго быта. Покуда все хорошо.... Впрочемъ, эти постановленія, а особливо въ разсужденіи свободы нашей, зависятъ отъ воли инспектора, и потому, если инспекторъ хорошъ, то и казенное житье хорошо“.

Какъ, повидимому, ни привлекательна была жизнь казенныхъ студентовъ, однако же скоро въ ней стали обнаруживаться для Бѣлинскаго нѣкоторыя неудобства. Напримѣръ, выданная Бѣлинскому казенная одежда и обувь оказались дурнаго качества, такъ что мѣсяца черезъ два-три она приняла крайне непривлекательный видъ. Поэтому Бѣлинскій купилъ у одного товарища новую вицъ-мундирную пару за 30 руб.; къ этому понадобились и нѣкоторыя другія принадлежности туалета. Сообщая объ этомъ родителямъ, съ просьбою о присылкѣ денегъ, Бѣлинскій писалъ: „вы сами знаете, какъ я ходилъ до сего времени; пора уже одѣться хотя мало-мальски получше, чтобы не стыдно было показаться добрымъ людямъ. Если бы я не имѣлъ въ семъ необходимой нужды, то бы не осмѣлился безпокоить васъ сими

просьбами". Впрочемъ, покуная упомянутый вицъ-мундиръ, Бѣлинскій руководствовался и другимъ соображеніемъ, именно тѣмъ, что если бы на лѣто ему привелось пріѣхать къ роднымъ въ Чембаръ, то здѣсь онъ „принужденъ бы былъ ходить въ одномъ мундирѣ".

Бѣлинскому очень хотѣлось повидаться съ родными, побывать въ Чембарѣ. Уже съ мая мѣсяца (1830 г.) онъ начинаетъ хлопотать объ этомъ. Въ письмѣ отъ 7-го мая онъ извѣщаетъ родителей, что „ученый академическій годъ оканчивается, и къ первому іюня или еще и гораздо прежде мы будемъ свободны отъ всѣхъ заботъ, сопряженныхъ съ ученьемъ"; высказываетъ планъ поѣздки съ пензенскими товарищами: „наймемъ нѣсколько кибитокъ и поѣдемъ обозомъ; Ломовъ будетъ мѣстомъ нашихъ разъѣздовъ: нѣкорые останутся въ ономъ, другіе поворотятъ на Пензу, а я—на благословенный Чембаръ". Затѣмъ слѣдуетъ просьба не оставить его въ этомъ случаѣ „вспоможеніемъ". Но родители ни словомъ не раздѣляли эти надежды сына. Бѣлинскій горько жаловался на такое равнодушіе... и 4-го іюня онъ опять пишетъ:

„13-го числа сего мѣсяца я буду совершенно свободенъ и могу ѣхать домой; теперь же по причинамъ, описаннымъ мною вамъ въ послѣднемъ моемъ письмѣ, не могу. Товарищи всѣ уѣдутъ и я принужденъ буду остаться въ Москвѣ и лишиться, не говорю удовольствія—этого мало—лишиться счастія видѣться съ вами, съ родными и знакомыми, слишкомъ три мѣсяца проводить въ несноснѣйшей тоскѣ, тогда какъ бы я могъ провести сіе время въ радости. Если вамъ непріятно меня видѣть въ своемъ домѣ, то напишите ко мнѣ объ этомъ: по крайней мѣрѣ, я не буду напрасно надѣяться. Ваше молчаніе для меня несноснѣе всего на свѣтѣ".....

На этотъ разъ молчаніе со стороны родителей было нарушено: они прислали сыну письмо, въ которомъ высказали замѣчаніе, что онъ самъ можетъ справиться съ своими нуждами и, если дѣйствительно желаетъ видѣться съ ними, то найдетъ и средства для поѣздки въ Чембаръ. Такое замѣчаніе взорвало Бѣлинскаго. „Это превосходно!..—писалъ онъ въ отвѣтъ матери.—Я вижу, что оставленъ, брошенъ, презрѣнъ, что обо мнѣ не хотятъ и знать...". Въ концѣ же концовъ, какъ видно изъ имѣющихся у насъ писемъ, эти непріятныя пререканія были устранены, и Бѣлинскій отправился къ родителямъ[1]).

---

[1]) Г. Пыпинъ ошибается, высказавъ предположеніе, что Бѣлинскій «съ самаго отъѣзда въ университетъ никогда уже не бывалъ на родинѣ» (Опытъ біогр., «Вѣстникъ Европы» 1874 г., мартъ, стр. 226).

II.

Въ университетѣ.— «Трагедія».— Исключеніе изъ университета.

1830 — 1832.

Бѣлинскій возвратился изъ дому около половины сентября, когда начались уже лекціи въ университетѣ,— обстоятельство, которое, какъ увидимъ, не прошло ему даромъ. Въ первое время по пріѣздѣ Бѣлинскій занятъ былъ хлопотами объ опредѣленіи своего брата Константина и одного изъ родственниковъ въ гимназію на казенный счетъ. Хлопоты однако же не увѣнчались успѣхомъ, и братъ принужденъ былъ отправиться обратно домой. Скоро въ Москвѣ появилась холера; студентовъ не выпускали изъ стѣнъ университета. Послѣдовали строгія, стѣснительныя для студентовъ распоряженія; жизнь становилась тяжелою...

Выше было упомянуто, что казенное содержаніе представляло нѣкоторыя неудобства для Бѣлинскаго; теперь же Бѣлинскій сталъ положительно недоволенъ этимъ содержаніемъ. Такъ уже 24-го сентября 1830 г. онъ писалъ родителямъ: „я теперь нахожусь въ такихъ обстоятельствахъ, что лучше бы согласился быть подъячимъ въ чембарскомъ земскомъ судѣ, нежели жить на этомъ каторжномъ, проклятомъ казенномъ коштѣ. Если бы я прежде зналъ, каковъ онъ, то лучше бы согласился наняться кому-нибудь въ лакеи, и чищеніемъ сапогъ и платья содержать себя, нежели жить на немъ".

Причины, которыя вынуждали Бѣлинскаго такъ невыгодно отзываться о казенномъ содержаніи, подробно изложены имъ въ письмѣ къ роднымъ, отъ 17-го февраля 1831 г.[1]). Мы почти цѣликомъ приводимъ относящійся сюда отрывокъ:

„У насъ съ іюня 1830 г. воцарился новый инспекторъ[2]). До окончанія вакаціи и до начала открытія лекцій онъ не дѣлалъ никакихъ распоряженій: оныя послѣдовали черезъ нѣсколько дней послѣ моего пріѣзда въ Москву. У насъ прежде столы и кровати были вмѣстѣ и мы въ одномъ и томъ же номерѣ и занимались, и спали. Это имѣло для насъ ту выгоду, что мы могли иногда и полежать, если надоѣстъ сидѣть, и каждый изъ насъ имѣлъ свой особенный уголокъ. Щепкинъ уничтожилъ эти выгоды, перенесши кровати въ другую поло-

[1]) Это во многихъ отношеніяхъ замѣчательное письмо есть именно то самое, по поводу котораго г. Пыпинъ высказалъ сожалѣніе, что не имѣлъ его подъ руками «въ полномъ составѣ» (Опытъ біогр., «Вѣстникъ Европы» 1874 г., апрѣль, стр. 620).

[2]) П. С. Щепкинъ.

вину этажа, занимаемаго нами. Бывало, въ номерѣ жило не болѣе, какъ по 10-ти или много-много по 11-ти человѣкъ, а теперь по 15-ти, 17-ти и 19-ти. Сами посудите, можно-ли при такомъ многолюдствѣ заниматься дѣломъ? Столики стоятъ въ такомъ близкомъ одинъ отъ другаго разстояніи, что каждому даже можно читать книгу, лежащую на столѣ своего сосѣда, а не только видѣть, чѣмъ онъ занимается. Тѣсиота, толкотня, крикъ, шумъ, споры; одинъ ходитъ, другой играетъ на гитарѣ, третій на скрыпкѣ, четвертый читаетъ вслухъ — словомъ: кто во что горазд. Извольте тутъ заниматься! Сидя часовъ пять сряду на лекціяхъ, должно и остальное время вертѣться на стулѣ. Бывало, я и понятія не имѣлъ о боли въ спинѣ и поясницѣ, а теперь хожу весь какъ разломанный. Часы ударятъ 10, должно идти спать черезъ четыре длинныхъ корридора и нѣсколько площадокъ; поутру, если забудешь взять съ собою полотенце, мыло, или что-нибудь подобное, надобно опять два раза пройти безконечную цѣпь корридоровъ. Пища въ столовой такъ мерзка, такъ гнусна, что невозможно ѣсть. Я удивляюсь, какимъ образомъ мы уцѣлѣли отъ холеры, питаясь пакостною падалью, стервятиной и супомъ съ червями. Обращаются съ нами какъ нельзя хуже. Невозможно исчислить всѣхъ неудобствъ казеннаго кошта. Какая разница между жизнію казеннаго и жизнію своекоштнаго студента! Первый всегда находится въ глазахъ начальства; самые ничтожные проступки его берутся на замѣчаніе. Второй же почти не знаетъ своего начальства, которое имѣетъ на него самое слабое вліяніе. Живетъ онъ одинъ или много—съ двумя товарищами на квартирѣ. Ему никто не мѣшаетъ въ его занятіяхъ; онъ можетъ сидѣть цѣлую ночь и спать цѣлый день; никто не потребуетъ у него отчета въ образѣ его жизни. Сердце обливается кровью, какъ поглядишь — какъ живутъ своекоштные!“

„Какъ только я пріѣхалъ, то ректоръ призвалъ меня въ правленіе и началъ бранить за то, что я поздно пріѣхалъ. Этимъ я обязанъ Перевощикову, который тогда очень помнилъ меня и отрекомендовалъ ректору и Щепкину. Когда ректоръ говорилъ со мною, то онъ (Перевощиковъ) безпрестанно кричалъ, что меня надобно выгнать изъ университета. Наконецъ, ректоръ въ заключеніе спектакля сказалъ: „замѣтьте этого молодца; при первомъ случаѣ его надобно выгнать“. Многіе казенные же пріѣзжали гораздо послѣ меня, и имъ за это ни слова не сказали. Передъ окончаніемъ холеры я не ночевалъ ночи двѣ или три дома. Прихожу къ Щепкину за однимъ дѣломъ, и онъ начинаетъ меня ругать: говоритъ, что меня за это онъ отдастъ, какъ какого-нибудь каналью, въ солдаты и, наконецъ, съ презрѣніемъ началъ выгонять изъ своихъ комнатъ. Разумѣется, что ..... за та-

кой пустой проступокъ ничего не можетъ сдѣлать, какъ только наказать выговоромъ, или у себя въ домѣ, или въ номерѣ, или въ правленіи, и много-много посадить въ карцеръ, и что его нелѣпыя угрозы не могутъ никогда выполниться; но каково терпѣть-то?... Надѣясь сорваться съ казеннаго кошта, я далъ себѣ клятву все терпѣть и сносить, и потому ничего ему не сказалъ"...

Отъ этой стѣснительной и крайне неблагопріятной для него жизни Бѣлинскій дѣйствительно задумалъ избавиться. Единственное средство для того онъ находилъ въ написаніи какого-нибудь сочиненія, которое можно было бы напечатать; на полученныя за свой трудъ деньги онъ имѣлъ бы возможность зажить привольною, по его взгляду, жизнью своекоштнаго студента. Такъ, по крайней мѣрѣ, думалъ самъ Бѣлинскій. Кромѣ того, упомянутое средство — выступить съ своимъ произведеніемъ въ печати — вполнѣ соотвѣтствовало и внутреннимъ, задушевнымъ стремленіямъ Бѣлинскаго.

Дѣйствительно, Бѣлинскій неоднократно принимался писать кое-какія мелкія литературныя произведенія. Напримѣръ, онъ пробовалъ свои силы въ стихотворствѣ; но болѣе занимался, какъ извѣстно, списываніемъ чужихъ стихотвореній [1]). Затѣмъ Бѣлинскій писалъ раз-

[1]) Судя по имѣющейся у насъ подлинной тетрадкѣ «Стихотвореній, выписанныхъ изъ журналовъ Виссаріономъ Бѣлинскимъ» (1831 г.), надобно полагать, что страсть къ списыванію этого рода произведеній не оставляла Бѣлинскаго и въ университетѣ. Что касается до характера заключающихся въ тетрадкѣ стихотвореній, то въ нихъ нельзя уловить никакого опредѣленнаго направленія. Такъ напримѣръ, здѣсь есть «элегіи» — Языкова и Полежаева, «Живой мертвецъ»—неизвѣстнаго автора, стансы — Пушкина:

«Въ надеждѣ славы и добра
Гляжу впередъ я безъ боязни», и проч.

«Крылья жизни» — Веневитинова, «Пѣсня» — какого-то автора:

«Давно-ли я, ввѣряяся надеждѣ,
Поэзіей и славою дышалъ?
Какъ легкій сонъ прошло, что было прежде,
Я холоденъ къ стихамъ и славѣ сталъ.
Безвѣстнымъ чувствомъ воспылала
Моя волнуемая кровь;
Забывши все, душа познала
Любовь, одну любовь... и проч.

«Пророкъ»—Пушкина, и т. д. Здѣсь же находится и стихотвореніе Серафимы Тепловой, надѣлавшее въ свое время много шуму, такъ какъ предполагали (совершенно несправедливо), что оно относится къ Рылѣеву:

«Слезами горькими, тоскою
Твоя погибель почтена.

сужденія [1]). Наконецъ, онъ пробовалъ писать статейки и т. п., но въ это время еще ничего не печаталъ [2]). Какъ бы то ни было, только теперь Бѣлинскій рѣшился попытать себя въ драмѣ.

Онъ началъ писать трагедію, которая заняла всѣ его мысли. Работа шла быстро и возлагаемыя на нее надежды автора приближались къ осуществленію. 22-го января Бѣлинскій писалъ отцу: „скажу вамъ о себѣ, что я пускаюсь въ море треволненное, въ море великое и пространное, въ немъ же гади нѣсть числа. Можетъ быть, вы скоро увидите имя мое въ печати и будете читать обо мнѣ разные толки и сужденія, какъ въ худую, такъ и въ хорошую сторону. Не могу рѣшительно опредѣлить достоинство моего сочиненія, но скажу, что оно много надѣлаетъ шуму. Вы въ немъ увидите многія лица, довольно вамъ извѣстныя. Но впередъ говорить нечего: когда напечатается, тогда имѣющіе уши слышать, да слышатъ".

О вѣрь, о вѣрь, что надъ тобою
Стонъ скорби слышала волна!
О вѣрь, что надъ тобой почило
Прощенье, миръ, а не укоръ, —
Что не страшна твоя могила
И не постыденъ твой позоръ».

[1]) Таково, напримѣръ, имѣющееся у насъ въ подлинникѣ, руки Бѣлинскаго, «разсужденіе» о воспитаніи, написанное въ первый годъ университетской жизни. Здѣсь въ общихъ и риторическихъ выраженіяхъ высказываются мысли о необходимости и пользѣ воспитанія, о томъ, что оно облагораживаетъ человѣка, дѣлаетъ его хорошимъ членомъ общества, полезнымъ гражданиномъ и проч. Вотъ два-три отрывка, по которымъ можно судить и о всемъ характерѣ разсужденія. «Отъ воспитанія человѣкъ можетъ сдѣлаться или добродѣтельнымъ Сократомъ, или развращеннымъ Нероном»... «Отъ хода обстоятельствъ (направляемыхъ воспитаніемъ), человѣкъ можетъ умомъ своимъ или уподобиться ангеламъ и возвышаться мыслію, подобно орлу быстропарящему, или быть подобнымъ безсловеснымъ животнымъ и пресмыкаться въ прахѣ, подобно червю презрѣнному»... «Счастливы тѣ молодые люди, которые имѣютъ случай, подъ руководствомъ опытныхъ ученыхъ, добродѣтельныхъ и образованныхъ наставниковъ, усовершенствовать себя и предуготовить къ опасному, хотя и непродолжительному пути по трудной дорогѣ жизни»... и т. д.

[2]) А. Н. Пыпинъ говоритъ (Опытъ біогр., «Вѣстникъ Европы» 1874 г., апрѣль, стр. 623), что «первыя мелкія работы Бѣлинскаго въ печати появляются еще въ 1831 г., въ «Листкѣ», когда онъ былъ студентомъ»,— въ этомъ случаѣ, очевидно, рѣчь идетъ о лѣтнихъ мѣсяцахъ этого года. Въ концѣ мая Бѣлинскій писалъ отцу, что онъ будетъ «пересылать брату журналъ «Листокъ». Отъ скуки и вы прочтете; въ немъ и я буду выставлять свои издѣлія». А въ письмѣ къ брату Константину Григорьевичу, отъ 29-го сентября, Бѣлинскій пишетъ о «Листкѣ»: «не безпокойся о немъ. Многострадальный юноша кончилъ свою жизнь; великій мужъ помре вмалѣ... Вотъ уже болѣе двухъ мѣсяцевъ, какъ объ немъ нѣтъ ни слуху, ни духу»...

Написавши трагедію, Бѣлинскій прочелъ ее на такъ называемыхъ „литературныхъ вечерахъ", основателемъ и самымъ дѣятельнымъ участникомъ которыхъ онъ былъ самъ; критики-товарищи указали автору на нѣкоторыя недостатки его произведенія; Бѣлинскій, однако же, не смутился этимъ; онъ такъ вѣрилъ въ свою трагедію, такъ дорожилъ ею, такъ желалъ видѣть ее въ печати, что даже не внялъ благоразумнымъ предостереженіямъ И. И. Лажечникова и представилъ ее въ цензуру...[1]).

Что же это была за трагедія, отъ которой Бѣлинскій такъ много ожидалъ и которая, напротивъ, имѣла роковое вліяніе на судьбу его въ университетской жизни? Какъ замѣчено въ предисловіи, мы имѣемъ подлинникъ этой пьесы, руки автора, хотя пьеса и не въ полномъ составѣ. Г. Пыпинъ приводитъ содержаніе пьесы и варіантъ къ ней со словъ М. Б. Чистякова, товарища Бѣлинскаго по университету и бывшаго секретаремъ литературныхъ студенческихъ вечеровъ[2]).

Въ виду чрезвычайной важности этой „трагедіи" въ жизни знаменитаго нашего писателя, мы считаемъ необходимымъ помѣстить здѣсь всю подлинную рукопись этой пьесы въ томъ видѣ, какъ она дошла до насъ, т. е. съ IV-го явленія; но предварительно изложимъ содержаніе первыхъ трехъ явленій предположительно по послѣдующему ходу пьесы.

У богатаго помѣщика Петра Лѣсинскаго, проживающаго въ одномъ изъ губернскихъ городовъ, было два сына, изъ коихъ одинъ назывался Андреемъ, и дочь Софья; кромѣ этихъ дѣтей, Лѣсинскій взялъ къ себѣ одного пріемыша, по имени Владиміра (Семеныча), которому и далъ воспитаніе наравнѣ съ своими дѣтьми. Этотъ пріемышъ былъ незаконнорожденный сынъ помѣщика. Владиміръ отличался умомъ, твердостью характера, неустрашимостію, вообще талантами; онъ былъ, по словамъ самого Бѣлинскаго, „человѣкъ пылкій, со страстями дикими и необузданными; его мысли вольны, поступки бѣшены". Лѣсинскій ласково обходился съ нимъ, очень любилъ его и ставилъ выше своихъ родныхъ сыновей. Точно также и Владиміръ очень былъ расположенъ къ Лѣсинскому, называлъ его „святымъ человѣкомъ" и т. п.

---

[1]) Относительно того, какъ Бѣлинскій дорожилъ своей трагедіей, укажемъ на тотъ фактъ, что уже послѣ того, когда онъ потерпѣлъ съ нею полную неудачу, братъ Константинъ Григорьевичъ просилъ у него прислать ему трагедію. Бѣлинскій на это отвѣчалъ, что онъ скорѣе готовъ «отрубить себѣ руку и послать ее въ подарокъ» къ брату, нежели на какое бы то ни было время разстаться съ своимъ произведеніемъ. Притомъ же Бѣлинскій все надѣялся исправить трагедію и пустить ее въ свѣтъ.

[2]) Опытъ біогр., «Вѣстникъ Европы» 1874 г., апрѣль, стр. 616—617.

За то жена Лѣсинскаго, Елисавета Андреевна, крѣпко не любила Владиміра и души не чаяла въ своихъ сыновьяхъ, особенно въ Андреѣ, который, въ противуположность Владиміру, отличался глупостью, барской спѣсью и т. п. качествами. Понятно, что между Андреемъ и Владиміромъ не могло быть добрыхъ отношеній: первый былъ въ полномъ смыслѣ представитель крѣпостнаго произвола, тогда какъ второй держался гуманнаго, совершенно противуположнаго направленія. Софья воспитывалась подъ руководствомъ умной и образованной женщины, „мамзели“, какъ она называется въ трагедіи, Марьи Николаевны, на которой нѣкогда хотѣлъ жениться князь Кизяевъ (онъ же потомъ домогается руки Софьи). Марья Николаевна и Софья очень дружны; послѣдняя повѣряетъ первой всѣ свои тайны. Владиміръ и Софья полюбили другъ друга. Однажды на балѣ у Лѣсинскихъ у Владиміра съ Андреемъ произошла ссора, въ которой замѣшаны были и Марья Николаевна съ княземъ. Владиміръ убилъ Андрея, его арестовали, заковали въ цѣпи и посадили въ тюрьму.

Вотъ IV-е явленіе и начинается разговоромъ Софьи съ „мамзелью“ объ этомъ событіи.

«..... *(Софья плачетъ).*

Мамзель. *(Въ сторону).* Она плачетъ? Знакъ добрый! Видно, стала приходить въ разсудокъ; этимъ надобно воспользоваться. *(Вслухъ).* Другъ мой! Человѣкъ есть странное созданіе; чтобы судить о какомъ-нибудь важномъ его поступкѣ, должно сперва узнать всѣ, даже малѣйшія, причины, заставившія его рѣшиться на оный, всѣ подробности, сопровождавшія его. Вспомни, что я была молода, неопытна, легкомысленна, — вспомни, какую я имѣла мать,— вспомни, что я была обманута мнимою измѣною — и тогда суди!

Софья. Нѣтъ, не такъ люблю я! Еслибъ онъ и измѣнилъ мнѣ, то и страдать отъ него было бы для меня сладостно. Нѣтъ, моя любовь совсѣмъ не такова! Я жертвовала своему любезному всѣмъ, чѣмъ только могла жертвовать. Для него забыла я, что у меня есть отецъ, мать, братья, что я отъ нихъ завишу, что моя любовь можетъ убить ихъ; въ его объятіяхъ я забыла даже самый стыдъ. И теперь готова упасть къ нему на грудь, перелить въ уста его свою душу и прижать къ тоскующему сердцу ту руку, на которой дымится кровь моего брата. Да, я смыла бы съ нея эти кровавыя пятна своими слезами. *(Дико оглядывается).* Но что же онъ нейдетъ ко мнѣ? Гдѣ онъ скрывается?.. Другъ мой, не мучь меня, Бога ради; скажи мнѣ, гдѣ онъ? Какая участь его ожидаетъ? Не правда-ли: вѣдь его казнили? Для чего-жъ, жестокіе, не соединили меня съ нимъ? Развѣ они не знаютъ, что я не могу безъ него жить? *(Слышенъ звонъ колоколовъ. Софья схватываетъ за руку мамзель).* Другъ мой, слышишь-ли, звонятъ? Его хотятъ отпѣвать. Да нѣтъ, онъ преступникъ, его нельзя отпѣвать: его просто зарыли въ землю. Пойдемъ скорѣе.

М. Куда?

С. Искать его могилу: я хочу умереть на ней. Воздухъ, ее окружающій, очарователенъ, сладостенъ; я думаю, вся окрестность дышетъ чѣмъ-то святымъ.

М. *(Въ сторону).* Ну, опять пошла! Когда это кончится? *(Вслухъ).* Послушай, Софья, кто же тебѣ сказалъ, что онъ умеръ?

С. А гдѣ же онъ?

М. Онъ скрылся съ своими друзьями и его не могутъ найти.

С. А что давича за обѣдомъ говорили моя мать и братъ? Нѣтъ, ты меня не обманешь. Я все знаю: онъ сидитъ въ тюрьмѣ; онъ окруженъ толпою воровъ, убійцъ! Ха, ха, ха! Владиміръ въ тюрьмѣ! Что, обманули меня? Нѣтъ, вѣдь я все знаю, и нынче же непремѣнно пойду къ нему; ему со мною будетъ весело: мы обнимемъ другъ друга, вздохнемъ сладостно и мгновенно оставимъ эту бѣдную землю.

М. (*Въ сторону*). Часъ отъ часу лучше! Какъ бы мнѣ обмануть ее? *(Вслухъ).* Но вѣрь мнѣ, Софья, они обманываютъ тебя, а не я. Ты знаешь, что они не любятъ Владиміра и потому утѣшаютъ себя мыслію, что онъ сидитъ въ тюрьмѣ.

С. Такъ онъ скрылся. *(Подумавъ).* Опять поймала. Неужели Владиміръ рѣшится убѣжать отъ своей Софьи, чтобы спасти свою жизнь? Ха, ха, ха! Нѣтъ, голубушка! Я знаю его. Нѣтъ, меня не скоро обманешь. Вишь, какая услужливая!

М. Онъ, можетъ быть, и не скрылся, да его увезли въ то время, какъ онъ былъ безъ чувствъ.

С. Кто же увезъ его?

М. Его друзья.

С. Да, это тотъ, что совѣтовалъ мнѣ на балѣ тайно обвѣнчаться съ Владиміромъ и предлагалъ мнѣ свои услуги въ разсужденіи этого дѣла? Онъ, кажется, человѣкъ благородный.

М. *(Съ удивленіемъ).* Ба, да я этого еще не знала! Кто-жъ бы это былъ? Ужъ не Вельскій-ли?

С. *(Съ досадой).* Да тотъ самый, котораго привезъ къ намъ Томинъ. Эхъ, какая недогадливая! Ну, да тотъ, при взглядѣ на котораго ты упала въ обморокъ.

М. *(Тихо).* Понимаю.

С. Вѣрно онъ любилъ тебя?

М. Да, онъ самый. Подлинно, душа благородная и теперь для меня потеряна навсегда! Этотъ князь... твой женихъ... низкій человѣкъ! Онъ и моимъ женихомъ назывался...

С. Какъ! Такъ меня хотѣли выдать за этого-то всесвѣтнаго жениха! *(Смѣется).* Ну, подлинно, что завидная партія. *(Подумавъ).* Ахъ, какъ мнѣ грустно! Владиміръ что-то долго нейдетъ. Вѣрно, онъ утомился дальностію дороги. Но, несмотря на это, онъ все-таки скоро придетъ. Ждать скучно, а дѣлать нечего. Послушай: разскажи мнѣ что-нибудь.

М. Что же разсказать тебѣ?

С. Да что-нибудь. Ну, хоть, напримѣръ, что съ тобой случилось, какъ ты уѣхала съ матерью изъ своего города?

М. *(Въ сторону).* Въ самомъ дѣлѣ, не успѣю-ли хоть этимъ развлечь ее? *(Вслухъ).* Мы уѣхали въ вашъ губернскій городъ, гдѣ имѣли родственниковъ. Мать моя вскорѣ умерла. Ты знаешь, что я была воспитана въ Смольномъ монастырѣ и потому рѣшилась употребить себѣ въ пользу свое воспитаніе, рѣшилась заняться образованіемъ дѣвицъ. Вскорѣ услышала я, что твоя бабка ищетъ для тебя русской мамзели, и потому...

С. *(Прерывая).* Да, мой другъ, моя милая бабушка, несмотря на то, что

слишкомъ гордилась своимъ дворянствомъ, была очень добра и благородна, и, несмотря на то, что была богатая русская дворянка, терпѣть не могла иноземныхъ воспитательницъ. Ея нѣтъ уже на землѣ. Но я скоро увижусь съ нею. Не правда-ли? *(Утираетъ слезы).*

М. *(Стараясь обратить вниманіе Софьи на слова свои).* Тебѣ тогда было десять лѣтъ, и я рѣшилась образовать тебя по-своему, такъ, чтобы ты могла быть моимъ другомъ, существомъ, которое бы въ цѣломъ мірѣ одно любило меня искренно. Причина моей погибели былъ недостатокъ той душевной твердости, той непоколебимой свободы, которыя дѣлаютъ человѣка самостоятельнымъ, независимо отъ вліянія всего, что ниже его, ниже міра, въ которомъ онъ живетъ душою. И потому, чтобы избавить тебя отъ участи, которая постигла меня, я стараюсь воспламенить въ душѣ твоей любовь ко всему великому, идеальному, и возбудить въ ней ненависть и гордое презрѣніе ко всему обыкновенному, суетному. Но, Софья, это нехорошо; мнѣ кажется, что я ошиблась въ своихъ расчетахъ и сдѣлала ужасную ошибку. Ты имѣешь въ своемъ характерѣ слишкомъ много не женскаго. Это нехорошо.

С. Что ты говоришь! Нѣтъ, неправда. Ты была моимъ ангеломъ-хранителемъ. Ты сдѣлала меня способною любить. Ты заронила въ мою душу искры небеснаго огня... Не правда-ли?

М. Нѣтъ, я не достигла своей цѣли; я хотѣла предохранить тебя моимъ воспитаніемъ отъ обольщенія и, вмѣсто того, кажется, болѣе оному способствовала имъ...

С. *(Смотря въ окно).* Кто-то пріѣхалъ! Боже мой! Ужъ не Владиміръ-ли? Ахъ, какъ я обрадовалась и въ тоже время испугалась!.. Какъ сильно трепещетъ мое сердце! Мнѣ кажется, оно хочетъ вырваться изъ груди и слетѣть къ нему... Моя милая! Пойдемъ поскорѣй! Встрѣтимъ давножданнаго гостя.

М. *(Останавливаетъ ее).* Постой! Можетъ быть, это и не онъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

ВХОДИТЪ КНЯЗЬ.

Князь. *(Обращаясь къ Софьѣ).* Здравствуйте, Софья Петровна. Позвольте спросить васъ: могу-ли я видѣться съ вашею маменькою?

С. *(Обращаясь къ мамзели).* Онъ опять здѣсь. Зачѣмъ? Ужъ не опять-ли хочетъ сватать меня? Ха, ха, ха!

М. Лизаветы Андреевны нѣтъ дома! она у обѣдни. *(Уходитъ).*

С. Куда ты уходишь, другъ мой? Зачѣмъ оставляешь меня съ этимъ низкимъ человѣкомъ?

Кн. *(Съ злобною иронією).* Съ низкимъ человѣкомъ! Право? Я не сомнѣваюсь, что въ глазахъ вашихъ тотъ сумасшедшій лакей, съ которымъ вы такъ благосклонно обращались и который, для доказательства своей къ вамъ любви, убилъ вашего брата—гораздо выше меня.

С. Про кого это говорятъ онъ? А, понимаю: про Владиміра. Да, этотъ лакей выше и благороднѣе всѣхъ князей и графовъ... И эти низкіе, презрѣнные князья смѣются надъ нимъ! Ха, ха, ха! Эй, Лиза, Лиза! *(Входитъ Лиза).*

Л. Чего изволите, сударыня?

С. Князь, вотъ ваша невѣста. *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ VI.

КНЯЗЬ, ЛИЗА И ЛѢСИНСКАЯ.

Кн. Скоро-ли пріѣдетъ твоя барыня?

Л. Я думаю, что ужъ скоро-съ: вечерня (sic) на отходѣ-съ. *(Входитъ* Лѣсинская).

Лѣс. Боже мой! Князь! Ваше сіятельство! Какими судьбами?

Кн. Я пріѣхалъ къ вамъ извиниться передъ вами въ безпокойствѣ, котораго былъ невинною причиною на вашемъ балѣ.

Лѣс. Да, вы тогда съ Маріей Николаевной что-то поспорили, да съ этимъ москвичемъ, котораго къ намъ Томинъ привезъ. Но вѣрьте, князь, что это дѣло я считаю за пустяки и никогда не промѣняю васъ на всѣхъ въ свѣтѣ москвичей и мамзелей.

Кн. Для меня очень лестно такое расположеніе въ мою пользу съ вашей стороны, и я не нахожу словъ, чтобъ изъявить вамъ за это мою благодарность.

Лѣс. Но скажите мнѣ, ради Бога, князь, какія были у васъ отношенія съ мамзелью?

Кн. Видите-ли въ чемъ дѣло. Назадъ тому около шести лѣтъ, я ѣздилъ по дѣламъ въ одинъ городъ довольно отдаленной губерніи. Тамъ увидѣлъ я эту мамзель. Она, — я объявляю вамъ за тайну,—была ко многимъ молодымъ людямъ слишкомъ благосклонна и милостива; въ то время я былъ моложе, а слѣдовательно и вѣтреннѣе,—такъ и неудивительно, что завелъ съ нею нѣкотораго рода пріятное знакомство. Теперь понимаете?...

Лѣс. Да въ этомъ, разумѣется, можно извинить, по молодости лѣтъ, всякаго мужчину. Но она это дѣло растолковала мнѣ по-своему, совсѣмъ не такъ. Она говоритъ, что будто вы за нее сватались, ея мать дала вамъ слово. Вы долго ѣздили къ нимъ въ домъ какъ женихъ и, наконецъ, скрылись отъ нихъ. Неужели это не правда?

Кн. Присягнуть готовъ, что это самая наглая ложь! Ежели вы не вѣрите мнѣ, Лизавета Андреевна, то прикажите образъ снять... я готовъ...

Лѣс. И, князь, помилуйте. Неужели вы думаете, что я скорѣе повѣрю какой-нибудь потаскушкѣ, нежели вамъ. Жаль только, что у такой твари училась моя дочь. Да, правда, у ней учителей-то была бездна, и счету нѣтъ. Досадно, что эта мамзель, несмотря на свое прежнее развратное поведеніе, еще изволитъ знаться съ дворянами, да еще вздумала налгать мнѣ на князя. Завтра же со двора долой негодницу.

Кн. Оставимте это и поговоримте о другомъ дѣлѣ, для котораго я, признаться, больше и пріѣхалъ къ вамъ. На вашемъ несчастномъ балѣ я былъ свидѣтелемъ ужаснѣйшаго и вмѣстѣ страннаго происшествія.....

Лѣс. Да, батюшка, вотъ каково у насъ правительство: разбойники днемъ рѣжутъ людей.... Мой бѣдный Андрюша... *(Крестится).* Дай ему Господи царство небесное.... *(Плачетъ).*

Кн. Хотя меня и въ большое сомнѣніе привелъ поступокъ Софьи Петровны, которая.... вы сами догадаетесь.... Однако, несмотря на то, мои чувства въ отношеніи къ вашей дочери нимало не перемѣнились, — и я, приписывая ея поступокъ неопытности и вѣтренности и думая, что ея страсть изчезнетъ скоро, пріѣхалъ къ вамъ настоятельно просить ея руки.

Лѣс. Ахъ, князь! Благодарю васъ за ваше лестное предложеніе. Вы знаете,

что я всегда интересовалась имъ и съ своей стороны душевно рада. Но я не знаю, что дѣлается съ Сонюшкою, она съ ума сходитъ да и только: и слышать объ васъ не хочетъ.

Кн. Вы можете употребить все вліяніе, какое только можетъ имѣть мать на свою дочь.

Лѣс. Да объ этомъ, князь, ужъ не безпокойтесь: ужъ во што бы то ни стало, а вы женитесь на Сонюшкѣ.

Кн. Мое счастіе неописанно. И такъ, я разстаюсь съ вами въ лестной надеждѣ быть принятымъ въ ваше благословенное семейство и замѣнить собою потеряннаго вами сына. Теперь позвольте мнѣ проститься съ вами.

Лѣс. Прощайте, князь. *(Прощаются).* Я провожу васъ.

Кн. Ахъ, Бога ради, не безпокойтесь: вы можете простудиться.

Лѣс. Ничего, ничего; теперь погода теплая. *(Уходятъ).*

ЯВЛЕНІЕ VII.

ВХОДЯТЪ СОФЬЯ И МАМЗЕЛЬ.

С. Уѣхалъ! Гдѣ же маменька?

М. *(Улыбаясь).* Ахъ, да она никакъ ужъ вышла провожать его на крыльцо? Такъ и есть. Это ихъ голоса. Все еще наговориться-то не могутъ. Вотъ что мило!...

С. И ты могла промѣнять Вельскаго на этого урода?

М. Опять повторяю тебѣ, Софья, не обвиняй меня. Между многими причинами, было и желаніе исполнить неотступныя просьбы матери, жадной до богатства и знатности. Я рѣшилась пожертвовать ея счастію своимъ — и погубила себя и ее.

С. *(Смотря въ окно).* Посмотри-ка, посмотри, лошади ужъ въ вороты выѣхали, а они все еще раскланиваются. Вотъ дружба-то!

М. Наконецъ, идетъ.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ТѢЖЕ И ЛѢСИНСКАЯ.

Лѣс. (*Къ Софьѣ*). Ну, Софья Петровна, воля ваша, какъ вамъ угодно, а извольте готовиться идти замужъ за князя.

С. Въ самомъ дѣлѣ? Не шутя?

Лѣс. Да, въ самомъ дѣлѣ, не шутя. Что-жъ тутъ страннаго? Князь въ тебя влюбленъ безъ памяти. Несмотря, что ты на балѣ такъ прекрасно обошлась съ разбойникомъ, съ лакеемъ, — неотступно проситъ твоей руки.....

С. Что-жъ? Отъ нечего дѣлать и это дѣло.

Лѣс. Да нѣтъ, любезная дочка, ваши поступки и ваше упрямство мнѣ ужъ больно надоѣли. И для того прошу васъ покорно слушаться матери. Я знаю тебя; ты потому только не любишь князя, чтобы сдѣлать этимъ непріятность матери. Чтобы огорчить меня, ты всегда надсмѣхаешься надъ Сидоромъ Андреичемъ и не уважаешь этого святаго человѣка. Нѣтъ, ужъ терпѣнія моего не стало; извольте дѣлать по моему, а не по своему. *(Смотритъ на стѣнные часы).* Скоро шесть часовъ. Мнѣ надобно съѣздить на часокъ къ сестрицѣ Аграфенѣ Дмитревнѣ, посовѣтываться съ нею кое-о-чемъ, да взять отъ нея Сидора Андреича,—а то она, пожалуй, и рада, что завладѣла имъ. Да, Марья Николаевна, я и позабыла кое-что сказать вамъ.

М. А что такое?

Лѣс. А вотъ видите-ли што. Я достовѣрно узнала, кто вы таковы и какого разбора. Моя дочь училась у васъ и выучилась неповиноваться матери, и теперь васъ за это очень любитъ. Но я думаю, что такія знакомства и дружества предосудительны для благородной дѣвушки, и для того прошу завтра же оставить мой домъ.

М. *(Съ презрѣніемъ).* Нѣтъ, завтрашняго дня долго дожидаться: нельзя-ли сію же минуту....

С. Какъ, маменька, и вы могли повѣрить князю, этому низкому человѣку...

Лѣс. *(Топая отъ злости ногами).* Молчать, сударыня, молчать!... Богатые князья не могутъ быть низкими людьми.... *(Входитъ лакей).*

Лак. Сударыня, лошади готовы.

Лѣс. Сейчасъ выйду. Пошелъ, вели подавать съ задняго крыльца. *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ IX.

МАМЗЕЛЬ и СОФЬЯ.

М. Да, онъ съ ней изъяснился по своему.

С. Кто онъ?

М. Да его сіятельство.

С. Да, этотъ человѣкъ настоящій дьяволъ. *(Смотритъ въ окно).* Уѣхали-ли они? Уѣхали. И зачѣмъ это? И для какихъ совѣщаній? Послушай, моя милая, не прекрасное-ли приказаніе получила я нынѣ отъ маменьки? Выдти за князя Кизлева! О, это прелестно! Быть княгинею! Это безподобно. Ха, ха, ха!

М. Да и я получила приказаніе едва-ли не лучше твоего. Завтра же должна я уѣхать отсюда, выгнанная съ безчестіемъ, какъ преступница. Да, признаться, это премило. Но нѣтъ, я сейчасъ же, до ея возвращенія, постараюсь избавить ее отъ моего присутствія, или, лучше сказать, себя отъ ея. Съ тобою, другъ мой, жаль разстаться, тѣмъ болѣе, что ты находишься теперь въ такихъ ужасныхъ обстоятельствахъ.

С. Нѣтъ, моя милая, этого не будетъ. Я не буду женою князя, а—ты не уѣдешь нынче отъ насъ. Увѣряю тебя... Но, Боже мой, какой ужасный стукъ! Кто-то бѣжитъ сюда опрометью! Ахъ! Это Владиміръ....

М. Какъ, Владиміръ? Я уйду. Ахъ, какъ бы онъ опять чего-нибудь не надѣлалъ!... *(Уходитъ).*

С. Да онъ, точно онъ.

(Голосъ за дверью). Трепещите! Это я! Это я!

ЯВЛЕНІЕ X.

(Вдругъ вбѣгаетъ **Владиміръ** *въ томъ же самомъ видѣ и положеніи, какъ и въ четвертой картинѣ. На лѣвой рукѣ его виситъ разорванная цѣпь. При взглядѣ на Софью, онъ отступаетъ назадъ и, не говоря ни слова, гремитъ цѣпью, устремя на нее мертвые и неподвижные взоры).*

С. Владиміръ! гдѣ ты былъ столь долгое время? Я объ тебѣ стосковалась. Откуда пришелъ ты?

Вл. *(Мрачно).* Изъ тюрьмы!

С. Какъ? ты сидѣлъ въ тюрьмѣ вмѣстѣ съ ворами, убійцами! И я..... и я не пришла раздѣлить съ тобою это заключеніе..... ты былъ посаженъ въ тюрьму...

Вл. Приличное мѣсто и прекрасное общество для убійцы....

С. Но, Владиміръ, ты опять явился ко мнѣ такъ ужасенъ....

Вл. Я потому кажусь тебѣ ужаснымъ, что на моемъ челѣ ты читаешь страшную повѣсть убійства... Ахъ!.. оно.... Это чело приводитъ въ трепетъ всякаго, кто ни взглянетъ на него.

С. Но что ты стоишь тамъ блѣдный и недвижный, какъ мертвецъ? Для чего не подойдешь къ своей Софьѣ? Владиміръ! На землѣ для насъ нѣтъ болѣе счастія,—говорила я тебѣ въ одинъ роковой вечеръ—ты помнишь его;—на землѣ для насъ нѣтъ болѣе блаженства! говорю я тебѣ теперь. *(Бросается къ нему въ объятія).* О, прижми меня крѣпче къ своему сердцу,—напечатлѣй на устахъ моихъ огненный поцѣлуй: пусть въ этомъ поцѣлуѣ сольются наши души и вмѣстѣ съ нимъ вознесутся на небо!....

Вл. *(Высвободившись изъ ея объятій).* Нѣтъ, ангелъ небесный! Убійца Владиміръ не осквернитъ тебя поцѣлуемъ: на его устахъ еще и теперь видна запекшаяся кровь! Нѣтъ, не для того сокрушилъ я свои оковы, не для того обманулъ бдительность стражи и пришелъ сюда. Позорная казнь меня ожидаетъ; но это желѣзо *(показываетъ ей кинжалъ)* спасетъ меня отъ нея и прекратитъ мои мученія. Но прежде мнѣ хотѣлось взглянуть на тебя; хотѣлось ободрить себя божественнымъ сіяніемъ твоихъ черныхъ очей. Софья! Ты мною любима — и любовь моя превратилась для тебя въ источникъ бѣдствій,—я убилъ твоего брата... и его дымящаяся кровь течетъ между нами рѣкою огненною... Софья! Прости меня! Скажи, что ты меня не проклинаешь, улыбнись мнѣ въ послѣдній разъ—и я умру спокойно.

С. Владиміръ! Ты меня жестоко обижаешь; я не ожидала отъ тебя этого. Какъ! Неужели ты думаешь, что моя любовь есть обыкновенное, суетное чувство? Неужели ты думаешь, что на землѣ можетъ что-нибудь раздѣлить насъ? Ты для меня равно милъ и въ золотѣ, и въ рубищѣ. Владиміръ былъ невиненъ—и я его любила; Владиміръ омылъ руки свои въ крови моего брата—и я люблю его еще болѣе, но не убійство, а несчастіе дѣлаетъ его въ глазахъ моихъ милѣе. Владиміръ! Ступай въ тюрьму—и я за тобой послѣдую; лети на поле брани—и я туда сопутствую тебѣ; будь царемъ — и я раздѣлю съ тобою тронъ; будь презрѣннымъ разбойникомъ — и я буду раздѣлять твое мрачное, всегда потопленное въ крови подземелье! Для тебя я презираю всѣми условіями свѣта; для тебя попираю ногами всѣ узы, соединяющія меня съ людьми. Теперь сомнѣвайся въ любви моей—если можешь—бѣги отъ меня, или ко мнѣ.

Вл. Къ тебѣ, къ тебѣ, существо божественное! *(Бросается къ ней въ объятія).* О, кто умѣетъ такъ любить, какъ я,—и кто такъ любимъ, какъ я — тотъ съ презрѣніемъ смотри на жизнь, на людей, на землю: они не могутъ ничего ни дать ему, ни отнять у него. Но кто, подобно мнѣ, держитъ въ объятіяхъ свою милую, — тотъ всѣ адскіе бичи, поражающіе его, почитай за уязвленія ничтожныхъ насѣкомыхъ! О, моя милая! Жизнь человѣческая обильна бѣдствіями, но еще обильнѣе блаженствомъ. *(Долгое молчаніе; онъ безмолвно склоняется своею головою на ея плечо).*

С. *(Вздохнувши).* Ахъ! Эта минута съ избыткомъ вознаграждаетъ меня за многое.

Вл. Моя любезная! Сначала я былъ окованный посаженъ между толпою отчаянныхъ злодѣевъ. Члены этой дикой, буйной толпы съ неистовымъ смѣхомъ описывали другъ другу свои преступленія. Одинъ разсказывалъ, какъ онъ, помирая со смѣху, разорвалъ пополамъ грудного ребенка; другой, какъ размозжилъ кистенемъ голову девяностолѣтнему старику; третій, какъ перерѣзалъ

цѣлое семейство и забавлялся смертными судорогами своихъ жертвъ; четвертый,... но довольно; я не хочу терзать тебя подобными разсказами. Потомъ эти головорѣзы подходили ко мнѣ и просили, какъ своего товарища, потѣшить ихъ разсказомъ о своемъ преступленіи. Ахъ! И теперь еще содрогаюсь, воспоминая ихъ звѣрскія лица, ихъ кровавые глаза,—суди же, каково мнѣ было тогда! Потомъ, эти злодѣи съ буйною веселостью, съ адскимъ хладнокровіемъ и съ грубыми насмѣшками говорили о палачахъ, о кнутѣ, о Сибири, о каторгѣ — и предсказывали мнѣ мою участь. Я спрашивалъ самого себя, что со мною будетъ? Взглядывалъ на свои руки—на нихъ еще видѣлась кровь,—и я, чтобы заглушить ревущій голосъ моей совѣсти, гремѣлъ цѣпями, и въ ихъ звукѣ слышалъ роковой отвѣтъ. Мое положеніе было ужасно; но я еще могъ жаловаться, могъ изрыгать проклятія на все существующее. А теперь, теперь, когда я держу въ своихъ объятіяхъ мое небо—теперь я не нахожу словъ для выраженія моего блаженства. Я въ состояніи только молчать и лить слезы!... Нѣтъ, радость сильнѣе горести!

С. Ахъ, Владиміръ! Сладко быть въ объятіяхъ милаго, такъ сладко, что я желала бы умереть въ нихъ.

Вл. Теперь прочь всѣ черныя мысли, прочь бѣдствія; теперь и самая смерть не посмѣетъ приближаться къ намъ.

С. Но чѣмъ все это кончится? Подумай о будущемъ. Моей матери теперь нѣтъ дома и ея-то отсутствію мы обязаны счастіемъ этого свиданія, счастіемъ—держать другъ друга въ объятіяхъ, упиваться дружнымъ дыханіемъ. Она скоро пріѣдетъ и разлучитъ насъ.

Вл. Насъ разлучитъ? Кто? Самъ адъ не исторгнетъ тебя изъ моихъ объятій.

С. Но кто исторгнулъ въ тотъ роковой вечеръ?

Вл. Да; но тогда и небо, и адъ, и могилы были въ заговорѣ противъ меня.

С. Моя мать — ты ее знаешь—она ненавидитъ тебя, и если увидитъ здѣсь, то осыплетъ проклятіями и ругательствами. Владиміръ! ты бѣшенъ—я трепещу.

Вл. Не бойся. Я даже и не взгляну на эту слабую женщину, чтобы не привесть ее въ трепетъ. Она твоя мать: этого довольно — будь спокойна.

С. Но она вооружитъ противъ тебя всѣхъ людей своихъ; они опять на тебя кинутся. Что ты тогда станешь дѣлать?

Вл. Ежели хотя одна тварь подползетъ ко мнѣ поближе, то я раздавлю ее ногою.

С. И ты еще не насытился кровью? Ты еще хочешь обременить себя новыми преступленіями?.

Вл. Но неужели мнѣ отдаться въ ихъ руки, чтобы они надругались надо мною.

С. А если слѣды твои откроютъ солдаты и придутъ сюда; ежели они поведутъ тебя отсюда прямо на мѣсто позорной казни — туда, гдѣ тебя будетъ ожидать кнутъ и палачъ, тогда что ты будешь дѣлать?...

Вл. Софья! Къ чему эти мрачныя предсказанія, эти странныя предположенія и вопросы? Женщина! Твои уста есть ящикъ Пандоры! Такъ, по всѣмъ твоимъ расчетамъ, мы должны погибнуть отъ людей, которые не хотятъ насъ видѣть счастливыми. И такъ, скажи, что же должно намъ сдѣлать, чтобы освободиться отъ ихъ вліянія?...

С. Умереть!

Вл. Какъ? Умереть?

С. Да, умереть! Что-жъ тутъ удивительнаго?

Вл. Но какимъ образомъ?

С. Ты мужчина — и у тебя есть кинжалъ! Умертви меня и потомъ самъ послѣдуй за мною, не выпуская меня изъ своихъ объятій. Мы соединимъ уста свои, сольемъ дыханія, вздохнемъ сладостно — и смерти нашей позавидуютъ сами ангелы!

Вл. Женщина! И ты могла предложить мнѣ это?

С. Могла—и горжусь этимъ! Мой милый, кто на землѣ узналъ радости небесныя, кто разгадалъ душою тайну тѣхъ наслажденій, которыя бываютъ на небѣ удѣломъ праведныхъ по-смерти—для того ужъ нѣтъ болѣе отечества на землѣ; для того уже люди—если они не въ состояніи понимать его — болѣе не братья!.. Да и можно-ли жить на землѣ, узнавши небо? Можно-ли существамъ, уподобившимся ангеламъ, быть въ сообществѣ звѣрей безсловесныхъ и дикихъ?

Вл. Все такъ,—это правда. Теперь я вижу ясно, что намъ должно умереть. Такъ, я могу безтрепетною рукою вонзить это желѣзо себѣ въ сердце, могу повернуть его въ немъ, покуда еще въ состояніи буду дышать; но вознести руку свою на пораженіе существа любезнаго, видѣть его бореніе съ смертью, видѣть бьющуюся изъ раны его кровь — нѣтъ! На это я никакъ не могу рѣшиться. Не принуждай меня къ этому, не проси, не умоляй! Софья! Знаешь-ли, что ты, этими небесными взглядами, этимъ ангельскимъ укоромъ преклоняя меня на убійство,—влечешь въ адъ?..

С. И ты почитаешь себя мужемъ? Слабый ребенокъ!.. Безсильное дитя! Бѣги отсюда скорѣе, или я покажу тебѣ лозу! Или лучше отдай мнѣ кинжалъ, а себѣ возьми иглу—и бѣги съ глазъ моихъ!

Вл. Называй меня презрѣннымъ трусомъ, низкою душою, назови — если хочешь и можешь—даже подлецомъ, то и тогда, клянусь тебѣ небомъ и адомъ, кровію и мученіемъ,—клянусь нашею любовію,—и тогда не соглашусь на твое предложеніе.

С. А! Мужъ твердый и благородный! Когда неопытнымъ и невиннымъ сердцемъ я предалась тебѣ со всѣмъ жаромъ любви, когда жертвовала тебѣ всѣмъ— тогда, тогда ты умѣлъ этимъ пользоваться, умѣлъ пресыщаться изъ чаши наслажденія... А теперь, когда я прошу тебя прекратить мои мученія, переселиться со мною въ лучшій міръ — ты глухъ къ моимъ словамъ! Владиміръ! Кажется, было время, когда ты не проронивалъ ни одного моего слова, не оставлялъ безъ исполненія ни одного моего желанія,—а теперь?..

Вл. Перестань, Бога ради, перестань. Какъ могло придти тебѣ въ голову такое ужасное желаніе. Отъ одной мысли о немъ даже я—убійца—я трепещу!..

С. Владиміръ! Заклинаю тебя всѣмъ, что есть для тебя священнаго въ мірѣ; умоляю тебя именемъ любви нашей — исполни мое желаніе. Оно благородно; оно достойно насъ. Вспомни, малодушный, — вспомни тѣ сладостныя минуты, когда мы занимались чтеніемъ исторіи великихъ людей. Когда ты читалъ мнѣ, какъ Брутъ казнилъ сыновей своихъ, какъ окончили жизнь свою Люкреція, Виргинія, Клеопатра,—какъ умерли, защищая свободу, два послѣдніе римлянина, какъ Сусанинъ—жертвою за царя своего—я пристально смотрѣла на лицо твое и съ восторгомъ замѣчала, что оно пылало, что глаза твои сверкали, что ты весь трепеталъ. Владиміръ! Неужели эти благородныя движенія были ничѣмъ инымъ, какъ низкимъ притворствомъ? Владиміръ! Слышишь-ли голосъ этихъ великихъ тѣней? Онѣ говорятъ тебѣ, что убить себя не есть преступленіе, когда свѣтъ запрещаетъ жить!..

Вл. Змѣя обольстительница! Прочь съ глазъ моихъ! Самъ адъ управляетъ языкомъ твоимъ, упитаннымъ ядомъ и желчью! Не обольщай меня, говорю тебѣ!

(Софья *плачетъ*, Владиміръ *бросается къ ней въ объятія*). Ангелъ небесный, ты плачешь? Ты опять женщина! Дай налюбоваться мнѣ этими чистыми перлами!..

С. Хорошо, я не буду болѣе говорить объ этомъ. Я вижу, что мой жребій есть страдать на землѣ, тогда какъ ты, счастливецъ, будешь обитать въ лучшемъ мірѣ, тщетно ожидая къ себѣ свою Софью!.. Милый другъ, я чувствую, что страданія мои будутъ безконечны: смерть разитъ только счастливыхъ, а злополучныхъ щадитъ. Ко мнѣ опять пристаетъ съ своими докучными просьбами, даже съ приказаніями и угрозами моя мать, чтобы отдала свою руку князю Бизяеву, подлѣйшему человѣку въ мірѣ, котораго прельщаетъ мое приданое.

Вл. (*Съ безпокойствомъ*). Неужели? Въ самомъ дѣлѣ? Такъ онъ еще преслѣдуетъ тебя своими предложеніями? Что же ты?

С. Лишась тебя, я не буду имѣть въ цѣломъ мірѣ ни одного любезнаго существа — и охладѣю къ жизни. Равнодушная ко всему, чтобы утѣшить мать мою, чтобы сдѣлать ей хотя одно удовольствіе во всю жизнь мою — и вмѣстѣ, чтобы разсѣяться немного отъ скуки—я рѣшусь выдти за князя!

Вл. Какъ? Что сказала ты? Чтобы кто-нибудь другой, кромѣ меня, могъ назвать тебя своей супругою, — могъ срывать съ божественныхъ устъ твоихъ пламенные поцѣлуи, могъ утопать въ твоихъ роскошныхъ объятіяхъ? Нѣтъ, скорѣе безобразные куски бьющагося тѣла этого дерзновеннаго будутъ добычею псовъ! Скорѣе я соглашусь видѣть даже тебя растерзанною, окровавленною, бездыханною, нежели думать, чтобы кто-нибудь, кромѣ меня, сталъ владѣть тобою. Нѣтъ, не говори объ этомъ,— даже не думай. Этого быть не можетъ!..

С. Но что же мнѣ остается дѣлать? Къ кому прибѣгну я, кто защититъ меня, когда мать моя будетъ насильно принуждать меня къ исполненію своихъ желаній и станетъ мстить, въ случаѣ сопротивленія съ моей стороны?

Вл. (*Ужаснымъ голосомъ*). И ты въ состояніи рѣшиться выдти за него?..

С. Да, въ состояніи,—тѣмъ болѣе, что, какъ по всему замѣтно, я могу доставить тебѣ этимъ не малое удовольствіе!..

Вл. (*Приведенный ея словами въ крайнюю степень бѣшенства*). Какъ? Изъ чего-жъ это видно?

С. Изъ того, что ты не хочешь лишить меня возможности измѣнить тебѣ.

Вл. (*Дико улыбаясь*). О! если такъ, то часъ нашей смерти пробилъ. Софья! Обойми меня крѣпче, крѣпче; поцѣлуй въ послѣдній разъ!.. Ахъ, какъ ужасно!.. Во мнѣ кровь оледенѣла и остановилась; сердце уже не бьется; дыханіе прерывается...

С. (*Трепеща*). Да, и мнѣ немного страшно. (*Молчаніе*). Вспомни князя!..

Вл. А! Это слово бросило меня изъ одной крайности въ другую. Отъ него кровь моя разогрѣлась — этого мало, она теперь кипитъ, клокочетъ. (*Быстро смотритъ ей въ глаза*). Софья! Ты желаешь... умереть?..

С. Да, отъ руки твоей. Я перешла цвѣтущій садъ бытія и вступила въ дикую пустыню, гдѣ растутъ терны колючіе, гдѣ текутъ ручьи ядовитые; ея зловѣщій видъ ужаснулъ меня, — и я хочу возвратиться въ свое безсмертное отечество, гдѣ опять найду съ тобою потерянное счастіе.

Вл. Женщина! У меня рука дрожитъ!..

С. Мужчина! Если ты слабъ, то дай мнѣ кинжалъ, и я или сама заколюсь, или попрошу оказать мнѣ это благодѣяніе моему будущему мужу... князю... и мой мужъ исполнитъ мою просьбу...

Вл. Такъ!... Такъ!... Только отъ руки твоего мужа, только отъ руки тво-

его мужа и любовника умрешь ты! Прощай!... *(Вонзаетъ ей въ сердце кинжалъ и между тѣмъ тихо опускаетъ и кладетъ ее на полъ).*

С. *(Умирающимъ голосомъ).* Прощай.... мой милый! Благодарю тебя!... Ты избавилъ..... *(Умираетъ).*

Вл. Не докончила..... Смерть заградила эти уста прелестныя, изъ которыхъ выходили нѣкогда звуки волшебные! Они уже посинѣли!... Какъ мила она и мертвая! Какое спокойствіе на лицѣ! Я не могу налюбоваться ею. Но пора. Она зоветъ меня. Она ждетъ меня. Это орудіе соединитъ насъ. *(Беретъ кинжалъ, взмахиваетъ его надъ своею грудью и вдругъ, услышавъ стукъ шаговъ, удерживаетъ кинжалъ, прячетъ его въ карманъ и, подошедши къ двери, ведущей изъ залы въ корридоръ, встрѣчается съ Иваномъ).*

ЯВЛЕНІЕ XI.

ВЛАДИМІРЪ И ИВАНЪ.

Ив. *(Крестясь).* Господи, Іисусе Христе! Пресвятая Богородица! Какимъ образомъ вы опять очутились здѣсь? Вѣдь вы были въ тюрьмѣ? Какъ же вы ушли изъ нея? Бога ради, не надѣлайте опять какихъ-нибудь бѣдъ.

Вл. Не бойся, старикъ. Что новенькаго скажешь ты мнѣ? Ты видѣлъ, какъ умиралъ старый господинъ твой?

Ив. Какъ же, батюшка; видно, мнѣ всѣхъ васъ придется перехоронить!

Вл. Не говорилъ-ли онъ на смертномъ одрѣ чего-нибудь обо мнѣ?

Ив. Какъ же, батюшка, Владиміръ Семенычъ: онъ горько плакалъ, когда вспомнилъ объ васъ, мой батюшка, и со слезами умолялъ меня отдать вамъ вотъ эту грамотку. *(Подаетъ ему запечатанное письмо).*

Вл. *(Принимая письмо).* Не произошло-ли у васъ въ домѣ какихъ-нибудь перемѣнъ послѣ его смерти?

Ив. Какъ только онъ скончался, то барыня такъ начала тиранствовать надъ нами, что не дай Господи такого житья лихому татарину ни здѣсь, ни на томъ свѣтѣ. И била, какъ собакъ, и отдавала въ солдаты, и пускала по міру, отнимала хлѣбъ, скотъ, осматривала клѣти, ломала коробьи, обирала деньги, холстъ; кто малость въ чемъ-нибудь провинится, такъ ушлетъ въ дальныя вотчины. Да всего и пересказать нельзя. На каторгѣ колодникамъ лучше житье-то чѣмъ намъ, грѣшнымъ, у барыни.

Вл. Да, старикъ, подлинно, что радостныя вѣсти сообщилъ ты мнѣ. Но скажи мнѣ, каковъ былъ въ отношеніи къ вамъ тотъ, котораго я... понимаешь?

Ив. *(Въ размышленіи).* Кто-жъ бы это былъ?

Вл. Андрей!

Ив. И, батюшка, да отъ него и сыры-боры загорѣлись; онъ-то первый мучитель нашъ былъ.

Вл. А, такъ я безъ намѣренія сдѣлалъ доброе дѣло! Пойдемъ, прочтемъ эти строки,—узнаемъ, что содержится въ нихъ. *(Подходитъ къ столу).*

Ив. *(Увидѣвъ трупъ Софьи и всплеснувши руками).* Господи, Боже мой! Это еще что такое? Вы никакъ опять убили человѣка? Ба, да это барышня, Софья Петровна! Вся въ крови!... Ай... Ай...

Вл. Молчи, старикъ! Развѣ ты не видишь, какъ спокойно почиваетъ она? Не разбуди ее своимъ нелѣпымъ враньемъ, своимъ глупымъ крикомъ!

Ив. Ахъ, душегубъ, душегубъ! Што ты сдѣлалъ? За што ты убилъ ее? Али

она обидѣла тебя? Никто отъ нея худаго слова не слыхивалъ!... Кто-то теперь постоитъ за насъ, за грѣшныхъ?... Лизавета Андревна доканаетъ насъ вдосталь.. Охъ, согрѣшили мы предъ Господомъ Богомъ!... *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ XII.

ВЛАДИМІРЪ *(одинъ).*

Вл. Неужели эти люди для того только родятся на свѣтѣ, чтобы служить прихотямъ такихъ же людей, какъ и они сами?... Кто далъ это гибельное право однимъ людямъ порабощать своей власти волю другихъ, подобныхъ имъ существъ, отнимать у нихъ священное сокровище — свободу? Кто позволилъ имъ ругаться правами природы и человѣчества? Господинъ можетъ, для потѣхи или для разсѣянія, содрать шкуру съ своего раба, можетъ продать его, какъ скота, вымѣнять на собаку, на лошадь, на корову, разлучить его на всю жизнь съ отцомъ, съ матерью, съ сестрами, съ братьями и со всѣмъ, что для него мило и драгоцѣнно!... Милосердый Боже! Отецъ человѣковъ! отвѣтствуй мнѣ: Твоя-ли премудрая рука произвела на свѣтъ этихъ зміевъ, этихъ крокодиловъ, этихъ тигровъ, питающихся костями и мясомъ своихъ ближнихъ, и пьющихъ, какъ воду, ихъ кровь и слезы?... *(Обращаясь къ* Софьѣ*).* Она была ихъ ангеломъ-хранителемъ: и я лишилъ ихъ послѣдней защиты, послѣдней обороны противъ тиранства! Они будутъ благословлять ея имя и проклинать мое! *(Глядитъ на нее въ размышленіи).* О, неизъяснимая прелесть! И самая смерть не могла уничтожить тебя! Но что я медлю соединиться съ нею? Время! Она зоветъ! Она ждетъ! Но я долженъ прежде прочесть эту бумагу: ее писала рука святаго человѣка. *(Разламываетъ печать и читаетъ вслухъ).* «Милый Владиміръ! На одрѣ смерти пишу къ тебѣ эти строки. При моей жизни мнѣ не удалось прижать тебя къ моему сердцу, назвать своимъ милымъ сыномъ. Такъ, Владиміръ. узнай тайну, долго хранимую мною: я твой отецъ! Не проклинай моей памяти: я былъ молодъ, имѣлъ страсти и, подобно всѣмъ людямъ, могъ заблуждаться»... (ВЛАДИМІРЪ *трепещетъ всѣмъ тѣломъ; бумага выпадаетъ изъ рукъ его; мутными глазами онъ смотритъ на окружающіе предметы).* Вотъ истинно прекрасныя новости!... Сестра!... Любовница!... Жена!... Убійство!... Кровосмѣшеніе!... *(Въ изнеможеніи упадаетъ на стулъ и закрываетъ руками лицо).*

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ВХОДИТЪ МАМЗЕЛЬ.

М. Что мнѣ говорилъ этотъ безумный старикъ? Боже мой! Что я вижу? ай!... ай!... *(На крикъ ея сбѣгается толпа слугъ обоего пола и всѣхъ возрастовъ и безмолвно, съ удивленіемъ смотритъ на эту картину. Вдругъ сбѣгаютъ* ВЕЛЬСКІЙ и ТОМИНЪ*).*

Вел. Такъ! я отгадалъ, что онъ здѣсь. (*Увидѣвъ тѣло Софьи).* Еще новое убійство и, вѣрно, опять его!... Несчастный, что ты сдѣлалъ?...

Вл. *(Указывая на Софью).* Моя сестра!...

Вел. Кто?.. Сестра?... Она?... твоя?...

Вл. Да, моя любовница... моя жена... моя сестра родная... Прочти эту бумагу, только не задохнись отъ смѣха. (ВЕЛЬСКІЙ *поднимаетъ письмо и читаетъ про себя).* Что понялъ-ли? Вотъ какъ играетъ безпощадная судьба слабыми

смертными. Нѣтъ! Видно, милосердый Богъ нашъ отдалъ свою несчастную землю на откупъ дьяволу, который и распоряжается ею истинно по дьявольски!... Какимъ грознымъ, зловѣщимъ свѣтомъ озарились глаза мои!... О! Теперь лютый тигръ—отчаяніе—грызи мое сердце, разрывай его на милліоны частей, повуда оно еще бьется! Эхидны совѣсти, змѣи раскаянія, высасывайте изъ жилъ моихъ соки бытія, изсушайте мозгъ въ костяхъ моихъ!... Такъ!... Такъ!... Хорошо!... Прекрасно!... Мнѣ кажется, что каждый нервъ мой превратился въ змѣю лютую, что каждая капля крови моей превратилась въ ядъ пожирающій, моя внутренность горитъ, въ ней пылаетъ цѣлый адъ! Какое превосходное состояніе!... Ха, ха, ха! Воды мнѣ, воды! Дайте залить внутренній огонь!...

Вел. Несчастный! Знаешь-ли ты, что о твоемъ побѣгѣ узнали, что тебя ищутъ и скоро найдутъ. Знаешь-ли ты, сколько человѣкъ погибнутъ теперь за твой побѣгъ? Нѣсколько человѣкъ солдатъ прогонятъ сквозь строй, нѣсколько чиновниковъ лишатъ мѣстъ и чиновъ, а, можетъ быть, и болѣе сдѣлаютъ!

Вл. Да, ты пришелъ ко мнѣ какъ фурія, чтобы мучить меня при послѣднемъ издыханіи. *(Вынимаетъ кошелекъ съ деньгами и подаетъ его* Вельскому*).* На, возьми эти деньги, облегчи ими, сколько можно, судьбу несчастныхъ, пострадавшихъ за меня; я прошу тебя объ этомъ. Оно... это золото для меня только и можетъ быть полезно въ этомъ отношеніи...

Вел. Бѣдный, бѣдный! Жаль мнѣ тебя, а помочь не могу. И такъ, ты его сынъ?

Вл. Да, его сынъ; въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Эта бумага писана имъ,—а мнѣ очень извѣстна рука его. *(После некотораго молчанія).* Люди, люди! Кто постигнетъ васъ! Я почиталъ этого старика за образецъ добродѣтели, думалъ, что любовь его ко мнѣ безкорыстна, а онъ—онъ потому только любилъ меня, что видѣлъ во мнѣ плодъ своей беззаконной любви! Старикъ! Ты просишь меня, чтобы я не проклиналъ тебя. А! Ты, вѣрно, чувствовалъ, что достоинъ этого! Такъ! Я проклинаю тебя, низкій сластолюбецъ, проклинаю тебя и этотъ бѣдственный даръ, эту преступную жизнь, которою тебѣ обязанъ!.. Я убійца! Я кровосмѣситель!.... Я осужденъ на позорную казнь, и всѣмъ этимъ одолженъ тебѣ! Мой отецъ! Приди сюда! Я вызываю тебя изъ твоихъ мрачныхъ убѣжищъ! Явись предо мною, тѣнь ужасная! Явись отвѣчать на мои вопросы, выслушать мои проклятія — и проклясть меня! Я расторгаю узы крови, я отрекаюсь отъ тебя, я не сынъ твой болѣе!.. *(Обращаясь къ толпѣ).* По вашимъ блѣднымъ, удивленнымъ лицамъ, я замѣчаю, что вы съ ....[1]).

Эту трагедію Бѣлинскій представилъ, какъ мы сказали, въ цензурный комитетъ, состоявшій тогда изъ профессоровъ университета. Комитетъ нашелъ пьесу безнравственною и не дозволилъ ее напечатать. Это глубоко потрясло Бѣлинскаго; онъ былъ „убитъ,— по собственному выраженію,— тоскою и отчаяніемъ“.

„Сообразивши всѣ обстоятельства моей жизни,— писалъ онъ къ родителямъ 17-го февраля 1831 года,— я вправѣ назвать себя не-

---

[1]) На этомъ рукопись прерывается; окончанія трагедіи въ бумагахъ, намъ доставленныхъ, нѣтъ. **Ред.**

счастнѣйшимъ человѣкомъ... Въ моей груди сильно пылаетъ пламя тѣхъ чувствъ, высокихъ и благородныхъ, которыя бываютъ удѣломъ немногихъ избранныхъ — и при всемъ томъ, меня очень рѣдкіе могутъ цѣнить и понимать... ...Всѣ мои желанія, намѣренія и предпріятія самыя благородныя, какъ въ разсужденіи самого себя, такъ и другихъ, оканчивались или неудачами, или ко вреду мнѣ же, и, что̀ всего хуже, навлекали на меня нареканіе и подозрѣніе въ дурныхъ умыслахъ. Доказательства передъ глазами. Вы сами знаете, какъ сладки были лѣта моего младенчества... Учась въ гимназіи, я жилъ въ бѣдности, скитался, по своей волѣ, по скверным квартиришкамъ, находился въ кругу людей презрѣнныхъ, имѣлъ право лѣниться и проч. Поѣхалъ въ Москву съ пламеннымъ желаніемъ опредѣлиться въ университетъ; мое желаніе сбылось. По вѣтренности, а болѣе по неопытности, истратилъ данную мнѣ сумму денегъ, которая въ моихъ глазахъ казалась огромною, неистощимою. Потомъ поступилъ на казенный коштъ... о, да будетъ проклятъ этотъ несчастный день!.. Любя своего брата [1]), видя, что онъ въ дому своихъ родителей живетъ на казенномъ коштѣ, сострадая его слишкомъ жалкому состоянію и вмѣстѣ желая облегчить участь А. Евфремовича, я убѣдилъ васъ отправить ихъ обоихъ въ Москву. Цѣль благородная, безкорыстная: ибо я, для того, чтобы способствовать сколько-нибудь, по мѣрѣ моихъ силъ и возможности, ихъ счастію, бралъ на себя большую обузу и большую отвѣтственность. И что же вышло?.. Чрезъ это я ввелъ васъ въ излишнія издержки и хлопоты, чрезъ это напрасно измучены лошади, оставлена на дорогѣ бричка и, что всего важнѣе, чрезъ это я навлекъ на себя ваше неудовольствіе! Осужденный страдать на казенномъ коштѣ, я вознамѣрился избавиться отъ него и для этого написалъ книгу, которая могла скоро разойтись и доставить мнѣ не малыя выгоды. Въ этомъ сочиненіи, со всѣмъ жаромъ сердца, пламенѣющаго любовію къ истинѣ, со всѣмъ негодованіемъ души, ненавидящей несправедливость, я въ картинѣ довольно живой и вѣрной представилъ тиранство людей, присвоившихъ себѣ гибельное и несправедливое право мучить себѣ подобныхъ. Герой моей драмы есть человѣкъ пылкій, съ страстями дикими и необузданными; его мысли вольны, поступки бѣшены,—и слѣдствіемъ ихъ была его гибель. Вообще скажу, что мое сочиненіе не можетъ оскорбить чувства чистѣйшей нравственности и что цѣль его есть самая нравственная. Подаю его въ ценсуру—и что же вышло?.. Прихожу черезъ недѣлю въ ценсурный кабинетъ (комитетъ?) и узнаю, что мое сочиненіе ценсо-

[1]) Т. е. Константина Григорьевича.

ровалъ Л. А. Цвѣтаевъ (заслуженный профессоръ, статскій совѣтникъ и кавалеръ). Прошу секретаря, чтобы онъ выдалъ мнѣ мою тетрадь; секретарь, вмѣсто отвѣта, подбѣжалъ къ ректору [1]), сидѣвшему на другомъ концѣ стола, и вскричалъ: „Иванъ Алексѣевичъ! Вотъ онъ, вотъ г. Бѣлинскій!“ Не буду много распространяться, скажу только, что, несмотря на то, что мой цензоръ, въ присутствіи всѣхъ членовъ комитета, расхвалилъ мое сочиненіе и мои таланты какъ нельзя лучше, оно признано было безнравственнымъ, безчестящимъ университетъ и о немъ составили журналъ!.. Но послѣ—это дѣло уничтожено, и ректоръ сказалъ мнѣ, что обо мнѣ ежемѣсячно будутъ ему подаваться особенныя донесенія...“

„Каково это?.. Я надѣялся на вырученную сумму откупиться отъ казны, жить на квартирѣ и хорошенько экипироваться — и всѣ мои блестящія мечты обратились въ противную дѣйствительность, горькую и бѣдственную. Я могъ бы найти кондицію, завести хорошія и полезныя для меня знакомства, но въ форменной одеждѣ, кромѣ аудиторіи, нигдѣ нельзя показаться, ибо она въ крайнемъ пренебреженіи; а я не только не имѣю необходимой для всякаго молодаго человѣка хорошей фрачной или сюртучной пары, но даже и хорошей форменной одежды; теперь третье (исподнее платье) совершенно отказывается служить, а новаго платья, по случаю холеры, и не думаютъ шить ...“

„Лестная, сладостная мечта о пріобрѣтеніи извѣстности, объ освобожденіи отъ казеннаго кошта для того только ласкала и тѣшила меня, довѣрчиваго къ ея дѣтскому, легкомысленному лепету, чтобы только усугубить мои горести... ...Теперь, лишившись всѣхъ надеждъ моихъ, я совершенно опустился; все равно — вотъ девизъ мой...“

Въ слѣдующемъ, затѣмъ, письмѣ къ родителямъ, отъ 3-го марта 1831 г., рѣчь идетъ опять о томъ же предметѣ. „Вы уже знаете,— писалъ Бѣлинскій,— какимъ горестнымъ событіемъ ознаменовалась моя попытка напечатать первое произведеніе пера моего. Это событіе для меня тѣмъ горестнѣе, тѣмъ убійственнѣе, что я черезъ него слишкомъ, слишкомъ многаго лишился. Смѣло могу сказать, что мое произведеніе было бы расхвачено въ мѣсяцъ и доставило бы мнѣ, по крайней мѣрѣ, тысячъ шесть. Сами посудите: чего бы въ такомъ случаѣ стоило мнѣ пожертвовать какихъ-нибудь триста, или много-много шестьсотъ рублей на то, чтобы вырваться изъ пакостной, проклятой бурсы... ...Въ надеждѣ вырваться изъ нея, я полагалъ все счастіе моей жизни, на ней основывалъ все зданіе моего настоящаго и будущаго

[1]) И. А. Двигубскому.

благополучія. Уже эта сладостная надежда исполнялась,— но судьба улыбнулась насмѣшливо—и ея не стало!..“

При всемъ неблагопріятномъ исходѣ исторіи съ трагедіей все-таки можно было надѣяться, что дѣло это забудется, что для Бѣлинскаго оно не будетъ имѣть никакихъ дальнѣйшихъ послѣдствій. Такъ, по крайней мѣрѣ, хотѣлъ думать Бѣлинскій. Въ письмѣ, отъ 24-го мая, онъ писалъ родителямъ: „Невзгода на меня, кажется, проходитъ и я начинаю дышать свободнѣе. Начальство обо мнѣ забыло и думать; правда, при первомъ случаѣ оно не умедлитъ напомнить мнѣ, что знаетъ меня. Но и этого я скоро не буду опасаться: ректоръ и Щепкинъ подали въ отставку. Да, правду, я ихъ очень мало боялся и боюсь, только одна мысль, что я не одинъ, удерживала меня поговорить съ ними пообстоятельнѣе.....“

Затѣмъ переписка относительно исторіи съ трагедіей между Бѣлинскимъ и родителями прекращается до мая 1832 г., т. е. до того времени, когда Бѣлинскій впервые извѣстилъ родныхъ о своемъ исключеніи изъ университета. Изъ письма этого видно (мы приводимъ его ниже), что Бѣлинскій исключенъ былъ изъ университета въ сентябрѣ 1831 года [1]).

Переписываясь въ промежутокъ этого времени съ родными, Бѣлинскій ни слова не говоритъ имъ о постигшемъ его несчастіи. Онъ извѣщаетъ ихъ о своихъ денежныхъ недостаткахъ, описываетъ свою трудную, будто бы все еще студенческую, жизнь. Только въ нѣкоторыхъ отрывочныхъ фразахъ проглядываютъ намеки на безотрадность его положенія... Бѣлинскій видимо боялся опечалить своихъ родителей, и медлилъ извѣстіемъ о своемъ исключеніи. Онъ все надѣялся какъ-нибудь поправить свои обстоятельства, упрочить свое положеніе и, такимъ образомъ, пріятными извѣстіями объ этомъ думалъ сгладить впечатлѣніе горестнаго событія. Но существовали, вѣроятно, и другія побужденія, заставлявшія Бѣлинскаго умалчивать на первое время о постигшемъ его несчастіи. Эти побужденія состояли, напримѣръ, въ томъ, что сестра и братья Бѣлинскаго надѣялись видѣть въ немъ свою опору, или, по крайней мѣрѣ, ожидали отъ него, по окончаніи курса, серьезной поддержки; какъ видно изъ многихъ писемъ, тоже думалъ и самъ Бѣлинскій. Слѣдовательно, при извѣстіи объ исключеніи, всѣ подобныя надежды неминуемо должны были рушиться; положеніе братьевъ и сестры, и безъ того непріятное, могло ухуд-

[1]) А. Н. Пыпинъ полагалъ, что исключеніе Бѣлинскаго послѣдовало въ сентябрѣ 1832 г., или даже гораздо позже («Опытъ біогр.», «Вѣстникъ Европы» 1874 г., апрѣль, стр. 621; іюнь, стр. 607).

шиться. Затѣмъ, по исключеніи изъ университета, Бѣлинскій находился въ столь стѣснительныхъ обстоятельствахъ, что вынужденъ былъ обращаться за денежной помощью къ родителямъ.

Лѣтомъ 1831 г. Бѣлинскаго постигла болѣзнь, отъ которой онъ не могъ поправиться даже къ сентябрю мѣсяцу. 29-го сентября того же года Бѣлинскій (когда уже былъ исключенъ) писалъ родителямъ:

„Съ чего начать мнѣ письмо мое къ вамъ? О чемъ говорить прежде всего? Начну съ благодарности, а кончу... просьбою. И такъ, благодарю васъ чувствительно за ваше неоставленіе, а болѣе всего за ваше вниманіе къ моей болѣзни,—вниманіе, о которомъ свидѣтельствуетъ поспѣшная присылка денегъ,— и прошу васъ, ради самого Бога, еще прислать мнѣ... по крайней мѣрѣ столько же денегъ. На что? спросите вы. Я могъ бы исчислить вамъ тысячи нуждъ, и справедливыхъ и несправедливыхъ, но теперь скажу только то, что онѣ мнѣ крайне нужны: я весь обносился; шинелишка развалилась, и мнѣ нечѣмъ защититься отъ холода, а новой никогда не дадутъ,— да и, кромѣ того, у меня очень многаго недостаетъ. Присланныя вами деньги я истратилъ на уплату долговъ, на покупку лекарствъ и на разныя необходимыя мелочи. Мнѣ непремѣнно нужно запастись какимъ-нибудь сюртучишкомъ и прочимъ принадлежащимъ къ нему платьемъ. Однимъ словомъ: если бы я не имѣлъ крайней нужды, то никогда бы не сталъ тревожить васъ моими просьбами. Вы не можете представить себѣ, какихъ ужасныхъ усилій стоило мнѣ преодолѣть мою нерѣшимость и написать эти строки! Для меня нѣтъ ничего ужаснѣе, убійственнѣе, какъ быть кому-нибудь въ тягость. И такъ, прошу васъ: или исполните мою просьбу безъ укоризнъ, ежели она покажется вамъ слишкомъ непріятною, или... мнѣ ничего не нужно!.."

Чрезъ нѣсколько времени родители прислали Бѣлинскому денегъ: при этомъ они сообщили, что послали еще 4 р. (асс.) съ одной знакомой, Марьей Александровной Горнъ, пріѣхавшей въ Москву, отъ которой и просили Бѣлинскаго получить эти деньги. Въ заключеніе же совѣтовали сыну вообще посѣщать Марью Александровну.

Поблагодаривъ родителей за присылку денегъ, Бѣлинскій писалъ имъ (отъ 25-го декабря 1831 г.), что онъ радъ бы воспользоваться ихъ совѣтомъ относительно посѣщенія г-жи Горнъ, но этому препятствуетъ „одно небольшое обстоятельство, а именно неимѣніе платья, не только приличнаго, но и никакого. Я не знаю,—говоритъ Бѣлинскій,— что мнѣ и дѣлать. Деньги нужны, а идти за ними страхъ какъ не хочется.... Если теперь пойти, то надобно будетъ и впередъ ходить, а на всякій разъ не напросишься у товарищей фраковъ". Затѣмъ Бѣлинскій извѣщалъ, что, по неимѣнію платья, онъ пересталъ

ходить къ своимъ знакомымъ; по этой же причинѣ не могъ найти порядочной „кондиціи“. А между тѣмъ, въ деньгахъ была „крайняя, смертельная надобность, и въ самомъ скорѣйшемъ времени“. Это послѣднее обстоятельство все-таки заставило Бѣлинскаго отправиться къ г-жѣ Горнъ за полученіемъ „цѣлковаго“. Грустное и отчасти комическое описаніе этого визита находится въ письмѣ къ брату, Константину Григорьевичу, отъ 27-го января 1832 г.[1]).

„Вы съ маменькой, съ своею г-жею Горнъ и съ 4 руб. ввели меня въ величайшія хлопоты и неудовольствія. Идти мнѣ никакъ не хотѣлось, ибо для этого мнѣ нужно было со всего міра сбирать одежду; но нужда въ деньгахъ заставила меня рѣшиться на это. И такъ, я взялъ у г. Ишутина панталоны и жилетъ, а у Дмитрія Петровича фракъ и проч., да еще калоши, а у Алексѣя Петровича шинель и картузъ. Это было на второй день праздника Р. Х.; день былъ морозный, холодный до крайности. Я хотѣлъ занять денегъ на извощика, ибо идти мнѣ нужно было, по крайней мѣрѣ, версты три. Къ счастію, что ни у кого не было ихъ и мнѣ никто не далъ. Являюсь къ Горнъ, и хотя чужое платье было и не совсѣмъ по мнѣ, однако же я не уронилъ себя. Сынъ ея разцѣловался со мною, какъ со старинnымъ знакомцемъ, и повелъ меня въ гостиную къ своей матери, которая сначала меня не узнала. Я говорилъ съ нею и о томъ, и о семъ, а объ деньгахъ не рѣшался упомянуть, ибо ждалъ, чтобы она сама мнѣ ихъ вручила. Наконецъ, я увидѣлъ, что уже пора убираться во свояси, вручилъ ей письма, простился и ушелъ. Она оставляла меня обѣдать, но я не остался, ибо мнѣ нужны были деньги, а не обѣдъ ея. Вышедши, позабылъ калоши. На другой день я пишу записку къ ея сыну, въ которой прошу его напомнить своей маменьки о моихъ деньгахъ и чтобы онъ велѣлъ отдать калоши, и записку сію послалъ съ сапожникомъ, который стоитъ на квартирѣ у Алексѣя Петровича. Какой же я отвѣтъ получилъ? Сына ея не было дома, и потому записку прочла она сама и сказала, что цѣлковый она возвратила моей маменькѣ и что если бы деньги были у ней, то она бы и безъ записки сама отдала бы мнѣ. Потомъ стали искать калоши, но они сплыли и слѣдъ пропалъ. Не прикажете-ли теперь еще сходить къ г-жѣ Горнъ за цѣлковымъ?“

Послѣ Бѣлинскій неоднократно просилъ брата „растолковать эту исторію съ цѣлковымъ“, но толкованія, какъ видно, не послѣдовало.

Письма Бѣлинскаго о своихъ настоятельныхъ нуждахъ, съ просьбою

[1]) Письмо это писано не самимъ Бѣлинскимъ, а только подписано имъ, такъ какъ въ это время онъ находился въ больницѣ и не могъ писать.

о присылкѣ денегъ на одежду и проч., производили дома непріятное впечатлѣніе. Родители недоумѣвали, что сынъ ихъ, „живя на казенномъ коштѣ“, нуждается въ одеждѣ и проситъ денегъ, когда онъ обезпеченъ содержаніемъ? На это Бѣлинскій отвѣчалъ, что казенная одежда плоха, сапоги никуда не годятся и т. д. При этомъ онъ не упускалъ случая высказать свое недовольство казенною жизнью, которая была „настоящая каторга....“

Въ письмахъ къ роднымъ за это время, Бѣлинскій неоднократно упоминаетъ о разныхъ стѣснительныхъ мѣрахъ, предпринимаемыхъ университетскимъ начальствомъ, о возможности ни за что ни про что быть исключеннымъ изъ университета, даже отданнымъ въ солдаты, и т. п. „У насъ есть,— сообщалъ, напримѣръ, Бѣлинскій, — нѣкто графъ Панинъ, служащій при университетѣ въ качествѣ помощника попечителя. Эта личность вздумала насильственнымъ образомъ стричь на солдатскій манеръ своекоштныхъ студентовъ. Русаки всѣ дались. Нѣмцы, обругавъ и одурачивъ его, вышли изъ университета“. Въ другой разъ Бѣлинскій писалъ брату, что „можно безо всякой вины, иногда за проступокъ другаго, улетѣть въ солдаты. Прелесть, да и только...“ Сообщая брату подобныя „московскія новости“, Бѣлинскій иногда прибавлялъ: „О себѣ до времени ничего не хочу писать, хотя и имѣю очень много кое-чего сказать....“

Особенно неутѣшительныя извѣстія о новыхъ строгихъ порядкахъ въ университетѣ и возможности исключенія даже его самого Бѣлинскій сообщаетъ родителямъ въ письмѣ отъ 20-го апрѣля 1832 г.:

..... „Университетъ нашъ переворотился вверхъ дномъ. Князь Голицынъ уѣзжаетъ за границу. Государь императоръ далъ его помощнику Голохвастову (то есть помощнику князя) неограниченную власть. Уставъ покойнаго императора также успокоивается. За одно слово, за одинъ малѣйшій поступокъ, Голохвастовъ выключаетъ изъ университета и казенныхъ, и своекоштныхъ студентовъ; казенныхъ же имѣетъ право, безъ всякаго суда, отдавать въ солдаты за всякій сколько-нибудь предосудительный поступокъ, за который прежде посадили бы дни на три въ карцеръ. Уже многіе изъ казенныхъ выключены; одного онъ принудилъ поступить въ полкъ. Купленъ домъ для своекоштныхъ; такъ какъ этотъ домъ находится противъ университета, то его и соединятъ съ онымъ посредствомъ арки. Всѣ ворота будутъ заперты: ни казенному, ни своекоштному нельзя будетъ выдти изъ университета. Своекоштные будутъ поступать въ купленный для нихъ казною домъ на слѣдующихъ основаніяхъ: всякій своекоштный, не имѣющій въ Москвѣ родственника, у котораго бы онъ могъ жить на квартирѣ, долженъ внести единовременно 50 р. и каждый годъ вносить за квар-

тиру и столъ по 300 р.; сверхъ того, одежду, бѣлье и учебныя книги имѣть свои. Всѣ же, немогущіе, по бѣдности, внести помянутой суммы, будутъ немедленно выключаемы. Теперь разсудите: не варварство-ли это? У насъ бо́льшая часть студентовъ кормятся и одѣваются кондиціями; другіе живутъ въ тѣхъ домахъ, гдѣ имѣютъ кондицію; многіе не только содержатся сами оными, но даже помогаютъ своимъ семействамъ. Лишенные единственнаго способа ихъ пропитанія, гдѣ возьмутъ эти несчастные денегъ для взноса въ казну? Ихъ безъ всякаго сожалѣнія выключатъ изъ университета, не позволятъ окончить курса и впредь будутъ принимать только такихъ, которые въ состояніи внести деньги. Будутъ принимать молоденькихъ, которыхъ бы можно было сѣчь розгами, и потому всѣхъ старыхъ и взрослыхъ вытѣсняютъ. Однимъ словомъ, Московскій университетъ скоро уподобится Казанскому. Чтобы жить безопасно, надобно даже уряднику-унтеру льстить, надѣть на себя постную харю, скорчиться въ три погибели, безпрестанно творить молитвы, всѣмъ и каждому кланяться и передъ каждымъ подличать. Нѣтъ ничего грубѣе, подлѣе обхожденія Голохвастова съ студентами: ругается, какъ извощикъ, обходится съ нами хуже, нежели съ своими лакеями. Бѣда да и только. Если выключитъ меня, что очень можетъ случиться, ибо выключать для него составляетъ пріятнѣйшее наслажденіе — что тогда дѣлать? Куда сунуться? Въ военную (службу) я не гожусь, по слабости здоровья и по ненависти къ сей службѣ, о приказной части и говорить нечего. Остается тогда одна дорога: въ Сибирь, на Кавказъ или въ Сѣверо-Американскія россійскія владѣнія...“

Изъ послѣднихъ словъ этого отрывка видно, что Бѣлинскій, подробно описывая неприглядный бытъ студентовъ и намекая на возможность исключенія его самого, тѣмъ какъ бы старается оправдать, по крайней мѣрѣ отчасти, могущее случиться съ нимъ такое обстоятельство; быть можетъ, чрезъ это онъ надѣялся приготовить родныхъ къ печальному извѣстію о своемъ исключеніи. Какъ бы то ни было, но Бѣлинскій долго скрывалъ это обстоятельство и обманывалъ родныхъ. Наконецъ, такое ложное положеніе стало для него невыносимымъ,—и вотъ онъ рѣшился открыть передъ матерью свою тоскующую душу. Отъ 21-го мая 1832 г. Бѣлинскій писалъ матушкѣ:

„Давно уже не писалъ я къ вамъ; не знаю, въ хорошую-ли или въ дурную сторону толкуете вы мое молчаніе. Какъ бы то ни было, но на этотъ разъ я желалъ бы не умѣть ни читать, ни писать, ни даже чувствовать, понимать и жить! Каковымъ вамъ кажется это вступленіе? Но погодите, не торопитесь: это еще цвѣтики, а вотъ скоро поподчую васъ и плодами.... Не радостны были всѣ мои письма съ самаго про-

клятаго холернаго года; но теперь я не могу безъ ужаса и подумать о томъ ударѣ, которымъ готовлюсь поразить васъ, мою мать....“

„Девять мѣсяцевъ таилъ я отъ васъ свое несчастіе, обманывалъ всѣхъ чембарскихъ, бывшихъ въ Москвѣ, лгалъ и лицемѣрилъ, скрѣпя сердце... но теперь не могу болѣе. Вѣдь когда-нибудь надобно же узнать вамъ. Можетъ даже быть, что вы уже знаете, можетъ быть, вамъ сообщено это съ преувеличеніями, а вы—женщина и мать.... Чего не надумаетесь вы? При одной мысли объ этомъ сердце мое обливается кровію. Я потому такъ долго молчалъ, что еще надѣялся хотя сколько-нибудь поправить свои обстоятельства, чтобы вы могли узнать объ этомъ хладнокровнѣе.... Я не щадилъ себя, употреблялъ всѣ усилія къ достиженію своей цѣли, ничего не упускалъ, хватался за каждую соломенку и, претерпѣвая неудачи, не унывалъ и не приходилъ въ отчаяніе—для васъ, только для васъ. Я всегда живо помнилъ и хорошо понималъ мои къ вамъ отношенія и обязаниости, терпѣлъ все, боролся съ обстоятельствами сколько доставало силъ, трудился и, кажется, не безъ успѣха. Вотъ въ чемъ дѣло. Вы знаете, что проходитъ уже четвертый годъ, какъ я поступилъ въ университетъ; вы, можетъ быть, считаете по пальцамъ мѣсяцы, недѣли, дни, часы, минуты, насъ раздѣляющіе: думаете съ восхищеніемъ о томъ времени, о той блаженной минутѣ, когда, нежданный и незванный, я, какъ снѣгъ на голову, упаду въ объятія семейства кандидатомъ, или, по крайней мѣрѣ, дѣйствительнымъ студентомъ!... Мечта очаровательная! И меня обольщала она нѣкогда! Но, увы! въ сентябрѣ исполнится годъ, какъ я выключенъ изъ университета!!!.:... Предчувствую, что это будетъ вамъ стоить большихъ слезъ, тоски и даже отчаянія,—и это-то самое меня и сокрушаетъ... Но, маменька, все-таки умоляю васъ не отчаяваться и не убивать себя безплодною горестію. Есть счастіе и въ несчастіи, есть утѣшеніе и въ горести, есть благо и въ самомъ злѣ. Я видѣлъ людей въ тысячу-тысячъ разъ несчастнѣе себя и потому смѣюсь надъ своимъ несчастіемъ....

„Теперь въ короткихъ словахъ разскажу вамъ мою печальную исторію. Вышедши изъ больницы, я просилъ Голохвастова, чтобы онъ, изъ уваженія къ моей долговременной болѣзни, позволилъ мнѣ въ концѣ августа или въ началѣ сентября (1831 г.) держать особенный экзаменъ. Онъ, хотя и не обѣщалъ исполнить моей просьбы, но и не отказалъ, а сказалъ: „хорошо, посмотримъ“. Я остался въ надеждѣ, и съ половины мая до самаго сентября, несмотря на чрезвычайно худое состояніе моего здоровья, работалъ и трудился, какъ чортъ, готовясь къ экзамену. Но экзамена не дали, а вмѣсто его увѣдомили меня о всемилостивѣйшемъ увольненіи отъ университета....“

„Я не буду говорить вамъ о причинахъ моего выключенія изъ уни-

верситета: отчасти собственные промахи и нерадѣніе, а болѣе всего долговременная болѣзнь и подлость одного толстаго превосходительства. Нынѣ времена мудреныя и тяжелыя: подобныя происшествія очень не рѣдки.....“

Въ особомъ письмѣ къ отцу, отъ того же 21-го мая 1832 г., Бѣлинскій по поводу своего исключенія писалъ: „Если это васъ огорчитъ, то одна моя мольба къ вамъ: ни слова въ упрекъ. Если я, болѣе или менѣе, былъ самъ причиною сего моего несчастія, то, повѣрьте, я съ лихвою наказанъ за это самимъ собою. Надѣюсь, что вы поймете меня. Я уже не мальчикъ и свой собственный судъ для меня всего страшнѣе. Но счастливъ тотъ, кто еще можетъ остановиться во-время и употребить себѣ въ пользу собственныя ошибки и суровые уроки судьбы! Я еще только выѣхалъ на своемъ челнѣ въ это открытое море свѣта, а до сего времени держался у береговъ; слѣдовательно, еще не все потеряно. Конецъ вѣнчаетъ дѣло, говорятъ умные люди. Только тогда при плескахъ вызываютъ или освистываютъ актера, когда совсѣмъ разыграетъ свою роль; только тогда можно произнести судъ человѣку, когда онъ совсѣмъ окончилъ свое поприще. Впрочемъ, какія бы ни были обстоятельства, навлекшія на меня мое несчастіе, вы можете быть всегда твердо увѣренными, что ни чѣмъ предосудительнымъ не обезчестилъ имени своего отца. Я живу не для себя, помню, что я крѣпкими узами связанъ съ кровными—и вотъ только поэтому-то и огорчаюсь. И такъ, простите!....“

Сообщ. **Князь Н. Н. Енгалычевъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВОСПОМИНАНІЯ П. А. КАРАТЫГИНА[1].

27-го ноября 1825 года было получено извѣстіе изъ Таганрога о кончинѣ императора Александра Павловича; разумѣется, на другой же день театры были закрыты. Настало грустное, тяжелое время. Вскорѣ послѣ того театральная дирекція прекратила выдачу жалованья артистамъ. Остановка производства жалованья объясняется тѣмъ, что при тогдашнихъ грустныхъ обстоятельствахъ положительно некому было ходатайствовать у государя за бѣдныхъ артистовъ. Графъ Милорадовичъ, предсѣдатель театральнаго комитета, умеръ, министерства двора тогда еще не существовало, а директоръ Майковъ не имѣлъ ровно никакого значенія при дворѣ. Легко вообразить, каково было тѣмъ изъ артистовъ, которые не припасли денежки на черный день,—особенно людямъ семейнымъ; они, бѣдняги, должны были входить въ долги, занимать деньги подъ жидовскіе проценты, закладывать свои вещи сколько-нибудь поцѣннѣе и перебиваться кое-какъ со дня на день. Въ то время не было такого изобилія на каждой улицѣ вывѣсокъ съ заманчивой надписью: Гласная касса ссудъ, Контора для заклада движимости, Выдача денегъ подъ залогъ, и проч. и проч. Но тогдашніе ростовщики были, конечно, не лучше нынѣшнихъ и съ ними борьба за существованіе приходилась многимъ не подъ

[1]) См. разсказы изъ «Воспоминаній П. А. Каратыгина въ изданіи: «Русская Старина» томъ V, стр. 423—430; томъ VI, стр. 297—308; томъ VII, стр. 146—179; томъ VIII, стр. 306—333; томъ IX, стр. 732—753 и томъ XII, стр. 719—738.

силу. Нѣкоторые петербургскіе старожилы, вѣроятно, и теперь еще помнятъ, напримѣръ, извѣстнаго въ то время богатаго индѣйскаго ростовщика Моджерама-Мотомалова, который съ незапамятныхъ временъ поселился въ Петербургѣ и объяснялся по-русски довольно порядочно. Эту оригинальную личность можно было встрѣтить ежедневно на Невскомъ проспектѣ въ своемъ національномъ костюмѣ: широкій темный балахонъ былъ надѣтъ у него на шелковомъ пестромъ халатѣ, подпоясанномъ блестящимъ кушакомъ, высокая баранья папаха, съ красной бархатной верхушкой, была обыкновенно заломана на затылокъ; бронзовое лицо его было татуировано разноцвѣтными красками, черные зрачки его глазъ, какъ угли, блистали на желтоватыхъ бѣлкахъ съ кровяными оттѣнками; черныя широкія брови, сросшіяся на самомъ переносьѣ, довершали красоту этого индѣйскаго набоба; въ правой рукѣ у него была постоянно длинная бамбуковая палка, съ большимъ костянымъ набалдашникомъ, а въ лѣвой — онъ держалъ перламутровыя и янтарныя четки. Онъ былъ тогда уже очень старъ, приземистъ и, ходя, пыхтѣлъ отъ своей безобразной тучности. Къ театральнымъ онъ вообще былъ какъ-то особенно благосклоненъ; не потому, чтобы онъ любилъ театръ, куда никогда, конечно, не заглядывалъ, но онъ пользовался особенной привиллегіей у театральнаго казначея и вычеты изъ жалованья своихъ должниковъ получалъ безпрепятственно по предъявленіи ихъ росписокъ. Каждый мѣсяцъ, 1-го числа, онъ аккуратно являлся спозаранка въ театральную контору съ цѣлымъ ворохомъ векселей и росписокъ, садился около казначея и, потирая руки отъ удовольствія, поджидалъ своихъ горемычныхъ заемщиковъ.

Въ концѣ 1820-хъ годовъ этотъ благодѣтель страждущаго человѣчества покончилъ свое земное странствованіе и, по индѣйскому обряду, бренные его останки были торжественно сожжены на кострѣ, на Волковомъ полѣ. Конечно, многіе изъ его должниковъ почли весьма пріятною обязанностью отдать ему послѣдній долгъ, и этотъ печальный обрядъ могъ вполнѣ назваться погашеніемъ долговъ, потому что Моджерамъ, кажется, не оставилъ послѣ себя наслѣдниковъ и всѣ неудовлетворенныя обязательства и недоимки разсыпались вмѣстѣ съ его прахомъ.

Въ числѣ обычныхъ его должниковъ былъ извѣстный въ то

время оперный пѣвецъ Климовскій, большой кутила, съ прекраснымъ голосомъ и съ неблаговидной страстишкой занимать у всѣхъ деньги безъ отдачи, вслѣдствіе чего онъ былъ всегда въ неоплатныхъ долгахъ. Репутація его по этой части была всѣмъ извѣстна, а потому никто почти изъ его товарищей не сдавался на его просьбы, какъ бы онъ сладко ни напѣвалъ имъ, увѣряя ихъ въ своей исправности. Однажды онъ пришелъ къ актеру Яковлеву и проситъ у него 25 руб. до перваго числа. Это была казенная фраза, съ которой онъ обыкновенно начиналъ свои просьбы.

— Будьте увѣрены, Алексѣй Семеновичъ,— говоритъ онъ ему,— что васъ-то ужъ я ни зачто не обману; относительно другихъ моихъ товарищей, я точно, можетъ быть, иногда былъ неисправенъ, но вы, предъ талантомъ котораго я благоговѣю, вы совсѣмъ другое дѣло. Даю вамъ честное, благородное слово, что 1-го числа, до котораго теперь осталось всего двѣ недѣли, прямо изъ конторы явлюсь къ вамъ и съ благодарностью отдамъ эти деньги, которыя теперь мнѣ нужны просто до зарѣзу!

Къ Яковлеву онъ обратился еще первый разъ съ подобной просьбой и тотъ, зная его благородную привычку, вполнѣ былъ увѣренъ, что этого 1-го числа никогда не дождаться ему, но, чтобъ наконецъ, отвязаться отъ докучливаго просителя, онъ пошелъ въ свою конторку и вручилъ ему 25 руб. Тотъ, уходя, повторилъ ему свое обѣщаніе и съ чувствомъ глубокой благодарности пожалъ его руку.

Наступило 1-е число. Яковлевъ, конечно, забылъ и думать о своемъ должникѣ, но часовъ въ 12 того дня, какъ снѣгъ на голову, является къ нему Климовскій и торжественно отдаетъ занятыя имъ деньги. Яковлевъ, разумѣется, удивился этой необыкновенной, неожиданной исправности и поблагодарилъ его.

Проходитъ послѣ этого мѣсяца два и вотъ, въ одно прекрасное утро Климовскій опять явился къ нему.

— Алексѣй Семеновичъ, благодѣтель, выручите меня, пожалуйста. Просто мертвая петля на шеѣ. Живодеръ Моджерамъ заломилъ такіе дьявольскіе проценты, что нѣтъ никакой возможности имѣть дѣла съ этой индѣйской чучелой. Вы знаете, какъ я васъ уважаю. Ни за 1,000 руб. не соглашусь быть передъ вами подлецомъ. Я доказалъ вамъ на опытѣ, какъ я умѣю дер-

жать свое слово; дайте мнѣ, ради Бога, 200 руб. до 1-го числа. Клянусь вамъ всѣмъ на свѣтѣ, что 1-го числа прямо изъ конторы....

Но Яковлевъ не далъ ему докончить своихъ увѣреній и сказалъ ему полушутя:

— Нѣтъ, любезный Климовскій, извини меня, но ты меня одинъ разъ ужъ обманулъ, такъ въ другой-то разъ я не попадусь.

— Какъ обманулъ? воскликнулъ онъ отъ изумленія; — развѣ я вамъ не заплатилъ въ срокъ? Развѣ я не сдержалъ моего слова?

— Ты-то сдержалъ его, но и я держусь своихъ правилъ: 25 руб. куда ни шли, потеря была бы небольшая, еслибъ я ихъ и не получилъ отъ тебя, и, коли дѣло пошло на правду, такъ знай, мой любезный, что, отдавая тебѣ эти деньги, я считалъ ихъ пропащими; но 200 руб. другое дѣло, это почти мое мѣсячное жалованье и потому я теперь не хочу рисковать своими трудовыми едньгами.

Климовскій смекнулъ, что дѣло вышло дрянь, что его стратагема не удалась, что онъ ошибся въ своемъ хитромъ расчетѣ, и отправился ублажать жестокосердаго Моджерама.

Теперь возвратимся къ прерванному разсказу.

Шумный Петербургъ присмирѣлъ и погрузился въ безмолвное уныніе: балы, вечеринки, маскарады прекратились, свадьбы были безъ музыки и танцевъ; даже шарманщикамъ было запрещено заниматься своей уличной профессіей. Наступили святки, и никто не смѣлъ наряжаться, хотя эта старинная забава средняго сословія, а въ особенности купцовъ, тогда еще не вышла изъ обычая.

Здѣсь мнѣ припомнилась забавная сцена съ покойной нашей актрисой Гусевой, которая не имѣла соперницъ въ роляхъ кухарокъ и грубыхъ сварливыхъ старухъ. Эта женщина была вообще веселаго характера, и тогда отъ скуки сговорилась съ одной изъ своихъ подругъ —фигуранткой—нарядиться. Она достала изъ театральнаго гардероба мужской турецкій костюмъ и вмѣстѣ съ нею отправилась вечеромъ къ Сосницкому. Подходя къ крыльцу квартиры Сосницкаго, обѣ онѣ надѣли маски и только что хотѣли подняться на лѣстницу, какъ вдругъ, откуда ни возьмись,

явился передъ ними грозный квартальный надзиратель, въ сѣрой енотовой шубѣ и нахлобученной треуголкѣ.

— Позвольте, сударыни,—сказалъ онъ имъ густымъ басомъ—позвольте, вы, кажется, наряженныя?

У бѣдной Гусевой душа ушла въ пятки. Она-было хотѣла закрыть голову своимъ большимъ платкомъ, но улика была на лицо и запираться было поздно; квартальный безъ церемоніи распахнулъ ея салопъ и блестящій турецкій костюмъ вполнѣ изобличилъ ее.

— Кто вы такія? Какъ вы могли нарушить приказаніе оберъ-полиціймейстера? Развѣ вы не знаете, что нынче запрещено наряжаться?

Бѣдная Гусева ударилась въ слезы, клялась и божилась, что ничего не знала объ этомъ запрещеніи.

— Снимите ваши маски и отвѣчайте: кто вы такія?

Гусева дрожащимъ голосомъ отвѣчала, что она придворная актриса, а подруга ея — фигурантка, такая-то.

— Если вы дѣйствительно придворныя артистки, тѣмъ болѣе это вамъ непростительно. Извольте сейчасъ же со мной отправиться въ кварталъ, гдѣ вы должны будете заплатить большой штрафъ.

Гусева начинаетъ умолять квартальнаго пощадить ее, но онъ ничего слышать не хочетъ и требуетъ, чтобъ онѣ обѣ безъ отговорокъ шли за нимъ на съѣзжій дворъ.

— Ради Бога, не срамите насъ. Мы готовы заплатить штрафъ, но только избавьте насъ отъ огласки и отъ съѣзжаго двора!

Квартальный, наконецъ, послѣ долгихъ упрашиваній, смягчился.

— Такъ и быть,— сказалъ онъ ей,—я хоть и строго исполняю свою обязанность, но для васъ, придворныхъ артистокъ, сдѣлаю исключеніе: дайте мнѣ 25 руб. и Богъ съ вами.

— Но у меня нѣтъ съ собою столько денегъ; я вамъ завтра непремѣнно ихъ доставлю, скажите только вашъ адресъ.

— Стара штука, сударыня,— сказалъ онъ.—Здѣсь вѣдь свидѣтелей нѣтъ; завтра вы отопретесь и я останусь не при чемъ.

— Ну такъ пойдемте со мною на мою квартиру, тамъ я вамъ отдамъ деньги,— упрашиваетъ она его.

— Такъ и быть, пойдемте,— пробасилъ квартальный.

Бѣдная оштрафованная актриса, повѣся голову, отправилась

вмѣстѣ со своей подругой и съ квартальнымъ домой и дорогой проклинала свою несчастную затѣю, за которую ей приходилось заплатить, можетъ быть, свои послѣднія деньжонки.

Въ попыхахъ она вбѣжала въ свою переднюю и велѣла кухаркѣ поскорѣе подать огня и вмѣстѣ съ фигурантkою пошла въ свою комнату; квартальный, не снимая ни шубы, ни шляпы, остался въ передней. Прошло нѣсколько минутъ, пока она отыскивала деньги въ своемъ комодѣ; въ это время старуха-кухарка, прижавшись къ печкѣ, съ невыразимымъ ужасомъ смотрѣла на высокаго квартальнаго и смекнула, что съ ея хозяйкой случилось что-то недоброе. Наконецъ, въ дверяхъ является бѣдная Гусева съ собранными кое-какъ 25 рублями въ рукахъ и проситъ квартальнаго войти въ комнату. Квартальный входитъ, снимаетъ шляпу, распахиваетъ шубу, и Гусева остолбенѣла отъ удивленія: передъ нею стоялъ актеръ Экунинъ, который узналъ отъ Сосницкаго, что она собиралась придти къ нему наряженная, взялъ отъ своего брата фельдъегеря шубу и треуголку и съигралъ съ нею эту комедію.

Можно себѣ представить, что было въ эту минуту съ бѣдной Гусевой. Экунинъ хохоталъ во все горло, а та готова была выцарапать ему глаза.

— Будь ты проклятъ, анаѳема!—закричала она ему наконецъ;—чтобъ тебя самого на съѣзжу посадили вмѣстѣ съ каторжными! Вѣдь ты знаешь-ли, что̀ я вытерпѣла; знаешь-ли, что̀ со мной было?! Сказать даже стыдно! Провались ты, окаянный!

Экунинъ вмѣстѣ съ фигурантkой продолжалъ смѣяться и уговаривалъ Гусеву успокоиться.

— Вѣкъ не прощу тебѣ, мошенникъ!—кричала раскраснѣвшаяся отъ досады Гусева.—Вѣдь на сценѣ-то ты двухъ словъ порядочно не умѣешь сказать [1]), а тутъ, откуда рысь взялась, такого страху нагналъ, что мнѣ и въ голову не могло придти, что это не настоящій квартальный!

— Что-жъ дѣлать, Алена Ивановна (такъ звали Гусеву), видно

---

[1]) Экунинъ, дѣйствительно, былъ плохой актеръ и отличался только двумя достоинствами: онъ всегда одѣвался по послѣдней модѣ и ловко танцовалъ мазурку, въ которой всегда производилъ эфектъ, играя Скалозуба въ комедіи «Горе отъ ума». Знаменитая въ свое время танцовщица Истомина вышла, подъ старость, за него замужъ. Она умерла отъ холеры въ 1848 году. П. К.

я еще не попалъ на свое настоящее амплуа; вѣдь и вы, говорятъ, прежде были тоже плохая актриса, пока не начали играть кухарокъ. Ну, да что было, то прошло; помиримтесь и отправимся къ Ивану Ивановичу (Сосницкому). Ужъ коли дѣло пошло на правду, такъ вѣдь онъ меня и подбилъ съиграть съ вами эту штуку.

— Онъ? Экой разбойникъ! Пойдемте же къ нему, я его разругаю на чемъ свѣтъ стоитъ,— сказала она, снимая свой турецкій кафтанъ.

— Зачѣмъ же вы разоблачаетесь? Ступайте въ этомъ костюмѣ.

— Ну, нѣтъ, братъ, спасибо; я и отъ подложнаго-то квартальнаго страху натерпѣлась, а какъ встрѣтишь настоящаго, такъ съ нимъ не раздѣлаешься такъ дешево, какъ съ тобой.

Трауръ продолжался ровно девять мѣсяцевъ. Коронація покойнаго императора Николая Павловича, какъ извѣстно, совершилась въ Москвѣ 22-го августа 1826 г., но такъ какъ тогда еще не было ни желѣзныхъ дорогъ, ни телеграфовъ, то офиціальное извѣстіе объ этомъ торжествѣ было получено у насъ 25-го числа, въ 5 часовъ пополудни. На слѣдующій день, 26-го августа, послѣдовало въ Петербургѣ открытіе спектаклей. Избрана была трагедія «Пожарскій», соч. Крюковскаго, какъ пьеса, имѣющая аналогическое значеніе, гдѣ говорится о восшествіи на тронъ перваго царя изъ дома Романовыхъ. Братъ мой игралъ Пожарскаго, а жену его — Екатерина Семеновна Семенова; потомъ данъ былъ, какъ гласила тогдашняя афиша, апологическій дивертисементъ, подъ названіемъ «Возвращеніе князя Пожарскаго въ свое помѣстье», соч. балетмейстера Огюста. Въ этомъ дивертисементѣ участвовали всѣ первые артисты оперы и балета. Василій Михайловичъ Самойловъ, не утратившій еще тогда своего чуднаго голоса, пѣлъ куплеты, сработанные кѣмъ-то изъ современныхъ піитовъ на этотъ торжественный случай. У меня удержались въ памяти только первые четыре стиха:

Вѣсть радостная, вѣсть священна
Съ береговъ Москвы гремитъ молвой:
Свершилась благодать небесна
Надъ юною царя главой! и проч.

Понятное дѣло, что въ трагедіи всѣ апликаціи, имѣющія отношенія къ настоящему событію, вызывали громъ рукоплесканій

и крики «ура!» Дивертисементъ также произвелъ огромный эффектъ. Петербургъ ликовалъ и веселился на славу и былъ блистательно иллюминованъ въ продолженіе трехъ дней. 31-го августа въ Таврическомъ дворцѣ данъ былъ маскарадъ для первыхъ шести классовъ и для купечества; въ иллюминованный же садъ, гдѣ было нѣсколько оркестровъ полковой музыки, былъ открытъ входъ для всѣхъ сословій. 2-го сентября купеческое общество давало маскарадъ въ домѣ гр. Безбородко, въ Почтамтской улицѣ.

Наступила осень, обычная пора бенефисовъ, и театральная администрація была въ большомъ затрудненіи: она не могла удовлетворить всѣхъ претендентовъ, не получившихъ, по случаю продолжительнаго траура, своевременно слѣдующихъ имъ бенефисовъ, а потому и предложила имъ бросить между собою жребій. Кому судьба поблагопріятствовала, тѣ получили свои бенефисы въ зимній сезонъ, а остальнымъ пришлось ихъ брать въ лѣтнюю пору.

Въ 1825 году, въ началѣ іюля, пріѣхалъ въ Петербургъ, въ первый разъ, покойный Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ и съ первыхъ своихъ дебютовъ имѣлъ большой успѣхъ, несмотря на лѣтнее время, весьма невыгодное для дебютантовъ, и на соперничество нашего петербургскаго комика Боброва, о которомъ я уже упоминалъ въ прежнихъ моихъ запискахъ. Хотя эти два артиста и занимали одинаковое амплуа, но во многомъ между ними было различіе. Бобровъ, наивной, комическою своею личностію, толстой, неуклюжей фигурой и своеобразной, безъискусственной рѣчью, былъ олицетворенная простота и добродушіе; онъ, казалось, никогда не имѣлъ намѣренія смѣшить публики, а слушая его простую рѣчь и смотря на него, невозможно было удержаться отъ смѣху. Этимъ безсознательнымъ комизмомъ нашъ покойный Мартыновъ во многомъ походилъ на него. Мольеровскій «Мѣщанинъ во дворянствѣ», Скотининъ (въ «Недорослѣ»), «Бригадиръ» — Фонъ-Визина и во многихъ другихъ пьесахъ позднѣйшаго репертуара нельзя было, казалось, представить себѣ другой личности, болѣе подходящей къ этимъ ролямъ. Щепкинъ, напротивъ, благообразный, кругленькій старичекъ, живой, веселый, поворотливый, иногда плутоватый, всегда симпатично дѣйствовалъ на зрителей; къ этому надо прибавить, что, при огромномъ его комическомъ талантѣ, онъ былъ надѣленъ съ избыткомъ драма-

тическимъ элементомъ. Онъ былъ умнѣе Боброва, серьезнѣе относился къ своему искусству, и тщательно обдумывая свои роли, всѣ ихъ детали до мелочной подробности передавалъ съ безукоризненной тонкостью и искусствомъ. Еще важное имѣлъ преимущество Щепкинъ передъ своимъ петербургскимъ соперникомъ въ томъ, что репертуаръ его былъ разнообразнѣе: онъ игралъ въ водевиляхъ и мастерски передавалъ куплеты; а въ ту пору водевили кн. Шаховскаго, Писарева и Хмельницкаго начинали уже пріобрѣтать себѣ право гражданства на русской сценѣ.

Какъ жаль, что этимъ обоимъ комикамъ не пришлось ни разу сойтись въ одной пьесѣ; любопытно бы было полюбоваться на ихъ благородное соревнованіе.

Другіе петербургскіе комики того времени, конечно, никакъ не могли идти въ сравненіе съ московскимъ знаменитымъ артистомъ; хотя актеръ Величкинъ, тогдашній любимецъ райской публики и занималъ роли Щепкина въ комедіяхъ и водевиляхъ, но разстояніе между ними было въ нѣсколько разъ болѣе того, какое находится между партеромъ и райкомъ.

Когда уже сдѣлалось извѣстнымъ въ нашемъ закулисномъ мірѣ, что Щепкинъ собирается въ Петербургъ, актеръ Боченковъ (одинъ изъ посредственныхъ комиковъ) какъ-то разъ на репетиціи подошелъ къ Величкину, который сидѣлъ повѣся носъ, и сказалъ ему:

— Плохо намъ приходится съ тобой, Миша; въ Москвѣ дрова рубятъ, а къ намъ щепки летятъ. Ну, да не горюй, насъ съ тобой гостинодворцы не выдадутъ!

— Ну еще посмотримъ! — отвѣчалъ ему язвительно Величкинъ, не даромъ же другая пословица говоритъ: «славны бубны за горами...»

Щепкинъ дебютировалъ 2-го іюля, на Маломъ театрѣ, ролью Транжирина, въ комедіи «Чванство Транжирина», соч. князя Шаховскаго, и въ водевилѣ «Секретарь и поваръ»; на другой день онъ игралъ Арнольфа въ «Школѣ женщинъ» — Мольера, и съ каждой новою ролью успѣхъ его возросталъ.

Въ послѣдующія его поѣздки въ Петербургъ, репертуаръ его ролей значительно увеличился и петербургская публика всегда была рада дорогому гостю. Лучшаго исполнителя комедій Мольера

мнѣ, въ продолженіе моей долголѣтней службы, не случалось видѣть на нашей сценѣ.

Въ Фамусовѣ онъ былъ неподражаемъ, и умеръ, не оставивъ послѣ себя достойнаго преемника ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ.

Нѣсколько выше, упоминая о нашемъ русскомъ водевилѣ двадцатыхъ годовъ, я сказалъ, что водевиль началъ тогда пріобрѣтать права гражданства на русской сценѣ, но увы! недолго онъ пользовался этимъ правомъ.

Въ настоящее время, когда этотъ родъ сценическихъ произведеній измельчалъ и почти окончательно утратилъ свой игривый, веселый характеръ, или, лучше сказать, не доживя вѣку, состарѣлся, мнѣ бы хотѣлось, въ защиту его, высказать нѣсколько личныхъ моихъ мнѣній, которыя, можетъ быть, нѣсколько поясняютъ причины его упадка въ наше время. Во всякомъ случаѣ, относиться къ нему съ презрѣніемъ не слѣдуетъ уже потому, что въ былое время онъ игралъ значительную роль въ развитіи таланта такихъ прекрасныхъ артистовъ, какими были: Щепкинъ, Дюръ, Мартыновъ, Рязанцевъ, Асенкова, Рѣпина, Надежда Самойлова и другіе.

Слѣдующій отрывокъ изъ моихъ Воспоминаній былъ мною написанъ лѣтъ 25 тому назадъ, а потому, можетъ быть, инымъ читателямъ онъ покажется теперь подогрѣтымъ ужиномъ, но авось другіе будутъ снисходительны къ старому отставному водевилисту.

Нѣчто о водевилях вообще и о русском въ особенности.

Тутъ рѣчь зашла про водевиль.
Да, водевиль есть вещь, а прочее все гиль.

Я выбралъ эпиграфомъ извѣстное изреченіе Репетилова не потому, чтобъ былъ съ нимъ согласенъ, но полагаю, съ своей стороны, что водевиль, хотя и не важная вещь, однако-жъ и гилью ему быть не слѣдуетъ. Въ настоящее время русскому водевилю пришлось терпѣть горе, только не отъ ума, а, какъ говорится, напротивъ того. Во всѣхъ почти журналахъ и газетахъ, гдѣ рѣчь зайдетъ про водевиль,

Градъ колкостей и шутокъ тотчасъ грянетъ.

Въ современныхъ повѣстяхъ и романахъ встрѣчаются такого рода сравненія:

«Онъ былъ безтолковъ, какъ водевиль... Это плоско, какъ водевиль...» Короче сказать, водевиль и пошлость сдѣлались синонимомъ.

Бѣдный водевиль, сколько онъ терпитъ напраслинъ: его презираютъ, его чуть не топчутъ въ грязь, его называютъ незаконнымъ порожденіемъ искусства, забывая старинное правило одного изъ французскихъ классиковъ, что «всѣ роды хороши, кромѣ скучнаго». Ему, бѣдняжкѣ, не даютъ у насъ на Руси послѣдняго уголка въ литературѣ. Но неужели болѣе заслуги написать длинную, скучную драму или комедію, нежели забавный водевиль? Разумѣется, многіе скажутъ, что драма и комедія (несмотря на то, какъ бы онѣ ни были скучны и пусты) все-таки вещи серьезныя, а водевиль—шутка, дѣтская игрушка. Но слушать остроумнаго ребенка, конечно, пріятнѣе, нежели глупаго старика.

Сколько у насъ можно насчитать оригинальныхъ драмъ, гдѣ лица дѣйствуютъ какъ маріонетки; сколько комедій, имѣвшихъ въ свое время блестящій успѣхъ, гдѣ однѣ каррикатуры вмѣсто характеровъ, гдѣ настоящій юморъ замѣненъ грубымъ фарсомъ, гдѣ нѣтъ ни толку, ни связи, ни идеи, но все-таки ихъ называютъ комедіями. Драмы, говорятъ, писали Шекспиръ, Шиллеръ, Гёте; комедіи – Мольеръ, Шериданъ, Грибоѣдовъ, Фонъ-Визинъ, Гоголь; а водевили пишутъ всѣ... ихъ какъ блины пекутъ, и они сдѣлались чуть ни масляничной забавой. И точно, ихъ расплодилось слишкомъ много и больше дурныхъ, нежели хорошихъ; но все-таки самый водевиль не виноватъ, что бездарность сдѣлала изъ него балаганное гаерство, фарсъ и буффонаду. Трагедія, комедія, драма, опера также нерусскія наименованія, какъ и водевиль, но отъ чего же онѣ получили на русской сценѣ право гражданства? Зачѣмъ же это гоненіе на одинъ водевиль? Почему же онъ не можетъ у насъ имѣть одного значенія съ небольшой, легкой комедіей? Вся его вина, что онъ поетъ, но остроумный куплетъ дѣла не портитъ:

Пой лучше хорошо щегленкомъ,
Чѣмъ дурно соловьемъ...

какъ сказалъ дѣдушка Крыловъ.

Веселая, остроумная шутка совсѣмъ не такъ легка, какъ съ перваго взгляда кажется; она была подчасъ камнемъ преткновенія многимъ знаменитымъ писателямъ. Не говоря уже о живыхъ, мы только вспомнимъ покойнаго Полеваго, писателя, конечно, съ несомнѣннымъ талантомъ, который, болѣе или менѣе, имѣлъ успѣхъ во всѣхъ родахъ, въ продолженіе своей литературной дѣятельности, но водевильная шутка ему недалась и онъ самъ печатно сознавался въ своей неудачѣ.

Для остроумной шутки вовсе недостаточно одного ума, нуженъ особый складъ дарованія. Водевилисту тяжело совладать съ драмой, а драматургу не подъ силу легкая, игривая шутка. Нѣмцы люди очень серьезные и положительные, но ихъ водевильныя шутки, поссе и вицы, могутъ быть забавны только ихъ землякамъ. Нѣмецъ шутить не любитъ, или не умѣетъ. Державинъ и Пушкинъ признаны въ свое время великими поэтами, но ихъ сценическія попытки далеко уступаютъ ихъ собственнымъ произведеніямъ въ другихъ родахъ поэзіи. Шиллеръ былъ геніальный драматургъ, но его комедіи не имѣли никакого успѣха: у всякаго свой талантъ или способности.

Разсмотримъ же теперь, что было причиною опальнаго остракизма на нашъ доморощенный водевиль. Часто случается читать и слышать такого рода приговоры, что водевиль — чисто французскій продуктъ, южное растеніе, которое не можетъ быть акклиматизировано на нашей сѣверной почвѣ; что самая его форма противорѣчитъ нашимъ нравамъ, свойству языка и даже народному духу. Но кто сколько-нибудь способенъ наблюдать, тотъ, безъ сомнѣнія, замѣчалъ, что нашъ простой народъ не менѣе любаго иностранца склоненъ къ юмору и не пропуститъ случая побалагурить или ввернуть красное словцо. Онъ поетъ, когда ему весело, поетъ и отъ скуки, затягиваетъ пѣсню, когда тянется съ обозомъ, тащитъ бревно, или камни ворочаетъ, онъ и сваи вколачиваетъ со своей разудалой пѣсенкой. «Мѣшай», говоритъ, «дѣло съ бездѣльемъ, такъ съ ума не сойдешь». А нашъ русскій солдатъ — краса и честь русскаго человѣка, онъ идетъ на приступъ съ пѣсенниками впереди. Онъ всегда веселъ и боекъ на словахъ и на дѣлѣ. Въ каждой ротѣ есть непремѣнно свой острякъ или балагуръ, который въ свободный часъ потѣшаетъ своихъ товарищей сказочкой, пѣсенкой, или анекдотцемъ своего сочиненія.

Короче сказать, безпечная веселость не только не противна нашимъ нравамъ, но едва-ли не есть отличительная черта славянскаго племени. Что же касается до языка, то хотя, разумѣется, онъ не такъ окончательно обработанъ, какъ у французовъ, но за то такъ богатъ, что подъ перомъ талантливаго писателя можетъ быть легокъ, гибокъ и разнообразенъ до безконечности. Никто не споритъ, что французу легче написать игривый куплетъ, но гдѣ больше труда, тамъ больше и заслуги. И такъ, все сказанное мною невольно приводитъ меня къ такому заключенію, что причина журнальной опалы на этотъ родъ сочиненія заключается не въ самомъ водевилѣ, а въ господахъ водевилистахъ, потому что нѣтъ ничего несноснѣе и скучнѣе пошлаго острякa, онъ скорѣе нагонитъ скуку, нежели развеселитъ. Это тоже, что тупая бритва, которая вызываетъ у насъ всегда болѣзненную гримасу.

Теперь, оканчивая мою длинную и запоздалую іереміаду, слѣдуетъ сказать, что наши доморощенные Скрибы, для потѣхи райка, довели этотъ веселый, остроумный родъ театральныхъ пьесъ до такой пошлости, что истинный любитель театра съ грустью смотритъ на него, какъ на безжизненный остовъ, и, конечно, не узнаетъ въ немъ живаго французскаго шутника; онъ можетъ, какъ Гамлетъ, глядя на безобразный черепъ, повторить его грустную фразу:

— «Бѣдный Йорикъ! Гдѣ твои остроты? Гдѣ твои шуточки? Неужели у тебя не осталось хотя одной, чтобъ посмѣяться надъ самимъ собою?!»

Въ 1827 г. появилась на петербургской сценѣ извѣстная мелодрама Дюканжа: «Тридцать лѣтъ, или жизнь игрока» и произвела необыкновенный фуроръ; ее давали почти ежедневно. Въ этотъ періодъ времени романтизмъ началъ серьезно угрожать классицизму. Хотя и прежде нашъ репертуаръ имѣлъ много мелодрамъ съ бенгаликой и трескучими эфектами, но онѣ не были опасны классическимъ трагедіямъ и гордая Мельпомена съ презрѣніемъ смотрѣла на свою соперницу и не имѣла причины бояться за свою традиціонную самостоятельность. Но съ появленіемъ «Жизни игрока» повѣяло какой-то заманчивой новизной и вкусъ публики къ классицизму съ того времени началъ замѣтно ослабѣвать. Я помню,

какъ начало этого сценическаго раскола возмутило нашихъ истыхъ поборниковъ классицизма: Гнѣдича, Катенина, Лобанова и другихъ, какъ они соболѣзновали о жалкомъ упадкѣ современнаго вкуса; даже дѣдушка Крыловъ, который, конечно, былъ поэтомъ реальной школы, но и тотъ съ презрѣніемъ отзывался объ этой возмутительной, по его словамъ, мелодрамѣ. На другой день послѣ перваго ея представленія, онъ говорилъ моему брату:

— Помилуйте, что это за безобразная пьеса! Теперь остается авторамъ выводить на сцену однихъ каторжниковъ или галерныхъ преступниковъ.

Черезъ нѣсколько времени послѣ этого, начали у насъ появляться переводныя драмы Виктора Гюго, Дюма и другихъ. Плодовитый кн. Шаховской, потерпѣвшій неудачи въ классическихъ трагедіяхъ, принялся также за романтическій родъ сочиненій, и началъ перекраивать драмы изъ романовъ Вальтеръ-Скотта.

Шекспиръ въ буквальномъ переводѣ появился на нашей сценѣ нѣсколько позже, а до тѣхъ поръ его пьесы переводились съ французскаго; такъ, напримѣръ, «Гамлета» перековеркалъ Висковатовъ, «Лира», или, какъ его тогда называли, «Леара» перевелъ Гнѣдичъ; «Отелло» переиначилъ Дюсисъ и т. д. Всѣ эти пьесы были безобразно урѣзаны и втиснуты въ классическую форму, которая требовала на сценѣ неизмѣнныхъ трехъ единствъ.

Съ геніальнымъ Шекспиромъ обращались тогда безъ церемоніи и чопорные французскіе переводчики воображали, что изящный вкусъ публики и сценическія условія требовали непремѣнно ихъ услужливой редакціи.

«Жизнь игрока» была поставлена тогда великолѣпно и разъигрывалась съ большимъ ансамблемъ, но пальма первенства, по общему мнѣнію, была отдана моему покойному брату. Однажды, при представленіи этой мелодрамы, разъигралась у насъ на сценѣ грустная катастрофа: роль Жермани (отца) игралъ тогда актеръ Каменогорскій (артистъ весьма приличный и толковый въ роляхъ благородныхъ отцовъ и резонеровъ). Въ концѣ перваго дѣйствія, отецъ, узнавъ о преступленіяхъ своего сына, говоритъ ему длинный монологъ, проклинаетъ его и, пораженный апоплексическимъ ударомъ, падаетъ на полъ, чѣмъ и оканчивается его роль. Я тогда игралъ роль Адольфа и находился подлѣ Камено-

горскаго. Только что опустили завѣсу, я вижу, что Каменогорскій не шевелится; я тотчасъ же подошелъ къ нему, чтобы помочь ему встать, но онъ лежалъ въ совершенномъ безпамятствѣ; всѣ другіе артисты окружили его, приподнимаютъ и видятъ, что съ нимъ, въ дѣйствительности, сдѣлалась апоплексія. Бѣднаго старика понесли въ уборную, раздѣли, прибѣжалъ докторъ, который употреблялъ всевозможныя средства, и хотя кое-какъ привелъ его въ чувство, но тутъ оказалось, что языкъ у него отнялся и одна сторона его тѣла была парализована. Его осторожно отвезли въ каретѣ домой и мѣсяца черезъ два или три онъ скончался.

Въ началѣ августа 1830 года посѣтила Петербургъ въ первый разъ знаменитая нѣмецкая пѣвица Генріета Зонтагъ (въ послѣдствіи по замужеству графиня Росси). Она была тогда въ полномъ цвѣтѣ красоты и въ блескѣ своего чуднаго таланта: ей было тогда не болѣе 23-хъ лѣтъ. Она исполняла свои концерты на Маломъ театрѣ. Мы съ Рязанцевымъ не пропускали ни одного ея концерта и были отъ нея въ восторгѣ. Никогда я не забуду того дивнаго впечатлѣнія, какое она производила на меня аріей изъ «Фрейшюца», варіаціями Роде и «Соловьемъ»—Алябьева. Эти три пьесы она исполняла съ изумительнымъ совершенствомъ! Надо было видѣть въ этихъ концертахъ капельмейстера Кавоса, онъ не могъ стоять равнодушно у своего пульпитра: онъ таялъ отъ восхищенія и до того иногда увлекался чудной примадонной, что забывалъ дирижировать своимъ оркестромъ.

Въ продолженіе моей жизни, я слышалъ много первоклассныхъ примадоннъ, но только двѣ изумляли меня геніальнымъ своимъ талантомъ—это Зонтагъ и современная дива—Патти. Въ то время хотя итальянская опера и прекратила свои представленія, но въ Петербургѣ оставались еще нѣкоторые пѣвцы; по желанію покойнаго государя, графу Михаилу Юрьевичу Віельгорскому удалось составить небольшой итальянскій персоналъ для придворнаго спектакля, и въ Царскомъ Селѣ, на Китайскомъ театрѣ, были исполнены тогда двѣ оперы, съ участіемъ Зонтагъ: «Севильскій цирюльникъ» и «Отелло».

Покойная жена Сосницкаго (Елена Яковлевна) пригласила меня и Рязанцева поѣхать туда вмѣстѣ съ нею на второй спектакль; мы наняли карету и отправились насладиться удоволь-

ствіемъ, которое доступно было тогда только однимъ придворнымъ аристократамъ.

Еще дорогой я предупреждалъ моихъ спутниковъ держаться въ почтительномъ отдаленіи отъ нашего любезнаго директора и не попадаться ему на глаза. (Тогда директоромъ театра былъ кн. Гагаринъ, съ которымъ я уже нѣсколько познакомилъ моихъ читателей въ предъидущихъ отрывкахъ изъ моихъ записокъ). Но Сосницкая была женщина бойкая; она назвала меня трусишкой и сказала, что хотя она никогда не находила удовольствія встрѣчаться съ его сіятельствомъ, но и прятаться отъ него не намѣрена. Пріѣхавъ въ Царское Село, мы помѣстились въ театрѣ за кулисами. Передъ началомъ спектакля его сіятельство пришелъ на сцену и, увидя Сосницкую съ Рязанцевымъ, едва кивнулъ имъ головой и съ неудовольствіемъ отъ нихъ отвернулся, вѣроятно, въ досадѣ, что его подчиненные осмѣлились пріѣхать на придворный спектакль безъ его разрѣшенія; меня съ ними тогда не было; я почелъ за благо укрыться въ отдаленныхъ кулисахъ.

По окончаніи дѣйствій, я въ антрактахъ уходилъ въ садъ, чтобъ не обращать на себя гнѣвнаго взгляда его сіятельства, но видно, по пословицѣ: «рѣзвый самъ набѣжитъ, а на смирнаго Богъ нашлетъ», я, передъ началомъ 3-го дѣйствія, въ какую-то несчастную минуту, нечаянно-негаданно, наткнулся на грознаго нашего начальника. Разумѣется, я отвѣсилъ ему подобающій поклонъ, но его сіятельство не только не кивнулъ мнѣ, но, оглядѣвъ меня съ ногъ до головы, прошелъ мимо, потомъ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, подозвалъ къ себѣ гофъ-фурьера, и сказалъ ему что-то въ полголоса съ повелительнымъ жестомъ. Этотъ гофъ-фурьеръ подошелъ ко мнѣ и съ придворною любезностью передалъ мнѣ приказаніе князя — сію же минуту уйти изъ театра. Это глубоко, почти до слезъ, меня оскорбило. Если мы втроемъ имѣли несчастіе навлечь на себя его сіятельный гнѣвъ, то всѣ трое должны были подвергнуться одной участи; за что же исключеніе обрушилось на мнѣ одномъ? Положимъ, Сосницкая была уже тогда заслуженная артистка, а талантливый Рязанцевъ былъ любимецъ публики, но вѣдь и я былъ не статистъ, я тогда только мѣсяца два назадъ получилъ отъ его сіятельства золотые часы за первый мой водевиль («Знакомые незнакомцы») при бумагѣ

за его собственноручною подписью, что онъ желаетъ, чтобы этотъ подарокъ поощрилъ меня на дальнѣйшія литературныя занятія....

Хорошо поощреніе, нечего сказать! Я передалъ моимъ товарищамъ о дикомъ приказаніи директора, но они меня уговаривали не обращаться въ постыдное бѣгство и дослушать оперу до конца. И точно, для такого наслажденія, какое мнѣ привелось испытать въ этотъ вечеръ, можно было перенести не только оскорбительную выходку этого гордаго барина, но даже рискнуть и на дальнѣйшія отъ него непріятности.

Третій актъ «Отелло» былъ вѣнцомъ знаменитой пѣвицы. Извѣстный романсъ Десдемоны: «Assisa a pie d'un salice» она исполнила съ такимъ глубокимъ чувствомъ, съ такой душевной грустью, что у насъ у всѣхъ троихъ невольно выступили слезы на глазахъ.

Эта несравненная артистка посѣтила вторично Петербургъ лѣтъ черезъ 10 или 15, но она была уже тогда графиня Росси, супруга сардинскаго посланника, и, кажется, однажды, по просьбѣ покойнаго государя, играла «Сомнамбулу» на эрмитажномъ театрѣ вмѣстѣ съ нѣкоторыми любителями высшаго общества.

Странная, грустная судьба постигла эту необыкновенную художницу и безъупречную женщину: говорятъ, графъ Росси въ послѣдствіи проигралъ все ея состояніе, пріобрѣтенное ея артистическою дѣятельностью, и она, почти изъ крайности, должна была снова явиться на театральныхъ подмосткахъ; но такъ какъ въ Европѣ, будучи обѣднѣвшею графиней, неловко было ей обратиться къ покинутой ею профессіи, то она рѣшилась отправиться въ Америку, гдѣ и скончалась отъ холеры нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Вскорѣ послѣ кроваваго происшествія въ Тегеранѣ, гдѣ погибъ нашъ незабвенный Грибоѣдовъ, прибыло въ Петербургъ персидское посольство, во главѣ котораго находился Хозровъ-Мирза, внукъ Фетъ-Али-шаха, съ порученіемъ отъ него умилостивить справедливый гнѣвъ покойнаго государя. Принцъ Хозровъ-Мирза былъ юноша лѣтъ 16-ти или 17-ти, красивой, симпатичной наружности.

Онъ очень заинтересовалъ петербургское общество, но особенно дамы были отъ него въ восхищеніи и не давали ему проходу на гуляньяхъ. Его обласкали при дворѣ и приставили къ

нему генералъ-адъютанта графа Сухтелена, которому поручено было показывать персидскому гостю все замѣчательное въ нашей столицѣ. Хозровъ-Мирза бывалъ очень часто въ театрѣ, и въ одинъ спектакль, когда онъ сидѣлъ въ средней царской ложѣ, я, стоя въ мѣстахъ за креслами, набросалъ карандашомъ его профильный портретъ и послѣ перерисовалъ его акварелью на кости довольно порядочно. Когда я принесъ этотъ портретъ въ театръ на репетицію и показалъ его моимъ товарищамъ, всѣ они нашли, что сходство было весьма удовлетворительно. Одинъ изъ моихъ товарищей, Петръ Ивановичъ Григорьевъ, началъ уговаривать меня поднести этотъ портретъ принцу въ слѣдующій же разъ, какъ онъ снова пріѣдетъ въ театръ. Я, не придавая никакой важности моей ничтожной работѣ, никакъ не рѣшался на такое щекотливое дѣло, но Григорьевъ не отставалъ отъ своей мысли и сказалъ мнѣ:

— Ну, если ты самъ не хочешь, я тебѣ пособлю: я возьмусь это сдѣлать; я подамъ портретъ графу Сухтелену въ театрѣ, а онъ вѣрно его покажетъ принцу.

Другіе мои товарищи убѣждали меня принять предложеніе Григорьева. Я, наконецъ, рѣшился и отдалъ вставить портретъ въ красивую и изящную рамку. Когда портретъ былъ готовъ, я вручилъ его Григорьеву, и онъ мнѣ сказалъ:

— Смотри же, если принцъ пришлетъ тебѣ за это нѣсколько червонцевъ, въ чемъ я нисколько не сомнѣваюсь, то половину мнѣ за хлопоты.

Я охотно согласился на этотъ уговоръ.

На слѣдующій день Хозровъ-Мирза пріѣхалъ въ Большой театръ. Григорьевъ тотчасъ же отправился въ залу передъ царской ложей и ждалъ антракта, во время котораго принцъ обыкновенно выходилъ курить свой кальянъ, пить шербетъ и ѣсть мороженное. Тутъ Григорьевъ подошелъ къ гр. Сухтелену, подалъ ему портретъ и сказалъ ему, что эта работа одного изъ его товарищей, актера Каратыгина, который тутъ же въ театрѣ срисовалъ съ его свѣтлости.

Портретъ былъ показанъ принцу и онъ былъ въ восхищеніи. (Литографированные его портреты появились тогда гораздо позже). Персидскій министръ и прочіе чиновники его свиты ахали и изумлялись; не понимая, конечно, ни на волосъ художества, они

отъ удовольствія гладили свои длинныя бороды и, какъ Хаджи-Баба, клали въ свои безмолвные рты пальцы удивленія.

Разумѣется, мое пачканье и могло только заставить удивляться персіянъ, у которыхъ живопись не лучше китайской. Григорьевъ прибѣжалъ за кулисы и разсказалъ мнѣ объ эффектѣ, произведенномъ моимъ портретомъ, и, потирая руки, заранѣе поздравлялъ меня съ будущею благостыней.

Дня черезъ два Григорьевъ спрашиваетъ меня:

— Ну, что, братъ, ничего еще не прислали?

— Нѣтъ, ничего.

Прошло еще дня три, онъ не вытерпѣлъ, пришелъ ко мнѣ навѣдаться.

— Ну, что? все еще нѣтъ?

— Нѣтъ,—говорю я ему. — Да, вѣроятно, ничего и не будетъ.

— Какъ это можно?—возражаетъ онъ.—Посмотрѣлъ бы ты, какъ эти длиннобородые невѣжды всѣ разъѣхались, глядя на твою работу.

Наконецъ, недѣли полторы спустя, прислана была въ дирекцію золотая табакерка отъ принца на мое имя. Григорьевъ, разумѣется, прежде меня это пронюхалъ и прибѣжалъ ко мнѣ нѣсколько сконфуженный.

Когда доставили мнѣ табакерку, онъ, смотря на этотъ подарокъ, повѣсилъ носъ. Онъ ожидалъ червонцевъ, а табакерку раздѣлить пополамъ было довольно затруднительно и порѣшить тутъ мудрено: кому крышку, кому дно. Григорьевъ, нахмурясь, началъ щипать свою волосяную бородавку на подбородкѣ, что было постоянной его привычкой при затруднительныхъ обстоятельствахъ.

— Какъ же ты думаешь на счетъ нашего уговора?—спросилъ онъ меня наконецъ.

— Мнѣ бы не хотѣлось продавать табакерки,—отвѣчалъ я ему,—я сберегу ее себѣ на память.

— Прекрасно, но... въ такомъ случаѣ, какъ же мы съ тобою раздѣлаемся?

— Очень просто: пойдемъ къ золотыхъ дѣлъ мастеру, пусть онъ ее оцѣнитъ и, по его оцѣнкѣ, я выплачу тебѣ половину.

— Ну, такъ и быть, пойдемъ вмѣстѣ.

Мы пошли, какъ теперь помню, въ Большую Морскую и я моему товарищу предоставилъ выбирать любой магазинъ. Вошли

въ одинъ изъ нихъ... золотыхъ дѣлъ мастеръ оцѣнилъ табакерку въ 230 руб. ассигнаціями, но Григорьевъ мой началъ съ нимъ спорить и утверждать, что табакерка стоитъ, вѣроятно, гораздо больше, и тутъ же прибавилъ ему очень наивно, что мы-де вовсе не имѣемъ намѣренія ее продавать, а, напротивъ, сами хотимъ ее купить и потому намъ необходимо знать настоящую ея цѣну. Нѣмецъ снова положилъ табакерку на вѣски и вторично сказалъ, что она не стоитъ больше того, какъ онъ оцѣнилъ ее прежде. Мы вышли изъ магазина и Григорьевъ началъ бранить нѣмца.

— Онъ обманываетъ насъ, мошенникъ. Пойдемъ къ другому. Зайдемъ вотъ къ этому, — сказалъ онъ мнѣ, показывая на вывѣску другаго золотыхъ дѣлъ мастера.

— Зайдемъ.

Этотъ, на его горе, оцѣнилъ табакерку еще дешевле. Григорьевъ бѣсился и безъ церемоніи обругалъ его ни зачто, ни прочто.

— Пойдемъ, пожалуйста, къ третьему, — сказалъ онъ; — зачѣмъ же позволять мошенникамъ обманывать себя.

Мы пошли къ третьему, который на грѣхъ былъ еврейскаго происхожденія и сбавилъ ей цѣну еще на нѣсколько рублей. Григорьевъ, выходя изъ этого магазина, просто ужъ вышелъ изъ себя и сказалъ мнѣ съ ожесточеніемъ:

— Ну, самъ посуди: можно-ли вѣрить жидамъ, они и Христа оцѣнили въ 30 сребренниковъ.

Пошли къ четвертому, къ пятому; та же исторія. Наконецъ, мнѣ наскучило это шатанье и я сказалъ ему рѣшительно, что надо же чѣмъ-нибудь покончить:

— Зайдемъ къ послѣднему, и что онъ скажетъ, на томъ и остановимся.

Григорьевъ согласился, и мы, по его выбору, зашли въ слѣдующій магазинъ, но, увы! этотъ мастеръ оцѣнилъ спорную табакерку въ 220 руб. ассигнаціями. Григорьевъ морщился, но онъ далъ мнѣ слово остановиться на послѣдней оцѣнкѣ и мы тутъ окончили наше мытарство.

Говоря по справедливости, осуждать моего товарища за его желаніе получить на свою долю бо́льшую цѣну не слѣдуетъ, онъ въ то время былъ человѣкъ молодой и получалъ скудное

жалованье; къ тому же, я все-таки ему единственно былъ обязанъ за этотъ подарокъ; безъ его содѣйствія, я бы ни за что не рѣшился преподнести принцу моей ничтожной работы. Вскорѣ, собравшись съ деньгами, я отдалъ Григорьеву, по нашему уговору, 110 руб., но онъ все-таки послѣ утверждалъ, что нѣмцы и жиды—плуты и мошенники, которые на каждомъ шагу надуваютъ честныхъ людей.

П. А. Каратыгинъ.

МОЯ ЖИЗНЬ И ХУДОЖЕСТВЕННО-АРХЕОЛОГИЧЕСКІЕ ТРУДЫ,

разсказъ академика Ѳ. Г. Солнцева.

1801—1876.

Въ 1875 году минуло пятьдесятъ лѣтъ художественно-археологической дѣятельности академика Ѳедора Григорьевича Солнцева.

Императорское Русское Археологическое общество въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ засѣданій единогласно постановило выбить въ честь Ѳ. Г. Солнцева медаль.

Такимъ образомъ почтены многолѣтніе труды маститаго художника, оказавшаго громадныя заслуги отечественной исторіи, археологіи, зодчеству и искусствамъ—сохраненіемъ въ своихъ безчисленныхъ и превосходныхъ акварельныхъ рисункахъ самыхъ разнородныхъ памятниковъ до-Петровскаго русскаго быта.

Въ рисункахъ вѣрныхъ и изящныхъ Ѳ. Г. Солнцева,— читаемъ мы въ „Извѣстіяхъ Императорскаго Русскаго Археологическаго общества (томъ VIII, стр. 268),—сохранится навсегда наша русская старина, остатки наслѣдства прошлыхъ вѣковъ, всѣ свидѣтельства древняго нашего церковнаго зодчества и памятники художественной и религіозной техники исчезнувшаго быта нашихъ предковъ, ихъ вѣрованій и символическихъ преданій. Трудамъ Ѳедора Григорьевича Солнцева и его любви къ старинѣ—отечественная наука обязана первымъ и единственнымъ собраніемъ „Древностей Россійскаго государства", изданныхъ съ его рисунковъ по повелѣнію покойнаго императора Николая Павловича.

По рисункамъ Солнцева возобновлены въ Московскомъ Кремлѣ царскіе терема, дворцовые храмы, также украшены палаты кремлевскаго дворца мебелями, коврами, утварями и проч. Ѳ. Г. Солнцевъ, направляемый державною волею императора Николая, открылъ и возстано-

вилъ древнюю стѣнопись въ соборѣ Кіевской лавры, открылъ древнѣйшіе фрески Софійскаго собора; вообще академикъ Солнцевъ въ разныхъ городахъ Россіи открылъ, возобновилъ и привелъ въ первоначальный видъ многіе остатки древняго русскаго искусства.

Вступая въ послѣднюю четверть вѣковой жизни, Ѳедоръ Григорьевичъ, къ величайшему сожалѣнію, вслѣдствіе обстоятельствъ, не отъ него зависѣвшихъ, почти не имѣетъ непосредственныхъ учениковъ и продолжателей на томъ именно поприщѣ художественной дѣятельности рисовальщика-археолога, на которомъ онъ уже болѣе пятидесяти лѣтъ неустанно и съ такимъ талантомъ трудится.

Тѣмъ полезнѣе и тѣмъ необходимѣе обозрѣніе этой художественной дѣятельности. Сознавая это, мы убѣдили Ѳедора Григорьевича разсказать свою трудовую жизнь.

Просьба наша была исполнена.

Представляя простой, безъискусственный, но полный искренности и чуждый самохваленія разсказъ почтеннаго академика-художника, стенографически записанный, мы сочли необходимымъ обставить его, въ подлежащихъ мѣстахъ, документами, весьма обязательно сообщенными Ѳ. Г. Солнцевымъ изъ небольшаго собранія его бумагъ.

Ред.

I.

Дѣтство.—Поступленіе въ академію художествъ.—Инспекторъ классовъ К. И. Головачевскій.—Личный составъ академіи.—А. Ѳ. Лабзинъ.—Преподаватели въ академіи.—Жизнь казеннокоштныхъ учениковъ.

1801—1817.

Я родился 14-го апрѣля 1801 г. въ селѣ Верхненикульскомъ, Мологскаго уѣзда, Ярославской губерніи. Отецъ мой былъ помѣщичьимъ крестьяниномъ графа Мусина-Пушкина, который, однако же, никогда не признавалъ его за крѣпостнаго. Вскорѣ послѣ моего рожденія онъ уѣхалъ въ Петербургъ и здѣсь занялъ мѣсто кассира при императорскихъ театрахъ. Мы съ матушкой остались въ деревнѣ; отецъ время отъ времени навѣщалъ насъ. Кассиромъ батюшка пробылъ до самой смерти, послѣдовавшей въ 1840 г. Насколько мнѣ извѣстно, онъ первый завелъ абонименты на спектакли. У него имѣлась особая годовая книга, съ которою онъ пріѣзжалъ къ разнымъ лицамъ и предлагалъ подписку на извѣстное число представленій; желающіе записывались

въ книгу и вносили деньги. По истеченіи сезона, книга, вмѣстѣ съ деньгами, представлялась театральному начальству.

Матушка моя была грамотная, и на шестомъ году начала обучать меня чтенію; но дѣло подвигалось, должно быть, плохо, и она отдала меня въ ученье старичку, управлявшему имѣніемъ графа Мусина-Пушкина. Учитель оказался далеко не искуснымъ въ преподаваніи грамоты; главнымъ педагогическимъ пособіемъ у него было наказаніе. Особенно доставалось мнѣ за тетради, которыя какъ-то постоянно оказывались запачканными. Такимъ образомъ не удивительно, что корень ученія былъ дѣйствительно для меня горекъ, а успѣхами я не могъ похвалиться. Быть можетъ, этому способствовало отчасти и то обстоятельство, что я любилъ не за букваремъ сидѣть, а рисовать что-нибудь; найду, бывало, цвѣтные мягкіе камушки на рѣкѣ Ильтѣ или Сити и, какъ умѣю, рисую ими. Если попадались въ руки какія-нибудь лубочныя картинки, я принимался копировать съ нихъ. Разумѣется, изъ такой мазни ничего не могло выдти порядочнаго и толковаго. Иное дѣло, если бы нашелся въ нашемъ околодкѣ хоть одинъ человѣкъ, который могъ бы показать мнѣ хорошіе рисунки, объяснить кое-что по части рисованія и проч.; но такого человѣка не оказалось. Да и вообще никто изъ лицъ, кто бы могъ быть мнѣ полезнымъ, не обращалъ на меня никакого вниманія. Впрочемъ, я не могу этого сказать относительно нашего помѣщика, графа И. А. Мусина-Пушкина. Однажды онъ пріѣхалъ въ свою деревню; встрѣтилъ меня на улицѣ и, подозвавъ къ себѣ, спросилъ — не сынъ-ли я извѣстнаго ему Солнцева? Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ взялъ меня за руку, привелъ къ графинѣ и сказалъ:

— Посмотри, какъ природа видна[1]).

Графиня обласкала меня, подарила разныхъ гостинцевъ и отпустила. Послѣ этого графъ заходилъ иногда къ матушкѣ пить чай.

Трудное ученье мое и безтолковое рисованье продолжались своимъ чередомъ. Проходили недѣли, мѣсяцы и годы. Наступилъ достопамятный 1812 годъ. Не многое сохранилось о немъ изъ моихъ дѣтскихъ воспоминаній. Помню, что въ эту тяжкую го-

[1]) Что хотѣлъ сказать этимъ графъ—я не знаю. Ѳ. С.

дину наборъ былъ большой; въ селѣ оставались только старики, женщины и дѣти. Всѣ, особенно женщины, держали на готовѣ палки, ухваты, кочерги и проч., намѣреваясь съ этимъ оружіемъ встрѣтить грознаго непріятеля—французовъ. Но французы не дошли до нашего села; только пріѣзжала къ намъ русская конница и крестьяне заняты были плетеніемъ для солдатъ «шептуновъ» [1]). Припоминаю еще, что многіе, а въ томъ числѣ и я, ложились на землю и намъ казалось, что мы слышали стонъ пушечной пальбы, раздававшейся подъ стѣнами Бѣлокаменной....

Въ селѣ у матушки я прожилъ до 1815 г. Въ этомъ году отецъ, по обыкновенію, посѣтилъ насъ. Ему нажаловались, что я ничего не дѣлаю, кромѣ того, что немилосердно пачкаю тетради рисунками деревенскихъ, преимущественно же церковныхъ предметовъ. Батюшка внимательно разсмотрѣлъ мои тетради, обрадовался, что во мнѣ есть страстишка къ рисованью и взялъ меня съ собою въ Петербургъ.

По пріѣздѣ сюда, я поселился на Адмиралтейской площади, въ домѣ графа Кутайсова, вмѣстѣ съ отцомъ и старшимъ братомъ, Денисомъ Григорьевичемъ, служившемъ на Сестрорѣцкомъ заводѣ. Братъ воспитывался въ іезуитской школѣ, получилъ здѣсь хорошее образованіе; но изъ школы онъ взятъ былъ отцомъ ранѣе окончанія курса, потому что почтенные католическіе патеры хотѣли совратить его съ православія. Подъ руководствомъ брата я началъ учиться ариѳметикѣ, французскому и нѣмецкому языкамъ, нѣкоторымъ другимъ предметамъ, а также и рисованію.

Между тѣмъ, батюшка хлопоталъ объ опредѣленіи меня въ академію художествъ. Однажды, въ томъ же 1815 г., онъ вернулся откуда-то домой, далъ мнѣ денегъ на извощика и сказалъ:

— Ступай въ академію; тамъ о тебѣ все кончено.

Я поѣхалъ, явился къ инспектору классовъ Кириллѣ Ивановичу Головачевскому, и немедленно зачисленъ былъ въ число своекоштныхъ воспитанниковъ. А такъ какъ пансіонеры воспитывались на казенный счетъ, то мнѣ пришлось поселиться въ самомъ зданіи академіи.

Не могу удержаться, чтобы не посвятить нѣсколькихъ моихъ

---

[1]) Это обувь въ родѣ крестьянскихъ лаптей изъ пеньки, теплая и въ то же время удобная для ноги въ стремени. Ѳ. С.

припоминаній памяти К. И. Головачевскаго. Это была великолѣпная, достойная своего назначенія и весьма симпатичная личность. Уроженецъ Малороссіи, онъ прибылъ въ Петербургъ при Елисаветѣ Петровнѣ въ качествѣ придворнаго пѣвчаго; затѣмъ, когда лишился голоса, поступилъ въ академію художествъ и сдѣлался миніатюрнымъ живописцемъ. Во время моего поступленія въ академію Головачевскій былъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ, но казался очень бодрымъ. Одѣвался онъ просто, но довольно оригинально: бѣлые шелковые чулки, башмаки съ пряжками, синее короткое исподнее платье, черный суконный камзолъ, синій вицъ-мундиръ съ стоячимъ воротникомъ, сверху красный плащъ съ бѣлыми кистями, на головѣ академическая фуражка,— вотъ обычный и постоянный костюмъ нашего старичка инспектора.

Регулярно, къ 5-ти часамъ утра, Кириллъ Ивановичъ былъ уже на ногахъ, приходилъ въ спальни и будилъ воспитанниковъ, говоря:

— Вставайте, вставайте! старикъ во сто лѣтъ васъ будитъ!

Затѣмъ онъ приводилъ воспитанниковъ на утреннюю молитву, и если очереднòй воспитанникъ хорошо прочитывалъ молитву, то Кириллъ Ивановичъ обыкновенно самъ приносилъ ему завтракъ— кусокъ ситнаго хлѣба. Случалось иногда, что кто-нибудь изъ учителей опаздывалъ или вовсе не приходилъ въ классъ. Чтобы ученики не шалили, Головачевскій приносилъ книгу или газету, заставлялъ кого-нибудь читать, а прочіе должны были слушать; впрочемъ, чаще Кириллъ Ивановичъ разсказывалъ про старинное житье-бытье, что́ обыкновенно очень нравилось воспитанникамъ; а позднѣе, при президентѣ А. Н. Оленинѣ, въ рекреаціонномъ залѣ, на столѣ, были пришпилены нѣкоторые изъ журналовъ; приходя въ залъ, Кириллъ Ивановичъ предлагалъ воспитанникамъ, не желаетъ-ли кто изъ нихъ почитать вслухъ, и если таковой находился, то старикъ чрезвычайно былъ доволенъ, особенно если и другіе добровольно приходили слушать чтеніе. Головачевскій давалъ также ученикамъ читать разныя книги, преимущественно классическія, какъ Иліаду, Одиссею, Энеиду, Овидіевы Превращенія — все это, разумѣется, въ русскихъ переводахъ; русскіе писатели тоже не были забыты: читали Карамзина, Жуковскаго, Батюшкова и др.

Почтенный инспекторъ обращалъ особенное вниманіе на художественное развитіе воспитанниковъ. У него было заведено соревнованіе между ними, такъ что каждый старался отличиться другъ передъ другомъ. Кто получалъ большую медаль, инспекторъ обыкновенно поздравлялъ съ такою наградою; но съ малою медалью не считалъ нужнымъ поздравлять. Бывало, получишь серебряную медаль, онъ нашьетъ петлицы и потихоньку скажетъ:

— «Я тебя не считаю медалистомъ; ты нашали, я петлицы то спорю, а въ слѣдующую треть ты опять получи,— тогда и будешь настоящій медалистъ».

Къ празднику Р. Х. Кириллъ Ивановичъ заставлялъ учениковъ писать картины на бумагѣ; кто ничего не выставлялъ, онъ называлъ того «шелопаемъ», единственнымъ браннымъ словомъ, которое позволялъ себѣ употреблять почтенный инспекторъ. На свѣтлый праздникъ желающіе изъ воспитанниковъ могли писать транспаранты по указанію Головачевскаго.

У каждаго воспитанника было по особой маленькой иконѣ; всѣ иконы помѣщались въ спальнѣ на стѣнѣ въ одномъ изъ простѣнковъ. Къ празднику вербнаго воскресенья и въ Духовъ день инспекторъ обыкновенно требовалъ, чтобы ученики сдѣлали для своихъ иконъ какое-нибудь украшеніе, въ родѣ вѣнка, цвѣтнаго убора для люстры, и т. п. Такія требованія и желанія инспектора исполнялись воспитанниками, по большей части, охотно. Да и какъ было не исполнять ихъ? Добродушный старикъ всегда обращался съ воспитанниками мягко, ласково; дѣйствовалъ на нихъ преимущественно внушеніемъ, убѣжденіемъ, выговоромъ, несмотря на то, что воспитанники, происходившіе изъ разныхъ сословій, были народъ довольно буйный.

Одинъ изъ помощниковъ инспектора, Теглевъ, былъ человѣкъ строгій, взыскательный и грубый въ обращеніи съ учениками. Бывало, заслышитъ какой-нибудь шумъ у воспитанниковъ, прибѣжитъ къ нимъ и грозно крикнетъ:

— На что это похоже? Такъ дѣлаютъ только свиньи!

— А вы—свинопасъ, раздается въ отвѣтъ на это привѣтствіе.

Бывали случаи, когда воспитанники выражали Теглеву свое неудовольствіе и болѣе грубо. Теглевъ часто жаловался Кириллу Ивановичу, говорилъ, что ученики кидаютъ въ него палками и

кирпичами. На эти жалобы Кириллъ Ивановичъ обыкновенно отвѣчалъ:

— А какъ въ меня бросятъ, то я перескочу.

Разумѣется, въ него не кидали и прыгать Кириллѣ Ивановичу не доводилось.

Случалось иногда, что почтенный инспекторъ вынужденъ былъ прибѣгать къ розгамъ, какъ къ средству исправленія строптивыхъ и лѣнивыхъ воспитанниковъ; при этомъ онъ незамѣтно уводилъ виновнаго въ спальню и тамъ собственноручно отчески его наказывалъ. Знаменитый художникъ Егоровъ, будучи воспитанникомъ, считался отчаяннымъ лѣнтяемъ; рисованіемъ онъ занимался очень плохо, а о другихъ учебныхъ предметахъ и говорить нечего. Однажды въ церкви Егоровъ начертилъ на своей ладони священника, который служилъ обѣдню, и началъ показывать этотъ рисунокъ близь стоявшимъ товарищамъ. А сзади стоялъ инспекторъ, котораго Егоровъ не замѣтилъ. Старикъ увидалъ рисунокъ и, обращаясь къ Егорову, сказалъ:

— «У, батинька! да у тебя талантъ есть!»

По окончаніи обѣдни, Кириллъ Ивановичъ отвелъ Егорова въ спальню и наказалъ розгами: не рисуй-де въ церкви! Послѣ этого, лѣнь съ Егорова какъ рукой сняло.

Кириллъ Ивановичъ былъ образцомъ честности и воздержанія; пищу употреблялъ самую простую, вина никакого не пилъ; только три раза въ годъ, а именно въ день имянинъ жены своей, въ Рождество Христово и на Пасхѣ выпивалъ по одной рюмкѣ чихирю. Почтенный труженикъ умеръ въ 1825 году девяноста-пяти лѣтъ отъ роду. Замѣчательно, что до конца жизни онъ сохранилъ удивительное зрѣніе: съ одного конца корридора на другомъ онъ безошибочно узнавалъ каждаго воспитанника.

Всѣ воспитанники очень любили и уважали своего престарѣлаго инспектора. Позднимъ вечеромъ, когда, по окончаніи дневныхъ занятій, Кириллъ Ивановичъ отправлялся въ свою квартиру, помѣщавшуюся въ зданіи академіи, двое изъ учениковъ старшаго возраста всегда его провожали; онъ давалъ имъ по одной чашкѣ чаю, по сухарю и затѣмъ говорилъ: «прощайте, господа». Умеръ Кириллъ Ивановичъ совершенно спокойно, безъ всякой болѣзни и страданія. Это было съ субботы на воскресенье. Вечеромъ онъ былъ въ спальняхъ; два ученика пошли, по обыкновенію, прово-

жать его. Онъ при нихъ завелъ часы, простился и легъ въ постель, а черезъ часъ прибѣжали сказать, что Кириллъ Ивановичъ приказалъ долго жить.

Кирилла Ивановича знали очень многіе въ городѣ, поэтому на похоронахъ было большое стеченіе народа. Скромнаго, но честнаго труженика, съумѣвшаго снискать себѣ расположеніе во время своей долголѣтней службы всѣхъ знавшихъ его, провожали на Смоленское кладбище и старые и малые, знатные и незнатные, богатые и бѣдные... Таковъ былъ Кириллъ Ивановичъ Головачевскій [1]).

Зданіе академіи было тоже самое, что и теперь, находящееся на углу 3-й и 4-й линій Васильевскаго острова, по набережной Большой Невы. Правда, насколько помнится мнѣ, я слышалъ, что въ царствованіе Павла Петровича академіи грозила опасность — быть закрытою или уничтоженною. Но это не было приведено въ исполненіе, и, какъ мнѣ кажется, въ этомъ случаѣ имѣли свою долю вліянія слѣдующія обстоятельства. Извѣстные профессора академіи Угрюмовъ и Шебуевъ написали замѣчательныя историческія картины: первый—«Взятіе Казани» и «Призваніе Михаила Ѳеодоровича Романова на царство», а второй — «Петръ Великій въ сраженіи при Полтавѣ»; впрочемъ, послѣдняя картина не была еще до 1801 г. окончена художникомъ. Императоръ Павелъ какъ-то узналъ объ этихъ картинахъ, посѣтилъ академію и остался доволенъ художественными работами, особенно же упомянутыми картинами. Затѣмъ, спустя нѣсколько времени послѣ своего воцаренія, государь пожелалъ имѣть свой портретъ, который долженъ былъ быть сдѣланъ художникомъ заочно. Отыскали какого-то портретиста, француза; предложили ему написать портретъ императора. Французъ потребовалъ за работу очень большую сумму. Когда графъ В. Г. Орловъ доложилъ объ этомъ государю, то послѣдній съ гнѣвомъ спросилъ:

---

[1]) Какъ я слышалъ, семейныя обстоятельства Кирилла Ивановича были очень печальны. Онъ имѣлъ двухъ дочерей—обѣ подверглись умопомѣшательству; было два сына, изъ коихъ одинъ служилъ при посольствѣ въ Парижѣ и тамъ застрѣлился; другой былъ довольно талантливымъ рисовальщикомъ-карикатуристомъ; онъ занималъ мѣсто въ ломбардѣ, попался въ чемъ-то и былъ сосланъ въ арестантскія роты. Ѳ. С.

— Неужели у насъ нѣтъ своего живописца? Зачѣмъ же существуетъ академія?

Графъ отвѣчалъ, что живописцы есть, и немедленно отправился къ совѣтнику академіи С. С. Щукину. Щукинъ согласился написать портретъ за дешевую, сравнительно съ требованіемъ француза, цѣну, именно за 3,000 руб. ассигнаціями. Такъ какъ государь желалъ предварительно видѣть эскизъ своего портрета, то нашъ художникъ представилъ таковой въ двухъ видахъ; на одномъ государь поставленъ прямо en face, въ шляпѣ, надѣтой, какъ говорилось тогда: «поперегъ дороги», съ толстою тростью въ рукѣ; другой эскизъ представлялъ государя верхомъ на лошади, ѣдущимъ осматривать артиллерію. Императоръ одобрилъ первый эскизъ, и Щукинъ принялся за работу. Чрезъ нѣсколько времени портретъ былъ готовъ и отправленъ къ графу Орлову; послѣдній выставилъ его во дворцѣ въ день тезоименитства государя. Когда императоръ выходилъ съ императрицею изъ церкви, графъ Орловъ обратилъ вниманіе ихъ величествъ на портретъ. Государь остался очень доволенъ и, обращаясь къ государынѣ, сказалъ:

— Жена, а вѣдь молодецъ!

Онъ немедленно пожелалъ видѣть Щукина, пожаловалъ ему Владиміра 4-й степени и 6,000 руб. и позволилъ дѣлать снимки съ своего портрета только по разрѣшенію на то Щукина. (Этотъ портретъ теперь находится въ императорскомъ эрмитажѣ).

Въ первое время послѣ моего поступленія въ академію, послѣдняя находилась подъ вѣденіемъ министра народнаго просвѣщенія графа А. К. Разумовскаго, при управленіи вице-президента П. П. Чекалевскаго. Когда вице-президентъ бывало желалъ обозрѣть академію, то заранѣе извѣщалъ, въ какой день и часъ онъ придетъ. Поэтому нисколько не удивительно, что для начальства въ академіи какъ-то все обстояло благополучно. А между тѣмъ, воспитанники были постоянно голодными, ходили чуть-ли не въ лохмотьяхъ; самое зданіе представляло очень непривлекательный видъ; о какихъ-либо другихъ, болѣе или менѣе сносныхъ условіяхъ общежитія, ужъ и говорить нечего. Повидимому, столь печальныя явленія зависѣли отъ скудости суммъ, отпускавшихся на содержаніе академіи. Но, насколько я припоминаю ходившіе въ то время слухи,—это утверждать было бы несправедливо. Напримѣръ, положительно говорили, что на поправку одной

академической церкви выдано было Чекалевскому 50,000 руб.; особыя суммы отпускались на поправку коридоровъ, лѣстницъ и проч. Но, проходили годы и церковь не исправлялась, лѣстницы не починивались и вообще не предпринималось никакихъ построекъ или починокъ въ академіи. Казалось бы поэтому, что значительныя суммы должны были сохраниться въ кассѣ академіи; но когда президентомъ назначенъ былъ, въ апрѣлѣ 1817 г., А. Н. Оленинъ, который пожелалъ тотчасъ же узнать количество наличныхъ денегъ, то въ академическомъ сундукѣ нашли всего семнадцать рублей. Какъ только Чекалевскій услышалъ о назначеніи Оленина—на пятый день умеръ...

Послѣ Чекалевскаго должность вице-президента оставалась нѣсколько времени не занятою. Затѣмъ, въ 1818 г., вице-президентомъ назначенъ былъ А. Ѳ. Лабзинъ, который до того времени состоялъ конференцъ-секретаремъ академіи.

Насколько могу припомнить, Лабзинъ былъ средняго роста, толстый, хромоногій, лицо длинное, рѣчь чистая, голосъ звонкій. Съ низшими себя, даже съ учениками, онъ обходился вѣжливо, ласково; но всѣхъ, поставленныхъ выше его, терпѣть не могъ и потому держалъ себя съ такими лицами грубо. На словахъ Лабзинъ былъ очень дерзокъ со всѣми. При суровомъ мистицизмѣ, онъ любилъ Россію. Помню, что бывало по воскресеньямъ приглашалъ онъ къ себѣ воспитанниковъ пѣть русскія пѣсни.

Воспитанники очень радовались, когда Лабзинъ пріѣзжалъ на экзамены, которые производились обыкновенно въ присутствіи президента академіи А. Н. Оленина. Войдя въ залъ, Лабзинъ бралъ стулъ и садился ко всѣмъ экзаменаторамъ спиною. Если ученикъ начиналъ сбиваться въ отвѣтахъ, Лабзинъ принимался скрипѣть сапогами и производилъ такой шумъ, что совершенно заглушалъ голосъ ученика; послѣдняго отсылали на мѣсто и, такимъ образомъ, экзаменъ проходилъ благополучно.

У насъ былъ ректоромъ скульптуры И. П. Мартосъ, который въ тоже время завѣдывалъ выдачею необходимыхъ для классовъ матеріаловъ, какъ-то: бумаги, карандашей и проч. При немъ было заведено, что въ каждомъ классѣ избиралось по одному воспитаннику, подъ именемъ старшихъ. При началѣ трети старшій писалъ требованіе на рисовальныя и другія принадлежности для своего класса и подавалъ это требованіе Мартосу.

Послѣдній, какъ скульпторъ, не любилъ живописцевъ и всячески старался притѣснять ихъ въ снабженіи матеріалами; но это ему не всегда удавалось. Напримѣръ, старшій въ требованіи выставлялъ, что для живописцевъ нужно купить полпуда масла. Мартосъ начиналъ возражать, доказывалъ, что полпуда слишкомъ много и т. п. Старшій вставлялъ свое слово:

— Да вѣдь я, Иванъ Петровичъ, прошу только 20 фунтовъ.

— Ну, двадцать фунтовъ можно, соглашался Мартосъ.

Мартосъ любилъ больше говорить по-французски, чѣмъ по-русски. Однажды Лабзинъ пріѣхалъ на экзаменъ, и Мартосъ долженъ былъ объясняться съ нимъ на русскомъ языкѣ. Положеніе довольно затруднительное; Мартосъ сталъ извиняться, что плохо владѣетъ русскимъ языкомъ и что лучше онъ будетъ говорить по-французски. Лабзинъ на это замѣтилъ:

— Вы, Иванъ Петровичъ, ни на томъ, ни на другомъ языкѣ въ зубъ толкнуть не умѣете.

Относительно событія, послужившаго поводомъ къ ссылкѣ Лабзина, подробности уже были разсказаны въ «Русской Старинѣ» въ запискѣ А. Н. Оленина и разсказаны совершенно вѣрно [1]). Послѣ его выходки противъ Аракчеева до высылки изъ Петербурга Лабзинъ содержался подъ домашнимъ арестомъ; многіе воспитанники ходили прощаться къ нему, но онъ совѣтовалъ имъ не посѣщать его, говоря, что «васъ за это могутъ наказать». Постигшая Лабзина невзгода нисколько не смутила и не опечалила его: онъ остался точно такимъ же, какимъ всегда мы привыкли его видѣть. Послѣ Лабзина вице-президентомъ назначенъ былъ Ермолаевъ, извѣстный археологъ.

При каждомъ художественномъ искусствѣ состояло въ академіи по три профессора и четвертый ректоръ; штатъ этотъ соблюдался даже въ томъ случаѣ, если бы извѣстному искусству обучалось всего одинъ или два ученика, какъ это было, напримѣръ, съ гравированіемъ. Изъ наиболѣе замѣчательныхъ художниковъ въ мое время были: по исторической живописи ректоръ Г. И. Угрюмовъ; профессора: В. И. Шебуевъ, А. И. Ивановъ и А. Е. Егоровъ; портретной живописи совѣтники академіи: С. С. Щукинъ и А. Г. Варнекъ.

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1875 г., томъ XIV, стр. 293—296.

Въ академіи преподавались слѣдующіе общеобразовательные предметы: законъ Божій, русскій языкъ: грамматика, поэзія и риторика, исторія всеобщая и русская, географія, математика, французскій и нѣмецкій языки; затѣмъ обучали нѣкоторымъ предметамъ, болѣе или менѣе спеціально относящимся къ художествамъ, и, наконецъ, самыя художества.

Русскій языкъ и «поэзію» преподавалъ Е. М. Предтеченскій. Преподаваніе заключалось въ слѣдующемъ: въ первый классъ послѣ каникулъ, или послѣ Рождества Христова, Предтеченскій приносилъ съ собою грамматику и бумагу и, отдавая ихъ ученикамъ, говорилъ:

— Пишите, пишите! У кого не будетъ написано, отпорю.

Затѣмъ, въ продолженіе слѣдующихъ уроковъ, учитель ходилъ только по классной комнатѣ, въ шинели съ стоячимъ воротникомъ, надѣтой въ одинъ рукавъ, и твердилъ:

— Учите, учите! Кто не будетъ на экзаменѣ знать, отпорю.

Предтеченскій былъ человѣкъ жестокій, билъ воспитанниковъ нещадно, такъ что между ними стяжалъ себѣ имя «старшаго изверга». Такъ преподавалъ русскую грамматику Предтеченскій нѣсколько времени. Въ слѣдующемъ классѣ онъ сталъ читать намъ риторику и піитику. Цѣлыхъ два мѣсяца диктовалъ онъ намъ вступленіе въ риторику, закончилъ этимъ и строго пригрозилъ, чтобъ было выучено. Какъ могли, мы постарались зазубрить продиктованное; явились на экзаменъ. Стали отвѣчать, никто ничего не понимаетъ. Спрашиваютъ:

— Что же это такое?

Вступленіе въ риторику,—отвѣчаетъ учитель.

Предтеченскаго смѣнилъ Кирилловъ, человѣкъ умный, но полусумасшедшій. Онъ былъ воспитанникомъ академіи, однако же, по какимъ-то обстоятельствамъ, не сдѣлался художникомъ, а поступилъ на службу въ сенатъ. Разсказывали, что однажды, при императорѣ Павлѣ I, когда въ сенатѣ поставленъ былъ гербъ, состоящій изъ колонны, на которой поставлена была императорская корона, съ надписью на боковой дощечкѣ: «законъ»,—Кирилловъ сказалъ товарищамъ:

— Въ сенатѣ нѣтъ закона, законъ прибитъ къ столбу, а на столбѣ корона.

Объ этомъ донесено было государю. Кирилловъ перепугался,

бѣжалъ въ Англію, и сильно пошатнулся въ умственныхъ способностяхъ. При императорѣ Александрѣ I онъ возвратился въ Россію и занялъ мѣсто преподавателя русскаго языка въ академіи. Кирилловъ приказывалъ зубрить грамматику, изрѣдка заставлялъ переложить стихи въ прозу, или прочесть что-нибудь изъ Державина—вотъ и все. Обыкновенно не входилъ онъ въ классъ, а вбѣгалъ, быстро садился за столъ, закрывалъ руками лицо и спрашивалъ:

— Что проходили въ послѣдній урокъ?

Получивъ отвѣтъ, учитель вызывалъ по очереди учениковъ и заставлялъ отвѣчать заданное; во все продолженіе урока онъ только протиралъ себѣ глаза. Пользуясь этимъ, ученики отвѣчали, обыкновенно, по книжкѣ или по тетради, положенной на спину товарища; но такъ какъ сидящіе на первой скамейкѣ этого не могли сдѣлать, то надѣвали зонтики, употребляемые въ натурномъ классѣ.

Разумѣется, при такихъ учителяхъ, съ ихъ своеобразною методою преподаванія, большинство воспитанниковъ почти вовсе не знало русской грамоты; о правильномъ употребленіи буквы «ѣ» у насъ и не помышляли.

Кирилловъ умеръ въ тотъ самый годъ, въ который я выпущенъ былъ изъ академіи.

Всеобщую исторію, равно какъ и русскую, съ географіей, преподавалъ Богдановичъ. Древнюю исторію проходили въ размѣрѣ нынѣшнихъ среднихъ учебныхъ заведеній; только исторію римлянъ учили нѣсколько подробнѣе. Богдановичъ читалъ какъ бы родъ лекцій; говорилъ онъ хотя высокопарно, но ясно, послѣдовательно, картинно, съ одушевленіемъ. Онъ весь сосредоточивался на своемъ разсказѣ, забывалъ все окружающее, при чемъ бывалъ невозмутимо спокоенъ. Мало того, Богдановичъ старался пріурочивать свои разсказы такимъ образомъ, чтобы изъ нихъ можно было составлять сюжеты для историческихъ картинъ. При этомъ онъ нерѣдко просилъ воспитанниковъ приготовлять эскизы и показывать ему. Такъ какъ воспитанники очень любили Богдановича, съ удовольствіемъ слушали его высокопарные разсказы, то старались тщательно выполнять и эскизы, хотя его требованія были вовсе не обязательны. Такое расположеніе воспитанниковъ Богдановичъ пріобрѣлъ не вдругъ. Какъ школьники,

они на первыхъ порахъ дѣлали попытки разсердить, вывести его изъ терпѣнія. Однако всѣ школьныя выходки нисколько не колебали обычнаго спокойствія Богдановича. Такъ, напримѣръ, воспитанники подмѣтили, что учитель съ особеннымъ одушевленіемъ разсказывалъ о томъ, какое было библейское пророчество о Кирѣ; имъ было хорошо извѣстно и то, что, при подобныхъ разсказахъ, Богдановичъ вставалъ и затѣмъ быстро опускался на стулъ, вовсе не обращая вниманія — есть-ли стулъ подъ нимъ или нѣтъ, проченъ онъ или изломанъ. Однажды, поставивши передъ столомъ изломанный стулъ, воспитанники попросили своего учителя разсказать имъ о пророчествѣ про Кира. Богдановичъ, охотно исполняя просьбу, началъ разсказывать и особенно торжественно произнесъ пророчество: «Азъ, глаголетъ Господь Богъ Саваоѳъ: возьму помазанника моего Кира за руку и поведу его изъ царства въ царство, горы предъ нимъ уравню, врата мѣдныя сокрушу и верія желѣзныя сломлю...» При послѣднихъ словахъ учитель грузно опустился на стулъ, послѣдній разсыпался и Богдановичъ упалъ на полъ. Вставши, онъ, при всеобщемъ хохотѣ, хладнокровно отодвинулъ обломки стула, взялъ живописный ящикъ, сѣлъ на него, и, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжалъ разсказъ. Послѣ этого случая воспитанники перестали шутить надъ Богдановичемъ.

Курсъ всеобщей исторіи заканчивался средними вѣками. Что же касается до русской исторіи, то ее проходили весьма кратко.

Изъ математики преподавались: алгебра, геометрія и тригонометрія,—послѣдняя только для архитекторовъ. Учитель математики, Ф. В. Груздовъ, былъ человѣкъ хорошій. Онъ не пропускалъ ни одного класса; особенность его была та, что онъ каждому воспитаннику давалъ особую кличку. Единственное наказаніе — собственноручное дранье за уши — у него полагалось только за шалости. Если Груздовъ замѣчалъ, что воспитанникъ разговариваетъ съ своимъ сосѣдомъ, поднималъ шумъ, вообще не слушалъ внимательно,—онъ подходилъ къ нему и говорилъ:

— Вотъ я тебѣ жалованье выдамъ, да еще третное, — и больно трепалъ за ухо.

Въ томъ случаѣ, когда кто-нибудь не зналъ урока, учитель вызывалъ къ доскѣ и тутъ заставлялъ выучить заданное. Передъ экзаменами онъ обыкновенно спрашивалъ каждаго воспитанника:

— Ты, хохолъ, что знаешь?

Если послѣдній отвѣчалъ, что онъ «все знаетъ», то Груздовъ говорилъ:

— Неправда: всего нельзя знать.

И приказывалъ выучить хорошенько извѣстныя теоремы; другому назначалъ приготовить то, третьему — иное и т. д. Разумѣется, воспитанники, отвѣчая на экзаменѣ заранѣе имъ указанное, а потому и подготовленное ими, оказывались отличными математиками.

Съ учителемъ Тверскимъ, который преподавалъ французскій языкъ, почти вовсе его не зная, ученики продѣлывали такого рода штуки. Тверской имѣлъ обыкновеніе спрашивать учениковъ по разъ навсегда установленной очереди; поэтому очередные, въ случаѣ незнанія урока, подавали учителю карандашъ, перо, гвоздь и т. п. бездѣлушки. Всякій предложившій такіе подарки, избавлялся отъ отвѣта. Въ концѣ же концовъ воспитанники ничего не знали по-французски. Впрочемъ, къ экзамену зазубривали нѣсколько фразъ на этомъ языкѣ, но произношеніе этихъ кабалистическихъ для воспитанниковъ словъ было варварское.

Учитель нѣмецкаго языка, испанецъ Голиндо, малымъ чѣмъ отличался отъ француза Тверскаго. Правда, Голиндо зналъ нѣмецкій языкъ довольно основательно, но находилъ вовсе не нужнымъ преподавать его воспитанникамъ. Во время урока учитель наблюдалъ только за тѣмъ, чтобы въ классѣ было совершенно тихо; но такъ какъ при всемъ усердіи учителя и воспитанниковъ этого нельзя было достигнуть, то Голиндо все свое вниманіе обращалъ на то, чтобы развѣдать, кто былъ виновникъ нарушенной тишины и спокойствія. При этихъ розыскахъ, поднявши, какъ говорится, весь классъ на ноги, учитель отыскивалъ виновныхъ и, затѣмъ, тутъ же производилъ судъ и нещадную расправу... Къ этому прибавлю, что Голиндо смѣнилъ сынъ его, положительно никуда негодившійся.

Каждый изъ этихъ учителей получалъ по 500 руб. ассигнаціями жалованья, казенную квартиру, дрова и освѣщеніе,— вознагражденіе, для того времени, порядочное.

Изъ предметовъ, относящихся къ художествамъ, не излиш-

нимъ нахожу упомянуть о миѳологіи и анатоміи, читавшейся въ послѣднихъ классахъ [1]).

Учителемъ миѳологіи былъ Скворцевъ, человѣкъ положительно неспособный къ своему дѣлу. Въ какомъ-то допотопномъ учебникѣ онъ дѣлалъ обыкновенно закладку, означающую какая страница служила урокомъ къ слѣдующему классу. Воспитанники снимали закладку и отвѣчали то, что имъ было болѣе извѣстно; чаще всего отвѣчали изъ «Душеньки» — Богдановича. Бывало, Скворцевъ придетъ въ классъ и спроситъ: «Что задано?» Отвѣчаютъ: «Душеньку». Учитель безпрекословно слушалъ такой урокъ. А между тѣмъ, нельзя сказать, чтобы воспитанники не интересовались миѳологіей; по крайней мѣрѣ, попадавшіяся о ней книги всѣ читали очень охотно. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что Скворцевъ черезъ нѣсколько времени подалъ въ отставку и изъ наставника преобразился въ письмоводителя академіи.

Анатомію читалъ у насъ И. В. Буяльскій. При тѣхъ добрыхъ, дружескихъ отношеніяхъ, которыя я имѣлъ съ этимъ рѣдкимъ человѣкомъ, считаю долгомъ помянуть его добрымъ словомъ. Буяльскій бралъ по 5-ти руб. за урокъ. Когда ему предложено было получать опредѣленное жалованье, то онъ отъ этого отказался, потому что онъ, какъ докторъ, котораго могутъ пригласить во всякое время къ больному будетъ вынужденъ пропускать часы, назначенные для урока. Поэтому онъ находилъ справедливѣе получать плату только за дѣйствительно прочитанный урокъ. Буяльскій читалъ свой предметъ превосходно, съ воспитанниками занимался внимательно; онъ привозилъ на уроки гипсовые слѣпки съ труповъ или даже части трупа и препарировалъ при насъ. Молодежь всегда съ большимъ любопытствомъ и уваженіемъ слушала объясненія почтеннаго доктора-учителя, который, къ тому же, часто высказывалъ дѣльныя замѣчанія и по части искусства. Напримѣръ, онъ говорилъ:

— Вотъ у насъ всѣ восхищаются Рафаэлемъ, а почему? Потому что онъ былъ не только геніальный художникъ, но и хорошій знатокъ анатоміи и вообще человѣческихъ формъ. Всмотри-

---

[1]) Замѣчательно, что такой предметъ, какъ археологія, даже не состоялъ въ числѣ предметовъ обученія. Ѳ. С.

тесь въ лицо Богоматери — Рафаэля, и вы найдете, что это лицо дѣвицы, а не замужней женщины. У послѣдней верхняя губа рта всегда закругленная, тогда какъ у дѣвицы она всегда острая, угловатая.

Съ Буяльскимъ я познакомился по слѣдующему случаю. Однажды онъ обратился къ А. Е. Егорову съ предложеніемъ рисовать разныя операціи, какія производилъ Буяльскій, и вообще анатомическіе препараты. Егоровъ отказался и отрекомендовалъ меня, какъ такого молодаго человѣка, который нарисуетъ нисколько не хуже его самого. Буяльскій согласился, и тутъ же пригласилъ меня явиться къ нему на другой день, часовъ въ 7 утра. При этомъ Егоровъ замѣтилъ Буяльскому, что мнѣ ѣхать не въ чемъ.

— На дворѣ холодно, а казенная-то шинелишка не очень грѣетъ.

— Ну, я пришлю шубу, — сказалъ Буяльскій.

— Хорошо,—согласился Егоровъ,—да пришлите ужъ и лошадку.

Съ этого времени я постоянно рисовалъ у Буяльскаго до самой его смерти, и, между прочимъ, исполнилъ съ труповъ для извѣстнаго его изданія анатоміи рисунки, которые гравированы Афанасьевымъ, Іорданомъ и профессоромъ Уткинымъ. Въ послѣдствіи я рисовалъ у профессоровъ медицины Савенки, Саломана и другихъ; но эти лица на трупахъ ничего не показывали, а просили перерисовывать только изъ разныхъ анатомическихъ изданій.

Художественные классы были общіе и спеціальные; посѣщеніе первыхъ признавалось обязательнымъ для всѣхъ воспитанниковъ, которые раздѣлялись на четыре возраста. Въ каждомъ возрастѣ должно было пробыть по три года, такъ что полный курсъ проходился въ теченіе 12-ти лѣтъ. Первые два возраста посѣщали общіе классы, а послѣдніе два—спеціальные, такъ какъ, при переходѣ въ третій возрастъ, каждый долженъ былъ избрать извѣстный родъ искусства.

При поступленіи въ академію, меня зачислили въ первый—рисовальный классъ. Здѣсь сначала заставляли мальчика начертить кружокъ глаза, ротъ, носъ, все лицо; затѣмъ учили ри-

совать цѣлую голову, а потомъ и всю человѣческую фигуру. Въ рисовальномъ классѣ я пробылъ менѣе полгода и переведенъ былъ въ гипсовый классъ. Тутъ рисовали съ гипсовыхъ головъ, при чемъ учителя не давали никакихъ теоретическихъ объясненій, а ограничивались лишь указаніемъ на ошибки, сдѣланныя воспитанникомъ. Изъ гипсоваго класса, въ которомъ мнѣ пришлось пробыть тоже не долго, я перешелъ въ натурный. Здѣсь занимались рисованьемъ по вечерамъ, большею частію при особомъ освѣщеніи.

Зала натурнаго класса представляла довольно любопытное зрѣлище. Она устроена была въ видѣ полукруглаго амфитеатра, посреди нѣ котораго находилось мѣсто для натурщика; надъ нимъ вырѣзано пространство, аршина полтора въ діаметрѣ, чрезъ которое виднѣлись небеса и звѣзды—дѣйствительная натура. Сверху спущена была люстра, состоящая изъ желѣзнаго круга, въ формѣ большаго блюда, съ сдѣланными по краямъ углубленіями; въ кругъ наливалось конопляное масло, а въ углубленія вставлялись свѣтильни. Натурщика устанавливалъ обыкновенно дежурный профессоръ подъ самою люстрой; съ боковъ его грѣло отъ печей, а сверху продувало. Кто сидѣлъ на нижней скамейкѣ, на того съ люстры капало масло, брызги летѣли во всѣ стороны, отчего рисунки нерѣдко портились. Натурщиковъ брали большею частію изъ крестьянъ; имъ полагалось по 300 руб. ассигнаціями въ годъ жалованья, одежда и столъ. Кромѣ прямой своей обязанности, они должны были наблюдать за чистотою класса, зажигать люстру и топить печи.

Несмотря на неудобство натурнаго класса, въ немъ всѣ воспитанники занимались очень усердно; разговоровъ, смѣху и вообще шуму здѣсь никогда не было.

Затѣмъ, спеціальные классы существовали слѣдующіе: 1) архитектурный, 2) скульпторный, 3) медальорный, 4) граверный и 5) классы для живописи: а) исторической, б) портретной, в) баталической, г) миніатюрной, д) перспективной и е) пейзажной.

Когда я поступилъ въ третій возрастъ, то избралъ своею спеціальностію историческую и портретную живопись.

Наиболѣе близкое отношеніе къ моимъ художественнымъ работамъ въ спеціальныхъ классахъ имѣли: С. С. Щукинъ, А. Е.

Егоровъ и А. Г. Варнекъ. Но объ этомъ я разскажу потомъ. А теперъ позвольте сказать о нашемъ казенномъ житьѣ-бытьѣ.

Учебный день въ академіи раздѣлялся такимъ образомъ: 8 часовъ воспитанники должны были учиться, 8 часовъ быть свободными и 8 часовъ спать. Вставали они по звонку въ 5 часовъ утра; въ 6 отправлялись на молитву, при чемъ прочитывалась глава изъ евангелія (такъ дѣлалось при Олениниѣ). Послѣ этого слѣдовалъ завтракъ, состоявшій изъ куска хлѣба съ чистою невскою водою. Каждый изъ воспитанниковъ бралъ свою порцію и отправлялся въ рекреаціонный залъ. Въ 7 часовъ начинались классы, въ промежуткахъ которыхъ давался одинъ часъ отдыха. Въ 12 часовъ воспитанники отправлялись въ столовую обѣдать. Столы накрыты были скатертями, передъ каждымъ ставился приборъ: тарелки оловянныя, а ложки серебряныя. Обѣдъ состоялъ (до президентства Оленина) изъ супа съ перловой крупой или бобами и соуса съ бобами. Такъ какъ этими кушаньями кормили воспитанниковъ довольно часто, то и составилась поговорка, что на обѣдъ подавался «соусъ подъ бобами и бобы подъ соусомъ». Мяса давали очень мало, да и то такого, которое едва можно было жевать. Послѣ обѣда 2-й и 3-й часы назначались для классовъ; 4-й и 5-й давались на отдыхъ; съ 5-ти часовъ до 7-ми былъ всегда натурный классъ. Въ 8 часовъ отправлялись ужинать; ужинъ состоялъ изъ того же супа, что̀ и на обѣдѣ, и изъ гречневой или пшенной каши. Въ 9 часовъ, послѣ вечерней молитвы, ложились спать.

Это обычное теченіе дня нарушалось въ праздники, особенно въ такіе, какъ Рождество Христово и Пасха. Каждый праздникъ воспитанники имѣли право уходить въ отпускъ послѣ обѣдни до 7-ми часовъ вечера; въ Рождество Христово и на Пасху они отпускались на недѣлю; во время масляницы не было занятій три дня; каникулы продолжались одинъ іюль мѣсяцъ. Разумѣется, въ праздничные дни измѣнялся и обѣдъ; особенно это должно сказать о Свѣтломъ воскресеньѣ. Тотчасъ по окончаніи обѣдни, чуть-ли не въ 4 часа утра, воспитанники приходили въ столовую, гдѣ приготовленъ былъ кофе и очень вкусный обѣдъ; послѣ такого обѣда до самаго ужина, т. е. въ теченіе шестнадцати часовъ, не давали ни одного куска хлѣба.

Воспитанники первыхъ двухъ возрастовъ одѣвались въ чулки, брюки, башмаки и мундиръ съ короткими фалдами; воспитанники третьяго и четвертаго возрастовъ, при коротком нижнемъ платьѣ, носили мундиръ съ длинными фалдами.

Непривлекательно было житье-бытье академическое въ первые годы по моемъ поступленіи; но въ апрѣлѣ 1817 г. президентомъ ея назначенъ былъ Алексѣй Николаевичъ Оленинъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и все измѣнилось въ академіи къ лучшему.

Ѳ. Г. Солнцевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ СѢРОВЪ.

Матеріалы для его біографіи.

1841—1842.

Приступая во второй половинѣ минувшаго года къ печатанію писемъ нашего высокоталантливаго композитора (см. „Русская Старина“ изд. 1875 г., томъ XIII, стр. 581—602; томъ XIV, стр. 328—338 и 492—501), мы имѣли въ виду ихъ исключительный интересъ для группы знатоковъ и любителей музыки и потому дозволимъ себѣ перенести ихъ продолженіе на нынѣшній годъ. Для большинства читателей, отдающихъ, разумѣется, должную справедливость творцу „Юдиѳи“ и „Рогнѣды“, переписка его — цѣнный матеріалъ для исторіи отечественной музыки, но посвященная исключительно техникѣ искусства, не можетъ представлять того интереса, какъ записки дѣятеля литературнаго, или какъ статья историческая. При этомъ замѣтимъ еще, что письма, напечатанныя въ хронологической послѣдовательности, хотя и заключаютъ въ себѣ нѣкоторыя біографическія данныя, но данныя эти настолько отрывчаты, что каждое письмо составляетъ нѣчто отдѣльное и отъ предъидущихъ и отъ послѣдующихъ: А. Н. Сѣровъ, посвящая свои письма музыкѣ, часто позабывалъ въ нихъ о себѣ самомъ, увлекаясь сужденіями объ иностранныхъ композиторахъ и ихъ произведеніяхъ.

Утрата,— покуда незамѣнимая,—этого даровитаго художника еще такъ свѣжа въ памяти любителей отечественной музыки, извѣстность же его настолько упрочена его произведеніями, что нѣтъ надобности напоминать о нихъ. Лично о ихъ творцѣ скажемъ только, что онъ слишкомъ рано похищенъ смертью, окончивъ свое земное поприще

почти въ томъ же возрастѣ, какъ и два другія свѣтила русской музыки: М. И. Глинка (1804—1854) и А. С. Даргомыжскій (1813—1869)... Александръ Николаевичъ Сѣровъ род. 11-го января 1820 г., скончался 20-го января 1871 г.

Печатаніе писемъ его къ В. В. Стасову, сообщившему ихъ редакціи съ своими примѣчаніями, было начато, какъ мы сказали, въ минувшемъ году, и число появившихся писемъ, вѣрнѣе статей, такъ велики эти письма, простирается до девяти. Писаны они съ 1840 по 1841 годъ, и посвящены исключительно критической оцѣнкѣ произведеній старинныхъ и новѣйшихъ музыкальныхъ знаменитостей: Моцарта, Гайдна, Бетховена, Вебера, Россини и Мейербера; разбору оперы послѣдняго „Робертъ“ посвящены два письма: разборъ по сценамъ и даже по отдѣльнымъ нумерамъ каждой партіи дѣйствующихъ лицъ. Каждая строка дышетъ тѣмъ эстетическимъ тактомъ и восторженностью, которыми отличался покойный Сѣровъ, но, повторяемъ, его разборъ мѣстами понятенъ только читателямъ, изучившимъ не только теорію музыки, но и таинства генералъ-баса. Тѣмъ не менѣе, редакція признаетъ въ нѣкоторомъ смыслѣ для себя обязательнымъ продолжать печатаніе писемъ, имѣющихъ спеціальный интересъ. „Русская Старина“ въ первый же годъ изданія была украшена „Записками М. И. Глинки“ и въ послѣдствіи посвятила многія страницы письмамъ и біографическимъ свѣдѣніямъ объ основателѣ русской оперы; въ послѣдующіе годы печатала письма А. С. Даргомыжскаго,—можетъ-ли она не дать мѣста письмамъ и очеркамъ А. Н. Сѣрова—преобразователя отечественной оперной музыки, какъ бы ни казались онѣ односторонни для большинства читателей. Имя Сѣрова—достояніе исторіи искусствъ въ Россіи, а каждая историческая личность и всѣ свѣдѣнія, къ ней относящіяся, всегда найдутъ мѣсто въ нашемъ изданіи. **Ред.**

Письма А. Н. Сѣрова къ В. В. Стасову.

21-го апрѣля 1841 г.

Какъ ты можешь ожидать, я приготовилъ тебѣ фоліантное посланіе, трактующее о послѣднихъ концертахъ Росси и Сервѣ, но оно писано было въ сенатѣ и тамъ осталось за невозможностью на этихъ дняхъ его оттуда достать. Между тѣмъ не могу удержаться, чтобъ не поспорить съ тобой о неисчерпаемомъ источникѣ нашихъ распрей. Я не знаю, такое-ли тебѣ приносятъ удовольствіе мои рѣзкія сентенціи, какъ мнѣ твои оригинальныя репартіи, особенно въ послѣднихъ

твоихъ письмахъ. Поговоримъ о нихъ: на первый случай хоть о твоемъ понятіи о Мейерберѣ. Знаешь-ли ты, что я рѣшительно никакъ не ожидалъ даже, что ты и о немъ на столько отъ меня разнишься... Всѣ твои упреки Мейерберу нисколько, по моему мнѣнію, несправедливы (какъ постараюсь тебѣ доказать), исключая именно въ томъ грѣхѣ, который ты нѣсколько извиняешь и котораго я даже ему не могу простить: именно, что онъ самъ наложилъ руку на 5-й актъ своего „Роберта“ (ce chef-d'oeuvre), для того, чтобъ исказить его ради какого-то Маріо. Огромный грѣхъ, смертельный! Но все прочее... Нѣтъ—ты вѣрно не хочешь понять Мейербера. Ты негодуешь на него за то, что въ „Гугенотахъ“ будто бы черезъ чуръ много хоровъ. Взгляни на оглавленіе нумеровъ этой оперы, и ты убѣдишься, что въ ней есть, сколько нужно было, и дуэты, и аріи, и т. д. Нельзя судить по тому, какъ ее искажали въ концертѣ Филармоническаго общества (котораго я по сей причинѣ и слушать не хотѣлъ). Ты ставишь Мейерберу въ вину, что онъ слишкомъ слѣдитъ за авторомъ, а авторъ слѣдитъ за нимъ: Мейерберъ пишетъ музыку на сюжетъ совершенно изготовленный, а слова послѣ придѣлываются къ его музыкѣ. По крайней мѣрѣ, такъ дѣлали и дѣлаютъ всѣ компонисты, тѣмъ болѣе гордый Мейерберъ; во 2-хъ, что же касается до, такъ сказать, реальнаго направленія его оперъ, то это пунктъ слишкомъ важный, чтобъ окончить его одною фразою. А потому остановимся на этомъ.

Прежде всего я бы попросилъ тебя доказать, почему это реальное направленіе, т. е. это чрезвычайно близкое подражаніе природѣ, эта вѣрность въ подробностяхъ, въ малѣйшихъ оттѣнкахъ чувствъ душевныхъ и внѣшняго драматическаго движенія, почему, говорю я, это направленіе будто бы не свойственно оперной музыкѣ? That is the question! И я увѣренъ, что ты не дашь на него удовлетворительнаго отвѣта. Вотъ мое мнѣніе: музыка, какъ искусство міровое, можетъ имѣть безчисленно разнообразныя направленія (phases, genres, etc.). Она также многосторонняя и всеобъемлюща, какъ мысль человѣческая, и этой многосторонностью, по неосязаемости ея внѣшняго выраженія, музыка превосходитъ живопись. Но посмотри—въ живописи есть область именно надзвѣздная, гдѣ формы человѣка облагораживаются до ангельской красоты и выражаютъ ангельскія, безмятежныя чувства—для этой области существовалъ одинъ великій дѣятель; нынѣ для нея не можетъ быть никого, потому что это было бы противъ духа времени (всѣ эти направленія имѣютъ и историческое значеніе), эта область искусства слишкомъ наивна для скептическаго XIX вѣка. Есть другая область, гдѣ человѣкъ становится колоссомъ, въ которомъ и страсти колоссальны въ пропорціи, и эта область исключительно посвятила

себя изображенію этихъ гигантскихъ волненій гигантской души. Но и для этой области время прошло, вмѣстѣ съ ея геніемъ. Въ XIX вѣкѣ живопись не уносится въ седьмое небо, не увеличиваетъ человѣка до миѳологическихъ исполиновъ, она остается при землѣ и ея обитателяхъ in statu quo. Это направленіе нынѣшней французской (отчасти и германской) школы живописи, представители котораго: Поль-Деларошъ и Орасъ Вернѣ. Для того же, чтобъ не слишкомъ удалиться отъ нашего предмета, чтобъ лучше пояснить тебѣ, приведу примѣръ: ты ничѣмъ не можешь лучше убѣдиться въ превосходствѣ нынѣшняго направленія (исторической) живописи,—о другихъ родахъ я еще не хочу говорить, потому что они этимъ поглощаются—какъ сравненіемъ картинъ: „Юдиѳи и Олоферна", или „Ребекки и Элеазара", прежнихъ художниковъ (Рембрандта, Пуссена, Карло Дольче и т. д.), съ этими же сюжетами, обработанными Гораціемъ Вернетомъ. Ты съ перваго взгляда переносишься въ знойную Палестину и въ тѣ отдаленныя времена,—всѣ эти люди живутъ передъ тобой, и ты не усомнишься, что если они когда-нибудь были, то были точно такіе. А что же такое подобнаго рода истина, какъ не великая цѣль искусства? Довольно однако о живописи.

Ты постигаешь, что я тебѣ сдѣлалъ на скорую руку нѣкоторые намеки, тогда какъ эта матерія требуетъ глубокой обдуманности и болѣе тщательнаго изложенія. Напримѣръ, у меня изъ виду ушла параллель между Тиціанами и Караччи съ Россини и пр. итальянцами. Это направленіе существуетъ и проявляется нынѣ во всемъ изящномъ. Въ литературѣ оно началось съ Гёте, великаго поэта и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ высочайшей степени реальнаго (въ чемъ я болѣе и болѣе убѣждаюсь, прилежно изучая его творенія), и музыка подошла подъ общій законъ нашего вѣка. Но такъ какъ всѣ роды живописи поглощаются живописью историческою (въ самомъ обширномъ смыслѣ, т. е. живописью драматическою) и служатъ какъ бы только приготовленіемъ для нея (пейзажъ, портретъ, intérieurs, tableaux de genre, animaux etc.), хотя въ частности каждый не избѣгаетъ общаго направленія, такъ и въ музыкѣ, всѣ болѣе дробные роды сливаются въ океанѣ драматической музыки, оперы. И, по моему мнѣнію, настоящая опера только теперь началась, т. е., если не съ Мейербера, то съ Вебера; ни Гайднъ, ни Бетховенъ, ни даже Моцартъ не могли бы написать ни „Роберта", ни „Гугенотовъ". Эксцентричность ихъ направленій помѣшала бы имъ реализировать настоящую природу, точно такъ какъ ни Рафаэль, ни Микель-Анджело не создали ни одной чисто исторической картины (безъ наднебесныхъ взглядовъ). Я нарочно употребляю часто выраженіе: надзвѣздный и т. п., чтобы убѣдить тебя,

что я вовсе не считаю надзвѣзднымъ Мейербера: напротивъ, онъ всегда на землѣ, но землю-то геніально понимаетъ, такъ же какъ понималъ ее великій Гёте, который, замѣть это, весьма для многихъ кажется мелочнымъ, отъ того только, что онъ также дробенъ, какъ сама природа. Конечно, во всемъ есть худая сторона, которая даетъ поводъ къ злоупотребленіямъ. Если ты хочешь знать, такъ я вовсе не оправдываю выбора „Варѳоломеевской ночи" сюжетомъ для оперы. Это вкусъ нѣсколько dépravé (какъ, напримѣръ, выборъ предметомъ для картины „Задушеніе дѣтей Эдуарда" у Поля-Деларош а). Но что-жъ дѣлать—это духъ времени. Вѣдь ужъ нынѣ никто не выберетъ сюжетомъ для картины „le Jugement dernier". Да и уже, если на то пошло, такъ „La St. Barthélémy" въ сорокъ разъ свойственнѣе для оперы, нежели „Переходъ Моисея чрезъ Чермное море". Что касается до выраженія: „это для эфекта", то оно, по мнѣ, никогда не можетъ быть упрекомъ ни для какого творца изящнаго, потому что я принимаю слово „эфектъ" за выраженіе впечатлѣнія, которое въ насъ возбуждается изящнымъ,—вѣдь не правда-ли, что всѣ искусства существуютъ только для этого впечатлѣнія? Вотъ худо, когда въ какомъ-нибудь произведеніи замѣтны усилія произвести эфектъ, а самаго-то эфекта не имѣется (какъ, напр., въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оперъ Галеви, особенно „Жидовки"), вотъ это ужъ плохо, только надѣюсь, что о Мейерберѣ этого даже и ты не скажешь. А что въ его операхъ эфекты расчитаны, то я сомнѣваюсь, чтобы былъ на свѣтѣ такой производитель изящнаго въ какой-либо сферѣ, который бы творилъ потому только, что у него безпрерывно рождается что-нибудь въ головѣ, не заботясь ни о требованіи вѣка, ни о впечатлѣніи его произведенія на другихъ; для повѣрки этого, надобно бы было влѣзть въ голову Бетховена и другихъ.

Вотъ тебѣ нѣчто въ родѣ антикритики на твои бласфемы касательно моего Мейербера. Что ни говори, конечно музыка идетъ впередъ и въ нынѣшнемъ положеніи не останется, но я никогда не приму на себя роли пророка: что будетъ, то будетъ, я родился въ 1820 г., живу въ 1841, и для меня теперь первый композиторъ все-таки—Мейерберъ. Au revoir. A. S.

21-го апрѣля 1841 г.

Вотъ еще миніатюрное посланіе въ дополненіе къ большому. Тамъ мѣста не достало, а мнѣ хотѣлось разувѣрить тебя на счетъ моей музыкальной дѣятельности.

Ты, можетъ быть, думаешь, что я по прежнему ожидаю вдохновенія или уже и вовсе пересталъ ждать его; напротивъ, я теперь блаженствую, потому что „уста мои разверзлись". Да, скоро пришлю тебѣ

совершенно изготовленныя: „Cantique pour le Violoncelle“ (который, какъ первѣйшій опытъ, съ вашего позволенія, вамъ посвящается); потомъ еще маленькую балладу для голоса на слова Гёте: „Der Rattenfänger“ (которыхъ, если ты не знаешь, то совѣтую тебѣ заранѣе прочитать, потому что жду отъ тебя подробной и совѣстливой критики); потомъ еще „Une fantaisie en forme de Valse“ pour Violoncelle et Piano, которая еще не совсѣмъ обдѣлана. О, мой другъ, дай Богъ только, чтобъ эти попытки не разувѣрили тебя въ высокомъ твоемъ обо мнѣ понятіи; по крайней мѣрѣ, я вполнѣ былъ счастливъ, когда ихъ писалъ. Во всякомъ случаѣ я крѣпко сомнѣваюсь, чтобы что-нибудь изъ моего могло тебѣ понравиться, до такой степени наши вкусы различны. Ну, пусть будетъ что будетъ. По крайней мѣрѣ, начало положено.

Интродукцію къ романсу Россини „Nizza, je puis sans peine“ (переложенному для віолончеля) я уже показывалъ нѣкоторымъ знахарямъ, и они не только что не нашли ничего тамъ неправильнаго, но еще весьма одобрили. Впрочемъ, это все ничего не доказываетъ. Я больше боюсь одного твоего слова, чѣмъ цѣлыхъ рѣчей всѣхъ этихъ полу-чужихъ для меня людей. Мнѣ кажется, что я въ Гёте найду самый обильный источникъ для такого рода музыкальностей, какъ Шубертовы „Lieder“. Но всегда, какъ ты уже давно знаешь, моимъ девизомъ будетъ простота (которую ты не такъ-то любишь—que faire). Но сколько еще нужно работать до оперы, ты не можешь и вообразить! Просто ужасъ! Чѣмъ больше подвинешься впередъ, тѣмъ ужаснѣе работа, съ каждымъ шагомъ новыя трудности. А учиться непремѣнно надобно, а то останешься при Ungefähr'ахъ[1]), какъ напримѣръ, у меня съ рисованьемъ: куда ни ступишь, вездѣ какая-нибудь закорючка. Такъ и шумитъ въ ушахъ: „зачѣмъ не рисовалъ съ бюстовъ, зачѣмъ не изучалъ человѣческой фигуры“. Просто бѣда. Adieu.

11-го мая 1841 г.

Corde tremente[2]) посылаю тебѣ первый образчикъ моихъ слабыхъ попытокъ („Rattenfänger“). Опасеній у меня куча, а именно: во 1-хъ, эта вещь почти совершенно въ нѣмецкомъ духѣ (если еще въ ней есть какой-нибудь духъ); во 2-хъ, тебѣ, можетъ быть, не понравится самый выборъ сюжета, поелику въ немъ нѣтъ ничего великаго, напротивъ, это чистая бездѣлка; въ 3-хъ, ты, вѣроятно, будешь упрекать меня за излишнюю простоту, которая иногда даже можетъ казаться бѣдностью мелодіи и гармоніи!... A. S.

[1]) Приблизительностяхъ.

[2]) Съ дрожащимъ сердцемъ.

P. S. Если ты не разберешь словъ въ моей балладѣ, то совѣтую тебѣ пріискать ее въ любомъ изданіи сочиненій Гёте подъ симъ же заглавіемъ. Вообще читай эти ноты, пожалуйста, тихонько, съ толкомъ, а то получишь совсѣмъ ложное понятіе.

12-го мая 1841 г.

Спѣшу сообщить тебѣ блаженныя впечатлѣнія, которыхъ набрался во вчерашнемъ концертѣ геніальнаго Оле-Булля. Вотъ истинно геніальный скрипачъ! По моему, главная отличительная черта настоящей геніальности есть оригинальность, и именно это качество прежде всего замѣчается въ игрѣ скандинавскаго артиста. Не знаю отъ чего, самая наружность его, нѣсколько странная, и если хочешь, даже вовсе не красивая, какъ-то много говоритъ въ его пользу, а съ первыхъ звуковъ его волшебной скрипки вся душа моя къ нему приковывалась! Но начну по порядку: онъ игралъ три пьесы (разумѣется, всѣ три свои): Concert en la изъ 3-хъ частей, — фантастическую пьесу: „Le rêve d'un Norvégien“ и „Variazioni di bravura“ на тему изъ „Montecchi e Capuletti“. Первая изъ нихъ мнѣ показалась болѣе удовлетворительною, хотя каждая изъ трехъ превосходна въ своемъ родѣ. Концертъ полонъ глубокаго чувства, отлично инструментованъ въ tutti и аккомпаниментахъ, окончательно обдѣланъ въ самыхъ незамѣтныхъ подробностяхъ, въ высокой степени разнообразенъ, но дышетъ одною мыслью! Нельзя почти вообразить лучшей пьесы для отдѣльнаго инструмента. Вотъ общій эфектъ; въ частностяхъ исполненіе и пассажи изумительны; не знаю, можетъ-ли искусство идти далѣе въ механизмѣ — довольно того, что не только Вьетанъ, Прюмъ, но и самъ Сервѣ весьма, весьма и весьма далеки отъ сверхъ-естественной игры Оле-Булля. Онъ играетъ иногда безъ всякаго аккомпанимента, и ты слышишь отдѣльные четыре голоса, которые, какъ въ ловко сочиненной фугѣ для фортепьяно или органа, то сливаются, то расходятся, каждый по своей дорогѣ: просто чудеса! Или вдругъ восемь, иногда 10 тактовъ staccato въ одинъ смычокъ! Или цѣлая страница двойныхъ трелей, которыя не заглушаютъ главнаго голоса, а только слегка украшаютъ его, и все это такъ легко, непринужденно! Врядъ-ли былъ въ мірѣ подобный скрипачъ—самъ Паганини, можетъ быть, теперь отдалъ бы Оле-Буллю пальму первенства! И какое невыразимо-глубокое чувство въ каждой его нотѣ—съ самыхъ первыхъ звуковъ онъ меня растрогалъ до слезъ (со мной это не часто случается, а изъ скрипачей до этого довели меня только Вьетанъ въ одномъ изъ своихъ концертовъ и Оле-Булль)! Вторая его пьеса—фантастическая, можетъ быть, слишкомъ, — эфектомъ вышла слабѣе первой, какъ-то неудовлетворительна, и я думаю отъ того, что она имѣетъ слишкомъ мало внутрен-

ней связи, хотя самый сюжетъ ея—сонъ—не допускалъ строгой послѣдовательности. Но и въ этихъ фрагментахъ какія высокія красоты! Эта милая, наивная норвежская народность, которая проглядываетъ сквозь каждый мотивъ, эта неподражаемая ловкость въ расположеніи инструментовъ аккомпанирующихъ, эта нѣжность въ смычкѣ, эта беззаботная шутливость, которую только Оле-Булль можетъ такъ безнаказанно употреблять (избави насъ Боже отъ подражателей этому, не всѣмъ доступному и опасному genre), однимъ словомъ, неподражаемы, иначе не знаю какъ похвалить! Третья пьеса,—варіаціи, сочиненныя, разумѣется, просто для того, чтобъ авторъ ихъ могъ вполнѣ блеснуть своимъ искусствомъ, высказать всѣ стороны чуднаго своего таланта въ исполненіи. Мнѣ кажется, что теперь всего опаснѣе сочинять варіаціи, именно потому, что этотъ родъ пьесъ требуетъ, чтобъ ихъ сочиняли, а не руководились внутренними порывами, чистымъ вдохновеніемъ, между тѣмъ, какъ музыка только тогда производитъ настоящее свое дѣйствіе, достигаетъ вполнѣ своей цѣли, когда она переливается прямо изъ души въ душу, безъ всякаго посредничества сухаго разсудка. Варіаціи именно тотъ родъ, котораго я душою не терплю, и прощаю его существованіе только для экстренныхъ случаевъ, какъ, напримѣръ, Сервѣ или Оле-Буллю! Надобно быть такимъ же кудесникомъ, каковы они, чтобъ осмѣлиться играть варіаціи (не причисляю къ варіаціямъ маленькихъ, удачныхъ измѣненій темы, когда они служатъ къ разнообразію и украшенію мотива, при его повтореніяхъ pendant la durée d'une oeuvre musicale [1]), эти орнаменты необходимы, какъ и всѣ украшенія въ области изящнаго). Изъ всего этого ты долженъ вывести, что мнѣ третья пьеса Оле-Булля, по сочиненію своему наименѣе понравилась. Но въ исполненіи онъ и тутъ былъ такой же гигантъ, какъ и въ тѣхъ двухъ! Nec plus ultra, по крайнему моему разумѣнію. Да не забыть бы: при этой пьесѣ я еще разъ убѣдился въ пустячности концертныхъ нашихъ посѣтителей, въ досадномъ ребячествѣ нашей глупой публики: когда Оле-Булль нѣжнымъ трогательнымъ adagio восхищалъ всѣхъ и каждаго, когда каждый звукъ его прямо западалъ въ самые тайники души настоящихъ любителей, масса ему апплодировала только; когда же, en badinant, съ полуироническою улыбкой на устахъ, онъ съигралъ, кажется, третью свою варіацію Беллиніевской темы,—варіацію, въ которой онъ, по своей оригинальной манерѣ, просто позволилъ себѣ маленькій фарсъ, энтузіазмъ загорѣлся въ высшей степени, и толпа закричала: „фора!“ О дилетанты!! Оле-Булль, кажется, самъ надъ ними внутренно достаточно

[1]) Въ продолженіе музыкальнаго сочиненія.

смѣялся! По моему, это чуть-ли не хуже, нежели не дослушать Пасты, а именно вотъ почему: Паста была теперь въ модѣ, значитъ половина публики (а можетъ быть и гораздо болѣе) была въ театрѣ не для музыки, а изъ такого же побужденія, какъ надѣть, напримѣръ, на шею пестрый шарфъ, или на ноги сапоги съ стерляжьимъ носикомъ [1])! Этихъ людей винить нечего, потому что они для того и на иллюминацію пошли, для чего были въ оперѣ! Но тѣ, которые „фора“ то кричали, вѣдь они (если не всѣ, то бо́льшая часть) смѣютъ величать себя любителями музыки, отъявленными и всѣми признанными! Смѣхъ и жалость!!

13-го мая 1841 г.

Еще волшебные звуки Оле-Буллевой скрипки не успѣли затихнуть во мнѣ, какъ я получилъ огромную массу новыхъ, высоко-усладительныхъ впечатлѣній! Вчера, въ понедѣльникъ, я слышалъ Пасту въ „Anna Bolena“..... Я удивлялся Пастѣ, но вовсе не полюбилъ ее, какъ люблю Росси! Что ты хочешь говори, пусть „genre Росси“ будетъ ниже нежели „genre Пасты“—для тебя, итальянца, а для меня Росси доступнѣе. Вѣдь уже это, кажется, тебѣ давно знакомое, что если бы намъ пришлось выбирать между Рафаэлемъ и Микель-Анджело—ты выбралъ бы послѣдняго, а я—перваго. Это уже дѣло конченное! Замѣть, впрочемъ, что это сравненіе, еще кажется твое, чрезвычайно удачно, вся безпредѣльная разница (eine himmelweite Verschiedencheit, какъ бы сказалъ Шиллингъ) двухъ этихъ пѣвицъ выражена въ этомъ сравненіи: обѣ равно велики, но какіе безконечные оттѣнки въ самомъ духѣ, въ направленіи, во всемъ. Ни ты, ни я не видали Росси на сценѣ, но я не думаю, чтобъ она была тамъ также на своемъ мѣстѣ, какъ Паста; напротивъ того, мнѣ привелось слышать Пасту въ концертѣ, и я до сихъ поръ жалѣю, что долженъ былъ тогда получить о ней совсѣмъ ложное понятіе! И это натурально: между Росси и Пастою такая же разница, какъ между музыкою и драматическою поэзіею! Прошу подумать надъ этимъ хорошенько, это не на-удачу сказано. Не знаю, какъ ты, а я больше люблю музыку. Самая лучшая драма Шекспира мнѣ не принесетъ столько наслажденій, какъ „Робертъ“ или „Фрейшюцъ“! Точно такъ, я готовъ отдать знаменитаго Микель-Анджелова „Моисея“ за одну слегка набросанную Рафаэлеву головку ангела!

Но обратимся къ предмету: да, я вчера вынесъ изъ театра много прекрасныхъ впечатлѣній, но все это далеко не то, что я чувствовалъ

[1]) Въ это время въ модѣ были остроносые сапоги и панталоны въ обтяжку, «à la Huguenots», изъ подражанія костюмамъ модной въ то время оперы Мейербера. В. С.

послѣ Гайдновской ораторіи! Разумѣется, тутъ много дѣйствуетъ, и даже гораздо болѣе, нежели исполненіе—сочиненіе. „Anna-Bolena“ (я всегда остаюсь при своемъ) весьма миленькая, очень удачно обдѣланная въ мотивахъ опера, но совсѣмъ не по сюжету, который требовалъ чувства поглубже Доницеттіевскаго! И притомъ, онъ, кажется, вовсе не мастеръ владѣть тѣми средствами, которыя въ рукахъ у опернаго компониста. Какъ иногда жалки его хоры, а оркестръ, оркестръ! Доказательствомъ того, что эта опера сама по себѣ жиденька, служитъ то, что, несмотря на граціозность мотивовъ и на игру и пѣніе Пасты, я нашелъ эту оперу утомительною, тогда какъ пяти-актный „Робертъ“ заставляетъ меня забывать о времени, и я только безпрестанно плачу, что его у насъ сокращаютъ. А все отъ чего? отъ итальянской монотонности: ужъ какъ явится мотивъ, то и повторяется двадцать разъ къ ряду, безъ всякой нужды!.... A. S.

18-го мая 1841 г.

Я полонъ блаженства, сію минуту получилъ твою критику моего „Rattenfänger'a“. Очень, очень и очень благодаренъ тебѣ за твою откровенность. Ради Бога, всегда критикуй такъ. Между нами всякое слово должно дышать истиною, и да будетъ анаѳема тотъ, кто первый нарушитъ священныя въ отношеніи къ ней обязанности... Я пять разъ перечиталъ твой разборъ, сличалъ его съ своимъ произведеніемъ и совершенно убѣдился, что врядъ-ли кто можетъ меня понять такъ, какъ ты меня понимаешь, и отъ этого я внѣ себя, потому что теперь вопросъ быть или не быть для меня рѣшенъ. Я ждалъ только твоего приговора, а ты, несмотря на всѣ выходки твои противъ моей „Deutscherei“ [1]), ожидаешь отъ меня чего-то! И этого довольно, постараюсь всѣми силами оправдать твои ожиданія. Надобно тебѣ сказать, что я теперь просто всегда плаваю въ музыкѣ; не шутя говорю тебѣ, что всѣ прочія отношенія для меня какъ-будто не существуютъ, я даже ничего не читаю, кромѣ Шиллингова „Polyphonomos“ [2]), весьма рѣдко для отдохновенія рисую что-нибудь, а то безпрерывно питаю себя звуками чужими и своими, или передумываю и соображаю свои музыкальные проекты. Слава Богу! Кажется, я попалъ, наконецъ, на ту дорогу, по которой мнѣ идти нужно было. И ничто меня не своротитъ съ этого пути! Даже мнѣ досадно, что я встрѣчаю слишкомъ мало сопротивленій, что путь мой слишкомъ углаженъ. А какъ странно, что и я понимаю тебя также, можетъ быть, какъ и ты меня, по крайней мѣрѣ, твой вкусъ. Я зналъ, что выборъ сюжета для моей

---

[1]) Нѣмцузятины.

[2]) Одинъ изъ лучшихъ въ то время трактатовъ о гармоніи. В. С.

баллады тебѣ не понравится. Постараюсь нѣсколько передъ тобой оправдать этотъ выборъ: prenons d'abord l'historique [1]).

Я разъ перелистывалъ Гётевы мелкія стихотворенія, вмѣстѣ съ пріятелемъ моимъ, студентомъ Якубовскимъ, который также влюбленъ въ Гёте, какъ и я; мы прочли „Rattenfänger'a", и мнѣ особенно понравилось въ немъ это единство въ разнообразіи, которое составляетъ, по моему, первое условіе изящнаго продукта; потомъ эта простота, эта наивность, и при томъ тонкое лукавство, меня прельстили, и мнѣ тотчасъ показалось, что „вотъ бы хорошо положить на музыку!" Я сказалъ объ этомъ Якубовскому, онъ весьма одобрилъ. Тотчасъ вслѣдъ за этимъ я началъ перечитывать нѣсколько разъ Гётеву балладу, и у меня сейчасъ появилась 2-я (ненавистная тебѣ) мелодія; когда я ее уже написалъ, то случайно откуда-то слетѣла и 1-я мелодія; надобно тебѣ разъ навсегда сказать, что всѣ мелодіи приходятъ мнѣ въ голову, или, лучше сказать, родятся, когда я про себя что-нибудь напѣваю, но отнюдь не за органомъ и не за віолончелемъ. Отъ этого теперь я болѣе всего сочиняю, какъ ты думаешь, когда? на довольно длинномъ пути отъ насъ до сената и обратно (я вѣдь всегда хожу пѣшкомъ). Теперь тебѣ надобно покаяться: первоначальный видъ 1-й мелодіи былъ точно таковъ, какъ ты мнѣ совѣтовалъ ее написать, т. е. въ видѣ речитатива, почти безъ всякаго аккомпанимента, но мнѣ присовѣтовали, и именно Луфтъ [2]), который иногда меня руководитъ (онъ, впрочемъ, очень хвалилъ мои мысли, которыя тогда только что были набросаны), присовѣтовалъ сдѣлать что-нибудь въ родѣ того аккомпанимента, который я послѣ написалъ, или, лучше сказать, придѣлалъ. Ту мелодію, которую ты даже и въ счетъ не поставилъ, я и самъ нахожу слабою, но дѣлать нечего, такъ пришлось! При третьей, которая тебѣ нравится, именно я нашелъ ее совершенно не думавши, и незамѣтно, мимоходомъ, записалъ ее, и боюсь даже теперь, что она не моя, потому что черезъ-чуръ легко мнѣ досталась, тѣмъ болѣе, что я и развить ея не умѣлъ! Прочее все додѣлывалось мало по малу. Вотъ тебѣ подробные „confession" моихъ трудовъ.

Изъ этого можешь извлечь, что̀ тебѣ угодно, потому что я рѣшительно теперь отказываюсь самъ о себѣ судить и торжественно поручаю это тебѣ! (Ne riez pas) [3]). Слава Богу! теперь я на каждый день смотрю, какъ на бѣлый листъ, на которомъ я непремѣнно долженъ что-нибудь написать, наконецъ, пересталъ прозябать въ какомъ-то

---

[1]) Возьмемъ сначала историческую сторону.

[2]) Первый гобой тогдашняго оркестра.

[3]) Не смѣйся,

ничтожномъ бездѣйствіи, и могу сказать, что каждый часъ употребляю на должное! Дай Богъ только, чтобъ мнѣ не пришлось разувѣриться; но нѣтъ: чѣмъ больше я наблюдаю за собой, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что я не могу ничего производить иначе, какъ въ области любимаго моего искусства. A. S.

1-го іюля 1841 г.

„Le grand pas est fait!“ [1]), хотя и безъ того поэтическаго блеска, которымъ мы въ послѣднемъ нашемъ разговорѣ разцвѣтили это (тогда еще „будущее“) событіе... Сила въ томъ, что лично не видалъ принца, слѣдовательно, многое утратилось! Vous concevez. Но ты вѣдь еще и не знаешь, что именно изъ „meum“ [2]) теперь въ рукахъ у принца [3]). И тутъ надобно начать сначала! Возвратившись съ дачи его свѣтлости, я тотчасъ принялся отыскивать въ Шиллерѣ чего-нибудь грандіознаго, въ намѣреніи написать кантату; развернувъ книгу, я напалъ на превосходнѣйшую вещь „Die Macht des Gesanges“. Это именно тотъ текстъ, котораго я жаждалъ; если ты не знаешь этого созданія, то прочти непремѣнно. Половину ночи я провелъ за обдумываніемъ плана, а на другой день и въ понедѣльникъ уже началъ писать. Но то, что писалось, почти вовсе не соотвѣтствовало тому, что думалось, такъ что я почти былъ радъ, когда Шубертъ, къ которому я вскорѣ пошелъ для совѣщанія, объявилъ мнѣ, что къ такимъ высокимъ словамъ и къ такому широкому плану (который я ему сообщилъ) и самъ Бетховенъ!!? въ десять дней рѣшительно ничего бы достойнаго не сдѣлалъ. Вслѣдствіе сего, я отложилъ свою кантату впредь до поры до времени, и принялся за нѣчто другое, несравненно болѣе доступное моимъ силамъ. Но какъ тебѣ это покажется: я, сколько помню, нигдѣ прежде ни читалъ ничего о кантатахъ, какъ отдѣльномъ родѣ музыкальныхъ пьесъ, и потому ни откуда не могъ получить опредѣлительнаго понятія, но нѣсколько туманная идея присутствовала уже давно въ моей головѣ, и „Macht des Gesanges“ выбралъ потому, что эта поэзія именно вполнѣ отвѣчала моей идеѣ. Шубертъ, съ которымъ я говорилъ объ этомъ, указалъ мнѣ статью: „Cantate“ въ Musikal. Conservations Lexicon, von Gathy. И что-жъ я нашелъ: ясное осуществленіе моей идеи. И сюжетъ „Die Macht des Gesanges“, какъ-будто нарочно прибранный, подходитъ подъ всѣ условія правильной кантаты. Но что сказать тебѣ о выборѣ второй моей пьесы, которая теперь у принца? Я не могу заранѣе отвѣчать, что этотъ выборъ понравится

[1]) Большой шагъ сдѣланъ.

[2]) Моего.

[3]) Его свѣтлость (нынѣ его императорское высочество) принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій, попечитель училища правовѣдѣнія. В. С.

тебѣ. Вторая моя пьеса—„Maylied“ Гёте, миленькое стихотвореніе, безъ всякихъ претензій. Касательно того, каковъ въ самомъ дѣлѣ сюжетъ этой весенней пѣсенки и какъ я его понялъ и обдѣлалъ, самымъ лучшимъ разъясненіемъ будетъ тебѣ служить le fait même [1]). Я препровождаю тебѣ при семъ письмѣ свою „Майскую пѣсню“ въ голосахъ Canto и Violoncello, безъ фортепьяннаго аккомпанимента, для котораго я теперь не имѣю достаточно времени, чтобъ списать тебѣ съ черноваго, но который ты легко себѣ представишь, если пріищешь подъ каждый тактъ голоса самые простѣйшіе изъ всѣхъ возможныхъ аккордовъ, исключая, можетъ быть, двухъ-трехъ не совсѣмъ ожиданныхъ модуляцій,—и стараго „Rattenfänger'a“ въ новомъ его видѣ. Обѣ эти пьесы просмотрѣны и исправлены Шубертомъ. Тебѣ, я надѣюсь, будетъ довольно интереснымъ трудомъ или занятіемъ—разыскивать, что́ именно въ нихъ совершенно мое, что́ полу-мое и что́ чисто Шубертовское. Для „Rattenfänger'a“ это будетъ весьма легко, потому что ты еще вѣрно помнишь его dans sa forme primitive [2]) и потому займись сначала имъ, и когда познакомишься коротко съ Шубертовскими передѣлками, то перейди къ „Майской пѣснѣ“ и сдѣлай подробный анализъ, который въ послѣдствіи непремѣнно сообщи мнѣ. Но ты сдѣлай это, если можно, поскорѣе.

Мнѣ очень интересно знать твое мнѣніе касательно Шубертовскихъ измѣненій въ моихъ пьесахъ. Мнѣ же чрезвычайно нравится его вкусъ, и, по моему мнѣнію, онъ весьма много придалъ моимъ довольно незначительнымъ и несовершеннымъ музыкальнымъ идеямъ. Изъ Ревеля (куда ѣду завтра) я писать къ тебѣ не буду, но по возвращеніи пришлю тебѣ уже не письмо, а, вѣроятно, цѣлый журналъ всей моей внутренней жизни, и, можетъ быть, порядочное количество новыхъ музыкальныхъ попытокъ, для которыхъ я надѣюсь тамъ быть особенно расположеннымъ, по многимъ причинамъ. А именно, во 1-хъ, это маленькое путешествіе будетъ нѣкоторымъ образомъ l'avant-goût des pays étrangers [3]); во 2-хъ, море; въ 3-хъ, беззаботная, чисто поэтическая жизнь; въ 4-хъ, присутствіе, можетъ быть, довольно милыхъ существъ разнаго рода; въ 5-хъ, надежда на поощреніе отъ нѣкоторыхъ истинныхъ любителей; въ 6-хъ, возможность видѣть свои произведенія осуществленными, потому что въ Ревелѣ, въ самомъ уединенномъ кругу, всегда найдется достаточно пѣвцовъ и пѣвицъ, и

---

[1]) Сама вещь.
[2]) Въ его первоначальномъ видѣ.
[3]) Предвкушеніемъ чужихъ краевъ.

не здѣшнимъ жеманнымъ пискунамъ и пискуньямъ чета, а людей со смысломъ и настоящимъ „Lust und Liebe zur Musik“ [1]). A. S.

Ревель.—5-го августа 1841 г.

„...Получивъ отъ отца своего извѣстіе, что мои музыкальности были осуществлены голосами принца, гр. Вielьгорскаго и магическими перстами Гензельта, я чуть съ ума не сошелъ отъ радости. Радость эта совершенно поглотила все мое бытіе, и я только могъ плакать отъ умиленія. Никогда въ жизни я не забуду этихъ минутъ! И въ самомъ дѣлѣ, что̀ за неожиданный успѣхъ! Смѣлъ-ли я думать, когда кропалъ эти звуки въ тиши своей органной комнатки, что они такъ скоро и такъ важно осуществятся! Особенно, когда я писалъ „Rattenfänger'a“, у меня никогда и въ головѣ не было, чтобы когда-нибудь добрый нашъ, милый принцъ самъ пѣлъ его! Это, я думаю, превзошло даже и твои ожиданія, которыя для меня всегда казались несбыточными. При этомъ успѣхѣ, какъ и при всякомъ въ моей жизни, мнѣ приходитъ и безпрерывно преслѣдуетъ меня одна мысль: чѣмъ я заслужилъ такое счастіе? почему судьба выбираетъ въ свои любимцы людей самыхъ безпечныхъ, рохлей, однимъ словомъ, такихъ, какъ я? Но вѣдь судьбы нѣтъ, а есть Провидѣніе, которое ничего не дѣлаетъ безъ цѣли, то почему же Провидѣніе, ведя меня такой прекрасной дорогой, не показываетъ мнѣ цѣли, къ которой этотъ путь стремится? Можетъ быть, это еще рано для меня, но вообще, что̀ можетъ быть хуже неопредѣлительности? Между тѣмъ, если принять необычайный успѣхъ первыхъ моихъ ничтожныхъ попытокъ на поприщѣ музыкальномъ за указаніе истиннаго моего призванія, то я все-таки внутри себя не чувствую достаточно силъ, чтобъ сколько-нибудь оправдать такія высокія ожиданія, которыя, если взять за масштабъ эти первые успѣхи, чуть-ли не совпадутъ съ твоимъ чрезмѣрнымъ обо мнѣ понятіемъ. Еще сбиваетъ меня съ толку одна мысль: я нарочно изучалъ біографіи знаменитостей на поприщѣ изящныхъ искусствъ, и почти всегда видѣлъ, что имъ на пути ихъ жизни безпрерывно встрѣчались препятствія и неудачи. Сравниваю съ собой (vous me pardonnez) [2])—ей-Богу, никому на свѣтѣ не написалъ и не высказалъ бы я этого, кромѣ тебя, ибо увѣренъ въ твоихъ обо мнѣ идеяхъ,—и, къ крайнему сожалѣнію, вижу, что у меня все идетъ какъ по-маслу. Я ищу затрудненій, преслѣдованій, и встрѣчаю только удачи и одобренія. Кромѣ того, у всѣхъ вышереченныхъ знаменитостей

[1]) Охотой и любовью къ музыкѣ.
[2]) Ты простишь.

была одна идея, которую они преслѣдовали цѣлую свою жизнь. У меня же именно manque total de cette idée [1]). Они всѣ получили всемірную славу въ одномъ, такъ сказать, ремеслѣ—мнѣ надоѣдаютъ удачи рѣшительно во всемъ. Напримѣръ, если бы, вступивъ въ службу, я скоро бы замѣтилъ, что мнѣ не везетъ, что такая дорога не по мнѣ, я тотчасъ незамѣтно оставилъ бы эту дорогу, и всѣ свои силы и средства посвятилъ бы исключительно музыкѣ. Тогда бы уже, по крайней мѣрѣ, можно было бы чего-нибудь ожидать. Ничуть не бывало: и на службѣ, malgré moi [2]), удачи неслыханныя. Вмѣстѣ съ съ тѣмъ благотворнымъ извѣстіемъ получилъ я изъ Петербурга другую новость, а именно: что меня, по распоряженію самого министра, за отличіе (??), перевели изъ 5-го департамента сената въ департаментъ министерства юстиціи, въ уголовное отдѣленіе. Милости—просто какъ снѣгъ на голову. Новое мое положеніе имѣетъ довольно-таки выгодныхъ сторонъ (о которыхъ не стоитъ, впрочемъ, распространяться), и все это ради какихъ заслугъ? Развѣ за то, что я, вмѣсто сенатскихъ записокъ, по-часту сидѣлъ за генералъ-басомъ! А другіе-то трудятся, трудятся, корпятъ, корпятъ за бумагами, а все ничего имъ нѣтъ! Воля твоя, а что-то странно и рѣшительно непонятно. Еще хорошо бы было, если бы человѣкъ-то, на котораго сыплются такія блага, какъ истинный, добрый христіанинъ вымаливалъ ихъ у самого Провидѣнія—вовсе нѣтъ, онъ чистый эпикуреецъ и молиться не умѣетъ, а думаетъ, что человѣкъ вообще долженъ молиться только въ несчастіи, слѣдовательно, ему-то еще ни разу не случалось молиться! Даже благодарить какъ-то совѣстно, потому что самъ чувствую, что не по заслугамъ. Ну, уже, я думаю, тебѣ вѣчныя мои confessions [3]) крѣпко надоѣли".

Сообщ. **В. В. Стасовъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Полнѣйшій недостатокъ такой идеи.
[2]) Вопреки мнѣ.
[3]) Исповѣди.

ОЧЕРКЪ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ и СОБЫТІЙ НА КАВКАЗѢ.

Ф. К. Клюки-фонъ-Клугенау.

1836—1850.

Продолжая въ первой книгѣ нынѣшняго года печатаніе Записокъ генералъ-лейтенанта Клюки-фонъ-Клугенау, считаемъ необходимымъ ознакомить новыхъ читателей нашего изданія, какъ съ личностью автора, такъ и съ содержаніемъ предъидущихъ девяти главъ, посвященныхъ обзору военныхъ дѣйствій на Кавказѣ съ 1818 по 1836 годъ.

Францъ Карловичъ Клюки-фонъ-Клугенау (р. 1791, † 1850 г.) уроженецъ Богеміи, сынъ подпоручика австрійской службы. Въ 1803 г. онъ поступилъ въ винеръ-нейштадтскую академію, изъ которой черезъ пять лѣтъ онъ былъ выписанъ кадетомъ въ пѣхотный Симпшена № 43 полкъ, квартировавшій въ Лайбахѣ. Послѣ сдачи лайбахской цитадели французамъ, Клугенау поступилъ вольноопредѣляющимся въ летучій отрядъ, сформированный въ Карлштадтѣ. Въ 1809 году получилъ первый офицерскій чинъ. Въ должности баталіоннаго адъютанта участвовалъ въ сраженіи подъ Дрезденомъ (15-го августа 1813 г.). 12-го сентября того же года, Клугенау былъ произведенъ въ подпоручики; 6-го октября, въ сраженіи подъ Лейпцигомъ, былъ контуженъ ядромъ въ спину и до 1-го января 1814 года пробылъ въ госпиталѣ. Награжденный бронзовымъ пушечнымъ крестомъ (Kanonen-Kreuz) по окончаніи войны за освобожденіе Германіи, Клугенау, въ теченіе двухъ лѣтъ (1814—1816), переводимый изъ одного полка въ другой, не имѣя въ виду никакихъ отличій, ни повышеній, поспѣшилъ въ 1817 году воспользоваться отставкою, предложенною австрійскимъ правительствомъ всѣмъ сверхкомплектнымъ офицерамъ. Подвиги нашихъ войскъ въ войны 1813—1814 годовъ восхитили Клугенау, и онъ принялъ намѣреніе перейти въ русскую службу, пользуясь предоставлен-

ною ему свободою. Прибывъ въ Варшаву, онъ обратилъ на себя вниманіе цесаревича Константина Павловича, но, по недостаточному состоянію, не могъ воспользоваться его предложеніемъ поступить въ гвардію. Къ тому же, Клугенау желалъ посвятить себя боевой службѣ на Кавказѣ, куда его влекли храбрость, жажда отличій и истинное призваніе. Подавъ прошеніе императору Александру I о принятіи его на службу, Клугенау, 18-го марта 1818 года, былъ опредѣленъ поручикомъ въ 8-й егерскій полкъ, квартировавшій въ Крыму и назначенный на кавказскую боевую линію. Клугенау присоединился къ нему въ Георгіевскѣ, а черезъ два мѣсяца участвовалъ въ дѣлахъ съ горцами. Съ этого времени до 1849 г. имя Клугенау заняло видное мѣсто въ лѣтописяхъ кавказской войны, которой онъ посвятилъ свои воспоминанія, диктуя ихъ въ досужія минуты Исидору Александровичу Гржегоржевскому († 1871 г.), съ 1845 года состоявшему при Клугенау въ должности старшаго дивизіоннаго адъютанта. Составленіе воспоминаній неотъемлемо принадлежитъ покойному И. А. Гржегоржевскому, но редакторомъ ихъ былъ самъ Клугенау, передававшій сотруднику своему правдивѣйшіе факты и разсказы о важныхъ военныхъ событіяхъ, въ которыхъ онъ былъ дѣятельнымъ участникомъ. Хотя эти воспоминанія и состоятъ изъ ряда отдѣльныхъ эпизодовъ, однако же считаемъ не лишнимъ представить читателямъ, которымъ предъидущія главы неизвѣстны, въ немногихъ словахъ ихъ содержаніе:

Глава I. Біографическій очеркъ Клугенау съ 1791 по 1818 г.—Гл. II. Участіе въ дѣйствіяхъ Ермолова въ Чечнѣ и Дагестанѣ. Блокада Шуши. Переговоры Клугенау съ Аббасъ-Мирзою. Письма Ермолова къ Клугенау. Побѣда кн. Мадатова 2-го сентября 1826 г. у рѣчки Шамхора.—Гл. III. Паскевичъ. Сраженіе подъ Елисаветполемъ 13-го сентября 1826 г. Назначеніе Клугенау карабахскимъ комендантомъ (въ маѣ 1827 г.).—Гл. IV. Переводъ въ Эриванскій полкъ. Начало турецкой кампаніи 1829 г. Отрядъ Муравьева. Сраженіе при селеніи Котанлы (18-го іюня) и Миллн-Дюзи (20-го іюня). Движеніе къ Эрзеруму и его занятіе (27-го іюля). Взятіе гор. Байбурта. Штурмъ Харта.—Гл. V. Дѣло въ Дагестанѣ. Усмиреніе джарскихъ лезгинъ. Взятіе Джаръ-Белананъ. Штурмъ Закаталъ (15-го октября 1830 г.). Кази-мулла. Взятіе селеній Хучни, Хомеда (4-го и 7-го октября 1831 г.), Эрпили (23-го октября). Вступленіе въ Шамхальскія владѣнія. Пораженіе Кази-муллы.—Гл. VI. Дѣйствія Кази-муллы въ Чечнѣ и Дагестанѣ. Шамхальскія владѣнія въ вѣденіи Клугенау. Дѣло на урочищѣ Іолсузъ-тау (19-го іюня 1832 г.). Бѣгство Кази-муллы въ Гимры (22-го іюня).—Гл. VII. Основаніе Темиръ-ханъ-шуры. Усмиреніе Чечни. Баронъ Розенъ и Вельяминовъ. Взятіе аула Гимры (17-го октября 1832 г.). Смерть Кази-муллы. Пораженіе Гамзатъ-бека у горы Наратъ-тау.—Гл. VIII. Дагестанъ при Гамзатъ-бекѣ въ 1833 году. Назначеніе Клугенау командиромъ Апшеронскаго полка (1834 г.). Гамзатъ-бекъ беретъ

Хунзахъ; истребленіе имъ аварскихъ хановъ. Гибель Гамзатъ бека. Появленіе Шамиля. Генералъ Ланской. Экспедиція къ Гимрамъ (13—16-го сентября 1834 г.).— Гл. IX. Клугенау командиръ всѣхъ войскъ въ Дагестанѣ. Движеніе въ Аварію чрезъ Гергебиль. Взятіе завалова у Могоха (15-го октября 1834 г.). Движеніе къ Гоцатлю, занятіе его и Аваріи (17—23-го октября).

Изъ этого оглавленія читатели могутъ заключить, что разсказы о предъидущихъ событіяхъ служатъ какъ бы вступленіемъ къ обзору дальнѣйшихъ достопамятныхъ событій на Кавказѣ, когда въ борьбѣ нашей съ Шамилемъ измѣнчивое счастіе оружія склонялось иногда и на сторону имама-фанатика. Съ 1836 по 1850 годъ кавказская война была въ полномъ разгарѣ. Не дешево платились горцы за свои мимолетные успѣхи; не взирая на нихъ, русское владычество усиливалось съ каждымъ годомъ; за одною неудачею слѣдовалъ рядъ геройскихъ подвиговъ нашихъ войскъ, покрывавшихъ себя неувядаемыми лаврами въ ожиданіи того благодатнаго для Кавказа времени, когда бывшій мятежный край, наконецъ, осѣнилъ миръ, и при водворившейся тишинѣ въ немъ, на прочныхъ началахъ, возникаетъ гражданское благоустройство.

X [1]).

Шамиль.—Ташовъ-хаджи.—Кибитъ-Магома.—Правитель Аваріи Ахмедъ-ханъ.— Положеніе Дагестана. — Реутъ.

1835 — 1836.

По убіеніи Гамзатъ-бека и по возвращеніи въ 1834 году Клугенау изъ Гоцатля, Шамиль вновь удалился въ Гимры, велъ тамъ уединенную жизнь въ продолженіе конца 1834 и начала 1835 года и искалъ только спасенія въ постѣ и молитвѣ.

Въ 1835 году Шамиль переселился въ Ашильту. Причиною этого переселенія было слѣдующее: одинъ изъ гимринскихъ жителей, участвовавшій въ истребленіи аварской ханской фамиліи, былъ убитъ въ Гимрахъ, въ началѣ 1835 года, Андалалскаго общества, сел. Кегеръ, двумя братьями Беро и Омаръ-Вели-оглы, подкупленными шамхаломъ Абу-Муслимомъ и женою его Султанетою.

Шамиль, преслѣдуемый ненавистью унцукульцевъ и опасавшійся также тайнаго мщенія родственниковъ аварскаго дома, былъ еще

---

[1]) См. «Русская Старина», изд. 1874 г. томъ XI, стр. 131—152; 497—515 и изд. 1875 г., томъ XII, стр. 544—554.

простымъ мюридомъ, но въ концѣ 1835 года одно непредвидѣнное обстоятельство обратило на него вниманіе многихъ горцевъ и было причиною быстраго его возвышенія: со смертью Гамзатъ-бека, а въ особенности муллы Мухаммеда, главнаго мюрида, — секта мюридовъ почти уничтожилась. Во многихъ деревняхъ послѣдователей ея находилось по нѣсколько человѣкъ, а въ Андіи, даже до половины 1836 года, было всего 20 мюридовъ. Прилегающія общества къ аварскому Койсу, преимущественно койсубулинцы, бо́льшая часть коихъ принимала участіе въ дѣлахъ Гамзатъ-бека не столько по убѣжденію, какъ изъ боязни, и которые претерпѣли много притѣсненій отъ отчаянныхъ фанатиковъ,—видя ихъ слабость и ничтожность, начали наносить имъ обиды и даже ихъ угнетать. Мюриды принуждены были искать помощи и заставить себя уважать, какъ людей, исповѣдующихъ алкоранъ. Зная, что къ Шамилю питаютъ также ненависть многіе койсубулинцы, и особенно унцукульцы, что онъ преслѣдуется родственниками аварскаго дома и что онъ ревностнѣйшій мюридъ, они обратились къ нему съ просьбою защитить ихъ отъ притѣсненій единоземцевъ, признавая его вмѣстѣ съ тѣмъ имамомъ Дагестана. Шамиль долго колебался и не отваживался приступить къ непріязненнымъ дѣйствіямъ, но, получивъ, въ началѣ января 1836 года, воззваніе чеченскаго жителя Ташовъ-хаджи, онъ рѣшился наказать притѣснителей мюридовъ. Ташовъ-хаджи превосходилъ Шамиля въ предпріимчивости и твердости характера, имѣлъ большое вліяніе на чеченцевъ и пользовался полнымъ ихъ уваженіемъ. Мюриды Дагестана не обратились къ нему съ просьбою потому, что онъ былъ мало имъ извѣстенъ, а еще болѣе отъ нихъ удаленъ. Если бы не преждевременная смерть Ташовъ-хаджи, то нѣтъ сомнѣнія, что онъ былъ бы имамомъ Дагестана. Дѣйствія Ташовъ-хаджи не были вначалѣ такъ блистательны, потому что чеченцы, живя на плоскости, не считали естественныя преграды, находившіяся въ ихъ землѣ, достаточными для удержанія русскихъ, которыхъ они тогда дѣйствительно боялись, и тогдашній начальникъ чеченцевъ, полковникъ Пулло, не притѣснялъ ихъ еще такъ, какъ въ послѣдствіи.

Въ воззваніи своемъ къ Шамилю, Кибитъ-Магомѣ, койсубулинцамъ, аварскимъ мюридамъ и обществамъ хидатлинскому и тилитлинскому, Ташовъ-хаджи упрекаетъ всѣхъ за бездѣйствіе, нераспространеніе шаріата, оставленіе русскихъ въ покоѣ и, упоминая о собранномъ имъ огромномъ скопищѣ, грозитъ имъ истребленіемъ на этомъ свѣтѣ и страшными мученіями на томъ. Въ этомъ же воззваніи онъ присовокупляетъ, что Асланъ-ханъ казикумыкскій, и не думаетъ видѣть въ своихъ владѣніяхъ нежданныхъ гостей, которые прійдутъ къ нему въ силахъ неслыханныхъ и еще невиданныхъ.

Спустя нѣсколько дней по полученіи воззванія Ташовъ-хаджи, игалинскіе мюриды, жалуясь на новыя притѣсненія единоземцевъ, вновь просили Шамиля ихъ защитить. Эта жалоба была послѣднимъ поводомъ къ открытію со стороны Шамиля непріязненныхъ дѣйствій, которыя вначалѣ имѣли только видъ защиты притѣсненныхъ.

Шамиль призвалъ Ташовъ-хаджи и Кибитъ-Магому. Партія собралась въ Чиркатѣ въ началѣ февралѣ до 150 чел., откуда направилась на Игали. Мюриды имѣли съ игалинцами дѣло и хотя потеряли до 7-ми чел. убитыми, однако игалинцы должны были покориться, принять новое ученіе, признать надъ собою власть Шамиля и содѣйствовать ему на будущее время.

Изъ Игали Шамиль двинулся въ сел. Орота также для поддержанія мюридовъ; оротинцы вынуждены были покориться на тѣхъ же условіяхъ какъ и игалинцы, и успѣшныя дѣйствія Шамиля должно приписать непонятному бездѣйствію аварцевъ, унцукульцевъ и андійцевъ, которые, находясь въ сборѣ до 2,000 чел., оставались равнодушными зрителями на ближайшихъ горахъ и не подали помощи Оротѣ. Это обстоятельство способствовало возвышенію мюридовъ, а слѣдовательно, и Шамиля.

Аварцы и унцукульцы опомнились тогда уже, когда оротинцы претерпѣли наказаніе; два произведенныя ими нападенія на партію мюридовъ хотя и были неудачны, однако Шамиль и Ташовъ-хаджи, опасаясь дурныхъ послѣдствій, отступили: первый въ Ашильту, взявъ аманатовъ изъ Ороты, а послѣдній въ Чечню.

Ташовъ-хаджи, желая пройти въ Чечню кратчайшею дорогою, долженъ былъ просить предварительно позволенія у андійцевъ пропустить его съ партіею чрезъ ихъ землю. Въ то время между андійцами было только 20 мюридовъ, съ которыхъ они взяли штрафъ по 5 руб. съ каждаго за то, что они ходили къ Шамилю во время пребыванія его въ Оротѣ.

Шамиль, Ташовъ-хаджи и Кибитъ-Магома, соединившись въ первый разъ въ Чиркатѣ, дали клятву дѣйствовать совокупными силами и возмущать покорныхъ и полупокорныхъ намъ горцевъ. Кибитъ-Магома, всегда хитрый и вѣроломный, первый измѣнилъ обѣту и въ скоромъ времени, по возвращеніи изъ Ороты, составилъ съ муллою Рамазаномъ союзъ, къ которому присоединились хидатлинцы, тилитлинцы и карахцы; послѣдніе объявили своимъ наставникамъ муллу Рамазана. Цѣль этого союза состояла въ томъ, чтобы покорить сосѣднія общества и не признавать надъ собою власти ни русскихъ, ни Шамиля.

Шамиль, узнавъ о замыслахъ Кибитъ-Магомы и желая воспрепятствовать ихъ осуществленію, тотчасъ же пожаловался на него Асланъ-

хану казикумыкскому, представляя его какъ человѣка, нарушающаго спокойствіе и имѣющаго намѣреніе овладѣть покорнымъ намъ обществомъ куядинскимъ. Эта жалоба Шамиля имѣла видъ, какъ-будто онъ заботился о сохраненіи спокойствія въ Дагестанѣ и какъ покорный русскому правительству увѣдомляетъ о замыслахъ вредныхъ людей, а чтобы избѣгнуть упрека со стороны русскихъ за его возмутительныя дѣйствія противъ Игали и Ороты, онъ въ скоромъ времени по возвращеніи изъ послѣдняго селенія въ Ашильту, писалъ къ Клугенау, что по прежнему преданъ нашему правительству и покоренъ, а дѣйствія его противъ Игали и Ороты предприняты были собственно для защиты притѣсненныхъ мюридовъ. Дабы еще болѣе убѣдить въ своей покорности, Шамиль, по требованію генерала Клугенау, тотчасъ же возвратилъ одного, взятаго въ плѣнъ, апшеронскаго солдата.

Корпусный командиръ, получивъ извѣстіе о возмутительныхъ дѣйствіяхъ Шамиля и его сообщниковъ, предложилъ Клугенау имѣть наблюденіе за Ташовъ-хаджи и Кибитъ-Магомой; но за первымъ могъ лучше наблюдать полковникъ Пулло, какъ начальникъ сунженской линіи, а за послѣднимъ Асланъ-ханъ казикумыкскій, который въ то время былъ и правителемъ Аваріи. Что же касается до Шамиля, то Клугенау неослабно слѣдилъ за его дѣйствіями, которыя онъ прикрывалъ еще необходимостію защищать мюридовъ отъ притѣсненій. Справедливость требуетъ сказать, что мюриды въ то время были менѣе для насъ опасны, нежели унцукульцы, пользовавшіеся первымъ случаемъ для нанесенія вреда русскимъ грабежами и убійствами въ окрестностяхъ Шуры. Хотя унцукульцы и находились въ зависимости отъ шамхала тарковскаго, но Сулейманъ-мирза былъ постоянно боленъ, не принималъ никакого участія въ дѣлахъ, потерялъ довѣріе всѣхъ койсубулинцевъ, не имѣлъ на нихъ никакого вліянія, и койсубулинцы охотнѣе обращались къ русскому начальству, нежели къ шамхалу, который не только могъ обуздать унцукульцевъ, но угрожать и самому Шамилю. Къ сожалѣнію, шамхалы давно уже утратили свое вліяніе, сохранивъ лишь громкій титулъ.

Шамиль, по возвращеніи изъ Ороты въ Ашильту, до іюня мѣсяца не предпринималъ наступательныхъ дѣйствій, стараясь миролюбивыми мѣрами, т. е. истолкованіемъ шаріата въ свою пользу, увеличить число приверженцевъ. Въ іюлѣ же мѣсяцѣ онъ прибылъ съ Ташовъ-хаджи и Уди-муллою въ сел. Игали, гдѣ былъ назначенъ сборный пунктъ и откуда онъ вознамѣрился дѣйствовать противъ Аваріи. Изъ Игали, съ партіею, состоявшею изъ мюридовъ гимринскихъ, ашильтинскихъ, гумбетовскихъ, андійскихъ и чеченскихъ, всего до 2-хъ т. чел., Шамиль направился къ деревнямъ: Большой и Малый Харадерикъ и

Цатаныхъ. Послѣдняя изъ нихъ приняла шаріатъ по первому предложенію, а первыя двѣ, вспомоществуемыя аварцами, подъ предводительствомъ хунзахскаго старшины Эмиръ-хана, рѣшились защищаться. Шамиль отважился атаковать деревни и, послѣ продолжительнаго дѣла, овладѣлъ ими. Непріятель потерялъ 15 чел., а харадерикцы, потерявъ болѣе 30-ти чел., отправились въ сел. Мушули, гдѣ вознамѣрились вновь защищаться.

Въ тоже время Кибитъ-Магома, съ приверженцами, по убѣжденію Шамиля, успѣвшаго его склонить на свою сторону и тѣмъ расторгнуть составившійся союзъ, выступилъ съ другой стороны противъ Аваріи и занялъ уже Холотль; но всѣ дѣйствія его ограничились занятіемъ этого селенія, откуда онъ принужденъ былъ хунзахцами отступить и направился въ общество Кхелебъ.

Удачное овладѣніе селеніями Харадерикъ еще болѣе возвысило Шамиля; кромѣ Унцукуля, всѣ койсубулинскія деревни, лежащія на лѣвомъ берегу аварскаго Койсу, признали его власть надъ собою; даже незначительныя аварскія деревни, по слабости своей, опасаясь совершеннаго разоренія, готовы были принять шаріатъ. Хунзахцы же, при помощи жителей нѣкоторыхъ аварскихъ деревень, собрались въ Мушули, дабы тамъ противустоять дѣйствіямъ мюридовъ и не дозволить имъ проникнуть въ аварскую долину.

Правитель Аваріи, ханъ казикумыкскій, Нуцалъ-ханъ, наслѣдовавшій Асланъ-хану, скончавшемуся въ 1836 году, отправилъ въ Аварію своего двоюроднаго брата, прапорщика Хаджи-Яхья-бека, только со 100 нукерами, а самъ, несмотря на просьбы и настоянія генерала Клугенау и видимую опасность для управляемаго имъ ханства, остался въ Кумухѣ съ братомъ своимъ Магометъ-мирзою, будто бы весьма больнымъ, не выславъ даже въ Аварію надлежащаго числа казикумыкскихъ милиціонеровъ.

Несмотря на слабыя мѣры, принятыя для защиты Аваріи, Шамиль, атаковавъ дер. Мушули, гдѣ былъ также и Хаджи-Яхья съ нукерами, потерялъ до 100 чел. и значительную часть добычи, захваченной имъ въ Харадерикахъ, не успѣвъ овладѣть деревнею.

Потерпѣвъ пораженіе, Шамиль собралъ мюридовъ изъ малыхъ койсубулинскихъ деревень, принявшихъ шаріатъ, усилилъ свою партію до 2,500 чел. и двинулся съ нею въ Белаканы. Полковникъ Абу-Мусселимъ-ханъ (въ послѣдствіи шамхалъ, генералъ-адъютантъ и князь), получивъ извѣстіе о занятіи Белаканъ, тотчасъ же собралъ съ своей стороны до 500 шамхальцевъ и отправился съ ними на Араканскую гору. Между тѣмъ Шамиль подступилъ подъ Унцукуль, уничтоживъ мосты на аварскомъ Койсу (бывшій ирганайскій и унцукульскій), для

того, чтобы никто не могъ подать помощи унцукульцамъ. Расчетъ его былъ вѣренъ: шамхальцы, находясь на горѣ Араканской, смотрѣли только на перестрѣлку, не бывъ въ состояніи содѣйствовать атакованнымъ.

Шамиль, обложивъ Унцукуль и угрожая жителямъ, предоставленнымъ собственнымъ силамъ, уничтожить ихъ хлѣба и сады, довелъ ихъ до того, что они принуждены были выдать ему аманатовъ и обѣщали принять шаріатъ, но съ тѣмъ, чтобы никто изъ мюридовъ не входилъ въ деревню. Шамиль изъявилъ на это согласіе и, взявъ 10 аманатовъ изъ лучшихъ жителей, отправилъ ихъ въ Ашильту. Однако онъ не исполнилъ даннаго имъ обѣщанія и ночью хитростью овладѣлъ селеніемъ, не сдѣлавъ, впрочемъ, жителямъ большаго вреда, а только наказалъ кадія ихъ Шахъ-Бала.

Подчинивъ своей власти и Унцукуль, Шамиль, перешедъ съ партіею въ Игали, вновь имѣлъ намѣреніе вторгнуться въ Аварію и для этого вновь хотѣлъ атаковать Мушули; но приближенные совѣтовали ему не производить нападенія, представляя ему крѣпкую мѣстность упомянутой деревни, а потому онъ ограничился только взятіемъ аманатовъ отъ жителей Мушули и Хунзаха. Разсказываютъ, будто бы и тѣ и другіе согласны были принять шаріатъ и исполнить его предложеніе. Мушулинцы—по возвращеніи ихъ стадъ, а хунзахцы съ условіемъ, чтобы ни онъ, ни мюриды не приходили въ Аварію, при чемъ они будто бы обѣщали выбрать себѣ правителемъ Али-бека, двоюроднаго брата Гамзатъ-бека. Шамиль не принялъ предложеній ни мушулинцевъ, ни хунзахцевъ.

Нельзя положительно утверждать, что хунзахцы дѣйствительно имѣли намѣреніе выбрать правителемъ Али-бека, но одно обстоятельство дѣлаетъ этотъ слухъ довольно правдоподобнымъ: аварцы, присягнувъ въ 1834 году на подданство Россіи, по причинѣ малолѣтства ихъ законнаго наслѣдника, избрали правителемъ Асланъ-хана казикумыкскаго, согласно его желанію и его происками [1]). Асланъ-ханъ

---

[1]) Асланъ-ханъ даже желалъ, чтобы аварцы провозгласили его своимъ ханомъ. Вообще онъ весьма часто поступалъ неискренно и происки его иногда были успѣшны. Въ февралѣ 1836 года Джамалъ увѣдомилъ Клугенау, что гумбетовское общество готово было дать русскому правительству аманатовъ, но Асланъ-ханъ писалъ къ нимъ, именно къ старшинамъ селенія Мехельты, совѣтуя имъ не выдавать заложниковъ и обѣщая и безъ того примирить ихъ съ русскими. Посланный въ то время генераломъ Клугенау лазутчикъ узналъ въ Ашильтѣ, что гумбетовскіе старшины были уже у Асланъ-хана, получили отъ него подарки и вмѣстѣ съ ними приказаніе не мириться съ русскими безъ его содѣйствія. Прим. авт.

охотно на это согласился, надѣясь, что ему назначатъ содержаніе, какъ правителю Аваріи, но ошибся въ расчетѣ, и убѣдясь, съ какими издержками сопряжены поѣздки въ Хунзахъ, онъ не обращалъ никакого вниманія на ввѣренное ему ханство. Наслѣдникъ его, Нуцалъ-ханъ, держался того же правила и даже не хотѣлъ послать туда своего брата, а отправилъ Хаджи-Яхью, бывшаго прежде мюридомъ. Аварцы, привыкшіе управляться ханами и часто ихъ видѣть, особенно хунзахцы, были весьма недовольны своими правителями, а потому весьма вѣроятно, что вошли, наконецъ, въ сношеніе съ Шамилемъ и даже обѣщали ему выбрать правителемъ Али-бека, двоюроднаго брата Гамзатъ-бека.

Шамиль, не успѣвъ склонить на свою сторону аварцевъ переговорами, отправился изъ Игали въ Андію [1]) для подчиненія этого общества своей власти. Андійцы, готовые прежде сопротивляться, увидѣвъ Шамиля съ 3-хъ тысячною партіею, въ которой находилось и 300 унцукульцевъ, закоренѣлыхъ его прежнихъ враговъ, не оказали никакого сопротивленія. Тогда онъ, взявъ аманатовъ отъ андійцевъ, двинулся въ кіалальское общество, которое также ему выдало аманатовъ. Отправивъ всѣхъ аманатовъ въ Ашильту, Шамиль и самъ туда возвратился, распустивъ собранную имъ партію.

Въ іюлѣ 1836 года находилось уже болѣе 100 аманатовъ, взятыхъ отъ разныхъ обществъ и изъ самыхъ почетныхъ фамилій.

Предъ отправленіемъ въ Андію, Шамиль отпустилъ изъ Игали въ Чечню Ташовъ-хаджи и Уди-муллу съ ихъ партіею до 700 чел., но съ тѣмъ условіемъ, чтобы они прибыли къ нему по первому востребованію.

До іюля мѣсяца 1836 года дѣйствія Шамиля имѣли видъ собственно защиты его приверженцевъ; съ этого же времени онъ началъ открыто дѣйствовать, съ значительными партіями, для распространенія шаріата и покоренія обществъ. Однако и здѣсь еще замѣтна неувѣренность его въ свои силы; онъ старался скрывать свои самолюбивые виды, писалъ иногда къ Клугенау, что поддерживаетъ собственно шаріатъ и желаетъ только заставить горцевъ не употреблять горячихъ напитковъ, не курить табаку и вообще бросить привычки, которыя не терпитъ чистая мусульманская религія, но не имѣетъ никакого дур-

---

[1]) Въ партіи, ходившей въ Андію, находилось также 40 мюридовъ изъ селенія Гоцатля, которые приняли ученіе Шамиля. Однако, гоцатлинцы выдали аманатовъ и Хаджи-Яхьѣ, когда онъ приблизился къ ихъ селенію съ хунзахцами и казикумыкцами. Послѣднихъ, въ концѣ іюля, находилось уже въ Аваріи до 1,500 чел. Прим. авт.

наго намѣренія, и все же увѣрялъ въ своей преданности русскому правительству.

Для скорѣйшаго привлеченія горцевъ на свою сторону, Шамиль разсказывалъ имъ, что дѣйствуетъ даже съ дозволенія русскаго начальства, въ чемъ онъ ихъ старался убѣдить и успѣлъ въ этомъ слѣдующими поступками. Шамиль въ присутствіи многихъ отпустилъ двухъ плѣнныхъ нашихъ солдатъ въ концѣ іюля мѣсяца, присовокупивъ, что не имѣетъ никакой вражды къ русскимъ; когда онъ возвращался съ партіею изъ Андіи, то къ нему явились 5 ирганайскихъ жителей съ объявленіемъ, что ихъ селеніе признаетъ надъ собою его власть. Шамиль имъ отвѣчалъ, что не хочетъ распространять своего вліянія на селенія, лежащія на правомъ берегу аварскаго Койсу, дабы не раздражить тѣмъ русскихъ, съ которыми онъ находится въ постоянномъ мирѣ.

— Со временемъ весь Дагестанъ приметъ мое ученіе, узнавъ истинную его пользу, а теперь я избѣгаю столкновеній съ русскими.

Сказавъ это, Шамиль приказалъ посланнымъ возвратиться домой и объявить ирганайцамъ, араканцамъ и кудукцамъ, что оставляетъ ихъ въ покоѣ, и наконецъ Шамиль позволилъ Ташовъ-хаджи отправиться изъ Унцукуля въ Гимры для свиданія съ матерью Кази-муллы, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы онъ поѣхалъ туда одинъ и пробылъ тамъ не болѣе одного часа.

— Ежели ты поѣдешь туда съ частію твоихъ приближенныхъ и останешься болѣе, — говорилъ ему Шамиль, — то это будетъ имѣть непріязненный видъ и раздражитъ русскихъ, съ которыми я не хочу ссориться.

Замѣчательно еще одно обстоятельство. Шамиль, постоянно увѣряя въ своей преданности къ русскимъ, даже писалъ объ этомъ нѣсколько разъ къ Клугенау, при чемъ далъ ему отчетъ о взятыхъ аманатахъ изъ селеній койсубулинскихъ, андійскихъ и кіалальскихъ, всего числомъ 72 человѣка.

Въ половинѣ іюля Шамиль имѣлъ намѣреніе двинуться къ джамалальцамъ и тиндальцамъ, оттуда къ хидатлинцамъ и карахцамъ и, утвердясь на правомъ берегу аварскаго Койсу, дѣйствовать на аварцевъ внушеніями и убѣжденіями. Тиндальцы готовы были признать надъ собою его власть и снабдить его партію продовольствіемъ, но съ тѣмъ, чтобы онъ не входилъ въ ихъ селенія. Намѣреніе это измѣнилось непредвидимыми обстоятельствами.

Хаджи-Яхья, подозрѣвая жителей Мушули въ сношеніяхъ съ мюридами, тотчасъ же двинулся туда съ казикумыкцами и частію аварцевъ и началъ уничтожать хлѣба сказаннаго селенія. Мушулинцы

обратились къ Шамилю, прося его подать имъ помощь. Шамиль, отложивъ прежнее свое намѣреніе, направился съ немногими приверженцами къ Мушули, приказавъ туда слѣдовать всѣмъ жителямъ покорныхъ ему койсубулинскихъ деревень. Между тѣмъ, Хаджи-Яхья, можетъ быть, несправедливо поступивши съ мушулинцами, оставивъ у нихъ до 400 казикумыкцевъ и аварцевъ, бросился съ 1,000 чел. къ Тилитлю, гдѣ находился Кибитъ-Магома съ своими главными приверженцами, и атаковалъ это селеніе. Послѣ жаркаго дѣла, Хаджи-Яхья успѣлъ имъ овладѣть, исключая одной башни, въ которой заперся Кибитъ-Магома съ избранными. Эта башня тотчасъ же была окружена.

Шамиль, узнавъ о положеніи Кибитъ-Магомы, измѣнилъ направленіе и пошелъ чрезъ Могохъ къ Гоцатлю. Гоцатлинцы приняли его, но жители Короды не пропустили мюридовъ чрезъ Карадахскій мостъ, и Шамиль, не бывъ въ состояніи подать помощи Тилитлю, направился на Кахъ, гдѣ онъ былъ встрѣченъ хунзахцами непріязненно и, потерявъ до 30-ти чел. убитыми и ранеными, бѣжалъ въ Буцру. Здѣсь онъ занялъ сильную позицію, въ которой аварцы не отважились его атаковать. Изъ Буцры онъ отправился въ Хорачи, гдѣ при немъ находились только самые близкіе его приверженцы.

Собравъ партію въ Хорачахъ до 2-хъ т. чел., Шамиль вновь отправился въ Аварію. По приближеніи его къ Танусу, жители предупреждали, что не желаютъ имѣть непріязненныхъ отношеній, но какъ только замѣтили, что ихъ селеніе окружили мюриды, то рѣшились защищаться до послѣдней крайности. Мюриды хотѣли ворваться въ селеніе. Танусцы, подпустивъ ихъ на самое близкое разстояніе, сдѣлали залпъ и потомъ бросились въ шашки. Непріятель былъ совершенно разстроенъ и, потерявъ до 40 чел. убитыми, обратился въ бѣгство, при чемъ его преслѣдовали аварцы съ ожесточеніемъ. Шамиль послѣ пораженія при Танусѣ удалился въ Ашильту.

Во время покушеній Шамиля на Аварію и блокады Тилитля, ген.-м. Реутъ, бригадный командиръ, опасаясь быстрыхъ успѣховъ Шамиля, предположилъ сдѣлать рекогносцировку къ Ирганаю, дабы удержать въ повиновеніи хотя койсубулинскія деревни, лежащія на правомъ берегу аварскаго Койсу. Для этого онъ собралъ три баталіона Апшеронскаго полка, съ 4-мя горными единорогами и съ 4-мя кугорновыми мортирками, и до 1,000 чел. шамхальцевъ и мехтулинцевъ. Рекогносцировка была произведена чрезъ Койсубулинскій хребетъ и Бурундукъ-Кале, по Ирганайскому ущелью до самыхъ Зирянъ. Она принесла тѣ результаты, что не только старшины селеній, лежащихъ на правомъ берегу аварскаго Койсу, но даже унцукульцы явились съ

увѣреніемъ, что постоянно преданы нашему правительству. Кромѣ того, русскіе въ первый разъ проникли въ горы по этому направленію, слѣдовательно, ознакомились съ новою мѣстностію и показали мюридамъ, что готовы защищать покорныя деревни. Ген.-м. Реутъ, опасаясь вліянія дурнаго климата, пробывъ только одни сутки въ Ирганайскомъ ущельѣ, возвратился въ Шуру.

Шамиль во время этой рекогносцировки находился въ Харачахъ и, узнавъ объ отступленіи русскихъ, тотчасъ же взялъ еще 23 аманата изъ Унцукуля и Белаканъ, дабы ихъ болѣе этимъ связать на будущее время. Вслѣдъ за тѣмъ онъ отправился съ приверженцами въ Ороту, куда приказалъ собраться почетнымъ жителямъ и кадіямъ всѣхъ койсубулинскихъ, гумбетовскихъ и андійскихъ деревень. Тамъ они вновь присягнули исполнять строго шаріатъ, вполнѣ повиноваться Шамилю и являться къ нему по первому его требованію.

Собравъ потомъ въ Оротѣ до 1,000 чел., Шамиль двинулся въ Мушули. Мушулинцы, примирясь съ Хаджи-Яхьею, намѣрены были защищаться и тотчасъ же дали знать аварцамъ о приближеніи мюридовъ. Аварцы прибыли на другой день къ утру, но нашли уже аулъ созженнымъ. Шамиль успѣлъ овладѣть Мушули измѣною нѣкоторыхъ жителей, которые, бывъ ему преданы, впустили его ночью въ аулъ и онъ, пользуясь этимъ случаемъ, предалъ огню селеніе, отчаянно прежде защищавшееся. Изъ Мушули Шамиль возвратился въ Ашильту, откуда писалъ два раза къ генералу Реуту и письма его отличаются уже увѣренностью въ свои силы. Въ первомъ изъ нихъ онъ говоритъ, что если движеніе въ Ирганайское ущелье было произведено согласно съ волею государя, то еще ничего; а въ противномъ случаѣ зачѣмъ было русскимъ нарушать миръ и вынуждать его также взяться за оружіе (здѣсь онъ не упоминаетъ болѣе о своей покорности). Во второмъ письмѣ самонадѣянность еще очевиднѣе. Вотъ слова Шамиля:

„Прошу васъ увѣдомить меня, по какой причинѣ прибыли вы въ Шуру? Если для нарушенія заключеннаго между нами мира, то не оставьте увѣдомить меня объ этомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ возвратить намъ аманатовъ, а если вы прибыли не для возмущенія, а для водворенія спокойствія, то зачѣмъ же вы дѣлаете подобныя дѣла, пришедъ въ селеніе Ирганай? и проч. Это вовсе неприлично для сановниковъ государя россійскаго. Если вамъ угодно истребить меня, то вы этого не можете, потому что Аллахъ—мой защитникъ; а если вы, по разсказамъ моихъ враговъ, думаете, будто бы я нарушилъ заключенный между нами миръ, то это неправда. Я до сихъ поръ старался для васъ и не пускалъ никого на грабежи и разбои, и когда вы будете

дѣйствовать впредь подобнымъ образомъ, то я не стану удерживать людей, желающихъ нанести вредъ русскимъ".

Такимъ образомъ Шамиль уже говорилъ о какомъ-то мирѣ, который никогда съ нимъ не былъ заключенъ, и выставляетъ себя какъ владѣтельное лицо.

Въ половинѣ августа 1836 г.[1]) Шамиль напалъ на селеніе Коло. Магометъ-мирза, находившійся тогда въ Хунзахѣ, немедленно отправился туда съ аварцами, и Шамиль долженъ былъ отступить, не причинивъ никакого вреда жителямъ. Лишь только Магометъ-мирза возвратился въ Хунзахъ, какъ получилъ извѣстіе о смерти своего брата, Нуцалъ-хана казикумыкскаго, вслѣдствіе чего онъ тотчасъ же возвратился въ Кумухъ.

Между тѣмъ, Хаджи-Яхья болѣе 3-хъ недѣль держалъ Кибитъ-Магому въ строгой блокадѣ. Потомъ, вѣроятно, наблюденіе ослабло, ибо Кибитъ-Магома, вышедъ изъ башни со своими немногими приверженцами, успѣлъ пробиться, нанеся вредъ казикумыкцамъ. Хаджи-Яхья, упустивъ добычу, отступилъ, и какъ въ это время онъ получилъ извѣстіе о смерти Нуцалъ-хана, то и поспѣшилъ отправиться въ Кумухъ.

Съ Магометъ-мирзою и Хаджи-Яхьею возвратилась въ Кумухъ и казикумыкская милиція, находившаяся въ Аваріи, а потому это ханство, лишившееся уже другаго правителя и предоставленное своимъ собственнымъ силамъ, могло подвергнуться большой опасности. Для отвращенія дурныхъ послѣдствій, Реутъ приказалъ полковнику Ахмедъ-хану отправиться съ 1,000 чел. въ Гергебиль, откуда, въ случаѣ надобности, онъ долженъ подавать помощь аварцамъ, не вмѣшиваясь, впрочемъ, во внутреннее ими управленіе, которое возложено на Магометъ-мирзу, къ коему аварцы и должны были обращаться. Аварцы просили назначить къ нимъ правителемъ Ахмедъ-хана или кого-нибудь другаго, но только не оставлять ихъ безъ главы.

19-го сентября 1836 года Шамиль, съ партіей въ 1,500 чел., двинулся къ Буцрѣ для наказанія жителей этой деревни за то, что они выдали аманатовъ аварцамъ и къ нимъ присоединились. Однако, буцринцы отразили его нападеніе и онъ отправился оттуда чрезъ Могохъ въ Чалду. При слѣдованіи Шамиля въ Чалду, мехтулинцы, находившіеся съ Ахмедъ-ханомъ въ Гергебилѣ, завязали съ мюридами перестрѣлку, которая продолжалась нѣсколько часовъ, послѣ чего непріятель направился въ Гоцатль, гдѣ былъ принятъ радушно жи-

[1]) Въ 1836 году, въ половинѣ августа, выпалъ въ Аваріи глубокій снѣгъ, что̀ тамъ случается чрезвычайно рѣдко. Прим. авт.

телями. Изъ Гоцатля Шамиль двинулся къ Карадахскому мосту съ намѣреніемъ пройти черезъ Тилитль и Ходатль, но андалальцы вновь его не пропустили, и онъ принужденъ былъ возвратиться въ Гоцатль.

Во время нахожденія Шамиля въ Гоцатлѣ, хунзахцы, и вообще аварцы, собрались въ значительныхъ силахъ и хотѣли его оттуда вытѣснить. Завязалось жаркое дѣло и аварцы, имѣвшіе первоначально успѣхъ, понеся значительную потерю (40 убитыми и ранеными и 32 плѣнными), отступили отъ Гоцатля и расположились въ недальнемъ отъ него разстояніи. Причиною пораженія аварцевъ былъ разнесшійся между ними во время дѣла слухъ, будто на ихъ сообщеніи находится уже съ партіею Али-бекъ, занявъ сел. Кахъ. Этотъ обманъ имѣлъ полное дѣйствіе. Аварцы обратились въ бѣгство, а мюриды, воспользовавшись этимъ случаемъ, бросились на нихъ въ шашки. Али-бекъ, собравъ первоначально партію въ Оротѣ изъ гумбетовцевъ и андійцевъ, двинулся оттуда только къ Буцрѣ, которую и успѣлъ занять.

Генералъ Реутъ еще до полученія извѣстія о новыхъ успѣхахъ Шамиля и пораженіи аварцевъ, рѣшился предпринять движеніе въ горы. Хотя онъ уже въ іюлѣ мѣсяцѣ имѣлъ предписаніе барона Розена[1]) двинуться въ горы для возстановленія спокойствія въ Дагестанѣ и уничтоженія вліянія Шамиля, но не предпринялъ этого, потому что, какъ доносилъ корпусному командиру, имѣлъ мало войскъ въ своемъ распоряженіи, если бы даже присоединились къ 4-мъ батальонамъ Апшеронскаго полка и два Куринскихъ, которые ему разрѣшено было взять отъ начальника сунженской линіи. Кромѣ слабости отряда, неизвѣстность мѣстности, трудности при движеніи, разливы рѣкъ, неимѣніе перевозочныхъ средствъ, уничтоженіе мостовъ на аварскомъ Койсу и, слѣдовательно, большія затрудненія при избраніи направленія дѣйствій, все это препятствовало рѣшиться на что-либо положительное. Послѣ же убыли воды въ рѣкахъ, а главное, когда смерть Нуцалъ-хана и, вслѣдствіе ея, удаленіе изъ Аваріи Магометъ-мирзы и Хаджи-Яхья съ казикумыкцами могли возвысить Шамиля, поставить Аварію въ затруднительное положеніе и вообще дать дѣламъ нашимъ неблагопріятный оборотъ, то генералъ Реутъ рѣшился

---

[1]) Розенъ предлагалъ Реуту идти въ Унцукуль, а оттуда въ Ашильту; при этомъ онъ присовокупилъ: «Полагать надобно, что партія сего мятежника (Шамиля) послѣ занятія Унцукуля и Ашильты разойдется, или, по крайней мѣрѣ, значительно уменьшится, ибо всѣ тѣ, которые силою принуждены принимать участіе въ его дѣйствіяхъ, вѣроятно, и разбѣгутся; самъ же онъ долженъ будетъ удалиться далѣе въ горы». Розенъ также находилъ полезнымъ пройти къ Чиркату и разорить это селеніе. Прим. авт.

произвести движеніе въ горы. Для этого онъ потребовалъ отъ начальника сунженской линіи два баталіона егерей, которыхъ приказалъ расположить въ Андреевой, гдѣ они должны были быть постоянно готовы къ выступленію по первому востребованію. Но эти два баталіона, прежде прибытія ихъ въ Андрееву, участвовали въ набѣгѣ противъ селенія Зандака, находящагося у подножія Андійскаго хребта. Чтобы объяснить этотъ набѣгъ, необходимо сказать прежде нѣсколько словъ о дѣйствіяхъ въ Чечнѣ Ташовъ-хаджи и его приверженцевъ.

Ташовъ-хаджи, по возвращеніи съ партіею изъ Игали въ Чечню, не предпринималъ наступательныхъ дѣйствій. Онъ ограничивался только распространеніемъ шаріата и привлеченіемъ на свою сторону возможно большаго числа чеченцевъ. Ревностнѣйшими его помощниками были: Уди-мулла и Сандъ-кадій. Однако чеченцы, живущіе на плоскости, неохотно повиновались его внушеніямъ, и Ташовъ-хаджи успѣлъ взять аманатовъ, въ знакъ принятія шаріата, только изъ нѣсколькихъ незначительныхъ деревень на плоскости. За то горная Чечня и деревни, прилежащія къ подножіямъ хребтовъ, усердно ему повиновались и исполняли всѣ его приказанія; съ особеннымъ успѣхомъ Ташовъ-хаджи распространялъ свое вліяніе на жителей Аргунскаго ущелья.

Чтобы ослабить вліяніе Ташовъ-хаджи, начальникъ сунженской линіи вознамѣрился произвести набѣгъ на Зандакъ, гдѣ наиболѣе находилось его послѣдователей и приверженцевъ. Въ набѣгѣ участвовали 4 баталіона, и онъ произведенъ былъ съ должнымъ успѣхомъ: ни зандакцы, ни Ташовъ-хаджи не успѣли принять мѣръ къ оборонѣ, селеніе было разграблено, до 30-ти душъ взято въ плѣнъ, и непріятель потерялъ убитыми и ранеными до 80-ти чел. Съ нашей стороны потеря простиралась до 10-ти убитыхъ и 30-ти раненыхъ. По окончаніи этого набѣга, два Куринскіе баталіона, каждый въ 500 чел., были направлены, по требованію генералъ-маіора Реута, въ деревню Андрееву.

Реутъ, получивъ извѣстіе о новыхъ успѣхахъ Шамиля въ пораженіи аварцевъ и новой опасности, угрожавшей Аваріи, 26-го сентября 1836 г. выступилъ изъ Шуры, съ 3-мя баталіонами Апшеронскаго полка, 4-мя легкими и 4-мя горными орудіями, 4-мя кугорными мортирками, 500 шамхальцами и 1,000 мехтулинцами, въ Гергебиль, приказавъ туда слѣдовать и двумъ баталіонамъ Куринскаго полка, находившимся въ Андреевой. 4-го октября весь отрядъ, кромѣ полевыхъ орудій, оставленныхъ въ сел. Оглы, собрался въ Гергебилѣ, а 2-го—Шамиль, узнавъ о приближеніи отряда къ Гергебилю и Магометъ-мирзы съ казикумыкцами къ Карадахскому мосту, а прапорщика Хаджи-Яхьи, также съ казикумыкцами, къ Хунзаху, оставилъ Гоцатль и пе-

решелъ въ Буцру, откуда отправился въ Ашильту, распустивъ партію по домамъ.

Реутъ едва успѣлъ расположиться съ авангардомъ у Чалды, какъ получилъ свѣдѣніе объ удаленіи Шамиля. Тогда онъ съ милиціями шамхальскою и мехтулинскою отправился въ Гоцатль, который былъ уже занятъ казикумыкцами, и гдѣ Магометъ-мирза приказалъ сжечь дома мюридовъ и истребить ихъ сады.

Реутъ, видя, что Аваріи не угрожало болѣе опасности, имѣлъ намѣреніе тотчасъ же возвратиться съ отрядомъ въ Шуру, но одно обстоятельство его удержало. Магометъ-мирза представлялъ ему невозможность управлять въ одно время тремя ханствами: кюринскимъ, казикумыкскимъ и аварскимъ, особенно послѣднимъ, гдѣ постоянное его присутствіе необходимо, а между тѣмъ, онъ этого не могъ исполнить по той причинѣ, что его присутствіе необходимо также и въ первыхъ двухъ ханствахъ, гдѣ еще надобно было привести дѣла въ порядокъ, и сверхъ того, поѣздки его въ Аварію сопряжены съ большими издержками, въ вознагражденіе которыхъ онъ не получалъ никакого содержанія отъ казны по званію правителя. Отказываясь отъ Аваріи, онъ указалъ на полковника Ахмедъ-хана мехтулинскаго, какъ на человѣка, который можетъ съ большою пользою для русскихъ исполнить обязанности правителя этого ханства и которому онъ обѣщалъ оказывать полное содѣйствіе и посылать на помощь, въ случаѣ надобности, казикумыкцевъ.

Реутъ назначилъ временно правителемъ Аваріи Ахмедъ-хана, который въ скоромъ времени и былъ утвержденъ въ этомъ званіи.

Назначеніе новаго правителя было согласно съ происками Ахмедъ-хана и съ желаніемъ аварцевъ. Отправляясь въ Хунзахъ, онъ долженъ былъ взять съ собою и часть мехтулинцевъ, но какъ содержаніе ихъ стоило бы весьма дорого ему или аварцамъ, то генералъ Реутъ выдалъ ему единовременно 1 т. руб. сер. собственно на содержаніе мехтулинскихъ милиціонеровъ. Представляя объ этой выдачѣ денегъ корпусному командиру, Реутъ просилъ назначить Ахмедъ-хану, какъ правителю Аваріи, постоянное содержаніе, которое онъ въ послѣдствіи и получалъ до 2 т. руб. сер. ежегодно.

Отправивъ Ахмедъ-хана въ Аварію, Реутъ остался еще на нѣсколько дней у аварскаго Койсу, дабы дать время новому правителю принять мѣры къ защитѣ Аваріи и удержать своимъ присутствіемъ Шамиля отъ покушеній на это ханство, а потомъ, разработавъ дорогу отъ Гергебиля до Огловъ, возвратился, въ половинѣ октября 1836 г., въ Шуру, откуда тотчасъ же отправилъ на линію два баталіона Кюринскаго полка. Отступленіе отряда было произведено по двумъ направ-

леніямъ: два Апшеронскихъ баталіона возвратились прежнею дорогою, а одинъ Апшеронскій и два Куринскихъ, подъ начальствомъ ген.-м. Клугенау, двинулись отъ Чалдовъ по лѣвому берегу аварскаго Койсу въ Ирганай для осмотра ущелья и угроженія койсубулинцамъ. Дорога по лѣвому берегу аварскаго Койсу была и теперь удобна къ разработкѣ, только около Могохскаго ущелья, сажень около 300, надобно прокладывать ее въ скалѣ, а потому сплошь рвать порохомъ. Колонна же въ Ирганай прошла близь самой рѣки, устроивъ около Могохскаго ущелья плотину для отвода одного быстраго и глубокаго рукава. Когда Клугенау прибылъ къ Зирянамъ, то белаканцы приглашали его зайти къ нимъ, но онъ, не довѣряя ихъ излишнему радушію, пошелъ прямо чрезъ Ирганай и койсубулинскій хребетъ въ Шуру. Приближаясь уже къ Шурѣ, Клугенау получилъ свѣдѣніе, что белаканцы съ умысломъ его приглашали, дабы уничтожить отрядъ или нанести ему совершенное пораженіе, ибо чрезъ нѣсколько часовъ по уходѣ его изъ Ирганая Шамиль занялъ съ 1 т. партіею это селеніе, которое находится на единственномъ сообщеніи Белананъ съ Шурою.

По возвращеніи изъ Гоцатля въ Ашильту, Шамиль тотчасъ писалъ къ полковнику Ахмедъ-хану и поручику Мухаммедъ-мирзѣ. Этимъ письмомъ онъ увѣдомлялъ ихъ, что готовъ отпустить взятыхъ имъ въ плѣнъ аварцевъ и даже выдать ханамъ аманатовъ, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы и они выдали ему аманатовъ, находились бы съ нимъ въ мирныхъ сношеніяхъ, и чтобы русскіе возвратились въ Шуру и не переходили бы на лѣвый берегъ аварскаго Койсу; въ противномъ случаѣ Шамиль говоритъ, „что всѣмъ находящимся у него плѣнимымъ аварцамъ отсѣку головы, и тогда окажется, кто сильнѣе“. Далѣе онъ присовокупляетъ, что если съ нимъ помирятся, то онъ останется въ покоѣ, а если противъ него будутъ дѣйствовать непріязненно, то и онъ будетъ поступать также, слѣдуя словамъ Алкорана: „дѣлающимъ добро, платить добромъ; а за зло и вражду платить зломъ вдвойнѣ“.

Въ скоромъ времени по пріѣздѣ Ахмедъ-хана въ Хунзахъ, гоголальцы и кіялальцы, встревоженные распрями Шамиля съ русскими и правителемъ Аваріи, прибыли въ сел. Орота и Харачи въ числѣ 3,000 чел., куда также пріѣхалъ Шамиль. Цѣль этого сбора состояла въ томъ, что общества, лежащія по андійскому Койсу, опасаясь, чтобы упомянутыя распри не дали русскимъ возможности овладѣть всѣми горами, желали примирить Ахмедъ-хана съ Шамилемъ. Послѣдній условіями мира полагалъ: принятіе аварцами шаріата и выдачу ему аманатовъ, которыхъ онъ пошлетъ въ Андію, своихъ же аманатовъ оставитъ въ Гоголалѣ. Ахмедъ-ханъ отвѣчалъ Шамилю, чтобы онъ

не вмѣшивался въ управленіе Аваріею, бросилъ бы свой шаріатъ, сидѣлъ бы дома и не собиралъ партій, тогда непріязненныя дѣйствія прекратятся и спокойствіе само собою водворится въ Дагестанѣ. Шамиль, разумѣется, не согласился на эти условія и собравшаяся партія разошлась, а самъ онъ отправился въ Ашильту.

Послѣ этого онъ писалъ къ Клугенау, что до сихъ поръ считаетъ себя покорнымъ нашему правительству и что безпокоившіе его койсубулинцы и аварцы раскаиваются теперь въ своихъ поступкахъ, которые вынудили его защищаться или защищать мюридовъ, а не овладѣть деревнями. При этомъ онъ присовокупилъ, „что русскимъ нѣтъ никакой надобности тревожиться и производить движеніе на лѣвую сторону аварскаго Койсу, ибо чѣмъ болѣе у него (какъ у покорнаго русскимъ) покорныхъ, тѣмъ болѣе покорныхъ у государя, и тѣмъ менѣе русскіе будутъ подвергаться грабежамъ и разбоямъ со стороны горцевъ“. Это письмо, равно какъ и писанное къ ханамъ, ясно доказываетъ, что Шамиль считалъ себя уже владѣтельнымъ лицомъ и владѣнія свои ограничивалъ лѣвымъ берегомъ аварскаго Койсу.

До ноября 1836 г. Шамиль не предпринималъ наступательныхъ дѣйствій. 9-го же ноября онъ напалъ ночью на сел. Бупру для отмщенія жителямъ за признаніе Ахмедъ-хана правителемъ и выдачу ему аманатовъ, причемъ онъ убилъ 5 чел. Нападеніе на Бупру было послѣднимъ дѣйствіемъ Шамиля въ 1836 году; хотя онъ до весны 1837 г. постоянно оставался въ Ашильтѣ, но число его приверженцевъ постоянно возрастало.

Въ концѣ 1836 г. тиндальцы уже совершенно признали надъ собою власть Шамиля, но вмѣсто аманатовъ выдали ему лучшее свое оружіе.

Жители общества каратинскаго тоже ему подчинились, по слѣдующей причинѣ. Кадій сел. Караты, бывъ расположенъ къ Ахмедъ-хану, желалъ, чтобы и все общество поступило подъ его покровительство, и для этого, посовѣтовавшись только съ своими приближенными, отправился въ Хунзахъ, гдѣ объявилъ Ахмедъ-хану, что каратинцы готовы ему повиноваться и въ залогъ ихъ преданности представилъ ему двухъ аманатовъ. Каратинцы, узнавъ объ этомъ, сочли поступокъ своего кадія измѣною и просили андійцевъ прійти къ нимъ на помощь. Андійцы, подойдя скрытно къ селенію, были туда впущены жителями. Пробывъ тамъ одинъ день и взявъ 10 чел. аманатовъ, они возвратились домой.

Ахмедъ-ханъ, получивъ свѣдѣніе о принятіи шаріата каратинцами, собралъ 700 чел., съ которыми отправился въ Матерухъ и Итурдахъ для развѣдыванія о происшедшемъ; но узнавъ, что каратинцы приго-

товились къ защитѣ и просили на помощь андійцевъ, отступилъ къ Хунзаху.

Шамиль, не смотря на увеличивающееся число своихъ приверженцевъ, все еще опасался хановъ, чему служитъ доказательствомъ слѣдующее обстоятельство: 15 казикумыкскихъ жителей, отправившіеся по торговлѣ въ Андію, проходя чрезъ Гумбетъ, были ограблены. Шамиль, узнавъ объ этомъ, тотчасъ же приказалъ имъ возвратить всѣ вещи.

Кромѣ того, имѣя въ своихъ рукахъ 32 плѣнныхъ аварца, онъ, опасаясь раздражить Ахмедъ-хана, не рѣшался ихъ казнить.

Унцукульцы, старшины которыхъ явились съ изъявленіемъ покорности къ генералу Реуту во время движенія его къ Ирганаю, въ продолженіе ноября и декабря мѣсяцевъ, производили частые набѣги на шамхальскія владѣнія малыми партіями; они взяли въ плѣнъ двухъ апшеронскихъ солдатъ около Агачъ-Кале, напали на 11 арбъ Муселимъ-аульскихъ жителей, угнавъ всѣхъ быковъ, и отбили 600 барановъ у кумтеръ-калинцевъ. Кромѣ того, унцукульцы старались возмутить покорныя намъ койсубулинскія деревни, лежащія на правомъ берегу аварскаго Койсу; а чтобы быть менѣе связанными въ своихъ возмутительныхъ дѣйствіяхъ, они потребовали отъ русскихъ возврата ихъ аманатовъ, находившихся въ крѣпости Бурной.

Въ декабрѣ 1836 г. Клугенау имѣлъ намѣреніе скрытно пройти въ Ашильту, разорить это селеніе и схватить самаго Шамиля. Всѣ распоряженія сдѣланы были къ успѣшному исполненію предпріятія; отрядъ былъ собранъ, частнымъ начальникамъ указаны пункты атаки и объяснены дѣйствія, и на всѣхъ спускахъ и тропинкахъ Койсубулинскаго хребта были разставлены жительскіе пикеты, которые могли пропускать всѣхъ въ шамхальскія владѣнія, но никого не выпускать. Къ несчастію, приготовленія эти были открыты Шамилю, никогда не ожидавшему и не вѣрившему, чтобы русскіе осмѣлились зимою спуститься съ Койсубулинскаго хребта, однимъ чиркатскимъ жителемъ, который, находясь въ Каранаѣ, не былъ заарестованъ старшиною Юсуфъ-бекомъ и свободно пробрался на лѣвый берегъ аварскаго Койсу. Оплошность Юсуфъ-бека была велика, кто можетъ сказать, какія послѣдствія имѣло бы удачное нападеніе на Ашильту. И такъ, Шамиль остался невредимымъ въ концѣ 1836 года, и ему повиновались почти всѣ койсубулинскія деревни, Гумбетъ, Андія, кіалальское и каратинское общества, тиндальцы, джамалальцы, гидатлинцы, гохрахцы и карахцы.

Исидоръ Гришегоржевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВОСТОЧНАЯ ВОЙНА.

Письма кн. И. Ѳ. Паскевича къ кн. М. Д. Горчакову.

1853—1855.

Въ „Русской Старинѣ“ 1875 года было помѣщено много драгоцѣнныхъ матеріаловъ, относящихся до восточной войны, а именно: Письма князя А. С. Меншикова къ князю М. Д. Горчакову (1853—1854 гг.) и Замѣтки о событіяхъ 1853—1854 гг. (по поводу статьи: „Фельдмаршалъ Паскевичъ въ крымскую войну“). Представляемыя теперь читателямъ нашимъ письма князя Варшавскаго къ князю М. Д. Горчакову являются не менѣе важнымъ матеріаломъ для столь мало разработанной еще исторіи восточной войны вообще и дунайской кампаніи въ особенности, послужившей прологомъ кровавой севастопольской драмѣ.

Относительно печатаемыхъ нами нынѣ матеріаловъ нужно вообще замѣтить, что письма и записки князя Варшавскаго, относящіяся къ 1853 году, рѣзко отличаются отъ послѣдующихъ затѣмъ произведеній пера свѣтлѣйшаго. Въ перепискѣ 1853 года можно еще узнать героя кампаній персидской, турецкой и польской, который велъ полки наши съ побѣды на побѣду, и можно еще иногда увлекаться ясностью взгляда его на военныя событія того времени. Но съ назначеніемъ, въ 1854 году, фельдмаршала Паскевича главнокомандующимъ, полководецъ, столь вѣрно оцѣнивавшій прежде дѣла на востокѣ (о чемъ свидѣтельствуютъ всеподданнѣйшія записки князя Варшавскаго о войнѣ съ Турціею), вдругъ уступаетъ мѣсто нерѣшительному, боязливому старцу, опасающемуся утратить лавры, упроченные за нимъ прежними побѣдами; съ этой роковой минуты онъ

мечтаетъ только о скорѣйшемъ отступленіи нашей арміи за Дунай, затѣмъ за Серетъ и даже за Прутъ. При подобномъ взглядѣ на дѣла, когда ближайшимъ исполнителемъ предначертаній фельдмаршала былъ къ тому еще князь Горчаковъ, не имѣвшій, по собственному признанію, „никакой вѣры въ личное свое мнѣніе", нельзя было ожидать успѣха на войнѣ, въ которой обстоятельства требовали не упускать драгоцѣннаго времени и дѣйствовать быстро и рѣшительно. Только этимъ путемъ можно было надѣяться повліять на ходъ дипломатическихъ переговоровъ и вывести Россію изъ того затруднительнаго положенія, въ которое ее поставила, въ 1854 году, враждебная намъ политика западныхъ державъ. Фельдмаршалъ Паскевичъ избралъ другой путь, безусловно подчинивъ военныя дѣйствія дипломатическимъ переговорамъ и связаннымъ съ ними соображеніямъ. Измѣнчивый характеръ этихъ переговоровъ, обусловленный политикой имперіи, поставившей себѣ нѣкогда цѣлью удивить свѣтъ своею неблагодарностью, породилъ собою невозможный способъ военныхъ дѣйствій: главнокомандующій медленно подавался впередъ, думая только о неизбѣжности скораго отступленія въ собственные предѣлы и нетерпѣливо выжидая для этого достаточнаго внѣшняго предлога.

Въ послѣдній періодъ жизни князя Варшавскаго, начиная съ февраля мѣсяца 1854 года, его уже не покидаетъ болѣе призракъ Австріи, вторгающейся въ наши предѣлы. Опасность, грозившая намъ отъ этого призрака, вызываемаго имъ безъ достаточнаго основанія, на столько господствовала въ умѣ полководца, что препятствовала ему вѣрно оцѣнить дѣйствительную опасность, которая грозила намъ отъ высадки на крымскомъ полуостровѣ. Изъ печатаемой теперь переписки читателямъ будетъ вполнѣ ясно, до какой степени князь Варшавскій ошибочно оцѣнивалъ обстоятельства въ эпоху восточной войны. Князь Горчаковъ обнаружилъ въ этомъ случаѣ несравненно болѣе вѣрный военный взглядъ: что-бы стало съ Севастополемъ, если-бы князь Горчаковъ, во время нахожденія въ Крыму князя Меншикова, не усиливалъ бы его арміи своевременно войсками и всѣми военными потребностями, равно какъ и необходимыми по разнымъ частямъ дѣятелями, не щадя себя и глядя только на пользу отечества! Между тѣмъ фельдмаршалъ Паскевичъ, чуть-ли не за каждый баталіонъ, посылаемый княземъ Горчаковымъ въ Крымъ, начиналъ съ нимъ воевать и спорить, неизмѣнно ставя въ укоръ Михаилу Дмитріевичу то, что онъ придаетъ „гораздо болѣе цѣны опасности въ Крыму, нежели опасности, несравненно важнѣйшей, угрожающей намъ со стороны Австріи".

Помѣщаемая нынѣ переписка начинается 29-го іюня 1853 г., т. е. со времени начала занятія русскими войсками придунайскихъ

княжествъ, и оканчивается письмомъ отъ 14-го октября 1855 года; въ послѣднемъ письмѣ фельдмаршалъ жалуется уже на сильное болѣзненное состояніе, лишившее его сна въ продолженіе четырехъ недѣль. Замѣтимъ здѣсь, что съ половины ноября князь Варшавскій пересталъ заниматься дѣлами по случаю болѣзни, которая свела его въ могилу 20-го января 1856 года.

Еще одно слово. Представляемыя „Русской Стариной" письма фельдмаршала Паскевича составляютъ матеріалъ исключительно историческій: въ нихъ ни одной строки не относится до его частныхъ дѣлъ или такихъ подробностей, для которыхъ двадцатилѣтія, прошедшаго послѣ его смерти, недостаточно для ихъ напечатанія. Это матеріалъ до того важенъ, что историкъ восточной войны 1853—1855 гг. не можетъ безъ него ни представить вполнѣ вѣрнаго изложенія событій, ни выяснить причинъ, ихъ вызвавшихъ.

Точный списокъ съ этихъ матеріаловъ весьма обязательно сообщенъ намъ А. А. Баранцевымъ, который въ свою очередь получилъ ихъ отъ одного изъ лицъ, служившихъ при покойномъ намѣстникѣ Царства Польскаго, и который снялъ копію съ подлинниковъ, съ разрѣшенія князя М. Д. Горчакова. Князь Михаилъ Дмитріевичъ цѣнилъ и понималъ значеніе историческихъ матеріаловъ, и опасаясь, чтобы подлинники писемъ кн. Паскевича, подвергшись случайной утратѣ, не пропали бы для исторіи, предоставилъ одному изъ бывшихъ при немъ лицъ снять съ нихъ точный списокъ. Этотъ списокъ предъ читателями „Русской Старины".

Ред.

29-го іюня 1853 г.—Варшава.

Благодарю васъ, любезный князь Михаилъ Дмитріевичъ, за ваши письма; они доставили мнѣ много сердечнаго удовольствія. Вы такъ откровенно и такъ благородно пишете все то, что у васъ лежитъ на сердцѣ, что невольно читаешь ихъ нѣсколько разъ сряду.

Спѣшу отправить къ вамъ генерала Сержпутовскаго [1]), который

---

[1]) Ген.-лейтенантъ Сержпутовскій занималъ въ дунайской арміи должность начальника артиллеріи.

Ушаковъ въ «Запискахъ очевидца», характеризируя лицъ главной квартиры князя Горчакова, отзывается о немъ слѣдующимъ образомъ: «Сержпутовскій, достойный всякаго уваженія, по своимъ лѣтамъ и долговременной службѣ, опытный, храбрый и еще сохранившій бодрость молодости». Ред.

ѣдетъ сегодня. Я увѣренъ, что онъ вамъ будетъ полезенъ, какъ весьма храбрый и опытный офицеръ. Впрочемъ, вы его хорошо знаете и имѣли случай видѣть въ дѣлѣ во время венгерской войны.

Я буду подробно отвѣчать на ваши письма черезъ нѣсколько дней; теперь скажу только, что вы знаете мои общія мысли о сей войнѣ. Если бы пришлось встрѣтиться съ турками, то, по-моему, надо ихъ оттонять, а не задирать, между тѣмъ жить по возможности на счетъ княжествъ и приготовляться къ будущей переправѣ въ Гирсовѣ, смотря по обстоятельствамъ. Главное въ войнахъ Турціи состоитъ въ томъ, чтобы, кромѣ продовольствія, которое нужно для войскъ до Балканъ, имѣть запасъ неприкосновенный, который начать только тогда, когда войска перейдутъ Балканы. Объ этомъ у меня есть мысль, которую я вамъ сообщу вслѣдъ за симъ подробнѣе.

По послѣднимъ извѣстіямъ, однако, кажется, можно надѣяться, что войны не будетъ. Доказательствомъ можетъ служить то, что когда получено въ Парижѣ извѣстіе о вступленіи нашихъ войскъ въ княжества [1]), то фонды поднялись на биржѣ на два процента. Въ высшихъ кругахъ въ Парижѣ и Лондонѣ никто не вѣритъ и не говоритъ о войнѣ, толкуютъ только о томъ, сколько времени наши войска простоятъ въ княжествахъ до обратнаго возвращенія въ Россію. Открытъ новый заговоръ на жизнь Лудвига Наполеона; покушеніе должно было быть въ театрѣ, гдѣ и арестовано 12 человѣкъ.

Прощайте, любезный князь Михаилъ Дмитріевичъ, мнѣ остается только пожелать вамъ, въ замѣнъ вашего ко мнѣ расположенія, счастія и здоровья. Примите увѣреніе въ чувствахъ искренняго моего уваженія и дружбы. „Князь Варшавскій".

P. S. [2]) Мои мнѣнія на счетъ подвоза для продовольствія войскъ я напишу государю императору. Словомъ, я думаю, что во время осени и зимы купить въ Одессѣ 100 т. четвертей и перевезть зимою въ Килію или Измаилъ; если вы будете такъ стѣснены непріятельскими флотами, что не можете далѣе возить, то вы водою привезете до мѣста, гдѣ у васъ будетъ мостъ,—положимъ Гирсово,—оттуда и сухимъ путемъ до Варны только 100 верстъ, слѣдственно, не такъ тяжело. А тамъ, сложивши, вы не такъ далеко будете отъ Бургаса по береговой дорогѣ; но гора не такъ велика; впрочемъ, я вамъ обстоятельнѣе напишу. Я еще не говорилъ съ княгинею на счетъ Москвы, но завтра увижусь. П.

---

[1]) Войска, подчиненныя князю Горчакову (4-й и 5-й пѣх. корп.), начали переходить Прутъ съ 21-го іюня (3-го іюля) 1853 года.

[2]) Собственноручная приписка князя Варшавскаго. Ред.

6-го іюля 1853 г.—Варшава.

Любезный князь Михаилъ Дмитріевичъ. Въ письмѣ отъ 29-го іюня я сказалъ, что буду отвѣчать вамъ подробно на письмо отъ 20-го іюня.

Вамъ извѣстны нѣкоторыя мысли мои на случай войны въ Турціи: я давалъ вамъ читать записки, въ которыхъ онѣ изложены. Обращаясь постоянно къ той мысли, что успѣхъ дѣйствія арміи наиболѣе зависитъ отъ снабженія ея продовольствіемъ въ такой мѣрѣ, чтобы она не имѣла недостатка, я писалъ государю императору, въ послѣдствіе личныхъ объясненій моихъ съ его величествомъ, что, по моему мнѣнію, слѣдовало бы теперь же заготовить запасы провіанта и зернового фуража въ Одессѣ, какъ основаніе будущаго продовольствія арміи. На этотъ предметъ купить отъ 100 до 120 т. четвертей ржаной или даже пшеничной муки, а въ случаѣ невозможности имѣть всего въ мукѣ, хотя зерномъ, и до 30 тысячъ четвертей овса и ячменя. Ежели бы началась рѣшительная война и море оставалось за нами, въ такомъ случаѣ Одесса снабжала бы войска продовольствіемъ на отдаленныхъ береговыхъ пунктахъ, гдѣ находилась бы армія и куда было бы трудно доставлять его средствами обыкновенными; но ежели бы Черное море было для насъ закрыто, въ такомъ случаѣ—выжидать времени, когда флоты держаться въ немъ не могутъ, каботажныя же суда ходить будутъ въ состояніи, и тогда перевезти всѣ эти запасы въ Килію, а при недостаткѣ тамъ помѣщеній—въ Измаилъ, и этимъ средствомъ сблизить ихъ къ театру войны.

Если бы и не дошло до войны и запасы эти намъ не понадобились, потери отъ покупки ихъ или совсѣмъ не будетъ, или очень малыя, такъ какъ, при остановкѣ отпуска хлѣба за границу, цѣны на оный не должны быть высоки; между тѣмъ покупка этихъ запасовъ послужитъ въ пользу самаго края, предоставивъ ему средства сбыть ихъ.

Копію всеподданнѣйшей записки моей по этому предмету для свѣдѣнія вашего прилагаю.

Не должно, однако, расчитывать на одни эти запасы. Во всѣхъ предположеніяхъ занятія княжествъ,—безъ сопротивленія-ли со стороны турокъ, или съ сопротивленіемъ,—надобно извлечь продовольствіе изъ самыхъ княжествъ, потому: во 1-хъ, что расчитывать на дальніе подвозы гужомъ изъ нашихъ губерній весьма трудно; а во 2-хъ, что, держа войска свои хотя и въ массахъ, но на пространствѣ отъ Измаила до Виддина, край этотъ, будучи богатъ и хлѣбомъ и скотомъ, можетъ дать то и другое съ избыткомъ.

Если вамъ позволятъ занять княжества безспорно и не будутъ сначала васъ тревожить, то надобно: во 1-хъ, такъ размѣстить войска,

чтобы они могли продовольствоваться въ своихъ участкахъ, не оголожая очень края, и чтобы не были разбросаны; во 2-хъ, не довольствоваться лишь хлѣбомъ насущнымъ, но употребить все удобное время для составленія сколь можно значительнѣйшихъ запасныхъ магазиновъ въ нѣсколькихъ пунктахъ надъ Дунаемъ—преимущественно въ Гирсовѣ,—укрѣпивъ эти пункты отъ внезапныхъ нападеній. Доставленіе въ придунайскіе магазины продовольственныхъ припасовъ устроить не изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ будутъ войска расположены, но изъ болѣе отдаленныхъ округовъ. Разумѣется, кромѣ этихъ магазиновъ будущаго существованія арміи, должны быть и другіе, меньшіе, въ самомъ расположеніи войскъ и въ тылу, какъ нужные для внутренняго свободнаго движенія ихъ и для приходящихъ подкрѣпленій.

Такимъ образомъ, въ продолженіе остатка лѣта, осенью и зимою, должно прокормиться и составить сколь можно бо́льшіе запасы, стягивая оные и изъ Малой Валахіи, буде возможно, не занимая ея, дабы не очень растянуть войска, и, имѣя значительную армію, не быть вездѣ слабымъ. Въ перевозочныхъ средствахъ, при обиліи въ княжествахъ рогатаго скота и лошадей, недостатка не должно встрѣтиться.

Ежели армія встрѣтитъ въ княжествахъ сопротивленіе и ей нужно будетъ драться, тогда труднѣе будетъ продовольствоваться отъ края; ибо одни занятыя мѣста, можетъ быть, не въ состояніи будутъ доставить всего нужнаго, а магазиновъ составить еще не успѣете. Здѣсь нужно будетъ производить дѣятельную подвозку всего изъ мѣстъ въ тылу арміи и въ то же время все-таки стараться стягивать запасы въ магазины для будущаго продовольствія.

Способъ пріобрѣтенія продовольствія уже указанъ и въ воззваніи вашемъ, и въ изданныхъ вами правилахъ поставки отъ земли по установленнымъ цѣнамъ, съ уплатою въ свое время. Но чѣмъ болѣе будете платить наличными деньгами, тѣмъ дѣло пойдетъ легче.

Въ предположеніи повелѣнія арміи наступать и для того перейти Дунай представляются разсмотрѣнію: путь ея движенія, охраненіе сообщеній и опять продовольствіе. За Дунаемъ до Балканъ, кромѣ зеленаго корма для лошадей и воловъ, ни на какія средства края расчитывать нельзя, ибо, по примѣрамъ всѣхъ прежнихъ войнъ, турки угонятъ жителей изъ всей Булгаріи. Лучшимъ пунктомъ для переправы я почитаю Гирсово: онъ довольно далеко входитъ въ Булгарію и близокъ къ морю. При основаніи въ немъ главнѣйшаго магазина, онъ будетъ укрѣпленъ, и потому предмѣстное укрѣпленіе съ лѣвой стороны Дуная будетъ у васъ уже готово. Отъ Гирсова до Кистенджи около 60-ти верстъ; Кистенджу взять необходимо, какъ первый этапъ

и пунктъ для магазиновъ; въ 1828 г. крѣпостца эта взята въ 3 дня. Отъ Гирсова до Варны съ небольшимъ 100 верстъ; на дорогѣ можно избрать одинъ изъ малыхъ прибрежныхъ портовъ, какъ этапъ и магазинъ, и укрѣпить его.

Движеніе къ Варнѣ должно быть по возможности быстрое, съ осадною артиллеріею, дабы не ждать ея, и съ большимъ количествомъ снарядовъ и прочихъ артиллерійскихъ запасовъ. Вы, какъ артиллеристъ, знаете всю важность этого. По приходѣ, необходимо на другой же день открыть траншеи, а на 3-й или 4-й день начать стрѣльбу. Я знаю по опыту, что ничто такъ не страшитъ непріятеля, какъ скорое открытіе работъ и безостановочное движеніе впередъ по правиламъ инженернаго искусства.

Для охраненія тыла и сообщеній, нужно будетъ оставить гарнизонъ въ Гирсовѣ и наблюдательные отряды: одинъ—довольно сильный—въ Валахіи, не вдалекѣ отъ Дуная, для наблюденія за гарнизонами Силистріи и Рущука. Ежели бы онъ замѣтилъ обоюдное движеніе ихъ для нападенія на него общими силами, въ такомъ случаѣ ему должно будетъ идти на встрѣчу ближайшему, и, разбивъ его, подобно тому, какъ сдѣлалъ Милорадовичъ въ 1807 году подъ Обилештами, броситься на другаго. Другой отрядъ для охраненія дороги отъ Гирсова до Кистенджи; третій—у Базарджика. Подходя къ Варнѣ, отдѣлить небольшой, но довольно сильный отрядъ къ Козлуджи, съ главными же силами начать осаду Варны самымъ дѣятельнымъ образомъ. Если бы васъ встрѣтила гдѣ-либо турецкая армія,—стараться съ нею сразиться, и если удастся ее разбить, то воспользоваться успѣхомъ; если же она уйдетъ отъ васъ—не слѣдовать за нею до Шумлы, но постоянно имѣть цѣлью Варну. Ежели бы турки захотѣли помѣшать осадѣ, по примѣру, какъ сдѣлалъ въ 1828 году Омеръ-Вріоне, то для сего надобно броситься на нихъ прежде нежели они успѣютъ окопаться, и, разбивъ ихъ, опять возвратиться къ Варнѣ. На подобные случаи, при осадѣ Варны, нужно будетъ укрѣпиться такимъ образомъ, чтобы, оставивъ при ней равносильную гарнизону часть, или даже меньшую, держать его въ повиновеніи, какъ дѣлалъ Наполеонъ при осадѣ Мантуи и мнѣ удалось въ Аббасъ-Абадѣ. Если бы встрѣтилась надобность бросить временно осаду, то, оставивъ работы и перевезя осадную артиллерію въ Каварну, все-таки идти на непріятеля, стараться его разбить и опять возвратиться къ осадѣ Варны.

Говорятъ, будто Праводы укрѣплены, но это пунктъ не первой важности и не стратегическій.

Ежели въ это время море будетъ для насъ открыто, затрудненія

въ продовольствіи быть не можетъ, ибо изъ береговыхъ пунктовъ войска, даже на своихъ лошадяхъ, неперевезутъ для себя провіантъ. Если же море будетъ закрыто, то всѣ хлѣбные запасы для текущаго продовольствія и запасъ, который долженъ придти водою изъ Одессы до Гирсова, должны нагружаться въ Гирсовѣ на повозки подвижнаго магазина, собранныя въ княжествахъ. Сухопутные транспорты должны складывать припасы въ одномъ изъ приморскихъ пунктовъ: Кистенджи, Мангаліи или Каварнѣ, для того, что перевозя по одной дорогѣ, вы ее совершенно оголодите и лишитесь воловъ, какъ въ 1828 году, а перевозя по тремъ дорогамъ, вы сохраните и воловъ и лошадей елико возможно. Взявъ Варну и тогда уже нагрузивъ всѣ повозки полковыя, и сколь можно болѣе подвижнаго магазина и нанятыхъ повозокъ, идти далѣе тѣмъ же порядкомъ.

Перейдя Балканы, вѣроятно, найдется населеніе и пособіе въ продовольствіи въ самомъ краю.

Впрочемъ, каботажныя суда и при закрытіи моря могутъ быть полезны. Если будутъ посылать ихъ малыми транспортами отъ одного изъ поименованныхъ пунктовъ до другаго, напримѣръ, отъ Килiи до Кистенджи, отъ Кистенджи до Мангаліи и. т. п., то хотя нѣкоторыя и пропадутъ или будутъ взяты, но многія изъ нихъ, на столь короткихъ разстояніяхъ, дойдутъ по назначенію и привезутъ хлѣба.

Вы пишете, что отказали дать изъ резерва людей для дунайской флотиліи. Расчитывая, что судовъ есть 50, что нужно добавить для прислуги на нихъ по 20 чел., потребуется до 1,000 чел. Я не думаю, чтобы число это много ослабило резервы, флотилія же нужна: если изъ Силистріи выйдетъ флотилія турецкая, а у васъ своей не будетъ, то она испортитъ вамъ мостъ; а при томъ флотилія необходима и при переправѣ.

Что касается того, что турки къ веснѣ укрѣпятъ свои крѣпости и усилятся войсками, то, конечно, укрѣпленія къ веснѣ они нѣсколько поправятъ, но едва-ли будутъ сильнѣе: турецкая армія все еще не вышла изъ младенчества; регулярныхъ войскъ у нихъ тысячъ до 60-ти, прочее—милиція; ни тѣхъ, ни другихъ къ веснѣ не прибавится, и ни войска, ни милиція не сдѣлаются лучшими, тѣмъ болѣе послѣдняя, которая съ осени расходится въ дома и къ веснѣ только вновь собирается.

Если же турки теперь погорячатся, перейдутъ въ силахъ Дунай и вы разобьете ихъ армію, тогда должно будетъ этимъ воспользоваться и война можетъ кончиться скорѣе, чѣмъ предполагалось.

Данныя вами правила на счетъ доставки продовольствія въ княжествахъ и на счетъ другихъ земскихъ повинностей я нахожу преду-

смотрительными; нужно только, чтобы наши, съ своей стороны, ихъ исполняли.

Прошу васъ, любезный князь, сообщать мнѣ и впредь свѣдѣнія о вашихъ дѣлахъ. Мнѣ желательно бы было знать о духѣ жителей въ княжествахъ и что̀ слышно о жителяхъ задунайскихъ; что̀ сдѣлано съ войсками молдаванскими и валахскими и какія вы имѣете на счетъ ихъ намѣренія: изъ нихъ можно бы извлечь пользу для усиленія себя.

3-й корпусъ велѣно было приготовлять такимъ же образомъ, какъ 4-й, но въ одно̀й изъ бумагъ военнаго министра сказано, чтобы снабженіемъ этого корпуса телѣгами для палатокъ повременить, такъ какъ еще неизвѣстно, потребуется-ли онъ на югъ, или нѣтъ. Вотъ вашему сіятельству, что̀ я знаю и искренно, и дружески вамъ передаю. Прощайте; вѣрьте моей искренней дружбѣ. „Князь Варшавскій“.

Всеподданнѣйшая записка ген.-фельдмаршала кн. Варшавскаго.

Отъ 2-го (14) іюля 1853 г.

Занятіе княжествъ нашими войсками есть уже во всякомъ случаѣ удовлетвореніе за неисполненіе Турціею своихъ обязательствъ; но если бы турки упорствовали и сами бы насъ атаковали, тогда заставили бы насъ вести войну.

Для вѣрнаго достиженія цѣли сей войны, необходимо выиграть время, что̀ можетъ быть полезно въ двухъ отношеніяхъ:

1) Нынѣ державы Европы, если не всѣ, то, по крайней мѣрѣ, многія, противъ насъ, а другія — не за насъ. Невѣроятно, однако, чтобы хотя къ будущему году не встрѣтилось какихъ-либо причинъ къ несогласію между европейскими державами, что̀ должно обратиться въ нашу пользу.

2) Между тѣмъ мы можемъ приготовиться и избѣжать тѣхъ непредвидѣнныхъ препятствій, которыя, какъ исторія всѣхъ нашихъ войнъ въ Турціи показываетъ, всегда замедляли наши успѣхи или были причиною нашихъ потерь, такъ что, когда мы имѣли поверхность, то бо́льшею частію по слабости и оплошности самихъ турокъ [1]).

Занявъ княжества, мы не начинаемъ войны. Посему нѣтъ необходимости переходить теперь же Дунай или начинать самимъ военныя дѣйствія. Если же турки перешли бы на лѣвый берегъ, то, безъ сомнѣнія, ихъ слѣдуетъ отбросить, но и тогда еще подумать, идти-ли

[1]) Не говоря о прежнихъ войнахъ, миръ 1811 г. служитъ тому доказательствомъ. Кн. П.

впередъ, или остановиться: ибо едва-ли мы будемъ готовы для перехода за Балканы. Разумѣется, если бы удалось разбить и разогнать ихъ армію, такъ чтобы все пространство передъ нами очистилось, тогда, конечно,—пользоваться обстоятельствами и идти впередъ. Но это можетъ быть почитаемо только счастливымъ случаемъ, который упускать не должно, но на который расчитывать не слѣдуетъ, тѣмъ болѣе, что есть средство къ успѣху вѣрнѣе.

Въ Одессѣ всегда есть запасы всякаго рода хлѣба, приготовленнаго за границу. Въ нынѣшнемъ году, безъ сомнѣнія, отпускъ его пріостановится, слѣдственно, цѣны понизятся. Легко закупить тамъ до 100 т. четвертей ржи или пшеницы, въ мукѣ или зернѣ, и до 30-ти т. четвертей овса или ячменя; также крупъ, водки, соли и проч. Это составитъ запасный провіантскій магазинъ для употребленія по переходѣ за Балканы. Вмѣстѣ съ тѣмъ должно имѣть запасъ и военныхъ снарядовъ, полагая на каждое полевое орудіе по 500, а на осадное—до 800 выстрѣловъ. Само собою разумѣется, что если бы потребовалось, то, для продовольствія въ княжествахъ и до Балканъ, ничто не препятствовало бы закупить въ Одессѣ и бо́льшее количество продовольствія.

Приготовивъ запасный магазинъ, имѣть возможно бо́льшее число каботажныхъ судовъ и транспортовъ, которые бы могли ходить вдоль береговъ.

Къ перевозкѣ сей должна быть употреблена также и дунайская наша флотилія, которая, вѣроятно, къ тому уже приготовлена.

Закупка въ Одессѣ хлѣба не можетъ обойтись дорого по случаю необходимаго пониженія цѣнъ; да и во всякомъ случаѣ, если бы даже хлѣбъ намъ и не понадобился, то, съ возобновленіемъ торговли и требованій за границу, его можно будетъ продать, не говорю съ барышомъ, но, по крайней мѣрѣ, безъ убытка или съ незначительнымъ ущербомъ.

Имѣя запасы, каботажныя суда, транспорты, магазейнъ должно будетъ перевезти сначала въ Килію, а если тамъ не будетъ мѣста для складки (а не магазейновъ, ибо достаточно однѣхъ подмостковъ съ рогожными покрышками), то въ Измаилъ.

По мѣрѣ движенія нашихъ войскъ, осенью-ли нынѣшняго или весною будущаго года, магазейнъ сей перевозить моремъ далѣе: первымъ пунктомъ должна быть Кистенджи или Каварна, вторымъ—Варна, третьимъ — Бургасъ.

Перевозка не можетъ встрѣтить важныхъ препятствій, если будутъ суда, способныя къ ходу вдоль береговъ, ибо въ случаѣ, когда бы непріятельскіе флоты, войдя даже въ превосходныхъ силахъ въ Черное

море, заперли нашъ флотъ въ портахъ, то и тогда съ осени есть нѣсколько мѣсяцевъ въ году, когда корабли не могутъ держать моря и препятствовать ходу береговыхъ судовъ.

Но если бы флоты непріятельскіе и помѣшали везти магазейнъ изъ Измаила далѣе моремъ, тогда можно перевезти его Дунаемъ отъ Измаила до того мѣста, гдѣ будетъ мостъ на Дунаѣ; а оттуда до Варны 100 верстъ. По взятіи же Варны, магазейнъ можетъ быть перевезенъ уже гужомъ.

Магазинъ сей долженъ быть неприкосновеннымъ до тѣхъ поръ, пока войска не перейдутъ Балкановъ, или, по крайней мѣрѣ, до Варны.

По опыту предшествовавшихъ войнъ нашихъ въ Турціи, я почитаю запасъ сей дѣломъ первой важности, ибо всѣ наши потери и убыль въ людяхъ происходили не отъ непріятеля, но отъ недостатковъ всякаго рода въ голодномъ краѣ.

Затѣмъ, если рѣшена будетъ война, то военныя дѣйствія могутъ открыться осенью нынѣшняго года или раннею весною, ибо въ томъ климатѣ иногда конецъ января, а февраль бо́льшею частію, бываетъ уже удобенъ.

Въ зимнее время, какъ извѣстно, турецкія милиціи расходятся по домамъ и собираются не ранѣе какъ въ началѣ лѣта. Останутся одни регулярныя войска.

Военныя дѣйствія будутъ зависѣть отъ соображенія дальнѣйшихъ обстоятельствъ, но смѣю думать, что первыя наши распоряженія и приготовленія запасовъ будутъ служить основаніемъ и ручательствомъ успѣха въ послѣдствіи.

Я не вхожу въ подробности о распредѣленіи войскъ, но скажу мимоходомъ, что полезнѣе было бы не распространяться въ Малой Валахіи съ начатіемъ военныхъ дѣйствій, а занять только Бухарестъ небольшимъ гарнизономъ, съ тѣмъ, что если бы непріятель бросился въ большихъ силахъ, то отойти.

Линія наша на Дунаѣ должна быть отъ Бухареста до Гирсова.

Конечно, турки могутъ вторгнуться въ Малую Валахію и разорять христіанъ, но мы не въ состояніи защищать ихъ всѣхъ.

Въ эту ошибку мы всегда впадали, начиная отъ Миниха и Румянцева до Каменскаго. Онъ дошелъ даже до Виддина и хотѣлъ вести кампанію на Софію; ему воспрепятствовало то, что въ 1811 г. у него взяли три дивизіи.

Наша линія не должна быть слишкомъ растянута. Отъ Гирсова до Бухареста 100 верстъ, до Варны также 100 верстъ. Пространство отъ Бухареста и Гирсова на Варну, Шумлу, Рущукъ и Силистрію бу-

детъ квадратомъ нашихъ первыхъ дѣйствій. Генералъ фельдмаршалъ князь Варшавскій.

14-го іюля 1853 г.—Варшава.

Любезнѣйшій князь Михаилъ Дмитріевичъ. Посылая командиру 4-го пѣхотнаго корпуса предписаніе о доставленіи нѣкоторыхъ свѣдѣній о числительномъ состояніи корпуса при выступленіи его изъ прежнихъ квартиръ и объ оставленныхъ въ оныхъ командахъ,—свѣдѣній, которыя отъ него требовались и доселѣ еще не присланы, и безъ которыхъ я не могу дать положительнаго отвѣта военному министру для доклада государю императору,—пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы отвѣчать вашему сіятельству на письмо отъ 6-го іюля.

На записку мою, представленную государю императору съ мнѣніемъ о закупкѣ въ Одессѣ муки и овса, отвѣта еще не имѣю. Быть можетъ, теперь еще и не такъ нужно это. Политическія дѣла въ Европѣ по восточному вопросу такъ запутались, что еще нельзя утвердительно сказать будетъ-ли война. Хотя, по извѣстіямъ, народная гордость турокъ и религіозное изступленіе ихъ возбуждены, но европейскія державы колеблются допустить войну и ищутъ средствъ пригасить то, что ими же, можно сказать, подожжено. Дѣло можетъ протянуться и легко можетъ статься, что войскамъ нашимъ достанется занимать княжества нѣсколько мѣсяцевъ, даже цѣлый годъ.

Прочитавъ записки ваши, искренно благодарю за сообщеніе ихъ. Я нахожу, что всѣ распоряженія ваши очень хороши.

Вы поручили бригадѣ генерала Энгельгардта, оставленной на Серетѣ, печь сухари, потому что войска 4-го корпуса, быстро слѣдуя къ Букаресту, имѣли бы крайнюю трудность печь для себя хлѣбъ на походѣ. Я ничего не скажу противу того, что войскамъ, оставленнымъ съ особою цѣлью, вы поручили заготовленіе сухарей въ запасъ—они пригодятся, когда вы пойдете на непріятеля, но когда непріятель не передъ арміею, сухари нѣсть необходимость для войскъ: они должны умѣть печь хлѣбъ во всякихъ случаяхъ, хотя бы и быстро шли; если бы они не умѣли—ихъ надобно выучить. Когда есть мука, армія не можетъ голодать: перевозка ея одною четвертою частію тяжелѣе сухарей, но недостатокъ сухарей не долженъ останавливать движенія. Вспомните кампанію 1831 года: графъ Толль полагалъ, что армія не можетъ идти, что ей надобно остановиться, по крайней мѣрѣ, на 14 дней, дабы испечь и высушить сухари; но я въ три дни приготовилъ сухари и отъ того Варшава была наша, иначе мятежническая армія пришла бы насъ атаковать у переправы. Одно только это замѣчаніе сдѣлалъ я при чтеніи вашихъ записокъ и, по желанію вашему, передаю вамъ его.

Я писалъ государю императору, что если (необходимо заготовить) продовольствія (для) войскъ, то закупить 100 т. четвертей въ Одессѣ, перевезть, если нельзя дальше, въ Измаилъ или Килію, а послѣ, если нельзя, и моремъ. До того мѣста, гдѣ перейдете Дунай, перевезть и оттуда до Варны до 100 верстъ; этотъ магазинъ долженъ быть неприкосновенъ до перехода за Балканы, т. е. въ Бургасѣ; при чемъ также долженъ быть третій комплектъ зарядовъ. Вотъ и все. Не оставляйте меня вашими извѣстіями и будьте увѣрены въ нелицемѣрномъ истинномъ къ вамъ дружествѣ. „Князь Варшавскій".

15-го (27) августа 1853 г.—Варшава.

Государь императоръ пишетъ мнѣ, что онъ доволенъ распоряженіями вашими и притомъ выразилъ: „Горчаковъ дѣйствуетъ умно и осторожно". Съ душевнымъ удовольствіемъ передаю вамъ, любезнѣйшій князь Михаилъ Дмитріевичъ, слова его величества и поздравляю васъ съ такимъ отзывомъ.

Хотя письмо это придетъ къ вамъ тогда, когда приготовленія къ военнымъ дѣйствіямъ будутъ уже не нужны, но я, какъ военный человѣкъ, обращусь къ нимъ, какъ бы они еще предстояли, и буду разсуждать, въ отвѣтъ на вопросъ вашъ: какъ я думаю о томъ, что вы послали отрядъ къ Слатину для наблюденія Малой Валахіи.

Въ настоящемъ положеніи, когда дѣйствія ваши ограничиваются занятіемъ и охраненіемъ занятой страны, я ничего не могу сказать противу отдѣленія такого отряда, и даже признаю полезнымъ; при томъ, будучи довольно силенъ, онъ не подверженъ опасности. Ежели бы открылись и военныя дѣйствія, но вамъ приказано было оставаться въ оборонительномъ положеніи и вести войну оборонительную—и въ такомъ случаѣ подобный отрядъ долженъ оставаться, такъ какъ пространство края, назначеннаго для занятія, очень велико и было бы невыгодно оставить значительную часть его во власти непріятеля, и опасно открыть флангъ вашъ.

Но если бы вамъ велѣно было вести войну наступательную, тогда иное дѣло: при наступательной войнѣ нельзя войскъ разбрасывать; тогда довольно, какъ я писалъ вамъ 6-го іюля, если успѣете охранить часть только Большой Валахіи.

Въ наступательной войнѣ, подвижность должна удваивать силы, и если бы непріятель серьезно угрожалъ флангу или тылу, можно, бросивъ непріятеля передъ собою, или оставивъ противу него столько войска, сколько нужно для удержанія его и своей защиты, съ остальными силами идти на зашедшаго во флангъ или тылъ, и, разбивъ его или отогнавъ, опять спѣшить къ главной своей цѣли. Такимъ обра-

зомъ я дѣйствовалъ во второй персидской и въ обѣихъ турецкихъ кампаніяхъ, т. е. оставлялъ на флангахъ отряды и, находясь въ серединѣ, бросался то вправо, то влѣво, куда надобность требовала, и такимъ способомъ, имѣя съ собою 8 баталіоновъ, 10 эскадроновъ и 5 полковъ иррегулярныхъ, я соединялся съ фланговыми отрядами, и оттого, будучи въ силахъ, всегда удачно нападалъ на непріятеля и разбивалъ его.

Постараюсь примѣнить это къ театру, на которомъ вамъ предстояло бы дѣйствовать.

Напримѣръ, вы находитесь въ оборонительномъ положеніи. У васъ правый флангъ изъ 7-ми баталіоновъ, на границѣ Малой Валахіи; въ Букарестѣ 24 баталіона; между Букарестомъ и Слободзеею, противъ Силистріи, 10 баталіоновъ; у самой Силистріи 10 баталіоновъ; 2 баталіона въ Галацѣ и Браиловѣ; 5 баталіоновъ къ Измаилу—таково, сколько я могу судить, ваше расположеніе. Непріятель рѣшится перейти Дунай скорѣе тамъ, гдѣ ему мало препятствія, т. е. въ Малой Валахіи; надобно послать противъ него часть кавалеріи, даже казаковъ только, и не ввязываться въ дѣло, но отступать и сжечь мостъ на рѣкѣ, напримѣръ, Алутѣ. Вы сами изъ Букареста съ наличными войсками, кавалеріею и понтонами идете форсированными маршами къ устью той рѣки, наводите мостъ, переходите черезъ оный и маневрируете въ тылъ непріятеля. Конечно, этотъ маневръ труденъ, но иногда можетъ удасться, а когда удастся, то вы дадите такой урокъ непріятелю, что онъ впередъ не посмѣетъ за вами гоняться. Все это можетъ кончиться въ три недѣли, и послѣ того непріятель оставитъ васъ въ покоѣ.

Впрочемъ, положительнаго совѣта съ такого отдаленія отъ театра дать почти нельзя. Обстоятельства должны указать, что̀ слѣдуетъ дѣлать, и вы, любезный князь, изъ нихъ усмотрите, какъ должно поступать, что̀, продолжая дѣйствовать такъ, какъ теперь государь о васъ выражается, будетъ для васъ дѣломъ совершенно возможнымъ. Искренно благодарю, почтенный князь, за вопросъ вашъ о моемъ здоровьи; здоровье хорошо и лучше нежели я ожидалъ, но припадки старости чувствую.

„Княгиня ваша слезы на глазахъ, когда про васъ говоримъ: послѣдній разъ я ей разсказывалъ о мнѣніи государя о вашей кампаніи и слезы покатились. Я думаю, что война кончена будетъ; болѣе не пишу, ибо посылаю по ближнему пути Дуная. Вашъ навсегда преданный Князь Варшавскій“.

29-го сентября 1853 г.—Варшава.

Благодарю васъ, любезный князь Михаилъ Дмитріевичъ, за письма ваши 11-го и 20-го сентября. Государь императоръ послалъ вамъ мою

записку на счетъ вооруженія христіанъ въ Турціи. Вы знаете, что я всегда почиталъ это средство весьма важнымъ для насъ и страшнымъ для Турціи. Оно сохранитъ наши войска и расходы, даетъ намъ средства къ завоеваніямъ и можетъ быть началомъ распаденія Турецкой имперіи.

Изъ прежнихъ записокъ моихъ вамъ извѣстны и мѣры, которыя я предполагалъ для формированія христіанскихъ ополченій, и то, какъ думалъ употреблять ихъ. Я къ вамъ писалъ также, любезный князь, что отъ Малой Валахіи вамъ все-таки надобно, по моему мнѣнію, беречься. Непріятно будетъ, если турки, прорвавшись съ той стороны, обойдутъ вашъ флангъ, будутъ угрожать тылу и станутъ грабить около Букареста. Теперь, когда придутъ къ вамъ резервные баталіоны, вы будете въ состояніи поставить на правый флангъ сильный отрядъ. Размѣстивъ войска такимъ образомъ, что резервные 8 баталіоновъ поставите въ Измаилѣ, а затѣмъ всю линію вашу подвинете вправо, такъ что правый вашъ флангъ можетъ доходить до самого Краіово, десяти баталіоновъ достаточно будетъ противъ гарнизона Виддинскаго. Все это я предполагаю на случай войны оборонительной; при наступательной же войнѣ, вы, разумѣется, будете дѣйствовать сообразно съ обстоятельствами.

Простите, любезный князь, берегите ваше здоровье и увѣдомляйте меня о вашихъ дѣлахъ. По случаю высочайшаго пребыванія въ Варшавѣ, у насъ были гости: императоръ австрійскій и король прусскій. Слава Богу, государь былъ совершенно доволенъ войсками 2-го корпуса и все шло какъ нельзя лучше.

Примите увѣреніе въ чувствахъ искренняго моего уваженія и преданности.

Посѣщеніе монарховъ въ сіе время, когда западная Европа вооружается противу насъ, дѣлаетъ имъ честь, ибо это благодарность за услуги, которыя Россія имъ сдѣлала въ разныя времена; но ничего не было бы, если бы не нашъ Государь Императоръ своимъ вліяніемъ этого не сдѣлалъ; простите еще, любезный князь, и будьте здоровы. „Князь Варшавскій".

31-го октября 1853 г.—Варшава.

Любезный князь Михаилъ Дмитріевичъ. Въ письмѣ моемъ государю императору я упоминалъ, что, въ случаѣ появленія турецкихъ войскъ въ большихъ силахъ на лѣвомъ берегу Дуная, вамъ мудрено будетъ охранить Малую Валахію отъ грабежа, и что въ первое время положеніе ваше будетъ затруднительно, и потому полагалъ подвинуть къ вамъ одну или двѣ дивизіи 3-го корпуса до Фокшанъ, дабы онѣ служили вамъ резервомъ. Вслѣдствіе этого, Его Величество высочайше

повелѣлъ направить къ вамъ 8-ю и 9-ю пѣхотныя дивизіи немедленно, а 7-ю пѣхотную и 3-ю легкую кавалерійскую двумя недѣлями позднѣе. Такимъ образомъ, 8-я дивизія съ артиллеріею начнетъ приходить въ Скуляны 24-го ноября, и вслѣдъ за нею 2-я бригада 9-й дивизіи и стрѣлковый баталіонъ съ 9-ю артиллерійскою бригадою; остальныя же полторы дивизіи пѣхоты и дивизія кавалеріи съ артиллеріею—нѣсколько позднѣе. Маршруты вамъ посылаются теперь же, чтобы вы могли распорядиться какъ направленіемъ войскъ, такъ и продовольствіемъ ихъ. Съ своей стороны я предписалъ, чтобы съ переходомъ Днѣстра пѣхота имѣла съ собою сухарные запасы непремѣнно на 11 дней, кавалерія—на 13½, а артиллерія конная—на 11, пѣшая тяжелая—на 12, а легкая—на 14, и чтобы запасъ этотъ, въ случаѣ израсходованія дорогою, войска старались пополнить въ пути же. О распоряженіяхъ, какъ по этому предмету, такъ и по другимъ на счетъ выступленія 3-го пѣхотнаго корпуса, вы усмотрите изъ препровождаемыхъ вамъ при отзывѣ моемъ копій.

Искреннѣйше благодарю васъ, любезный князь Михаилъ Дмитріевичъ, за извѣстія, доставленныя при письмѣ вашемъ отъ 20-го октября (1-го ноября). Здѣсь мы имѣемъ только газетныя извѣстія, по которымъ одинъ день наши одерживаютъ верхъ и прогоняютъ турокъ, а другой день турки наносятъ намъ значительныя потери и побѣждаютъ насъ.

Дай Богъ вамъ успѣховъ. Съ прибытіемъ къ вамъ войскъ 3-го пѣхотнаго корпуса вы будете очень сильны. Вы на мѣстѣ, что̀ въ этомъ случаѣ сказать, какъ только сказать вамъ искреннее мое желаніе, дабы вы побѣдили непріятеля. Не знаю, знаете-ли вы, что, между тѣмъ, какъ вы деретесь, у насъ ноты составляются о мирѣ, но, мнѣ кажется, что французы и англичане насъ заводятъ, и что турки подстрекаемы англичанами особенно. Дай Богъ, чтобы сіе письмо застало васъ въ хорошемъ духѣ. Вашъ искренно навсегда преданный. „Князь Варшавскій".

30-го ноября 1853 г.—Варшава.

Любезнѣйшій князь Михаилъ Дмитріевичъ. Мнѣ остается только благодарить васъ за сообщеніе подробныхъ свѣдѣній съ театра войны по 21-е ноября и просить продолжать доставлять такія же свѣдѣнія и впредь. Не одно любопытство, но и польза общихъ дѣлъ требуетъ частыхъ и откровенныхъ сношеній. Одно только вамъ скажу: вы, кажется, хотите обратить ваши усилія къ Виддину; но не забудьте, что до Виддина отъ Букареста почти 300 верстъ, а вамъ нужно будетъ охранять линію Дуная ниже Виддина на 600 верстъ.

Я вамъ не отвѣчалъ до сего времени на письмо отъ 7-го ноября

ожидая случая сообщить что-либо интересное, но и теперь еще ничего особаго сказать вамъ не могу, развѣ только то, что 1-й и 2-й корпуса начинаютъ такъ же приводиться въ военное положеніе; резервы формируются, лошадей для артиллеріи и парковъ покупаемъ, а подъ обозы начнемъ покупать съ половины января.

Начинаютъ говорить о новыхъ предложеніяхъ четырехъ державъ на счетъ заключенія мира, а у насъ, между тѣмъ, весь 6-й корпусъ идетъ къ берегамъ Чернаго моря и два новыхъ отдѣльныхъ корпусныхъ командира.

Сейчасъ получено изъ Вѣны, отъ барона Мейендорфа, телеграфическое донесеніе, что турецкая эскадра изъ 7-ми фрегатовъ и 4-хъ другихъ судовъ истреблена адмираломъ Нахимовымъ у Синопа, и командовавшій ею адмиралъ привезенъ плѣнный въ Севастополь. Англичанамъ и французамъ будетъ это очень досадно. Они увѣрили турокъ, что русскій флотъ, когда ихъ флоты въ Босфорѣ, не осмѣлится выйти въ море и напасть на флотъ турецкій: турки повѣрили и поплатились за своихъ друзей. Въ самомъ же дѣлѣ англійскій и французскій флоты не вошли потому, что, не зная вполнѣ характера этого моря и опасаясь быть разбросанными бурями, тогда какъ русскій флотъ, зная его, и будучи, такъ сказать, въ возможности расчитывать погоду и вѣтры по днямъ и почти по часамъ, могъ бы вдругъ выйти, напасть на разбросанныя части и постепенно истребить, будучи вездѣ сильнѣе ихъ и потомъ во-время укрыться. Мнѣ кажется, это есть дѣйствительная причина тому, что они долго не вошли въ Черное море.

Есть извѣстіе, что вы балъ даете; это значитъ, что вы веселы и здоровы. Дай Богъ вамъ успѣховъ. Ваша княгиня, слава Богу, здорова. Я здоровъ. Душевно преданный вамъ. „Князь Варшавскій".

9-го декабря 1853 г.—Варшава.

Любезнѣйшій князь Михаилъ Дмитріевичъ. Хотя недавно писалъ я къ вамъ, но, пользуясь отъѣздомъ сына генерала Сержпутовскаго въ Букарестъ, вновь пишу.

Напечатанныя въ „Русскомъ Инвалидѣ" извѣстія съ театра войны въ Азіи довольно утѣшительны, особенно побѣда Андроникова при Ахалцыхѣ; пораженіе же турецкой эскадры при Синопѣ дѣло блистательное. Теперь можно ожидать съ каждымъ днемъ новыхъ благопріятныхъ извѣстій изъ Азіи, особенно съ объявленіемъ войны Персіею. Пораженіе при Синопѣ приводитъ англійскіе журналы всѣхъ цвѣтовъ въ неистовство.

Военный министръ спрашиваетъ, по высочайшему повелѣнію, моего согласія на командированіе къ вамъ генерала Шильдера на нѣкоторое

время для устройства моста, въ случаѣ надобности переправы войскъ черезъ верхній Дунай. Я отвѣчалъ, что препятствія къ тому нѣтъ и ожидаю увѣдомленія на счетъ его отправленія, о чемъ объявилъ уже и г. Шильдеру. Онъ сказалъ мнѣ, что уже готовъ, знавши напередъ, что вы его потребуете, о чемъ ему предсказала какая-то ясновидящая. Слѣдовательно, вы будете имѣть отличнаго инженера, о которомъ просите, который самъ того желаетъ и вѣритъ, что онъ судьбою къ тому предназначенъ. Серьезно же говоря, онъ можетъ быть вамъ чрезвычайно полезенъ [1]). При этомъ, однако, я опять скажу, что, по моему мнѣнію, вы слишкомъ далеко заходите вправо; вамъ бы нужно имѣть прежде твердый центръ, чего вы можете достигнуть только взятіемъ Силистріи. О мнѣніи этомъ я доносилъ уже и государю императору. „Князь Варшавскій".

30-го декабря 1853 г.—Варшава.

Благодарю васъ, любезнѣйшій князь Михаилъ Дмитріевичъ, за письмо отъ 30-го прошедшаго ноября и за доставленіе свѣдѣній о вашихъ предположеніяхъ на счетъ будущей кампаніи. Въ то же время военный министръ сообщилъ мнѣ, по высочайшему повелѣнію, копію съ вашей записки. Я много думалъ о вашемъ положеніи—мысли мои представилъ государю.

Не знаю еще будутъ-ли мои предположенія сходны съ высочайшею волею...

Вы отчасти знаете мое мнѣніе—очистить плаваніе по Дунаю, начиная съ низовья рѣки, т. е. отъ Измаила, забрать турецкія крѣпости на правомъ берегу и укрѣпиться въ центрѣ, который для васъ всего опаснѣе, пока Силистрія въ рукахъ турковъ; начать дѣйствія во второй половинѣ февраля, когда турки еще не соберутся по распутицѣ и недостатку подножнаго корма, а самимъ, приготовивъ предварительно плавучій магазинъ, со всѣми тягостями на судахъ, на одной высотѣ съ ними подниматься въ силахъ по правому берегу. Тогда мы пойдемъ къ правому флангу и можемъ дѣйствовать на сербовъ, ибо обезпечили себя въ центрѣ и продовольствіе, мостъ и запасы всѣхъ родовъ приведемъ съ собою по Дунаю и сдѣлаемъ рѣку большою дорогою для нашего продовольствія. Съ Шильдеромъ я говорилъ объ этомъ, но не забудьте, что онъ бываетъ иногда поэтомъ.

Новаго ничего не слышно и у насъ покамѣстъ здѣсь спокойно. Княгиню я видѣлъ, она, слава Богу, здорова. Простите; берегите свое

---

[1]) См. «Русскую Старину» 1875 г. томъ IV, статья: «Карлъ Андреевичъ Шильдеръ», стр. 517—540.

здоровье, увѣдомляйте меня о себѣ и будьте увѣрены въ истинной моей къ вамъ привязанности. „Князь Варшавскій".

Мысли о планѣ военныхъ дѣйствій [1]).

29-го декабря 1853 г.

Любезный князь Михаилъ Дмитріевичъ. Я получилъ ваше письмо, отъ 30-го ноября, на счетъ предположеній будущихъ дѣйствій противъ Турціи и буду вамъ отвѣчать со всею откровенностію, какъ мы съ вами привыкли разговаривать.

Ваше положеніе теперь слѣдующее: у васъ 4-й корпусъ, полторы дивизіи 5-го корпуса, къ вамъ прибудутъ еще три дивизіи 3-го корпуса; у васъ три кавалерійскихъ дивизій, не говоря о драгунахъ и казакахъ.

Дунай васъ раздѣляетъ съ непріятелемъ на пространствѣ болѣе 600 верстъ.

У турковъ, по вашимъ свѣдѣніямъ, до 120,000 челов. и укрѣпленія, на лѣвомъ берегу рѣки: Тульча, Исакча, Мачинъ, Гирсово и Никополь; сверхъ того, большія крѣпости: Силистрія и Видднъ, а можетъ быть, и Рущукъ, о которомъ я не имѣю свѣдѣній. Но противъ васъ будутъ не одни турки: со всею вѣроятностію полагать можно, что Англія и Франція не только займутъ флотами Черное море, но, можетъ быть, сдѣлаютъ высадку на низовьяхъ-ли Дуная, чтобы (какъ говорятъ они въ газетахъ) отнять у насъ устья Дуная, или въ Варнѣ. Въ первомъ случаѣ они угрожаютъ нашему лѣвому флангу; во второмъ предполагать должно, что они, соединясь съ турками и владѣя Силистріею, могутъ въ значительныхъ силахъ прорвать нашъ центръ.

Дѣйствія Англіи и Франціи могутъ, однако, начаться только въ маѣ мѣсяцѣ.

Турки, какъ вы предполагаете, также зимою ничего не предпримутъ, да и не могутъ ни двигаться, ни кормиться по распутицѣ и по недостатку подножнаго корма.

И такъ, вы надѣетесь прозимовать въ настоящемъ положеніи безопасно.

Но можемъ-ли мы симъ довольствоваться и нельзя-ли намъ извлечь пользы изъ нашего положенія? Объ этомъ буду говорить ниже.

Съ весною предполагается открыть кампанію по слѣдующему плану.

Предварительно дѣлать демонстраціи и переправу на лѣвомъ флангѣ, ограничиваясь, въ случаѣ успѣха, занятіемъ Бабадага до Трая-

---

[1]) Объ этихъ мысляхъ, изложенныхъ въ видѣ письма кн. Горчакову, фельдмаршалъ упоминаетъ въ письмѣ своемъ отъ 30-го декабря 1853 г. Ред.

нова вала, а въ случаѣ встрѣчи сильнѣйшаго непріятеля, возвратиться за Дунай.

Настоящую же переправу сдѣлать на правомъ нашемъ флангѣ, противъ Виддина. Мысль новая и прекрасная — она съ перваго разу ставитъ насъ въ ближайшія сношенія съ самыми воинственными племенами Турціи: сербами, а потомъ Герцеговиною и Черногоріею, наконецъ, съ другими горными племенами, которыя, если не будутъ за насъ, то будутъ, по крайней мѣрѣ, противъ Турціи, а при нѣкоторой помощи съ нашей стороны мѣра сія можетъ дѣйствительно повести къ разрушенію Турецкой имперіи, и при томъ, какъ Государь Императоръ изволилъ отозваться, сохраняя русскую кровь.

Но приведеніе въ исполненіе сего плана возможно только весною, когда будутъ дороги и подножный кормъ.

Притомъ къ исполненію сего надобно приготовиться. Вы сами говорите, что Сербія бѣдна и не въ состояніи прокормить 50,000 войска, слѣдовательно, необходимо имѣть съ собою продовольствіе; сверхъ того, надобно имѣть мостъ, осадную артиллерію, снаряды и проч. Вы же расчитывайте, что если привести осадную артиллерію и парки изъ Тирасполя, то на это потребуется 52 дня марша, и, слѣдственно, они прибудутъ на мѣсто не прежде какъ около половины іюня. Положимъ, что можно и ранѣе начать здѣсь дѣйствія; все-таки много еще остается времени, которымъ можно и должно воспользоваться.

Прежде чѣмъ буду говорить о вашихъ предположеніяхъ, любезный князь, на счетъ сего плана, обращусь еще предварительно къ тому, что, какъ изъ письма вашего вижу:

a) Что у васъ нѣтъ моста, нѣтъ судовъ и ваши понтоны неудобны на Дунаѣ. Для этого вы испросили постройку 15-ти канонерскихъ лодокъ.

Мнѣ кажется, что 15 канонерскихъ лодокъ недостаточно; имѣйте какъ можно болѣе и канонерскихъ лодокъ, и всякаго рода транспортныхъ судовъ и даже пароходовъ. Старайтесь найти ихъ въ Одессѣ, на низовьѣ Дуная; просите въ морскомъ вѣдомствѣ, гдѣ суда будутъ не нужны, если флотъ нашъ вынужденъ будетъ къ бездѣйствію, когда Черное море весною сильно займутъ флоты англійскій, французскій, въ соединеніи съ турецкимъ. Суда вамъ будутъ необходимы, гдѣ бы вы ни дѣйствовали и куда бы ни пошли.

b) Что вамъ надобно строить мостовыя принадлежности для переправъ, ибо Измаильскій мостъ нельзя провести мимо Исакчи. Но возьмите Исакчу прежде всего. Объ этомъ я буду говорить ниже, а здѣсь хотѣлъ только указать на необходимость дѣйствовать съ низовья рѣки.

c) Что вы не ожидаете значительныхъ пособій отъ австрійцевъ, но спросили барона Мейендорфа будетъ-ли правительство австрійское препятствовать закупкѣ въ Банатѣ якорей и канатовъ.

Мнѣ кажется, что можно было давно попробовать купить въ Австріи не только якоря и канаты, но и суда и пароходы. Помните, мы въ польскую войну купили въ Пруссіи и мостъ, и продовольствіе.

d) Что вы не увѣрены въ значительномъ пособіи со стороны сербовъ.

Конечно, на сербовъ можно только расчитывать въ извѣстномъ случаѣ. Если вы придете въ силахъ, съ запасами всѣхъ родовъ, не только собственно для васъ, но можете и имъ дать то, чего у нихъ не достаетъ, т. е. пушки, ружья, порохъ, свинецъ и проч., тогда почти навѣрное можно сказать, что они возстанутъ и принесутъ вамъ большую пользу; а если вы ихъ поддержите своей пѣхотою, то они не только возстанутъ, но и пойдутъ впередъ; къ нимъ присоединятся черногорцы и другія христіанскія племена и тогда вы можете сдѣлать войну христіанъ противъ невѣрныхъ. Но если вы придете безъ запасовъ, слѣдовательно, не только имъ не дадите надежной помощи, но еще сами должны будете требовать отъ нихъ пособія, то, разумѣется, что они не примутъ вашей стороны, зная, что вы у нихъ все оберете и, можетъ быть, отдадите мщенію турковъ.

e) Что у турковъ, на верховьѣ Дуная, есть военный пароходъ и 7 канонерскихъ лодокъ, у васъ же нѣтъ тамъ военныхъ судовъ; слѣдовательно, переправа ваша на правомъ флангѣ и сохраненіе моста были бы весьма затруднены.

Вотъ опять доказательство, что прежде дѣйствій на правомъ флангѣ необходимо къ нимъ приготовиться, т. е. очистить Дунай, для того, чтобы съ низовья рѣки имѣть всѣ пособія.

Ваши предположенія, любезнѣйшій князь, заключаются въ слѣдующемъ:

1) До весны выгнать турковъ изъ Калафата или если нельзя предпринять сего, не подвергаясь случайностямъ штурма, то вогнать въ укрѣпленіе и потомъ сернировать системою редутовъ. Но сами вы, любезнѣйшій князь, говорите, что турки тамъ, вѣроятно, сильно укрѣпились, имѣя, какъ слышно, до 50-ти орудій въ укрѣпленномъ лагерѣ; что у Виддина Дунай отдѣляется островомъ, который находится подъ огнемъ крѣпости, и гдѣ намъ удержаться нельзя; слѣдственно: выгоните вы сегодня турковъ изъ Калафата,—они завтра опять его займутъ.

И такъ, вы стали бы безполезно жертвовать людьми на приступъ укрѣпленнаго лагеря; а за стѣною турки хорошо дерутся, что видно изъ ольтеницкаго дѣла. Я не говорю уже, что вы можете быть

отбиты,—а ничто такъ не дѣйствуетъ на духъ людей, какъ неудачный штурмъ,—напротивъ, допускаю и увѣренъ, что вы возьмете ихъ лагерь; а потомъ что? и для чего рисковать? для газетъ, которыя говорятъ, что турки на нашемъ берегу и мы ихъ не выгонимъ?

Нѣтъ, лучше поберечь людей на что-нибудь полезнѣйшее. Калафатъ же достаточно наблюдать издали, какъ вы теперь дѣлаете. Турки не посмѣютъ отдаляться отъ своихъ укрѣпленій или вы дадите имъ такой урокъ, что они другой разъ оставятъ васъ въ покоѣ.

Если же вы подойдете близко, турки будутъ безпрерывно васъ тревожить и вы напрасно только изнурите людей [1]).

2) Затѣмъ, полагаете вы, что дѣйствія вдругъ на двухъ флангахъ были бы слишкомъ разобщены, ибо когда вы будете заняты форсированіемъ переправъ на двухъ оконечностяхъ нашей огромной линіи, турки могутъ броситься въ Валахію съ 80,000 или болѣе, черезъ Силистрію, Рущукъ и Туртукай. Двѣ дивизіи, которыя останутся для охраненія центра, не удержатъ ихъ, и что одной сильной демонстраціи достаточно, чтобы парализировать наступленіе нашего праваго фланга.

Поэтому вы предполагаете: или вовсе не предпринимать наступательныхъ дѣйствій на лѣвомъ флангѣ, а ограничиться тамъ одною демонстраціею, не переходя Дуная, или же, по крайней мѣрѣ, наступательныя дѣйствія предпринять не одновременно съ обоихъ фланговъ, а поочередно.

Сколько мнѣ извѣстно, государь императоръ и не предполагалъ иначе, какъ дѣйствовать послѣдовательно, т. е. начать съ лѣваго фланга, до открытія возможности къ переправѣ на правомъ флангѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что ваши опасенія о возможности прорвать вашъ центръ весьма основательны. Не только съ 80, но съ 40,000-ми турки, когда вы, оставивъ въ ихъ рукахъ крѣпости, а особенно Силистрію, сами пойдете на оконечность вашего праваго фланга, могутъ броситься на лѣвый берегъ въ центрѣ, разрѣзать вашу армію и дойти не только до Букареста, но и до Яссъ, пока вы ихъ догоните [2]).

Если же,—что весьма возможно,—французы сдѣлаютъ высадку около устьевъ Дуная или въ Варнѣ, тысячъ въ 30 или 40, и вмѣстѣ съ турками, владѣя Силистріею и другими крѣпостями на правомъ берегу, бросятся въ вашъ центръ, когда вы заведете войска къ Видину, тогда обстоятельства могутъ быть еще хуже.

---

[1]) Я видѣлъ это въ Турціи же въ 1808, 1809, 1810 годахъ. Тогда подходили къ крѣпостямъ и начинали дѣло часто только для того, чтобы написать реляцію.

[2]) Удивляюсь, что они осенью еще того не сдѣлали. Какъ этого избѣжать,—скажу ниже. Кн. II.

Вы предполагаете, любезный князь, не предпринимать наступательных дѣйствій на лѣвомъ флангѣ, а ограничиться одною демонстраціею, не переходя Дуная.

Но къ чему же это поведетъ? Отвлечете турокъ отъ праваго вашего фланга? Если нѣтъ, то демонстрація займетъ только войска безполезно. Если же вы привлечете на себя всю турецкую армію, то вамъ нечѣмъ ее встрѣтить; вы будете слишкомъ слабы, и если турки (а не мы) перейдутъ здѣсь Дунай въ силахъ, тогда и думать нельзя о переправѣ около Виддина, а надобно будетъ бѣжать оттуда 300 и 400 верстъ, на помощь вашего центра и своей коммуникаціонной линіи.

3) Въ противномъ случаѣ, т. е. въ случаѣ перехода Дуная на лѣвомъ флангѣ, вы предполагаете: какъ скоро дороги сдѣлаются проходимы и появится подножный кормъ, т. е. въ апрѣлѣ, начать наступательныя дѣйствія на лѣвомъ флангѣ, а именно: 15-ю пѣхотною дивизіею, 2-ю бригадою 14-й и одною бригадою 3-й легкой кавалерійской дивизіи форсировать переправу у Галаца, Мачина или Гирсова, гдѣ окажется удобнѣе, при чемъ, для большой вѣрности успѣха, сдѣлать одновременно сильную демонстрацію противъ Тульчи или Исакчи 7-ю пѣхотною дивизіею.

Войскамъ симъ заняться взятіемъ Гирсова, Исакчи и Тульчи, устройствомъ въ Гирсовѣ предмостныхъ укрѣпленій и занятіемъ края по Траяновъ валъ.

Для вѣрности успѣха усилить войска 7-ю, а если необходимо, то и 9-ю дивизіею.

Построить мостъ въ Галацѣ, потому что Измаильскаго моста поднять мимо Исакчи нельзя.

Во время сихъ дѣйствій 4-й корпусъ, 8-ю и 9-ю пѣхотныя и 5-ю кавалерійскую дивизіи имѣть въ готовности для подкрѣпленія лѣваго фланга черезъ Гирсово, или для отраженія непріятеля въ Валахіи.

Здѣсь я замѣчу, любезный князь, какъ много въ войнѣ зависитъ отъ выбора времени, мѣста дѣйствій и отъ дислокаціи войскъ.

а) Вы предполагаете начать дѣйствія, когда дороги сдѣлаются проходимы и появится подножный кормъ, т. е. въ апрѣлѣ.

Но вы тѣ же самыя удобства даете тогда и туркамъ. Нельзя-ли распорядиться такъ, чтобы пока непріятель находится въ невозможности собраться, именно по распутицѣ и недостатку подножнаго корма, самимъ воспользоваться путемъ, который намъ сама природа указываетъ. Сдѣлайте Дунай большою дорогою для вашихъ запасовъ и тягостей. Начните дѣйствовать въ половинѣ февраля. Тогда всѣ выгоды на вашей сторонѣ; рѣка уже очистится, солнце—грѣетъ, а турки не могутъ еще собраться, а если соберутся, то въ малыхъ силахъ, безъ

артиллеріи и безъ кавалеріи, отъ бездорожья и отъ недостатка зеленаго фуража.

б) Вы назначаете пунктомъ переправы Галацъ, Мачинъ или Гирсово. Для этого вамъ нужно строить мостъ въ Гирсовѣ, ибо, какъ сами говорите, Измаильскаго моста нельзя поднять мимо Исакчи. Притомъ вы оставляете налѣво турецкія крѣпости и, наконецъ, гдѣ ваше продовольствіе, осадная артиллерія и тягости?

Вмѣсто того я бы началъ съ начала, т. е. переправился въ Измаилѣ и, не ограничиваясь только демонстраціею, сейчасъ бы взялъ Исакчу (а если можно, то и Тульчу, хотя это можетъ занять много времени), тогда можно провести и мостъ Измаильскій; вмѣстѣ очищается рѣка съ самаго устья и по ней поднимаются всѣ тягости, какъ по большой дорогѣ, гдѣ ни распутица, ни наводненіе не помѣшаютъ.

в) Отъ того, что вы заводите 8-ю и 9-ю дивизіи слишкомъ далеко къ Букаресту, вы переправляете отрядъ недовольно сильный, который сами находите необходимымъ подкрѣпить въ послѣдствіи и, слѣдовательно, будете дѣлать передвиженія безполезныя. Войска сдѣлаютъ лишнее верстъ 300 туда и обратно въ дурное время и, слѣдовательно, потеряете безполезно недѣли двѣ времени и люди напрасно изнуряются, а вы знаете какъ здоровье ихъ дорого [1]).

Не лучше-ли переправить отрядъ сильный на ту сторону Дуная, чѣмъ гораздо вѣрнѣе обезпечится нашъ берегъ. При томъ, если вы начнете дѣйствія раннею весною, то можно почти навѣрное сказать, что успѣете взять всѣ малыя крѣпости: Исакчу, Мачинъ, Гирсово (а если успѣете, то и Тульчу), прежде чѣмъ турки соберутся, а между тѣмъ противъ Силистріи и Рущука у васъ цѣлый 4-й корпусъ и еще одна дивизія 3-го корпуса около Слободзеи.

г) Не думаю также, чтобы, переправясь на правый берегъ Дуная, была необходимость занимать край по Траяновъ валъ съ тѣмъ еще, чтобы потомъ воротиться за Дунай.

Не лучше-ли не отдаляться отъ Дуная, гдѣ долженъ быть нашъ пловучій магазинъ, не развлекаться занятіемъ Бабадага, а все идти къ предположенной цѣли, вверхъ по Дунаю.

4) Взятіемъ Гирсова вы предполагаете ограничить дѣйствія съ лѣваго фланга, перевести часть войскъ въ Валахію и начать съ 4-мъ

---

[1]) Здѣсь кстати о здоровьѣ солдатъ замѣчу о землянкахъ. Берегитесь ихъ—я видѣлъ, въ 1809 году, какъ отъ зимовки въ землянкахъ весною развилась между людьми цынготная болѣзнь. Въ полку болѣе половины людей было больныхъ, а изъ нихъ двѣ трети умерло. Кн. П.

корпусомъ и 5-ю легкою кавалерійскою дивизіею дѣйствія на правомъ флангѣ; перейдя Дунай, не у Виддина, но у Никополя, овладѣть симъ пунктомъ, распространить поиски до Сербіи и Балкановъ, возбудить возстаніе христіанскихъ племенъ, и если будетъ удобно, то осадить Рущукъ.

Для чего останавливаться взятіемъ Гирсова?

Если вы начали дѣйствія на лѣвомъ флангѣ съ тѣмъ, что чувствуете опасность, если бы непріятель прорвалъ вашъ центръ, тогда какъ вы заведете войска къ Виддину, вы не отвращаете еще сію опасность, пока въ рукахъ непріятеля, ниже вашей переправы, останется Силистрія—пунктъ для васъ самый опасный, ибо оттуда непріятель, прорвавъ вашъ центръ, дебушируетъ не только на Бухарестъ, но даже прямо на Яссы.

Занявъ Никополь и осадивъ Рущукъ, вы идете къ той же цѣли, но съ противной стороны, дальнимъ и менѣе вѣрнымъ путемъ, и оставляете Силистрію, рискуя, что армія ваша будетъ разрѣзана, не говорю уже о десантѣ въ это время французовъ.

Наконецъ, не предвидя даже неудачъ, вся кампанія оканчивается единственно зимовкою въ западной Булгаріи.

Изъ всего сказаннаго мною выше, любезный князь, о чемъ я и прежде еще думалъ, у меня родились слѣдующія предположенія:

Съ весною предназначено дѣйствовать на правомъ флангѣ.

Для этого надобно приготовиться и обезпечить себя на лѣвомъ флангѣ и въ центрѣ, не противъ однихъ турковъ, но и на случай десанта французовъ, который можетъ черезъ Силистрію прорвать нашъ центръ.

Всѣ приготовленія наши могутъ только идти съ низовья рѣки: хлѣбъ, осадная артиллерія, мостъ,—все это должно быть въ Измаилѣ и все могло бы доставляться вверхъ Дунаемъ.

Для этого надобно очистить плаваніе по Дунаю, т. е. взять крѣпости турецкія на правомъ берегу.

Лучшее для начатія дѣйствій время—ранняя весна, т. е. вторая половина февраля, потому что къ тому времени рѣка ото льда очищается, погода наступаетъ теплая, но еще нѣтъ дорогъ и нѣтъ подножнаго корма, слѣдовательно, турки не соберутся въ силахъ, не привезутъ много ни артиллеріи, ни запасовъ, а если придутъ, то съѣдятъ магазины въ крѣпостяхъ — и тѣмъ лучше, ибо должны будутъ выйти въ поле. Помните, что поляки съѣли варшавскій магазинъ и должны были себя ослабить, выславъ Замарино (sic).

Взявъ крѣпости и очистивъ Дунай, слѣдуетъ отнять вмѣстѣ съ тѣмъ у непріятеля возможность дебушировать у насъ въ центрѣ, за-

бравъ у него всѣ его суда и лодки, и тѣмъ отнять у него всѣ средства къ переправѣ.

Дунай, какъ сказалъ я, долженъ быть нашею большою дорогою для всѣхъ нашихъ транспортовъ.

Для исполненія сего я бы думалъ:

1) Приготовить теперь же какъ можно болѣе всѣхъ родовъ судовъ: пароходовъ, канонерскихъ лодокъ, транспортныхъ судовъ и даже плотовъ въ Измаилѣ. Число ихъ увеличится еще тѣми судами, которыя найдутся у турокъ, подвигаясь впередъ. Это не мѣшаетъ, однако, заготовить и строить суда на рѣкахъ, впадающихъ въ Дунай въ центрѣ и выше.

2) Погрузить на нихъ артиллерію [1]), снаряды, хлѣбъ и для лошадей какъ можно болѣе овса, чтобы замѣнить имъ отчасти сѣно.

Имѣть съ собою мостъ со всѣми принадлежностями.

3) Сдѣлавъ сіи приготовленія и учредивъ такимъ образомъ пловучій магазинъ на Дунаѣ, въ половинѣ или концѣ февраля, смотря по погодѣ, переправить въ Измаилъ: вторую бригаду 14-й, 15-ю и 7-ю дивизіи, а если по свѣдѣніямъ окажется, что непріятель противъ васъ силенъ, то и 9-ю дивизію. Для сего 7-ю и 9-ю дивизіи изъ Фокшанъ, когда будутъ подходить, направить одну къ Измаилу, а другую—къ Галацу; 8-ю же дивизію, если вы считаете то необходимымъ, направить въ Валахію и расположить между Слободзеею и Калафатомъ. Переправить также одну бригаду 3-й легкой кавалерійской дивизіи и полка два казаковъ, но не болѣе. Я бы старался вообще какъ можно менѣе имѣть лошадей, ибо подножнаго корма еще не будетъ, а овса нельзя имѣть съ собою слишкомъ много. Да и повозокъ и упряжи надобно имѣть немного: надобности въ нихъ не будетъ, ибо мы не должны удаляться далѣе 10-ти или 15-ти верстъ отъ своего магазина, т. е. судовъ на Дунаѣ.

4) Переправивъ войска, взять сейчасъ Исакчу, а если время позволитъ, то хорошо бы взять и Тульчу; если же не въ то время, то хотя бы позднѣе, послѣ взятія Силистріи, что̀ можетъ сдѣлать измаильскій гарнизонъ. Тульчу взять нужно для того, чтобы не дать ею воспользоваться непріятелю въ случаѣ десанта французовъ.

5) Взявъ Исакчу, войскамъ на одной высотѣ съ своимъ пловучимъ магазиномъ и, слѣдственно, имѣя всегда запасы подъ рукою, слѣдовать правымъ берегомъ вверхъ по рѣкѣ; взять Мачинъ и Гирсово.

---

[1]) Если въ Измаилѣ нѣтъ осадной артиллеріи, то изъ Тирасполя теперь же тащить ее лошадьми и волами до Фокшанъ или до того пункта, гдѣ Прутъ судоходенъ. Кн. II.

6) Въ Исакчѣ, Мачинѣ и Гирсовѣ оставить небольшіе гарнизоны, по надобности.

7) Всѣ суда и лодки турковъ по Дунаю забирать съ собою, а негодныя истреблять.

8) Не ограничиваясь взятіемъ Гирсова, идти къ Силистріи. Полагаю, что переправа займетъ два—три дня; взятіе Исакчи—четыре—пять дней; два марша до Мачина; взятіе Мачина—три дня; три марша до Гирсова; взятіе Гирсова—пять дней; пять дней до Силистріи; всего 24 или 25 дней. Слѣдственно, около 15-го или 20-го числа марта можно быть подъ Силистріею.

У насъ было бы три съ половиною дивизіи пѣхоты и одна бригада кавалеріи съ казаками. Всѣ запасы и осадная артиллерія на судахъ.

9) Не доходя до Силистріи, въ нѣсколькихъ верстахъ, смотря по удобству, поставить мостъ, и какъ 8-я дивизія въ Слободзеѣ будетъ уже не нужна, то, за исключеніемъ одного или двухъ полковъ, которые расположить около Калараша, остальныя войска сей дивизіи перевести также на правый берегъ, а равно и кавалерію.

Имѣя такимъ образомъ 4 дивизіи пѣхоты, съ кавалеріею, запасы всѣхъ родовъ и осадную артиллерію съ возможно большимъ числомъ зарядовъ на судахъ, наконецъ, мостъ и сообщеніе съ лѣвымъ берегомъ,—можно смѣло начинать осаду Силистріи, тѣмъ болѣе, что съ половины или конца марта, когда войска придутъ къ Силистріи, есть еще довольно времени, пока можно ожидать дѣйствій туркокъ или десанта французовъ.

Силистрія, вѣроятно, сильно укрѣплена; но она намъ необходима. Не могу не упомянуть здѣсь еще разъ о важности сей крѣпости, ибо она болѣе всего даетъ возможность непріятелю угрожать нашему центру. Притомъ непремѣнно слѣдуетъ очистить плаваніе по Дунаю, для продовольствія и для дальнѣйшихъ дѣйствій, какихъ бы ни было, оборонительныхъ или наступательныхъ.

Осады крѣпостей для насъ теперь не такъ трудны, какъ бывало въ прежнія войны, когда наши инженеры думали, что сдѣлали все возможное, когда подходили къ крѣпости на 300 сажень, и никто и не думалъ имъ противорѣчить. Генералъ Шильдеръ будетъ вамъ въ семъ случаѣ отличнымъ помощникомъ; да я увѣренъ, что и онъ найдетъ много хорошихъ себѣ помощниковъ между офицерами, воспитывавшимися въ инженерномъ училищѣ. Слава Богу, съ учрежденіемъ сего заведенія, мы не отстанемъ теперь отъ иностранцевъ.

10) Подойдя къ Силистріи, начать осаду немедленно, такъ чтобы

открыть огонь на четвертый или пятый день. Это имѣетъ великое вліяніе на осажденныхъ.

Если ничто не воспрепятствуетъ, то Силистрія можетъ быть взята въ три недѣли.

Вѣроятно однако, что турки прибѣгутъ на помощь Силистріи съ верховья Дуная. Тогда я бы думалъ одну дивизію пѣхоты 4-го корпуса и 4-ю кавалерійскую дивизію перевести также на правый берегъ.

Мудрено, чтобы турки хладнокровно смотрѣли, что мы у нихъ взяли три крѣпости и подошли къ четвертой, столь для нихъ важной. Хотя имъ трудно будетъ тащить и хлѣбъ, и фуражъ, и артиллерію, но они, вѣроятно, постараются собрать сюда всю свою армію. Этого я бы и желалъ и объ одномъ бы сожалѣлъ, что не могъ заставить ихъ собраться еще прежде, когда прокормиться имъ было бы еще труднѣе. У насъ было бы: 5 пѣхотныхъ дивизій, 1½ дивизіи кавалеріи, казаки, артиллерія, всего до 85,000 человѣкъ; а съ такими силами можно бы стать не только противъ турецкой, но и противъ европейской арміи. Турковъ же можно надѣяться разбить и разсѣять, отнять половину орудій и преслѣдовать, по крайней мѣрѣ, на два перехода. Не слѣдуетъ забывать, что у турковъ армія одна, послѣ неудачи они долго не соберутъ другой арміи, и тогда откроется большое поле для дѣйствій, куда угодно. Здѣсь представляется соблазнительная мысль: разсѣявъ непріятельскую армію, идти на Шумлу; но, подумавъ хорошенько, я нахожу, что это удалило бы насъ отъ главнаго предмета, т. е. дѣйствій съ праваго фланга посредствомъ сербовъ и другихъ христіанскихъ племенъ. Словомъ, намъ прежде надобно укрѣпить центръ, не развлекаясь никакъ побочными обстоятельствами, и тогда тѣмъ удобнѣе можемъ мы дѣйствовать на правомъ флангѣ.

11) По взятіи Силистріи, какъ крѣпость сія слишкомъ велика и потребовала бы большаго гарнизона, я бы не оставилъ всѣхъ укрѣпленій, уничтожилъ бы половину, а изъ другой устроилъ бы крѣпость въ меньшемъ объемѣ. Объ этомъ я передалъ мысли мои генералу Шильдеру.

12) За симъ можно бы дѣйствовать по обстоятельствамъ: оборонительно, если бы Европа угрожала намъ войною на западной границѣ, или наступательно, по принятому плану.

Въ томъ и другомъ случаѣ наше положеніе было бы хорошо. Дунай очищенъ, крѣпости взяты и непріятельская армія разбита.

13) Укрѣпившись такимъ образомъ въ центрѣ, когда бы предполагалось на правомъ флангѣ вести войну христіанъ, то я бы думалъ впередъ, до развитія обстоятельствъ и до объясненія предположеній на счетъ десанта французовъ, дать сербамъ помощь матеріальную:

пушками, оружіемъ, порохомъ и даже дивизіею пѣхоты; тогда, нѣтъ сомнѣнія, они возстанутъ. При дальнѣйшихъ успѣхахъ и возстанія другихъ христіанскихъ племенъ могутъ потрясти Турецкую имперію.

Можетъ быть, я представляю все въ слишкомъ хорошемъ видѣ, знаю, что въ войнѣ иногда одно обстоятельство разрушаетъ планъ дѣйствій, но не забудьте, что у турокъ армія одна; другую они соберутъ нескоро, а въ случаѣ успѣха при дальнѣйшихъ удачныхъ дѣйствіяхъ на правомъ флангѣ, сообразно предначертанному плану, кампанія можетъ окончиться въ Адріанополѣ. Даже не при столь блестящемъ успѣхѣ, вся Булгарія въ нашихъ рукахъ. Тогда пусть англичане и французы владѣютъ Чернымъ моремъ: они ничего намъ не сдѣлаютъ.

Вотъ, любезный князь, мысли мои на счетъ будущей кампаніи. Повторяю, что главное дѣло состоитъ въ томъ, чтобы воспользоваться для приготовленій, а для дѣйствій раннею весною, и укрѣпиться въ центрѣ для кампаніи будущаго года по предначертанному плану, т. е. очистить плаваніе по Дунаю и для того взять крѣпости на правомъ берегу, обезопасить свой лѣвый флангъ и центръ на случай даже десанта и сдѣлать Дунай большою дорогою для нашего продовольствія.

Не осудите, любезнѣйшій князь, если я, увлекаясь интересомъ самаго предмета, говорилъ со всею откровенностію.

Но сами вы согласитесь, что здѣсь дѣло идетъ объ обстоятельствахъ, для всѣхъ насъ столь драгоцѣнныхъ: о славѣ государя и Россіи, и о чести русскаго оружія.

Генералъ-фельдмаршалъ князь Варшавскій.

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ МИХЕЛЬСОНЪ,

побѣдитель Пугачева.

1740—1807.

I.

Имя Михельсона тѣсно связано съ воспоминаніемъ о тяжелой годинѣ въ исторіи русскаго народа—годинѣ Пугачевщины. Знакомымъ съ исторіею той эпохи извѣстно, что изъ всѣхъ начальниковъ отрядовъ, дѣйствовавшихъ противъ мятежниковъ въ открытомъ полѣ, одинъ только Михельсонъ оказался вполнѣ достойнымъ своего назначенія, какъ по отвагѣ своей, такъ особенно по своей неутомимой дѣятельности.

Передъ этою выдающеюся эпохою жизни Михельсона, какъ бы стушевываются предшествовавшая и послѣдующая его дѣятельность на поприщѣ служебномъ и о ней упоминаютъ весьма немного. Между тѣмъ, дѣятельность эта была весьма почтеннаго свойства. Михельсонъ въ полномъ смыслѣ слова «вѣрою и правдою» отслужилъ Россіи слишкомъ полъ вѣка, а блестящіе подвиги его во время пугачевскаго бунта оказали столь важную услугу общественному порядку, что имя его заслуживаетъ быть поставленнымъ въ ряду тѣхъ, которыя каждымъ русскимъ произносятся съ особеннымъ уваженіемъ.

Иванъ Ивановичъ Михельсонъ (изъ дворянъ Лифляндской губерніи, сынъ полковника) родился въ 1740 году, а въ 1754 г., т. е., когда ему минуло четырнадцать лѣтъ, уже зачисленъ былъ рядовымъ въ лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ. Такая крайняя юность въ солдатѣ не поразитъ насъ, если вспомнимъ, что въ тѣ времена, сплошь и рядомъ, бывали случаи зачисленія чуть ни младенцевъ въ колыбели рядовыми и даже сержантами въ гвардейскіе полки для того, чтобы, по достиженіи совершеннолѣтія,

они имѣли возможность поступить въ полевыя войска прямо съ офицерскимъ чиномъ. Нѣкоторые изъ записанныхъ, такимъ образомъ, въ полки вовсе и не являлись на службу и такъ и оставались навсегда какими-нибудь гвардіи сержантами. Только при императорѣ Павлѣ положенъ былъ предѣлъ этому злоупотребленію: всѣ лица, записанныя въ извѣстные полки, получили приказаніе явиться на службу, а не являвшіеся исключались изъ списковъ.

Неизвѣстно, несъ-ли Иванъ Ивановичъ Михельсонъ дѣйствительную службу съ 1754 года, или только числился въ спискахъ л.-гв. Измайловскаго полка; но въ январѣ 1755 г. онъ былъ сержантомъ, а въ томъ же году, 3-го февраля, именнымъ высочайшимъ указомъ произведенъ въ офицеры и переведенъ поручикомъ въ 3-й мушкатерскій полкъ.

Этимъ полкомъ командовалъ въ то время полковникъ Бибиковъ, впослѣдствіи прославившійся дѣятельностью во время Пугачевщины. Подъ его-то начальствомъ пришлось Михельсону начать свое боевое поприще. Семилѣтняя война была въ полномъ разгарѣ и 3-й мушкатерскій полкъ, въ числѣ прочихъ русскихъ войскъ, направленъ былъ въ Пруссію. Михельсону не посчастливилось при встрѣчѣ съ пруссаками: въ августѣ 1758 г., въ сраженіи подъ Цорндорфомъ, онъ былъ раненъ штыкомъ въ голову; а въ слѣдующемъ году, въ кунерсдорфскомъ сраженіи, получилъ двѣ сильныя контузіи и рану пулею на вылетъ въ поясницу (съ перебитіемъ кости) и, лежа безъ чувствъ между убитыми, вѣроятно погибъ бы, еслибъ не былъ замѣченъ Бибиковымъ и не унесенъ, по его приказанію, съ поля битвы. Перевезенный въ крѣпость Торнъ, онъ пользовался тамъ отъ ранъ и, обязанный тому же Бибикову пособіями во время болѣзни, сохранилъ къ нему навсегда глубокую привязанность.

Раны Михельсона, однако, такъ мало представляли надежды на совершенное излеченіе, что его чуть не уволили въ отставку съ пенсіею. Но едва оправившись, молодой капитанъ (чинъ этотъ полученъ имъ былъ во время кампаніи 1760 г.) снова заявилъ желаніе принимать участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ и былъ отправленъ къ арміи съ транспортною эскадрою, везшею 5,000 человѣкъ войска и разные припасы. Во время этого плаванія Михельсону опять не повезло: фрегатъ, на которомъ онъ находился, потерпѣлъ крушеніе около острова Гохланда; черезъ двѣ недѣли таже участь постигла галіотъ, на который онъ успѣлъ пересѣсть во время перваго крушенія. Однако, экипажъ удалось спасти и перевезти въ Мемель. Тутъ снова открылись у Михельсона раны и онъ, для излеченія ихъ, перевезенъ былъ въ Кенигсбергъ. По выздоровленіи, ему около двухъ лѣтъ пришлось ко-

мандовать 3-мъ баталіономъ Казанскаго пѣхотнаго полка, а въ 1761 г.—отправиться, по распоряженію генералъ-аншефа графа Панина, въ ввѣренный послѣднему Новгородскій полкъ, входившій въ составъ войскъ, осаждавшихъ прусскую крѣпость Кольбергъ. Отсюда, по окончаніи семилѣтней войны, Михельсонъ, вмѣстѣ съ арміею, возвратился въ Россію.

По окончаніи кампаніи, въ 1763 году, онъ былъ переведенъ въ Астраханскій гренадерскій полкъ, а оттуда, въ 1769 году, въ Астраханскій же карабинерный.

Недолго пришлось отдыхать русскимъ войскамъ отъ борьбы съ пруссаками. Черезъ шесть лѣтъ загорѣлась новая война: противъ Турціи и польскихъ конфедератовъ. Тутъ мы встрѣчаемъ Михельсона въ чинѣ секундъ-маіора. Находясь, въ 1770 году, въ районѣ военныхъ дѣйствій, онъ, помимо разныхъ стычекъ съ турками, принималъ участіе въ знаменитыхъ сраженіяхъ при Ларгѣ и Кагулѣ. При Ларгѣ ему представился случай отличиться: первый вскакалъ онъ съ своимъ эскадрономъ въ турецкій лагерь, оставивъ за собою восемь непріятельскихъ пушекъ, но тутъ же былъ раненъ въ лѣвую руку пулею на вылетъ. За этотъ подвигъ онъ произведенъ былъ въ премьеръ-маіоры и вмѣстѣ съ тѣмъ переведенъ въ Каргопольскій карабинерный полкъ.

На слѣдующіе два года дѣятельность Михельсона переносится въ Польшу, гдѣ онъ сражался подъ начальствомъ, сперва генерала Веймарна, а потомъ—Бибикова. Пріобрѣтенную уже имъ въ арміи репутацію храбраго и распорядительнаго офицера, Михельсонъ поддержалъ и при дѣйствіяхъ противъ польскихъ конфедератовъ: неоднократно разбивалъ онъ ихъ партизанскіе отряды и принималъ участіе въ пораженіи, подъ Радовымъ, маршалка Пулавскаго (20-го октября 1771 г.), а также въ осадѣ Краковскаго замка (въ 1772 г.). За отличную службу въ предѣлахъ Польши Михельсонъ награжденъ чиномъ подполковника (24-го апрѣля 1772 г.) и вслѣдъ за тѣмъ переведенъ въ С.-Петербургскій карабинерный полкъ.

Въ декабрѣ слѣдующаго 1773 года полкъ этотъ, находившійся тогда въ Познани, получилъ приказаніе идти на соединеніе съ войсками, ввѣренными начальству генералъ-аншефа Бибикова, отправленнаго императрицею на усмиреніе пугачевскаго бунта.

Съ этого времени начинается для Михельсона блистательнѣйшая эпоха жизни, прославившая его на всю Россію и навсегда спасшая имя его отъ забвенія соотечественниковъ.

II.

Хотя съ прибытіемъ Бибикова дѣла на востокѣ Россіи начали нѣсколько поправляться, но рѣшительныхъ успѣховъ еще не было. Нѣсколько разъ разбитый Пугачевъ постоянно успѣвалъ отходить отъ правительственныхъ войскъ и весьма скоро набиралъ новыя толпы всякаго сброда. Окончательно побѣдить его можно было только быстротою и неутомимостью преслѣдованія; а въ этомъ отношеніи начальники правительственныхъ отрядовъ, по большей части, не вполнѣ соотвѣтствовали желаніямъ Бибикова.

С.-Петербургскій карабинерный полкъ прибылъ въ Казань 2-го марта 1774 года; съ 18-го марта Михельсону уже ввѣрено было начальство надъ войсками, отряженными для освобожденія города Уфы, окруженнаго мятежниками. Немедленно двинулся онъ къ этому городу и, разсѣявъ дорогою встрѣчавшіяся ему мелкія шайки, двинулся прямо къ деревнѣ Чесноковкѣ, гдѣ находился съ десятитысячнымъ отрядомъ казакъ Чика,—одинъ изъ ревностнѣйшихъ сподвижниковъ Пугачева. 25-го марта, у деревни Требиковой, новая толпа бунтовщиковъ преградила ему дорогу. Войска Михельсона разсѣяли ее и отняли находившіяся при ней двѣ пушки. При дальнѣйшемъ движеніи, 26-го числа, онъ былъ встрѣченъ у деревни Зубовки главными силами Чики и, несмотря на упорное сопротивленіе мятежниковъ, разбилъ ихъ на голову и захватилъ 25 пушекъ и множество запасовъ. Уфа была спасена. Михельсонъ, однако, не остановилъ своего движенія, а пошелъ къ гор. Табинску, куда ускакалъ Чика. Опасный разбойникъ былъ тамъ схваченъ собственными казаками и выданъ побѣдителю, который отослалъ его скованнаго въ Уфу. Вскорѣ послѣ того, 4-го апрѣля, вступилъ туда же и самъ Михельсонъ, выславъ вмѣстѣ съ тѣмъ разъѣзды во всѣ стороны для возстановленія спокойствія въ окрестныхъ деревняхъ [1]).

Около этого времени другія, значительнѣйшія шайки Пугачева тоже были разсѣяны и положеніе его, повидимому, было отчаянное. Но съ кончиною Бибикова (9-го апрѣля) дѣла снова приняли дурной оборотъ. Грозный бунтъ поднялся въ Башкир-

[1]) Отрядъ его въ это время состоялъ: изъ 4-хъ ротъ Томскаго пѣхотнаго полка, 6-ти ротъ С.-Петербургскаго карабинернаго полка и бѣлыхъ гусаровъ, 4-хъ ротъ черныхъ гусаровъ, 4-хъ ротъ Изюмскаго полка, 2-хъ ротъ Чугуевскихъ казаковъ, 1-й роты егерей и 4-хъ орудій. (Лѣтопись гор. Уфы, напечатанная въ «Оренбургскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» 1852 г.).

ской области, гдѣ предводителемъ мятежниковъ явился свирѣпый Салаватъ. Михельсонъ, вмѣстѣ съ Фрейманомъ, старался настигнуть бросавшагося во всѣ стороны Пугачева, но наступившая весенняя распутица и на этотъ разъ помогла самозванцу. Дороги стали непроходимы; люди и лошади вязли въ топкой грязи; рѣки разлились на нѣсколько верстъ. Фрейманъ остановился въ Стерлитамакѣ; но Михельсонъ, несмотря на всевозможныя препятствія, продолжалъ преслѣдованіе, и около 8-го мая 1774 г. разогналъ толпы Салавата, собравшіяся у Симскаго завода. Отдохнувъ тутъ одинъ день, онъ двинулся далѣе. За нѣсколько верстъ отъ завода его опять встрѣтили мятежники, предводимые Салаватомъ и Бѣлобородовымъ. Михельсонъ разбилъ ихъ, отнялъ у нихъ всѣ пушки и затѣмъ поспѣшилъ къ Уйскому заводу, надѣясь настигнуть самаго Пугачева; но вскорѣ узналъ, что онъ находится уже на Бѣлорѣцкихъ заводахъ.

За рѣкою Юрзенемъ Михельсонъ разсѣялъ еще одну шайку и преслѣдовалъ ее до Саткинскаго завода. Тутъ дошло до него извѣстіе, что Пугачевъ, набравъ до шести тысячъ всякой сволочи, пошелъ на крѣпостцу Магнитную. Тогда онъ рѣшился углубиться въ уральскія горы, надѣясь соединиться съ Фрейманомъ около верховьевъ р. Яика. Въ горахъ ему пришлось двигаться по затруднительнымъ и мало извѣстнымъ дорогамъ; въ опустѣвшихъ деревняхъ не было возможности достать необходимые припасы и отрядъ его, окружаемый многочисленными шайками, находился въ постоянной опасности. 17-го мая разъѣзды Михельсона наткнулись на башкиръ, сторожившихъ горные проходы. Стянувъ свой отрядъ, онъ, въ полной готовности къ бою, подвигался впередъ и верстахъ въ семи за передними башкирскими караулами встрѣтилъ главную толпу мятежниковъ, человѣкъ въ 1,000, подъ начальствомъ табинскаго старшины Бектемирова. Башкиры вздумали было атаковать Михельсона, но встрѣченные сильнымъ огнемъ съ фронта и атакованные въ тоже время съ фланга и тыла заранѣе отдѣленнымъ коннымъ отрядомъ, бѣжали, потерявъ до 300 человѣкъ убитыми.

Отъ захваченныхъ плѣнныхъ Михельсонъ узналъ, что Магнитная взята мятежниками, но что Пугачева преслѣдуетъ отрядъ генералъ-поручика Декалонга. Тогда онъ вышелъ изъ горъ и пошелъ къ Троицкой крѣпости, надѣясь освободить хотя ее отъ грозящей опасности; но, узнавъ, что и эту крѣпость постигла участь Магнитной и что Пугачевъ, пораженный Декалонгомъ, отступаетъ къ Челябѣ, бросился вслѣдъ за нимъ... 22-го мая, близъ д. Подпиковой (Лягушино тожъ) онъ встрѣтилъ передовые отряды отступающихъ шаекъ и сталъ на перерѣзъ ихъ пути, занявъ позицію тыломъ къ лѣсу. Пугачевъ двинулся было прямо про-

тивъ него, но вдругъ повернулъ на Чербакульскую крѣпость, обходя позицію своего противника. Фланговымъ движеніемъ Михельсонъ снова перерѣзалъ мятежникамъ дорогу, но войска его лѣваго крыла, отчаянно атакованныя, были приведены въ разстройство и даже потеряли двѣ пушки. Тогда Михельсонъ, взявъ по эскадрону изюмскихъ гусаръ и с.-петербургскихъ карабинеровъ, ударилъ на бунтовщиковъ и мгновенно разсѣялъ ихъ, отнявъ захваченныя его орудія, а съ ними вмѣстѣ и послѣднюю, остававшуюся у Пугачева пушку. Преслѣдованіе продолжалось до ночи. Остатки мятежниковъ укрылись въ окрестные лѣса, потерявъ болѣе 1,000 человѣкъ. Между плѣнными былъ и начальникъ пугачевской артиллеріи Салминъ. Кромѣ пушекъ, взяты двѣ бочки пороха, весь обозъ и много съѣстныхъ припасовъ; тутъ же найдена голубая лента Пугачева.

На другой день Михельсонъ двинулся къ Чербакульской крѣпости, усмирилъ бунтовавшихъ тамъ казаковъ и присоединилъ ихъ къ своему отряду.

Пойманный изъ шайки Пугачева объявилъ, что самозванецъ ушелъ къ деревнѣ Карасъ, имѣя при себѣ не болѣе 100 всадниковъ. Михельсонъ двинулся по указанному направленію и, пройдя верстъ восемь, встрѣтилъ преміеръ-маіора Жолобова, отряженнаго генераломъ Декалонгомъ для преслѣдованія Пугачева послѣ пораженія его подъ Троицкою крѣпостью. Положено было, чтобы Жолобовъ шелъ на Кмитышевскій заводъ, а Михельсонъ—на Златоустовскій. Этимъ движеніемъ они надѣялись заключить Пугачева въ горахъ. На Златоустовскомъ заводѣ Михельсонъ узналъ, что туда пріѣзжало нѣсколько пугачевскихъ эммисаровъ, указывавшихъ всѣмъ охочимъ людямъ спѣшить къ Саткину, около котораго былъ главный скопъ башкировъ. Въ тоже время онъ получилъ отъ Декалонга приказаніе: идти къ сказанному заводу, чтобы разогнать оттуда башкирскія толпы и этимъ движеніемъ лишить Пугачева возможности съ нимъ соединиться. При этомъ Декалонгъ обнадежилъ его содѣйствіемъ не только маіоровъ: Жолобова и Гагрина, но и собственнаго своего отряда. Однако, содѣйствіе это такъ и ограничилось однимъ обѣщаніемъ. Самъ Декалонгъ остался въ Челябѣ, да туда же отозвалъ Жолобова и Гагрина, безъ того уже дѣйствовавшихъ медленно и нерѣшительно.

Такимъ образомъ, преслѣдованіе Пугачева предоставлено было одному Михельсону. Вслѣдствіе полученнаго имъ приказанія, онъ отъ Златоустовскаго завода двинулся къ Саткинскому, куда и прибылъ 27-го мая. Находившіяся въ окрестностяхъ послѣдняго завода шайки Салавата и разбойника Анчугала, узнавъ о при-

ближеніи войскъ, бѣжали: первая — къ Симскому заводу, а вторая — къ деревнѣ Киги.

У Саткинскаго Михельсонъ далъ своимъ войскамъ, сорокъ дней безостановочно преслѣдовавшихъ непріятеля, двухдневный отдыхъ. Онъ былъ вынужденъ остановиться, чтобы запастись провіантомъ и поправить испорченныя повозки обоза, не рѣшаясь оставить ихъ въ ненадежномъ мѣстѣ. По прошествіи двухъ дней, въ продолженіе которыхъ не имѣлось никакихъ извѣстій, ни о Пугачевѣ, ни о сообщникахъ его, Михельсонъ выступилъ по дорогѣ къ Симскому заводу (30-го мая). Услышавъ о его приближеніи, Салаватъ разграбилъ и зажегъ заводъ, а самъ перешелъ р. Ай и остановился на правомъ ея берегу, въ горахъ, гдѣ Пугачевъ, избавясь отъ погони Гагрина и Жолобова, успѣлъ съ нимъ соединиться. Мятежники рѣшились воспрепятствовать Михельсону произвести переправу и уничтожили мосты на р. Ай.

Оставивъ Симскій заводъ въ сторонѣ, Михельсонъ двинулся за Салаватомъ и, подойдя къ р. Ай, приказалъ пятидесяти казакамъ своего отряда переправиться вплавь, взявъ съ собою на лошадь по одному егерю. Башкиры бросились-было на нихъ, но были разсѣяны пушечными выстрѣлами, и затѣмъ, подъ прикрытіемъ этого передоваго отряда, переправились и остальныя войска Михельсоновы; порохъ перевезла конница, а орудія переволокли по дну рѣки на канатахъ. Атака, послѣдовавшая за переправою, кончилась, какъ обыкновенно, пораженіемъ мятежниковъ. Во время преслѣдованія они потеряли до четырехсотъ человѣкъ убитыми. Пугачевъ, Бѣлобородовъ и раненый Салаватъ едва успѣли спастись.

Намѣреваясь довершить пораженіе мятежниковъ, Михельсонъ направился за ними къ д. Киги, куда они бѣжали, надѣясь соединиться тамъ со скопищами разбойника Анчугала. Во время преслѣдованія, ночью (2-го іюня) передовыя войска, подъ командою капитана Карташевскаго, были окружены шайкою Салавата; но своевременное прибытіе подкрѣпленія выручило ихъ изъ опасности. Мятежники были разсѣяны нѣсколькими выстрѣлами. Одна часть конницы послана была для преслѣдованія бѣгущихъ, а другая, которую велъ самъ Михельсонъ, подвигалась впередъ съ большими предосторожностями; пѣхота шла въ нѣкоторомъ разстояніи позади, прикрывая обозъ. Предусмотрительность начальника и знакомство его съ тактикою мятежниковъ избавили отрядъ отъ большой опасности. Три значительныя толпы, при которыхъ находился самъ Пугачевъ, внезапно появились въ тылу и атаковали прикрытіе обоза. Тогда Михельсонъ немедленно послалъ приказаніе передовой кавалеріи вернуться, а самъ, съ бывшими у него подъ рукою всадниками, помчался на выручку пѣ-

хоты, упорно оборонявшейся противъ насѣдавшихъ на нее мятежниковъ. Прибытіе остальной кавалеріи окончательно рѣшило дѣло: разстроенные пугачевцы бѣжали и были преслѣдуемы на разстояніи пяти верстъ. Узнавъ вслѣдъ затѣмъ отъ плѣнныхъ о намѣреніи Пугачева идти къ Уфѣ, Михельсонъ поспѣшилъ пресѣчь ему дорогу и, встрѣтивъ (5-го іюня) бунтовщиковъ, снова разбилъ и разогналъ ихъ.

Однако, при всѣхъ блестящимъ успѣхахъ Михельсонъ сознавалъ необходимость прекратить на время свое преслѣдованіе. Больные и раненые собственнаго отряда, число которыхъ значительно увеличилось, должны были быть сданы въ надежное мѣсто; гдѣ-нибудь надо было также оставить захваченныхъ имъ плѣнныхъ, только замедлявшихъ его движенія; наконецъ, запасы, особенно боевые, совершенно истощились: оставалось только по два патрона на человѣка. Всѣ эти причины побудили его остановиться на нѣсколько дней въ Уфѣ, чтобы тамъ запастись всѣмъ для отряда необходимымъ.

Послѣ этого кратковременнаго отдыха Михельсонъ, какъ только открылась возможность, вышелъ изъ Уфы на новые поиски. Двигаясь черезъ Бирскъ, по направленію къ Сарапулу, онъ началъ снова встрѣчать значительныя, преимущественно башкирскія, шайки. Приходилось терять время на разсѣяніе ихъ и, кромѣ того, безпрестанно останавливаться для возстановленія переправъ, всюду уничтожаемыхъ пугачевскими шайками и мѣстными жителями, сочувствовавшими имъ.

Постоянно задерживаемый всѣми этими препятствіями, Михельсонъ только 2-го іюля могъ достигнуть Камы, черезъ которую и переправился около села Каракулина. Эта переправа опять сильно задержала его, такъ какъ всѣ перевозочныя средства были или истреблены, или увезены мятежниками.

Между тѣмъ Пугачевъ, не стѣсняемый тѣми затрудненіями, которыя понудили его преслѣдователя остановиться въ Уфѣ, бросился на сѣверъ. Завладѣвъ пригородомъ Осою, онъ разграбилъ и сжегъ его и переправился (23-го іюня) на правый берегъ Камы. Здѣсь нѣсколько заводовъ было тоже опустошено имъ. Скопище его постоянно усиливалось новыми толпами, которыя столько же содѣйствовали его движенію, сколько препятствовали преслѣдованію Михельсона. Никѣмъ не задерживаемый, онъ устремился на Казань.

О переправѣ самозванца черезъ Каму Михельсонъ узналъ только 27-го іюня, но самъ онъ могъ перейти на правый берегъ только черезъ шесть дней послѣ этого. Совершивъ переправу, онъ немедля двинулся къ Казани и 11-го іюля находился въ разстояніи около 65-ти верстъ отъ нея. Люди и лошади въ его отрядѣ

были сильно утомлены предшествовавшими переходами; несмотря на то, онъ продолжалъ путь свой, сознавая всю важность своевременнаго прибытія къ угрожаемому городу. Въ это время Пугачевъ уже ворвался туда и шайки его предавались всевозможнымъ неистовствамъ. Страшная участь грозила и Казанской крѣпости, куда укрылись всѣ мѣстные чиновники и множество дворянъ, но избавитель былъ близокъ.

Отойдя 20 верстъ отъ мѣста привала, Михельсонъ вторично былъ принужденъ остановиться, хотя уже до него началъ доноситься гулъ пушечныхъ выстрѣловъ со стороны Казани. Какъ ни привычны были его люди къ форсированнымъ маршамъ, но имъ необходимо надо было дать собраться съ силами для послѣдняго перехода, такъ какъ до Казани оставалось еще слишкомъ 40 верстъ. Отдохнувъ всего одинъ часъ, Михельсонъ двинулся далѣе. Встрѣченная имъ на дорогѣ толпа мятежниковъ была разсѣяна; но бѣжавшіе успѣли предупредить Пугачева о его приближеніи. На этотъ разъ самозванецъ рѣшился встрѣтить своего грознаго врага лицомъ къ лицу: онъ собралъ свои многочисленныя толпы и занялъ позицію въ 7-ми верстахъ отъ Казани, около села Царицына.

Михельсонъ, подойдя къ расположенію мятежниковъ, рѣшился немедленно атаковать ихъ. Самъ онъ двинулся на центръ позиціи, отрядивъ противъ праваго крыла мятежниковъ своего храбраго сподвижника, маіора Харина, а противъ лѣваго — маіора Дуве. Атака на центръ, прикрытый болотистою мѣстностью, встрѣчена была сильнымъ огнемъ главной батареи Пугачева; огонь этотъ, однако, не поколебалъ храбрости атакующихъ: батарея была взята и защитники ея обращены въ бѣгство. Нападеніе на лѣвое крыло мятежниковъ было столь же успѣшно; но Харинъ, задержанный жестокимъ огнемъ и встрѣченный весьма сильными скопищами, очутился въ положеніи весьма опасномъ. Къ счастію, Михельсонъ, раздѣлавшись съ стоявшими въ центрѣ мятежниками, во-время подоспѣлъ къ нему на выручку. Опрокинутые на всѣхъ пунктахъ пугачевцы бѣжали, потерявъ 800 человѣкъ убитыми и 7 пушекъ. Преслѣдовать ихъ было нельзя, такъ какъ уже стемнѣло и, къ тому же, войскамъ крайне необходимъ былъ отдыхъ.

Переночевавъ на полѣ сраженія, Михельсонъ на другое утро (13-го іюля), двинулся къ Казани; но, дошедши до Арскаго поля, снова встрѣтилъ толпы бунтовщиковъ, намѣревавшихся преградить ему сообщеніе съ казанскимъ гарнизономъ. Михельсонъ, успѣлъ дать знать коменданту крѣпости о своемъ приближеніи и въ то время, когда самъ онъ отражалъ нападающія на него скопища, генералъ-маіоръ Потемкинъ, вышедши изъ крѣ-

пости, ударилъ на нихъ съ другой стороны. Мятежники были отброшены и ушли за р. Казанку, въ с. Сухую-Рѣку. Михельсонъ остался ночевать на полѣ битвы; но на другой день получилъ извѣстіе, что Пугачевъ, подкрѣпившись новыми толпами, вѣроятно, привлеченными надеждою на богатую добычу въ Казани, хочетъ опять сдѣлать на него нападеніе.

15-го іюля, дѣйствительно, открыто было приближеніе мятежныхъ полчищъ. Число бунтовщиковъ, по слухамъ, простиралось до 25-ти т.; но Михельсонъ привыкъ не смущаться ихъ многочисленностью и, взявъ себѣ въ подкрѣпленіе 150 человѣкъ изъ войскъ Потемкина смѣло пошелъ на встрѣчу самозванцу. Встрѣча послѣдовала около того же мѣста, на которомъ мятежники были разбиты 12-го числа. На этотъ разъ многочисленная шайка Пугачева дралась особенно упорно и дѣло было окончено только атакою, произведенною самимъ Михельсономъ, во главѣ резерва, состоявшаго, впрочемъ, всего изъ нѣсколькихъ десятковъ всадниковъ. Мятежники разстроились и побѣжали, преслѣдуемые маіоромъ Харинымъ.

Послѣдствіемъ этого сраженія, кромѣ огромныхъ потерь, понесенныхъ мятежниками, было освобожденіе нѣсколькихъ тысячъ казанскихъ жителей, захваченныхъ башкирами и другою разбойничьею сволочью.

Клевета, взведенная на Михельсона, будто онъ преднамѣренно замедлилъ свое прибытіе къ Казани для того, чтобы дать время мятежникамъ разграбить городъ, а потомъ самому поживиться отнятою у нихъ добычею, — клевета эта опровергается самими фактами. Мы видѣли, что только крайняя необходимость заставила Михельсона остановиться въ Уфѣ и, такимъ образомъ, выпустить изъ виду самозванца, за движеніями котораго, и вообще, услѣдить было весьма трудно. Особенныхъ опасеній за Казань Михельсонъ тоже не могъ имѣть. Ему-ли, привыкшему съ своимъ малочисленнымъ отрядомъ поражать многочисленныя скопища мятежниковъ, — ему-ли можно было ожидать, что Казань, гдѣ имѣлось до 1,500 войска, съ достаточною артиллеріею, не съумѣетъ отстоять себя, хотя бы въ теченіе нѣсколькихъ дней? Тѣмъ не менѣе, едва получивъ достовѣрныя свѣдѣнія о движеніи мятежниковъ къ этому городу, онъ сдѣлаетъ со своимъ измученнымъ отрядомъ переходъ въ шестьдесятъ верстъ и затѣмъ немедленно вступаетъ въ бой съ непріятелемъ, расположившимся на крѣпкой позиціи. Это-ли назвать преднамѣренною медленностью?... Но зависть и недоброжелательство не всегда справляются съ логикою.

Пугачевъ, разбитый подъ Казанью, перенесъ, какъ извѣстно, дѣятельность свою на правое побережье Волги. Нѣсколько отря-

довъ послано было для его преслѣдованія; въ томъ числѣ и отрядъ Михельсона (около 800 чел.), остававшійся въ Казани только короткое время для снабженія себя необходимыми запасами и подкрѣпленіями.

Еще болѣе мѣсяца свирѣпствовалъ самозванецъ и при содѣйствіи черни постоянно ускользалъ отъ преслѣдовавшихъ его войскъ. Побывалъ онъ въ Ядринскѣ, Алатырѣ, Пензѣ, Саратовѣ, обозначая путь свой страшными грабежами и убійствами. Но то были уже послѣдніе его успѣхи. Съ урономъ отбитый отъ Царицына и узнавъ въ тоже время о приближеніи правительственныхъ отрядовъ, онъ бѣжалъ къ Черному Яру; но въ 150-ти верстахъ отъ Царицына былъ настигнутъ Михельсономъ (25-го августа) и совершенно разбитъ. Несмотря на быстроту бѣгства мятежниковъ, Михельсонъ уже не выпускалъ ихъ изъ вида и въ 25-ти вер. отъ Чернаго Яра нанесъ имъ новое, окончательное пораженіе. Вся шайка Пугачева разсыпалась и самъ онъ, съ нѣсколькими приближенными, едва успѣлъ спастись, переплывъ на лодкѣ на луговой берегъ Волги, гдѣ вскорѣ послѣ того былъ схваченъ и выданъ посланному для его поимки Суворову.

Блестящія заслуги Михельсона при усмиреніи пугачевскаго бунта были щедро награждены императрицею. Въ письмѣ своемъ, отъ 23-го іюля 1774 г., къ генералъ-маіору Павлу Сергѣевичу Потемкину (завѣдывавшему секретными коммисіями по открытію виновныхъ въ мятежѣ), она, между прочимъ, пишетъ:

«... ожидала я съ нетерпеливостію извѣстія о приходѣ господина Михельсона въ Казань съ рѣшительнымъ сего дѣла оборотомъ, полагая надежда на помочь Всевышняго, толь много Россію милующаго во всякое время».

«Вчерашной, 22-го числа іюля, чрезъ адъютанта вашего Мартыновича, увѣдомилась я, что надежда моя не щетна была и что Казань, по десятичасовномъ зломъ страданіи въ рукахъ варваровъ, освободилась соединеньемъ вашимъ съ господиномъ Михельсономъ, и что вы имѣете упованье, по приближеніи тѣхъ войскъ, кои къ вамъ на сикурсъ идутъ, нанести злодѣямъ наивящеѣ истребленіе, въ чемъ Богъ да поможетъ вамъ. Господина подполковника Михельсона я вчерашной же день пожаловала полковникомъ; всему же, съ нимъ бывшему деташементу жалую треть не в' защетъ; о чемъ указъ сего же дня подпишу въ военную коллегію, и вы всѣхъ и каждаго, коего усердья вы засвидетельствуетѣ, можетѣ обнадежить, что усердныя и ревностныя труды ихъ щетно не останутся. Мое намереніе есть, я отъ васъ не скрою, наградить деревнями всѣхъ тѣхъ, кои во всякой дру-

гой войны кресты бы заслужили.... Да свѣрхъ того прикажитѣ весь деташементъ Михельсонова одѣть и обуть на мой щетъ»[1]).

Согласно высказанному въ этомъ письмѣ намѣренію, императрица пожаловала Михельсону тысячу душъ крестьянъ въ Витебской губерніи. Но такъ какъ заслуги его, при усмиреніи бунта, безусловно выходили изъ общаго разряда, то этой наградой императрица не ограничилась. Изъ приведеннаго письма ея мы видимъ, что весь деташементъ Михельсона за-ново одѣтъ, обутъ и награжденъ третнымъ жалованьемъ; начальникъ же произведенъ въ полковничій чинъ. Сверхъ всего этого, Михельсону пожалованъ орденъ св. Георгія 3-го класса, значительная сумма денегъ и ему же ввѣрено командованіе сперва кирасирскимъ военнаго ордена (1775 г.), а потомъ лейбъ-кирасирскимъ полкомъ (1776 г.).

III.

Черезъ четыре года по окончаніи пугачевскаго бунта, Михельсонъ, въ одинъ и тотъ же день (22-го сентября) пожалованъ чиномъ генералъ-маіора и орденомъ св. Александра Невскаго, а въ 1781 г. именованъ преміеръ-маіоромъ лейбъ-гвардіи Коннаго полка. 22-го сентября 1786 г. онъ былъ произведенъ въ генералъ-поручики и въ этомъ чинѣ, въ 1788 и 1789 годахъ, начальствовалъ корпусомъ въ арміи генералъ-аншефа Мусина-Пушкина, дѣйствовавшей противъ шведовъ.

При неожиданномъ извѣстіи въ Петербургѣ о непріязненныхъ намѣреніяхъ короля Густава III, Михельсонъ былъ первый, посланный императрицею Екатериною, для принятія начальства надъ войсками, разбросанными въ Финляндіи. Предусматривая намѣреніе непріятеля овладѣть крѣпостью Нейшлотомъ, онъ предупредилъ его, послалъ туда достаточно сильный отрядъ, а потомъ пошелъ въ Вильманстранду. Узнавъ, что шведы укрѣпились на берегу рѣки Пардакоски. Михельсонъ выбилъ ихъ оттуда и сталъ въ выгодной позиціи у Давидова, лѣвѣе Вильманстранда.

Слѣдующую кампанію (1789 г.) онъ открылъ удачными дѣйствіями въ окрестностяхъ Вильманстранда и, перейдя границу при урочищѣ Векіера, 31-го мая, послѣ жаркаго сраженія, разбилъ на голову и разсѣялъ укрѣпившійся при д. Киро отрядъ шведскихъ войскъ, послѣдствіемъ чего было занятіе м. Христины. На другой день Михельсонъ выступилъ по дорогѣ къ Сенъ-Михелю и атаковалъ непріятельское укрѣпленіе, защищавшее

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1875 г., томъ XIII, стр. 118—119.

переправу Парасальми, но былъ отбитъ. Дѣло было весьма упорное и подъ Михельсономъ убита лошадь. Получивъ подкрѣпленіе, онъ возобновилъ атаку (7-го іюня) и на этотъ разъ удачно: шведы принуждены были оставить не только парасальмскій постъ, но и С.-Михель. Дальнѣйшему принятію имъ участія въ военныхъ дѣйствіяхъ въ Финляндіи воспрепятствовала болѣзнь; однако, получивъ облегченіе, онъ еще въ томъ же году отправился въ армію, дѣйствовавшую противъ туровъ, и, принявъ начальство надъ стоящимъ у р. Прута обсерваціоннымъ корпусомъ, прикрывалъ со стороны Измаила всѣ дѣйствія главной арміи противъ крѣпостей—Аккерманъ и Бендеры.

Въ 1790 г., по заключеніи съ Швеціею мира, императрица пожаловала Михельсону знаки ордена св. Александра Невскаго, украшенные брилліантами. Это была послѣдняя награда, полученная имъ въ царствованіе Екатерины, и онъ до самой ея кончины жилъ въ Петербургѣ, числясь въ л.-гв. Конномъ полку.

Императоръ Павелъ, вскорѣ по своемъ воцареніи, произвелъ Михельсона въ генералы отъ кавалеріи и назначилъ шефомъ Глуховскаго кирасирскаго полка, который потомъ съ 31-го октября по 13-е февраля 1800 г. назывался кирасирскимъ Михельсона. Бо́льшую часть означеннаго времени Михельсонъ командовалъ корпусомъ, стоявшимъ въ Подольской губерніи и входившимъ въ составъ арміи генерала Гудовича; а 13-го февраля 1800 г. ему поручено было управленіе Крымскимъ полуостровомъ и начальство надъ Смоленскимъ драгунскимъ полкомъ, который до царствованія императора Александра I носилъ названіе драгунскаго Михельсона. Императоръ Павелъ весьма благоволилъ Михельсону и часто удостоивалъ его рескриптами, даже собственноручными, бо́льшею частію на нѣмецкомъ языкѣ.

Императоръ Александръ I, въ день своей коронаціи, пожаловалъ Михельсону, вторично, алмазные знаки ордена св. Александра Невскаго; въ 1803 г. повелѣлъ ему быть бѣлорусскимъ военнымъ губернаторомъ, а въ 1805 г., во время приготовленія къ войнѣ съ Наполеономъ, ввѣрилъ ему начальство надъ арміею, собранною на западной границѣ въ числѣ 9,000 чел. и состоявшею изъ корпусовъ: Беннингсена, графа Буксгевдена и Эссена. По утвержденному между Россіею и Австріею плану военныхъ дѣйствій, Михельсону было поручено вступить, въ началѣ сентября, въ прусскія владѣнія и идти съ беннингсеновымъ корпусомъ въ сѣверную Германію, отправя Буксгевдена и Эссена на соединеніе съ арміею Кутузова, въ Моравію. Планъ этотъ былъ въ послѣдствіи отмѣненъ и самому Михельсону не удалось сразиться съ французами. Передъ аустерлицкимъ сраженіемъ корпусъ Беннингсена посланъ былъ въ Богемію, а Михельсону

велѣно было возвратиться въ Россію и принять начальство надъ резервами, расположенными въ западныхъ губерніяхъ.

Нетерпѣливо желавшій сразиться съ французами, старый воинъ былъ глубоко огорченъ этимъ удаленіемъ отъ театра военныхъ дѣйствій. Говорятъ, что перемѣна назначенія такъ на него подѣйствовала, что при извѣстіи о ней онъ упалъ на стулъ и залился слезами. Однако, эта, вошедшая въ плоть и кровь его, потребность военной дѣятельности была удовлетворена въ слѣдующемъ же 1806 г. (въ апрѣлѣ) назначеніемъ его главнокомандующимъ днѣстровскою арміею, собранною противъ турокъ.

Въ какомъ состояніи находилась эта армія, можно видѣть изъ донесеній генерала князя Долгорукова, посланнаго государемъ для осмотра ввѣренныхъ Михельсону войскъ. Безпрерывныя почти войны и сопряженныя съ ними громадныя затраты не могли не отозваться на всей военной организаціи государства. Такъ, войска, назначенныя для похода въ Турцію, еще въ концѣ іюня 1806 года, далеко не досчитывались въ рядахъ своихъ комплектнаго числа людей и лошадей; во многихъ полкахъ не доставало значительнаго количества ружей, ранцевъ, шинелей; артиллерія и подвижные магазины находились въ самомъ неудовлетворительномъ состояніи. Вся тяжесть заботъ по приведенію арміи въ боевое состояніе легла на плечи 67-ми-лѣтняго старца, къ тому же разстроеннаго здоровьемъ. Но, несмотря на безконечныя препятствія и затрудненія, Михельсонъ бодро принялся за дѣло и изъ всеподданнѣйшихъ писемъ князя Долгорукова видно, что уже въ августѣ пѣхотные полки всѣ почти приведены были въ такое состояніе, что могли выступить въ походъ. Среди неусыпныхъ трудовъ своихъ, Михельсонъ смущался только тою мыслію, чтобы у него не отняли командованія надъ арміею, когда настанетъ время дѣйствовать. Вотъ что по этому поводу писалъ князь Долгоруковъ во всеподданнѣйшемъ письмѣ своемъ отъ 8-го августа 1806 года:

(Переводъ съ французскаго): «Генералъ Михельсонъ продолжаетъ дѣлать смотры полкамъ; добрый старикъ этотъ старается изо всѣхъ силъ; несмотря на слабость здоровья, онъ неутомимъ. Одно только мучитъ и сильно безпокоитъ его—это опасеніе, чтобы у него не отняли начальства надъ арміею, когда необходимо будетъ дѣйствовать. Онъ съ горестью говорилъ мнѣ объ этомъ, припоминая, что съ нимъ передъ этимъ случилось. Я долгомъ считаю сообщить объ этомъ вашему величеству для того, чтобы вы могли его успокоить, въ случаѣ если намѣрены удержать его на нынѣшнемъ мѣстѣ, такъ какъ безпокойство это сильно вредитъ его здоровью».

Опасенія Михельсона не оправдались и ему во главѣ орга-

низованной имъ же арміи пришлось еще разъ, лицомъ къ лицу, встрѣтиться съ непріятелемъ.

По ограниченному числу регулярныхъ войскъ, назначенныхъ для дѣйствій въ Турціи и вслѣдствіе ходатайства самаго Михельсона, ему разрѣшено было, по примѣру прежнихъ войнъ, набирать волонтерные полки изъ молдаванъ, валаховъ, сербовъ, булгаръ и грековъ. Въ продолженіе двухъ первыхъ походовъ этой войны составилось, такимъ образомъ, шесть волонтерныхъ полковъ три конные и три пѣшіе.

Военныя дѣйствія противъ турокъ должны были открыться въ концѣ октября, но быстрый и неожиданный разгромъ, нанесенный около этого времени пруссакамъ при Іенѣ и Ауерштедтѣ заставилъ государя отдѣлить отъ молдавской арміи часть войскъ на западную границу. Всего 30,000 человѣкъ осталось въ распоряженіи Михельсона. Съ ними онъ перешелъ, около 20-го ноября, на правый берегъ Днѣстра. По малочисленности нашихъ войскъ, дѣйствія ихъ конечно не могли быть особенно рѣшительны и успѣшны; однако, въ теченіе ноября и декабря Михельсонъ занялъ Хотинъ, Бендеры, Килію, Акерманъ, Букарестъ и обложилъ крѣпость Измаилъ. Кромѣ того, онъ завязалъ связи со всѣми христіанскими обитателями Турціи, сознавая, какую пользу можетъ привести его слабой арміи диверсія, произведенная ими внутри страны. Особенно же старался онъ содѣйствовать сербамъ, въ то время уже поднявшимъ знамя возстанія и предводимымъ Георгіемъ Чернымъ.

Во время пребыванія арміи на зимнихъ квартирахъ, въ исходѣ 1806 и началѣ 1807 года, Михельсонъ принималъ дѣятельныя мѣры къ пресѣченію болѣзней, сильно развившихся въ войскахъ вслѣдствіе перемѣны климата, пищи и переходовъ, совершаемыхъ въ ненастное время, по вязкой грязи, отъ Днѣстра къ Дунаю. На правильную организацію снабженія войскъ продовольствіемъ тоже обращено было имъ строгое вниманіе: въ разныхъ мѣстахъ расположены были запасные магазины, пополнявшіеся, какъ подвозомъ изъ Россіи, такъ и мѣстными средствами. Что касается до пополненія убыли въ людяхъ, то въ этомъ отношеніи Михельсонъ встрѣтилъ всего болѣе затрудненій. Война съ Наполеономъ въ восточной Пруссіи такъ озабочивала наше военное министерство, что оно мало обращало вниманія на дѣйствія и требованія Михельсона. Привозимыя отъ него депеши по нѣсколько дней оставались нераспечатанными. Наконецъ, весною 1807 г., отправлено было къ нему четыре донскихъ полка, около 9,000 рекрутовъ изъ кременчугскаго депо и часть кіевской и полтавской милиціи, которая и употреблена была Михельсономъ, частію въ видѣ резерва, остававшагося на

Днѣстрѣ, частію для занятія днѣстровскихъ крѣпостей, изъ которыхъ гарнизоны двинулись въ дунайскія княжества. Желая усилить армію, Михельсонъ издалъ прокламацію къ поселеннымъ за Дунаемъ, а частію разсѣяннымъ въ Молдавіи, Валахіи и Бессарабіи запорожцамъ, приглашая ихъ соединиться съ русскими войсками. По обнародованіи этого объявленія, явилось изъ Браилова въ лагерь подъ Измаиломъ 130 некрасовцевъ и составили первое основаніе усть-дунайскаго казачьяго войска; черезъ нѣсколько мѣсяцевъ число ихъ возросло до 1,150 человѣкъ. Крѣпости: Бендеры, Акерманъ и Килія приводились въ лучшее оборонительное состояніе. Буджакскихъ татаръ старались удерживать въ спокойствіи и старшинамъ ихъ посылались подарки: лисьи шубы, серебрянные часы и т. п.

Къ открытію военныхъ дѣйствій въ февралѣ 1807 г. войска, ввѣренныя Михельсону, возрасли до 38,500 человѣкъ. Силъ этихъ, однако, было недостаточно для предпринятія рѣшительныхъ дѣйствій и потому Александръ I предписалъ Михельсону ограничиваться дѣйствіями оборонительными и удержаніемъ за собою лѣваго берега Дуная, такъ какъ бывшая тогда въ полномъ разгарѣ война съ Наполеономъ не дозволяла усилить молдавской арміи. Но для того, чтобы имѣть возможность ограничиваться пассивною обороною, Михельсонъ считалъ необходимымъ прочно утвердиться въ дунайскихъ княжествахъ и достигнуть этого можно было, по его мнѣнію, только посредствомъ овладѣнія Измаиломъ. Къ этой-то цѣли и направилось его вниманіе.

Осада Измаила поручена была корпусу Мейендорфа, который подошелъ къ этой крѣпости въ началѣ марта; но надежды на скорое овладѣніе ею не оправдались, благодаря храбрости и и искусству начальствовавшаго въ ней Паши-Пегливана. Пока Мейендорфъ занимался осадою, Михельсонъ съ корпусомъ Милорадовича двинулся къ крѣпости Журжи; нанесъ въ окрестностяхъ ея нѣсколько пораженій турецкимъ войскамъ и тѣмъ воспрепятствовалъ имъ подавать помощь гарнизону Измаила.

Измаилъ, однако, держался упорно и осада мало подвигалась впередъ, особенно вслѣдствіе неимѣнія тяжелыхъ орудій. Михельсонъ, недовольный этой медленностью и считая ее послѣдствіемъ недостатка предпріимчивости со стороны Мейендорфа, самъ, 12-го мая, отправился изъ Букареста къ Измаилу, надѣясь присутствіемъ своимъ ускорить сдачу крѣпости. Однако, по прибытіи на мѣсто, онъ убѣдился, что безъ осадной артиллеріи ничего нельзя сдѣлать; на приступъ же онъ не рѣшался, считая войско свое слишкомъ малочисленнымъ. Попытки выманить турецкую армію изъ крѣпости тоже не увѣнчались успѣхомъ и всѣ дѣйствія сводились къ отбитію вылазокъ, которыя весьма часто совершались предпріимчивымъ Пегливаномъ.

Между тѣмъ военныя событія въ Пруссіи приняли невыгодный для насъ оборотъ, послѣдствіемъ котораго было заключеніе тильзитскаго мирнаго договора. По договору этому Наполеонъ, между прочимъ, принималъ на себя посредничество въ примиреніи Россіи съ Турціею. Вслѣдствіе этого государь повелѣлъ Михельсону предложить верховному визирю перемиріе, которое и было заключено 12-го августа 1807 гор. въ г. Слободзеѣ.

Маститый главнокомандующій не дожилъ до этого времени. 5-го августа, т. е. за недѣлю до окончательнаго заключенія перемирія, онъ скончался въ Букарестѣ. Тѣло его было отвезено въ Россію и предано землѣ, въ пожалованномъ ему императрицею Екатериною бѣлорусскомъ имѣніи близъ города Невля, Витебской губ., въ селѣ Ивановѣ.

IV.

Иванъ Ивановичъ Михельсонъ, окончившій свое поприще въ чинѣ генерала отъ кавалеріи и кавалеромъ ордена св. Андрея Первозваннаго (пожалованнымъ ему въ 1806 году) можетъ считаться однимъ изъ типовъ тѣхъ доблестныхъ «служилыхъ людей», въ которыхъ Россія никогда не ощущала недостатка. По лихой храбрости и юношеской пылкости, его ближе всего можно приравнять къ современному ему прусскому герою Блюхеру (генералу Vorwärtz какъ называли его русскіе солдаты). Многочисленныя раны, полученныя имъ въ младшихъ чинахъ, свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ всегда находился въ самомъ пылу боя и себя не жалѣлъ. Даже при концѣ боеваго поприща Михельсона, во время турецкой войны 1807 г., эта блистательная храбрость увлекала его, 67-ми-лѣтняго старца, не только за предѣлы благоразумія, но и за предѣлы исполненія обязанностей главнокомандующаго. Во время осады Измаила, постоянно тревожимой турецкими вылазками, Михельсонъ, нерѣдко самъ, обнаживъ саблю, бросался во главѣ своей кавалеріи на дерзкаго непріятеля. Неутомимая дѣятельность его и настойчивость всего блистательнѣе проявилась во время пугачевщины и увѣнчались онѣ такими результатами, которые обезсмертили имя Михельсона. Только обладая такими качествами, каковыми обладалъ онъ, можно было успѣшно дѣйствовать противъ стоглавой гидры мятежа 1774 года.

Съ необычайною личною храбростію и дѣятельностію Михельсонъ соединялъ благодушіе, привѣтливость со всѣми и замѣчательную заботливость о своихъ подчиненныхъ. Какъ онъ смотрѣлъ на русскаго солдата—это видно изъ всеподданнѣйшаго письма его изъ Тульчина, отъ 25-го іюня 1806 года. Письмо это

было написано по поводу изъявленной высочайшей воли, чтобы во время компаніи не было прибавочнаго по военному времени обоза и солдатскихъ артельныхъ повозокъ. Отстаивая необходимость, особенно послѣднихъ, Михельсонъ, между прочимъ, пишетъ:

«Не осмѣлился бы я, всемилостивѣйшій государь, такъ далеко распространяться симъ всеподданнѣйшимъ моимъ представленіемъ, если бы не истинное усердіе мое меня къ тому влекло, и ежели бы не только долговременный опытъ собственный, но и опыты вѣковъ не доказывали истину, что первымъ предметомъ въ военномъ дѣлѣ есть: уважать на свойства и нужды солдата. Свойства россійскаго солдата есть не страшиться ни трудовъ, ни дисциплины, ни многочисленнѣйшаго непріятеля, но невыгоды и недостатки, безъ таковыхъ причинъ, кои самъ онъ знаетъ необходимыми, не терпитъ. Противу первыхъ онъ твердъ и храбръ и въ напряженіяхъ къ побѣдѣ опасностей не знаетъ; а отъ послѣднихъ рождается неудовольствіе, унижается духъ и клонится къ разрушенію дисциплины».

Государь уважилъ ходатайство стараго, опытнаго воина, и молдавской арміи, сравнительно съ другими, разрѣшено было имѣть значительнѣйшее количество обоза.

Въ заключеніе должно прибавить, что матеріалы для біографіи Ивана Ивановича Михельсона весьма еще скудны и что въ представляемомъ нами опытѣ его жизнеописанія много пробѣловъ. Желательно бы было, чтобы тѣ лица, которыя обладаютъ свѣдѣніями, которыя могутъ бросить болѣе яркій свѣтъ на личность Михельсона, какъ человѣка и какъ солдата, подѣлились ими съ многочисленными читателями «Русской Старины» [1]).

И. И. Ореусъ.

[1]) Присоединяемъ къ просьбѣ автора — нашу просьбу и обращаемъ ее въ особенности къ старожиламъ Невельскаго уѣзда, достопочтеннымъ Е. О. Дуве и А. И. Карташеву: отъ своихъ родителей они могли слышать любопытные разсказы о Михельсонѣ, которые и желательно было бы видѣть на страницахъ нашего изданія. **Ред.**

Портретъ Михельсона.

1803—1805.

Ко времени пребыванія Михельсона въ Бѣлоруссіи въ 1803—1805 гг., относится снятіе съ него портрета. Портретъ поясной, писанъ масляными красками на холстѣ; точная съ него гравюра, исполненная рѣзцомъ талантливаго художника, академика И. П. Пожалостина и отпечатанная въ Парижѣ, прилагается къ этой книгѣ «Русской Старины».

Подлинный портретъ былъ подаренъ Михельсономъ правителю его канцеляріи и другу Михаилу Степановичу Жуковскому, котораго онъ искренно уважалъ и любилъ (ум. тайнымъ совѣтникомъ въ 1836 г.). Портретъ этотъ принадлежитъ нынѣ превосходному собранію живописныхъ портретовъ замѣчательныхъ русскихъ людей—князя А. Б. Лобанова-Ростовскаго, которому подаренъ С. М. Жуковскимъ.

Такъ какъ портретъ Михельсона до сихъ поръ не былъ никогда изданъ, то гравюра И. П. Пожалостина является весьма полезною и необходимою, впервые воспроизведя предъ нашими соотечественниками открытыя, дышащія умомъ, выразительностію и отвагою черты лица доблестнаго воина. Изъ очерка г. Ореуса мы видѣли, что, несмотря на преклонный возрастъ и тяжкія раны, Михельсонъ до послѣдняго дня жизни сохранилъ бодрость и энергію; это былъ воинъ по страсти: на Дунаѣ, незадолго до кончины, нерѣдко случалось что лихой старецъ, Михельсонъ, въ виду схватки какого-нибудь легкаго кавалерійскаго отряда съ турками, выхватывалъ у конвойнаго казака пику и самъ бросался въ атаку, совершенно забывая, что обязанности главнокомандующаго должны бы въ немъ сдерживать страсть къ личному участію въ бою.

Таковъ былъ Михельсонъ, и портретъ его краснорѣчиво говоритъ о свойствахъ его души и сердца.

Ред.

Rodier imp.r de l'Hôtel Colbert, 12 Paris

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ".

Артемій Волынскій.

Письмо къ кн. Кантеміру.

Въ С.-Петербургѣ.—15-го декабря 1738 года.

Государь мой князь Антіохъ Дмитріевичъ (Кантеміръ)! Я прилежно прошу отпустить мнѣ, что я, столь долго не писавъ, пропустилъ время, а нынѣ при случаѣ отправленія къ вамъ экспедиціи и на пожалованной отъ ея императорскаго величества нашей всемилостивѣйшей государыни вамъ при дворѣ его величества короля французскаго характеръ чрезвычайнаго посла кредитива, я, по имѣющему всегдашнему почтенію, ваше сіятельство симъ дружески поздравляю, желая притомъ впредь вамъ отъ ея императорскаго величества, по вашимъ достойнымъ заслугамъ, наивящую милость получить; что же касаться будетъ до моихъ истинныхъ услугъ къ вашему сіятельству, я прошу въ томъ мнѣ совершенно повѣрить, что есмь и наивсегда пребуду съ особливымъ почтеніемъ и вѣрностію вашего сіятельства, государя моего, покорный слуга „Артемей Волынской".

(Изъ собранія автографовъ кн. А. В. Лобанова-Ростовскаго).

Письмо канцлера Бестужева-Рюмина.

Помѣщаемое здѣсь письмо канцлера гр. Бестужева-Рюмина писано къ брату моего прадѣда, Ивану Дмитріевичу Бестужеву-Рюмину; оно указываетъ на стараніе канцлера сохранить преданія родословныя. К. В. Р.

Государь мой Иванъ Дмитріевичъ, имѣя всегдашнее, а особливо по старости лѣтъ моихъ и по нынѣшнимъ болѣзнямъ, попеченіе о однородныхъ моихъ родственникахъ и щитая ваше высокоблагородіе стар-

шимъ изъ ближайшихъ ко мнѣ, за долгъ нахожу послать къ вамъ при семъ собранную трудами покойнаго моего родителя родословную книгу, съ тѣмъ, чтобы вы оную у себя хранили, а во всякомъ случаѣ по оной между собою и разбираться могли, тѣмъ паче, что я нечаю, чтобы подобное обстоятельное и доказательное извѣстіе о происхожденіи нашей фамиліи у кого-либо изъ васъ находилось и чтобы кто о томъ совершенно свѣдомъ былъ. Между тѣмъ я не сумнѣваюсь, что вы сію книгу и всѣмъ прочимъ изъ нашей фамиліи сообщите; а и притомъ усмотрите мое объ васъ всѣхъ радѣніе, съ каковымъ я такъ какъ и съ особливымъ усерднымъ почтеніемъ навсегда неотмѣнно пребываю и пребуду вашего высокоблагородія послушный слуга „Г. А. Бестужевъ-Рюминъ".

Въ С.-Петербургѣ, 10-го іюля 1764 года.

Примѣчаніе. Только подпись собственноручная, письмо приклеено въ той книгѣ, о которой въ немъ упомянуто. Книга эта, великолѣпно переписанная, переплетена въ малиновый бархатъ. Здѣсь между свѣдѣніями о родѣ, собранными въ архивахъ, находится копія граматы, полученной гр. Бестужевымъ отъ герольда графства Кентскаго о выѣздѣ нашего рода изъ Англіи.

Сообщ. **К. Н. Бестужевъ-Рюминъ.**

Два письма графа П. А. Румянцева.

1771—1172.

1) Государь мой Иванъ Александровичъ. Отъ суда земскаго переяславскаго, за вашимъ подписаніемъ, я получилъ рапортъ, гдѣ требуется, дабы я рѣшилъ о выдачѣ купчей на проданной мнѣ островъ и рощу, отъ казаковъ въ сотнѣ Яготинской. Сожалѣю, что вы меня разумѣете такимъ властителемъ, каковымъ я быть не могу, не удалившись закона, что никому не дозволяется въ собственныхъ своихъ дѣлахъ съ другими быть судьею. Спрашиваете-ли вы каждаго дворянина и помѣщика на судѣ, ежели идетъ его дѣло, чтобъ васъ собственнымъ своимъ мнѣніемъ наставилъ—какъ оное рѣшить? А я не больше предъ судомъ вашимъ, по моимъ земскимъ дѣламъ, какъ и всякой помѣщикъ, и право общее во всемъ относится на меня какъ и на другаго; но, къ удивленію, вы заравно поставляете партикулярныя дѣла съ дѣлами моего званія. Если судъ имѣетъ указъ коллегіи (малороссійской), чтобъ не утверждать продажи казачихъ грунтовъ, съ которыхъ они войсковую службу отправляютъ, то сіе обстоятельство разрѣшить не трудно бы, вопроса продавцевъ—изъ сего-ли острова или лѣсу они всю свою должность несли? И когда имѣютъ они другіе еще имѣнія, снабдѣвающіе ихъ къ тому, то какъ можетъ прекратится отъ нихъ службы,

къ соблюденію которой, я думаю, постановленіе коллежское относится. Примите вы мои въ семъ мысли въ видѣ партикулярнаго съ вами разговора; а впрочемъ, по владѣнію земскому мои дѣла зависятъ отъ законовъ, по коимъ съ оными вы все должное чинить можете, не требуя, какъ нынѣ, моей резолюціи, которой ни я дать не могу, ниже видѣть безъ чувствительности, когда объ опой меня вопрошаютъ, не прилично. Между симъ я остаюсь какъ и былъ Румянцовъ. 11-го апрѣля 1771 года.

Примѣчаніе. Письмо это П. А. Румянцевъ, будучи правителемъ Малороссіи, писалъ переяславскому судьѣ И. А. Бахчевскому. Въ Переяславскомъ уѣздѣ были главныя имѣнія Румянцева, Ташань и проч., и проч. А. Л.

---

2) Милостивый государь мой Андрей Степановичъ [1]). Въ хуторѣ Качановскаго, что купилъ я по старанію вашему, приходятъ помежные земли съ Иваницкими, владѣнія вашего тестя, Андрея Андреевича [2]), къ взаимной на обѣ стороны пользѣ, если ихъ обмѣнять, ибо столько мнѣ способности есть въ грунтахъ его мужиковъ, внутрь Качановскихъ дачъ состоящихъ, сколько и ему, принявъ за оные прилеглые къ его владѣнію. Я просилъ г. Александровича, чтобъ упросить на сію замѣну вашего тестя, но онъ, повидимому, былъ изъ числа таковыхъ людей, которые, кромѣ своихъ глазъ, всѣ другіе не столько видящими ставятъ, отписалъ ему, что онъ того безъ собственнаго тамъ присутствія учинить не можетъ; а г. Александровичъ меньше всего имѣетъ надежды тутъ его увидѣть. Прошу я покорно вашего превосходительства употребить лучшія старанія уговорить Андрея Андреевича, чтобъ если не сыну, то хотя брату Григорію Андреевичу, который и должность межевщика носитъ, извѣрить, чтобъ тотъ промѣнъ съ его стороны могли учинить; увѣрьте его, что я не ищу какъ только одной способности и равномѣрной на обѣ стороны выгоды и больше радъ своего уступить, нежели воспользоваться въ семъ случаѣ какимъ-либо лишкомъ. 22-го іюля 1772 г. Румянцовъ.

Сообщ. **А. М. Лазаревскій.**

Александръ Васильевичъ Суворовъ.

Д. А. Милютинъ, составитель превосходнаго труда о войнѣ Россіи съ Франціею въ 1799 г., разсказывая о свиданіи Суворова съ принцемъ Конде, послѣ цюрихскаго сраженія, говоритъ: „Къ сожалѣнію, нѣтъ никакихъ свѣдѣній о свиданіи Суворова съ Корсаковымъ“.

---

[1]) А. Ст. Милорадовичъ, черниговскій полковникъ, а потомъ—намѣстникъ.

[2]) Горленко, который въ это время былъ полтавскимъ полковникомъ.

Въ настоящее время, когда слишкомъ три четверти вѣка отдѣляютъ насъ отъ эпохи послѣднихъ дѣйствій Суворова на военномъ поприщѣ, нѣтъ уже болѣе людей, участвовавшихъ въ достопамятныхъ событіяхъ итальянскаго и швейцарскаго походовъ 1799 г., въ 1820-хъ же годахъ ихъ еще можно было встрѣтить и въ это-то самое время покойный отецъ мой имѣлъ случай близко познакомиться съ бывшимъ секретаремъ Суворова, Трефуртомъ, умершимъ, если не ошибаюсь, въ царствованіе императора Николая Павловича, въ чинѣ тайнаго совѣтника. Это былъ, по словамъ отца моего, человѣкъ въ высшей степени скромный, правдивый и честный, а потому разсказы его могли заслуживать вѣру.

Лѣтомъ 1827 г. появилась въ печати книга подъ заглавіемъ: „Анекдоты о Суворовѣ", составленная бывшимъ въ 1799 г. правителемъ канцеляріи Суворова Е. Б. Фуксомъ; она была раскуплена на расхватъ. По прочтеніи этой книги, первымъ дѣломъ моего отца было отправиться къ Трефурту и попросить у него поясненія на нѣкоторые разсказы, г. Фуксомъ приведенные. Почтенный старецъ иное призналъ совершенно вѣрнымъ, на иное сдѣлалъ свои замѣчанія, иного не помнилъ. Онъ не былъ словоохотливъ, но тутъ, одушевляясь воспоминаніями о великихъ событіяхъ, которыхъ былъ очевидцемъ, проговорилъ цѣлый вечеръ и передалъ отцу много любопытнаго. Между прочимъ, отецъ твердо удержалъ въ памяти разсказъ его о первомъ свиданіи Суворова съ Римскимъ-Корсаковымъ послѣ несчастнаго сраженія подъ Цюрихомъ и записалъ его.

Вотъ разсказъ объ этой встрѣчѣ, найденный мною въ бумагахъ отца моего, который передаетъ его, какъ самъ замѣчаетъ, почти словами Трефурта:

„Суворовъ былъ уже трое сутокъ въ Ландау, когда пришли туда войска Корсакова. Ожидая его въ свою квартиру, маститый полководецъ вышелъ въ пріемную комнату, гдѣ стояло нѣсколько генераловъ, офицеровъ и гражданскихъ чиновниковъ. Онъ былъ въ какомъ-то тревожномъ состояніи и безпрестанно поправлялъ на себѣ одежду.

— „Помилуй Богъ! Александра Михайловича надобно принять чинно: онъ самъ учтивецъ, онъ придворный человѣкъ, онъ камергеръ; онъ дѣлаетъ на-караулъ даже непріятелямъ и въ сраженіи".

Послѣ этихъ словъ Суворовъ простоялъ нѣсколько времени на одномъ мѣстѣ, какъ вкопанный, молча и съ зажмуренными глазами, и потомъ снова сталъ поправлять у себя мундиръ и манжеты.

Вошелъ Корсаковъ съ рапортомъ въ рукѣ, блѣдный и, повидимому, сконфуженный. Ему непріятенъ былъ пріемъ при всѣхъ; онъ желалъ и надѣялся быть принятымъ одинъ, въ кабинетѣ.

Суворовъ привѣтствовалъ Корсакова легкимъ поклономъ и, прини-

мая отъ него рапортъ, стоялъ минуты двѣ зажмуривъ глаза. Вдругъ онъ будто пробудился отъ сна и сказалъ громко:

— „Александръ Михайловичъ! Что мы?.... Требія, Тидона, Нови..... сестры..... а Цюрихъ?“

Съ этимъ послѣднимъ словомъ онъ приподнялся на цыпочки, нѣсколько закинулъ голову назадъ, и, какъ выразился Трефуртъ, „сдѣлалъ прегорькую гримасу“. Повторивъ это еще разъ, онъ спросилъ случившійся въ комнатѣ офицерскій эспантонъ, и дѣлая имъ пріемы, сказалъ Корсакову:

— „Александръ Михайловичъ! какъ вы отдали честь Массенѣ? такъ, эдакъ, вотъ этакъ?..... Да вы отдали ему честь не по-русски; помилуй Богъ, не по-русски“.

Отдавъ эспантонъ одному изъ предстоящихъ, и все еще не принимая рапорта, фельдмаршалъ началъ отступать спиною къ дверямъ сосѣдней комнаты, служившей ему кабинетомъ; передъ самымъ порогомъ остановился, позвалъ Корсакова и, вошедъ съ нимъ въ комнату, затворилъ за собою дверь. Тамъ разговоръ ихъ продолжался около часа, но происходилъ тихо, такъ что лица, стоявшія почти подлѣ дверей, не могли слышать ни одного слова. Корсаковъ вышелъ, какъ убитый, на немъ лица не было. Такъ разсказывалъ Трефуртъ.

Свѣтлою полосою проходитъ въ сочиненіи Д. А. Милютина имя генерала Дерфельдена. Суворовъ весьма высоко цѣнилъ его военныя достоинства и называлъ его своимъ учителемъ. И о немъ Трефуртъ передалъ слѣдующій, записанный моимъ отцомъ, разсказъ:

Когда въ 1789 г., тотчасъ послѣ рымникскаго сраженія, поздравляли Суворова съ одержанною имъ побѣдою, онъ говорилъ поздравителямъ:

— „Честь не мнѣ, а Вилиму Христофоровичу (такъ звали Дерфельдена). Я только ученикъ его: онъ пораженіемъ турокъ при Максименахъ и Гавацѣ показалъ, какъ надобно предупреждать непріятеля“.

Вотъ слова, переданныя Трефуртомъ.

Доблестный сподвижникъ Румянцева и Суворова—Дерфельденъ, прослуживъ съ честью около 50-ти лѣтъ, оставилъ службу во время обратнаго похода нашихъ войскъ изъ-за границы въ Россію. Въ высочайшемъ приказѣ, отъ 29-го октября 1799 г., сказано: „Генералъ отъ кавалеріи Дерфельденъ, по прошенію его, что не въ силахъ отъ разстроеннаго здоровья продолжать военную службу, увольняется отъ оной со всемилостивѣйшимъ изволеніемъ носить мундиръ“. Въ это время Дерфельдену былъ 65-й годъ и съ этихъ поръ онъ постоянно жилъ въ своемъ имѣніи, деревнѣ Дерфельденой (она же Ястребина), Херсонской губерніи, Ольвіопольскаго уѣзда (нынѣ Аначьевскаго), на

правой сторонѣ р. Буга, въ 10-ти верстахъ отъ гор. Вознесенска. Это имѣніе есть даръ императрицы Екатерины, которая, какъ гласитъ преданіе, желая ознаменовать мѣстность, на которой генералъ Дерфельденъ одержалъ побѣду надъ турками, повелѣла съ этою цѣлью тотъ самый участокъ назначить ему въ даръ. Дерфельденъ пережилъ всѣхъ своихъ начальниковъ, всѣхъ ратныхъ товарищей и почти всѣхъ тѣхъ его учениковъ, которые въ послѣдствіи стяжали себѣ громкую славу. Въ числѣ такихъ первое мѣсто занимаютъ полководцы императора Александра I кн. Багратіонъ и гр. Каменскій.

Дерфельденъ скончался 9-го сентября 1819 года.

Сообщ. **К. А. Висковатовъ.**

Планъ похода въ Индію въ томъ видѣ, какъ онъ былъ договоренъ между Бонапартомъ и Павломъ I.

Французская армія въ 35 тысячъ пѣхоты, съ полнымъ комплектомъ легкой артиллеріи [1]), двинется отъ границъ Франціи, съ согласія Австріи, на Ульмъ, гдѣ найдетъ суда и отплыветъ на нихъ по Дунаю.

По прибытіи ея въ Черное море, русскій флотъ перевезетъ ее до Таганрога, откуда она отправится въ Царицынъ на Волгѣ, гдѣ, снабженная судами, спустится на нихъ внизъ по рѣкѣ до Астрахани.

Тамъ русская армія въ 35 тысячъ чел. (изъ нихъ 15 т. пѣхоты, 10 т. конницы и 10 т. казаковъ), при усиленномъ комплектѣ артиллеріи, соединится съ французской арміею, которой будутъ доставлены лошади, нужныя для перевозки ея артиллеріи и тяжестей.

Соединенная армія будетъ перевезена Каспійскимъ моремъ изъ Астрахани въ Астрабадъ, гдѣ будутъ учреждены склады всякаго рода снабженій, нужныхъ для арміи.

Походъ этотъ отъ французскихъ границъ до Астрабада расчитанъ приблизительно на 80 дней; потребуется еще 50 дней, чтобы главныя силы арміи (corps de l'armée) достигли праваго берега Инда, направившись на Гератъ, Ферахъ и Кандагаръ; всего 130 дней похода и перевозки для французскихъ войскъ, которыя, такъ же какъ и русскія, будутъ состоять подъ главнымъ начальствомъ генерала Массены [2]) (по требованію, опредѣлительно заявленному императоромъ Павломъ).

Примѣчаніе. Документъ этотъ, присланный Наполеономъ къ Павлу I-му черезъ генерала Дюрока (герцогъ Фріульскій, † 1813 г.), найденъ въ бумагахъ

[1]) Не должно забывать, что легкая (полевая) артиллерія не была сосредоточена въ то время подъ особымъ управленіемъ, но была разбита по дивизіямъ, бригадамъ и даже—въ нѣкоторыхъ случаяхъ—по полкамъ.

[2]) Маршалъ Массена, принцъ Эсслингенскій, род. въ Ниццѣ 1758 г., ум. въ

бывшаго въ то время въ Россіи шведскимъ посланникомъ графа Стединга и напечатанъ, въ посмертныхъ о немъ запискахъ (Mémoires Posthumes du C-te de Steding. Paris, 1845, II, 6—7). Помѣщаемъ его какъ дополненіе къ напечатанному уже въ «Русской Старинѣ» изд. 1873 г. (томъ VIII, стр. 401—409) подробному проекту Бонапарта и императора Павла русско-французской экспедиціи въ Индію въ 1800 г.

Сообщ. **Ю. В. Толстой.**

Атаманъ Калнишевскій.

1787—1801.

Въ 1787 году октября 25-го, архангельскій генералъ-губернаторъ Тутолминъ писалъ къ князю Вяземскому, прося разрѣшить его: подходятъ-ли содержавшіеся тогда въ Соловецкомъ монастырѣ подъ стражею подъ милостивый манифестъ 1787 г. іюня 28-го. При этомъ письмѣ приложена вѣдомость о находившихся тамъ въ то время преступникахъ (13-ти человѣкахъ) съ означеніемъ, по какимъ дѣламъ, и въ какихъ преступленіяхъ, и съ котораго времени содержатся. Въ этой вѣдомости подъ № 7 значится:

Бывшей сѣчи Запорожской кошевой Петръ Калнишевскій (посаженный 1776 г. іюня 29-го). По указу святѣйшаго правительствующаго синода, во исполненіе высочайшаго ея императорскаго величества на всеподданнѣйшемъ генерала-аншефа, военной коллегіи вице-президента, Астраханской, Азовской и Новороссійской губерній генералъ-губернатора и кавалера Григорія Александровича Потемкина, докладѣ конференціи для содержанія безвыпускно изъ монастыря и удаленія не только отъ переписокъ, но и отъ всякаго съ посторонними людьми обращенія, за неослабнымъ карауломъ обрѣтающихся въ монастырѣ солдатъ.

Изъ дѣлъ тайной экспедиціи 1787 г., дѣло № 11, извлечено **И. П. Шульгинымъ.**

Калнишевскій былъ освобожденъ изъ заточенія въ Соловецкомъ монастырѣ на основаніи извѣстнаго указа императора Александра I отъ 15-го марта 1801 г. „о прощеніи людей, содержавшихся по дѣламъ, производившимся въ тайной экспедиціи". Всемилостивѣйше прощая,— сказано въ этомъ указѣ,— всѣхъ поименованныхъ въ прилагаемыхъ спискахъ безъ изъятія, возводя лишенныхъ чиновъ и дворянства въ

Парижѣ 1817 г.; прозванный «любимымъ дѣтищемъ побѣды» (l'enfant cheri de la victoire) извѣстенъ былъ въ Россіи разбитіемъ корпуса Римскаго-Корсакова подъ Цюрихомъ въ 1799 году. **К. В.**

первобытное ихъ достоинство, и повелѣваемъ сенату нашему освободить ихъ немедленно изъ настоящихъ мѣстъ ихъ пребыванія и дозволить возвратиться кто куда желаетъ. (Полное собраніе законовъ, т. XXVI, № 19,784). Въ одномъ изъ четырехъ, приложенныхъ къ этому указу спискахъ, показанъ и Петръ Калнишевскій, бывшій запорожскій кошевой атаманъ, въ Соловецкомъ монастырѣ.

Кстати, этимъ же указомъ разрѣшается и высказанное, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, сомнѣніе въ правдивости разсказа, что, при воцареніи Александра I, Алексѣй Петровичъ Ермоловъ былъ выпущенъ изъ Петропавловской крѣпости. Въ пріобщенномъ къ указу спискѣ находившихся подъ надзоромъ лицъ упомянутъ Ермоловъ, артиллеріи подполковникъ, въ Костромѣ [1]).

Изъ Полнаго собранія законовъ (т. XV, № 10,953) видно, что Калнишевскій въ 1759 году былъ войсковымъ судьею, а Иванъ Глоба, въ 1763 г., состоя войсковымъ писаремъ (т. XVI, № 11,846), былъ въ Петербургѣ вмѣстѣ съ кошевымъ атаманомъ и хлопоталъ о выдачѣ запорожскому войску, въ числѣ другихъ клейнодовъ, и войсковой печати, такъ какъ „напредь сего съ жалованными прежде клейнодами печатей имъ не давано, а имѣютъ они сдѣланную отъ себя, съ изображеніемъ казака съ ружьемъ и саблею, съ надписью: „Печать славнаго войска Запорожскаго Низоваго".

Сообщ. Г. К. Рѣпинскій.

Таинственный узникъ.

1802.

Въ отчетѣ финляндскаго общества „Древностей" нашли мы слѣдующій загадочный случай, сообщенный почтмейстеромъ Гренквистомъ Императоръ Александръ I, посѣтивъ, въ августѣ 1802 г., Кекгольмъ, приказалъ упразднить въ немъ крѣпость и при этомъ самъ лично освободилъ изъ нея какую-то личность, которая была заключена въ ней около 30-ти лѣтъ и принадлежала къ такъ-называемымъ „безъименнымъ".. Кто могла быть эта личность?..

Сообщ. А. А. Чумиковъ.

Французы въ Россіи.

(Письмо Полторацкаго).

29-го ноября 1812 г.

Французамъ очень худо,—говоритъ князь Сергѣй Ивановичъ Голицынъ, пріѣхавшій вчерась изъ Москвы прямо изъ-за стола гр. Рас-

[1]) Тѣмъ же указомъ освобожденъ отъ надзора Гарновскій, полковникъ, въ С.-Петербургѣ. Г. Р.

топчина. Вотъ его слова: „Гр. Витгенштейнъ атаковалъ два раза самого Наполеона и его гвардію; десять тысячъ взялъ въ плѣнъ и весь обозъ на пространствѣ 12-ти верстъ, всѣ сокровища и домашнюю его утварь и скарбъ, въ томъ числѣ метръ-д'отели и повара".

Во вторникъ привезъ сіе извѣстіе курьеръ изъ Петербурга, который до Москвы ѣхалъ 2½ дни и разсказывалъ еще, что Эртель въ Варшавѣ.

Другой Голицынъ, вышедшій изъ полону, увѣрялъ, что Ней и Мюратъ отъ ранъ умерли.

Въ Польшѣ выдаютъ намъ генераловъ и помѣщиковъ, противъ насъ бунтующихъ. Кутузовъ обѣщалъ помилованіе Польшѣ, буде дружелюбно встрѣтитъ наше войско; если же какія откроются съ ихъ стороны каверзы, то не оставитъ камня на камнѣ. Каково?

Прилагаю записку изъ Калуги; она меня, какъ добраго православнаго, порадовала, прочтите и утѣшьтесь, какъ и въ Калугѣ исправно переселяютъ французовъ на тотъ свѣтъ.

О шведахъ не, правда, и курьеръ ничего не говорилъ. Въ Петербургѣ все спокойно, веселятся и радуются.

Прусскіе королевскіе усы предлагаютъ будто бы своихъ 20 тысячъ фигуръ нѣмецкихъ и обѣщаютъ, какъ шавокъ, выпустить на встрѣчу Наполеону.

Къ нѣмецкому императору поѣхалъ нашъ носолъ съ агентомъ англійскаго двора, у коего карманныя убѣжденія весьма полновѣсны.

Во Франціи ругательски ругаютъ Наполеона, и самъ Талейранъ, увѣряютъ, въ заговорѣ".

Примѣчаніе. Подлинникъ этого письма (не подписанный) сохранился въ бумагахъ моего отца. Я имѣю основаніе думать, что оно писано изъ села Авчурина (близъ Калуги) извѣстнымъ агрономомъ Дмитріемъ Марковичемъ Полторацкимъ. Упоминаемой въ письмѣ записки не нашелъ, а интересно бы знать, какъ калужане отправляли на тотъ свѣтъ французовъ.

Сообщ. **Георгъ Манъ.**

Дмитрій Петровъ,

одинъ изъ забытыхъ самоучекъ.

25-го марта 1812 года, моршанскій городничій донесъ тамбовскому губернатору, Петру Андреевичу Нилову, о подвигѣ крестьянина Рязанскаго уѣзда, деревни Кольцовой, Дмитрія Петрова.

Дмитрій Петровъ былъ крѣпостнымъ госпожи Засѣцкой и съ артелью плотниковъ занимался работами въ гор. Моршанскѣ. Въ донесеніи городничаго говорится о необыкновенномъ механическомъ искусствѣ Петрова, удивившемъ весь Моршанскъ. Дѣло было такъ.

Прихожане церкви Николая Чудотворца пожелали выстроить каменную церковь, вмѣсто прежней деревянной. Но такъ какъ эта деревянная церковь была еще крѣпка, къ тому же отличалась хорошимъ устройствомъ, то прихожанамъ жаль было ломать ее, и они порѣшили сдвинуть ее съ мѣста, чтобы очистить площадку для новой церкви. Патентованный механикъ, какой-то иностранецъ, за это запросилъ такую большую цѣну, какой никакъ нельзя было дать ему. Въ это время неожиданно является съ своими услугами крѣпостной механикъ Дмитрій Петровъ. За 250 рублей онъ взялся сдвинуть деревянную церковь съ мѣста.

Начались приготовленія. Подъ церковь подвели толстыя бревна и посредствомъ земляной насыпи слегка ее приподняли. Послѣ этого сдѣлали подъ церковью новый бревенчатый фундаментъ, въ родѣ полатей, а подъ бревнами устроили катки. Вся церковь была опутана канатами и по угламъ скрѣплена желѣзными болтами.

Когда все было готово, Дмитрій Петровъ попросилъ священника, чтобы звонили въ большой колоколъ. На благовѣстъ собрался народъ. Нѣкоторые вошли въ церковь и стали служить молебенъ, другіе же начали помогать Дмитрію Петрову. И вотъ гражданамъ города Моршанска представилась слѣдующая картина. Церковь, наполненная молящимися, оглашаемая пѣніемъ и колокольнымъ звономъ, повинуясь сотнямъ рукъ рабочихъ, была сдвинута съ прежняго своего мѣста на 42 аршина, и во время этого движенія только крестъ на верху церкви слегка колебался.

Свѣдѣній о дальнѣйшей судьбѣ нашего самородка-механика не имѣется.

Сообщ. **И. Дубасовъ.**

Замѣтка о Лермонтовѣ.

Въ „Русской Старинѣ“ изд. 1875 г. (т. XII, стр. 812) напечатано неизвѣстное дотолѣ стихотвореніе Михаила Юрьевича Лермонтова „Въ альбомъ Н. И. Поливанову“.

Послушай, вспомни обо мнѣ,
Когда, закономъ осужденный,
Въ чужой я буду сторонѣ
Изгнанникъ мрачный и презрѣнный и пр.

Стихотвореніе это относится къ послѣднему году нахожденія Лермонтова въ Московскомъ университетѣ, когда, вслѣдствіе университетской шалости, онъ ожидалъ себѣ строгаго наказанія. Въ примѣчаніи къ этому, между прочимъ, сказано:

„Нельзя не подивиться, что до сихъ поръ никто не потру-

дится собрать хотя официальныя свѣдѣнія объ этой исторіи (приведшей Лермонтова къ исключенію изъ университета); вѣдь для этого достаточно простой канцелярской справки въ архивѣ Московскаго университета. Не вызоветъ-ли разъясненія хотя настоящая наша замѣтка, подобно тому, какъ, благодаря сообщенію Н. П. Розанова („Русская Старина" изд. 1873 г., т. VIII, стр. 113—114), окончательно разъяснился вопросъ о годѣ рожденія Лермонтова?"

Нынѣ баронъ Ѳ. А. Бюлеръ весьма обязательно сообщилъ редакціи „Русской Старины" слѣдующую справку, сдѣланную ректоромъ Московскаго университета, С. М. Соловьевымъ:

„Кромѣ прошенія Лермонтова въ 1832 году объ увольненіи изъ Московскаго университета для перемѣщенія въ Петербургскій, нѣтъ ничего. Свѣдѣній о какой-нибудь шалости въ архивѣ университета быть не можетъ, потому что дисциплинарныя дѣла бумажнымъ образомъ не велись. С. Соловьевъ".

Сообщ. **Баронъ Ѳ. А. Бюлеръ.**

Смерть барона Павла Вревскаго

1855 г.

Прочитавъ въ „Русской Старинѣ" изд. 1875 г. (т. XIV, стр. 552) Замѣтки артиллерійскаго офицера о военныхъ происшествіяхъ 1853—1855 гг., не могу не выразить какое тяжелое, подавляющее впечатлѣніе сдѣлали на меня эти слова автора Записокъ, въ коихъ упоминается о смерти достойнаго, всѣми уважаемаго генерала барона Павла Александровича Вревскаго. „Въ то время,—пишетъ онъ,—какъ князь Горчаковъ спокойно проѣзжалъ по 1-й линіи,—замѣтьте, только что разстроенной убійственнымъ огнемъ непріятеля и имѣвшей несчастіе липнуться, при самомъ началѣ сраженія 4-го августа, при Черной, своего храбраго начальника Реада, пораженнаго гранатой,—ядро подхватило генерала барона Вревскаго, виновника несчастнаго дѣла при Черной рѣчкѣ. Его никто и не жалѣлъ, да ему и дѣлать ничего не оставалось въ Крыму, потому что Никитскій садъ былъ уже въ рукахъ французовъ". Въ опроверженіе этихъ послѣднихъ словъ, да позволено мнѣ будетъ напомнить о письмѣ русскаго офицера (не знаю фамиліи его), напечатанномъ въ журналѣ „Le Nord", 6-го сентября 1855 г., и не бывшемъ, кажется, до сихъ поръ нигдѣ у насъ въ печати. Въ этомъ довольно длинномъ письмѣ онъ такъ описываетъ смерть доблестнаго генералъ-адъютанта барона Вревскаго.

„Дорого стоила намъ кровавая битва при Черной. Сверхъ потери такихъ генераловъ, какъ Реадъ, Веймарнъ, Блиградъ и Скюдери, мы

имѣли несчастіе лишиться храбраго и наилучшаго человѣка во всѣхъ отношеніяхъ—барона Вревскаго, бывшаго директора канцеляріи военнаго министра. Съ самаго начала битвы, смерть будто преслѣдовала и не оставляла ни на часъ этого генерала, котораго всѣ въ настоящую минуту оплакиваютъ и глубоко сожалѣютъ. Находясь при князѣ Горчаковѣ, не успѣлъ онъ отъѣхать отъ него, какъ непріятельское ядро убило подъ нимъ его лошадь. Генералъ мгновенно упалъ. Видѣвшіе это полагали, что навѣрное самъ генералъ убитъ и пошли извѣстить князя о случившемся несчастіи; но въ это самое время, къ общему удивленію, видятъ, какъ онъ вдругъ встаетъ, хватаетъ за узду лошадь, которую ему подводятъ, садится на нее и тихо прямо направляется къ своему прежнему мѣсту, близъ главнокомандующаго. Князь уговариваетъ его хотя на время удалиться, чтобы оправиться, но напрасно. Говорятъ, что между смертью и избранною ею жертвою есть какая-то примѣчательная сила, не чувствительная, но дѣйствительно существующая внутри человѣка. Многіе, испытавшіе это чувство, между прочимъ, адмиралъ Нахимовъ, служатъ подтвержденіемъ этого предразсудка, временемъ пріявшаго размѣръ образа великой истины. Прошло нѣсколько минутъ, второе ядро пролетаетъ надъ головою генерала Вревскаго, но такъ близко, что уноситъ его фуражку. Князь Горчаковъ вторично уговариваетъ генерала удалиться, замѣчая ему, сколько контузіями вообще и особенно въ голову не должно пренебрегать. Но и тутъ генералъ не поддался благоразумнымъ внушеніямъ главнокомандующаго и продолжалъ слѣдовать за княземъ, поскакавшимъ, поговоривъ съ нимъ, на правый флангъ, чтобы дать приказаніе бить отбой. Генералъ, стоя на мѣстѣ, ободрялъ отступающихъ въ порядкѣ солдатъ, когда третье ядро ударило его опять въ голову и на этотъ разъ уже смертельно. Мало было генераловъ, которые возбудили такое всеобщее сожалѣніе, какъ генералъ баронъ Вревскій, соединяющій съ рѣдкою способностью не только какъ генерала, но и превосходнаго администратора, ту теплоту сердца, при необыкновенно очаровательномъ умѣ, которые содѣлываютъ людей, одаренныхъ сими качествами, чрезвычайно всегда симпатичными.

Голубово. Баронъ В. А. Вревскій.

Поправки и замѣтки.

Бѣгичевы.

Въ статьѣ: «В. К. Кюхельбекеръ», «Русская Старина» 1875 г., сдѣлана выноска подъ письмомъ къ Кюхельбекеру Степана Никитича Бѣгичева (стр. 378-я),— о томъ, что этотъ послѣдній, другъ Грибоѣдова, извѣстенъ романомъ «Семейство Холмскихъ» и другими.

Свѣдѣніе это ошибочно. Авторъ упомянутаго романа—родной братъ Степана Никитича, Дмитрій Никитичъ Бѣгичевъ, бывшій воронежскій губернаторъ (съ марта 1830 по апрѣль 1836 г.), а въ послѣдствіи сенаторъ въ Москвѣ (7-го департамента), умершій въ чинѣ тайнаго совѣтника, кажется, въ началѣ 1850-хъ годовъ. Изъ нѣсколькихъ его сочиненій намъ извѣстны слѣдующія:

1) «Семейство Холмскихъ»: нѣкоторыя черты нравовъ и образа жизни, семейной и одинокой, русскихъ дворянъ. 6 ч. М. 1832 г. (Въ этомъ первомъ изданіи нѣтъ имени автора, которое обозначено во второмъ и третьемъ (М. 1841).

2) «Провинціальныя сцены». Спб. 1840 г.

3) «Ольга. Бытъ русскихъ дворянъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія». 4 ч. СПБ. 1840 г.

4) «Бытъ русскаго дворянина въ эпохахъ и обстоятельствахъ его жизни». Сборникъ, изданный авторомъ «Семейства Холмскихъ». 2 т. М. 1852 г.

5) «Записки губернскаго чиновника». (Повѣсть, напечатанная въ 3-мъ томѣ Смирдинскаго сборника «Сто русскихъ литераторовъ», съ портретомъ автора).

Кромѣ того, еще нѣсколько беллетристическихъ его статей напечатано въ «Литературныхъ прибавленіяхъ къ «Русскому Инвалиду» за 1838 г. и въ «Москвитянинѣ» 1852 г.

Произведенія Д. Н. Бѣгичева, не отличающіяся художественными достоинствами и скомпонованныя по такъ-называемому «нравственно-сатирическому» шаблону тридцатыхъ годовъ, имѣли, однако-жъ, въ свое время нѣкоторый успѣхъ,— особенно «Семейство Холмскихъ». Этотъ романъ дожилъ до 3-го изданія, но преимущественною извѣстностію пользовался именно въ Воронежской губерніи, гдѣ былъ написанъ (за время бытности тамъ автора губернаторомъ) и гдѣ читатели узнавали знакомыя живыя личности въ выведенныхъ авторомъ персонажахъ[1]). Административную дѣятельность Д. Н. Бѣгичева воронежцы-старожилы вспоминаютъ до сихъ поръ добрымъ словомъ, и, судя по мѣстнымъ преданіямъ, это былъ, дѣйствительно, одинъ изъ лучшихъ людей своей поры, и какъ человѣкъ, и какъ общественный дѣятель. О его службѣ и сочувственныхъ отношеніяхъ къ поэту Кольцову см. нашу замѣтку въ «Русскомъ Архивѣ» 1874 г., кн. 9-я, стр. 725—726.

По поводу литературныхъ трудовъ Д. Н. Бѣгичева, неизлишне будетъ указать здѣсь еще на одну ошибку. Вотъ что сказано о нихъ въ «Русскомъ Энциклопедическомъ Словарѣ», издаваемымъ нынѣ г. Березинымъ (см. букву Б, стр. 485):

---

[1]) Такъ, напримѣръ, въ лицѣ губернскаго туза Сундукова изображенъ современный Бѣгичеву губернскій предводитель дворянства, Викулинъ, и т. д.

«Бѣгичевъ В., (?) русскій писатель, извѣстный романами: «Семейство Холмскихъ», «Ольга», «Бытъ русскаго дворянина», также писалъ и водевили, въ сотрудничествѣ съ другими (Фофочка, Сиротка). Романы его написаны на нравственныя темы».

Очевидно, что эта статья «Энц. Словаря» смѣшиваетъ двухъ совершенно различныхъ писателей-однофамильцевъ [1]). Дмитрій Никитичъ Бѣгичевъ никогда не писалъ для сцены, и ни по личности, ни по сочиненіямъ своимъ, не имѣетъ ничего общаго съ В. П. Бѣгичевымъ, литераторомъ позднѣйшаго времени, авторомъ нѣсколькихъ театральныхъ пьесъ, изъ которыхъ назовемъ слѣдующія:

1) «Кошка и мышка», драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ.

2) «Сиротка», водевиль въ 1-мъ д. (написанная въ сотрудничествѣ съ фонъ-Менгденомъ). СПБ. 1858 г.

3) «Фофочка» водевиль въ 1-мъ д. (написанная въ сотрудничествѣ съ Тарновскимъ). СПБ. 1858 г.

4) «Китайская роза», водевиль въ 1-мъ д., для домашняго театра (написанная въ сотрудничествѣ съ М. Маркевичемъ). СПБ. 1860 г.

Что же касается до Степана Никитича Бѣгичева, то, кажется, мы имѣемъ право сказать положительно, что послѣ него не осталось никакихъ слѣдовъ литературной дѣятельности, по крайней мѣрѣ, чего-либо напечатаннаго съ его именемъ.

Сообщ. **Д. Д. Рябининъ.**

---

[1]) Въ каталогѣ Базуновскихъ книгъ, составленномъ В. И. Межовымъ, въ азбучномъ указателѣ именъ писателей, приложенномъ къ первому выпуску, (1869 г.), на стр. 914, вкралась таже ошибка: и тамъ Д. Н. Бѣгичевъ смѣшанъ съ В. П. Бѣгичевымъ. **Д. Р.**

АКТЫ, СОБРАННЫЕ КАВК. АРХ. КОММИСІЕЮ.

Время Ермолова.

1816—1827 [1]).

Вторая часть VI-го тома актовъ, собранныхъ кавказскою археографическою коммисіею, представляетъ неисчерпаемый источникъ драгоцѣннѣйшихъ свѣдѣній о знаменитой эпохѣ управленія на Кавказѣ А. П. Ермолова, 1816—1827 гг. [2]).

Акты, помѣщенные въ I-й главѣ этой части, знакомятъ съ распоряженіями Ермолова къ подавленію возстанія, распространившагося по Дагестану. Пламя бунта, раздуваемое аварскимъ ханомъ и его братомъ, владѣльцемъ дженгутайскимъ, охватило всю эту страну. Посланные отъ горскихъ народовъ, входившихъ въ ея составъ, въ Тавризъ приняты были благосклонно сыномъ персидскаго шаха Аббасъ-Мирзою, который посредствомъ своихъ хановъ пересылалъ въ Дагестанъ деньги аварскому хану и бѣглому дербентскому Шихъ-Али-хану. Угрожавшіе размѣры, принимавшіеся возмущеніями горскихъ племенъ въ соединеніи съ чеченцами, потребовали самыхъ энергическихъ дѣйствій отъ Ермолова. Отдѣльные отряды войскъ направлены были на пункты возстанія. Сильныя скопища лезгинъ на р. Сулакѣ, предводительствуемыя аварскимъ ханомъ, были разбиты и обращены въ бѣгство; таковыми же успѣхами увѣнчались дѣйствія нашихъ отрядовъ въ другихъ мѣстностяхъ; самъ же Алексѣй Петро-

[1]) Изд. въ Тифлисѣ, въ 1874—1875 г., въ большой листъ, 940 и 950 страницъ въ два столбца, съ заглавными рисунками и портретами: А. П. Ермолова, митрополита Θеофилакта, Фетхъ-Али-Шаха и Маріи Георгіевны—супруги царя Георгія XII.

[2]) О первой части шестаго тома Кавказскихъ актовъ см. отзывъ въ библіографическомъ листкѣ, въ «Русской Старинѣ», изд. 1874 г., томъ XI, книга двѣнадцатая.

вичъ, прибывъ, 1-го іюля 1819 г., къ войску, расположенному при селеніи Андреевскомъ, остановилъ тѣмъ нападеніе акушинскаго народа на Кубинскую провинцію. Повсюду мятежи и буйства были прекращены и главные виновники возмущенія получили достойную кару за измѣны. Перечитывая относившіяся до этихъ событій предписанія Ермолова Пестелю, Вельяминову, барону Вреде, Мадатову, Верховскому, Грекову, и пр. и пр., воззванія его къ взволновавшимся обществамъ и ихъ вождямъ,—нельзя не преклоняться предъ проявленіями могучей силы воли Ермолова, его прозорливости, знанія народнаго духа азіятскихъ племенъ, умѣнія разпознавать людей и дѣйствовать на умы вліятельныхъ лицъ. Замѣчательны между прочими письма Алексѣя Петровича къ Султанъ-Ахмедъ-хану и Мустафѣ, хану ширванскому, и обвѣщеніе, обращенное къ мусульманамъ, россійско-подданнымъ. Вскорѣ содѣлалась извѣстною въ горахъ непоколебимая его твердость; повсюду утвердилась увѣренность въ неуклонномъ выполненіи имъ своихъ рѣшеній, въ неизмѣнности его слова, въ немедленномъ преслѣдованіи и наказаніи виновныхъ въ измѣнѣ. Въ высшей степени любопытны документы, относящіеся до распоряженій Ермолова по поводу коварства, выказаннаго анцухцами, которые, приславъ въ Тифлисъ старшинъ съ изъявленіемъ покорности, въ то же время отправили въ Персію аманатовъ изъ лучшихъ фамилій въ залогъ выполненія своего обѣщанія—препроводить въ Персію измѣнника грузинскаго царевича Александра, сына Ираклія. Не менѣе достойны тщательнѣйшаго вниманія распоряженія Ермолова, имѣвшія послѣдствіями побѣду, одержанную нашимъ войскомъ, предводительствуемымъ Мадатовымъ, надъ Султанъ-ханомъ казикумухскимъ, вспомоществуемымъ Аббасъ-Мирзою и снабжаемымъ имъ деньгами, каковая побѣда привела къ окончательному покоренію казикумухскаго ханства; усмиреніе смутъ и введеніе порядка въ Кайтагѣ, Табассарани, дарчинскихъ обществахъ, мехтулискомъ ханствѣ, тарковскомъ шамхальствѣ и охраненіе отъ вторженій въ Кубу и Дербентъ.

Вторая глава заключаетъ акты, относящіеся до посольства Ермолова въ Персію. По заключенному въ Гюлистанѣ договору, новыя границы между Россійскою имперіею и Персіею должны были учредиться чрезъ назначенныхъ на этотъ предметъ съ обѣихъ сторонъ коммисаровъ, но труды ихъ не привели къ какимъ-либо результатамъ. Между тѣмъ персидскій дворъ настоятельно домогался возврата всѣхъ земель, намъ Персіею уступленныхъ, или, по крайней мѣрѣ, ханства талышинскаго, карабагскаго и ганджинскаго. Назначивъ, 29-го іюля 1816 г., Ермолова чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ къ двору шаха персидскаго, государь императоръ Александръ Павловичъ снаб-

дилъ Алексѣя Петровича подробною инструкціею. Съ величайшимъ любопытствомъ читается эта инструкція, свидѣтельствующая, что вся цѣль сношеній русскаго царя въ Азіи состояла въ сохраненіи мира и водвореніи спокойствія между народами, сопредѣльными съ Россіею, для каковой цѣли его и. в. изъявлялъ готовность на нѣкоторыя, достоинству нашему не противныя, уступки. Предварительно всякихъ переговоровъ, на Ермолова возложено было обозрѣніе вновь пріобрѣтенныхъ нами земель и границъ. Совершивъ это обозрѣніе, Ермоловъ представилъ государю донесеніе, въ которомъ съ полною откровенностію изложилъ свое мнѣніе о невозможности допущенія уступокъ безъ вредныхъ отъ того послѣдствій. Доводы, на коихъ основано было это мнѣніе, были одобрены императоромъ Александромъ I. Первая аудіенція Алексѣя Петровича у Фетхъ-Али-шаха происходила въ Султаніе, 31-го іюля 1817 г.; она имѣла успѣшный исходъ. Гюлистанскій трактатъ былъ утвержденъ въ своей силѣ и границы, имъ назначенныя, остались неприкосновенными. Въ отношеніи Ермолова къ гр. Нессельроде подробно изложенъ ходъ этихъ переговоровъ, въ продолженіе коихъ, несмотря на увѣренія высланнаго на встрѣчу Ермолова министра Мирзы-Абдулъ-Вехабе, что нельзя ожидать хорошаго окончанія дѣла, если Россія не изъявитъ согласія на возвращеніе требуемыхъ областей, Ермоловъ, съ свойственными ему твердостію и энергіею, объявилъ, что никакія обстоятельства не заставятъ его на это согласиться, и что если онъ примѣтитъ малѣйшую холодность въ пріемѣ шаха и намѣреніе прервать съ Россіею связи дружества, то, охраняя достоинство Россіи, онъ предупредитъ объявленіемъ войны и не кончитъ оной, не имѣя Араксъ границею. Чрезвычайно любопытна переписка Алексѣя Петровича съ бывшимъ нашимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, гр. Нессельроде, въ которой, между прочимъ, изложены его соображенія относительно домогательства Аббасъ-Мирзы о признаніи его наслѣдникомъ шахскаго престола, помимо старшаго своего брата Мамедъ-Али-Мирзы, и могущихъ въ этомъ случаѣ быть ожидаемыхъ въ послѣдствіи коварныхъ ухищреній со стороны Аббасъ-Мирзы, направленныхъ къ осуществленію его надеждъ—съ помощію англичанъ отторгнуть отъ Россіи ею покоренныя страны и тѣмъ оправдать избраніе его въ наслѣдники престола Персіи въ нарушеніи закона первородства. Въ подтвержденіе своихъ соображеній о властолюбивыхъ замыслахъ Аббасъ-Мирзы, Ермоловъ сообщалъ гр. Нессельроде о полученномъ имъ отъ посланника нашего въ Константинополѣ, барона Строганова, свѣдѣніи, что находившійся при Оттоманской Портѣ персидскій посолъ Мугибъ-Али-ханъ, при самой первой конференціи, внушалъ, что Персія, не будучи удовлетворена возвращеніемъ

обѣщанныхъ при гюлистанскомъ трактатѣ провинцій, не вступила въ искреннее съ Россіею сближеніе, и что для отвращенія опасности, угрожаемой могуществомъ и вліяніемъ Россіи всѣмъ мухаммеданскимъ державамъ, единственнымъ средствомъ представляется наступательный и оборонительный союзъ. Несмотря, однако, на дѣлаемыя Ермоловымъ предваренія и на приводимые имъ доводы въ доказательство тайныхъ, враждебныхъ противъ насъ замысловъ Аббасъ-Мирзы, онъ былъ признанъ нашимъ дворомъ наслѣдникомъ персидскаго престола. Послѣдующіе акты, собранные кавказскою археографическою коммисіею объ отношеніяхъ главнокомандовавшаго въ Грузіи съ дипломатическими нашими агентами въ Персіи, и перепискѣ его съ нашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, Мазаровичемъ, свидѣтельствуютъ о безошибочности предвидѣній Ермолова. Убѣжище, данное Аббасъ-Мирзою, и покровительство, имъ оказываемое разнымъ личностямъ, измѣнившимъ своей присягѣ на вѣрность подданства Россіи, уклончивыя дѣйствія наслѣдника шахскаго престола по окончательному утвержденію границъ между Россіею и Персіею на основаніи гюлистанскаго мира—не допускали сомнѣнія въ двуличности и коварствѣ Аббасъ-Мирзы. 30-го марта 1825 г. Ермоловъ послалъ къ нему составленный на основаніи переговоровъ, происходившихъ между Вельяминовымъ и Фетхъ-Али-ханомъ, проектъ пограничной черты, въ которомъ руководимый желаніемъ споспѣшествовать утвержденію добраго согласія между обоихъ государствъ, Алексѣй Петровичъ сдѣлалъ нѣкоторыя, довольно значительныя, перемѣны въ прежнихъ своихъ предположеніяхъ; но уступка эта не привела къ окончанію дѣла. Аббасъ-Мирза противупоставлялъ ему всевозможныя затрудненія, заявляя въ высшей степени неприличныя требованія, для поддержанія коихъ персіяне исподоволь приступили къ вооруженіямъ. Признаки готовящагося разрыва изложены, между прочимъ, въ отношеніи Ермолова къ гр. Нессельроде отъ 23-го января 1826 г. Вѣсти о кончинѣ императора Александра, о вступленіи на престолъ Николая Павловича и о декабрьскомъ событіи породили въ Персіи предположенія о могущихъ въ Россіи вспыхнуть потрясеніяхъ, при коихъ представится удобный случай къ нарушенію дружескихъ съ нами связей. Наслѣдникъ персидскаго престола Аббасъ-Мирза приказалъ Юсуфъ-хану въ Карадагѣ набирать войско и сталъ приготавливать Назаръ-Али-хана къ отправленію въ С.-Петербургъ, съ цѣлію, между прочимъ, просить россійское правительство объ уступкѣ Карабага, съ обѣщаніемъ за то, въ крайней нуждѣ, платить дань, какую получаетъ казна; въ противномъ случаѣ—объявить намъ войну. Между тѣмъ, отправленному императоромъ Николаемъ Павловичемъ чрезвычайнымъ

посломъ, для привѣтствія персидскаго шаха и его наслѣдника, князю Меншикову поручено было войти въ ближайшія объясненія относительно нескончаемаго дѣла постановленія границъ между Россіею и Персіею. Несмотря, однако, на всѣ усилія къ достиженію миролюбиваго исхода этого дѣла, для каковой цѣли Ермоловъ изъявлялъ готовность на уступку участка въ талышинскомъ ханствѣ, неизбѣжность разрыва становилась съ каждымъ днемъ осязательнѣе. Подстрекаемый магометанскимъ духовенствомъ къ поднятію оружія противъ Россіи, персидскій народъ выражалъ фанатическую готовность къ искорененію враговъ религіи и государства; повсюду дѣлались приготовленія къ войнѣ. Коварство персіянъ выказалось во всей своей наготѣ. Ермоловъ доносилъ государю императору, отъ 22-го іюля 1826 г., что въ то самое время, когда кн. Меншиковъ находился при лицѣ шаха, а коменданту карабагскому одинъ изъ родственныхъ Аббасъ-Мирзѣ главный начальникъ писалъ, что переговоры о границахъ кончены и прежнее дружество между обоими государствами получило бо́льшую твердость, сардарь эриванскій приблизился съ войскомъ къ нашей границѣ и напалъ на наши пикеты; изъ Карабагской же провинціи получались извѣстія, что персіяне готовятся перейти Араксъ. Представляя его имп. вел.-ву о невозможности защиты обширныхъ нашихъ границъ, не разсѣявая войскъ и не подвергая ихъ, при ихъ малочисленности, опасности, Ермоловъ выражалъ мнѣніе о необходимости внести войну въ собственную персидскую землю, для чего испрашивалъ комплектованія въ скорѣйшемъ времени состоявшей подъ его начальствомъ дивизіи. Между тѣмъ, значительное число персидскихъ регулярныхъ войскъ, съ артиллеріею и многолюдною конницею, вторгнулось въ Карабагъ и обложило кр. Шушу. Война возгорѣлась на всѣхъ пунктахъ юго-восточной нашей границы и повсюду стали проявляться признаки возмущеній въ мусульманскихъ нашихъ провинціяхъ. Всеподданнѣйшимъ рапортомъ, отъ 30-го іюля 1826 г., Ермоловъ просилъ объ умноженіи его войска. Ходатайство это было исполнено, при чемъ, для подробнаго изъясненія Алексѣю Петровичу намѣреній государя императора, присланъ былъ генералъ-адъютантъ Паскевичъ. Приступлено было, съ нашей стороны, къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Первый успѣхъ, увѣнчавшій наше оружіе, было разбитіе Мадатовымъ персіянъ, на правомъ берегу р. Шамхоря, и занятіе Елисаветполя, за симъ послѣдовала побѣда, одержанная Паскевичемъ близъ Елисаветполя надъ персіянами, предводительствуемыми Аббасъ-Мирзою. Рядъ успѣховъ, нами пріобрѣтенныхъ, устрашилъ персіянъ и возродилъ въ нихъ желаніе прекратить войну и отправить для переговоровъ къ россійскому двору довѣреннаго отъ шаха; они просили Ермолова

о перемиріи, но Алексѣй Петровичъ отвѣчалъ, что не можетъ сего исполнить безъ высочайшаго разрѣшенія, и составивъ, между тѣмъ, на основаніи соображеній мѣстныхъ способовъ и обстоятельствъ, общій планъ для предстоящихъ военныхъ дѣйствій, представилъ оный государю императору.

Обнародованіе актовъ, разъясняющихъ отношенія Грузіи съ Турціею въ эпоху управленія Ермолова, составляетъ предметъ III-й главы 2-й ч. VI-го т., трудовъ кавказской археографической коммисіи.

Приступивъ къ выполненію высочайше возложеннаго на него дѣла, первою заботою Алексѣя Петровича было охраненіе ввѣреннаго его управленію края отъ внесенія въ оный моровой язвы и распоряженіе о недопущеніи слѣдующихъ по торговымъ, промышленнымъ или инымъ дѣламъ въ Грузію, Имеретію, Гурію изъ Ахалцыхской и Карской провинцій прокрадываться, по тайнымъ дорогамъ, въ объѣздъ учрежденныхъ у насъ карантиновъ, съ каковою цѣлью Ермоловъ относился къ эрзерумскому Ибрагимъ-Баба-пашѣ. Любопытна за симъ переписка Алексѣя Петровича съ чрезвычайнымъ посланникомъ нашимъ въ Константинополѣ, барономъ Строгановымъ, сообщавшимъ ему свѣдѣнія объ отношеніяхъ Турціи съ Персіею, съ Мама Гуріемъ и съ Леваномъ Дадіяномъ по поводу умноженія турецкаго гарнизона въ кр. Поти и другихъ усиленныхъ вооруженій для низложенія пашей, бунтовавшихъ противъ Порты Оттоманской; насильственные и непріязненные поступки, коими турецкіе пограничные начальники непрестанно нарушали спокойствіе нашей границы, и дружественныя связи, долженствующія существовать между сосѣдними державами, хищничества, учиненныя въ Грузіи и Имеретіи разбойниками, укрывавшимися въ ахалцыхскомъ и другихъ турецкихъ пашалыкахъ, вызвали энергическую дѣятельность со стороны Ермолова. Образцомъ твердой, чуждой всякихъ прикрасъ, рѣчи, постоянно имъ обращаемой къ вліятельнымъ лицамъ, являетъ письмо его къ Али-пашѣ ахалцыхскому по поводу вторженія въ Гурію кобулетскихъ жителей и вспомоществованія, ими оказываемаго мятежникамъ, главный изъ коихъ, Кайхосро Гуріелъ, былъ принятъ бекомъ кобулетскимъ, и разбоевъ, производимыхъ лезгинами, живущими въ окрестностяхъ ахалкалакскихъ. Вспыхнувшія, при содѣйствіи сопредѣльныхъ турецкихъ властей, возмущенія въ Имеретіи и Гуріи были подавлены. Сообщая о томъ барону Строганову, Ермоловъ увѣдомилъ его о вступленіи эриванскаго сардаря, съ позволенія Аббасъ-Мирзы, въ турецкія границы и приготовленіяхъ къ нападенію на карсскаго пашу. Между тѣмъ обнаружилось возстаніе въ Абхазіи, возбужденное братомъ ея владѣтеля, Асланъ-беемъ, который, убивъ своего отца, бѣжалъ въ Турцію, и въ

надеждѣ, при ея покровительствѣ и содѣйствіи горскихъ народовъ, изгнать новаго владѣтеля въ Абхазіи, напалъ на нашъ отрядъ, высланный для усмиренія мятежа, въ этой провинціи распространившагося. Вызванная этимъ событіемъ необходимость въ дѣйствіи вооруженною силою породила въ Турціи слухи о сдѣланномъ будто бы нашими войсками нападеніи на турецкія земли. Заботы Ермолова должны были направиться къ проявленію доказательствъ неосновательности этихъ слуховъ. Въ то же время нашимъ посломъ въ Константинополѣ были безъ устали ведены переговоры о разграниченіи турецкихъ владѣній съ нашими согласно бухарестскому трактату. Усилія барона Строганова къ устраненію уклончивости, выказываемой Оттоманской Портой, приступить къ выполненію этого трактата, не приводили къ желаемому успѣху; истощилось долготерпѣніе россійскаго двора, и государемъ императоромъ повелѣно было требовать рѣшительнаго отзыва турецкаго дивана на домогательство нашего кабинета; въ виду же могущаго обнаружиться дальнѣйшаго упорства дивана и необходимости, въ которую Россія была бы вслѣдствіе того поставлена, прибѣгнуть къ оружію для подкрѣпленія справедливыхъ нашихъ требованій, отношеніемъ своимъ, отъ 10-го марта 1826 г., баронъ Дибичъ сообщилъ Ермолову предположенія его и. в.-ва—начать военныя дѣйствія покореніемъ Анапы. Состоявшаяся въ іюлѣ 1826 г. въ Аккерманѣ конференція между турецкими уполномоченными и повѣренными отъ россійскаго двора, гр. Воронцовымъ и Рибопьеромъ, повидимому, повела къ утвержденію дружескаго согласія между обѣими державами; но между тѣмъ, какъ видно изъ свѣдѣній, сообщенныхъ Ермоловымъ гр. Нессельроде отъ 9-го октября 1826 г., Порта приступила къ укрѣпленію Анапы и устройству въ оной казармъ, для прибывавшихъ изъ европейской Турціи войскъ съ полевыми орудіями; а предводитель этихъ войскъ Хасанъ-паша принялъ депутатовъ отъ всѣхъ обитающихъ по лѣвому берегу Кубани народовъ и приводилъ ихъ къ присягѣ на вѣрность подданства Турціи.

Четвертая глава заключаетъ въ себѣ соображенія Ермолова объ огражденіи кавказской линіи отъ хищническихъ набѣговъ чеченцевъ и другихъ горскихъ народовъ, съ каковою цѣлью устроены были укрѣпленія на р. Сунжѣ и до р. Сулака;—о надѣленіи поселенныхъ казачьихъ полковъ землями;—устройствѣ станицъ;—перенесеніи части кавказской линіи къ подошвѣ Черныхъ горъ отъ Владикавказа до верхней Кубани. Затѣмъ, знакомимся съ распоряженіями Алексѣя Петровича къ укрощенію безпорядковъ и набѣговъ въ Кабардѣ и принятію мѣръ для предупрежденія таковыхъ впредь чрезъ затрудненія сношеній кабардинцевъ съ другими непокорными намъ хищническими народами, и

введенію въ Кабардѣ правильной администраціи;—къ отраженію партій закубанцевъ, вторгнувшихся въ предѣлы войска черноморскаго. Съ любопытствомъ читаемъ всеподданнѣйшіе рапорты Ермолова о походахъ и экспедиціяхъ его противъ чеченцевъ, равно какъ и все, что имъ было предпринято для введенія правильнаго управленія калмыцкимъ народомъ и въ кумыкскихъ владѣніяхъ.

Пятая глава 2-й ч. VI-го тома изданія кавказской археографической коммисіи посвящена актамъ, относящимся до управленія Кавказскою губерніею;—до устройства кавказскихъ цѣлебныхъ водъ;—поощренія торговыхъ сношеній съ ногайцами, кумыками, чеченцами, кабардинцами, абазехами, ингушами, осетинами и другими азіятскими народами;—до усиленія скотоводства;—улучшенія быта нашихъ казачьихъ станицъ;—до средоточенія въ Ставрополѣ административныхъ и судебныхъ производствъ;—устройства карантиновъ;—попеченія о поселившихся на Кавказѣ колонистахъ;—поощренія винодѣлія и сельской промышленности;—привлеченія новыхъ поселенцевъ и пр. и пр. Переписка Ермолова по этимъ предметамъ служитъ неоспоримымъ доказательствомъ, что отъ его прозорливаго, всеобъемлющаго ума ничто не ускользало, могущее споспѣшествовать благоустройству и преуспѣянію страны, его управленію ввѣренной.

Таковыми же неусыпными стремленіями къ усовершенствованіямъ по всѣмъ разнороднымъ отраслямъ управленія ознаменовались распоряженія Ермолова объ устройствѣ въ Черноморіи селеній для прибывавшихъ изъ Черниговской и Полтавской губерній переселенцевъ;—о введеніи правильнаго управленія въ Астраханской губерніи;—о поощреніи судоходства и рыболовства по Каспійскому морю;—о приведеніи въ устройство Каспійской флотиліи, которая, по высочайшему повелѣнію 15-го февраля 1818 г., подчинена была Ермолову. Свѣдѣнія о его дѣйствіяхъ по симъ предметамъ заключаются въ главахъ VI, VII, VIII 2-й ч. VI-го т. собранныхъ кавказскою археографическою коммисіею актовъ.

Признавая несомнѣнною пользою сближеніе съ туркменами или трухменцами, сопредѣльными по восточному берегу Каспійскаго моря съ Персіею, доказавшими самымъ безкорыстнымъ образомъ свою приверженность Россіи во время войны съ Персіею, усилія Ермолова были устремлены къ установленію съ ними тѣсныхъ сношеній и направленію торговли съ Хивою и Бухаріею, производившейся караванами по одной лишь дорогѣ къ Астрахани, чрезъ обширныя степи, съ опасностію отъ нападеній киргизъ-кайсакскихъ ордъ, черезъ земли трухменцевъ къ восточному берегу Каспійскаго моря, а оттуда, посредствомъ мореходнаго сообщенія, сблизить эту торговлю съ бакин-

скимъ и астраханскимъ портами. Снаряженіе съ этою цѣлію экспедиціи для осмотра береговъ и избранія складочной для нашихъ товаровъ мѣстности;—отправленіе въ Хиву генеральнаго штаба капитана Муравьева;—донесеніе сего послѣдняго съ замѣчаніями о трухменцахъ и хивинцахъ;—соображенія по всѣмъ этимъ важнымъ предметамъ;—переписка Ермолова съ министромъ иностранныхъ дѣлъ гр. Нессельроде и рѣшенія комитета министровъ составляютъ содержаніе IX-й гл. 2-й ч. тома VI-го трудовъ археографической коммиссіи

Собранные въ X-й главѣ акты служатъ дополненіями къ свѣдѣніямъ о мѣропріятіяхъ Ермолова по военному и административному управленію ввѣренной ему страны. Здѣсь, между прочимъ, любопытны отношенія гр. Кочубея о раскольникахъ Ѳеодоссіевской секты, князя Голицына о поѣздкѣ въ Грузію агентовъ библейскаго общества, и вѣдомость о доходахъ, поступавшихъ ежегодно въ казну съ Бакинской, Кубинской и Дербентской провинцій, составленная въ августѣ 1824 г.

Въ приложеніяхъ находятся граматы, фирманы и другіе акты 1398—1800 гг., рескрипты, приказы, письма 1800—1827 г., между коими въ особенности любопытны начальныя свѣдѣнія о земляхъ калмыкскихъ въ Астраханской губерніи;—свѣдѣнія касательно степной земли по обѣимъ сторонамъ Волги, вѣдомости о кочующихъ въ Астраханской и Кавказской губерніяхъ народахъ, и статистическія о нихъ данныя;—свѣдѣнія о кахетинскихъ виноградныхъ садахъ;—мнѣнія о лучшемъ способѣ введенія въ Абхазіи христіанства и просвѣщенія;—трактаты Англіи съ Персіею, заключенные въ Тегеранѣ въ 1812 и 1814 годахъ;—обозрѣніе общей торговли съ Азіею, а въ частности съ Персіею и Индіею;—записка объ армянахъ на сѣверѣ Кавказа;—письма гр. Нессельроде;—свѣдѣнія о сношеніяхъ барона Строганова съ Оттоманскою Портою по предмету границъ нашихъ съ нею;—письма Мазаровича о Персіи;—представленіе Ермолова объ отправленіи малолѣтныхъ азіятцевъ для обученія въ наши кадетскіе корпуса, и пр. и пр.

Въ заключеніе, въ 2-й ч. VI-го т. изданія коммисіи представлены: описаніе древнихъ памятниковъ христіанства на Кавказѣ и родословныя таблицы ганджинскихъ и кубинскихъ хановъ.

Трудно указать, какіе акты, относящіеся до эпохи управленія на Кавказѣ А. П. Ермолова, наиболѣе останавливаютъ вниманіе читателя; всѣ они въ высшей степени занимательны; всѣ рельефно обрисовываютъ личность знаменитаго кавказскаго героя, вмѣщавшую въ себѣ рѣдкое соединеніе доблестей искуснаго полководца, глубокаго дипломата и мудраго администратора.

Вообще, перечитывая въ систематическомъ порядкѣ кавказскою

археографическою коммисіею составленный и донынѣ въ семи огромныхъ томахъ явившійся сборникъ, столь наглядно представляющій постепенное развитіе началъ, послужившихъ къ утвержденію нашего владычества на Кавказѣ, нельзя не повторить выраженную въ декабрьской 1874 года книгѣ „Русской Старины“ глубокую признательность нынѣшнему намѣстнику Царя на Кавказѣ, державному его брату, основавшему и покровительствующему монументальному труду, столь успѣшно совершаемому подъ просвѣщеннымъ руководствомъ А. П. Берже, неусыпно себя посвятившаго этому труду.

Нельзя вмѣстѣ съ тѣмъ не выразить усерднѣйшаго желанія, чтобы это драгоцѣннѣйшее хранилище актовъ и документовъ послужило бы для любителей историческихъ изслѣдованій и, въ особенности, для спеціально посвящающихъ себя военнымъ бытописаніямъ—источникомъ для разработки лѣтописи боевыхъ дѣйствій на азіятскихъ нашихъ границахъ, для составленія, въ назиданіе нашему грядущему юношеству, посвящающему себя военному поприщу, описаній славныхъ подвиговъ Циціановыхъ, Котляревскихъ, Ермоловыхъ и столькихъ доблестныхъ сыновъ Россіи, прославившихъ ея оружіе.

М. П. Щербининъ.

Всеобщая Военная Исторія, составленная кн. Н. С. Голицынымъ.

„Русская Старина“, имѣя въ числѣ своихъ читателей весьма много лицъ военныхъ, позволяетъ себѣ остановить вниманіе какъ ихъ, такъ и вообще лицъ, интересующихся исторіей не только политическою, но и военною, на монументальномъ трудѣ одного изъ трудолюбивѣйшихъ отечественныхъ военныхъ писателей—кн. Н. С. Голицына, именно на его многотомномъ сочиненіи: **„Всеобщая Военная Исторія“.**

«Издатель — читаемъ мы въ одномъ изъ спеціальныхъ военныхъ органовъ— въ бытность свою (въ 1838 — 1847 гг.) профессоромъ военной исторіи и стратегіи въ Императорской военной академіи (нынѣ Николаевская академія генеральнаго штаба), составилъ съ нѣсколькими сотрудниками, согласно съ планомъ преподаванія означенныхъ наукъ въ академіи, въ первыя 20 лѣтъ со времени учрежденія ея, **Всеобщую военную исторію древнихъ, среднихъ, новыхъ и новѣйшихъ временъ до 1815 года включительно,** въ связи съ современною исторіей: политическою, военнаго искусства, искусства и науки веденія войны и военно-исторической литературы. Обширный трудъ этотъ уже былъ почти довершенъ въ составленіи, когда полученное редакторомъ (нынѣшнимъ издателемъ) его иное назначеніе по службѣ, заставило прервать оный, а послѣдующія обстоятельства долго не дозволяли довершить и издать его. Но съ конца 1872 года началось параллельное изданіе, по порядку, по одной части «Всеобщей военной исторіи древнихъ, новыхъ и новѣйшихъ временъ». По настоящее время, т. е. менѣе нежели въ четыре года, вышло уже въ свѣтъ девять объемистыхъ томовъ этого почтеннаго труда. Въ десятомъ, нынѣ печатаемомъ, томѣ будетъ помѣщено начало древней военной исторіи Славянъ, а продолженія ее и Русская Военная Исторія войдетъ въ одиннадцатый томъ по 19-й— включительно. Общіе выводы изъ изслѣдованія Всеобщей Военной Исторіи до

1815 года войдутъ въ 20-й и послѣдній томъ этого сочиненія. Къ 1879-му году составленіе и печатаніе всего труда предполагается окончить.

Вполнѣ справедливо замѣчаетъ одинъ изъ военныхъ журналовъ, что сочиненіе кн. Голицына будетъ **первый**, не только у насъ, но и въ иностранной военной литературѣ, опытъ изданія **Всеобщей военной исторіи всѣхъ временъ и народовъ**, по означенному выше плану. За исключеніемъ нѣсколько подобнаго, но недоконченнаго труда капитана виртембергскаго генеральнаго штаба Кауслера (изд. въ 1825—1830 гг.), иностранная военно-историческая литература, при всемъ своемъ богатствѣ и разнообразіи, не имѣетъ еще подобнаго сочиненія—недостатокъ, въ наше время особенно ощутительный.

При первоначальномъ составленіи издаваемаго нынѣ труда имѣлось, какъ и при нынѣшнемъ изданіи его имѣется въ виду, чтобы онъ соотвѣтствовалъ потребностямъ и пользѣ всѣхъ вообще военныхъ людей, могъ служить полезнымъ руководствомъ къ изученію существенно важнаго предмета военныхъ знаній—**Всеобщей военной исторіи**, какъ единственнаго источника, изъ котораго можетъ и должна быть почерпнута теорія стратегіи или наука веденія войны, и, наконецъ, чтобы изданіемъ этого труда сдѣлать, такъ сказать, первый шагъ къ восполненію означеннаго выше недостатка въ современной военно-исторической литературѣ.

Какъ изданныя до сихъ поръ, такъ и имѣющія быть изданными впредь части «Всеобщей военной исторіи» были и будутъ составлены на основаніи главныхъ и лучшихъ источниковъ и историческихъ пособій, и прежде изданія тщательно пересмотрѣны. исправлены и значительно пополнены, съ приложеніемъ къ нимъ необходимыхъ картъ, плановъ сраженій и снимковъ съ медалей, бюстовъ и портретовъ великихъ полководцевъ. Указаніе же и разсмотрѣніе источниковъ и историческихъ пособій, въ общей совокупности, составитъ обзоръ литературы **Всеобщей военной исторіи всѣхъ временъ и народовъ**.

Если литература наша довольно бѣдна болѣе или менѣе обширными историческими изслѣдованіями, то военно-историческіе труды у насъ положительно считаются пока единицами, и такіе классическіе труды, каково сочиненіе Д. А. Милютина о войнѣ Суворова въ Италіи—стоитъ почти одиноко въ продолженіе десятка лѣтъ,—тѣмъ важнѣе и почтеннѣе многотомный и многолѣтній трудъ бывшаго профессора кн. Н. С. Голицына: онъ разовьетъ въ военномъ сословіи любовь къ исторіи, обогатитъ ихъ массою свѣдѣній въ томъ дѣлѣ, которому они призваны служить; извѣстно, что безъ изслѣдованія и изученія прошедшаго — немыслимо совершенство настоящаго... Извѣстно также и то, что военные геніи, подобные Суворову, Наполеону I, много и долго учились, въ особенности изучали исторію и по преимуществу военную, прежде нежели проявили въ себѣ дарованія великихъ полководцевъ.

Заговоривъ о новѣйшемъ военно-историческомъ трудѣ, считаемъ не безъинтереснымъ для настоящихъ и будущихъ его читателей сообщить здѣсь нѣсколько данныхъ изъ біографіи составителя этого сочиненія. Членъ военно-ученаго комитета главнаго штаба, генеральнаго штаба ген.-лейт. князь Николай Сергѣевичъ Голицынъ, по окончаніи образованія въ бывшемъ благородномъ пансіонѣ Царскосельскаго лицея, въ іюнѣ 1825 года, былъ произведенъ въ прапорщики гвардейскаго генеральнаго штаба 7-го января 1826 года и первые годы службы состоялъ при войскахъ гвардейскаго корпуса, въ составѣ которыхъ, въ 1828—1829 гг., участвовалъ въ походѣ до крѣпости Варны и при осадѣ оной, а съ января 1831 г. въ походѣ съ

гвардіею въ Царство Польское и въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ польскихъ матежниковъ съ марта до сентября, и участвовалъ въ штурмѣ и взятіи Варшавы 25-го и 26-го августа. Въ 1833 г. кн. Голицынъ, по собственному желанію, переведенъ изъ штабсъ-капитановъ гвардейскаго генеральнаго штаба въ генеральный штабъ капитаномъ и командированъ въ княжества Молдавію и Валахію, въ составѣ вспомогательнаго султану турецкому, противъ египетскаго паши, корпуса войскъ подъ начальствомъ полномочнаго предсѣдателя диванова этихъ княжествъ, ген.-адъютант. Киселева. Но походъ этого корпуса за Дунай къ Константинополю не состоялся по случаю заключенія мирной конвенціи въ Коніи, и кн. Голицынъ до марта 1834 г. оставался въ княжествахъ при Киселевѣ, завѣдывая дѣлами по части оберъ-квартирмейстера и исполняя различныя работы и порученія. Въ октябрѣ того же 1834 г. кн. Николай Сергѣевичъ, назначенъ въ чинѣ подполковника, адъюнктъ-профессоромъ военной исторіи и стратегіи при Императорской военной академіи (нынѣ Николаевская академія генеральнаго штаба); въ 1838 г. назначенъ профессоромъ тѣхъ же наукъ при той же академіи; 15-го января 1848 г. назначенъ директоромъ училища правовѣдѣнія, съ переименованіемъ изъ полковниковъ въ дѣйств. стат. совѣт. 7-го декабря 1849 г. поступилъ снова въ генеральный штабъ полковникомъ, съ состояніемъ при генералъ-квартирмейстерѣ главнаго штаба; съ іюня 1852 г. до мая 1855 г. состоялъ редакторомъ „Русскаго Инвалида“, а съ мая 1855 г. до октября 1856 г.— исправляющимъ должность генералъ-квартирмейстера средней арміи въ Кіевской, Волынской, Подольской, Черниговской и Полтавской губерніяхъ; съ ноября 1856 г. состоялъ при генералъ-квартирмейстерѣ главнаго штаба и въ теченіе восьми лѣтъ завѣдывалъ военно-статистическими работами офицеровъ генеральнаго штаба въ губерніяхъ; съ 1864 г. былъ членомъ совѣщательнаго комитета, а съ 1865 г.— военно-ученаго комитета главнаго штаба, и сверхъ того, съ марта 1864 г. предсѣдателемъ коммисіи для распредѣленія пособій отставнымъ чинамъ военнаго вѣдомства и ихъ семействамъ, учрежденной при военномъ министерствѣ. Въ этихъ званіяхъ состоитъ и теперь.

Съ 1872 г. кн. Н. С. Голицынъ издаетъ обширный трудъ свой, съ содержаніемъ и цѣлью котораго мы ознакомили выше. Такимъ образомъ послѣдніе годы пятидесятилѣтней службы неутомимаго военно-ученаго дѣятеля ознаменовываются выпускомъ въ свѣтъ многолѣтняго труда, замѣченнаго и оцѣненнаго не только соотечественниками, но и иностранцами. 7-го января 1876 г. минетъ ровно полъвѣка службы кн. Н. С. Голицына. Отъ души желаемъ почтенному писателю на многіе еще годы сохранить энергію, свѣжесть умственныхъ силъ и ту любовь къ отечеству, которая подвигла его на предпріятіе важнаго труда и которыя несомнѣнно дадутъ ему возможность довести его до конца.

Ред.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПОДПИСКА НА „ДОНСКУЮ ГАЗЕТУ“ ВЪ 1876 году.

«Донская Газета» въ 1876 году будетъ издаваться по прежней программѣ и выходить два раза въ недѣлю въ размѣрѣ печатнаго листа. Годовая цѣна изданія остается прежняя (8 руб. съ пересылкою и доставкою), а полугодовая—4 руб. 50 коп. Для училищъ и гимназій Области войска Донскаго, выписывающихъ каждое не болѣе одного экземпляра, цѣна изданія: годовая—6 руб. и полугодовая—3 руб. 50 коп. Мѣсячные подписчики платятъ 1 руб.—Въ 1876 г. въ «Донской Газетѣ» будутъ помѣщаемы телеграммы Русскаго Телеграфнаго Агентства о важнѣйшихъ явленіяхъ нашей и иностранной политики.

Подписка принимается въ г. Новочеркасскѣ, по Платовскому проспекту, домъ Карасева (бывшій Ильина).

Въ книжныхъ магазинахъ **Вазунова, Вольфа** и **Исакова** въ С.-Петербургѣ и у **Соловьева** въ Москвѣ продается:

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ **НИКОЛАЯ ѲЕДОРОВИЧА ЩЕРБИНЫ.**

Изд. въ С.-Петербургѣ, 1873 г., въ 8-ю д. л. 440 стр.

Это изданіе исполнено по экземпляру и рукописямъ, подготовленнымъ самимъ авторомъ незадолго до его смерти. Вошедшія въ него сочиненія раздѣлены на слѣдующіе отдѣлы: I. Въ первый отдѣлъ вошло шестьдесятъ семь стихотвореній 1843—1853 гг.—II. Во второмъ отдѣлѣ „Новогреческія мелодіи“.—III. „Пѣсни о природѣ“—тридцать девять стихотвореній.—IV. Ямбы и элегіи 1854—1860 гг.—тридцать стихотвореній.—V. „Русскія пѣсни на чужбинѣ“ 1861 г.—VI. Отдѣлъ—тридцать стихотвореній.—VII. Альбомъ ипохондрика: собраніе эпиграммъ, ксеній, ямбовъ и сатиръ—всего семьдесятъ шутливыхъ и сатирическихъ произведеній 1841—1860 гг. „Доморощенные и путевые наброски русскаго лѣнивца и ипохондрика“ 1857—1867 гг „Сонникъ современной русской литературы“. Сатирическая лѣтопись: ямбы, ксеніи и эпиграммы (шестьдесятъ девять) 1861—1869 гг.—VIII. Приложенія.

Цѣна **2 руб.** съ пересылкой.

Въ книжныхъ магазинахъ **Базунова** (въ Петербургѣ) и **Соловьева** (въ Москвѣ)

продаются слѣдующія изданія:

I. **Сборникъ снимковъ съ автографовъ русскихъ дѣятелей 1801—1825 гг.** (Письма, стихотворенія, замѣтки и подписи).

Роскошное изд. ред. «Русской Старины» и **Ѳ. К. Опочинина.** Спб. 1873 г., въ листъ, 152 стр.; заглавный листъ — рисунокъ академика **В. А. Гартмана;** собраніе фотолитографическихъ снимковъ съ автографовъ замѣчательныхъ лицъ; въ приложеніяхъ напечатаны (бо́льшею частію впервые) подлинники снимковъ, какъ-то: письма, стихотворенія и замѣтки русскихъ историческихъ дѣятелей, въ концѣ книги помѣщенъ алфавитный указатель.

Цѣна книги 3 р., пересылка 50 коп.

II. **Русская Родословная книга.** Изд. «Русской Старины». Спб. 1873, въ 8 д., 400 стр. Томъ I. **Цѣна 3 р. съ пересылкой**

Въ этотъ томъ вошло значительное собраніе родословій русскихъ титулованныхъ и нетитулованныхъ дворянскихъ фамилій, преимущественно такихъ, многіе представители которыхъ ознаменовали себя, въ разныя эпохи русской исторіи, заслугами на поприщахъ государственномъ, общественномъ, ученомъ или литературномъ.

(Осталось немного экземпляровъ).

[Томъ второй „Русской Родословной книги"—на дняхъ поступитъ въ продажу].

III. **„Русская Старина"** 1870 г. (годъ первый) **изданіе третье,** отпечатанное въ 1875 г. въ трехъ томахъ, всего 2,700 стр., изданіе значительно исправленное, съ портретами, снимками и рисунками. Цѣна 8 руб. съ пересылкою.

сто самыхъ незначительныхъ подробностей, трудъ этотъ прочтется съ любопытствомъ изслѣдователемъ и любителемъ русской исторіи. Въ сочиненіи этомъ заключается описаніе походовъ древнихъ руссовъ на Табаристанъ (нынѣшній Мазандеранъ) и другія мѣстности, прилегающія къ Каспійскому морю, начиная съ 880 года и оканчивая послѣднимъ походомъ русскихъ на восточный берегъ Каспія въ 1826—1827 гг. Всѣ походы по этому морю, происходившіе въ теченіе десяти столѣтій, подробно описаны авторомъ, собравшимъ свѣдѣнія о нихъ изъ малоизвѣстныхъ, большею частью восточныхъ и древнихъ писателей. Сочиненіе наполнено подлинными текстами и цитатами изъ этихъ авторовъ и поражаетъ громадною начитанностью и глубокою эрудиціею. Болѣе половины книги занимаютъ приложенія, дополненія и указатели. Даже въ этихъ отдѣлахъ собрано множество чрезвычайно любопытныхъ свѣдѣній о многихъ спорныхъ вопросахъ по русской исторіи.

Исторія россійской академіи. М. И. Сухомлинова. Спб. 1875 г. Выпускъ второй, 584 стр.

Второй выпускъ этого обширнаго и во всѣхъ отношеніяхъ почтеннаго труда посвященъ обозрѣнію дѣятельности трехъ академиковъ, бывшихъ въ то же время членами и академіи наукъ: Румовскаго, Лепехина и Озерецковскаго, о которыхъ у насъ было мало свѣдѣній, между тѣмъ какъ труды этихъ [illegible]ыхъ екатерининскаго времени были весьма замѣчательны. Почтенный авторъ извлекъ свѣдѣнія о нихъ преимущественно изъ рукописныхъ источниковъ въ архивахъ академіи наукъ, синода, министерства просвѣщенія, Казанскаго университета и др. Жизнь и значеніе этихъ ученыхъ разсказаны занимательно, хотя и съ подробностями, иногда слишкомъ мелкими. Такъ, при исчисленіи переводовъ этихъ академиковъ, приведены цѣлыя страницы подлинниковъ для сравненія ихъ съ переводомъ,— и если это въ нѣкоторой степени любопытно при передачѣ на русскій языкъ анналовъ Тацита (Румовскимъ) или естественной исторіи Бюффона (Лепехинымъ), то не думаемъ, чтобы полезно было цитировать переводъ плохаго сочиненія тома «О похвальныхъ словахъ», сдѣланный Озерецковскимъ, и еще такъ дурно, что комитетъ академіи, разсматривавшій этотъ переводъ, не счелъ возможнымъ, и совершенно основательно, принять участіе въ его изданіи. Почти 200 страницъ книги занимаютъ примѣчанія и приложенія, между которыми также много весьма интересныхъ подробностей, какъ «Сообщенія касательно ученыхъ путешествій по Россіи», предпринимаемыхъ академіею наукъ, словарь русскихъ названій растеній и животныхъ, въ описаніи путешествія Лепехина, проектъ цензурнаго устава, составленный Фусомъ и Озерецковскимъ, и др. Указателя къ этому выпуску нѣтъ, вѣроятно, онъ будетъ приложенъ по окончаніи всего сочиненія, которое, повидимому, будетъ огромно, судя по тому, что второй выпускъ занятъ оцѣнкою только трехъ академиковъ. (Въ первомъ, какъ извѣстно, были разобраны только духовные писатели).

Книга о кіевскихъ богатыряхъ. Сводъ 24-хъ избранныхъ былинъ древне-кіевскаго эпоса. Составилъ В. П. Авенаріусъ, съ 12-ю картинами и портретомъ пѣвца Рябинина. 1876 г., XXI, 280 и XXXIV стр.

Близкое знакомство съ нашимъ народнымъ эпосомъ началось всего лѣтъ 15 тому назадъ. Извѣстно, что нашъ великій критикъ В. Г. Бѣлинскій не признавалъ значенія нашихъ народныхъ пѣсень и сказокъ, а былины были мало ему знакомы. Ихъ разработывали и объясняли, въ послѣднее время, Орестъ Миллеръ и г. Пыпинъ на основаніи сборниковъ Кирѣевскаго, Рыбникова и Гильфердинга. Но для массы читателей сборники эти малоизвѣстны, былины являются въ нихъ, такъ сказать, въ сыромъ видѣ, записанныя прямо со словъ «сказателей», часто искажавшихъ ихъ позднѣйшими вставками и, во всякомъ случаѣ, не соблюдавшихъ законовъ просодіи. Множество варіантовъ и дополненій, полныхъ нерѣдко анахронизмами, затрудняетъ также чтеніе этихъ былинъ въ ихъ первобытномъ видѣ. Поэтому г. Авенаріусъ принялъ на себя трудъ составить полный сводъ каждой былины, сличивъ ихъ по стихамъ со всѣми варіантами, исправивъ эти стихи, сгладивъ шероховатость ихъ версификаціи, устранивъ или смягчивъ все слишкомъ грубое, уничтоживъ анахронизмы и расположивъ всѣ былины въ хронологическомъ порядкѣ. Трудъ этотъ былъ не легокъ и при очищеніи стиховъ надо было поступать съ величайшею осторожностью, чтобы при слишкомъ усердномъ сглаживаніи стиховъ не лишить ихъ самородныхъ, хотя часто неправильныхъ красотъ. Въ общихъ чертахъ г. Авенаріусъ исполнилъ этотъ трудъ удовлетворительно, хотя въ частности можно было бы съ нимъ поспорить за исключеніе нѣкоторыхъ характеристическихъ стиховъ и подробностей. Въ 24-хъ былинахъ передано все, что преданіе сохранило намъ о двѣнадцати богатыряхъ древнѣйшаго цикла (старшихъ богатыряхъ) и кіевскаго періода (циклъ Владиміровъ). Примѣчанія къ былинамъ и алфавитный указатель требующихъ объясненія словъ и именъ составлены обстоятельно; картинки составлены по рисункамъ Прохорова, но исполнены нѣмцами не удовлетворительно. Къ книгѣ приложенъ портретъ Олонецкаго «сказателя былинъ» Рябинина, въ отличной гравюрѣ, исполненной акад. Л. А. Сѣряковымъ и приложенной къ «Русской Старинѣ» 1872 г. къ пятому тому.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА
„РУССКУЮ СТАРИНУ“
1876 г.

СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна годовому изданію,—**двѣнадцать книгъ, три большіе тома**, изъ которыхъ каждый не менѣе 44-хъ печатныхъ листовъ, съ портретами, снимками и рисунками,—съ пересылкой гг. иногороднымъ и съ доставкой на домъ въ Санктпетербургѣ и въ Москвѣ—**восемь рублей.**

Подписка принимается **для городскихъ подписчиковъ**: въ С.-Петербургѣ—въ книжномъ магазинѣ **Александра Ѳедоровича Базунова (Невскій Проспектъ, домъ № 30)**; въ Москвѣ—въ книжномъ магазинѣ **Ивана Григорьевича Соловьева**, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева.

Иногородные подписчики обращаются: 1) по почтѣ **исключительно** въ Редакцію и при этомъ сообщаютъ подробный адресъ съ обозначеніемъ: имени, отчества, фамиліи и того почтоваго мѣста, съ указаніемъ его губерніи и уѣзда (если то не въ губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ), куда можно прямо адресовать журналъ и куда полагаютъ обращаться сами за полученіемъ книгъ;—2) лично, или чрезъ своихъ коммисіонеровъ, въ С.-Петербургѣ, въ контору, открытую для городскихъ подписчиковъ.

За перемѣну адреса должно уплачивать: городскаго на иногородный—64 коп., а иногороднаго на городской—50 коп.

Редакція журнала **«РУССКАЯ СТАРИНА»** помѣщается въ **С.-Петербургѣ, Надеждинская, д. № 42, кв. № 12.**

Статьи, которыя помѣщаются въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“, относятся къ слѣдующимъ отдѣламъ:

I. Записки (мемуары) и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія (монографіи), обзоры, очерки и разсказы объ отдѣльныхъ эпохахъ и событіяхъ Русской Исторіи, преимущественно XVIII и XIX вѣковъ.—III. Историческіе матеріалы изъ архивовъ и частныхъ собраній.—IV. Жизнеописанія и новые матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, духовныхъ и свѣтскихъ писателей, артистовъ и пр.—V. Очерки изъ исторіи русской литературы и искусствъ и матеріалы къ нимъ: неизданныя почему-либо въ свое время произведенія извѣстныхъ отечественныхъ писателей и артистовъ, ихъ переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники, статьи полемическія и проч.—VI. Историческіе разсказы, преданія и анекдоты; эпиграммы, пародіи, шутки изъ рукописной литературы XVIII и XIX-го вв.—Характерныя челобитныя, домашніе дневники, черты нравовъ русскаго общества прошлаго времени и проч. листки изъ записной книжки „Русской Старины“.—VII. Народная русская словесность: историческія, бытовыя и сатирическія пѣсни XVII и XVIII вв.—Стихи и пѣсни духовные и раскольничьи.—Замѣтки и выписки изъ подлинныхъ дѣлъ о суевѣріяхъ русскаго народа.—VIII. Библіографическій листокъ новыхъ, преимущественно историческихъ книгъ.—IX. Родословія русскихъ достопамятныхъ людей.

Можно получить третье изданіе „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ 1870 года
Цѣна **ВОСЕМЬ** рублей съ пересылкой.

Семевскій.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ седьмой. ФЕВРАЛЬ. 1876 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Записки **Михаила Гарновскаго**: дворъ императрицы Екатерины II въ 1787 г. Сообщ. **А. И. Левшинъ** 237

II. Записки **А. С. Стурдзы**: судьба русской православной церкви въ царствованіе Александра I-го. Сообщ. Професс. **Н. И. Барсовъ** 266

III. Илья Васильевичъ **Буяльскій**, 1789—1866 гг. Біографическій очеркъ. Состав. Професс. **Я. А. Чистовичъ** 289

IV. Моя жизнь и художественно-археологическіе труды. Разсказъ академика **Ѳ. Г. Солнцева**. глава II-я: 1817—1827 гг. . 311

V. В. Г. **Бѣлинскій**, новыя данныя къ его біографіи. (Окончаніе) Сообщ. кн. **Н. Н. Енгалычевъ** 324

VI. А. Н. **Сѣровъ**: очерки и замѣтки о музыкѣ, 1841 г. Сообщ. **В. В. Стасовъ** 348

VII. Падъ Варною, 10-го сентября 1828 г. Изъ воспоминаній **П. А. Степанова** 364

VIII. Очеркъ событій на Кавказѣ въ 1836—1850 гг. 377

IX. Восточная война, 1854—1855 гг. **Кн. Паскевичъ** и **кн. Горчаковъ**. 388

X. Михаилъ Михайловичъ Сперанскій въ 1826 г. Сообщ. Акад. **А. Ѳ. Бычковъ** 430

XI. Воспоминанія о графѣ М. А. **Корфѣ** († 2 янв. 1876 г.). Акад. **Я. К. Грота** и **В. В. Стасова** . 422

XII. Павелъ Михайловичъ **Строевъ**. († 6 янв. 1876 г.). Некрологъ. Сообщ. Професс. **К. Н. Бестужевъ-Рюминъ** 426

XIII. Листки изъ записной книжки «Русской Старины»: 1) Проклятіе Степана Гѣбова, 1721 г. Сообщ. **К. Н. Тихонравовъ**. (442). 2) Скорняковъ-Писаревъ и Девьеръ въ Сибири. 1727—1742 гг. Сообщ. **А. С. Сгибневъ**. (450). 3) А. В. Суворовъ. Сообщ. **М. П. Щербининъ**. (450). 4) Кириллъ Флоринскій, епископъ Сѣвскій въ 1773 г. Сообщ. **А. В. Рачинскій**. (454). 5) Письма Д. И. Фонъ-Визина. Сообщ. **П. А. Ефремовъ** и **кн. А. В. Лобановъ-Ростовскій**. (458). 6) Встрѣча съ А. С. Пушкинымъ. Сообщ. **А. Роспоповъ**. (464).

XIV. Библіографическій листокъ новыхъ книгъ (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЯ: I. Портретъ императрицы **Екатерины II**, точный снимокъ съ гравюры Чемесова, 1762 г. геліограф. снимокъ на мѣди исполн. **г. Скамони**.—II. Портретъ Виссаріона Григорьевича **Бѣлинскаго**, граниров. академикъ **Л. А. Сѣряковъ**.

Отпечатано и продается **третье изданіе** „Русской Старины“ **1870** г.
Цѣна **8** руб. съ пересылкой.

Принимается подписка на «Русскую Старину» 1876 г.
Цѣна 8 руб. съ пересылкой.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева (Больш. Садовая, д. № 49—2).
1876.

II-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го февраля.

Библіографическій листокъ новыхъ русскихъ книгъ.

Братская помочь пострадавшимъ семействамъ Босніи и Герцеговины, изданіе петербургскаго отдѣла славянскаго комитета, 1876 г.

Наше общество упрекаютъ часто въ апатіи и равнодушіи къ чужимъ нуждамъ и бѣдствіямъ. До какой степени справедливы эти упреки и въ какой мѣрѣ оправдываются они не совсѣмъ нормальнымъ положеніемъ самаго общества — мы не будемъ разбирать этого вопроса, но скажемъ только, что въ эпохи народныхъ бѣдствій и важныхъ кризисовъ общество наше выказывало, напротивъ, горячее сочувствіе своимъ ближнимъ: для доказательства этого достаточно указать на два недавнія событія: самарскій голодъ и герцеговинское возстаніе. Въ обоихъ случаяхъ сограждане наши стали въ уровень съ важностью этихъ народныхъ несчастій и значительными матеріальными жертвами доказали свое участіе къ горю собратій. Въ обоихъ случаяхъ литература наша пришла на помощь общественной благотворительности и принесла также посильныя жертвы. Въ пользу голодавшихъ самарцевъ русскіе писатели составили изъ безплатныхъ статей большой сборникъ, продававшійся по сравнительно низкой цѣнѣ. Тоже явленіе, хотя въ нѣсколько меньшихъ размѣрахъ, повторилось и въ настоящую минуту: въ помощь семьямъ нашихъ братьевъ-славянъ, уже полгода проливающихъ свою кровь для освобожденія своей родины отъ невыносимаго турецкаго ига, русскіе писатели составили новый сборникъ, почти въ 500 страницъ, по образцу «Складчины», напечатанный въ одиннадцати типографіяхъ, составленный изъ сорока четырехъ статей, въ стихахъ и прозѣ, и продающійся по три рубля во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Богатство и разнообразіе этого сборника, дѣйствительно, замѣчательные. Тутъ есть и серьезныя статьи научнаго и критическаго содержанія, принадлежащія С. Соловьеву, К. Бестужеву-Рюмину, М. Сухомлинову, кн. Васильчикову, Срезневскому, А. Н. Попову, В. Ламанскому, Я. Гроту, О. Миллеру, Градовскому; есть разсказы: Авдѣева, Торнова, Игнатьева, Н. А. Попова; путевые очерки Каразина, Страхова; комедія А. Островскаго; стихи Некрасова, Майкова, Розенгейма, Апухтина, Ѳ. Миллера, Полонскаго, Ковалевскаго, Гербеля, Соколовскаго, Струговщикова, Случевскаго. Здѣсь же помѣщены произведенія писателей, уже сошедшихъ въ могилу, таковы статьи К. С. Аксакова, графа А. К. Толстаго; стихотворенія Щербины, Бенедиктова, Дружинина. Однимъ словомъ, литература сдѣлала все, что могла, чтобы въ два мѣсяца собрать и издать столько произведеній. Остается только нашему обществу показать сочувствіе свое къ благой цѣли изданія и сложившимся на него силамъ русской интеллигенціи, и раскупить этотъ сборникъ также быстро, какъ была раскуплена «Складчина». Мы надѣемся, что, несмотря на свои значительныя пожертвованія для той же цѣли, «Братская помочь» не залежится въ книжныхъ складахъ, и собранныя за нее суммы дадутъ возможность облегчить бѣдственное положеніе многимъ славянскимъ семьямъ.

Историческія пѣсни малорусскаго народа, съ объясненіями Вл. Антоновича и М. Драгоманова. Томъ II, выпускъ 1-й, Кіевъ, XI и 166 стр.

Важность народныхъ пѣсень не только для исторіи литературы, но и для исторіи страны давно сознается всѣми. Въ пѣсняхъ сохраняются часто такія черты народнаго быта и его міросозерцанія, которыя ускользаютъ отъ изслѣдованій историка и археолога. Поэтому мы должны дорожить сборниками подобныхъ пѣсень, особенно если они издаются столь обстоятельно, какъ у гг. Антоновича и Драгоманова. Оба они извѣстны какъ знатоки нашего юго-западнаго края. Г. Антоновичъ составилъ замѣчательныя изслѣдованія о казачествѣ, крестьянствѣ и духовенствѣ Малороссіи; г. Драгомановъ придаетъ, можетъ быть, болѣе чѣмъ слѣдуетъ важности значенію южно-русскихъ пѣсень, но что между ними есть дѣйствительно много весьма замѣчательныхъ, доказываетъ вышедшій въ 1874 г. первый томъ «Историческихъ пѣсень» Малороссіи о борьбѣ ея съ турками и татарами, и появившееся теперь начало втораго тома того же изданія. Пѣсни эти имѣютъ предметомъ борьбу съ поляками при Хмельницкомъ. Всѣхъ пѣсень 18 и три приложенія, между которыми одна драма, приписываемая Ѳеофану Прокоповичу. Пѣсни снабжены варіантами, мѣстами впрочемъ незначительными и примѣчаніями весьма обстоятельными.

Повѣсти изъ русской исторіи. А. Разина. 12 книжекъ, до 52-хъ стран. въ каждой.

Изданіе это носитъ еще другое названіе на первой страницѣ, а именно: «Откуда пошла русская земля и какъ стала быть». Мы предпочли оставить заглавіе, выставленное на обертвѣ и приведенное нами: второе гораздо изысканнѣе и не совсѣмъ правильно. Авторъ этихъ разсказовъ, умершій преждевременно въ прошломъ году, происходя самъ изъ народа, принадлежалъ безспорно къ числу лучшихъ нашихъ писателей для народа. Всѣ произведенія его, составленныя съ этою цѣлью, принесли несомнѣнную пользу. Языкъ его понятенъ простому человѣку, чистъ и безъ малѣйшей поддѣлки подъ народный говоръ, от-

ЗАПИСКИ МИХАИЛА ГАРНОВСКАГО.

1786 — 1790 [1]).

1787 г.

Августа 4-го. Ея И. В-во соизволила, въ препровожденіи небольшой свиты, предпріять путь изъ Царскаго Села въ Петербургъ къ обѣденному столу, и, переночевавъ тамъ, нечаянно обрадовать, 6-го числа послѣ обѣда, здѣшнюю столицу прибытіемъ своимъ на шлюбкѣ къ Лѣтнему дворцу.

6-го числа, воскресенье, Преображеніе Господне. Ея И. В-ву угодно было слушать обѣдню въ храмѣ Преображенія Господня, что въ Преображенскомъ полку, коего штабъ- и оберъ-офицеры были потомъ приглашены къ обѣденному Ея И. В-ва столу.

Подъ вечеръ всемилостивѣйшая государыня благоволила переѣхать въ Зимній дворецъ, послѣ чего дано было знать всѣмъ придворнымъ должностямъ, въ Царскомъ Селѣ находившимся, чтобъ оныя возвратились уже сюда.

Сильные дожди и безпрестанные туманы, чрезъ все почти лѣто здѣсь продолжавшіеся, суть причиною, что Ея И. В-во столь благовременно соизволила въ нынѣшнемъ году переѣхать въ [illegible]одъ.

7-го числа поутру появилось на площади противъ дворца 400 мужиковъ, присланныхъ депутатами отъ общества четырехъ [illegible]ячъ работниковъ, у производства, при рѣкѣ Фонтанной, работъ [illegible]ходящихся, съ жалобою къ Ея И. В-ву на подрядчика Дол-

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1876 г., томъ XV, стр. 9—38.

гова, крайне ихъ притѣснявшаго. Собравшіеся на площадь мужики тотчасъ дали знать о себѣ, что они не простые зрители, а челобитчики. Всякій разъ, когда случалось какой ни есть дамѣ подойти въ комнатахъ Ея И. В-ва къ окошку, то они, признавая таковую за государыню, кланялись низко и показывали держащую (sic) въ рукахъ жалобу.

Всемилостивѣйшая государыня, узнавъ о семъ, изволила высылать къ нимъ нѣсколько особъ, одну за другою, которыя обнадеживали ихъ именемъ Ея И. В-ва скорымъ удовлетвореніемъ ихъ просьбы, съ тѣмъ только, чтобъ они разошлись по-своясмъ и отнюдь бы толпою праздно на площади не собирались. Но нѣтъ! Средство сіе не возъимѣло желаемаго дѣйствія. Мужики упорно настояли въ томъ, что хотятъ просить самую государыню, и увѣряли увѣщававшихъ ихъ господъ, что они не собрались бы толпою, еслибъ прежде посланные отъ нихъ въ Царское Село съ жалобою къ Ея И. В-ву два мужика не были взяты подъ стражу; а особливо досадили они дежурному генералъ-адъютанту графу Ангальту, сказавъ оному, что они съ нимъ, какъ съ нѣмцемъ, незнающимъ по-русски, и говорить не хотятъ.

Пополудни, не знаю, какимъ образомъ, удалось захватить изъ нихъ семнадцать человѣкъ, кои тогда же отправлены были за карауломъ въ уголовный судъ, съ тѣмъ, чтобъ осуждены были въ учиненіи скопа и заговора. Сіе увидя, прочіе немедленно разбѣжались.

Между тѣмъ государыня собственноручнымъ письмомъ повелѣла Николаю Петровичу Архарову быть немедленно сюда, которое письмо, для скорѣйшаго отправленія въ Новгородъ, чрезъ нарочную эстафету прислано было, при собственноручной же запискѣ Ея И. В-ва къ г. Эку. Нѣкоторые думаютъ, что г. Архаровъ сысканъ сюда для того, чтобъ развѣдать обстоятельнѣе дѣло мужиковъ съ Долговымъ; а другіе думаютъ, что графъ Александръ Андреевичъ (Безбородко), недоброхотствующій князю Александру Алексѣевичу (Вяземскому), покровителю Долгова, съ умыслу замѣшательство сихъ дѣлъ подкрѣпляетъ, и будто бы до того довести желаетъ, чтобъ князь Александръ Алексѣевичъ и никогда сюда изъ отпуска не возвратился.

Того же числа подъ вечеръ и чрезъ цѣлую ночь велѣно было

разъѣзжать около дворца конногвардейской и донской командамъ, дабы не допустить мужиковъ до новыхъ собраній.

Два дни спустя послѣ сего, настращавши довольно, взятыхъ подъ стражу мужиковъ выпустили на волю, а дѣло ихъ съ Долговымъ производится съ нарочитою строгостію въ губернскомъ правленіи, въ коемъ касательно дѣла сего велѣно, по имянному указу, съ прочими того правленія чинами присутствовать и г. оберъ-полиціймейстеру.

8-го числа было поутру при дворѣ обыкновенное собраніе.

9-го числа. Намѣренъ я былъ отправить къ вамъ курьера, испрося тогда письмо у графа Александра Андреевича (Безбородко), но замѣшкался отправленіемъ онаго въ ожиданіи писемъ отъ Ея И. В-ва и Александра Матвѣевича (Мамонова). Того же числа ночью пріѣхалъ сюда г. курьеръ Фитингъ; привезенныя имъ депеши розданы имъ самимъ 10-го числа поутру. Послѣ подачи писемъ былъ я у Александра Матвѣевича (Мамонова), который принялъ меня не обыкновенно, но отмѣнно ласково и учтиво, такъ что я не знаю чему приписать таковой отличной пріемъ. Онъ, удостоивъ меня прочесть письма, присланныя къ нему касательно бывшаго въ Кременчукѣ торжества, какъ отъ его св-сти, такъ и отъ васъ, пересказалъ также и то, что его св-сть къ Ея И. В-ву писать изволилъ; наконецъ сказалъ мнѣ: —«Ея И. В-во крайне удивляется, да и я не понимаю, чтобы тому за причина была, что на продажу Дубровицъ купчая не прислана?»

Послѣ сего ходилъ я къ графу Александру Андреевичу (Безбородко), который также далъ мнѣ знать, что государыня, въ разсужденіи не присылки купчей, крайне удивляется. Въ сіе время пріѣхавшій изъ Новгорода г. Архаровъ, явясь во дворцѣ въ графскую канцелярію, разговаривалъ съ графомъ наединѣ съ четверть часа. Графъ, по окончаніи сего разговора, отправилъ къ вамъ г. Старова, коему тогда-же Степанъ Ѳедоровичъ (Стрекаловъ) принесъ съ верху въ подарокъ отъ Ея И. В-ва золотую брилліантами осыпанную табакерку. Потомъ графъ, позвавъ меня къ себѣ, и еще напоминалъ о купчей и притомъ сказалъ: «Скоро будетъ цареградской курьеръ, по пріѣздѣ котораго надобно будетъ нарочнаго къ его свѣтлости отправить».

Послѣ обѣда представилъ Н. П. Архаровъ въ служители къ

Александру Матвѣевичу (Мамонову) привезеннаго имъ съ собою 24-лѣтняго ткача, ростомъ въ три аршина. Остатокъ сего дня пропалъ въ ожиданіи писемъ.

11-го числа. Получены здѣсь какъ вѣрующее на Дубровицы письмо, такъ и прочія депеши, отъ 28-го іюля изъ Кременчука отправленныя. Александръ Матвѣевичъ (Мамоновъ), получа послѣднее ваше письмо (хотя оно и прежде Фитинга сюда отправлено было), изготовленныя имъ письма, не отдавая мнѣ, изорвавъ ихъ, сказалъ:

— «Теперь надобно будетъ писать другія; однако-же подождите до завтрашняго дня. Государыня не очень сегодня здорова».

12-го числа. Его прев-ство, вруча мнѣ письмо, сказалъ:

— «Государыня велѣла вѣрующее письмо переправить, о чемъ и дана гр. Александру Андреевичу (Безбородко) записка; сходите къ нему».

Пришедъ къ графу, сей сказалъ мнѣ, что въ разсужденіи почистки надлежитъ помянутое письмо переправить. Сверхъ письма Ея И. В-ва, того, которое запечатано въ письмѣ Александра Матвѣевича (Мамонова), прислалъ мнѣ Александръ Матвѣевичъ еще другое. И графъ, и Александръ Матвѣевичъ подтвердили мнѣ неодноврапно, чтобы я курьеру сему приказалъ спѣшить, и туда и обратно сюда, со всевозможною поспѣшностію. Въ разсужденіи негодности почтовыхъ лошадей, просилъ я графа, чтобы на каждой станціи, доколѣ его свѣт-сть сюда не прибудетъ, содержать для нашихъ курьеровъ по шести лучшихъ лошадей, что̀ его сіят-ство тотчасъ г. Эку исполнить приказалъ.

Невѣроятно, чтобы г. оберъ-полиціймейстеръ смѣнился; но съ губернаторомъ здѣшнимъ чуть-ли сіе не воспослѣдуетъ. Послѣ отбытія Ея И. В-ва изъ Царскаго Села, морской баталіонъ, стоявшій въ лагерѣ, почти не шевелясь, принялся и паки за строгое ученіе.

И. и. в. великой князь и великая княгиня, исключая молодыхъ принцевъ, имѣютъ теперь пребываніе свое въ Гатчинѣ.

Запримѣчено, что Ея И. В-во, по возвращеніи изъ похода, болѣе не весела, нежели весела бывать изволитъ. Говорятъ, что неурожай во многихъ мѣстахъ въ хлѣбѣ причиняетъ Ея В-ву не малую скорбь и заботу.

Недавно привезенъ былъ сюда, на четырехъ корабляхъ изъ

чужихъ краевъ, овесъ, который въ одно мгновеніе ока раскупили и дешевле національнаго.

Графъ Воронцовъ возвратился уже сюда, а графъ Шуваловъ еще не бывалъ изъ Москвы.

О прибавкѣ въ банкъ на двадцатилѣтнюю въ заемъ раздачу пяти милліоновъ рублей подали уже докладъ Ея И. В-ву.

Аглинской министръ послѣ завтра отъѣзжаетъ отсель восвояси, что̀ предполагаетъ исполнить и французской, недѣли двѣ спустя. Сей послѣдній увѣрялъ одного изъ моихъ пріятелей, что его свѣтлость еще не скоро сюда быть изволитъ, будто бы по причинѣ, что турки шевелятся. Лучшіе же изъ нашихъ увѣряютъ, напротивъ того, что его св-сть скоро будетъ, поелику къ нему о семъ писано; между тѣмъ, всѣ любопытствуютъ о семъ. Еще говорятъ:

1) Винокуреніе запретится на нѣкоторое время; водку французскую позволятъ выписывать безпошлинно и будутъ продавать оную въ кабакахъ на мѣсто простаго вина, въ коемъ неминуемо воспослѣдуетъ недостатокъ, если винокуреніе запрещено будетъ.

2) Въ Польшѣ имѣетъ быть чрезвычайный сеймъ, на которомъ изберутъ его св-сть въ наслѣдники королю польскому.

3) Графа Орлова сюда ожидаютъ, но не знаю котораго.

Грекова почти уже брошена.

26-го августа. Достовѣрно извѣстно, что выключка нѣкоторыхъ людей, изъ числа продающихся съ Дубровицею, причинила Ея И. В-ву нарочитое неудовольствіе. Когда Петръ Степановичъ (Валуевъ) просилъ, по полученіи вашего письма, гр. Александра Андреевича (Безбородко), чтобъ въ добавокъ къ прежнимъ выключить еще 11 душъ, то графъ не только не взялся докладывать о семъ Ея И. В-ву, но и далъ знать, что лучше бы было выключить всѣхъ назначенныхъ къ выключкѣ прежде, нежели къ продажѣ Дубровицъ приступлено, а въ купчей ничего объ нихъ и не упоминать. Его же пр-вство Александръ Матвѣевичъ (Мамоновъ) хотя и сказалъ Петру Степановичу (Валуеву), что онъ охотно на выключку соглашается, но другимъ изъявлялъ на то свое неудовольствіе, обративъ оное болѣе на Петра Степановича, почитая онаго, сколько мнѣ извѣстно, графскимъ шпіономъ и любимцемъ г. Судіенкова.

— «Видно, это оба малороссіяне спрожектировали; князь въ нѣ-

скольких душахъ не имѣетъ нужды, а вѣрно Петръ Степановичъ, по наущенію, писалъ объ нихъ къ князю». Разсужденія сего я самъ не слышалъ, а мнѣ оное пересказано.

Графъ Александръ Андреевичъ (Безбородко), по пріѣздѣ послѣдняго отъ его св-сти курьера, сего августа 16-го, прочитавъ письмо отъ его св-сти, пожалъ нѣсколько губами, какъ будто бы чему удивился; потомъ, продолжая читать ваше письмо, слѣдовавшее по врученію Е. И. В. поднесъ государынѣ руками Захара Константиновича (Зотова), Александръ Матвѣевичъ (Мамоновъ), прочитавъ свои, сдѣлалъ также мину удивленія, сказавъ притомъ: «ничего не пишутъ». Изъ сихъ словъ и изъ поведенія его заключаю я, что онъ, по своей теперешней силѣ, не весьма доволенъ, что къ нему о дѣлахъ ничего не пишутъ. Письмо, бывшее въ его кувертѣ къ Ея И. В-ву, поднесено государынѣ также руками г. Зотова. И такъ, г. Зотовъ виднѣе прочихъ камердинеровъ.

Говорятъ, что Александръ Матвѣевичъ и довольно силенъ и опасенъ графу Александру Андреевичу (Безбородко), и что послѣдній много бы лишился довѣренности, если бы не былъ теперь подкрѣпляемъ его свѣтлостію.

Гр. Александръ Андреевичъ живетъ теперь на своей дачѣ; всякое утро пріѣзжаетъ во дворецъ, а къ обѣду возвращается паки на дачу.

Г. Судіенковъ былъ недавно два раза у Александра Матвѣевича (Мамонова) для засвидѣтельствованія его прев-ству почтенія, но никогда принятъ не былъ, да и никого Александръ Матвѣевичъ не принимаетъ. Рибопьеръ находится въ прежнемъ положеніи и просиживаетъ у его прев-ства часто до 3-хъ часовъ пополуночи.

Еще неизвѣстно зачѣмъ сысканъ сюда Н. П. Архаровъ, который, между тѣмъ, бываетъ весьма часто въ канцеляріи графской и разговариваетъ съ графомъ наединѣ. Богъ знаетъ, чѣмъ кончится дѣло мужиковъ съ Долговымъ: губернатору же жестоко вымыли за оное голову.

Г. шталмейстеръ Ребиндеръ, упражняясь издавна въ чтеніи Шведенборховыхъ сочиненій, сдѣлалъ касательно себя исчисленіе, что ему въ семъ году, августа 12-го дня, надлежало непремѣнно умереть. До наступленія 12-го августа писалъ онъ къ

родственникамъ въ Лифляндію, чтобъ они пріѣхали сюда къ тому числу для погребенія его, а наканунѣ того числа докладывалъ онъ самъ о томъ Ея И. В-ву, прося притомъ, чтобъ на мѣсто его избранъ былъ другой.

12-е августа прошло, Ребиндеръ живъ и подалъ не малую причину къ смѣху.

Гишпанскаго короля повѣренный въ дѣлахъ при здѣшнемъ дворѣ просилъ здѣшнее министерство, чтобъ графа Миранду, яко вреднаго королю его человѣка, выслать вонъ отсюда. Государыня изволила указать отвѣтствовать на сіе: «какъ Мадритъ отъ Петербурга находится въ неблизкомъ разстояніи, то Ея И. В-во не уповаетъ, чтобъ гр. Миранда могъ въ такомъ случаѣ быть его вел-ву королю гишпанскому опасенъ».

16-го августа представлена была въ Эрмитажѣ сочиненная гр. Сегюромъ трагедія: «Коріоланъ». Не удалось мнѣ слышать, какой имѣла оная успѣхъ. Графъ Сегюръ въ скорости имѣетъ отъѣхать, о чемъ и въ газетахъ публикуется уже.

Площадная молва возвѣщаетъ съ турками войну, и для того его свѣтлость не скоро сюда ожидаютъ.

Подтверждаются слухи, обѣщающіе его св-сти королевство Польское.

И кабинетъ, и остаточное казначейство такъ деньгами оголѣли, что едва-ли и 6-ю милліонами рублей въ состояніи будутъ съ долгами расплатиться. Въ статномъ же казначействѣ имѣется не слѣдующихъ въ выдачу на статные расходы, или, лучше сказать, сбереженныхъ отъ оныхъ,—милліонъ рублей.

27-го августа. Ѳедоръ Ивановичъ пріѣхалъ сюда августа 24-го дня. Многіе удивлялись курьерскому пріѣзду его, и—нехотя съ пустяками,—не знали, съ чѣмъ его къ вамъ отправить. Безъ сумнѣнія, прожилъ бы онъ здѣсь, въ ожиданіи отправленія, болѣе, еслибъ я, обязанъ будучи еженедѣльно отправить къ вамъ курьера, не приступилъ къ кому слѣдовало съ прошеніемъ писемъ. Сегодня обѣдалъ Ѳедоръ Ивановичъ у графа на дачѣ. Ему крайне хотѣлось завладѣть, посредствомъ комнаты Александра Матвѣевича (Мамонова), какимъ-нибудь за пріѣздъ подаркомъ; но, сдѣлавъ къ тому небольшой приступъ, не удалося. Не знаю, перескажетъ-ли Ѳедоръ Ивановичъ вамъ о пріѣздѣ

своемъ такъ, какъ я докладываю; прошу однако-же не обнажить меня предъ нимъ.

Архаровъ спрашивалъ недавно одного изъ моихъ знакомцевъ: «Гдѣ ты живешь?» — «Въ деревнѣ», отвѣтствовалъ знакомецъ,—«но правду сказать-то, жить тамъ почти негдѣ».

— Какъ жить негдѣ,—сказалъ Архаровъ,—вѣдь тамъ домъ каменный? — «Построенный изъ плиты, а потому, по причинѣ сырости, къ житію не способенъ», — отвѣтствовалъ знакомецъ.

— Охъ, уже эта плита,—сказалъ Архаровъ,—кричали и писали о Херсонѣ, а сами же и говорятъ тѣ, которые тамъ были, что настроивши изъ плиты домовъ, жить, кромѣ мазанокъ, негдѣ.

Изъ пальцевъ Архаровъ слова сіи не высосалъ.

Несмотря, что, по случаю бытности Ея И. В-ва въ Тавридѣ, его свѣтлость поднялся гораздо выше, остались люди, которые роютъ подкопы, да и рыть, доколѣ партія, противоборствующая его св-сти, не истребится, не престанутъ.

Г. Архаровъ принятъ былъ Александромъ Матвѣевичемъ (Мамоновымъ) въ комнатѣ довольно хорошо, а потому и при дворѣ— также. Какъ Александръ Матвѣевичъ жалуетъ забавнаго нрава людей, умѣющихъ складно пороть чуху къ статѣ и не къ статѣ, къ чему (исключая прочихъ уловокъ) г. Архаровъ имѣетъ не малыя способности, то въ продолженіе времени легко бы можно ему было перейти изъ комнаты вышеписанной въ комнату гораздо лучше.

Однакоже, зная, что Архаровъ преданъ партіи его свѣтлости противной, учредилъ я такъ дѣла его, что далѣе комнаты довольно хорошо сей разъ быть ему не удалося. Нельзя мнѣ было не исполнить сего, когда я увидѣлъ, что графъ Воронцовъ, никогда Архарова не посѣщавшій, началъ по утрамъ ѣздить къ Архарову и съ нимъ перешептываться. Бывалъ также Архаровъ по утрамъ у графа-докладчика (Безбородко), разговаривая по часу наединѣ.

Александръ Матвѣевичъ (Мамоновъ) имѣетъ къ графу-докладчику врожденную антипатію и даже имени графскаго не терпитъ; напротивъ того, графъ усильно старается пріобрѣсти дружбу его прев-ства. Графъ ходилъ недавно самъ и два раза г. Судіенковъ, къ Александру Матвѣевичу (Мамонову), но оба приняты не были.

Открывшимся Архарову входомъ желали они, безъ сумнѣнія,

пользоваться и, можетъ быть, не безъ прожектовъ. Правда, что сильной силѣ слабая не опасна, но что многія слабыя силы, соединясь вмѣстѣ, могутъ иногда вредить сильной, и это—на опытахъ основанная правда. Графъ-докладчикъ (Безбородко) хотя самъ собою и не кажется быть опаснымъ, однако же въ хитрости рѣдко кому уступаетъ, и притомъ связанъ тѣсною дружбою съ такими людьми, которые всегда были, суть и пребудутъ его свѣт-сти вредны.

Въ доказательство, что Александръ Матвѣевичъ (Мамоновъ) графа-докладчика не терпитъ, можетъ служить и слѣдующее происшествіе. На мѣсто покойнаго Бибикова, бывшаго при театрѣ, рекомендовалъ графъ Ея И. В-ву Николая Александровича Львова. Львову было то мѣсто обѣщано, о чемъ и въ городѣ уже знали; но сколь скоро узналъ о томъ Александръ Матвѣевичъ, то отозвался, что, кромѣ людей партіи графской, пусть кому хотятъ дадутъ то мѣсто. И дѣйствительно, Львову теперь отказано.

Запримѣчено, что графъ-докладчикъ (Безбородко) не такъ рано допускается къ Ея И. В-ву, какъ прежде, да и по рекетмейстерскимъ дѣламъ не съ такимъ жаромъ исполняются повелѣнія его какъ прежде. Ощутительно, положеніе графское не первое. Еслибъ его св-сти угодно было видѣть на его мѣстѣ другаго и не конечно Храповицкаго, то едва-ли откроется впредь удобнѣе къ тому случай.

Прошу не поставить мнѣ въ грѣхъ, что я къ описанію происшествій присовокупилъ сей разъ и собственныя разсужденія. О первыхъ, сколь они иногда ни худо награждаются, не могу я молчать, не преступивъ должной къ его св-сти преданности; что же касается до послѣднихъ, то усердіе мое къ его св-сти понудило меня къ изъявленію оныхъ. Я сужу такъ, какъ тѣ обстоятельства въ дѣло вникать мнѣ позволяютъ, не противясь однако же тѣмъ, коимъ и дѣла и конецъ оныхъ ближе извѣстны, и кои въ такомъ случаѣ рѣшительнѣе и здравѣе судить объ оныхъ могутъ. Хорошо быть съ доброю головою, но не худо имѣть при оной добрыя руки, ноги и прочіе члены, изъ коихъ зараженные антоновымъ огнемъ отъ здраваго тѣла обыкновенно отдѣляются. Впрочемъ, Господь, да будетъ воля Твоя!

Дѣло Логинова рѣшено во вредъ Логинову. Когда въ прошломъ году рекетмейстеръ докладывалъ о семъ дѣлѣ, то Ея И. В-во

изволила объявить просьбу Логинова, справедливою; а теперь Логиновъ обвиненъ. Сему удивляться не надобно, потому что противная Логинову партія протежируется партіею, его св-сти противною. Глѣбовъ, имѣющій извѣстный вамъ случай видѣться съ графомъ (Безбородко) ежедневно, совѣтовалъ Логинову подать, чрезъ графа, вторичное Ея И. В-ву прошеніе, и обѣщалъ всевозможную Логинову помощь.

Правда, что Глѣбовъ и обѣщаетъ, и удовлетворяетъ теперь многимъ, но не даромъ. Мнѣ показалось не кстатѣ просить графа, устами г. Глѣбова, о такомъ дѣлѣ, о коемъ не внялъ графъ просьбѣ его св-сти. Я совѣтовалъ Логинову поднести просьбу Ея И. В-ву руками г. Храповицкаго, и стараться о протекціи Александра Матвѣевича (Мамонова). Чуть-ли симъ средствомъ не возъимѣетъ Логинова дѣло желаемаго успѣха.

Государыня изволитъ теперь заниматься сочиненіемъ комедіи. Г. графъ Сегюръ откланялся уже; трагедія его имѣла желаемый успѣхъ.

Г. Судіенковъ разсуждалъ недавно съ Петромъ Степановичемъ (Валуевымъ) такъ: «что ежели-бы графу (Безбородко) отъ двора удалиться! вить его домашнее положеніе весьма не авантажное. Весьма онъ много долженъ, и я не понимаю, на что онъ, подражая князю, пустился въ строеніе дачи и въ прочія, доходамъ его несоразмѣрныя, издержки».

Четвертаго дня возвратился сюда изъ Италіи пѣвецъ Капаскини и привезъ для графа Александра Андреевича (Безбородко) двѣ молодыя итальянки. Проба онымъ сдѣлана, но не знаю, обѣ-ли или одна изъ нихъ принята будетъ въ сераль.

Г. Завадовскій просится на годъ въ отпускъ. Нельзя мнѣ утаить и сего, что сколько можно примѣтить, то графъ Александръ Андреевичъ дѣлаетъ весьма скорое по всѣмъ представленіямъ его св-сти исполненіе.

30-го августа. Вслѣдствіе даннаго мнѣ его сіят-вомъ графомъ Александромъ Андреевичемъ (Безбородко) приказанія, отправляю сего курьера, не доложивъ объ отправленіи онаго никому. Его велѣно отправить не мѣшкавъ ни минуты, и слѣдовать къ вамъ, по случаю важности порученныхъ ему депешъ, со всевозможною поспѣшностію.

Булгаковъ, какъ изъ послѣднихъ, полученныхъ съ царе-

градскою почтою, депешъ явствуетъ, взять уже подъ стражу. На сихъ дняхъ, и я думаю послѣ заутри, объявленъ здѣсь будетъ о войнѣ манифестъ. Нынѣшній наборъ рекрутъ положенъ съ 500 душъ по одному человѣку, что̀ составитъ около 18,000 рекрутъ; а ежели исключить изъ сего числа отданныхъ въ зачетъ, то будетъ только около 16,000 рекрутъ. Не комплетъ въ арміи простирается до 38,000 человѣкъ.

Графъ Салтыковъ наряженъ уже къ своему мѣсту. Въ курьерахъ, а особливо надежныхъ, крайній недостатокъ; я принужденъ былъ на скорую руку отправить сего, недавно въ службу опредѣленнаго.

3-го сентября. Наканунѣ 30-го числа всемилостивѣйшая государыня соизволила быть у всенощной въ Александроневскомъ монастырѣ. Александровъ же день празднованъ въ Зимнемъ дворцѣ; государыня была тогда не весела и после обѣда плакала. «Цареградскія непріятныя извѣстія и отлучка свѣтлѣйшаго князя, съ коимъ въ теченіе тринадцати лѣтъ, какъ Ея И. В-во сама изволила отозваться, сдѣлала она привычку обо всемъ обстоятельно говорить и совѣтоваться», причинили ей помянутую печаль.

А при томъ изволила государыня сказать: «что меня болѣе тревожитъ, то это, что князь ничего рѣшительнаго не пишетъ, какъ будто бы и онъ чѣмъ нибудь нечаянно встревоженъ».

На бывшемъ, послѣ обѣда, при дворѣ балѣ, чревъ два часа продолжавшемся, государыня не болѣе получаса находиться изволила и занималась бо̀льшею частью разговоромъ съ цесарскимъ и французскимъ министрами.

Графъ Сегюръ остался по прежнему здѣсь, по полученному отъ двора его повелѣнію. Въ Совѣтѣ повелѣно присутствовать: графу Брюссу, П. И. Салтыкову, графу Мусину-Пушкину, графу Воронцову, графу Шувалову, Стрекалову и Завадовскому.

Указъ о наборѣ рекрутъ, съ коего имѣлъ я честь препроводить къ вамъ копію, состоялся до прибытія цареградской почты; по прибытіи же оной, указъ тотъ возвращенъ былъ изъ сената, а на мѣсто онаго посланъ другой, помѣченный прежнимъ числомъ, коимъ повелѣно собрать съ 500 душъ по два человѣка.

Узнавъ о семъ, также о дѣлахъ, съ цареградскою почтою полученныхъ, и о письмѣ его св-сти, коимъ прошено было, чтобъ сей разъ сдѣлать сильный наборъ, потомъ, выправясь по коллегіи

о наборѣ, бывшемъ при началѣ прошедшія съ турками войны, сдѣлалъ я его сіятельству гр. Александру Андреевичу (Безбородко) тотчасъ словесное представленіе, что наборъ рекрутъ нужно увеличить.

Но какъ словесное представленіе не являло видовъ имѣть желаемое дѣйствіе, то я сдѣлалъ письменное, съ коего подношу при семъ копію, и которое поднесъ я его сія-ству сентября 1-го дня. Графъ Александръ Андреевичъ (Безбородко), прочевъ оное, имѣлъ со мною слѣдующій разговоръ:

Графъ. Хорошо, хорошо. То-то я и самъ такъ думалъ; надобно было взять съ 500 душъ по три человѣка. Князь писалъ, чтобъ сдѣлать сильный наборъ, для чего же не написалъ онъ какой именно?

Отвѣтъ. Когда его св-сть просилъ сдѣлать сильный наборъ, то нельзя было разумѣть подъ оныйъ съ 500 душъ по два человѣка, потому что таковые наборы нерѣдко и въ мирное время бывали. Впрочемъ, нельзя было его св-сти назначить число рекрутъ, поелику его св-сти теперь, кромѣ не комплета по части войскъ его, не комплетъ въ другихъ частяхъ не извѣстенъ.

Графъ. Какъ быть? Пусть теперь уже такъ будетъ; впредь сдѣлаемъ мы и еще наборъ; да какъ великъ не комплетъ?

Отв. По военному времени потребно въ армію, въ артиллерію и во флотъ до 60,000 человѣкъ. Для новаго наряда рекрутъ надобно наряжать новыя для пріема оныхъ команды; а это сопряжено съ затрудненіями.

Графъ. Ну что же дѣлать? Теперь пѣремѣнить нечѣмъ, указы уже посланы.

Отв. Можно, еще указы не посланы; я справлялся.

Графъ. Нѣтъ, нельзя, нельзя—пусть разсылаются. Я насилу упросилъ государыню, что и по два съ 500 душъ дать согласилась: однако же я прочту Ея И. В-ву завтрешняго дня вашу записку.

Послѣ сего, Ефремовъ, подошедъ ко мнѣ, сказалъ: «Графъ досадуетъ, для чего вы ему, прежде состоянія указа, не подали вашей записки». На что я отвѣтствовалъ: «Почему же мнѣ можно было знать, что вы готовите о рекрутахъ указы, когда никто меня о не комплетѣ въ арміи не спрашивалъ, да и о нарядѣ рекрутъ никто не говорилъ со мною ни слова».

Подъ вечеръ поднесъ я такую записку и графу Валентину Платоновичу (Мусину-Пушкину); поутру же не успѣлъ сего сдѣлать потому, что спѣшилъ къ графу Александру Андреевичу (Безбородко), дабы успѣть остановить указы, что однакоже не исполнилося.

2-го сентября Ефремовъ и паки сказалъ мнѣ: «Графъ сердится на васъ; если ему теперь по вашей запискѣ докладывать, то государыня будетъ гнѣваться на него, зачѣмъ онъ, не выправясь обстоятельно съ издачею о рекрутахъ указовъ, поторопился».

Того же дня предложилъ графъ о рекрутахъ Совѣту, какъ будто бы онъ, безъ подачи моей записки, самъ собою объ оныхъ заботился. Въ Совѣтѣ разбились на разные голоса. Нѣкоторые хотѣли, чтобы наборъ теперь же увеличить, а другіе твердили, чтобъ оный отсрочить, такъ какъ и графъ о семъ мнѣ говорилъ; послѣднее твердили извѣстные люди. Графъ докладывалъ потомъ отъ лица Совѣта Ея И. В-ву и просилъ, чтобъ наборъ увеличить; однако же Ея И. В-во и слышать о семъ не хотѣла, сказавъ: «Можно, коли надобность будетъ, послѣ наборъ другой сдѣлать».

Жалко мнѣ было, что Совѣтъ, составленный большею частью изъ недоброхотовъ его св-сти, присвоилъ себѣ такую заботу, о которой онъ никогда не думалъ, да, можетъ быть, и не такъ представилъ Ея И. В-ву, какъ бы надобно было. И для того рѣшился я сего сентября 3-го дня подать мою записку Александру Матвѣевичу (Мамонову), прося, чтобъ его прев-ство поднесъ оную Ея И. В-ву, съ тѣмъ однако же, чтобъ Ея И. В-во, если на прибавку рекрутъ согласиться изволитъ, не дали знать о моей запискѣ графу Александру Андреевичу (Безбородко), дабы меня съ нимъ не поссорить. Отвѣта Ея И. В-ва я еще не имѣю.

Я знаю, что я на подачу сея записки отважился много, и можетъ быть, и противъ воли его св-сти. Но и самый огонь, чрезъ который мнѣ шествовать надлежало, не въ состояніи былъ воспрепятствовать мнѣ хлопотать о семъ дѣлѣ. Если бы, кромѣ его св-сти, предводительствовалъ арміею кто бы таковъ ни былъ, то бы я не заботился ни о такомъ, ни о бо́льшемъ числѣ рекрутъ. Но, зная, что его св-сть предводительствовать будетъ, не могъ я спокойно уснуть, по случаю малаго набора рекрутъ. Мнѣ показалось, что этимъ хотѣли сдѣлать его св-сти маленькое ши-

канство, знавъ точно, что его св-сть требовалъ сильнаго набора; а по сему радъ я былъ, если бы симъ довелось прать и противъ рожна. Думаю, что теперь будутъ ожидать его св-сти отзыва: если потребуетъ, то наборъ увеличится.

Достовѣрно извѣстно, что Логинова дѣло рѣшено во вредъ ему, по просьбѣ графа Воронцова. Гр. Безбородко чуть было съ Воронцовымъ не поссорились за оное. Глѣбовъ обѣщаетъ, за заплату 12,000 руб., сдѣлать Логинову угодное.

Пріѣхавшій отъ васъ третьяго дня курьеромъ артиллеріи сержантъ и полученный въ тоже время отъ императора отзывъ были Ея И. В-ву чрезвычайно пріятны. Копія съ императорскаго письма препровождается къ его св-сти въ письмѣ Ея И. В-ва.

Увѣрили меня, что его св-сть теперешнимъ письмомъ Ея И. В-ва будетъ доволенъ. Выпросилъ я, что по тракту къ его св-сти поставлено по двѣнадцати лошадей для курьеровъ.

Находящемуся въ отпуску графу Чернышеву позволено, по прошенію его, отлучиться въ Италію.

Александръ Матвѣевичъ (Мамоновъ) зналъ, что 30-го числа къ вамъ курьеръ былъ отправленъ. А я думалъ, что онъ не зналъ, потому что графъ (Безбородко) велѣлъ мнѣ онаго отправить, никому не докладываясь.

Извѣстно, что никто о сю пору не могъ поколебать графа Александра Андреевича (Безбородко); но Александръ Матвѣевичъ (Мамоновъ) сильнѣе графа. Это неоспоримое дѣло. Графъ Шуваловъ уже пріѣхалъ.

4-го сентября. Записка моя о рекрутахъ возъимѣла уже нѣкоторое дѣйствіе. Весь нынѣшній наборъ хотятъ назначить на укомплетованіе войскъ, состоящихъ подъ командою его св-сти и графа Петра Александровича Румянцева-Задунайскаго. Однако-жъ я и противу сего подалъ записку, съ коея подношу копію. Для укомплетованія расположенныхъ внутри государства войскъ, артиллеріи и флотовъ хотятъ впредь новый сдѣлать нарядъ; но ежели его св-сть отозваться изволитъ, то и нынѣшній наборъ велятъ увеличить.

Покорнѣйше прошу дать знать, коликое число рекрутъ вамъ потребно: для росписанія знать сіе нужно.

Его и. в. великій князь имѣетъ пребываніе свое въ Гатчинѣ, гдѣ бы и его сія-ству гр. Валентину Платоновичу (Муси-

ну-Пушкину) безпрерывно быть надлежало; однако-жъ государыня указала графу бывать здѣсь по середамъ и четвергамъ.

Танѣевъ, по причинѣ слабости здоровья своего, предпріять путь не находитъ себя въ силахъ. Его намѣреніе есть опредѣлиться къ статскимъ дѣламъ, и для того просить васъ всенижайше, чтобы его отъ пріема Орловскаго полка уволить.

Ея сіятельство гр. Екатерина Васильевна (Скавронская) не очень здорова. Ея сія-ство крайне здѣсь скучаетъ.

И сего курьера велѣлъ мнѣ гр. Александръ Андреевичъ (Безбородко) тотчасъ къ вамъ отправить, никому объ ономъ не докладываясь. Однако-жъ Александръ Матвѣевичъ (Мамоновъ) говорилъ мнѣ объ отправленіи онаго еще вчерась. Да и не знаю я, почему со вчерашнимъ курьеромъ рескрипты, нынѣ подносимые, не были къ вамъ отправлены, ибо они еще третьяго дня заготовлены были.

Манифестъ о войнѣ еще не объявленъ, и чуть ни Петръ Васильевичъ Завадовскій трудится надъ онымъ.

7-го сентября [1]). Въ разсужденіи настоящія почти повсемѣстныя дороговизны въ хлѣбѣ и прочихъ вещахъ, приказалъ мнѣ гр. Александръ Андреевичъ (Безбородко) сдѣлать примѣрную вѣдомость суммѣ, потребной на экстраординарные расходы на армію гр. Петра Александровича Румянцева-Задунайскаго. Я таковую подношу при семъ и вамъ. Графъ, разсмотря оную, сказалъ мнѣ, что нужно будетъ отпускъ суммы и на всѣ, зависящія отъ его св-сти, войска увеличить; а притомъ поручилъ мнѣ просить васъ, чтобъ вы соблаговолили доложить его св-сти: по старымъ ли вѣдомостямъ, отъ его свѣ-сти Ея И. В-ву поданнымъ, производить отпускъ экстраординарныя суммы, или ожидать присылки новыхъ, на обѣ арміи и корпусы кавказской и кубанской вѣдомостей? Если будутъ новыя,—то его сіятельство проситъ, чтобъ поспѣшить присылкою оныхъ, дабы генералъ-прокуроръ, имѣющій въ скоромъ времени сюда возвратиться, могъ тотчасъ по пріѣздѣ своемъ приступить къ собранію потребныхъ на армію денегъ.

Графская мысль, чтобъ графу Задунайскому производить въ годъ на его армію по 1,500,000 руб., а на армію его св-сти,

---

[1]) Въ подлинникѣ другою рукою, сверьху листа, помѣчено: «14 сентября».

вмѣстѣ съ корпусами, по 3,000,000 руб.: «хотя армія графа Петра Александровича (Румянцева) и не такъ велика, но у него всѣ части находиться будутъ въ движеніи, а у его св-сти не всѣ войска находиться будутъ въ движеніи». Сіе сказалъ графъ для того, что ежели бы отпускъ его св-сти назначить соразмѣрно отпуску, графу Задунайскому предполагаемому, то бы его св-сти, по числу войскъ его, надобно было назначить болѣе 4-хъ милліоновъ рублей.

14-го сентября. Душинкевичу, за привозъ извѣстій, вамъ извѣстныхъ, коими дворъ весьма доволенъ былъ, государыня изволила пожаловать золотые часы. Прежде нежели оные ему даны были, спрашивалъ его графъ:

— Изъ Херсона-ли вы, или вы находитесь ординарцемъ при его св-сти?

Ея И. В-во, прочевъ реляцію о происшествіи, съ двумя нашими судами случившемся, соизволила тотчасъ послать оную къ Александру Матвѣевичу (Мамонову). Никто однако же сему извѣстію столько не радовался, какъ сіятельнѣйшая графиня Екатерина Васильевна (Скавронская). Ея сія-ство крайне здѣсь скучаетъ, а притомъ и не очень здорова.

Манифестъ еще не подписанъ; сочиненъ оный П. В. Завадовскимъ, а на французскій языкъ переведенъ г. Морковымъ. Копія съ помянутаго манифеста подносится его св-сти въ письмѣ гр. Александра Андреевича (Безбородко). Графъ меня въ семъ увѣрилъ.

Александръ Матвѣевичъ (Мамоновъ) много можетъ, нѣтъ въ семъ ни малѣйшаго сумнѣнія. Никто изъ предмѣстниковъ его не въ состояніи былъ поколебать власти графа-докладчика (Безбородко), а онъ оную колеблетъ. Часть новыхъ членовъ Совѣта, составляющихъ извѣстную партію, не была рекомендована ихъ главою; выборъ оныхъ предпочтенъ другимъ для того, что они уже и до сего, еще по прежней рекомендаціи, въ дѣла употреблялись. Нужно, кажется, не дать имъ усилиться, пользуясь теперешнимъ наиудобнѣйшимъ къ тому временемъ.

Графъ Воронцовъ, что хочетъ то дѣлаетъ съ графомъ-докладчикомъ (Безбородко). Дворъ (Екатерина) предполагаетъ сентября 22-го роздать многимъ статскимъ чины, а другимъ Владимірскіе кресты.

Захаръ Константиновичъ (Зотовъ), 5-го сентября, женился на той камеръ-медхенъ, которая была съ Ея И. В-мъ въ походѣ. Чуть-ли Захара Константиновича къ сей свадьбѣ не принудили, ибо вскорѣ надобно ожидать родинъ.

Теперь, какъ кажется, дворъ (Екатерина) не весьма тревожится мыслей, войною, а сначала довольно уныния было. Совѣтъ держится что мы никогда войны съ такими выгодами не начинали какъ теперь, и лучшую выгоду полагаютъ въ томъ, что всѣ, назначенныя къ дѣйствію противъ непріятеля, войска находятся уже на границахъ, вмѣсто того, что въ прежнія времена должно ихъ было собирать на границу. Нетерпѣливо ожидаются отъ его св-сти курьеры, а по прибытіи оныхъ нетерпѣливо желаютъ знать привезенныя ими вѣсти.

Пріятнѣе Ея И. В-ву получать письма отъ его св-сти изъ рукъ Александра Матвѣевича (Мамонова), нежели изъ рукъ другаго кого. Сіе пишу я не наугадъ, а изъ опытовъ.

24-го сентября. Александръ Матвѣевичъ (Мамоновъ) приказалъ мнѣ и еще васъ просить о скорѣйшей присылкѣ къ нему бумагъ и плановъ, до Дубровицъ касающихся; но еслибъ таковые находились въ рукахъ г. Пузина, то чтобы оные доставлены были Матвѣю Васильевичу (Мамонову-отцу). Его пр-во думаетъ, какъ Дубровицкое имѣніе составлено изъ разныхъ частей, купленныхъ у разныхъ помѣщиковъ, то надобно быть на каждую часть особой крѣпости. Есть и здѣсь кое-какіе планы, но я безъ повелѣнія не смѣю оныхъ представить ему; что же касается до крѣпостей или иныхъ бумагъ, то всѣ таковыя хранились у г. Хомутина и взяты имъ съ собою.

Братъ Александра Матвѣевича (Мамонова) пожалованъ флигель-адъютантомъ.

При семъ подношу:

Реэстры вещамъ, съ сержантомъ артиллеріи Гофманомъ, 15-го сентября, къ вамъ отправленные.

Списокъ новопожалованныхъ.

№ 1. Разныя письма отъ его св-сти.

2. Газеты. NB. Въ оныхъ напечатана реляція ваша.

3. Разныя депеши.

4. Сообщенія коллегіи.

5.) Письма отъ его высочества съ орденами г. Высоцкому
6.) и Рахманову.

Въ ящикѣ гусарское и нѣмецкое для васъ сѣдла.

Вчерась ужиналъ я въ первой разъ у Александра Матвѣевича (Мамонова); его прев-ство отзывался объ васъ, что для его св-сти и жизнію жертвовать готовы, гдѣ только востребуется надобность.

Графиня Екатерина Васильевна (Скавронская), слава Богу, здорова и писать будетъ къ его св-сти съ г. Рибопьеромъ.

26-го сентября. Дворъ (Екатерина) былъ весьма доволенъ извѣстіями, привезенными сюда курьеромъ Драшковскимъ сего сентября 25-го дня. Два часа спустя послѣ пріѣзда его, депеши, при семъ подносимыя, были уже, спасибо Александру Матвѣевичу (Мамонову), къ отправленію готовы. Однако же я продержалъ Драшковскаго, по повелѣнію государыни, до сего дня.

Ея И. В-во, уваживъ скорую его ѣзду, позволила ему отдохнуть здѣсь, какъ вы изъ приложённой при семъ записки Александра Матвѣевича, писанной къ гр. Александру Андреевичу (Безбородко), а отъ его сія-ва мнѣ сообщенной, усмотрѣть изволите. Да и особою запискою отъ Александра Матвѣевича мнѣ было знать дано о семъ. Драшковскому подарены золотые часы.

Государыня, увѣдомясь о желаніи его св-сти быть сюда, начала-было писать письмо («Я думаю, что въ военное время фельдмаршалу надлежитъ при арміи находиться»), кое однако же и было перемѣнено стараніемъ Александра Матвѣевича (Мамонова), кажется, непоколебимо преданность къ его св-сти сохраняющаго.

Того же числа былъ при дворѣ, касательно введенія пруссаками принца штатгальтера по прежнему въ его права, чрезвычайной Совѣтъ. Богъ знаетъ, какъ и о чемъ тамъ судили.

По представленію о награжденіи г-на Комбурлея чиномъ, сенатъ, заведя новый порядокъ, положилъ резолюцію: «Доложить о семъ тогда, когда подобными чинами и другіе награждаться будутъ». Сіе заведено г. Колокольцовымъ, однако же не для тѣхъ, которые рекомендуются отъ его св-сти, но сенатъ уже распространилъ таковое учрежденіе на всѣхъ. Сегодня, во дворцѣ, имѣлъ я съ г. Колокольцовымъ слѣдующій разговоръ:

Гарн. Есть-ли уже резолюція о Комбурлеѣ?

Кол. Нѣтъ еще, однако же скоро чинъ ему дадутъ. Не пишите о семъ къ его св-сти, ибо вы, по незнанію нашихъ теперешнихъ дѣлъ въ сенатѣ, не такъ напишите, какъ надобно, и подадите его св-сти поводъ къ новому огорченію. Я самъ буду писать обстоятельно. Когда курьеръ поѣдетъ?

Гарн. Сейчасъ. Я не смѣю не писать. Напишу, что не уважаютъ представленій его св-сти.

Кол. Пожалуйте не пишите. Продержите курьера до вечера, я буду писать.

Гарн. (Показывая письмо государыни). Надѣюсь, сіе лишаетъ меня права дерзнуть задержать курьера.

Кол. Пожалуйте не пишите; я буду стараться скорѣе Комбурлею чинъ доставить.

Гарн. Написать—напишу. За обѣщаніе однако же благодарю; а коли сенатъ ничего не сдѣлаетъ, то подамъ записку Ея И. В-ву съ жалобою, что сенатъ никого по представленіямъ его св-сти не награждаетъ.

Кол. Неужели вы графу о семъ говорили?

NB. Онъ видѣлъ меня нѣсколько разъ у гр. Александра Андреевича (Безбородко) не въ числѣ 0 (т. е. нулей).

Гарн. Съ просьбою отъ его св-сти, не трудно до желаемаго мѣста продраться.

Не знаю, можно-ли будетъ остаться здѣсь теперь г-ну Рибопьеру, поелику государыня о намѣреніи его отъѣзжать отсель извѣщена была до полученія имъ вашего письма. Графиня Катерина Васильевна (Скавронская) посылаетъ теперь къ его св-сти то самое письмо, которое она съ г. Рибопьеромъ отправить намѣрена была.

Записки руки Мамонова. «Какъ государыня считаетъ, что присланный нынче отъ князя курьеръ усталъ, то приказала мнѣ къ вашему сіятельству написать: дабы вы отправили вмѣсто него другаго, или бы его продержать изволили до завтра».

30-го сентября. Изъ устъ г-на Глѣбова, въ теперешнія времена иногда устами рейсъ-ефендія (Безбородко) глаголющаго: «Мамоновъ вѣдь не Ланской покойникъ; онъ десять разъ опаснѣе Ланскаго князю; даетъ онъ себя знать, кто онъ таковъ, а мы каковы были таковы и будемъ. Знаемъ, что князь боленъ, чудная

болѣзнь: послѣ горячки сдѣлалась лихорадка. Знаемъ и то, что князь просится сюда; узнали графу Петру Александровичу (Румянцеву-Задунайскому) цѣну. Дворъ (Екатерина) уважаетъ его теперь болѣе князя. Князь требуетъ къ себѣ Менкоба и Великопольскаго; однако же Менкобъ, когда его съ сверстниками не поровняютъ, не поѣдетъ; чортъ-ли велитъ ему ѣхать, да и Великопольскій ѣхать туда не согласится. Говорятъ, что и Василій Степановичъ боленъ; чуть-ли сей, подъ видомъ болѣзни, не имѣетъ желанія отъ князя отстать,—онъ здѣсь гораздо спокойнѣе будетъ».

Мнѣ кажется, что стараются Александра Матвѣевича (Мамонова) съ его свѣтлостію поссорить, а Менкобу хотятъ вперить мысли, чтобъ сей подорожилъ собою. Сколько я вижу, то Александръ Матвѣевичъ хорошо расположенъ къ его св-сти; что же касается до Менкоба, то сей, какъ я изъ устъ его самъ слышалъ, безъ всякихъ кондицій ѣхать къ вамъ намѣренъ.

Съ подарками, при семъ къ его св-сти подносимыми, намѣрены были г-на Рибопьера отправить; но какъ г. Рибопьеръ здѣсь остался, то и о посылкѣ подарковъ думать перестали. До сегодня не говорилъ я объ оныхъ ни слова, но сегодня я Александру Матвѣевичу (Мамонову) о днѣ рожденія его св-сти напомнилъ. «Ахъ, Боже мой, я и позабылъ,—сказалъ онъ,—спасибо, что вы мнѣ напомнили». Послѣ сего повѣстилъ я прочимъ объ отправленіи сего курьера.

Князь Александръ Алексѣевичъ (Вяземскій) несравненно здоровѣе, нежели былъ прежде, пріѣхалъ сюда 27-го сего мѣсяца; его сіятельство принятъ при дворѣ (т. е. Екатериною) изрядно.

Изъ канцеляріи рейсъ-ефендія получены почти достовѣрныя извѣстія, что въ Екатеринославскомъ намѣстничествѣ цѣлыхъ три пограничные уѣзда внутрь Россіи, отъ страха, турками имъ нанесеннаго, удалились; говорятъ, что это произошло отъ неосторожности г. Синельникова, рекомендовавшаго сельскимъ жителямъ въ пограничныхъ мѣстахъ стекаться въ крѣпости. Правда-ли, что Александра Николаевича Самойлова съ корпусомъ турки разбили? Реляція о десантѣ при Кинбурнѣ не весьма обстоятельна: турецкій корабль погибъ дѣйствіемъ-ли нашего оружія или собственною ихъ оплошностію? Публика: оная твер-

дить три недѣли къ ряду, что корпусъ Александра Николаевича (Самойлова), перешедшій Бугъ рѣку, турки разбили.

Князь Николай Васильевичъ (Репнинъ) просился, чтобъ его опредѣлить въ армію, куда и въ чью команду заблагоразсудится. На оное отвѣтствовано, что въ случаѣ надобности употребленъ будетъ.

Кенихъ вырѣзалъ весьма искусно изъ бѣлаго мрамора профильной его св-сти портретъ, наклеенный на мраморной доскѣ коричневаго цвѣта и въ стеклянную рамку, отмѣнно хорошей работы, вставленный. Сей портретъ поднесенъ Ея И. В-ву и принятъ чрезвычайно благосклонно. Неизвѣстно, что Кениху за оный заплачено будетъ; между тѣмъ государыня изволила указать сдѣлать таковой же портретъ Александра Матвѣевича (Мамонова).

По дѣлу Логинова ничего не удалось сдѣлать въ пользу его посредствомъ Александра Матвѣевича. Я думаю, что Алексѣй Васильевичъ Храповицкій успѣлъ его прев-ству внушить, хотя несправедливыя, но дурныя о Логиновѣ мысли. Логиновъ принужденъ былъ пуститься путемъ, г. Глѣбовымъ ему предписаннымъ. Между тѣмъ, пока въ пользу Логинова требуемыя съ него 12,000 руб. подѣйствуютъ, сенатъ, или, лучше сказать, графъ Воронцовъ, велѣлъ взыскать съ Логинова претензію сенатскую и Барышникова; вчера-сь, за невзнесеніемъ Логиновымъ денегъ, проданы съ публичнаго торга три его каменные дома.

NB. Александръ Матвѣевичъ (Мамоновъ) иногда о дѣлахъ съ г. Храповицкимъ совѣтуется.

Сентябрь. Его и. в. великій князь изволитъ предполагать отправиться отсель въ армію въ будущемъ февралѣ мѣсяцѣ. Во время бытности его и. в. въ походѣ, ея и. в. великая княгиня изволитъ уповать, что ей дозволено будетъ имѣть пребываніе свое въ крѣпости св. Елисаветы. Экипажи ихъ и. в. и прочія къ путешествію надобности пріуготовляются со всевозможною поспѣшностію.

Говорятъ, что во время отсутствія графа Валентина Платоновича (Мусина-Пушкина), имѣющаго при ея и. в-вѣ находиться, вицепрезидентскую въ военной коллегіи должность отправлять имѣетъ Н. И. Салтыковъ.

Князь Александръ Алексѣевичъ (Вяземскій) сильнѣе по своимъ дѣламъ, нежели каковъ былъ до отъѣзда къ теплымъ водамъ въ

Царицынъ. Его сіятельство сдѣлался однако же крайне нетерпѣливъ, а сіе не подало бы случая недоброхотамъ его восторжествовать надъ нимъ со временемъ.

Принцъ Виртембергскій уволенъ изъ нашей службы. На письмо его, которымъ онъ просился объ отправленіи его въ армію, государыня изволила отвѣтствовать: «Je suis fâchée que vous vous êtes mis dans l'impossibilité de ne pouvoir plus servir la Russie».

Всѣ пріуготовленія, касающіяся до отправляемаго въ Средиземное море флота, производятся со всевозможною поспѣшностію. Всѣ нетерпѣливо ожидаютъ взятія Очакова; одни заражены нетерпѣливостію, чтобъ унизить цѣну толь важному предпріятію, почитая оное маловажнымъ; другіе же, изъ усердія къ его св-сти, желаютъ ему во всѣхъ его благонамѣреніяхъ успѣховъ.

Сентябрь. Послѣ выбора въ совѣтъ новыхъ чиновъ, государыня изволила два раза говорить г. Завадовскому, что Ея И. В-во не соизволитъ терпѣть, если только услышитъ, что кто-нибудь покусится причинять хотя малое его св-сти оскорбленіе, особливо же рекомендовано дать знать о семъ гг. графамъ Шувалову и Воронцову.

За два дни до полученія здѣсь извѣстія о взятіи въ Царѣградѣ г. Булгакова подъ стражу, писалъ графъ Александръ Андреевичъ (Безбородко) въ Гатчину къ великому князю письмо, въ коемъ P. S. написаны были слѣдующаго содержанія мысли: «сходственно съ принятыми мною мѣрами, нельзя ни подъ какимъ видомъ ожидать съ турками войны». Великій князь проговорить изволилъ послѣ объявленія войны: «видно, графъ не твердо знаетъ положеніе дѣлъ, и, кажется, что онъ много беретъ на себя лишняго». Въ иностранной же коллегіи говорятъ: «Дай Богъ теперь счастіе князю, если бы ни онъ, то бы не было войны». Это, кажется, плоды отзыва P. S.

17-го сентября поднесены были Ея И. В-ву руками гр. Александра Андреевича (Безбородко) три записки о чиновникахъ, аттестованныхъ къ полученію крестовъ Володимірскаго ордена гг. Завадовскимъ и графами Шуваловымъ и Воронцовымъ. Государыня, просмотрѣвъ оныя, изволила отозваться тако: «Я не знаю, на что меня безпокоятъ рекомендаціями о такихъ людяхъ, которыхъ я не знаю. На это учреждена дума, которая должна свидѣтельствовать достоинства и отличности рекомендо-

ванныхъ. Для чего же не подаютъ въ думу и хотятъ, чтобъ *я* дѣлала все то, что они хотятъ; да и можетъ-ли быть, чтобъ всѣ эти люди, которыхъ сіи господа вздумали рекомендовать, были всѣ отличившіеся чиновники?»

И такъ, всѣмъ аттестованнымъ помянутыми господами въ крестахъ отказано. Узнавъ о семъ, г. Завадовскій пролежалъ два дни въ постелѣ, гр. Шуваловъ былъ внѣ ума, а гр. Воронцовъ умѣлъ скрыть свою досаду. Въ числѣ рекомендованныхъ былъ и И. Н. Рубанъ, къ полученію креста 3-й степени аттестованный.

13-го было въ думѣ собраніе, въ которомъ не былъ ни одинъ изъ трехъ помянутыхъ господъ; гр. Александръ Андреевичъ (Безбородко) игралъ тутъ ролю главнаго кавалера, давъ знать о себѣ, что государыня поручить изволила ему учинить выборъ кресты носить достойнымъ. Многимъ отказано, въ томъ числѣ и нашимъ коллежскимъ штабъ-офицерамъ, изъ коихъ и остальная часть къ полученію крестовъ представлена была; однакоже многимъ графомъ кресты и назначены были. Поднеся списокъ государынѣ и тутъ не показалъ графъ своего могущества, ибо едва десятую часть изъ выбора его крестами удостоили. Намѣреніе Ея И. В-ва, чтобъ отказомъ въ крестахъ посбить спѣсь извѣстнымъ людямъ.

Зналъ я (все это) за нѣсколько дней прежде графа, ибо Александръ Матвѣевичъ (Мамоновъ) удостоилъ меня сообщеніемъ мнѣ онаго. Чтобъ скрыть сію съ графомъ случившуюся досаду, г. Рубанъ разсказываетъ въ городѣ тако: «Многимъ стараніемъ графа Алексѣандра Андреевича (Безбородко), отказано въ крестахъ для того, чтобы дать свѣтлѣйшему князю знать, что кресты не такъ дешевы, какъ онъ думаетъ. Онъ, откланявшись государынѣ въ Харьковѣ, увѣрялъ всѣхъ екатеринославскихъ чиновъ, что у него и канцеляристы кресты носить будутъ».

Доложась Александру Матвѣевичу (Мамонову), что я безпокоюсь, чтобъ его свѣтлость не огорчился перемѣною для его курьеровъ тракта, сказалъ онъ мнѣ: «Хотите-ли, я доложу о семъ государынѣ? Я васъ увѣряю, что князь въ мысляхъ государыни въ такомъ положеніи, что никто не дерзнетъ сдѣлать что-нибудь вопреки ему». Хотя я его превосходительство и просилъ, чтобъ онъ докладомъ о семъ государыню не утруждалъ, однако

же онъ сказывалъ Ея И. В-ву, что я перемѣною тракта безпокоюсь. Государыня изволила отозваться: «Скажи Гарновскому, что я московской трактъ назначила для князя для того, чтобъ имѣть ему удобнѣйшую корреспонденцію съ коммисаріатомъ. Пусть онъ не безпокоится, я позволяю, впрочемъ, ему пользоваться трактомъ, какимъ ему заблагоразсудится».

Александръ Матвѣевичъ (Мамоновъ) приказалъ мнѣ написать къ вамъ еще слѣдующее: «Пожалуйте, попросите Василія Степановича отъ меня, чтобъ онъ писалъ ко мнѣ обстоятельнѣе и чаще обо всемъ, что тамъ происходитъ. Я буду письмо его читать государынѣ, что Ея И. В-ву будутъ пріятно. Князя нельзя безпокоить, чтобы онъ писалъ обстоятельно и подробно, ему есть и безъ сего хлопотъ много, а Василій Степановичъ пусть пишетъ, дабы государыня, не получая чрезъ долгое время извѣстія, не безпокоилась».

Я изъ сего примѣчаю, что его прев-ству хочется получать прежде всѣхъ ваши извѣстія, да и нельзя ему сего не хотѣть, когда его ведутъ на такой ногѣ, что никакихъ дѣлъ предъ нимъ не скрываютъ.

Въ ожиданіи отъ васъ извѣстій, государыня до 19-го числа не весьма тревожилась, но съ 19-го начала крайне безпокоиться, а особливо 22-го числа была весьма невесела. Вопрошали многихъ, что бы тому за причина была, что нѣтъ извѣстій, въ томъ числѣ и графиню Катерину Васильевну (Скавронскую). Между тѣмъ въ городѣ начали врать, что турки корпусъ Александра Николаевича (Самойлова) разбили и Кинбурнъ сожгли. Вы не повѣрите, сколько Ея И. В-во изволила тревожиться, какъ о состояніи дѣлъ вашихъ, такъ и о здоровьѣ его свѣтлости.

Четвертаго дня пріѣхалъ сюда князя Николая Васильевича (Репнина) адъютантъ съ письмомъ къ Ея И. В-ву, коимъ князь Репнинъ просилъ ея величество, чтобъ его опредѣлить въ арміи въ такую команду, куда государынѣ заблагоразсудится. По пріѣздѣ Малиновскаго, государыня не престала быть невесела; болѣзнь его св-сти причиняетъ теперь безпокойствіе ея величеству. Князя Александра Алексѣевича (Вяземскаго) ожидаютъ со дня на день.

20-го числа пожалованы Анненскія ленты гг. Высоцкому. Рахманову и Апраксину; къ Апраксину отправлена оная съ нарочнымъ отъ Александра Матвѣевича (Мамонова) курьеромъ.

Александръ Матвѣевичъ приказалъ также Рибопьеру написать къ Апраксину письмо: не желаетъ-ли сей купить у Александра Матвѣевича брилліантовые сего ордена знаки.

22-го хотѣли г. Кушелева пожаловать гвардіи въ маіоры, но не знаю почему сіе осталось.

Государыня, получа вашъ о рекрутахъ отзывъ, болѣе дать не соглашается, какъ въ добавокъ къ прежнимъ и еще съ пяти сотъ душъ по два человѣка.

Отправлено къ его св-сти изъ полковъ пѣхотныхъ, какъ вамъ уже извѣстно, 6,000 человѣкъ. Худо или хорошо сіе его св-стію принято будетъ, не моя это инвенція, ниже графа Валентина Платоновича (Мусина-Пушкина). Двору (Екатеринѣ) это угодно было. Назначивъ первымъ нарядомъ небольшой наборъ, хотѣли отрядомъ старыхъ солдатъ дополнить въ войскахъ его св-сти недостатокъ. Что же касается до меня, то я твердилъ, что и здѣшнюю дивизію надлежитъ содержать въ комплетѣ. Въ теченіе прошедшія съ турками войны, хозяйствуя рекрутами, замѣняли оныхъ бывшими въ Сибирѣ и Оренбургѣ войсками, отъ чего, какъ извѣстно, родилось великое зло (т. е. Пугачевщина).

Не получая чрезъ долгое время отъ васъ извѣстій, приказано мнѣ было сдѣлать подобную той вѣдомости, которую я къ вамъ представилъ, и на войска его св-сти. Слава Богу, теперь получены и ваши. Графъ Александръ Андреевичъ (Безбородко) сказалъ мнѣ:

— Будемъ держаться тѣхъ, гдѣ болѣе требуется денегъ.

Г. Рибопьеръ завтрашняго дня изволитъ отправиться.

Октябрь. Дворъ (Екатерина), желая еще въ прошломъ году очистить капралу Зайцову вахмистрское, въ кавалергардскомъ корпусѣ, мѣсто, предполагалъ онаго корпуса капраловъ Ломана и Исаева отставить; но неумѣренность просимаго ими при отставкѣ награжденія произвела въ рѣшеніи дѣла сего остановку. Александръ Матвѣевичъ (Мамоновъ), убѣждаемъ будучи между тѣмъ неотступною ихъ просьбою, возобновилъ на прошедшей недѣли дѣло ихъ при дворѣ, съ тѣмъ, чтобъ ихъ отставили съ выгодами, хотя не съ такими, каковыхъ они просили. Сіе, послѣ нѣкоторыхъ разговоровъ, подало поводъ къ слѣдующему происшествію:

Д. Я отдамъ дѣло сіе гр. Александру Андреевичу (Безбородко), чтобъ онъ выправился, какъ подобные имъ награждались.

М. Какъ?—Кому?—Только и людей на свѣтѣ. Я вамъ сказывалъ уже сто разъ и теперь подтверждаю, что я съ Безбородкою не только никакого дѣла имѣть, но и говорить не хочу. Нѣтъ смѣшнѣе, какъ отдавать человѣку дѣла, разсмотрѣнію его не принадлежащія. Не угодно-ли вамъ, надѣвъ на него шишакъ и нарядивъ въ кавалергардское платье, пожаловать его шефомъ сего корпуса? Очень къ статѣ. Однако же и въ то время я ему кланяться не намѣренъ.—Я знаю, кто я таковъ, а онъ—такой сякой и проч. [1]). Я лутше пойду въ отставку.

Д. Ну, ну!.. на что же сердиться. Я Храповицкому отдамъ, или ты самъ отдай кому хочешь.

М. И Храповицкому неприлично входить въ дѣла вѣдомства военнаго начальства.

Сей споръ кончился тотчасъ миромъ. Два дни спустя, вздумалось Александру Матвѣевичу (Мамонову) взять прошенія помянутыхъ кавалергардовъ назадъ; но какъ онъ не нашелъ ихъ на томъ столѣ, на которомъ они лежали, то вопросилъ:

М. Куда бумаги мои дѣвались?

Д. Я думаю, что гр. Безбородко прибралъ ихъ съ прочими бумагами. Скажи, пожалуй, что тебѣ графъ сдѣлалъ, и для чего же не отдавать справедливости достоинству его и заслугамъ?

М. Хотѣлъ я наплевать на его достоинства, на его самого и на всю его злодѣйскую шайку.

Я стыжусь описать всѣ ругательства, на счетъ графской и партіи его произнесенныя. Словомъ сказать, прежестокая была ссора. Дворъ принужденъ былъ, наконецъ, присвоить графу имя без — —, бумаги о кавалергардахъ тотчасъ отъ него отобрать и цѣлую ночь проплакать.

Примиреніе, о коемъ дворъ весьма сильно старался, насилу воспослѣдовало, послѣ ссоры три дня спустя. Видно, хотя любовь и имѣетъ свое могущество, но довѣренность къ тріумвирату не совсѣмъ еще погибла; однако же тріумвиратъ уступаетъ могуществу и уступитъ совершенно, если только надобно будетъ. Не избралъ бы Александръ Матвѣевичъ (Мамоновъ) самъ какого-нибудь новаго докладчика, если таковой не будетъ избранъ его св-ію; нельзя кажется, не общипавъ тріумвирату перья, надѣяться

[1]) Разныя ругательства. Примѣч. М. Г.

на успѣхи въ дѣлахъ, особливо же грядущихъ. Лѣта источниковы, умножаясь, умножаютъ купно и слабости его, слѣдовательно, и довѣренность къ изобилующему хитростями тріумвирату умножится со временемъ. И такъ, не нужно-ли, пользуясь настоящимъ случаемъ, каковыхъ въ теченіе десяти лѣтъ не бывало, всему грядущему злу предъупредить? Что же касается до могущества любви, то оное, какъ опыты доказываютъ, не бывъ долговѣчно, не можетъ быть опасно; слѣдствіе онаго, въ случаѣ нужды, потребуетъ само по себѣ перемѣны. Впрочемъ, предаю сіе волѣ начальства, коему, какъ вамъ извѣстно, я привыкъ слѣпо повиноваться.

Касательно его св-сти Дворъ (Екатерина) отзывается тако: «Честь моя и собственная княжая требуетъ, чтобъ онъ не удалялся въ нынѣшнемъ году изъ арміи, не сдѣлавъ какого-нибудь славнаго дѣла,—хотя бъ Очаковъ взяли. Богъ знаетъ, отъ чего онъ унываетъ, и почти печальныя письма пишетъ. Должно мнѣ теперь весь свѣтъ удостовѣрить, что я, имѣя къ князю неограниченную во всѣхъ дѣлахъ довѣренность, въ выборѣ моемъ не ошиблась».

Совѣтъ: «Мы знали, что князь погорячился, давъ флоту повелѣніе выступить въ море въ такое время, которое въ выходу судовъ совсѣмъ неспособно».

Я противу сего возразилъ въ пристойномъ мѣстѣ, что начальствующій флотомъ имѣлъ свои намѣренія, которыхъ, сидя здѣсь, предвидѣть нельзя. Къ сему присовокупилъ я, что разбить флотъ турецкой, не давъ оному соединиться съ флотомъ капитанъ-паши, и облегчить чрезъ то осаду Очакова, было бы весьма хорошее дѣло, если бъ вѣтры тому не воспрепятствовали. Спасибо гр. Валентину Платоновичу (Мусину-Пушкину). Сей за свѣтлѣйшаго князя идетъ грудью: «Дай Богъ, чтобы князь завладѣлъ Очаковымъ, хотя съ потерянiемъ десяти тысячъ людей». Графъ пріуготовляетъ духи въ совѣтѣ къ таковой потерѣ людей для того, что въ письмѣ вашемъ къ гр. Александру Андреевичу (Безбородко) изображено между прочимъ: «Меллеръ отправится въ Херсонъ, чтобъ пріуготовлять артиллерію къ осадѣ очаковской».

Уста, глаголющія устами рейсъ-ефендія (Безбородко): «Можно-ли, чтобъ государыня рѣшилась когда-нибудь свою и купно государственную архиву оставить? Князь держится одними

интригами, а графъ—умомъ и трудами; графъ (Безбородко) никогда довѣренности не лишится».

Публика верхняго парламента:

— «Князя вызываютъ сюда, а начальство надъ арміею хотятъ поручить гр. Румянцову. Богъ знаетъ, на что князь противъ непріятеля малыя партіи отряжаетъ. Правда-ли, что Самойлова и Энгельгардта съ ихъ войскомъ разбили? Говорятъ также, что сынъ И. И. Меллера убитъ».

Публика нижняго парламента:

— «Самойлова и Энгельгардта съ ихъ войскомъ разбили».

Дворъ (Екатерина) съ частію (Павелъ), въ Гатчинѣ проживающею, опять въ несогласіи.

Душинкевичъ пріѣхалъ сюда октября 2-го дня, въ 1-мъ часу пополуночи. Напередъ явился я съ нимъ къ гр. Александру Андреевичу (Безбородко); сей, страдая зубною болѣзнію, лежалъ въ постелѣ и, прочтя ваше письмо, сказалъ мнѣ: «Можетъ быть, есть письмо къ Александру Матвѣевичу (Мамонову), пожалуйте отдайте мое письмо (ваше) и реляцію для поднесенія государынѣ ему же; принесите мнѣ на оныя отвѣтъ». Александръ Матвѣевичъ, прочтя всѣ бумаги, отослалъ ихъ тотчасъ къ государынѣ.

Въ 11-мъ часу поутру пріѣхалъ и курьеръ Баранцовъ, чрезъ коего полученныя депеши поднесены Ея И. В-ву Александромъ Матвѣевичемъ. Пришедъ къ Александру Матвѣевичу въ два часа послѣ обѣда, имѣлъ я съ нимъ слѣдующій разговоръ:

М. Да дадутъ-ли починиться нашему флоту?

Г. Онъ стоитъ въ безопасномъ мѣстѣ.

М. Можетъ быть, турки покусятся войти въ гавань Севастопольскую?

Г. Найдутъ въ предпріятіи таковомъ много препонъ.

М. Что дѣлается около Кинбурна? Государыня желаетъ знать.

Г. Судно, подъ начальствомъ Ломбарда, творитъ чудеса.

М. Право?

Г. Точно такъ, и ваше пр-ство можете удостовѣриться отъ курьера, который самъ былъ въ Кинбурнѣ.

М. Да что же оное судно вновь сдѣлало?

Г. Разъѣзжая по проливу, содержитъ всѣ турецкія суда въ респектѣ, сражается съ оными и съ батареями очаковскими по-

минутно, и всегда съ успѣхомъ возвращается къ берегамъ кинбурнскимъ.

М. Государыня рада будетъ слышать эта вѣсти.

Послѣ сего говорилъ Александръ Матвѣевичъ (Мамоновъ) и самъ съ курьеромъ, г. Душинкевичемъ.

Графъ Безбородко, Воронцовъ и гг. Завадовскій, Мавринъ, Судіенко и Петръ Степановичъ (Валуевъ) обѣдаютъ весьма часто вмѣстѣ. Третьяго дня обѣдали они у г. Лазарева, а сегодня у преосвященнаго Гавріила. Петръ Степановичъ просилъ меня: «Пожалуйте, напишите, что, въ день рожденія его св-сти, митрополитъ съ духовенствомъ отправляли за здравіе его св-сти молебенъ, и я тамъ былъ». Петру Степановичу (Валуеву) крайне хочется, чтобъ его разумѣли иначе, нежели каковъ онъ есть. Il n'est pas si bête comme il en a la mine.

Третьяго дня гг. Глѣбовъ и Рубанъ привезли г-жу Грекову въ театръ на пробу; хотѣлось имъ посмотрѣть пробы, но г. Стрекаловъ, къ немалому ихъ удивленію, велѣлъ имъ изъ театра удалиться.

Александръ Матвѣевичъ (Мамоновъ) крайне любитъ собственныя свои дѣла. Прочтя бумаги о несчастіи, съ флотомъ случившемся, тотчасъ спросилъ меня: «Не пишетъ-ли къ вамъ Василій Степановичъ о бумагахъ дубровецкихъ?» Увѣдомивъ его, что о присылкѣ оныхъ дано г. Пузину повелѣніе, сказалъ онъ мнѣ: «и такъ, я скоро ихъ получу».

Графиня Екатерина Васильевна (Скавронская) отъ простуды не очень здорова и потому сей разъ писать не изволитъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

О СУДЬБѢ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ РУССКОЙ

въ царствованіе императора Александра I-го.

(Изъ записокъ А. С. Стурдзы).

Разработка матеріаловъ для новѣйшей нашей исторіи день ото дня дѣлаетъ у насъ все бо́льшіе и бо́льшіе успѣхи. Религіознымъ движеніямъ эпохи императора Александра I въ нашей литературѣ посчастливилось даже настолько, что, независимо отъ сырыхъ матеріаловъ, напечатанныхъ въ разныхъ изданіяхъ, каковы Записки Шишкова (изданныя покойными священникомъ Морошкинымъ и Киселевымъ), Панаева (въ „Вѣстникѣ Европы") Вигеля, Мертваго, Жихарева, Глинки, Дмитріева, архимандрита Фотія и др., мы имѣемъ уже нѣсколько капитальныхъ монографій, посвященныхъ критическому обслѣдованію собранныхъ фактовъ. Таковы „Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ царствованіе императора Александра I"— академика Сухомлинова, „Исторія перевода библіи на русскій языкъ"—И. А. Чистовича, „Общественныя движенія въ царствованіе императора Александра I"— г. Пыпина, „Новиковъ и московскіе мартинисты"—покойнаго Лонгинова. За всѣмъ тѣмъ, конечно, отнюдь нельзя сказать, чтобы этотъ интересный предметъ былъ настолько исчерпанъ въ нашей литературѣ, чтобы уже ничего болѣе не оставалось сдѣлать въ этомъ отношеніи. Не мало, конечно, интереснаго, относящагося къ этой эпохѣ, хранится въ архивахъ правительственныхъ учрежденій и частныхъ лицъ. Предлагая, съ своей стороны, вниманію читателя слѣдующіе за симъ матеріалы, мы думаемъ, что они не лишены интереса. Записки Стурдзы (изъ нихъ лишь незначительные отрывки были напечатаны въ Херсонскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ): „О судьбѣ православной церкви русской въ царствованіе императора Александра I", независимо отъ того своеобразнаго освѣщенія, которое они даютъ фактамъ обще-

извѣстнымъ, а равно оригинальной и замѣчательной личности своего автора, одного изъ видныхъ дѣятелей эпохи Александра I,—сообщаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько новыхъ данныхъ изъ нашей культурной исторіи начала настоящаго столѣтія.

Н. В.

Духъ западныхъ сектъ, занесенныхъ къ намъ шведскими перебѣжчиками, потомъ учеными различныхъ націй, овладѣлъ мало по малу дѣвственнымъ воображеніемъ молодыхъ людей, заглянувшихъ неосторожно въ область суемудрыхъ умозрѣній. При Екатеринѣ Второй масонство шло у насъ рядомъ съ новѣйшею французскою философіею, а мартинизмъ засѣлъ въ кругу самаго образованнаго общества, пріютился въ царскомъ дворцѣ, началъ пробираться въ самое святилище. Въ то время главные двигатели скороспѣлаго просвѣщенія—Новиковъ, Верещагинъ, Радищевъ, Поздѣевъ—своею скрытною дѣятельностію навлекли на себя подозрѣніе императрицы; она неблаговолила къ нимъ, слѣдила ихъ поступки, грозила ихъ замысламъ и останавливала, по временамъ, тревожную ихъ предпріимчивость. Однако, не опиралась-ли она сама на острый мечъ? Прилично-ли было ей, поблажавшей безвѣрію, ополчаться такъ строго противъ изувѣрства и лжеученія? Пагубное вліяніе на общественные нравы блистательнаго двора ея не подрывало-ли глубокихъ основъ христіанской вѣры и жизни въ цѣломъ государствѣ? Наконецъ, самое воспитаніе любимаго внука ея, ввѣренное честному, но слабоумному послѣдователю французской философіи, не готовило-ли отечеству новыхъ опасностей? Императоръ Александръ I всю жизнь оплакивалъ недостатки своего воспитанія... Ему надлежало двадцать пять лѣтъ бороться съ духами злобы, чтобы спасать отъ нихъ свою душу и свое царство.

Еще до вступленія Александра на престолъ, Провидѣніе ущедрило Россію тремя великими іерархами: то были: Платонъ, Евгеній Булгарисъ и Ѳеотокій. Платонъ прямо изъ отрочества перешелъ въ монашество, былъ законоучителемъ Павла Петровича и живымъ упрекомъ для безбожныхъ гостей, пріѣзжавшихъ къ намъ изъ Франціи. При восшествіи на престолъ Павла, онъ чуть-было не разсорился съ своимъ питомцемъ за возложенный на него орденъ Андрея. Обиженный отказомъ Платона, государь, выслушавъ возраженія его, перебилъ его рѣчь, и, пославъ ему рукою поцѣлуй, сказалъ: „прощайте, съ вами не сговоришь!“ Платонъ, какъ двигатель возрождающагося въ Россіи духовнаго просвѣщенія, а Евгеній и Никифоръ (также св. Тихонъ) своими пастырскими доблестями много утѣшили церковь, и, можетъ быть, отвратили ея паденіе среди вѣка, равно строптиваго и развра-

щеннаго. Но возможно-ли было немногимъ пловцамъ устоять противъ потока нововведеній, противъ коварныхъ усилій лжеученія и зломыслія? Оно отовсюду обступило юнаго Александра, который ничѣмъ не обладалъ въ защиту свою и своего царства, кромѣ врожденныхъ побужденій прекрасной души... Первые годы его царствованія ознаменовались многими благодѣяніями русскому народу, удивительнымъ искусствомъ, съ которымъ юный Александръ съумѣлъ отклонить отъ себя вліяніе вельможъ, столько же ненасытныхъ, сколько и честолюбивыхъ. Фонъ-деръ-Паленъ и Зубовъ удалены; тысячи ссыльныхъ возвращены въ нѣдра семействъ; выключенные изъ службы двѣнадцать тысячъ человѣкъ вступили въ прежнія права; учрежденъ классъ вольныхъ хлѣбопашцевъ, поощрено отпущеніе на волю крѣпостныхъ, издана книга Анастасевича о личной свободѣ крестьянъ... къ сожалѣнію, жестоко показалось слово сіе: подняли дружный ропотъ и вопль,—и благонамѣренное сочиненіе изчезло.

Надлежало Александру прожить и пострадать первые годы своего царствованія безъ высшаго путеводителя, безъ пособій вѣры... Отъ Лагарпа любимецъ Екатерины могъ перенять одну естественную религію; при каждомъ взглядѣ на дворъ и столичный большой свѣтъ, онъ видѣлъ одни соблазнительные примѣры смѣлаго разврата и хитраго лицемѣрія. Взаимная недовѣрчивость между бабкою его и отцомъ пріучила Александра носить личину и притворствовать по необходимости для защиты самого себя. Съ 1802 по 1812 годъ, около него толпились молодые царедворцы, въ которыхъ онъ не находилъ опоры: Чарторижскій, Н. Новосильцевъ и князь А. Н. Голицынъ преданы были ему лично, однако не умѣли держаться на высотѣ. Устранивъ всѣ политическія соображенія, я займусь церковью...

Изъ камеръ-пажей Екатерины и камергеровъ Павла, Голицынъ былъ вдругъ возведенъ въ оберъ-прокуроры св. синода, не зная самъ, какъ довелось ему войти въ святилище и въ завѣтную область христіанскихъ идей. Несмотря на жалкіе недостатки свѣтскаго образованія, на скудость познаній и прежнюю крайне-разсѣянную жизнь, Голицынъ, по какому-то чувству приличія, остепенился, принялся за трудъ, отказался отъ суетныхъ забавъ, началъ обуздывать колкость языка, бросилъ кощунство и перемѣнилъ всѣ наружные пріемы. Онъ засталъ церковь въ какомъ-то страшномъ оцѣпененіи, не могъ даже подозрѣвать въ нѣдрахъ ея существованія непріязненныхъ силъ и духовъ, въ тайнѣ посягавшихъ на нее. Митрополитъ Платонъ доживалъ вѣкъ свой въ Москвѣ, межъ тѣмъ, какъ въ сѣверной столицѣ стояли на свѣщникѣ митрополитъ Амвросій и блестящій умомъ Ѳеофилактъ, равно неспособные вникать въ самую сущность вещей и

ревнуя поревновать о достояніи Господнемъ. Амвросій былъ ученъ и тяжелъ, Ѳеофилактъ переводилъ, между прочимъ, Боэція. Прочіе члены синода двигались по колеѣ духовнаго регламента и грозныхъ преданій вѣка Петрова. Тѣмъ временемъ масонскія ложи, мартинисты и лжемистики временъ Екатерины тѣсно смыкали свои ряды и тайно готовились къ болѣе открытому нападенію на церковь. Она стояла одиноко, лишенная надежныхъ вождей, въ плачевномъ разъединеніи съ царемъ и обществомъ и въ тѣмъ бо̀льшей опасности, что, кромѣ недруговъ ея—мистиковъ, подрывали ее съ противоположной стороны іезуиты, недавно вкравшіеся въ столицу. Это случилось въ царствованіе Павла I съ помощію литовскаго богача Маннуци, который исходатайствовалъ для іезуитовъ обладаніе католическою церковью, отнятою по происканъ отъ бѣлаго духовенства. Такимъ образомъ, пронырство и неосторожность довели господствующую церковь до того, что въ сердцѣ ея іезуитская коллегія, какъ бойница, стала привлекать къ себѣ всю молодежь боярскую, межъ тѣмъ, какъ съ другой стороны, подъ завѣсою тайны, религіозные анархисты подкапывались подъ основу зданія нерукотвореннаго. Съ согласія князя Голицына, стали они издавать „Сіонскій Вѣстникъ“. Главный редакторъ, Лабзинъ, принялъ, на первыхъ порахъ, вымышленное имя. Стали выходить замѣчательныя статьи—оригинальныя и переводныя,—всѣ духовнаго содержанія, съ прикрасою учености, но безъ объявленія какой-бы то ни было положительной цѣли. Это изданіе, первое въ своемъ родѣ на Руси, пріобрѣло множество читателей и продолжалось около двухъ лѣтъ, при громѣ шумныхъ рукоплесканій. Нельзя было князю Голицыну собственными силами разгадать „Сіонскій Вѣстникъ“; а іерархи молчали или отзывались о „Вѣстникѣ“ съ робостію. Не знаю, кто выступилъ обличителемъ; знаю только, что кто-то настращалъ добраго князя, и онъ тотчасъ запретилъ дальнѣйшее изданіе журнала, по меньшей мѣрѣ двусмысленнаго.

Настала година борьбы съ Наполеономъ. Послѣ многихъ неудачъ принятой нами оборонительной системы, войска наши отступили къ Москвѣ. Кутузовъ отдалъ ее французамъ, между арміей и столицей на нѣкоторое время сношенія прекратились. Въ сіи-то ужасные дни обуреванія душевнаго Александръ въ первый разъ ухватился за евангеліе, и слово Господне, какъ мечъ обоюдуострый, коснулось внутренняго его человѣка и переродило его. Весьма замѣчательно, что обращеніе Голицына немногимъ предшествовало обращенію Александра. Въ тоже самое время вмѣстѣ съ русскимъ народомъ воспрянуло отъ долгаго сна духовенство наше и получило новые способы къ достиженію духовной образованности. Трудами Сперанскаго учреж-

дены и преобразованы одна за другою духовныя академіи, на которыя князь Голицынъ смотрѣлъ, какъ на загадочныя созданія незнакомой ему современной учености. Какое странное и поучительное явленіе! Къ Голицыну, какъ христіанину по сердцу и воображенію, пристали всѣ мистики, мартинисты и прочіе мечтатели въ области религіозной. Съ Сперанскимъ, полухристіанскимъ философомъ и смѣлымъ нововводителемъ, сдружились германскіе неологи, надѣясь овладѣть церковію посредствомъ школы. Сперанскій уже былъ сосланъ, а въ нашихъ школахъ господствовали суемудрые пришельцы, которые направили ученіе будущаго православнаго духовенства по стропотному пути, проложенному германскими факультетами. На кафедрахъ воцарилась необузданная герменевтика и критика. Бывшій начальникъ всѣхъ масонскихъ ложъ въ Германіи, Фесслеръ, первый основалъ у насъ преподаваніе еврейскаго языка, а потому, естественнымъ образомъ, молодежь бросилась раскапывать источники какой-то очищенной религіи, которую прикрывали до времени мантіею православія. Съ другой стороны, заматорѣлые въ мартинизмѣ Р. А. Кошелевъ, Г. Плещеева, Лабзинъ и проч. успѣли совершенно овладѣть умомъ и волею добраго оберъ-прокурора. Съ 1812 по 1816 г., между тѣмъ какъ Александръ довершалъ умиротвореніе западной Европы, начало тайкомъ пробираться къ намъ новорожденное въ Англіи Библейское общество. Дома у себя оно было предметомъ ненависти и подозрѣній церкви англиканской, съ которою боролось въ союзѣ съ тамошними диссентерами. У насъ, напротивъ, первые агенты Библейскаго общества приняты были съ восторгомъ. По образцу и точной мѣркѣ англійскаго общества поспѣшили основать у насъ „Россійское библейское общество“— самый рабскій сколокъ, безъ всякаго примѣненія къ уставамъ и потребностямъ русской церкви. Князя Голицына обступили многорѣчивые защитники безусловнаго распространенія слова Божія на всѣхъ языкахъ, мимо всякаго церковнаго надзора (и съ устраненіемъ всѣхъ вообще истолкованій на божественный текстъ). Шумѣли, увѣряли, что въ идеѣ Библейскаго общества—новое изліяніе св. духа на всяку плоть, что съ помощію одной книги можно будетъ христіанству расторгнуть обветшалыя пелены, обойтись безъ церкви и достигнуть соединенія въ духѣ и истинѣ. Первымъ шагомъ къ цѣли было приглашеніе въ составъ общества духовныхъ сановниковъ всѣхъ исповѣданій, подъ предсѣдательствомъ самого Голицына и подъ секретарствомъ В. М. Попова, у котораго духъ сектъ жалкимъ образомъ омрачилъ слабый разсудокъ. Всѣмъ памятно, съ какою быстротою такъ называемое библейское дѣло воплотилось у насъ на Руси въ видѣ мѣстныхъ библейскихъ отдѣленій, распространявшихъ наперерывъ

слово Божіе по слову и мановенію человѣческому. Около того же времени воскресъ и „Сіонскій Вѣстникъ“ съ подписью имени Лабзина, безъ всякаго участія духовной цензуры. Опять странное и поучительное явленіе: разсадники пастырей отданы подъ надзоръ германскимъ неологамъ, отвергающимъ краеугольный камень христіанства, а необъятную всероссійскую паству подчинили вліянію англійскому и кальвинскому, забывъ, что въ Россіи существуетъ церковь. И она, тѣснимая отовсюду іезуитами, неологами, мистиками, чуть было не впала въ крайнее самозабвеніе и уныніе. Ибо всякое общеніе съ восточною колыбелью нашей вѣры прекратилось, а внутри государства—что шагъ, то новая напасть и новый признакъ ужаснѣйшаго смѣшенія понятій. Безъ сомнѣнія, церковь не устояла бы въ такой неравной борьбѣ, если бы, по счастію, то есть по волѣ Божіей, не возгорѣлась тогда война между нашими навѣтниками.

Партія іезуитовъ громко обличала насъ въ отпаденіи на сторону безначальной реформаціи; а неологи и мистики, дѣйствуя заодно, нападали на іезуитовъ и доносили на нихъ правительству. И въ самомъ дѣлѣ, предпріимчивость іезуитовъ возрастала со дня на день. Сардинскій посланникъ графъ де-Местръ служилъ имъ ораторомъ при дворѣ и въ высшемъ кругѣ общества. Начались явныя совращенія нашихъ боярычей, питомцевъ іезуитской коллегіи; во всѣхъ гостиныхъ витійствовали знатныя дамы въ пользу латинства; однимъ словомъ, горькіе плоды столѣтняго превратнаго воспитанія созрѣли и обнаружились. Тогда-то иностранные противники іезуитовъ лицемѣрно ударили въ набатъ; синодъ и дворъ, и оберъ-прокуроръ встрепенулись. Молодому архимандриту Филарету задали на-скоро урокъ написать тотчасъ опроверженіе латинскихъ притязаній и догматовъ, что̀ выполнилъ онъ превосходно. Вслѣдъ за уликою и словопреніемъ, приняты понудительныя мѣры. Запретили на первый разъ іезуитамъ принимать въ свою коллегію православныхъ, и, немного спустя, выслали ихъ изъ обѣихъ столицъ. Однако, отъ такихъ предосторожностей мало было пользы для праваго дѣла, ибо въ самой Невской академіи возникло разномысліе—всегдашній вѣрный спутникъ ложной науки. Ректоръ Филаретъ обличалъ Ѳеофилакта въ неудачномъ и вредномъ выборѣ задаваемыхъ имъ въ академіи переводовъ изъ Ансильона и другихъ иностранныхъ писателей. Фесслера, какъ волка въ одеждѣ овчей, удалили изъ академіи и услали въ Саратовъ. Мистицизмъ очевидно бралъ верхъ надъ германскою ученостію и, опершись на Библейское общество, торжествовалъ побѣду свою надъ разнородными противниками. Кромѣ „Сіонскаго Вѣстника“, мистики работали день и ночь надъ переводомъ современныхъ духовныхъ сочиненій въ ихъ

духѣ. Тогда-то градомъ посыпались на святую Русь разноцвѣтныя творенія подъ самыми странными названіями... Яковъ Бемъ, С. Мартенъ, Эккартсгаузенъ, Юнгъ Штиллингъ, выдаваемы были за великихъ учителей. Мистики, управлявшіе совѣстію Голицына, заключили съ Библейскимъ обществомъ тѣснѣйшій союзъ, не только оборонительный, но и наступательный. Тогда же разосланы по всей Россіи вѣстники библейскаго дѣла, заѣзжіе къ намъ англичане, между которыми извѣстный Пиккертонъ занималъ первое мѣсто. Ему поручили объѣзжать почти всѣ епархіальные города, имѣть совѣщанія съ мѣстными архіереями, требовать у нихъ отчета въ успѣхахъ распространенія слова Божія и, въ случаѣ надобности, побуждать ихъ къ новой дѣятельности. Само собою разумѣется, что Пиккертона большею частію принимали съ подобострастіемъ; рѣдко гдѣ попадался ему самостоятельный христіанинъ, съ твердымъ убѣжденіемъ. А въ иныхъ мѣстахъ, послѣ обычныхъ библейскихъ засѣданій, на которыхъ Пиккертонъ предписывалъ законъ, къ нему подходили тайкомъ и пожимали ему руку нѣкоторые лжебратья изъ духовенства, которые, будучи смѣтливѣе толпы, предугадывали всю обширность и глубину затѣваемаго церковнаго переворота. И подлинно, хотя съ одной стороны усилія сдѣлать библію доступною каждому христіанину представлялись полезными и похвальными, съ другой, однако же, упорство, съ какимъ общество отвергало всякое законное истолкованіе текста и размножало изданія и переводы мимо всякаго надзора іерархіи, не обличало-ли коварное стремленіе къ разрушенію всякаго чина и порядка въ составѣ православной церкви? Безпристрастный наблюдатель, ни чуть не вдаваясь въ крайность, проповѣдуемую Римомъ, долженъ былъ однако же сознаться въ томъ, что новое на Руси „Библейское общество“ влекло всѣхъ и каждаго прямою дорогою на сторону протестанства. Обаяніе умовъ было сильное, заразительное даже для здравомыслящихъ людей. Сколько я зналъ такихъ, которые тогда вѣрили безусловно пошлымъ возгласамъ и обѣщаніямъ библейцевъ и опомнились только гораздо позже! Напрасно римскій престолъ, бывшій въ разладѣ съ нашимъ правительствомъ, громилъ выговорами и угрозами митрополита Сестренцевича за его участіе въ библейскомъ обществѣ; правительство наше горячо вступилось за ученаго и гибкаго старца, угождавшаго образу мыслей, въ то время господствовавшему. Я служилъ тогда по дипломатической части при кабинетѣ императора; мнѣ доводилось вести переписку съ римскимъ дворомъ и защищать Сестренцевича противъ уликъ кардинала Конзальви; но, дѣлая свое дѣло, я никакъ не могъ согласиться съ восторженнымъ взглядомъ на Библейское общество тогдашней мистической шайки. Дерзнувъ, выска-

залъ я свое мнѣніе начальникамъ, и мнѣ позволили, для уясненія сбивчивыхъ понятій, помѣстить въ русскихъ вѣдомостяхъ статью о библейскомъ дѣлѣ—безъименную. Въ ней повторялись главныя мысли нашей дипломатической переписки съ Римомъ, одобренной Каподистріей и самимъ государемъ. Надлежало опредѣлить существенное различіе между Библейскимъ обществомъ и церковію: для сего я назвалъ первое арсеналомъ или оружейной палатой, въ которой прилежные работники куютъ вещественный мечъ слова Божія, но владѣть симъ мечомъ предоставляютъ воинамъ Христовымъ. За такое сравненіе, смѣю сказать, точное и мѣткое, безпристрастные благодарили меня, противники—бранили. Не обрѣлъ я благодати предъ ними по разнымъ причинамъ. Во-первыхъ, моя книга „Considerations sur la doctrine et l'esprit de l'Eglise orthodoxe", хотя и направленная противъ іезуитовъ, все-таки не нравилась скрытымъ врагамъ нашей церкви; во-вторыхъ, окаянное упорство мое въ устраненіи себя отъ всякаго участія въ большомъ обществѣ, несмотря на добродушныя внушенія князя Голицына, накликивало на меня всю ненависть зазнавшихся мечтателей. Напримѣръ, Лабзинъ, не зная меня лично, увѣрялъ, что даже баба (онъ разумѣлъ писательницу Хвостову) легко опровергла мое сочиненіе. А старый царедворецъ Р. А. Кошелевъ, совѣтникъ и руководитель князя Голицына, хотя и ласкалъ меня по наружности, однако отчаявался въ моемъ вразумлѣніи. Приступили, наконецъ, къ русскому переводу Новаго Завѣта, къ дѣлу благословенному, но едва-ли сбыточному безъ особеннаго озаренія свыше. Составили комитетъ, въ которомъ Лабзинъ усѣлся рядомъ съ митрополитомъ Михаиломъ, ректорами Филаретомъ и Иннокентіемъ и другими сановниками церкви. Переводы заданы и розданы по частямъ лицамъ постороннимъ. Между тѣмъ, президентъ Библейскаго общества отправилъ въ Лондонъ секретаря В. М. Попова, съ порученіемъ подружить и сблизить наше россійское общество съ англійскимъ, т. е. послушную дочь съ заботливою матерью. Лордъ Тенгмутъ, предсѣдатель общества въ Англіи, принялъ Попова съ великою честію, ввелъ въ собраніе, обласкалъ его и, разумѣется, пировалъ съ нимъ и духовно, и тѣлесно. Англійскіе ревнители слова Божія хорошо вѣдали, что̀ творили. За то посланникъ нашъ Поповъ въ сношеніяхъ съ ними младенчествовалъ умомъ и возвратился къ намъ съ привѣтствіями оттуда, съ наказомъ и новымъ восторгомъ. Докладывая въ собраніи общества о своемъ посольствѣ, добрый Поповъ безъ всякаго умысла сравнивалъ себя съ Моисеемъ, и выпавшій ему жребій—съ жребіемъ Боговидца. Напечатали въ газетахъ рѣчь его, въ которой пестрѣли тексты: „не доборѣчивъ есмь, Господи, и косноязыченъ, посли иного", и т. п.

Среди господствовавшаго въ то время обаянія умовъ, недальновидныхъ и разносторонникъ расчетовъ духовнаго властолюбія нѣкоторыхъ самозванцевъ, негодовали тайно и работали въ тиши своихъ келій немногіе ревнители православія, готовя сильный отпоръ нашествію заморскихъ ученій. По мѣрѣ возраставшей смѣлости Лабзина въ изданіи „Сіонскаго Вѣстника", одинокіе мыслители собирались къ бою. Но у нихъ не доставало мужества, или же затруднялись они въ приступѣ къ дѣлу, потому что не имѣли никакихъ отношеній къ сильнымъ земли. Изъ нихъ самый искренній, самый основательный и вмѣстѣ благочестивый князь Сергѣй Александровичъ Шихматовъ (въ послѣдствіи іеромонахъ Аникита), къ счастію, былъ мнѣ знакомъ, и я постоянно благоговѣлъ предъ христіанскою доблестію души его. Онъ-то, проживая въ глуши и создавъ себѣ какъ бы монастырь на Васильевскомъ острову, въ стѣнахъ Морскаго корпуса, гдѣ служилъ ротнымъ командиромъ, сблизился со мною совершенно случайно, при купели воспріемлемаго имъ младенца. Съ тѣхъ поръ мы видались изрѣдка, но и заочно довѣряли другъ другу. Однажды Шихматовъ явился ко мнѣ неожиданно, и тотчасъ завелъ разговоръ о новыхъ духовныхъ переводахъ и „Сіонскомъ Вѣстникѣ", началъ по-христіански укорять меня за то, что я молчу, не вступаюсь за дѣло Божіе. Напрасны были всѣ оправданія мои. Онъ настаивалъ и требовалъ отъ меня дѣйствія.

— Вотъ вамъ готовый критическій разборъ самыхъ вредныхъ статей „Сіонскаго Вѣстника". Это трудъ Смирнова, въ Москвѣ, затворника, мало кому извѣстнаго [1]). Вы знаете, что печатать подобныя возраженія при нынѣшней цензурѣ невозможно, да и мало было бы отъ этого пользы. Займитесь же этою рукописью, сличите ее съ №№ „Сіонскаго Вѣстника", которые я привезъ вамъ, и сами рѣшите: должно-ли долѣе терпѣть такія нападенія на святую истину и святую церковь? Вы напрасно отговариваетесь тѣмъ, что не читали „Сіонскаго Вѣстника"; какъ грѣшно иному читать, такъ вамъ грѣшно не читать его".

Съ тѣмъ мы разстались. И подлинно, чтеніе рукописи вмѣстѣ съ обличаемыми статьями скоро убѣдило меня въ справедливости увѣщаній Шихматова. Пользуясь благорасположеніемъ ко мнѣ князя Голицына, который ввелъ меня въ различныя должности по министерству просвѣщенія, я имѣлъ къ нему свободный доступъ; но я зналъ, что

---

[1]) См. о немъ въ сочиненіи А. Н. Пыпина: «Общественное движеніе въ царствованіе императора Александра I». «Вѣстникъ Европы» 1868 г., ноябрь, стр. 242 и слѣд. Н. В.

лжемистики и лицемѣры обступали отвсюду добраго вельможу, тѣснили его, употребляя во зло его смиренномудріе. Надлежало обдумать планъ наступательныхъ дѣйствій. Я рѣшился начать письменно, а потомъ довершить дѣло устною бесѣдою. Чтобы овладѣть сперва слабѣйшими пунктами, я написалъ князю прямой обвинительный актъ противъ двухъ переводовъ Лабзина: „Таинства“ и „Побѣдной повѣсти“. Здѣсь выписками доказывалъ я, что переводчикъ виновенъ не только за переводъ книгъ, враждебныхъ церкви, но еще болѣе за то, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ усилилъ и преувеличилъ выраженія подлинниковъ.

Сими выписками я убѣждалъ князя въ необходимости положить конецъ соблазну, которому цензура, очевидно, потворствовала. Голицынъ былъ пораженъ,—внялъ голосу моему, или, точнѣе, голосу истины, запретилъ перепечатку изобличенныхъ книгъ, и тѣмъ доказалъ мнѣ, что ошибался дотолѣ неумышленно. Меня ободрилъ неожиданный успѣхъ. Я тотчасъ просилъ у князя аудіенціи. Мнѣ назначили день и часъ. Я вошелъ въ просторный кабинетъ его съ кипою тетрадей и журналовъ. Мы усѣлись и чтеніе началось. Князь любилъ и умѣлъ читать вслухъ. Каждая страница Смирнова повѣряема была подлинными статьями. Министръ горячо вступался за мысли Лабзина, старался придавать имъ благопріятный смыслъ; но превращенія часъ отъ часу становились виднѣе и опаснѣе. Смирновъ обличалъ, а я—настаивалъ. Наконецъ, дошли мы до одного мѣста, гдѣ Лабзинъ извращалъ значеніе и силу таинства евхаристіи, дерзко основываясь на словахъ Спасителя: „глаголы моя духъ суть... плоть не пользуетъ ничесоже“. Здѣсь Голицынъ прямо сознался въ своемъ заблужденіи и пересталъ защищать своего любимца. Чтеніе, продолжавшееся болѣе трехъ часовъ, остановилось на этомъ самомъ мѣстѣ. Князь былъ смущенъ, а я внутренно удивлялся его самоотреченію, зная, что цензуру „Сіонскаго Вѣстника“, въ угодность кичливому и коварному издателю, онъ неосторожно предоставилъ самому себѣ. И такъ, я поневолѣ ударялъ знаменитаго сановника въ ланиту, а онъ смиренно подставлялъ мнѣ другую...

— Вы правы, — сказалъ князь,—я виноватъ тѣмъ, что принялъ на себя занятіе, несовмѣстное съ моими обязанностями. Но скажите, какъ теперь этому помочь? Давно-ли правительство провозгласило Лабзина первымъ духовнымъ писателемъ въ Россіи, пожаловавъ ему орденъ Владиміра второй степени? Нельзя вдругъ запретить ему писать, тѣмъ паче, что я почитаю его сочинителемъ отличнымъ и полезнымъ, погрѣшающимъ ненамѣренно.

— Не смѣю оспаривать вашего мнѣнія, князь, хотя думаю о Лабзинѣ совсѣмъ иначе, но осмѣливаюсь предложить вамъ средство

самое вѣрное для узнанія истины; оно прекратитъ соблазнъ и вмѣстѣ оградитъ честь и достоинство правительства.

— Договорите скорѣе...

— Какъ угодно—вотъ мой секретъ: не угодно-ли будетъ вашему сіятельству, съ вѣдома и соизволенія государя, объявить формально Лабзину, что впредь поставляется ему въ обязанность обратиться съ изданіемъ „Сіонскаго Вѣстника“ въ духовную цензуру установленнымъ порядкомъ? Если онъ безъ ропота покорится законному распоряженію, то ваше выгодное мнѣніе о немъ будетъ оправдано. Напротивъ, если онъ станетъ отказываться и роптать, то злонамѣренность его обнаружится во всей наготѣ своей.

Князь остался довольнымъ моею дилеммою; на ней мы разстались. Онъ, не медля, написалъ официально Лабзину, что не имѣетъ времени далѣе заниматься цензурою его журнала,—и вмигъ предчувствія мои сбылись. Надменный Лабзинъ вспыхнулъ, и забылся до того, что отозвался министру самымъ грубымъ и рѣзкимъ образомъ, отказываясь отъ изданія „Сіонскаго Вѣстника“, и притомъ объявивъ, что рѣшительно не пойдетъ на судъ къ тѣмъ людямъ, которые затворяютъ дверь царствія небеснаго, сами не входятъ и другихъ не пускаютъ туда.

Такимъ образомъ опять не стало „Сіонскаго Вѣстника“. Его владычество надъ слабыми умами прекратилось. Лжемистики скрежетали на меня и нападали на добраго князя съ безпримѣрною наглостію и упорствомъ. Если бы опрометчивость Лабзина не испортила общаго дѣла, они, безъ сомнѣнія, успѣли бы отразить снова нанесенный имъ ударъ, и „Вѣстникъ“, вѣроятно, ожилъ бы подъ другимъ названіемъ. Но допущенный свыше нечаянный случай разрушилъ замыслы враговъ церкви чуть-ли не навсегда. Законоучитель Морскаго кадетскаго корпуса, іеромонахъ, котораго имя я запомнилъ, вошелъ однажды въ церковь, ему ввѣренную, предъ литургіею, и въ какомъ-то странномъ изступленіи бросился къ иконамъ, сталъ колоть ихъ ножомъ, изрѣзывать безъ пощады, искажать святые лики, словно иконоборецъ или мусульманинъ въ одеждѣ иноческой. Его схватили, отправили къ митрополиту на судъ, гдѣ не замѣтили въ немъ никакихъ слѣдовъ помѣшательства. Въ лаврѣ допрашивали его, и, наконецъ, дознались, что этотъ несчастный съ нѣкотораго времени принадлежалъ тайно къ обществу, въ которомъ первенствовалъ Лабзинъ. Опутанный сѣтями суемудрія, злополучный впалъ въ горькую лесть и напоился нечистаго духа до упоенія. Святотатственный поступокъ его былъ первымъ плодомъ совращенія его на путь гибели. Внутренняя борьба угрызаемой совѣсти съ омраченнымъ умомъ произвела въ немъ минутное сума-

сшествіе. Онъ довольно скоро опомнился и горько оплакалъ свое паденіе въ отведенной ему пустынной кельѣ. Такое событіе естественно остановило всѣ домогательства въ пользу Лабзина, между тѣмъ, какъ новое министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія всячески старалось скрыть случившійся соблазнъ. Благонамѣренный, но слишкомъ довѣрчивый къ своимъ друзьямъ, князь Голицынъ съ тѣхъ поръ сдѣлался осторожнѣе, а ревнители—не по разуму смѣлѣе и предпріимчивѣе. Они вздумали издавать свои книги, дабы воспользоваться одержанною не ими побѣдою.

Между ними простодушный Петръ Андреевичъ Кикинъ, бывшій тогда статсъ-секретаремъ у принятія прошеній, рѣшился выступить на поле духовной брани. Императоръ Александръ зналъ и уважалъ его, какъ крутаго старовѣра, съ которымъ государь входилъ даже въ пренія во время его докладовъ. Кикинъ самъ однажды разсказывалъ мнѣ, что когда-то между царемъ и докладчикомъ зашла рѣчь о призываніи святыхъ. Царь, по недоразумѣнію-ли, или потому, что хотѣлъ испытать умственныя силы своего статсъ-секретаря, предлагалъ ему обычныя возраженія. Кикинъ стоялъ грудью за православный догматъ, и постоянно твердилъ:

— Помилуйте, государь, что тутъ богопротивнаго, когда мы, молясь, говоримъ: „святителю Николае, моли Бога о насъ?“

Таковъ былъ Кикинъ въ простотѣ вѣры; но ему не посчастливился выборъ боримаго правовѣрія. Жилъ-былъ въ то время въ Петербургѣ нѣкто Станевичъ, другъ и собесѣдникъ въ домѣ Кикина, человѣкъ благочестивый и довольно ученый, но недальняго ума. Его знали по одной брошюркѣ, подъ названіемъ: „О судѣ по совѣсти“. У Кикина умерло любимое дитя; Станевичъ, въ утѣшеніе сѣтующихъ родителей, написалъ для нихъ „Разговоръ о безсмертіи души надъ гробомъ младенца“. Въ немъ авторъ доказывалъ, что вѣра въ безсмертіе тогда только утѣшительна, когда основывается на обѣтованіяхъ, данныхъ святою церковью. Съ общаго совѣта рѣшили открыть наступательныя дѣйствія противъ мистиковъ изданіемъ въ расплохъ этой книжки. Это происходило въ іюнѣ 1818 года. Мнѣ велѣно было отправляться за границу на ахенскій конгрессъ; я сбирался въ дальній путь, удрученный заботами и постигшими насъ тогда семейными утратами. Кикинъ весьма жаловалъ меня, впрочемъ, мало съ нимъ знакомаго, за удачное низложеніе „Сіонскаго Вѣстника“. Онъ навѣстилъ меня предъ самымъ моимъ отъѣздомъ, разговорился о планахъ и намѣреніяхъ православной партіи, объявилъ мнѣ за тайну скорое появленіе книги Станевича и ликовалъ заранѣе, въ надеждѣ на блестящій успѣхъ. Не

мало изумился онъ, когда услышалъ отъ меня необдуманный, но вѣщій отвѣтъ:

— Берегитесь, Петръ Андреичъ, не давайте имъ воли, чтобы какъ-нибудь не пересолили отъ избытка усердія. Я давно знаю нашихъ противниковъ,—рады будутъ придраться къ чему бы то ни было.

Кикинъ успокаивалъ меня, увѣряя, что все пойдетъ наладъ, и мы разстались.

Едва успѣлъ я доѣхать до Ахена, какъ уже пріятель мой, принявшій на себя мои дѣла въ Петербургѣ, выслалъ ко мнѣ съ курьеромъ одинъ экземпляръ только что выглянувшей изъ-подъ тисковъ книги Станевича. Содержаніе ея было чисто, благонамѣренно, но нескладно. Авторъ непрестанно удалялся отъ главнаго предмета и пускался въ погоню за разнородными воспоминаніями и мыслями; напримѣръ, разсуждая о безсмертіи души и жизни за гробомъ, онъ въ безконечныхъ примѣчаніяхъ разбиралъ мнѣнія Фенелона о чистой любви, давалъ строгіе выговоры госпожѣ Севинье за то, что она неправильно судила объ обращеніи Расина, и т. п. Впрочемъ, это сочиненіе, слабое, но безгрѣшное, законнымъ порядкомъ прошло сквозь рѣшето духовной цензуры и никакъ, повидимому, не могло подвергнуться захвату и сожженію. Но побочныя обстоятельства возбудили гнѣвъ лжемистиковъ. Рукопись Станевича разсматривалъ и дозволилъ печатать тогдашній ректоръ С.-Петербургской семинаріи, незабвенный архимандритъ Иннокентій, въ послѣдствіи епископъ пензенскій. На Иннокентія злились духовные крамольники за то, что, пробывъ нѣкоторое время дѣятельнымъ членомъ Библейскаго общества и комитета, переводившаго Новый Завѣтъ, вдругъ отказался отъ сихъ должностей, вѣроятно, подмѣтивъ въ товарищахъ своихъ нечистыя побужденія противъ церкви. Представился удобный случай отомстить и поссорить съ Филаретомъ, епископомъ ревельскимъ. И такъ, ухватились за книгу Станевича, подняли крикъ и шумъ, стали жаловаться на гнусную нетерпимость и главную отвѣтственность взвалили на духовнаго цензора. Съ одной стороны допрашивали праведнаго мужа, съ другой—разсылали полицейскихъ по книжнымъ лавкамъ и даже частнымъ домамъ со строгимъ наказомъ отобрать всѣ вышедшіе въ свѣтъ экземпляры „ядовитаго сочиненія“. Министръ дѣлалъ или позволялъ дѣлать все то, что внушали ему люди, которыхъ онъ ставилъ выше себя въ богомысліи. Нелѣпую опалу простерли до того, что завели точный счетъ всѣмъ выпущеннымъ экземплярамъ, и по повѣркѣ оказалось, что у моего пріятеля не доставало одного. Стали допрашивать, и узнавъ, что этотъ экземпляръ ускакалъ въ Ахенъ, обязали его подпискою возвратить бѣглеца непремѣнно. Таково безстыдство разнузданныхъ страстей, когда онѣ скры-

ваются подъ личиною благочестія! Иннокентій заболѣлъ съ горя. Преданные ему ученики съ ропотомъ вступались за своего наставника, страдавшаго безвинно, ибо онъ не пропустилъ ничего противнаго церкви, но мистикамъ нуженъ былъ соблазнъ, дабы возстановить прежнее свое преобладаніе въ пылу безумной распри. Вражда была такъ сильна, что вмигъ всѣ заслуги Иннокентія преданы забвенію. Рѣшили услать его епископомъ въ Уфу, т. е. на вѣрную смерть, при глубоко разстроенномъ его здоровьи. Къ счастію, нашлась сострадательная душа—женская (княгиня Мещерская), которая замолвила въ пользу гонимаго доброе слово императору и назначеніе его измѣнено: ему поручили пензенскую и саратовскую епархіи. Тамъ онъ окончилъ земное поприще свое во-время для себя, но слишкомъ рано для колеблемаго православія.

Возвратившись въ Россію въ половинѣ 1819 г., я, съ дозволенія начальниковъ своихъ, остался жить въ Бѣлорусской деревнѣ, считался въ отпуску, но имѣлъ при себѣ дипломатическаго чиновника, и постоянно трудился по порученіямъ министерства иностранныхъ дѣлъ, министерства духовныхъ дѣлъ и просвѣщенія. Сіе послѣднее рѣшило, въ 1821 году, окончательное изгнаніе іезуитовъ изъ предѣловъ государства. Разгнѣванный новыми попытками ихъ, Голицынъ вошелъ съ докладомъ къ государю о необходимости этой строгой мѣры, которую онъ оправдывалъ историческою запискою, написанною А. И. Тургеневымъ. Но записка годилась развѣ только на домашнее употребленіе. Надлежало оправдать изгнаніе іезуитовъ и во мнѣніи римскаго двора, съ которымъ и безъ того мы худо ладили. Государь, по обыкновенію, возложилъ этотъ трудъ на одного изъ своихъ статсъ-секретарей, а тотъ отправилъ ко мнѣ фельдъегеря, съ наказомъ переложить, переодѣть и дополнить означенную записку—для отправленія въ Римъ. Крайне торопили меня. Я выполнилъ порученіе въ одни сутки и не болѣе какъ чрезъ 10 дней громовая туча разразилась надъ іезуитами, жившими въ Оршѣ, въ пяти верстахъ отъ меня. Мнѣ больно было видѣть, какъ высылали ихъ за границу въ кибиткахъ, и запечатывали ихъ храмы и монастыри. Быть можетъ, и они тогда приписывали мнѣ новое свое злополучіе, какъ первому въ Россіи писателю, вступившему съ ними въ бой. Однако, я не питалъ никакой вражды къ нимъ, не дѣйствовалъ заодно съ лжемистиками, которые ненавидѣли меня не менѣе іезуитовъ.

Въ это самое время князь Голицынъ снова сдѣлался невольнымъ судьею жестокой умственной распри. Она завязалась въ Педагогическомъ институтѣ отъ столкновенія попечителя Уварова съ Магницкимъ и Руничемъ. Четыре профессора, издавна покровительствуемые Уваро-

вымъ — Раупахъ, Германъ, Арсеньевъ и Куницынъ — обвинены въ преподаваніи вреднаго ученія по части философіи, исторіи, статистики и естественнаго права. Тетради ихъ были схвачены, подверглись строгому изслѣдованію, и коммисія приговорила подсудимыхъ къ отрѣшенію отъ занимаемыхъ ими должностей. Тутъ, не знаю почему, Голицынъ, не утверждая приговора, вздумалъ посовѣтоваться со мною, едва-ли не по внушенію Магницкаго. Я получилъ въ деревнѣ огромную кипу бумагъ съ требованіемъ отъ меня мнѣнія. Чего тутъ не было: и тетради профессоровъ, и журналы засѣданій, и заключенія коммисіи. Нельзя было не усмотрѣть много худаго въ этихъ лекціяхъ, для меня, впрочемъ, не новыхъ, ибо еще въ 1817 году, выслушавъ вступительную лекцію Раупаха въ Педагогическомъ институтѣ, я было заспорилъ съ Уваровымъ противъ его любимца и прямо обличилъ его вредное направленіе въ обзорѣ всемірной исторіи. Куницынъ тоже причастенъ былъ ложному ученію. Но въ судѣ надъ ними много замѣтилъ придирокъ и еще болѣе отступленія отъ законнаго дѣлопроизводства. Обѣ стороны были неправы. Я вспомнилъ апостольскую заповѣдь: „не пріобщайся грѣхомъ чуждымъ“ и, высказавъ нѣсколько замѣчаній, отклонилъ отъ себя всякое участіе въ неправильномъ судѣ.

Въ 1821 году я прибылъ снова въ столицу и опять занялъ мѣсто свое въ главномъ правленіи училищъ. У князя Голицына встрѣтилъ я впервые Магницкаго, который былъ тогда попечителемъ казанскаго учебнаго округа — послѣ продолжительнаго изгнанія и строгой опалы. Онъ тотчасъ заговорилъ со мною о составленной мною инструкціи ученому комитету, расхвалилъ ее, на что я отвѣчалъ ему, что лучшіе уставы бываютъ безполезны, когда ихъ не исполняютъ. Магницкій пожалъ плечами и замолчалъ. Ревность моя къ просвѣщенію хладѣла по мѣрѣ того, какъ умъ, и сердце, и перо мое были заняты возстаніемъ Греціи. Я сталъ рѣже посѣщать собранія главнаго правленія училищъ. Сколько ни любилъ я князя Голицына, ходъ министерства его не нравился мнѣ и казался неразрѣшимою загадкою. Съ одной стороны, сановитый, но недальновидный старецъ Кошелевъ управлялъ имъ какъ дядька и даже ѣздилъ вмѣстѣ съ нимъ съ докладами къ государю; а у этого дядьки съѣзжались придворные богословы, всѣ, кромѣ Филарета, — самозванцы, да разнаго рода мистики и даже магнитизеры. Съ другой стороны, православная дружина подъ хоругвію св. синода, прилежно работала противъ Голицына и тихомолкомъ подкапывалась подъ сугубое министерство духовныхъ дѣлъ и просвѣщенія. Здѣсь нужно вспомнить, что оно учреждено было въ 1817 г. Въ основаніе положена была свѣтлая мысль — сочетать навсегда науку съ религіею и скрѣпить благотворный между ними союзъ по-

средствомъ единства въ направленіи той и другой. Недавно-заключенный въ Парижѣ Священный союзъ видимо отражался во вновь составленномъ обширномъ управленіи. Но отвлеченную мысль сію надлежало облечь въ видимую форму, ввести въ объемъ государственныхъ учрежденій и согласить съ духомъ правительства и государства. Вотъ чего сдѣлать не съумѣли, потому что здѣсь предстоялъ вопросъ не только о сочетаніи вѣры и вѣдѣнія, религіи и науки, благочестія и воспитанія,—требовалось еще разрѣшеніе задачи болѣе осязательной, а именно: какимъ образомъ церковь и школу, т. е. разнородныя органическія тѣла, привести въ единство? Для сего придумали сложное министерство, бразды коего вручили одному лицу, доброму князю Голицыну, какъ будто возможно было основать что-либо общественное на случайной личности. И такъ, скроили платье по его росту, по его отношеніямъ къ государю и связямъ съ семействомъ царя. Этого мало. Мудрые законоположники или забыли, или притворились забывшими, что въ Россіи существуетъ господствующая церковь, около которой толпятся многоразличныя вѣроисповѣданія. Всѣ сіи разнородныя стихіи ввели въ графы новаго положенія, учредили два департамента: одинъ—духовныхъ дѣлъ вообще, другой — народнаго просвѣщенія; первый ввѣрили нетвердому въ вѣрѣ А. И. Тургеневу, а второй — малограмотному В. М. Попову. Но самая грубая ошибка,—впрочемъ, умышленная,— состояла въ томъ, что дѣла синода и дѣла терпимыхъ религій. даже мусульманства и язычества, уставили въ рядъ и распредѣлили по отдѣленіямъ и столамъ въ одномъ и томъ же департаментѣ. Наконецъ, для довершенія всѣхъ промаховъ, бывшій синодальный оберъ-прокуроръ, ставъ министромъ съ двумя бумажниками, уступилъ мѣсто свое при синодѣ другому лицу, ниже себя, князю П. С. Мещерскому; слѣдствіемъ такого необдуманнаго распоряженія было униженіе синода, ибо оберъ-прокуроръ представлялъ въ немъ уже лицо министра, а не царя и помазанника Божія, какъ то установлено было духовнымъ регламентомъ. Искра брошена была рукою коварныхъ зажигателей. Голицынъ не подозрѣвалъ ничего. Я помню, это было въ іюлѣ 1817 г. Я проводилъ лѣто на дачѣ, близъ Петергофа, гдѣ при дворѣ находился Голицынъ. При свиданіи съ нимъ, я получилъ изъ рукъ его только что отпечатанный экземпляръ образованія новаго министерства, съ примолвкою: „сдѣлайте одолженіе, прочтите со вниманіемъ и скажите ваше мнѣніе“. Не поздно-ли? подумалъ я самъ въ себѣ, въ невольномъ порывѣ самолюбія. И въ самомъ дѣлѣ, къ чему было спрашивать послѣ рѣшенія дѣла, развѣ съ тѣмъ, чтобы пожать похвалы? Несмотря на то, я прочелъ весь дѣловой романъ, и потому объявилъ искренно его сіятельству, что въ немъ есть недостатокъ, а

именно униженіе церкви, предвѣщающее нѣчто недоброе. Мои предчувствія скоро начали сбываться. Не прошло двухъ или трехъ лѣтъ, какъ уже синодъ и правительственная партія пустились въ скрытную оппозицію, и сугубое министерство съ трудомъ дожило до 1824 года. Съ 1822 г. я уволился въ безсрочный отпускъ, слѣдовательно, не былъ очевидцемъ той части борьбы, которая разрушила сугубое министерство; но многія свѣдѣнія доходили ко мнѣ, и, наконецъ, въ 1828 г., князь А. Н — чъ разсказалъ мнѣ наединѣ всѣ подробности этого событія съ рѣдкимъ чистосердечіемъ. Изъ его словъ и другихъ посторонннихъ свидѣтельствъ я постараюсь составить сколько возможно вѣрные очерки дѣйствующихъ лицъ и происшествій.

Дружина православныхъ съ чувствомъ глубокаго негодованія памятовала инквизиціонную расправу надъ книгою Станевича, гоненіе, воздвигнутое на Иннокентія, его незаслуженное изгнаніе и презорство Лабзина. Она, притаившись, но сомкнувъ ряды свои, высматривала случай, дабы воздать противникамъ своимъ. И случаи представились сами собою по неосмотрительности главныхъ дѣятелей новаго министерства. Тургеневъ на каждомъ шагу давалъ чувствовать синодаламъ превосходство ввѣреннаго ему департамента надъ ними. Правда, они свыклись по преданію съ ярмомъ свѣтской власти; но до тѣхъ поръ наружныя приличія соблюдались — никому до новаго учрежденія не приходило на мысль подвести подъ одинъ уровень дѣла синода, евангелической консисторіи, римской духовной коллегіи, армянъ, евреевъ, мусульманъ и шамановъ. Жестокая обида сноснѣе малѣйшаго щелчка нашему самолюбію. Съ другой стороны, Поповъ братался болѣе и болѣе съ Библейскимъ обществомъ, судилъ и рядилъ профессоровъ и рѣшительно не понималъ своего дѣла. Митрополитъ Серафимъ, преемникъ сладкорѣчиваго и кроткаго Михаила, взиралъ на новый порядокъ вещей не безъ справедливой досады. Однако, до времени онъ засѣдалъ въ Библейскомъ обществѣ рядомъ съ Сестренцевичемъ и разноцвѣтными пасторами всѣхъ возможныхъ вѣроисповѣданій. Здѣсь присутствовалъ и Магницкій. Секретарь Поповъ то и дѣло представлялъ обществу новые переводы библіи на разные языки и нарѣчія, только что отпечатанные на вѣру, на удачу, безъ всякой цензуры: какъ-будто возможно было обществу утвердить раздачу этихъ непонятныхъ переводовъ по какому-то обоянію, чувству или вдохновенію свыше.

Такимъ образомъ вышли въ свѣтъ калмыцкія, финскія, венгерскія, татарскія евангелія. Однажды представили засѣданію персидскій переводъ для готоваго отправленія въ Персію; Магницкій не вытерпѣлъ: объявилъ довольно рѣзко мнѣніе свое о неблагонадежности такого

распространенія слова Божія. Подняли ропотъ и шумъ. Князь Мещерскій напрасно толкалъ въ бокъ Магницкаго, съ тѣмъ, чтобы онъ молчалъ. Магницкій пуще разговорился и заключилъ судную рѣчь свою противъ неразсмотрѣнныхъ переводовъ устраненіемъ себя отъ всякаго дальнѣйшаго участія въ занятіяхъ Библейскаго общества. Никто еще не угадывалъ, откуда происходила нечаянная вспышка пламеннаго дотолѣ ревнителя библейскаго дѣла. Вскорѣ побужденія и причины обнаружились. Бывшій ученикъ Иннокентія, іеромонахъ Фотій, подѣйствовалъ на пылкость характера Магницкаго. Этотъ предпріимчивый инокъ отъ всей души ненавидѣлъ мистиковъ-нововводителей и преобладаніе иноземцевъ надъ церковью почиталъ гибелью и поношеніемъ. Приписывая имъ безвременный конецъ своего наставника и пользуясь щедрымъ покровительствомъ графини Орловой, Фотій сдѣлался извѣстенъ при дворѣ, выказалъ необыкновенную смѣлость въ рѣчахъ и поступкахъ и, что было тогда важнѣе всего, обратилъ на себя вниманіе графа Аракчеева. Они сблизились. Гатчинскій вельможа, одержа верхъ надъ многими своими соперниками, замышлялъ въ то время паденіе князя Голицына. Къ достиженію цѣли ему нужно было превосходное орудіе,—и онъ обрѣлъ оное въ лицѣ Фотія. Надлежало ополчить митрополита и весь синодъ противъ сугубаго министерства подъ благовиднымъ предлогомъ сохраненія церкви. Фотій принялся работать и счелъ полезнымъ привлечь къ себѣ Магницкаго. Всѣ знали, что государь, въ минуту домашней скорби, призвалъ къ себѣ Фотія для полученія отъ него совѣтовъ и утѣшеній; но Фотій, вмѣсто пріятныхъ словъ, заговорилъ съ царемъ обличительно. Александръ завелъ рѣчь о постигнувшей его утратѣ дочери, а Фотій, какъ бы ничего не вѣдая, возразилъ ему, что онъ вовсе не слыхалъ о великой княгинѣ. Такой жестокій упрекъ принятъ былъ съ удивительнымъ смиреніемъ и забвеніемъ царскаго вѣнца. Съ тѣхъ поръ Фотій сдѣлался еще смѣлѣе, и, чрезъ посредство общихъ друзей, пригласилъ къ себѣ Магницкаго. Встрѣтивъ его у дверей гостиной, Фотій, держа восковыя свѣчи въ рукахъ и съ нѣмою торжественностію, провожалъ его до приготовленныхъ креселъ. Кругомъ сидѣли почетныя дамы, въ томъ числѣ графиня Орлова. Фотій сѣлъ около Магницкаго и молчалъ нѣсколько минутъ, потомъ схватился за колокольчикъ, стоявшій на столѣ, и сталъ звонить сколько было у него силы, не проговаривая, впрочемъ, ни одного слова. Видно, Магницкій и онъ помѣнялись взорами въ залогъ взаимнаго согласія,—и негласный союзъ между ними былъ заключенъ. Послѣ этой первой встрѣчи, Магницкій уже началъ дѣйствовать открыто противъ нѣкоторыхъ распоряженій того самаго министерства, въ которомъ занималъ довольно почетное

мѣсто. Онъ, конечно, защищалъ правое дѣло, вступаясь за церковь противъ Библейскаго общества, но, съ одной стороны, порывы пылкаго характера увлекали его за предѣлы благоразумія и умѣренности: напримѣръ, онъ обличалъ вредное направленіе въ иностранныхъ книгахъ, пропущенныхъ безъ надлежащей цензуры, вслѣдствіе чего государь повелѣлъ отобрать экземпляры этихъ книгъ, находившіеся въ библіотекѣ великихъ князей. Съ другой стороны, дѣйствуя сообразно замысламъ графа Аракчеева противъ князя Голицына, Магницкій навлекъ на себя упрекъ въ неблагодарности къ тому, кто взыскалъ его въ полузаточеніи и ввѣрилъ ему казанскій учебный округъ. Не знаю навѣрное, обращался-ли предварительно Магницкій къ своему начальнику съ указаніемъ на видимое имъ зло, или нѣтъ,—одно остается несомнѣннымъ: ревность, умъ и дарованія Магницкаго много способствовали, волею или неволею, паденію сугубаго министерства, на которое жестоко и дружно нападали Аракчеевъ, митрополитъ и весь синодъ. Ихъ усилія совпадали съ тѣмъ періодомъ жизни Александра I, когда вѣнценосный другъ человѣчества началъ поникать подъ бременемъ вліянія всемірнаго, не довѣрять себѣ и счастію Россіи. Будучи прозорливѣе вѣрнаго слуги своего, Голицына, государь въ то время примѣтнымъ образомъ склонялся зрѣлою душою на сторону православія, отсталъ отъ мистики, однимъ словомъ, сдѣлался тверже и строже въ своихъ правилахъ и понятіяхъ о религіи. Прибавимъ къ тому, что политическія событія убѣждали его въ необходимости всюду поддерживать законную власть и всемѣрно противиться безначалію духовному и гражданскому. Посему неудивительно, что Александръ I рѣшился, наконецъ, уничтожить вновь созданное министерство за неуживчивость его съ церковью, и тѣмъ положить конецъ соблазнительной борьбѣ. Но, жертвуя спокойствіемъ внутреннему убѣжденію, Александръ не пожертвовалъ человѣкомъ, заслужившимъ довѣренность его. И Аракчеевъ, и Голицынъ чуть-ли оба не ошиблись, приписывая государю предразсудки и побужденія личныя, и вскорѣ развязка этой государственной драмы выказала недальновидность враждебныхъ партій. Въ 1828 году, при келейномъ свиданіи моемъ съ княземъ Голицынымъ послѣ пятилѣтней разлуки, я услышалъ изъ устъ его любопытнѣйшія подробности о событіяхъ въ столицѣ до самаго восшествія на престолъ Николая I. Въ этой незабвенной бесѣдѣ, дошедшей до эпохи разрушенія сугубаго министерства, Голицынъ сказалъ мнѣ слѣдующее: „Съ нѣкотораго времени я замѣчалъ усиленное противодѣйствіе моихъ недоброжелателей и въ самомъ государѣ какую-то мнительность въ обсужденіи и принятіи предлагаемыхъ мною правительственныхъ мѣръ. Зная придворную жизнь и дорожа спокойствіемъ государя, я рѣшился пре-

дупредить трудное, но неминуемое объясненіе, и для сего, явясь однажды съ докладомъ, просилъ доложить о себѣ императору. Онъ болѣлъ ногою, какъ это часто съ нимъ случалось, но повелѣлъ впустить меня въ кабинетъ, гдѣ я засталъ его полулежащаго на узенькой походной кровати, съ протянутою на ней ногою. Царь, по обыкновенію, посадилъ меня у маленькаго столика. Послѣ минутнаго молчанія, я заговорилъ: „Давно уже, государь, собираюсь я съ духомъ, чтобы осмѣлиться доложить вашему императорскому величеству о желаніи моемъ уволиться отъ всѣхъ моихъ должностей: я чувствую, что на это пришла пора".

Тутъ государь перебилъ мою рѣчь словами: „И я, любезный князь, не разъ уже хотѣлъ объясниться съ вами чистосердечно. Въ самомъ дѣлѣ, ввѣренное вамъ министерство какъ-то не удалось намъ. Я думаю уволить васъ отъ званія министра, упразднить сложное министерство; но принять вашу отставку никогда не соглашусь". Я вздумалъ настаивать. Государь возразилъ съ чувствомъ: „Нѣтъ, никогда! Вы останетесь при мнѣ, вѣрнѣйшій другъ всего моего семейства, и, кромѣ того, я прошу васъ оставить за собою званіе члена государственнаго совѣта и главное управленіе почтовымъ департаментомъ. Такимъ образомъ дѣла пойдутъ по старому и я не лишусь вашей близости, вашихъ совѣтовъ". Всѣ мои внушенія и просьбы оказались тщетными: ничто не могло пересилить сего царственнаго: „быть посему". Тотчасъ послѣ роковаго разговора, сугубое министерство разрѣшилось на составныя свои части, т. е. департаментъ просвѣщенія достался адмиралу Шишкову, отношенія къ святѣйшему синоду переданы оберъ-прокурору князю Мещерскому, а дѣла иностранныхъ исповѣданій сосредоточены въ одинъ особый департаментъ, которымъ до времени завѣдывалъ князь Голицынъ, а по немъ уже министръ внутреннихъ дѣлъ. В. М. Поповъ, по чувству приверженности къ Голицыну, отказался отъ должности директора по министерству народнаго просвѣщенія, а Тургеневъ, кажется, сохранилъ завѣдываніе только департаментомъ иностранныхъ исповѣданій. Мягкосердый и набожный князь Мещерскій началъ уже дѣйствовать своимъ лицомъ, какъ оберъ-прокуроръ. Но между имъ и государемъ стоялъ графъ Аракчеевъ, неизбѣжный посредникъ всѣхъ вообще докладовъ царю и, такъ сказать, необходимая, зажигательная точка, куда должны были стекаться всѣ разрозненные лучи государственнаго управленія. Одинъ лишь князь Голицынъ удержалъ свое частное вліяніе и прежнія непосредственныя отношенія свои къ самодержцу. Слѣдственно, планъ не вполнѣ не удался; зато церковь стряхнула съ себя иго туземныхъ и чужеземныхъ мистиковъ, а „Библейское общество" начало съ тѣхъ поръ приходить въ видимый упадокъ, окончившійся при Николаѣ I совершеннымъ

уничтоженіемъ. Странно и непонятно: какъ могли и какъ могутъ доселѣ люди государственные и вмѣстѣ православные смѣшивать библейское дѣло съ Библейскимъ обществомъ, такъ что теперь опала, постигнувшая послѣднее, отразилась на первомъ. Сперва пересадили изъ-за границы на нашу почву протестантское учрежденіе, объявили оное независящимъ отъ церкви, пустились безъ разбора печатать новыя изданія и переводы библіи, мимо надзора и власти іерарховъ, запретили въ нихъ всякое истолкованіе св. текста и даже въ предисловіи къ русскому новому завѣту проговорились до того, что, сославшись искренно на мнимое одобреніе константинопольскаго патріарха, заключили предисловіе слѣдующими знаменательными словами: „читайте, умудряйтесь и спасайтесь“; ниже виднѣются подписи митрополитовъ Михаила, Серафима и Филарета. Потомъ туча нашла: громы ударили въ Россійское библейское общество, а съ нимъ прекратились дешевыя изданія ветхаго и новаго завѣта на пользу и утѣшеніе вѣрующихъ; какъ будто библейское дѣло подъ непосредственнымъ вліяніемъ синода перестало быть дѣломъ Божіимъ за то только, что общество, имъ занимавшееся, попало не въ милость! Разбили сосудъ и вмѣстѣ пролили безсмысленно хранившееся въ немъ драгоцѣнное муро. Право, не знаю: до какихъ поръ суждено намъ младенчествовать разумомъ и мгновенно переходить отъ одной крайности въ другую, ко вреду Россіи православной.

Слабоумный, но малодушный Поповъ сдѣлался вскорѣ жертвою новаго обаянія. Онъ, живя и служа въ Петербургѣ, познакомился съ г-жею Татариновою, у которой собирались, въ Михайловскомъ замкѣ, всѣ разжалованные лжемистики, изувѣры и мечтатели столицы. Тамъ пировали они еженедѣльно духовно и тѣлесно, пѣли и богословствовали за полными кубками, подъ предсѣдательствомъ мечтательницы надменной. Но переходъ къ нимъ Попова, какъ человѣка почетнаго, сильно встревожилъ тайную полицію. Трапеза любви упразднена, гости разбѣжались во всѣ стороны, а Татаринову и Попова услали на покаяніе такъ далеко, что слѣдъ ихъ пропалъ на землѣ живыхъ. Мартынъ Степановичъ Пилецкій, одинъ изъ собесѣдниковъ г-жи Татариновой, знакомъ былъ мнѣ и покойной сестрѣ моей. Откуда взялся онъ и куда стремился—отгадать нельзя. Я встрѣчался съ нимъ нерѣдко то у князя А. И. Голицына, то въ домѣ Р. А. Кошелева; потомъ имѣлъ съ нимъ отношенія по Совѣту императорскаго человѣколюбиваго общества, въ которомъ онъ былъ секретаремъ и вмѣстѣ правою рукою П. А. Галахова, помощника главнаго попечителя. Въ этомъ кругу Пилецкій являлся замѣчательнымъ лицомъ, какъ набожный мечтатель, но весьма скромной наружности, росту высокаго, сухощавый, лицомъ блѣд-

ный и большею частію молчальникъ. Всѣ сіи свойства, при хорошихъ дарованіяхъ, давали ему вѣсъ и нравственное вліяніе на христіанскихъ вельможъ. Когда преобладаніе Голицына и Кошелева рушилось и Библейское общество пришло въ упадокъ, тогда за ними разсѣялась и секта Татариновой, — Пилецкому вздумалось съ горя пойти въ монастырь. Онъ искренно стремился къ внутренней жизни, но не всегда путемъ царскимъ. Надѣясь обрѣсти покой въ Валаамской обители, онъ отправился туда и не ужился въ ней. Съ тѣхъ поръ, не знаю, куда скрылся и чѣмъ окончилъ поприще свое нашъ одинокій молчальникъ. Сколько подобныхъ ему на Руси, хотя гораздо менѣе образованныхъ, которые въ то время, услышавъ гласъ вопіющаго въ пустынѣ сердца человѣческаго, бросились искать внутренняго освященія, не обрѣтали его, вдавались въ странныя и различныя ученія, единственно потому, что не нашли себѣ руководителей. Духовенство наше будто не примѣчало сихъ необыкновенныхъ явленій или не умѣло ими воспользоваться ко благу общества и во спасеніе душъ. Потому-то въ верхнихъ слояхъ господствовалъ мистицизмъ, дѣйствовали магнитизеры или вкрадывались модные богословы запада, между тѣмъ какъ въ низшихъ слояхъ роились ядовитые расколы, то гнусные, то нелѣпые, увлекая за собою простой народъ въ бездну разврата или нечестія. Правда, нерукотворенный корабль уцѣлѣлъ; но тѣмъ не менѣе справедливо, что кормчіе спали у руля, не чуя бури и не заботясь о подводныхъ камняхъ. Я выполнилъ заданный самому себѣ урокъ, начерталъ, по собственнымъ воспоминаніямъ, картину быта церковнаго и духовной борьбы въ царствованіе Александра I. Мало кѣмъ замѣченная важность и значительность сихъ событій соотвѣтствовала вселенскому значенію и всемірному значенію вѣнценосца и его державы. Плѣненный блескомъ этой эпохи, единовѣрный намъ востокъ твердо надѣялся на избавленіе свое и сокрушеніе мусульманскаго ига рукою освободителя западной Европы. Столь справедливыя ожиданія не сбылись потому только, что превратное воспитаніе юношества въ Россіи, отъ царевича до послѣдняго грамотѣя, ослабивъ въ ней духъ и начало православія, отдало насъ въ умственный плѣнъ западу и оковало нашу силу соображеніями внѣшней политики своекорыстной. Къ чему послужили высокіе помыслы души Александра I? Не издѣвались-ли на западѣ надъ братскимъ и христіанскимъ союзомъ, съ помощію котораго царь-христіанинъ надѣялся обновить христіанскій міръ? Потому-то неожиданная вѣсть о безвременной кончинѣ Александра вымanила изъ устъ князя Меттерниха мѣткое слово: „кончился романъ, начинается исторія“. Но этотъ романъ возъимѣлъ бы рѣшительную историческую развязку, если бы, повторяю еще это разъ, православіе

царя и народа не было подрыто явнымъ и тайнымъ вліяніемъ заносныхъ идей и сектъ и предразсудковъ запада.

При настоящемъ многомятежномъ царствованіи, но не чуждомъ славы, много употребляли усилій для возстановленія въ Россіи православія и народности. Господствующая церковь ограждена, по наружности, отъ вліянія соперниковъ ея; но, къ сожалѣнію, плоть умерщвляетъ духъ и понятія о вѣрѣ втѣснены въ рамы одного народа, одного государства. Мы чуждаемся, по прежнему, природныхъ союзниковъ своихъ, а недругамъ потворствуемъ. Мы благопріятствуемъ всѣмъ видамъ и отраслямъ образованности, за исключеніемъ главнѣйшаго ея плода: свободы и независимости характеровъ. Мы посредствомъ безчисленнаго размноженія училищъ стремимъ простой народъ къ самосознанію; но вмѣстѣ съ тѣмъ отлагаемъ годъ отъ году настоящую закладку зданія, поставленнаго до времени на пескѣ: я разумѣю личную и законную свободу всѣхъ безъ изъятія сословій. Впрочемъ, нельзя отрицать многозаботной дѣятельности нынѣшняго царствованія: оно собрало наши законы, сдѣлало множество вещественныхъ улучшеній, успѣло воспользоваться юношескою силою Россіи. Но въ духовномъ отношеніи оно безъ умысла и противъ воли узаконило обрядовую наружность и систематическое лицемѣріе: между нимъ и явными соблазнами выборъ чрезвычайно труденъ. Далѣе этой черты, отдѣляющей прошлое отъ будущаго, вѣдомаго единому Богу, самовидецъ не долженъ простирать своихъ замѣтокъ и размышленій, ибо онъ записываетъ воспоминанія, а не пророчества.

Одесса.—Зима 1848—1849 г.

Сообщ. Профессоръ Н. И. Барсовъ.

ИЛЬЯ ВАСИЛЬЕВИЧЪ БУЯЛЬСКІЙ,

заслуженный профессоръ С.-Петербургской мед. хирург. академіи

1789—1866.

Начало нынѣшняго столѣтія было знаменательною эпохою въ исторіи русской медицины. Это было время кореннаго преобразованія медицинскихъ учрежденій въ Россіи и вмѣстѣ эпохою, хотя ожиданнаго, но чрезвычайно быстраго возвышенія общаго уровня медицинскаго образованія въ нашемъ отечествѣ. Прежняя шаткость медицинскаго устройства, какъ особой отрасли государственнаго хозяйства, заботившая правительство еще при Елисаветѣ и Екатеринѣ II и происходившая отъ тягостной зависимости отъ иностранцевъ, окончательно исчезла и смѣнилась твердыми основами, къ упроченію которыхъ направлены были медико-хирургическая академія въ обоихъ ея отдѣленіяхъ и медицинскій факультетъ Московскаго университета. Возникала чисто русская національная медицина, долженствовавшая свергнуть старинный тяжелый гнетъ иностраннаго порабощенія, изъ корыстныхъ цѣлей, но подъ знаменемъ науки, давившаго и угнетавшаго не только всякую попытку расширить русское образованіе, но отрицавшаго даже и способность русскихъ людей къ пріобрѣтенію познаній и къ самообразованію. Въ средѣ только что возникавшаго, слабаго, но уже начавшаго сознавать себя чисто русскаго медицинскаго сословія, униженнаго и порабощеннаго, началась глухая, но жестокая и непримиримая борьба съ иноземными и въ особенности нѣмецко-еврейскими интриганами, которые, по старымъ преданіямъ, пользовались авторитетомъ власти и ученаго обаянія и употребляли эту власть исключительно для своихъ личныхъ цѣлей и для пригнетенія и гибели всего, что̀ изъ любви къ истинѣ и къ родной сторонѣ разоблачало ихъ своекорыстныя цѣли или мѣшало достиженію ихъ. Борьба родитъ борцовъ—и они явились.

Достаточно назвать Загорскаго, Громова, Мухина, Максимовича-Амбодика, Шумлянскихъ съ учениками ихъ, чтобы ожила передъ глазами цѣлая плеяда историческихъ дѣятелей, насадившихъ науку на русской почвѣ и положившихъ начало дальнѣйшему развитію русской медицины. Къ числу учениковъ, а потомъ дѣятельныхъ помощниковъ ихъ принадлежалъ также И. В. Буяльскій, послѣдній представитель этой знаменитой исторической эпохи, богатой талантами, трудами и вліяніемъ на будущія судьбы русской медицины. Въ Буяльскомъ, по богатству собственной его природы, больше чѣмъ въ комъ-либо изъ его современниковъ, выразилась, съ одной стороны, сила и обширность самобытнаго таланта, а съ другой—высокая степень развитія, которому не только не было содѣйствія извнѣ, но противупоставлялись даже многочисленныя преграды и помѣхи.

Илья Васильевичъ Буяльскій, докторъ медицины и хирургіи, заслуженный профессоръ анатоміи въ С.-Петербургской медико-хирургической академіи, тайный совѣтникъ, родился 26-го іюля 1789 года, въ селѣ Воробьевкѣ, Новгородсѣверскаго уѣзда, Черниговской губерніи. Онъ происходилъ изъ запорожскихъ казаковъ достаточнаго состоянія. Прадѣдъ его, Леонтій Васильевичъ Буяльскій, служилъ въ запорожскомъ войскѣ и имѣлъ сына Пимена, обучавшагося въ Кіевской духовной академіи, какъ единственномъ въ то время высшемъ училищѣ. Но Пименъ Леонтьевичъ не окончилъ курса въ академіи, и, дойдя до философіи, лишился отца и поступилъ на службу въ малороссійское казачье войско есауломъ. Отецъ Ильи Васильевича, Василій Пименовичъ, тоже учился въ Кіевской академіи, имѣлъ дворянское достоинство, владѣлъ населеннымъ имѣніемъ и былъ священникомъ. Женатъ онъ былъ тоже на дворянкѣ, урожденной Маяровской, и имѣлъ съ нею 18 дѣтей, изъ коихъ Илья Васильевичъ былъ предпослѣдній Василій Пименовичъ былъ очень строгой жизни, врагъ нетрезвости, весьма уважаемъ былъ высшимъ мѣстнымъ дворянствомъ, и умеръ 73-хъ лѣтъ, а жена его дожила до 88 лѣтъ, и передъ смертью хворала только пять дней.

Тотчасъ по рожденіи на свѣтъ, Илья Васильевичъ чуть не умеръ мучительною смертью. На другой или третій день по рожденіи, въ мочевой каналъ его опустился камешекъ и заперъ его. Не знали, что дѣлать. Къ счастію, черезъ село проѣзжалъ какой-то докторъ. Онъ посовѣтовалъ сдѣлать ребенку теплую ванну. Дѣйствительно, послѣ ванны камешекъ вынули изъ канала уховерткою. Докторъ предсказалъ при этомъ, что бѣдный мальчикъ, если и останется живъ, будетъ страдать потомъ каменною болѣзнью: предсказаніе это однако же не оправдалось.

На восьмомъ году жизни, выучившись дома русской грамотѣ, мальчикъ отданъ былъ въ Новгородсѣверское уѣздное училище, а черезъ два года принялся за латинскій языкъ для поступленія въ Черниговскую семинарію, куда и опредѣленъ на одиннадцатомъ году (1800). Прошло затѣмъ девять лѣтъ ученія. Илья Васильевичъ окончилъ уже курсъ философіи, какъ началась французская война. Въ Малороссіи стали набирать ополченіе и приказано было (1807) записать въ него всѣхъ молодыхъ дворянъ, которымъ исполнилось 16 лѣтъ отъ роду. Въ число ихъ попалъ и Буяльскій, вмѣстѣ съ старшимъ братомъ его, и записанъ въ милицію пятидесятскимъ. Но вслѣдъ затѣмъ объявлено высочайшее повелѣніе не включать въ ополченіе молодыхъ людей, находящихся въ училищахъ, до окончанія ими ученія, и Илья Васильевичъ остался въ семинаріи.

Илья Васильевичъ хорошо учился въ семинаріи и любилъ чтеніе. Онъ былъ скромный и послушный мальчикъ, но вмѣстѣ смѣлый и незастѣнчивый, а потому охотно и скоро со всѣми знакомился. Любимыми занятіями его въ эти годы было рисованье, черченье и математика и эти занятія такъ привлекали его, что, еще бывши въ риторическомъ классѣ семинаріи, онъ два года постоянно занимался черченіемъ плановъ у губернскаго архитектора Кошнева. И чѣмъ больше онъ занимался этимъ предметомъ, тѣмъ больше увлекался имъ, такъ что предполагалъ даже посвятить себя исключительно живописи или архитектурѣ. Но рѣшительнаго шага нельзя было сдѣлать безъ согласія родителей, а потому стали обсуждать вмѣстѣ: какую карьеру избрать молодому человѣку? Самъ онъ склонялся къ живописи и архитектурѣ, родители же стояли за медицину. То-ли, другое-ли будетъ избрано, во всякомъ случаѣ предстояло учиться или въ академіи художествъ, или въ академіи медицинской: но разница въ томъ, что въ послѣдней можно было учиться на казенный счетъ, а въ первой—на собственный: кромѣ того, карьера художника или архитектора—рискованная карьера, между тѣмъ какъ карьера медика всегда обезпечена, такъ что даже на старости лѣтъ можно быть полезнымъ и себѣ и другимъ. Наконецъ, въ пользу медицины прибавлялся и еще одинъ аргументъ, какого не представляла академія художествъ: мать Ильи Васильевича имѣла двоюроднаго брата въ Петербургѣ, пользовавшагося общимъ почетомъ и уваженіемъ: это былъ профессоръ анатоміи въ Петербургской медико-хирургической академіи П. А. Загорскій, могшій служить руководителемъ и покровителемъ юноши въ случаѣ, еслибъ онъ пошелъ по одной съ нимъ дорогѣ. Молодой человѣкъ не могъ не оцѣнить представленныхъ ему аргументовъ и рѣшился пожертвовать своей первой склонностью. Въ 1809 году, 16-го августа, по окончаніи въ се-

минаріи философскаго курса, онъ поступилъ въ Московское отдѣленіе медико-хирургической академіи.

До глубокой старости вспоминалъ Илья Васильевичъ съ любовью и уваженіемъ о первыхъ своихъ учителяхъ въ Московскомъ отдѣленіи медико-хирургической академіи, и въ особенности объ Е. О. Мухинѣ и Ф. Я. Шефферѣ. Первый читалъ анатомію, а второй — физику и математику. Оба были превосходные преподаватели, любили свое дѣло и умѣли возбудить къ нему любовь и въ ученикахъ своихъ. Къ Шефферу сходились на лекціи физики студенты всѣхъ курсовъ, и аудиторія его всегда была полна, хотя обязаны были слушать его только въ первыхъ двухъ курсахъ. Мухинъ привлекалъ къ себѣ неподдѣльною сердечной добротою, простодушіемъ, терпѣніемъ въ обученіи молодежи и умѣньемъ отличать таланты и возбуждать ихъ къ дѣятельности[1]). Ни отъ кого не скрывалъ онъ нерасположенія своего къ бездушію, хвастливости и корыстолюбію иностранцевъ, направлявшихъ всѣ усилія къ скорѣйшему личному обогащенію на русскій счетъ и вовсе не заботившихся о выполненіи тѣхъ обязательствъ, которыя приняли на себя при вступленіи въ русскую службу. Иностранцы, въ свою очередь, ненавидѣли его, осмѣивали и старались очернить всюду, куда простиралось ихъ вліяніе, а куда же оно не простиралось? Но и они не могли опровергнуть той пользы, какую принесъ Е. О. Мухинъ не только какъ преподаватель и весьма солидный ученый, но какъ распространитель въ Россіи необходимѣйшихъ и полезнѣйшихъ переводныхъ медицинскихъ сочиненій. Для медицинской тогдашней литературы, не имѣвшей еще ни газетъ, ни журналовъ, Мухинъ былъ тѣмъ же, чѣмъ ранѣе его былъ Новиковъ для общей русской литературы — центромъ и двигателемъ всей переводной медицинской литературы. Буяльскій слушалъ здѣсь также курсъ зоологіи и минералогіи профессора Г. И. Фишера фонъ-Вальдгейма, бывшаго въ послѣдствіи президентомъ Московской медико-хирургической академіи. Лекціи эти читались на латинскомъ языкѣ.

---

[1]) Москвичи до сихъ поръ вспоминаютъ съ глубокимъ уваженіемъ имя профессора Дядьковскаго, наравнѣ съ самыми высокопоставленными именами; но безъ участія профессора Е. О. Мухина не было бы Дядьковскаго. По его настоянію, изъ перваго выпуска Московской медико-хирургической академіи оставлены при ней репетиторами четыре молодые лекаря: Болдыревъ, Вишняковъ, Дядьковскій и Ловецкій безъ казеннаго содержанія, въ замѣнъ котораго Мухинъ давалъ отъ себя каждому изъ нихъ по 500 руб. ассигнаціями въ годъ (все свое профессорское жалованье) до выдержанія докторскаго экзамена и полученія адъюнктъ-профессорскихъ должностей, а самъ довольствовался скромнымъ жалованьемъ доктора Голицынской больницы. Я. Ч.

Илья Васильевичъ оставался въ Москвѣ только годъ и по окончаніи перваго переводнаго экзамена перепросился въ Петербургскую медико-хирургическую академію, куда и прибылъ 1-го октября 1810 г. На эту перемѣну мѣста ученія, безъ сомнѣнія, имѣло вліяніе какъ родство его съ П. А. Загорскимъ, такъ и то, что Петербургское отдѣленіе академіи предоставляло учащимся болѣе средствъ къ всестороннему образованію. Съ житейской точки зрѣнія, особенно съ точки зрѣнія иностранцевъ въ Россіи, можно бы было подумать, что молодой студентъ переѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ, чтобъ воспользоваться готовой протекціей и обезпечить себя на всю свою будущность. Но думать такъ можетъ только тотъ, кто не зналъ ни Загорскаго, ни Буяльскаго и вообще мало знакомъ съ образомъ мыслей русскаго человѣка, тяжелымъ трудомъ пробивающаго себѣ какую бы то ни было дорогу. П. А. Загорскій дошелъ до профессуры долгимъ ученьемъ въ двухъ госпитальныхъ школахъ, Кронштадтской и Петербургской, и еще болѣе долгимъ и тяжелымъ собственнымъ трудомъ въ анатомическихъ кабинетахъ и секціонныхъ залахъ [1]). Поэтому выше всего ставилъ трудъ и на немъ одномъ основывалъ оцѣнку людей. Онъ бы просто отвернулся отъ двоюроднаго племянника, какъ скоро увидѣлъ бы, что тотъ, сложивши руки, ожидаетъ чего-то отъ дядюшки-профессора, никогда еще въ жизни не видавшаго его. Да не таковъ былъ и племянникъ, всю жизнь ненавидѣвшій все то, что хоть мало-мальски походило на тунеядство и пролазничество. Явившись къ дядѣ, онъ попросилъ работы, а тотъ велѣлъ ему придти завтра въ анатомическій кабинетъ, гдѣ всегда работы вдоволь. Прійдя на другой день въ кабинетъ, Буяльскій нашелъ тамъ прозектора анатоміи Ѳедора Моисеевича Яворскаго, который и объявилъ ему, что профессоръ приказалъ поручить ему приготовленіе труповъ и препаратовъ для ежедневныхъ лекцій и какъ можно болѣе заниматься практическою анатоміею.

Анатомическій кабинетъ напомнилъ молодому человѣку нѣкогда привлекательный кабинетъ губернскаго архитектора съ его чертежами и рисунками, и онъ съ жаромъ и неустанною охотою принялся за препарованіе, инъекціи и вообще за практическія анатомическія работы. Успѣхъ не заставилъ ждать себя. Черезъ годъ, при переходѣ изъ втораго курса въ третій, онъ назначенъ былъ помощникомъ прозектора анатоміи, а въ слѣдующіе два года, уже въ званіи студента

---

[1]) Профессоръ Е. О. Мухинъ учился тоже въ двухъ госпитальныхъ школахъ, Елисаветградской и Московской, а потомъ еще въ Московскомъ медицинскомъ факультетѣ, и почти исключительно самому себѣ обязанъ всѣмъ своимъ образованіемъ. Я. Ч.

перваго отдѣленія [1]), почти одинъ исправлялъ всѣ прозекторскія обязанности и въ тоже время наготовилъ столько отчетливыхъ анатомическихъ препаратовъ, что конференція присудила ему денежную награду въ 150 руб. ассигнаціями.

Но, кромѣ занятій анатоміею, Илья Васильевичъ въ годы студенчества не пренебрегалъ и не могъ пренебрегать другихъ предметовъ академическаго преподаванія. Въ тѣ времена спеціальныя направленія въ образованіи уважались не менѣе нынѣшняго. Анатомъ, хирургъ, акушеръ признавались такими же авторитетами, каждый по своей части, какъ и въ наши дни. Но развитію спеціальностей непремѣнно предпосылали общее медицинское образованіе, и если бы тогдашній студентъ рѣшился просидѣть надъ метрономомъ съ перваго курса до послѣдняго, то сиди онъ надъ нимъ хоть по шестнадцати часовъ въ сутки и, пожалуй, самъ изобрѣти метрономъ, его, во-первыхъ, не допустили бы къ переводу изъ курса въ курсъ, а во-вторыхъ, еслибъ и удалось ему кое-какъ добраться до послѣдняго курса, то его не признали бы при выпускѣ лекаремъ даже третьяго отдѣленія. Студентъ-спеціалистъ, говаривали встарину, все равно что женатый младенецъ: надобно сперва вырости и возмужать, а потомъ жениться, и надо сперва хорошо познакомиться со всѣмъ кругомъ медицинскихъ наукъ, а потомъ сознательно избрать себѣ изъ нихъ спеціальность и умѣть взяться за разработку ея. Илья Васильевичъ слушалъ лекціи химіи у знаменитаго въ свое время профессора Шерера, уважавшагося за обширную ученость и прекрасное преподаваніе, но, можетъ быть, слишкомъ уже ученаго для элементарнаго преподаванія, отъ чего лекціи его были тогда черезчуръ кратки и сжаты. Физику и химію преподавалъ В. В. Петровъ, считавшійся однимъ изъ первыхъ физиковъ въ Россіи, съ невѣроятною заботливостью слѣдившій за всѣми, даже мельчайшими подробностями современнаго движенія науки, обогатившій физическій кабинетъ академіи многочисленными снарядами, много разъ передѣлавшій и упростившій всѣ опыты, о какихъ случалось ему узнавать (а онъ узнавалъ все во всѣхъ литературахъ). Фармацію, фармакогнозію и рецептуру преподавалъ Т. А. Смѣловскій, а помощникомъ его при фармацевтическихъ работахъ на лекціяхъ былъ студентъ А. П. Нелюбинъ, скоро потомъ занявшій мѣсто профессора, по смерти Смѣловскаго. Смѣловскій читалъ хорошо и умѣлъ привлекать вниманіе слушателей. Ботанику и фарма-

---

[1]) Въ то время званіе студента академіи давалось только при переводѣ изъ втораго курса въ третій, съ подраздѣленіемъ студенчества, по успѣхамъ въ наукахъ, на три отдѣленія. Я. Ч.

кологію преподавалъ Я. В. Петровъ. Зоологію и минералогію преподавалъ А. М. Теряевъ, хорошо знавшій свой предметъ и удовлетворительно преподававшій его. Въ высшихъ курсахъ терапію и патологію преподавалъ Ф. Уденъ на латинскомъ языкѣ и преподавалъ очень плохо. Уденъ былъ очень ученый человѣкъ, знакомъ былъ едва-ли не со всей литературой, но ни на чемъ не останавливалъ исключительнаго вниманія и при томъ былъ уже очень старъ и тяжелъ на подъемъ, а отъ того и рѣдко являлся на лекціи. Вступивъ на кафедру по приглашенію Я. В. Вилліе, съ которымъ былъ очень друженъ, онъ долженъ былъ, кромѣ теоретическихъ лекцій патологіи и терапіи, вести еще терапевтическую клинику, но положительно отказался отъ нея въ пользу адъюнкта С. Ф. Гаевскаго, завѣдывавшаго также академическою студенческою больницею. Вскорѣ, впрочемъ, онъ умеръ, а Гаевскій перешелъ въ медицинскій совѣтъ, и кафедру терапевтической клиники и частной терапіи занялъ профессоръ Зюзичъ, родомъ венгерецъ, превосходный латинистъ, но больной человѣкъ и посредственный клиницистъ. Помощникомъ его опредѣленъ на мѣсто Гаевскаго докторъ Матакевичъ, читавшій лекціи послѣ скоро послѣдовавшей смерти Зюзича, и—надобно ему отдать справедливость—читавшій очень хорошо, такъ что для студентовъ онъ былъ полезнѣе Удена и Зюзича. По смерти послѣдняго, на его мѣсто избранъ профессоромъ клиники Ф. Ф. Гейротъ, главный докторъ военно-сухопутнаго госпиталя, превосходный клиницистъ и глубоко образованный врачъ. Ему-то именно современныя и послѣдующія поколѣнія врачей обязаны высокимъ уровнемъ научнаго клиническаго образованія и честнымъ, серьезнымъ и гуманнымъ взглядомъ на значеніе врача у постели больныхъ. Профессоромъ акушерства и судебной медицины съ медицинскою полиціею былъ С. А. Громовъ, человѣкъ необъятной учености и зрѣлаго, талантливаго опыта, отличавшійся въ то же время невообразимою въ настоящее время скромностію. Громовъ первый началъ производить публичныя судебно-медицинскія изслѣдованія. не выдавая полученные изъ нихъ выводы за несомнѣнныя истины и не отказываясь защищать ихъ передъ судомъ противъ всякаго рода возраженій. Первый также завелъ онъ въ академіи акушерскую клинику, въ которой каждый студентъ обязанъ былъ поочередно производить всѣ ручныя изслѣдованія подъ руководствомъ и контролемъ преподавателя или его помощника. Физіологія причислена тогда была къ кафедрѣ анатоміи, но преподавалъ ее не Загорскій, а адъюнктъ его, а въ послѣдствіи самостоятельный профессоръ физіологіи и общей патологіи, Д. М. Велланскій. Смотря на физіологію и общую патологію съ точки зрѣнія шеллинговой и океновой философіи,

этотъ величайшій изъ русскихъ натуръ-философовъ выработалъ изъ содержанія физіологіи абстрактъ и до того умѣлъ завлечь имъ молодые умы своихъ слушателей, что на его лекціи смотрѣли какъ на какое-то откровеніе и восхищались ими до самозабвенія. Курсъ его былъ, можно сказать, безпрерывнымъ экстазомъ, о которомъ бывшіе ученики его не могли вспомнить безъ восторга даже черезъ двадцать лѣтъ по выходѣ изъ академіи. Замѣчательно при этомъ, что Велланскій не любилъ анатоміи и никогда не занимался ею практически, хоть первоначально и считался адъюнктомъ при кафедрѣ анатоміи. Можетъ быть, это-то отчужденіе отъ анатоміи и было причиною крайняго увлеченія его въ отвлеченныя сферы. Профессоромъ хирургической патологіи и клиники (тогда еще не раздѣлявшихся) былъ И. Ф. Бушъ, человѣкъ весьма образованный, опытный практикъ и усердный преподаватель, но не добивавшійся славы хирургической знаменитости. Правильность распознаванія и раціональность лечебныхъ показаній, безъ опрометчивости и легкомыслія или самонадѣянности, ставилъ онъ если не выше, то наравнѣ съ быстротою и картинностью оперативнаго производства. Никогда онъ не хвасталъ, какъ московскій современникъ его Ф. Гильдебрандтъ, что окончитъ литотомію, пока не успѣетъ погаснуть закуренная сигара [1]); но зато едва-ли когда имѣлъ случай сожалѣть о дурномъ исходѣ операціи изъ-за тщеславной самонадѣянности или изъ-за желанія блеснуть искусствомъ и умѣлостью. Честный во всемъ и строгій къ самому себѣ, онъ былъ крайне разборчивъ въ изысканіи средствъ помощи больному человѣку и отвернулся бы съ негодованіемъ отъ всякаго — будь это первостепенный талантъ — у кого замѣтилъ бы забвеніе въ паціентѣ человѣка, наклонность дѣлать хирургическія операціи для счета и видѣть въ производствѣ ихъ только средства къ достиженію своекорыстныхъ цѣлей, каковы бы онѣ ни были. Адъюнктомъ у Буша былъ Высоцкій, медикъ весьма образованный, но безъ хирургическаго призванія. Въ 1813 году онъ вышелъ изъ академіи и мѣсто его занялъ адъюнктъ В. В. Пеликанъ.

Илья Васильевичъ сдѣлался извѣстенъ профессору И. Ф. Бушу съ третьяго курса, т. е. съ тѣхъ поръ, какъ сталъ посѣщать его клинику. Бушъ любилъ студентовъ, занимавшихся практическою анатоміею, и отличалъ ихъ тѣмъ, что предпочтительно передъ другими

---

[1]) Профессоръ московскій Гильдебрандтъ былъ страстный курильщикъ и не курилъ только тогда, когда спалъ или дѣлалъ большую операцію. Въ уваженіе къ хирургической славѣ, ему разрѣшено было курить всюду, на улицахъ и въ публичныхъ мѣстахъ. Любимѣйшими и наиболѣе прославившими его операціями были lythotomia et extractio cataractae. Я. Ч.

приглашалъ помогать ему при производствѣ операцій въ клиникѣ. Буяльскій всегда былъ первымъ изъ подобныхъ ассистентовъ и это заохочивало его къ еще большимъ занятіямъ и въ тоже время освоивало съ оперативною техникою. Но еще болѣе расширило его опытность другое обстоятельство. Прозекторъ анатоміи Ѳ. М. Яворскій, кромѣ этой должности, служилъ въ морскомъ госпиталѣ штатнымъ операторомъ [1]) и съ тѣхъ поръ, какъ познакомился поближе съ Буяльскимъ, не дѣлалъ ни одной операціи въ госпиталѣ безъ его помощи. Такимъ образомъ, еще до окончанія академическаго курса, Буяльскій одинаково занимался какъ анатоміею, такъ и хирургіею, и одинаково любилъ обѣ эти науки, какъ и большею частію бываетъ, что анатомы смотрятъ на хирургію, какъ на естественное приложеніе своихъ спеціальныхъ занятій къ практикѣ [2]).

По окончаніи полнаго медицинскаго курса, послѣ публичнаго экзамена, 24-го іюля 1814 года, И. В. Буяльскій признанъ лекаремъ 1-го отдѣленія и, тотчасъ по утвержденіи въ этомъ званіи, назначенъ (20-го августа 1814 г.) прозекторомъ анатоміи, на мѣсто перваго руководителя своего Ф. М. Яворскаго, съ штатнымъ жалованіемъ по 800 руб. ассигн. И съ этихъ поръ ясно опредѣлилось будущее его призваніе; все его время, вся энергія и вся любовь къ труду раздѣлились у него поровну между анатоміею и хирургіею. Каждый день занимался онъ анатоміею и каждый день посѣщалъ клинику Буша, помогалъ при производствѣ операцій и нерѣдко бралъ на себя всю перевязку оперированныхъ. Бушъ, наконецъ, такъ привыкъ къ нему и такъ на него надѣялся, что поручалъ ему вмѣсто себя и при себѣ дѣлать различныя операціи въ клиникѣ и даже приглашалъ его къ операціямъ въ частной практикѣ. Такъ прошелъ годъ. Въ 1815 году, при извѣстіи о бѣгствѣ Наполеона I съ острова Эльбы, гвардія выступила въ Польшу, армія приведена въ военное положеніе и къ ней прикомандировали большую часть госпитальныхъ врачей, такъ что въ столичныхъ госпиталяхъ оказался значительный недостатокъ ихъ. Первый почувствовалъ это Петербургскій военно-сухопутный госпиталь,

---

[1]) Въ прошломъ столѣтіи и въ началѣ нынѣшняго во всѣхъ большихъ учебныхъ (генеральныхъ) госпиталяхъ существовала должность оператора съ хорошимъ жалованьемъ и важными преимуществами; въ нѣкоторыхъ гражданскихъ больницахъ она сохранилась и до настоящаго времени. Я. Ч.

[2]) Бывали и исключенія, и однимъ изъ нихъ былъ профессоръ П. А. Загорскій. Никто не сомнѣвался въ его глубокомъ знаніи анатоміи, а между тѣмъ, кажется, онъ не дѣлалъ во всю жизнь ни одной хирургической операціи на живомъ человѣкѣ. Онъ боялся оперировать и ему дѣлалось дурно при одномъ видѣ, какъ другіе дѣлаютъ операціи. Я. Ч.

заключавшій въ себѣ до 6,000 больныхъ. Пригласили нѣкоторыхъ профессоровъ и адъюнктовъ къ занятію ординаторскихъ должностей, а въ томъ числѣ и Буяльскаго, и онъ принялъ предложеніе и имѣлъ тогда на рукахъ отъ 300 до 400 больныхъ. Оперативныхъ случаевъ было много и главный докторъ, Ф. Ф. Гейротъ, зналъ уже Буяльскаго по репутаціи и приглашалъ его или производить, или помогать при каждой операціи. Такъ что къ началу 1816 года молодой операторъ могъ представить уже 29 произведенныхъ имъ самимъ большихъ хирургическихъ операцій, съ подробнымъ ихъ описаніемъ на латинскомъ языкѣ, за что и получилъ отъ конференціи академіи званіе медико-хирурга (17-го апрѣля 1816 г.).

Въ 1817 году адъюнктъ-профессоръ хирургической клиники В. В. Пеликанъ назначенъ былъ въ Вильну ординарнымъ профессоромъ. На его мѣсто избранъ въ адъюнкты только-что кончившій тогда курсъ въ академіи лекарь Х. Х. Саломонъ. Но прежде вступленія въ эту должность, онъ обязанъ былъ поѣхать за границу для усовершенствованія, а профессоръ клиники остался безъ помощника. Профессоръ И. Ф. Буше пригласилъ къ себѣ въ помощники Буяльскаго, который и исправлялъ эту должность ровно пять лѣтъ, до возвращенія Саломона. Надобно прибавить, что съ возвращеніемъ Саломона измѣнилось и самое преподаваніе хирургіи въ академіи; кафедра эта, по представленію Буша, раздѣлена на двѣ: одну для преподаванія хирургической патологіи или теоретической хирургіи, которую избралъ себѣ И. Ф. Буше, и другую—для оперативной хирургіи съ клиникою предоставили Х. Х. Саломону, и въ помощь ему назначили адъюнкта для отдѣльнаго преподаванія десмургіи и ученія о переломахъ костей и вывихахъ. Хирургическая анатомія не преподавалась отдѣльно, а входила въ курсъ оперативной хирургіи, или, еще обыкновеннѣе, преподавалась адъюнктомъ при упражненіи студентовъ въ производствѣ операцій на трупахъ. Изъ этого краткаго очерка предметовъ хирургической кафедры видно, что адъюнкту ея было довольно работы, но Буяльскій не тяготился работой. Мало того, осенью того же года (24-го октября 1817 г.) онъ опредѣленъ адъюнктъ-профессоромъ анатоміи и четыре года исправлялъ эту должность безъ жалованья, пока утвержденъ былъ въ ней (19-го октября 1821 г.).

Вступивъ въ хирургическую клинику съ дѣятельною ролью, Илья Васильевичъ оправдалъ выборъ профессора и пріобрѣлъ окончательное и уже навсегда неизмѣнное довѣріе И. Ф. Буша. Въ затруднительныхъ случаяхъ И. Ф. Буше обращался уже къ нему не какъ къ ученику, а какъ къ дѣйствительному своему помощнику и этотъ помощ-

никъ дѣйствительно оказывалъ ему помощь и выводилъ изъ затрудненія. Приведемъ примѣры въ доказательство.

Въ началѣ 1818 года поступилъ въ хирургическую клинику съ каменною болѣзнью д. с. с. Цалабанъ, 56-ти лѣтъ отъ роду, страдавшій, какъ онъ говорилъ о себѣ, тягостнымъ геморроемъ, и весьма раздражительный. Онъ желалъ, во что бы ни стало, избавиться отъ камня въ пузырѣ, но Бушъ медлилъ съ операціею и даже отказывался отъ нея, боясь неудачи. Наконецъ, больной такъ упрашивалъ, что Бушъ согласился. Операція сдѣлана была очень хорошо и скоро [1]); но при ней ранено было много артерій, по причинѣ существовавшаго у этого паціента большаго расширенія тазовыхъ сосудовъ. Кроветеченіе было такъ велико и такъ стремительно, что грозило смертью и больной впалъ въ глубокій обморокъ. Профессоръ Бушъ силился наложить лигатуры на кроточащіе сосуды, но никакъ не могъ. По причинѣ крайней близорукости, онъ долженъ былъ очень близко наклоняться къ ранѣ и кровь иногда брызгала прямо въ лицо ему. Смутившись отъ неудачи и отъ усталости, онъ, наконецъ, передалъ больнаго Буяльскому со словами: „Я проклинаю себя, что взялся дѣлать операцію. Я какъ-будто предчувствовалъ неудачу, отказываясь дѣлать ее. Скорѣе накладывайте лигатуры: хоть бы онъ прожилъ до вечера“. Буяльскій наложилъ пять лигатуръ и остановилъ кроветеченіе. Но опасность была такъ велика, что Бушъ оставилъ его при больномъ на весь день и на всю слѣдующую ночь. Когда по выздоровленіи Цалабанъ благодарилъ Буша, то послѣдній, взявши деньги, сказалъ при всѣхъ ассистентахъ, что „бо́льшая часть благодарности принадлежитъ вамъ, Илья Васильевичъ, потому что безъ васъ мы бы теперь не разговаривали съ больнымъ своимъ и прямо съ оперативнаго стола переложили бы его въ гробъ. Но такъ какъ я дѣлалъ операцію, а вы—остановили смертельное кроветеченіе, то, раздѣливъ трудъ, раздѣлимъ и вознагражденіе“. И съ этими словами тутъ же передалъ Буяльскому половину полученныхъ денегъ.

Вскорѣ послѣ того былъ другой любопытный случай. Профессоръ Бушъ дѣлалъ въ частной практикѣ extirpationem mammae et glandularum axillarium у одной пріѣзжей помѣщицы. Подъ конецъ операціи, вылущая затвердѣлыя желѣзы, выполнявшія всю подмышечную впадину, онъ нечаянно перерѣзалъ art. axillarem и кровь такъ сильно брызнула Бушу въ лицо и такою толстой струею, какъ изъ шприца.

---

[1]) Помощниками при операціи были: Буяльскій, лекарь Елліскій, впослѣдствіи профессоръ хирургіи въ Харьковскомъ университетѣ, лекарь Морозовъ и студентъ Покасовскій. Я. Ч.

Ассистировавшій Буяльскій закрылъ артерію пальцемъ, быстро захватилъ ее крючкомъ и перевязалъ съ обоихъ концовъ. Обтерши лицо и глаза, Бушъ не хотѣлъ вѣрить, чтобы ранена была art. axillaris; но, осмотрѣвши подробно рану и удостовѣрившись въ справедливости факта, онъ прибавилъ:

— „Да, это правда; но теперь я даю слово, что безъ васъ, Илья Васильевичъ, не предприму никакой мало-мальски важной операціи".

Не всѣ однако-жъ были такъ честны, какъ Бушъ и Гейротъ, и не всѣ такъ справедливы, какъ эти два современные представителя лучшихъ медицинскихъ силъ и благороднѣйшаго направленія въ тогдашнемъ медицинскомъ быту. Первое, что Буяльскій молодъ, второе— русскій, и третье, что онъ черезчуръ прямой и въ дѣлѣ собственныхъ убѣжденій неподатливый человѣкъ,— дѣлало то, что съ самаго вступленія Буяльскаго въ практическую жизнь, онъ встрѣченъ былъ хирургами очень холодно, и эта холодность превратилась, наконецъ, въ недоброжелательство, не всегда даже скрываемое. Знанія его и опытность сознавали всѣ: но признать ихъ публично, отдать имъ справедливость, какъ отдавалъ Бушъ—одна мысль объ этомъ раздражала петербургскихъ нѣмцевъ, доводила до нелѣпостей и ставила иногда ихъ самихъ въ смѣшное и унизительное положеніе, поневолѣ, конечно, еще больше разжигавшее ненависть къ Буяльскому.

Разъ въ морской госпиталь поступилъ больной съ аневризмою подкрыльцовой артеріи и у него предположено наложить лигатуру на ключичную артерію. Это было въ 1820 году. Лигатуры большихъ артерій считались тогда самыми важными операціями, и кто сдѣлалъ одну изъ подобныхъ операцій—прославлялся на всю жизнь, будь онъ даже посредственный хирургъ. Къ наложенію лигатуръ приглашали всѣхъ знаменитостей зрителями, какъ теперь приглашаютъ къ овріотоміямъ, и слава хирурга начиналась, такъ-сказать, при его собственныхъ глазахъ, еще въ то время, когда онъ чувствовалъ усиленное біеніе собственнаго сердца подъ брызгами теплой крови оперируемаго. И такъ, предстояло хирургическое торжество. Операцію долженъ былъ дѣлать операторъ госпиталя А. Гибсъ, пригласившій на помощь къ себѣ Н. Ф. Арендта. Прежде чѣмъ однако же приступить къ операціи на живомъ, они передѣлали ее нѣсколько разъ на трупахъ, затѣмъ уже назначили день и часъ и пригласили многихъ врачей-товарищей и начальниковъ, а въ томъ числѣ и морскаго генералъ-штабъ-доктора Лейтона. Буяльскій жилъ черезъ улицу отъ госпиталя, но его не пригласили, потому что покойный Арендтъ не желалъ этого. Началась операція. Чѣмъ глубже идутъ, тѣмъ кроветеченіе сильнѣе, а пульсаціи артеріи въ глубинѣ раны не слышно. Какъ быть? Глубже

идти—страшно. Но чѣмъ же нибудь надобно кончить. Пошли дальше, встрѣтили артерію, обрадовались, наложили на нее лигатуру и хотѣли уже закрывать рану, а между тѣмъ глядь—аневризма, причина всѣхъ хлопотъ, бьется по прежнему. Что-жъ бы это значило? Ничего, это навѣрно anomalia vasorum, какія иногда встрѣчаются. Какъ бы то ни было, однако дѣло неладно. Видя затрудненіе операторовъ, генералъ штабъ-докторъ Лейтонъ спрашиваетъ:

— „Отчего нѣтъ Буяльскаго?"—Замялись хозяева дѣла. „Отъ чего же нѣтъ его?" опять спрашиваетъ ни о чемъ не догадывавшійся англичанинъ,—англичане-медики, надобно отдать имъ справедливость, почти всегда были чужды интригъ петербургскихъ нѣмцевъ,—„онъ могъ бы вывести насъ изъ затрудненія".

— Забыли пригласить его,—сквозь зубы пробормоталъ Гибсъ.

— Такъ пошлите за нимъ.

Явившійся Буяльскій съ одного взгляда разъяснилъ недоразумѣніе. Операторы еще не дошли до subclavia и вмѣсто нея, по ошибкѣ, наложили свою лигатуру на a. dorsalem scapulae. Буяльскій перерѣзалъ m. scalenum anticum и тогда показалась subclavia, на которую и наложена лигатура, кончившая операцію. Послѣ перенесенной тревоги, Лейтонъ такъ былъ доволенъ концомъ дѣла, что тутъ же объявилъ:

— Если больной выздоровѣетъ, то я дѣлаю обѣдъ и приглашаю къ нему всѣхъ присутствующихъ здѣсь врачей.

Больной дѣйствительно выздоровѣлъ и Лейтонъ сдѣлалъ обѣдъ, къ которому пригласилъ и Буяльскаго. За обѣдомъ пили за здоровье операторовъ Гибса и Арендта, а о Буяльскомъ ни слова. Тогда всѣ врачи военно-сухопутнаго госпиталя, съ Гейротомъ во главѣ, громко заговорили, что Буяльскій забытъ несправедливо и что безъ его содѣйствія не было бы и настоящаго обѣда. Вслѣдствіе этого Лейтонъ самъ предложилъ тостъ за Буяльскаго и въ очень лестныхъ выраженіяхъ благодарилъ его за помощь морской хирургіи.

Такого рода торжество, конечно, могло быть лестно для молодаго анатома и хирурга, но никакъ уже неспособно было пріобрѣсть любовь и благосклонность корифеевъ тогдашней хирургіи. Но бывали случаи еще и хуже этого, гдѣ прямота и настойчивость Буяльскаго, хоть и честная съ его стороны, прямо раздражала и даже оскорбляла другихъ, хотя самъ онъ, можетъ быть, и не подозрѣвалъ этого. Примѣромъ можетъ служить слѣдующій случай.

Въ 1824 году, генералъ-контролеръ и временно исправлявшій должность министра внутреннихъ дѣлъ, баронъ Б. Б. фонъ-Кампенгаузенъ былъ выброшенъ изъ коляски понесшими лошадьми, сильно ушибся и,

между прочимъ, получилъ fissuram colli brachii и переломъ локтеваго отростка, который совершенно отломился съ большимъ по окружности кровеизліяніемъ. Кровь излилась также въ суставъ и образовала опухоль, походившую въ послѣдствіи на нарывъ. Лечили его Бушъ, Гейротъ, Энгольмъ, Арендтъ, Гаугеръ и Буяльскій. Дѣло шло хорошо и недѣли черезъ двѣ больной началъ поправляться, не лежалъ въ постели и жаловался только на безпокойство и боль въ локтѣ. Означенные врачи собирались къ нему каждый день и наконецъ опредѣлили, что у него нарывъ въ локтѣ, который слѣдуетъ вскрыть. Рѣшеніе было единогласное, за исключеніемъ Буяльскаго, который увѣрялъ, что въ локтѣ не нарывъ, а излившаяся кровь, и что со вскрытіемъ погибнетъ суставъ и руку придется ампутировать (о резекціяхъ тогда еще не думали). Спорили долго и авторитетъ Буша, стоявшаго за вскрытіе, рѣшилъ дѣло. Буяльскій остался однако же при своемъ мнѣніи. Тогда Гейротъ отозвалъ его въ другую комнату.

— Что вамъ за охота спорить и раздражать людей. Вы—молодой человѣкъ, а противъ васъ шесть докторовъ—всѣ старше и опытнѣе васъ. Всѣ они говорятъ, что тутъ нарывъ и гной надобно выпустить; какъ же вы не понимаете, что вамъ ничего больше не остается, какъ либо соглашаться, либо молчать.

— Согласиться я не могу,—отвѣчалъ молодой человѣкъ,—но спорить больше не буду и пусть дѣлаютъ какъ знаютъ.

Сняли повязку съ локтя, вновь изслѣдовали опухоль и вновь рѣшили непремѣнно вскрыть. Профессоръ Бушъ, вынувъ ланцетъ, подалъ его Буяльскому, чтобы онъ сдѣлалъ проколъ. Но Буяльскій, за минуту передъ тѣмъ давшій слово молчать, не выдержалъ и въ присутствіи больнаго брякнулъ:

— Я противнаго мнѣнія о сущности опухоли и вскрывать не буду.

И. Ф. Бушъ почти до слезъ огорченъ былъ этой неумѣстной выходкой; не раздумывая больше, самъ разрѣзалъ опухоль и не нашелъ въ ней ни капли гноя, а лишь свернувшуюся кровь. Суставъ былъ обнаженъ, къ вечеру распухла вся рука, на другой день горячка и черезъ девять дней больной умеръ. Бушъ и тутъ сознался свою ошибку.

— Это мы всѣ, кромѣ Буяльскаго, уложили Кампенгаузена въ гробъ,—говорилъ онъ друзьямъ своимъ.

Но для Буяльскаго съ этого времени закрылись всѣ пути къ сближенію съ петербургскими нѣмцами хирургами и врачами и ихъ хотя глухая, но подчасъ ядовитая ненависть преслѣдовала его до гробовой доски.

Какъ же могъ онъ жить, какъ могъ онъ устоять, и не только устоять, но и подняться цѣлой головою выше своихъ порицателей и

недоброжелателей? И не устоять бы. Не будь у него громаднаго таланта, не будь ежеминутнаго и неустаннаго труда, направленнаго къ самоусовершенствованію, не будь чувства собственной правоты и желѣзной воли, утверждавшейся на этомъ чувствѣ, погибъ бы онъ не лучше несчастныхъ профессоровъ Щепина и Погорѣцкаго. Съ раннихъ лѣтъ, съ самаго вступленія въ дѣйствительную жизнь, принужденъ онъ былъ надѣяться и расчитывать только на самого себя. Конечно, могъ онъ замѣчать, что люди высокаго ума и честнаго сердца, стоявшіе выше мелкихъ современныхъ интригъ, каковы были Бушъ, Гейротъ и Вилліе, уважаютъ его и дорожатъ имъ: но не ребенокъ же былъ онъ, чтобъ искать защиты и покровительства у своихъ патроновъ при всякомъ мелочномъ толчкѣ. Да и не въ его характерѣ было искать и заискивать. Такъ, напримѣръ, много должностей занималъ онъ въ своей жизни, много мѣстъ выгодныхъ и почетныхъ; но никогда во всю свою жизнь, съ молодости и до старости, не просился онъ ни на какую должность, а всегда принималъ то или другое мѣсто потому только, что ему предлагали его. И, принявъ должность, онъ исполнялъ возлагаемыя на него обязанности съ безукоризненною точностью, какъ бы онѣ ни были трудны. Въ описываемую эпоху онъ занималъ двѣ тяжелыя должности (адъюнктуры при двухъ практическихъ кафедрахъ) при академіи и служилъ еще ординаторомъ сухопутнаго госпиталя: но онъ работалъ съ утра до вечера и исполнялъ все, какъ исполнилъ бы, а можетъ быть, и не успѣлъ бы исполнить, сверстникъ его, имѣя на своей отвѣтственности каждую изъ этихъ должностей въ отдѣльности.

При томъ пониманіи истины и справедливости, какое присуще было Буяльскому и вытекало изъ личнаго его характера, неисполнительность въ учебно-служебныхъ дѣлахъ была абсолютно невозможна; съ другой же стороны, сознаніе исполненнаго долга — исполненнаго такъ, какъ едва-ли кто когда исполнялъ его — входило, можетъ быть, въ составъ того нравственнаго самодовольства и успокоенія, при помощи котораго труженику не опасны никакія соперничества, и онъ можетъ ясными глазами смотрѣть въ лицо каждому изъ своихъ завистниковъ, и съ презрѣніемъ наступить на каждую подставленную ему ногу. О хирургической службѣ Буяльскаго мы уже говорили: Бушъ не довѣрился бы адъюнкту, въ которомъ не нашелъ бы дѣйствительнаго себѣ помощника. Что же касается до анатомической службы, то, кромѣ удовлетворенія ежедневнымъ потребностямъ преподаванія, Буяльскій предложилъ, въ концѣ 1818 года, конференціи въ подарокъ 100 анатомическихъ и патологическихъ препаратовъ, приготовленныхъ его собственными руками, за что и награжденъ былъ,

по ея представленію, орденомъ св. Анны 3-й степени (почти въ одно время съ чиномъ коллежскаго ассесора).

Утвержденіемъ при кафедрѣ анатоміи и репутаціею въ хирургической городской практикѣ окончательно опредѣлилась будущая карьера Буяльскаго. Всѣ свои работы и заботы раздѣлилъ онъ поровну между анатоміею и хирургіею. Но тутъ встрѣтилось обстоятельство, характеризовавшее и личность Буяльскаго, и время, которое онъ переживалъ. Передъ осенью 1819 года открылась въ Казанскомъ университетѣ кафедра анатоміи и отъ имени министра внутреннихъ дѣлъ, князя А. Н. Голицына, подъ вѣдомствомъ котораго находилась въ то время Петербургская медико-хирургическая академія, ее предложили Буяльскому: но послѣдній, озабоченный болѣзнью жены, лежавшей въ постели послѣ первыхъ родовъ, не хотѣлъ и слышать объ этомъ предложеніи. Черезъ нѣсколько дней пріѣхалъ къ нему навѣстить жену его двоюродный дядя его, штабъ-лекарь В. А. Загорскій, жившій постоянно въ Казани, имѣвшій тамъ собственный домъ съ садомъ и полнымъ обзаведеніемъ и очень богатый по женѣ (урожденной Мосоловой). Разговаривая съ М. П. Буяльскою о томъ и другомъ, онъ наговорилъ ей множество обольстительныхъ вещей о жизни въ Казани; предлагалъ въ ея распоряженіе домъ свой даромъ со всей мебелью и садомъ, если только она уговоритъ мужа принять тамъ кафедру и переѣхать въ Казань.

— Жизнь тамъ не будетъ вамъ стоить ничего, а, между тѣмъ, Илья Васильевичъ въ какія-нибудь 10 лѣтъ будетъ въ состояніи пріобрѣсти душъ 300 крестьянъ.

Соблазнилась она обѣщаніями, повѣрила легкому счастію и стала уговаривать мужа, такъ что онъ, наконецъ, согласился взять назадъ отказъ свой. Но этого мало. Надобно еще было явиться къ попечителю Казанскаго округа Магницкому, жившему тогда въ Петербургѣ.

— „Магницкаго я совсѣмъ не зналъ, разсказывалъ послѣ И. В. Буяльскій; слышалъ только, что онъ очень сильный человѣкъ и въ тоже время чрезвычайно гордый и заносчивый, потому что находился подъ покровительствомъ одной высокопоставленной дамы, которая и поддерживала его. Какъ теперь помню, поѣхалъ я къ нему въ день Крещенія. Принялъ онъ меня очень гордо. Это былъ красивый мужчина, съ самоувѣренною высокомѣрною физіономіею и явнымъ самодовольствомъ въ каждомъ движеніи, расчитаннымъ на то, чтобъ озадачить человѣка“.

— Вы сперва отказались отъ мѣста, а теперь сами напрашиваетесь. Что-же вы думаете, я нуждаюсь въ профессорахъ? Напротивъ, стоитъ

мнѣ только свистнуть и профессоровъ явится больше чѣмъ нужно. А вы попробуйте пріобрѣсти извѣстность въ Петербургѣ, а потомъ ужъ ищите мѣста въ Казани.

„Обидѣлъ, но не смутилъ меня надменный тонъ временщика, какъ мнѣ было извѣстно, блестѣвшаго чужимъ свѣтомъ, и я не вытерпѣлъ и сказалъ ему:

— Явился я къ в-му пр-ству потому только, что это мѣсто предложено мнѣ отъ имени г. министра внутреннихъ дѣлъ князя А. Н. Голицына, главнаго моего начальника. Что же касается до легкаго способа пріискивать профессоровъ, изобрѣтеннаго вашимъ пр-омъ, то я очень желалъ бы, чтобъ в-ше пр-ство взяли на себя трудъ свистнуть; только осмѣливаюсь думать, что это былъ бы напрасный трудъ, такъ какъ возможно, что на вашъ свистъ явились бы лакеи съ собаками, но едва-ли отозвался бы какой-нибудь профессоръ, уважающій свое званіе.

„Съ этими словами поклонился я и вышелъ. Послѣ уже узналъ я, что Магницкій обидѣлся и ѣздилъ жаловаться князю Голицыну, но жалоба его осталась безъ послѣдствій".

Послѣ этой попытки, въ которой Буяльскій въ первый и послѣдній разъ явился просителемъ, и то невольнымъ, обыкновенныя его занятія пошли обычнымъ чередомъ. Отъ анатоміи переходилъ онъ къ хирургіи и отъ хирургіи опять къ анатоміи. Между прочимъ, пришла ему мысль, нельзя-ли облегчить изученіе анатомическаго устройства органовъ, а можетъ быть и физіологическихъ ихъ отправленій, равно какъ и патологическихъ новообразованій, чрезъ изолированіе составляющихъ ихъ анатомическихъ элементовъ, подобно тому какъ химики достигаютъ изученія сложныхъ тѣлъ чрезъ изолированіе составляющихъ ихъ элементовъ.

Микроскопы тогда были еще рѣдки и о клѣточковомъ строеніи элементарныхъ тканей никому еще не приходило на мысль, специфичность же тканей и отправленій ихъ, какъ физіологическихъ, такъ и патологическихъ (кразы крови), приписывалась видоизмѣненіямъ жизненной силы, не ясно, впрочемъ, понимавшейся. И. В. Буяльскій началъ свои попытки съ изолированія кровеносной системы. Онъ сталъ искать жидкость, которая растворяла бы всѣ животныя ткани, оставляя не растворенною наливную массу, наполняющую кровеносные сосуды, и нашелъ ее. Наливъ артеріи и вены почки цвѣтными массами, онъ положилъ ее въ эту жидкость и чрезъ нѣсколько времени получилъ сосудистый остовъ почки въ видѣ мелкаго кустарника или мха, составленнаго изъ тысячей вѣточекъ, выходившихъ изъ одного общаго

корня или ствола [1]). Препараты этого рода подарены имъ для анатомическихъ кабинетовъ Петербургской и Виленской медико-хирургическихъ академій и за приготовленіе ихъ выдана ему отъ правительства денежная награда въ 2,500 р. ассигнаціями.

Но важнѣйшимъ и преимущественно занимавшимъ вниманіе Буяльскаго предметомъ въ эти годы было изученіе аневризмъ, ихъ происхожденія и леченія. Выше говорено уже, что въ началѣ текущаго столѣтія хирурги прославлялись почти исключительно лигатурами большихъ артерій. Буяльскій не отсталъ въ этомъ отъ другихъ. Первую большую этого рода операцію—ligaturam arteriae femoralis in pelvi s. a. iliacae externae—сдѣлалъ онъ 14-го апрѣля 1822 года у унтеръ-офицера Никанора Антонова и окончилъ ее ровно въ 20 минутъ [2]). Позднѣе, въ 1833 году, наложилъ онъ лигатуру на безъименную артерію (ligatura art. innominatae) и ту же операцію сдѣлалъ во второй разъ въ 1834 году [3]). Но принимаясь за эту отрасль хирургіи, онъ хотѣлъ изучить происхожденіе аневризмъ и на немъ уже основать правильныя и раціональныя лечебныя показанія. За матеріаломъ дѣло не могло остановиться: Петербургъ—городъ аневризмъ, какъ Москва—городъ мочевыхъ камней. На Охтѣ на 10 взрослыхъ умирающихъ одинъ непремѣнно страдаетъ и даже умираетъ отъ аневризмы, а 9 отъ атероматознаго перерожденія артерій. Принявшись за дѣло и изслѣдовавъ множество случаевъ расширенія артерій во всѣхъ его періодахъ, онъ пришелъ къ заключенію, что источникомъ аневризмы всегда служитъ воспаленіе внутренней оболочки артеріи — мысли, несогласной ни съ одною изъ господствовавшихъ тогда теорій и долженствовавшей поразить его. Предполагая развить эту мысль въ отдѣльной монографіи, назначавшейся для докторскаго экзамена и публичнаго защищенія, онъ обратился къ профессору Н. Ф. Бушу за совѣтомъ.

— Смотрите—отвѣчалъ ему Бушъ,—чтобы васъ не раскритиковали. Но если ваше мнѣніе справедливо, то всѣ рисунки и всѣ сочиненія А. Купера объ аневризмахъ должны быть признаны никуда не годными.

Слова эти заставили задуматься молодаго изслѣдователя; но патологическіе факты казались ему такъ ясными и такъ убѣдительными, что онъ рѣшился ихъ отстаивать и, по окончаніи докторскаго экзамена, въ 1823 году, представилъ вмѣсто докторской диссертаціи трактатъ

---

[1]) Описаніе этихъ препаратовъ напечатано въ «Отечественныхъ Запискахъ», изд. П. И. Свиньина, 1821, ч. VIII, стр. 385.

[2]) «Военно-Медиц. Журналъ» 1824, ч. III, № 2, стр. 194—207.

[3]) «Военно-Медиц. Журналъ» 1833, XXII, стр. 385.—«Другъ Здравія» 1833, № 11, стр. 84.—«Другъ Здравія» 1834, № 48, стр. 379—380. Я. Ч.

свой De aneurysmatibus, за который, послѣ публичнаго защищенія, и получилъ дипломъ доктора медицины и хирургіи (24-го марта 1823)[1].

Въ послѣдствіи времени признано доказаннымъ существованіе воспаленія артерій, а въ наше время подтверждено точными наблюденіями происхожденіе аневризмъ изъ воспаленія артеріальныхъ оболочекъ, т. е. подтвердилось то, что Буяльскій считалъ несомнѣннымъ 45 лѣтъ назадъ, опираясь исключительно на свои личныя наблюденія.

Но это было только начало или приступъ къ рѣшенію вопроса. Главная задача состояла въ постановленіи показаній къ леченію аневризмъ и въ раціональномъ выполненіи ихъ. Буяльскій и тутъ опередилъ своихъ современниковъ. Раздѣливъ леченіе аневризмъ на акіургическое и механургическое, онъ придумалъ и ввелъ въ употребленіе особый турникетъ для леченія аневризмъ механическимъ придавливаніемъ артеріальнаго ствола — способъ, вошедшій въ обыденную практику консервативной хирургіи и нынѣ получившій широкое развитіе [2],—а съ другой стороны упростилъ и значительно улучшилъ хирургическое производство при перевязкѣ (наложеніи лигатуръ) аневризматически-расширенныхъ артерій. Плодомъ 7-лѣтнихъ работъ его надъ аневризмами, кромѣ докторской диссертаціи, былъ обширный атласъ съ текстами на русскомъ и латинскомъ языкахъ. Но атласъ этотъ заготовленъ былъ авторомъ въ такихъ размѣрахъ и съ такою роскошью, что не могъ быть изданъ частными его средствами. Дѣлу помогъ Я. В. Вилліе, по званію президента медико-хирургической академіи. Онъ лично доложилъ объ этомъ императору Николаю I и испросилъ разрѣшеніе на изданіе атласа на счетъ казны. Изданіе обошлось въ 9 т. р. ас. и напечатано въ числѣ 600 экземпляровъ въ пользу автора [3]. Бывъ разосланъ въ разные университеты и академіи Европы и Америки, оно сразу поставило имя Буяльскаго рядомъ съ именами знаменитѣйшихъ современныхъ хирурговъ, между тѣмъ какъ до того времени онъ, печатая свои работы исключительно по-русски, пользовался извѣстностію только въ Россіи. Значеніе атласа, въ корот-

---

[1]) Прибавимъ кстати, что степень доктора хирургіи по экзамену была въ тѣ времена, какъ и теперь, очень рѣдка. Буяльскому дали ее потому, что въ числѣ экзаменныхъ документовъ онъ представилъ въ конференцію подробное описаніе 210 сдѣланныхъ имъ самимъ большихъ хирургическихъ операцій.

[2]) «О скоромъ излеченіи подколѣнной аневризмы безъ операціи, однимъ прижатіемъ помощію турникета новой формы». «Военно-Медицин. Журналъ» 1844, XLIV, № 1. «Описаніе aneurysmatis traumatici бедренной артеріи, гдѣ этотъ турникетъ не помогъ». Тамъ же.

[3]) «Анатомико-хирургическія таблицы о перевязываніи большихъ артерій». Спб. 1828. infol. Текстъ на русскомъ и латинскомъ языкахъ. Я. Ч.

ихъ словахъ, но точно, выражено, въ письмѣ изъ Бостона, деканомъ Кембриджскаго Гарвейскаго университета Дж. Ч. Уорропомъ, однимъ изъ лучшихъ тогдашнихъ американскихъ операторовъ. „Arterias majores, carotidem, iliacam, axillarem,—писалъ онъ Буяльскому 25-го апрѣля 1829 года,—nos in nosocomio Bostoniae saepe ligavimus. Semper necessitatem percepimus cujusdam operis pro auxilio in tentationibus novis: et vester liber valde opportune nobis in consilium venit, ut omnibus libris et tabulis arteriarum prioribus maxime antecellens [1])". Въ Берлинѣ книга Буяльскаго переведена на нѣмецкій языкъ и, несмотря на дороговизну рисунковъ, издана въ видѣ атласа при журналѣ Грефе. Философическое Общество ученыхъ въ Филадельфіи избрало его въ свои почетные члены (6-го января 1833 г.). Въ Россіи также была она оцѣнена по достоинству, и въ 1831 году 1-го декабря авторъ признанъ ординарнымъ профессоромъ, консультантомъ Маріинской больницы для бѣдныхъ, безъ жалованья (15-го августа 1831 г.), и въ 1836 году получилъ за свои таблицы, въ видѣ высочайшей награды, 5,000 р. сер.

Можно сказать, что со времени изданія своихъ таблицъ Илья Васильевичъ пріобрѣлъ извѣстность во всѣхъ слояхъ общества и хирургическая репутація его утвердилась на прочныхъ основаніяхъ и навсегда—ее признали даже упорнѣйшіе изъ соперниковъ его, долго медлившіе отдать должную справедливость его талантамъ и знаніямъ. Не проходило мѣсяца, чтобы въ городѣ не толковали о какой-нибудь новой и блистательной операціи, сдѣланной Буяльскимъ. Наконецъ, случай сдѣлалъ его извѣстнымъ въ самыхъ высшихъ слояхъ общества и при дворѣ.

Случай этотъ былъ слѣдующій: 1-го октября 1833 года, въ праздничный день, въ Царскосельскомъ лицеѣ не было классовъ, и воспитанники играли, бѣгали и рѣзвились, кто какъ умѣлъ. Во время этихъ игръ одинъ изъ нихъ сошкольничалъ съ другимъ очень неразумнымъ и безжалостнымъ образомъ: когда мальчикъ, по фамиліи Алексѣй Воейковъ, беззаботно и съ размаха садился на скамью, другой мальчикъ подставилъ ему подъ задницу стоймя палочку изъ слоновой кости, употребляемую для надѣванья рисовальныхъ кисточекъ. Палочка, длиною въ $3^1/_2$ вершка, воткнулась въ тазъ Воейкова, между сѣдалищнымъ бугромъ и задней промежностью, и переломилась на двѣ части, изъ коихъ одна, длиною въ $1^1/_4$ верш., осталась снаружи подъ

[1]) «Сѣверная Пчела», 1829, № 142. Русская медицинская публика ознакомлена была съ этимъ изданіемъ чрезъ московскій журналъ Іовскаго: «Вѣстникъ естественныхъ наукъ и медицины» 1828, № 8. Я. Ч.

платьемъ, а другая, длиною въ 2 верш., углубилась въ тазъ чрезъ овальное отверстіе (for. ovale) и осталась тамъ съ боку прямой кишки и мочеваго пузыря. Исходъ этой глупой дѣтской шутки перепугалъ все заведеніе, тѣмъ болѣе, что о немъ могъ узнать и государь, жившій тогда въ Царскомъ Селѣ. Перепуганный директоръ, генералъ Гольдгойеръ, не зналъ что дѣлать, да и не догадывался, кажется, о важности поврежденія. Только на другой день послалъ онъ за Н. Ф. Арендтомъ, жившимъ тоже въ Царскомъ вмѣстѣ съ дворомъ; но Арендтъ, осмотрѣвъ мальчика, не рѣшился ни на что и посовѣтовалъ послать за Буяльскимъ, который и приглашенъ былъ уже на третій день послѣ приключенія. Осмотрѣвъ паціента, жаловавшагося на мучительныя боли въ тазу, но не найдя никакого указанія на мѣсто положенія инороднаго тѣла ни снаружи, ни per anum, хотя инородное тѣло, безъ сомнѣнія, находилось въ тазу, Буяльскій не могъ рѣшить, куда и по какому направленію углубилась костяная палочка; поэтому онъ объявилъ генералу Гольдгойеру, что остается одно, но весьма сомнительное средство—искать чрезъ разрѣзъ воткнувшійся отломокъ кости и что за исходъ операціи невозможно ручаться.

— Пожалуйста, употребите все, что считаете возможнымъ,—отвѣчалъ на это опечаленный директоръ лицея.

Илья Васильевичъ рѣшился дѣлать операцію. Начавъ разрѣзы съ наружной раны и идя послойно, онъ тщательно ощупывалъ окружность каждаго разрѣза и—ничего не находилъ. Операція длилась уже 20 минутъ, разрѣзы дошли глубоко, а отломка все не было слышно. Въ умѣ оператора мелькнула уже горькая мысль сомнѣнія за успѣхъ. Подъ ножомъ лежали уже мышцы овальнаго отверстія. Онъ перерѣзалъ ихъ и — ощупалъ конецъ искомаго отломка въ тазу за этимъ отверстіемъ. Оставивъ ножъ, онъ захватилъ его крѣпкими щипцами и не безъ усилій извлекъ чрезъ овальное отверстіе, къ полному удовольствію всѣхъ присутствовавшихъ при операціи, какъ понимавшихъ, такъ и не понимавшихъ значенія ея [1]).

Оперированный выздоровѣлъ.

Исторія этой операціи надѣлала много шуму въ Петербургѣ и при дворѣ, и дѣйствительно, можетъ быть, должна считаться единственною въ своемъ родѣ. Лейбъ-медикъ Арендтъ считался тогда первымъ операторомъ въ Петербургѣ, но этотъ случай доказалъ, что первенство въ хирургіи должно было перейти отъ него къ Буяльскому. Самъ Арендтъ разсказывалъ потомъ въ Маріинской больницѣ при нѣсколь-

[1]) Операція эта описана въ «Другѣ Здравія», 1834 г., № 13, и въ «Военно-Медицинскомъ Журналѣ», XXVI, № 1, стр. 31—40. Я. Ч.

кихъ врачахъ, что императоръ Николай Павловичъ шутя упрекалъ его у себя въ кабинетѣ, въ присутствіи графа Віельгорскаго, зачѣмъ онъ не рѣшился сдѣлать эту операцію, а предоставилъ ее Буяльскому, на что̀ Арендтъ отвѣчалъ, что онъ давно уже пересталъ заниматься практическою анатоміею, тогда какъ Буяльскій постоянно сидитъ надъ нею [1]).

За эту операцію, тотчасъ по воздоровленіи Воейкова, объявлено Буяльскому монаршее благоволеніе и онъ назначенъ операторомъ всѣхъ военно-учебныхъ заведеній, подвѣдомственныхъ государю наслѣднику цесаревичу (25-го октября 1833 г.), безъ жалованья. Въ этой должности оставался онъ до конца жизни, называясь сперва операторомъ, а потомъ операторомъ-консультантомъ (съ 20-го мая 1846 г.).

Я. А. Чистовичъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) Императоръ Николай Павловичъ въ это время не зналъ еще Буяльскаго лично. Въ первый разъ увидѣлъ онъ его 2-го февраля 1836 года, въ одной изъ залъ главнаго адмиралтейства. Въ этотъ день на адмиралтейской площади сгорѣлъ балаганъ Лемана и въ немъ сгорѣло и задохнулось 128 человѣкъ. Буяльскій случайно былъ на площади и частный приставъ пригласилъ его помочь раненымъ, которыхъ сносили въ адмиралтейство. Пріѣхалъ императоръ Николай Павловичъ и, замѣтивъ человѣка не въ военномъ платьѣ, хлопотавшаго около раненыхъ, обратился къ нему съ вопросомъ: «Кто ты таковъ?» Буяльскій назвалъ себя. Тогда императоръ, переходя отъ одного раненаго къ другому и щупая у нихъ пульсъ, подзывалъ Буяльскаго и обращалъ его вниманіе на то, что пульса у нѣкоторыхъ уже нѣтъ (это были уже дѣйствительно умершіе). Уѣзжая, онъ еще разъ подозвалъ Буяльскаго и приказалъ ему не уѣзжать домой, пока всѣхъ раненыхъ не перевяжетъ, не назначитъ лекарствъ и не нарядитъ дежурныхъ. Я. Ч.

МОЯ ЖИЗНЬ и ХУДОЖЕСТВЕННО-АРХЕОЛОГИЧЕСКІЕ ТРУДЫ,

разсказъ академика Ѳ. Г. Солнцева.

II [1]).

А. Н. Оленинъ.—Преобразованія въ академіи.—Работы на полученіе медалей.—Содержаніе пансіонеровъ академіи. — Сборы къ поѣздкѣ въ Китай. — 14-е декабря.—Театръ въ Петербургѣ.

1818—1828.

Алексѣй Николаевичъ Оленинъ назначенъ былъ президентомъ академіи въ маѣ 1817 г. Алексѣй Николаевичъ принадлежалъ къ числу тѣхъ высокихъ личностей, полная оцѣнка которыхъ принадлежитъ исторіи. Не мнѣ въ моихъ скромныхъ припоминаніяхъ придется возстановить свѣтлый, полный благородства, высоко-художественный образъ Алексѣя Николаевича. Мой старческій взоръ съ глубокою любовію и безпредѣльною признательностію, останавливается на этомъ образѣ. Для меня Алексѣй Николаевичъ останется навсегда незабвеннымъ. Онъ первый вызвалъ меня къ художественной дѣятельности, съ отческою заботливостью слѣдилъ за моими работами и постоянно руководилъ меня своими наставленіями и содѣйствіемъ, всегда оказывалъ мнѣ помощь въ трудныя минуты моей жизни, наконецъ, сдѣлалъ меня другомъ своего прекраснаго семейства. Со смертію Алексѣя Николаевича миновали для меня красные дни... Поэтому не мудрено, что мнѣ придется много и долго говорить объ Алексѣѣ Николаевичѣ въ вереницѣ моихъ припоминаній.

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1876 г. томъ XV, стр. 109—128.

При вступленіи въ должность президента, А. Н. Оленинъ встрѣтилъ великое запустѣніе въ академіи. Наличныхъ денегъ въ академической кассѣ почти не оказалось; самое зданіе представляло крайне невзрачный видъ; воспитанники имѣли по одной парѣ изношеннаго платья, похожаго на рубище. Довольно сказать, что когда умеръ вице-президентъ Чекалевскій, то воспитанникамъ не въ чемъ было выдти, чтобы проводить его на кладбище. По распоряженію А. Н. Оленина, въ три дня всѣмъ ученикамъ сшиты были синіе мундиры. Во время шествія за гробомъ Чекалевскаго, многіе встрѣчные, недоумѣвая, спрашивали о насъ: «кто это такіе?» Ученики, смѣясь, отвѣчали: «шведы».

Затѣмъ, Алексѣй Николаевичъ постепенно началъ вводить разныя улучшенія въ академіи.

Такъ какъ самое зданіе требовало немедленнаго исправленія, то Оленинъ и принялся за это дѣло. Прежде всего, чрезъ министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, онъ исходатайствовалъ у государя императора до 500,000 руб. Затѣмъ распустилъ учениковъ на четырехмѣсячныя каникулы и въ это время сдѣлалъ необходимыя перестройки и поправки зданія. Устроено все было прочно, чисто и удобно. Это событіе произвело столь сильное впечатлѣніе на воспитанниковъ, что они, желая опредѣлить время какого-нибудь событія, говорили: «это было до или послѣ большихъ каникулъ».

Общее количество воспитанниковъ простиралось до 300; желая сократить это число, Алексѣй Николаевичъ разсортировалъ учениковъ такимъ образомъ: 4-й возрастъ былъ выпущенъ изъ академіи, 3-й—переведенъ въ 4-й, 2-й—въ 3-й, а первый, состоящій приблизительно изъ 120-ти человѣкъ, раздѣленъ былъ на двѣ половины и лучшихъ воспитанниковъ перевели во второй возрастъ. Вслѣдствіе этого многимъ воспитанникамъ пришлось пробыть въ академіи не 12 а только $9^1/_2$ лѣтъ, какъ это и случилось со мною. Кромѣ того, Алексѣй Николаевичъ сдѣлалъ сношеніе съ помѣщиками, чтобы они своихъ крѣпостныхъ, обучающихся въ академіи, отпустили на волю; но такъ какъ помѣщики на это не соглашались, то Оленинъ приказалъ исключить изъ академіи всѣхъ учениковъ податнаго сословія.

Затѣмъ, на будущее время, штатъ для воспитанниковъ установленъ былъ въ 160 человѣкъ, причемъ, вопреки прежнему

порядку, воспитанники принимались въ академію по пріемнымъ испытаніямъ.

Главное вниманіе Алексѣй Николаевичъ обратилъ на то, какимъ бы образомъ увеличить скудныя денежныя средства академіи. Еще въ 1802 г., государь приказалъ отпускать изъ своего кабинета въ академію по 10,000 руб. въ годъ; но эта сумма, въ теченіе 15 лѣтъ, не получалась. Олениннъ исходатайствовалъ ее. Затѣмъ, съ цѣлію же увеличенія средствъ академіи, онъ старался какъ можно больше пріобрѣсти для академіи почетныхъ любителей, разумѣется, болѣе изъ лицъ вліятельныхъ и богатыхъ, которыя въ состояніи были дѣлать болѣе или менѣе значительныя денежныя пожертвованія. Съ 1-го сентября по 1-е октября была въ академіи выставка; при началѣ ея происходилъ торжественный актъ, на который, по распоряженію Алексѣя Николаевича, приглашались воспитанниками-пансіонерами разныя знатныя лица. Послѣ акта давался обѣдъ, и потомъ обѣдъ и завтракъ во все время выставки для дежурныхъ профессоровъ, академиковъ и почетныхъ любителей. Разумѣется, такая внимательность многихъ располагала къ тому, чтобы стать почетными любителями. Съ увеличеніемъ средствъ, улучшалось не только содержаніе воспитанниковъ, но и вообще академіи.

Серьезное вниманіе обратилъ А. Н. Олениннъ на художественные классы и на усовершенствованія въ нихъ. Въ этомъ отношеніи достойно замѣчанія, что онъ первый сдѣлалъ серьезную попытку ввести археологію въ общій курсъ художественнаго образованія. При немъ открытъ былъ манекенный классъ, гдѣ манекеновъ, въ человѣческій ростъ, одѣвали въ римскій и греческій костюмы; здѣсь находились также греческіе шлемъ и латы, сдѣланные изъ латуни, туники—греческая, римская, египетская, и многія другія вещи. Надъ такими нововведеніями Алексѣя Николаевича большею частію смѣялись, говоря, что онъ занимается пустяками. А между тѣмъ до Оленина въ академіи до такой степени мало держались натуры, что мы, рисуя, напримѣръ, какого-нибудь героя древности, въ фантастическомъ костюмѣ, верхомъ на лошади, у послѣдней переднія ноги рисовали вскачь, а заднія—рысью. Послѣ указанія на это Алексѣя Николаевича, вошло въ поговорку, что «такія лошади историческія». Прибавлю къ этому, что мнѣ, спустя нѣсколько лѣтъ по выходѣ изъ академіи,

пришлось учиться у Алексѣя Николаевича, какъ слѣдуетъ рисовать бѣгъ лошади.

Кромѣ того, А. Н. Оленинъ покупалъ разныя вещи, относящіяся къ изученію древности, пріобрѣлъ много хорошихъ формъ, статуй, коллекцію такъ-называемыхъ этрусскихъ вазъ и т. д.

Затѣмъ должно обратить вниманіе и на другія нововведенія Алексѣя Николаевича, тоже не лишенныя серьезнаго значенія. Въ натурномъ классѣ до него рисовали краснымъ карандашомъ, что было крайне неудобно, такъ какъ отъ малѣйшей ошибки оставалось пятно. Алексѣй Николаевичъ подмѣтилъ это неудобство и вмѣсто краснаго ввелъ олонецкій карандашъ,—это былъ превосходный графитъ, безъ глянца[1]). Къ тому же, карандашей, равно какъ и бумаги, весьма неудобной для рисованія, отпускалось недостаточно, да и то съ трудомъ; резинка выдавалась только архитекторамъ, а живописцы должны были стирать ошибки кускомъ калача. При Олениніѣ всѣ эти неудобства были устранены, а въ замѣнъ прежней бумаги введена ольхинская бумага, толстая, гладкая, въ родѣ нынѣшней англійской Ватмана.

Съ профессорами, учителями, равно какъ и съ воспитанниками, Оленинъ держалъ себя сурово; никогда никого не хвалилъ, какія бы достоинства и совершенства ни замѣчалъ. Въ случаѣ какихъ-либо упущеній или неисправностей, онъ, обыкновенно, спокойно дѣлалъ выговоръ виновнымъ, и выговоръ иногда ощутительный. Напримѣръ, съ обычной суровостью онъ грозилъ воспитаннику: «смотри, подъ красную шапку угодишь». Но ни одного такого случая при Олениніѣ не было. Напротивъ, Алексѣй Николаевичъ былъ чрезвычайно добръ къ воспитанникамъ.

У инспектора Головачевскаго состоялъ помощникомъ нѣкто Васильевъ, человѣкъ дурной и злой. Однажды воспитанники хотѣли прибить его; но такъ какъ это почему-то неудалось, то они разбили стекла въ одной изъ комнатъ. Васильевъ, зная, что удары въ стекла назначены были собственно для него, донесъ объ этомъ Оленину. Алексѣй Николаевичъ немедленно пріѣхалъ въ академію, собралъ всѣхъ воспитанниковъ и сказалъ:

— Признавайтесь! Изъ-за чего вы это сдѣлали? Всѣ, или только нѣкоторые?

---

[1]) Теперь этого замѣчательнаго карандаша вовсе не существуетъ. Ѳ. С.

Четверо тутъ же признались, и онъ при всѣхъ обѣщался не исключать ихъ, а ограничиться какимъ-нибудь болѣе легкимъ наказаніемъ. Спустя нѣсколько времени, вся эта исторія, чрезъ одного изъ воспитанниковъ, сдѣлалась извѣстною министру народнаго просвѣщенія кн. Голицыну, который приказалъ исключить изъ академіи главныхъ виновныхъ четырехъ воспитанниковъ. Алексѣй Николаевичъ исключилъ ихъ, но каждаго опредѣлилъ на мѣсто.

А. Н. Оленинъ придумалъ одно чрезвычайно полезное, можно сказать, благодѣтельное для воспитанниковъ нововведеніе.

Ученикамъ 3-го и 4-го возрастовъ ставилось въ обязанность писать копіи съ картинъ, которыя требовалось исполнить къ концу трети. Для этихъ копій Алексѣй Николаевичъ находилъ покупателей. Деньги же, вырученныя отъ продажи, раздѣлялись на три части: одна часть шла на покупку матеріаловъ для писанія копій, вторая — на классы, произведенія которыхъ не могли продаваться, а третья—поступала въ кассу академіи. Когда воспитанникъ оканчивалъ курсъ, то онъ изъ кассы получалъ всѣ заработанныя имъ деньги. Разумѣется, такія сбереженія для каждаго были настоящимъ кладомъ. Напримѣръ, я, при выходѣ изъ академіи, получилъ 600 руб.

Мало того. Каждый воспитанникъ, выходя изъ академіи, получалъ: платье, двѣ пары сапогъ, нижнее и постельное бѣлье въ количествѣ трехъ паръ, всѣ принадлежности и инструменты, употребляемые при работахъ по извѣстному спеціальному искусству, а за кровать и столовыя принадлежности выдавалось наличными деньгами 30 руб.

Алексѣй Николаевичъ не упускалъ изъ виду и развлеченій воспитанниковъ. Зимою круглый дворъ академіи поливался водою и они катались на казенныхъ конькахъ; на другомъ дворѣ устраивались горы; лѣтомъ воспитанниковъ водили гулять на острова.

Наконецъ, мы учились танцамъ, пѣнію, музыкѣ и устроили свой театръ. По приглашенію А. Н. Оленина, танцамъ обучалъ воспитанниковъ актеръ Рамазановъ, а пѣнію и музыкѣ—два брата Макушины. На музыкально-танцовальныхъ вечерахъ отплясывали мазурку, краковякъ, экосезъ, вальсъ, минуэтъ и кадриль; дамы не допускались.

Иное было дѣло театръ; тутъ могли быть и дамы, преимущественно

родственницы воспитанниковъ и знакомыя Алексѣя Николаевича. Нашъ академическій театръ былъ въ полномъ смыслѣ свой: декораціи писали воспитанники, изъ нихъ составленъ былъ оркестръ, они же играли и т. д. Спектакли давались по воскресеньямъ, два раза въ мѣсяцъ; въ нихъ участвовали воспитанники двухъ старшихъ возрастовъ; мальчиковъ брали только для кордебалета. Давали комедіи Шаховскаго, Хмѣльницкаго, и др. Въ четвертомъ возрастѣ я былъ директоромъ театра и постоянно игралъ роль отцовъ семейства. Алексѣй Николаевичъ всегда бывалъ въ театрѣ вмѣстѣ съ своей женой Елисаветой Марковной, которая обыкновенно награждала актеровъ разными сластями. Пріѣзжало много и другихъ извѣстныхъ лицъ, напримѣръ, И. А. Крыловъ, Гнѣдичъ, Батюшковъ; изъ актеровъ: Яковлевъ, двѣ Семеновыхъ, Сосницкій, Рамазановъ, Самойловъ-отецъ, съ которымъ я въ послѣдствіи былъ коротко знакомъ, и др.

Алексѣй Николаевичъ чуть-ли ни каждый день посѣщалъ академію; случалось нерѣдко, что онъ пріѣзжалъ и по ночамъ. Во все вникалъ самъ; довѣрялъ только себѣ, и никому болѣе; всѣ распоряженія исходили отъ него самого. Насколько онъ былъ точенъ и справедливо-требователенъ по отношенію къ другимъ, настолько самъ исполнителенъ должнаго. Напримѣръ, если профессору слѣдовала квартира въ 4 комнаты, то пятую получить ужъ было никакъ нельзя. Укажу еще, повидимому, на незначительное обстоятельство. Въ церкви воспитанники становились на опредѣленное мѣсто, отгороженное перилами. Бывало, Алексѣй Николаевичъ пріѣдетъ въ церковь съ женою и съ дочерьми, поставитъ ихъ у перилъ, а самъ станетъ съ воспитанниками. Когда его спрашивали, почему онъ не вводитъ за перила съ собою жены, то онъ обыкновенно отвѣчалъ:

— Если я введу мою жену, то и профессора или члены академіи станутъ вводить.

А. Н. Оленинъ сдѣлалъ въ академіи множество разныхъ построекъ и для нея пріобрѣтеній; умеръ, оставивъ въ академической кассѣ весьма значительную сумму, а у себя 80,000 руб. долгу.

При всемъ томъ, справедливость требуетъ упомянуть, что Алексѣй Николаевичъ не пользовался расположеніемъ своихъ подчиненныхъ, почему—рѣшительно недоумѣваю.

Первый случай, по которому А. Н. Оленинъ обратилъ на

меня свое вниманіе, былъ слѣдующій. Въ 1822 г. императрица Марія Ѳедоровна пожелала имѣть сюжеты для живыхъ картинъ въ нѣсколькихъ экземплярахъ, предназначаемыхъ для раздачи участвовавшимъ въ живыхъ картинахъ. О такомъ желаніи государыни доведено было до свѣдѣнія Алексѣя Николаевича и онъ приказалъ выбрать нѣсколько учениковъ для рисованія упомянутыхъ сюжетовъ. Назначили меня, Матвѣева, Нодбека и Никитина. Императрица сама выбирала картины, бо́льшею частію Рембрандта и Вандика; мы ходили въ Эрмитажъ срисовывать ихъ.

Затѣмъ, по чьему-то порученію, въ 1823 г., потребовалось нарисовать пютерлакскую плитную ломку. Алексѣй Николаевичъ поручилъ совѣту академіи избрать для исполненія этой работы кого-либо изъ воспитанниковъ. Совѣтъ назначилъ меня. По окончаніи картины я лично передалъ ее Алексѣю Николаевичу, который остался ею очень доволенъ.

Но особенное свое вниманіе Алексѣй Николаевичъ обратилъ на меня въ то время, когда задана была программа на вторую золотую медаль. Надобно замѣтить, что, еще будучи въ натурномъ классѣ, я получилъ двѣ серебряныя медали. Теперь на 2-ю золотую медаль назначены были два сюжета: изобразить «крестьянское семейство» и «шашечную игру». Сюжеты рисовались въ общей залѣ, при чемъ не позволялось выходить изъ залы. Когда эскизы начерчивались, ихъ отдавали дежурному профессору, а на другой день они разсматривались въ собраніи совѣта. Съ 10-ти часовъ утра мы сѣли за работу. Нарисованные мною эскизы очень понравились совѣту и Алексѣю Николаевичу, такъ что мнѣ предложено было написать красками любой изъ нихъ. Я избралъ «крестьянское семейство», состоящее изъ 4-хъ фигуръ; эскизъ утвердили и я принялся писать программу. Это было въ февралѣ 1824 г.; натурщиками служили у меня: мужики, которые носили въ академіи дрова, старуха - нянька изъ лазарета и мальчикъ— сынъ сторожа. Профессора, подъ руководствомъ которыхъ я долженъ былъ работать, были А. Г. Варнекъ и С. С. Щукинъ; первый въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ не заглядывалъ ко мнѣ, и, слѣдовательно, не сдѣлалъ никакихъ указаній. С. С. Щукинъ слѣдилъ за моей работой; черезъ день онъ приходилъ ко мнѣ, указывалъ нѣкоторыя ошибки, но самъ, за дряхлостью лѣтъ, не могъ поправлять ихъ.

Передъ окончаніемъ программы, совѣтъ, въ полномъ составѣ, обходилъ кабинеты, гдѣ мы работали. Когда подошли къ моей картинѣ, то Варнекъ, указывая на голову старухи, сказалъ:

— Посмотрите, какъ я показалъ написать голову старухи.

— Неправда,—сказалъ на это Щукинъ,—ты четыре мѣсяца и не бывалъ здѣсь; я слѣдилъ за работой и знаю, что онъ все сдѣлалъ самъ.

Алексѣй Николаевичъ молча выслушалъ это и, обращаясь ко мнѣ, замѣтилъ:

— У тебя молоко написано плохо.

Олениннъ тутъ-же призвалъ нашего эконома и приказалъ ему отпускать мнѣ ежедневно на завтракъ кринку неснятаго молока.

Наконецъ, программы были окончены и выставлены въ залѣ Моя картина была въ 2 арш. ширины и въ $1^1/_2$ арш. вышины. Совѣтъ присудилъ было мнѣ первую золотую медаль, но кончилось тѣмъ, что рѣшили дать вторую. Щукинъ поздравилъ меня съ полученіемъ медали, при этомъ передалъ, что Варнекъ былъ противъ присужденія мнѣ первой медали, основываясь на томъ, что я моложе своихъ товарищей и шаловливѣе другихъ; по поводу этого, профессоръ И. П. Прокофьевъ сказалъ:

— По моему, будь хоть въ пеленкахъ, но если достоинъ— и дать.

Варнекъ на другой день говорилъ мнѣ:

— Я настоялъ, чтобы тебѣ дали вторую золотую медаль; черезъ полгода напишешь другую картину и тебѣ дадутъ первую.

Я оставленъ былъ при академіи пансіонеромъ для дальнѣйшаго усовершенствованія. Пансіонеры имѣли отдѣльныя комнаты, пищу получали наравнѣ съ воспитанниками, но могли не ходить въ общую столовую. Имъ полагалась шинель, выдавалось 75 руб. на мундиръ, и затѣмъ все прочее они имѣли казенное. Сравнительно съ воспитанниками, пансіонеры пользовались большею свободою; могли распоряжаться временемъ какъ угодно. Контроль надъ ихъ занятіями былъ довольно слабый; поэтому иные почти ничего не дѣлали.

Я принялся писать картину для полученія первой золотой медали. Задано было изобразить Спасителя съ фарисеями, по евангельской притчѣ о монетѣ. Работалъ долго и усердно, подъ руководствомъ тѣхъ же профессоровъ, что и на 2-ю медаль,

т. е. Варнека и Щукина, да еще А. Е. Егорова. Въ это время Щукинъ былъ уже очень слабъ; онъ приходилъ изрѣдка въ кабинетъ, пристально всматривался въ картину, высказывалъ дѣльныя замѣчанія и желалъ бы иногда лично сдѣлать нѣкоторыя поправки, но уже не могъ владѣть кистью. Варнекъ, напротивъ, мало обращалъ вниманія на мою работу, не дѣлалъ никакихъ указаній и постоянно находилъ въ моей картинѣ какіе-нибудь недостатки. Однажды, когда картина была почти уже окончена, Варнекъ сказалъ мнѣ:

— Голова Спасителя хороша, да божества нѣтъ.

Я сталъ безпокоиться, думать, какимъ бы образомъ выполнить требованіе Варнека. Чрезъ нѣсколько дней пришелъ ко мнѣ Егоровъ и, замѣтивъ мое смущеніе, спросилъ:

— Ты какъ-будто не спокоенъ?

— Александръ Григорьевичъ говоритъ, что въ написанной мною головѣ Спасителя нѣтъ божества, — отвѣчалъ я печально.

— Нѣтъ божества, — сказалъ Егоровъ, — да развѣ ты не знаешь, что Бога «никто же видѣ нигдѣ же». А ты вотъ что лучше сдѣлай: когда Варнекъ придетъ къ тебѣ, попроси его самого написать божество. Не безпокойся, оставь; голова такъ хороша, что и мнѣ лучше не написать.

Въ 1827 году картина была окончена. Чрезъ нѣсколько времени, ректоръ архитектуры, А. И. Мельниковъ, объявилъ мнѣ, отъ имени совѣта, что меня удостоили первой золотой медали и что мнѣ нужно ѣхать за границу. Я согласился. Скоро призвали меня въ совѣтъ и предложили отправиться за границу, только не въ Европу, а въ Пекинъ, на четыре года. Полагая, что такое путешествіе будетъ для меня не безполезно, я принялъ предложеніе. Алексѣй Николаевичъ тотчасъ же написалъ письмо къ извѣстному ученому Іакинфу Бичурину, многіе годы проведшему въ Китаѣ, и, отдавая мнѣ его, сказалъ:

— Съѣзди отъ моего имени къ отцу Іакинфу; онъ только что возвратился изъ Китая. Ты кое-о-чемъ распроси его.

На другой день, рано утромъ, я отправился къ о. Іакинфу. Онъ принялъ меня ласково, удержалъ до поздняго вечера и много разсказывалъ какъ о путешествіи въ Китай, такъ и о тамошней жизни. Отъ о. Іакинфа я узналъ, что въ Китаѣ мнѣ придется пробыть не 4 года, а по крайней мѣрѣ лѣтъ 12; въ случаѣ же

кончины нашего императора или китайскаго я рисковалъ остаться тамъ гораздо долѣе.

Кромѣ того, о. Іакинфъ разсказывалъ мнѣ о трудностяхъ, сопряженныхъ съ путешествіемъ въ Китай, о неудобствахъ жизни тамъ и т. д. Наконецъ, когда о. Іакинфъ узналъ, что у меня есть отецъ, мать и вообще родные, то прямо отсовѣтовалъ мнѣ предпринимать столь дальнее и рискованное путешествіе.

Явившись къ Алексѣю Николаевичу, я заявилъ, что не желаю ѣхать въ Китай, и передалъ слышанное отъ о. Іакинфа. Алексѣй Николаевичъ сказалъ мнѣ:

— Ты упрямишься; я сообщу объ этомъ совѣту академіи.

Такъ и сдѣлалъ. Совѣтъ постановилъ, что если я не желаю ѣхать въ Китай, то лишаюсь права на поѣздку за границу.

Я вышелъ изъ пансіонеровъ. Съ этихъ поръ академія почти меня забыла; не забылъ только Алексѣй Николаевичъ.

Когда я еще былъ пансіонеромъ академіи, совершились событія 14-го декабря. Наканунѣ этого дня, въ воскресенье вечеромъ, мы съ В. М. Самойловымъ отправились въ гости къ кн. А. А. Шаховскому, жившему въ Коломенской части. На вечерѣ было много и другихъ знакомыхъ Шаховскаго. Часу въ 11-мъ пріѣхалъ графъ Милорадовичъ, посидѣлъ нѣсколько времени и сталъ раскланиваться. Изъ присутствовавшихъ кто-то спросилъ его: куда онъ такъ торопится?

— Нельзя, — отвѣчалъ Милорадовичъ, — завтра будетъ новый императоръ.

Насколько я помню, никто не обратилъ на это особеннаго вниманія. Часу въ первомъ мы возвращались съ Самойловымъ домой. На встрѣчу намъ попадалось много ѣдущихъ на дрожкахъ и въ экипажахъ; вообще замѣчался на улицахъ необычный въ поздній часъ ночи шумъ и движеніе.

— Странно, — замѣтилъ Самойловъ, — такъ поздно и такой шумъ.

Я ночевалъ у отца. Поутру пришелъ ко мнѣ сторожъ съ приглашеніемъ немедленно явиться въ академію. Когда мы проходили по Синему мосту, то встрѣтили Николая Александровича Бестужева [1]); онъ былъ въ разстегнутомъ сюртукѣ, съ однимъ

[1]) Надобно замѣтить, что нѣкоторые изъ декабристовъ, какъ Бестужевы

эполетомъ, сабля на-голо; при немъ находился взводъ экипажа гвардіи, человѣкъ въ 20; они куда-то бѣжали. Это меня очень удивило. Придя въ академію, я нашелъ всѣхъ собравшимися въ залѣ для принятія присяги новому императору; поджидали только самого президента. Послышались выстрѣлы; нашъ академическій священникъ прибѣжалъ въ залъ и объявилъ, что на Исакіевской площади стрѣляютъ въ народъ. Нѣсколько человѣкъ, а въ томъ числѣ и я съ Ѳ. И. Іорданомъ, моимъ товарищемъ, побѣжали на площадь и стали на углу Адмиралтейскаго бульвара. Солдаты выстроились въ каре близъ памятника Петра I; народъ толпился и шумѣлъ. Такъ прошло часа полтора. Вдругъ разнесся говоръ, что ѣдетъ Милорадовичъ. Дѣйствительно, онъ прискакалъ верхомъ, врѣзался въ каре, началъ что-то говорить, зашатался и упалъ съ лошади. Толпа закричала: «Милорадовичъ убитъ!» Замѣтя, что сумятица увеличивается, мы поспѣшили въ академію, опасаясь, что, пожалуй, и намъ не сдобровать. Дѣйствительно, пальба усиливалась. Вотъ въ это-то время, какъ я слышалъ, Николай Павловичъ послалъ митрополиту Серафиму, находившемуся во дворцѣ, въ полномъ облаченіи, повелѣніе ѣхать на площадь и силою своего архипастырскаго слова убѣдить бунтовщиковъ смириться. Митрополитъ, не скидая облаченій, въ открытомъ экипажѣ поѣхалъ къ толпѣ. Когда онъ приблизился къ бунтовщикамъ и, вставши, хотѣлъ говорить, то они стали наводить на него ружья. Въ виду этого, Серафимъ приказалъ повернуть лошадей и возвратился во дворецъ.

Вечеромъ, когда все уже поутихло, я съ однимъ товарищемъ пошелъ къ кадетскому корпусу посмотрѣть, что дѣлается на Исакіевской площади. Лишь только мы перешли Румянцевскую площадь, какъ солдатъ закричалъ: «назадъ!» Спустились къ Невѣ; здѣсь опять закричали намъ: «назадъ!» Мы повернули въ противуположную сторону—опять: «назадъ!» Дѣлать нечего; пришлось идти обратно въ академію. Когда мы подошли къ ней со стороны 3-й линіи, то увидѣли лежащаго на панели раненаго стараго солдата Московскаго полка. Въ это время пріѣхалъ Оленинъ съ

Рылѣевъ, Сомовъ и другіе, бывали иногда у пансіонеровъ въ академіи художествъ, но никогда не проговаривались о тайномъ обществѣ, членами котораго состояли. Ѳ. С.

Бенкендорфомъ. Увидя солдата, Бенкендорфъ приказалъ часовому взять у раненаго ружье. Старый служака заплакалъ какъ ребенокъ.

— Ты бунтовщикъ? спросилъ его Бенкендорфъ.

— Нѣтъ, я — солдатъ, отвѣчалъ старикъ,— намъ что прикажутъ, то и дѣлаемъ.

Солдата отправили въ лазаретъ, а мы возвратились въ академію.

Любопытно также, что когда изъ пушекъ сдѣлано было нѣсколько выстрѣловъ съ Исакіевской площади поперегъ Невы по бѣгущимъ, то нѣсколько картечь влетѣло въ окна академіи и одна изъ нихъ, въ виду столпившихся учениковъ, разбила статую.

На другой день, послѣ принятія присяги императору Николаю I, часа въ 3, я пошелъ провѣдать отца. Исакіевская площадь была покрыта войсками; сенатъ оказался поврежденнымъ отъ пуль; на его стѣнахъ и на снѣгу виднѣлась кровь; на одномъ фонарномъ столбѣ развѣвался клокъ волосъ. Такъ какъ черезъ площадь не пропускали, то мнѣ и пришлось обойти ее.

Послѣ 14-го декабря никакихъ особенныхъ строгостей въ академіи не послѣдовало; все шло своимъ обычнымъ порядкомъ.

Мое знакомство съ петербургскимъ театромъ, особенно же съ актерами, началось съ 1824 г. Прежде всего я познакомился съ старикомъ Самойловымъ, который пригласилъ меня написать портреты его отца и матери. Вскорѣ послѣ этого, одна изъ дочерей его обучалась у меня рисованію. Въ семействѣ Самойловыхъ я принятъ былъ радушно и ласково. Самойловъ былъ большой хлѣбосолъ, любилъ приглашать товарищей на обѣды, послѣ которыхъ обыкновенно всѣ вмѣстѣ уѣзжали въ театръ. Жена Самойлова считалась хорошей актрисой; она играла въ водевиляхъ. Самъ старикъ былъ человѣкъ образованный, отличный теноръ и актеръ; когда онъ пѣлъ въ операхъ «Отецъ и дочь», весь театръ плакалъ на-взрыдъ. У Самойлова было два сына, Александръ и Василій, изъ коихъ послѣдній пользуется нынѣ столь заслуженною извѣстностію.

Я былъ также знакомъ съ Каратыгинымъ, Сосницкимъ, Семеновыми, Асенковой, Рамазановымъ, сына котораго, Николая Александровича, я опредѣлилъ въ академію, и др.

Сосницкій прекрасно игралъ роли первыхъ любовниковъ и

замѣчательно танцовалъ мазурку; его приглашали танцовать ко двору. Лучшими мазуристами считались графъ Милорадовичъ, графъ Соллогубъ и самъ государь Александръ Павловичъ.

Асенкова, актриса, была скромная дѣвушка, очень красива, удивительно хорошо сложена и имѣла прекрасный голосъ, хотя никогда не училась пѣнію. На сценѣ она держала себя просто, естественно, одѣвалась всегда соотвѣтственно роли. Асенкова имѣла страсть къ лошадямъ, ей дарили рысаковъ, на которыхъ ѣздила безумно и кончила тѣмъ, что лошади ее разбили. Умерла она, какъ извѣстно, очень молодою.

У извѣстнаго писателя кн. А. А. Шаховскаго я встрѣтился съ однимъ помѣщикомъ, нѣкіимъ А. А. Кологривовымъ, который былъ большой охотникъ до театра.

Кологривовъ былъ толстякъ, средняго роста, съ огромнымъ парикомъ, въ коричневомъ фракѣ. Бо́льшею частію онъ жилъ въ своей деревнѣ; когда же пріѣзжалъ по зимамъ въ Петербургъ, то обыкновенно привозилъ съ собою своихъ деревенскихъ актеровъ, музыкантовъ, пѣвчихъ и собакъ. Всѣ артисты Кологривова были подстрижены на одинъ ладъ и окрашены черной краской.

Когда Кологривова спрашивали: зачѣмъ онъ привозитъ въ Петербургъ актеровъ и пѣвчихъ, такъ какъ здѣсь есть хорошій театръ, то онъ отвѣчалъ:

— У меня на сценѣ, какъ я приду посмотрѣть, всѣ актеры и пѣвчіе раскланиваются, и я имъ раскланиваюсь; въ вамъ же придешь въ театръ, никто меня не замѣтитъ и не раскланяется.

Митрополитъ Серафимъ, бывало, спрашиваетъ Кологривова:

— Зачѣмъ у тебя на псарнѣ до 500 штукъ собакъ?

— Ахъ, преосвященный владыко,—отвѣчалъ Кологривовъ,— ты этого не поймешь: какъ тявкнувши мои псы разбредутся по кустамъ, да поднимутъ лай, такъ что твои пѣвчіе!

Такихъ чудаковъ въ мое время было не мало.

Ѳ. Г. Солнцевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВИССАРІОНЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ БѢЛИНСКІЙ.

Новыя данныя для его біографіи.

III [1]).

По исключеніи изъ университета.—Попытка занять мѣсто уѣзднаго учителя въ Бѣлорусскомъ округѣ.—Занятія въ Москвѣ.—Надеждинъ.

1832—1834.

По исключеніи изъ университета, Бѣлинскій очутился въ крайней нуждѣ. Родительская помощь была, очевидно, далеко недостаточна. Но главное—Бѣлинскій думалъ найти какія-нибудь занятія, которыя давали бы ему хоть кое-какія средства къ жизни, хотѣлъ самъ какъ-нибудь обезпечить свое положеніе, стать на свои собственныя ноги. „Я не щадилъ себя,—говоритъ онъ объ этомъ времени,—употреблялъ всѣ усилія къ достиженію своей цѣли, ничего не упускалъ, хватался за каждую соломенку...“

Извѣщая родителей объ исключеніи изъ университета, Бѣлинскій въ тоже время писалъ имъ о своемъ житьѣ-бытьѣ, о своихъ занятіяхъ, планахъ и надеждахъ. Такъ, онъ извѣщалъ, что на первыхъ порахъ послѣ исключенія онъ поселился у одного изъ своихъ родственниковъ (гдѣ прожилъ около полтора года), пріобрѣлъ себѣ „кое-какую фрачную пару и прочія необходимости“. Купилъ одинъ французскій романъ въ 4-хъ частяхъ [2]). „Къ Рождеству (1831 г.),—писалъ Бѣлинскій,—съ великими трудами, просиживая иногда напролетъ цѣлыя ночи, а во время дня не слѣзая съ мѣста, перевелъ его, въ надеждѣ пріобрѣсти рублей 300. Но фортуна и тутъ прежестоко подшутила надо мной: въ газетахъ было объявлено о другомъ переводѣ сего са-

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1876 г., томъ XV, стр. 46–87.

[2]) «Монфермельская молочница»—Поль-де-Кока.

маго сочиненія, и потому я едва-едва могу получить 100 р. асс.". Потомъ Бѣлинскій намѣревался уѣхать „на кондицію въ Вологду къ одному помѣщику за 600 р." и въ Орловскую губернію за 1,200 р. Въ половинѣ великаго поста (1832 г.) Бѣлинскій „познакомился съ профессоромъ Надеждинымъ и началъ переводить въ его журналъ „Телескопъ". „На страстной недѣлѣ, — разсказываетъ Бѣлинскій, — пріѣхалъ въ Москву попечитель Бѣлорусскаго учебнаго округа дѣйствительный статскій совѣтникъ и кавалеръ Григорій Ивановичъ Карташевскій, и издатель „Телескопа" попросилъ его, чтобы онъ далъ мнѣ мѣсто учителя въ Бѣлоруссіи. Я представлялся ему и, по его назначенію, подалъ ему разсужденіе, и онъ, наконецъ, сказалъ мнѣ, что такъ какъ всѣ бѣлорусскія училища состоятъ на правахъ гимназій, то прямо принять меня въ какое-нибудь изъ нихъ нельзя, но что онъ въ скоромъ времени долженъ открыть нѣсколько уѣздныхъ училищъ; а что до сего времени я долженъ пробыть въ какомъ-нибудь изъ приходскихъ на 400 р. жалованья... И такъ, 27-го апрѣля[1]) я подалъ ему просьбу, и онъ хотѣлъ было черезъ два дня отправить меня въ Бѣлоруссію... Этою поспѣшностію онъ хотѣлъ доставить мнѣ рублей 40 денегъ на дорогу...[2]). Но послѣ увидѣвъ, что у меня нѣтъ ни копѣйки своихъ денегъ, для того, чтобы запастись одеждою и другими необходимыми вещами, онъ сказалъ мнѣ, что онъ ѣдетъ въ Петербургъ и тамъ постарается выхлопотать мнѣ рублей 150 награжденія и уже оттуда пришлетъ мнѣ свое рѣшеніе...". Сообщивши обо всемъ этомъ родителямъ, равно какъ и объ обстоятельствахъ своего исключенія (о которыхъ сказано выше), Бѣлинскій говоритъ: „Вотъ вамъ моя исторія; она не полна, ибо я умалчиваю здѣсь о многомъ, многомъ, перенесенномъ мною въ продолженіе этого года. Теперь-же только одна мысль, что все это можетъ сильно огорчить васъ — убиваетъ меня, а особенно то, что я передъ отъѣздомъ не могу повидаться съ вами. О протчемъ же ни мало не безпокоюсь; исключеніе же изъ университета даже нѣкоторымъ образомъ радуетъ меня, ибо я теперь увѣренъ, что не попаду безъ всякаго суда въ солдаты за какую-нибудь бездѣлицу; притомъ же если я съ годъ прослужу хорошо въ уѣздномъ училищѣ, то непремѣнно буду въ гимназіи лѣтомъ, а на эти мѣста много охотниковъ даже изъ своекоштныхъ кандидатовъ....."

....."У меня и по сю пору голова идетъ кругомъ, и я не могу опомниться. Въ иной день придется обѣгать по Москвѣ верстъ 20;

---

[1]) Все того же 1832 г.

[2]) Бѣлинскому предстояло ѣхать вдвоемъ, платя прогоны за одну пару лошадей.

дѣлъ пропасть. Безпрестанно пишу, перевожу, держу корректуру „Магдалины“ [1]), словомъ, не знаю куда и сунуться...“

По всему видно, что главная надежда относительно поправленія своихъ денежныхъ обстоятельствъ въ это время была у Бѣлинскаго на предложеніе Карташевскаго занять мѣсто уѣзднаго или приходскаго учителя въ Бѣлоруссіи. При полученіи этого мѣста, Бѣлинскій хотѣлъ даже взять къ себѣ меньшаго своего брата Никанора, мальчика очень способнаго, но весьма испорченнаго нравственно, который причинялъ въ послѣдствіи много заботъ и безпокойства Бѣлинскому. Мало того, въ званіи учителя онъ думалъ оказывать денежную помощь и старшему своему брату Константину Григорьевичу въ томъ случаѣ, если бы онъ, переѣхавши на службу изъ Чембара въ Москву, не нашелъ въ первое время мѣста.

Прошло полтора года, а отъ Карташевскаго не было никакого извѣстія. „Завтра, — писалъ Бѣлинскій матери отъ 20-го сентября 1833 г., — я посылаю отъ себя самое настоятельное письмо къ его превосходительству, въ коемъ рѣшительно прошу его или прислать свое рѣшеніе въ самомъ скоромъ времени, или прислать мнѣ назадъ мои документы“. Побужденіемъ къ этому было, главнымъ образомъ, то обстоятельство, что въ это время оставались не занятыми многія учительскія мѣста въ Московской губерніи и что Бѣлинскому, „при посредствѣ Надеждина, не стоило-бы никакого труда занять одно изъ нихъ“. Въ Бѣлорусскомъ округѣ Бѣлинскій расчитывалъ на первое время занять мѣсто въ 400 р., тогда какъ здѣсь „жалованье выдавалось по новому окладу, и самое послѣднее (мѣсто) состоитъ изъ 700 р.“. Но „настоятельное письмо“ не имѣло никакого дѣйствія и Бѣлинскій послалъ Карташевскому офиціальное прошеніе о возвращеніи ему документовъ. Черезъ полгода, а именно въ маѣ 1834 г., Карташевскій прислалъ Бѣлинскому его бумаги, при чемъ предлагалъ, „чрезъ родственника своего Аксакова“, лучшее мѣсто сравнительно съ тѣмъ, на какое соглашался Бѣлинскій поступить прежде. Бѣлинскій отклонилъ это предложеніе, такъ какъ, по его взгляду, невозможно было „служить подъ такимъ любезнымъ начальникомъ“, какъ Карташевскій. Къ тому же, Бѣлинскій теперь не хотѣлъ разстаться съ Москвой „ни за всѣ блага въ мірѣ“.

Кстати замѣтимъ здѣсь, что Бѣлинскому очень нравилась Москва; онъ никакъ не хотѣлъ промѣнять ее на Петербургъ, къ которому относился вообще недовѣрчиво. Поэтому, напримѣръ, въ то время, когда В. Г. рѣшился поступить на службу въ Бѣлоруссію, то такое рѣшеніе объ-

[1]) Романъ Поль-де-Кока «Магдалина» напечатанъ былъ въ 1833 г.

ясняетъ единственно нуждой и безъисходностью своего положенія; при томъ же онъ надѣялся пробыть на службѣ много года съ два, а потомъ возвратиться въ любезную Москву, въ которой „хотѣлъ жить и умереть“. На это у Бѣлинскаго были свои болѣе или менѣе уважительныя причины. Такъ, въ письмѣ къ брату Константину Григорьевичу (20-го сентября 1833 г.) онъ, между прочимъ, пишетъ:

... „О себѣ скажу тебѣ, что я живу довольно хорошо для своихъ обстоятельствъ. Связь съ моимъ любезнымъ Петровымъ и многими другими, можно сказать, отборными по уму, образованности, талантамъ и благородству чувствъ молодыми людьми, заставляетъ меня иногда забывать о моихъ несчастіяхъ. Въ семействѣ Петрова я принятъ, какъ родной. Его мать, добрая, умная и любезная старушка, для меня истинно вторая мать. Также я знакомъ съ одною изъ его сестеръ (которыя всѣ очень воспитанныя дѣвицы); она недавно уѣхала въ Тулу, въ гувернантки въ одинъ домъ. Черезъ Петровыхъ я познакомился съ домомъ одного помѣщика Зыкова, гдѣ тоже очень хорошо принятъ и обласканъ. Въ этомъ домѣ много барышень: ты догадаешься, что по этой причинѣ я съ большимъ удовольствіемъ провожу тамъ время. 17-го сентября (1833 г.) я былъ у нихъ на имянинахъ, немного танцовалъ, немного былъ пьянъ, ужиналъ, волочился, куртизанилъ... и былъ счастливъ. Скажу тебѣ, что московскій свѣтъ рѣзко отличается отъ чембарскаго простотою, бо́льшею свободою въ обращеніи и отсутствіемъ глупыхъ церемоній, какъ-то подхожденія къ рукѣ и прочаго. Вообще, тамъ менѣе можно конфузиться, нежели у васъ. Тамъ лучше умѣютъ цѣнить достоинства, и лучше вашего умѣютъ наслаждаться удовольствіями. А барышни? О, какая разница съ вашими! Мнѣ казалось, что я былъ перенесенъ въ какой то другой, досель безвѣстный мнѣ міръ. Сверхъ сего, я еще имѣю хорошихъ знакомыхъ въ томъ домѣ, гдѣ живетъ Григорьевъ (Н. Львовичъ). Хозяинъ онаго управляетъ имѣніемъ Зыкова. Жена его и дѣти предобрѣйшіе люди и принимаютъ меня совершенно какъ роднаго... Видишь-ли, сколько у меня въ Москвѣ знакомствъ и связей? О, Москва. Москва! жить и умереть въ тебѣ, бѣлокаменная — есть верхъ моихъ желаній. Признаться, братъ, разстаться съ Москвою для меня все равно, что разстаться съ раемъ...“

Но, кромѣ пріятныхъ знакомствъ, у Бѣлинскаго были и другія основанія оставаться въ Москвѣ. Не говоря уже о широкихъ умственныхъ интересахъ, удовлетворять которымъ Бѣлинскій могъ только здѣсь, у него начало выясняться его положеніе. „Черезъ мѣсяцъ, много-много черезъ два, участь моя рѣшится“,—писалъ Бѣлинскій брату въ январѣ 1834 г. О какомъ именно рѣшительномъ обстоятельствѣ

говоритъ Бѣлинскій — изъ письма не видно. Между тѣмъ труды Бѣлинскаго стали окупаться. Такъ, въ письмѣ къ матери отъ 25-го мая 1834 года онъ сообщаетъ, что за переводъ [1]) получилъ 200 руб., на которые пріобрѣлъ себѣ нѣкоторыя вещи, необходимыя въ житейскомъ обиходѣ. Затѣмъ, онъ давалъ частные уроки, съ которыхъ получалъ 64 р. въ мѣсяцъ [2]). Кромѣ того, Бѣлинскій былъ занятъ хлопотами о томъ, „какъ бы достать мѣсяца на полтора работки ста на три", надѣялся, при ходатайствѣ Надеждина, получить мѣсто младшаго учителя въ одной изъ московскихъ гимназій, занять должность корректора въ университетской типографіи, благодаря тому же Надеждину, на котораго Бѣлинскій надѣялся вообще „какъ на каменную гору".

Теперь Бѣлинскій занималъ уже отдѣльную комнату, „за которую, вмѣстѣ со столомъ и чаемъ, платилъ 40 р. въ мѣсяцъ". „Я внѣ себя отъ восхищенія,—писалъ онъ по этому поводу,—что нанялъ квартиру, гдѣ тишина и уединеніе даютъ мнѣ совершенную возможность заниматься науками... Теперь я начинаю дышать посвободнѣе, начинаю отдыхать отъ тяжелой ноши горестей и безпрерывныхъ бѣдъ, подъ тяжестію которыхъ чуть было не утратилъ совершенно и душевнаго, и тѣлеснаго здоровья". „Вообще,—говоритъ онъ въ другомъ письмѣ,— мои дѣла идутъ съ каждымъ днемъ лучше: будущность представляется мнѣ въ самой пріятной перспективѣ..."

Мы упомянули, что Бѣлинскій сильно надѣялся на Надеждина; надежда въ этомъ случаѣ не обманула его. Въ письмѣ къ брату, отъ 17-го августа 1834 г., онъ сообщалъ: „Я перебрался къ Надеждину и живу у него уже двѣ недѣли. Жить мнѣ очень недурно; у меня особенная комната.... и такъ я совершенно обезпеченъ со стороны содержанія. 9-го числа нынѣшняго мѣсяца (въ четвертокъ) подалъ я просьбу о поступленіи въ службу на корректорское мѣсто. Ректоръ ее принялъ, и по всему видно, что дѣло недѣли черезъ три-четыре кончится въ мою пользу, и я буду пользоваться казенною квартирою, 1,000 руб. жалованья (о чинахъ не хлопочу; это въ моихъ глазахъ сущій вздоръ: деньги лучше). Вотъ видишь-ли, и на моей улицѣ настаетъ праздникъ; терпѣлъ, терпѣлъ, да и вытерпѣлъ. Теперь Надеждинъ уѣхалъ (14-го числа) ревизовать Тульскую и Рязанскую

---

[1]) «Магдалины».

[2]) Въ письмѣ говорится, что Бѣлинскій этими уроками приготовлялъ двухъ молодыхъ людей въ университетъ. Вѣроятно, одинъ изъ нихъ — К. Д. Кавелинъ, о которомъ упоминаетъ г. Пыпинъ. («Опытъ біографіи», «В. Е.», 1874 г., іюнь, стр. 609–610).

губерніи, и поручилъ мнѣ журналъ и домъ, гдѣ я теперь полный хозяинъ.... пользуюсь его библіотекою, и живу припѣваючи....“

„Надеждинъ, тотчасъ по возвращеніи изъ своего вояжа, переѣдетъ въ домъ Сухово-Кобылина, а если къ тому времени я не получу казенной квартиры, то и я съ нимъ. Этотъ домъ извѣстенъ въ Москвѣ своею образованностію, и мнѣ очень бы хотѣлось пожить тамъ немножко, чтобы приглядѣться на beau-monde. Теперь я, по рекомендаціи Надеждина, приготовляю къ университету изъ исторіи князя Волконскаго; у него отца нѣту, а мать предобрая старушка и очень ласкаетъ меня“.

Изъ этого видно, что положеніе Бѣлинскаго къ концу 1834 г. представлялось, сравнительно, довольно благопріятнымъ. Теперь Бѣлинскій вполнѣ могъ повторить слова, сказанныя имъ годъ тому назадъ своей матушкѣ: „Я нигдѣ и никогда не пропаду. Несмотря на всѣ гоненія жестокой судьбы — чистая совѣсть, увѣренность въ незаслуженности несчастій, нѣсколько ума, порядочный запасъ опытности, а болѣе всего нѣкоторая твердость въ характерѣ — не дадутъ мнѣ погибнуть. Не только не жалуюсь на мои несчастія, но еще радуюсь имъ: собственнымъ опытомъ узналъ я, что школа несчастія есть самая лучшая школа. Будущее не страшитъ меня. Перебираю мысленно всю жизнь мою и хотя съ какимъ-то горестнымъ чувствомъ вижу, что я ничего не сдѣлалъ хорошаго, замѣчательнаго, за то не могу упрекнуть себя ни въ какой низости, ни въ какой подлости, ни въ какомъ поступкѣ, клонящемся ко вреду ближняго...“ (письмо 20-го сентября 1833 г.).

Но если матеріальное положеніе Бѣлинскаго нѣсколько устроилось, внѣшнія обстоятельства его поправились, то, съ другой стороны, отношенія его къ роднымъ были далеко неутѣшительны. „По отъѣздѣ въ Москву,—говоритъ г. Пыпинъ,—Бѣлинскій постоянно, хотя не совсѣмъ правильно, переписывался съ домашними.... Въ письмахъ изъ дому и отъ родныхъ онъ получалъ свѣдѣнія о бытѣ своей семьи, нерѣдко въ выраженіяхъ столь же возмутительныхъ, какъ и изображаемые ими предметы. Эти корреспонденціи, иногда писанныя, очевидно, безъ вѣдома отца, должны были вновь растравлять то тягостное чувство, которое и безъ того осталось отъ прежней жизни дома. Нѣкоторыя изъ этихъ писемъ до такой степени отличаются наивной до цинизма откровенностію или раздраженіемъ, что чтеніе ихъ могло быть для Бѣлинскаго только пыткой. Мы не имѣли въ рукахъ отвѣтныхъ писемъ Бѣлинскаго“.... [1]).

Нѣкоторыя изъ этихъ писемъ находятся теперь въ нашемъ распо-

[1]) «Опытъ біографіи», «Вѣстникъ Европы» 1874, мартъ, стр. 227.

ряженіи и мы считаемъ необходимымъ обратить на нихъ вниманіе, тѣмъ что, по справедливому замѣчанію г. Пыпина, обстоятельства домашней болѣе, живни наложили суровую печать на характеръ Бѣлинскаго.

IV.

Отношенія къ роднымъ.—Заботы объ устраненіи несогласій въ семьѣ.—Наставленія брату.—Кончина родителей.

1831—1835.

Выше мы имѣли случай неоднократно упоминать, что отношенія собственно родителей къ Бѣлинскому не отличались нѣжностію, любовью или расположеніемъ; напротивъ, постоянные упреки, оскорбительные выговоры и замѣчанія, даже брань приходилось выслушивать сыну. Здѣсь мы приведемъ одинъ отрывокъ изъ письма Бѣлинскаго, характерный собственно въ томъ отношеніи, что онъ показываетъ какъ взглядъ Бѣлинскаго на родительскую власть вообще, такъ и отношеніе его къ родительскимъ упрекамъ, брани и т. п.

Еще въ то время, когда всѣ помышленія Бѣлинскаго заняты были сочиненіемъ трагедіи, при чемъ онъ былъ очень скупъ на переписку, родители, особенно матушка, сильно упрекали за это Бѣлинскаго, и одной знакомой, отправлявшейся тогда въ Москву, поручили разбранить его. По этому поводу Бѣлинскій (17-го февраля 1831 г.) писалъ:

„Изъ письма Катерины Петровны [1]), а болѣе чрезъ Лукерью Савельевну, я узналъ, что вы сильно на меня негодуете. Эти непріятныя извѣстія сколько опечалили меня, столько и привели въ большое недоумѣніе, тѣмъ болѣе, что я ихъ совсѣмъ не ожидалъ. Правда, я давно не писалъ къ вамъ; но позвольте спросить васъ: о чемъ и какъ мнѣ было писать къ вамъ? Увѣрять васъ въ своей почтительности, любви, преданности, осыпать васъ нѣжными названіями—я не могу, ибо почитаю это ничѣмъ инымъ, какъ подлымъ ласкательствомъ, какъ низкимъ средствомъ выманивать у васъ деньги. Я не умѣю нѣжничать, но умѣю чувствовать и думаю, что священное чувство любви и уваженія къ родителямъ состоитъ не въ словахъ, а въ поступкахъ; заключается не въ мертвой бумагѣ, но въ душѣ пламенной, доступной для благородныхъ и возвышенныхъ впечатлѣній. Писать же къ вамъ такимъ образомъ: „при сей вѣрной оказіи я не могъ преминовать, чтобы не засвидѣтельствовать вамъ моего всенижайшаго почтенія и увѣдомить васъ, что я, слава Богу, живъ и здоровъ, чего и вамъ

---

[1]) Пріятельница Бѣлинскаго, свѣтлая и умная личность, къ которой онъ былъ очень привязанъ.

желаю,—а впрочемъ уповаю на благость Всевышняго", я не могу и не смѣю: ибо это значило бы надсмѣхаться надъ вами. Не подумайте, что я для того пишу, чтобы загладить мой проступокъ, вымолить у васъ прощеніе, подластиться къ вамъ и заставить васъ этимъ прислать мнѣ денегъ. Нѣтъ! Я слишкомъ гордъ, слишкомъ благороденъ, чтобы извиваться передъ вами ужомъ и жабою изъ такого низкаго и подлаго побужденія... Цѣль моего письма есть—оправдаться передъ вами не какъ передъ людьми, отъ которыхъ я могу получить нѣсколько денегъ, но какъ передъ людьми, которымъ я обязанъ моимъ существованіемъ. Къ моему величайшему прискорбію, я вижу, что вы почитаете меня мальчишкою, который по тому только забываетъ васъ, что не зависитъ отъ васъ въ разсужденіи содержанія и свободенъ отъ вашего вліянія тѣмъ разстояніемъ, которою раздѣляетъ его съ вами. Однимъ словомъ: вы почитаете меня мальчишкой, который вышелъ изъ училища и, встрѣтившись на улицѣ съ прежнимъ своимъ учителемъ, дразнитъ его языкомъ, зная, что онъ не можетъ уже высѣчь его розгами. Повѣрьте, что сынъ вашъ заслуживаетъ лучшаго о себѣ мнѣнія, нежели какое вы о немъ имѣете. Гдѣ бы я ни жилъ, чѣмъ бы я ни былъ—я всегда буду почитать священнѣйшею обязанностію быть добрымъ сыномъ, любить и уважать своихъ родителей и признавать надъ собою ихъ власть, которая есть важнѣе, законнѣе и священнѣе всѣхъ властей въ мірѣ. Я не хочу философски изслѣдовать, есть-ли любовь и уваженіе къ родителямъ чувство, внушенное природою, или оно есть слѣдствіе внушенныхъ съ младенчества правилъ, или что-нибудь другое. Я способенъ питать это чувство, почитаю его святымъ, возвышеннымъ: этого для меня довольно. Вы.... не должны подозрѣвать меня въ низости чувствъ и подлости образа мыслей. Опять повторяю вамъ, что я не мальчишка, котораго должно сѣчь, чтобы заставить хорошо вести себя, не грубый мужикъ, котораго должно бить дубиною, чтобы заставить что-нибудь почувствовать. Вы, маменька, просили Лукерью Савельевну обругать меня вашимъ именемъ: радуйтесь и веселитесь! Она съ дипломатическою точностію повторила мнѣ ваши ласковыя и благородныя слова. Я не хочу говорить вамъ о неприличности этихъ словъ, о крайнемъ неблагородствѣ и низости выраженій; замѣчу только мимоходомъ, что это уже слишкомъ, слишкомъ.... Но мнѣ уже не привыкать къ подобнымъ поступкамъ со стороны моихъ родителей..... Не хочу договаривать: можетъ быть, и сами поймете...."

Такъ, къ подобнаго рода отношеніямъ Бѣлинскому было не привыкать стать и хотя съ сердечной болью, но онъ терпѣливо сносилъ ихъ. Гораздо больше безпокойства и горя причиняли ему извѣстія о

безпрерывныхъ ссорахъ и несогласіяхъ между родителями, о не совсѣмъ благовидныхъ поступкахъ отца и раздражительности матери, о дурныхъ отношеніяхъ ихъ къ дѣтямъ и вообще о семейныхъ раздорахъ.... Бѣлинскій близко принималъ къ сердцу эти семейныя распри, всѣми силами старался устранить ихъ и водворить согласіе, миръ и тишину въ семьѣ. Онъ дѣйствовалъ на домашнихъ убѣжденіемъ, нѣжными просьбами, благоразумными совѣтами, суровымъ укоромъ и осужденіемъ. Такъ, 21-го мая 1832 г., Бѣлинскій писалъ отцу:

„Моя послѣдняя къ вамъ мольба, мой единственный къ вамъ завѣтъ: водворите миръ и тишину въ своемъ семействѣ, прекратите эти вѣчныя и ни къ чему не ведущія несогласія. Прошедшаго воротить нельзя и вамъ уже поздно теперь считаться между собою. Ваша жена— намъ мать, а это слово не пустой, безсмысленный звукъ!... Смерть каждаго изъ васъ будетъ равно гибельна для вашихъ дѣтей: такъ берегите же себя взаимно, если не для самихъ себя, то для насъ. И такъ на землѣ много горя, много бѣдствій: для чего же усугублять ихъ по своему произволу? У васъ дочь невѣста; кто захочетъ избавить васъ отъ этого бремени, если общественное мнѣніе изречетъ неблагопріятный приговоръ вашему семейству? Я никогда не повѣрю, чтобы вы, по своей душѣ и сердцу, желали быть виновникомъ вѣчнаго несчастія своей дочери; да и не дай Боже когда-нибудь увѣриться мнѣ въ подобной мысли! А бѣдный, несчастный Никаноръ! Какъ жаль, что я не могу его взять съ собою, что я не могу сдѣлать для него всего того, чтобы могъ для него сдѣлать! А отъ этого парня, право, былъ бы прокъ. Кровь стынетъ въ моихъ жилахъ, когда я только подумаю о томъ, что мнѣ пишутъ объ немъ и говорятъ всѣ чембарскіе... Не сердитесь на меня за то, что, говоря съ вами, я люблю пускаться въ мораль: у кого что болитъ, тотъ о томъ и твердитъ. Не сомнѣвайтесь, что истинная любовь и усердіе какъ къ благу всего нашего семейства, такъ и вашего собственнаго,— водитъ перомъ моимъ....“

Между тѣмъ до Виссаріона Григорьевича продолжали доходить грустныя вѣсти о жертвоприношеніяхъ Бахусу, которымъ отецъ началъ сильно предаваться, и объ измѣненіи его характера къ худшему, а съ этимъ вмѣстѣ представлялось больше поводовъ къ семейнымъ неудовольствіямъ. Вотъ письмо Бѣлинскаго къ брату (21-го іюня 1832 г.), въ которомъ почти исключительно идетъ рѣчь о тяжелыхъ обстоятельствахъ домашней жизни:

„Съ каждымъ письмомъ твоимъ ты вливаешь въ мою душу по капелькѣ яду. Маменька безпрестанно плачетъ, сама не зная о чемъ и не думая, что она этими слезами можетъ безвременно убить себя и лишить несчастное семейство матери. Хотя о папенькѣ ты ничего

не пишешь (что весьма странно), но я слышалъ объ немъ ужасную исторію, которая чрезвычайно непріятное сдѣлала на меня впечатлѣніе, хотя и не удивила. Я давно предвидѣлъ, что рано или поздно, а ужъ должно было случиться съ папенькой что-нибудь подобное. При всей откровенности и благородствѣ характера, при добромъ сердцѣ, онъ страждетъ ужаснымъ недугомъ—подозрительностію.... разумѣется, пустою и неосновательною. Ему кажется, что его жена, его дѣти, его родные всѣ стоятъ около него съ поднятыми ножами, готовые пронзить его вдругъ и только ждущіе благопріятнаго мгновенія.... Ему мнится, что весь міръ противъ него въ заговорѣ, тогда какъ міръ и не думаетъ дѣлать ему зло, ибо всѣ люди заняты самими собой и дѣлаютъ зло другимъ людямъ изъ выгодъ, а что за выгоды и за пользы дѣлать зло папенькѣ?..... Отчего происходитъ такая ужасная недовѣрчивость къ людямъ? Оттого, что онъ имѣетъ самое дурное мнѣніе о людяхъ: они ему кажутся или подлецами, или дураками. Онъ не вѣритъ ни честности женщинъ, ни добросовѣстности мужчинъ и, между тѣмъ, о себѣ, вѣрно, самаго лучшаго понятія, какъ-будто бы на цѣломъ земномъ шарѣ онъ одинъ истинно благородный человѣкъ. Подозрительными людей дѣлаютъ обыкновенно великія несчастія, а какія несчастія претерпѣлъ отъ людей папенька? Если онъ страдалъ и теперь страдаетъ,—это отъ самаго себя; онъ есть лютѣйшій врагъ, мучитель и тиранъ самого себя: не люди, а самъ онъ виноватъ въ своихъ несчастіяхъ.... конечно, онъ имѣлъ и имѣетъ враговъ, но какихъ враговъ! Да и кто ихъ не имѣетъ?.... Я предвижу ужасныя слѣдствія, ужасныя несчастія, угрожающія и безъ того несчастному нашему семейству, если папенька, внявъ голосу разсудка, не перемѣнитъ своего несчастнаго характера! Сохрани Господи, ежели.... что будетъ съ вами!... О себѣ я не безпокоюсь; я живу, живу, сношу терпѣливо мою судьбу, берегу себя, удаляюсь отъ всего, что можетъ сдѣлать меня несчастнымъ, не для себя, а для своего семейства; для него только желаю я себѣ и долголѣтія, и счастія, и здоровья, и богатства; для него единственно я сохраняю бодрость, стараюсь не упасть духомъ и выпутаться изъ оковъ, меня обременяющихъ! Для чего вы всѣ того же не дѣлаете? Сколько разъ просилъ я маменьку, чтобы она старалась укрощать свой пылкій до дикости и неистовства характеръ, сносила бы съ терпѣніемъ и кротостію, приличными всякой истинно благородной женщинѣ и доброй женѣ и матери семейства, всѣ несправедливости папеньки, старалась бы избѣгать съ нимъ всякихъ безполезныхъ ссоръ и тушить пламя въ самомъ его началѣ, старалась бы сохранять спокойствіе духа и твердость характера, отъ которыхъ зависитъ и тѣлесное и душевное здоровье, а слѣдовательно, и счастіе:

берегла бы себя для своихъ дѣтей, для своего семейства, исполняла бы всѣ обязанности, предписываемыя женамъ божественными и человѣческими законами! И все тщетно! Мое усердіе и мои благіе совѣты она назвала грубостію и непочтеніемъ къ матери. Сколько разъ, также тщетно, я просилъ и говорилъ папенькѣ.... Такъ, люби и почитай родителей,—я это всегда тебѣ совѣтую; но, несмотря на то, я имѣю право сказать, что наши несчастія зависятъ отъ нихъ, что они и себя, и насъ губятъ. Они не знаютъ своихъ обязанностей, они не знаютъ, что они принадлежатъ не самимъ себѣ, а отечеству и дѣтямъ, что они должны дышать для дѣтей своихъ, стараться образовать изъ нихъ добрыхъ гражданъ для отечества,—это законъ природы, законъ Бога и самихъ людей. Они нимало не щадятъ самихъ себя, гонятъ другъ друга къ гробу, разстраиваютъ свое здоровье и душевное спокойствіе....." [1]).

Бѣлинскій-отецъ не думалъ исправляться; положеніе жены и дѣтей становилось день ото дня безотраднѣе. Извѣстія, болѣе и болѣе мрачныя, приходили къ Бѣлинскому изъ дому. Онъ, конечно, не оставался безучастнымъ къ семейному горю. Въ письмѣ къ матери, отъ 20-го февраля 1833 г., Бѣлинскій писалъ:

„Письмо ваше, отъ декабря 10-го прошедшаго года, я получилъ, равно какъ и приложенный при оном тостинецъ, за который и благодарю васъ; онъ показался мнѣ гораздо вкуснѣе и пріятнѣе вашего письма, которое я никакъ не могъ проглотить, ибо оно остановилось у меня въ самомъ горлѣ, да и теперь еще стоитъ въ немъ. Ну, маменька, подлинно, что лакомый кусъ! Впрочемъ, я уже привыкъ къ подобнымъ домашнимъ гостинцамъ; только мнѣ кажется, что они, что ни далѣе, все становятся солонѣе, а это не къ добру. Мною не нашутку начинаютъ овладѣвать какія-то зловѣщіи предчувствія. Папенька съ нѣкотораго времени началъ разыгрывать драму, которой развязка меня ужасаетъ. Я увѣренъ, что онъ или находится на высочайшей точкѣ отчаянія, похожаго на какое-то сатанинское ожесточеніе

---

[1]) «Дома старайся избѣгать всѣми мѣрами неудовольствій; гдѣ смолчи, какъ будто не разслушалъ, гдѣ отойди, какъ будто нужно идти куда, а когда не избѣгнешь, то терпи, помня, что все къ лучшему!.... Прими эти наставленія съ тѣмъ же чувствомъ, съ какимъ я писалъ ихъ»... и пр. (29-го сентября 1831 г.).

Брату Константину Григорьевичу, относительно его обращенія съ отцомъ и вообще поведенія въ семьѣ, Бѣлинскій писалъ: «Будь къ отцу почтителенъ, вѣжливъ, услужливъ, старайся предупреждать всѣ его желанія; ежели онъ обидитъ тебя словомъ или дѣломъ, не ропщи, не жалуйся, не помни зла, сноси терпѣливо и помни, что онъ твой отецъ и что ему судья одинъ Богъ и собственная его совѣсть....» (15-го октября 1831 г.).

Подобныя наставленія не рѣдки въ письмахъ В. Г. Бѣлинскаго.

противъ всего существующаго, или уже близокъ къ совершенному сумасшествію. Я не зналъ, что мнѣ дѣлать: смѣяться или плакать, когда узналъ о его прекрасномъ намѣреніи бросить, на старости лѣтъ, домъ, жену, дѣтей и опредѣлиться въ армію, чтобы, подобно извѣстному герою Донъ-Кихоту, пуститься въ свѣтъ для отысканія рыцарскихъ приключеній. Вы догадаетесь, что подобная увѣренность въ помѣшательствѣ ума моего отца нимало меня не радуетъ. Будущее представляется мнѣ въ какой-то ужасной перспективѣ, а въ настоящемъ я также не слишкомъ много нахожу для себя утѣшительнаго.... Но, несмотря на все это, я скорѣе соглашусь приклеить себѣ ослиныя уши и написать на своемъ лбу, что я дуракъ, нежели предаваться безвременному отчаянію. Если бы всѣ мои старанія—дать благопріятный оборотъ своимъ худымъ обстоятельствамъ—остались тщетными, то и тогда бы я не сталъ ни плакать, ни жаловаться, но, напротивъ, скрѣпивъ свое обливающееся кровію сердце, съ насильственною на лицѣ улыбкою, принималъ бы удары судьбы. Совѣтую и вамъ поступать также. Смѣйтесь, хохочите, когда сердце ваше разрывается на милліоны частей; пойте, когда душа ваша желала бы вылиться рыданіями и воплями; пляшите, когда судороги отчаянія начали бы сводить ваши члены. Поступайте такъ, и я буду гордиться тѣмъ, что я вашъ сынъ. Вы мо́литесь Богу, оказываете самое ревностное усердіе къ религіи; но религія не въ постахъ и молитвахъ: она въ душѣ, въ сердцѣ, въ дѣлахъ человѣка. Вы питаете надежду, что ваши горести, ваши страданія вспомнятся у Бога; но, маменька, вѣдь мученическій-то вѣнецъ достается цѣною терпѣнія покорнаго, безропотнаго. Эти святые отцы, эти мученики, вами почитаемые, вами обожаемые, терпѣли, и какъ же еще терпѣли-то! подъ ударами бичей, мучимые раскаленными щипцами, разрывавшими ихъ тѣло; въ огнѣ, въ желѣзахъ, въ пыткахъ, они молили Бога за своихъ палачей и благодарили Его за то, что онъ удостоилъ ихъ вкусить мученія за Его славу. Вы, можетъ быть, удивитесь, что съ нѣкотораго времени я пишу къ вамъ въ своихъ письмахъ проповѣди, все на одинъ и тотъ же ладъ. Я потому это дѣлаю, что, по моему мнѣнію, съ каждымъ днемъ вы имѣете бо́льшую и бо́льшую нужду въ той добродѣтели, которой я совѣтую вамъ придерживаться, т. е. въ терпѣніи.... Есть еще другая причина, побуждающая насъ къ терпѣнію: это — надежда.... Было время, когда вы неутѣшно сокрушались о моей болѣзни и въ горькихъ слезахъ выливали свое здоровье и укорачивали тѣмъ нить своей жизни, но болѣзнь моя миновалась, я сталъ еще здоровѣе прежняго, и даже совершенно забылъ о тѣхъ страданіяхъ, на которыя имѣлъ неблаго-

разуміе вамъ жаловаться въ своихъ письмахъ. Ваша же горесть, можетъ быть, нѣкогда отзовется дурными послѣдствіями....“

Затѣмъ, извѣстія о семейныхъ обстоятельствахъ прекращаются, по крайней мѣрѣ, объ этомъ предметѣ ничего не говорится въ послѣдующихъ письмахъ Бѣлинскаго. Но, какъ бы въ замѣнъ того, до него начали доходить слухи о болѣзни матушки, которые особенно усилились въ началѣ 1834 г. Въ августѣ этого года мать Бѣлинскаго умерла. Въ іюлѣ слѣдующаго, 1835-го, года скончался отецъ.

Уже въ послѣдствіи, чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти родителей, вспоминая прошлое своей домашней жизни, Бѣлинскій писалъ одному изъ самыхъ близкихъ друзей: „Имѣть отца и мать для того, чтобы смерть ихъ считать моимъ освобожденіемъ, слѣдовательно, не утратою, а скорѣе пріобрѣтеніемъ, хотя и горестнымъ; имѣть брата и сестру, чтобы не понимать, почему и для чего они мнѣ братъ и сестра, и еще брата, чтобъ быть привязанным къ нему какимъ-то чувствомъ состраданія—все это не слишкомъ утѣшительно“.... [1]). Такъ говорилъ Бѣлинскій въ концѣ 1839 г.; но не такъ думалъ о своихъ отношеніяхъ къ братьямъ и сестрѣ незадолго предъ симъ, въ 1831—1838 гг., по крайней мѣрѣ, на сколько можно судить по имѣющимся у насъ письмамъ.

Бѣлинскій принималъ самое живое родственное участіе какъ въ судьбѣ Константина Григорьевича и Никанора, такъ и сестры Александры; повидимому, особенно близко къ сердцу принималъ онъ положеніе своихъ братьевъ. Когда Бѣлинскій оставилъ родительскій кровъ и отправился въ Москву, онъ не упускалъ ихъ изъ виду, даже тогда, когда самъ находился въ горестныхъ обстоятельствахъ. Онъ посылалъ имъ книги, журналы, списанныя самимъ стихотворенія, картинки и проч. Съ Константиномъ Григорьевичемъ велъ дѣятельную и почти безпрерывную переписку; въ затруднительныхъ обстоятельствахъ подавалъ совѣты, разрѣшалъ недоумѣнія и т. д. Словомъ сказать, Бѣлинскій хотѣлъ быть для братьевъ и сестры надежною опорою какъ въ нравственномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніи.

Мы упоминали, что Бѣлинскій пытался опредѣлить Константина Григорьевича въ одну изъ московскихъ гимназій; попытка эта не удалась и Константинъ Григорьевичъ возвратился домой, въ Чембаръ. Здѣсь поступилъ онъ на службу, кажется, въ уѣздный судъ; но эта служба скоро ему не понравилась. Желая перемѣнить ее, Константинъ Григорьевичъ обратился къ Бѣлинскому за совѣтомъ, гдѣ ему лучше

[1]) А. Н. Пыпинъ, «Опытъ біографіи Бѣлинскаго», «Вѣстн. Евр.» 1874 г., мартъ, стр. 228.

служить? По этому случаю Бѣлинскій писалъ (29-го сент. 1831 г.) брату:

„Совѣтую продолжать твою службу, до полученія офицерскаго чина, въ Чембарѣ, а тамъ, гдѣ Богъ велитъ. Тебѣ всего необходимѣе такой человѣкъ, который былъ бы твоимъ начальникомъ и вмѣстѣ покровителемъ; кромѣ Петра Петровича, ты нигдѣ не найдешь себѣ такого человѣка. Въ Чембарѣ тебя всѣ знаютъ и ты всѣхъ знаешь; въ другомъ же мѣстѣ ты долженъ будешь привыкать къ людямъ, чужимъ и незнакомымъ: вспомни Пензу! Въ Чембарѣ для твоихъ успѣховъ по службѣ нужно одно прилежаніе и хорошее поведеніе; въ другихъ же мѣстахъ нужно имѣть ту особенную гибкость характера, а особливо спины, то хитрое искусство поддѣлываться подъ тонъ всѣхъ и каждаго, ту проницательность, ловкость, смѣлость, смѣтливость, догадливость, то проворство, которыхъ ты не имѣешь и безъ которыхъ нельзя ни въ чемъ успѣть. Чужіе люди о тебѣ никогда не станутъ такъ стараться, какъ свои. Нѣтъ, братъ, служи-ка въ Чембарѣ; будь прилеженъ, веди себя хорошенько, да помни русскую пословицу: „не сули журавля въ небѣ, давай синицу въ руки". Уважай своихъ начальниковъ, но не унижайся предъ ними, исполняй ихъ приказанія ревностно, не разсуждая, хороши-ли, худы-ли они: это не твое дѣло; старайся въ точности исполнять возложенныя на тебя обязанности, и больше ни о чемъ не думай. Плохой тотъ солдатъ, который разсуждаетъ вмѣсто того, чтобы слѣпо повиноваться. Ежели всякій подчиненный будетъ только судить, да рядить и дѣлать только то, что ему кажется нужнымъ, а не то, что велятъ, тогда не будетъ никакого порядка и все превратится въ хаосъ. Конечно, способность мыслить есть первая принадлежность и достоинство разумныхъ существъ; мысли, разсуждай, вникай въ начала и причины всего, испытывай, сравнивай, взвѣшивай все на вѣсахъ разсудка, но только тихонько, про себя, чтобы никто не слышалъ; гдѣ не поймешь—спроси, кто больше тебя знаетъ,—а самъ дѣлай, что велятъ! Старайся вникать въ порядокъ, въ сущность службы, чтобы нѣкогда быть способнымъ занять должности, высшія той, которую теперь занимаешь. Больше думай, меньше говори; ни о комъ не отзывайся въ худую сторону; ежели совѣсть запрещаетъ тебѣ хвалить человѣка, то и не хули; знай про себя, кто худъ и кто хорошъ. Чрезъ это ты избѣгнешь многихъ неудовольствій. Помни, что Петръ Петровичъ твой родственникъ, но не забывай, что онъ также и начальникъ твой, и что онъ по всѣмъ отношеніямъ имѣетъ право на твое уваженіе".

Кромѣ этихъ наставленій, Бѣлинскій давалъ брату и другіе совѣты. Такъ, напримѣръ, Константинъ Григорьевичъ любилъ пописывать стихи, которые и присылалъ, Бѣлинскому на обсужденіе.

„Ты опять принялся за стихи,—писалъ онъ Константину Григорьевичу (29-го сент. 1831 г.)—это мнѣ не нравится. Ты просишь разобрать ихъ; скажу тебѣ просто (не погнѣвайся на мою откровенность), что они такъ плохи, что ниже всякой критики. Что за метроманія такая напала на тебя? Какая въ этомъ польза? Къ чему зря время терять? Чтобы быть поэтомъ, надобно имѣть отличныя дарованія, творческое воображеніе, творческую душу, чувства пламенныя, темпераментъ горячій, характеръ раздражительный, пылкій; надобно умѣть и мыслить и чувствовать особеннымъ образомъ, видѣть тамъ много, гдѣ другіе ничего не видятъ. Спроси себя: узналъ-ли ты себя въ этомъ портретѣ? Ежели нѣтъ, то разбей свой нестройный гудокъ, изорви скрыпучія струны, и забудь писать стихи. Ежели въ иныя минуты тебѣ захочется покинуть скучный міръ дѣйствительности и устремиться въ очаровательную страну воображенія, чтобы созерцать тамъ вѣчную, безпокровную красоту идеальнаго изящества, то разверни какое-нибудь твореніе какого-нибудь художника и наслаждайся чистымъ, святымъ и безмятежнымъ восторгомъ... А самъ лучше учись писать прозой и для того упражняйся въ прозаическихъ сочиненіяхъ: я охотно берусь поправлять ихъ. Умѣнье писать прозою необходимо въ дѣйствительной жизни. Жалокъ и вмѣстѣ достоинъ презрѣнія тотъ, кто не умѣетъ нѣсколькихъ строкъ написать правильно и съ толкомъ. И для того учись грамматикѣ, читай хорошія прозаическія сочиненія, вникай въ ихъ духъ и, руководствуясь сими образцами, учись самъ писать также легко, свободно и пріятно,

Учиться нѣтъ стыда—невѣждой стыдно быть.

Затѣмъ, въ послѣдующихъ письмахъ Бѣлинскаго къ брату, рѣчь идетъ почти исключительно о незавидномъ служебномъ положеніи Константина Григорьевича. Послѣднему хотѣлось какъ-нибудь вырваться изъ этого положенія, перемѣнить мѣсто службы; Бѣлинскій же, съ своей стороны, находилъ это неудобнымъ, по крайней мѣрѣ, до благопріятнаго для того времени. Такъ, въ августѣ 1832 г., Константинъ Григорьевичъ извѣщалъ Бѣлинскаго, что онъ намѣренъ оставить Чембаръ и переселиться на службу въ Саратовъ, куда приглашалъ его нѣкто Сокольскій, на что родители и изъявили свое согласіе. Сокольскій обѣщалъ найти въ Саратовѣ порядочное мѣсто для Константина Григорьевича, и вообще помочь ему. Между тѣмъ, при службѣ въ Чембарѣ Константину Григорьевичу приходилось довольствоваться только столомъ и квартирою въ родительскомъ домѣ, да „нищенскимъ“ жалованьемъ. Такимъ образомъ, ка-

залось, слѣдовало принять предложеніе Сокольскаго. Но Бѣлинскій взглянулъ на дѣло иначе, и 15-го октября 1832 г. писалъ брату:

„Ты меня привелъ въ чрезвычайное удивленіе, открывъ мнѣ свое необдуманное и безразсудное намѣреніе оставить Чембаръ и ѣхать въ Саратовъ для службы. Правда, это намѣреніе съ перваго взгляда кажется довольно основательнымъ..... но, по зрѣломъ разсужденіи, оно окажется очень вреднымъ. Его одобряютъ и маменька и папенька. Конечно, маменька никогда не посовѣтуетъ тебѣ, какъ своему сыну, ничего безполезнаго или опаснаго для твоего счастія, дорогаго для ея материнскаго чувства; но она, какъ женщина, обо многихъ вещахъ не можетъ имѣть надлежащихъ свѣдѣній, и потому ей извинительно судить неосновательно объ оныхъ. Что же касается до папеньки, то если бы ты вздумалъ ѣхать въ Камчатку или Китай, то и тогда бы, повѣрь, онъ не сталъ тебя удерживать. Коротко знакомый съ его характеромъ и горестными обстоятельствами нашего несчастнаго семейства, ты, безъ сомнѣнія, поймешь, почему я такъ говорю и на какихъ причинахъ основываю мое мнѣніе, хотя и непріятное для меня самого столько же, какъ и для тебя, но тѣмъ не менѣе справедливое. Что же касается до тебя самого, то я не сомнѣваюсь, что тебѣ очень бы хотѣлось исполнить свое намѣреніе; я и не удивляюсь сему, ибо я знаю, что ты не послѣдній рыцарь печальнаго образа и любишь донкихотствовать. Но обязанность старшаго брата, по собственному твоему признанію, заслуживающаго твою довѣренность, заставляетъ меня вывести тебя изъ твоего пріятнаго заблужденія и разсѣять волшебный туманъ мечтаній, въ которомъ такъ сладостно, такъ раздольно разгуливать твоему шаловливому воображенію. Цѣною многихъ жестокихъ и горестныхъ опытовъ, имѣющихъ самое неблагопріятное вліяніе какъ на мою настоящую, такъ и послѣдующую жизнь, я пріобрѣлъ нѣкоторую опытность и покороче познакомился съ скользкимъ путемъ жизни, а потому и могу лучше тебя понимать многія вещи. Дорого бы заплатилъ я за возможность воротить, по крайней мѣрѣ, три года моей прошедшей жизни, чтобы снова начать ихъ, испытанному судьбою и наученному опытомъ! Есть въ жизни такіе случаи, отъ коихъ зависитъ счастіе или несчастіе цѣлой нашей жизни; люди замышляютъ иногда такія намѣренія, которыя, несмотря на ихъ наружную незначительность, требуютъ крайней осторожности“.

Послѣ этого вступленія, Бѣлинскій подробно и по пунктамъ разбираетъ основанія, побуждавшія Константина Григорьевича оставить Чембаръ для службы въ Саратовѣ. По мнѣнію Бѣлинскаго, Сокольскій, принимая на свое попеченіе Константина Григорьевича, обременяя себя такою обузою, дѣйствовалъ въ виду какихъ-нибудь выгодъ; но отъ Гри-

горія Никифоровича ему надѣяться было нечего, а отъ самаго Константина Григорьевича и того меньше; поэтому, если бы Константинъ Григорьевичъ былъ предоставленъ на чужой сторонѣ самому себѣ, что̀ очень можетъ случиться, то онъ сталъ бы „человѣкъ пропащій“, такъ какъ „онъ никоимъ образомъ не могъ обойтись безъ подпоры“. Затѣмъ весьма важнымъ находилъ Бѣлинскій то обстоятельство, что братъ его пользовался готовыми столомъ и квартирою въ родительскомъ домѣ, такъ какъ на полномъ своемъ отчетѣ жить очень трудно. Далѣе, говоритъ Бѣлинскій брату: „ты жалуешься на ничтожность получаемаго за службу жалованья и называешь его нищенскимъ, что-жъ дѣлать? Деньги никому не даются даромъ, и достаточное, независимое содержаніе пріобрѣтается потомъ и кровью. Твоя же служба очень не важна и не трудна..... Ты думаешь, что въ Саратовѣ будешь получать тысячи; не горячись, братъ: тамъ, какъ и во всѣхъ губернскихъ городахъ, для такихъ служнвыхъ, какъ ты, 120 руб. составляютъ самое большое жалованье. На эти 120 руб. ты долженъ будешь и нанимать квартиру, и имѣть столъ, и одѣваться. А на доходы, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, надежда плохая, особенно тебѣ. Правда, въ Саратовѣ содержаніе гораздо дешевле, нежели гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, ибо Саратовская губернія принадлежитъ къ числу богатѣйшихъ и изобильнѣйшихъ естественными произведеніями русскихъ губерній; это я все знаю; но гдѣ дешево все, тамъ дороги деньги. При томъ же, въ такихъ мѣстахъ выгодно служить семейнымъ чиновникамъ, занимающимъ должности поважнѣе должностей канцелярскихъ писакъ; ибо если они мало получаютъ доходовъ деньгами, то, въ замѣнъ того, много берутъ естественными произведеніями, какъ-то: хлѣбомъ, скотомъ, рыбою, икрою, медомъ, овощами и тому подобнымъ, чѣмъ они обезпечиваютъ содержаніе своихъ семействъ, а деньги, которыя бы должны были употребить на сіи необходимости, кладутъ въ сундукъ,—и такимъ образомъ не остаются въ накладѣ. Тебѣ же, какъ молодому безсемейному человѣку, нужны будутъ однѣ деньги, а ихъто ты и не будешь имѣть. Наконецъ, главное препятствіе (для поступленія на службу въ Саратовѣ) состоитъ въ томъ, что ты не имѣешь офицерскаго чина; а безъ него служить не такъ-то выгодно. Къ тому же, въ Саратовъ изо всѣхъ близкихъ окрестныхъ губерній (пріѣзжаетъ) премножество молодыхъ людей всякаго званія, а особливо изъ духовнаго, для пріисканія въ ономъ себѣ мѣстъ,—почему ты будешь имѣть соперниковъ, а особливо когда потеряешь свое мѣсто и будешь искать другаго“.....

„Такъ неужели же мнѣ цѣлую жизнь служить въ чембарскомъ земскомъ судѣ?“ скажешь ты съ огорченіемъ. Нѣтъ, я первый противъ

этого. По моему мнѣнію, молодому человѣку стыдно и даже безчестно проводить всю жизнь свою на отцовскомъ содержаніи и служить въ какомъ-нибудь мелкомъ городишкѣ. Всякій долженъ помыкать по бѣлому свѣту, понатерпѣться нужды и горя и понасмотрѣться добра и худа, и уже обогатившись опытами жизни, помышлять объ основаніи себѣ постояннаго мѣстопребыванія, о пріобрѣтеніи порядочнаго мѣста по службѣ, хотя и въ уѣздномъ городкѣ, ибо не всѣмъ же жить въ столицахъ и губернскихъ городахъ..."

„Въ заключеніе письма Бѣлинскій совѣтовалъ брату прежде всего получить чинъ и затѣмъ, если будетъ охота, перейти на службу хотя и въ Саратовъ, на нѣкоторое время, чтобы попривыкнуть жить на чужой сторонѣ своею собственною головою, а не чужимъ умомъ. Между тѣмъ, Бѣлинскій обѣщалъ похлопотать о мѣстѣ для Константина Григорьевича въ сенатѣ и особенно попросить объ этомъ ихъ общаго родственника, Алексѣя Петровича, служившаго здѣсь, который могъ оказать самое живое содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ.

„Ты же, внушалъ Бѣлинскій брату, старайся пріобрѣсть необходимыя по статской службѣ свѣдѣнія, вникай въ ходъ и производство судебныхъ дѣлъ, читай уложенія, законы, указы, учись сочинять просьбы, узнавай формы судебныхъ бумагъ всякаго рода, обязанности и преимущества всѣхъ сословій и государственныхъ чиновниковъ;.... заботься также и о чистописаніи, и о грамматикѣ, чтобы сколько-нибудь сдѣлаться достойнымъ служить въ такомъ мѣстѣ, какъ сенатъ; а о большомъ жалованьи, о доходахъ, щегольствѣ и вообще пріобрѣтеніи денегъ забудь до времени и думать, какъ о дѣлѣ несбыточномъ и смѣшномъ"...

Константинъ Григорьевичъ послушался и не поѣхалъ въ Саратовъ. Но жизнь въ Чембарѣ становилась все тяжелѣе и несноснѣе, особенно отъ укоризнъ со стороны родителей въ тунеядствѣ, неспособности жить своими собственными средствами. Поэтому, Константинъ Григорьевичъ обратился къ Бѣлинскому съ вопросомъ: скоро-ли онъ можетъ получить мѣсто въ сенатѣ, или въ другомъ какомъ-нибудь учрежденіи? На это, 19-го іюля 1833 г., Бѣлинскій отвѣчалъ, что въ сенатъ скоро попасть никакъ нельзя; годка два надобно подождать. „Я очень знаю,— писалъ Бѣлинскій брату,— какъ горько тебѣ жить въ родительскомъ домѣ,—да что же дѣлать-то? Я и самъ пью горькую чашу, которая съ каждымъ днемъ переполняется черезъ края новыми ядовитѣйшими зельями, однако-жъ терплю, ибо надежда въ будущемъ подкрѣпляетъ меня. Кто знаетъ? Можетъ быть, всѣ настоящія несчастія есть ничто иное, какъ зерна, изъ коихъ должны нѣкогда вырости и разцвѣсти благоухающіе цвѣты счастія? Все къ лучшему! думаю я, и не тужу. Совѣ-

тую и тебѣ послѣдовать моему примѣру. Конечно, горестно, убійственно слышать отъ своего отца попреки за каждый его кусокъ... и гдѣ же? Въ Чембарѣ, гдѣ эти куски такъ дешево обходятся даже и самому послѣднему мѣщанину, а не только что штабъ-лекарю, да еще къ тому же и коллежскому ассесору!.. Послѣ этого толкуй себѣ о какихъ-то будто бы священныхъ, неразрывныхъ узахъ природы!.. Но... на здѣшнемъ свѣтѣ часто совершаются большія чудеса, часто людей постигаетъ такая участь, какой они совсѣмъ не ожидали: какой-нибудь ничтожный бѣднякъ иногда даетъ кусокъ и уголъ человѣку, который нѣкогда думалъ о немъ хуже, нежели о какой-нибудь собакѣ... Смотри, не считай же и ты своихъ кусковъ, если судьба когда-нибудь доведетъ твоего отца до необходимости питаться ими“.....

Въ томъ же 1833 г. Константинъ Григорьевичъ получилъ, наконецъ, чинъ. Но и при этомъ Бѣлинскому все-таки не представлялось возможнымъ взять къ себѣ брата въ Москву. Затѣмъ, почти въ теченіе цѣлаго года переписка между братьями прекращается объ этомъ предметѣ. Однако же, Бѣлинскій не переставалъ думать и заботиться о судьбѣ Константина. Поэтому, вскорѣ послѣ смерти матушки, Бѣлинскій пришелъ къ убѣжденію, что пора положить конецъ страданіямъ Константина Григорьевича, и просилъ его пріѣхать въ Москву.

Константинъ Григорьевичъ послѣдовалъ этому совѣту. Но всѣ хлопоты Бѣлинскаго и друзей его объ опредѣленіи Константина Григорьевича на службу, остались, кажется, безъ успѣха. По этой-ли причинѣ, или по какой-нибудь другой, только лѣтомъ 1835 г. Константинъ Григорьевичъ возвратился въ Чембаръ.

Послѣ смерти отца, Бѣлинскій писалъ К. Г., чтобы онъ немедленно прислалъ къ нему брата Никанора, для чего и высланы были необходимыя деньги. Изъ писемъ Ивановыхъ къ Константину Григорьевичу видно, что послѣдній почему-то медлилъ исполнить это порученіе. Бѣлинскій такъ разсердился за это на брата, что пересталъ писать къ нему. Кромѣ того, Константинъ Григорьевичъ намѣревался оставить Чембаръ и переѣхать въ Городище, тогда какъ онъ долженъ былъ „оставаться въ качествѣ защитника сестры своей, для утѣшенія престарѣлой бабушки и для устройства семейныхъ обстоятельствъ, замѣнивъ потерю главы семейства“. Наконецъ, до Ивановыхъ и Бѣлинскаго стали доходить извѣстія о какихъ-то „пустыхъ капризахъ“ Константина Григорьевича....

Это раздражало Бѣлинскаго; но, въ іюнѣ 1838 г., онъ помирился съ братомъ, которому и писалъ объ этомъ, равно какъ и о своихъ житейскихъ обстоятельствахъ.

„Любезный братъ, мое письмо предупредило твое: изъ этого ты мо-

жешь ясно видѣть, что я чуждъ всѣхъ ссоръ и неудовольствій. Не я завелъ ихъ съ тобою, а твои поступки. Но что было, то прошло—дай руку. Поздравляю тебя съ сыномъ. Я теперь поступаю учителемъ въ Константиновскій межевой институтъ. Мѣсто для меня довольно выгодно: 1,300 р. жалованья, черезъ 4 года утвержденіе въ IX классѣ. Сверхъ того, инспекторъ института, князь Козловскій, по дружбѣ своей ко мнѣ, уступилъ мнѣ лучшую половину своей квартиры, и я пользуюсь и дровами, и свѣчами казенными... Классы мои за стѣною, подъ бокомъ. Учу 9 часовъ въ недѣлю, по 3 часа черезъ день. Покуда я вольнонаемнымъ и еще не утвержденъ. Надо выхлопотать грамату. Для этого пришли ко мнѣ немедля слѣдующее: 1) копію съ формулярнаго списка покойнаго отца; 2) бумагу, которою е. и. в. Константинъ Павловичъ изъявилъ свое согласіе на воспріемничество[1]); 3) копію съ твоей граматы... Получилъ-ли ты „Московскаго Наблюдателя“? Это подарокъ твоему сыну — пусть читаетъ по субботамъ. Можетъ быть, мои дѣлишки съ будущаго новаго года поправятся, а покуда все еще плоховаты“ [2]).

Если отношенія Бѣлинскаго къ Константину Григорьевичу отличались дружески-братскимъ расположеніемъ, заботливостью, готовностью быть ему полезнымъ, то съ бо́льшимъ правомъ это должно сказать объ отношеніяхъ Виссаріона Григорьевича къ младшему брату, Никанору. Это былъ очень умный и способный мальчикъ, но крайне избалованъ, испорченъ нравственно. Бѣлинскій крѣпко любилъ Никанора, слѣдилъ

---

[1]) Е. и. в. Константинъ Павловичъ былъ заочнымъ воспріемникомъ В. Г. Бѣлинскаго при крещеніи.

[2]) Приведемъ здѣсь одно личное воспоминаніе о Константинѣ Григорьевичѣ, сообщенное И. Н. Захарьинымъ. «Константина Григорьевича я зналъ въ 1860-хъ гг., въ крайней бѣдности; за годъ передъ тѣмъ онъ былъ уволенъ отъ должности секретаря думы (въ Чембарѣ). Онъ, женатый два раза, имѣлъ огромную семью—жену и 8 человѣкъ дѣтей, и жилъ въ Чембарѣ скудною пенсіей за свою 35-ти-лѣтнюю службу. Увольненіе его совершилось слѣдующимъ, не совсѣмъ обыкновеннымъ образомъ. Въ 1861 г. пріѣхалъ на ревизію въ Чембаръ новый губернаторъ (который былъ назначенъ въ Пензу въ 1860 г., тотчасъ послѣ ревизіи сенатора Сафонова), смѣнившій Панчулидзева; кто-то предварилъ его, что въ числѣ представляющихся ему, по долгу службы, чиновниковъ, будетъ братъ знаменитаго Бѣлинскаго. И когда, затѣмъ, Константинъ Григорьевичъ робко подошелъ къ губернатору и проговорилъ: «титулярный совѣтникъ Бѣлинскій... честь имѣю...», то губернаторъ дерзко перебилъ его: «А, ... совѣтникъ Бѣлинскій!... Я не желаю имѣть чести съ вами знакомиться», и приказалъ уволить Константина Григорьевича отъ службы. Такое необъяснимо-грубое обращеніе и самое свое увольненіе отъ службы Константинъ Григорьевичъ объяснялъ тѣмъ, что новый губернаторъ очень не любилъ «сочинителей», мстя имъ, повидимому, и по смерти ихъ». К. Г. Бѣлинскій скончался, кажется, въ 1862 г.

за его ученіемъ и особенно близко къ сердцу принималъ недобрыя вѣсти относительно его дурнаго поведенія. Почти нѣтъ ни одного письма Бѣлинскаго къ роднымъ, въ которомъ не упоминалось бы о „несчастномъ" Никаноръ... Мало того, онъ писалъ иногда самому Никанору...

„Любезный братишко Никанорочка. Ко мнѣ пишетъ Константинъ Григорьевичъ, что ты прилежно учишься въ училищѣ... Благодарю тебя за это, мой маленькій дружище; это меня очень радуетъ. Все хорошо, да вотъ бѣда: говорятъ, что ты нимало не исправляешься въ своей нравственности, не уважаешь маменьку, не слушаешься ея; также и старшаго твоего брата, котораго даже и я люблю и уважаю, нимало не почитаешь, и даже осмѣливаешься ругать его. Тоже и сестру свою. Смотри, братъ! Исправься, а не то, по моемъ пріѣздѣ, быть худу! Я ни на кого не посмотрю: отдеру при папенькѣ. Прошу тебя: не доводи себя до бѣды. Я скоро добьюсь хорошихъ книгъ съ картинками и отдамъ ихъ Константину въ полное распоряженіе; ежели будешь вести себя также хорошо, какъ учишься, то онъ подаритъ тебѣ ихъ, а если нѣтъ, то какъ хочешь. Такому маленькому мальчику, какъ ты, и чужихъ людей стыдно не только обижать, но и обходиться съ ними невѣжливо; а каково же не уважать и не слушаться родной матери, брата и сестры. За это тебя и Богъ накажетъ. Пожалуйста, другъ мой, исправься. Пиши ко мнѣ письма и живи со мною въ ладу во избѣжаніе всякаго зла". (Письмо 29-го сентября 1831 г.).

Но Никаноръ не исправлялся; родители, повидимому, не обращали никакого вниманія на своего избалованнаго сына. Вѣсти, все болѣе неутѣшительныя, доходили до Бѣлинскаго относительно испорченности мальчика. Это сильно его огорчало и безпокоило. Бѣлинскій безпрестанно писалъ отцу и матери, всѣми мѣрами убѣждая ихъ серьезно заняться исправленіемъ Никанора. Но все было напрасно.

Въ концѣ 1832 г., Григорій Никифоровичъ прислалъ Бѣлинскому письмо съ извѣстіемъ, что онъ не намѣренъ отдавать Никанора въ Пензенскую гимназію, такъ какъ въ ней плохо ведется преподаваніе языковъ, а желалъ бы помѣстить его въ какое-либо учебное заведеніе въ Москвѣ. Бѣлинскій очень обрадовался этому извѣстію, совершенно соглашался съ мнѣніемъ отца и въ пріисканіи порядочнаго учебнаго заведенія обѣщалъ полное свое содѣйствіе. Въ письмѣ по этому случаю, посовѣтовавъ отцу получше приготовить Никанора по разнымъ предметамъ, Бѣлинскій между прочимъ писалъ:

„Не мѣшало бы вамъ также обратить свое особенное вниманіе и на нравственность Никанора; она у него находится въ самомъ разстроенномъ состояніи. Если бы вы и успѣли отдать его въ какое-нибудь хо-

рошее учебное заведеніе на казенный коштъ съ такою нравственностью, то вы бы совершенно его погубили. Въ такихъ заведеніяхъ для исправленія испорченной нравственности прибѣгаютъ иногда и къ такимъ мѣрамъ, къ которымъ Никаноръ совсѣмъ не привыкъ, и которыя, по тому, должны будутъ показаться ему ужасными. Въ самомъ дѣлѣ, привыкши не имѣть надъ собою старшаго, привыкши въ такихъ лѣтахъ повелѣвать, а не повиноваться, не имѣя ни малѣйшаго уваженія даже къ матери,—каково ему будетъ увидѣть себя въ необходимости слушаться и уважать иногда даже какого-нибудь сторожа-солдата и видѣть надъ собою безконечный рядъ начальниковъ, а подъ собою ни одного подчиненнаго? При его счастливыхъ дарованіяхъ, онъ могъ бы льститься на прекрасную будущность; но я вижу съ горестію, что эти небесные дары отъ небрежнаго за ними ухода начинаютъ заростать и заглушаться крапивою и чертополохомъ низкихъ привычекъ и худыхъ склонностей...“

„Ради Бога, папенька, обратите на Никанора все свое вниманіе. Изъ этого мальчика, право, можно сдѣлать все, что угодно: и ангела, и дьявола. Я очень хорошо понимаю, къ какому разряду людей онъ принадлежитъ. Въ его характерѣ не можетъ быть середины: или все, или ничего, или слишкомъ хорошъ, или совсѣмъ негодяй; а съ этакими людьми шутить не должно, а то недолго до грѣха“... (Письмо 20-го февраля 1833 г.).

Но скоро отецъ не только раздумалъ послать Никанора въ какое либо изъ московскихъ учебныхъ заведеній, но рѣшился лишить его всякаго образованія. „О намѣреніи папеньки,—писалъ Бѣлинскій Константину Григорьевичу,—лишить Никанора всякаго образованія, всякаго просвѣщенія и сдѣлать изъ него нѣчто похожее... скажу тебѣ, что сему не бывать, пока я дышу. Я знаю, что̀ все это значитъ. Мнѣ не удалось получить ученаго диплома, такъ зачѣмъ и Никанору учиться, тѣмъ болѣе, что оставить его невѣждою и негодяемъ гораздо дешевле, ибо деньги, которыя бы нужно было употребить на его воспитаніе, можно отложить на сладкую водку, на перцовку, да еще кое на что...“

Еще въ 1833 г. Бѣлинскій хотѣлъ взять Никанора въ Москву и просилъ родственника своего, Алексѣя Петровича, принять его къ себѣ хоть за 300 р. въ годъ; но Алексѣй Петровичъ на отрѣзъ отказался, опасаясь того, что Никаноръ дурнымъ поведеніемъ будетъ причинять ему постоянное безпокойство. „Какъ ни много претерпѣлъ я ударовъ судьбы,—писалъ по этому случаю (19-го іюля 1833 г.) Бѣлинскій Константину Григорьевичу,—но еще ни одна слеза не выкатывалась изъ моихъ глазъ: въ этотъ же разъ нѣсколько горькихъ слезинокъ украдкою скатились въ кулакъ съ моихъ рѣсницъ, нимало

не облегчивъ ни стѣсненной груди, ни растерзаннаго сердца... Бѣдный мой братъ!.. Какая участь ожидаетъ его!"...

Только послѣ смерти Григорія Никифоровича, именно въ 1836 г., къ Бѣлинскому прибылъ Никаноръ...

Въ отношеніяхъ къ сестрѣ, Бѣлинскій не оставлялъ ее вниманіемъ и совѣтами, въ родѣ того, чтобы она любила менѣе разсѣянность, читала книги, бывала всегда „въ благородномъ, образованномъ обществѣ" и т. п.; просилъ родителей устроить участь ея сколько возможно прилично и обезпеченно... Приводимъ одинъ фактъ, особенно интересный, изъ переписки Виссаріона Григорьевича, которымъ и заключимъ обозрѣніе имѣющихся у насъ матеріаловъ.

У матушки Бѣлинскаго была въ услуженіи крѣпостная дѣвушка Авдотья, съ которою она, передъ своею смертію, не знала, какъ поступить: отпустить-ли Авдотью на волю, или оставить крѣпостной, и спрашивала мнѣнія Бѣлинскаго. „Бога ради, постарайтесь отпустить ее на волю,—писалъ Бѣлинскій (въ іюлѣ 1834 г.) матери,—иначе на вашей душѣ будетъ тяжкій грѣхъ. Можно-ли сосать кровь изъ живаго человѣка? Это прилично однимъ вампирамъ. Скажите папенькѣ, что мѣсяца черезъ три или четыре я уплачу ему за Авдотью не только 50, пожалуй и 100 руб. и, если хочетъ, пришлю ему вексель въ 100 рубляхъ", Однако же Марія Ивановна, хотя и намѣревалась отпустить Авдотью, но умерла, не сдѣлавъ на счетъ ея никакого распоряженія; тоже случилось и съ Григоріемъ Никифоровичемъ. Теперь обязанность дать вольную Авдотьѣ легла на ихъ дочь, Александру Григорьевну, которая была въ это время замужемъ. Между тѣмъ, Константинъ Григорьевичъ извѣстилъ Бѣлинскаго, что сестра не намѣрена освободить Авдотью. Въ письмѣ Константину Григорьевичу изъ Петербурга, отъ 9-го апрѣля 1840 г., Бѣлинскій пишетъ по этому поводу слѣдующее·

„Напрасно ты думаешь, что я сердитъ на тебя. Ей Богу, и не думалъ сердиться. Причина моего молчанія—безпрерывныя хлопоты, заботы, труды, безпокойства, развлеченія, лѣнь и проч. Судьба занесла меня въ Питеръ—что дѣлать? Мой удѣлъ носиться туда и сюда по волнамъ жизни и не знать никогда пристани, у которой ты такъ счастливо пріукрылся и пригрѣлся. Всякому свой путь въ жизни, и надо, идти, а не жаловаться. Что со мною было и какъ — этого не перескажешь и во ста письмахъ, да, по разности нашихъ дорогъ въ жизни, это и не совсѣмъ было бы для тебя понятно. Богъ дастъ, увидимся—потолкуемъ, а пока позволь мнѣ тебя увѣрить, что я искренно къ тебѣ расположенъ, отъ всего сердца желаю тебѣ всякаго счастія, и всегда съ радостью съ тобою увижусь, если Богъ приведетъ. Что за дѣло, что я рѣдко пишу—будто любовь въ перепискѣ, а не въ душѣ?

Писалъ Акад. Н. А. Горбуновъ. Грав. Акад. Сѣраковъ.

В. Г. БѢЛИНСКІЙ

† 26 Мая 1848 г.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ».

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 20 АВГУСТА 1875 Г. ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.

И такъ, обнимаю и цѣлую тебя по-братски... Если будетъ у тебя еще сынъ или дочь — бери меня въ кумовья, я ужъ пришлю славный гостинецъ. Сестрѣ кланяйся и съ мужемъ, и поцѣлуй ихъ. Кстати: что касается до вашихъ ссоръ, то мнѣ крайне непріятно и тяжело и слышать о нихъ, мнѣ лучше хочется думать, что вы живете мирно, дружески, родственно, словомъ по-человѣчески. Что же до поступка сестры съ дѣвкою Авдотьей, то въ этомъ поступкѣ я не узнаю и не признаю своей сестры. Если у ней нѣтъ человѣческаго чувства, то хотя бы изъ уваженія къ памяти матери выполнила ея волю. Впрочемъ, я думаю, что ты не такъ мнѣ передалъ это дѣло: мнѣ пріятно думать, что моя сестра не способна къ такому черному дѣлу"... Твой братъ Бѣлинскій."

„Если будешь писать ко мнѣ, то вотъ мой адресъ: его благородію В. Г. Б., въ С.-Петербургъ, въ контору редакціи „Отечественныхъ Записокъ" на Невскомъ проспектѣ, противъ Гостиннаго ряду, въ д. Лукина, № 47" [1]).

Послѣднее изъ приведенныхъ нами писемъ по времени относится къ самому блестящему періоду дѣятельности Бѣлинскаго: это было время его сотрудничества въ „Отечественныхъ Запискахъ", Съ 1847 года онъ перешелъ въ „Современникъ".

Рано, слишкомъ рано пресѣклась эта дѣятельность даровитѣйшаго изъ русскихъ критиковъ: 26-го мая 1848 года В. Г. Бѣлинскій скончался.

Въ замѣчательномъ собраніи П. А. Ефремова портретовъ русскихъ дѣятелей, есть весьма интересное изображеніе Бѣлинскаго во гробѣ, фотографическій снимокъ съ рисунка, исполненнаго съ натуры, на второй день кончины Бѣлинскаго академикомъ К. А. Горбуновымъ [2]).

Прилагаемая гравюра, исполненная для „Русской Старины" рѣзцомъ талантливаго Академика Л. А. Сѣрякова, есть точное воспроизведеніе этого снимка.

---

[1]) Подлинникъ этого письма сообщенъ И. Н. Захарьинымъ.

[2]) Сколько помнимъ, рисунокъ этотъ былъ только однажды воспроизведенъ, именно въ «Художественномъ Листкѣ» (сдѣлавшимся большою рѣдкостью) 1862 г., № 29, но не вполнѣ удачно.

АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ СѢРОВЪ.

Матеріалы для его біографіи.

1841—1842[1]).

Письма А. Н. Сѣрова къ В. В. Стасову.

25-го августа 1841 г.

„...Мнѣ кажется, что „le Voile“ [2]) гораздо лучше можетъ быть иллюстрированъ живописью, нежели музыкою. Этотъ восточный, пурпурный колоритъ цѣлаго созданія не можетъ быть переданъ никакими звуками, тѣмъ менѣе ударъ кинжала! Боже сохрани отъ усилій выразить музыкой такого рода явленія реальнаго міра, хотя бы они иногда и приманивали вдохновеніе своею высокостію (le sublime). Здѣсь, для поясненія сказаннаго мною, мнѣ бы казалось кстати поговорить съ тобою о настоящей области музыки, примѣнительно къ омузыкаленію уже существующихъ поэтическихъ произведеній (и пока преимущественно не въ самыхъ широкихъ размѣрахъ). Музыка (какъ уже давно всѣмъ извѣстно) языкъ души, непосредственное выраженіе самыхъ глубокихъ тайниковъ чувства, которыя недоступны для всѣхъ прочихъ способовъ выраженія. Ты знаешь, что при всякомъ поэтическомъ произведеніи словесномъ, какъ бы оно совершенно ни было, многое, весьма многое остается въ душѣ поэта (разумѣется, говорю только объ истинно поэтическихъ созданіяхъ, а не о произведеніяхъ дюжинныхъ стихокропателей, которые безъ всякаго призванія вымучиваютъ изъ-подъ своего пера наборъ гладкихъ и сладенькихъ словечекъ), и отъ того только,

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1876 г., томъ XV, стр. 129—143.

[2]) Баллада Виктора Гюго, которую я предлагалъ, какъ хорошій сюжетъ для музыкальной иллюстраціи. В. С.

что слова не въ состояніи уловить всѣ, такъ сказать, безчисленныя грани поэтической мысли, и передать читателю или слушателю вполнѣ все настроеніе поэта, составляющее атмосферу его мысли. Вотъ эта неуловимо-духовная сторона, эта таинственная атмосфера и есть настоящая область (le domaine), есть настоящее призваніе (la vocation) музыки, когда сія дѣятельность обращается на уже существующіе поэтическіе образы. Надѣюсь, что главная моя идея не ускользнула отъ тебя. Изъ этой идеи слѣдуетъ, что обязанность композитора, который принимается положить на музыку превосходные стихи — обязанность трудная и величественная. Въ самомъ дѣлѣ, взгляни на массу балладъ, романсовъ, пѣсень и пр. и пр., на всѣхъ возможныхъ европейскихъ діалектахъ, и всѣхъ возможныхъ композиторовъ, старыхъ и новыхъ, извѣстныхъ и неизвѣстныхъ,— ты тотчасъ убѣдишься, какъ мало изъ нихъ такихъ созданій, которыя бы вполнѣ удовлетворяли эстетическому требованію, такихъ, которыя бы истинно дополняли невыраженное поэтомъ, переселяли бы слушателя въ творческую душу главнаго автора и придавали бы всецѣлой мысли всецѣлую оконченность, такъ сказать, ее бы воплощали. И странно было бы, если бы оказывалось противное. Чтобы достойнымъ образомъ положить данные стихи на музыку, надо вполнѣ симпатизировать съ ихъ творцомъ. Я это весьма безусловно принимаю, и поэтому мнѣ кажется, что я, напримѣръ, никакъ не могъ бы передать туманной идеальности Шиллера, хотя его очень люблю, но менѣе нежели Гёте. Мнѣ кажется, что вообще Викторъ Гюго, по своей необычайной оконченности, именно изъ тѣхъ поэтовъ, которыхъ трудно омузыкаливать, т. е. трудно досказать что-нибудь къ сказанному имъ, sans trahir une individualité étrangère [1]). При всемъ томъ созданія его такъ прелестны, что дѣйствительно трудно устоять противъ искушенія омузыкаливать ихъ. Ты знаешь его балладу: „La Fiancée du timbalier"? Еще въ училищѣ зародилась у меня мысль дать ей музыку, но тутъ встрѣтилась непреодолимая трудность, а именно: многословіе (разумѣется, не въ худомъ значеніи) этой пьесы, которая, какъ мнѣ кажется, для музыки слишкомъ длинна, т. е. въ отношеніи къ небольшому разнообразію дѣйствія. Vous concevez? Pour éluder la grande difficulté [2]), я, имѣя уже мотивъ для марша, основной мысли всего созданія, рѣшился писать фантазію безъ всякаго отношенія къ словамъ текста, т. е. фантазію не для пѣнія. Но такъ какъ мнѣ фортепьяно всегда кажется неспособнымъ выразить всѣ оттѣнки того, что зарождается въ моей го-

[1]) Не выказавъ чуждую индивидуальность.

[2]) Понимаешь? Чтобъ избѣжать большую трудность.

ловѣ, то я попробую написать для фортепьяно, означивъ словами инструментовку, и въ такомъ видѣ пришлю къ тебѣ. Во всякомъ случаѣ, это будетъ для меня весьма интересная, а можетъ быть, и полезная попытка въ совершенно новомъ родѣ. Только для оцѣнки такого химернаго произведенія надобенъ порядочный запасецъ пылкаго воображенія...

Для меня чрезвычайно много значитъ, если ты, такъ глубоко презирающій почти все то, къ чему моя душа болѣе наклонна, нежели къ твоему „sublime", находишь еще въ моихъ опытахъ хотя малѣйшую красоту. Изъ твоего разбора „Maylied", я вижу, что ты ею, кажется, весьма доволенъ, чему бы я никакъ не повѣрилъ. Но даже и въ этомъ разборѣ я никакъ не могу съ тобою согласиться во всемъ. На счетъ поправокъ и передѣлокъ (или, какъ ты называешь, „заплатокъ") Шуберта, я только отчасти раздѣляю твое мнѣніе. Конечно, никогда другой человѣкъ, какъ бы онъ опытенъ въ музыкальномъ дѣлѣ ни былъ, не можетъ вполнѣ уловить духъ композиста, но когда этотъ композистъ еще не довольно владѣетъ сокровищами гармоніи, еще не довольно практиковался въ фактической обдѣлкѣ мыслей, то чужая, опытная рука, или, лучше сказать, опытное ухо, не преминетъ придать его первымъ попыткамъ видъ бо́льшей оконченности, а иногда и счастливо прикрыть недостатки въ плавности хода пьесы. Ты напрасно говоришь, что въ „Rattenfänger'ѣ" Шубертъ не сдѣлалъ улучшеній: не говоря уже о правильно-прекрасныхъ аккордахъ, припомни, какъ онъ граціозно измѣнилъ первую, не совсѣмъ ловкую для голоса, мелодію, какъ удачно превратилъ ритмъ второй ея части изъ $^3/_4$ въ $^6/_8$ (общій ритмъ пьесы), какъ мило при концѣ, предъ возвращеніемъ къ первымъ строкамъ, подвелъ два повторенія первыхъ двухъ тактовъ начальной мысли изъ разныхъ тоновъ, и образовалъ тѣмъ новую, граціозную мысль; потомъ, какъ ловко сгладилъ всѣ шероховатости въ переходахъ! Нѣтъ, ты не совсѣмъ-то справедливъ! „Maylied" сама по себѣ мнѣ не нравится по самой начальной идеѣ. Ты знаешь, что она была почти дѣлана на срокъ. Я выбралъ эти стихи, потому что въ тогдашнихъ обстоятельствахъ мнѣ надобно было что-нибудь легкое; теперь же я жалѣю объ этомъ выборѣ. Маленькую, простенькую пѣсенку не должно было наполнять широкими музыкальными фразами съ нѣкоторыми претензіями; даже не должно было писать особенную музыку на каждый куплетъ. Это была ошибка и важная ошибка въ концепціи. Шубертъ не только не удержалъ меня отъ этого bévue [1]), но, не понявши духа стиховъ Гёте, иногда довольно вычур-

[1]) Промаха.

ными придѣлками обезобразилъ мою музыку. Жаль, что я не могу тебѣ показать примитивной формы „Maylied", потому что она была написана весьма неразборчиво карандашомъ, а віолончель еще теноровымъ ключомъ, котораго ты не знаешь; но я увѣренъ, что въ болѣе простомъ, наивномъ видѣ это сочиненіе тебѣ бы болѣе понравилось. Я удивляюсь, впрочемъ, какъ тебѣ не пришло въ голову пожурить меня за несоотвѣтственность музыки сюжету, т. е., не въ отдѣльныхъ мелодіяхъ, а im Ganzen [1]). Это вотъ былъ бы минусъ поважнѣе тѣхъ, которые ты наставилъ. Такъ, напримѣръ, отъ того, что ты называешь лазейками моими, я никогда въ жизни не отступлюсь, потому что намѣренъ много писать для віолончеля и собственно для меня, по моимъ силамъ, ибо въ этомъ не вижу ни малѣйшаго грѣха въ отношеніи къ искусству: то, что выходитъ эфектно на віолончели у меня, выйдетъ и у всякаго,— значитъ я правъ. „Пѣсня Мефистофеля" почти готова.

Начато 14-го августа 1841 г.

Приступая къ чтенію этого моего письма, ты долженъ вспомнить, что я, по натурѣ своей, въ любимцахъ моей души не могу видѣть недостатковъ; слѣдовательно, желаемый тобою разборъ „Фрейшюца" у меня будетъ только панегирикомъ этой оперы. Панегирикъ этотъ, впрочемъ, можетъ быть тебѣ интересенъ потому, что ты увидишь въ немъ резоны, на которыхъ я основываю свое пристрастіе къ Веберу и къ лучшему его созданію.

Что оно точно лучшее, доказывается отчасти уже и эпохою его появленія. 1822 годъ — апогей дѣятельности К. М. Вебера. „Der Freyschütz" — опера, которой сюжетъ представляетъ совершенное единство основной идеи и прекрасно выдержанные характеры. Киндъ (авторъ либретто) превосходно воспользовался поэтическимъ богемскимъ преданіемъ, и всѣ красоты либретто во всей полнотѣ осуществились въ романтическихъ звукахъ Вебера. Ходъ и характеры пьесы стали неразлучными съ этими звуками. (Далѣе слѣдуетъ у А. Н. Сѣрова изложеніе сюжета оперы).

Таковъ сюжетъ оперы. Подробности обработаны весьма удачно и дали поводъ прекраснымъ музыкальнымъ моментамъ, какъ увидимъ. Вотъ увертюра: вникай хорошенько въ музыку. Какое таинственное вступленіе! Съ первыхъ тактовъ ты роднишься съ духомъ германскаго преданія и, зная содержаніе оперы, ты желаешь встрѣтить въ музыкѣ главные характеры и моменты. И не ошибешься: вотъ Саміэль (тактъ 25-й) — это tremolo вселяетъ въ каждаго какой-то мрачный

[1]) Въ цѣломъ.

ужасъ — чуется что-то недоброе. Посмотри, какъ лукаво добирается врагъ къ душѣ Макса (Molto vivace) — сильнѣе и сильнѣе — но духъ Макса борется, и какъ прекрасно выражена эта борьба. Неужели ты и здѣсь скажешь, что и это просто нѣмецкія гаммы и бѣготня? Борьба мало по малу затихаетъ, и геніемъ-примирителемъ является свѣтлый образъ Агаты въ неподражаемо-чистомъ мотивѣ. Какъ я люблю, что въ этой увертюрѣ такъ волшебно перемѣшаны всѣ главные мотивы оперы; эта таинственная амальгама какъ-будто раскрываетъ предо мною книгу судебъ, гдѣ я напередъ прочитываю всю участь тѣхъ дѣйствователей, которыхъ увижу по поднятіи занавѣса! C'est quelque chose de sublime [1])! Для такого впечатлѣнія легко можно пожертвовать новизною мотивовъ, vous conceyez? Но вотъ опять образъ Агаты затмѣвается, душа Макса опять въ борьбѣ съ враждебными силами, но борьба эта теперь принимаетъ болѣе рѣшительный характеръ и разгульные, адски дикіе звуки Каспара заглушаются ангельскимъ голосомъ Агаты; только изрѣдка Саміэль глухо напоминаетъ о себѣ (тактъ 5-й втораго возвращенія Агатина мотива). Между тѣмъ усилія борьбы истощили силы слабой души Макса, онъ въ изнеможеніи, и тутъ опять пробирается къ нему адскій духъ, уже въ полной увѣренности своей побѣды. Онъ торжествуетъ, но, вдругъ, неожиданное явленіе силы, ему враждебной, — силы, предъ которой его вліяніе ничтожно, поражаетъ его, и только глухія, прерывистыя завыванія выражаютъ ропотъ его противъ добраго генія. Прислушайся, какъ чувствительно мановеніе примирительной, благотворной силы — еще нѣсколько едва слышныхъ отголосковъ Саміэля, и все исчезаетъ въ торжественномъ молчаніи. (Нотныя выписки).

. . . . . .

.... Каковъ этотъ финалъ (majeur)? Что можетъ быть блестящѣе и торжественнѣе, а все прежній Агатинъ мотивъ, какая простота и вмѣстѣ какая энергія! По-моему, рѣшительно лучшей увертюры нѣтъ въ цѣломъ музыкальномъ мірѣ. Я бы желалъ тебѣ сказать еще кое-что объ инструментовкѣ этого chef d'oeuvre'a, но вотъ поднимается занавѣсъ. Надобно тебя нѣсколько предувѣдомить, что музыка всей оперы полна чисто германскаго простодушія, и именно въ виду этой наивности ее нельзя сравнивать съ роскошнымъ „Робертомъ“, или великолѣпными „Гугенотами“; то совсѣмъ другой духъ, другое направленіе, и отъ того мнѣ кажется, что новѣйшая попытка Берліоза придѣлать къ „Freyschütz'y“ речитативы, чтобы вставить его въ рамку современныхъ музыкальныхъ драмъ на сценѣ большой парижской оперы,

[1]) Это что-то высокое.

никакъ не можетъ быть удачна: искажать самопроизвольно такое мастерское созданіе—грѣхъ непростительный! Посмотри, какъ просто, безъ всякихъ претензій, выраженъ шумный говоръ нѣмецкихъ крестьянъ: только < и >, но какъ умно! какъ наивно милъ этотъ Bauern-Marsch [1]) и какъ tückisch [2]) эта аріетта крестьянина Киліана. Я не думаю также, чтобы можно было удачнѣе выразить смѣхъ этой толпы мужиковъ. 2-й нумеръ — терцеттъ, гдѣ я прошу тебя обратить осс-бенное вниманіе на партію Каспара, который такъ превосходно впадаетъ своими рѣзкими звуками въ общую гармонію и неподражаемыми диссонансами съ первыхъ нотъ высказываетъ весь свой характеръ. Обдѣлка этого терцетта въ техническомъ отношеніи—классическая. Ты едва-ли еще знаешь, какъ трудно писать только для 3-хъ голосовъ! Замѣть еще наивные звуки мелодій Макса, ты по одной нотѣ иногда узнаешь его персонажъ въ теченіе оперы. Вотъ такова-то должна быть вѣрность созданія основной его идеѣ! Терцеттъ заключается хоромъ утѣшающихъ Макса охотниковъ, живымъ и радушнымъ. Но что сказать тебѣ объ истинно-нѣмецкомъ вальсѣ? Я увѣренъ, что онъ для тебя убійственъ своею флегматическою аккуратностью, и теперь сдѣлался несносенъ отъ популярности шарманокъ. Что дѣлать, всему вина не Веберъ, а нѣмцы. Если взять этотъ вальсъ отдѣльно, то покажется, что онъ недостоинъ „Фрейшюца“, но, въ связи оперы, онъ какъ нельзя лучше живописуетъ нѣмецкихъ крестьянъ и совершенно кстати. Замѣть также, какъ счастливо изображено въ финалѣ вальса постепенное удаленіе его звуковъ (это прототипъ всѣхъ подобныхъ morendo въ „Робертѣ“ и „Гугенотахъ“). Максъ остается одинъ, и сумракъ вечера располагаетъ его къ мечтанію. Онъ несчастливъ, и мягкая душа его высказываетъ свою болѣзнь въ жалобныхъ звукахъ. Максъ груститъ о прежнихъ блаженныхъ дняхъ, и какъ граціозенъ главный мотивъ его аріи! Такія мелодіи творятся только истиннымъ вдохновеніемъ! Но вотъ Саміэль крадется въ глубинѣ сцены и, закрывъ глаза, ты бы узналъ его присутствіе изъ наводящихъ невольный трепетъ аккордовъ—это все то-же tremolo, что́ и въ увертюрѣ. Максъ отгоняетъ отъ себя злыя внушенія, въ душѣ его свѣтлѣетъ (прототипъ перерыва граціозныхъ куплетовъ Алисы завываніями „адскаго вальса“, и снова водворившейся тишины—въ 3-мъ актѣ „Роберта“): онъ представляетъ себѣ Агату, и все какъ простодушно мило. Опять перерывъ: „doch mich umgarnen finstre Mächte“—Allegro con fuoco цѣликомъ изъ увертюры, та борьба, о которой я тебѣ уже говорилъ:

---

[1]) Мужицкій маршъ.

[2]) Лукава.

это финалъ аріи. Приходитъ Каспаръ. Этому характеру, кромѣ въ описанныхъ мною morceaux d'ensemble, Веберъ далъ только два главные solos: это „Trinklied“ и финальная арія 1-го акта. Но вникни въ нихъ: что за обдуманность, это настоящій нѣмецкій Bursche, облагороженный идеальнымъ злодѣйствомъ. Можетъ-ли быть что-нибудь прекраснѣе въ отчаянно-дикомъ родѣ, какъ эта застольная пѣсенка? Жаль, что она тебѣ придетъ не по вкусу: ты не любишь того, что близко къ burlesque. А большая арія, разбери весь ея ходъ, какое разнообразіе и какая сила! Какая необычайная смѣлость въ диссонансахъ и во всемъ Behandlung [1]). Среди полнаго разгула адской радости этого соблазнителя, ты опять слышишь припѣвъ его пѣсни. Замѣть также аккорды 4-го и 5-го такта съ конца всей аріи — какая энергія! Никогда не перестану я удивляться также самому счастливому расположенію или плану этой оперы. 1-й актъ кончился, занавѣсъ упалъ, и ты весь полонъ еще буйныхъ звуковъ Каспара, но вотъ сцена опять открывается граціозною комнатою Агаты — какой контрастъ! А музыка, музыка—вотъ гдѣ есть чему поучиться, несмотря на ангельскую простоту. Муза гармоніи не любитъ реальнаго міра, между тѣмъ торжество ея—опера, гдѣ все поневолѣ должно осуществляться! Трудно согласить эти идеи; отъ того, какъ я тебѣ уже, кажется, и говорилъ, камень преткновенія для всѣхъ композиторовъ—изображеніе отдѣльныхъ реальныхъ моментовъ. Tonmalerei [2]) всегда невыразимо несносна. Можетъ быть, особенно трудно музыкою выразить то, что въ реальной природѣ s'adresse directement à nos oreilles [3]). Не должно забыть, что музыка никогда не передастъ намъ настоящаго впечатлѣнія реальныхъ предметовъ, а только возбуждаетъ въ насъ тѣ чувства, которыя, подъ вліяніемъ извѣстнаго настроенія, родятся въ насъ отъ реальныхъ впечатлѣній. Объясню нѣсколько примѣромъ, и примѣромъ, нарочно самымъ фактическимъ: тебя поражаетъ звукъ колокола, онъ отдается въ твоей душѣ. Музыка не должна выразить настоящій звукъ мѣди, а то, какъ этотъ голосъ отдается въ твоей душѣ, и поэтому, сообразно извѣстному настроенію, передаетъ его или въ мажорномъ или минорномъ аккордѣ, или въ диссонансѣ, хотя бы реально звукъ состоялъ изъ одной ноты. Такъ и всегда. Надѣюсь, что ты понялъ мою идею. Она, кажется, довольно проста. Но, основываясь на ней, я тѣмъ лучше цѣню достоинство Вебера, который никогда не измѣнялъ этому правилу; особенно во „Фрейшюцѣ“ эта идея вполнѣ

---

[1]) Разработкѣ.

[2]) Живопись звуками.

[3]) Непосредственно обращается къ нашимъ ушамъ.

развита. Прислушайся къ главному мотиву дуэта, которымъ начинается 2-й актъ. Ты тотчасъ, по мѣрному и довольно рѣзкому впаденію среднихъ нотъ (въ которыхъ лежитъ мелодія), почувствуешь такое же мѣрное ударенie и на самомъ фактѣ. Въ самомъ дѣлѣ, это Анета прибиваетъ упавшій со стѣны портретъ. Но, между тѣмъ, стука отъ ея молотка, настоящаго стука, въ музыкѣ нѣтъ, и не должно быть. Весь дуэтъ Агаты и Анеты дышетъ наивною прелестью германскихъ дѣвушекъ. Предоставляю тебѣ самому прослѣдить его тактъ за тактомъ, соображая съ текстомъ. За дуэтомъ слѣдуетъ une ariette enjouée [1]) Анеты, въ видѣ alla polacca. Граціозность чрезвычайная — замѣть только особенно миленькое solo віолончеля (нотный примѣръ). Не правда-ли, что это чистый вздохъ любви? Справься съ текстомъ. И послѣ этого, ты можешь быть противъ Вебера? Боже мой, что́ я бы отдалъ за одинъ такой тактъ въ моемъ сочиненіи! Вотъ такая Tonmalerei соотвѣтствуетъ божественному назначенію музыки! Большая арія Агаты вполнѣ безсмертна, и болѣе ни слова. Перейдемъ лучше къ терцетту: „Wie? was? Entsetzen“, который, вѣроятно, тебѣ не такъ знакомъ, а высоко прекрасенъ во всѣхъ постепенностяхъ. Во 1-хъ, эти частыя паузы въ первыхъ тактахъ, какъ удачно выражаютъ онѣ прерывистую отъ страха заботливость въ вопросахъ, потомъ эта непринужденная грація въ первомъ мотивѣ — таинственный аккомпаниментъ віолончеля — порывъ рѣшимости, который составляетъ типическую идею всего терцетта, и потомъ это неподражаемое теченіе (Fluss) всей музыки его, нигдѣ не замѣтишь никакихъ спаекъ, все такъ должно было быть. Пожалуйста замѣть все это; и Andantino, что за ясная простота въ каждой фразѣ—для финала опять тотъ главный порывъ. Отъ этого, что за круглота, что за оконченность!

Теперь мы дошли до такого мѣста во „Фрейшюцѣ“, которое привлекло на себя особенное вниманіе толпы, и отъ того было предметомъ самыхъ жаркихъ разсужденій ученыхъ и серьезныхъ критиковъ. По моему, „Волчья долина“ всегда останется chef d'oeuvre'омъ картинной музыки, которая тутъ, разумѣется, на своемъ мѣстѣ. Несмотря, однако, на всю опредѣлительность изображеній, вся эта музыка какъ нельзя лучше подкрѣпляетъ мою теорію о Tonmalerei. Отъ чего съ самыхъ первыхъ тактовъ на тебя какъ-будто пахнетъ сѣрный и мрачный воздухъ этого адскаго логовища? Аккорды, кажется, довольно простые, но ты точно такихъ нигдѣ не найдешь. Передъ нотными строчками написано только „sostenuto“. Какъ это глубоко! Мнѣ кажется, что это sostenuto выражаетъ все напряженіе души слушателей при

[1]) Веселенькая аріетка.

первыхъ аккордахъ этого страшнаго финала, именно мы всѣ какъ будто удерживаемъ дыханіе, при волненіи тихаго, скрытаго, но адски глубокаго ужаса. Изрѣдка ты слышишь завыванія вѣтра между высокими соснами таинственной долины, слышишь ихъ колебанія—потомъ опять уединеніе—но вотъ бьетъ полночь—замѣть, ты не найдешь 12-ти ровныхъ ударовъ колокола, Веберъ это предоставилъ закулиснымъ таинствамъ, онъ только выразилъ содроганіе души при глухомъ гулѣ отдаленнаго колокола,-и какъ это выражено! Замѣть также, что это содроганіе отъ времени до времени повторяется до самыхъ тѣхъ поръ, когда Максъ сошелъ съ горы и начинается литье пуль. Я не знаю, кто бы изъ композиторовъ могъ такъ воспользоваться наивнымъ волшебствомъ сюжета. Какъ легко можно было тутъ впасть въ пошлую тривіальность, или пересолить слишкомъ большою важностію и торжественностію, что́ было бы вовсе противно духу оперы. Во время литья пуль, дикость и смѣлость гармоніи непомѣрна. Я жалѣю только объ одномъ, что мнѣ никогда не приводилось взглянуть на партицію оркестра въ этомъ мѣстѣ! Это было бы чрезвычайно занимательно и наставительно! Впрочемъ, сохрани Богъ отъ мысли когда-нибудь подражать этимъ смѣлостямъ и дерзостямъ: если этого не дано, то выйдетъ одно смѣшное.

Финалъ опять изъ увертюры—торжественно дерзкіе аккорды Самэля, который достигъ желаннаго; потомъ, опять скачущіе аккорды, которые намъ извѣстны изъ увертюры и изъ аріи Каспара. Не напоминаетъ-ли тебѣ, однако, этотъ финалъ втораго акта „Фрейшюца“ точно такой же адскій финалъ 3-го акта „Роберта“? „A quelques accords près, c'est la même chose“ [1]).

Передъ третьимъ поднятіемъ занавѣса, Веберъ подарилъ намъ morceau инструментальной музыки, гдѣ выразилъ одинъ изъ элементовъ оперы, котораго, для бо́льшаго единства, не хотѣлъ включить въ серьезную увертюру,—именно, охотничій бытъ, das Jägerwesen, мастерски перемѣшавъ эти веселые звуки съ таинственнымъ приближеніемъ развязки. Третій актъ начинается каватиной Агаты и соломъ віолончеля. Полюбуйся умомъ и прелестью этого мотива. И опять, что за счастливый контрастъ съ недавно-исчезнувшей „Волчьей долиной“, какъ-будто солнце и голубое небо послѣ бури! Вотъ это—поэзія въ сюжетѣ. Потомъ баллада или романсъ Анеты, въ которомъ чрезвычайно много (какъ и во всей ея роли) истиннаго комизма или юмору. И опять, что за простота въ обдѣлкѣ! Потомъ, ея же граціозная аріетта, въ сопровожденіи віолы. Мотивы самые счастливые, теченіе неподражаемое!

[1]) Оставляя въ сторонѣ нѣсколько аккордовъ, это одно и тоже.

Третій актъ „Фрейшюца" представлялъ самую разнообразную канву для геніальнаго компониста. Явленія быстро смѣняются одно другимъ. Вотъ приходятъ дѣвушки и поютъ свадебную пѣсенку, которая, къ несчастью, сдѣлалась такъ же несносно популярна, какъ и вышереченный вальсъ. Что дѣлать, а все хорошо и мило. Замѣть это удаленіе звуковъ при удаленіи пѣвицъ. Сцена перемѣняется. Пиршество охотниковъ. Хоръ ихъ тебѣ уже извѣстенъ изъ антракта (и я думаю также и по народности его), но какъ онъ блестящъ и хорошъ, какая смѣлая кисть! Но вотъ мы дошли и до финала, гдѣ геній Вебера развернулся во всемъ своемъ величіи. Я до того часто игралъ этотъ chef-d'oeuvre, что у меня каждая его нота сдѣлалась присуща душѣ. Но всему есть мѣра. Ограничимся главными чертами. Развязка этой оперы, по самой своей таинственности, важна и торжественна. Музыка вполнѣ этому соотвѣтствуетъ. Разбери самъ всю постепенность мыслей, повѣряя ихъ текстомъ. Какъ тутъ особенно хороши мелодіи Макса, какая мягкость и нѣжность! Лучше, право, всѣхъ возможныхъ итальянскихъ. Каковъ этотъ хоръ народа: „Er war von je ein Bösewicht!" Опять Максовы мелодіи; замѣть также, что Веберъ нисколько не заботится о наружной оконченности своихъ мотивовъ — доказательство удивительная мысль (нотный примѣръ—G-dur), у которой даже нѣтъ второй части. Но ея и ненужно, потому что и такъ хорошо. Замѣть вступленіе пустынника, что̀ можетъ быть торжественнѣе? и потомъ, что можетъ быть искреннѣе, понятнѣе для души, какъ этотъ речитативъ Макса въ сопровожденіи гобоя, и, наконецъ, по-моему, безсмертный мотивъ: H-dur (нотный примѣръ), достойный финала безсмертной оперы; замѣть переходъ въ C-dur, короткое Largo, молитву, а потомъ самый конецъ концовъ тебѣ ужъ извѣстенъ.

2-го сентября 1841 г.

Препровождая къ тебѣ разборъ „Фрейшюца", не могу удержаться, чтобъ еще немножко не побесѣдовать съ тобою о разныхъ предметахъ. А именно, до сихъ поръ никогда не удавалось мнѣ сообщить тебѣ впечатлѣній моей ревельской жизни. Не знаю, какъ на тебя, а на меня природа во всемъ величіи своей простоты оказываетъ самое благотворное вліяніе. Я тогда какъ-будто дома, въ своемъ элементѣ. И для этого чувства мнѣ вовсе не нужны какія-нибудь особенно величественныя явленія, нѣтъ—море, лунный свѣтъ, горы и зелень вдали, кое-гдѣ признаки бытія человѣческаго, и я вполнѣ доволенъ. Замѣть, впрочемъ, пристрастіе моей натуры къ безмятежному спокойствію ночи: я дѣйствительно не люблю шумнаго дня, несмотря на прелесть его разнообразія. Именно это разнообразіе мѣшаетъ впечатлѣніямъ; тогда

какъ въ спокойную ночь всякое впечатлѣніе получаетъ особенно широкую силу, деспотическую власть, и par réaction [1]), заставляетъ душу нашу также распростираться по цѣлому объему внѣшняго міра, обнимать и вмѣщать въ себѣ самыя сокровенныя тайны бытія, хотя вовсе безотчетно и съ младенческимъ умиленіемъ прислушиваться къ дыханію вселенной! Само собою разумѣется, что такое настроеніе, гармоническое по самому существу, должно быть самымъ благопріятнымъ для музыки. И — теперь слѣдуетъ фактъ — я вполнѣ испыталъ всю производительную силу этихъ ночныхъ и лунныхъ впечатлѣній, хотя доказательства этой силы видимо еще не вполнѣ осуществились. Сказать попроще, я въ самомъ дѣлѣ въ прекрасныя іюльскія ночи (которыя, между прочимъ, были весьма рѣдки въ Ревелѣ) набрался, впиталъ въ себя весьма много самыхъ чистыхъ мыслей, изъ которыхъ только весьма немного успѣлъ кое-какъ набросать на бумагу, прочее все въ головѣ. Мнѣ кажется, что никто изъ поэтовъ такъ хорошо не понималъ природы, какъ мой неподражаемый Гёте, и я желалъ бы чрезвычайно, чтобъ моя къ нему симпатія довела и меня до такого же всеобъемлющаго взгляда на міръ. Гармонія природы всегда будетъ лучшимъ источникомъ для музыкальныхъ вдохновеній. Говоря о природѣ, не могу не похвалить тебя за остроумную теорію контрастовъ—я въ нее вѣрю отъ всей души, потому что и самъ давно замѣчалъ проявленіе этого всеобщаго закона во всемъ окружающемъ. Всякое движеніе, всякая жизнь есть результатъ противуположностей. Ты столько знаешь физику и физіологію, что моя мысль не требуетъ поясненій. Но мы, кажется, не совершенно сходимся въ основныхъ понятіяхъ объ этой теоріи. Я принимаю ее какъ ту-же самую, давно намъ знакомую теорію 2 d, безъ всякаго измѣненія, и поэтому я вездѣ вижу осуществленіе этой теоріи въ Aneinanderreihen der Contrasten [2]), а не въ отношеніи причины къ дѣйствію, желанія къ исполненію (особенно послѣднее: контрастъ между Thun und Wollen [3]) весьма легко можетъ обратиться въ puérilité [4]). Возьмемъ область изящнаго—взгляни, какую важную роль тутъ занимаютъ контрасты, но всегда въ ихъ Aneinanderreihen, т. е., когда они стоятъ рядомъ или слѣдуютъ одинъ за другимъ. Стоятъ рядомъ въ живописи (и во всѣхъ пластическихъ искусствахъ); слѣдуютъ одинъ за другимъ въ музыкѣ (и во всѣхъ тоническихъ искусствахъ). Контрасты другаго рода, когда какія-нибудь рѣзкія впечатлѣнія, при извѣстныхъ отношеніяхъ, вызываютъ

[1]) И по реакціи.
[2]) Обоюдномъ примыканіи контрастовъ.
[3]) Дѣйствіе и желаніе.
[4]) Мелочность.

изъ души нашей образы діаметрально-противоположные первымъ, по моему мнѣнію, возможны только въ самомъ опредѣленномъ выраженіи изящныхъ мыслей, т. е. въ поэзіи (въ тѣсномъ ея значеніи). Трудно себѣ представить такого рода контрасты въ пластическихъ искусствахъ; еще труднѣе, или просто невозможно,—въ нашей музыкѣ. По моему мнѣнію, музыка слишкомъ простодушна для какой-нибудь arrière pensée [1]) (а именно въ этомъ прекрасномъ выраженіи заключаются тѣ контрасты, о которыхъ я тебѣ сейчасъ говорилъ). Музыка по самому существу своему требуетъ полной души, полной, такъ-сказать, преданности впечатлѣніямъ, совершеннаго отсутствія всѣхъ прочихъ впечатлѣній, мыслей, понятій и представленій, un véritable abandon [2]). При такомъ состояніи не размышляютъ. Но, Боже мой, что можетъ быть блаженнѣе этого состоянія! Безъ всякаго сомнѣнія, это проблескъ того постояннаго восторга, до котораго мы нѣкогда дойдемъ, т. е. чрезъ тысячи лѣтъ. Вотъ моя религія! Съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе я погружаюсь въ элементъ изящнаго, и ничего, кромѣ изящнаго, знать не хочу. Какъ мнѣ жалки всѣ люди, которымъ недоступны наши наслажденія! Повѣришь-ли ты, иногда, размышляя, я дохожу до такой идеи, что человѣкъ отличается отъ всѣхъ прочихъ живыхъ созданій на земномъ шарѣ единственно идеею красоты. Это и по самой логической повѣркѣ оправдается, если только ты въ мою идею красоты включишь все, что обыкновенно называютъ разумомъ, божественной искрой. По моему, какъ слѣдствіе той идеи, выйдетъ, что жизнь человѣку дана только для наслажденія, для нѣги (voluptas, въ типическомъ смыслѣ Эпикура), но для той нѣги, которую доставляетъ намъ осуществленіе идеи красоты! Тѣлесныя наслажденія въ моей теоріи займутъ также не послѣднее мѣсто, потому что вполнѣ соотвѣтствуютъ нѣкоторымъ проявленіямъ изящнаго, да уже и потому, что они дарованы намъ природою, а что она даруетъ, тѣмъ, право, не хорошо пренебрегать. Но теперь вопросъ: для чего существуютъ тѣ люди, которые, съ образомъ и подобіемъ человѣка, не носятъ на себѣ главнаго его отличія, оной вышереченной идеи? При нихъ, конечно, останутся тѣлесныя наслажденія, но вѣдь эти наслажденія дозволены и всѣмъ низшимъ тварямъ? Надо еще хорошенько подумать объ этомъ! А пока довольно философствовать; я, думаю, уже тебѣ крайне наскучилъ своими выспренностями. Хотѣлъ послать къ тебѣ полуготовую „Пѣсню Мефистофеля", но раздумалъ, потому что я, кромѣ нѣсколькихъ тактовъ сначала, намѣренъ предать ее уничтоженію, какъ неудачную работу. Я

---

[1]) Задней мысли.

[2]) Истинной непринужденности.

впалъ, въ этомъ опытѣ, въ большой грѣхъ, въ которомъ чистосердечно каюсь, а именно, старался, за недостаткомъ настоящихъ мыслей, выѣпить всю послѣдовательность сочиненія по нѣкоторымъ принятымъ формамъ, и по почерпнутымъ изъ теоріи аккордамъ: вышла довольно связная, но безцвѣтная размазня. Боже сохрани тебя и меня отъ этой musique sculptée [1]). Знаешь-ли что, страшно выговорить: иногда на меня находятъ минуты, въ которыхъ я (уфъ!) сомнѣваюсь въ величіи Мейербера (!!), именно оттого, что иногда слишкомъ ясно вижу въ немъ эту лѣпную работу! Безъ всякаго сомнѣнія, она есть у всѣхъ композиторовъ, старыхъ и новыхъ, нынѣшнихъ и будущихъ, но уже я ее скорѣе прощу, когда она простодушно открыта всѣмъ, (вѣдь нельзя же быть вѣчно въ вдохновеніи, а писать иногда надобно много), нежели когда меня какимъ-то непозволительнымъ кудесничествомъ хотятъ оморочить и заставить принять эту лѣпную работу за истинный говоръ души! я никогда не могу простить фальши. А нельзя не признаться, что она есть у моего Мейербера, да еще какая, настоящая жидовская, тонкая, червячкомъ не подточишь, и скорѣе по какому-то негативному чувству, инстинкту, узнаешь ея присутствіе, нежели рачительнымъ анализомъ до нея доберешься. Я съ нѣкотораго времени, впрочемъ, вообще сталъ вѣрить въ прямое душевное увлеченіе, и во всѣхъ своихъ поступкахъ стараюсь слѣдовать первымъ минутнымъ порывамъ. Кто вѣритъ въ руководителя, того онъ дѣйствительно руководитъ, можно даже совершенно младенчески отложить въ сторону всякій разсудокъ человѣческій!

8-го сентября 1841 г.

По моему, отрицать въ музыкѣ колоритъ, значитъ отнять у лучшаго изъ искусствъ одинъ изъ лучшихъ его элементовъ, уничтожить спеціальность его проявленія, уничтожить связь музыки съ внѣшнимъ міромъ, набросить на свѣтлую музу завѣсу самой туманной неопредѣлительности (а ты уже довольно знаешь, какой я смертельный врагъ этой неопредѣлительности!). Что̀ можетъ быть восхитительнѣе въ музыкѣ, какъ „une couleur locale bien sentie“! [2]). Ты знаешь, сверхъ того, что я нападалъ (и нападаю) на оперы итальянскихъ маэстро именно за отсутствіе колорита или, лучше сказать, за преобладаніе во всѣхъ ихъ произведеніяхъ одного итальянскаго колорита, хотя бы дѣйствіе происходило въ Исландіи. Но искусства имѣютъ свои предѣлы, и „le sentiment presqu' instinctif de ces limites“ [3]) есть отличительный

[1]) Лѣпленой музыки.
[2]) Хорошо почувствованный мѣстный колоритъ.
[3]) Почти инстиктивное чувство этихъ границъ.

признакъ настоящаго артиста, настоящаго дѣйствователя въ области изящнаго! Я давно отступился отъ своей „Maylied“, которой бы не нужно было писать вовсе, или писать, такъ уже вовсе не въ томъ духѣ, какъ она написана. Le sujet est totalement manqué [1]). Впередъ буду осторожнѣе. Теперь пока я долго буду держаться правила: выбирать для омузыкаленій только такія поэтическія произведенія, для которыхъ сами творцы ихъ уже предполагали музыку. Въ такихъ случаяхъ колоритъ обозначается гораздо явственнѣе. Если какой-нибудь поэтъ надписываетъ надъ своимъ твореніемъ: Chanson, Ballade, даже Hymne, или Marche, Ronde, то онъ этимъ выражаетъ желаніе свое слышать свои слова въ звукахъ музыки, которые, можетъ быть, ему, по-своему, и чудились уже когда-нибудь. По опыту этого не знаю, потому что самъ не писалъ стиховъ и не сидѣлъ внутри ничьей стихотворной головы. Понимая, такимъ образомъ, связь музыки со словами, въ такъ названныхъ нами музыкальныхъ иллюстраціяхъ, я не вижу, почему ты считаешь унизительнымъ для достоинства музыки, если она иногда берется дополнять уже высказанное. Твореніе, такимъ образомъ дополненное, есть совершенно новое твореніе, ибо музыка, по высокому своему качеству, заставляетъ забыть о словахъ, которыя всегда займутъ второстепенную роль, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, твореніе, обязанное своимъ существованіемъ автору первой идеи, которая получила особенное развитіе въ головѣ композиста. По моему, на свѣтѣ только два рода музыки: 1) музыка лирическая, т. е. безъ отношенія къ опредѣленному сюжету—музыка субъективная, и 2) музыка драматическая, съ прямымъ отношеніемъ къ опредѣленной идеѣ (выраженной иногда только въ заглавіи пьесы музыкальной)—музыка объективная. Подкрѣпительныхъ фактовъ для этой теоріи я могу тебѣ представить легіонъ, потому что это любимый предметъ моего мышленія. Оставивъ доказательства, почему я не признаю описательнаго рода въ музыкѣ самостоятельнымъ—до другаго раза, сообщу тебѣ кое-что о музыкѣ драматической. Ты ее вѣрно чрезвычайно любишь, и между тѣмъ не хочешь сознаться, что она по большей части бываетъ дополнительницею (въ высокомъ вышеизложенномъ понятіи)—сыщи мнѣ композитора, который бы рѣшительно одинъ, безъ постороннихъ данныхъ, создалъ бы сюжетъ своей оперы, всѣ ея характеры, дѣйствія, движеніе. Такихъ людей нѣтъ на свѣтѣ, да и зачѣмъ, когда столько есть источниковъ, еще неисчерпанныхъ, столько рудниковъ, къ которымъ даже и хода не открыли (ты самъ помышляешь о Шекспирѣ, о Данте). Даръ музыки и даръ драматизма—врядъ-ли могутъ быть въ одномъ человѣкѣ въ равной степени [2]).

[1]) Сюжетъ совершенно негодный.

[2]) Двадцать два года спустя, въ предисловіи къ первой оперѣ своей «Юдиѳь»

28-го сентября 1841 г.

И такъ, ты знаешь, что для меня существуютъ только два рода музыки: лирическій и драматическій. Я не очень жалую схоластическія, ни къ чему не ведущія, дробленія; поэтому для меня чѣмъ рубрика обширнѣе, тѣмъ лучше. Само собою разумѣется, что сказанные два рода музыки распадаются на бездну видовъ и индивидуальностей. C'est la marche de la nature [1]). Основаніе дѣленія, мною избранное, я надѣюсь, и для тебя покажется заимствованнымъ изъ природы вещей. Сторонъ изящнаго много, а эстетическое чувство — одно, ergo: разнообразныя проявленія изящнаго должны имѣть между собою родственную связь. Оттого-то разграниченія сторонъ изящнаго не слишкомъ рѣзки и скорѣе доступны безотчетному чувству (un tact instinctif), чѣмъ строгому логическому размышленію. Основаніе дѣленія, принятое въ моей теоріи, прямо выводится изъ родственной связи различныхъ проявленій изящнаго, т. е. соприкосновенность поэзіи (въ тѣсномъ значеніи) съ музыкою. Вмѣстѣ—музыка драматическая; раздѣльно—музыка лирическая. Но куда же бы подвести родъ описательный (musique descriptive, что-ли)? По моему, это accessoire, это декорація. Мнѣ пришло на мысль, что ты можешь возразить мнѣ аналогіею (что̀ я очень люблю) изъ другой отрасли изящнаго. Ты можешь сказать: „въ живописи есть особый самостоятельный родъ, ландшафтная живопись (иногда весьма величественная, grandiose). Вотъ параллель описательной музыкѣ". Arretez-vous [2])! Аналогіи бываютъ иногда очень завлекательны и поэтому distinguendum est [3]). Изъ всѣхъ проявленій изящнаго (пожалуйста, вникни, не останавливаясь моимъ учительскимъ тономъ) наиболѣе рѣзко разграничены между собою живопись и музыка. Отъ того аналогія для нихъ нѣсколько трудна (несмотря на заманчивость). Живопись—искусство чисто объективное, музыка—чисто субъективное. Живопись существуетъ во внѣшнемъ реальномъ мірѣ, музыка живетъ только въ человѣкѣ. (Чтобы подробнѣе это разъяснить, мнѣ пришлось бы написать цѣлый курсъ эстетики, что̀ можетъ быть со временемъ и состоится, но теперь скорѣе къ дѣлу). Ландшафты могутъ составлять самостоятельный родъ искусства,

(1863), А. Н. Сѣровъ высказывался прямо наоборотъ. Здѣсь онъ говоритъ: «По моимъ убѣжденіямъ, самый первостепенный литераторъ, именно потому, что онъ литераторъ, а не музыкантъ, создать текстъ для музыкальной драмы не въ состояніи; оттого дѣло выходитъ вѣрнѣе, когда слова и музыка оперы зарождаются въ одной и той же головѣ». В. С.

[1]) Это ходъ природы.

[2]) Остановись.

[3]) Надо различать.

потому что, при всей опредѣлительности живописи, она, какъ изящное искусство, допускаетъ таинственное сообщеніе душъ. Случалось-ли тебѣ, глядя на какой-нибудь изящный ландшафтъ, разшевелить въ головѣ своей такія впечатлѣнія или иден, которыя, повидимому, не имѣютъ отношенія къ зримой тобою картинѣ? Если нѣтъ, то ты врядъ-ли поймешь меня, если же да (и я почти въ этомъ увѣренъ), то ты долженъ уже угадать, что именно это вызываніе однихъ впечатлѣній другими я разумѣю подъ таинственнымъ разговоромъ душъ, т. е. души творца картины и души зрителя, твоей души. Представь же себѣ ландшафтъ, выраженный музыкою. Это будетъ (какъ я уже тебѣ и говорилъ когда-то) выраженіе тѣхъ впечатлѣній, которыя произвела въ композиторѣ та картина природы, которую онъ желаетъ передать намъ; по самому свойству музыки, эти впечатлѣнія болѣе будутъ почерпнуты изъ души самаго композитора, чѣмъ изъ природы; болѣе субъективны, чѣмъ объективны,—иначе искусство было бы унижено. Въ настоящей живописи на оборотъ. Кромѣ того, что̀ авторъ картины желалъ перелить въ тебя изъ своей индивидуальности, ты имѣешь передъ глазами фактическое произведеніе, которое ты повѣряешь мысленно съ натурою, и эта повѣрка доставляетъ уже тебѣ эстетическое наслажденіе (хотя нѣсколько низшаго разряда, но многіе этимъ и ограничиваются при всякихъ картинахъ). Если ландшафтъ дѣйствительно превосходно исполненъ, то ты переносишься въ его природу, и тогда въ головѣ твоей толпятся мысли и впечатлѣнія, тѣ самыя, которыя бы ты имѣлъ при настоящемъ взглядѣ на живую природу. Въ музыкѣ этой фактической повѣрки быть не можетъ, остальное же дѣйствіе картины природы, переданной искусствомъ въ музыкѣ, будетъ слишкомъ безотчетно, чтобъ доставить истинное наслажденіе, какъ картина природы; т. е., такое музыкальное твореніе можетъ быть весьма удовлетворительно какъ чисто лирическое, но если ты не надпишешь, что̀ это: изверженіе Везувія, clair de lune [1]) или Аравійская степь, то вѣрно никто и не будетъ подозрѣвать всего этого! Отъ того, по моему, описательный родъ музыки можетъ существовать скорѣе всего какъ accessoire для драматической музыки, гдѣ уже и безъ заглавія довольно опредѣлительности....

...A propos, у меня теперь въ головѣ довольно серьезный замыселъ, именно: написать, можетъ быть, публичную статью о Моцартовомъ „Донъ Жуанѣ“ (котораго я все это время серьезно изучалъ и совершенно на немъ помѣшался). Это будетъ хорошо во многихъ отношеніяхъ [2]).

Сообщ. **В. В. Стасовъ.**

[1]) Лунная ночь.

[2]) Это намѣреніе осуществилось лишь 12 лѣтъ позже: статьи А. Н. Сѣрова о «Донъ-Жуанѣ» Моцарта напечатаны въ «Пантеонѣ» лѣтомъ 1853 года. Первая же, вообще, печатная статья его появилась въ началѣ 1851 года: это статья «Музыка и виртуозы», напечатанная въ «Библіотекѣ для чтенія». **В. С.**

ПОДЪ ВАРНОЮ.

10-го сентября 1828 г.

(Изъ воспоминаній о лейбъ-гвардіи Егерскомъ полкѣ).

.....[1]). Такъ какъ фуражъ началъ нѣсколько истощаться, то 9-го числа съ утра послана была большая партія фуражировъ подъ прикрытіемъ двухъ взводовъ: Егерскаго—съ поручикомъ Эрнестомъ Тизенгаузеномъ и Финляндскаго при поручикѣ Демидовѣ. Пошли они въ довольно отдаленную деревню Гаджи-Гасанъ-Ларъ и нашли тамъ въ изобиліи немолоченнаго хлѣба, скота и птицъ. Пока навьючивали найденное, офицеры увидѣли вдали кучку конныхъ людей, которыхъ приняли за нашъ кавалерійскій разъѣздъ. Когда все было уложено, пустились въ обратный путь: впереди пошелъ взводъ финляндцевъ, потомъ вереница фуражировъ, а въ заключеніе взводъ егерей. Не успѣли они втянуться въ узкую дорогу по лѣсной чащѣ, какъ впереди послышались выстрѣлы: турки перерѣзали дорогу командѣ; но Демидовъ со своими финляндцами разомъ отогналъ ихъ штыками и очистилъ путь для фуражировъ, которые и поскакали въ лагерь; нѣкоторые изъ нихъ, со страха, побросали свои вьюки, а другіе, посмышленнѣе, все въ цѣлости доставили на позицію. Но не всѣ успѣли проскакать. Турки снова высыпали изъ лѣса и финляндцамъ пришлось опять прогонять ихъ штыками и преслѣдовать выстрѣлами. Между тѣмъ

---

[1]) Въ турецкую войну 1828 года, при осадѣ Варны, отрядъ въ 6,000 человѣкъ, подъ командою генералъ-адъютанта Головина, былъ посланъ въ обходъ на южную сторону крѣпости, чтобъ отрѣзать сообщеніе ея съ полевыми турецкими войсками. Въ составѣ этого отряда были гвардейскіе полки: Егерскій и Финляндскій. Продовольствіе обезпечивалось обильными фуражировками по окрестнымъ деревнямъ. П. С.

егеря, въ свою очередь, были атакованы съ большимъ ожесточеніемъ: сзади бросилась на нихъ кавалерія, съ боковъ осыпала пулями пѣхота. Тизенгаузенъ встрѣчалъ залпами кавалерію, а крайніе ряды взвода штыками отгоняли турокъ въ глубь лѣса. Слишкомъ густая чаща мѣшала нашимъ свободно дѣйствовать въ лѣсу; да и турки съ большимъ затрудненіемъ продирались между кустами, и потому скоро оставили боковыя, безполезныя для нихъ нападенія. За то кавалерія, несмотря на большія потери послѣ атакъ, еще яростнѣе ихъ возобновляла. Нѣсколько всадниковъ, за бѣшенымъ делибашемъ, въ высокой шапкѣ и бѣломъ плащѣ (анатолецъ), съ налета врѣзались во взводъ; но въ одинъ мигъ подняты были на штыки; солдаты, смѣясь, говорили потомъ:

— Уважили ихъ благородіе, досыта накачали.

Фуражиры, прискакавшіе на позицію, возбудили тамъ тревогу; въ ту же минуту посланы были капитанъ Крузе съ 3-й ротой на выручку, а полку велѣно было одѣться и быть на готовѣ. Прибытіе Крузе помогло; свѣжіе люди уже не защищаться стали, а сами бросались впередъ и далеко прогнали турокъ, которые, увидя подкрѣпленіе, не тревожили больше егерей. Съ пѣснями возвратились рота и взводъ назадъ, и цѣлый остальной вечеръ не было конца разсказамъ; офицеры тотчасъ раскупили у солдатъ принесенные трофеи съ убитыхъ: сабли, ятаганы, чалмы и проч. Однако, было 7 убитыхъ и 5 раненыхъ фуражировъ и егерей. Всѣ мы, веселые, заснули сладкимъ сномъ въ нашихъ баракахъ.

Сентября 10-го (1828 г.) встали мы рано, веселы и бодры; солнце свѣтило ярко; никому и въ голову не приходило думать о томъ, какъ кончится день, такъ хорошо начинающійся.

Съ разсвѣтомъ, 1-я карабинерная рота съ Энгельгардтомъ послана была на развѣдку о непріятелѣ, котораго присутствіе вчера заявилось. Со всѣхъ ротъ люди отправлены были на работу редутовъ и на пристань для перевозки орудій.

Солдаты, сидя у своихъ бивуковъ, чистили аммуницію, чинили одежду и обувь, припѣвая въ полголоса; офицеры ходили изъ барака въ баракъ и разсуждали о вчерашней стычкѣ.

Вдругъ мы замѣтили какое-то необыкновенное движеніе около палатки генерала Головина. Потребовали туда нашего пол-

коваго начальника. Черезъ полчаса вышелъ онъ оттуда и закричалъ:

— Егерскій полкъ, надѣвать аммуницію, разбирать ружья, строиться въ колонны!

Когда мы выстроились, генералъ Гартонгъ подошелъ къ полку печальный и сказалъ:

— Государь императоръ, вслѣдствіе донесенія о вчерашнемъ дѣлѣ, приказалъ сдѣлать усиленную рекогносцировку, поруча ее флигель-адъютанту графу Залускому, полковнику польскихъ войскъ. Генералъ Головинъ назначилъ въ эту рекогносцировку Егерскій полкъ. Хотя мой полкъ и поступаетъ подъ команду младшаго, но я полка не оставлю, а пойду съ вами.

Полкъ выстроился въ походную колонну, имѣя по 20-ти рядовъ во взводѣ; за отсутствіемъ 1-й карабинерной роты, прикомандирована къ полку 1-я егерская рота Финляндскаго полка при капитанѣ Насакинѣ. Между баталіонами сталъ взводъ казачьей артиллеріи при поручикѣ Суворовѣ. За 2-мъ баталіономъ дивизіонъ Сѣверскихъ конно-егерей и эскадронъ Бугскихъ улановъ. Нѣсколько гвардейскихъ казаковъ стали впереди отряда.

Когда все было готово, графъ Залуской, довольно плотный, косой и съ рыжими усами, подъѣхалъ къ полку и поздоровался съ людьми, не спроса разрѣшенія Гартонга. Первымъ его дѣломъ было приказаніе офицерамъ снять эполеты и знаки, конечно, изъ чувства человѣколюбія, чтобъ блескъ металла не привлекалъ на офицеровъ вниманія непріятеля. Онъ самъ подалъ примѣръ, выѣхавъ безъ эполетъ. Потомъ одну часть казаковъ послалъ онъ патрулями впередъ по дорогѣ, другую—оставилъ себѣ въ прикрытіе. Затѣмъ скомандовали: «маршъ!» и мы пошли. Пошли по той дорогѣ, о которой я прежде говорилъ, крайне узкой, обросшей справа и слѣва сплетенными кустами кояваго дуба и терновника, наполнявшими всѣ лѣса Балканскихъ предгорій. По этой же дорогѣ вчера ходили наши фуражиры. Едва мы спустились съ горы въ этомъ дефиле, какъ вышелъ намъ на встрѣчу слѣва Энгельгардтъ, нигдѣ не видавшій непріятеля; ему велѣно вернуться на то мѣсто, откуда пришелъ, и оставаться тамъ до дальнѣйшихъ приказаній, и Энгельгардтъ пошелъ опять влѣво въ чащу лѣса.

Скоро раздался выстрѣлъ. Прискакавшій казакъ сказалъ, что

на площадкѣ, гдѣ прежде стояла рота Кромина, былъ турецкій пикетъ, который, увидя казаковъ, сдѣлалъ выстрѣлъ изъ пистолета и ускакалъ. Объяснили Залускому, что вообще при движеніи пѣхоты высылается отъ нея авангардъ, а тѣмъ болѣе въ мѣстности лѣсистой. Залуской послушался; вызванъ былъ въ авангардъ мой 6-й взводъ 1-го баталіона. Казаковъ убрали, а я выслалъ патрули. Продолжая идти, авангардъ наткнулся на голое тѣло, лежащее поперегъ дороги, вѣроятно на томъ мѣстѣ, гдѣ вчера были атакованы фуражиры. Трупъ былъ звѣрски изрѣзанъ: турки надъ нимъ насмѣялись, изуродовавъ его неприличнымъ образомъ. Егеря пришли въ бѣшенство отъ этого варварства; въ убитомъ узнали деньщика генерала Воропанова, который вчера не вернулся съ фуражировки. Идемъ. Вдругъ впереди опять раздались выстрѣлы; бѣжитъ назадъ унтеръ-офицеръ Игнатій Михайловъ, бывшій въ патрулѣ, и доноситъ, что турки засѣли вездѣ по дорогѣ въ кустахъ. Подтянулись, осмотрѣли оружіе; я приказалъ не стрѣлять, но, увидя непріятеля, броситься въ штыки. Не успѣли сдѣлать шаговъ ста, какъ изъ лѣсу, справа и слѣва загремѣли выстрѣлы и посыпались пули. Егеря дружно бросились въ штыки; турки побѣжали, мы за ними и по ихъ слѣдамъ вышли на свѣтлую поляну. Тотчасъ по выходѣ изъ лѣса взводъ сомкнулся и сталъ на опушкѣ, вправо отъ дороги, въ ожиданіи полка. Площадка, на которую мы вышли, имѣла шаговъ около 500 въ длину, но въ ширину, особенно при выходѣ изъ лѣса, была очень узка. Вправо ее ограничивалъ низкій кустарникъ, влѣво—виноградникъ; прямо на холмѣ—рѣдкій лѣсъ изъ высокихъ деревьевъ. Въ лѣсу этомъ были турки, которые въ эту минуту засуетились, забѣгали, сѣдлали коней, кричали; видно было, что они застигнуты нами неожиданно, и что они строятся; разноцвѣтные плащи и одежды мелькали между деревьями; конные скакали въ разныя стороны; сначала войска казалось мало, но потомъ весь полукругъ впереди насъ наполнился множествомъ турокъ. Вправо противъ насъ, шагахъ въ ста, былъ ложементъ, изъ котораго высовывались головы въ чалмахъ; влѣво, шагахъ въ 200, стояла зеленая палатка, которой предназначеніе осталось намъ неизвѣстнымъ. Пока мы осматривались, пріѣхалъ полковникъ Буссе и сдѣлалъ мнѣ замѣчаніе, что я не долженъ былъ высовываться впередъ, но оставаться въ лѣсу на окраинѣ. Подошли баталіоны: 1-й сталъ лѣвѣе, 2-й правѣе, въ колоннахъ

къ атакѣ; два орудія между баталіонами. Площадка была такъ тѣсна, что лѣвый флангъ 1-го баталіона упирался въ виноградникъ, а правый 2-го—въ кустарникъ. Кавалерію негдѣ было выстроить и ее поставили впереди лѣваго фланга 1-го баталіона. лицомъ въ виноградникъ. Ужъ лучше бы ея вовсе не выдвигали изъ лѣса. Графъ Залуской появился за пѣхотою. Едва увидѣлъ онъ массы турокъ, какъ тотчасъ же вынулъ пистолетъ изъ чушки и прикрытію своему, казакамъ, велѣлъ отъѣхать назадъ, говоря, что ихъ красная одежда будетъ служить цѣлью.

Когда выстроились, не знали, что дѣлать. Повидимому, турокъ противъ насъ было болѣе 10,000 человѣкъ. Начальники всѣ съѣхались въ интервалъ между баталіонами. Саргеръ и Буссе требовали, чтобъ немедленно ударить на турокъ,—они были убѣждены въ томъ, что опрокинутъ ихъ,—затѣмъ вернуться прежней дорогой; въ случаѣ же, если бы турки зашли намъ въ тылъ, пробираться къ броду, находящемуся не вдалекѣ. Но графъ Залуской пояснилъ, что если придется идти на бродъ, то черезъ это ослабится позиція генерала Головина, а главное, что цѣль рекогносцировки не сраженіе, а узнаніе о непріятелѣ; мы исполнили свою задачу, слѣдовательно, остается возвратиться назадъ. Нетерпѣливый Буссе велѣлъ было уже во 2-мъ баталіонѣ бить атаку. Но это рѣшеніе Залускаго заставило барабанщиковъ замолчать. А между тѣмъ люди съ нетерпѣніемъ ждали только слова «маршъ!», глаза ихъ горѣли, пальцы пробовали штыки; всѣмъ хотѣлось броситься впередъ; офицеры грозили туркамъ, и я махалъ имъ саблей. Но Кроминъ мнѣ сказалъ:

— Полно корчить Орландо Фуріозо, вѣдь это смѣшно.

Рѣшеніе графа Залускаго разомъ охладило нашъ жаръ. Начиная съ генерала до самаго молодаго солдата, всѣ люди были новые, никогда не слыхавшіе боеваго выстрѣла, и первая встрѣча съ непріятелемъ—отступленіе. Ретируясь, солдатъ теряетъ на половину той бодрости, которая его одушевляетъ при атакѣ. Только со старыми и опытными солдатами можно совершать вполнѣ стройныя отступленія, почти равняющіяся побѣдѣ (какъ въ послѣдствіи Егерскій полкъ, отступая въ Польшѣ).

Исполненіе рѣшенія графа Залускаго началось съ того, что конно-егеря рядами пробрались назадъ въ лѣсъ. Артиллеріи велѣно стрѣлять, вѣроятно, чтобъ при отступленіи удержать турокъ

отъ натиска. Сдѣлано было нѣсколько выстрѣловъ ядрами и гранатами по лѣсу, и картечью по ретраншементу: дѣйствія снарядовъ мы не замѣтили, но видно было, что отряды турокъ потянулись вправо и влѣво въ обходъ нашихъ фланговъ. Вызваны застрѣльщики отъ 2-го баталіона въ кусты, а отъ 1-го—въ виноградникъ. Пошли назадъ сперва 1-я рота Финляндскаго полка со штабсъ-капитаномъ Насакинымъ, потомъ артиллерія и, къ ней въ прикрытіе, 6-й взводъ 2-го баталіона при Тиличѣевѣ, и, наконецъ, 3-я рота съ капитаномъ Крузе по дорогѣ, ведущей обратно въ лагерь. Уходя съ этимъ отрядомъ, Залуской поручилъ генералу Гартонгу нѣкоторое время подержаться и потомъ отступать за артиллеріей. Такимъ образомъ Залуской оставилъ Гартонга съ 5½ ротами (около 700 человѣкъ), безъ артиллеріи, передъ непріятелемъ, болѣе чѣмъ въ десять разъ сильнѣйшимъ, и уже ободреннымъ нашимъ отступленіемъ. Гартонгъ просилъ Залускаго оставить ему артиллерію, но Залуской отвѣчалъ, что потеря нѣсколькихъ человѣкъ не бѣда, а съ потерею артиллеріи теряется честь, и онъ рисковать не хочетъ.

Всѣмъ было ясно, что количество непріятеля напугало Залускаго и что онъ только заботился о спасеніи собственной особы. Онъ не подумалъ даже о томъ, что въ этомъ лѣсу, изрѣзанномъ множествомъ дорогъ, полку легко сбиться, и не позаботился о сохраненіи сообщенія съ полкомъ: не поставилъ указательныхъ ведетовъ на перекресткахъ. А между тѣмъ, когда уже совсѣмъ втянулись въ лѣсъ, Залуской, увидя влѣво дорожку, чтобъ себя обезопасить, послалъ меня со взводомъ по этой дорожкѣ; я спросилъ у него: куда?

Онъ мнѣ отвѣтилъ: «а куда приведетъ». Къ счастію, она вышла на большую дорогу; но пока я по ней шелъ, особенно сначала, за непроницаемою лѣсною стѣною, шагахъ въ десяти отъ меня, я слышалъ такъ ясно говоръ турокъ, что если бы зналъ по-турецки, то не упустилъ бы ни одного слова изъ разговора.

Не успѣли мы отойти и версты отъ полка, какъ сзади уже загремѣла сильная перестрѣлка. Это такъ встревожило Залускаго, что онъ приказалъ Крузе ускорить шагъ до бѣглаго; но Крузе отвѣтилъ ему, что этотъ шагъ не приличенъ для русскаго солдата при отступленіи, и, несмотря на все желаніе Залускаго, мы подвигались простымъ шагомъ. Дойдя до возвышенной Кро-

минской площади, мы остановились. Отсюда былъ далекій видъ влѣво на Мамисафіяръ, около котораго мы увидѣли пальбу пушечную и ружейную; видно было, какъ выскакивали дымки и сливались потомъ въ цѣлую тучу дыма. Мы не понимали, какъ могли очутиться тамъ наши, которые должны были слѣдовать за нами. Самая для насъ вѣроятная мысль была, что егеря разбили турокъ и погнали ихъ къ Камчику. «Молодцы,—кричали мы,—молодцы наши!» Но въ это время подошелъ къ отряду израненый унтеръ-офицеръ 2-го баталіона, который заставилъ насъ призадуматься: онъ намъ сказалъ, что полкъ разбитъ, что около него убитъ генералъ, что онъ видѣлъ, какъ упалъ Апрѣлевъ, и что полкъ, отступая, сбился съ дороги; мы не вполнѣ вѣрили раненому, но уже сомнѣвались, чтобъ видѣнная нами пальба была побѣдною для егерей. Постоявъ съ полчаса на площадкѣ, пошли дальше озабоченные.

А въ полку, послѣ нашего отдѣленія отъ него, вотъ что происходило [1]). Только что орудія были свезены съ площадки, турки вступили въ перестрѣлку съ застрѣльщиками, разсыпанными противъ праваго и лѣваго фланговъ полка. Но вдругъ, съ крикомъ, густыми толпами бросились на стрѣлковъ, и конница понеслась на фронтъ. Баталіоны дружнымъ отпемъ отбили фронтальную атаку, но стрѣлки были всѣ вырѣзаны; изъ офицеровъ при этомъ убиты: во 2-мъ баталіонѣ поручикъ Нестеровъ и прапорщикъ Дивовъ, а въ 1-мъ—Васильевъ и Свульской. Натискъ турокъ съ правой стороны былъ такъ силенъ, что смялъ правый фасъ и разстроилъ каре. Выдвинутая вправо 2-я карабинерная рота отбила турокъ и Гартонгъ возстановилъ порядокъ. Пользуясь свободными минутами, генералъ началъ отступленіе; онъ повернулъ баталіоны на задніе фасы и скомандовалъ: «въ полъ-оборота направо!». Едва произнесъ онъ эту несчастную команду, какъ пуля свалила его съ лошади. Я говорю несчастную, потому что она повела къ гибели полкъ. Гартонгъ, будучи въ каре 2-го баталіона, скомандовалъ въ полъ-оборота направо потому, что дорога лежала вправо отъ 2-го баталіона; но эта команда послужила направленіемъ для полка

[1]) Описаніе боя взято изъ Записокъ, составленныхъ мною тотчасъ по прибытіи на зимнія квартиры, со словъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, возвратившихся изъ битвы, и потомъ дополненныхъ по разсказамъ прибывшихъ изъ плѣна. П. С.

при послѣдующемъ движеніи. Когда дошли до угла, гдѣ дороги раздѣляются, передовые люди пошли по дорогѣ вправо и за ними весь полкъ. Турки насѣли на отступающихъ; не прикрытые цѣпью застрѣльщиковъ, задніе взводы все время почти должны были пятиться назадъ, отстрѣливаясь. Съ первыхъ выстрѣловъ при отступленіи убитъ поручикъ Апрѣлевъ. Пробравшись сквозь чащу, турки унивали собою всю дорогу и сами, скрытые густою растительностію, на выборъ били проходившихъ по дорогѣ егерей. Конечно, слѣдовало выслать противъ нихъ стрѣлковъ; но сначала въ суматохѣ не догадались, а потомъ оказалось уже невозможнымъ, потому что по этой дорогѣ, сплошь занятой густой узкой колонною, начальникамъ не было возможности лично устраивать какой-нибудь порядокъ между головой и хвостомъ, а командныя слова исчезали при громѣ выстрѣловъ и крикѣ раненыхъ. На всѣхъ перекресткахъ, во всѣхъ лощинахъ являлись свѣжія толпы турокъ, сквозь которыя надо было пробиваться штыками, оставляя за собою въ тылу все усиливающагося непріятеля. Такъ подвигались медленно и съ трудомъ, теряя много ранеными и убитыми, и, наконецъ, вышли на довольно обширное безлѣсное пространство, подымавшееся въ гору, на которой была расположена деревня. Мѣсто незнакомое. Тутъ только увидѣли, что ошиблись дорогой; но егеря, бывшіе на фуражировкахъ, узнали деревню Мамисафляръ и объявили, что она далеко отъ позиціи, которая осталась верстъ на 10 влѣво. Тяжкое впечатлѣніе отъ узнанія ошибки увеличилось видомъ свѣжихъ турецкихъ войскъ, выстроенныхъ на перерѣзъ дороги. (Вообще въ этотъ день, какъ послѣ узнали, мы наткнулись на 30,000 корпусъ турецкій, подъ начальствомъ Омеръ-Вріоне). Турки открыли артиллерійскій огонь по дебушировавшимъ баталіонамъ. Во время перехода по лѣсу, роты и даже баталіоны смѣшались; при выходѣ на открытое мѣсто, надо было собирать людей по нумерамъ; произошла задержка и путаница, тѣмъ болѣе, что строились на походѣ. Турки этимъ воспользовались и тотчасъ же повели атаки, совокупно пѣхотой и кавалеріей. Конницѣ, ударившей на шедшій сзади 2-й баталіонъ, удалось отрѣзать хвостъ его, который уже не соединился съ баталіономъ. Зная, что турки и плѣнныхъ убиваютъ, эта кучка дралась отчаянно. Полковникъ Буссе, большой и дородный, вслѣдствіе жара скинувшій сюртукъ, въ одной рубашкѣ, съ

ружьемъ въ рукахъ, долго отбивался; наконецъ, упалъ раненый. Турки заспорили, вѣроятно о томъ, чей онъ плѣнный: офицеръ подошелъ и, чтобъ рѣшить споръ, снялъ саблею его голову. Офицеры, очутившіеся въ отрѣзанной части, видя, что гибель неминуема, рѣшились уничтожить бывшее тутъ же знамя, чтобъ оно не досталось туркамъ. Кроминъ, Сабанинъ и Скванчи сорвали съ него полотно и, раздѣливъ на три части, спрятали куски подъ платьемъ, а древко, разломавъ, бросили. Но Кроминъ тутъ же убитъ, Сабанинъ, раненый въ бедро и бокъ, взятъ въ плѣнъ [1]); Скванчи, этотъ одинъ изъ лучшихъ офицеровъ полка, такъ много обѣщавшій въ будущемъ, съ нѣсколькими егерями отбивался, оставаясь сзади всѣхъ; турки со злобой бросились кучею на него; раненый въ правую руку, онъ рубилъ саблею, перехваченной лѣвой рукою, но недолго: исколотый, изрубленный, онъ упалъ. Тутъ же захвачены въ плѣнъ раненые: штабсъ-капитанъ Александръ Ростовцевъ, капитанъ Игнатьевъ, поручикъ Сукинъ, прапорщикъ Мокринскій, юнкера Рачинскій и Дохтуровъ и 70 нижнихъ чиновъ, изъ которыхъ только 4 не раненые.

Между тѣмъ, передовая часть полка продолжала подвигаться впередъ, отстрѣливаясь. Вдругъ впереди очутился оврагъ глубокій, весь обросшій по краямъ густымъ лѣсомъ. Стремглавъ егеря бросились въ него, думая укрыться отъ турокъ; но тутъ же большая часть изъ нихъ и погибла. Турки сплошною стѣною заняли окраину и разстрѣляли остатокъ полка. Выстрѣлы преимущественно были направлены въ черные сюртуки офицеровъ. Тутъ убиты

---

[1]) Сабанинъ тщательно сберегъ въ плѣну свой остатокъ знамени; онъ не говорилъ о немъ даже товарищамъ, боясь, чтобъ не провѣдали турки. По возвращеніи изъ плѣна, въ 1829 году, онъ также не объявилъ никому о своей тайнѣ, вѣроятно, чтобы не возбудить негодованія своихъ товарищей по плѣну за недостатокъ довѣрія къ нимъ; а потомъ, когда время затянулось, изъ опасенія подвергнуться отвѣтственности за храненіе у себя того, что долженъ былъ представить по начальству, а, можетъ быть, также и потому, что тяжело было разставаться съ этой святыней, обагренной его кровію. По возвращеніи въ полкъ, онъ недолго прослужилъ въ строю; былъ старшимъ адъютантомъ въ штабѣ 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи; въ 1837 году вышелъ въ отставку и остальную жизнь провелъ въ Симбирскѣ, гдѣ и скончался въ 1875 г., завѣщавъ женѣ представить знамя Государю Императору. Его величество повелѣлъ хранить этотъ остатокъ въ ящикѣ, подъ стекломъ, въ церкви лейбъ-гвардіи Егерскаго полка, что и было торжественно исполнено въ присутствіи Его Величества въ день полковаго праздника, 17-го августа 1875 г. П. С.

Генъ и Жилинъ; солдаты разсказывали, что предсмертный вопль послѣдняго былъ такъ ужасенъ, что на нѣсколько секундъ пальба прекратилась. Саргеръ былъ еще живъ; вскочивъ на противоположную крутизну, онъ кричалъ: «не робѣй, ребята, отстрѣливайся!» но съ этими словами онъ свалился съ лошади. Герардъ, баталіонный адъютантъ, бывшій при Саргерѣ, остановился, снялъ съ себя образъ, благословеніе матери, поднялъ надъ головой и закричалъ:

— Ко мнѣ, ребята, Богъ защититъ насъ!

Подобралась кучка, и по ту сторону оврага, уже не преслѣдуемые турками, измученные, большею частію раненые, едва передвигая ноги, егеря пошли сквозь лѣсъ на позицію. По пути къ нимъ присоединялись поодиночкѣ и здоровые, и раненые, и къ ночи они явились въ лагерь. Многіе не дошли до позиціи, падали и умирали, въ томъ числѣ прапорщикъ Лебядниковъ, котораго тѣло было найдено въ кустахъ недалеко отъ лагеря.

Изъ этого побоища лейбъ-гвардіи Егерскій полкъ вышелъ въ числѣ 256-ти человѣкъ, изъ которыхъ болѣе 130-ти раненыхъ. При нихъ знамя, полковникъ Уваровъ, капитанъ Василій Ростовцевъ, подпоручикъ Игнатьевъ раненый, Генъ 2-й весь израненный, прапорщикъ Герардъ и Загоскинъ. Тогда не знали, куда дѣвалось другое знамя, и это крайне всѣхъ опечалило. Говорили, что ночью приходилъ раненый солдатъ съ обломкомъ знамени и спрашивалъ дорогу на позицію. Можетъ быть и теперь еще этотъ обломокъ лежитъ гдѣ-нибудь около Варны. Погибла также булава тамбуръ-мажора, та самая булава, которая была отбита въ 1812 году подъ Краснымъ въ обозѣ маршала Нея.

Теперь обращусь опять къ отряду графа Залускаго. Покинувъ Кроминскую площадку, скоро мы дошли до нашей позиціи. У подножія горы Куртепэ, на которой расположенъ былъ Финляндскій полкъ, стоялъ генералъ Головинъ въ ожиданіи свѣдѣній объ экспедиціи.

Когда нашъ отрядъ приблизился, Залускій поскакалъ впередъ къ Головину и донесъ ему о благополучномъ возвращеніи съ артиллеріей, конницей и пятью взводами.

— А гдѣ же остальной полкъ?

— Должно быть, не вдалекѣ идетъ за мною.

Тутъ Залускій разсказалъ о всѣхъ своихъ распоряженіяхъ,

о томъ, что оставилъ полкъ подъ командою Гартонга въ аріергардѣ, что сначала турки напали-было на полкъ, но потомъ прекратили преслѣдованіе. Головинъ слушалъ, но, казалось, недоумѣвалъ, потому что и до нашего прихода, и теперь, безпрестанно приходили раненые, и всѣ одинаково утверждали, что полкъ разбитъ, что въ ихъ глазахъ убиты «такіе-то» начальники, что, будучи ранены, они едва дошли до позиціи. Головинъ указывалъ Залускому на эти противорѣчія тому, что онъ доноситъ. Залуской стоялъ на своемъ. Но вотъ изъ лѣсу выѣзжаетъ на лошади, которую велъ подъ уздцы казакъ, полковой казначей Генъ 2-й, безъ кивера, весь въ крови.

— Генъ!—крикнулъ ему Головинъ,—гдѣ вы оставили полкъ?

— Полка не существуетъ.

— Что вы говорите? этого быть не можетъ!

— Сначала мы ретировались въ порядкѣ, но генерала убили, Саргера убили, всѣхъ перебили; турокъ было слишкомъ много, они насъ подавили... теперь, можетъ быть, я одинъ остался.

— Какъ вы полагаете, сколько было турокъ?

— Не знаю, но навѣрное тысячъ до двадцати.

— У страха глаза велики,—замѣтилъ Залуской.

— Да,—возразилъ со злобою Генъ,—мы это видѣли, когда вы, полковникъ, въѣхали на площадь, гдѣ было турецкое войско...

Головинъ прервалъ Гена:

— У васъ горячка, поѣзжайте скорѣе на перевязку. (У Гена было шесть ранъ).

Въ крайнемъ безпокойствѣ, не вполнѣ вѣря и Гену, Головинъ приказалъ мнѣ идти со взводомъ на встрѣчу полка, и я пошелъ назадъ по знакомой дорогѣ. Уже сзади меня замолкъ говоръ нашего отряда, кругомъ все тихо, вдалекѣ раздавались еще рѣдкіе выстрѣлы и иногда протяжные крики; версты 4 прошелъ я, не встрѣтя ни одной души, а уже сильно вечерѣло: только на верхушкахъ высокихъ деревьевъ свѣтили лучи заходящаго солнца. Что мнѣ дѣлать? велѣлъ барабанщику ударить сборъ, чтобъ на него выходили бродящіе по лѣсу егеря. Но вотъ влѣво раздается барабанный отвѣтъ на мой сборъ. Взводъ остановился и скоро въ кустахъ заблестѣли штыки: это была посланная съ утра на развѣдку 1-я карабинерная рота, впереди которой шли Энгельгардтъ, Тизенгаузенъ и Лермонтовъ (Але-

ксандръ). Несвязно я передалъ имъ все, что зналъ о полкѣ, и поразилъ ихъ ужасомъ. Энгельгардтъ же мнѣ разсказалъ, что утромъ, когда ему велѣно было идти на прежнее мѣсто, онъ пошелъ дальше и, поднявшись на высокій холмъ, увидѣлъ турецкій пикетъ, который тотчасъ скрылся; но вмѣсто него вскорѣ явилось нѣсколько колоннъ регулярнаго войска, которыя выстроились противъ карабинерной роты, ничего, однако, не предпринимая. Стоя на возвышенности, Энгельгардтъ употреблялъ разныя хитрости, чтобъ увѣрить турокъ, что онъ только авангардъ, а что главныя силы за возвышенностію. Можетъ быть, турки и дѣйствительно обманулись, потому что во весь день не атаковали нашихъ. Только уже подъ вечеръ, когда близко сдѣлалась слышна пальба около Мамисафляра, бо́льшая часть турокъ отдѣлилась и пошла на выстрѣлы. Энгельгардтъ продолжалъ стоять на мѣстѣ и, не понимая, что́ происходитъ, потянулся-было также вправо, предполагая примкнуть къ полку; но, услыша сборъ, тотчасъ же пошелъ на него и вышелъ на соединеніе со мною.

Совсѣмъ стемнѣло, когда мы опять пошли по дорогѣ на позицію. На Куртепэ Головина уже не было, а адъютантъ его, Беръ, ждалъ моего возвращенія; я передалъ ему, для доклада генералу, что, кромѣ 1-й карабинерной роты, никого не встрѣтилъ. Темнота была такъ велика, что мы шли почти ощупью, и я какъ-то оторвался отъ карабинеровъ. Едва передвигалъ я ноги; съ 11-ти часовъ утра до ночи я былъ постоянно на ногахъ, не присѣвъ ни разу, въ горлѣ пересохло, цѣлый день ничего не ѣлъ и не пилъ. Пробираясь бивакомъ Финляндскаго полка, я заглянулъ въ одинъ баракъ: тамъ Гречъ, Булацель и Майповъ пили чай. Съ какою жадностью проглотилъ я стаканъ чаю, предложенный мнѣ этими добрыми людьми, которые истинно сострадательно отнеслись къ нашему несчастію. Они требовали отъ меня подробностей, но я говорить не могъ. Когда подошелъ къ расположенію полка, тамъ все было печально: небольшія кучки шепотомъ переговаривались, слуги плакали о невернувшихся господахъ своихъ, и въ вагенбургѣ раздавались стоны раненыхъ. Въ землянкѣ Саргера свѣтился огонь; я вошелъ туда: на скамейкѣ лежалъ раненый Алексѣй Игнатьевъ, за столомъ сидѣли Василій Ростовцевъ, Герардъ и Загоскинъ, уткнувъ въ руки усталыя головы. Это все, что вышло изъ битвы (полковникъ Уваровъ

былъ въ своемъ баракѣ). Ихъ разсказъ въ нѣсколькихъ словахъ положилъ конецъ сомнѣнію: дѣйствительно, полкъ былъ уничтоженъ. Они первые разъяснили, какъ происходило дѣло. Вполнѣ выяснилось, что если бы Залуской не струсилъ и не отнялъ артиллеріи у полка, то турки не осмѣлились бы дерзко атаковать. Если бы растерявшійся Залуской не утекалъ ускореннымъ шагомъ, а соблюлъ бы сообщеніе съ своимъ аріергардомъ, то полкъ не сбился бы съ дороги, а потянулся за отрядомъ Залускаго; достаточно было застрѣльщичьей цѣпи, чтобы прикрыть отступленіе. Конечно, была бы потеря, и, можетъ быть, не малая, но полкъ вернулся бы въ цѣломъ составѣ.

Рѣчь у насъ, въ землянкѣ, не вязалась, силы были истощены до крайности; мы заснули...

Старый Егерь.

ОЧЕРКЪ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ и СОБЫТІЙ НА КАВКАЗѢ.

Ф. К. Клюки-фонъ-Клугенау.

1836—1850.

XI [1]).

Заявленія Клугенау о положеніи края. — Подозрѣнія барона Розена. — Его упрекъ Клугенау.

1836 г.

Шамиль, жившій въ Ашильтѣ, какъ простой горецъ, не обращалъ на себя до 1836 года особеннаго вниманія. Клугенау, какъ мѣстный ближайшій начальникъ, зная его способности и не довѣряя видимой ничтожности, писалъ о немъ барону Розену въ началѣ года. Въ письмѣ своемъ онъ сперва представилъ вѣрно тогдашнее положеніе Нагорнаго Дагестана, называя Аварію сердцемъ горъ и говоря, что для защиты этого ханства приняты весьма слабыя средства. На сосѣдей нельзя полагаться; Ахмедъ-ханъ слишкомъ слабъ, чтобы подать значительную помощь; андалальцы не надежны и не оказывали аварцамъ должнаго содѣйствія; сами аварцы раздѣлены на партіи, не имѣютъ хана, правитель ихъ бываетъ постоянно въ отсутствіи, а содержаніе казикумыкской милиціи слишкомъ для нихъ обременительно. При такомъ положеніи, Аварія могла легко пасть во власть Шамиля, быстро тогда возвышавшагося; и дѣйствительно, если бы онъ успѣлъ завладѣть этимъ ханствомъ, противъ котораго всѣ имамы обращали первоначально свои дѣйствія, то могъ бы тогда прочнѣе связать покорившіяся ему

---

[1]) См. «Русскую Старину», томъ XI, стр. 131 — 152; 497 — 515; томъ XII, стр. 544 — 554; томъ XV, стр. 144 — 162.

общества и, такъ сказать, окружить и распространить свои владѣнія до праваго берега аварскаго Койсу.

Для возстановленія спокойствія въ Дагестанѣ Клугенау предлагалъ два средства: переговорами склонить Шамиля жить въ покоѣ или нанести горцамъ рѣшительный ударъ.

Мысль о переговорахъ подалъ самъ Шамиль. Онъ говорилъ Джемалу чиркеевскому, что готовъ примириться съ русскими, отпустить нашихъ плѣнныхъ, выдать намъ въ аманаты своего сына, который будетъ жить у Джемала, и, наконецъ, отказаться отъ всякаго вліянія на горцевъ и не распространять болѣе шаріата.

Клугенау, представляя эти условія барону Розену, присовокупилъ, что мюриды менѣе намъ теперь вреда приносятъ, нежели многіе покорные горцы, а особенно унцукульцы, и что Шамиль со временемъ будетъ для насъ весьма опасенъ.

Отвѣтъ барона Розена на это письмо наполненъ многими противорѣчіями. Онъ соглашался принять безусловную покорность Шамиля, но объ условіяхъ и слышать не хотѣлъ. При этомъ онъ присовокупилъ, что Шамилю нѣтъ никакой надобности выдавать своего сына Джемалу, а онъ можетъ прислать его въ Тифлисъ, гдѣ уже русское начальство распорядится дать ему приличное образованіе.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1836 года баронъ Розенъ, казалось, заподозрилъ Клугенау въ дружескихъ сношеніяхъ съ Шамилемъ и даже въ оказываемыхъ имъ содѣйствіяхъ послѣднему. Поводомъ къ тому служили два письма: 1) отъ гумбетовскаго Мехти-кадія къ ауховскому Дукемуллѣ; 2) отъ Шамиля къ чиркеевскому старшинѣ Джемалу, который донесъ о семъ генералъ-маіору Реуту. Въ этихъ письмахъ было сказано, будто бы шаріатъ распространяется въ горахъ съ дозволенія Клугенау. Баронъ Розенъ, препровождая къ нему копіи писемъ, требовалъ объясненія. Клугенау, не чувствуя за собою никакого упрека и не ожидая подобной клеветы, не имѣлъ и разительныхъ опроверженій, а писалъ, что Шамиль распустилъ подобный слухъ въ горахъ, какъ вѣрнѣйшее средство для привлеченія легковѣрныхъ горцевъ на свою сторону. Не говоря уже о донесеніяхъ Клугенау къ барону Розену, изъ писемъ его къ унцукульцамъ, гимринцамъ и хунзахцамъ 1836 года видно, что Клугенау никогда не поддерживалъ Шамиля, не одобрялъ его дѣйствій, а, напротивъ того, называлъ его возмутителемъ, грабителемъ и разбойникомъ.

Но Розенъ еще до этого былъ недоволенъ Клугенау за представленное имъ мнѣніе относительно уничтоженія званія шамхала тарковскаго.

Въ апрѣлѣ 1836 года скончался шамхалъ тарковскій Сулейманъ-

мирза. Этотъ владѣтель почти постоянно былъ пьянъ, не принималъ никакого участія въ дѣлахъ, потерялъ довѣріе не только зависѣвшихъ отъ него койсубулинскихъ деревень, но и самихъ шамхальцевъ. Братъ Сулейманъ-мирзы, Абу-Муселимъ не надѣялся никогда быть шамхаломъ, потому что незадолго предъ этимъ былъ возвращенъ изъ Саратова, куда его сослали за подозрительное поведеніе. Клугенау, зная подробно эти обстоятельства, представилъ корпусному командиру свое мнѣніе, присовокупивъ, что если правительство имѣетъ намѣреніе когда-нибудь уничтожить званіе шамхала тарковскаго, то теперь представляется удобный случай къ приведенію его въ исполненіе. Баронъ Розенъ, прочитавъ это донесеніе, удивился: какимъ образомъ Клугенау рѣшился предложить уничтожить званіе шамхаловъ, когда эти владѣтели избираются государемъ и когда онъ самъ не смѣетъ и думать объ этомъ [1]).

И такъ, Розенъ питалъ уже неудовольствіе на Клугенау; когда же получилъ письма, въ которыхъ упоминалось, что шаріатъ распространялся съ его дозволенія, то онъ не хотѣлъ это отнести къ хитрости Шамиля и его сообщниковъ, а считалъ дѣйствительностью. Подозрѣніе корпуснаго командира усилилось еще болѣе тифлисскими интригами, а главное, подполковника Мадатова, который выдумалъ, будто бы Клугенау просилъ его передать Розену, что шаріатъ Шамиля не вреденъ, мюриды ведутъ себя лучше, чѣмъ покорные, и отъ нихъ нельзя ожидать никакого вреда, а потому можно оставить ихъ въ покоѣ. Мадатовъ рѣшился даже подкупить лазутчика, дабы онъ сказалъ, что Клугенау дѣйствительно находится въ сношеніяхъ съ Шамилемъ.

При такомъ расположеніи корпуснаго командира, Клугенау долженъ былъ представить разительное опроверженіе; но такъ какъ онъ не ожидалъ подобной клеветы, то и представилъ обыкновенные факты. Баронъ Розенъ, получивъ ихъ и не удовольствовавшись этимъ оправданіемъ, потребовалъ Клугенау въ Тифлисъ для личнаго объясненія. При свиданіи, Розенъ сказалъ ему:

— Вамъ скучно безъ дѣйствія въ Шурѣ; вы желаете военныхъ дѣйствій, съ тѣмъ, конечно, убѣжденіемъ, что вамъ поручатъ отрядъ для истребленія возмутителя; конечно, вы пріобрѣтете полный успѣхъ и такимъ образомъ надѣетесь получить чинъ генералъ-лейтенанта.

---

[1]) Баронъ Розенъ имѣлъ слишкомъ высокое понятіе о горскихъ владѣтеляхъ и считалъ ихъ необходимыми для утвержденія спокойствія въ Дагестанѣ. Абу-Муселиму, шамхалу тарковскому, во время пріѣзда его въ Тифлисъ, были оказаны чрезмѣрныя и неприличныя съ званіемъ корпуснаго командира почести: ему была выслана на встрѣчу карета, и всѣ генералы были собраны, какъ бы для представленія ему, бывшему еще полковникомъ. И. Г.

Клугенау, обремененный огромнымъ семействомъ, перенесъ незаслуженный имъ упрекъ и остался на службѣ.

XII.

Движеніе горцевъ въ Кахетію.—Критическое положеніе ихъ въ обществѣ Мусикъ.—Выручка.—Дѣла въ Чечнѣ.—Фезе, движеніе его въ Дагестанъ, а Клугенау—къ Ашильтинскому мосту.—Отступленіе въ Каранай.—Смерть Ивелича.—Донесеніе Фезе о своихъ дѣйствіяхъ.

1837 г.

Въ началѣ января 1837 года Клугенау доносилъ барону Розену, что тиндальцы, джемалальцы, техпугальцы и кіалальцы, собравъ партію до 1 т. чел., отправились къ границамъ Кахетіи для грабежа. На возвратномъ пути, проходя чрезъ Тушетію, они были задержаны жителями, расположившимися на ихъ сообщеніи. Въ столь затруднительныхъ обстоятельствахъ мюриды рѣшились защищаться, ожидая между тѣмъ помощи отъ андійцевъ и гумбетовцевъ, которымъ они успѣли дать знать о своемъ положеніи. Андійцы, гумбетовцы и часть койсубулинцевъ, собравъ партію до 5-ти т. чел., отправились выручать мюридовъ. Жители мусиковскіе, т. е. тушины, бывъ атакованы съ двухъ сторонъ, отчаянно дрались, бо́льшая часть изъ нихъ погибла съ оружіемъ въ рукахъ. 80 чел. взято въ плѣнъ и сожжено три селенія. Этимъ начинаются дѣйствія приверженцевъ Шамиля въ 1837 г. въ Дагестанѣ.

Обратимся къ Чечнѣ.

Послѣ набѣга на селеніе Заидакъ, распространеніе шаріата въ Чечнѣ въ первое время шло медленно. Ташовъ-хаджи прибѣгнулъ къ хитрости, чтобы возвысить свое вліяніе: онъ началъ распускать слухъ, будто бы Шамиль, покоривъ Аварію, прійдетъ съ горцами въ Чечню для проповѣдыванія своего ученія. Чеченцы находились въ ожиданіи и готовы были при появленіи Шамиля подчиниться его власти. Чтобы утвердить ихъ еще болѣе въ мысли о скоромъ приближеніи Шамиля, Ташовъ-хаджи послалъ къ нему Саидъ-кадія и Мухаммедъ-эфендія, цѣль поѣздки которыхъ состояла, главное, въ желаніи убѣдить Шамиля примирить Ташовъ-хаджи съ Уди-муллою, а потомъ уже въ приглашеніи его въ Чечню. Шамиль, рѣшивъ споръ двухъ лучшихъ своихъ сообщниковъ и не желая еще самъ отправиться къ нимъ, послалъ туда Али-бека съ партіею андійцевъ и гумбетовцевъ до 200 чел. Къ Али-беку присоединился Ташовъ-хаджи съ своими приверженцами и они успѣли взять отъ ичкеринцевъ аманатовъ въ знакъ принятія ими шаріата. Вслѣдъ за ичкеринцами начали волноваться и покорныя

чеченскія деревни, лежащія на плоскости. Эти обстоятельства заставили предпринять движеніе въ Чечню, за жителями которой были, сверхъ того, большія недоимки податей.

Въ составъ отряда, предназначеннаго для дѣйствій въ Чечнѣ, поступили и два баталіона Апшеронскаго полка, которые отправились въ кр. Внезапную въ декабрѣ мѣсяцѣ 1836 года. Собранный отрядъ былъ порученъ генералъ-маіору Фезе.

О подробномъ составѣ отряда и его дѣйствіяхъ распространяться нечего; довольно сказать, что генералъ Фезе не имѣлъ почти никакихъ дѣлъ въ Чечнѣ, жители которой готовы были успокоиться, если имъ будутъ прощены недоимки. Фезе, не испросивъ предварительно разрѣшенія ни у барона Розена, ни у ген.-лейт. Вельяминова, простилъ чеченцамъ всѣ недоимки, которыя были весьма значительны, и потомъ, донося уже о своихъ дѣйствіяхъ, присовокупилъ, что вся Чечня изъявила совершенную покорность и онъ въ награжденіе освободилъ ихъ отъ уплаты невнесенныхъ ими податей. Чеченцы только этого и хотѣли, потому что, для уплаты вновь накопившихся недоимокъ, они могли бы прибѣгнуть къ тому же средству, т. е. къ принятію будто бы шаріата Шамиля, надѣясь, что русскіе, изъ боязни потерять Чечню, простятъ имъ новыя недоимки. Корпусный командиръ вынужденъ былъ утвердить распоряженія Фезе для поддержанія только имени русскаго генерала и чтобы не лишить его довѣрія горцевъ. Однако, Вельяминовъ былъ недоволенъ Фезе за его дѣйствія и старался его удалить. Окончивъ дѣла въ Чечнѣ въ половинѣ февраля, Фезе получилъ отъ барона Розена копію съ предписанія, даннаго имъ Клугенау относительно плана поручаемой ему экспедиціи въ Нагорномъ Дагестанѣ въ 1837 году. Баронъ Розенъ, препровождая это предписаніе, присовокупилъ: если имѣется возможность, то полезно было бы, чтобы чеченскій отрядъ (т. е. Фезе) прошелъ чрезъ Андію къ Ашильтѣ на соединеніе съ дагестанскимъ. Не зная, какія предстоятъ ему затрудненія для приведенія въ исполненіе этого условнаго разрѣшенія и не принимая во вниманіе глубокихъ снѣговъ, которыми покрыты зимою горы, окружающія Андію почти со всѣхъ сторонъ, Фезе вознамѣрился пройти въ это общество, любимый его конекъ, хотя ему и извѣстно было, что дагестанскій отрядъ не находился еще въ сборѣ. Однако, предполагая встрѣтить упорную защиту со стороны горцевъ и желая часть ихъ отвлечь по другому направленію, Фезе предложилъ Клугенау, который обязанъ былъ исполнять его требованія, собрать возможно болѣе людей, оставшихся въ Шурѣ, и сдѣлать съ этимъ отрядомъ диверсію. Клугенау исполнилъ возложенное на него порученіе, несмотря на всѣ трудности, представляемыя зим-

нимъ временемъ; имѣя въ своемъ распоряженіи только 800 чел., онъ не могъ предпринять ничего рѣшительнаго, а потому, сообразивъ всѣ обстоятельства, онъ, для развлеченія горцевъ, вѣрно избралъ пунктомъ своихъ дѣйствій Ашильтинскій мостъ, какъ ведущій въ мѣсто жительства Шамиля. Успѣхъ предпріятія зависѣлъ отъ скрытнаго и быстраго движенія. Вслѣдствіе этого Клугенау сдѣлалъ слѣдующія распоряженія: отрядъ, состоящій изъ 800 чел., при двухъ кегорновыхъ мортиркахъ, выступилъ изъ Шуры ночью. По приближеніи въ Каранай, былъ посланъ еще до разсвѣта одинъ баталіонъ къ Гимринскому роднику, дабы нечаянное его появленіе, встревоживъ горцевъ, представило вмѣстѣ съ тѣмъ возможность удобнѣе овладѣть Ашильтинскимъ мостомъ. Распоряженія Клугенау были приведены въ исполненіе съ точностію и весь отрядъ, несмотря на гололедицу и трудность спуска даже въ лѣтнее время, благополучно достигъ Гимринскаго родника. 2-го марта утромъ, отъ Гимринскаго родника немедленно направлены были двѣ роты къ мосту для угроженія оттуда Ашильтѣ, гдѣ находился тогда самъ Шамиль. Посланныя роты успѣли занять мостъ безъ всякой потери. Вслѣдъ за ними спустилась отъ родника къ аварскому Койсу и остальная часть отряда.

Непріятель, встревоженный внезапнымъ появленіемъ русскихъ, началъ собираться въ значительныхъ силахъ къ Ашильтинскому мосту; гдѣ завязалась жаркая перестрѣлка. Унцукульцы толпами подходили къ Гимрамъ. Клугенау, замѣтивъ, что непріятель постепенно усиливается, бывъ убѣжденъ, что съ незначительною горстью людей не можетъ дѣйствовать противъ него рѣшительно и опасаясь дурныхъ послѣдствій отъ долгаго пребыванія отряда на одномъ мѣстѣ, счелъ необходимымъ отступить. Къ этому побудило его еще и то обстоятельство, что онъ не имѣлъ возможности завладѣть мостомъ безъ большой потери, ни самому соединиться съ ротами, ни присоединить ихъ къ себѣ, ибо должно было проходить подъ выстрѣлами непріятеля, засѣвшаго на противуположномъ берегу, а между тѣмъ эти роты, занимая выгодную позицію и нанося значительный вредъ непріятелю, могли удерживать, не подвергаясь опасности, превосходнѣйшія противъ нихъ силы. Сообразивъ всѣ исчисленныя причины, Клугенау рѣшился отступить черезъ Гимры.

Расчетъ Клугенау былъ вѣренъ: подойдя къ Гимрамъ, онъ потребовалъ къ себѣ старшинъ этого селенія, и, представляя имъ всѣ выводы быть покорными нашему правительству, а также напомнивъ гимринцамъ о выданномъ имъ продовольствіи въ 1833 году, во время ужаснаго голода, когда, сверхъ того, послѣдніе ихъ хлѣба были истреблены

унцукульцами, убѣдилъ ихъ пропустить свободно русскихъ; въ противномъ случаѣ онъ грозилъ имъ жестокимъ наказаніемъ.

Старшины, помня оказанное имъ благодѣяніе Клугенау, дали слово не только не сопротивляться русскимъ, но даже не допустить унцукульцевъ преслѣдовать отрядъ. Тогда, пройдя чрезъ Гимры, Клугенау пропустилъ мимо себя баталіонъ, а самъ, не въ далекомъ разстояніи отъ селенія, вступилъ въ разговоръ съ жителями. Унцукульцы, въ числѣ 1 т. челов., находились отъ него въ это время на пистолетный выстрѣлъ. Клугенау, замѣтивъ, что баталіонъ миновалъ уже деревню и началъ входить въ ущелье, всталъ и, поблагодаривъ жителей, поѣхалъ къ колоннѣ. Какъ только онъ удалился, то одинъ изъ гимрійцевъ выстрѣлилъ въ камень, на которомъ сидѣлъ Клугенау, присовокупивъ: „былъ теперь въ нашихъ рукахъ и мы сами его упустили".

Унцукульцы бросились тотчасъ преслѣдовать русскихъ, но отрядъ миновалъ уже опасность и отступленіе было произведено въ порядкѣ и почти безъ всякой потери. Клугенау ночевалъ у родника и на другой день слѣдовалъ въ Каранай, гдѣ ожидали двѣ роты солдатъ, оставленныя имъ у Ашильтинскаго моста, подъ начальствомъ графа Ивелича.

Между тѣмъ графъ Ивеличъ не исполнилъ даннаго ему наставленія—отступить ночью, увлекся и, оставивъ занимаемую имъ выгодную позицію днемъ, вскорѣ былъ убитъ. Послѣ смерти его и храбраго подполковника Авраменко отступленіе производилось въ безпорядкѣ. Горцы преслѣдовали до вечера съ ожесточеніемъ и нанесли значительный уронъ. Потеря состояла изъ одного генерала, одного штабъ-офицера и одного оберъ-офицера; убито и взято въ плѣнъ нижнихъ чиновъ 68; ранено: оберъ-офицеровъ 2, нижнихъ чиновъ 18 и сильно контужено камнями 17.

Клугенау, имѣя въ своемъ распоряженіи только 800 чел., сдѣлалъ все, что только возможно было сдѣлать въ пользу отряда генералъ-маіора Фезе. Хотя собранный имъ отрядъ имѣлъ большую потерю, но не менѣе того значительная часть горцевъ была отвлечена къ Ашильтѣ. Шамиль, узнавъ о движеніи русскихъ къ Ашильтинскому мосту, тотчасъ же послалъ приказаніе покорнымъ ему койсубулинцамъ и гумбетовцамъ идти къ нему на помощь для защиты мѣста его жительства, а не въ Андію.

Обратимся къ дѣйствіямъ чеченскаго отряда.

Фезе, предписавъ Клугенау сдѣлать диверсію въ пользу чеченскаго отряда, самъ двинулся къ Андіи.

Въ рапортѣ отъ 2-го марта къ Розену Фезе доносилъ, что Андія покорилась русскому оружію и депутаты присягнули на вѣчное подданство Россіи, что андійцы, получивъ отъ него предложеніе объ изъ-

явленіи покорности, испрашивали прежде на то согласія Шамиля, который будто бы предоставилъ имъ дѣлать, что они хотятъ; что 23-го февраля старшины Боза и Зайкорнейнъ прибыли въ лагерь при Казбекъ-Юртѣ на рѣчкѣ Мичикѣ, съ изъявленіемъ готовности покориться, но, не принявъ предложенныхъ имъ условій, они удалились; что 27-го числа того же мѣсяца старшины Муртузъ-Али и Сулейманъ-Нухаевъ явились въ Аллерой и покорились на предложенныхъ имъ условіяхъ въ Казбекъ-Юртѣ, а именно: 1) Андія должна присягнуть на вѣчное подданство Россіи; 2) дать четырехъ аманатовъ изъ лучшихъ фамилій; 3) отпустить имѣющихся у нихъ русскихъ плѣнныхъ. Къ этому Фезе прибавляетъ, что аманаты будутъ присланы чрезъ недѣлю и тогда старшины возьмутъ съ собою русскихъ офицеровъ для приведенія въ ихъ присутствіи депутатовъ къ присягѣ (это условіе вовсе не было исполнено).

Эти донесенія во многомъ неточны; это можно видѣть изъ писемъ Джемала чиркеевскаго, донесеній Клугенау корпусному командиру и изъ нѣкоторыхъ частныхъ свѣдѣній.

1) Письмо Джемала отъ 2-го марта: „Андійцы обращались съ просьбою къ начальнику войскъ, находящихся въ Чечнѣ (Фезе) на счетъ мира, на что онъ и согласился не иначе какъ съ требованіемъ отъ нихъ по 5 руб. сер. съ каждаго семейства въ штрафъ и по рублю ежегодно подати, отъ чего андійцы отказались и, собравъ свои войска, отправились противу русскихъ".

2) Письмо Джемала отъ 6-го марта: „Андійцы помирились съ русскими и выдали 3-хъ аманатовъ. Послѣ этого русскіе возвратились въ свои мѣста, равно и андійцы съ пришедшими къ нимъ на помощь".

3) Донесеніе Клугенау къ корпусному командиру отъ 8-го марта: „Посланный мною нарочный съ донесеніемъ къ Фезе говорилъ, что дѣйствія въ Андіи кончились миролюбиво. Андійцы дали отъ себя трехъ аманатовъ". „Андійцы имѣли помощь отъ селенія Мехельты и малою частію изъ другихъ обществъ, лежащихъ по андійскому Койсу. Всѣ силы непріятеля простирались до 3-хъ тыс. челов. Мюриды занимали позицію на вершинѣ андійскихъ горъ и, наконецъ, по совершеніи условія съ андійцами, отрядъ, 5-го марта, обратно слѣдуетъ въ дер. Мискитъ".

4) Донесеніе Клугенау къ корпусному командиру отъ 14-го марта: „Посланный мною въ горы лазутчикъ сообщилъ мнѣ, что Шамиль, узнавъ о слѣдованіи Фезе къ Андіи, имѣлъ намѣреніе отправиться на помощь андійцамъ, собравъ для сего покорныхъ ему жителей койсубулинскихъ и гумбетовскихъ селеній, но какъ скоро получилъ свѣдѣніе о выступленіи генералъ-маіора Клугенау изъ Шуры и движеніи къ сел. Каранаю, то отмѣнилъ свое намѣреніе и оставался у Ашильты, удер-

жавъ при себѣ назначенную имъ помощь; когда же войска, для диверсіи къ Ашильтинскому мосту, отступили до Караная и обратно въ Шуру и Шамиль узналъ, что андійцы изъявили уже покорность нашему правительству и выдали аманатовъ, то немедленно поспѣшилъ къ нимъ съ небольшою партіею и, взявъ тамъ 20 чел. почетнѣйшихъ людей, отправилъ ихъ въ Ашильту заложниками. При чемъ андійцы увѣряли Шамиля, что при первыхъ дѣйствіяхъ русскихъ противъ него они не преминутъ поспѣшить къ нему на помощь".

Этотъ же лазутчикъ положительно говорилъ Клугенау, что выданные андійцами Фезе аманаты были люди совершенно ничтожные и избраны изъ самыхъ простыхъ фамилій. Изъ собранныхъ тогда частныхъ свѣдѣній извѣстно, что андійскіе старшины дѣйствительно приходили въ сел. Казбекъ-Юртъ, съ изъявленіемъ покорности и предложеніемъ 3-хъ аманатовъ, но Фезе соглашался не иначе принять ихъ покорность, какъ съ тѣмъ, чтобы они заплатили штрафъ по 5 р. съ каждаго дома, выдали всѣхъ плѣнныхъ русскихъ и на будущее время платили по рублю серебромъ съ семейства ежегодной подати. Народные старшины отвѣчали, что андійцы бѣдны и исполнить такихъ условій не въ состояніи, что многіе живущіе на плоскости общества никакой подати не платятъ, а потому съ нихъ, живущихъ въ горахъ, и того менѣе можно требовать. Свѣдѣніе это подтвердилъ въ послѣдствіи и генералъ-маіоръ Ахмедъ-ханъ. Когда же Фезе объявилъ, чтобы андійцы приготовились его встрѣтить и запасли для отряда фуражъ, старшины отвѣчали, что ихъ единоземцы не желаютъ прихода русскихъ и при появленіи отряда будутъ ему сопротивляться. Послѣ этого Фезе выступилъ къ Андіи, но, достигнувъ Аллероя, не рѣшился продолжать движенія и предложилъ принять покорность на тѣхъ условіяхъ, которыя прежде были ему предложены. Андійцы дѣйствительно дали аманатовъ изъ бѣдныхъ фамилій; о внесеніи же штрафа и уплатѣ подати не было рѣчи. Ожидая преслѣдованія Али-бека и Уди-муллы, Фезе выступилъ обратно въ Мискитъ и, конечно, поступилъ благоразумно.

Изъ вышеизложеннаго видно, что движеніе Фезе для покоренія андійцевъ было предпріятіемъ необдуманнымъ, не сообразнымъ ни съ средствами, ни съ мѣстными препятствіями и отношеніями къ намъ горцевъ. Надобно радоваться, что неумѣстная горячность Фезе, обнаружившаяся въ первоначальныхъ переговорахъ съ андійцами, остыла послѣ, въ противномъ же случаѣ, когда бы онъ спустился въ Андію, упорство его погубило бы весь отрядъ. Если бы Фезе внялъ разумнымъ совѣтамъ и, соображая свои средства, оказалъ болѣе умѣренности въ требованіяхъ къ андійцамъ, то не былъ бы принужденъ, въ

виду самаго непріятеля, согласиться на первоначальныя его предложенія на выдачу 3-хъ только аманатовъ и не имѣлъ бы необходимости въ ночномъ отступленіи. Равномѣрно неосновательно было и предписаніе, данное имъ генералу Клугенау относительно диверсій для отвлеченія Шамиля отъ пособій андійцамъ. Это распоряженіе можетъ служить только доказательствомъ, что онъ не имѣлъ точнаго понятія о мѣстности обществъ, въ которыхъ на него возложено было произвести экспедицію. Возможно-ли было давать Клугенау такое порученіе, когда онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи не болѣе 800 чел., и когда всѣ тропинки, и лѣтомъ едва проходимыя, были въ то время покрыты гололедицею. Потерю при Ашильтинскомъ мостѣ должно приписать единственно необдуманнымъ требованіямъ Фезе. Клугенау, несмотря на всѣ препятствія, рвался выполнить приказаніе, въ противномъ случаѣ начальникъ чеченскаго отряда не преминулъ бы отнести неудачу свою къ его неисполнительности. Трудно было Фезе сознаться въ своемъ необдуманномъ требованіи и онъ донесъ Розену, что вся потеря 2-го марта, при отступленіи отъ Ашильтинскаго моста, произошла отъ дурныхъ распоряженій Клугенау. Розенъ, хотя и былъ уже недоволенъ имъ и хотя имѣлъ уже донесеніе Фезе, но, получивъ объ этомъ же дѣлѣ донесеніе Клугенау, въ предписаніи своемъ отъ 18-го марта, сказалъ ему, что „вообще всѣ дѣйствія ваши въ продолженіе этого предпріятія сопровождаемы были свойственною вамъ распорядительностью и предпріимчивостью и движеніе вполнѣ достигло цѣли, съ которою оно предпринято, т. е. Шамиль, оберегая себя, не могъ усилить андійцевъ".

Эти выраженія Розена доказываютъ, что онъ оправдывалъ Клугенау, несмотря на отзывъ Фезе.

Замѣчательно еще одно обстоятельство: Фезе, предписывая Клугенау о производствѣ диверсіи, присовокупляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы онъ старался соединиться съ нимъ въ Андіи, тогда какъ Клугенау имѣлъ не отрядъ, а горсть людей, не могъ взять орудій и долженъ былъ пройти чрезъ Гумбетъ. Это желаніе Фезе убѣждаетъ, какъ онъ понималъ мѣстность и соображалъ всѣ данныя.

Необходимо также замѣтить пристрастіе въ рекомендаціи высшему начальству находившихся подъ его командою частей войскъ, составляющихъ отрядъ. Въ рапортѣ отъ 20-го апрѣля, испрашивая для Куринскаго полка надпись „за отличіе" на кивера, онъ говоритъ: „Куринскій полкъ во время чеченской экспедиціи оказалъ примѣръ мужества и самоотверженія: среди жестокой зимы, съ необыкновенною бодростію переносивъ ежедневное бивакированіе въ глубокихъ снѣгахъ и частые переходы чрезъ быстрыя полузамерзшія рѣки, преодолѣвая

всѣ опасности борьбы съ народонаселеніемъ многочисленнымъ, извѣстнымъ по дикой храбрости своей и способности къ горной войнѣ,—доказалъ этимъ, что неустрашимымъ предпріимчивымъ русскимъ войскамъ ни стихіи, ни натура и отчаянность непріятеля не поставили преграды".

Объ апшеронцахъ же въ рапортѣ Фезе упоминаетъ только въ слѣдующихъ словахъ: „Апшеронскіе баталіоны, особенно второй, старались подражать примѣру егерей". Пристрастіе всегда неизвинительно.

Нерасположеніе Фезе къ Апшеронскому полку, какъ кажется, происходило отъ того, что Клугенау, къ которому онъ питалъ неудовольствіе, командовалъ этимъ полкомъ, водилъ его противъ непріятеля, отличался съ нимъ и съ нимъ же заслужилъ извѣстную репутацію.

Иванъ Григоровскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВОСТОЧНАЯ ВОЙНА.

Письма кн. И. Ѳ. Паскевича къ кн. М. Д. Горчакову.

1854—1855 [1]).

24-го февраля 1854 г.—С.-Петербургъ [2]).

(Конфиденціально). Не думалъ, не гадалъ, любезнѣйшій князь Михаилъ Дмитріевичъ, когда графъ Орловъ, проѣздомъ чрезъ Варшаву [3]), далъ мнѣ почувствовать ожиданіе государя, чтобы я принялъ начальство надъ войсками [4]). Вслѣдъ затѣмъ я получилъ повелѣніе прибыть въ Петербургъ. Здѣсь рѣшено было, что я приму команду надъ войсками на западной и южной границѣ, съ оставленіемъ вамъ, въ мое отсутствіе, всѣхъ правъ и обязанностей, нынѣ вамъ предоставлен-

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1876 г., томъ XV, стр. 163—191.

[2]) Съ этого времени фельдмаршалъ началъ слишкомъ усердное устращиваніе князя Горчакова политикой Австріи и прочихъ германскихъ державъ, вслѣдствіе чего князь Варшавскій, опасаясь, уже въ концѣ февраля мѣсяца, серьезно за свой тылъ, находилъ, что о наступательныхъ дѣйствіяхъ противъ Турціи за Дунай и думать нельзя, а слѣдуетъ уже отнынѣ держаться въ оборонительномъ положеніи на лѣвомъ берегу; при этомъ онъ имѣлъ въ виду отступить мѣсяца черезъ полтора или два за Серетъ (т. е. въ половинѣ апрѣля). Лучшимъ доказательствомъ того, что въ эту эпоху восточной войны опасенія князя Варшавскаго на счетъ Австріи были преувеличены, служитъ неизмѣнное рѣшеніе императора Николая, по которому князю Горчакову предписано было открыть кампанію 1854 года переходомъ чрезъ нижній Дунай. Рѣшеніе это не было никогда отмѣняемо государемъ. Ред.

[3]) Ген.-ад. графъ Орловъ былъ посланъ, въ январѣ 1854 года, съ высочайшимъ порученіемъ къ австрійскому двору, съ цѣлью разъяснить положеніе, занятое вѣнскимъ кабинетомъ въ восточномъ вопросѣ. Ред.

[4]) Объ этомъ обстоятельствѣ генералъ Ушаковъ упоминаетъ въ своихъ Запискахъ, т. е., что назначеніе фельдмаршала главнокомандующимъ произошло для него неожиданно, и что графъ Орловъ впервые сообщилъ ему на этотъ счетъ ожиданія государя императора. Ред.

ныхъ. И такъ, мы будемъ опять работать и трудиться вмѣстѣ, любезнѣйшій князь, съ тѣмъ же усердіемъ, какъ и всегда.

Изъ свѣдѣній, доставленныхъ мнѣ изъ военнаго министерства по пріѣздѣ въ С.-Петербургъ, я видѣлъ, что вы сохранили войска какъ нельзя лучше: больныхъ мало, госпитали назначены въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ должно, и что вы обезпечили войска продовольствіемъ до половины іюля.

Что же касается до предположеній вашихъ на счетъ продовольствія войскъ съ 16-го іюля, то я не полагаюсь на вѣрность заготовленія продовольствія въ княжествахъ; пусть тамъ цѣны будутъ и ниже, чѣмъ въ нашихъ южныхъ губерніяхъ, но нельзя, я думаю, расчитывать на покупку хлѣба на самомъ театрѣ войны; въ войнѣ многое зависитъ отъ обстоятельствъ, и можетъ случиться, что мы очистимъ сами, или непріятель, хотя временно, займетъ тѣ пункты, гдѣ вы думаете дѣлать покупки хлѣба; тогда всѣ расчеты наши рушатся, а поправить будетъ поздно. Конечно, весьма бы хорошо избѣжать излишнихъ издержекъ; но нельзя, изъ экономіи, весь успѣхъ войны отдавать случаю. Вслѣдствіе того, я испросилъ уже высочайшее соизволеніе на покупку запасовъ въ тѣхъ мѣстахъ, которыя мы необходимо будемъ занимать, во всякомъ случаѣ, или въ тылу нашихъ войскъ. Вы объ этомъ получаете отъ меня офиціальную бумагу. Свѣдѣнія, которыхъ я требую, прошу мнѣ доставлять: тѣ, которыя успѣете, въ Варшаву, а прочія присылайте по мѣрѣ возможности; главное, я желалъ бы имѣть удостовѣреніе: можете-ли вы заготовить хлѣбъ и фуражъ и сколько именно, потребный на продовольствіе послѣ 16-го іюля, въ мѣстахъ, которыя во всякомъ случаѣ мы будемъ занимать, то есть: въ Большой Валахіи по рѣчку Бузео, въ Молдавіи и въ Бессарабіи? На это прошу васъ доставить отвѣтъ сколь возможно скорѣе.

Что же касается до военныхъ дѣйствій, то, съ перемѣною политическихъ обстоятельствъ, многое долженъ былъ я измѣнить въ первыхъ моихъ предположеніяхъ; ибо, если бы мы начали дѣйствовать какъ я совѣтовалъ, въ половинѣ февраля, то мы, до прибытія французовъ и англичанъ, успѣли бы овладѣть почти всѣми малыми крѣпостями на низовьѣ Дуная, а можетъ быть и Силистріею, и тогда положеніе наше было бы другое.

Нынѣ же французы дѣлаютъ десантъ въ 40 т. человѣкъ, можетъ быть и англичанъ 10 т. [1]); у турокъ же будетъ, по моему расчету,

---

[1]) Всѣ эти опасенія были страшно преувеличены; только къ концу марта мѣсяца въ Галлиполи собралось до 13,000 французовъ, не готовыхъ къ походу; 7,000 англичанъ въ тоже время находились еще въ Мальтѣ. Ред.

до 60 т., всего болѣе 100 т.; а у насъ на правомъ берегу можетъ быть только 60 тыс. Все таки мы съ ними бы помѣрялись, если бы удалось взять Силистрію. Но теперь, не взявъ Силистріи, и когда нельзя, кажется, вѣрить нейтралитету австрійцевъ, наше положеніе измѣняется. Австрія назначала на сербскую границу сначала 25 т. войскъ; нынѣ же увеличиваетъ корпусъ, говорятъ, до 60 т. и посылаетъ туда и осадную артиллерію; слѣдовательно, они могутъ не только удерживать сербовъ, но, прибавивъ войскъ и подвинувшись влѣво, угрожать и нашему правому флангу и въ тылъ нашей арміи, и въ четыре марша быть въ Фокшанахъ и Яссахъ. Хорошо будетъ тогда наше положеніе, если мы заведемъ далеко войска.

Объ этомъ стоитъ подумать, любезнѣйшій князь.

Въ первыхъ числахъ марта я буду въ Варшавѣ, гдѣ много еще будетъ дѣла, ибо надобно оглядѣться со стороны Австріи и Пруссіи, начиная отъ Курляндіи до Каменецъ-Подольска, и распорядиться, какъ оставить въ Варшавѣ Ридигера, который будетъ командовать на правомъ флангѣ.

Между тѣмъ я прошу васъ, любезнѣйшій князь, о двухъ вещахъ, а именно: 1) соберите, къ моему пріѣзду, сколь возможно подробныя свѣдѣнія о Силистріи, равно какъ и о другихъ крѣпостяхъ: Рущукѣ, Виддинѣ, Шумлѣ, Проводахъ, Варнѣ и малыхъ укрѣпленіяхъ по Дунаю; о гарнизонахъ, о способахъ Булгаріи и о числительной силѣ непріятеля; 2) изъ доставленныхъ свѣдѣній отъ военнаго министра, вижу я, что 5-е и 6-е отдѣленія осаднаго парка, находящагося въ Тирасполѣ, приготовлены уже къ выступленію и что къ 1-му марта будутъ пригнаны волы для перевозки, 7-е же и 8-е отдѣленія находятся въ Кіевѣ, и распоряженій о волахъ тамъ не сдѣлано; напишите мнѣ, любезный князь, въ Варшаву, считаете ли вы нужнымъ везти ихъ къ арміи, или, по мнѣнію вашему, достаточно первыхъ двухъ отдѣленій?

Не даромъ, начавъ письмо, сказалъ я, любезный князь, что стоитъ подумать о нашемъ положеніи. Съ каждымъ днемъ удостовѣряемся мы все болѣе въ непріязненныхъ намѣреніяхъ, сначала, какъ думали, только Австріи, но, какъ видимъ теперь даже по извѣстіямъ, сегодня еще полученнымъ, можетъ быть, еще не лучшихъ со стороны Пруссіи. Не полагалъ я и прежде большихъ надеждъ на германскія державы, и какъ въ центрѣ, на западной границѣ, Австрія и Пруссія могутъ выставить двѣ арміи, каждая въ 150 т., а мы противъ нихъ имѣемъ только два корпуса и двѣ гренадерскія дивизіи, или около 120 т., то я и почиталъ необходимымъ имѣть особую резервную армію на оконечности нашего лѣваго центра, около Каменца.

Съ сею арміею можно бы маневрировать вправо и влѣво и быть въ связи съ дѣйствіями нашихъ войскъ на югѣ. Къ сожалѣнію, я пріѣхалъ въ Петербургъ поздно: резервную армію уже составить было невозможно.

Намъ остается изворачиваться тѣми войсками, которыя теперь имѣемъ.

И такъ, вы видите, любезный князь, что въ настоящемъ положеніи противъ Турціи идти впередъ и думать нельзя.

Хорошо бы только взять маленькія крѣпостцы на низовьѣ Дуная и сдѣлать сильный тетъ-де-понъ, а тамъ, не заходя уже далеко, оттянуть свои войска изъ Малой Валахіи и маячить на лѣвомъ берегу Дуная, стараясь выманить непріятеля, и, если Богъ дастъ, разбивъ его, дать ему такой урокъ, чтобы онъ былъ впередъ осторожнѣе и насъ, по крайней мѣрѣ до осени, не смѣлъ безпокоить.

Между тѣмъ, беречься на флангахъ: съ одной стороны, отъ десанта въ Одессѣ, чего я всего болѣе опасаюсь, ибо высадка въ Варнѣ или вообще противъ насъ не такъ еще была бы вредна. Для этого я выпросилъ въ распоряженіе генерала Сакена резервную уланскую дивизію, съ помощію которой онъ можетъ управиться съ непріятелемъ.

Съ другой стороны, надо остерегаться Австріи, для чего нѣтъ до сихъ поръ еще войскъ, кромѣ двухъ резервныхъ кирасирскихъ дивизій. Надобно, однако, подумать, какъ бы показать Австріи, что мы не только готовы ее встрѣтить, но можемъ ей угрожать не однимъ вліяніемъ, которое бы могли имѣть на ея славянскія племена, но и матеріальною силою.

Когда я уже отправлялъ курьера, государь императоръ прислалъ мнѣ для прочтенія ваше послѣднее письмо относительно перехода за Дунай 7-го марта [1]) и взятія малыхъ крѣпостей и даже Гирсова. Его величество одобряетъ совершенно ваши предположенія, сказавъ, что это было и его мыслію. Вы знаете и мое мнѣніе: намъ необходимо взять Тульчу, Исакчу и Мачинъ, для того, чтобы обезпечить себя отъ входа въ Дунай и въ гирлы Измаильскія малыхъ судовъ непріятеля. Хорошо, если бы вы не встрѣтили препятствій для взятія и Гирсова; но если затрудненія будутъ очень большія, то можете дѣйствовать по усмотрѣнію мѣстныхъ обстоятельствъ, которыя ближе вамъ извѣстны. Намъ нужна одна переправа, тетъ-де-понъ и въ немъ достаточный гарнизонъ, а остальными войсками,

---

[1]) Въ послѣдствіи переправа, по причинѣ сильныхъ вьюгъ и вѣтра, была отложена до 9-го марта и въ дѣйствительности состоялась только 11-го марта 1854 года. Ред.

впредь до объясненія обстоятельствъ, должно держаться на лѣвомъ берегу въ положеніи оборонительномъ. Въ послѣдствіи же, когда мы навѣрное узнаемъ намѣреніе непріятеля на счетъ высадки, то, приготовясь встрѣтить его въ Одессѣ, обезпечивъ себя взятіемъ Тульчи на случай десанта въ устьяхъ Дуная, мы можемъ ожидать не выйдетъ-ли онъ въ Варнѣ, съ тѣмъ, чтобы, соединяясь съ турками, прорваться изъ которой-либо крѣпости на правомъ берегу. Тѣмъ лучше, ибо здѣсь будетъ возможность, собравъ войска, встрѣтить непріятеля съ надеждою разбить его. Тогда мы будемъ въ состояніи, если не помѣшаютъ дѣла въ Европѣ, обратиться къ наступательнымъ дѣйствіямъ, взять Силистрію и идти далѣе, по усмотрѣнію.

Простите, любезнѣйшій князь, берегите свое здоровье и вѣрьте истинной моей къ вамъ дружбѣ. Мнѣ очень пріятно было, что я могъ способствовать вашему брату войтить въ службу. Государь принялъ это очень хорошо и хочетъ его употребить; братъ очень доволенъ, онъ поѣхалъ въ Москву; еще разъ поручаю себя вашей дружбѣ. До свиданія. Князь Варшавскій.

P. S. Прилагаю для вашихъ соображеній записку, поданную мною государю императору [1]).

25-го февраля 1854 г.—С.-Петербургъ.

(Весьма секретно). Вамъ отчасти уже извѣстно, любезный князь Михаилъ Дмитріевичъ, настоящее положеніе дѣлъ. Угрозы Австріи и Пруссіи не позволяютъ уже намъ думать о дѣйствіяхъ за Дунаемъ, и надобно уже помышлять о своихъ сообщеніяхъ въ тылу. Театромъ военныхъ дѣйствій и расположеніемъ вашихъ войскъ будутъ вѣроятно. Большая Валахія и низовья Дуная. Для этого первою нашею заботою должно быть: собрать сколь возможно болѣе провіанта и фуража именно въ сихъ мѣстахъ.

Вы знаете распоряженіе мое о перевозкѣ хлѣба изъ Одессы въ Бендеры. Если французы и англичане дадутъ намъ время перевезти тысячъ 150 хлѣба и столько же овса, то это будетъ уже большимъ для насъ пособіемъ, но я не думаю, чтобы они позволили это намъ сдѣлать: они атакуютъ Одессу. Но если германскія державы будутъ дѣйствовать наступательно и угрожать нашимъ флангамъ и тылу, то и этого средства будетъ недостаточно. Поэтому я отдаю также на ваше разсмотрѣніе, не найдете-ли вы нужнымъ, безъ огласки, такъ чтобы непріятель не основывалъ на томъ своихъ предположеній, очищать, если они того стоятъ, магазины ваши въ Малой Валахіи, имѣя въ виду, что около Букареста придется, вѣроятно, еще держаться мѣ-

[1]) Копіи съ этой записки у насъ не имѣется. Ред.

сяца полтора или два; потомъ линія наша будетъ между Бузео, Браиловымъ и Серетомъ. Такимъ образомъ надобно очищать и наши госпитали, отсылая больныхъ, нескоро выздоравливающихъ, за Фокшаны и далѣе.

Все это я отдаю вашему ближайшему обсужденію. Я думаю, во всякомъ случаѣ, пошлите отъ генералъ-интенданта разслѣдить въ краю, т. е. около Яссъ и во всей Каменецъ-Подольской губерніи, какія тамъ средства въ зернѣ, ибо я думаю, что ваши жернова дѣйствуютъ. Австрійцы, какъ бы ни спѣшили, прежде мая не будутъ готовы; но еще можетъ, что они войны не объявятъ и послѣ мая. Вамъ всегда преданный. Князь Варшавскій.

P. S. Забылъ вамъ сказать, поберегайте золото, нельзя-ли платить ассигнаціями, если ихъ нѣтъ — квитанціями, и особенно въ краю, который намѣреины мы оставить.

27-го февраля 1854 г.—С.-Петербургъ.

(Секретно). Ничего новаго не могу я вамъ сказать въ письмѣ, любезнѣйшій князь Михаилъ Дмитріевичъ, кромѣ того, что обстоятельства, измѣняясь съ каждымъ днемъ, заставляютъ насъ измѣнять свои предположенія. Теперь намъ не должно думать о взятіи Гирсова. Линія наша будетъ не на Дунаѣ, а маневрировать будемъ сначала около Рущука, дабы закрыться отъ выходу австрійцевъ изъ Германштадта, потомъ на Бузео или Рымникъ, смотря какъ высадки французовъ намъ будутъ опасны въ тылу. Изъ этого вы видите, что вы должны приготовляться безъ огласки къ вывозкѣ больныхъ, магазиновъ и военныхъ снарядовъ и приготовляться къ отступленію.... Военные ждутъ до того времени, т. е. отъ 15-го апрѣля до 1-го мая, высадку на правый берегъ Днѣстра, т. е. у Акермана. Въ этомъ мѣстѣ никого нѣтъ, подумайте, чѣмъ отразить, дабы они не вошли къ намъ въ тылъ. Обнимаю васъ отъ всего сердца, навсегда вамъ преданный. Князь Варшавскій.

1) Я уже стараюсь заготовить магазины изъ Одессы въ Бендеры, не знаю, удастся ли.

2) Изъ Подоліи въ Балтѣ и Ямполѣ, Киліи и другіе на Волыни, которые будутъ уже отъ Ридигера зависѣть (?).

Вообразите, что не только австрійцы, но и пруссаки,—не такъ-то хорошо.

8-го марта 1854 г.—С.-Петербургъ.

Любезный князь Михаилъ Дмитріевичъ, изъ двухъ официальныхъ бумагъ вы увидите, какъ настоящее положеніе дѣлъ нашихъ вообще, такъ и предположенія на счетъ будущихъ вашихъ дѣйствій.

Главнѣйшее обстоятельство заключается въ томъ, что, кромѣ турковъ, вамъ надобно остерегаться десантовъ и особенно Австріи, поведеніе которой весьма сомнительно.

Она собираетъ на пространствѣ отъ Галиціи до сербской границы до 200 т. войскъ и хотя еще не объявила намъ войны, но во всякомъ случаѣ можетъ намъ угрожать и быть дѣйствительно для насъ опасною, ибо всегда можетъ отъ Германштадта или Кронштадта выдти на флангъ и даже въ тылъ вашей позиціи; поэтому, мнѣ кажется, что, отступивъ теперь же за Ольту, въ случаѣ движенія австрійцевъ, намъ и здѣсь держаться невозможно, а стянувъ всѣ свои войска, выбрать позицію около Бузео или Рымника и дать здѣсь сраженіе.

Если же не успѣете собрать здѣсь войскъ, то отступить, по вашему усмотрѣнію, къ Фокшанамъ и для того теперь же устроить удобныя переправы на Серетъ.

Я сообщилъ вамъ, почтеннѣйшій князь, всѣ наши предположенія и всѣ свѣдѣнія. Вы, однако, на мѣстѣ лучше будете знать, какъ ихъ исполнить, ибо прежде нашего можете получить свѣдѣнія о намѣреніяхъ австрійцевъ. Во всякомъ случаѣ они для насъ опасны не только противъ Валахіи и Молдавіи, но и противъ Подоліи и особенно противъ Каменца, гдѣ у насъ теперь никого нѣтъ, и только въ исходѣ апрѣля мы кое-что соберемъ какъ противъ Австріи, такъ и противъ десантовъ, противъ которыхъ я еще не знаю, что будемъ дѣлать.

Вѣрьте моей искренней дружбѣ. „Князь Варшавскій“.

Предписаніе кн. Паскевича — кн. Горчакову.

9-го марта 1854 г.—С.-Петербургъ.

Поведеніе австрійцевъ часъ отъ часу дѣлается сомнительнѣе.

Мы остаемся въ томъ же положеніи, какъ я писалъ къ вамъ отъ 8-го сего марта. Дубликатъ съ сихъ бумагъ и письма моего при семъ посылаю.

Я писалъ къ вамъ, что, въ случаѣ перехода австрійскихъ войскъ за границу, войска наши должны отходить къ Бузео и Рымнику, если австрійцы будутъ въ силахъ.

Но какъ нельзя предполагать, чтобы они рѣшились выдти въ маломъ числѣ, а, напротивъ, ожидать должно, что они соберутся до 60,000 и въ томъ числѣ до 100 эскадроновъ, ибо у нихъ собрано весьма много кавалеріи, то нельзя принять сраженія противъ сильнаго непріятеля около Фокшанъ, имѣя за собой рѣку.

Посему, согласно высочайшаго государя императора разрѣшенія,

приготовьтесь на тотъ случай, когда австрійцы начнутъ переходить границу, къ отступленію за Серетъ, гдѣ мы, будучи закрыты рѣкою, можемъ встрѣтить непріятеля. Для сего позаботьтесь о переправахъ, устроивъ по нѣсколько мостовъ,—гдѣ удобнѣе.

Къ тому времени я надѣюсь пріѣхать къ вамъ; а между тѣмъ употребите всевозможныя мѣры къ очищенію вашихъ магазиновъ и госпиталей, расположенныхъ впереди сей линіи.

Прикажите, чтобы всѣ провіантскія телѣги перваго и втораго комплекта были нагружены провіантомъ такъ, чтобъ имѣть съ собою продовольствіе для войскъ, по крайней мѣрѣ, на мѣсяцъ и не трогать магазейновъ около Яссъ и Леово, гдѣ войска должны быть долгое время въ сборѣ и маневрировать.

Еще разъ скажу, что если вы еще не взяли Мачина, Исакчи и Тульчи и не устроили переправы, то не начинайте перехода; ибо, пока дѣла съ Австріею не объяснятся, намъ нѣтъ необходимости переходить черезъ Дунай.

Я вамъ предписалъ, чтобы осадный паркъ шелъ къ Измаилу; но если вы не взяли Мачина, то не везите парка къ Измаилу, а оставить его, гдѣ вы найдете удобнѣе.

Пошлите также лазутчиковъ въ Германштадтъ, Кронштадтъ, въ Дебречинъ, Кашау, даже до Песта; не жалѣйте денегъ, чтобы лазутчики непремѣнно извѣстили васъ, когда начнутъ войска австрійскія собираться, сколько, куда, и гдѣ сосредоточиваются.

Генералъ-фельдмаршалъ „князь Варшавскій".

10-го марта 1854 г.—Со станціи Катежной [1]).

Любезнѣйшій князь Михаилъ Дмитріевичъ, до самой минуты отъѣзда моего изъ С.-Петербурга, извѣстія объ Австріи были все болѣе и болѣе сомнительны. Я къ вамъ пишу вмѣстѣ съ симъ официально объ отступленіи на Бузео и Фокшаны; но какъ австрійцы перейдутъ границу, вѣроятно, не иначе, какъ въ большихъ силахъ, тысячъ въ 60, имѣя особенно много кавалеріи, и могутъ выдти не только вамъ на правый флангъ и тылъ, но и противъ Буковины, гдѣ у насъ войскъ никакихъ нѣтъ, слѣдовательно, вамъ необходимо, оберегаясь австрійцевъ на всей границѣ, отъ Каменца до Германштадта, и десантовъ французовъ съ другой стороны, придется маневрировать между Каменцемъ, Измаиломъ и Одессою. Поэтому необходимо приготовиться теперь же къ отступленію всей линіей за Серетъ, и не ожидать уже непріятеля около Бузео или Рымника, гдѣ неудобно будетъ принять непрія-

[1]) На с.-петербургско-варшавскомъ шоссе. Ред.

теля имѣя за собою рѣку. Отступленіе должно быть произведено въ величайшемъ порядкѣ, госпитали и магазины отвезены въ тылъ нашей позиціи, а между тѣмъ теперь же приготовлены возможно вѣрнѣйшія и въ большомъ числѣ переправы на рѣчкахъ и на Серетѣ.

Если вы еще не совершили переправы за Дунай, то и не форсируйте ее, ибо переправа наша теперь не будетъ уже нужна такъ какъ было прежде; отступая за Серетъ, мы сохранимъ только Галацъ. Если же вы переправились уже за Дунай, то отрядъ отъ переправы долженъ будетъ отступать на Исакчу, если она взята.

Въ С.-Петербургѣ, для пріема австрійцевъ, мнѣ удалось составить отрядъ: изъ 6-й дивизіи, которая расположится въ Каменцѣ, изъ 2-й дивизіи кирасиръ и драгунъ, которыя будутъ въ связи съ 16-ю дивизіею и съ резервною уланскою дивизіею, которыя будутъ маневрировать также въ тылу Одессы.

Какъ вы видите, любезнѣйшій князь, здѣсь будетъ до 70 т. войска; вмѣстѣ же съ вашими войсками, когда они перейдутъ за Серетъ, будетъ до 220 т. Ихъ надобно только прокормить и для того собрать въ тылу большіе магазины, ибо намъ необходимо по 55 т. чет. хлѣба въ мѣсяцъ. О распоряженіяхъ на счетъ заготовленій провіанта вы знаете изъ прежнихъ моихъ увѣдомленій. Я предписалъ только въ добавокъ графу Никитину устроить магазинъ въ промежуткѣ между Вознесенскомъ и Жеребковымъ; выбравъ, такимъ образомъ, войска и провіантъ, мы въ хорошей позиціи будемъ ожидать непріятелей и если бы который изъ нихъ былъ неосторожень или выдвинулся впередъ, то можно будетъ постараться дать ему хорошій урокъ; тогда кампанія можетъ еще обратиться въ нашу пользу.

Все это я пишу въ томъ предположеніи, что австрійцы противъ насъ будутъ дѣйствовать. Вамъ, любезнѣйшій князь, ближе узнать навѣрное о сборѣ ихъ войскъ и намѣреніяхъ. Если бы австрійцы оставались спокойны и не переходили границы, то кампанія должна быть произведена по плану, въ запискѣ государя императора изложенному.

Во всякомъ случаѣ, сохранить вашу линію на Дунаѣ, кажется мнѣ, необходимо и еще беречься за вашъ центръ противъ Силистріи, гдѣ защита ваша, кажется, слаба и нечѣмъ будетъ отразить турокъ, если бы они нечаянно захотѣли тутъ прорваться. Душевно вамъ преданный. „Князь Варшавскій“ [1]).

---

[1]) Въ Запискахъ генерала Ушакова упоминается объ этихъ письмахъ князя Варшавскаго, въ которыхъ онъ совѣтовалъ князю Горчакову воздержаться отъ переправы черезъ Дунай; при этомъ у автора «Записокъ очевидца» вкралась довольно важная ошибка: онъ говоритъ, что къ князю Горчакову, съ письмомъ тъ фельдмаршала, прибылъ курьеръ съ 9-го на 10-е марта изъ Варшавы. Это не

14-го марта 1854 г.—Варшава.

Вслѣдъ за отправленіемъ къ вамъ курьера, любезнѣйшій князь Михаилъ Дмитріевичъ, изъ Катежной, я около Динабурга встрѣтилъ курьера изъ Вѣны и, прочитавъ донесеніе барона Мейендорфа, съ удовольствіемъ видѣлъ, что дѣла наши съ Австріей принимаютъ оборотъ болѣе благопріятный. Сегодня я получилъ еще новѣйшее извѣстіе отъ нашего посла въ Вѣнѣ, отъ 12-го (24-го) марта, который увѣдомляетъ, что Австрія все болѣе и болѣе сближается къ политикѣ Пруссіи, что̀ доказывается, между прочимъ, пріемомъ, сдѣланнымъ въ Вѣнѣ присланному отъ короля полковнику Мантейфелю. Съ другой стороны, дѣлается также замѣтною недовѣренность Австріи къ Франціи, вслѣдствіе поведенія ея въ Италіи, поѣздки туда Луціана Бонапарта и намѣреній Маццини сдѣлать, 22-го марта, возстаніе въ Ломбардіи. Всѣ сіи свѣдѣнія были причиною, что правительство рѣшилось послать Радецкому еще 15 т. войскъ.

Наконецъ, баронъ Мейендорфъ говоритъ, что въ Вѣнѣ всѣ значительнѣйшія лица, военныя и другія, громко говорятъ противъ союза Австріи съ Франціей.

Извѣстія сіи, конечно, хороши, но, какъ слышно, Австрія продолжаетъ вооруженіе и сборъ войскъ въ Венгріи и Галиціи, около Лемберга и Кракова.

Слѣдственно, мы не можемъ еще отмѣнять тѣхъ военныхъ предосторожностей [1]), какія приняты сочли уже нужнымъ.

Ваше положеніе таково, что надобно обращаться туда, гдѣ опасность скорѣе угрожать можетъ; прежде всего и наиболѣе намъ угрожала Австрія; противъ нея и слѣдовало намъ выставить войска; теперь обстоятельства съ сей стороны, кажется, начинаютъ поправляться; Австрія, какъ видно, не объявитъ намъ войны; поэтому, не ослабляя однако же

могло имѣть мѣста, такъ какъ фельдмаршалъ возвратился въ Варшаву только 14-го марта, и съ этого времени онъ, вслѣдствіе болѣе благопріятныхъ извѣстій, полученныхъ имъ изъ Австріи, снова склоняется въ пользу перехода на правый берегъ Дуная. Всѣ письма, въ которыхъ фельдмаршалъ совѣтовалъ и предписывалъ не переходить Дунай, были отправлены изъ Петербурга и со станціи Катежной. Объ этой ошибкѣ Ушакова не упомянуто въ «Замѣткахъ о событіяхъ 1853—1854 гг.»—«Рус. Стар.» 1875 г. томъ XIV, по неимѣнію тогда у автора достаточныхъ для этого указаній. **Ред.**

[1]) Все предписанное фельдмаршаломъ, о чемъ выше упомянуто, нельзя назвать военными предосторожностями. Предписывалось полнѣйшее отступленіе арміи, при чемъ имѣлось въ виду вести оборонительную войну въ предѣлахъ имперіи. **Ред.**

осторожности противъ нея, мы можемъ обратиться къ защитѣ противъ десантовъ и противъ предпріятій турковъ.

О десантахъ вамъ, конечно, извѣстно; для охраненія вашего лѣваго фланга назначалась 7-я дивизія. Теперь же, когда вы употребили ее на переправу, то противъ десанта у васъ войскъ нѣтъ. Непріятель же можетъ быть вамъ очень опасенъ, если, высадивъ войска въ Акерманѣ, пойдетъ на ваши сообщенія. Въ тоже время, турки, по всѣмъ вѣроятностямъ, сдѣлаютъ покушеніе на вашъ центръ, то есть около Силистріи. По симъ причинамъ, а также для сбереженія вашихъ магазиновъ около Букареста, я бы полагалъ, любезнѣйшій князь, расположить войска такимъ образомъ, чтобы они могли быть обращены, гдѣ потребуетъ необходимость, и могли принять отступающій отрядъ Липранди или дѣйствовать въ подкрѣпленіе тѣхъ частей, кои находятся противъ Силистріи и, наконецъ, противъ десантовъ. Впрочемъ, вы будете дѣйствовать сообразно извѣстнымъ ближе вамъ мѣстнымъ обстоятельствамъ.

Изъ письма вашего отъ 7-го марта, я вижу, что вы 9-го предполагаете форсировать переправу Дуная. По сдѣланнымъ вами распоряженіямъ, я ожидаю и дай Богъ успѣха.

Меня очень порадовало извѣстіе, что, сверхъ довольствія войскъ вашихъ до 1-го сентября, можно найти въ Бессарабіи, Молдавіи и Валахіи, до Бузео, до 200 т. четвертей зернового хлѣба и столько же ячменя. Остается подумать о зеленомъ фуражѣ и о кошеніи въ свое время сѣна. Утверждая вмѣстѣ съ симъ назначеніе вами пунктовъ въ Текучѣ, Фокшанахъ и Бузео для склада покупаемыхъ уже 50 т. чет. хлѣба съ пропорціею крупъ и 50 т. чет. ячменя, я на счетъ перевозки хлѣба изъ Одессы далъ знать генералу барону Сакену, что на производство торговъ для найма подводъ теперь нѣтъ времени. Что касается до введенія въ княжествахъ нашихъ ассигнацій, то хотя мѣра о заготовленіи помянутыхъ 50 т. чет. хлѣба и 50 т. чет. ячменя посредствомъ реквизиціи съ уплатою квитанціями и сбережетъ по возможности золото, но, кромѣ того, на мѣстѣ вообще много издерживается золота, то, по пріѣздѣ моемъ къ вамъ на мѣсто, мы еще объ этомъ предметѣ подумаемъ.

P. S. Вы знаете уже вѣроятно, любезнѣйшій князь, что изъ отряда, собраннаго въ Тулонѣ французами (по донесеніямъ генерала Штакельберга, 40 т.), 1-я дивизія ген. Канробера уже отплыла, съ назначеніемъ, какъ слышно, высадиться въ Галлиполи. И такъ, остается намъ ожидать и въ другихъ мѣстахъ высадки французовъ. Предупредите объ этомъ ген. бар. Сакена, къ которому я напишу также отъ себя. Простите, почтеннѣйшій князь, я думаю быть у васъ около 6-го и 7-го чиселъ апрѣля; не ожидайте меня нигдѣ, я поѣду туда, гдѣ потребуютъ

обстоятельства. Княгиня ваша здорова. Вамъ преданный. „Князь Варшавскій".

22-го марта 1854 г.—Варшава.

Пишу къ вамъ особо, любезнѣйшій князь, о дѣлѣ, которое для успѣха должно оставаться въ совершенной тайнѣ между вами и мною. Подумайте, нельзя-ли будетъ найти вѣрныхъ людей, не между греками, фанаріотами или перотами, точно такъ же, какъ не между молдаванами или валахами, потому что на однихъ по плутовству, а на другихъ по глупости надѣяться нельзя,—а между болгарами или турками? Люди сіи нужны намъ для исполненія слѣдующей мысли моей:

Если бы туркамъ умѣть разсказать ихъ положеніе, то они бы увидѣли, къ чему ведетъ ихъ союзъ Англіи и Франціи.

Отъ Порты требовали подтвержденія привиллегій христіанскихъ подданныхъ султана: не требовали ничего новаго, но исполненія прежняго.

Началась война. Расходовъ и долговъ уже много, такъ что нечѣмъ платить жалованья; сдѣлали заемъ, который обойдется такъ дорого, что ни одинъ грекъ не бралъ такихъ процентовъ. А между тѣмъ, кто управляетъ теперь Турціею? Христіанинъ, невѣрный англичанинъ. Къ чему это привело? Къ тому, что христіанамъ не только подтвердили то, что они прежде имѣли, но дали еще вдвое болѣе, сравнили ихъ въ правахъ съ правовѣрными мусульманами и требуютъ еще уничтоженія Карача, съ тѣмъ, чтобы подати разложить на мусульманъ, которые будутъ платить за грековъ.

Мало того: кому отдана вся власть, кто командуетъ войсками! Ренегаты, которые въ тайнѣ, можетъ быть, и теперь христіане, а завтра отступятся совсѣмъ отъ исламизма! Кто министрами у султана? Турки, которые не лучше ренегатовъ, были по нѣсколько лѣтъ въ Парижѣ и Лондонѣ, заразились христіанскими обычаями, пьютъ вино и хотятъ перемѣнить все старое, все правовѣрное.

Говорятъ, что они хотятъ везти теперь султана въ Адріанополь; тамъ, съ одной стороны, населеніе почти все христіанское, а съ другой, будетъ и лагерь европейскій. Мудрено-ли же, что они, держа султана какъ въ неволѣ, заставятъ его самого принять христіанство? Да и самъ султанъ, надежна-ли его вѣра и привязанность къ религіи, когда до сихъ поръ его окружаютъ все христіане, управляетъ онъ и царствуетъ по внушенію христіанъ? Не пропадетъ-ли тогда и вѣра, и имперія Османа?

Если бы въ этомъ духѣ начали разговаривать въ Константинополѣ въ кофейняхъ, въ цирульняхъ, люди не подозрительные, даже чистые

мусульмане и, скорѣе, даже фанатики, то это могло бы имѣть, вѣроятно, вліяніе на жителей Константинополя.

Мнѣ удавались подобныя попытки въ Персіи, Мюштенде былъ за меня и Тавризъ оттого сдался. Въ Турціи нѣкоторые паши были на мой сторонѣ и готовы были возстать противъ султана.

Но, повторяю, что главныя условія успѣха: тайна, такъ чтобы люди, которые будутъ дѣйствовать на мѣстѣ, сами не подозрѣвали, что они говорятъ по внушенію нашему; для этого выборъ людей и, наконецъ, деньги. Не надо жалѣть 10, 20 и 30 т. рублей.

Послѣдствія вознаградятъ за издержки. Теперь по всѣмъ свѣдѣніямъ кажется, что въ Константинополѣ начинаются уже неудовольствія противъ англичанъ и французовъ, особенно послѣ заключенія ими съ Портою послѣдняго трактата о христіанахъ. Нельзя-ли этимъ воспользоваться и употребить въ дѣло по выбору изъ плѣнныхъ: или фанатиковъ, или людей надежныхъ, а можетъ быть, и простыхъ; дать имъ по нѣсколько червонцевъ и потомъ приготовить прокламаціи въ томъ же смыслѣ, для распространенія въ народѣ. Мы объ этомъ при свиданіи поговоримъ съ вами подробнѣе. Князь Варшавскій.

21-го марта 1854 г.—Варшава.

Поздравляю васъ, любезный князь Михаилъ Дмитріевичъ, съ успѣшнымъ переходомъ Дуная, который, слава Богу, не стоилъ намъ много крови. Взятіе Тульчи и Мачина были послѣдствіемъ сего славнаго дѣла и нынѣ вы уже со взятіемъ Исакчи обезпечили себя отъ десантовъ союзниковъ въ низовьяхъ Дуная.

Прошу васъ прислать мнѣ представленіе къ наградамъ чиновъ вашего штаба, какъ тѣхъ, которые участвовали при форсированіи переправы, такъ и тѣхъ, которые отличились своимъ усердіемъ при усиленной работѣ въ продолженіе года и въ военныхъ дѣлахъ прошедшей зимы.

Я выѣзжаю изъ Варшавы около 27-го марта и буду въ Фокшанахъ 31-го марта или 1-го апрѣля, гдѣ весьма желалъ бы съ вами встрѣтиться: но я вамъ рукъ не связываю и прошу васъ пріѣхать только въ такомъ случаѣ, если васъ дѣла и дѣйствія противъ непріятеля не задержатъ въ Букарестѣ, или въ другомъ мѣстѣ. Если же вы къ тому времени будете на Нижнемъ Дунаѣ, то я самъ туда поѣду; также бы желалъ тамъ видѣть Шильдера.

Прощайте, любезный князь, съ нетерпѣніемъ ожидаю подробностей о переходѣ чрезъ Дунай и о занятіи Исакчи.

P. S. Дошло до моего свѣдѣнія, что бо́льшая часть болѣзней на Дунаѣ развивается тогда, когда цвѣтутъ камыши. Подумайте, любезный

князь, нельзя-ли косить и жечь камыши, или употребить другія средства для уничтоженія оныхъ.

22-го марта 1854 г.

Окончивъ уже письмо, я получилъ вчера подробное донесеніе ваше, любезнѣйшій князь, о блистательной переправѣ Дуная и вчера же писалъ объ этомъ государю императору. Занятіе Гирсова намъ не помѣшаетъ, ибо по всѣмъ свѣдѣніямъ теперь кажется вѣроятнымъ, что десантовъ нельзя ожидать прежде половины апрѣля; слѣдовательно, еще успѣемъ отвести войска когда будетъ нужно.

На счетъ формированія изъ сербовъ des corps francs, я бы думалъ теперь пріостановиться, ибо, по словамъ барона Мейендорфа, полагать должно, что Австрія будетъ смотрѣть на это дѣло весьма непріязненно.

Наконецъ, о болгарахъ я доносилъ государю императору и мы съ вами подумаемъ, когда будетъ время ими заняться.

Вчера также получилъ я депеши отъ барона Мейендорфа, который увѣдомляетъ, что извѣстія о переходѣ вами Дуная было принято въ Вѣнѣ императоромъ и его приближенными генералами хорошо; но министерство ничего не говоритъ ему успокоительнаго, опасаясь, что если мы будемъ увѣрены совершенно въ Австріи, то приведемъ въ исполненіе намѣренія свои на счетъ возстанія христіанъ, котораго они боятся. Для свѣдѣнія вашего прилагаю выписку изъ депеши Мейендорфа и вмѣстѣ копію доставленныхъ мнѣ военнымъ министромъ извѣстій о военныхъ приготовленіяхъ Франціи. Въ ожиданіи пріятнаго съ вами свиданія, вамъ навсегда преданный. Князь Варшавскій.

27-го марта 1854 г.—Варшава.

Я получилъ копію съ собственноручнаго письма къ вамъ государя императора.

Спѣшу поздравить васъ, любезный князь Михаилъ Дмитріевичъ, съ высокою монаршею милостію и столь лестнымъ собственноручнымъ рескриптомъ его императорскаго величества.

Сегодня, часовъ въ 11 вечера, я выѣзжаю изъ Варшавы и около 3-го апрѣля надѣюсь быть въ Фокшанахъ. Я писалъ уже вамъ, что хотѣлъ бы тамъ увидѣться съ вами и переговорить о разныхъ дѣлахъ, но въ такомъ только случаѣ, если военныя дѣйствія или другія какія-либо дѣла не помѣшаютъ вамъ это исполнить. Простите, почтеннѣйшій князь, до скораго свиданія. Княгиню я видѣлъ вчера, она, слава Богу, здорова. Князь Варшавскій.

ГРАФЪ МОДЕСТЪ АНДРЕЕВИЧЪ КОРФЪ.

Біографическій очеркъ.

1800 — 1876.

Лишь нѣсколько дней тому назадъ закрылась могила надъ графомъ М. А. Корфомъ, и, поэтому, невозможна еще полная, во всѣхъ частяхъ удовлетворительная біографія. Дѣятельность покойнаго, обнимающая болѣе полу-столѣтія, была всегда столь обширна и многообъемлюща, что необходимъ долгій и основательный трудъ для того, чтобъ съ нею хорошо ознакомиться и вникнуть во все ея многостороннее значеніе. Необходимъ доступъ въ архивы нѣсколькихъ государственныхъ учрежденій, необходимы сообщенія многихъ изъ числа тѣхъ, кто былъ сотрудникомъ или товарищемъ дѣятельности графа Корфа, необходимы воспоминанія родственниковъ и частныхъ людей, близко его знавшихъ или почему-либо бывшихъ съ нимъ въ замѣчательныхъ соприкосновеніяхъ, для того, чтобъ могло быть написано полное, достойное своего предмета жизнеописаніе. Но я состоялъ на службѣ при покойномъ послѣднія 20 лѣтъ его жизни, я былъ постояннымъ свидѣтелемъ его кипучей дѣятельности, давшей столько плодотворныхъ результатовъ для нашего отечества, я былъ также удостоенъ, въ продолженіе многихъ лѣтъ, интимныхъ сношеній съ нимъ, извустно и на письмѣ, и признаю своею обязанностью уже и теперь набросать, хотя бы въ самыхъ сжатыхъ размѣрахъ, главныя, мнѣ извѣстныя, черты жизни, надѣюсь, и не на мои одни глаза важной, интересной и значительной.

Искреннее мое желаніе было бы то, чтобъ мой небольшой очеркъ вызвалъ пополненія, замѣтки или воспоминанія тѣхъ, кто можетъ помочь въ его дѣлѣ будущему біографу графа Корфа; но еще болѣе я горячо желаю принести и мою собственную лепту на то, чтобъ мои

соотечественники, быть можетъ, недостаточно знакомые съ заслугою одного изъ лучшихъ и крупнѣйшихъ русскихъ дѣятелей, отдали ему справедливость и поставили его имя, съ почтеніемъ и любовью, въ спискѣ тѣхъ людей, которыхъ намъ всѣмъ не надо забывать.

Родъ барономъ Корфовъ далъ нашему отечеству, на разстояніи одного столѣтія, двухъ примѣчательныхъ историческихъ дѣятелей: въ XVIII столѣтіи—барона Іоганна Альбрехта Корфа, въ XIX столѣтіи—барона (въ послѣдствіи графа) Модеста Андреевича Корфа. Оба происходили отъ отцовъ-курляндцевъ, но провели всю почти свою жизнь въ Петербургѣ, на службѣ, въ продолженіе нѣсколькихъ царствованій, и, въ зрѣлыхъ своихъ годахъ занимая высшія государственныя должности, оказали Россіи такія услуги, которыя придаютъ этимъ двумъ личностямъ значеніе истинно-историческое. Въ натурѣ, характерѣ, настроеніи и дѣятельности двухъ этихъ барономъ Корфовъ есть что-то общее, сильно схожее, можно сказать, родственное, и сравненіе напрашивается само-собою.

Баронъ Іоганнъ Альбрехтъ-Корфъ (род. въ 1697 году, ум. въ 1766 г.) прибылъ въ Петербургъ изъ Курляндіи при воцареніи императрицы Анны Іоанновны, до того времени герцогини Курляндской. Сначала, въ качествѣ камеръ-юнкера и приближеннаго императрицы, онъ былъ употребленъ на негоціаціи политическія, гдѣ надѣялись на его ловкость и оборотливость. Но вскорѣ онъ былъ сдѣланъ президентомъ—по тогдашнему выраженію—**командиромъ** академіи наукъ, и здѣсь-то онъ выказалъ всю свою энергію, весь свой благодѣтельный починъ, всю свѣтлость своей мысли. Онъ разбудилъ академію, основанную, по мысли Петра Великаго, еще при Екатеринѣ I, но постоянно дремавшую въ какой-то восточной дремотѣ. При немъ научная дѣятельность закипѣла по всѣмъ отраслямъ и прямо по его личной иниціативѣ: онъ вошелъ въ переписку и близкія сношенія со всѣми учеными, отъ которыхъ могъ ожидать содѣйствія своимъ начинаніямъ, помогалъ имъ, двигалъ и поощрялъ ихъ всѣми зависящими отъ него способами, увѣщевалъ къ единодушію, снарядилъ вторую экспедицію въ Камчатку, обязанную совершить оттуда плаваніе къ американскимъ берегамъ, опредѣлить положеніе Японіи къ Камчаткѣ и открыть возможность сообщенія между морями Сѣвернымъ Ледовитымъ и Камчатскимъ; по его мысли, академія занялась новымъ изданіемъ уложенія царя Алексѣя Михайловича, вмѣстѣ съ уложеніемъ своднымъ, составленнымъ при Петрѣ Великомъ, а потомъ новымъ изданіемъ указовъ съ 1714 г. по 1725 годъ, и печатаніемъ послѣдовавшихъ затѣмъ и

современныхъ законоположеній; рядомъ съ этими работами, въ общей сложности своей имѣвшими ту же цѣль, какую осуществило въ послѣдствіи, конечно въ болѣе обширномъ объемѣ и удовлетворительномъ видѣ, „Полное Собраніе Законовъ"—рядомъ съ этими работами предпринято жизнеописаніе царей Іоанна Васильевича, Михаила Ѳедоровича и Алексѣя Михайловича, для чего высочайшимъ повелѣніемъ предписано передать въ академію всѣ, какіе только отыщутся журналы, дѣла, вѣдомости, письма и прочіе документы тѣхъ временъ; учреждено, подъ его предсѣдательствомъ, ученое общество для очищенія и усовершенствованія русскаго языка, которое для этого обязано было, между прочимъ, переводить замѣчательныя иностранныя сочиненія, и вмѣстѣ съ тѣмъ должно было озаботиться составленіемъ первой русской грамматики и словаря и собираніемъ матеріаловъ для русской исторіи.

Сверхъ того, баронъ Корфъ, стараясь привлекать въ русскую службу способныхъ иностранныхъ ученыхъ (напримѣръ, астрономовъ, химиковъ, и т. д.), въ которыхъ у насъ тогда былъ сильный недостатокъ, поощрялъ всѣми зависящими отъ него мѣрами молодыхъ даровитыхъ ученыхъ, мало по малу начинавшихъ появляться и у насъ; давалъ имъ мѣста и средства существовать и заниматься своимъ дѣломъ; наконецъ, устроилъ поѣздку за границу, для изученія естественныхъ и математическихъ наукъ и иностранныхъ языковъ, нѣсколькихъ молодыхъ людей, въ числѣ которыхъ былъ и Ломоносовъ: объ этихъ молодыхъ людяхъ онъ имѣлъ потомъ постоянно самую теплую заботу и, получивъ отъ Ломоносова изъ Германіи знаменитую его оду „На взятіе Хотина", тотчасъ напечаталъ ее и поднесъ императрицѣ; ревностно пріобрѣталъ для академіи всякія научныя коллекціи, кабинеты и собранія книгъ, какія только ему возможно было добыть, поручалъ академикамъ писать біографіи примѣчательныхъ русскихъ дѣятелей; наконецъ, по мысли Петра Великаго, настаивалъ на учрежденіи при академіи школы или семинаріи. Знаменитый Бернулли радовался вступленію Корфа въ академію, ожидалъ отъ этого много блага для науки, и предлагалъ свое посредничество для сближенія нашей академіи съ парижскою.

Наконецъ, онъ составилъ себѣ великолѣпную научную библіотеку, страстно имъ любимую, печатныя книги и карты которой были необыкновенно полезны многимъ тогдашнимъ ученымъ, писавшимъ о Россіи (всего болѣе Бюшингу): теперь она составляетъ одну изъ главныхъ составныхъ частей гельсингфорской университетской библіотеки. Что̀ касается его личныхъ качествъ, то онъ отличался необыкновенною доброжелательностью и заботою о государственномъ и частномъ благѣ, служилъ кому только могъ, для облегченія ему средствъ при-

нести пользу наукѣ и знанію, и отъ того-то нерѣдко современники, болѣе другихъ состоявшіе съ нимъ въ сношеніяхъ и способные оцѣнить его, называли его „истиннымъ другомъ человѣчества".

Но благодѣтельное для русской науки и русскаго общественнаго развитія вліяніе барона Іоганна-Альбрехта Корфа не было продолжительно. По интригамъ Бирона, опасавшагося вліянія его на императрицу Анну Іоанновну, онъ долженъ былъ черезъ 5½ лѣтъ оставить свое президентство въ академіи и поѣхать за границу, въ качествѣ нашего представителя при разныхъ дворахъ, сначала копенгагенскомъ, потомъ стокгольмскомъ, и, наконецъ, еще разъ копенгагенскомъ. Здѣсь онъ оказалъ значительныя услуги нашему отечеству, отвратилъ одну войну, устроилъ нѣсколько выгодныхъ для Россіи негоціацій, и по этому заслужилъ все благоволеніе и признательность двухъ императрицъ и одного императора: Елисаветы, Петра III, Екатерины II. Но ему не суждено было возвратиться въ Россію: онъ умеръ, въ Копенгагенѣ, 70-ти лѣтъ отъ роду, въ 1766 году, и, значитъ, никогда болѣе не имѣлъ возможности дѣйствовать на томъ поприщѣ, гдѣ принесъ столько пользы интеллектуальному развитію Россіи. А какъ ему хотѣлось продолжать свою дѣятельность именно въ этомъ направленіи, и какъ ему дорога была академія наукъ, о томъ мы узнаемъ изъ прощальнаго письма его въ академію. Онъ тутъ говоритъ: „Ваше письменное напоминаніе я принимаю какъ доброжелательство, которымъ вы намѣрены вознаградить меня за потерю, понесенную мною съ удаленіемъ отъ столь почтеннаго общества. Что я сдѣлался извѣстнымъ въ разныхъ странахъ и, можетъ быть, пользуюсь тамъ нѣкоторымъ уваженіемъ, котораго не заслужилъ, то обязанъ единственно тому, что имѣлъ честь стоять во главѣ столь знаменитаго общества".

Почти всѣ эти черты характера, дѣятельности и жизни барона Іоганна-Альбрехта Корфа повторились, съ замѣчательно близкимъ сходствомъ, въ характерѣ, дѣятельности и жизни того Корфа, который жилъ сто лѣтъ спустя, и котораго потерю мы въ настоящую минуту оплакиваемъ.

Баронъ Модестъ Андреевичъ родился въ Петербургѣ, 11-го сентября 1800 года. Отецъ его былъ баронъ Гейнрихъ (Андрей) Ульрихъ-Казиміръ, курляндскій помѣщикъ, находившійся въ 80-хъ и 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія въ прусской службѣ, но въ 1797 или 1798 году переселившійся въ Петербургъ и поступившій на службу вице-президентомъ юстицъ-коллегіи [1]). Мать его, Ольга Сергѣевна, была

[1]) Въ 1804 году онъ сдѣлался президентомъ той же коллегіи, въ 1819 году сдѣланъ сенаторомъ, и умеръ въ Петербургѣ въ 1823 году.

урожденная Смирнова, по словамъ современниковъ, женщина замѣчательной красоты, и такъ какъ она была русская, то поэтому дѣти барона Гейнриха Корфа и были крещены въ русскую вѣру. О первыхъ годахъ жизни маленькаго Модеста Корфа мнѣ до сихъ поръ ничего не извѣстно. По всей вѣроятности, онъ воспитывался дома; одиннадцати лѣтъ онъ поступилъ въ Царскосельскій лицей, только что тогда основанный по мысли и проекту знаменитаго Сперанскаго, находившагося въ то время на верху могущества и славы. Баронъ Модестъ Корфъ былъ одинъ изъ 30-ти мальчиковъ, принятыхъ 19-го октября 1811 года въ это учрежденіе. Документы изъ лицейскаго архива говорятъ, что эти 30 лучше другихъ выдержали экзамены свои, но все-таки, по словамъ барона Корфа, у нихъ были только „самыя ничтожныя предварительныя свѣдѣнія".

Что касается шести лѣтъ, проведенныхъ барономъ Корфомъ, то мы находимъ о нихъ очень много интересныхъ подробностей въ запискѣ, написанной имъ въ 1854 году и содержащей замѣтки на статьи, напечатанныя въ то время въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", подъ заглавіемъ: „Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. Матеріалы для его біографіи" [1]). Здѣсь говорится очень обстоятельно и интересно обо всемъ касающемся тогдашняго лицея, нарисованъ весь бытъ его, начерчены мѣткіе портреты преподавателей и другихъ личностей, входившихъ въ составъ лицейскаго персонала, наконецъ, представлена характеристика многихъ товарищей барона Корфа и разсказаны очень живо и интересно многія большія и малыя событія тогдашняго лицейскаго мірка. Невозможно передать здѣсь, въ краткомъ очеркѣ, даже и небольшую часть этихъ подробностей и я ограничусь приведеніемъ здѣсь нѣсколькихъ общихъ замѣтокъ о преподаваніи.

Г. Бартеневъ писалъ („Московскія Вѣдомости", литературный отдѣлъ, № 117): „Преподаваніе наукъ въ лицеѣ, какъ и все внутреннее устройство его, имѣло особенный характеръ. Уравненный въ правахъ съ русскими университетами, онъ не походилъ на сіи послѣдніе уже по самому возрасту своихъ питомцевъ, которые при поступленіи имѣли отъ 10-ти до 12-ти лѣтъ; но, съ другой стороны, въ высшемъ, четвертомъ курсѣ лицея преподавалось ученіе, обыкновенно излагаемое только съ университетскихъ кафедръ. Такимъ образомъ онъ соединялъ въ себѣ характеры такъ называемыхъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній. Лицеистъ, въ теченіе шести лѣтъ, узнавалъ науки отъ

[1]) Небольшіе отрывки изъ этой записки напечатаны В. П. Гаевскимъ въ «Современникѣ» 1863 г., т. 97, въ статьяхъ о Пушкинѣ и его лицейскихъ стихотвореніяхъ.

первыхъ начатковъ до философическихъ обозрѣній". Въ замѣткѣ своей на это мѣсто, баронъ Корфъ говорилъ: „Въ этомъ и заключался главный недостатокъ лицейскаго образованія. Лицей былъ устроенъ на ногу высшаго, окончательнаго училища, а принимали туда, по уставу, мальчиковъ отъ 10-ти до 14-ти лѣтъ, съ самыми ничтожными предварительными свѣдѣніями. Намъ нужны были сначала начальные учители, а дали тотчасъ профессоровъ, которые притомъ сами никогда нигдѣ еще не преподавали. Насъ надобно было раздѣлить, по лѣтамъ и познаніямъ, на классы, а посадили всѣхъ вмѣстѣ, и читали, напримѣръ, нѣмецкую литературу тому, кто едва зналъ нѣмецкую азбуку. Насъ — по крайней мѣрѣ въ послѣдніе 3 года,—надлежало спеціально приготовлять къ будущему нашему назначенію, а вмѣсто того, до самаго конца, для всѣхъ продолжался какой-то общій курсъ, полу-гимназическій и полу-университетскій, обо всемъ на свѣтѣ: математика съ дифференціалами и интегралами, астрономія въ широкомъ размѣрѣ, церковная исторія, даже высшее богословіе — все это занимало у насъ столько-же, иногда и болѣе времени, нежели правовѣдѣніе и другія науки политическія. Лицей былъ въ то время не университетомъ, не гимназіею, не начальнымъ училищемъ, а какою-то безобразною смѣсью всего этого вмѣстѣ, и, вопреки мнѣнію Сперанскаго, смѣю думать, что онъ былъ заведеніемъ, не соотвѣтствовавшимъ ни своей особенной, ни вообще какой-нибудь цѣли".

Въ другомъ мѣстѣ своей статьи г. Бартеневъ говорилъ:

„Въ какой степени и какимъ образомъ правила устава о преподаваніи примѣнялись къ самому дѣлу, остается неизвѣстнымъ". На это баронъ Корфъ замѣчаетъ: „Намъ, къ сожалѣнію, очень извѣстно, или по крайней мѣрѣ сдѣлалось извѣстнымъ послѣ, когда мы стали разсудительны. Какъ насъ учили, видно уже отчасти изъ вышесказаннаго. Кто не хотѣлъ учиться, тотъ могъ вполнѣ предаваться самой изысканной лѣни, но кто и хотѣлъ, тому не много открывалось способовъ, при неопытности, неспособности или равнодушіи большей части преподавателей, которые столько же далеки были отъ исполненія устава, сколько и вообще отъ всякой раціональной системы преподаванія. Въ слѣдующіе курсы, когда они пообтерлись на насъ, дѣло пошло, я думаю, складнѣе; но, несмотря на то, нашъ выпускъ, болѣе всѣхъ запущенный, по результатамъ своимъ, вышелъ едва-ли не лучше всѣхъ другихъ, по крайней мѣрѣ, несравненно лучше всѣхъ современныхъ ему училищъ. Одного имени Пушкина довольно, чтобы обезсмертить этотъ выпускъ; но и кромѣ Пушкина, мы, изъ ограниченнаго числа 29-ти воспитанниковъ, поставили по нѣскольку очень достойныхъ людей почти на всѣ пути обществен-

ной жизни. Какъ это сдѣлалось, трудно дать ясный отчетъ: по крайней мѣрѣ, ни наставникамъ нашимъ, ни надзирателямъ не можетъ быть приписана слава такого результата. Мы мало учились въ классахъ, но много въ чтеніи и въ бесѣдѣ, при безпрестанномъ треніи умовъ, при совершенномъ отсѣченіи отъ насъ всякаго внѣшняго разсѣянія [1]). Основательнаго, глубокаго въ нашихъ познаніяхъ было, конечно, не много; но поверхностно мы имѣли идею обо всемъ и очень были богаты блестящимъ всезнаніемъ, которымъ такъ легко и теперь, а тогда было еще легче, отъигрываться въ Россіи. Многому мы, разумѣется, должны были доучиваться уже послѣ лицея, особенно у кого была собственная охота къ наукѣ и кто, какъ напримѣръ я, оставилъ школьную скамью въ 17 лѣтъ".

9-го іюня 1817 года состоялся первый лицейскій выпускъ. Баронъ Корфъ говоритъ въ тѣхъ же „Замѣткахъ" своихъ: „Я оставилъ Царское Село невступно 17-ти лѣтъ, съ чиномъ титулярнаго совѣтника и съ прегромкимъ аттестатомъ, въ которомъ только на половину было правды". Къ этому можно прибавить, что онъ выпущенъ былъ — шестымъ, и черезъ двѣ недѣли послѣ выпуска опредѣленъ въ департаментъ министерства юстиціи на службу, сначала безъ мѣста, а въ декабрѣ того же года перемѣщенъ въ общую канцелярію министерства переводчикомъ.

Послѣ того, въ теченіе шести лѣтъ, до конца царствованія Александра I, баронъ Корфъ состоялъ на службѣ по разнымъ вѣдомствамъ: сначала въ должности редакторскаго помощника, а потомъ редакторомъ въ коммисіи составленія законовъ; въ 1823 году перешелъ изъ министерства юстиціи въ министерство финансовъ, и состоялъ здѣсь чиновникомъ особыхъ порученій, а потомъ начальникомъ отдѣленія въ департаментѣ разныхъ податей и сборовъ; въ теченіе 1825 года былъ назначенъ управляющимъ дѣлами двухъ комитетовъ: одного высочайше учрежденнаго для пріисканія способовъ къ улучшенію состоянія городовъ, и другаго, высочайше учрежденнаго для уравненія земскихъ повинностей.

Всѣ эти должности не давали ему оказіи выказать свои способности: до сихъ поръ онъ ничѣмъ не отличался отъ остальной толпы мелкихъ чиновниковъ, и, можно сказать, терялся въ ней.

Но съ наступленіемъ новаго царствованія все измѣнилось для

---

[1]) Въ другомъ мѣстѣ «Замѣтокъ» баронъ Корфъ говоритъ: «Во всѣ шесть лѣтъ насъ не пускали изъ Царскаго Села не только въ Москву (какъ говорилъ г. Бартеневъ про Пушкина), но и въ близкій Петербургъ, и изъятіе было сдѣлано для двухъ или трехъ, только по случаю и во время тяжкой болѣзни ихъ родителей».

барона Корфа: онъ поступилъ на службу при Сперанскомъ, и этотъ столько примѣчательный государственный человѣкъ скоро отличилъ его между другими и приблизилъ къ себѣ, а въ послѣдствіи положилъ основаніе всей дальнѣйшей государственной его карьерѣ.

Черезъ мѣсяцъ съ небольшимъ послѣ восшествія на престолъ императора Николая I, коммисія законовъ, труды которой слишкомъ долго не достигали своей цѣли, была преобразована во II-е отдѣленіе собственной его величества канцеляріи, и во главу ея былъ поставленъ Сперанскій. „Ему, для осуществленія обширныхъ его плановъ (созданіе полнаго собранія законовъ и свода законовъ), необходимы были,—говоритъ графъ М. А. Корфъ въ своей „Жизни графа Сперанскаго“,—руки, а въ коммисіи законовъ ихъ не оказывалось, потому что не только почти никто изъ ея чиновниковъ ничего не дѣлалъ, но немногіе изъ нихъ имѣли и способность что-нибудь дѣлать. Сперанскій принужденъ былъ начать съ увольненія множества прежнихъ чиновниковъ; но, почти чуждый тогдашнему служебному міру, онъ замѣстилъ ихъ,—не по близкой ему извѣстности, не по какому-нибудь строгому испытанію, а почти на удачу,—нѣсколькими профессорами, и, частію, молодыми людьми, окончившими курсъ наукъ въ тогдашнемъ Царскосельскомъ лицеѣ и въ университетахъ. Случайно, наборъ новыхъ работниковъ вышелъ довольно счастливый“. Въ числѣ этихъ молодыхъ людей былъ и баронъ М. А. Корфъ. Онъ причисленъ ко II-му отдѣленію, по высочайшему повелѣнію 4-го апрѣля 1826 года, со званіемъ старшаго чиновника, и состоялъ въ этой должности пять лѣтъ, занимая вмѣстѣ съ тѣмъ, одно время, и должность вице-директора департамента разныхъ податей и сборовъ.

Эти пять лѣтъ могутъ быть названы истинными „учебными годами“ въ дѣлѣ высшей государственной службы и юридическаго образованія барона Корфа, и въ послѣдствіи, въ письмахъ къ близкимъ ему личностямъ (въ томъ числѣ и ко мнѣ) и въ разговорахъ съ ними, онъ самъ нерѣдко такъ называлъ этотъ періодъ своей жизни, а Сперанскаго—своимъ „учителемъ“. Про это время вотъ что онъ разсказываетъ въ „Жизни Сперанскаго“: „И собственнымъ своимъ примѣромъ, и бдительнымъ личнымъ надзоромъ, и щедрыми, истинно безпримѣрными наградами, въ которыхъ императоръ Николай, вовсе на нихъ не расточительный, за это дѣло никогда не отказывалъ,—Сперанскій умѣлъ вдохнуть своимъ новобранцамъ необыкновенное одушевленіе. Работы, бывъ распредѣлены по мѣрѣ способностей и свѣдѣній каждаго, закипѣли съ самою успѣшною дѣятельностью. Всѣ работали много и усердно, но никто не „хлопоталъ“, отстраняя всякій бюрократическій формализмъ. Сперанскій очень часто самъ бывалъ въ отдѣленіи и

слѣдилъ тамъ за ходомъ и успѣхомъ занятій, а каждый вечеръ, въ 7 часовъ, старшіе редакторы, поочередно, являлись съ своими тетрадями въ его кабинетъ, и здѣсь, при Балугьянскомъ [1]) (эти совѣщанія назывались „присутствіемъ"), проходили съ нимъ сперва историческія обозрѣнія, потомъ догматическую часть (такъ, въ домашней терминологіи отдѣленія, принято было тогда именовать „своды"), изъ которой ни одна строка во всѣхъ 15-ти томахъ не осталась безъ личной его повѣрки, и, очень часто, передѣлки. Участники этихъ вечернихъ работъ, или, лучше сказать, этихъ практическихъ лекцій, при которыхъ, хотя онѣ длились не рѣдко за полночь, великій учитель до послѣдней минуты сохранялъ свое полное вниманіе, никогда, конечно, ихъ не забудутъ. Сколько каждый слышалъ тутъ мѣткихъ наблюденій, остроумныхъ замѣчаній, тонкихъ выводовъ; какая была въ этомъ, для молодыхъ людей, школа высшей государственной науки и дѣловаго краснорѣчія; какія развивались передъ ними плодотворныя идеи, общечеловѣческія воззрѣнія, и какимъ, наконецъ, все это было проникнуто живымъ участіемъ и къ дѣлу, и къ его сподвижникамъ!"

Безъ сомнѣнія, баронъ Корфъ говорилъ тутъ всего болѣе про то, что самъ испыталъ, и рисовалъ здѣсь картину своихъ собственныхъ занятій со Сперанскимъ и отношеній къ нему.

Какая была доля участія барона Корфа въ работахъ Сперанскаго, по всей справедливости названныхъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ монументальными,—о томъ можно судить по „безпримѣрнымъ" (какъ онъ самъ называетъ) наградамъ, исходатайствованнымъ для него у императора Сперанскимъ. Въ продолженіе семи лѣтъ онъ получилъ три чина (коллежскаго, статскаго и дѣйствительнаго статскаго совѣтника), ордена: Владиміра 3-й, Станислава 2-й и 1-й степени, званіе камергера, и пожалованныхъ въ разное время 29,000 рублей.

Въ маѣ 1831 года, баронъ Корфъ былъ назначенъ состоящимъ въ должности управляющаго дѣлами комитета министровъ, въ сентябрѣ слѣдующаго года утвержденъ въ этомъ званіи; спустя еще два года, въ концѣ 1834 г., ему высочайше повелѣно быть въ должности государственнаго секретаря, а утвержденъ онъ въ этомъ званіи 1-го января 1839 г. Оба эти назначенія состоялись по указанію бывшаго начальника и покровителя барона Корфа, Сперанскаго. Въ настоящую минуту для меня не представляется возможности нарисовать даже самый краткій очеркъ дѣятельности барона Корфа въ комитетѣ министровъ и въ государственномъ совѣтѣ, такъ какъ она состоитъ въ неразрывной связи съ исторіею этихъ двухъ высшихъ государственныхъ учрежденій

[1]) Номинальномъ начальникѣ II-го отдѣленія.

и для опредѣленія ея необходимы были бы ссылки на дѣла и архивы ихъ; но, по крайней мѣрѣ, упомяну, что собственная непосредственная инициатива барона Корфа высказывалась, между прочимъ, въ томъ, что въ 1842 году, вслѣдствіе представленныхъ имъ замѣчаній на внутренніе законы государственнаго совѣта, учрежденъ былъ, по высочайшему повелѣнію, особый комитетъ, по заключеніямъ котораго и составлено барономъ Корфомъ новое учрежденіе государственнаго совѣта и государственной канцеляріи, удостоенное высочайшаго утвержденія. Сверхъ того, я замѣчу еще здѣсь, что въ памяти старыхъ сослуживцевъ его осталось живое воспоминаніе о мастерствѣ, которымъ отличались всѣ составлявшіяся имъ государственныя бумаги, а равно и изложеніе разнообразныхъ мнѣній, образовавшихся нерѣдко въ засѣданіяхъ государственнаго совѣта. Вообще о баронѣ Корфѣ сохранилась память, какъ о самомъ блестящемъ, послѣ Сперанскаго, и во всѣхъ отношеніямъ выходящемъ изъ ряду вонъ государственномъ секретарѣ. Что самъ Сперанскій считалъ барона Корфа какъ бы своимъ наслѣдникомъ, мы узнаемъ это изъ одного интереснаго разговора его въ 1838 г. съ этимъ послѣднимъ, тогда исправлявшимъ должность государственнаго секретаря. Послѣ одного утомительнаго засѣданія въ государственномъ совѣтѣ, Сперанскій сказалъ барону Корфу:

— Не намъ, въ наши лѣта, писать законы: пишите вы, молодые люди, а наше дѣло будетъ только обсуживать („Жизнь графа Сперанскаго", II, 341).

Въ 1843 г. баронъ Корфъ возведенъ въ званіе члена государственнаго совѣта; съ 1848 г., вскорѣ послѣ того, какъ вспыхнула въ Парижѣ іюльская революція, по высочайшему повелѣнію назначенъ членомъ комитета, учрежденнаго для постояннаго надзора за духомъ и направленіемъ нашего книгопечатанія; въ 1855 г. назначенъ предсѣдателемъ этого комитета, но въ этой должности остался недолго, такъ какъ означенный комитетъ, какъ исполнившій временное свое назначеніе, закрытъ въ началѣ настоящаго царствованія. Сверхъ того, онъ присутствовалъ во множествѣ спеціальныхъ комитетовъ, назначенныхъ для разсмотрѣнія государственныхъ вопросовъ высшаго значенія и важности. Я не имѣю возможности излагать здѣсь подробности участія барона Корфа въ дѣятельности этихъ учрежденій; я могу только остановить вниманіе читателя на томъ, что главными чертами государственной дѣятельности барона Корфа постоянно были: свѣтлый взглядъ, болѣе всего и постоянно направленный къ истинному общественному благу; необыкновенное доброжелательство какъ въ отношеніи къ массѣ народной, такъ и къ отдѣльнымъ личностямъ; наконецъ, то гуманное направленіе въ каждомъ дѣлѣ; которое было основою его натуры и еще съ особенною силою укрѣплено

было въ немъ Сперанскимъ. Къ этому надобно прибавить неутомимость въ работѣ, энергію дѣятельности и такое отсутствіе бюрократической формалистики въ отношеніи къ подчиненнымъ, которое полъ-столѣтія тому назадъ представлялось у насъ совершеннымъ чудомъ и почти безпримѣрнымъ исключеніемъ.

Ко всѣмъ этимъ многообразнымъ должностнымъ занятіямъ прибавилось, въ 1847 году, еще одно, имѣвшее совершенно особенный характеръ и свидѣтельствовавшее о высокомъ уваженіи императора Николая къ знаніямъ и способностямъ барона Корфа: осенью этого года государемъ императоромъ было препоручено ему преподаваніе великому князю Константину Николаевичу курса правовѣдѣнія. Порученіе это имѣло характеръ, можно сказать, вполнѣ интимный и облекало барона Корфа тѣмъ самымъ высшимъ довѣріемъ, какимъ былъ, за 12 лѣтъ передъ тѣмъ, облеченъ Сперанскій, призванный высочайшею волею прочесть полный юридическій курсъ государю наслѣднику цесаревичу, нынѣ царствующему Государю Императору Александру Николаевичу. Подобные же курсы законовѣдѣнія прочитаны имъ въ послѣдствіи, по волѣ императора Николая, сначала герцогу Георгію Мекленбургъ-Шверинскому, а потомъ великимъ князьямъ Николаю и Михаилу Николаевичамъ—въ 1851 году.

Но среди всѣхъ этихъ трудовъ баронъ Корфъ получилъ новое назначеніе, которое дало ему возможность самымъ блестящимъ образомъ выказать лучшія его способности и принести русскому народу ту пользу, которая даетъ ему мѣсто въ нашей исторіи наравнѣ съ значительнѣйшими ея дѣятелями. 18-го октября 1849 г. онъ былъ назначенъ директоромъ императорской публичной библіотеки.

Едва вступивъ въ управленіе ею, онъ совершилъ рядъ переворотовъ, сдѣлавшихъ изъ нея не только одно изъ самыхъ великихъ нашихъ, но и европейскихъ учрежденій. Императорская публичная библіотека, какою въ немногіе годы она сдѣлалась при баронѣ Корфѣ, не только смѣло можетъ соперничать съ лучшими европейскими библіотеками, но уступаетъ, количествомъ содержимаго въ ней, лишь двумъ или тремъ, а по благодѣтельному дѣйствію своему на народное знаніе стоитъ во главѣ ихъ всѣхъ. Въ другихъ европейскихъ странахъ, публичныя библіотеки въ большинствѣ случаевъ служатъ ученымъ и спеціалистамъ; у насъ роль публичной библіотеки несравненно обширнѣе: она призвана служить пользѣ и интеллектуальному возвышенію всѣхъ; въ ея читальную залу имѣютъ право являться не однѣ только немногія, осторожно и опасливо рекомендованныя личности, но всякій, кто только можетъ, въ какомъ бы то ни было отношеніи, нуждаться въ сокровищахъ и помощи библіотеки. Притомъ, каждый

имѣетъ возможность заниматься здѣсь не 4 и не 5 часовъ въ день, какъ это установлено во всѣхъ европейскихъ библіотекахъ [1]), но весь день, отъ 10-ти часовъ утра и до 9-ти часовъ вечера. Всѣ эти либеральныя мѣры, въ Европѣ безпримѣрныя, существуютъ у насъ по мысли и энергической иниціативѣ барона Корфа.

При этомъ онъ не жалѣлъ никакихъ усилій, чтобы сдѣлать библіотеку,—до тѣхъ поръ мало извѣстную, имѣвшую, внутри, видъ пустыннаго и скучнаго сарая, и почти непосѣщаемую,—изящною, привлекательною и интересною для всѣхъ. Онъ наполнилъ ея залы, на всемъ протяженіи зданія, блестящими выставками рѣдкихъ, полезныхъ и любопытныхъ предметовъ и изданій, которыхъ значеніе, историческое, научное или эстетическое, было объясняемо нарочно избраннымъ для того лицомъ въ назначенные дни недѣли. Это были, въ нѣкоторомъ родѣ, маленькіе публичные курсы о множествѣ интересныхъ вопросовъ; они читались въ теченіе всего года, и привлекали постоянно толпу народа. Множество лицъ изъ всѣхъ классовъ народа, отъ высшихъ и до низшихъ, которые безъ того, быть можетъ, никогда не заглянули бы въ библіотеку, были теперь привлечены туда счастливою, благодѣтельною мыслью барона Корфа; они чувствовали любознательность свою возбужденною, обращались къ тому или другому предмету, и начинали заниматься серьезно. Другіе, тѣ, что̀ уже и сами собою преданы были дѣлу знанія, находили въ стѣнахъ новой библіотеки, созданной барономъ Корфомъ, такія богатыя средства для своихъ занятій, какихъ неизвѣстно было до тѣхъ поръ нигдѣ въ Россіи. Неутомимый въ своей ревности къ общей пользѣ, начальникъ библіотеки исходатайствовалъ у высочайшей власти обширныя средства для новыхъ пріобрѣтеній, какъ за границей, такъ и въ Россіи; онъ не жалѣлъ никакихъ трудовъ и сношеній во всѣхъ концахъ Европы, и иногда даже въ Азіи и Америкѣ, чтобъ обогащать свою любимую библіотеку всѣмъ тѣмъ, что казалось ему необходимымъ и полезнымъ для ея богатства. До него, то, что̀ принадлежало библіотекѣ, попало въ нее почти случайно, она не имѣла въ основномъ своемъ образованіи опредѣленной системы: „она сложилась (говоритъ баронъ Корфъ въ первомъ своемъ отчетѣ за 1850 годъ) постепенно, изъ трофеевъ войны, изъ монаршихъ даровъ, изъ приношеній частныхъ лицъ, или пріобрѣтенныхъ отъ нихъ собраній, и изъ тѣхъ современныхъ произведеній отечественнаго книгопечатанія, которыя она получаетъ по закону. Все

[1]) Единственное исключеніе составляетъ библіотека св. Женевьевы въ Парижѣ, гдѣ дозволено заниматься въ продолженіе всего дня, до самаго вечера; но это объясняется тѣмъ, что эта библіотека спеціально назначена для студентовъ Латинскаго квартала, большую часть дня занятыхъ лекціями. В. С.

это дѣлалось по мѣрѣ средствъ, возможности и открывавшихся случаевъ, и отъ того въ составѣ библіотеки нѣтъ и не могло быть доселѣ ни единства, ни плана, или общей путеводительной нити". Сознавъ это, онъ первый занялся систематичнымъ и правильнымъ обогащеніемъ, и вскорѣ далъ ей высокое значеніе научности и полноты.

Но особенная заслуга барона Корфа, среди всѣхъ остальныхъ заслугъ, состояла здѣсь въ томъ, что онъ создалъ одно особое отдѣленіе въ библіотекѣ, которому нѣтъ ничего подобнаго нигдѣ въ мірѣ. Это „Собраніе иноязычныхъ писателей о Россіи".

Еще юношей, находясь въ стѣнахъ Царскосельскаго лицея (какъ онъ самъ потомъ разсказывалъ одному изъ самыхъ приближенныхъ къ себѣ лицъ, покойному библіотекарю публичной библіотеки, В. И. Собольщикову) задумалъ онъ собрать и напечатать извѣстія о всемъ, когда-либо и гдѣ-либо напечатанномъ объ Россіи на иностранныхъ языкахъ. Это ему казалось не только интереснымъ, но въ высшей степени необходимымъ для нашей отечественной науки, для изученія нашей страны. И вотъ, безъ всякаго руководства и чьей-либо помощи, онъ еще лицеистомъ началъ составлять каталогъ всего, что онъ могъ узнать и найти по этому вопросу. Но скоро богатство и недоступность матеріала остановили его работу, а служба въ разныхъ министерствахъ, а потомъ при Сперанскомъ, отняла у него все его время. Первоначальный прекрасный планъ былъ сначала отложенъ въ сторону, до болѣе благопріятной поры, а въ послѣдствіи и совсѣмъ забытъ. Еще бо́льшіе труды и занятія ожидали его на постѣ управляющаго дѣлами комитета министровъ, потомъ государственнаго секретаря, и, казалось, затѣ бѣднаго, неопытнаго лицеиста суждено было навсегда остаться несбыточною фантазіею. Но этотъ лицеистъ сдѣлался черезъ 30 лѣтъ полновластнымъ главою огромной библіотеки—не смотря на всѣ тогдашнія ея несовершенства, все-таки одной изъ значительнѣйшихъ библіотекъ Европы—и онъ въ эту минуту вспомнилъ свои юношескія затѣи, отыскалъ свои листки 1816 и 1817 годовъ, положилъ ихъ въ основаніе разросшейся и расширившейся теперь идеи, и скоро, при помощи одного-двухъ надежныхъ помощниковъ, осуществилъ ее самымъ блистательнымъ образомъ. Не далѣе, какъ черезъ годъ послѣ вступленія своего въ новую должность, онъ писалъ въ первомъ своемъ отчетѣ: „При огромныхъ, можно сказать, всемірныхъ богатствахъ, въ нашей библіотекѣ нѣтъ ничего своеобразнаго или такого, чѣмъ могъ бы ознаменоваться отличительный характеръ русской и единственной въ Россіи императорской публичной библіотеки. Чтобы придать ей такой характеръ и вмѣстѣ осуществить вполнѣ ту общую пользу, которую державная воля указала цѣлію сего установленія, необходимо совмѣ-

стить въ ней: 1) все напечатанное въ Россіи, отъ введенія у насъ книгопечатанія, и 2) все напечатанное, когда бы то ни было, на всѣхъ языкахъ міра, о Россіи—словомъ, въ общемъ составѣ библіотеки, объемлющей всѣ отрасли знаній человѣческихъ, устроить еще другую, тоже всеобъемлющую отечественную библіотеку. Мысль сія еще зрѣетъ и, вообще, для полнаго ея совершенія, требуется много времени, труда и издержекъ; но такому совершенію положено уже нѣкоторое начало". Десять лѣтъ спустя, благодаря собственнымъ своимъ усиліямъ и трудамъ своихъ помощниковъ, благодаря богатымъ пожертвованіямъ и указаніямъ для покупокъ множества частныхъ лицъ, въ Россіи и за границей, баронъ Корфъ имѣлъ возможность сказать въ своемъ отчетѣ за десятилѣтіе своего управленія: „Десять лѣтъ я неослабно и упорно стремился къ этой цѣли, и хотя, конечно, еще нельзя утверждать, чтобы она уже вполнѣ была достигнута, но библіотека можетъ, по крайней мѣрѣ, сознательно гордиться, что по обѣимъ спеціальностямъ (т. е. 1) все напечатанное на церковно-славянскомъ и русскомъ языкахъ, 2) все напечатанное о Россіи, на всѣхъ языкахъ) въ ней неизмѣримо болѣе чѣмъ есть гдѣ-нибудь, и при томъ множество такого, чего нигдѣ нѣтъ, словомъ, что она, въ этомъ отношеніи, первая въ мірѣ. Если пріобрѣтеніе произведеній отечественной литературы значительно облегчалось туземностью матеріала, то касательно иноязычныхъ сочиненій о Россіи, которыхъ надлежало искать наиболѣе за границею, задача была несравненно труднѣе. Успѣхъ превзошелъ всѣ примѣрные расчеты. Отдѣленіе иноязычныхъ писателей о Россіи возросло теперь до неожиданной цифры 29,564 томовъ, и польза такой огромной массы матеріаловъ для изученія исторіи и современнаго состоянія нашего отечества уже сознана всѣми учеными, которые съ разныхъ концовъ Россіи пріѣзжаютъ пользоваться собранными здѣсь сокровищами".

И дѣйствительно, въ цѣлой Европѣ нѣтъ ничего подобнаго нашему отдѣленію иноязычныхъ писателей о Россіи: безъ сомнѣнія, въ каждой странѣ собраніе сочиненій, касающихся ея, бываетъ особенно обширно и превосходитъ всѣ остальныя; но сюда входятъ обыкновенно всего болѣе сочиненія, появившіяся въ той самой странѣ: такъ напримѣръ, въ парижской государственной библіотекѣ, естественно, находится болѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ другихъ мѣстахъ, книгъ о Франціи, писанныхъ на французскомъ языкѣ, въ лондонской государственной библіотекѣ—болѣе всего книгъ объ Англіи, писанныхъ по-англійски, и т. д. Но у насъ, при исключительномъ богатствѣ и полнотѣ книгъ о Россіи, писанныхъ на русскомъ языкѣ, существуетъ еще, въ добавокъ, ни съ чѣмъ несравненная коллекція сочиненій о нашемъ

отечествѣ, напечатанныхъ во всѣхъ краяхъ свѣта, и на всевозможныхъ, безчисленныхъ языкахъ.

Разсказать все сдѣланное барономъ Корфомъ для нашей публичной библіотеки, а значитъ и для распространенія у насъ знанія и просвѣщенія, изложить исторію его трудовъ, энергическихъ безустанныхъ работъ и множество подробностей, обрисовывающихъ эту свѣтлую и симпатичную историческую личность—значило бы писать цѣлый томъ. Въ настоящемъ краткомъ очеркѣ я ограничусь только тѣмъ, что приведу слѣдующія цифры. Въ концѣ 1849 года, въ минуту поступленія барона Корфа директоромъ библіотеки, въ ней находилось около 600,000 печатныхъ томовъ и не много болѣе 18,000 рукописей. Черезъ 12 лѣтъ, число ихъ увеличилось на 267,236 печатныхъ томовъ и 11,485 рукописей. Эти цифры довольно краснорѣчивы, безъ всякихъ комментаріевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я припомню, какъ съ барономъ Корфомъ трудно разставалась библіотека, когда въ половинѣ 1861 г. пришла вѣсть о назначеніи его главноуправляющимъ II отдѣленіемъ собственной его величества канцеляріи. Всѣ служащіе въ библіотекѣ, находившіеся подъ начальствомъ барона Корфа въ теченіе 12-ти лѣтъ, давно уже слишкомъ хорошо оцѣнили его, и понимали историческое значеніе всего имъ предпринятаго и совершеннаго. Они два раза, одинъ разъ словесно, другой разъ письменно, обращались къ нему съ просьбою не оставлять библіотеки, отъ управленія которой онъ думалъ самъ отказаться, въ виду многотрудности новаго своего назначенія, и умоляли его оставить за собою хотя главный общій надзоръ за дальнѣйшею дѣятельностью библіотеки, даже при назначеніи, по его собственному указанію, новаго главы библіотеки (тогда еще не назначеннаго). Баронъ Корфъ отвѣчалъ выраженіемъ искренней, горячей благодарности бывшимъ своимъ сослуживцамъ, но прибавилъ, что честное убѣжденіе говоритъ ему, что невозможно для него соединить съ новымъ назначеніемъ добросовѣстное и успѣшное исполненіе прежнихъ обязанностей; „но, прибавлялъ онъ, никогда, пока продлится мое существованіе, не забуду я тѣхъ прекрасныхъ дней, когда мы, соединенными силами, мирно, дружно, одинъ другаго поддерживая и одушевляя, работали на пользу науки, слѣдственно, на высшую пользу нашей Россіи. Благодарю васъ, почтенные мои сотрудники, за эти незабвенные дни, благодарю изъ глубины души".

Не встрѣчаемъ-ли мы здѣсь, между искренне-цѣнимымъ начальникомъ и его сотрудниками по важному народному, общественному дѣлу, той самой сердечной, глубокочеловѣчной связи, какая существовала, за 100 лѣтъ передъ тѣмъ, между барономъ Іоганномъ-Альбрехтомъ Корфомъ и достойными сотрудниками, въ академіи наукъ,

его чудесныхъ дѣлъ и начинаній? Обоихъ Корфовъ по всей справедливости оцѣнила, кромѣ многихъ соотечественниковъ ихъ, и Европа, въ лицѣ лучшимъ умовъ своихъ — тому доказательства остались во множествѣ иностранныхъ книгъ и журналовъ. Въ нашемъ же отечествѣ, барону Корфу, крупному дѣятелю нашего столѣтія, воздана была высшая честь и со стороны верховной власти: черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ баронъ М. А. Корфъ перешелъ изъ императорской библіотеки на службу по II отдѣленію собственной его величества канцеляріи, въ качествѣ главноуправляющаго этимъ отдѣленіемъ, 16-го декабря 1861 года послѣдовало высочайшее повелѣніе такого содержанія: „Государь императоръ, желая сохранить навсегда память о заслугахъ барона Корфа для императорской публичной библіотеки, всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ: ту залу сей библіотеки, въ коей помѣщается учрежденное, по мысли его, собраніе всего напечатаннаго о Россіи на иностранныхъ языкахъ, именовать залою барона Корфа". Такимъ образомъ дѣлу истинно монументальному былъ поставленъ историческій памятникъ уже при жизни самого созидателя этого дѣла. Вознагражденіе было великое, всенародное, грандіозное.

Послѣ того, бывшіе сотрудники барона Корфа ходатайствовали о разрѣшеніи имъ поставить въ этой самой залѣ, на свой счетъ, портретъ его во весь ростъ; это разрѣшеніе было имъ дано, и такимъ образомъ портретъ бывшаго директора библіотеки будетъ навѣки присутствовать среди всѣхъ историческихъ свидѣтельствъ и сказаній о Россіи, снесенныхъ сюда по его мысли изъ всѣхъ краевъ свѣта и изъ глубины долгихъ столѣтій.

Слѣдующія 10 лѣтъ жизни барона Корфа прошли среди трудовъ въ качествѣ главноуправляющаго II отдѣленіемъ собственной его величества канцеляріи (отъ 6-го декабря 1861 по 27-е февраля 1864 г.) и предсѣдателя департамента законовъ въ государственномъ совѣтѣ (отъ 27-го февраля 1864 по 1-е января 1872 г.). По самому существу этихъ государственныхъ учрежденій, баронъ Корфъ не имѣлъ уже такого обширнаго, какъ прежде, поприща для личной, непосредственной иниціативы, но тѣмъ не менѣе и здѣсь выказалъ, по мѣрѣ возможности, высокій, неутомимый починъ. Съ самаго же вступленія своего въ управленіе II отдѣленіемъ, онъ учредилъ въ немъ „Общее присутствіе", нѣчто въ родѣ совѣта министра, ставшее вскорѣ, по его указаніямъ, однимъ изъ примѣчательнѣйшихъ и полезнѣйшихъ совѣщательныхъ собраній этого рода. Сверхъ того, слѣдуетъ упомянуть о возникшемъ, по мысли и почину барона Корфа, вопросѣ объ отдѣленіи, въ нашемъ кодексѣ, законовъ отъ административныхъ распоряженій, чѣмъ онъ и придалъ нашему „Своду" раціональность и простоту.

Въ теченіе настоящаго царствованія, баронъ Корфъ былъ призванъ, какъ и въ предъидущее, по волѣ Государя Императора, ознакомить членовъ императорской фамиліи съ начальными основаніями теоріи права и русскаго законодательства: въ 1859 году — наслѣдника цесаревича великаго князя Николая Александровича, передъ наступленіемъ его совершеннолѣтія; а въ теченіе времени отъ 1864 по 1870 годъ—великихъ князей: Александра Александровича (нынѣ наслѣдника цесаревича), Владиміра Александровича, Алексѣя Александровича и Николая Константиновича.

Мнѣ остается теперь сказать про труды барона Корфа какъ писателя.

Я уже говорилъ выше, что, еще сидя на лицейскихъ скамьяхъ, онъ задумалъ оригинальное, новое дѣло: собрать свѣдѣніе о всѣхъ сочиненіяхъ, писанныхъ о Россіи на иностранныхъ языкахъ. Это дѣло въ то время не состоялось, но черезъ три года послѣ выпуска изъ лицея, баронъ Корфъ задумалъ еще другое дѣло, совершенно въ Россіи новое и до тѣхъ поръ еще никѣмъ у насъ незатронутое. Онъ составилъ и напечаталъ въ 1820 году первую книгу о русской стенографіи. Заглавіе этой книги — нынче величайшей библіографической рѣдкости — слѣдующее: „Графодромія или искусство скорописи, сочиненіе Астье, передѣланное и примѣненное къ русскому языку барономъ Модестомъ Корфомъ". Вслѣдъ за заглавіемъ напечатано такое посвященіе: „Императорскому Царскосельскому лицею посвящено признательнымъ воспитанникомъ". По словамъ князя В. Ѳ. Одоевскаго, впервые сообщившаго извѣстіе объ этомъ сочиненіи, изъ Астье баронъ Корфъ заимствовалъ лишь общность системы — большая часть книги содержитъ въ себѣ совершенно самостоятельное примѣненіе къ русскому языку, и не мало практическихъ замѣтокъ, почерпнутыхъ изъ основныхъ свойствъ русскаго языка, нигдѣ прежде незамѣченныхъ.

Вслѣдъ затѣмъ идетъ у барона Корфа рядъ работъ историческаго и біографическаго содержанія. Къ нимъ онъ имѣлъ особенную симпатію и способность. Первою изъ нихъ была біографія славнаго его предка, барона Іоганна-Альбрехта Корфа, напечатанная имъ, въ 1847 году, на русскомъ языкѣ, въ изданіи „Recueil des actes de la séance publique de l'Académie Impériale des Sciences de S. Pétersbourg tenue le 11 Janvier 1847". Превосходное это жизнеописаніе, составленное на основаніи множества печатныхъ и рукописныхъ источниковъ, а также фамильныхъ записокъ, живо обрисовываетъ личность замѣчательнаго государственнаго и общественнаго дѣятеля XVIII вѣка и съ такою полнотою, что въ послѣдствіи академику Пекарскому оста-

лось лишь очень немногими новыми чертами дополнить эту біографію въ его исторіи нашей академіи наукъ.

Начиная съ 1854 года, баронъ Корфъ печаталъ въ „Отечественныхъ Запискахъ", подъ именемъ „Библіографическихъ отрывковъ", рядъ монографій, содержавшихъ въ себѣ результаты произведенныхъ подъ его руководствомъ и редакціею изслѣдованій о разныхъ любопытныхъ предметахъ изъ области иноязычныхъ книгъ, касающихся Россіи (напримѣръ: „Изданія на иностранныхъ языкахъ Наказа Екатерины II; „Матвѣй Мѣховскій и его сочиненіе о двухъ Сармаціяхъ", „Посольство въ Россію графа Карлейля"; „Нѣсколько рѣдкихъ сочиненій, относящихся до Петра Великаго и его вѣка"; „Первые иноземные путешественники по Россіи" и т. д.).

Затѣмъ, въ 1857 году, появилось сочиненіе его: „Восшествіе на престолъ императора Николая I". Важность и интересъ этой книги были такъ велики, что въ нѣсколько мѣсяцевъ было выпущено въ свѣтъ три русскихъ ея изданія, и вслѣдъ за тѣмъ, въ томъ же году, оно появилось за границей въ переводахъ на языки: нѣмецкій (3 берлинскихъ изданія и 4 франкфуртскихъ), шведскій, финскій, голландскій, французскій, англійскій и польскій.

Четыре года спустя, баронъ Корфъ издалъ, въ 1861 году, капитальное свое сочиненіе: „Жизнь графа Сперанскаго", плодъ долголѣтнихъ изслѣдованій и личныхъ воспоминаній о значительномъ историческомъ лицѣ, къ которому баронъ Корфъ питалъ уваженіе и признательность, граничившія почти съ благоговѣніемъ. Несмотря на силу этихъ чувствъ, настоящая біографія имѣетъ характеръ вполнѣ объективный и представляетъ одинъ изъ значительнѣйшихъ вкладовъ для изученія царствованій Александра I и Николая I.

Съ декабря 1856 года на барона Корфа высочайше возложено собираніе матеріаловъ для полной біографіи и исторіи царствованія императора Николая I, и хотя по обширности матеріала, разсѣяннаго преимущественно по многочисленнымъ архивамъ, онъ не имѣлъ возможности дѣлать все самъ, но трудъ этотъ совершался постоянно по ближайшимъ его указаніямъ, былъ провѣряемъ и исправляемъ имъ самимъ, а также очень часто дополнялся собственными его воспоминаніями и свѣдѣніями, почерпнутыми изъ обширныхъ автобіографическихъ записокъ его, и такимъ образомъ получалъ все значеніе труда, совершеннаго лично и непосредственно имъ самимъ.

Но, несмотря на свои обширныя занятія по государственной службѣ, наполнявшія всѣ 60-тые и начало 70-хъ годовъ его жизни, баронъ Корфъ все-таки находилъ возможность удѣлять частицу своего времени и для любезной своей публичной библіотеки, и не

переставалъ заботиться со всею горячностью объ осуществленіи того изданія, которое должно было сдѣлаться вѣнцомъ созданнаго имъ собранія иноязычныхъ сочиненій о Россіи. Послѣ долгихъ приготовленій и работъ, каталогъ этого отдѣленія, начатый печатаніемъ въ 1869 г., конченъ въ 1873 г., при ближайшемъ и никогда неослабѣвавшемъ участіи въ этой работѣ самого барона Корфа, и составляетъ теперь одинъ изъ крупнѣйшихъ матеріаловъ русской науки[1]).

Въ тотъ день, когда исполнилось 50 лѣтъ со времени вступленія барона Корфа въ службу, чины императорской публичной библіотеки имѣли, въ послѣдній разъ при его жизни, возможность, торжественно заявить все свое глубокое уваженіе и симпатію къ бывшему начальнику, такъ долго направлявшему ихъ дѣятельность къ значительнымъ цѣлямъ: они поднесли ему книгу, подъ заглавіемъ: „На память о 9-мъ іюня 1867 г. Барону Модесту Андреевичу Корфу въ день 50-ти-лѣтія его службы“, и написанную ими на 30-ти языкахъ (европейскихъ, азіятскихъ и африканскихъ). Она содержала, кромѣ поздравленій и привѣтствій, воспоминанія нѣсколькихъ изъ числа прежнихъ сослуживцевъ барона Корфа, о времени его директорства и совершенныхъ имъ блестящихъ преобразованій. Она отпечатана всего только въ двухъ экземплярахъ, изъ которыхъ одинъ поднесенъ барону Корфу, а другой—хранится въ публичной библіотекѣ.

Въ послѣдніе три-четыре года своей жизни, баронъ (позже графъ) Корфъ чувствовалъ значительный упадокъ силъ и потому, отстраняясь отъ большинства всѣхъ прежнихъ своихъ работъ и занятій, проводилъ всякій годъ нѣсколько лѣтнихъ и осеннихъ мѣсяцевъ въ болѣе благопріятномъ для него климатѣ, на югѣ Германіи, всего чаще въ Висбаденѣ, и это житье за границей было ему очень полезно, значительно поддерживало его. Въ прошломъ году, воротясь въ Петербургъ позднею осенью, онъ былъ уже сильно разстроенъ въ своемъ здоровьѣ, и можно было ожидать скораго конца. Несмотря на это, графъ Корфъ сохранялъ необычайную бодрость и свѣтлость интеллигенціи во всѣ интервалы болѣзни, и при каждомъ самомалѣйшемъ улучшеніи, приближенные находили его всегда окруженнымъ книгами и журналами,

---

[1]) Забота о потребностяхъ и нуждахъ публичной библіотеки до такой степени никогда не покидала барона Корфа, даже и послѣ того, какъ онъ пересталъ быть ея директоромъ, что онъ всякій годъ испрашивалъ у Государя Императора разрѣшенія на передачу въ это государственное учрежденіе всей суммы, остававшейся въ томъ году неупотребленною на жалованье трудившимся подъ его надзоромъ лицъ изъ суммъ, ежегодно ассигнуемыхъ отъ кабинета Его Величества на коммисію по собиранію матеріаловъ для исторіи царетвованія Николая I. В. С.

по прежнему много читающимъ и интересующимся всѣмъ новымъ, совершающимся въ мірѣ политическомъ, общественномъ и интеллектуальномъ—изумительный, рѣдкій примѣръ для всѣхъ, умѣющихъ цѣнить свѣжесть и крѣпость духа въ преклонныхъ лѣтахъ.

Предсмертная болѣзнь длилась недолго, и графъ Корфъ скончался отъ старческаго упадка силъ (анеміи) 2-го января настоящаго 1876 г., 75-ти съ небольшимъ лѣтъ отъ роду, статсъ-секретаремъ, членомъ государственнаго совѣта и кавалеромъ ордена св. Андрея съ алмазами. Графство было пожаловано ему 1-го января 1872 г., въ день столѣтія со времени рожденія его глубоко любимаго, искренно чтимаго учителя и наставника Сперанскаго.

Послѣ графа Корфа остались автобіографическія записки, веденныя день за днемъ въ продолженіе 30-хъ и 40-хъ годовъ настоящаго столѣтія, и полныя такихъ подробныхъ разсказовъ, мѣткихъ и яркихъ портретовъ, наконецъ, мастерскихъ описаній современности, которые не могутъ не сдѣлать ихъ однажды однимъ изъ драгоцѣннѣйшихъ матеріаловъ для исторіи Россіи въ первой половинѣ XIX столѣтія.

В. В. Стасовъ.

Если выраженіе личной признательности можетъ быть у мѣста послѣ очерка заслугъ покойнаго графа Модеста Андреевича на поприщахъ государственной и общественной дѣятельности,—то мы долгомъ считаемъ выразить чувство живѣйшей, сердечной благодарности памяти усопшаго. Графъ Модестъ Андреевичъ, съ первыхъ же дней существованія нашего изданія выражая полнѣйшее къ намъ сочувствіе, помогалъ ему совѣтами, указаніями на источники, нерѣдко сообщеніемъ тѣхъ или другихъ біографическихъ и библіографическихъ замѣтокъ. Еще за двѣ недѣли до кончины графа Модеста Андреевича, пишущій эти строки читалъ ему въ рукописи одну историческую монографію и покойный слабымъ голосомъ, но съ обычною ясностью мысли, необыкновенною памятью и съ обычною любезностью дѣлалъ нѣкоторыя замѣтки и дополненія къ прочитанному.

Ходатайству покойныхъ гр. М. А. Корфа и П. А. Муханова — «Русская Старина» обязана освобожденіемъ отъ опеки предварительной цензуры.

Ред.

ВОСПОМИНАНІЕ О ГРАФѢ М. А. КОРФѢ.

(Родился 11-го сентября 1800, † 2-го января 1876 г.)

О человѣкѣ, занимавшемъ такое видное положеніе, какъ графъ Корфъ, трудно въ первыя минуты по смерти его сказать что-нибудь новое. Свѣдѣнія о главныхъ обстоятельствахъ жизни такихъ людей составляютъ общее достояніе; интересъ могутъ представлять только подробности или такія стороны ея, которыя менѣе другихъ были доступны взорамъ публики.

Принадлежа къ числу лицъ, долгое время стоявшихъ весьма близко къ графу Корфу, я попытаюсь набросать нѣсколько воспоминаній о немъ. Уже въ годы моего воспитанія въ Царскосельскомъ лицеѣ, баронъ Модестъ Андреевичъ начиналъ пріобрѣтать извѣстность, а въ глазахъ лицеистовъ онъ уже тогда составлялъ одну изъ первыхъ знаменитостей, вышедшихъ изъ стѣнъ этого заведенія. Пушкинъ, князь Горчаковъ, Вальховскій и баронъ Корфъ,—вотъ имена, которыя всѣхъ чаще произносились у насъ, когда заходила рѣчь о прошломъ лицея; про трехъ послѣднихъ говорили, что они идутъ въ гору. По выпускѣ моемъ оттуда въ 1832 году, мнѣ, совершенно неожиданно для меня самого, выпалъ жребій поступить подъ начальство Модеста Андреевича. Онъ занималъ въ то время постъ управляющаго дѣлами комитета министровъ, предсѣдателемъ котораго былъ князь Викторъ Павловичъ Кочубей. Лицейскій профессоръ И. П. Шульгинъ, обучавшій дѣтей князя, безъ моего вѣдома отрекомендовалъ меня ему, а князь выразилъ Модесту Андреевичу желаніе, чтобы я принятъ былъ на службу въ канцелярію комитета.

Вскорѣ баронъ Корфъ приблизилъ меня къ себѣ: нѣсколько лѣтъ сряду я жилъ у него въ продолженіе лѣтнихъ мѣсяцевъ на дачѣ и получалъ непосредственно отъ него служебныя порученія; въ 1834 г., по назначеніи его государственнымъ секретаремъ, и я переведенъ былъ

нимъ въ канцелярію государственнаго совѣта. Должность свою онъ умѣлъ окружить какимъ-то особеннымъ блескомъ; пользуясь милостью и довѣріемъ Государя, умѣлъ пріобрѣсти авторитетъ въ глазахъ самыхъ вліятельныхъ членовъ совѣта. Въ отношеніи къ своимъ подчиненнымъ онъ былъ добрымъ и любящимъ начальникомъ; отъ высшаго до низшаго всѣ могли ожидать справедливаго вниманія къ своимъ трудамъ и готовности помочь каждому въ нуждѣ. Порядокъ дѣлопроизводства былъ доведенъ до совершенства. Дѣла рѣшались безостановочно; во всѣхъ канцелярскихъ отправленіяхъ господствовала величайшая точность; переписка бумагъ отличалась щегольскимъ изяществомъ; въ должность писцовъ привлекались искуснѣйшіе каллиграфы. Баронъ Корфъ не даромъ служилъ прежде подъ начальствомъ Сперанскаго старшимъ чиновникомъ II-го отдѣленія собственной его величества канцеляріи: онъ обладалъ мастерствомъ въ изложеніи самыхъ запутанныхъ дѣлъ; сжатость и ясность рѣчи достигли подъ его перомъ высшей степени, и это искусство усвоивали себѣ болѣе или менѣе всѣ работавшіе подъ его руководствомъ. Такимъ искусствомъ особенно славился въ мое время П. А. Теубель, сперва бывшій начальникомъ отдѣленія въ комитетѣ министровъ, въ послѣдствіи также переведенный барономъ въ государственную канцелярію.

Одно неодолимое желаніе вполнѣ посвятить себя учено-литературной дѣятельности могло заставить меня отказаться отъ подобнаго положенія: послѣ восьмилѣтней службы подъ начальствомъ Модеста Андреевича, я, скрѣпя сердце, заявилъ ему однажды о своей рѣшимости принять предлагаемую мнѣ въ Финляндіи профессорскую каѳедру. Съ дружескимъ участіемъ онъ представилъ мнѣ важность этого шага, но, видя мою твердость, пожелалъ мнѣ успѣха на новомъ поприщѣ, и мы разстались въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ, которыя никогда уже не измѣнялись. Да проститъ мнѣ читатель, если, говоря о человѣкѣ, столь много для меня значившемъ въ моей молодости, я не съумѣлъ вполнѣ воздержаться отъ подробностей, лично меня касающихся.

Въ семействѣ графа Корфа продолжался тотъ же патріархальный бытъ, посреди котораго онъ выросъ въ домѣ своихъ родителей и который я еще засталъ у его матушки, рожденной Смирновой. Благочестіе, полное согласіе между членами семьи, гостепріимство, доброта, ласка ко всѣмъ были отличительными чертами этого быта. Къ достойнѣйшей старушкѣ Ольгѣ Сергѣевнѣ съѣзжались разъ въ недѣлю всѣ родные и многіе друзья. То же происходило часто и въ домѣ Модеста Андреевича. Кто разъ сдѣлался вхожъ въ этотъ радушный кружокъ, могъ быть увѣренъ, что онъ всегда найдетъ въ немъ ту же сердечную, участливую пріязнь. Какъ семьянинъ, графъ Модестъ Андре-

евичъ представлялъ рѣдкій образецъ и служилъ назидательнымъ примѣромъ младшимъ поколѣніямъ своего обширнаго родства. Правда, что ему дано было въ удѣлъ и необыкновенное семейное счастье: женившись уже 26-ти лѣтъ, онъ въ молодой супругѣ своей нашелъ драгоцѣннѣйшее сокровище — простоту души и неизмѣнно-любящее сердце; ихъ-то вліяніе, посреди охлаждающаго блеска почестей, не давало погаснуть въ немъ тому священному пламени, безъ котораго, на высшихъ ступеняхъ счастія, трудно сохранить полное сознаніе своихъ человѣческихъ обязанностей.

Рано начавшіеся для него служебные успѣхи не заглушили въ немъ развившейся еще въ лицеѣ потребности духовныхъ интересовъ. Онъ съ постоянною любознательностью слѣдилъ за умственнымъ движеніемъ современнаго міра; особенно, ни одно сколько-нибудь замѣчательное произведеніе русской литературы не ускользало отъ его вниманія. Въ первое время моего сближенія съ нимъ, на горизонтѣ ея явилась крупною, хотя и не всегда свѣтлою звѣздою „Библіотека для Чтенія“ Сенковскаго. Баронъ Корфъ, по живости и впечатлительности своего ума, не могъ остаться равнодушнымъ къ новости ея содержанія и, быстро поглощая всякую вновь выходившую книжку этого журнала, искренно потѣшался шутовскимъ остроуміемъ его литературной лѣтописи. Чтеніе лучшихъ русскихъ журналовъ до конца жизни составляло любимое занятіе Модеста Андреевича. Издавна усвоивъ себѣ вредную привычку (которая въ послѣдствіи тяжело отозвалась на его здоровьи) проводить съ вечера долгіе часы за чтеніемъ въ постели, онъ успѣвалъ знакомиться и съ любопытнѣйшими явленіями иностранныхъ литературъ. Все новое, животрепещущее, сильно манило эту воспріимчивую, быстро схватывавшую природу. Естественно, что при такихъ свойствахъ графъ Корфъ чувствовалъ неотразимую потребность въ обществѣ; онъ не любилъ уединенія и часто говорилъ, что ему необходима городская жизнь съ ея свѣжими новостями, съ ея шумомъ и разнообразіемъ, что онъ вовсе не рожденъ для деревни. Блескъ двора и почестей, свѣтская жизнь и тревога имѣли для него особенную прелесть; но это не мѣшало ему быть добрымъ, сердечнымъ человѣкомъ, сочувствовать и помогать ближнему, поставленному судьбой въ менѣе благопріятныя внѣшнія условія.

Заслуги графа Модеста Андреевича русскому образованію въ качествѣ директора императорской публичной библіотеки такъ извѣстны всей Россіи, что распространяться о нихъ было бы безполезно. Въ этой его дѣятельности, составившей эпоху въ исторіи нашего книгохранилища, особеннаго вниманія заслуживаютъ его близкія, можно сказать, какъ бы семейныя отношенія ко всѣмъ своимъ сотрудникамъ;

смерть не изгладитъ чувствъ любви и благодарности въ сердцахъ всѣхъ исполнявшихъ его обширныя предначертанія къ обогащенію библіотеки и устроенію въ ней новаго порядка.

До послѣднихъ лѣтъ жизни графъ Корфъ изумлялъ своею неутомимою дѣятельностью и быстротою въ работѣ. Только этимъ его преимуществомъ можно объяснить, какъ онъ, будучи строгимъ исполнителемъ всѣхъ родственныхъ и свѣтскихъ обязанностей, употребляя, слѣдовательно, довольно много времени на посѣщенія и на общество, успѣвалъ исписывать цѣлыя кипы бумаги. Говорю не объ однѣхъ служебныхъ его работахъ: онъ, кромѣ того, находилъ досугъ въ продолженіе нѣсколькихъ десятилѣтій вести свой дневникъ, тетрадями котораго занято множество картоновъ, исполнялъ по высочайшимъ порученіямъ разные историческіе труды, наконецъ, написалъ извѣстную біографію своего бывшаго начальника, потребовавшую многосложныхъ предварительныхъ изслѣдованій и обширной переписки. Вполнѣ-ли вѣренъ его взглядъ на Сперанскаго, справедливъ-ли важный упрекъ въ неискренности, взводимый имъ на этого государственнаго человѣка,—рѣшитъ потомство; но и независимо отъ этихъ вопросовъ, названная книга составляетъ одно изъ драгоцѣннѣйшихъ пріобрѣтеній русской литературы шестидесятыхъ годовъ, не только по обилію и новости свѣдѣній, ею распространенныхъ въ обществѣ, но и какъ памятникъ новаго духа, повѣявшаго на Россію съ первыхъ лѣтъ царствованія Александра II.

Входить въ обсужденіе государственныхъ заслугъ графа Корфа не считаю себя въ правѣ; не только для скромнаго служителя науки, но и вообще для современниковъ еще рано произносить въ этомъ отношеніи рѣшительный приговоръ. Другимъ предоставляю также отыскивать тѣни въ свѣтломъ образѣ, оставленномъ личностью графа Корфа въ душѣ всѣхъ коротко его знавшихъ: я хотѣлъ только сообщить нѣкоторыя черты, по которымъ этотъ образъ всегда останется незабвенъ и дорогъ въ исторической галереѣ русскихъ дѣятелей...

4-го января 1876 г. Я. К. Гротъ.

ПАВЕЛЪ МИХАЙЛОВИЧЪ СТРОЕВЪ.

† 6-го января 1876 г.

Едва Москва похоронила Погодина, какъ уже приходится заносить въ скорбный списокъ новое имя,—имя одного изъ основателей русской исторической науки: 5-го января 1876 г. скончался въ Москвѣ Павелъ Михайловичъ Строевъ, которому наука обязана первымъ ученымъ изданіемъ русской лѣтописи, а главное — чего никогда не слѣдуетъ забывать — археографическимъ путешествіемъ и археографическою коммисіею. Администрація могла удалить Строева отъ созданнаго имъ дѣла; вѣдь и Ломоносова собирались отставить отъ академіи, на что онъ основательно замѣтилъ, что это значитъ академію отставить отъ него; тоже бы могъ сказать и Строевъ; отдалить, конечно, было можно; найдти кѣмъ замѣстить, съ точки зрѣнія администраціи, тоже легко: стоитъ взять перваго навычнаго къ чтенію старыхъ граматъ писаря—вотъ и редакторъ „Археографической коммисіи"; но вопросъ въ томъ, можно-ли также легко заставить молчать исторію, какъ молчатъ въ иныхъ случаяхъ современники?

Пишу подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ только что полученнаго извѣстія и потому не могу сообщить многихъ фактовъ, тѣмъ болѣе, что лично почти не зналъ покойнаго; надѣюсь, что близкіе къ покойному люди, между которыми есть одинъ, не безъ успѣха начавшій въ былые годы заниматься русскою исторіею, не оставятъ сообщить публикѣ то, что знаютъ о жизни Строева и подѣлиться съ учеными тѣмъ, что важнаго осталось въ его бумагахъ; а осталось, вѣроятно, много: сужу по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ мнѣ тоже уже покойнымъ В. М. Ундольскимъ.

Строевъ родился въ 1796 г. Девятнадцати лѣтъ, онъ началъ издавать журналъ: „Современный наблюдатель россійской словесности", изданіе котораго продолжалось съ марта по іюль 1815 г. Въ этомъ журналѣ помѣщена была замѣчательная критика на „Россіаду", первая прямо и смѣло возставшая противъ этой псевдо-классической эпопеи. Здѣсь же напечатана „Краткое обозрѣніе миѳологіи славянъ", въ которомъ Строевъ, отвергнувъ ряды вымысловъ и недоразумѣній тог-

дашнихъ миѳографовъ, основалъ все изложеніе на точныхъ свидѣтельствахъ лѣтописи и византійцевъ, а не на смутныхъ сказаніяхъ Стриковскаго, Синопсиса и т. п. Наука миѳологіи сдѣлала съ тѣхъ временъ успѣхъ; но и до сихъ поръ многіе осторожные ученые предпочитаютъ держаться ближе къ методу Строева. Тогда же эта попытка была и нова и въ высшей степени плодотворна, ибо расчистила дорогу будущимъ ученымъ. Въ 1819 г. вышло второе изданіе „Краткой россійской исторіи для начинающихъ“ [1]), учебника весьма недурнаго для того времени и долго бывшаго въ употребленіи при домашнемъ обученіи: я видѣлъ его въ 40-хъ годахъ въ рукахъ моихъ сверстниковъ. А между тѣмъ еще въ 1816 г. Строевъ поступилъ на службу въ московскій архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ и въ 1822 г. издалъ томъ третій „Собранія граматъ и договоровъ“; при работахъ архивныхъ онъ сблизился съ Калайдовичемъ и вмѣстѣ они издали, въ 1819 г., „Законы великаго князя Іоанна Васильевича и внука его царя Іоанна Васильевича“. Въ этомъ изданіи въ первый разъ сдѣлался извѣстнымъ „Судебникъ Ивана III“, дотолѣ знакомый ученому міру только по латинскому Герберштейнову тексту; въ 1820 г. вышелъ первый томъ „Софійскаго Временника“, а въ 1822 г.—второй. Въ этомъ тщательномъ изданіи даже былъ опытъ печатанія лѣтописи не по одному списку, какъ дѣлалось дотолѣ въ самыхъ лучшихъ изданіяхъ (каковы нѣкоторыя синодальныя и Шлецеровско-Башмаковскій Никоновскій), но по нѣсколькимъ; сверхъ того, изданіе снабжено было указателемъ, много помогающимъ изученію лѣтописи, и превосходнымъ предисловіемъ, въ которомъ высказана плодотворная для науки мысль о томъ, что наши лѣтописи, въ сущности,—сборники. Въ это время, какъ и послѣ, Строевъ и одинъ, и вмѣстѣ съ Калайдовичемъ, ревностно занимался описаніемъ рукописей и старопечатныхъ книгъ, хранящихся въ библіотекахъ разныхъ лицъ и учрежденій; въ 1825 г. издано „Описаніе рукописей графа Ѳ. А. Толстаго“ (вмѣстѣ съ Калайдовичемъ); въ 1829 г. „Описаніе старопечатныхъ книгъ графа Ѳ. А. Толстаго“; въ 1836 г. „Описаніе старопечатныхъ книгъ И. Н. Царскаго“; въ 1841 г. „Описаніе старопечатныхъ книгъ, служащее дополненіемъ къ описанію библіотеки графа Толстаго и И. Н. Царскаго“; въ 1845 г. „Библіотека общества исторіи и древностей россійскихъ“; въ 1848 г. „Рукописи славяно-россійскія.... Царскаго“. Кому изъ занимающихся исторіей русской литературы и исторіей древней Руси вообще, неизвѣстно все важное значеніе этихъ описаній, предупредившихъ другіе болѣе полные труды, для которыхъ, впрочемъ, они въ значительной степени могли

[1]) Когда вышло первое изданіе—я не знаю; его нѣтъ и въ каталогѣ Смирдина.

служить пособіемъ и опорою. На первое время такія общія описанія должны были неизбѣжно предшествовать болѣе подробнымъ и обстоятельнымъ: описанія Строева и Калайдовича не даютъ выписокъ, не представляютъ сличеній, а ограничиваются указаніемъ статей (съ обозначеніемъ начала и конца); но и такое описаніе требовало и громаднаго труда, и обширныхъ знаній. Въ 1825 г. Строевъ описывалъ акты архива Доискаго войска и въ томъ же году избранъ былъ въ члены Общества исторіи и древностей россійскихъ, въ трудахъ котораго и принялъ участіе, оставившее яркій слѣдъ въ исторіи науки; въ изданіяхъ общества онъ помѣстилъ: „О византійскомъ источникѣ Нестора“ („Труды общества исторіи“, VI), первое указаніе на Георгія Амартола; дотолѣ историки, отыскивая византійскій источникъ первоначальной лѣтописи, колебались между разными византійцами, а Амартолъ оставался неизвѣстнымъ; „Рѣчь о средствахъ открытія памятниковъ“ (тамъ же, и перепечатана въ „Сѣверномъ Архивѣ“, т. VIII); въ этой статьѣ въ первый разъ высказана мысль о необходимости археографической экспедиціи.

Въ ту же пору Строевъ помѣстилъ въ „Сѣверномъ Архивѣ“ (т. XIV) свою замѣтку: „О необходимости изданія выписокъ изъ хронографовъ“, долго служившую единственнымъ пособіемъ для знакомства съ этимъ важнымъ родомъ источниковъ: только А. Н. Поповъ изданіемъ своего „Изборника“, исполнилъ мысль, высказанную Строевымъ за 40 лѣтъ до труда почтеннаго ученаго. Мысль Строева о необходимости археографической поѣздки по Россіи для собиранія рукописей и актовъ, первая попытка осуществить которую сдѣлана была имъ на счетъ гр. Н. П. Румянцева, еще въ 1823, наконецъ осуществилась въ 1828 г. когда академія наукъ назначила на такую экспедицію, долженствовавшую продолжаться 7 лѣтъ, по 10,000 р. ассигнаціями ежегодно. Планъ экспедиціи былъ одобренъ государемъ императоромъ, и весною 1829 г. экспедиція, во главѣ которой стоялъ Строевъ (съ 1830 г. присоединенъ былъ къ экспедиціи Бередниковъ), отправилась въ путь. Въ семь лѣтъ осмотрѣно 200 архивовъ въ 14 губерніяхъ, преимущественно сѣверныхъ. Первымъ результатомъ этой поѣздки были двѣ статьи Строева, помѣщенныя въ „Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія“ 1834 г.: „Хронологическій указатель матеріаловъ отечественной исторіи, литературы и правовѣдѣнія“ (т. I), представляющій первое сжатое обозрѣніе древне-русской письменности и служившій пособіемъ до самаго появленія труда И. И. Срезневскаго, да и до сихъ поръ полезный тѣмъ, что идетъ далѣе „отчетъ археографической экспедиціи“ (т. X). Собранные матеріалы были раздѣлены на два разряда: 1) собраніе актовъ историко-юридическихъ; 2) каталоги рукописямъ и старопечатнымъ

книгамъ, хранящимся въ монастырскихъ библіотекахъ, расположенныя по алфавиту, съ выписками и рецензіями рукописей, подъ названіемъ: „Матеріалы для исторія славяно-русской литературы". Этотъ второй разрядъ матеріаловъ остался въ распоряженіи Строева для составленія изъ нихъ „библіологическаго словаря", т. е. указателя всѣхъ сочиненій и переводовъ, появившихся до начала XVIII в. Въ 1834 г., образована была „археографическая коммисія", въ которой Строевъ пересталъ принимать участіе почти съ самаго начала. Это обстоятельство, быть можетъ, будетъ разъяснено въ послѣдствіи; но до сихъ поръ полагаютъ, что причиною были какія-то административныя пререканія... охъ, ужъ эти пререканія! чего, чего изъ-за нихъ не было на Руси.

Любопытно знать, сохранились-ли въ бумагахъ Строева подробности объ его путешествіи и о томъ, съ какимъ трудомъ добывалъ онъ необходимые матеріалы. Разсказываютъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ духовныя лица, узнавъ о ѣдущей экспедиціи и опасаясь отвѣтственности за то, что у нихъ дѣла не въ порядкѣ, спѣшили прятать или уничтожать ихъ. Сколько драгоцѣнностей погибло, погибаетъ и едва-ли скоро перестанетъ погибать въ нашихъ русскихъ захолустьяхъ! Съ этихъ поръ Строевъ, избранный въ 1841 г. въ члены академіи наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности, рѣдко появлялся въ литературѣ; имъ были изданы, кромѣ указанныхъ уже описаній рукописей, „Ключъ къ Исторіи государства россійскаго" (2 т., Спб. 1836); при изданіи Эйнерлинга ключъ этотъ, примѣненный самимъ Строевымъ, составилъ томъ III; всѣ мы пользовались и пользуемся этимъ образцовымъ указателемъ; Строевъ началъ и другую подобную работу: „Указатель къ лѣтописямъ"; имъ же изд. „Выходы государей, царей и в. князей Михаила Ѳеодоровича, Алексѣя Михаиловича и Ѳеодора Алексѣевича" (М. 1844 г.), драгоцѣнный матеріалъ для исторіи быта: здѣсь описаны костюмы царскіе; значеніе памятника еще возвышается превосходнымъ указателемъ, заключающимъ въ себѣ объясненіе техническихъ словъ; всѣмъ извѣстныя „Записки артиллеріи-маіора Данилова" (М. 1842) [1]). Много сдѣлалъ покойный, на многое указалъ, много новыхъ мыслей пустилъ онъ въ оборотъ; могъ бы сдѣлать и больше, если бы... но многіе-ли могутъ у насъ указать на такія заслуги, каковы заслуги П. М. Строева; цѣня ихъ, академія, въ 1864 г., выразила сочувствіе къ его пятидесятилѣтней дѣятельности; а общество? но общество и не знало Строева.

К. Н. Бестужевъ-Рюминъ.

---

[1]) Данилова, автора Записокъ († около 1790 г.), не слѣдуетъ смѣшивать, какъ дѣлаютъ нѣкоторыя наши справочныя книги, съ г.-л. Даниловымъ, участникомъ войны 1812 г. († 1871 г.).

КЪ L-ти ЛѢТІЮ II-го ОТДѢЛЕНІЯ

Собственной Е. И. В. Канцеляріи.

31-го января 1876 года исполнилось пятьдесятъ лѣтъ со времени учрежденія II-го отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. Заслуги отдѣленія въ дѣлѣ усовершенія нашего законодательства безспорны. Не говоря о первомъ изданіи Свода законовъ, о Полномъ собраніи законовъ и о многихъ другихъ не столь громадныхъ по объему, но тѣмъ не менѣе очень важныхъ трудахъ, оно принимало самое дѣятельное участіе во всѣхъ законодательныхъ реформахъ въ теченіе полустолѣтія, и во многихъ случаяхъ отъ него исходила инціатива, клонившаяся къ улучшенію той или другой части нашихъ законовъ. Полувѣковое существованіе отдѣленія есть живая исторія нашего законодательства за это время, его постепеннаго улучшенія и развитія, и потому можно надѣяться, что къ этому дню наука обогатится исторіею отдѣленія, вполнѣ достойною этого учрежденія. Постоянное участіе отдѣленія въ движеніи нашего законодательства со времени изданія Свода законовъ, изложеніе причинъ, вызывавшихъ тотъ или другой законопроектъ, исторія его осуществленія и введенія въ жизнь и многое другое, тому подобное, представляютъ такіе богатые и содержательные матеріалы, которые, если только съ ними хотя и отчасти будетъ ознакомлено общество, покажутъ ему съ какими затрудненіями водворялась правда въ нашихъ судахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ по случаю полувѣковаго юбилея отдѣленія, кто изъ русскихъ не вспомнитъ имени Сперанскаго, бывшаго его воспріемникомъ при рожденіи и съ нимъ неразрывно связавшаго свое имя.

Въ виду этого нѣсколько документовъ, ниже помѣщаемыхъ касающихся первыхъ годовъ жизни отдѣленія и дающихъ нѣсколько новыхъ данныхъ для біографіи Сперанскаго, не будутъ теперь, какъ намъ кажется, лишними.

Всѣмъ извѣстно, въ какомъ печальномъ состояніи находилось наше правосудіе до вступленія на престолъ императора Николая I: жалобы на взяточничество, на своевольное толкованіе и приложеніе законовъ, на массу законовъ, другъ другу противорѣчащихъ или одинъ другаго отмѣняющихъ, чѣмъ искусно пользовались ловкіе ходатаи по дѣламъ, раздавались повсюду, и потому не удивительно, что молодой государь немедленно послѣ своего вступленія на престолъ поручилъ Сперанскому изложить мысли, какимъ бы образомъ могло быть улучшено наше законодательство. Сперанскій, еще вѣровавшій въ возможность дать Россіи Уложенія, представилъ государю, въ началѣ января 1826 года, краткое историческое обозрѣніе коммисіи составленія законовъ (мы помѣщаемъ здѣсь подъ № 1 только выводы изъ этой записки) и предположенія къ окончательному составленію законовъ (№ 2) [1]). Предположенія Сперанскаго не удостоились одобренія.

Государь отстранилъ мысль о составленіи Уложеній, которыя казались ему чѣмъ-то отвлеченнымъ, слишкомъ теоретическимъ, и остановилъ свой выборъ на «Сводѣ законовъ существующихъ съ исключеніемъ всего недѣйствующаго, но безъ всякихъ измѣненій въ существѣ ихъ». 31-го января 1826 года состоялся высочайшій указъ о преобразованіи бывшей коммисіи во II-ое отдѣленіе собственной канцеляріи и о принятіи государемъ дѣла составленія свода законовъ въ непосредственное свое вѣдѣніе [2]).

Душою отдѣленія былъ Сперанскій, хотя онъ и не носилъ по этому учрежденію никакого оффиціальнаго титула. А между тѣмъ

---

[1]) Оба эти документа печатаются съ собственноручныхъ Сперанскаго подлинниковъ.

[2]) Начальникомъ вновь образованнаго II-го отдѣленія былъ назначенъ д. ст. сов. Балугьянскій. Старшими чиновниками опредѣлены: д. ст. сов. Цейеръ, кол. сов. Циммерманъ, надв. сов. Арсеньевъ (извѣстный нашъ географъ и статистикъ), оберъ-гиттенферваltеръ 8-го кл. Клоковъ, ст. сов. Куницынъ, надв. сов. баронъ Корфъ (умершій 2-го января 1876-го года дѣйст. тайн. совѣтникомъ и графомъ); старшими помощниками—тит. сов.: Цеймернъ (нынѣ дѣйст. тайн. сов. и сенаторъ), Илличевскій, князь Эристовъ, Замятнинъ (нынѣ дѣйст. тайн. сов. и членъ государ. совѣта), Келлеръ; кол. секр.: Мартыновъ, Капгеръ; младшими по-

онъ докладывалъ государю о ходѣ работъ по отдѣленію; отъ него онъ получалъ разрѣшеніе нѣкоторыхъ недоумѣній; онъ раздѣлялъ работы между чиновниками, давалъ имъ наставленія и совѣты.

Балугьянскій въ одной изъ своихъ записокъ пишетъ: «Составленныя работы представлялись на разсмотрѣніе и исправленіе присутствія подъ предсѣдательствомъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Сперанскаго, отъ коего происходили всѣ планы и наставленія. Многіе изъ нихъ по 3, по 4 и по 5-ти разъ были передѣлываемы и исправляемы».

При энергіи, неутомимости и настойчивости въ трудѣ Сперанскаго, при его заботѣ осуществить какъ можно скорѣе ко благу Россіи желаніе государя, при рвеніи лицъ, служившихъ въ отдѣленіи, работа закипѣла. Въ іюлѣ 1826 года Сперанскій уже разсматривалъ образцовыя главы, а 14-го января 1828 года представилъ государю, при всеподданнѣйшей запискѣ (№ 3), Сводъ законовъ гражданскихъ. Записка эта весьма замѣчательна въ томъ отношеніи, что въ ней Сперанскій въ первый разъ говоритъ подробно о Сводѣ законовъ, объ его планѣ, способѣ исполненія и проч., и что въ ней уложенія отступили, такъ сказать, на задній планъ.

Въ 1833 году Сводъ законовъ былъ утвержденъ и введенъ въ дѣйствіе, и то, чего не могли привесть въ исполненіе цѣлыя коммисіи, въ продолженіе 126 лѣтъ, было совершено однимъ человѣкомъ. Служебныя занятія, впрочемъ, не поглощали у Сперанскаго всего времени. Ежедневно онъ отдавалъ нѣсколько свободныхъ часовъ наукѣ, постоянно продолжалъ свое самосовершенствованіе и все навѣянное на его душу чтеніемъ и размышленіемъ набрасывалъ на бумагу. Какъ образецъ такихъ набросковъ мыслей, мы представляемъ здѣсь двѣ записки: одну по законовѣдѣнію, другую по исторіи финансовъ. Въ первой (№ 4) Сперанскій указываетъ на причины рѣзкаго различія между законодательствами европейскими, основанными на римскомъ правѣ, и

мощниками: тит. сов. Теубель, кол. секр.: Терентьевъ (нынѣ тайн. сов. и старшій чиновникъ отдѣленія), Старцовъ; кол. рег. Мерцъ. Сверхъ того при архивѣ и библіотекѣ состояли: ст. сов. Майеръ, надв. сов. Хавскій (нынѣ тайн. сов. и членъ консультаціи при министерствѣ юстиціи), 8-го кл. Кругъ, тит. совѣт. Геннингъ, и занимался по отдѣленію К. Г. Рѣпинскій (нынѣ дѣйствительный тайный совѣтникъ и сенаторъ). А. В.

русскимъ. Вторая (№ 5) есть конспектъ статьи, а можетъ быть и лекціи, объ исторіи пошлинъ въ Россіи и показываетъ какимъ матеріаломъ Сперанскій въ то время владѣлъ для разрѣшенія этого вопроса и въ какой мѣрѣ онъ сознавалъ необходимость и пользу сравнительнаго метода.

А. Ѳ. Бычковъ.

I.

Краткое историческое обозрѣніе коммисіи составленія законовъ.

. . . . . .

Въ семъ состоитъ краткое историческое обозрѣніе коммисіи составленія законовъ. Изъ онаго явствуетъ:

1) Что дѣло о составѣ уложенія, или, лучше сказать, объ исправленіи и дополненіи законовъ, продолжается съ 1700 года 125 лѣтъ.

2) Что оно въ теченіе сего времени всегда почти существовало въ видѣ особеннаго установленія подъ разными именами.

3) Что между тѣмъ, какъ по теченію дѣлъ издаваемы были разные законы, всегда въ тоже время помышляемо было дать симъ законамъ систематическую связь и единство въ видѣ уложенія.

4) Что въ семъ предпріятіи государи употребляли всѣ возможныя усилія, но не имѣли исполнителей.

5) Что всѣ произведенія бывшихъ коммисій состояли токмо въ сводахъ, болѣе или менѣе недостаточныхъ, безъ всякихъ понятій объ истинной системѣ уложенія.

6) Что сіе понятіе въ первый разъ появилось въ Наказѣ императрицы Екатерины и въ раздѣленіи трудовъ коммисіи 1766 г. и потомъ вмѣстѣ съ нею исчезло.

7) Что послѣ того систематическія понятія снова явились въ 1804 году, въ докладѣ коммисіи, тогда учрежденной; но до 1808 года они оставались безъ дѣйствія.

8) Что въ теченіе 1808 года, по надлежащемъ исправленіи и ограниченіи всего плана, приступлено въ первый разъ къ дѣйствительному составленію уложенія, и съ того времени по 1812 годъ, въ четыре года, составлены проекты уложеній гражданскаго, торговаго и уголовнаго.

9) Что разсмотрѣніе сихъ проектовъ, хотя весьма несовершенныхъ, съ 1821 года въ государственномъ совѣтѣ возобновленное, имѣло двѣ пользы: 1) обнаружить ихъ недостатки и показать, сколько неосновательны были представленія тѣхъ, кои считали все оконченнымъ; 2) оно подало поводъ къ разрѣшенію какъ въ гражданскихъ, такъ и уголовныхъ законахъ, весьма важныхъ вопросовъ.

10) Что съ 1812-го по сіе время всѣ занятія коммисіи состояли: 1) въ напечатаніи сихъ проектовъ по нѣкоторомъ ихъ исправленіи; 2) въ составленіи свода на первыя двѣ части гражданскаго уложенія, и 3) въ разсмотрѣніи множества частныхъ судныхъ дѣлъ, кои изъ совѣта къ ней были присылаемы, и коихъ въ теченіе 1823 и 1824 года однимъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Балугьянскимъ разсмотрѣно и окончено до 70-ти. Дѣла сіи, не принадлежа къ составу уложенія, развлекали токмо небольшое число силъ и способностей, коммисію составляющихъ.

11) Сіи силы въ 1809 году состояли въ редакторахъ: Розенкамфѣ, профессорѣ Якобѣ и статскихъ совѣтникахъ: Генѣ и Вирстѣ. Въ послѣдствіи, съ 1812 года они заключались въ одномъ Розенкамфѣ; а теперь заключаются въ одномъ Балугьянскомъ съ двумя молодыми помощниками [1]).

Изъ соображенія всѣхъ сихъ послѣдствій происходятъ два главныя заключенія:

Первое, что составъ коммисіи слабъ и весьма недостаточенъ.

Второе, что всѣ ея произведенія, не исключая и тѣхъ, кои составлены были съ 1808 по 1812 годъ, представляютъ одни токмо начатки уложеній, а не самыя уложенія; начатки весьма несовершенные, далеко еще отстоящіе отъ практической ихъ пользы.

II.

Предположенія къ окончательному составленію законовъ.

ВВЕДЕНІЕ.

Предположенія объ окончательномъ составленіи законовъ заключаютъ въ себѣ разсмотрѣніе слѣдующихъ вопросовъ:

1) Опредѣлить въ точности пространство предпріятія.

---

[1]) Циммерманъ и Клоковъ.

2) Назначить соразмѣрные способы.

3) Установить постепенность работъ и исчислить время ихъ окончанія.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

О пространствѣ предпріятія.

Законы вообще можно раздѣлить на два главные разряда: I. Коренные, или, какъ они въ учрежденіи объ императорской фамиліи наименованы, основные (фундаментальные) и II. Законы управленія.

Къ первому разряду принадлежатъ: законы о наслѣдіи престола, о порядкѣ законодательства и о правахъ, разнымъ состояніямъ отъ самодержавной власти присвоенныхъ.

Ко второму разряду, по числу составныхъ частей управленія, принадлежатъ пять раздѣловъ: I. Законы права внѣшняго (трактаты); II. Законы военные; III. Законы полиціи; IV. Законы судебные; V. Законы хозяйственные.

Первый разрядъ законовъ не входитъ въ предѣлы настоящаго предпріятія.

Изъ втораго разряда одни токмо три послѣдніе раздѣла составляютъ истинный предметъ его.

Образъ составленія законовъ есть троякій: 1) сводъ, 2) уложеніе, 3) учебная книга.

Сводъ (digeste) есть соединеніе законовъ, существующихъ по какой-либо части, расположенное въ извѣстномъ порядкѣ. Порядокъ сей бываетъ или хронологическій, когда законы слагаются по порядку ихъ изданія, не взирая на разность ихъ содержанія, или азбучный, когда они располагаются по порядку словъ; или, наконецъ, систематическій, когда они расположены по предметамъ и по тому же плану, какой принятъ въ уложеніи.

Уложеніе (code) есть систематическое изложеніе законовъ по ихъ предметамъ, такъ устроенное, чтобы 1) законы общіе предшествовали частнымъ, и предъидущіе всегда пріуготовляли бы точный смыслъ и разумѣніе послѣдующихъ; 2) чтобъ всѣ законы, по своду недостающіе, дополнены были въ уложеніи и обнимали бы сколь можно болѣе случаевъ, не нисходя однако же къ весьма рѣдкимъ и чрезвычайнымъ подробностямъ.

Учебная книга (institutes) есть то же самое уложеніе, но болѣе методическое и приспособленное къ учебному преподаванію въ училищахъ.

Сверхъ сихъ трехъ главныхъ видовъ есть еще четвертый, принадлежащій къ уложенію подъ именемъ изъясненій (commentaires). Въ нихъ излагается разумъ или основаніе законовъ, дается отчетъ въ причинахъ и необходимости дополненій или перемѣнъ, въ уложеніи введенныхъ, и установляется связь ихъ съ законами существующими.

Изъ трехъ раздѣловъ законовъ: полицейскихъ, судебныхъ и хозяйственныхъ, одни токмо судебные могутъ и должны быть изложены въ четырехъ видахъ, выше означенныхъ, т. е. они должны быть составлены въ видѣ свода, въ видѣ уложенія, учебной книги и изъясненій; законы же полицейскіе и хозяйственные могутъ принять одинъ токмо видъ свода.

Посему все предпріятіе раздѣляется на двѣ главныя части: на изложеніе законовъ судебныхъ и изложеніе законовъ полицейскихъ и хозяйственныхъ.

А. Изложеніе законовъ судебныхъ.

Законы судебные дѣлятся на гражданскіе и уголовные; подъ именемъ первыхъ разумѣются всѣ законы о собственности, въ томъ числѣ и о собственности торговой; подъ именемъ вторыхъ — всѣ законы о преступленіяхъ и наказаніяхъ.

Гражданскіе законы заключаютъ въ себѣ три подраздѣленія: 1) собственно такъ-называемые законы о собственности, по коимъ она пріобрѣтается и отчуждается (code civil); 2) порядокъ гражданскаго судопроизводства, т. е. законы обрядовъ, по коимъ истецъ и отвѣтчикъ должны поступать въ отысканіи и защищеніи собственности (code de procédure), и 3) законы объ устройствѣ судебныхъ гражданскихъ мѣстъ (organisation judiciaire civile).

Уголовные законы заключаютъ въ себѣ тѣ же три подраздѣленія.

Такимъ образомъ сводъ, уложеніе, учебная книга и изъясненія въ обоихъ родахъ законовъ должны заключать въ себѣ три существенныя части, выше сего означенныя.

Все, что по сіе время было сдѣлано въ сводѣ и уложеніи сихъ законовъ, представляетъ одни только начатки. Своды въ осо-

бенности весьма недостаточны. Объ учебной книгѣ, кромѣ нѣкоторыхъ слабыхъ опытовъ профессора Кукольника, и помышляемо еще не было. Нѣкоторые начатки изъясненій сдѣланы въ тетрадяхъ, кои читаны были въ совѣтѣ при разсмотрѣніи уложеній.

Слѣдовательно, въ изложеніи судебныхъ законовъ, пользуясь всѣми доселѣ сдѣланными начинаніями, надлежитъ составить:

1) Сводъ,
2) Уложеніе,
3) Учебную книгу,
4) Изъясненія.

В. Изложеніе законовъ полицейскихъ и хозяйственныхъ.

Нѣтъ примѣра, да и невозможно почти составить уложеніе законовъ полицейскихъ и хозяйственныхъ. Самое существо сихъ законовъ, по непрестанной ихъ движимости, измѣненіямъ и непрерывному приращенію, не допускаетъ систематическаго ихъ изложенія. Изъ того, что они имѣютъ общаго и неподвижнаго, можно составить учебную книгу, и полезно будетъ ввести ее въ училищахъ.

Но сводъ сихъ законовъ и возможенъ, и необходимъ. Составивъ его разъ, должно продолжать тѣмъ же порядкомъ ежегодно. Частные своды, нынѣ существующіе, и недостаточны, и невѣрны.

Сія мысль ведетъ къ другой, не менѣе важной: къ изданію всѣхъ вообще законовъ въ хронологическомъ ихъ порядкѣ—предпріятіе огромное и могущее составить памятникъ въ исторіи всѣхъ законодательствъ.

Изъ всего вышеозначеннаго видно, что все пространство предпріятія состоитъ: I) въ изложеніи законовъ судебныхъ въ видѣ свода, уложенія, учебной книги и изъясненій; II) въ изложеніи законовъ полицейскихъ и хозяйственныхъ въ видѣ свода; III) въ изданіи полнаго собранія законовъ въ хронологическомъ порядкѣ.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

О способахъ предпріятія.

Опытъ доказалъ, сколь способы наши ограничены. Сіе и быть иначе не могло.

Три есть степени законовѣдѣнія: приказный, онъ есть память законовъ безъ связи ихъ отношеній; ученый—онъ есть познаніе

законовъ въ связи и систематическомъ отношеніи ихъ предметовъ; государственный — онъ есть соображеніе законовъ съ положеніемъ государства.

Изъ сихъ трехъ степеней одинъ токмо первый составляетъ у насъ предметъ постоянныхъ занятій и практическаго навыка. Второму едва положены въ университетахъ слабыя начала, безъ книгъ и безъ пособій. Третій зависитъ отъ личныхъ способностей, и пріобрѣтается опытомъ дѣлъ государственныхъ.

При сей ограниченности способовъ, нельзя однако же не замѣтить, что нынѣ ихъ болѣе, нежели 25 лѣтъ тому назадъ было. И слѣдовательно есть возможность усилить дѣйствія коммисіи: 1) лучшимъ ея устройствомъ; 2) лучшимъ выборомъ людей.

1) Устройство коммисіи.

Изъ всѣхъ доселѣ бывшихъ устройствъ самое простѣйшее есть то, которое было установлено въ 1810 году при образованіи государственнаго совѣта. По самому существу ея упражненій она принадлежитъ къ сему мѣсту. Одинъ директоръ и нѣсколько редакторовъ удовлетворяютъ всѣмъ ея потребностямъ. Редакторы могутъ между собою имѣть совѣщаніе подъ надзоромъ директора; но они не могутъ и не должны составлять совѣта при совѣтѣ. Совѣтъ, который одинъ можетъ судить о произведеніяхъ ихъ, есть совѣтъ государственный въ двухъ его степеняхъ: въ департаментѣ и общемъ собраніи.

2) Выборъ людей.

При семъ представляются соображенія, отъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Балугьянскаго сообщенныя [1]).

Хотя сими двумя средствами дѣйствіе коммисіи можетъ быть усилено, но всѣхъ трудовъ, ей предлежащихъ, ни обнять, ни совершить съ надлежащимъ и нужнымъ сокращеніемъ времени она не можетъ. Къ сему нужно другое ихъ распредѣленіе.

Составленіе сводовъ и пріуготовленіе полнаго собранія законовъ требуетъ знанія, но еще болѣе точности и труда.

Напротивъ, въ составленіи уложенія менѣе труда, но болѣе нужно знанія и соображенія. Въ уложеніи должно различать

---

[1]) Записки Балугьянскаго мы не имѣли подъ руками. А. В.

три рода статей. Одне составляются изъ законовъ существующихъ; другія вводятся вновь въ видѣ дополненій; третьи, наконецъ, составляютъ перемѣну въ законѣ. Статьи перваго рода суть основа всего дѣла; но онѣ недостаточны: множество есть у насъ случаевъ, закономъ не опредѣленныхъ — отсюда произвольныя рѣшенія и принужденныя толкованія, бо̀льшею частію также произвольныя. Статьи втораго рода должны быть по сей самой причинѣ многочисленны, но всѣ онѣ должны быть единственно послѣдствіемъ первыхъ. Статьи третьяго рода должны быть весьма рѣдки, всѣ основаны на опытѣ и доказанной необходимости.

Работа перваго рода (своды и изданіе законовъ) можетъ быть раздѣлена между многими лицами, и по данному плану, при надзорѣ и ревизіи, можетъ быть произведена ими съ успѣхомъ.

Напротивъ, работа втораго рода почти не терпитъ раздѣленія. Въ ней должно быть единство началъ и единство слога, и, слѣдовательно, она должна быть произведена однимъ, и что еще нужнѣе, должна быть произведена подъ непосредственнымъ надзоромъ самого законодателя. Никто, никакой совѣтъ замѣнить его не можетъ, или, по крайней мѣрѣ, замѣнять не долженъ. Въ послѣдствіи, когда проектъ уложенія будетъ составленъ, полезно и нужно будетъ внять мнѣнію совѣта: полезно для того, что изъ самаго различія мнѣній можно лучше удостовѣриться въ томъ смыслѣ, въ коемъ законъ исполнителями его будетъ принимаемъ: нужно для того, что изъ соображенія разныхъ мнѣній часто открывается истина.

Отсюда открывается необходимость и польза слѣдующаго разпредѣленія:

I. Поставить коммисіи въ обязанность въ теченіе двухъ лѣтъ окончить слѣдующія работы:

1) Сводъ законовъ гражданскихъ.

2) Сводъ законовъ уголовныхъ.

3) Сводъ законовъ полиціи и хозяйства.

4) Учебную книгу законовъ судебныхъ.

5) Пріуготовить изданіе полнаго собранія законовъ по хронологическому порядку.

II. Составъ самаго уложенія гражданскаго и уголовнаго, съ принадлежащими къ нему изъясненіями, поручить особому лицу,

которое бы, состоя въ непрерывной связи съ коммисіею, производило сію работу подъ непосредственнымъ надзоромъ законодателя.

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

О порядкѣ работъ и исчисленіе времени.

1826 годъ.

Гражданское уложеніе, съ принадлежащими къ нему изъясненіями, въ новомъ видѣ и по новому всѣхъ частей его расположенію, можетъ быть готово къ 1-му мая сего года. Сводъ къ нему хотя разсѣянъ, но можетъ быть собранъ, и составитъ основу сей работы.

Между тѣмъ сіи самые три мѣсяца коммисія употребитъ для составленія свода судебнаго, гражданскаго устава и образованія судебныхъ гражданскихъ мѣстъ, и доставитъ его къ редактору уложенія.

Уставъ судебный, на семъ сводѣ основанный, и устройство судебныхъ гражданскихъ мѣстъ могутъ быть окончены въ теченіе восьми мѣсяцевъ, къ 1-му января 1827 года.

Между тѣмъ въ сіи самые восемь мѣсяцевъ коммисія составитъ сводъ законовъ уголовныхъ и сводъ судебнаго уголовнаго устава, и сверхъ того можетъ окончить учебную книгу гражданскихъ законовъ.

Симъ заключатся работы 1826 года; въ теченіе онаго окончено будетъ гражданское уложеніе съ принадлежащимъ къ нему уставомъ, во всѣхъ его видахъ, то есть: въ видѣ уложенія, свода, изъясненій и учебной книги.

1827 годъ.

Въ теченіе сего года могутъ быть окончены слѣдующія работы:

1) Гражданское уложеніе будетъ разсмотрѣно въ совѣтѣ.

2) По сводамъ, въ началѣ сего года отъ коммисіи полученнымъ, редакторъ окончитъ уголовное уложеніе съ судебнымъ его уставомъ и устройствомъ судебныхъ мѣстъ.

3) Коммисія пріуготовитъ полное собраніе всѣхъ законовъ.

4) Она пріуготовитъ учебную книгу уголовныхъ законовъ.

Симъ заключатся работы 1827 года, и оба уложенія, во всѣхъ ихъ видахъ, будутъ окончены.

1828 годъ.

1) Гражданское уложеніе можетъ быть введено въ дѣйствіе.

2) Учебная книга гражданскихъ законовъ можетъ быть введена въ училища.

3) Уголовное уложеніе съ уставомъ можетъ быть разсмотрѣно въ совѣтѣ.

4) Собраніе законовъ можетъ быть напечатано.

5) Коммисія составитъ сводъ законовъ полицейскихъ и хозяйственныхъ.

6) Къ концу года уголовное уложеніе можетъ быть напечатано и въ слѣдующемъ году введено въ дѣйствіе.

7) Къ концу же года учебная книга законовъ уголовныхъ можетъ быть введена въ училища.

Симъ окончится весь кругъ работъ, коммисіи предлежащихъ.

Въ послѣдствіи, уменьшивъ число ея чиновниковъ, она будетъ имѣть одно постоянное упражненіе: издавать ежегодно всѣ исходящія узаконенія, сводя судебныя съ уложеніями, а полицейскія и хозяйственныя съ прежними ихъ сводами, и такимъ образомъ все законодательство сихъ трехъ частей содержимо будетъ въ единствѣ и ясности.

Сообщ. **А. Ѳ. Бычковъ.**

Записки Сперанскаго: III. О сводѣ законовъ по гражданской части, VI. О законахъ римскихъ и различіи ихъ отъ законовъ россійскихъ, и V. Исторія пошлинъ въ Россіи—будутъ помѣщены въ слѣдующей книгѣ «Русской Старины.»

Ред.

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ".

Проклятіе Глѣбова

1721 г.

Наперсникъ первой супруги царя Петра Алексѣевича царицы Евдокіи Ѳеодоровны Лопухиной, въ постриженіи инокини Елены, маіоръ Степанъ Богдановичъ Глѣбовъ, за то «что ходилъ онъ къ ней, какъ сказано въ обнародованномъ 6-го марта 1718 г. манифестѣ, бывшей царицѣ, безвременно для того, что жилъ съ нею блудно года съ два, тогда какъ былъ у набору рекрутскаго въ Суздалѣ» и въ томъ, какъ онъ, такъ и царица, инокиня Елена, повинились, и за другія вины, объявленныя въ томъ же манифестѣ, казненъ смертью.

Пытанный четыре раза: кнутомъ (34 удара), горячими угольями, раскаленнымъ желѣзомъ, три дня привязанный къ доскѣ, убитой гвоздями, Глѣбовъ былъ посаженъ 15-го марта 1718 г. живой на колъ, на Красной площади, въ Москвѣ, въ третьемъ часу пополудни. При немъ были, для напутствія въ жизнь загробную, архимандритъ Спасскаго монастыря Лопатинскій (въ послѣдствіи жертва Тайной канцеляріи при Аннѣ Іоанновнѣ), іеромонахъ Маркелъ, да священникъ того же монастыря Анофрій. Посаженный на колъ Глѣбовъ хранилъ молчаніе съ первой минуты своихъ адскихъ мученій и не принесъ покаянія, только ночью просилъ іеромонаха принести ему Святые Дары для причащенія; неизвѣстно, выполнилъ-ли эту просьбу от. Маркелъ.

16-го марта 1718 г., въ половинѣ восьмаго пополуночи, Степанъ Богдановичъ Глѣбовъ испустилъ духъ на колу. Голова его была отрублена и тѣло долго валялось на площади между трупами прочихъ казненныхъ по страшному розыску, вызванному дѣломъ царевича Алексѣя.

Все это дѣло и судьба одной изъ ея жертвъ, Глѣбова, нынѣ вполнѣ извѣстна. Но, если не ошибаемся, не было еще извѣстно, что царь Петръ, въ мести своей къ Глѣбову, не оставилъ его и послѣ смерти. Три года спустя, святѣйшій синодъ, по царскому повелѣнію, предалъ Глѣбова проклятію.

Вотъ распоряженіе объ этомъ святѣйшаго правительствующаго синода:

По указу преосвященнаго Варлаама, епископа Суздальскаго и Юрьевскаго, Суздальской соборной церкви Рождества Пресвятыя Богородицы протопопу Ивану съ братіею.

Сего ноября въ 21-й день нынѣшняго 721-го году, въ указѣ великаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца изъ святѣйшаго правительствующаго синода къ преосвященному епископу, за приписью ассесора и оберъ-секретаря іеромонаха Варлаама Овсяникова, писано: прешедшаго-де августа 15-го дня нынѣшняго 1721 году царское пресвѣтлое величество указалъ, по имянному своего царскаго величества указу, каковъ въ святѣйшемъ правительствующемъ синодѣ записанъ и руками всего синода закрѣпленъ, Степана Глѣбова въ безприкладномъ преступленіи и безстрашіи и въ писменномъ противъ его царскаго величества народномъ возмущеніи, какъ въ печатномъ, марта 6-го числа 1718 году, манифестѣ показано, явившагося, который, по жестокости своей и непокаянному сердцу, когда, по его царскаго величества правамъ, достойная ему, Глѣбову, казнь чинена, свойственнаго по христіанской должности покаянія не принесъ и причастія Святыхъ Таинъ не точію не пожелалъ, но и отвергся и клятвѣ церковной, яко злолютый преступникъ и таковыя святыя тайны презиратель и отмѣтникъ, самъ себя подвергъ—имѣть отъ святѣйшаго правительствующаго синода во анаѳематствѣ вѣчно и съ протчими проклятію и анаѳемѣ подпадша, во всѣхъ россійскихъ церквахъ, гдѣ въ недѣли православныя проклятіе таковымъ бываетъ повсягодно, его, Глѣбова, анаѳематствовали.

И при томъ его великаго государя указѣ прислана форма и преосвященному епископу велѣно чинить о вышеявленномъ, по оному его царскаго величества имянному указу, непремѣнно.

И какъ вы сей архіерейской указъ получите и вы-бъ о вышеявленномъ чинили по оному его царскаго величества имянному указу непремѣнно, а съ присланной формы прилагается при семъ указѣ (копія), а какъ сей архіерейской указъ получите, о томъ въ архіерейской ховной приказъ прислали вѣденіе.

Форма. По возглашеніи анаѳематствованія, древніе анаѳемѣ подпадшимъ, возглашать сице:

По сихъ тому-жъ-де подпадаетъ злолютый закона Божія преступникъ и царскаго величества противникъ Стефанъ Глѣбовъ, который въ безприкладномъ преступленіи и въ писменномъ противъ его царскаго величества народномъ возмущеніи повиненъ, по жестокосердію своему ни предъ смертію, во время достойныя по дѣломъ его казни, свойственнаго христіаномъ покаянія не принесъ и причастія Святыхъ Таинъ отвергся и симъ клятвѣ церковной, яко лютѣйшій благочестія преступникъ и презиратель, самъ себя подвергъ и за сія церкви и отечеству богоненавистныя противности, во вѣки да будетъ анаѳема!

Ноября 22 день 1721 г. Справилъ Иванъ меньшой Киселевъ.

Сообщ. К. Н. Тихонравовъ.

Скорняковъ-Писаревъ и Девьеръ въ Сибири.

1727—1743.

Сподвижники Петра Великаго, оберъ-прокуроръ сената Григорій Скорняковъ-Писаревъ и оберъ-полиціймейстеръ столицы гр. Антонъ Девьеръ, по манифесту императора Петра II, 27-го мая 1727 г. [1]), были наказаны кнутомъ и сосланы на жительство въ Якутскую область [2]).

По прибытіи преступниковъ въ Якутскъ, ихъ немедленно отправили въ Жиганскъ, гдѣ находились подъ строгимъ надзоромъ. Но Скорнякову-Писареву недолго пришлось оставаться въ Жиганскѣ.

По окончаніи первой экспедиціи Беринга, правительство нашло необходимымъ учредить въ Охотскомъ острогѣ, вмѣсто ясачной избы, охотское управленіе, независимое отъ Якутска, и устроить при устьѣ р. Охоты портъ.

По этому поводу, 23-го апрѣля 1731 г., былъ присланъ изъ сената въ Сибирскій приказъ [3]) особый указъ, въ которомъ, между прочимъ, было сказано: „Григорій Скорняковъ-Писаревъ, который сосланъ въ Сибирь на поселеніе и находится въ жиганскомъ зимовьѣ, опредѣленъ въ Охотскъ, съ тѣмъ, чтобы онъ имѣлъ главную команду надъ тѣмъ мѣстомъ".

Вслѣдъ за этимъ указомъ, и именно 10-го мая 1731 г., состоялся о назначеніи Скорнякова-Писарева въ Охотскъ именной указъ.

Жалованье назначено ему было въ годъ 300 руб., да хлѣба всякаго, какимъ онъ взять хочетъ, по сту четвертей, и вина простаго по сту ведръ въ годъ. При этомъ предписывалось ему быть въ подчиненіи у иркутской провинціальной канцеляріи. Инструкціею, присланною изъ Сибирскаго приказа (за подписью Павла Ягужинскаго и Ивана Давыдова) [4]) Скорнякову-Писареву, между прочимъ, поручалось: заселить Охотскъ, съ учрежденіемъ при немъ верфи и пристани. Для этой цѣли, по высочайшему повелѣнію, отправлены были туда неоплатные должники, вмѣсто каторги, съ распредѣленіемъ ихъ въ прежнія сословія, т. е., записавъ купцовъ въ купцы, мастеровыхъ—въ ма-

---

[1]) Полн собр. зак., т. VII, ст. 5084.

[2]) Соучастниками ихъ были: Петръ Толстой, сосланный съ сыномъ въ Соловецкій монастырь; Иванъ Бутурлинъ, лишенный чиновъ и высланный изъ столицы на жительство въ деревню; князь Иванъ Долгорукой, отлученный отъ двора и переведенный въ Томскій полкъ; Александръ Нарышкинъ, лишенный чина, и ген.-лейт. Андрей Ушаковъ.

[3]) Сибирскій приказъ сталъ посылать грамоты сибирскимъ воеводамъ съ 1637 г., а до того времени онѣ получались изъ приказа Казанскаго дворца.

[4]) Отъ 10-го мая 1731 г. А. С.

стеровые и. т. д. Въ 1731 г. ихъ былъ прислано въ Охотскъ 153 человѣка.

Въ началѣ 1732 г. Скорняковъ-Писаревъ прибылъ изъ Жиганска въ Якутскъ и потребовалъ отъ якутскаго воеводы Жадовскаго немедленной отправки въ Охотскъ команды и провіанта, но Жадовскій, по ссорѣ съ нимъ, не исполнялъ его требованій, и Скорняковъ-Писаревъ, 1-го іюня, донесъ иркутской канцеляріи, что якутскій воевода не хочетъ исполнять его требованій, отчего порученное ему дѣло идетъ медленно.

11-го іюля Скорняковъ-Писаревъ послалъ въ Охотскъ штурмана Бирева съ 23 казаками, для заготовленія лѣса. Но, по недостатку кормовъ въ пути, 8 человѣкъ изъ нихъ умерло, а остальные разбѣжались.

Между тѣмъ, 19-го октября 1732 года, изъ Иркутска присланъ былъ Писареву указъ, которымъ предписывалось: „Требовать все отъ якутской воеводской канцеляріи, не взирая ни на какія бездѣльныя и плутовскія отговорки Жадовскаго, а пока онъ, Жадовскій, всего не исполнитъ, держать его въ канцеляріи скованнымъ въ цѣпяхъ и желѣзахъ, не освобождая по то число, какъ надлежащее отправленіе Писареву учинитъ". Скорняковъ-Писаревъ исполнилъ этотъ указъ въ точности, и, располагая средствами воеводства, къ половинѣ февраля 1733 г. успѣлъ заготовить провіантъ и построить на р. Ленѣ суда для сплава грузовъ, а со вскрытіемъ рѣкъ готовился и самъ отправиться въ Охотскъ; но ссора его съ Жадовскимъ не осталась и для него безъ дурныхъ послѣдствій. 12-го февраля 1733 г. былъ полученъ въ Якутскѣ слѣдующій указъ:

„Какъ учрежденный отъ сената въ Охотскъ ссылочный Скорняковъ-Писаревъ, для заведенія тамъ морскихъ судовъ, въ порученномъ ему дѣлѣ оказалъ малые успѣхи, то имяннымъ указомъ повелѣно: отправить въ Камчатку паки капитанъ-командора Беринга для заведенія онаго судоваго дѣла, а Писарева отослать обратно въ Якутскъ или Жиганы" [1]).

Приверженцы Жадовскаго, въ главѣ которыхъ стоялъ сотникъ Аргуновъ, тотчасъ же освободили воеводу изъ-подъ ареста, а 13-го февраля заперли городскія ворота и завалили ихъ колодами, изъ опасенія, чтобы команда Писарева, проживавшая внѣ города, не вмѣшалась бы въ ихъ распоряженія. 19-го февраля Аргуновъ взялъ Писарева подъ арестъ, а подканцеляристъ Бугаевъ прочелъ ему вышеприведенный указъ. Послѣ того Жадовскій взялъ у него шпагу и по-

[1]) Указъ 15-го мая 1732 г.

садилъ въ острогъ за рѣшетку, подъ замокъ. Продержавъ его тамъ двѣ недѣли, отправилъ затѣмъ въ Жиганы, на оленяхъ, за большимъ конвоемъ [1]).

Вслѣдъ затѣмъ былъ смѣненъ и Жадовскій и вмѣсто его назначенъ воеводою—Середкинъ. Но въ сентябрѣ 1733 г. былъ присланъ въ Якутскъ, съ нарочнымъ, новый сенатскій указъ, которымъ предписывалось: „Писареву быть по прежнему въ Охотскѣ до указу и отправлять все по прежде-посланнымъ къ нему указамъ и инструкціямъ непремѣнно". 21-го ноября, Писаревъ прибывъ снова въ Якутскъ, гдѣ, во время его отсутствія, предназначенная въ Охотскъ команда разошлась, а запасы продовольствія употреблены были на довольствіе чиновъ второй экспедиціи Беринга. Пришлось вновь хлопотать о томъ, что было уже сдѣлано раньше. Но на этотъ разъ представилось ему препятствій еще болѣе, чѣмъ при воеводѣ Жадовскомъ. Въ одно почти время съ нимъ прибылъ въ Якутскъ капитанъ-командоръ Берингъ, которому, кромѣ экспедиціи, было поручено адмиралтействъ-коллегіею наблюденіе за устройствомъ охотскаго порта. Но Берингъ больше заботился о дѣлахъ экспедиціи, чѣмъ о содѣйствіи Писареву. Начались между ними ссоры. Берингъ обвинялъ Писарева въ бездѣйствіи и, 31-го декабря 1734 г., писалъ адмиралтействъ-коллегіи: „что не только въ Охотскѣ люди и хлѣбъ умножены или пристойныя суда и заведенія строить начаты, но и мастеровые были задержаны въ Якутскѣ".

Наконецъ, къ осени 1735 года, Писаревъ прибылъ въ Охотскъ, гдѣ помощникъ Беринга, капитанъ Шпанбергъ, занимался постройкою судовъ для экспедиціи. Въ началѣ 1736 г. Писаревъ заложилъ портъ недалеко отъ того мѣста, гдѣ производились работы Шпанберга.

Писаревъ и Шпанбергъ, оба облеченные обширною властію, на первыхъ же порахъ поссорились. Шпанбергъ сталъ посылать Писареву предписанія, въ которыхъ доказывалъ, что самое устройство порта дѣлается для экспедиціи, и потому онъ считаетъ себя вправѣ дѣйствовать самостоятельно. Писаревъ, въ свою очередь, доказывалъ ему, что онъ мѣстный начальникъ. Наконецъ, начались съ обѣихъ сторонъ ябеды и доносы въ Иркутскъ.

Писаревъ доносилъ, что Шпанбергъ взялъ у него силою почти всѣхъ мастеровыхъ, которыхъ жестоко наказываетъ, и весь провіантъ, чрезъ что будетъ оскудѣніе. „Шпанбергъ,—писалъ онъ,—ведетъ дружбу съ присланными въ вѣчную работу—княземъ Алексѣемъ Барятинскимъ и княземъ Василіемъ Долгоруковымъ [2]) — и взялъ ихъ къ себѣ въ

[1]) Слѣдовательно, Берхъ не правъ, говоря, что указъ этотъ не былъ приведенъ въ исполненіе (Зап. адм. д-та, 1825, ч. 8, стр. 425).

[2]) Присланы въ Охотскъ 20-го іюня 1732 г. А. С.

команду. Имѣетъ у себя писаремъ ссылочнаго Колмогорова; а въ премеморіяхъ своихъ мнѣ пишетъ яко нѣкоторый князь: мы разсмотрѣли, мы повелѣли, а не такъ, какъ партикулярныя персоны пишутъ о себѣ единственнымъ числомъ. Взялъ къ себѣ и держитъ безъ работы ссылочнаго, за разореніе ясашныхъ, сотника Лукашевскаго. Боты „Гавріилъ“ и „Фортуну“ взялъ въ свое вѣденіе и мнѣ не отдаетъ, для того, чтобы всѣ, идущіе въ Камчатку и обратно, были вѣдомы ему, Шпанбергу, для корысти“.

Подобныхъ доносовъ Писарева не было и числа. Для образца приведемъ еще одинъ, не лишенный интереса. „Якутъ Такунай и служилый Сафроновъ застрѣлили изъ луковъ медвѣдя. Шпанбергъ тотъ убой медвѣдя приписалъ въ свою храбрость и на доскѣ вырѣзкою про свою храбрость написалъ и прибилъ тою доску на томъ мѣстѣ, гдѣ медвѣдь застрѣленъ, съ которой для извѣстности о его, Шпанберговой, храбрости, при семъ точная копія“.

Шпанбергъ, въ свою очередь, писалъ доносы на Писарева, который, несмотря на свое, по тогдашнему времени, обширное образованіе, предался въ ссылкѣ пьянству и разврату. Въ Охотскѣ онъ велъ самую разгульную жизнь, окружилъ себя огромною женскою прислугою, составлявшею его гаремъ. Кромѣ того, бралъ взятки, не выдавалъ служащимъ жалованья, бралъ съ инородцевъ двойной ясакъ въ свою пользу. Съ подчиненными былъ жестокъ до звѣрства: засѣкалъ до смерти за малѣйшее преступленіе, а на лицъ неподчиненныхъ писалъ ябеды.

Борьба его съ грубымъ, дерзкимъ и необразованнымъ Шпанбергомъ была неравна. Послѣдній на своей сторонѣ имѣлъ Беринга, которому сильно покровительствовала адмиралтействъ-коллегія. Кромѣ того, Шпанбергъ не разъ прибѣгалъ и къ кулачной расправѣ. Наконецъ, Писаревъ, чувствуя свое безсиліе, въ сентябрѣ 1736 г., выѣхалъ съ своею дворнею въ Якутскъ.

Лѣтомъ 1737 г., Писаревъ, вмѣстѣ съ Берингомъ, пріѣхалъ снова въ Охотскъ и приступилъ къ устройству порта; но снаряженіе экспедиціи Беринга не дозволяло вести дѣло какъ бы слѣдовало: въ теченіе двухъ лѣтъ въ порту построено было только двѣ избы и деревянная церковь.

Между тѣмъ, слухи о развратѣ и безчинствѣ Писарева дошли до императрицы Анны Іоанновны, которая указомъ своимъ, 13-го апрѣля 1739 г., повелѣла: „На мѣсто въ Охотскѣ командира Григорія Скорнякова-Писарева опредѣлить изъ ссылочныхъ Антона Девьера; а жалованье давать по тому-жъ, какъ опредѣлено было Скорнякову-Писареву“.

Сибирскій приказъ, августа 28-го, сообщилъ объ этомъ Девьеру,

предписавъ ему отправиться въ Охотскъ немедленно и при отправленіи принять присягу и прислать ее въ сенатъ. „И велѣно тебѣ, по прибытіи въ Охотскъ, смѣнить Писарева и поступать во всемъ по его инструкціи. А Писарева, по смѣнѣ, держать подъ арестомъ, а о доносахъ Беринга, Шпанберга и его, Писарева, другъ на друга, изслѣдовать на-крѣпко". Вмѣстѣ съ тѣмъ было написано и Писареву, чтобы онъ былъ послушенъ Девьеру.

Въ апрѣлѣ 1740 г. Девьеръ былъ уже въ Иркутскѣ, а мая 8-го въ Верхоленскомъ острогѣ, откуда просилъ выслать къ нему изъ Иркутска приказныхъ. Въ какомъ именно мѣсяцѣ онъ прибылъ въ Охотскъ—намъ неизвѣстно, но только первое его донесеніе въ Иркутскъ было отъ ноября 1740 года.

Девьеръ былъ честный, справедливый и энергичный начальникъ. Онъ нашелъ охотскій портъ и команду въ самомъ бѣдственномъ положеніи: „люди претерпѣвали голодъ, малымъ пропитаніемъ едва дни живота своего препровождали". Въ 1740 г. экспедиція Беринга была уже готова къ походу, и потому Девьеръ обратилъ всѣ средства порта на постройку необходимыхъ зданій и судовъ. Завелъ школу, которая послужила основаніемъ штурманскому училищу сибирской флотиліи. Школа эта существовала болѣе 100 лѣтъ и была разсадникомъ образованія всего сѣверо-восточнаго края Сибири.

По вступленіи своемъ въ командованіе портомъ, Девьеръ арестовалъ Писарева, описалъ его имущество, продалъ часть его съ аукціоннаго торга и вырученныя деньги употребилъ на удовлетвореніе команды порта жалованіемъ, котораго она не получала за нѣсколько лѣтъ. При слѣдствіи Девьеръ раскрылъ всѣ злоупотребленія своего предшественника и донесъ о нихъ сенату. Донесеніе это получено было въ Петербургѣ за нѣсколько дней до вступленія на престолъ Елисаветы Петровны и послужило имъ обоимъ въ пользу. Императрица вспомнила о нихъ, и 1-го декабря 1741 г. состоялся именной указъ сенату: „Обрѣтающимся въ Сибири Антону Девьеру и Скорнякову-Писареву вины ихъ отпустить и изъ ссылки освободить". Указъ этотъ былъ полученъ въ Иркутскѣ 3-го марта, а въ Охотскѣ 26-го іюня 1742 г. Писаревъ въ это время все еще содержался подъ арестомъ.

11-го іюля Девьеръ сдалъ свою должность и выѣхалъ изъ Охотска, а вслѣдъ за нимъ отправился въ Петербургъ и Писаревъ. По возвращеніи ихъ въ столицу, 23-го апрѣля 1743 г., по высочайшему указу, имъ возвращены были генеральскіе чины, а Девьеру и графское достоинство, съ назначеніемъ снова оберъ-полиціймейстеромъ столицы. Девьеръ недолго занималъ эту должность: въ 1745 г. онъ умеръ.

Скорняковъ-Писаревъ, по прибытіи своемъ въ Петербургъ, подалъ

на высочайше имя прошеніе, въ которомъ, объясняя, что онъ пострадалъ невинно, по нападкамъ князя Меншикова, просилъ о возвратѣ ему пожитковъ, взятыхъ въ казну. По этому поводу возникла переписка, изъ которой обнаружилось, что болѣе цѣнное и непроданное имущество Писарева было отослано въ Сибирскій приказъ. Наконецъ, въ мартѣ 1745 г. ему возвратили оставшіяся въ цѣлости вещи, оцѣненныя въ 824 рубля, взыскавъ при томъ съ него пошлинъ 82 руб. 40 к., съ нихъ же по 10 коп. — 8 руб. 24 кон., и за провозъ отъ Охотска до Москвы 42 руб. 73¼ коп. [1]).

При обозрѣніи старыхъ дѣлъ иркутскаго архива, пересмотрѣны мною всѣ инструкціи, данныя разнымъ лицамъ, сопровождавшимъ въ Сибирь важныхъ государственныхъ преступниковъ, въ царствованія Анны Іоанновны и Елисаветы Петровны. Одну изъ этихъ инструкцій, отъ которой ничѣмъ почти не отличаются остальныя, приводимъ здѣсь, безъ всякихъ измѣненій, расчитывая, что она доставитъ нѣкоторый интересъ читателямъ „Русской Старины“:

По указу ея императорскаго величества инструкція.

Изъ иркутской провинціальной канцеляріи Якутскаго полка порутчику Сангу.

Марта 22-го дня 1732 года. По указу ея императорскаго величества и по опредѣленію въ иркутской провинціальной канцеляріи, велѣно по силѣ ея императорскаго величества указу изъ тобольской губернской канцеляріи исполнять нижеслѣдующее:

1) Прибывъ въ Якутскъ и принять трехъ человѣкъ колодниковъ у посланнаго изъ Тобольска прапорщика Афонасья Быкова, которые привезены чрезъ Илимскъ въ Якутскъ, а принявъ вести въ камчадальскіе дальніе остроги съ великимъ охраненіемъ и за твердымъ карауломъ съ осторожностью тайно, чтобъ они, колодники, не могли уйти, и никого къ нимъ не допущать; чернилъ и бумаги не давать и не токмо кого къ нимъ допущать, но ниже кому видѣть давать, и разговоровъ какъ тебѣ не имѣть, такъ и посланнымъ съ тобою солдатамъ не велѣть, и не токмо разговоры имѣть, но и о именахъ ихъ не спрашивать, и никому о нихъ не объявлять и до того никого не допускать.

2) Въ пути изъ Якутска, гдѣ случится, хотя и трудными мѣстами, и на то осматривая мѣсто, весть тѣхъ колодниковъ порознь, а паче въ квартирахъ не допущать въ одно мѣсто, и чтобъ между ими никакихъ разговоровъ отнюдь не было.

3) А прибывъ въ камчадальскіе остроги, содержать въ тѣхъ острогахъ, въ которыхъ бы такихъ же колодниковъ не было, и во всемъ исполненіе чинить по силѣ перваго пункта.

4) Кормовыя деньги онымъ тремъ человѣкамъ колодникамъ по двадцати копѣекъ на день требовать тебѣ въ якутской канцеляріи у воеводы Жадовскаго, и отдавать имъ, колодникамъ, поденно и записывать въ расходъ глухо, что дача учинена колодникамъ, а именами ихъ не писать.

---

[1]) Изъ дѣла иркутскаго архива: «О винахъ Антона Девіера и Григорія Скорнякова-Писарева». По приказной, указной описи, дѣло № 1, 1727 г.

5) Для караула послано съ тобою капралъ одинъ, солдатъ десять человѣкъ, а кто именно, тѣмъ при сей инструкціи именной реэстръ.

6) Объ отправленіи твоемъ изъ Якутска съ тѣми колодниками и съ солдаты до камчадальскихъ остроговъ, и о дачѣ тѣмъ колодникамъ кормовыхъ денегъ, въ Якутскъ къ воеводѣ Жадовскому указъ посланъ съ тобою-жъ.

7) Тебѣ, Сангу, о дѣлахъ, которыя тайности подлежатъ въ государственныхъ дѣлахъ, онаго отнюдь въ партикулярныхъ письмахъ надписей не писать, ниже и тому, отъ кого отправленъ, кромѣ настоящаго дѣла, а ежели какія препятствія отъ кого тебѣ будутъ, то писать тебѣ куда за благо ты разсудишь, только упоминая о врученномъ тебѣ дѣдѣ генерально, отъ чего оному поврежденіе есть; также, ежели случатся дѣла постороннія, тайнѣ подлежащія; въ дѣлахъ къ тому, отъ кого отправленъ будешь, писать, за какимъ подозрѣніемъ, невозможно тебѣ вольно писать кому въ томъ повѣрить, а о врученномъ своемъ никакъ инакъ, только какъ выше писано, подъ жестокимъ наказаніемъ по винѣ преступленія.

8) А ежели ты по сей инструкціи чего не исполнишь или учинишь противно, и за то тебѣ учинено будетъ по военному артикулу безъ всякой пощады.

А сію инструкцію содержать тебѣ, порутчику Сангу, секретно и никому объ ней не объявлять. Протоколистъ Матвѣй Порезовъ.

Марта 22-го дня 1732 года.

Инструкція эта была выдана поручику Сангу при отправленіи съ нимъ въ Камчатку князей Барятинскаго и Долгорукова, но кто былъ съ ними третій колодникъ—намъ неизвѣстно. Надо думать, что это былъ Колмогоровъ, о которомъ упоминалъ Скорняковъ-Писаревъ въ одномъ изъ своихъ доносовъ на Шпанберга; въ бытность Писарева и Девьера начальниками Охотскаго порта не было высылаемо туда государственныхъ преступниковъ, кромѣ упомянутыхъ трехъ лицъ. Хотя, по смыслу инструкціи, колодниковъ этихъ слѣдовало отправить въ дальніе камчатскіе остроги, но эта часть инструкціи не была выполнена, вѣроятно, потому, что въ 1731 году вспыхнулъ въ Камчаткѣ бунтъ, во время котораго не удобно было отправлять ихъ туда.

Сообщ. **А. С. Сгибневъ.**

А. В. Суворовъ.

Письма къ вице-канцлеру Алексан. Мих. Голицыну о женитьбѣ Суворова [1]).

1.

Князь и княгиня Прозоровскіе — кн. Голицыну.

Государь мой Братецъ, Князь Александръ Михаиловичъ, за долгъ почитаю вамъ донести, по воли Божей, мы вчерашней день помолвили дочь свою (Варвару Ивановну) за Александра Василиевича Суворова

[1]) Письма эти сохранились въ числѣ бумагъ сего вице-канцлера въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, которому принесены были въ даръ княземъ Сергѣемъ Михайловичемъ Голицынымъ. **А. Р.**

и тако при окончаніи сего всегда пребуду, Государь мои братецъ, покорная ваша услужница и сестра К. Марія Прозоровская.

Москва. Декабря 19-го 1773 года.

P. S. Честь имѣю Вашему Сіятельству засвидѣтельствовать особенное мое почтеніе и преданность, а притомъ рекамендую назначеннаго зятя моего: Примите въ свою милость. всепокорнѣйшій слуга князь Іванъ Прозоровскій.

2.

Суворовъ — кн. Голицыну.

Сіятельнѣйшій Князь Милостивый Государь! Пользуясь всегда Милостми вашего Сіятельства, щастьемъ почитаю во оныя себя паче препоручить по благополучномъ совершеніи моего обрученія съ Княжною варварои Ивановною Прозоровской; пребываю съ глубочайшим почитанием, Сіятельнѣйшій Князь, Милостивый Государь, вашего Сіятельства покорнѣйшиій слуга Алеѯандръ Суворовъ.

Ч. 24-го декабря 1773 году. Москва.

3.

Новобрачные Суворовы — кн. Голицыну.

Москва Ч. 30 Генваря 1774 году.

Сіятелнѣйшій Князь, Милостивый Государь! Ізволеніемъ Божіимъ Бракъ мои совершился Благополучно. Імѣю честь присемъ случае паки себя препоручить въ высокую милость вашего Сіятелства.

Остаюсь съ совершеннѣишимъ почитаниемъ, Сіятельнѣйшій Князь Милостивый Государь, вашего Сіятельства покорнѣйшій слуга Алеѯандръ Суворовъ.

и Я, миластиваи Гасударь дядюшка, принашу маие нижаишее патъчтение и притомъ имею честь рекаманъдовать въ вашу миласть алеѯсандра. василиевича и себя такъжа, и такъ астаюсь, миластиваи гасударь дядюшка, пакоръная и веръная куслугамъ племяница

варъвара Суворава.

Сообщ. В. А. Рачинскій.

Плодомъ этого брака, не совсѣмъ впрочемъ, счастливаго, былъ кн. Аркадій Александровичъ Суворовъ, характеристику котораго мы помѣщаемъ вслѣдъ за этими документами. Ред.

Князь Аркадій Суворовъ.

1780—1811.

(Изъ записокъ принца Евгенія Виртембергскаго).

(Переводъ съ нѣмецкаго). Я скажу здѣсь о генералъ-поручикѣ князѣ Суворовѣ, предшественникѣ моемъ въ командованіи 9-й дивизіей. Сынъ великаго человѣка, котораго Россія съ гордостью видитъ признаннымъ однимъ изъ величайшихъ полководцевъ XVIII-го столѣтія, былъ, съ своей стороны, одаренъ благородными и отличными качествами, которыя могли бы послужить къ славѣ его отечества, но не достигли высшаго своего развитія, вѣроятно, только вслѣдствіе его преждевременной кончины. Однако, молодой Суворовъ былъ страненъ не менѣе отца, хотя странность эта проявлялась совершенно противоположнымъ образомъ.

Молодой, стройный и сильный мужчина, во цвѣтѣ лѣтъ, съ геркулесовскимъ сложеніемъ и силой, при этомъ съ самой добродушной наружностью въ мірѣ, словомъ, человѣкъ, въ глазахъ котораго свѣтилась честность и прямодушіе, полный остроумія, смѣтливости и образованія, и однако—можно сказать—съ усвоенными умышленно грубыми манерами, одѣвавшійся просто, съ намѣреніемъ не обращавшій вниманія на свою наружность; солдаты носили его на рукахъ, онъ былъ идоломъ своихъ офицеровъ, слылъ героемъ, котораго ничто не можетъ напугать или заставить сробѣть и, съ другой стороны, его знали за смѣльчака и человѣка горячаго, который уцѣлѣлъ до сихъ поръ только благодаря непонятному счастію!

Таковъ вѣрный портретъ моего товарища по оружію, который съ перваго взгляда почувствовалъ ко мнѣ такую необыкновенную симпатію, что я почти не могъ объяснить себѣ появленія ея безъ особенныхъ побудительныхъ къ тому причинъ. Никогда не зналъ я молодаго человѣка, соединявшаго въ себѣ въ такой высокой степени благородство души съ чувственными пороками. Охарактеризовать его можно было бы названіемъ добродѣтельнаго развратника, однако я никому не посовѣтовалъ бы подражать ему въ этомъ отношеніи. Подобно многимъ лицамъ, копировавшимъ его страннаго, но великаго отца, и тутъ всякое подражаніе далеко отстало бы отъ оригинала, воспроизведя не болѣе какъ отталкивающую картину невыгодныхъ сторонъ его характера. Почти невѣроятно, какое множество сумасбродныхъ проказъ натворилъ молодой Суворовъ (Аркадій Александровичъ) въ теченіе своей кратковременной жизни, но въ каждой изъ нихъ проглядывала въ тоже время черта его добросердечія, являвшагося тутъ главнымъ двигате-

лемъ, заставляя забывать вспышки его страстей, хотя послѣднія и были первой побудительной причиной его дѣйствій.

Какъ въ Бухарестѣ, такъ и въ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ квартировалъ Аркадій Суворовъ, около него всегда было очень шумно и императрица (Марія Ѳеодоровна), моя тетка, справедливѣе могла бы назвать безпутнымъ его хозяйство, а не мое собственное въ Ригѣ [1]).

Однако, когда я посѣщалъ его, я не находилъ слѣдовъ подобнаго образа жизни и не потому, чтобы онъ считалъ нужнымъ притворяться, но благодаря свойственной ему деликатности заставлявшей его избѣгать случая ставить другаго человѣка въ положеніе, которое могло не понравиться ему. Далекій отъ того, чтобы разыгрывать роль человѣка воздержнаго, но пользовавшійся, напротивъ, репутаціей развратника, онъ же не былъ, однако, въ состояніи быть таковымъ на дѣлѣ. Мои же личныя чувства возставали противъ этого болѣе, нежели въ состояніи были бы сдѣлать самыя лучшія мои правила при господствовавшемъ въ то время духѣ въ русскомъ войскѣ; Суворовъ скоро понялъ меня и поэтому мнѣ было нетрудно удаляться отъ его шумныхъ собраній, сравнительно съ которыми пирушки необузданныхъ студентовъ (Renomisten) могли, какъ говорятъ, считаться кружками благочинія — и это не бросалось ему особенно въ глаза и не бывало истолковано имъ въ дурную сторону. Онъ хвалилъ даже подобное поведеніе съ моей стороны, и такъ какъ это касается памяти дорогаго для меня друга, то я могу безъ особенной нескромности, при воспоминаніи лестныхъ для меня выраженій, привести здѣсь его собственныя слова:

— Мы весьма различны по природѣ, любезный принцъ, сказалъ онъ мнѣ, но и разнородныя существа могутъ уживаться, если, сталкиваясь на своихъ обыденныхъ поприщахъ, они не вредятъ другъ другу. Вы кротки и благовоспитанны, какъ молодая дѣвушка, которая, преисполненная мыслію о своемъ возлюбленномъ, видитъ въ цѣломъ мірѣ только предметъ ея немногихъ мечтаній и отказывается отъ веселыхъ развлеченій своихъ подругъ, не порицая ихъ, однако, за это и не мѣшая имъ. Меня же, напротивъ, можно сравнить съ одною изъ тѣхъ женщинъ, которыя стараются извлечь изъ жизни все, что она въ состояніи дать имъ. Я боюсь потерять одно мгновеніе того розоваго времени, которое проходитъ такъ быстро и разцвѣтаетъ въ жизни только однажды, но я не тревожу нѣжной подруги въ избранномъ ею

---

[1]) Въ своихъ печатныхъ Запискахъ герцогъ говоритъ о своемъ плохомъ хозяйствѣ въ Ригѣ, которое императрица Марія Ѳедоровна называла безпутнымъ, liederlig (Томъ I, стр. 220). Z.

уединеніи. Надежда составляетъ ея наслажденія, я же наслаждаюсь, не предаваясь надеждамъ. Герцогъ Евгеній Виртембергскій.

Примѣчаніе. Князь Аркадій Александровичъ, столь яркую характеристику котораго представилъ принцъ Евгеній Виртембергскій, единственный сынъ генералиссимуса Суворова—род. въ 1780 г. и утонулъ 13-го апрѣля 1811 г. въ рѣкѣ Рымникѣ; на 30-мъ году отъ рожденія онъ былъ уже генералъ-лейтенантомъ, генералъ-адъютантомъ и пользовался, по свидѣтельству М. И. Голенищева-Кутузова, общею любовью въ арміи (см. отзывъ Кутузова въ «Русской Старинѣ» 1872 г., т. V, стр. 262).

Князь Аркадій былъ женатъ на Еленѣ Александровнѣ Нарышкиной (род. 1785, † 1855 г.); старшій сынъ ихъ Александръ Аркадьевичъ Суворовъ—генералъ отъ инфантеріи, генералъ-адъютантъ, родной внукъ геніяльнаго полководца, нынѣ старшій представитель этой славной фамиліи.

Сообщ. М. П. Щербининъ.

Кириллъ Флоринскій, епископъ Сѣвскій.

1773 г.

Читателямъ весьма замѣчательныхъ и съ большимъ талантомъ написанныхъ „Записокъ Добрынина", напечатанныхъ въ „Русской Старинѣ", въ изд. 1871 г., томы IV и V, конечно памятна своеобразная личность сѣвскаго владыки Кирилла. Въ спискахъ архіереевъ и архіерейскихъ кафедръ іерархіи всероссійской со времени учрежденія свят. синода (1721—1871), составленныхъ Ю. В. Толстымъ (Спб. въ синод. типогр. 1872), подъ № 120-мъ значится: „Кириллъ Флоринскій. Въ 1737 г. префектъ, съ 1741 г. ректоръ словено-греко-латинской академіи. Съ того же послѣдняго года архимандритъ Новоторжскаго Борисоглѣбскаго монастыря. Въ 1768 г. января 13-го назначенъ викаріемъ сѣвскимъ. Въ 1788 г. апрѣля 26-го уволенъ въ Кіево-Златоверхо-Михайловскій монастырь съ 300 рублями пенсіи. Скончался 1795 г. сентября 24-го".

Къ этому краткому служебному очерку, Добрынинъ прибавляетъ много чертъ, обрисовывающихъ крупную личность епископа Кирилла. Отсылая читателей къ „Истинному повѣствованію или жизни Гавріила Добрынина" [1]), позаимствуемъ изъ него лишь то, что можетъ уяснить приводимое ниже письмо преосвященнаго сѣвскаго къ вицеканцлеру князю Александру Михайловичу Голицыну.

„Кириллъ Флоринскій (по Добрынину Фліоринскій) родился въ мало-

[1]) Кстати отмѣтимъ, что хотя «Русская Старина» 1871 г., въ которой помѣщены эти Записки, давно сполна разошлась, но въ магазинѣ Базунова, въ Петербургѣ, можно еще получить отдѣльные оттиски Записокъ Добрынина, отпечатанныхъ въ 1871 г. въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ. Цѣна книги 2 руб. съ пересылкой. Ред.

россійскомъ мѣстечкѣ Барышовкѣ. Онъ, будучи въ Кіевѣ студентомъ, взятъ былъ съ прочими ко двору пѣвчимъ, но, не пожелавъ продолжать сей должности, ходилъ на лекціи экспериментальной физики къ профессору Морбаху. Отсюда взятъ митрополитомъ новогородскимъ Сѣченовымъ въ учители 4-го класса Новогородской семинаріи, и постриженъ въ монахи. Потомъ посланъ въ Парижъ для отправленія при россійскомъ полномочномъ послѣ священнической должности, откуда, по прошествіи пяти лѣтъ, возвратился въ Россію, сдѣланъ архимандритомъ въ Новоторжскій Борисоглѣбскій монастырь, изъ коего посвященъ въ архіереи, въ сѣвскую епархію. По его словамъ, онъ избранъ въ сіе достоинство самою императрицею Екатериною Второю, по случаю говоренной имъ къ особѣ ея рѣчи, во время путешествія ея величества изъ Петербурга, чрезъ Тверь и Торжокъ, въ Москву" (стр. 140).

„Онъ былъ чрезмѣрно пылокъ, высокомѣрнаго и горячаго свойства, твердаго духа и остраго разума. Даръ слова и присутствіе памяти были его первыми дарованіями; а латинскій и французскій языки, которые онъ хорошо зналъ, придавали ему со стороны хорошее мнѣніе. Но не знаю, къ какому царству природы надлежитъ приписать ту силу, которая сильна была отвлечь его отъ трезвости и скромности въ языкѣ и рукахъ".

Далѣе Добрынинъ говоритъ: „Я долженъ сказать, что когда благотворный духъ на него находитъ, то представляетъ онъ особу, обворожающую каждаго слушателя своимъ основательнымъ, краткимъ, чистосердечнымъ словомъ. Но сіе такъ рѣдко съ нимъ случается, что едва-ли въ цѣлый годъ можно счесть нѣсколькими часами" (стр. 580).

Въ своихъ Запискахъ Добрынинъ объясняетъ ту силу, которая могла отвлечь епископа Кирилла отъ трезвости и скромности въ языкѣ и рукахъ. Преосвященный жилъ въ сѣвской епархіи въ такую переходную пору отъ грубыхъ къ болѣе мягкимъ нравамъ, когда и не ему, недоучившемуся придворному пѣвчему, бѣгающему на уроки физики,— молодому монаху, попавшему въ водоворотъ парижской жизни послѣднихъ годовъ царствованія Людовика XV,—потомъ среди помѣщиковъ (по сказанію Добрынина), повально преданныхъ поклоненію Бахусу и Амуру,—среди настоятелей монастырей въ родѣ бывшаго уніята Вонифатія Ворейко—въ Рыльскомъ и Анатолія Мелеса—въ Глуховскомъ,— личностей въ родѣ отставленнаго сѣвскаго воеводы Пустошкина,— трудно было устоять въ предѣлахъ своего званія. Припомнимъ, что то было время общаго, подъ вліяніемъ проникавшихъ въ образованіе наше французскихъ началъ, возбужденія противу монашества; когда знакомство съ французскимъ языкомъ и его литературою служило паспортомъ для достиженія степеней во всѣхъ отрасляхъ службы, и когда исклю-

чительно свѣтскія достоинства, нерѣдко бывшія для клирика существенными недостатками, служили къ опредѣленію годности кандидата, покровительствуемаго сильными міра. Въ приводимомъ ниже письмѣ преосвященнаго Кирилла, онъ самъ говоритъ, что рекомендаціи князя Д. М. Голицына онъ былъ одолженъ вступленіемъ на степень чести. Къ другому кн. Голицыну и къ И. И. Бецкому онъ прибѣгаетъ за сохраненіемъ оной, когда поведеніе его уже было обнаружено.

Преосвященный своимъ поведеніемъ навлекъ непріязнь многихъ вліятельныхъ личностей. Именно въ 1772 году, къ концу коего относится возбужденное противу него слѣдствіе, онъ, во время объѣзда епархіи, на кладбищѣ села Морачева велѣлъ пѣть „анаѳема“ на могилѣ г. Безобразова, о которомъ шла молва, что онъ убилъ попа „однако-жъ дѣло сіе не дойдено“. Гвардіи капитана Андрея Ивановича Косагова обличалъ онъ въ содержаніи гарема, и въ немъ поповны, отца которой онъ будто бы убилъ. Въ этомъ же году держалъ онъ словесную перепалку съ бывшимъ карачевскимъ воеводою Елисѣемъ Алексѣевичемъ Хитровымъ; сочинилъ ругательный кантъ на бывшаго сѣвскаго воеводу Пустошкина:

Здравствуй, храбрый молодецъ:
Виждь, что чести есть конецъ....

Въ Николаевскомъ Ординскомъ монастырѣ, близь Карачева, Кириллъ ободралъ на рѣзномъ образѣ св. Николая одежды, мастерски осыпанныя жемчугомъ разной величины, и митру, омофоръ, евангеліе, выложенныя брилліантами лучшей воды, и изъ нихъ устроилъ для своей кафедры святительскія одежды.

И всѣ эти дѣйствія сопровождались попойками, съ которыхъ, какъ, напримѣръ, у секундъ-маіора Евт. Ивановича Сафонова, владыка увозилъ, въ видѣ подарка, бочку наливки. Въ Орлѣ, въ 1770 г., знатнѣйшіе старообрядцы упросили архіерея, „убѣдительнѣйшимъ способомъ“ возвысить въ достоинство протопопа богоявленскаго отца Алексѣя, который на нихъ не доносилъ...

3-го января 1773 года прибыла въ Сѣвскъ слѣдственная коммисія, состоявшая, по имянному повелѣнію императрицы на докладѣ синода, изъ черниговскаго епископа Ѳеофана, архимандрита Гамалѣевскаго монастыря Антонія Почеки и двухъ свѣтскихъ: полковника и маіора. Владыка выѣхалъ въ епархію, а потомъ, на приглашеніе коммисіи явиться къ отвѣту, сказался больнымъ.

Наканунѣ прибытія коммисіи, 2-го января 1773 г., писалъ епископъ Кириллъ къ вице-канцлеру кн. А. М. Голицыну слѣдующее письмо, сохранившееся въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ:

„Сіятельнѣйшій князь Милостивый Государь мой. Почтенное вашего сіятельства письмо прошедшаго ноября 29-го я имѣлъ честь получить, въ которомъ изъяснять изволите нѣкоторыя оказанныя отъ меня услуги вотчинѣ братца вашего сіятельства, князя Димитрія Михаиловича, села Гнѣздилова крестьянамъ. Въ семъ больше оказывается природное вашего сіятельства великодушіе, нежели мои услуги такой благодарности стоятъ. Чего для, въ дополненіе съ моей стороны недостающаго, ежели ваше сіятельство къ исполненію повелѣній вашихъ найдете меня способнаго, опитъ докажетъ, что оны и охотно и чистосердечно исполнени будутъ. Теперь въ новой годъ, обновленія здравію и благополучію вашему усерднѣйше желая, съ должнымъ моимъ особы вашей почитаніемъ навсегда пребуду вашего сіятельства всеусердный богомолецъ и слуга покорный Кіріллъ, епископъ Сѣвскій.

1773 года Генваря 2. Сѣвскъ.

„P. S. Лстить мене послѣднее въ письмѣ вашего сіятельства слово, которымъ изволите обѣщать мнѣ свою, въ моихъ надобностяхъ, благосклонность. Думалъ я долго чтобъ мое къ вамъ прошеніе не показалось неучтивствомъ и нахальствомъ, но разсудилъ паки, ежели чему быть, то лучше старымъ и прежнымъ своимъ благодѣтелямъ быть одолжену. Его сіятельство князь Дмитрій Михаиловичъ (Голицынъ) жаловалъ меня въ Парижѣ, вы—въ Россіи заступаете его мѣсто. Его высокопревосходительство Іванъ Ивановичъ Бецкій, и тамъ и здѣсь любовію своею ко мнѣ неотмѣненъ: кому же возвѣщу печаль мою?—вамъ двоимъ, ибо третій далече [1]).

„Пять лѣтъ на епархіи съ мошенниками и ворами мучусь, я зачалъ искоренять воровство, а они на мене взятки склепали, и хотя св. синодъ въ семъ и оправдилъ мене, какъ слышу, предъ государынею, но я всіо гипохондрію наживаю, понеже воры борются со мною, да еще и голосъ имѣютъ. Избавьте меня отъ сихъ хлопотъ каварныхъ переведеніемъ въ другую епархію, вы імѣете на сіе извѣстные и надежные каналы. Былъ я и есмь одолженъ его сіятельству князю Димитрію Михаиловичу къ вступленію по его рекомендаціи на степень чести, пущайже буду вамъ обоимъ обовязанъ сохраненіемъ оной.

„Прошу покорнѣйше никому сего не читать, кромѣ его высокопревосходительства Івана Ивановича (яко дніе, то есть человѣцы лукавы суть, и когда строеніе еще въ основаніи, порываются).

„Не почтите, ваше сіятельство, que je vous fasse la morale, Dieu

---

[1]) Князь Дмитрій Мих. Голицынъ былъ въ это время полномочнымъ министромъ въ Вѣнѣ. А. Р.

m'en garde, mais seulement que c'est mon propre interès. Писано бо есть: да не вѣсть шуйца, что творитъ десница."

Слѣдствіе протянулось до 1776 года. Въ 1776 г. синодальный членъ Самуилъ Мирославскій писалъ къ преосвященному Кириллу, чтобы просился „на обѣщаніе", увѣряя, что ему дадутъ лучшій монастырь. Нельзя сомнѣваться, что Самуилъ, смотря на существо внесеннаго въ синодъ произведеннаго коммисіею слѣдствія, и зная лично Кирилла Флоринскаго, писалъ къ нему съ согласія и довѣренности всего синода, дабы поступить съ подсудимымъ поснисходительнѣе (Добр., стр. 652). Но преосвященный Кириллъ отвѣчалъ ему грубостію.

И дѣйствительно, какъ мы видѣли вначалѣ, только въ 1778 году онъ былъ уволенъ на покой въ Кіево-Михайловскій монастырь, съ 300-ми рублями пенсіи, гдѣ и скончался въ 1795 году.

Сообщ. **А. В. Рачинскій.**

Денисъ Ивановичъ фонъ-Визинъ.

Редакція „Русской Старины", получивъ два подлинныхъ письма Д. И. Фонъ-Визина изъ собранія автографовъ кн. А. Б. Лобанова-Ростовскаго, передала эти письма мнѣ, для разъясненія—къ кому именно они писаны и для поясненія встрѣчающихся въ нихъ указаній на лица, обозначенныя только именемъ и отчествомъ или заглавными буквами. Это дало мнѣ поводъ представить читателямъ „Русской Старины" и еще три письма знаменитаго писателя нашего, полученныя мною уже послѣ изданія сочиненій Фонъ-Визина, сдѣланнаго въ 1866 г.

Оба письма изъ собранія автографовъ кн. Лобанова-Ростовскаго, написанныя въ ноябрѣ 1772 г. и въ февралѣ 1773 г. къ „Степану Степановичу", безъ всякаго сомнѣнія, писаны къ С. С. Зиновьеву, бывшему въ то время нашимъ „полномочнымъ министромъ" въ Испаніи. Упоминаемая въ нихъ жена его, Катерина Александровна, была родной внучкою князя Александра Даниловича Меншикова, по его второму сыну, Александру (родилась 4-го октября 1748 г., ум. 26-го января 1781 г.), а ея сестра, также указываемая Фонъ-Визинымъ, Дарья Александровна, была въ замужствѣ за царевичемъ грузинскимъ Александромъ Бакаровичемъ. Вѣроятно въ ея какое-нибудь дѣло, какъ говорится во 2-мъ письмѣ, „вступился" графъ Н. И., т. е. гр. Никита Ивановичъ Панинъ, управлявшій тогда коллегіею иностранныхъ дѣлъ, гдѣ и самъ авторъ письма служилъ, въ чинѣ надворнаго совѣтника, „при особливой должности". Что же касается до упоминаемаго во второмъ письмѣ князя Г. Г., то, кажется, нельзя сомнѣваться, что это относится къ кн. Григорію Григорьевичу

Орлову. Какъ извѣстно, князь Г. Г. Орловъ, въ августѣ 1772 г., самовольно выѣхалъ изъ Яссъ, куда прибылъ послѣ разстроившагося фокшанскаго конгресса; онъ спѣшилъ въ Петербургъ, но по приказанію императрицы не былъ сюда допущенъ и временно оставленъ на жительствѣ въ Гатчинѣ, откуда разрѣшено было ему пріѣхать въ столицу уже только въ концѣ декабря; затѣмъ, въ первыхъ числахъ января 1773 г., онъ долженъ былъ отправиться въ Ревель, гдѣ ему было разрѣшено помѣститься въ Екатеринтальскомъ дворцѣ.

Вотъ всѣ поясненія, которыя мы сочли необходимымъ предпослать письмамъ къ С. С. Зиновьеву. Добавимъ только, что братья, о которыхъ говоритъ Денисъ Ивановичъ, были Павелъ и Петръ; въ послѣдствіи первый изъ нихъ былъ директоромъ Московскаго университета.

Относительно печатаемыхъ нынѣ трехъ писемъ къ Я. И. Булгакову, товарищу Фонъ-Визина по Московскому университету, замѣтимъ только, что первое изъ нихъ, отъ 31-го декабря 1774 г., относится къ назначенію Я. И. Булгакова изъ Варшавы въ константинопольское посольство и должно бы въ изд. сочиненій Фонъ-Визина 1866 г. слѣдовать непосредственно за VI-мъ печатнымъ письмомъ (стр 271). Два же остальныя письма, писанныя Денисомъ Ивановичемъ во время его первой поѣздки за границу, хотя и были напечатаны въ помянутомъ изданіи (стр. 271—273), но съ нѣкоторыми сокращеніями и измѣненіемъ слога, сдѣланными первымъ ихъ издателемъ Пл. Петр. Бекетовымъ.

П. А. Ефремовъ.

I.

Письма къ С. С. Зиновьеву.

13-го (24-го) ноября 1772 г.

М. г. мой, Степанъ Степановичъ! Къ сердечному моему удовольствію, получилъ я дружеское письмо ваше отъ 19-го (30-го) октября на нарочной стафетѣ и увидѣлъ изъ онаго, что вы довольны тѣми слабыми опытами моей истинной къ вамъ преданности, которые мнѣ случилось показать вамъ при нынѣшнемъ случаѣ. Вѣрьте, милостивый государь мой, что я всегда за сердечный долгъ почитать буду, платить вамъ моимъ усердіемъ за дружеское ваше со мною обращеніе.

У Катерины Александровны я нерѣдко бываю. Она, видя, сколь искренно я къ вамъ привязанъ, открывается мнѣ во всѣхъ вашихъ дѣлахъ съ такимъ чистосердечіемъ, какъ бы своему родному брату. Вы не можете представить, сколь такая довѣренность для меня лестна.

Я за излишно почитаю писать къ вамъ о всѣхъ здѣшнихъ обстоятельствахъ, увѣренъ будучи, что Катерина Александровна обо всемъ обстоятельно къ вамъ напишетъ.

Брата моего рекомендую въ милость вашу. Онъ ребенокъ, и правду сказать, позапущенъ немного. Кромѣ добраго сердца, которое онъ имѣетъ, надобно ему все достальное еще пріобрѣтать. Бога ради, вы не оставьте его за мою къ вамъ преданность, которую во всю жизнь мою, конечно, сохраню.

Возьмите вы его съ собою, буде можно, до Парижа или и до Мадрита. Словомъ, всю его судьбу вамъ препоручаю, а ему далъ я первою заповѣдью то, чтобъ онъ ни на одну черту не выступалъ изъ вашихъ повелѣній. Я, любя всѣхъ моихъ родныхъ какъ самого себя, не нашелъ ничего полезнѣе для брата моего, какъ послать его къ вамъ, считая столько на милость и дружбу вашу ко мнѣ, сколько вы имѣете причинъ не сомнѣваться въ томъ, что я никогда не перестану быть вашимъ, милостивый государь мой, всеусерднѣйшимъ слугою Д. фонъ-Визинъ.

P. S. Упоминаемый въ инструкціи рескриптъ 1769 года я за суетами отыскать не могъ. Пожалуйте, милостивый государь мой, не отзывайтесь объ ономъ, а вы найдете его въ мадритской архивѣ. Брату моему покорнѣйше прошу выдавать по рублю на день, и ставить на счетъ коллегіи, ибо сія дача единожды навсегда заведена, и я для того и не упомянулъ объ ономъ въ письмѣ къ вамъ отъ графа. Еще васъ прошу, за все мое усердіе, не оставьте брата.

II.

Въ С.-Петербургѣ, 22-го февраля 1773 г.

М. г. мой, Степанъ Степановичъ! Отправляя къ вамъ съ новыми цифрами брата моего, препоручаю его въ милостивое неоставленіе ваше. Думаю, что вы одного съ рукъ сжили, и для того навязываю на васъ другаго, будучи совершенно удостовѣренъ, что вы, по испытанной мною вашей дружбѣ, не отречетесь оказывать брату моему всякое вспоможеніе, въ которомъ онъ безъ всякаго сумнѣнія и нужду имѣть будетъ.

Въ коллегіи у насъ такой великой недостатокъ, что ни одинъ министръ за прошлый годъ не получилъ своего жалованья. На силу могъ я сдѣлать, чтобъ переведено къ вамъ было по 1-е января нынѣшняго года; здѣсь прилагаю вексель при канцелярской цидулѣ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и истинною преданностію навсегда пребываю вашъ, милостиваго государя моего, всепокорнѣйшій слуга Д. фонъ-Визинъ.

Позвольте, матушка Катерина Александровна, засвидѣтельствовать вамъ мое истинное почтеніе и благодарить васъ за письмо изъ Риги,

которое получилъ я въ знакъ вашей ко мнѣ милости и дружбы. Не оставьте, матушка, брата моего; вспомните, что о томъ я васъ прошу, я, который вамъ преданъ всею душою. Мы здѣсь изрядно поживаемъ. У двора все точно тоже, какъ вы оставили. Князь Г. Г. живетъ въ Ревелѣ, и его сюда ожидаютъ.

Прилагаю здѣсь письмо отъ сестрицы вашей; я имѣю честь бывать у нея нерѣдко. Графъ Н И. вступился въ ея дѣло, и я надѣюсь, что все пойдетъ къ лучшему. Прости, матушка Катерина Александровна. Дай Богъ, чтобъ ты была столько счастлива, сколько того достойна и сколько я желаю.

Сообщ. кн. **А. В. Лобановъ-Ростовскій.**

Письма къ Я. И. Булгакову.

I.

С.-Петербургъ.—31-го декабря 1774 г.

М. г. мой, Яковъ Ивановичъ. Теперь посылается вамъ отзывъ, слѣдственно остается мнѣ ожидать только вашего приказанія. На подъемъ назначили вамъ 1,500 р., да на содержаніе по 100 руб. въ мѣсяцъ. Если вы будете имѣть нужду въ деньгахъ, то, мнѣ кажется, можете вы адресоваться къ господину министру и отъ него получить нѣчто изъ опредѣленныхъ на подъемъ вашъ; а онъ можетъ только хотя канцелярскою цидулкою о томъ сюда сообщить. Я ожидаю васъ въ Москву, считая, что вы здѣсь насъ застать уже не можете, ибо въ половинѣ января двора здѣсь не будетъ.

Собирайтесь и пріѣзжайте къ намъ. Вы найдете здѣсь людей, искренно васъ любящихъ, въ числѣ коихъ безъ ошибки сочтите и меня, пребывающаго къ вамъ съ сердечнымъ почтеніемъ и преданностію. **Д. Ф.-Визинъ.**

(A M-r M-r de Boulgakoff, conseiller d'ambassade de S. M. J. de toute la Russie à Warsovie).

II.

Варшава.—18-го (29-го) сентября 1777 г.

М. г. мой, Яковъ Ивановичъ. Покорнѣйше благодарю за дружеское письмо ваше отъ 11-го (22-го) прошедшаго мѣсяца, равно какъ и за предвареніе о насъ барона Аша [1]). Короткое время нашего здѣсь пребыванія не позволяетъ намъ пользоваться много сообществомъ сего

[1]) Резидентъ русскаго посольства въ Варшавѣ.

честнаго человѣка; но мы остаемся ему и вамъ навсегда благодарны за всѣ опыты благосклонности и дружбы, которые отъ него имѣемъ.

Варшаву не для чего мнѣ описывать такому человѣку, который ее знаетъ несравненно больше моего. Я скажу только, что мы очень довольны здѣшнимъ пріемомъ. Посолъ нашъ [1]), на другой день нашего пріѣзда, позвалъ насъ обѣдать и мы у него со всею Варшавою познакомились. Домъ гетманши Огинской есть теперь одинъ, въ который вседневно весь городъ сбирается. Многіе изъ деревень своихъ еще не возвратились.

Дамы польскія очень любезны. Все навѣдывались о бывшихъ въ Варшавѣ моихъ согражданахъ съ великимъ интересомъ. Васъ вспоминаютъ, какъ человѣка, котораго онѣ истинно эстимаютъ. Одна изъ нихъ (et nommément Madame Oborska), узнавъ отъ меня, что я съ вами въ перепискѣ, поручила мнѣ написать отъ нея къ вамъ поклонъ.

Въ двѣ недѣли нашего здѣсь пребыванія я столько со всѣми сталъ знакомъ, что могъ бы вамъ отвѣчать на все, о чемъ бы вы меня ни спросили; но, не зная, что̀ для васъ болѣе интересно, покидаю перо, чтобъ многословіемъ моимъ вамъ не наскучить.

Не оставьте Даниловскаго. Прошу Бога, чтобъ сохранилъ въ душѣ его неутомимость въ подвигахъ для блага лексикона, а кластъ его можно на биржѣ въ погреба Ауля и Вацена, кои стоятъ на нашемъ дворѣ. Когда контрактъ о домѣ возобновлять съ ними будетъ надобно, то можно включить въ него условіе, чтобъ лексикону лежать у нихъ на биржѣ, и контрактъ явить въ полиціи для вящаго обезпеченія.

Отсюда мы очень скоро выѣдемъ. Если захотите одолжить меня письмомъ, то пошлите его въ Дрезденъ. Желаю вамъ здоровья и прочихъ благъ; не забудьте человѣка, который васъ любитъ, съ почтеніемъ и преданностію пребывая вашимъ, и проч.

Вѣдая, что Петръ Васильевичъ [2]) обремененъ дѣлами, не смѣю отнимать его времени особливымъ къ нему письмомъ, но прошу васъ покорно засвидѣтельствовать ему отъ насъ наше нижайшее почтеніе, равно какъ и милостивой государынѣ Аннѣ Сергѣевнѣ.

III.

Монпелье.—25-го января (5-го февраля) 1778 г.

Дружеское письмо ваше, м. г. мой, Яковъ Ивановичъ, я получилъ и за увѣдомленіе о разрѣшеніи отъ бремени ея высочества [3]) приношу мою благодарность. Позвольте поздравить и васъ, какъ россіянина, съ симъ

[1]) Баронъ (въ послѣдствіи графъ) Стакельбергъ.

[2]) Бакунинъ, членъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ.

[3]) Маріи Ѳеодоровны. 12-го декабря 1777 г. родился Александръ I.

благополучнымъ происшествіемъ для отечества нашего. Сдѣлайте одолженіе, увѣдомьте меня, какія были по сему случаю торжества и произвожденія.

Радуюсь, что Смоленскъ и Бѣлгородъ имѣютъ толь достойнаго намѣстника [1]), и если бъ сдѣлали васъ въ ту или другую губернію правителемъ намѣстничества, или хотя на первый случай и вице-губернаторомъ, то-бъ совѣтовалъ вамъ ѣхать; а меньше сего было-бъ невыгодно для васъ и для друзей вашихъ, которые, разставшись съ вами, должны, по крайней мѣрѣ, хотя тѣмъ утѣшаться, что вы счастливы.

Вѣдая, какое участіе принимаете вы въ нашемъ состояніи, почитаю за долгъ увѣдомить васъ, что мы здоровы. Жена моя совершенно изцѣлилась отъ ver solitaire, который былъ причиною всей ея болѣзни. Остается только укрѣпить ея силы способомъ водъ, для чего и считаемъ ѣхать въ Спа. Оттуда, думаю, можемъ проѣхать съ Божіею помощію домой, жить да добра наживать.

Не скучаю вамъ описаніемъ нашего вояжа, а скажу только, что онъ доказалъ мнѣ истину пословицы: славны бубны за горами. Право, умные люди вездѣ рѣдки. Если здѣсь прежде насъ жить начали, то, по крайней мѣрѣ, мы, начиная жить, можемъ дать себѣ такую форму, какую хотимъ, и избѣгнуть тѣхъ неудобствъ и золъ, которыя здѣсь вкоренились. Nous commençons et ils finissent. Я думаю, что тотъ, кто родился, посчастливѣе того, кто умираетъ.

A propos! Я вижу, что и лексиконъ нашъ умираетъ при самомъ своемъ рожденіи. Повивальная бабушка, т. е. Даниловскій, плохо его принимаетъ. Я считалъ его за половину, а онъ еще около первыхъ литеръ шатается. Увѣдомьте меня искренно, не спала-ли у него охота. Я купилъ уже и le grand Vocabulaire. Въ маѣ онъ его вѣрно получитъ; но если молодецъ лѣнится, то пожалуйте, по привозѣ le grand Vocabulaire, продайте скорѣе и деньги ко мнѣ переведите; а я за здоровье Даниловскаго роздамъ ихъ нищимъ, между которыми много будетъ за него богомольцевъ и изъ кавалеровъ св. Людовика.

Жена моя благодаритъ васъ за приписаніе и приноситъ вамъ усерднѣйшій поклонъ. Мы на сихъ дняхъ ѣдемъ въ Марсель, а оттуда въ Тулонъ смотрѣть вооруженія.

Прости, м. г. мой, Яковъ Ивановичъ. Люби насъ столько, сколько искренно мы васъ любимъ и почитаемъ [2]).

Сообщ. П. А. Ефремовъ.

---

[1]) Кн. Николай Васильевичъ Репнинъ.

[2]) Подписи подъ этимъ письмомъ нѣтъ никакой. Для будущихъ издателей сочиненій Фонъ-Визина отмѣчу два-три недосмотра изданія 1866 г. Слѣдуетъ

Встрѣча съ А. С. Пушкинымъ въ Могилевѣ

1824 г.

Въ 1824 году, въ губернскомъ городѣ Могилевѣ расположена была главная квартира 1-й арміи. При главной квартирѣ 1-й арміи состояла учебная кавалерійская команда, для усовершенствованія по службѣ молодыхъ офицеровъ, въ числѣ коихъ находился тогда и я, состоя на службѣ въ Лубенскомъ гусарскомъ полку.

6-го августа 1824 года, когда передъ манежемъ полковая музыка играла вечернюю зарю, а публика, пользуясь праздничнымъ днемъ и пріятною погодою, гуляла по Шкловской улицѣ, проѣзжала на почтовыхъ, шагомъ, коляска; впереди шелъ кто-то въ офицерской фуражкѣ, шинель въ накидку, въ красной шелковой, русскаго покроя, рубахѣ, опоясанной агагиникомъ. Коляска поворотила по Вѣтряной улицѣ на почту; я немедленно поспѣшилъ вслѣдъ за нею, желая узнать, кто проѣзжаетъ. Смотритель сказалъ мнѣ, что ѣдетъ изъ Одессы коллежскій ассесоръ Пушкинъ; я тотчасъ бросился въ пассажирскую комнату и взявши Пушкина за руку, спросилъ его:

— Вы, Александръ Сергѣевичъ, вѣрно меня не узнаете? я—племянникъ бывшаго директора лицея — Егора Антоновича Энгельгардта [1]); по праздникамъ меня брали изъ корпуса въ Царское Село, гдѣ вы съ Дельвигомъ заставляли меня декламировать стихи.

Пушкинъ, обнимая меня, сказалъ: „Помню, помню, Саша, ты проворный былъ кадетъ“.

Я, отъ радости такой неожиданной встрѣчи, не зналъ что дѣлать; опрометью побѣжалъ къ гулявшимъ со мною товарищамъ [2]) извѣстить

читать: на стр. 378, стр. 29: «За всю шуточную службу». Стр. 403, стр. 6: «а послѣдняя сцена будетъ». Стр. 403 стр. 26: «какія у нашего двора всеминутно». Замѣтимъ также, что неотыскивавшаяся рукопись перевода Вольтеровой «Альзиры» хранится нынѣ въ бывшей Чертковской библіотекѣ въ Москвѣ (стр. 662 изданія 1866 г.). П. А. Ефремовъ.

[1]) Мать моя, рожденная баронесса фонъ-деръ-Паленъ, сестра жены Егора Антоновича. А. Р.

[2]) Елисаветградскаго гусарскаго полка штабъ-ротмистръ князь Оболенскій, Переяславскаго конно-егерскаго капитанъ Домашневъ, Московскаго драгунскаго поручикъ Пеутлингъ и юнкеръ Рожковъ, Виртембергскаго конно-егерскаго прапорщикъ Ивановъ, Нарвскаго драгунскаго поручикъ Врангель и прапорщикъ Сеножскій, Маріампольскаго гусарскаго поручикъ Юрьевичъ и корнетъ Лубенскаго гусарскаго Куцынскій. А. Р.

ихъ, что проѣзжаетъ нашъ дорогой поэтъ А. С. Пушкинъ (въ то время всѣ заинтересованы были „Евгеніемъ Онѣгинымъ", вышла VI-я глава этого романа о дуэли Евгенія съ Ленскимъ). Всѣ поспѣшили на почту. Восторгъ былъ неописанный. Пушкинъ приказалъ раскупорить нѣсколько бутылокъ шампанскаго. Пили за все, что приходило на мысль: за здоровье няни, Тани и за упокой души Ленскаго. Но это для насъ не было достаточно: въ восторгѣ, что между нами великій поэтъ Пушкинъ, мы взяли его на руки и отнесли, по близости, на мою квартиру. (Я жилъ вмѣстѣ съ корнетомъ Куцынскимъ). Пушкинъ былъ восхищенъ нашимъ энтузіазмомъ; мы поднимали на руки дорогаго гостя, пили за его здоровье, въ честь и славу всего имъ созданнаго. Пушкинъ былъ въ самомъ веселомъ и пріятномъ расположеніи духа, онъ вскочилъ на столъ и продекламировалъ:

Я люблю вечерній пиръ,
Гдѣ веселье предсѣдатель,
А свобода, мой кумиръ,
За столомъ законодатель.
Гдѣ до утра слово «пей»
Заглушаетъ крики пѣсенъ,
Гдѣ просторенъ кругъ гостей,
А кружокъ бутылокъ тѣсенъ.

Снявши Александра Сергѣевича со стола, мы начали его на рукахъ качать, а князь Оболенскій закричалъ:

— Господа, это торжество выходитъ изъ предѣловъ общей радости, оно должно быть ознаменовано чѣмъ-нибудь особеннымъ. Господа! Сдѣлаемъ нашему кумиру ванну изъ шампанскаго!

Всѣ согласились, но Пушкинъ, улыбнувшись, сказалъ:

— Друзья мои, душевно благодарю; дѣйствительно, было бы отлично, я не прочь пополоскаться въ шампанскомъ, но спѣшу: ѣхать надо.

Это было въ 4 часа утра. Мы всей гурьбой проводили его на почту, гдѣ опять вспрыснули шампанскимъ и, простившись, пожелали ему счастливаго пути.

Въ 1825 году нѣкоторыхъ изъ насъ отправили въ полки, въ томъ числѣ меня и Юрьевича [1]). Мы вмѣстѣ выѣхали изъ Могилева, заѣхали къ дядѣ его, Деспоту-Зеновичу, въ село Колпино, который и разсказалъ намъ, что въ прошломъ 1824 году А. С. Пушкинъ, про-

[1]) Юрьевичъ въ послѣдствіи былъ губернскимъ предводителемъ дворянства Витебской губерніи. А. Р.

ѣзжая изъ Могилева въ свое имѣніе Михайловское, проѣздомъ заѣхалъ къ нему въ село Колпино, но не засталъ его дома; ключница угостила Пушкина обѣдомъ, которымъ онъ остался вполнѣ доволенъ, и на ломберномъ столѣ мѣломъ написалъ четырехстишіе, но, къ сожалѣнію, прислуга стерла это. Деспотъ-Зеновичъ, восторженный посѣщеніемъ его уголка Пушкинымъ, предложилъ намъ вмѣстѣ съ нимъ навѣстить Александра Сергѣевича.

Мы съ удовольствіемъ въ тотъ же день отправились, переночевали въ гор. Опочкѣ, а на другой день, не доѣзжая села Михайловскаго, встрѣтили въ лѣсу Пушкина: онъ былъ въ красной рубахѣ, безъ фуражки, съ тяжелой желѣзной палкой въ рукѣ. Онъ насъ сейчасъ узналъ, а Зеновичъ, неповоротливая и неловкая фигура, отъ радости сталъ бросать свою шапку вверхъ, крича: „виватъ, Пушкинъ!“, но никакъ не могъ на лету схватить ее. Пушкинъ отъ души хохоталъ, потомъ обнялъ его, благодаря за хорошій пріемъ въ его домѣ.

Когда подходили мы къ дому, на крыльцѣ стояла пожилая женщина, вязавшая чулокъ; она, приглашая насъ войти въ комнату, спросила:

— Откудова къ намъ пожаловали?

Александръ Сергѣевичъ отвѣтилъ:

— Это тѣ гусары, которые хотѣли выкупать меня въ шампанскомъ.

— Ахъ ты, Боже мой! Какъ же это было? сказала няня Александра Сергѣевича, Арина Родіоновна.

Въ селѣ Михайловскомъ мы провели четыре дня. Няня около насъ хлопотала, сама приготовляла кофе, поднося приговаривала:

— Не прогнѣвайтесь, родные, чѣмъ Богъ послалъ: крендели вчерашніе, ничего, кушайте на доброе здоровье, а вотъ мой Александръ Сергѣевичъ изволитъ съ масломъ кушать ржаной....

Александръ Сергѣевичъ выходилъ къ намъ около 12-ти часовъ; на немъ видѣнъ былъ отпечатокъ грусти; обѣдали мы въ часъ, а иногда и позднѣе.

Я зналъ всѣ почти стихотворенія его наизусть, въ числѣ прочихъ декламировалъ VI-ю главу о дуэли Евгенія съ Ленскимъ; онъ слушалъ съ удовольствіемъ; эта глава была послѣдняя, написанная имъ въ Одессѣ.

На другой день нашего пріѣзда, Александръ Сергѣевичъ пригласилъ насъ прогуляться къ сосѣдкѣ его, П. А. Осиповой (которой посвятилъ подражаніе Корану), въ Тригорское, гдѣ до поздняго вечера мы провели очень пріятно время, а въ день нашего отъѣзда были на раннемъ обѣдѣ; милая хозяйка насъ обворожила привѣтливымъ пріе-

момъ, а прекрасный букетъ дамъ и дѣвицъ [1]) одушевлялъ общество. Александръ Сергѣевичъ особенно былъ внимателенъ къ племянницѣ Осиповой, А. П. Кернъ, которой посвятилъ „Я помню чудное мгновенье".

Няня, Арина Родіоновна, на дорогу одарила насъ своей работы пастилой и напутствовала добрымъ пожеланіемъ.

Въ тридцатыхъ годахъ я служилъ въ гвардіи, бывалъ у Александра Сергѣевича и встрѣчался съ нимъ въ нѣсколькихъ домахъ, а также и у дяди, Егора Антоновича Энгельгардта. Одинъ разъ я засталъ у него Пушкина, графа Сперанскаго и министра финансовъ графа Канкрина. Александръ Сергѣевичъ, здороваясь со мною, разсказалъ имъ, какъ онъ въ проѣздъ его, въ 1824 году, черезъ гор. Могилевъ чуть-чуть не выполоскался въ шампанскомъ. Сперанскій, взявши меня за руку, сказалъ:

— Такъ вы такой были гусаръ?

А Канкринъ спросилъ: „Въ которомъ вы, батушка мой, служили полку?"

Я отвѣтилъ, что въ Лубенскомъ гусарскомъ.

Графъ, какъ будто что-то припоминая, сказалъ:—„Это вербованный былъ Мелиссинской полкъ [2]), храбрый, лихой, но бѣдовый".

Послѣ роковой дуэли, когда Александръ Сергѣевичъ былъ на смертномъ одрѣ, и я вошелъ къ нему, поэтъ, увидя меня, улыбнулся, кивнулъ головой, но сейчасъ же закрылъ глаза и тихимъ протяжнымъ голосомъ сказалъ: „прощайте". **А. Россиповъ.**

---

[1]) Изъ нихъ теперь въ живыхъ одна только баронесса Евпраксія Николаевна Вревская, рожденная Вульфъ, дочь П. А. Осиповой, всѣми уважаемая владѣтельница С. Голубова, близь воспѣтаго Пушкинымъ и Языковымъ села Тригорскаго. **Ред.**

[2]) 14-го августа 1807 года императоръ Александръ I повелѣлъ генералу Мелиссино сформировать новый гусарскій полкъ, названный Лубенскимъ; полкъ былъ сформированъ въ самое короткое время, изъ людей свободнаго состоянія, большею частію изъ малороссіянъ и жителей Новороссійскаго края, въ двухъ-баталіонномъ, или десяти-эскадронномъ составѣ, и вскорѣ сталъ на ряду съ отличнѣйшими гусарскими полками русской арміи.

Послѣ сраженія 14-го августа 1813 года подъ Дрезденомъ, въ слѣдующій день, генералъ Мелиссино снялъ фасъ непріятельскаго каре и изъ первыхъ ворвался въ середину, но за смѣлый и славный подвигъ заплатилъ геройскою смертью. Онъ палъ пораженный тремя пулями и вскорѣ испустилъ духъ. **А. Р.**

Способъ воспроизведенія на металлѣ гравюръ и рисунковъ,

Геліографія.

Приложивъ при настоящей книгѣ „Русской Старины“ портретъ императрицы Екатерины II—точный снимокъ съ гравюры Е. Чемезова, талантливѣйшаго русскаго гравера XVIII-го вѣка, снимокъ, геліографически исполненный въ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ—г. Скамони—мы считаемъ не безполезнымъ напомнить читателямъ уже бывшія въ печати свѣдѣнія о геліографіи и ея примѣненіи у насъ въ Россіи.

Послѣ открытія дагерротипіи были производимы опыты приложить ее къ прессовому печатанію. Вѣроятность удачныхъ результатовъ въ этомъ направленіи казалась тѣмъ ближе, что уже въ 1824 г. Ніепсу, въ Шалонѣ, удалось фиксировать на серебряную пластинку легкій рисунокъ, образуемый свѣтомъ въ фокусѣ камеры-обскуры.

Хотя этотъ первый результатъ десяти-лѣтняго неустаннаго труда былъ еще далекъ отъ совершенства, тѣмъ не менѣе онъ возбудилъ большой интересъ и воодушевилъ многихъ другихъ изслѣдователей. Самъ Ніепсъ назвалъ свой пріемъ геліографіей. Въ послѣдствіи онъ исправилъ его значительно и пользовался имъ до вступленія въ компанію съ Дагерромъ въ 1829 г. Пріемъ этотъ заключался въ слѣдующемъ: на металлическую пластинку наводился свѣточувствительный слой, который состоялъ изъ чернаго асфальта, растворенаго въ лавендуловомъ маслѣ; послѣ выставленія на свѣтъ, длившагося нѣсколько часовъ, свѣточувствительный слой воспринималъ рисунокъ, который вызывался затѣмъ въ эфирныхъ жидкостяхъ и, наконецъ, травился кислотою, при чемъ окисленный дѣйствіемъ свѣта и затвердѣвшій асфальтъ служилъ резервомъ.

Послѣ смерти этого изслѣдователя (5-го іюля 1833 г.), подъ конецъ жизни совершенно отчаявшагося въ успѣхѣ своихъ начинаній, нѣкоторыя изъ его произведеній, первыя въ этомъ родѣ, были собраны и тщательно сохранены его племянникомъ Ніепсъ де-Ст.-Викторъ, также успѣвшимъ въ послѣдствіи пріобрѣсти извѣстность. Несмотря на многочисленныя старанія химиковъ и художниковъ относительно травленія необыкновенно нѣжныхъ дагерротипій, практическіе результаты все-таки оказывались довольно незначительными, такъ какъ всѣ гравюры, приготовленныя по ихъ методу, допускали возможность снять лишь немного и то неясныхъ оттисковъ. Такъ, Берресъ, въ Вѣнѣ, получилъ

Прхрода въ свѣтъ Тебя стараясь прохзвесть,
Дары свох на Тя одну всѣ хстощхла,
Что бы на вѣрхъ Тебя велхчества возвесть;
И наградая всѣмъ, она насъ наградхла.

ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА II.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ», Т. XV, ИЗД. 1876 Г.

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 5 АПРѢЛЯ 1875 Г.

ВОСПРОИЗВ. ХЕЛІОГР. СПОС. Г. СКАМОНИ И ПЕЧАТАНО ВЪ ЭКСПЕДИЦІИ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.

съ величайшею осторожностью 310 оттисковъ съ изображенія колокольни церкви св. Стефана; рисунокъ онъ травилъ самъ. Донне, при одинаковомъ трудѣ, получилъ лишь 40 оттисковъ. Вслѣдствіе этого, первоначальныя блестящія надежды на практическое приложеніе этого искусства въ скоромъ времени рушились.

Значительный переворотъ всѣхъ предшествовавшихъ геліографическихъ процессовъ начался съ опубликованія, въ 1844 г., открытія Мунго Понтонъ и Робертомъ Хунтъ свѣточувствительности двухромовокислаго кали въ соединеніи съ органическими веществами. За этимъ открытіемъ послѣдовало введеніе въ практику, въ 1851 г., коллодійнаго метода Скотта Арчеръ. Лучшими гравюрами, приготовленными въ теченіе послѣдующихъ лѣтъ по двухромовому и асфальтовому пріемамъ, были признаны работы Тальбо, Претчъ и Ніепсъ де-Ст.-Викторъ; работы эти были выставлены на лондонской всемірной выставкѣ 1862 г. и описаны во многихъ сочиненіяхъ по фотографіи. Нѣкоторые изъ этихъ рисунковъ были выполнены съ замѣчательнымъ изяществомъ, но, къ сожалѣнію, слабая и неровная гравировка не допускала печатаніе бо́льшаго числа оттисковъ, такъ что въ художественную продажу поступило лишь немного экземпляровъ.

Это обстоятельство, уже въ то время требовавшее значительной ретушировки граштихелемъ, до настоящаго времени составляло непреодолимое препятствіе во всѣхъ процессахъ, имѣвшихъ цѣлью углубленіе свѣтовыхъ рисунковъ на стальныхъ, мѣдныхъ, цинковыхъ и латунныхъ пластинкахъ. Тѣмъ не менѣе, упорному труду нѣсколькихъ спеціалистовъ удалось съ бо́льшимъ или мѣньшимъ искусствомъ побѣдить и это неудобство. Такимъ образомъ въ числѣ геліографическихъ пластинокъ и оттисковъ, представленныхъ на нѣсколькихъ новѣйшихъ выставкахъ, работы гг. Негръ, Плассе, Аманъ-Дюранда, Конта, Балдуса и Дюжардена въ Парижѣ; Эммануила Маріоттъ въ картографическомъ военномъ институтѣ въ Вѣнѣ, государственной типографіи, и фотографа Фалька въ Берлинѣ, было нѣсколько такихъ, графическая красота которыхъ была вполнѣ оцѣнена любителями этого искусства.

Экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ въ Петербургѣ, подъ просвѣщеннымъ руководствомъ ея непосредственнаго начальника Ѳ. Ѳ. Винберга и при покровительствѣ г. министра финансовъ, не жалѣетъ ни труда, ни издержекъ для усовершенствованія геліографическихъ системъ и примѣненія ихъ къ достиженію высшихъ художественныхъ цѣлей. Г-ну художнику Скамони, служащему въ экспедиціи, удалось, при содѣйствіи академика П. Константинова, весьма удовлетворительно возпроизвести геліографически снимки съ нѣсколькихъ старыхъ гравюръ, принадлежащихъ знаменитому собранію Д. А. Ро-

винскаго и изъ друг. собраній а также съ новѣйшихъ рисунковъ, акварелей и гравюръ русскихъ и иностранныхъ художниковъ. Эти репродукціи встрѣчены похвалами со стороны многихъ компетентныхъ лицъ въ Россіи и заграницей. Императорская академія наукъ, по обсужденіи, въ 1872 г., въ особой коммисіи, открытія г. Скамони, удостоила его Ломоносовской преміи.

Желающихъ ознакомиться ближе съ методою г. Скамони, мы отсылаемъ къ вышедшей на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ книгѣ: „Руководство для геліографіи", составленное г. Скамони (изд. въ Спб., 1872 г.. въ 8 д.). Ред.

Народные разсказы про старину.

Иванъ IV Грозный.

(Почему царь Иванъ IV прозванъ Грознымъ.)

«Прежде какъ на Руси царей выбирали: умретъ царь—сейчасъ весь народъ на рѣку идетъ и свѣчи въ рукахъ держитъ. Опустятъ эти свѣчи въ воду, потомъ вынутъ, у кого загорится тотъ и царь. У одного барина былъ крѣпостной человѣкъ — Иванъ. Подходитъ время царя выбирать, баринъ и говоритъ ему:

— Иванъ! пойдемъ на рѣку; когда я царемъ стану такъ тебѣ вольную дамъ, куда хочешь туда и иди!

А Иванъ ему на это: «Коли я, баринъ, въ цари угожу, такъ тебѣ безпремѣнно голову срублю!» Пошли черезъ рѣку, опустили свѣчи, у Ивана свѣча и загорись. Сталъ Иванъ царемъ, вспомнилъ свое обѣщанье: барину голову срубилъ. Вотъ съ той поры за это его Грознымъ и прозвали».

Примѣчаніе. Разсказъ этотъ записанъ мною въ Симбирскѣ со словъ П. С. Полуэктова. Въ немъ народъ какъ бы оправдываетъ жестокое обращеніе Ивана IV съ боярами и даетъ оригинальное объясненіе, почему московскій царь былъ именно такого, а не инаго характера, кто и за что прозвалъ его Грознымъ. Можетъ быть въ этомъ преданіи народъ разумѣетъ и себя, въ годины своихъ грозныхъ движеній, когда онъ мѣнялъ роль сказаннаго Ивана-дурака на роль Ивана Грознаго, также какъ французскіе Жаки и нѣмецкіе Михели.

Сообщ. Д. Садовниковъ.

Напечатанъ и продается у всѣхъ извѣстныхъ петербургскихъ книгопродавцевъ:

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ

„БРАТСКАЯ ПОМОЧЬ“

ПОСТРАДАВШИМЪ СЕМЕЙСТВАМЪ

БОСНІИ И ГЕРЦЕГОВИНЫ,

составленный изъ трудовъ русскихъ ученыхъ и литераторовъ и изданный петербургскимъ отдѣломъ славянскаго благотворительнаго комитета.

Содержаніе: *Опять горитъ Востокъ!* Стих. **А. Н. Майкова.**— Россія уже тѣмъ полезна славянамъ, что она существуетъ. Статья **В. И. Ламанскаго.**—Послѣднее стихотвореніе графа **А. К. Толстаго.**—Нѣсколько словъ о графѣ А. К. Толстомъ. **Князя Д. Н. Цертелева.**—Изъ Байрона. **Н. В. Гербеля.**—Изъ трагедіи лорда Байрона «Двое Фоскари». **А. Л. Соколовскаго.** — Богатыя невѣсты. Первое дѣйствіе комедіи **А. Н. Островскаго.**—Страшный годъ. Стих. **Н. А. Некрасова.**—Изъ поѣздки въ Италію. Очеркъ **Н. Н. Страхова.** — Княжескій склепъ. *Изъ Шубарта.* Стихотв. **В. А. Крылова.** — Пять главъ изъ поэмы «Собаки». **Я. П. Полонскаго.**—Панна Зося, разсказъ барона **Ѳ. Ѳ. Торнова.**—Разбитый кумиръ. Стих. **В. Г. Бенедиктова.** — Болгарская пѣсня. *Изъ Морица Гартмана.* Стих. **Д. Л. Михаловскаго.**—Въ сороковыхъ годахъ, три главы изъ повѣсти **М. В. Авдѣева.**— Легенда о тяжкой ночи, поэма **А. В. Дружинина.**— У страха глаза велики, статья **С. М. Соловьева.**— Туманный день въ Англіи. *Изъ Россети.* Стих. **П. М. Ковалевскаго.**—Три сотни. *Изъ Меркан-*

тини. Стих. его же. — «Горе богатырь» Екатерины II. Статья **Я. К. Грота.**—Черное море. Стих. **М. П. Розенгейма.**—Изъ поэмы Т. Г. Шевченко «Гайдамаки». **Н. В. Гербеля.**—Отъ Чиназа до Джюзака, разсказъ **Н. Н. Каразина.** — Мать и дочь. *Изъ Гейбеля.* Стих. **Ѳ. Б. Миллера.**—О современномъ человѣкѣ. Статья **К. С. Аксакова.** — Кровная месть въ Старой Сербіи. Разсказъ **Н. А. Попова.**—Пять стихотвореній **К. К. Случевскаго:** I. Можетъ быть. II. На горномъ ледникѣ. III. Про старые годы. IV. Миѳъ. V. Ребенку.—О сношеніяхъ В. В. Ганки съ россійскою академіею и о вызовѣ его въ Россію, статья **М. И. Сухомлинова.**—Махмуду Третьему. *Изъ Фирдуси.* Стих. **А. Н. Струговщикова.**—Воспоминанія объ осадѣ Севастополя. Разсказъ **К. Л. Игнатьева.** — Изъ Драпмора. Стих. **П. И. Вейнберга.** — Вукъ Стефановичъ Караджичъ, біографическій очеркъ **И. И. Срезневскаго.**—Нравственное и матеріальное состояніе общества западнорусскаго до Сигизмунда-Августа. Статья **К. Н. Бестужева-Рюмина.**—Памяти Ѳ. И. Тютчева. Стих. **А. Н. Апухтина.**—О настоящемъ положеніи землевладѣнія въ Россіи. Статья **князя А. И. Васильчикова.**—Художнику, стих. **Н. Ѳ. Щербины.**—Севастополь. Стих. **В.**—Дѣло о Верещагинѣ. Статья **А. Н. Попова.**—Хомяковъ въ своихъ лирическихъ стихотвореніяхъ. Статья **О. Ѳ. Миллера.** — Русское общество передъ лицомъ бѣдствій въ Герцеговинѣ и Босніи. Статья **Г. К. Градовскаго.**

Цѣна — **ТРИ РУБЛЯ.**

Лица, подписавшіяся на «Братскую помочь», благоволятъ обращаться за полученіемъ своихъ экземпляровъ въ главную контору газеты «Голосъ» (Литейная, 38) или къ гг. книгопродавцамъ: Исакову, Глазунову, Базунову, Надѣину и Лисенкову.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Въ Московскомъ Главномъ Архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ **въ Москвѣ** (на углу Воздвиженки и Моховой) и у книгопродавца *А. Л. Васильева*, на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ графа Мусина-Пушкина, а **въ С.-Петербургѣ**, у книгопродавца *И. Г. Мартынова*, 15, Вознесенскій проспектъ, продаются изданія существующей при Архивѣ Коммисіи печатанія государственныхъ граматъ и договоровъ, по слѣдующимъ, значительно сбавленнымъ противъ прежнихъ, цѣнамъ:

1) **Собраніе государственныхъ граматъ и договоровъ.** 4 тома, изд. 1813—1828 г., съ гравированными изображеніями многихъ печатей, палеографическими снимками нѣсколькихъ граматъ XIII—XVIII вѣка, и fac-simile обоихъ Лже-Дмитріевъ, Марины Мнишекъ, Богдана Хмельницкаго, и т. п.; каждый томъ по **3** руб.

2) **Законы великаго князя Іоанна III Васильевича и Судебникъ царя Іоанна IV Васильевича**, съ дополнительными указами, съ предисловіемъ Калайдовича и Строева, и со снимкомъ двухъ заглавныхъ листовъ; въ концѣ напечатана выпись о наблюденіи за благопристойнымъ поведеніемъ духовенства, изд. 1819 г. Ц. 1 руб.

3) **Изслѣдованія**, служащія къ объясненію древней русской исторіи, *А. Х. Лерберга*, съ приложеніемъ карты Югорской земли. Изд. на нѣмецкомъ языкѣ, по опредѣленію императорской с.-петербургской академіи наукъ, Ф. Кругомъ, перев. Д. Языкова, 1819 г. Ц. 1 руб. **50** коп.

4) **Рустрингія**, первоначальное отечество великаго князя Рюрика и братьевъ его. Историческій опытъ Г. Ф. Галлмана. Перев. И. Снегирева, 1819 г. Ц. **30** коп.

5) **Исторія Льва Діакона Калойскаго**, и другія сочиненія византійскихъ писателей, изд. въ первый разъ съ рукописей королевской парижской библіотеки К. Б. Гаазе. Перев. Д. Попова, 1820 г. Ц. 1 руб.

6) **Софійскій временникъ**, или русская лѣтопись съ 862 по 1534 г. 2 части. Изд. въ 1820—1821 г. П. Строевымъ съ приложеніемъ трехъ снимковъ со списковъ Софійскаго временника; каждая часть по **2** руб.

7) **Записки о нѣкоторыхъ народахъ и земляхъ *Средней Азіи***, Ф. Назарова, Отдѣльнаго сибирскаго корпуса переводчика, посыланнаго въ Коканъ въ 1813—1814 г. Изд. въ 1821 г. Ц. **40** коп.

8) **Памятники россійской словесности XII вѣка**, изд. съ объясненіями, варіантами и образцами почерковъ К. Калайдовичемъ въ 1821 г. Ц. **2** руб.

9) Историческій и хронологическій опытъ **о посадникахъ новгородскихъ**. изъ древнихъ русскихъ лѣтописей, изд. 1821 г. Ц. 1 руб. **50** коп.

10) **Бѣлорусскій архивъ** древнихъ граматъ съ 1463—1768 г.; при многихъ приложены снимки съ разныхъ собственноручныхъ подписей, изд. 1824 г.

11) **Іоаннъ Экзархъ Болгарскій.** Изслѣдованіе, объясняющее исторію словенскаго языка и литературы IX и X столѣтій, К. Калайдовича, изд. въ 1824 г. Ц. **3** руб.

12) **Кириллъ и Меѳодій**, словенскіе первоучители. Историко-критическое изслѣдованіе І. Добровскаго. Пер. съ нѣмецкаго М. Погодина, изд. 1825 г. Ц. 1 руб.

13) **Письма русскихъ государей** и другихъ особъ царскаго семейства, 4 выпуска, изд. 1861—1862 г., каждый выпускъ по **65** коп.

Высылку сихъ изданій по почтѣ Архивъ на себя не беретъ, а потому гг. иногородные благоволятъ съ подобными требованіями обращаться **исключительно** къ гг. книгопродавцамъ: Васильеву (въ Москвѣ) и Мартынову (въ С.-Петербургѣ).

Кромѣ поименованныхъ выше изданій, **въ Архивѣ** продаются:

1) **Документы для исторіи дипломатическихъ сношеній Россіи** съ западными державами европейскими, отъ заключенія всеобщаго мира въ 1814 г. до конгресса въ Веронѣ въ 1822 г., изд. министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. С.-Петербургъ, 1823—1825 г. 2 тома Ц. **10** руб. **50** коп.

2) **О вооруженномъ морскомъ нейтралитетѣ**; составлено по документамъ московскаго главнаго архива министер. иностр. дѣлъ, изд. 1859 г. Ц. **75** коп.

3) **Описаніе Знаменскаго монастыря и палатъ бояръ Романовыхъ** соч. архимандрита Сергія, изд. 1866 г. Ц. **3** руб.

4) **Закладка и освященіе** тѣхъ же палатъ. Ц. **10** коп.

ИЗДАНІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

I. Записки Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества: т. III цѣна 3 р.; т. IV—3 р.; т. V—2 р.; т. VI—2 р.; т. VII—5 р.; т. VIII—2 р.; т. IX—3 р.; т. X—3 р.; т. XI—3 р.; т. XII—3 р.; т. XIII—2 р.; т. XIV—2 р. *(Томовъ I и II нѣтъ въ продажѣ).*

II. Извѣстія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества: т. I, II, III, IV, V, VI и VII, каждый по 3 р.

III. Записки Отдѣленія Русской и Славянской Археологіи: т. I—2 р.; т. II со сборникомъ чертежей Москвы, ея окрестностей и гор. Пскова XVII стол.—4 р;

IV. Труды Восточнаго Отдѣленія: т. I—1 р. 50 к.; т. II—2 р.; т. III—3 р.; т. IV—4 р.; т. V—1 р. 50 к.; т. VI—1 р. 50 к.; т. VII—2 р.; т. VIII—3 р.; т. IX—3 р.; т. X—2 р. 50 к.; т. XI—2 р. 50 к.; т. XIII—2 р. 50 к.; т. XIV—2 р. 50 к.; т. XVI—2 р. 50 к.; т. XVII—3 р.

V. Древности Россійскаго государства. Кіевскій Софійскій Соборъ. Вып I—6 р.

VI. Сказаніе о святыхъ Борисѣ и Глѣбѣ. Сильвестровскій списокъ XIV вѣка (fac-simile). Съ предисловіемъ и чтеніемъ И. И. Срезневскаго—6 р.

VII. Керчь и Воспоръ. Замѣчанія о керченскихъ древностяхъ и опытъ хронологіи царства Воспорскаго. Сочиненіе П. П. Сабатье. Съ 8-ю хромолитографическими рисунками—5 р.; безъ рисунковъ—1 р. 50 к.

VIII. Памятники церковныхъ древностей въ Нижегородской губерніи. Сочиненіе архимандрита (нынѣ епископа орловскаго) **Макарія**. (Составл. X т. Записокъ Общества)—3 р.

IX. Описаніе Новгородскаго Софійскаго Собора, составл. протоіереемъ П. И. Соловьевымъ. Съ лѣтописнымъ указателемъ П. И. Саввантова. (Изъ XI т. Записокъ Общества) — 1 р. 50 к.

X. Описаніе старинныхъ царскихъ утварей, одеждъ, оружія, ратныхъ доспѣховъ и конскаго прибора; съ объяснительнымъ указателемъ П. И. Саввантова, съ 12-ю листами рисунковъ. (Изъ XI т. Записокъ Общества) — 2 р.

XI. Изслѣдованіе о касимовскихъ царяхъ и царевичахъ. В. В. Вельяминова-Зернова. Три части; изъ нихъ I—3 р.; II—2 р. 50 к.; III—2 р. 50 к. (Составляютъ IX, X и XI т. Трудовъ Восточнаго Отдѣленія).

XII. Монета и вѣсъ въ Россіи до конца XVIII столѣтія. Д. И. Прозоровскаго. (Изъ XII т. Записокъ Общества) — 2 р.

XIII. Описаніе европейскихъ монетъ X, XI и XII вѣка, найденныхъ въ Россіи. Б. Кене. (Изъ IV т. Записокъ Общества) — 1 р.

XIV. Жизнь и труды П. С. Савельева. Соч. В. В. Григорьева — 2 р.

XV. Каталогъ русскимъ медалямъ и монетамъ, хранящимся въ Музеѣ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. Д. И. Прозоровскаго. Изд. 2-е — 1 р.

XVI. Опись предметовъ, хранящихся въ Музеѣ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. Д. И. Прозоровскаго. Съ 4-мя листами рисунковъ Смоленскаго клада. (Изъ VII т. Извѣстій Общества) — 1 р. 50 к.

XVII. Собраніе древнихъ памятниковъ искусства въ Павловскѣ, описанныхъ академикомъ Л. Стефани. Съ 2-мя рисунками — 1 р.

XVIII. Словарь Джагатайско-Турецкій. Издалъ В. В. Вельяминовъ-Зерновъ — 4 р.

XIX. Записка для обозрѣнія русскихъ древностей — 20 к. (Приложена къ I т. Записокъ Отдѣленія Русской и Славянской Археологіи).

XX. Mémoires de la Société Impériale d'Archéologie. Vol. II, III, IV, V и VI—по 3 р. за каждый томъ.

(Тома I нѣтъ въ продажѣ).

Всѣ означенныя изданія можно получать въ Императорскомъ Русскомъ Археологическомъ Обществѣ (на Литейной, въ д. II-го Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи, № 46) и у коммисіонеровъ Общества Я. А. Исакова и Д. Е. Кожанчикова.

ОБЪ ИЗДАНІИ „СБОРНИКА ХЕРСОНСКАГО ЗЕМСТВА" ВЪ 1876 ГОДУ.

«Сборникъ Херсонскаго Земства», издаваемый при губернской земской управѣ, по особо утвержденной министерствомъ внутреннихъ дѣлъ программѣ, въ будущемъ 1876 — девятомъ году своего существованія — будетъ выходить ежемѣсячно книжками не менѣе десяти печатныхъ листовъ большаго формата.

Цѣна годовому изданію четыре рубля съ пересылкою.

Гг. частные подписчики на «Сборникъ» адресуютъ свои требованія въ Херсонъ, въ губернскую земскую управу, а также въ книжный магазинъ Шаха, въ Херсонѣ же.

Вышла и продается въ книжномъ складѣ типографіи М. Стасюлевича, С.-Петербургъ, Васильевскій Островъ, 2-я линія, 7,

ШЕСТАЯ КНИГА „РУССКОЙ БИБЛІОТЕКИ“:

ИВАНЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ.

Портретъ.—Біографія.—Десять цѣльныхъ разсказовъ изъ «Записокъ охотника».—Изъ первыхъ главъ «Рудина» и «Аси».—Лаврецкій и Лиза изъ «Дворянскаго гнѣзда».—Пріѣздъ Базарова къ Кирсановымъ изъ «Отцовъ и дѣтей».—Первая встрѣча Литвинова съ Потугинымъ изъ «Дыма».

Спб. 1876. Стр. 16 и 434. Цѣна: 75 к. въ бум., 1 р. въ пер., вѣс. 2 ф.

Всѣ шесть томовъ „Русской Библіотеки“:

Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Жуковскій, Грибоѣдовъ и Тургеневъ.

4 р. 50 к. въ бум., 6 р. въ пер.; съ перес.: 6 р. въ бум., 7 р. 50 к. въ пер.

Поступила въ продажу во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Петербурга

НОВАЯ КНИГА:

„ОЗИМИ“

НОВЫЙ СБОРНИКЪ СТИХОТВОРЕНІЙ

Я. П. ПОЛОНСКАГО.

Цѣна 1 р. 50 к.

Главный складъ въ типографіи В. С. Балашева Б. Садовая № 49—2.

Книгопродавцамъ обычная уступка.

личающійся неправильностію рѣчи. Его картины русской жизни вѣрны, неподкрашены и неидеализированы. Но въ историческихъ повѣстяхъ его, хотя и основанныхъ на преданіяхъ, авторъ, къ сожалѣнію, даетъ слишкомъ много простора элементу романтическому, въ ущербъ исторической вѣрности. Въ 12-ти написанныхъ имъ разсказахъ, обнимающихъ собою первый періодъ нашей исторіи отъ 860 до 1185 года много такихъ подробностей, которыя не соотвѣтствуютъ духу той эпохи. Мы не говоримъ о такихъ разсказахъ, какъ, напримѣръ, месть Ольги, сохраненныхъ преданіемъ, хотя и невѣрныхъ дѣйствительности, что ясно доказалъ Н. И. Костомаровъ въ своемъ послѣднемъ трудѣ по русской исторіи, но описаніе романической любви Мстислава Удалаго къ женѣ Ярослава врядъ-ли дастъ народу ясное понятіе о нравахъ нашихъ предковъ въ началѣ XI вѣка.

Россія и Азія, сборникъ изслѣдованій и статей по исторіи, этнографіи и географіи, В. В. Григорьева. Спб., 1876 г., 575 стр.

Имя В. В. Григорьева, какъ оріенталиста и ученаго, давно пользуется заслуженною извѣстностью. Заслуги его по части изслѣдованія многихъ спорныхъ вопросовъ русской исторіи, въ особенности по отношенію ихъ къ востоку, давно оцѣнены и признаны. Но мы не имѣли до сихъ поръ сборника, по крайней мѣрѣ, главнѣйшихъ его статей и сочиненій, разсѣянныхъ по разнымъ періодическимъ изданіямъ. Поэтому, ученый міръ долженъ быть благодаренъ г. Лерху за изданіе, въ одномъ томѣ, десяти монографій В. В. Григорьева, написанныхъ въ разное время, съ 1834 по 1852 годъ. Статьи перепечатаны безъ всякихъ измѣненій и выпусковъ (кромѣ двухъ, незначительныхъ) и даже безъ дополненій, такъ какъ, по словамъ издателя, бо́льшая часть предметовъ, о которыхъ писалъ авторъ, мало или и совсѣмъ не обогатилась съ тѣхъ поръ новою разработкою. Дѣйствительно, изъ изслѣдованій, помѣщенныхъ въ сборникѣ, только одно «О древнихъ походахъ руссовъ на востокъ», написанное еще въ 1835 году, только черезъ сорокъ лѣтъ пополнилось замѣчательнымъ трудомъ академика Дорна: «Каспій» (о походахъ древнихъ русскихъ въ Табористанъ), о которомъ мы уже отдали краткій отчетъ въ XIV-мъ томѣ «Русской Старины». Въ остальныхъ же статьяхъ у г. Григорьева можно найти самое полное изслѣдованіе, со всѣми окончательными выводами, того предмета, о которомъ пишетъ авторъ. Таковы его изслѣдованія о хазарахъ, волжскихъ булгарахъ, о царяхъ киммерійскаго Воспора, о еврейскихъ религіозныхъ сектахъ въ Россіи, о куфическихъ монетахъ, о мѣстоположеніи Сарая, столицы Золотой орды, о ярлыкахъ, которые даваемы были ханами русскому духовенству. Послѣднія, помѣщенная въ сборникѣ статья, о чукчахъ и землѣ ихъ, этнографическаго содержанія. Изъ одного перечня этихъ статей видно, какіе вопросы, по отношенію къ исторіи древней Россіи, въ нихъ разработаны.

Русская библіотека, томъ VI. Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ, 434 стр.

Превосходное изданіе М. М. Стасюлевича продолжаетъ выходить съ тою же точностью, въ томъ же безукоризненномъ видѣ въ типографскомъ отношеніи, съ тою же добросовѣстностью при выборѣ и оцѣнкѣ произведеній писателей, вошедшихъ въ составъ «Русской библіотеки». За пятью умершими представителями нашей литературы послѣдуетъ, по плану издателя, серія изъ живыхъ лучшихъ дѣятелей ея, и первымъ въ ряду ихъ является, безъ сомнѣнія, Тургеневъ, вслѣдъ за которымъ будетъ изданъ Некрасовъ. Изъ произведеній Тургенева выбраны десять полныхъ разсказовъ изъ «Записокъ охотника», отрывки изъ «Рудина», «Аси», два отрывка изъ «Дворянскаго гнѣзда» и по одному изъ «Отцовъ и дѣтей» и «Дыма»; но и отрывки эти представляютъ или цѣльную характеристику, какъ въ изображеніи Лизы и Лаврецкаго, или отдѣльную самостоятельную картину, какъ пріѣздъ Базарова къ Кирсановымъ («Отцы и дѣти»), или встрѣча Литвинова съ Потугинымъ («Дымъ»). Біографическій очеркъ, приложенный къ книгѣ, просмотрѣнъ авторомъ, но, къ сожалѣнію, при немъ нѣтъ критической оцѣнки произведеній автора. Если о живомъ, еще продолжающемъ писать, человѣкѣ нельзя сдѣлать окончательнаго сужденія, то, во всякомъ случаѣ, значеніе такого писателя, какъ И. С. Тургеневъ въ нашей литературѣ, давно уже сложилось, и о главныхъ произведеніяхъ его, составляющихъ богатый вкладъ въ исторіи словесности, критика наша давно уже произнесла окончательный приговоръ и поставила ихъ на опредѣленное, почетное мѣсто въ ряду другихъ именъ, которыми мы вправѣ гордиться. Жаль также, что въ книгѣ не приведено ни одного изъ стихотвореній И. С. Тургенева, которыя, хотя и не такъ цѣнны, какъ его прозаическіе труды, но все-таки имѣютъ значеніе въ литературѣ. Къ книгѣ приложенъ хорошо исполненный портретъ автора, работы Л. А. Сѣрякова. Кромѣ того, этому тому предпосланъ отчетъ по изданію первыхъ пяти томовъ «Русской библіотеки», изъ котораго видно, что она еще далеко не окупилась, и изъ 35-ти тысячъ экземпляровъ этихъ томовъ продано только немного болѣе половины. Это, по словамъ отчета, объясняется тѣмъ, что изданіе расходится безъ всякаго патроната и остается почти неизвѣстнымъ для школъ; между тѣмъ, намъ кажется, именно учебныя заведенія, въ особенности гимназіи, прогимназіи, военныя и уѣздныя училища и должны бы пріобрѣтать «Русскую библіотеку».

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА
„РУССКУЮ СТАРИНУ“
1876 г.
СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна годовому изданію,—**двѣнадцать книгъ, три большіе тома**, изъ которыхъ каждый не менѣе 44-хъ печатныхъ листовъ, съ портретами, снимками и рисунками,— съ пересылкой гг. иногороднымъ и съ доставкой на домъ въ Санктпетербургѣ и въ Москвѣ—**восемь рублей.**

Подписка принимается **для городскихъ подписчиковъ**: въ С.-Петербургѣ — въ книжномъ магазинѣ **Александра Ѳедоровича Базунова (Невскій Проспектъ, домъ № 30)**; въ Москвѣ — въ книжномъ магазинѣ **Ивана Григорьевича Соловьева**, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева.

Иногородные подписчики обращаются: 1) по почтѣ **исключительно** въ Редакцію и при этомъ сообщаютъ подробный адресъ съ обозначеніемъ: имени, отчества, фамиліи и того почтоваго мѣста, съ указаніемъ его губерніи и уѣзда (если то не въ губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ), куда можно прямо адресовать журналъ и куда полагаютъ обращаться сами за полученіемъ книгъ;— 2) лично, или чрезъ своихъ коммисіонеровъ, въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ, открытую для городскихъ подписчиковъ.

За перемѣну адреса должно уплачивать: городскаго на иногородный—64 коп., а иногороднаго на городской—50 коп.

Редакція журнала **«РУССКАЯ СТАРИНА»** помѣщается въ **С.-Петербургѣ, Надеждинская, д. № 42, кв. № 12.**

Статьи, которыя помѣщаются въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“, относятся къ слѣдующимъ отдѣламъ:

I. Записки (мемуары) и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія (монографіи), обзоры, очерки и разсказы объ отдѣльныхъ эпохахъ и событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII и XIX-го вѣковъ.—III. Историческіе матеріалы изъ архивовъ и частныхъ собраній.—IV. Жизнеописанія и новые матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, духовныхъ и свѣтскихъ писателей, артистовъ и пр.—V. Очерки изъ исторіи русской литературы и искусствъ и матеріалы къ нимъ: неизданныя почему-либо въ свое время произведенія извѣстныхъ отечественныхъ писателей и артистовъ, ихъ переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники, статьи полемическія и проч.—VI. Историческіе разсказы, преданія и анекдоты; эпиграммы, пародіи, шутки изъ рукописной литературы XVIII и XIX-го вв.—Характерныя челобитныя, домашніе дневники, черты нравовъ русскаго общества прошлаго времени и проч. листки изъ записной книжки „Русской Старины“.—VII. Народная русская словесность: историческія, бытовыя и сатирическія пѣсни XVII и XVIII-го вв.—Стихи и пѣсни духовные и раскольничьи.—Замѣтки и выписки изъ подлинныхъ дѣлъ о суевѣріяхъ русскаго народа.—VIII. Библіографическій листокъ новыхъ, преимущественно историческихъ книгъ.—IX. Родословія русскихъ достопамятныхъ людей.

Можно получить третье изданіе „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ 1870 года.
Цѣна **ВОСЕМЬ** рублей съ пересылкой.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ седьмой. МАРТЪ. 1876 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Записки **Михаила Гарновскаго**: дворъ императрицы Екатерины II въ 1787 г. Сообщ. **А. И. Левшинъ** 471
II. Павелъ Полуботокъ. Историческій очеркъ **Н. И. Костомарова**. 500
III. Бунтъ Бенёвскаго въ Камчаткѣ въ 1771 г. Очеркъ по документамъ сибирскихъ архивовъ. Состав. **А. С. Сгибневъ** . . 526
IV. Высылка изъ Россіи братьевъ Массоновъ въ 1796 г. Сообщ. **Д. Д. Рябининъ** 548
V. М. М. Сперанскій въ 1828 г. Сообщ. Акад. **А. Ѳ. Бычковъ**. 586
VI. Илья Васильевичъ **Буяльскій**, 1789—1866 гг. Біографическій очеркъ. (Окончаніе). Составилъ Профес. **Я. А. Чистовичъ** . 599
VII. Моя жизнь и художественно-археологическіе труды. Разсказъ Акад. **Ѳ. Г. Солнцева**. Главы III и IV-я: 1828—1836 гг. . 617
VIII. Очеркъ событій на Кавказѣ въ 1837—1838 гг. 645
IX. Восточная война, 1854—1855 гг. **Кн. Паскевичъ и кн. Горчаковъ**. 659
X. Листки изъ записной книжки «Русской Старины»: 1) Къ біографіи Кирилла Флоринскаго, епископа Сѣвскаго. Сообщ. Проф. **С. М. Соловьевъ**. (675). 2) Княгиня Салтыкова и ея парикмахеръ. (675). 3) Увольненіе Бѣлинскаго изъ университета. 1831—1832 гг. Сообщ. **С. П. Щепкинъ**. (677).
XI. Двадцатипятилѣтіе «Исторіи Россіи» С. М. Соловьева, 1851—1876 гг. Статья Профес. **К. Н. Бестужева-Рюмина**. . . 679
XII. Библіографическій листокъ новыхъ русск. книгъ (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЯ: I. Портретъ Ф. К. Клюки-фонъ-Клугенау, гравиров. Академикъ **Л. А. Серяковъ**. — II. Крестьянинъ **Телушкинъ** на шпицѣ Петропавловскаго собора въ Петербургѣ въ 1830 г. Чертежи Академика **Ѳ. Г. Солнцева**.

Отпечатано и продается **третье изданіе** „Русской Старины“ **1870** г. Цѣна **8** руб. безъ переплета и **11** руб. въ хорошихъ переплетахъ, съ пересылкой.

Продолжается подписка на «Русскую Старину» 1876 г. Цѣна 8 руб. съ пересылкой.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева (Больш. Садовая, д. № 49—2).
1876.

III-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го марта.

Библіографическій листокъ новыхъ русскихъ книгъ.

Исторія дворянскаго сословія въ Россіи, соч. кандидата правъ Михаила Яблочкова. Спб. 1876, XL и 680 стр.

Эта книга представляетъ не только подробную исторію русскаго дворянства, но и настоящее положеніе его вмѣстѣ со всѣми учрежденіями, къ нему относящимися: училищами, банками, гербами, титулами, орденами и т. п. Начинается исторія дворянства, конечно, еще до прибытія варяговъ—первый періодъ,—второй идетъ отъ варяговъ до монголовъ, третій—до Василія Темнаго, четвертый—до Петра Великаго, пятый—до Петра III и шестой періодъ до Александра II. Авторъ говоритъ весьма подробно обо всемъ, что относится къ избранному имъ предмету, также объ образованіи и нравахъ дворянъ, но, надо сказать, что эта внутренняя исторія обработана у него слабѣе, чѣмъ внѣшняя, относящаяся до правъ и привиллегій дворянства. Краткія замѣтки о нравахъ прекращаются съ царствованія Елисаветы. Отношенія дворянства къ правительству опредѣлены также полнѣе и отчетливѣе, нежели отношенія къ земщинѣ. Хотя авторъ говоритъ во введеніи, что въ книгѣ его «нѣтъ никакихъ тенденцій, а только одни факты, которые нельзя ни измѣнить, ни передѣлать», но и не передѣлывая фактовъ, нельзя безусловно согласиться со многими положеніями автора. Такъ, онъ говоритъ, что «дворянское сословіе остается главнымъ памятникомъ старины; съ именемъ его воскресаютъ всѣ событія русской исторіи; вездѣ и во всемъ оно было главнымъ дѣятелемъ». Достаточно указать хоть на 1612-й годъ, въ которомъ дворянство было вовсе не главнымъ и—за исключеніемъ немногихъ истинныхъ сыновъ отечества—далеко не славнымъ дѣятелемъ, чтобы убѣдиться, какъ увлекается авторъ облюбленнымъ ихъ сословіемъ. Странно также, что для опредѣленія значенія дворянства онъ взялъ эпиграфомъ слова изъ граматы 1785 г., да изъ манифеста о медали 1812 года. Неужели съ тѣхъ поръ, болѣе чѣмъ въ полстолѣтія, значеніе это не измѣнилось? Любопытны приведенныя въ концѣ книги статистическія цифры о дворянахъ въ настоящее время. На 61 милліона жителей въ Россіи авторъ считаетъ 533,691 дворянина, слѣдовательно, менѣе одного процента. Болѣе всего дворянъ въ Ковенской губерніи (62,230), тогда какъ во всемъ Царствѣ Польскомъ 57,575, а въ Петербургской губерніи 49,842. Меньше всего въ Архангельской (всего 709). Неизвѣстно однако, къ какому году относятся цифры, приводимыя авторомъ. Въ «Русскомъ Энциклопедическомъ Словарѣ» И. Н. Березина число дворянъ въ Россіи показано, въ 1866 году, въ 677,417 и, стало быть, составляетъ около $1^1/_2\,\%$ всего населенія; въ 1867 году «Словарь» показываетъ число, приведенное г. Яблочковымъ, но очевидно, что уменьшеніе въ одинъ годъ на 143 тысячи слишкомъ—невозможно, и эти цифры, приводимыя нашею офиціальною статистикою, весьма сомнительны, какъ и во многихъ подобныхъ случаяхъ.

Полное собраніе постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго вѣроисповѣданія Россійской имперіи. Томъ III. 1723 годъ. Спб. 1876, 260 стр. въ четвертую долю.

Третій томъ постановленій, относящихся до духовныхъ дѣлъ, заключаетъ въ себѣ 194 постановленія; всѣ они относятся только къ одному 1723 году. Многія изъ нихъ дѣйствительно любопытны и могутъ служить къ объясненію нѣкоторыхъ сторонъ нашей общественной жизни, но мы въ недоумѣніи, для чего въ это изданіе вносятся и тѣ изъ постановленій, которыя помѣщены въ «Полномъ собраніи законовъ», и когда-же, при такомъ планѣ изданія, будетъ исчерпана дѣятельность синода, хотя бы за время до Екатерины II, если одинъ только 1723 г. занимаетъ одинъ объемистый томъ.

Москва, подробное историческое и археологическое описаніе города, изданіе А. Мартынова. Томъ I, изданіе второе, исправленное и дополненное, 1875 г., LXXXVIII стр. 216 и 20 указателя.

Второй томъ этого весьма полезнаго изданія заключаетъ въ себѣ описаніе Кремля съ его соборами и церквями и вышелъ въ 1873 г. (Москва, 221 стр., съ 20-ю рисунками въ текстѣ), а недавно появился первый томъ того же сочиненія, содержащій исторію Москвы и ея урочищъ, описанныхъ въ хронологическомъ порядкѣ и по отношенію ихъ къ топографіи, этнографіи, исторіи и юридическому быту. Здѣсь полнота и подробности изложенія не только не вредятъ интересу содержанія, но еще увеличиваютъ его. Прошедшее такого города, какъ Москва, всегда будетъ дорого каждому русскому. Текстъ этого сочиненія, посвященнаго Государю Императору, составленъ покойнымъ Снегиревымъ, рисунки составлены съ возможною тщательностью.

Къ первому тому приложенъ отдѣльно альбомъ изъ плана Москвы 1739 г.,—плана настоящаго времени, пяти таблицъ панорамы Москвы XVIII вѣка и восьми таблицъ панорамы этого города въ 1865 году. Несмотря на нѣкоторые существенные недостатки изслѣдованія покойнаго Снегирева, указанные ученою критикою, нельзя не поблагодарить г. Мартынова за его изданіе, которое займетъ подобающее ему мѣсто въ библіотекѣ каждаго интересующагося исторіей древней столицы всея Руси.

ЗАПИСКИ МИХАИЛА ГАРНОВСКАГО

1786 — 1790 [1])

1787 г.

Октябрь. Графъ Александръ Андреевичъ (Безбородко), бывъ въ то время боленъ, когда здѣсь получены были непріятныя о черноморскомъ флотѣ извѣстія, поручилъ мнѣ тогда реляцію о семъ и письмо ваше представить, для поднесенія государынѣ, Александру Матвѣевичу (Мамонову). Съ тѣхъ поръ всѣ полученныя отъ его св-сти (кн. Потемкина) реляціи приказывалъ уже графъ (Безбородко) отдавать Александру Матвѣевичу, что́ случилось и съ депешами, г. Бауеромъ 15-го сего мѣсяца сюда привезенными.

Я и г. Бауеръ ужинали того числа у Александра Матвѣевича, который предъ ужиномъ объявилъ въ шутку намъ и прочимъ къ ужину приглашеннымъ, о коихъ подноситель сего донести вамъ не преминетъ:

— Кажется, собрались мы здѣсь всѣ такіе люди, которые не желаютъ добра шефу екатеринославской арміи.

За ужиною только и разговаривали о славной побѣдѣ подъ Синбурномъ, надъ турками пріобрѣтенной. Послѣ ужины же сказалъ Александръ Матвѣевичъ:

— Я вамъ покажу планъ, изъ котораго вы усмотрите, что въ томъ году бы было и покойному королю Фридриху сдѣлать такое рас-

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1876 г., томъ XV, стр. 9—38; 237—265.

поряженіе, каковое турками сдѣлано было при десантѣ и атакѣ Кинбурна. Нѣкто изъ генераловъ, разсуждая о семъ вверху, началъ было кое-какія примѣчанія дѣлать, однако же я оному напрямикъ сказалъ: иное судить о дѣлахъ, сидя въ горницѣ, а иное производить оныя на полѣ.

— Какъ государыня, довольна?

— Чрезвычайно. Да, полно, и есть чему порадоваться; по крайней мѣрѣ, люди, любящіе отечество свое и князя Григорія Александровича (Потемкина) должны радоваться сему.

16-го числа (октября) государыня изволила разсказывать всѣмъ, кто только ни былъ у Ея И. В-ва, исторію сраженія, подъ Кинбурномъ случившагося.

17-го числа велѣно было собраться поутру во дворецъ всѣмъ обоего пола знатнымъ особамъ и чужестраннымъ министрамъ. Обѣдню слушали государыня, великій князь, великіе князья, молодые принцы, знатныя особы, чужестранные министры и множество прочихъ чиновниковъ, въ церкви и въ комнатѣ предъ оною тѣснившихся. Послѣ обѣдни читалъ гр. Александръ Андреевичъ (Безбородко) реляцію, по окончаніи которой всѣ бывшіе въ церкви поклонились Ея И. В-ву, ознаменовавъ такимъ образомъ принесенное ими съ побѣдою поздравленіе. За симъ слѣдовалъ непосредственно благодарственный Богу молебенъ, отправленный знатнѣйшимъ духовенствомъ, при концѣ коего произвели съ обѣихъ здѣшнихъ крѣпостей пушечную пальбу. Колѣнопреклоненіе соблюдено было всѣми въ церквѣ бывшими, не исключая и чужестранныхъ министровъ. Между тѣмъ производилось молебствіе и въ Казанской церкви, гдѣ читалъ реляцію г. губернаторъ, который, по требованію народа, въ церкви и на мѣстѣ оградою оную окружающемъ—тѣснившагося, принужденъ былъ повторить оную четырекратно. Народъ изъявлялъ радость свою льющимися слезами, произнесеніемъ похвальныхъ словъ воинамъ нашимъ и вопросами о числѣ преданныхъ смерти турковъ. Какъ въ реляціи написано, что изъ 5,000 турковъ едва до 500 человѣкъ спаслося, то для нѣкоторыхъ.... непонятно было, сколько турковъ убито.

Александру Васильевичу (Суворову), кромѣ отправленнаго теперь собственноручнаго Ея И. В-ва письма, которое имѣлъ я честь читать въ оригиналѣ и запечатать подъ открытою печатью,

другаго награжденія, безъ совѣта его св-сти, государыня не восхотѣла сдѣлать.

— Если послать ему Адреевскую ленту, то считать себѣ будутъ за обиду старшіе предъ нимъ.

Дадутъ однако же знакъ сего ордена, если это его св-сти угодно будетъ. Нельзя, кажется, уважать старшинства тамъ, гдѣ требуютъ возмездія заслуги.

Г-ну Реху пожалованъ крестъ третьяго класса, и еще отправлено къ вамъ 6 крестиковъ, которыхъ роздачу Ея И. В-во предоставить соизволила его св-сти; о прочихъ награжденіяхъ донесетъ вамъ податель сего, которому также пожалована брилліантами осыпанная табакерка и 500 червонцевъ [1]).

Октябрь. Государыня не престаетъ провозносить хвалами славныя побѣды, мужествомъ войскъ нашихъ при Кинбурнѣ надъ турками пріобрѣтенныя. Въ знакъ всевысочайшаго благоволенія ея къ отличившимся въ ономъ сраженіи препровождается при семъ коробочка съ собственноручною, на имя его св-сти, Ея И. В-ва надписью, въ коей находятся ленты для чиновъ, которымъ пожалованы отправленные предъ симъ съ г. Бауеромъ знаки. Сіи съ великимъ трудомъ пріисканныя въ городѣ попеченіемъ Ея И. В-ва ленты уложены въ коробочку собственными же ея руками. Вотъ какъ награждаются воины, подъ предводительствомъ его св-сти находящіеся. Нельзя при семъ случаѣ не сказать спасибо и Александру Матвѣевичу (Мамонову).

На сихъ дняхъ пошлется къ императору (римскому) вѣдомость о числѣ войскъ нашихъ, противъ агарянъ ополчившихся. Императоръ скучаетъ, не получая отъ его св-сти будто бы никакихъ извѣстій о движеніи войскъ нашихъ, а притомъ же хотѣлось бы ему, чтобъ мы, соскучивъ турецкими нападеніями, обратили таковыя на ихъ владѣнія.

Начальство надъ почтами, способствуясь подчиненными своими и другими случаями, получаетъ иногда вѣдомости о теченіи дѣлъ въ вашихъ краяхъ прежде нежели пріѣзжаютъ съ извѣстіемъ объ оныхъ курьеры наши. Вчерась пріѣхалъ сюда изъ Тавриды почталіонъ, который привезъ извѣстіе о пораженіи закубанскихъ

[1]) Вверху этого письма помѣчено время полученія: «23-го октября 1787 г.»

татаръ. Рейсъ-ефенди (Безбородко) тотчасъ возвѣстилъ вѣсть сію Ея И. В-ву.

Таковыми побочными предварительными донесеніями уменьшаютъ при дворѣ ту радость, которую бы дворъ, при нечаянномъ полученіи обстоятельнаго отъ его св-сти о побѣдѣ извѣстія, неминуемо почувствовалъ. Александръ Матвѣевичъ (Мамоновъ) запримѣтилъ мнѣ сію статью.

Г-нъ Драшковскій не успѣлъ сюда пріѣхать, какъ весь городъ о пріѣздѣ его узналъ. Г. Завадовскій, услыша о семъ, проговорилъ: «Конечно, привезъ извѣстіе о взятіи Очакова».

Во всю прошедшую войну (не Миниховскую) мы Очаковымъ завладѣть или не умѣли, или не хотѣли; и я не понимаю, почему г. Завадовскій взятіе Очакова почитаетъ не затруднительнымъ дѣломъ? отъ излишняго-ли къ его св-сти усердія, или.... предаю сіе на разсмотрѣніе ваше.

Вышедшая недавно изъ Цареграда на Черное море эскадра турецкая имѣла подобное нашему флоту несчастіе: Извѣстія сіи получены изъ Вѣны.

Увѣдомляютъ рейсъ-ефендія (гр. Безбородко), что число потерянныхъ нами при Кинбурнѣ людей несравненно превосходнѣе того, которое въ реляціи показано. Не разсудите-ли за благо употребить способъ къ прекращенію таковыхъ переписокъ.

На прошедшей недѣлѣ Александръ Матвѣевичъ (Мамоновъ) говорилъ весьма много о его св-сти за обѣдомъ у Ея И. В-ва, и утверждалъ, что никто въ свѣтѣ не можетъ быть преданнѣе Ея В-ву, какъ его свѣтлость (кн. Потемкинъ); потомъ предложилъ пить за здоровье его св-сти. Государыня, принявъ оное съ отличнымъ благоволеніемъ и взявъ съ виномъ рюмку въ руки, соизволила проговорить:

— Да здравствуютъ предводители обѣихъ армій!

Сему примѣру послѣдовали всѣ бывшіе за столомъ господа. Но какъ дошло дѣло до Александра Матвѣевича, то сей проговорилъ: «да здравствуетъ предводитель екатеринославской арміи!»

Третьяго дня отправлено къ графу Петру Александровичу (Румянцову) серебреною монетою двѣсти тысячъ рублей.

Ихъ и. высочества изволятъ имѣть пребываніе въ Гатчинѣ до 20-го числа будущаго ноября.

Октября 23. Для курьеровъ, отъ его св-сти сюда присылаемыхъ, равномѣрно и отсель къ его св-сти отправляемыхъ, поставлены лошади по московскому тракту. Объясняясь о семъ, сказали мнѣ:

— Вѣдь нельзя, по случаю большихъ разгоновъ изъ обѣихъ армій, ѣздить по одному тракту, а мы привыкли уже посылать къ гр. Петру Александровичу (Румянцову) по бѣлорусскому тракту.

Я, противу сего, къ его св-сти холоднаго, а къ графу (Румянцову) излишнимъ мнѣ показавшагося усердія, ничего болѣе не возразилъ, какъ только сказалъ:

— Да и его св-сть (кн. Потемкинъ), желая скорѣе доставлять ко двору извѣстія, оному нужныя, изволитъ присылать сюда курьеровъ своихъ ближайшимъ трактомъ, т. е. чрезъ Бѣлоруссію.

Рекрутскій наборъ увеличится сколь скоро угодно будетъ его св-сти. Между тѣмъ велѣно укомплектовать войски его св-сти и рекрутами и старыми солдатами, какъ вы изъ подносимаго при семъ сообщенія коллежскаго и прописаннаго въ оном имяннаго указа усмотрѣть изволите.

Дворъ (Екатерина) ожидаетъ извѣстій объ успѣхахъ нашего флота. Повелѣніе, данное оному отъ его св-сти сразиться съ непріятельскимъ во что бы то ни стало, рождаетъ нѣкоторую, въ ожиданіи извѣстій, нетерпѣливость. Уповаютъ, что таковыя будутъ громки и подоспѣютъ сюда къ торжеству 22-го сентября (т. е. ко дню коронаціи).

Министръ французскій, при здѣшнемъ дворѣ пребывающій, старается, какъ слышно, внушить здѣшнему министерству, чтобъ, не начиная войны, вступить съ турками въ новые переговоры. Нѣкоторые думаютъ, что французы миролюбивыя статьи для того только предлагаютъ, чтобъ дать время туркамъ поисправиться. Многіе твердятъ, что мы, взявъ Очаковъ, войны продолжать не будемъ.

Его и. высочество, великій князь, хотя и предполагалъ, въ сходствіе даннаго ему позволенія, отправиться въ армію весною, но теперь, въ угодность ея высочеству, сдѣлалъ представленіе государынѣ, что онъ съ великою княгинею разстаться не можетъ;

думаютъ, что государыня позволитъ и ея высочеству ѣхать въ Кіевъ [1]).

Отпуски суммъ, производившіеся на разныя строенія, въ томъ числѣ и на дороги, велѣно впредь до указа остановить.

Третьяго дня отправленъ къ гр. Алексѣю Григорьевичу (Орлову-Чесменскому), съ письмомъ отъ графа Александра Андреевича (Безбородко), нарочный курьеръ. Сіе подало поводъ публикѣ думать, что гр. Чесменскаго приглашаютъ и паки къ командованію флотомъ; освѣдомясь ближе о семъ, не могъ я узнать, съ чѣмъ курьеръ отправленъ, однако же знаю, что не съ инвитомъ.

Князю Александру Алексѣевичу (Вяземскому) велѣно быть сюда. Манифестъ объявленъ народу обыкновеннымъ образомъ, то есть на улицахъ, при барабанномъ боѣ, вчерашняго числа, а сегодня было молебствіе, при которомъ случаѣ государыня изволила въ церкви прослезиться.

Нѣтъ удобнѣе времени къ набору рекрутъ, какъ теперешнее: духи расположены теперь къ сему. Читая манифестъ, говорятъ: «видно и еще не миновать рекрутскаго набора».

На сихъ дняхъ спорилъ я съ извѣстнымъ вамъ человѣкомъ (Безбородко?) о манифестѣ.

«Манифестъ написанъ чрезвычайно и безподобно хорошо», сказалъ онъ. А я доказывалъ, что въ немъ есть ошибки даже въ словахъ, напримѣръ, въ рѣчи: «увѣнчать коварство наглостію» — слово увѣнчать употреблено некстати; 2-е: «затѣи не суть дѣла, а дѣла не затѣи». Сіе ему крайне не полюбилося. «Можно-ли, да знаете-ли вы, что это Петръ Васильевичъ (Завадовскій) писалъ?» сказалъ онъ. Онъ почитаетъ Петра Васильевича краснорѣчивѣе Златоуста, а дерзнувшаго противорѣчить сему признаетъ достойнымъ предану быть смерти.

Октября 15-го числа Александръ Матвѣевичъ (Мамоновъ) имѣлъ со мною, после ужины, наединѣ слѣдующій разговоръ:

М.—Послѣ разбитія бурею черноморскаго флота, писалъ князь къ графу Петру Александровичу (Румянцову) отчаянное письмо,

---

[1]) См. объ этомъ въ историческихъ матеріалахъ, извлеченныхъ изъ библіотеки дворца города Павловска, напечатанныхъ въ «Русской Старинѣ», изд. 1873 г., томъ VIII, стр. 860—865. Ред.

съ котораго графъ прислалъ къ Завадовскому копію. Сей прочелъ оную мнѣ, а я, желая предупредить прочихъ докладчиковъ, пересказалъ содержаніе онаго государынѣ. Напрасно князь пишетъ чувствительность свою изображающія письма къ такимъ людямъ, которые не только цѣны великости духа его не знаютъ, но и злодѣйствуютъ его свѣтлости. Любя его свѣтлость, какъ роднаго отца и благодѣтеля моего, желалъ бы я, съ одной стороны, предостеречь его удержаться отъ такой вредной для него переписки, служащей забавою злодѣямъ его; съ другой же стороны, не хотѣлось бы мнѣ, при теперешнемъ дѣлъ положеніи, ссорить его св-сть съ графомъ, а тѣмъ менѣе огорчать и тревожить князя. Зная вашу преданность къ его св-сти, вамъ сіе открываю. Напишите къ Василію Степановичу (Попову) и донесеніе вѣстей сихъ его св-сти отдайте на волю Василію Степановичу. Или нѣтъ, не пишите ничего; не надобно князя тревожить.

Г.—Кажется, надобно написать, чтобъ предостеречь его св-сть. Я думаю, что Завадовскій не преминулъ снабдить копіями своихъ союзниковъ. Да и вамъ не безъ намѣренія онъ показывалъ.

М.—Это правда, что Завадовскій преданъ графу (Румянцову) и ведетъ съ нимъ переписку; я это знаю. Однако же, Завадовскій справедливый человѣкъ и честнѣе всѣхъ союзниковъ своихъ; одного я боюсь, чтобъ его св-сть преждевременно сюда не пріѣхалъ. Вотъ будутъ тогда злодѣи имѣть поводъ къ разнымъ толкамъ. Государыня, любя его и почитая честь его нераздѣльно съ своею сопряженною, крайне сего боится; знаете-ли, государыня увѣряла меня, что князь, по полученіи позволенія быть сюда, тотчасъ сюда будетъ, и хотѣла со мною объ закладъ биться, а я увѣрялъ, что князь, не устроивъ тамошнихъ дѣлъ, не будетъ. Слава Богу, что сталося по моему. Какъ государыня этому рада! да и зачѣмъ князь былъ бы, не сдѣлавъ какого-нибудь славнаго дѣла?

Г.—Разстроенное его св-сти здоровье требуетъ перемѣны климата; а можетъ быть, и состояніе теперешнихъ политическихъ дѣлъ въ Европѣ требуетъ здѣсь присутствія его. Впрочемъ, наступаетъ время вступленія войскъ въ зимнія квартиры, что тамъ зимою дѣлать?

М.—Правда, зимою можно пріѣхать, но не теперь. Если пріѣдетъ теперь, то много себѣ повредитъ; князю некого здѣсь

опасаться. Доколѣ я буду то, что теперь есмь, никто противу князя (Потемкина) ничего не посмѣетъ; я вамъ честію клянуся въ семъ! Сначала господа новые совѣтники затѣяли было кое-что, но скоро имъ ротъ зажали; пусть князь ни о чемъ не тревожится. Что же касается до политическихъ дѣлъ въ Европѣ, то я оныя читаю: съ этой стороны также нечего опасаться. Дай Богъ князю только здоровья, станетъ его не на одни турецкія дѣла, только-бъ не поспѣшилъ сюда пріѣздомъ.

17-го октября, Александръ Матвѣевичъ (Мамоновъ) сказалъ мнѣ опять наединѣ:

— «Сегодня Завадовскій сказалъ мнѣ: изъ Вѣны получено извѣстіе, что не явившійся въ Севастопольскую гавань черноморскаго флота корабль приведенъ со всѣмъ экипажемъ въ Цареградъ. Какъ завтра хотѣли докладывать о семъ Ея И. В-ву, то я уже сегодня предупредилъ государыню, которая не встревожилась симъ извѣстіемъ, а опасается только, чтобъ князь, узнавъ объ ономъ, не запечалился. Бога ради, напишите къ Василію Степановичу (Попову), чтобъ онъ князю возвѣстилъ вѣсть сію какъ можно осторожнѣе, а особливо увѣрили бы его св-сть, что государыня не безпокоится этимъ».

Пріѣхавшій сегодня изъ Вѣны курьеръ привезъ къ принцу де-Линью повелѣніе находиться при нашей арміи корреспондентомъ съ императоромъ римскимъ. По содержанію повелѣнія сего, принцъ де-Линь послѣ завтра къ вамъ отправится.

Въ городѣ всѣ кричатъ, что князь Репнинъ посланъ его свѣтлости на смѣну. Канальскіе слухи таковые проистекаютъ вѣрно отъ господъ союзниковъ.

Всѣ кричатъ о взятіи Очакова, не вѣдая, что, можетъ быть, предлежатъ къ предпріятію сего непредвидимыя здѣсь препятствія.

Учинивъ вамъ донесеніе о разговорѣ, 15-го числа случившемся, не опасаюсь я теперь, чтобъ вы меня побранили за поданную отъ коллегіи послѣднюю записку, съ коея имѣлъ я честь препроводить къ вамъ предъ симъ копію.

Я имѣлъ честь печатать всѣ письма, отъ Ея И. В-ва къ его свѣтлости съ подписателемъ сего отправленныя [1]).

---

[1]) Помѣта времени полученія сего письма В. С. Поповымъ: «27-го октября 1787 года.»

(Конецъ октября 1787 г.) Графъ докладчикъ (Безбородко) бываетъ теперь весьма рѣдко у государыни, и старается притомъ бывать только тогда, когда Александръ Матвѣевичъ (Мамоновъ) не бываетъ. Если же случится Александру Матвѣевичу прійти къ государынѣ въ такое время, когда графъ докладываетъ, то графъ, тревожась присутствіемъ его прев-ства, всегда уходитъ. Недавно случилось слѣдующее происшествіе: графъ (Безбородко), пришедъ къ государынѣ въ такое время послѣ обѣда, когда Александръ Матвѣевичъ бываетъ обыкновенно дома, велѣлъ доложить о себѣ. Взошедъ потомъ къ Ея И. В-ву, гдѣ засталъ Александра Матвѣевича, пришелъ онъ въ такую робость, что на чтеніе дѣлъ, о которыхъ онъ хотѣлъ докладывать Ея И. В-ву, и голосу не стало. Извинясь болью въ горлѣ, просилъ онъ государыню, чтобъ Ея И. В-во изволила прочесть сама принесенныя имъ бумаги, которыя онъ оставя у Ея И. В-ва, возвратился во свояси.

Государыня, прочтя его св-сти письмо о перемѣщеніи Штакельберга въ Парижъ и проч., огорчена была до крайности. Много стоило Александру Матвѣевичу труда успокоить по сей части Ея И. В-во, хотя, впрочемъ, и Александръ Матвѣевичъ досадовалъ, что ему ничего о семъ знать не было дано. Нѣтъ ни малѣйшей надежды, чтобъ государыня на переводъ Штакельберга изволила согласиться, а особливо на помѣщеніе на мѣсто его Павла Сергѣевича (Потемкина), Михаила Никитича (Кречетникова), яко людей, которыхъ государыня не жалуетъ.

Въ Преображенскомъ полку находился, по милости, какъ сказываютъ, г-на Арбузова, изъ каторжныхъ—сержантъ, въ армію въ нынѣшнемъ году поручикомъ выпущенный или отставленный отъ службы. Дѣло сіе вышло наружу стараніемъ правительствующаго сената. Съ каторжнаго велѣно снять чины; Арбузовъ же, который находится теперь въ отпуску, требуется къ отвѣту. Недавно Преображенскаго полку унтеръ-офицеры ободрали въ еремитажѣ ложу. Сіе подало поводъ къ изданію указа, чтобъ впредь изъ разночинцевъ въ гвардіи унтеръ-офицеры не производить; нынѣ же изъ разночинцевъ, унтеръ-офицерами въ гвардіи служащихъ, выпускать въ армію тѣми же чинами и поступать съ ними, касательно производства ихъ, на основаніи полковничей инструкціи.

Въ конной гвардіи появились унтеръ-офицеры, упражнявшіеся

въ дѣлѣ фальшивыхъ ассигнацій (Панкратій Сумароковъ, Куницынъ и проч.).

Я имѣлъ честь доложить вамъ, что три раза къ ряду реляціи отъ его св-сти къ государынѣ были поднесены Ея И. В-ву Александромъ Матвѣевичемъ (Мамоновымъ), а его прев-ву же доставлялись по повелѣнію графа Александра Андреевича (Безбородко). Реляціи, которыя привезены были г-номъ Драшковскимъ, поднесены были графомъ, за что Александръ Матвѣевичъ учинилъ выговоръ какъ мнѣ, такъ и Драшковскому. Я нашелъ теперь способъ доставлять Ея И. В-ву реляціи руками его прев-ства Александра Матвѣевича, не раздражая графа. Не знаю, однакоже, всегда-ли это сдѣлать удастся: бываетъ такое время, въ которое графъ охотнѣе сидитъ дома, нежели ко двору ѣздитъ и именно послѣ обѣда; въ сіе время графъ самъ приказываетъ отдавать реляціи Александру Матвѣевичу.

Г-нъ Сегюръ крайне заботится въ ожиданіи Нассавскаго принца.

Вчера сказалъ мнѣ Александръ Матвѣевичъ (Мамоновъ):

— Я радъ, что князь теперь сталъ повеселѣе, еслибъ онъ зналъ сколько стоило мнѣ это труда!

5-го ноября 1787 г. Крайняя ненависть Александра Матвѣевича (Мамонова) къ графу (Безбородко) и усильныя старанія г-на Храповицкаго понравиться первому, о чемъ доходили до меня нерѣдко основательные слухи, заставляли опасаться, чтобъ изъ сего не родилось чего-нибудь. Будучи очевиднымъ свидѣтелемъ таковымъ обстоятельствамъ, за двѣ тысячи верстъ отъ васъ отдаленнымъ, неужели не имѣлъ я права пожелать вамъ добра преимущественнѣе предъ прочими? Одна минута строитъ и разстраиваетъ. Вотъ причина, побудившая меня поступить на тотъ шагъ, за который вы гнѣваться изволите. Я увѣренъ, что Александръ Матвѣевичъ васъ любитъ; но сорочка ближе кафтана; всякой заботится о себѣ самомъ, не помышляя о другихъ, а особливо о находящихся въ отсутствіи. Впрочемъ, кромѣ Ивана Степановича (Рибопьера), по истинѣ усерднаго вамъ человѣка, я ни съ кѣмъ касательно васъ не говорилъ. Александру Матвѣевичу (Мамонову) пріятно чтеніе реляцій, но еще пріятнѣе гораздо дѣла дубровицкія, и такъ нужны и его прв-ству напоминовенія.

Къ Сергѣю Лаврентьевичу (Львову) послалъ я нарочнаго въ Старую Русу; касательно же г-на Хорвата, то сей изъ банка денегъ не получилъ; да, за неимѣніемъ оныхъ въ банкѣ, и не получитъ. Онъ старается занять деньги у г-на Сутерланда, при которомъ случаѣ, вскорѣ воспослѣдовать имѣющемъ, не упущу я взыскать принадлежащіе вамъ 4,200 руб.

Александръ Матвѣевичъ, желая всеусильно присовокупить къ Дубровицкому имѣнію лѣсъ, купленный у князей Черкасскихъ за 4,500 руб., приказалъ мнѣ написать къ вамъ такo: «пожалуйте, напишите къ Василію Степановичу (Попову) и попросите его, чтобъ онъ то, о чемъ я его въ письмѣ моемъ прошу, исполнилъ какъ можно скорѣе; онъ меня чувствительно одолжитъ, а особливо, когда пришлетъ, не дожидая другаго отправленія, съ нарочнымъ курьеромъ. Мнѣ кажется, это можно дни въ два сдѣлать; пожалуйте, попросите о семъ Василія Степановича». Я не понимаю, почему его прев-ство почитаетъ помянутый лѣсъ принадлежащимъ къ Дубровицкому имѣнію; да и какая нужда была г-ну Пузину упоминать Матвѣю Васильевичу (отцу Мамонова) о семъ лѣсѣ. Запись, препровождаемая въ письмѣ Александра Матвѣевича (Мамонова), писана по повелѣнію Ея И. В-ва г-номъ Терскимъ.

У Петра Степановича (Валуева) имѣются вотчины Дубровицкой люди, которые изъ продажи въ купчей не исключены. Не прикажете-ли, чтобъ не имѣть новыхъ хлопотъ, отдать таковыхъ его прев-ству?

Вчерась просилъ я его сіят-во князя Александра Алексѣевича (Вяземскаго) о тѣхъ, кои отъ его свѣтлости къ повышенію чиновъ въ сенатъ представлены; онъ обѣщалъ исполнить.

(Ноябрь, послѣ 5-го числа.) Сергѣй Лаврентьевичъ (Львовъ), будучи принятъ при дворѣ весьма дурно, жаловался о семъ со слезами Александру Матвѣевичу (Мамонову) и говорилъ его прв-ству, что весьма бы желалось ему быть въ екатеринославской арміи. Его прв-ство почитаетъ сей случай весьма удобнымъ къ переводу Ивана Степановича (Рибопьера) въ Казанской кирасирской, а Сергѣя Лаврентьевича въ Смоленской драгунской полкъ.

— «Если сей переводъ исполнится, то не худо будетъ, если его свѣтлость увѣдомитъ о семъ самъ государыню, а дабы не

возъимѣли подозрѣнія, что тутъ кроется какая-нибудь интрига, то можно государынѣ донести, что Ивану Степановичу (Рибопьеру), по иностранству его къ нашей службѣ не привыкшему, приличнѣе быть въ полку, находящемся внутри Россіи, нежели въ такомъ, который находится теперь въ походѣ. Весьма мнѣ пріятно будетъ быть въ Казанскомъ кирасирскомъ полку шефомъ, но надобно, чтобъ и о семъ его свѣтлость самъ писалъ къ государынѣ, ибо касательно себя никогда я ее ни о чемъ не прошу. Признаться вамъ, что почти жить не могу безъ Ивана Степановича; да и для князя, можетъ быть, лучше бы было, еслибъ Иванъ Степановичъ былъ здѣсь. Я ни съ кѣмъ не могу такъ откровенно говорить, какъ съ нимъ».

Подъ какимъ бы то ни было претекстомъ и какъ бы то ни было, непремѣнно нужно Ивану Степановичу (Рибопьеру) быть здѣсь. Утверждать не могу, но подозрѣваю, что Александръ Матвѣевичъ (Мамоновъ) съ г. Завадовскимъ дружится, по крайней мѣрѣ, бываютъ у нихъ нерѣдкія секретныя конференціи. Всякой разъ, когда я у его прв-ства бываю, то напоминаетъ онъ мнѣ, чтобъ я, когда услышу, что въ городѣ говорятъ объ немъ, что онъ съ Завадовскимъ дружится, сему не вѣрилъ.

Анна Никитична (Нарышкина) въ такомъ положеніи, что государыня безъ нея теперь быть не можетъ. Богъ знаетъ, что это значитъ.

Вчерась и третьяго дня Ея И. В-во, прогуливаясь по городу въ каретѣ, изволила оба раза заѣзжать къ Аннѣ Никитичнѣ, дабы имѣть оную сопутницею; однако же у дома Анны Никитичны Ея И. В-во изъ кареты вставать не изволила.

Нѣкто отставной маіоръ Казариновъ и Кочубей весьма собою занимаются и вездѣ публикѣ себя являютъ.

Нашъ посланникъ въ Берлинѣ будетъ непремѣнно смѣненъ, ибо нашъ дворъ поведеніемъ его крайне недоволенъ.

Вчерась умеръ одинъ изъ первѣйшихъ графа Петра Александровича (Румянцова) корреспондентовъ здѣшнихъ, и именно г-жа генеральша Леонтьева (Екатерина Александровна, сестра гр. Румянцова).

Графъ Петръ Александровичъ, чтобъ скрыть предъ лицомъ свѣта, что онъ имѣетъ съ г. Завадовскимъ переписку, доставлялъ къ сему письма свои всегда почти подъ кувертомъ покой-

ной г-жи Леонтьевой; къ Александру же Матвѣевичу (Мамонову) доставляетъ графъ письма оной подъ кувертомъ г. Завадовскаго. Сіе случилось и третьяго дня, по прибытіи сюда графскаго курьера.

Никто столько насъ не злословитъ, какъ графъ Александръ Романовичъ (Воронцовъ). Но какъ бесловіе его не стоитъ того, чтобъ о немъ говорить, то донесу только то, на чемъ онъ основываетъ, можетъ быть, свои виды.

— «Когда-бъ я былъ на мѣстѣ графа Петра Александровича (Румянцова), то далъ бы я себя знать князю. Какъ это можно требовать, чтобы все повиновалось князю? Графу цѣна извѣстна. Я бы на мѣстѣ его просилъ государыню, чтобы не только армію, но и князя поручили бы мнѣ въ команду, а иначе отъ всего бы отказался. Сами станутъ послѣ искать. Я не понимаю, зачѣмъ насъ посадили въ Совѣтъ, что мы—чучелы, что-ли? Посадилъ здѣсь на корень такого человѣка, что нельзя ни о чемъ говорить; все только то хорошо, что дѣлаетъ князь.»

Вице-канцлеръ (гр. Остерманъ) получилъ откуда-то достовѣрное извѣстіе, что капитанъ-паша возъимѣлъ верхъ надъ визиремъ. Изъ сего предвозвѣщаютъ намъ скорой миръ; о семъ слышалъ я отъ его пр-ва Александра Матвѣевича (Мамонова), которой присовокупилъ къ сему и слѣдующія примѣчанія:

— «Авось кончится война въ нынѣшнемъ году полезнымъ для насъ миромъ; въ такомъ случаѣ ни шведъ, ни пруссакъ въ своихъ интригахъ не успѣютъ».

Въ Англіи касательно судовъ намъ отказано. Государыня крайне симъ недовольна. Здѣшніе англичане увѣряютъ, что причиною сему графъ Семенъ Романовичъ (Воронцовъ), коего будто бы въ Англіи не терпятъ. Вчерась послали опять курьера въ Англію. Не возвратится-ли сей съ лутчимъ успѣхомъ, чего непремѣнно ожидать надобно, если г-да Воронцовы наиграютъ тутъ какія-нибудь интриги.

Графъ Петръ Александровичъ (Румянцовъ-Задунайскій) прислалъ къ Михайлѣ Сергѣевичу (Потемкину) требованіе, чтобъ снабдить конницу, ввѣренную предводительству его сія-ва, стараго образца палашами, потому что сабли, по его мнѣнію, къ употребленію не годятся.

По случаю недостатка въ ружьяхъ, заказано дѣлать таковыя

въ Могилевѣ и въ селѣ Павловскомъ, что̀ въ Нижегородской губерніи. Богъ знаетъ, кто это опрожектировалъ и нельзя повѣрить что̀ за безпорядокъ въ дѣлахъ: всякой лѣзетъ съ докладами.

Дней съ шесть назадъ доложилъ я его сія-ву гр. Валентину Платоновичу (Мусину-Пушкину): «что̀ бы тому за причина была, что великій князь не изволитъ никогда въ публичныхъ собраніяхъ говорить съ тѣми, кто принадлежитъ его свѣтлости. Неужели его и. в. подозрѣваетъ, что его св-сть причиною тому, что его в-ство въ армію не пустили? Если это такъ, то я увѣряю, ваше сіятельство, что его св-сть не только ожидалъ его и. в. съ великимъ удовольствіемъ, но и объ отпускѣ его и. в. въ армію просилъ государыню».

Графъ Валентинъ Платоновичъ отвѣтствовалъ мнѣ:

— «Предъ великимъ княземъ и небо, и земля теперь виноваты. Онъ сердится на всѣхъ. Я зналъ, что его св-сть съ удовольствіемъ его ожидалъ и государынѣ о семъ писалъ, да и я говорилъ е. и. в-ву неоднократно и впредь повторять не премину. Теперь онъ и на меня сердитъ; онъ думаетъ, что я зналъ, что его не пустятъ. Что-то будетъ лѣтомъ. Я думаю, что и тогда его не пустятъ.... Но перемелится рожь, все будетъ мука!»

Оба письма государыни къ его св-сти печаталъ я; сіе случилось уже не первой разъ. Я думаю, что его пр-во для того заставляетъ меня ихъ печатать, чтобъ я васъ увѣдомилъ, видѣвши ихъ у него незапечатанными и, слѣдственно, ему извѣстными.

(Конецъ ноября 1787 г.) Князь Александръ Алексѣевичъ (Вяземскій) поднимается. Недавно сдѣлалъ онъ общему господъ сенаторовъ собранію выговоръ: «Съ пріѣзда моего сюда, пріѣзжаю я въ сенатъ всегда въ девять часовъ пополуночи, но господа сенаторы съѣзжаются не прежде какъ въ двѣнадцатомъ часу. Когда прикажете дѣла слушать? Всѣ дѣла остановились. Я прошу господъ сенаторовъ наблюдать, законами, для съѣздовъ въ присутственныя мѣста, предписанное, время». Тогда были въ собраніи между прочими: графъ Алексѣй Романовичъ (Воронцовъ) и Петръ Васильевичъ (Завадовскій). Никто однако же генералъ-прокурору не противурѣчилъ.

Князь Александръ Алексѣевичъ усильно старается должность,

докладывать Ея И. В-ву по дѣламъ сенатскимъ, присвоить по прежнему себѣ. Богъ знаетъ, удастся-ли ему достигнуть до желанія сего. Между тѣмъ государыня изволила проговорить графу Алексѣю Андреевичу (Безбородко):

— Жалуются, что сенатскіе доклады выходятъ весьма медлительно.

На сіе графъ отвѣтствовалъ: «Я никогда къ вамъ не вхожу и не выхожу отъ васъ безъ дѣлъ, государыня. Отъ васъ зависитъ оныя слушать».

Многимъ въ городѣ стало уже примѣтно, что графъ слабѣетъ.

20-го сего мѣсяца имѣлъ я съ графомъ Алексѣемъ Андреевичемъ слѣдующій разговоръ:

Гр. —Государыня желаетъ знать, послана-ли изъ коллегіи грамота на Донъ о посылкѣ донскихъ казаковъ въ команду графа Петра Александровича (Румянцова)?

О.—Донскіе казаки состоятъ въ командѣ его свѣтлости (Потемкина). Коллегія не имѣетъ права имѣть съ ними безпосредственную переписку. Къ графу Петру Александровичу наряжено четыре донскихъ полка, коихъ для него, кажется, на первой случай довольно. Впрочемъ, всѣ казаки находятся теперь въ поголовномъ походѣ, и если графу Петру Александровичу потребно оныхъ болѣе четырехъ полковъ, то о семъ надлежитъ отнестись къ его свѣтлости.

Гр.—Правда-ли, что корабль «Слава Екатерины» [1]) былъ разбитъ бурею, попался въ устьѣ Дуная въ руки запорожцамъ, а графъ Воиновичъ насилу успѣлъ спастись на лодкѣ? Не пишутъ-ли къ вамъ чего-нибудь о семъ?

О.— О погибшихъ во время штурма судахъ его свѣтлость увѣдомлялъ, посторонніе о семъ слухи и доносы ложны. Посудите сами, ваше сіятельство, была-ли хотя малѣйшая возможность переправиться на лодкѣ въ октябрѣ мѣсяцѣ отъ устья Дуная въ Севастопольскую гавань, гдѣ Воиновичъ нынѣ пребываніе свое имѣетъ?

Гр.— Я и самъ думалъ, что эти вѣсти ложны.

Послѣ сего объяснился я о рапортѣ графа Петра Алексан-

[1]) 66-ти пушечный корабль, заложенъ 26-го мая 1779 г. въ Херсонѣ. Спущенъ 16-го сентября 1783 г. Съ 1788 г. названъ «Преображеніе Господне».

Л.

дровича (Румянцова), доложивъ между прочимъ: «Графъ Петръ Александровичъ не весьма прежде жаловалъ рогатки; да и спрашивать объ оныхъ и объ мостахъ значитъ тоже, что, содержа крѣпость въ осадѣ, вопрошать; позволено-ли будетъ, для сбереженія людей отъ выстрѣловъ пушечныхъ, дѣлать рвы и окопы».

Господинъ Вейдемеіеръ сказывалъ мнѣ, что въ совѣтѣ читаны слѣдующія вѣсти. Корабль «Слава Екатерины», во время бывшаго штурма, попался въ руки запорожцамъ, Воиновичъ полоненъ и отосланъ въ Цареградъ. Совѣтъ поставляетъ Тизделю въ великую неосторожность, что онъ, не побросалъ въ море имѣвшихся у него на кораблѣ секретной композиціи ядра; начали таковыя же и въ Цареградѣ дѣлать. Кинбурнъ взятъ турками, а Тамань абазинцами». Въ городѣ врутъ еще хуже сего, но государыня изволитъ всему сему смѣяться.

Недавно государыня изволила вопросить пришедшихъ къ Ея И. В-ву на поклонъ:

— Что въ городѣ новаго слышно?

На сіе отвѣтствовано: «Говорятъ, что графъ Алексѣй Григорьевичъ (Орловъ-Чесменскій) скоро сюда будетъ».

— Да! слышно, что онъ и флотомъ въ Архипелагѣ командовать будетъ», изволила сказать государыня.

Въ совѣтѣ мозголомствовали слишкомъ три недѣли надъ помянутымъ рапортомъ графа Петра Александровича (Румянцова), въ копіи предъ симъ отъ меня къ вамъ отправленнымъ. Голоса были разные. Узнавъ о семъ, возъимѣлъ я смѣлость доложить графу Александру Андреевичу, что дѣла въ украинской арміи не въ такомъ безпорядкѣ, какъ его сіятельство доносить объ нихъ изволитъ, и что представленіе его безъ всякаго затрудненія разрѣшить можно. Сказавъ сіе, подалъ я графу Александру Андреевичу записку, съ коея подношу при семъ копію.

Докладывали Ея И. В-ву рескрипты, въ Совѣтѣ заготовленные, докладывали и мою записку. Государыня изволила указать отправить означенной рапортъ къ его свѣтлости и ожидать, что его свѣтлость изволитъ коллегіи повелѣть на оный отвѣтствовать. Мысль Ея И. В-ва, чтобъ графъ Петръ Александровичъ сносился обо всемъ съ его свѣтлостію. Но ежели графъ Петръ Александровичъ и впредь подобныя сему въ коллегію представленія чинить не престанетъ, то воля Ея И. В-ва есть, чтобъ таковыя тотчасъ

на благоразсмотрѣніе и резолюцію къ его свѣтлости препровождены были. Получа сію полезную резолюцію, кажется, не погрѣшилъ я подачею записки.

Со дня на день заставляли меня отсрочивать отправленія курьера сего. Не моя вина. Я всякой день бывалъ въ канцеляріяхъ, передникъ и на аудіенціяхъ.

Повадится кувшинъ въ ключъ по воду ходить, то тамъ ему уже и головку положить: князь Александръ Алексѣевичъ (Вяземскій), что ни дѣлаетъ для его свѣтлости, побуждается къ сему страхомъ могущества его свѣтлости. Но усердія нѣтъ. Раза два уже отзывался: «Уже всѣ деньги повытасканы, а все-таки дай да дай».

На сихъ дняхъ ожидаютъ сюда графа Алексѣя Григорьевича (Орлова-Чесменскаго). Съ нашей стороны не останется, по отъѣздѣ графа Валентина Платоновича (Мусина-Пушкина), въ Совѣтѣ ни одного почти голоса. Не разсудится-ли за благо употребить стараніе, посредствомъ Александра Матвѣевича (Мамонова), о помѣщеніи въ Совѣтъ Ивана Перфильевича Елагина, человѣка и его свѣтлости преданнаго, и говорить и писать умѣющаго.

Петръ Васильевичъ Завадовскій просится въ домовой отпускъ для свиданія съ женою, и говорятъ, что ему съѣздить туда позволено будетъ.

Въ Екатерининъ день роздачи милостей не было.

Недавно зарѣзали въ Измайловскомъ полку одну женщину. Господинъ оберъ-полиціймейстеръ доложилъ о семъ Ея И. В-ву первой. Случился тогда въ передней комнатѣ и Арбеневъ, которой, бывъ вопрошенъ о семъ, отвѣтствовать не умѣлъ. Государыня изволила на г-на Арбенева вознегодовать за сіе и въ Измайловскій полкъ прикомандированъ на время подполковникомъ Николай Ивановичъ Салтыковъ.

Въ 1783 году его свѣтлость (кн. Потемкинъ) изволилъ поднести Ея И. В-ву сдѣланную въ генеральномъ штабѣ полуденнымъ россійскимъ предѣламъ съ прикосновенными мѣстами австрійскими и турецкими карта, которую употребляютъ часто въ Совѣтѣ. Государыня, сберегая однако же оную собственно для себя, изволила указать сдѣлать таковую же другую. Сказаны только одни мѣста, какую карту дѣлать, но копію съ помянутой карты снять непозволено, опасаясь, чтобъ она не затерялась или не замаралась. Карту сію

дѣлаютъ у насъ въ канцеляріи взятые изъ Преображенскаго полку въ помощь къ нашимъ географамъ четыре унтеръ-офицера. Та карта, которую вы изволили приказать дѣлать, поспѣетъ прежде нежели господа наши офицеры обѣщали. Чрезъ двѣ недѣли она будетъ готова.

Петръ Степановичъ (Валуевъ) намѣренъ проситься къ вамъ для отдачи въ дѣлахъ своихъ отчета, чтобы побывать у себя въ деревнѣ, лишь бы тамъ не остаться. Онъ открывался мнѣ, что въ домѣ графа Александра Андреевича (Безбородко) весьма примѣтно, что графъ не въ прежнихъ силахъ. Съ г-ми Воронцовыми у графа Александра Андреевича неладно; и если по вторичному Логинова прошенію доложитъ графъ Александръ Андреевичъ въ пользу Логинова такъ, какъ его сіятельство обѣщаетъ, то съ г-ми Воронцовыми и совсѣмъ разстроится у него дружба.

Грекова отъ Безбородко уволена. Мѣсто ея заступила одна дѣвица пятнадцати лѣтъ. Глѣбовъ и Рубанъ не послѣдніе люди и самъ Осипъ Степановичъ ласкаетъ себя знакомствомъ ихъ.

Недавно въ Совѣтѣ графъ Остерманъ поссорился съ графомъ Александромъ Андреевичемъ. Графъ Остерманъ говорилъ графу Безбородко, чтобъ сей унялъ дерзость фаворита своего по дѣламъ иностранной коллегіи г-на Моркова, а графъ Безбородко далъ знать графу Остерману, что г-нъ Морковъ генералъ, а не мальчикъ, членъ и набитой (sic) ему братъ. Графъ Остерманъ упрекнулъ графу потомъ дѣвками; графъ же Безбородко сказалъ:

— Я для того люблю дѣвокъ, что имѣю власть ихъ перемѣнять, чего мужья съ женами своими дѣлать не могутъ, хотя и знаютъ, что онѣ б....

Еслибъ не помѣшалъ сему Петръ Васильевичъ Завадовскій, то бы ссора сія кончилася хуже.

Графъ Илья Андреевичъ (Безбородко) намѣренъ, если его свѣтлость сюда пріѣдетъ, проситься въ армію. Да со стороны ихъ и. в-въ будетъ тогда довольно просьбъ къ его свѣтлости, ибо ея высочеству о сю пору не дано позволенія ѣхать въ Елисаветградъ.

Отъ французскаго посланника: дворъ французскій далъ повелѣніе всѣмъ офицерамъ своимъ, съ дозволенія онаго въ турецкой службѣ находящимся, возвратиться во свояси. Делифидъ, въ Очаковѣ находившійся, отправился въ Цареградъ.

Отъ цесарскаго посла: въ Цареградѣ весьма пріуныли, по-

луча извѣстіе о происшествіи подъ Кинбурномъ. Капитанъ-пашѣ, возвращающемуся изъ Египта со многими сокровищами, дано повелѣніе явиться со всѣмъ турецкимъ флотомъ на Черномъ морѣ.

17-го декабря 1787 г. 29-го числа прошедшаго мѣсяца, когда, по окончаніи въ придворной церквѣ божественной литургіи, наступило время, въ которомъ Ея И. В-во изволитъ обыкновенно духовенство жаловать къ рукѣ, то вдругъ предсталъ предъ Ея В-мъ графъ Александръ Андреевичъ (Безбородко) съ держащею въ рукахъ митрою, похожею на архіерейскую. Духовенство подходило къ рукѣ, наблюдая очередь свою по старшинству, и преосвященный Гавріилъ, исполнившій свой долгъ прежде всѣхъ, пріостановился было на нѣсколько секундъ предъ Ея В-мъ и, какъ казалось публикѣ, ожидалъ чего-то; но вскорѣ потомъ отступилъ назадъ. Прочіе подходили и отходили не останавливаясь; скольже скоро подошелъ духовникъ Ея В-ва, то всемилостивѣйшая государыня, взявъ митру изъ рукъ графа Александра Андреевича, соизволила возложить оную на главу помянутаго протоіерея, который, приведенъ будучи нечаянностію сіею въ изумленіе, павъ на колѣни, дрожалъ и спросилъ: «На что это?»

Государыня изволила сказать: «Носить».

— «Я не достоинъ», сказалъ протопопъ.

— «Я тебя удостоиваю», соизволила отвѣтствовать Ея В-во.

Изустно сказано протопопу сему занимать мѣсто выше всѣхъ архимандритовъ. Вотъ новая въ россійской церковной исторіи эпоха, удачнѣе случившейся при царѣ Иванѣ Васильевичѣ.

Въ среду, то есть 9-го числа сего мѣсяца, находящійся здѣсь въ отпуску полковникъ князь Дашковъ и гвардіи офицеръ Іевлевъ, поссорившись на аглинскомъ балѣ, предпріяли намѣреніе развѣдаться на поединкѣ. Кн. Дашковъ танцовалъ съ Татьяною Васильевною (Потемкиною), а Іевлеву вздумалось при семъ случаѣ занять такое мѣсто, посредствомъ котораго лишилъ онъ сію танцующую пару свободнаго въ контръ-тансѣ вертѣнія. Кн. Дашковъ, встрѣтившій господина Іевлева въ такомъ положеніи при началѣ сея пляски, учтиво просилъ его сойти съ того мѣста; но Іевлевъ, посмотрѣвъ на просителя гордымъ окомъ и несытымъ сердцемъ, съ онаго не тронулся. Князь Дашковъ, продолжая плясаніе, паки съ Іевлевымъ повстрѣчался и повторилъ къ нему

ту-же просьбу, но и сей разъ безплодно; наконецъ, князь Дашковъ, столкнувшись съ Іевлевымъ въ третій разъ, взялъ онаго за плечи и съ мѣста сдвинулъ. Тутъ Іевлевъ началъ на князя Дашкова нападать, и язвительными словами требовать отъ него неукоснительной сатисфакціи, а сей отвѣтствовалъ Іевлеву тако:

— Вы знаете, что я живу въ домѣ матери моей, слѣдовательно, въ домѣ, въ городѣ довольно извѣстномъ, а потому и сатисфакцію желаемую истребовать отъ меня успѣете, да оная и будетъ вамъ дана; прошу только перестать теперь безчинствовать здѣсь на балѣ.

Князь Дашковъ, сказавъ сіе, всячески старался удалиться отъ Іевлева; но сей, распаленъ будучи гнѣвомъ, презиралъ просимую отсрочку, и, несмотря на многія повторенныя княземъ Дашковымъ о семъ просьбы, преслѣдовалъ его повсюду, ругалъ безъ малѣйшей пощады и грозилъ ему мщеніемъ. Можетъ быть, что Іевлевъ поступилъ бы нѣсколько благопристойнѣе, если бы Петръ Лукичъ (Вельяминовъ?) не подущалъ его безпрестанно, что происходило весьма явно и было для всей находившейся на балѣ публики весьма примѣтно. Вся компанія находилась въ смятеніи, а сестра князя Дашкова, княгиня Щербатова, такъ встревожена была, что закричавши: «Брата моего убить хотятъ!»—упала въ обморокъ.

На другой день г-нъ оберъ-полиціймейстеръ докладывалъ о семъ Ея И. В-ву, и всемилостивѣйшая государыня, выслушавъ вѣсть сію съ крайнимъ неудовольствіемъ, соизволила тотчасъ дать приказаніе г-ну Татищеву Іевлеву дуэль строжайше запретить; графу же Александру Андреевичу (Безбородко) соизволила приказать, дабы онъ дружески посовѣтовалъ отъ себя графу Александру Романовичу, а сей далъ бы знать князю Дашкову, что бы онъ, бывши сюда отпущенъ на срокъ, которой уже кончился, и откланявшись Ея И. В-ву, праздно бы здѣсь не проживалъ, а ѣхалъ бы къ своему посту. Князь Дашковъ, увидясь послѣ сего на балѣ у князя Василія Васильевича Долгорукаго съ г-мъ Рибопьеромъ, жаловался оному на Іевлева, и притомъ говорилъ, что онъ Іевлева признаетъ не иначе какъ за орудіе, назначенное къ прекращенію его жизни и настроенное къ сему будто бы его свѣтлостію или Александромъ Матвѣевичемъ, или же обоими ими вмѣстѣ; напротивъ чего г-нъ Рибопьеръ убѣдительнымъ образомъ

далъ ему чувствовать, что онъ, въ разсужденіи сихъ мыслей, находится въ крайнемъ заблужденіи и того же дня пересказалъ о семъ Александру Матвѣевичу, которой въ пятницу посылалъ г-на Рибопьера, какъ къ кн. Дашкову, такъ и къ Іевлеву, сказать имъ обоимъ, что Ея И. В-ву угодно, чтобъ у нихъ ни подъ какимъ видомъ дуэля не было. Сіе было исполнено, а особливо рекомендовано было Іевлеву, чтобъ онъ въ семъ дѣлѣ на протекцію Александра Матвѣевича (Мамонова) отнюдь не надѣялся. Однако же оба они были упрямы: первой сказалъ, что мириться не станетъ до тѣхъ поръ, пока Іевлевъ не испроситъ у него прощенія, а сей отвѣтствовалъ, что просить прощенія не станетъ, хотя бы его повѣсить велѣли. Между тѣмъ узнала о семъ княгиня Катерина Романовна (Дашкова). Зная нравъ сей штатсъ-дамы, легко вы себѣ вообразить можете положеніе ея, въ кое она приведена была услышавъ произшествіе сіе. Находясь въ отчаяніи, написала она къ Александру Матвѣевичу письмо, наполненное воплемъ, рыданіемъ и мщеніемъ, изъяснивъ въ ономъ, между прочимъ, и то, что для спасенія жизни сыновнія не пощадитъ она собственныя своея, и готова сама биться съ Іевлевымъ на шпагахъ, (на) поединкѣ.

Въ субботу былъ кн. Дашковъ у Александра Матвѣевича, и въ самое то время, когда его прево-ство, находясь съ нимъ и г. Рибопьеромъ въ спальнѣ, разсуждали о семъ дѣлѣ, то вдругъ вошелъ въ спальню камеръ-лакей съ докладомъ, что Іевлевъ, несмотря на учиненной ему отказъ, толкнувъ лакея въ грудь, взошелъ въ переднюю. Александръ Матвѣевичъ, огорчась симъ Іевлева поступкомъ, вышедши въ переднюю, спросилъ его весьма грозно:

— Какъ вы смѣли войти ко мнѣ тогда, когда я имянно не приказалъ васъ сегодня ко мнѣ пускать?

— Извините меня, ваше превосходительство,—отвѣтствовалъ Іевлевъ—я былъ у васъ сегодня два раза, и мнѣ было сказано, что вы меня допускать къ себѣ не велѣли; но я принужденнымъ нашелся пріѣхать къ вамъ въ третій разъ и усилился войти для того, что имѣю крайнюю нужду васъ видѣть и съ вами поговорить.

Послѣ сего Александръ Матвѣевичъ (Мамоновъ), отведши его въ биліартную, говорилъ съ нимъ очень долго, и наконецъ

его превосходительство принудилъ его испросить у князя Дашкова прощеніе. Примиреніе происходило въ присутствіи кн. Гагарина и Шаховскаго, полковника Уварова, Рибопьера и многихъ другихъ господъ. Іевлевъ привѣтствовалъ кн. Дашкова сими словами:

— «Je vous demande pardon de vous avoir offensé», а кн. Дашковъ отвѣтствовалъ Іевлеву тако: «Je reçois vos excuses et je souhait que tout soit oublié». Потомъ ужинали они у его превосходительства всѣ вмѣстѣ, и тѣмъ кончилась исторія сія, пересказанная мнѣ человѣкомъ весьма достовѣрнымъ.

Публика весьма много обвиняетъ въ семъ дѣлѣ Петра Лукича, о коемъ слышалъ я и еще нѣчто предъосудительное. Уже тому недѣли съ четыре, какъ носятся здѣсь въ городѣ непріятные и вздорные слухи, что кавказской корпусъ разбитъ, что генералъ-маіоръ (Степанъ Степановичъ) Апраксинъ убитъ, что въ Тавридѣ татары бунтуютъ и что въ Херсонѣ былъ весьма сильной пожаръ, превратившій будто бы многія строенія въ пепелъ. Между прочимъ и графъ Валентинъ Платоновичъ (Мусинъ-Пушкинъ) спрашивалъ меня: справедливъ-ли слухъ о пожарѣ? на что я отвѣтствовалъ его сіятельству, что ничего объ ономъ не слышалъ. Нѣкоторые возъимѣли дерзость судить, что будто бы случившійся въ Херсонѣ пожаръ есть ничто иное, какъ вымыселъ Н. И. Корсакова, которой, желая обогатиться, вознамѣрился показать бывшія въ вѣдомствѣ его казенныя деньги погибшими въ пожарѣ, и строенія такія погорѣвшими, которыя никогда несуществовали. Говорятъ, что Петръ Лукичъ приписываетъ сіе самому свѣтлѣйшему князю, благодѣтелю своему.

У господина Рамбурха происходитъ съ г-мъ Ковалинскимъ споръ о первенствующемъ совѣтничьемъ мѣстѣ. Г. Ковалинскій присвояетъ себѣ первенство на основаніи обрядовъ, наблюдаемыхъ въ коммисаріатѣ, гдѣ чиновники не по старшинству армейскому, но по коммисаріатскому мѣста занимаютъ, а Рамбурхъ присвоиваетъ себѣ первое мѣсто по старшинству армейскому. Споръ сей преданъ на расмотрѣніе коллегіи, которая держитъ сторону Рамбурха, а чѣмъ рѣшится—не знаю.

По письму вашему къ графу Александру Андреевичу (Безбородко) о Гуттуевѣ еще не докладывано.

Отданное г-ну Зотову Апраксинское мѣсто, велѣно графу

Апраксину возвратить. Графа Апраксина судили по именному указу, которой однако же не состоялся. Въ то время, когда докладывали Ея И. В-ву о неблагопристойномъ графа Апраксина въ управѣ благочинія поступкѣ, Ея И. В-во изволила спросить:

— Что же вы хотите съ графомъ Апраксинымъ дѣлать?

На сіе отвѣтствовано: «Судить въ уголовныхъ судахъ».

Государыня изволила сказать: «Хорошо», и сіи-то слова сочли за именной указъ. Подношу при семъ данные графомъ Апраксинымъ въ уголовныхъ судахъ отвѣты, которые, какъ сказываютъ, государынѣ очень понравились [1]).

Нижеслѣдующіе господа имѣютъ быть, по прошеніямъ ихъ, увольнены въ домовой отпускъ, о чемъ и указы предъ отъѣздомъ Ея В-ва подписаны быть имѣютъ:

Графъ Кирилла Григорьевичъ Разумовской — безсрочно.

Князь Николай Васильевичъ Репнинъ — на два года.

Князь Александръ Алексѣевичъ Вяземскій — на полгода къ Царицынскимъ водамъ. Говорятъ при томъ, будто бы сему государыня изволила сказать, что отпускъ его и долѣе отсрочится, буде онъ того пожелаетъ. Въ отсутствіи его должность его занимать имѣютъ или П. В. Завадовскій, или графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ.

(Декабрь 1787 г.). Открылось явно, что Франція не только голландскими дѣлами теперь не интересуется болѣе, но и вооружаетъ въ Тулонѣ флотъ, уповательно, на помощь туркамъ назначенный. Дворъ (Екатерина) нечаяннымъ происшествіемъ симъ и заводимою въ Польшѣ, стараніемъ короля прусскаго, конфедераціею весьма обезпокоенъ. Почитая короля прусскаго за причину настоящей съ турками войны, нельзя было не ожидать, чтобъ онъ не надѣлилъ насъ и другими дѣлами. По крайней мѣрѣ, что касается до меня, то я событіе помянутыхъ предпріятій, равномѣрно и прочихъ впредь случиться могущихъ симъ подобныхъ, пророчествовалъ графу Валентину Платоновичу (Мусину-Пушкину) за четыре недѣли предъ симъ, и на сей конецъ опасаясь гнѣва его свѣтлости, взиралъ я неспокойнымъ окомъ на отрядъ изъ здѣшнихъ полковъ 6,000 человѣкъ, въ команду его

[1]) Отвѣтовъ этихъ въ нашихъ бумагахъ не имѣется. Ред.

свѣтлости отправленныхъ. Мнѣ казалось, что и здѣшнюю часть войскъ слѣдовало содержать, не причиняя имъ ни малѣйшаго ослабленія.

Но что дѣлать? въ Совѣтѣ людей много, и много его свѣтлости недоброхотовъ; да полно, не исключить-ли изъ числа оныхъ одного только графа Валентина Платоновича? Сей сегодня сказалъ мнѣ:

— Весьма нужно, чтобъ его свѣтлость побывалъ здѣсь хотя на короткое время; я бы желалъ, чтобъ онъ скорѣе сюда пріѣхалъ.

9-го сего мѣсяца проговаривалъ г-нъ Сегюръ: «Слава Богу, дворъ французскій согласенъ съ русскимъ; что-то будетъ дѣлать г-нъ Фицгербернъ, когда онъ пріѣдетъ сюда! Я бы не желалъ быть на его мѣстѣ».

Сегодня же говорилъ г-нъ Сегюръ: «Французскій дворъ старается примирить русской съ турецкимъ; ко мнѣ о семъ пишутъ изъ Парижа».

Противъ обыкновенія, государыня сегодня очень мало съ Сегюромъ разговаривать изволила. Князю Николаю Васильевичу (Репнину) велѣно поспѣшно слѣдовать въ команду его свѣтлости; на дорогу выдано ему десять тысячъ рублей. Въ городѣ начали теперь говорить, что кн. Репнинъ посланъ на смѣну его свѣтлости. Неизвѣстно, согласится-ли графъ Алексѣй Григорьевичъ (Орловъ-Чесменскій) принять надъ флотомъ команду.

Сегодня подалъ я графу Валентину Платоновичу (Мусину-Пушкину) записку, противорѣча во оной о неисправности войскъ донесенію графа Петра Александровича (Румянцова); таковую подношу и вамъ. Можетъ быть, что я нѣсколько погорячился. Но что дѣлать! Я защищалъ его свѣтлость.

(Декабрь 1787 г.). Дворъ (Екатерина) весьма скучаетъ въ ожиданіи отъ его свѣтлости писемъ. Скучаетъ также и Александръ Матвѣевичъ (Мамоновъ) въ ожиданіи извѣстій объ извѣстномъ лѣсѣ. Графъ Алексѣй Григорьевичъ (Орловъ-Чесменскій) пріѣхалъ сюда ноября 30-го дня. Его сіятельство отъ начальства надъ флотомъ, отправляющимся въ Средиземное море, отказался, потому что Дворъ не согласился дать ему фельдмаршальскаго чина, въ которомъ хотѣлось ему быть старѣе его свѣтлости.

Вскорѣ его сіятельство отправится отсель обратно въ Москву и женится тамъ на дѣвицѣ Николевой. Дочери графа Володиміра Григорьевича (Орлова) пожалованы фрейлинами; но княжнамъ Вяземскимъ, по прошенію отца ихъ, въ принятіи во фрейлины отказано. Въ Андреевъ день государыня, по причинѣ приключившейся слабости въ здоровьѣ, выходить не изволила.

Его и. в-во великій князь изволитъ точно предпріять путь въ армію въ будущемъ февралѣ мѣсяцѣ. Государыня изволила потребовать списокъ тѣмъ особамъ, которыхъ его высочество въ походѣ при себѣ имѣть желаетъ. Таковой списокъ еще не поданъ. Говорятъ, что и Михельсонъ имѣетъ находиться при его высочествѣ.

Съ графомъ Александромъ Андреевичемъ (Безбородко) случилось мнѣ о слѣдующемъ разговаривать:

Гр. — Какъ вы думаете, кто въ отсутствіе графа Валентина Платоновича коллегіею управлять будетъ?

От. — Не знаю. Это ближе знать вашему сіятельству.

Гр. — Кажется, мѣсто сіе ближе всѣхъ занять можетъ Николай Ивановичъ (Салтыковъ)?

От. — Теперешнія дѣла въ коллегіи и господинъ (Карлъ Егоровичъ) Гантвихъ (генералъ-поручикъ) исправлять можетъ; впрочемъ, не худо бы посовѣтоваться о семъ съ его свѣтлостію.

Гр. — Правда, можетъ и Гантвихъ, но нужно, чтобы это былъ кто-нибудь изъ членовъ Совѣта, или бы имѣлъ засѣданіе въ Совѣтѣ.

Ея и. в-во великая княгиня находится отъ печали внѣ себя. Недѣля уже тому, какъ ея высочество никакой почти пищи вкушать не изволитъ. Сіе причиняетъ не малую скорбь его высочеству; государыня, объявивъ ея выс-ву множество резоновъ, по которымъ ея выс-ству невозможно быть его выс-ству въ теперешнемъ походѣ сопутницею, изволила сказать, чтобъ ея высочество болѣе о семъ Ея В-во просьбою утруждать не изволила.

Великая княгиня беременна двухмѣсячнымъ младенцемъ [1]).

Логиновъ сыскалъ, посредствомъ извѣстнаго вамъ канала, нѣкоторую протекцію. Но жалко, что гр. Дон. (?) слабъ. Бываютъ теперь нерѣдко дни, въ которые онъ и четверти часа у Ея И. В-ва не бываетъ, и если будетъ докладывать Ея И. В-ву дѣло Логинова, то, конечно, отъ имени его свѣтлости. На сихъ дняхъ,

---

[1]) Великая княжна Екатерина Павловна род. 21 мая 1788 г.

снабдилъ онъ Логинова рекомендательнымъ по дѣламъ сенатскимъ къ господину Завадовскому письмомъ, въ которомъ, между прочимъ, изъяснилъ тако: «Его свѣтлость изволилъ писать о дѣлахъ Логинова и для того я васъ покорно прошу и проч.». Еслибъ не графъ Воронцовъ, то бы Логинова дѣло не имѣло дурнаго конца.

— «Да что такое князь, и что это значитъ, чтобъ все такъ дѣлать, какъ князю хочется, не уважая другихъ?»

Недавно разсуждали въ Совѣтѣ, чтобъ впредь брать рекруть и изъ тѣхъ губерній, которыя до сихъ поръ таковыхъ не давали. На первой случай хотятъ наборомъ таковымъ укомплектовать гарнизоны, а изъ оныхъ въ будущемъ году комплектовать полевые полки.

Изъ полковъ здѣшней дивизіи назначено во флотъ для десантовъ изъ каждаго по двѣ роты, да изъ гренадерскаго одинъ баталіонъ, что составитъ до 5,000 человѣкъ. Въ государствѣ есть много праздношатающихся людей. Не изсудится-ли за благо, въ предупрежденіе шалостей, отъ нихъ случиться могущихъ, брать таковыхъ въ солдаты. При всѣхъ стараніяхъ о вооруженіи здѣшняго флота, говорятъ, что оный прежде іюня мѣсяца будущаго года въ море выступить не можетъ.

Александръ Матвѣевичъ (Мамоновъ) приказалъ мнѣ увѣдомить васъ, что третьяго дня получено отъ Штакельберха извѣстіе, что въ Яссахъ между янычарами и молдаванами произошло весьма жестокое сраженіе. Для вспоможенія городскимъ жителямъ созывали деревенскихъ—битіемъ тревоги въ колокола. Богъ знаетъ, кто одержалъ побѣду.

Князь Александръ Алексѣевичъ (Вяземскій) предложилъ сенату, чтобъ производство зависящихъ отъ сената чиновъ оставить по прежнему. Весь сенатъ согласился со мнѣніемъ генералъ-прокурора, кромѣ г-на Завадовскаго и присоединившихся къ голосу сего послѣдняго графа Брюса и графа Воронцова; о семъ поднесенъ докладъ Ея И. В-ву.

Недавно проговорилъ графъ Шуваловъ въ одной компаніи:

— Я не знаю, что это такое, что князь (Потемкинъ) такъ долго ничего къ намъ не пишетъ, да и государыня крайне симъ недовольна.

Министерскія депеши переходятъ изъ рукъ графа Александра Андреевича (Безбородко) прежде прочихъ къ графу Ворон-

цову, съ которымъ графъ Александръ Андреевичъ обо всемъ почти совѣтуется. Невидно, чтобъ старая связь ихъ исчезала.

Вскорѣ отправится къ вамъ господинъ Судіенковъ и, конечно, не по пустякамъ. Хочется ему, получа 1-го января будущаго 1788 года чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, переименоваться генералъ-маіоромъ и служить волонтеромъ при екатеринославской арміи. Есть, я думаю, и другія затѣи.

Въ Георгіевъ день изволила Ея И. В-во разговаривать вслухъ съ господиномъ Сухотинымъ о флотѣ черноморскомъ и о тамошнихъ гаваняхъ. Изъ сего господа морскіе заключили, что г-нъ Сухотинъ отправленъ будетъ къ принятію команды надъ тамошнимъ флотомъ.

Говорятъ, что вскорѣ отправится къ вамъ г-нъ Пущинъ, подъ смотрѣніемъ котораго имѣютъ строиться фрегаты на Гнилой-Тонѣ.

(Половина декабря 1787 г.). Приключившіяся цесарскому послу на ногахъ раны принудили его весьма долгое время сидѣть дома. 25-го числа сего мѣсяца, поутру, имѣлъ онъ первый ко двору выѣздъ; послѣ обѣда же, получа непріятное извѣстіе о неудачномъ предпріятіи цесарцевъ, Бѣлградомъ, аки турки Кинбурномъ, завладѣть восхотѣвшихъ, и паки дня два сидѣлъ дома. Государыня, сожалѣя о семъ происшествіи, не изволила на другой день праздника выходить изъ внутреннихъ своихъ покоевъ подъ претекстомъ болѣзни. Между тѣмъ, дворъ нашъ доволенъ, что и цесарцы противъ агарянъ возстать уже дерзнули.

Государыня крайне недовольна молчаніемъ его свѣтлости.

— «Христа ради, пишите о присылкѣ сюда еженедѣльно курьеровъ, хотя бы тамъ и ничего важнаго не происходило».

Седьмой уже день, какъ государыня находится въ великой задумчивости, и часто ло слезами пеняетъ на свѣтлѣйшаго князя. Я извинялъ его свѣтлость столько, сколько могъ, и заботами и недосугами, но государыня изволитъ въ томъ крѣпко настоять, чтобъ конечно еженедѣльно курьеры сюда присылаемы были. Ея И. В-во изволила проговорить между прочимъ:

— «Что обо мнѣ думаютъ? Еслибъ князь зналъ, каково у меня на сердцѣ, то бы онъ не мучилъ меня долговременнымъ своимъ молчаніемъ».

Сію статью, для донесенія вамъ, объявилъ мнѣ Александръ Матвѣевичъ (Мамоновъ).

Графъ Чесменской ѣздилъ недавно въ Кронштадтъ для осмотра пріуготовляющихся къ походу кораблей, хотя онъ, впрочемъ, и отказался отъ принятія надъ оными команды. Его сіятельство принятъ при дворѣ весьма хорошо; однако-жъ, говорятъ, что сколько его ни ласкаютъ, но онъ командовать флотомъ и впредь не согласится. Сей графъ недоброхотствуетъ графу Александру Андреевичу (Безбородко) и къ масляной возвратится въ Москву.

Ихъ высокомочія выписываютъ сюда г-на Архарова для употребленія его къ примиренію съ Александромъ Матвѣевичемъ. Архарова ждутъ уже поминутно, а между тѣмъ, Александръ Матвѣевичъ (ничего не говоритъ?) о намѣреніи его пріѣзда.

Его е. в-ву великому князю назначено получать изъ кабинета, по бытности въ походѣ, по 10,000 руб. въ мѣсяцъ, исключая перваго мѣсяца, въ который отпустится его и. в-ву 20,000 руб., что и исполнится въ наступающемъ январѣ мѣсяцѣ. Графъ Валентинъ Платоновичъ (Мусинъ-Пушкинъ) боленъ отъ простуды и не неопасно. Сдѣлавшуюся у него на затылкѣ затвердѣвшую шишку разрѣзали эскулапы, которые пошептомъ утверждаютъ, что его сіятельство, не подвергая жизни своей опасности, не въ состояніи будетъ пуститься въ путь въ февралѣ мѣсяцѣ. Обозъ его высочества отправится января первыхъ чиселъ. Въ началѣ же февраля и его высочество путь предпріять изволитъ. Всѣ любопытствуютъ, кто будетъ начальствовать въ коллегіи, если графъ Валентинъ Платоновичъ отсель отлучится?

Дворъ принялъ Павла Сергѣевича (Потемкина) холоднымъ образомъ. Еще до пріѣзда его превосходительства сюда государыня, опасаясь принесенія отъ него просьбъ, изволила проговаривать:

— Зачѣмъ онъ сюда ѣдетъ?

Я думаю, что графъ Воронцовъ обнесъ его превосходительство предъ Ея И. В-вомъ, но это прежде, а не теперь, ибо теперь графъ на ряду съ прочими членами ихъ высокомочіями и по бо́льшой части обрѣтается въ Мурзинкѣ, дачѣ своей.

Господинъ Завадовскій выговаривалъ Александру Матвѣевичу:

—«Не говорили-ли или не писали-ли вы кому-нибудь о письмѣ его свѣтлости, къ графу Петру Александровичу (Румянцову)

писанномъ, съ коего я вамъ секретно показывалъ копію? Ко мнѣ пишутъ оттоль, что князь (Потемкинъ) уже о семъ знаетъ».

Французскій дворъ всѣми силами старается примирить насъ и цесарцевъ съ турками; но если сіе не удастся, то французы намѣрены и сами воевать противу того, кто подастъ поводъ не заключить мира. Въ Англіи предложенія наши пріемлются весьма холодно.

Я хлопочу тенерь объ отпускѣ ординарныхъ столовыхъ денегъ, отъ двора, по сто рублей въ день, его свѣтлости опредѣленныхъ. Графъ Александръ Андреевичъ (Безбородко) обѣщалъ оныя выходить.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПАВЕЛЪ ПОЛУБОТОКЪ.

Вопросъ о происхожденіи замѣчательной въ исторіи Малороссіи личности всегда представляетъ затрудненіе къ отвѣту; демократическій строй казацкаго общества не допускалъ ни родовыхъ отличій, ни фамильнаго чванства. Люди достигали высокихъ должностей не по преимуществамъ породы, а по личнымъ заслугамъ и по выбору громады; простой рядовой казакъ, при умѣньи, дарованіяхъ и счастливомъ сочетаніи обстоятельствъ жизни, могъ достигнуть чина полковника или генеральнаго старшины. Это не значило, однако, чтобы изъ массы казацкаго общества не выдвигались семьи и роды, такъ какъ, при сословномъ равенствѣ, малоруссы все-таки признавали естественное право преемничества по наслѣдству: казакъ, возвышаясь посредствомъ своихъ достоинствъ, поднималъ вмѣстѣ съ собою свою семью и своихъ потомковъ, а богатѣя — передавалъ имъ свое достояніе. Такимъ образомъ, послѣ изгнанія изъ Малороссіи прежняго ополяченнаго высшаго сословія, изъ нѣдръ народа фактически выступали впередъ роды, стремившіеся образовать въ извѣстномъ смыслѣ высшій классъ, отличаясь по образу жизни и потребностямъ отъ уровня простаго народа, но за то непрочно было ихъ значеніе: они также легко опускались, какъ поднимались. Такъ было въ XVII и въ XVIII вѣкахъ, до тѣхъ поръ, пока въ Малороссію не введено было на великорусскій образецъ дворянство; часто бывало, что послѣ полковника въ томъ же полку занималъ полковничій урядъ сынъ его и даже внукъ; но если на кого-нибудь изъ этого рода судьба поглянетъ непривѣтливо, то уже другимъ изъ того же рода не легко было получить полковничій чинъ.

Роды, которымъ въ общественной жизни счастливилось, носили названіе значныхъ; простые казаки, чернь, глядѣли на нихъ съ доса-

дою и нерѣдко со злобою; но путь къ помѣщенію въ рядахъ значныхъ не былъ никому еще юридически прегражденъ: не было между значными и чернью такого средостѣнія, какое возможно между двумя различно-правными сословіями; значный, по условіямъ судьбы, выбывалъ изъ значныхъ и смѣшивался съ чернью.

Въ числѣ родовъ, возвысившихся надъ массою казачества во второй половинѣ XVII вѣка на лѣвой сторонѣ Днѣпра, былъ родъ Полуботковъ. Болѣе въ старое время судьба этого рода намъ неизвѣстна. Прозвище Полуботокъ есть, конечно, насмѣшливая кличка; полуботокъ по-малорусски значитъ: полусапожекъ, а фамильныя названія у малороссовъ чаще всего возникали отъ насмѣшливой клички, данной въ свое время человѣку, который передавалъ, мимо собственной воли, эту кличку своимъ потомкамъ; соотвѣтственно прозвищу Полуботокъ, мы знаемъ фамильныя прозвища: Чоботокъ (сапогъ), Черевикъ (башмакъ), Сірякъ (сѣрая суконная одежда). При Многогрѣшномъ въ Черниговскомъ полку былъ сотникъ Артемій Полуботокъ. Его сынъ, Леонтій Артемьевичъ, владѣлъ землею въ Черниговскомъ полку и былъ сдѣланъ при Самойловичѣ переяславскимъ полковникомъ. Леонтій Полуботокъ находился въ родствѣ съ Самойловичами. Когда, послѣ паденія гетмана Самойловича, гетманская власть досталась Мазепѣ, новый гетманъ, повидимому, благоволилъ къ Полуботку, по крайней мѣрѣ, вслѣдъ за ссылкою гетмана Самойловича, ссылка постигла бывшаго переяславскаго полковника Дмитрашку Райчу, а Полуботка не тронули; но въ 1691 году племянникъ сосланнаго въ Сибирь гетмана Ивана Самойловича, бывшій гадяцкій полковникъ Михайло Самойловичъ, удаленный, по настоянію Мазепы, изъ Украины и проживавшій въ Москвѣ, былъ притянутъ къ возникшему тогда дѣлу о чернецѣ Соломонѣ. Этотъ Соломонъ былъ личность странная, до сихъ поръ не объясненная исторіею. Онъ составилъ фальшивыя письма отъ Мазепы къ польскому королю Яну Собѣскому такого содержанія, за которое, со стороны Россіи, могло Мазепѣ угрожать обвиненіе въ государственной измѣнѣ. Вѣроятно, чернецъ Соломонъ былъ орудіемъ какой-нибудь враждебной Мазепѣ партіи въ Малороссіи,—партіи, желавшей очернить Мазепу предъ верховною властію въ Москвѣ и спихнуть его съ гетманства. Коварная попытка не удалась: Соломонъ поймался въ Польшѣ въ обманѣ, сознался въ собственной винѣ, былъ выданъ московскому правительству и казненъ, доставивши, вопреки тайнымъ цѣлямъ сдѣлать зло гетману, полное торжество Мазепѣ; довѣріе къ гетману укрѣпилось въ Москвѣ. По дѣлу, производившемуся въ Москвѣ объ этомъ Соломонѣ, повели въ застѣнокъ Михайла Самойловича, а потомъ сослали въ Сибирь. Мазепа узналъ, что сынъ

переяславскаго полковника, Павелъ Полуботокъ, находясь тогда въ Москвѣ, сносился съ Самойловичемъ, а отецъ его, Леонтій, благопріятствуя намѣреніямъ Самойловича произвести въ Малороссіи возмущеніе, помышлялъ сдѣлаться гетманомъ. Мазепа приказалъ взять подъ караулъ и отца и сына, и предалъ ихъ обоихъ суду старшинъ и совѣта полковниковъ. При разбирательствѣ этого дѣла оказалось, что Павелъ Полуботокъ, услыхавши отъ Самойловича недобрыя рѣчи о Мазепѣ, сообщилъ объ этомъ находившемуся въ Москвѣ миргородскому полковнику Апостолу, а послѣдній извѣстилъ Мазепу. Но гетманъ все-таки придирался къ Павлу Полуботку: зачѣмъ онъ самъ прямо не предостерегъ своего гетмана. Старшина въ своемъ судѣ надъ Полуботками поступила такъ, какъ хотѣлось Мазепѣ. У нихъ были отняты маетности. Часть этихъ маетностей повернули къ городу Чернигову, нашедши по документамъ, что въ старинное время онѣ принадлежали этому городу; другія маетности обращены были въ достояніе войсковой казны для раздачи инымъ лицамъ. Этотъ страшный для Полуботковъ приговоръ приведенъ былъ въ исполненіе безъ предварительнаго представленія его на утвержденіе верховнымъ правительствомъ; только по совершеніи всего, Мазепа сообщилъ о томъ царямъ Іоанну и Петру. На мѣсто Леонтія Полуботка назначенъ былъ переяславскимъ полковникомъ Иванъ Мировичъ.

Семья Полуботковъ была, такимъ образомъ, низвержена, лишена матеріальныхъ средствъ, и должна была, повидимому, испытать участь многихъ другихъ, быстро возвышавшихся и быстро сходившихъ въ общій уровень народной массы. Но съ Полуботками сталось не такъ. Родъ этотъ въ лицѣ Павла скоро опять сталъ подниматься и самъ Мазепа помогалъ его возвышенію. Вмѣсто умершаго черниговскаго полковника Лизогуба, полковникомъ въ Черниговскомъ полку сдѣланъ Павелъ Полуботокъ, когда именно—не знаемъ, но въ 1708 году онъ уже занималъ эту должность. Когда открылась измѣна Мазепы, и Батуринъ, столицу его, постигло разореніе отъ Меншикова, Петръ потребовалъ всю малороссійскую старшину и начальствующихъ лицъ со всѣхъ полковъ на раду въ Глуховъ, для выбора новаго гетмана. Полуботокъ былъ однимъ изъ первыхъ, явившихся на призывъ государя. Уже тогда онъ былъ въ большомъ уваженіи во всемъ казачествѣ. Избираемый, сообразно царскому желанію, на гетманскій урядъ, стародубскій полковникъ Скоропадскій началъ отказываться отъ предлагаемой чести: такъ слѣдовало по старинному казацкому обычаю. Тогда казаки заявили было стремленіе провозгласить главою казачества Павла Полуботка. Но Петръ, съ своей стороны, уже высказалъ о немъ мнѣніе, показывавшее, что царь не утвердитъ казацкаго выбора,

если этотъ выборъ падетъ на Полуботка. „Этотъ человѣкъ хитеръ; съ него можетъ выйти другой Мазепа". Такъ отозвался о Полуботкѣ государь. Само собою разумѣется, что никто, узнавши о такомъ отзывѣ государя, не рѣшался настаивать на избраніе Полуботка, и въ гетманы выбранъ былъ Скоропадскій.

Въ то время, когда Мазепа передался къ шведскому королю и старался потянуть за собою Малороссію, Петру, для спасенія цѣлости своего государства, нужно было ласкать малоруссовъ и удержать ихъ въ повиновеніи русской державѣ. Карлъ XII могъ быть очень опасенъ Петру, если бы съумѣлъ стать твердо въ тѣ выгодныя условія, которыя, независимо отъ его собственныхъ усилій, приготовляла судьба для безразсуднаго героя. Отъ Малороссіи теперь зависѣлъ исходъ всей Сѣверной войны: за кѣмъ пойдетъ этотъ край—на сторону того будетъ склоняться перевѣсъ. Петръ понималъ, что важнѣе всего въ тѣ минуты, которыя онъ переживалъ, было не допустить малоруссовъ искушаться подущеніями Мазепы и обѣщаніями Карла XII. И вотъ, Петръ, въ своихъ манифестахъ, припоминаетъ всѣмъ малоруссамъ, что московское правительство до сихъ поръ держало малорусскій народъ во льготахъ; царь даетъ обѣщаніе держать его также и впередъ, свято соблюдать тѣ вѣковыя права, съ которыми край малороссійскій поступилъ подъ власть московскихъ царей. Но миновали опасности, угрожавшія русскому самодержцу. Малоруссы не пошли туда, куда манилъ ихъ и зазывалъ старый гетманъ; напротивъ, они заявили полную враждебность къ тѣмъ иновемцамъ, которые вступили въ ихъ отечество, выставляя себя ихъ призванными освободителями. Полтавская побѣда сдѣлала Карла надолго не опаснымъ Петру, и Петръ тотчасъ же перемѣнилъ свой тонъ по отношенію къ Малороссіи.

17-го іюля 1709 года Скоропадскій, въ мѣстечкѣ Рѣшетиловкѣ, подалъ царю просительные пункты о разныхъ льготахъ для малороссійскаго края, и чуть не на всѣ получилъ отказъ. Царь не соглашался, по просьбѣ Скоропадскаго, изъять малороссійскія войска во время походовъ отъ зависимости великорусскихъ полковыхъ воеводъ и генераловъ, не возвращалъ въ войсковое достояніе взятыхъ у малорусскихъ измѣнниковъ орудій, не дозволялъ возобновлять черниговскихъ дворовъ, не дозволялъ малоруссамъ, вопреки домогательству Скоропадскаго, вести торговыя сношенія съ запорожцами и проч. Скоропадскій, по поводу разоренія, постигшаго малороссійскій край въ предшествовавшее военное время, испрашивалъ на нѣсколько лѣтъ льготъ казакамъ отъ службъ. Царь соизволилъ дать имъ льготу только на одно лѣто. Гетманъ доносилъ Петру, что войсковая казна оскудѣла и нечѣмъ платить жалованье охочимъ полкамъ, существовав-

шимъ въ Малороссіи на опредѣленномъ жалованьи, отдѣльно отъ тѣхъ казачьихъ полковъ, на которые, какъ на области, была разбита страна; гетманъ ожидалъ, что царь, по своей богатой милости, соизволитъ удѣлить что-нибудь отъ своихъ щедротъ на указанныя издержки; но государь велѣлъ только доставить ему роспись собираемымъ въ Малороссіи доходамъ, съ которыхъ надобно было содержать состоявшіе на жалованьи полки. Вообще въ это время новый малороссійскій гетманъ могъ уразумѣть, что царь тѣмъ будетъ несговорчивѣе и упорнѣе, чѣмъ далѣе будетъ отходить то время, когда Малороссію нужно было ласкать для собственнаго спасенія. Тогда, между прочимъ, Петръ въ отвѣтѣ на просительные пункты малороссійскаго гетмана выразился, что малорусскій народъ долженъ быть признателенъ за великое благодѣяніе, оказанное ему защитою противъ шведовъ.

Послѣ того, въ теченіе послѣдующихъ лѣтъ гетманства Скоропадскаго, мы видимъ рядъ мѣръ, явно клонившихся къ наложенію на Малороссію одинакой тягости, какую терпѣла подъ желѣзною рукой Петра вся русская держава. Въ 1715 году царь сдѣлалъ измѣненіе въ способѣ поставленія полковыхъ старшинъ по всѣмъ полкамъ. До того времени выборъ ихъ совершался исключительно въ своемъ полку, но Петръ нашелъ, что полковники дѣлали изъ этого злоупотребленія: они не доводили высшему начальству до свѣдѣнія о совершавшихся выборахъ, направляли самые выборы въ видахъ собственнаго корыстолюбія и допускали выбирать лицъ, на вѣрность которыхъ престолу трудно было положиться. Петръ опредѣлилъ: впередъ полковую старшину назначать гетману, при участіи великорусскаго чиновника, находившагося постоянно близъ гетмана въ качествѣ органа верховнаго правительства русской державы въ краѣ, пользующемся преимуществами мѣстнаго самоуправленія. Въ тотъ же годъ Петръ сталъ посылать малороссіянъ на работы за предѣлы Малороссіи. Возобновляя свой давній проектъ о соединеніи Дона съ Волгой, Петръ приказалъ выслать изъ Малороссіи нѣсколько тысячъ казаковъ къ англійскому инженеру Джону Перри, завѣдывавшему канальнымъ дѣломъ въ Волжско-донскомъ краѣ. То были, какъ говоритъ пословица, еще только цвѣтики: надобно было ждать ягодокъ.

Въ 1717 году Скоропадскій снова просилъ государя о разныхъ облегченіяхъ для Малороссіи; царь, бывшій въ то время за границею, долго не отвѣчалъ Скоропадскому „за дальностію похода и многихъ нужнѣйшихъ дѣлъ“, а въ 1719 году далъ отвѣтъ, въ которомъ, вмѣсто ожидаемыхъ милостивыхъ льготъ, замѣтилъ, что великорусскій народъ несетъ разныя тягости въ податяхъ и въ людяхъ, и во всемъ про-

чемъ, а малороссійскій народъ, по царской милости, не знаетъ такихъ тягостей. Въ слѣдующемъ 1720 году царь показалъ Малороссіи, что ей готовится не льгота и не обособленіе отъ прочихъ частей государства, а, напротивъ, тѣснѣйшее соединеніе на основаніи равнаго съ другими частями государства принятія на себя неизвѣстныхъ ей до того времени тягостей. Царь потребовалъ двѣнадцать тысячъ казаковъ на работу Ладожскаго канала, въ край болѣе далекій и болѣе непривычный малороссамъ по климату, чѣмъ берега Дона и нижней Волги.

Въ 1722 году пріѣхалъ Скоропадскій въ Петербургъ, посѣщая его уже не въ первый разъ. Гетманъ былъ принятъ очень почетно и ласково, царь цѣловалъ его; Скоропадскій удостоился даже сидѣть за столомъ государя рядомъ съ его высокою особою; но тогда же Скоропадскаго поразила иного рода нежданная милость. Царь издалъ указъ объ основаніи малороссійской коллегіи: тамъ долженъ былъ предсѣдать президентъ бригадиръ Вельяминовъ, а при немъ засѣдать шесть штабъ-офицеровъ; всѣ были изъ великоруссовъ. Управленіе Малороссіею подводилось подъ общую систему учрежденнаго въ 1719 году коллегіальнаго управленія по всей Россіи, вмѣсто прежняго приказнаго: мѣсто бывшаго нѣкогда малороссійскаго приказа должна была занять малороссійская коллегія, но съ тою важною разницею, что этой коллегіи надлежало находиться не въ столицѣ, а въ Малороссіи, въ городѣ Глуховѣ. Она была верховнымъ мѣстомъ въ малорусскомъ краѣ и выше самаго гетмана; за послѣднимъ оставалось право совѣта въ этой коллегіи. Малороссійская коллегія учреждалась подъ благовиднымъ предлогомъ защищать народъ отъ притѣсненій и злоупотребленій со стороны генеральной старшины, полковниковъ и всякихъ другихъ властей; она имѣла право производить дѣла по поступившимъ къ ней жалобамъ, вести приходныя и расходныя книги и доставлять ихъ въ сенатъ. Безъ сношенія съ нею, гетманъ и старшина не должны были предпринимать какихъ бы то ни было всенародныхъ распоряженій и разсылать универсаловъ. Тяжело показалось Скоропадскому. Онъ попытался сдѣлать государю представленіе и сослаться на права малороссійскаго края, утвержденныя царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ силу переяславскаго договора, заключеннаго съ гетманомъ Богданомъ Хмельницкимъ во время присоединенія Малороссіи,—права, подтвержденныя и наслѣдниками царя Алексѣя Михайловича и въ числѣ ихъ самимъ Петромъ. Царь далъ отвѣтъ, что нарушенія пунктовъ, постановленныхъ съ Хмельницкимъ, учрежденіе малороссійской коллегіи не дѣлаетъ, потому что и прежде дозволялось подавать апелляціи воеводамъ великорусскимъ.

Скоропадскій не слыхалъ о такомъ пунктѣ договора, на какой указывалъ Петръ, и во всей Малороссіи не знали и не слыхали, чтобъ договоръ переяславскій давалъ право апелляціи великорусскимъ воеводамъ. Но дѣлать было нечего. Скоропадскому оставалось молчать. Онъ уѣхалъ на родину, обласканный царемъ, но съ смертельною раною въ сердцѣ. Онъ жилъ не долго.

Гетманскій урядъ остался не занятымъ. Надобно было избрать новаго главу малороссійскаго казачества, но, пока совершится выборъ и послѣдуетъ утвержденіе отъ царя, казаки избрали временнымъ наказнымъ гетманомъ черниговскаго полковника Павла Полуботка.

Первымъ дѣломъ временнаго малорусскаго правительства было отправить посланцевъ Рубца и Быковскаго съ челобитьемъ въ сенатъ о выборѣ настоящаго гетмана. Это было въ концѣ 1722 года, когда Петръ готовился идти въ персидскій походъ. Полуботокъ обратился къ императрицѣ съ просьбою о ходатайствѣ у императора, чтобы малороссійскія права и преимущества были сохранены, а въ сенатъ подавалъ прошеніе объ отмѣнѣ пошлинъ съ меда, воска и табака.

Сенатъ отправилъ присланныхъ къ нему малоруссовъ въ Астрахань и велѣлъ тамъ дожидаться государя, который былъ въ Москвѣ, собираясь идти на Персію.

По прибытіи государя въ Астрахань, представились ему малорусскіе посланцы. Петръ, отпуская ихъ, письменно благодарилъ Полуботка и старшину за ихъ вѣрную службу и обѣщалъ устроить по ихъ желанію выборъ новаго гетмана послѣ своего возвращенія изъ похода. Между тѣмъ, Петръ приказалъ нарядить пятнадцать тысячъ малороссіянъ на работы въ Ладогу, а десять тысячъ къ крѣпости Св. Креста. Вмѣсто ожидаемой Полуботкомъ и старшинами льготы отъ налоговъ, царь издалъ новый именной указъ о налогахъ на пчельники и табачное производство въ Малороссіи. Вслѣдъ за тѣмъ, въ началѣ 1723 г., Петръ далъ указъ сенату объявить малороссійскимъ казакамъ, что, по ихъ желанію, будутъ къ нимъ въ полки опредѣляться полковники изъ великоруссовъ, какъ уже былъ тому примѣръ при Скоропадскомъ: зять этого гетмана, Толстой, получилъ полковничій урядъ въ Нѣжинѣ. Благовидный предлогъ расширить эту мѣру подалъ Стародубскій полкъ, въ которомъ казаки изъявили неудовольствіе противъ своего полковника Журавки, и просили имъ прислать другаго полковника. Царь назначилъ къ нимъ въ полковники великорусса Кокошкина и показалъ видъ, что смотритъ на такое заявленіе Стародубскаго полка, какъ на свидѣтельство того, что всѣ малоруссы желаютъ имѣть полковниковъ, назначенныхъ имъ изъ великоруссовъ.

По окончаніи персидскаго похода, воротившись въ Петербургъ, го-

сударь заставъ новое посольство изъ Малороссіи съ повтореніемъ просьбы о выборѣ новаго гетмана, согласно данному царемъ обѣщанію.

Въ челобитной, обращенной къ царю, говорилось такъ:

„Повелитель неба и земли, Христосъ Господь, въ нынѣшнемъ съ небесъ пришествіи своемъ, хотящъ побѣдити враги В. И. В-ву, всея Россіи повелителю, побѣду на иноплеменники даровалъ и съ оною торжественно въ великій градъ Москву возвратитися удостоилъ, того убо Христа въ міръ для побѣды и В. В-ва въ царствующій градъ съ побѣдою пришествія мы, съ рабской должности нашей, вамъ великому государю В. И. В-ву, въ началѣ сего года всеподданнѣйше виншуючи [1]), вѣрно желаемъ, дабы оный побѣдотворецъ Христосъ и въ предбудущіе многочислимые годы и лѣта дражайшее В. И. В-ва здоровье на огражденіе и побѣду супротивныхъ силою благости своея цѣло, состоятельно и крѣпко сохранилъ, величіе и славу имени вашему великому во всѣхъ ближнихъ и далечайшихъ странахъ иноплеменническихъ умножая составилъ. Мы обнадежены высокою В. И. В-ва милостію, выраженною въ премощнѣйшей [2]) граматѣ, съ правительствующаго сената принесенной черезъ нашихъ въ низовой походъ посыланныхъ съ найпокорнѣйшимъ прошеніемъ о избраніи по давномъ обыкновеніи вольными голосами новаго гетмана, на мѣсто умершаго господина Скоропадскаго, что тое новаго гетмана избраніе, заблагочаснымъ В. В-ва съ онаго походу возвращеніемъ сбудется; нынѣ за тую премногую В. В-ва милость достодолжное наше обсылаемъ благодарствіе и о исполненіи тоей же высокомонаршей милости В. И. пресв. В-ву, съ дозволеннымъ нашимъ челобитствіемъ, раболѣпное приносимъ прошеніе, при чемъ скипетродержавную В. В-ва монаршую духомъ лобызаемъ десницу". Подписали челобитную: Полуботокъ, Савичъ и Бунаковскій.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Полуботокъ послалъ письмо кабинетъ-секретарю Макарову и просилъ его ходатайства „о неотлагательномъ исполненіи высокомонаршей милостивой деклараціи въ общенародномъ всей Малой Россіи интересѣ понеже намъ и всей Малой Россіи безъ гетмана, яко безъ совершеннаго малороссійскаго правителя, обходиться трудно и неудобно".

На просьбу о выборѣ гетмана, Петръ далъ такой отвѣтъ:

„Всѣмъ вѣдомо, что съ Богдана Хмельницкаго до Скоропадскаго всѣ гетманы явились измѣнниками, отъ чего много потерпѣло государство русское, особенно Малороссія, и потому надобно пріискать въ гетманы вѣрнаго и надежнаго человѣка, а пока такой найдется,

---

[1]) Поздравляя.

[2]) Могущественнѣйшей.

опредѣлено правительство, которому надлежитъ повиноваться и не докучать на счетъ гетманскаго выбора".

Это малороссійское правительство, на которое указывалъ Петръ, была малороссійская коллегія, до крайности ненавистная для малорусскихъ начальныхъ людей. Между нею и генеральною старшиною произошло тогда жестокое столкновеніе. Старшина толковала, что коллегія должна была производить только дѣла по апелляціямъ, поданнымъ на приговоръ генеральнаго суда; старшина находила несправедливымъ, что коллегія разбираетъ всякія дѣла, даже не бывшія въ генеральномъ судѣ, и беретъ на себя право дѣлать распоряженія мимо туземной власти. Главное, что произошло тогда между коллегіею и старшиною, было то обстоятельство, что коллегія, по приказу государя, оповѣстила универсаломъ по всей Малороссіи, чтобы всѣ, которые имѣютъ какое-нибудь неудовольствіе противъ старшинъ и какого бы то ни было начальства въ Малороссіи, подавали жалобы въ коллегію, установленную государемъ съ тою цѣлію, дабы защищать бѣдныхъ противъ богатыхъ и вообще простой народъ противъ малороссійскихъ властей. Малорусскіе старшины увидѣли въ этомъ тайное желаніе поднять противъ нихъ подчиненныхъ, и такимъ путемъ привести къ перемѣнамъ, по ихъ взгляду, нарушающимъ права и привиллегіи малорусскаго края. Они поняли, что стоитъ объявить, чтобы недовольные шли жаловаться,—за недовольными дѣло не станетъ, хотя бы со стороны тѣхъ, на кого подаются жалобы, не было вовсе никакихъ злоупотребленій; въ особенности, старшины, знавшіе свой край и духъ своего народа, ожидали, что объявленіемъ коллегіи воспользуются крестьяне, чтобы заволноваться противъ землевладѣльцевъ, своихъ помѣщиковъ, потому что, со временъ возстанія противъ польскихъ пановъ при Хмельницкомъ, крестьяне составляли въ Малороссіи горючій матеріалъ, готовый вспыхнуть отъ малѣйшаго возбужденія. Чего старшины ждали, то и случилось. На Полуботка появились отъ разныхъ лицъ жалобы. Во многихъ мѣстахъ крестьяне забунтовали, не хотѣли слушаться своихъ помѣщиковъ, одного изъ послѣднихъ, Данилу Забѣлу, драли за волосы и чуть не убили; другой, Андрей Лизогубъ, жаловался старшинѣ, что въ селѣ его Погребахъ крестьяне исколотили до полусмерти старосту. Тогда Полуботокъ, вмѣстѣ со старшиною, выдалъ универсалъ, предписывавшій посполитымъ людямъ, живущимъ на помѣщичьихъ земляхъ, оказывать своимъ помѣщикамъ законное послушаніе, подъ страхомъ наказанія. По этому поводу между членами коллегіи и старшиною произошли сцены ссоръ и несогласія. Бригадиръ Вельяминовъ говорилъ, что малорусское правительство не смѣетъ посылать универсаловъ безъ вѣдома коллегіи, и, вдобавокъ, универсаловъ, противныхъ

по своему смыслу распоряженіямъ коллегіи. Полуботокъ ссылался на свой санъ наказнаго гетмана, который признанъ за нимъ самъ царь. Вельяминовъ на это сказалъ ему:

— Я бригадиръ и президентъ, а ты что такое передо мною?—ничто! Вотъ я васъ согну такъ, что и другіе треснутъ. Государь указалъ перемѣнить ваши давнины и поступать съ вами по новому!

Полуботокъ замѣтилъ непристойность его выходокъ при чтеніи высочайшаго указа.

— Я вамъ указъ!—закричалъ Вельяминовъ.

Полуботокъ отправилъ государю жалобу на Вельяминова и всю коллегію и привелъ въ своемъ прошеніи государю статью договора, заключеннаго съ Богданомъ Хмельницкимъ московскими боярами во время присоединенія Малороссіи къ Россіи: Полуботокъ указывалъ, что московскій царь Алексѣй Михайловичъ тогда утвердилъ старый порядокъ судопроизводства въ новоприсоединенной странѣ; ни воеводы, ни стольники не должны были вступаться въ войсковые суды и все товарищество судимо было своею генеральною старшиною: гдѣ три казака,—тамъ двое третьяго должны были судить. Полуботокъ смѣло напомнилъ Петру, что преемники Алексѣя Михайловича подтверждали этотъ договоръ и самъ Петръ подтвердилъ его при избраніи гетмана Скоропадскаго.

Но, съ своей стороны, коллегія жаловалась государю, что наказной гетманъ и старшина посылаютъ самовольно универсалы, противодѣйствуя коллегіи, поступающей по царскому указу, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, Вельяминовъ прислалъ жалобы, возникшія отъ разныхъ лицъ на Полуботка и старшину. Государь приказалъ позвать къ себѣ въ Петербургъ Полуботка, генеральнаго судью Ивана Чарныша и генеральнаго писаря Семена Савича.

Позванные къ отвѣту малороссы явились въ Петербургъ 3-го августа 1723 года и помѣстились въ домѣ Бутурлина (князя-папы). Сначала ихъ приняли ласково и милостиво; августа 6-го они представлялись государю на островѣ Котлинѣ, потомъ нѣсколько времени оставались безъ спросовъ, посѣщая разныхъ вельможъ; вездѣ ихъ принимали радушно и привѣтливо.

Въ сентябрѣ начался надъ ними допросъ въ тайной канцеляріи, сохранившійся въ дѣлахъ государственнаго архива. Прежде всего и болѣе всего налегали на универсалы о повиновеніи крестьянъ помѣщикамъ, разосланные безъ вѣдома коллегіи. Полуботокъ и Чарнышъ объясняли, что это сдѣлано ради того, чтобы въ поспольствѣ не учинилось опаснаго смятенія. „Вельяминовъ,—говорили они,—разослалъ своихъ офицеровъ внушать поспольству, чтобъ оно не боялось ни

своихъ владѣльцевъ, ни старшинъ, а мы знаемъ, что наше поспольство всегда готово подняться на пановъ и потому, чтобы не допустить до большаго мятежа, мы разослали универсалы, иначе съ насъ бы самихъ взыскивалось, если бы вышло общее волненіе". Савичъ уклонился отъ всякаго объясненія, отговариваясь, что былъ боленъ въ то время, когда посылались универсалы.

— „Вы,—спрашивали малороссовъ,—посылали въ Королевецъ казака Уманца предлагать казакамъ для выбора въ сотники подозрительныхъ людей: Семена Григоровича и Захара Колесниченка; первый былъ зять измѣнника Кожуровскаго, а второй—шуринъ прилуцкаго полковника Горленка, приставшаго къ Мазепѣ, между тѣмъ, какъ нѣжинскій полковникъ Толстой, зять покойнаго Скоропадскаго, писалъ вамъ, что, по приговору и желанію королевецкихъ казаковъ и поспольства, надобно было оставить прежняго сотника Головаревскаго, вѣрнаго слугу государя, на занимаемомъ имъ мѣстѣ. Вы же не учинили по его письму и велѣли выбирать новаго изъ подозрительныхъ людей, а Григоровичъ, со своими товарищами, билъ и сажалъ въ тюрьму казаковъ".

Полуботокъ отвѣчалъ:

— Мы предлагали на выборъ трехъ персонъ: Григоровича, Агіенка и Колесниченка и посылали узнать: какое будетъ согласіе въ этомъ королевецкихъ казаковъ; мы сдѣлали такъ потому, что казаки изъ Королевца пріѣзжали къ намъ и требовали для выбора намѣтить нѣсколькихъ лицъ, а не одну персону; старшины никого не назначали, а предоставили выборъ казакамъ. Нѣжинскій полковникъ Толстой писалъ къ намъ объ опредѣленіи Головаревскаго, но мы не сдѣлали этого по одному письму Толстого, а прежде послали казака Уманца провѣдать: точно-ли хотятъ его королевецкіе казаки и за кѣмъ окажется болѣе голосовъ? На Головаревскаго были челобитчики, и мѣщане, и казаки, а кто именно,—того не припомню: его винили, что онъ разоряетъ и отнимаетъ грунты у нѣкоторыхъ лицъ; такъ дѣлалъ онъ, когда былъ сотникомъ. По этой-то причинѣ мы и не опредѣлили Головаревскаго. О томъ, чтобы Григоровичъ кого-нибудь билъ, или сажалъ въ тюрьму—я ничего не знаю.

Спрошенный по этому пункту, Савичъ прибавилъ, что еще гетманъ Скоропадскій отставилъ Головаревскаго отъ должности сотника за нанесенныя людямъ обиды. Чарнышъ отозвался полнымъ невѣденіемъ по дѣлу о выборѣ сотника въ Королевцѣ.

Тайная канцелярія задала потомъ слѣдующій вопросъ:

„Бригадиръ Вельяминовъ писалъ, что вы, безъ указа коллегіи, раздавали въ работу деревни, приписанныя прежде къ ратушѣ. Кому раздавали вы деревни и какія именно?"

Савичъ и Чарнышъ отозвались незнаніемъ.

Одинъ Полуботокъ далъ на этотъ вопросъ такой отвѣтъ:

— Мы отдали одну деревню въ тридцать или сорокъ дворовъ новгородъ-сѣверскому сотнику Голезному, потому что этотъ сотникъ, по сенатскому указу, былъ переведенъ изъ Полтавскаго полка въ Новгородъ-сѣверскій, а прежняго сотника деревня была уже отписана къ гетманскимъ маетностямъ. Потомъ мы отдали небольшую деревню бунчуковому товарищу Кушневскому, ради отъѣзда его въ Петербургъ, какъ прежде дѣлалось у насъ въ подобныхъ случаяхъ; когда же бригадиръ сказалъ, что не слѣдуетъ давать деревни Кушневскому, тогда мы снова отобрали ее и приписали къ ратушѣ. Наконецъ, дана была небольшая деревня канцеляристу Хоменку въ Стародубскомъ полку, въ Баклановской сотнѣ, потому что этому канцеляристу дано было обѣщаніе еще гетманомъ Скоропадскимъ, по тому поводу, что Хоменко перешелъ на его сторону изъ-за Днѣпра и тамъ покинулъ бывшую за нимъ деревню. Болѣе этихъ трехъ деревень мы никому не давали.

Былъ затѣмъ сдѣланъ малороссамъ такой вопросъ:

—„Въ малороссійской коллегіи опредѣлено имѣть счетчика и комиссара для пріема денежной казны. Въ 1722 году велѣно было выбрать счетчика изъ гварнизонныхъ солдатъ, но на указъ объ этомъ получено донесеніе, что счетчикъ и комиссаръ уже выбраны и не изъ гварнизонныхъ солдатъ, потому что изъ гварнизонныхъ солдатъ выбрать некого: они всѣ бѣдны. Зачѣмъ отставили счетчиковъ и комиссара, не дождавшись указа?“

Полуботокъ и Савичъ объявили, что это неправда, а Чарнышъ добавилъ, что бригадиръ Вельяминовъ писалъ ложно, будто гварнизонные солдаты бѣдны и выбрать изъ нихъ некого, тогда какъ многіе изъ гварнизонныхъ солдатъ имѣютъ лавки и занимаются торгами.

Далѣе отъ тайной канцеляріи былъ предложенъ слѣдующій вопросъ:

„Прошлый годъ въ малороссійскіе полки были опредѣлены сборщики, которымъ велѣно собрать денегъ, хлѣба и меда, и этихъ денегъ не слѣдовало употреблять никуда безъ указа, а полковники Полуботокъ, Танскій, Апостолъ и Милорадовичъ отобрали у сборщиковъ 2,264 рубли и хлѣба 628 четвертей“.

Полуботокъ отвѣчалъ:

— Безъ указа ничего не брали, но по силѣ сенатскаго указа, которымъ велѣно было полковникамъ довольствоваться тѣми сборами, какіе получались прежде, въ Черниговскомъ полку собрано не коллежскими, а полковыми сборщиками всего 70 или 80 рублей. Савичъ

замѣтилъ, что изъ коллегіи присланъ былъ къ старшинѣ указъ объ одномъ медѣ, взятомъ миргородскимъ полковникомъ Апостоломъ, а о хлѣбѣ и деньгахъ не было никакой переписки, кромѣ только о хлѣбѣ, собираемомъ въ раздачу коллежскимъ служителямъ.

Представили допрошаемымъ такое донесеніе малороссійской коллегіи:

„Былъ посланъ въ Стародубскій полкъ, въ маетности полковничьяго уряда, Пекалицкій для сбора доходовъ на полковничій рангъ. Изъ коллегіи ему посланъ былъ указъ, чтобы онъ явился съ деньгами въ коллегію, а онъ не явился, и когда потомъ былъ сысканъ, то сказалъ, что старшина не велѣла отдавать этихъ денегъ въ коллегію. Что это значитъ—спрашивала тайная канцелярія,—сколько было денегъ и куда ихъ израсходовали?“

Полуботокъ на это сказалъ:

— Въ виду у насъ имѣлся указъ сената хранить собранныя деньги тамъ, гдѣ онѣ были собраны, и потому мы, старшина, опредѣлили не отдавать собранныхъ Пекалицкимъ денегъ, а приказали положить ихъ въ Стародубѣ, за неимѣніемъ полковника, при полковой старшинѣ, чтобы, когда будетъ въ Стародубскомъ полку новый полковникъ и потребуетъ этихъ денегъ, онѣ были бы на лицо, потому что такія деньги расходуются на покупку лошадей и другія нужды полка. Денегъ было на лицо рублей сто съ небольшимъ, а чтобы бригадиръ Вельяминовъ требовалъ этихъ денегъ и приказывалъ Пекалицкому явиться въ коллегію, и мы будто не велѣли Пекалицкому являться и доставлять въ коллегію денегъ—того мы не знаемъ и отъ насъ такого приказа не было.

И Савичъ и Чарнышъ показали тоже, что и Полуботокъ.

Тайная канцелярія сдѣлала такой спросъ:

„Когда у васъ бываютъ между собою совѣты о важныхъ дѣлахъ, вамъ велѣно давать знать бригадиру Вельяминову, и послѣдній долженъ находиться при такихъ вашихъ совѣтахъ; вы должны были сообщать ему сентенціи и копіи съ универсаловъ; вы же о своихъ совѣтахъ ему не объявляли, а присылали копіи съ универсаловъ и извѣстія о всякихъ дѣлахъ уже въ то время, когда дѣло окончится и состоится рѣшеніе“.

Полуботокъ далъ такой отвѣтъ:—„О важныхъ дѣлахъ мы письменно не держали совѣта съ Вельяминовымъ и знать ему на письмѣ не давали, потому что у насъ такія важныя дѣла не часто случаются. Сочиняя универсалы и подписывая ихъ, мы посылаемъ ихъ въ коллегію и до просмотра коллегіи ихъ не публикуемъ; иногда же о нужнѣйшихъ дѣлахъ имѣемъ разговоръ съ бригадиромъ Вельяминовымъ.

Копіи съ универсаловъ сообщаемъ въ коллегію, а сентенцій не посылаемъ, потому что у насъ не было такого обыкновенія, чтобы подписывать и крѣпить по листамъ приговоры всѣмъ старшинамъ. Не важныя же дѣла мы рѣшаемъ сами собою и по рѣшеніи доносимъ коллегіи. Всѣмъ этимъ мы не чинили коллегіи противности и не нарушали надлежащаго ей послушанія.

Тоже сказалъ Савичъ, а Чарнышъ отговорился незнаніемъ по причинѣ болѣзни, постигавшей его.

Спрашивали: „Для чего вы, не объявя Вельяминову, устроили у себя, кромѣ генеральнаго суда, еще какой-то свой судъ и какія дѣла производились въ этомъ судѣ? Были-ли такіе суды при прежнихъ гетманахъ и если не было, то для чего вы ихъ выдумали безъ указа?“

— Мы,—сказалъ Полуботокъ,—учинили въ Глуховѣ судъ съ совѣта старшины и сказывали о томъ ранѣе бригадиру Вельяминову, что нашъ генеральный судья заболѣлъ, а челобитчиковъ много и дѣлъ накопилось довольно. Бригадиръ не сказалъ намъ, чтобъ не быть такому суду, а, напротивъ, сказалъ: „хорошо“. Судъ этотъ вовсе не былъ иной, кромѣ генеральнаго, онъ былъ учрежденъ вмѣсто генеральнаго; и при прежнихъ гетманахъ дѣлалось такъ, что если генеральный судья отлучится, или заболѣетъ, то по гетманскому приказу выбирались временные судьи изъ полковыхъ старшинъ или изъ другихъ лицъ, кто прилучится, по четыре человѣка для судопроизводства. Изъ такого суда мы отсылали дѣла въ коллегію, а въ коллегіи, продержавъ дѣло мѣсяца три, отсылали его снова въ нашъ судъ для рѣшенія“.

Тоже показали Савичъ и Чарнышъ.

Былъ затѣмъ сдѣланъ вопросъ о глуховскомъ сотникѣ Мануйловѣ. Бригадиръ Вельяминовъ не велѣлъ его высылать въ низовой походъ, но объявленіе Вельяминова не было принято во вниманіе старшиною: Мануйловъ былъ высланъ.

„За какую вину,—спрашивали въ тайной канцеляріи,—держали вы на пушкѣ племянника этого Мануйлова, Оболонскаго, бывшаго у васъ канцеляристомъ?“

— Мануйлова выслали не мы,—отвѣчалъ Полуботокъ,—а нѣжинскій полковникъ Толстой, и бригадиръ Вельяминовъ не говорилъ намъ, чтобы его не высылать. Оболонскій же былъ наказанъ за то, что когда Вельяминовъ, сверхъ опредѣленныхъ для него маетностей, требовалъ съ насъ еще 300 четвертей хлѣба, а у насъ хлѣба въ сборѣ не было, то мы приказали Оболонскому написать донесеніе въ сенатъ, а Оболонскій потерялъ черновой отпускъ: за это, по нашему давнему

обыкновенію, мы подвергли его штрафу и Вельяминовъ на насъ за то озлобился.

Тоже показали Савичъ и Чарнышъ.

Все это до сихъ поръ были обвиненія въ злоупотребленіяхъ по общей текущей администраціи. Начались потомъ допросы по жалобамъ разныхъ лицъ на Полуботка и старшину.

„Стародубскій мѣщанинъ Ѳедоръ Сухота искалъ на стародубскомъ войтѣ Спиридонѣ Ширяѣ издержекъ въ проѣстяхъ и волокитахъ, по посланнымъ изъ иностранной коллегіи граматамъ. Искъ простирался до 809 рублей".

— Помню,—сказалъ Полуботокъ,—что была прислана изъ иностранной коллегіи грамата о взысканіи 809 рублей по челобитію Сухоты; эти деньги остались невзысканными за челобитіемъ отвѣтчика, доказавшаго, что истецъ ищетъ на него напрасно, и потомъ дѣло взято было на рѣшеніе въ малороссійскую коллегію.

Чарнышъ сказалъ:

— Оное дѣло генеральнымъ судомъ рѣшено, написана сентенція еще при Скоропадскомъ и послана была въ иностранную коллегію.

„Казакъ Никифоръ Ломака жаловался, что отецъ его билъ челомъ на Пилатовича о затопленіи мельницы; былъ данъ декретъ обвинительный на Пилатовича, но не приведенъ въ исполненіе".

Полуботокъ заявилъ, что не знаетъ этого дѣла.

Ему сказали: „Пилатовичъ обвиненъ былъ при гетманѣ Скоропадскомъ, и выданъ, по гетманскому приказу, противъ него обвинительный декретъ, но генеральный судъ, взявши взятку съ Пилатовича, обвинилъ Ломаку и отдалъ остальныя его мельницы Пилатовичу". По этому дѣлу Чарнышъ сказалъ:

— Пилатовичъ билъ челомъ напрасно, будто посланные, по челобитію Ломаки, розыщики вели розыскъ неправильно; потомъ посланы были вновѣ розыщики и, по вторичному розыску, явился виноватъ Ломака; тогда прежніе розыщики были наказаны гетманомъ и остальныя мельницы были отданы Пилатовичу. Взятокъ съ Пилатовича не брали; правда, онъ положилъ предъ судомъ деньги, но эти деньги были ему возвращены.

„Но по челобитію Ломаки,—возразили малоруссамъ въ тайной канцеляріи,—дѣло было требовано въ Москву и не прислано. Отчего вы его не прислали?"

— Я за болѣзнію не присутствовалъ въ судѣ,—сказалъ Чарнышъ,—а потомъ, когда старшина сообщила мнѣ, что это дѣло требуютъ въ коллегію, я передалъ его въ войсковую канцелярію, для отсылки въ коллегію.

Савичъ объяснилъ, что онъ не занимался этимъ дѣломъ, собираясь ѣхать въ Петербургъ.

„Города Любеча церкви Рождества Богородицы попъ Гаврило жаловался, что Полуботокъ сдѣлалъ нападеніе на церковную землю и другія маетности и овладѣлъ ими насильно, не обращая вниманія на крѣпостные акты".

Полуботокъ противъ этого обвиненія далъ такой отвѣтъ:

— Я не отнималъ насильно имущества и земель церковныхъ, а, быть можетъ, поступилъ такъ мой приказчикъ Семенъ Калмыковъ; думаю такъ потому, что тотъ попъ билъ челомъ въ коллегіи на него и приказчикъ по его челобитью взятъ въ коллегію, а отъ меня не давалось приказанія обижать этого попа, и самъ попъ на приказчика мнѣ не жаловался. Впрочемъ, приказчикъ взятъ въ коллегію по донесенію любецкаго сотника Савченка, а не по донесенію попа. Бригадиръ объявлялъ мнѣ о челобитной попа, и я хотѣлъ послать для розыска, но не послалъ, потому что самъ я поѣхалъ въ Петербургъ, а приказчика изъ коллегіи до сихъ поръ не освободили. Я приказывалъ приказчику, чтобъ онъ не чинилъ обиды попу.

Полуботку представили вопросы о разныхъ обидныхъ поступкахъ, учиненныхъ этому попу Гаврилѣ, а именно:

„Овладѣлъ десятью крестьянскими дворами и садомъ; приказалъ взять съ попова двора двадцать три воза сѣна; велѣлъ выбрать два улья пчелъ въ бортяхъ; на Днѣпрѣ велѣлъ вырубить язъ; черезъ принадлежащіе попу сады и огороды проложилъ дорогу къ своему двору; отнялъ въ семи рубляхъ огородъ; взялъ у попова крестьянина избу съ сѣньми и положилъ за нее своевольно восемь рублей; взялъ за долгъ у попа крестьянина; овладѣлъ церковною землею съ сѣнными полосами; отнялъ положенную церковникамъ въ пропитаніе дань съ двухъ острововъ по пяти рубл. и по два пуда меда; отнялъ четырехъ крестьянъ, съ которыхъ шло оброка по шести рублей и овса по шести четвертей; поставилъ на купленной церковной землѣ корчму" и проч.

На всѣ эти вопросы Полуботокъ отвѣчалъ отрицаніемъ.

На этомъ обрывается въ дѣлѣ, хранящемся въ государственномъ архивѣ, допросъ, сдѣланный тайной канцеляріей Полуботку съ товарищами. Затѣмъ, тамъ читаемъ мы роспись колодникамъ, которыхъ императоръ приказалъ отвезти въ Гварнизонъ (Петропавловскую крѣпость) лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка адъютанту Артемію Максимовичу. Это совершилось 10-го ноября 1723 года, въ 9 часовъ пополудни. Поименованные колодники были: Черниговскаго полка полковникъ Павелъ Полуботокъ, генеральный судья Иванъ Чарнышъ, генеральный

писарь Семенъ Савичъ, сыновья генеральнаго судьи: Иванъ и Петръ Чарныши, Черниговскаго полка полковой писарь Иванъ Янушкевичъ, того же полка казакъ Иванъ Рыкша, Стародубскаго полка войсковой товарищъ Степанъ Косовичъ, Гадяцкаго полка судья Григорій Грабянка, канцелярисгъ генеральной канцеляріи Николай Ханенко, Переяславскаго полка есаулъ и наказной полковникъ Иванъ Даниловичъ, Стародубскаго полка наказной полковникъ Петръ Корецкій, бунчуковый товарищъ Дмитро Володковскій, войсковой товарищъ Василій Быковскій, канцелярисгъ генеральной канцеляріи Иванъ Романовичъ. На дворѣ бывшаго князь-папы Бутурлина остались: священникъ Василій Петровъ и одиннадцать служителей Полуботка, изъ которыхъ одинъ былъ бандуристъ, а другой—кухмистеръ-полякъ, шесть служителей Чарныша, семь — Савича и нѣсколько служителей другихъ арестованныхъ.

Причина арестованія Полуботка и его товарищей не вполнѣ разъяснена исторіею. Въ Малороссіи сохранилось преданіе, что Полуботокъ раздражилъ царя смѣлою рѣчью, которую произнесъ на улицѣ, при выходѣ государя изъ Троицкой церкви. Бантышъ-Каменскій, въ своей исторіи Малой Россіи, сообщаетъ, что у малороссійскаго старожила Тарновскаго былъ списокъ этой рѣчи, но онъ кому-то отдалъ его. Въ „Исторіи Русовъ“, несправедливо приписываемой архіепископу Конисскому, приводится длинная рѣчь, будто бы говоренная Петру Полуботкомъ; но складъ этой рѣчи сразу обличаетъ поддѣлку, какъ и вообще всѣ приводимыя въ этой исторіи рѣчи. Правдоподобнѣе приводится рѣчь Полуботка, произнесенная въ это время Петру, въ сочиненіи Шерера, „Annales de la Petite Russie“:

„Знаю и вижу, государь, что вы хотите погубить мою родину безъ всякой причины, единственно по злобнымъ навѣтамъ гордаго Меншикова; вы считаете себя выше всѣхъ законовъ и хотите уничтожить всѣ привиллегіи, утвержденныя торжественно вашими предшественниками и вашимъ величествомъ; вы хотите подчинить произволу народъ, котораго свободу вы сами признали; вы не затрудняетесь посылать его на тяжелыя и унизительныя работы, принуждаете казаковъ, какъ рабовъ, копать каналы въ вашихъ владѣніяхъ, а что всего для насъ оскорбительнѣе — лишаете насъ драгоцѣннѣйшаго нашего права избирать вольными голосами гетмановъ и прочихъ начальниковъ; вмѣсто того, чтобы оставить судьямъ изъ нашего народа власть судить своихъ соотечественниковъ, вы поставили намъ судьями великоруссовъ, которые не знаютъ, или прикидываются незнающими, нашихъ правъ и привиллегій и не перестаютъ всякими способами насъ насиловать и оскорблять. Неужели, отказывая намъ въ правосудіи,

ваше величество думаете принести Богу благодарность за всѣ успѣхи, которые Онъ вамъ соизволилъ послать? Вы ослѣплены величіемъ и могуществомъ, которыя дали вамъ щедроты Божескія, а не думаете о Божескомъ правосудіи. Позвольте, ваше величество, объявить вамъ въ послѣдній разъ, что вы не получите никакой пользы отъ разоренія цѣлаго народа: гораздо менѣе вамъ славы властвовать силою и казнями надъ низкими рабами, чѣмъ быть главою и отцомъ такого народа, который, за всѣ ваши благодѣянія, всегда готовъ всѣмъ жертвовать и проливать кровь ради вашей пользы и славы. Знаю, что меня ожидаютъ оковы, что меня посадятъ въ мрачную тюрьму на голодную смерть, по московскому обычаю; но мнѣ все равно: я говорю за свою родину и добровольно предпочитаю самую мучительную смерть ужасному зрѣлищу окончательнаго разоренія моего края. Подумайте, великій государь, и будьте увѣрены, что вы отдадите нѣкогда отчетъ Господу всѣхъ господствующихъ за несправедливости, которыя вы учиняете народу, принятому вами подъ ваше покровительство".

Соображая тогдашнія обстоятельства, едва-ли можно признать эту рѣчь дѣйствительно сказанною Полуботкомъ. Мы знаемъ вспыльчивый, раздражительный и вмѣстѣ крутой нравъ Петра. Возможно-ли допустить, чтобы онъ спокойно, въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ, стоя на улицѣ, слушалъ это укорительное краснорѣчіе малороссійскаго наказнаго гетмана? Мы увѣрены, что этой рѣчи Полуботокъ не говорилъ, но она тѣмъ не менѣе имѣетъ для насъ значеніе, какъ отголосокъ происшедшей съ Полуботкомъ катастрофы и проявленіе сочувствія къ Полуботку у малороссовъ его времени, потому что рѣчь эта, по всѣмъ соображеніямъ, сочинена и приписана Полуботку въ Малороссіи. Въ бумагахъ государственнаго архива мы не нашли ни малѣйшаго намека на какую бы то ни было рѣчь, произнесенную Полуботкомъ государю; но изъ тѣхъ же бумагъ мы узнаемъ, что въ то время, когда Полуботокъ съ товарищами находился въ Петербургѣ и еще не былъ подвергнутъ въ тайной канцеляріи допросу, который мы привели выше, надъ нимъ начиналось тайно другое дѣло, по обвиненію въ государственной измѣнѣ. Дѣло это возникло, августа 31-го 1723 года, по донесенію псковскаго епископа Ѳеофана Прокоповича, сообщившаго письмо къ нему Иродіана, епископа черниговскаго о черниговскомъ полковникѣ Полуботкѣ, гдѣ показано было, что Полуботокъ имѣлъ сношенія съ измѣнникомъ Орликомъ, бывшимъ писаремъ Мазепы, возведеннымъ, по смерти послѣдняго, отъ шведскаго короля Карла XII, въ санъ малороссійскаго гетмана и приходившимъ съ татарскою ордою въ предѣлы Малороссіи. Иродіанъ препроводилъ при-

сланное къ нему письмо Нила, архимандрита елецкаго, отъ 12-го декабря 1722 года, слѣдующаго содержанія:

„Превелебный отецъ Самборовичъ съ архимандритіи елецкой отдаленъ отъѣзжаючи въ Кіевъ, ѣздилъ жегнати [1]) своихъ благодѣтелей черниговскихъ и въ небытности мости-пана полковника черниговскаго былъ у самой паньи-полковниковой [2]) въ домѣ; оттуда повернувши, былъ у меня, Нила архимандрита, только въ той обители новоизбраннаго, гдѣ хвалячися ласкою ея милости паньи полковниковой, что его довольно зъ дому своего путьшествовала, и тое предлагалъ якобы ему, отцу Самборовичу, презентовала листъ своего пана, въ которомъ его милость, панъ полковникъ, пишучи зъ Глухова, хвалился ласкою князя свѣтлѣйшаго: повелѣлъ ему, пану полковнику, въ нуждахъ своихъ списываться, обѣщаючися во всемъ пособствовати; также повѣдалъ, якобы чулъ зъ устъ паньи полковниковой, что пана миргородскаго полковника моцно [3]) ранено на баталіи, и также полковника Танскаго разсѣчено и пана Галагана разрублено, а сынъ пана полковника миргородскаго гдѣсь [4]) подѣлся—неизвѣстно; также похвалялъ ростропность его милости пана полковника черниговскаго, который, чуючи Орликъ съ 30,000 кочуючаго за Васильковымъ въ степи, не писалъ къ нему, токмо изустнымъ выговоромъ посылалъ козаковъ увѣдомляючися, для чего бы Орликъ зближился [5]) зъ ордою подъ Кіевъ, на что якобы то отвѣтствовалъ Орликъ: „того ради я здѣсь кочую зъ ордою, бо [6]) въ нашихъ сторонахъ многолюдно, а повѣтріе тяжкое, абымъ я ся не заразилъ [7])“. Я какъ въ ту пору казалъ [8]) отцу Самборовичу, что то байка щирая [9]), а не правда, такъ и теперь принужденъ повелѣніемъ преосвященнаго моего пастыря его милости господина Іродіана Жураковскаго мусилемъ [10]) дати на письмѣ подлинныя его отца Самборовича слова“.

Уже до пріѣзда Полуботка въ Петербургъ по этому поводу возникла переписка между Полуботкомъ и Самборовичемъ, переведеннымъ тогда изъ Чернигова въ Кіевъ въ санѣ игумена Кирилловскаго монастыря. Полуботокъ отъ 29-го мая 1723 года писалъ Самборовичу такое письмо:

„Донеслося мнѣ вѣдомо изъ Чернигова о нѣкоторыхъ плеткахъ [11]), что якобы оныя произошли на контемптъ [12]) и на нѣкуюсь шкодливость [13]) моей особы отъ васъ, мости-пана [14]), чего весьма не сподѣвалемся [15]), которыя отецъ Нилъ, отъ вашея мости-пана чуючи, донесъ пре-

[1]) прощаться, [2]) госпожи полковницы, [3]) сильно, [4]) гдѣ-то, [5]) приблизился, [6]) ибо, [7]) чтобы я не заразился, [8]) говорилъ, [9]) сущая выдумка, [10]) долженъ былъ, [11]) сплетняхъ, [12]) для униженія, [13]) зловредность, [14]) милостивый государь, [15]) не надѣялся.

освященному его милости епископу черниговскому, яко же, по требованію его преосвященства, о тыхъ за рукою своею далъ его пастырской милости сказку, которой копію въ объявленіе черезъ сего листа [1]) подавцу [2]) до вашей милости пана посылаючи, вельцѣ [3]) прошу на всякой пунктъ мнѣ въ самой скорости учинити отвѣтъ: есть ли тые плетки отъ вашей мости-пана вышли, чили не [4]), абымъ я могълъ вѣдати на кимъ при невинности моей моего безчестія и обругательства доходити [5]); при томъ всегданнимъ мя вашей милости полецаю [6]) молитвамъ".

Въ отвѣтъ на это письмо кирилловскій игуменъ 4-го іюня 1723 года писалъ черниговскому полковнику:

„Презентовано [7]) мнѣ сказку превелебнаго отца Нила, теперешняго архимандриты елецкаго, который написалъ якобы по пріѣздѣ моемъ въ Черниговъ, будучи мнѣ въ домѣ вашемъ панскомъ давано читати листъ, писанный отъ вашей мости-пана. Тамъ листа мнѣ не презентовано, только цидулку, чинячи мнѣ сожалѣніе, а потѣшаючи веселою вѣстью о милостивомъ монаршемъ призрѣніи на Малую Россію, то есть повелѣню всякому началу и гражданству владѣти добрами [8]) и доходами належными [9]) по прежнему, наконецъ въ той цидулѣ доложено, что князь свѣтлѣйшій много ходатайствовалъ до императорскаго величества въ томъ дѣлѣ нашимъ посланнымъ и впредь обѣщался. Напутствіемъ зъ дому вашего панского отъ ея милости паньи полковниковой мнѣ учиненнымъ не хваливался я того дня предъ отцомъ Ниломъ, бо ажъ на утренній день [10]) мнѣ прислано по милости своей, что была благодѣтельская ласка ко изгнаниому, ибо мя нагло [11]) отецъ Нилъ выправлялъ [12]) зъ Елецкаго въ Кіевъ, хотя на крѣпко складаемся писаніемъ [13]) преосвященнаго архипастыря тутейшаго [14]) кіевскаго персвадуючимъ, чтобы я не рушался зъ мѣсца [15]). О тому полковнику миргородскомъ, о пану Галагану и о пану Таискомъ, жаднаго [16]) въ дому вашей милости не было разговору, бо ледво съ полъ квадранса тамъ бавилисьмыся на пожегнанію [17]). Тое добре памятую, что еще выѣздячему [18]) мнѣ на устрѣчу [19]) къ архіерею теперешнему черниговскому въ Новгородокъ, сказали мнѣ за монастыремъ Елецкимъ на дворцѣ пришедшій зъ города іеромонахъ Ѳаддей Какойловичъ и діаконъ Андрей Дембицкій, будто

---

[1]) письма, [2]) подателя, [3]) очень, [4]) или нѣтъ, [5]) искать, [6]) поручаю, [7]) показано, [8]) имуществами, [9]) надлежащими, [10]) ибо уже на другой день, [11]) внезапно, [12]) выпроваживалъ, [13]) усиленно ссылался на письмо, [14]) здѣшняго, [15]) убѣждавшее, чтобы я не трогался съ мѣста, [16]) никакого, [17]) ибо едва полъчетверти часа мы провели на прощаніи, [18]) выѣзжающему, [19]) встрѣчу.

слышали они, что подъ шопою [1]) тамъ у Чернигови читано письмо яко бы пана миргородскаго пострѣляно, Галагана и Чесника разсѣчено и пана Танского порубано, не вѣдать чи живы будуть; тую вѣсть на ночлезѣ у вечеру за Сновомъ на лузѣ объявилъ былъ я его милости отцу архимандриту Святотроицкому, въ то время сопутнику моему, а больше никому, бо не подлинно было чи такъ, или нѣтъ. О Орлику и о ордѣ за Васильковымъ ани [2]) въ дому вашей мости, ани въ Черниговѣ я не слыхалъ и не розмовлялъ [3]) о нимъ съ отцомъ Ниломъ и о посылкѣ вашей милости къ нему не вѣдаю и жадного словесного вашей мости пану не чинилемъ аплаузу [4]) развѣ могли онъ слышати отъ людей посполитыхъ, а не отъ мене, бо и о мнѣ тутъ пронеслось было яко бы я давно уже поѣхалъ до святѣйшаго синода, и минувши Черниговъ ктось [5]) мене видѣлъ въ Седневѣ и въ Новгородку, а я здѣсь недвижимъ пребываю, имѣючи мѣсто пристойное. Пронеслася была зимою тутъ тревога, будто орда въ степи за Васильковымъ, или уже по семъ боку Василькова, а отъ кого—въ то время не вѣдалъ я, ажъ теперь спросился отца намѣстника святософійскаго, отца писаря, отца институтора консисторіи, и они повѣдали, что нѣякійсь [6]) мужикъ прибѣгъ до Рославичъ, села митрополитанскаго, сказалъ о той тревогѣ попу, попъ зъ городничимъ тамошнимъ ударили въ колоколъ на гвалтъ [7]), людей потревожили и по околичныхъ селахъ; однако за тое и попъ и городничій приняли въ цѣпи наказаніе, а мужикъ въ крѣпости печерской имѣлъ наказаніе; а понеже отецъ Нилъ по повелѣнію на мене неправдивую далъ сказку, то мусилъ [8]) писати и тое чего отъ мене не слыхалъ: може онъ по нелюбови ко мнѣ сіе творитъ, хотя я ни въ чемъ его милости не перешкожую [9]), или хотѣлъ крайняго моего благодѣтеля, вашу панскую милость, подвигнути на меня старца до уразы [10]), до ненависти; что кольвекъ [11]) дѣлаетъ, Богъ ему да простить, а я всегда въ надлежащей чести доброе имя и славу такъ самого вашей мости пана, яко и всего богодарственнаго домовства пестуючи и заховуючи всегдашнія молитвы и готовость услугъ доживотныхъ [12]) при нижайшемъ поклоненіи залецаю [13]) вельми вашъ во всемъ зычливый [14]) богомолецъ и слуга нижайшій Евстратій Самборовичъ, архимандритъ елецкій, игуменъ общества Святотроицкаго Кирилловскаго кіевскій рукою власною".

По этимъ полученнымъ извѣстіямъ, тайная канцелярія отправила

---

[1]) подъ навѣсомъ, [2]) ни, [3]) не разговаривалъ, [4]) не одобрялъ, [5]) кто-то, [6]) какой-то, [7]) въ набатъ, [8]) долженъ былъ, [9]) не препятствую, [10]) къ оскорбленію, [11]) что-нибудь, [12]) пожизненныхъ, [13]) поручаю, [14]) доброжелательный.

въ Кіевъ къ тамошнему генералъ-губернатору указъ произвести розыскъ о сношеніяхъ Полуботка съ Орликомъ. Указъ этотъ отправленъ былъ съ нарочнымъ, лейбъ-гвардіи сержантомъ Мордвиновымъ, которому велѣно было самому находиться при слѣдствіи и, окончивши слѣдствіе, отослать все дѣло для окончательнаго рѣшенія въ вышній судъ. Но князь Трубецкой, начавши производить розыскъ, встрѣтилъ затрудненіе и доносилъ, что никакъ не можетъ довести дѣло до конца, потому что люди, которыхъ онъ привлекалъ къ допросу, боясь Полуботка или потакая ему, не говорили правды. Дѣло въ томъ, что въ Петербургѣ находившіеся малороссы провѣдали собирающуюся надъ ними грозу: сенатскіе подъячіе сообщили имъ секретное дѣло, производившееся объ нихъ, и Полуботокъ написалъ въ Малороссію наставленіе, какъ слѣдуетъ поступать и отвѣчать, когда будутъ дѣлать розыскъ. Это сдѣлалось извѣстнымъ государю и, повидимому, это обстоятельство и было поводомъ внезапнаго ареста, наложеннаго на малороссіянъ въ Петербургѣ. У г. Соловьева, кромѣ тѣхъ бумагъ, которыя были въ нашихъ рукахъ изъ государственнаго архива, были еще документы московскаго архива иностранныхъ дѣлъ, изъ которыхъ оказывается, что 10-го ноября, въ день, когда арестовали Полуботка съ другими малороссами, Петру, при выходѣ изъ церкви св. Троицы, пріѣхавшій изъ Малороссіи канцеляристъ Иванъ Романовичъ подалъ двѣ челобитныя; государь распечаталъ ихъ въ домѣ, называемомъ „Четыре фрегата“ и нашелъ въ этихъ челобитныхъ „неосновательныя и противныя прошенія“. Изъ указа, послѣдовавшаго уже послѣ кончины Петра (П. С. З., ст. 4651) видно, что въ одной изъ этихъ челобитныхъ, написанной старшиною, остававшейся въ Малороссіи, просили государя, будто бы по желанію всего малороссійскаго народа, уничтожить малороссійскую коллегію и устроить вмѣсто нея генеральный судъ изъ семи особъ. По поводу этой челобитной Петръ приказалъ арестовать Полуботка и всѣхъ его товарищей и захватить всѣ ихъ бумаги: въ этихъ бумагахъ найдена „промеморія“ отправлявшемуся въ Малороссію посланцу съ наставленіемъ, какіе отвѣты слѣдуетъ давать, когда будутъ дѣлать вопросы и вмѣстѣ съ тѣмъ научать жаловаться на притѣсненія со стороны малороссійской коллегіи. Петръ ясно узналъ, что малороссы провѣдали секретное дѣло, производившееся о нихъ, и 16-го января 1724 года далъ такой указъ сенату, что „секретныя дѣла вынесены отъ подъячихъ черкассамъ... того ради, получа сіе, учините, по примѣру иностранной коллегіи, чтобы секретныя дѣла были особливо у надежныхъ людей, чтобы впредь такого скаредства не учинилось“.

Какъ бы то ни было, но еще въ декабрѣ 1723 года отправленъ

былъ въ Малороссію Румянцевъ, довѣренный человѣкъ Петра, сослужившій ему важную службу вмѣстѣ съ Толстымъ по дѣлу о вызовѣ царевича Алексѣя изъ-за границы. Государь далъ ему инструкцію повѣрить и докончить розыскъ, начатый и неконченный княземъ Трубецкимъ. Румянцевъ долженъ былъ собрать всѣхъ тѣхъ людей, которые были въ прежнемъ розыскѣ, обнадежить ихъ, что имъ не будетъ ничего дурнаго, убѣдить ихъ, чтобъ они безо всякой опасности объявили о преступленіяхъ Полуботка и всей старшины и, снявши съ нихъ допросъ, отправить ихъ въ Петербургъ, не подъ арестомъ, но съ офицеромъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Румянцеву предписывалось собирать въ городахъ казаковъ, убѣдить ихъ въ томъ, что имъ будетъ лучше, когда, вмѣсто прежнихъ полковниковъ, будутъ имъ назначены новые полковники изъ великороссіянъ, и узнать, что казаки вовсе не участвовали въ составленіи челобитной объ избраніи гетмана, а что такую челобитную выдумала старшина отъ имени всего казачества, безъ желанія подчиненныхъ.

Румянцевъ, въ январѣ 1724 года, доносилъ изъ Чернигова, что, пріѣхавши въ Стародубъ, онъ собралъ на сходъ полковую старшину, сотниковъ и по нѣскольку десятковъ казаковъ отъ каждой сотни, а также и членовъ магистрата. Онъ спрашивалъ ихъ: знаютъ-ли они о челобитной, поданной генеральною старшиною объ избраніи гетмана, и съ ихъ-ли желанія генеральная старшина составила эту челобитную? Иные сказали, что знаютъ; другіе—что не знаютъ подлинно. Но, по замѣчанію Румянцева, они говорили такъ, что вѣрить имъ нельзя: сразу видно, что ихъ научили другіе. Румянцевъ спросилъ: довольны-ли они опредѣленнымъ въ ихъ полкъ полковникомъ Кокошкинымъ? Казаки сообразили, какого отвѣта хочется тѣмъ, которые задавали имъ такой вопросъ, и сказали, что они „по высокой милости царской, зѣло удовольствованы“. Когда Румянцевъ изъ Стародуба пріѣхалъ въ Черниговъ, то собралъ сходъ и объявилъ черниговскимъ казакамъ, что у нихъ полковникомъ будетъ назначенный отъ царя Богдановъ. Казаки приняли эту новость „съ великимъ благодареніемъ“. Румянцевъ спросилъ про челобитную объ избраніи гетмана, посланную государю будто бы отъ всего казачества. Черниговскіе казаки отвѣчали, что ничего объ этомъ не вѣдаютъ, что старшина составила эту челобитную „воровски безъ ихъ позволенія“. Содержавшійся подъ карауломъ канцелярист Банкевичъ подалъ на старшину доносъ и Румянцевъ препроводилъ этотъ доносъ въ тайную канцелярію. Изъ Чернигова Румянцевъ собрался ѣхать въ другіе малороссійскіе полковые города и испрашивалъ дальнѣйшихъ для себя инструкцій. Этихъ инструкцій мы не нашли, но изъ указа Екатерины I (П. С. З.

ст. 4651) оказывается, что Румянцевъ ѣздилъ во всѣ полковые города и вездѣ собиралъ на сходъ полковую старшину и по нѣсколько сотъ казаковъ. Онъ дѣлалъ на сходахъ тѣже вопросы, что въ Черниговѣ и Стародубѣ. Вездѣ казаки показали, что они не просили ни объ упраздненіи малороссійской коллегіи, ни объ избраніи гетмана, что это вымыслила сама собою старшина, а другихъ принуждали прилагать руки къ челобитной. Румянцевъ вмѣстѣ съ тѣмъ доноситъ въ тайную канцелярію, что, какъ онъ узналъ, находившіеся въ Петербургѣ малороссы посылали къ оставшейся въ Малороссіи старшинѣ, къ Жураковскому и Лизогубу наставленіе, а Жураковскій и Лизогубъ, по смыслу этого наставленія, разослали отъ себя письма въ три полка, чтобы побудить малороссійскій народъ заявлять нежеланіе имѣть у себя великоросскихъ судей и великорусскихъ полковниковъ. Потомъ Полуботокъ послалъ изъ Петербурга въ Малороссію своего довѣреннаго человѣка Лаговича передать генеральной старшинѣ, чтобы полковники въ разныхъ полкахъ внушили своей полковой старшинѣ и сотникамъ, дабы они постарались поскорѣе помириться со всѣми тѣми, съ кѣмъ находились въ ссорѣ и вознаградили бы тѣхъ, кого оскорбили, чтобы не было болѣе жалобъ на причиненныя обиды. Когда правительство узнало объ этомъ обо всемъ изъ донесенія Румянцева, Лаговича подвергли въ Петербургѣ очной ставкѣ съ Полуботкомъ, и Полуботокъ сознался, что посылалъ Лаговича дѣлать надлежащія внушенія, чтобы расположить казаковъ давать на вопросы такіе отвѣты, которые бы не шли въ разрѣзъ съ ихъ задушевнымъ желаніемъ удержать въ Малороссіи старый порядокъ и не допускать нововведеній.

Полуботокъ умеръ въ Петропавловской крѣпости въ 1724 году. Его товарищи были освобождены Екатериною I.

Тогдашнее русское правительство не только при Петрѣ, но и послѣ его кончины, старалось представить Полуботка и его товарищей людьми, которые, заботясь о своихъ личныхъ и сословныхъ цѣляхъ, были утѣснителями „подлаго“, какъ выражались въ тѣ времена, народа, а государь являлся защитникомъ и охранителемъ этого народа отъ эксплуатаціи сильныхъ и богатыхъ лицъ, занимавшихъ начальническія мѣста. Въ Малороссіи, между тамошнею интеллигенціею, составилось и укрѣпилось мнѣніе о Полуботкѣ, какъ о смѣломъ, благородномъ и рѣшительномъ, тѣмъ не менѣе, непоколебимо вѣрномъ престолу и своему долгу героѣ, пожертвовавшемъ своею свободою и даже самою жизнію за права своей родины. Мы не имѣемъ подробныхъ данныхъ, чтобы произнести вѣрный приговоръ и, такъ сказать, послѣднее слово исторіи о печальномъ событіи, изложенномъ нами. Все, въ чемъ въ оное время обвиняли Полуботка и вообще старшину,

остается недоказаннымъ. Читатели наши могутъ ясно видѣть, что обвиненія, на которыя ихъ заставляли давать отвѣты въ тайной канцеляріи, голословны и не подтверждались никакими фактическими уликами, а отъ обвиняемыхъ ни въ чемъ не послѣдовало сознанія. Притомъ способъ, какимъ возбуждены всѣ противныя для Полуботка и старшины жалобы, по самому существу своему внушаетъ подозрѣніе въ справедливости самыхъ жалобъ. Малороссійская коллегія разсылаетъ приглашенія подавать жалобы на старшинъ. Нѣтъ и быть не можетъ въ свѣтѣ человѣка, который бы всѣмъ угодилъ. Понятно, если оповѣстить всѣмъ и каждому, чтобы шли съ жалобами на то или другое лицо, то непремѣнно явится цѣлая куча жалобъ. Дѣлать подобныя приглашенія къ подачѣ жалобъ можно только съ предвзятымъ желаніемъ повредить, во что бы то ни стало, тѣмъ, на которыхъ будутъ приноситься жалобы. Такъ на самомъ дѣлѣ и было. Петръ, въ видахъ государственнаго единства, находилъ неумѣстнымъ сохранять областную самобытность малороссійскаго края и желалъ тѣснѣе слить его съ остальнымъ государствомъ своимъ. При такомъ взглядѣ, ему до крайности непріятно было домогательство старшинъ объ избраніи новаго гетмана и ихъ недовольство учрежденіемъ малороссійской коллегіи, новаго, еще небывалаго органа предполагаемаго государемъ слитія Малороссіи съ Россіею. Петръ зналъ и вѣрно понималъ, что этого желаютъ одни старшины, какъ люди сравнительно болѣе другихъ политически развитые и потому на нихъ-то устремилъ свои удары. Петръ зналъ въ тоже время, что въ Малороссіи существуютъ уже издавна враждебныя отношенія между казацкимъ начальствомъ и простыми казаками, между значными и чернью, между богатыми и бѣдняками, между владѣльцами земли и безземельными наймитами, между привиллегированнымъ казачествомъ и осужденнымъ на поборы и повинности посполъствомъ, однимъ словомъ, между тѣмъ, что въ какихъбы то ни было отношеніяхъ и какими бы то ни было путями поднималось изъ народной массы и остальною массою. Петръ воспользовался этимъ общественнымъ положеніемъ въ Малороссіи для своихъ политическихъ цѣлей. Въ такихъ видахъ ему было полезно, когда явятся изъ народной массы жалобы на старшину, на значныхъ людей; въ такихъ видахъ онъ отправилъ Румянцева вызывать у простыхъ казаковъ согласіе и сочувствіе къ нововведеніямъ, которые, какъ Петру было извѣстно, приходились не по-сердцу старшинѣ и вообще значнымъ людямъ. Можетъ-ли историкъ вѣрить искренности того, что могли отвѣчать казаки и простолюдины на вопросы человѣка, пріѣхавшаго отъ царя и своимъ тономъ показывавшаго имъ, чего хочетъ царь? Можетъ-ли, кромѣ того, вѣрить безпристрастной правдивости

донесеній человѣка, прибывшаго въ Малороссію съ заранѣе задуманнымъ планомъ услышать тамъ такое народное желаніе, какого хотѣлось получить самодержавному царю? Мы не можемъ признать ни справедливости тѣхъ обвиненій, которыя были искусственно возбуждены противъ Полуботка и старшинъ, ни обвинять послѣднихъ въ ихъ домогательствахъ удерживать въ Малороссіи старый порядокъ, не нравившійся царю. Полуботокъ былъ одною изъ жертвъ, принесенныхъ для государственныхъ цѣлей, которыя во всей дѣятельности Петра всегда были на первомъ планѣ.

Н. И. Костомаровъ.

БУНТЪ БЕНЬЁВСКАГО ВЪ КАМЧАТКѢ

въ 1771 г.

При обозрѣніи старыхъ дѣлъ Иркутскаго архива, мы имѣли случай ознакомиться съ секретнымъ дѣломъ о бунтѣ Беньовскаго. Сличая заключающійся въ этомъ дѣлѣ богатый матеріалъ со свѣдѣніями, напечатанными въ «Сынѣ Отечества» 1821 года, «Сѣверномъ Архивѣ» 1822 года и «Русскомъ Архивѣ» 1865 года, легко было замѣтить пробѣлы, вкравшіеся въ эти статьи, по неимѣнію, конечно, достаточно полныхъ свѣдѣній о бунтѣ. Кромѣ того, во всѣхъ этихъ статьяхъ встрѣчаются ошибки какъ въ названіи нѣкоторыхъ лицъ, участвовавшихъ въ бунтѣ, такъ и въ хронологіи, — ошибки, происшедшія, по всей вѣроятности, по винѣ переписчиковъ. Представляя нынѣ возможно полное описаніе этого событія, составленное по архивнымъ документамъ, мы считаемъ лишнимъ затѣмъ указывать на всѣ эти ошибки, и упомянемъ здѣсь только нѣкоторыя изъ нихъ. Напримѣръ: въ «Сынѣ Отечества» и «Русскомъ Архивѣ» Турчаниновъ названъ — Гурчениномъ и Гурченинновымъ; Винбланъ — Винбладомъ, а казакъ Рюминъ названъ канцеляристомъ, тогда какъ онъ незадолго до бунта былъ разжалованъ изъ этого званія въ казаки; первый указъ Екатерины II на счетъ бунтовщиковъ былъ подписанъ 1-го января 1772 г., а не въ 1771 г., какъ сказано въ «Русскомъ Архивѣ», и т. п. А. С.

I.

Въ царствованіе Петра II, Анны Іоанновны и Елисаветы Петровны Якутская область была наводнена ссыльными привиллегированныхъ сословій, обвиненныхъ происками временьщиковъ въ государственной измѣнѣ. Якутскіе воеводы не разъ доносили Сибирскому приказу, что всѣ остроги заняты колодниками, и что они опасаются какого-либо замѣшательства. Надо думать, что эти донесенія и послужили поводомъ къ тому, что въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія стали ссылать государственныхъ преступниковъ въ Охотскъ, а въ сороковыхъ годахъ, когда и въ Охотскѣ затруднялись въ ихъ размѣщеніи, назначили имъ мѣстомъ жительства Камчатку.

Первые колодники, присланные въ Камчатку, были: камеръ-лакей Анны Іоанновны Турчаниновъ, прапорщикъ Ивашкинъ и сержантъ Сновидовъ: Первому изъ нихъ былъ урѣзанъ языкъ и у всѣхъ троихъ вырваны ноздри. Эти преступники, открытаго Лестокомъ въ 1742 г. заговора въ пользу Анны Леопольдовны, прибыли въ Якутскъ въ 1744 году, гдѣ встрѣтились въ острогѣ съ Иваномъ Лопухинымъ, предназначеннымъ къ ссылкѣ въ Охотскъ.

По прибытіи ихъ въ Камчатку, на всемъ полуостровѣ вспыхнулъ бунтъ, поднятый коряками, раззоренными ясачными сборщиками, вымогавшими у нихъ тройной ясакъ и чащины[1]), и тѣснимыми нашимъ духовенствомъ, вводившимъ энергическими мѣрами христіанство въ Камчаткѣ. Обстоятельство это остановило на время посылку туда государственныхъ преступниковъ. Но, по усмиреніи бунта, ихъ снова стали присылать въ Большерѣцкъ. По отчетамъ Большерѣцкой канцеляріи видно, что до восшествія на престолъ Екатерины II было доставлено въ Камчатку еще трое колодниковъ: Гурьевъ, сосланный въ 1762 г., капитанъ гвардіи Хрущевъ (1763 г.) и лекарь Мейдеръ (1765 г.).

Преступники эти жили на свободѣ и занимались торговлею и обученіемъ дѣтей грамотѣ. Камчатскимъ командирамъ было не до нихъ: рядъ потрясающихъ событій на полуостровѣ отвлекъ ихъ вниманіе отъ колодниковъ. Въ зиму 1768 и 1769 гг. свирѣпствовала въ Камчаткѣ оспа, похитившая 5,767 инородцевъ и 315 человѣкъ русскихъ заѣзжихъ людей. Вслѣдъ за этимъ бѣдствіемъ обнаружился повсемѣстный неуловъ рыбы, которая замѣняетъ здѣшнимъ жителямъ хлѣбъ. Помочь этому несчастію могли бы коряки, спасавшіе уже не разъ жителей Камчатки отъ голодной смерти своими табунами оленей, но у нихъ сохранились въ свѣжей памяти казни и истязанія, совершенныя надъ ихъ старшинами во время производства слѣдствія о бунтѣ. Къ тому же, некому было позаботиться о помощи бѣдствующимъ: въ это время въ Камчаткѣ было безначаліе, которымъ, между прочимъ, и воспользовался Беньевскій съ своими сообщниками.

Правительство наше, освѣдомясь о безпорядкахъ въ Камчаткѣ, еще въ 1761 г. послало въ Анадырскъ полковника Плениснера, съ подчиненіемъ ему и всѣхъ камчатскихъ остроговъ. Но, спустя два года, по высочайшему повелѣнію, для содержанія и охраненія вѣрноподданныхъ народовъ и учрежденія добрыхъ порядковъ, а главное, для изслѣдованія незнакомыхъ земель и острововъ, былъ назначенъ въ Камчатку особый командиръ капитанъ-лейтенантъ Извѣковъ. Выборъ Извѣ-

[1]) Камчатское названіе взятки. А. С.

кова, „для учрежденія добрыхъ порядковъ“, былъ сдѣланъ какъ бы въ насмѣшку надъ указомъ. Своею безнравственностію и жестокостію онъ превзошелъ всѣхъ своихъ предшественниковъ. При назначеніи Извѣкова, никто не позаботился отмѣнить сенатскій указъ о правахъ Пленеснера на Камчатку, и такимъ образомъ одновременно управляли камчатскими дѣлами два начальника, снабженные отдѣльными инструкціями. Пленеснеръ вздумалъ давать предписанія Извѣкову, а послѣдній не признавалъ надъ собой его власти, ссылаясь на высочайшій указъ. Столкновеніе ихъ заставило иркутскаго губернатора послать въ Камчатку третьяго начальника—полковника Зубрицкаго, которому поручалось привести всѣ замѣшательства въ порядокъ и произвести по ссорѣ Пленеснера съ Извѣковымъ законное слѣдствіе.

Зубрицкій, по прибытіи своемъ въ Охотскъ, встрѣтилъ тамъ обоихъ камчатскихъ командировъ. Пленеснеръ, по уничтоженіи въ 1764 г. анадырскаго острога, переселился въ Охотскъ, также ему подчиненный; а Извѣковъ, по интригамъ Пленеснера, былъ смѣненъ съ должности своими подчиненными, подъ предлогомъ его буйства и жестокостей, и отправленъ арестованнымъ въ Охотскъ. Зубрицкій наскоро произвелъ порученное ему слѣдствіе и отправился въ Камчатку, гдѣ предоставилъ управленіе краемъ вытребованному изъ Ижиги начальнику тамошней военной команды, малограмотному, разбитому параличемъ и вѣчно пьяному капитану Нилову. Этимъ распоряженіемъ ограничились дѣйствія Зубрицкаго въ Камчаткѣ, откуда онъ выѣхалъ въ августѣ мѣсяцѣ 1770 года.

Во время этой безурядицы, а именно 12-го сентября 1770 года, были доставлены въ Большерѣцкъ на казенномъ гальотѣ „Св. Петръ“ [1]) новые государственные преступники: поручикъ гвардіи Пановъ, арміи капитанъ Степановъ, артиллеріи полковникъ Батуринъ, сосланные въ іюнѣ 1770 г., и съ ними два иностранца: Морицъ-Августъ Беньевскій, родомъ венгерецъ, и шведъ Винбланъ или Винбладъ, какъ звали его въ Камчаткѣ. Послѣдніе двое служили въ польской конфедераціи, были взяты въ плѣнъ и сосланы на жительство въ Казань. Изъ Казани они сбѣжали въ Петербургъ съ цѣлію уйти на купеческомъ суднѣ за границу, но были пойманы въ 1769 г., и по указу Екатерины II, 14-го ноября 1769 г. и 18-го іюля 1770 г., сосланы въ Камчатку, съ тѣмъ, чтобы они „снискивали тамъ содержаніе своимъ трудомъ“.

Въ это время въ Большерѣцкѣ было 35 обывательскихъ домовъ.

---

[1]) Въ «Сынѣ Отечества» 1821 г., № XXVII Берхъ говоритъ, что они были доставлены въ Камчатку на суднѣ купца Холодилова. Это невѣрно. А. С.

съ 90 чел. жителей, 70 человѣкъ гарнизона, изъ числа которыхъ болѣе 20-ти человѣкъ находилось въ разныхъ командировкахъ, и четверо ссыльныхъ: Турчаниновъ, Гурьевъ, Хрущевъ и Мейдеръ. Послѣдніе, живя на свободѣ, скоро сблизились съ вновь прибывшими преступниками и каждый вечеръ собирались другъ у друга. Первенствующимъ лицомъ въ этомъ кружкѣ, какъ по характеру, такъ и по умственному превосходству, былъ Беньевскій, величавшій себя то барономъ, то графомъ Анадырь-де-Беневъ. Онъ жилъ вмѣстѣ съ Хрущевымъ.

Дряхлый старикъ Ниловъ не вмѣшивался почти вовсе въ дѣла Большерѣцкой канцеляріи и не обращалъ никакого вниманія на государственныхъ преступниковъ, которые составили заговоръ о побѣгѣ, склонивъ къ тому и нѣкоторыхъ жителей Большерѣцка. Выждавъ удобный моментъ, они убили Нилова, завладѣли казеннымъ судномъ и 12-го мая 1771 г. ушли на немъ въ море.

II.

Большая часть населенія Большерѣцка, напуганная смертью Нилова, попряталась и разбѣжалась по окрестнымъ лѣсамъ и тундрамъ. Но когда бунтовщики ушли къ морю, они собрались на совѣтъ въ Большерѣцкую канцелярію и, по выбору народному, поручили завѣдываніе Камчаткою командиру судна „Св. Екатерина“ штурману Софьину, съ тѣмъ, чтобы онъ, при участіи депутатовъ изъ всѣхъ сословій, составилъ подробную опись казенному имуществу, разграбленному бунтовщиками. Для усиленія же обороны, на случай новаго нападенія Беньевскаго на острогъ, вытребовали отъ Верхнекамчатска 12 человѣкъ служилыхъ и изъ Нижнекамчатска 40 человѣкъ.

13-го іюня Софьинъ окончилъ слѣдствіе о бунтѣ и, сдавъ должность капитанармусу Рознину, отправился самъ на суднѣ „Св. Екатерина“ съ донесеніемъ о бунтѣ въ Охотскъ, куда и прибылъ 9-го іюля.

Донесеніе это было адресовано на имя полковника Плениснера, который хотя и находился по дѣлу Извѣкова подъ судомъ, но по прежнему управлялъ изъ Охотска Камчаткою [1]). Плениснеръ, какъ видно изъ переписки, не придавалъ этому дѣлу большаго значенія, и, вмѣсто того, чтобы немедленно донести о такомъ важномъ происшествіи иркутскому губернатору, счелъ нужнымъ предварительно дополнить слѣдствіе. Для этой цѣли, а также и для завѣдыванія дѣлами

[1]) Въ 1772 году Плениснеръ, за превышеніе власти, былъ по суду уволенъ отъ службы, а Извѣковъ разжалованъ за буйство въ матросы. А. С.

Большерѣцкой канцеляріи, послалъ, 5-го сентября, въ Камчатку капитанъ-лейтенанта Хмѣтевскаго.

Между тѣмъ, находившійся въ Охотскѣ полковникъ Зубрицкій, собравъ отъ Софьина и команды судна „Св. Екатерина" свѣдѣнія о бунтѣ, 27-го іюля послалъ о немъ донесеніе въ Иркутскъ. Донесеніе это не заключало въ себѣ никакихъ подробностей дѣла, а сообщалось въ немъ только о смерти Нилова и уходѣ бунтовщиковъ. Въ заключеніи же своемъ Зубрицкій прибавилъ, что Хмѣтевскій, „по старости лѣтъ и своему легкомыслію", не можетъ быть камчатскимъ командиромъ.

Иркутскій губернаторъ Бриль, получивъ рапортъ Зубрицкаго 4-го октября, донесъ правительствующему сенату (15-го октября) какъ о бунтѣ, такъ и о мѣрахъ, принятыхъ имъ по поводу этого событія [1]). Мѣры же эти заключались въ томъ, что изъ Иркутска былъ посланъ, 7-го октября, въ Охотскъ капитанъ Тимофей Шмалевъ, съ предписаніемъ къ Пленеснеру о назначеніи его, Шмалева, если признается это на мѣстѣ удобнымъ, начальникомъ Камчатки, съ тѣмъ, чтобы ему было поручено: 1) Взять съ собою, „на случай отъ показанныхъ злодѣевъ предосторожности", потребное число военной команды, при одномъ офицерѣ. 2) Дать знать по всѣмъ острогамъ и крѣпостямъ, а также и промышленнымъ людямъ на островахъ и судахъ, чтобы они отъ „предписанныхъ злодѣевъ наивсегда имѣли крѣпкую предосторожность". 3) Воинскія команды содержать готовыми къ оборонѣ, въ такой строгости, какъ военные регулы повелѣваютъ, для чего снабдить всѣ остроги артиллеріею, ружьями, порохомъ и свинцомъ изъ охотскихъ запасовъ. 4) Разослать всѣмъ описанія примѣтъ бунтовщиковъ, съ подтвержденіемъ, въ случаѣ ихъ появленія въ Камчаткѣ или на островахъ, ловить, „буде можно, живыми, а въ случаѣ противности, поступать съ ними вооруженною рукою". 5) Сдѣлать планъ Большерѣцка съ окрестностями, на 10 верстъ вокругъ, поручивъ это дѣло „знающему ту науку". 6) Произвесть слѣдствіе, почему возмущеніе послѣдовало и не осталось-ли въ Камчаткѣ соучастниковъ бунта. 7) Составить вѣдо-

---

[1]) Въ «Рус. Арх.», стр. 425, сказано, что по причинѣ несвоевременности полученія въ Иркутскѣ донесенія Пленеснера о бунтѣ, Бриль не могъ отправить своего рапорта въ сенатъ ранѣе половины октября. Это не совсѣмъ такъ. Первое донесеніе Пленеснера о бунтѣ было получено въ Иркутскѣ только 13-го декабря. Слѣдовательно, донесеніе Бриля въ сенатъ, 15-го октября, было основано только на одномъ рапортѣ Зубрицкаго. Нѣтъ ничего удивительнаго, что рапортъ этотъ шелъ до Иркутска болѣе двухъ мѣсяцевъ: въ то время не было никакого правильнаго сообщенія Охотска съ Иркутскомъ и даже самыя станціи отстояли одна отъ другой на 100 и болѣе верстъ. А. С.

мость расхищенному злодѣями имуществу, какъ казенному, такъ и частному. 8) Всѣхъ ссыльныхъ, какъ подозрительныхъ людей, собрать и содержать впредь до резолюціи подъ крѣпкимъ карауломъ. 9) За неполученіемъ отъ Плениснера обстоятельнаго рапорта о бунтѣ, нельзя дать дальнѣйшихъ указаній, а потому и предоставляется ему во всемъ остальномъ руководствоваться, „по довольной въ томъ мѣстѣ бытности", своимъ усмотрѣніемъ.

Но Шмалевъ ѣхалъ неторопясь. Два мѣсяца провелъ онъ въ пути по р. Ленѣ, и только 8-го декабря прибылъ въ Якутскъ, оправдываясь распутицей. Въ Якутскѣ остался онъ, по болѣзни, до весны, а посланные съ нимъ указы отправилъ въ Охотскъ съ казакомъ. Въ Большерѣцкъ же прибылъ съ 35-ю чел. солдатъ только въ іюлѣ 1773 г.

Донесеніе Бриля не было получено еще въ Петербургѣ, какъ до императрицы дошли частные слухи о бунтѣ. По этому поводу, 1-го января 1772 г., она подписала слѣдующій рескриптъ на имя Бриля:

„Увѣдомились мы по сторонѣ, что будто находящіеся въ Камчаткѣ ссыльные люди, въ концѣ прошедшаго апрѣля, учинили возмущеніе, и, составивъ между собою самопроизвольную присягу, убили тамошняго воеводу и весь городъ разграбили; а потомъ, спустя нѣсколько дней, сѣвъ на звѣровыя тамошнія лодки, отправились въ море, числомъ до 70 человѣкъ.

„Мы хотя не имѣемъ еще никакихъ о томъ извѣстій, ни отъ васъ прямо, ни черезъ другое наше правительство, однакожъ, зная довольно вѣрность и усердіе ваше въ возложенной на васъ должности, не меньше увѣряемся, что вы по сіе время уже все то исполнили и въ надлежащій порядокъ привели, что отъ васъ можетъ только требовать, по всей возможности, служба наша. Въ упованіе того, на всякій случай, за нужное мы разсудили по сему дѣлу еще вамъ предписать нижеслѣдующее:

„1) Если въ тамошнемъ, столь отдаленномъ краѣ, по сіе время замѣшательство не пресѣклось и спокойствіе и повиновеніе не возстановлено, то вамъ надлежитъ употребить всѣ удобовозможные средства и способы, по состоянію и ближайшему вашему на мѣстѣ свѣдѣнію всѣхъ тамошнихъ обстоятельствъ, къ возстановленію порядка и повиновенія, съ употребленіемъ хотя къ тому и военныхъ командъ, подъ руками у васъ находящихся.

„2) Если изъ тѣхъ ссыльныхъ заводчиковъ бунта и убійства инако невозможно будетъ вамъ достать въ свои руки, то должно вамъ публиковать, что каждый, кто кого изъ нихъ приведетъ живымъ или мертвымъ, имѣетъ получить въ награжденіе двѣсти рублевъ, и оное

дѣйствительно исполнить вамъ изъ наличныхъ въ вашемъ вѣдомствѣ суммъ нашей казны.

„3) Но если они, какъ выше сказано, въ море отправясь, туда не возвратились и вы не найдете легкаго и надежнаго способа ихъ тамъ въ руки достать, то и нѣтъ нужды много о томъ заботиться и надлежитъ ихъ оставить собственному развращенному ихъ жребію, а стараться токмо разграбленный ими городъ и его правительство привести въ порядокъ, удовольствуясь вышеписанным объявленіемъ о приводѣ ихъ живыми или мертвыми въ ваши руки, за денежное награжденіе; и

4) Намъ извѣстна пустота и отдаленность того края, и потому мы себѣ легко представить можемъ тѣ заботы, которыя для васъ настоятъ въ достаточномъ поправленіи всего замѣшательства, по вашей должности; но, съ другой стороны, мы столь же увѣрены, что вѣрность и расторопность ваша преподадутъ вамъ къ тому лучшіе совѣты, какъ ко изысканію средствъ для употребленія къ тому обывателей, такъ и для выбору къ исполненію вашихъ мѣръ и дѣйствій такихъ людей при командахъ, которые способностью своею могли бы замѣнять другіе тамошняго края недостатки. Успокоиваясь мы на сихъ вашихъ усмотрѣніяхъ съ полною къ вамъ довѣренностію, ожидаемъ отъ васъ вѣрныхъ и обстоятельныхъ увѣдомленій о всемъ происшедшемъ и по тому послѣдующемъ, и пребываемъ вамъ императорскою нашею милостію благосклонны“ [1]).

Рескриптъ этотъ былъ полученъ Брилемъ уже въ то время, когда дѣло о бунтѣ было отправлено изъ Иркутска въ Петербургъ. Пленеснеръ, освѣдомясь, что состоящій при Зубрицкомъ копистъ Злыгостевъ подалъ по начальству доносъ на бездѣйствіе Пленеснера въ дѣлѣ о бунтѣ, 26-го августа 1771 г., послалъ дѣло въ Иркутскъ, не ожидая затребованныхъ изъ Камчатки дополнительныхъ свѣдѣній.

---

[1]) На рескриптѣ рукою Бриля помѣтка: «Полученъ въ Петропавловской крѣпости, чрезъ нарочнаго почтальона Степана Никифорова, по полуночи въ 12 часу, 14-го февраля 1772 года.

Въ «Рус. Архивѣ» 1865 г., стр. 425, упоминается о собственноручномъ письмѣ императрицы къ Брилю; но письма этого не нашли мы ни въ дѣлахъ иркутскаго архива, ни въ описи секретныхъ губернскихъ дѣлъ 1772 г., наконецъ, не обозначено это письмо и въ реэстрѣ бумагъ, препровожденныхъ кн. Вяземскимъ къ Брилю, вмѣстѣ съ помянутымъ рескриптомъ. Я склоненъ думать, что письмо это, по написаніи рескрипта, оказалось излишнимъ и не было вовсе послано къ Брилю, тѣмъ болѣе, что эти два документа отчасти противорѣчатъ одинъ другому. Напримѣръ, въ письмѣ императрицы за поимку бунтовщиковъ назначено въ награду за каждаго по 100 руб., а въ рескриптѣ по 200 руб. Эта послѣдняя цифра и была объявлена во всѣхъ предписаніяхъ Бриля. А. С.

Донесеніе это, по случаю распутицы и отправленія его, для сохраненія казеннаго интереса, съ попутчикомъ, было получено въ Иркутскѣ только 13-го декабря, т. е. почти чрезъ три съ половиною мѣсяца. Вмѣстѣ съ бумагами Пленеснера, Бриль получилъ другое, весьма подробное донесеніе Зубрицкаго о бунтѣ и подлинный доносъ Злыгостева, въ которомъ Пленеснеръ обвинялся по первымъ двумъ пунктамъ, такъ какъ онъ, на основаніи Соборнаго уложенія и указовъ 1730 и 1762 гг., долженъ былъ донести о бунтѣ не позже, какъ черезъ трое сутокъ.

Въ половинѣ декабря дѣло было отослано въ правительствующій сенатъ, а 19-го декабря былъ командированъ изъ Иркутска въ Камчатку капитанъ Перовъ, которому поручалось продолжать слѣдствіе о бунтѣ вмѣстѣ съ Шмалевымъ, и, по прибытіи въ Большерѣцкъ, обобрать всю черновую и бѣловую переписку о Беньевскомъ, а жителямъ Камчатки объявить, чтобы объ этомъ дѣлѣ никто не смѣлъ писать въ своихъ частныхъ письмахъ. Вообще же приказано всѣмъ начальствующимъ лицамъ дѣло о бунтѣ держать въ величайшемъ секретѣ.

III.

Въ слѣдственномъ дѣлѣ особеннаго вниманія заслуживаютъ показанія тотемскаго купца Петра Казаринова, какъ по ясности изложенія, такъ и по обилію фактовъ. Не менѣе того интересны и два донесенія Зубрицкаго. Эти документы и дали намъ возможность пополнить всѣ пробѣлы, встрѣтившіеся въ слѣдственномъ дѣлѣ [1]).

По дознанію Зубрицкаго оказалось, что главные зачинщики бунта, несмотря на строгія инструкціи о надзорѣ за колодниками, въ теченіе лѣта 1770 года, жили въ Охотскѣ на свободѣ и по вечерамъ собирались для совѣщанія у сержанта Ивана Данилова и подштурмана Алексѣя Пушкарева. Когда же они были отправлены изъ Охотска въ Камчатку на суднѣ „Св. Петръ“, то у каждаго изъ нихъ было по два и по три пистолета, пріобрѣтенныхъ въ Охотскѣ. Бунтовщики предполагали сперва привести свои замыслы въ исполненіе во время перехода въ Камчатку. Для этого они хотѣли воспользоваться тѣмъ моментомъ, когда люки во время большаго волненія будутъ закрыты и большая часть команды будетъ находиться подъ палубой. Тогда имъ нетрудно бы было завладѣть судномъ, закупорить люки и, при содѣй-

[1]) Эти три бумаги хотя и посланы были въ сенатъ вмѣстѣ съ дѣломъ, но кн. Вяземскій, при отношеніи своемъ отъ 27-го февраля 1772 г., возвратилъ ихъ въ Иркутскъ для справокъ при дальнѣйшемъ слѣдствіи. Остальныя подлинныя бумаги остались въ сенатѣ; при дѣлахъ же иркутскаго архива оставлены копіи, за скрѣпою Бриля. А. С.

ствіи командира судна штурмана Чурина и нѣсколькихъ человѣкъ команды, участвовавшихъ въ заговорѣ, отправиться на югъ, въ испанскія владѣнія, высадивъ на Курильскіе острова пассажировъ и лицъ, не желавшихъ принять участіе въ побѣгѣ. Но предстоящая осень, сопровождающаяся въ Охотскомъ морѣ постоянными бурями, туманами и дождями, остановила ихъ намѣреніе.

По прибытіи въ Большерѣцкъ, зачинщики бунта составили новый планъ къ побѣгу. На берегу мыса Лопатки хранилась старая деревянная байдара, на которой сотникъ Черныхъ ходилъ на Курилы [1]). Они успѣли склонить священника Устюжинова пріобрѣсть у Нилова эту байдару, съ командою, подъ предлогомъ проповѣди слова Божьяго на островахъ; ко времени же отправленія байдары на острова, Беньевскій хотѣлъ, съ своими сообщниками, прибыть на Лопатку, для заготовленія и посолки на зиму рыбы, и уйти съ Устюжиновымъ въ Японію. Но и этому предположенію не суждено было осуществиться. Пока шли переговоры съ Ниловымъ о байдарѣ, команда судна купца Холодилова, въ числѣ 28-ми человѣкъ, отказалась отъ повиновенія своему хозяину и не приняла его приказанія идти за промысломъ на острова. Поводомъ къ этому послужило слѣдующее обстоятельство. Купецъ Чулошниковъ, прикащикъ Холодилова, осенью 1770 г. вышелъ на небольшомъ суднѣ изъ Охотска съ цѣлію идти за промысломъ на Алеутскіе острова, но судно это было выкинуто бурею на Камчатскій берегъ. Хотя судно и стащили на воду и привели къ устью рѣки Большой, но неопытная команда, напуганная этимъ случаемъ и не надѣясь на прочность судна, отказалась идти на немъ въ море. Холодиловъ жаловался Нилову, который былъ заинтересованъ его дѣлами: незадолго передъ тѣмъ онъ далъ Холодилову въ долгъ 5 т. руб. на расходы по снаряженію судна на острова, и потому, не разобравъ какъ бы слѣдовало дѣло, приказалъ нѣсколько рабочихъ Холодилова арестовать. Беньевскій воспользовался этимъ случаемъ и уговорилъ этихъ рабочихъ принять участіе въ ихъ заговорѣ. При такомъ положеніи дѣлъ, Беньевскому не понадобилась байдара, тѣмъ болѣе, что прикащикъ Холодилова, Чулошниковъ, на смѣну которому былъ назначенъ другой, обѣщалъ отдать имъ свое судно. Но какъ по осмотрѣ этого судна штурманомъ Чуринымъ, оно оказалось ненадежнымъ для дальнаго плаванія, отъ долгаго стоянія на берегу, и требовало капитальныхъ исправленій, то они, дорожа временемъ, рѣшились завладѣть казеннымъ судномъ.

---

[1]) Курилами прежде называли въ Камчаткѣ Курильскіе острова, по курящимся на нихъ сопкамъ. А. С.

Еще въ началѣ 1771 г. носились въ Камчаткѣ слухи, что Беньевскій намѣренъ бѣжать; но добродушный Ниловъ не хотѣлъ давать этимъ слухамъ вѣры, и принялъ даже къ себѣ Беньевскаго въ домъ. для обученія своего сына математикѣ и языкамъ. Но люди болѣе дальновидные вѣрили народной молвѣ. Камчатскій протоіерей, проживавшій въ Нижнекамчатскѣ, еще въ январѣ 1771 г. вытребовалъ къ себѣ священника ичинскаго прихода, Устюжинова, который, по слухамъ, участвовалъ въ заговорѣ. Но Устюжиновъ былъ нуженъ Беньевскому, распустившему по Камчаткѣ слухъ, что онъ съ остальными ссыльными страдаетъ невинно за великаго князя Павла Петровича, который, по всѣмъ правамъ, долженъ сидѣть на престолѣ. Беньевскій расчитывалъ, что для массы людей невѣжественныхъ весьма важно участіе священника въ его дѣлѣ, въ основѣ котораго, по его словамъ, была идея возведенія на престолъ законнаго государя. Въ этихъ видахъ Беньевскій, пользуясь случайнымъ обстоятельствомъ — смертію въ Большерѣцкѣ священника Ложкова, успѣлъ уговорить Нилова вытребовать Устюжинова для погребенія тѣла покойнаго.

Дружба дѣтей Нилова и Устюжинова, ровестниковъ по лѣтамъ и вмѣстѣ обучавшихся у Беньевскаго, сблизила обоихъ отцовъ, и потому Ниловъ самъ желалъ повидаться съ Устюжиновымъ и потребовалъ у протоіерея немедленной его присылки въ Большерѣцкъ. Вмѣстѣ съ этимъ требованіемъ Беньевскій написалъ Устюжинову, чтобы онъ торопился своимъ прибытіемъ въ Большерѣцкъ, гдѣ все уже готово къ уходу. Письмо это попало въ руки протоіерея, который арестовалъ Устюжинова, а вмѣсто его послалъ въ Большерѣцкъ другаго священника.

Беньевскій, узнавъ о судьбѣ своего письма, не могъ болѣе откладывать своего намѣренія, и 26-го апрѣля 1771 г., вмѣстѣ съ Винбланомъ, пришелъ въ квартиру ссыльнаго Гурьева, отказавшагося отъ принятія участія въ бунтѣ, и сталъ уговаривать его бѣжать съ ними. Но Гурьевъ отказался, за что былъ избитъ до крови. Ниловъ, узнавъ отъ Гурьева о поступкѣ Беньевскаго и о намѣреніи бѣжать, приказалъ арестовать его; но Беньевскій успѣлъ уже собрать своихъ соучастниковъ, вооружить ихъ ружьями, саблями, пистолетами и ножами и прибить вездѣ объявленія, что съ этого момента онъ принимаетъ на себя званіе начальника Камчатки; кто же не признаетъ его власти, съ тѣмъ будетъ поступлено какъ съ измѣнникомъ Павлу Петровичу. Штурманскіе ученики Зябликовъ и Измайловъ, участвовавшіе до того въ заговорѣ, желая отстать отъ бунтовщиковъ, нѣсколько разъ приходили въ Большерѣцкую канцелярію, съ цѣлію предупредить ее о намѣреніи бунтовщиковъ, но ни разу не могли досту-

чаться, потому что всѣ служащіе въ ней цѣльный день, 26-го апрѣля, спали, пьяные, непробуднымъ сномъ.

Между тѣмъ Беньевскій освободилъ арестованныхъ на гауптвахтѣ рабочихъ Холодилова и назначилъ ихъ въ караулъ, а часовыхъ обезоружилъ и посадилъ на гауптвахту. Затѣмъ, въ 3 часа утра 27-го апрѣля, онъ отправился въ домъ Нилова, гдѣ въ это время находились: сынъ Нилова, сержантъ Лемзяковъ, пятидесятникъ Потаповъ и въ черной избѣ для караула 3 казака и два камчадала. Выломавъ дверь, бунтовщики ворвались въ спальню Нилова, котораго, по словамъ самого Беньевскаго, хотѣли только арестовать; но, встрѣтивъ съ его стороны сопротивленіе, во время котораго онъ чуть не задушилъ Беньевскаго, Пановъ нанесъ ему сильную рану въ голову, а рабочіе Холодилова довершили убійство. Сынъ Нилова, испуганный крикомъ отца: „караулъ!“ спрятался въ отхожее мѣсто. Всѣ остальныя лица, находившіяся въ домѣ, были связаны и отправлены на гауптвахту, за исключеніемъ казака Дурынина, сидѣвшаго незамѣченнымъ подъ столомъ.

Покончивъ съ Ниловымъ, бунтовщики пошли въ Большерѣцкую канцелярію, гдѣ собрались всѣ остальные приверженцы Беньевскаго и откуда онъ дѣлалъ всѣ распоряженія. Главнымъ его помощникомъ былъ шведъ Винбланъ, который съ пьяною ватагою рабочихъ отобралъ изъ казеннаго цейхгауза и амбаровъ порохъ, артиллерійскіе припасы и снаряды, ясачную казну, провіантъ и другіе припасы, которые имъ были пригодны для предстоящаго плаванія. На разсвѣтѣ подошли къ дому отставнаго сотника Черныхъ, въ которомъ находились лавки купца Казаринова съ ружьями, свинцомъ, разными желѣзными издѣліями и продовольственными припасами, присыльные: нѣмецъ Августъ (Винбланъ), Степановъ, Пановъ, Батуринъ, Хрущевъ и штурманъ Чуринъ, съ 20-ю злоумышленниками, вооруженные пистолетами и обнаженными саблями. Сперва они стучали въ дверь и окна дома, требуя, чтобы ихъ пустили, но когда имъ было въ этомъ отказано, взяли большое бревно и выломали имъ дверь. Хозяинъ дома, Черныхъ, чтобы напугать ихъ, выстрѣлилъ изъ ружья холостымъ зарядомъ. Пьяный Винбланъ, разсерженный этимъ поступкомъ, приказалъ зажечь домъ со всѣхъ сторонъ и стрѣлять въ него изъ пушки, поставленной въ 10-ти саженяхъ отъ дома. Но Пановъ и Хрущевъ остановили это распоряженіе, и тогда Винбланъ и рабочіе Холодилова стали стрѣлять въ окна изъ ружей и пистолетовъ, сдѣлавъ, такимъ образомъ, до 40 выстрѣловъ, не причинивъ, впрочемъ, никому изъ жителей дома вреда. Одному только купцу Казаринову опалило лицо. Казариновъ вышелъ въ сѣни для переговоровъ съ бунтовщиками, но они встрѣтили его

непріязненно и присыльный Ляпинъ съ другимъ рабочимъ бросились на него, съ намѣреніемъ застрѣлить. Пановъ и на этотъ разъ успѣлъ отклонить убійство и распорядился только связать Казаринова и отправить подъ арестъ въ Большерѣцкую канцелярію, при которой и находилась гауптвахта. Приказаніе это исполнилъ Чулошниковъ со своими рабочими.

Когда Казаринова вели подъ арестъ, то онъ замѣтилъ, что между канцеляріею и домомъ Черныхъ было поставлено двѣ пушки, мортира и нѣсколько ружей въ козлахъ, кромѣ той пушки, которая стояла на лафетѣ у самаго дома сотника Черныхъ. На гауптвахтѣ Казариновъ нашелъ своего однофамильца, тотемца Василія Казаринова, штурмана Софьина, штурманскихъ учениковъ Измайлова и Зябликова, канцеляриста Спиридона Судейкина, сержанта Лемзякова и пятидесятника Потапова. У всѣхъ у нихъ были связаны руки назадъ ремнями. Послѣ Казаринова привели на гауптвахту казака Черныхъ и купца Шапкина. Караулъ состоялъ изъ рабочихъ Холодилова, а начальникомъ караула, по прибытіи туда Казаринова, вступилъ Пановъ; часовые у дверей стояли съ примкнутыми штыками и съ заряженными ружьями. Къ вечеру того же дня Казаринова заковали въ ножные кандалы, а казака Черныхъ, кромѣ того, приковали къ стѣнѣ. На другой день утромъ привели подъ арестъ солдата Матвѣя Самойлова, который объявилъ всѣмъ арестованнымъ, что бунтовщики приказывали ему сдѣлать гробъ убитому Нилову, но онъ, увидавъ израненный во многихъ мѣстахъ трупъ покойника, а на полу лужу крови, отказался отъ работы, за что его и арестовали. Вслѣдъ за нимъ пришелъ на гауптвахту Винбланъ и прибилъ Самойлова прикладомъ ружья за ослушаніе, а находящійся съ Винбланомъ промышленникъ Шабаевъ, кромѣ того, ударилъ Самойлова нѣсколько разъ по лицу.

Весь день 27-го апрѣля рабочіе Холодилова ходили по обывательскимъ домамъ и обирали все, что было имъ пригодно, а защищавшихъ свою собственность били нещадно. Къ вечеру около гауптвахты, по распоряженію Винблана, было поставлено шесть пушекъ, заряженныхъ ядрами и картечью. Двѣ изъ нихъ стояли противъ оконъ, а остальныя въ простѣнкахъ.

Между тѣмъ Беньевскій, присутствуя въ Большерѣцкой канцеляріи, „въ судейской камерѣ и за судейскимъ столомъ“, приказалъ доставить въ канцелярію все казенное вино, поилъ имъ своихъ сообщниковъ и арестованныхъ на гауптвахтѣ, которые „за страхъ и пили“. Потомъ изъ разграбленной денежной казны выдавалъ разнымъ лицамъ награды и въ томъ числѣ крестьянину Кузнецову, исполнявшему при немъ должность адъютанта, выдалъ три тысячи руб. 28-го апрѣля

Беньевскій приказалъ прибывшему изъ Нижнекамчатска священнику Семенову похоронить Нилова при Успенской церкви, а послѣ похоронъ велѣлъ ему отворить въ церкви царскія врата, вынести изъ алтаря крестъ и евангеліе и привесть къ присягѣ своихъ соучастниковъ на вѣрность государю Павлу Петровичу.

До 29-го апрѣля, по распоряженію Беньевскаго, на р. Большой изготовлялись паромы, на ботахъ, отобранныхъ у обывателей города, и шла погрузка на нихъ разныхъ судовыхъ и продовольственныхъ припасовъ. На одиннадцати паромахъ было погружено: 3 пушки, мортира, порохъ, ядра, свинецъ, ружья и другое оружіе, топоры, желѣзо, кузнечные, столярные и слесарные инструменты, холстъ, разныя шелковыя и шерстяныя матеріи, серебряная и мѣдная монета, 848 сыромятныхъ сумокъ муки, вино и вообще полное двухъгодичное укомплектованіе судна и разграбленное имущество частныхъ лицъ.

29-го апрѣля бунтовщики перебрались на паромы, взявъ съ собою всѣхъ арестованныхъ на гауптвахтѣ, кромѣ штурмана Софьина, и оказавшихся въ наличности большерѣцкихъ казаковъ, для сплава паромовъ и предстоящихъ работъ по снаряженію судна къ плаванію. Того же числа, во второмъ часу пополудни, паромы отвалили отъ берега и пустились по р. Большой, къ ея устью, гдѣ въ гавани Чекавка обыкновенно зимовали казенныя суда. При отплытіи своемъ изъ Большерѣцка, Беньевскій поручилъ завѣдываніе дѣлами Большерѣцкой канцеляріи штурману Софьину, тому самому, которому поручены были эти дѣла и выборомъ народнымъ. Къ ночи плоты остановились на ночлегъ около Камчадальскаго-Катиновскаго острожка, а въ 5-мъ часу 30-го апрѣля прибыли на Чекавку [1]), гдѣ, сгрузя все съ паромовъ на берегъ, разставили палатки, въ которыхъ и жили до изготовленія судна.

Въ гавани стояли въ это время два гальота: „Св. Петръ“ и „Св. Екатерина“. Первый, какъ болѣе благонадежный, былъ назначенъ къ вооруженію. Судно было еще во льду, а потому пришлось его окалывать. Но работа эта, какъ и самое вооруженіе, шла такъ быстро, что ко 2-му маю его вывели уже изъ гавани къ самому устью р. Большой, совсѣмъ готовымъ къ отплытію. Другой же гальотъ служилъ тюрьмою для арестованныхъ лицъ, которыя и здѣсь находились подъ строгимъ карауломъ. Но когда судно „Св. Петръ“ было вооружено, то ихъ перемѣстили на это судно.

Главные зачинщики бунта нисколько не стѣснялись въ своихъ раз-

---

[1]) Здѣсь въ это время находились два амбара для храненія судовыхъ запасовъ и сторожевская изба. А. С.

говорахъ присутствіемъ лицъ, неучаствовавшихъ въ заговорѣ. Купецъ Казариновъ, боцманъ Сѣрогородскій, сержантъ Даниловъ и казакъ Черныхъ на слѣдствіи показали, что Винбланъ, Батуринъ, Степановъ и Пановъ разсуждали на палубѣ о томъ, какимъ бы образомъ освободить жителей Камчатки отъ грабительствъ и жестокостей мѣстнаго начальства. Винбланъ говорилъ, что въ испанскихъ колоніяхъ встрѣчается крайній недостатокъ въ рабочихъ рукахъ, и что имъ слѣдуетъ озаботиться присылкою оттуда въ Камчатку одного большаго фрегата съ ботомъ, могущимъ входить во всѣ камчатскія гавани. Затѣмъ забрать всѣхъ жителей и доставить ихъ на принадлежащіе Испаніи острова, гдѣ они будутъ пользоваться полною свободою и всѣми удобствами въ жизни. По его же словамъ, фрегатъ могъ бы остановиться, въ ожиданіи переселенцевъ, въ Петропавловской гавани и получить съ судна „Св. Петръ“ самыя подробныя карты заливовъ и бухтъ камчатскаго прибрежья. Разсказы эти, какъ мы увидимъ ниже, сильно встревожили сибирское начальство.

Когда нагрузка судна „Св. Петръ“ была окончена, оказалась необходимость въ баластѣ; его посовѣтовалъ Чуринъ замѣнить провіантомъ и потому Беньевскій, 3-го мая, послалъ въ Большерѣцкъ казака Рюмина съ приказаніемъ о немедленной доставкѣ на Чекавку муки, подъ опасеніемъ жестокаго наказанія за ослушаніе. По распоряженію Софьина, все мужское населеніе города, днемъ и ночью, занималось изготовленіемъ парома и нагрузки на него муки, такъ что 7-го мая Рюминъ возвратился уже на плотѣ къ устью рѣки.

11-го мая Беньевскій и Степановъ составили въ сенатъ объявленіе, въ которомъ, упомянувъ вкратцѣ о томъ, что законный государь Павелъ Петровичъ неправильно лишенъ престола, выставили въ черномъ видѣ всѣ главнѣйшія распоряженія императрицы. Напримѣръ, утверждали, что польская разорительная война ведется единственно для пользы Понятовскаго; что, служащіе общему народному продовольствію продукты, соль и вино отданы на откупъ немногимъ; что отъ монастырей отобраны деревни на воспитаніе незаконнорожденныхъ дѣтей, тогда какъ законныя остаются безъ призрѣнія; что у созванныхъ для составленія законовъ депутатовъ отнята возможность разсуждать стѣснительнымъ наказомъ; что дани налагаются на народъ необычайныя и требуется оброкъ съ увѣчныхъ и малыхъ точно такъ же, какъ и съ здоровыхъ; что за неправосудіе штрафуются судьи только деньгами, тогда какъ за правильный судъ, если притомъ возьмутъ что-нибудь съ тяжущихся, исключаются изъ рода человѣческаго; что добываніемъ золота и серебра пользуются только царскіе любимцы; народъ коснѣетъ въ невѣжествѣ и страждетъ, и никто за истинныя

заслуги не награждается; что, наконецъ, камчатская земля отъ самовластія начальниковъ разорена.

Кромѣ того, они изложили въ объявленіи, что, желая пособить совѣтомъ 33-мъ человѣкамъ промышленниковъ, невинно осужденнымъ, они сами подверглись гоненію начальства, что и заставило ихъ, вмѣстѣ съ обвиненными, объявить себя въ службѣ законнаго государя, арестовать Нилова и избрать вмѣсто его достойнаго предводителя—Беньевскаго.

Объявленіе это подписали 19 лицъ за себя и за всѣхъ своихъ неграмотныхъ товарищей и 12-го мая отправили его съ боцманомъ Сѣрогородскимъ въ Большерѣцкъ, въ запечатанномъ конвертѣ, для отсылки по адресу. Въ Чекавкѣ Беньевскій оставилъ вѣдомость всему казенному имуществу, взятому имъ съ собою, и того же числа утромъ ушелъ въ море, съ 63-мя соучастниками бунта мужскаго пола и 7-ю женщинами. Въ именномъ спискѣ бѣжавшихъ, приложенномъ при слѣдственномъ дѣлѣ, упомянуты только главныя лица:

Присыльные: польскій мятежникъ и бродяга Бейпоскъ [1]).

Шведъ Августъ Винбланъ.

Іосифъ Батуринъ, Василій Пановъ, Ипполитъ Степановъ.

Прежде присланные: Петръ Хрущевъ, Александръ Турчаниновъ, Магнусъ Мейдеръ.

Штурманъ Чуринъ.

Штурманскіе ученики: Дмитрій Бочаровъ, Герасимъ Измайловъ и Филиппъ Зябликовъ.

Канцеляристъ Спиридонъ Судейкинъ, бывшій секретаремъ у Нилова [2]).

Капралъ Михайло Переваловъ.

Купецъ Федоръ Костроминъ.

За матросовъ казаки: Григорій Волынкинъ, Петръ Сафроновъ, Герасимъ Березневъ и Василій Потоловъ.

Изъ присыльныхъ арестантовъ: Василій Ляпинъ, Тимофей Сѣмяченковъ и Алексѣй Андріяновъ.

Священника Алексѣя Устюжинова 13-ти-лѣтній сынъ Иванъ.

Крестьяне: Григорій Кузнецовъ и Алексѣй Савельевъ.

Посадскіе: Иванъ Кудринъ и Чулошниковъ.

Солдатъ Дементій Коростелевъ.

Шельмованный казакъ Иванъ Рюминъ, разжалованный изъ канцеляристовъ.

---

[1]) Во всѣхъ документахъ Беньевскій значится подъ именемъ Бейпоска.

[2]) Судейкинъ, Бочаровъ, Измайловъ и Зябликовъ были взяты Беньевскимъ силою за содѣйствіе къ открытію бунта. А. С.

Подушный плательщикъ Иванъ Поповъ.

Камчадалы: Сидоръ Красильниковъ, Ефремъ Ивановъ и Парапчинъ [1]), корякъ Бреховъ.

Промышленники: Шабаевъ, Логиновъ, Лапинъ, Кудринъ и 25 человѣкъ рабочихъ Холодилова.

Женщины, жены: Чурина, Бочарова, Андріянова, Рюмина, Парапчина (Лукерья Иванова), и двѣ работницы Судейкина.

Всего 63 человѣка мужчинъ и 7 женщинъ.

Передъ самымъ уходомъ въ море, Беньевскій приказалъ поднять на гальотѣ флагъ (прапоръ) и заставилъ всѣхъ находящихся на суднѣ поклясться въ томъ, что они будутъ защищать этотъ флагъ, а самъ принялъ и подписалъ слѣдующую присягу:

„Я нижеименованный, въ подтвержденіе присяги моей, паки обѣщаюся и клянусь Всемогущимъ Богомъ, что я какъ на имя его императорскаго величества Павла Петровича прапоръ до смерти моей защищать долженъ буду, такъ всѣхъ, тому же прапору присягнувшихъ, при всѣхъ случаяхъ неотступно защищать, объ ихъ содержаніи печися непрестану, доколѣ Богъ Всевышній, царь Небесный, имъ съ честію въ свое отечество возвратиться поможетъ; въ чемъ мнѣ Господь Богъ душевно и тѣлесно да поможетъ. Въ заключеніе же сей моей клятвы цѣлую крестъ Спасителя нашего. Аминь".

14-го мая возвратились изъ Чикавки въ Большерѣцкъ всѣ находившіеся у Беньевскаго подъ арестомъ жители Большерѣцка. По осмотрѣ оставшихся на квартирахъ бунтовщиковъ бумагъ, въ столѣ у Винблана были найдены: составленная имъ карта Камчатки и письмо къ нему священника Устюжинова, обличавшее его въ сношеніяхъ съ бунтовщиками. Устюжиновъ и самъ не скрывалъ на слѣдствіи своихъ хорошихъ отношеній къ Беньевскому и Винблану, не считая ихъ предосудительными, потому что и начальникъ находился съ ними въ дружбѣ. Другое письмо, писанное къ нему Беньевскимъ объ уходѣ, по его словамъ, относилось къ поѣздкѣ на острова, куда былъ разрѣшенъ имъ обоимъ отъѣздъ Ниловымъ. Объясненія эти, какъ мы увидимъ ниже, были признаны уважительными.

IV.

Слѣдственное дѣло о бунтѣ, вмѣстѣ съ конвертомъ Беньевскаго [2]) на имя сената, былъ полученъ въ Петербургѣ 7-го февраля 1772 г.

---

[1]) Взятъ силою, за долгъ Хрущеву.

[2]) Конвертъ этотъ былъ распечатанъ въ Иркутскѣ Бриемъ, прочтенъ и снова запечатанъ его печатью. А. С.

Докладывалъ его императрицѣ генералъ-прокуроръ кн. Вяземскій, который, 27-го февраля, сообщилъ иркутскому губернатору нижеслѣдующее [1]):

„Ея И. В-во, по полученному въ сенатѣ изъ оной губернской канцеляріи, декабря отъ 16-го прошлаго 1771 г., донесенію, при коемъ приложены подлинные донесенія и рапорты, полученные въ оную канцелярію изъ Охотска отъ полковниковъ Пленеснера и Зубрицкаго о происшедшемъ въ Большерѣцкомъ острогѣ отъ ссыльныхъ злодѣевъ бунтѣ, всевысочайше указать соизволила учинить слѣдующее:

„1) Какъ уже Иркутскою канцеляріею о поимкѣ показанныхъ злодѣевъ, равно и о невѣреніи бывшимъ отъ нихъ вымышленнымъ разглашеніямъ, куда надлежало, писано, то теперь остается только слѣдить то, чтобъ, по тѣмъ посланнымъ касательно до сего дѣла повелѣніямъ, самымъ дѣломъ вездѣ было исполнено.

„2) Изъ присланныхъ приложеніевъ усмотрѣно, что полковникъ Пленеснеръ, получа изъ Большерѣцкой канцеляріи о всемъ въ Большерѣцкѣ отъ злодѣевъ происшествіи рапортъ іюля 9-го числа, ни малѣйшаго о томъ важномъ дѣлѣ увѣдомленія не сдѣлалъ и не рапортовалъ Иркутской канцеляріи августа по 26-е число, да и сей рапортъ понудилъ его того числа отправить происшедшій отъ копіиста Злыгостева доносъ, по коему полковникъ Зубрицкій требовалъ отъ него, Пленесиера, присылкою къ себѣ подлиннаго дѣла, а еслибъ сего доноса не произошло, то и еще нѣкоторое время рапортомъ своимъ, конечно, онъ умедлилъ, а посему, по самой справедливости, заключить должно, что таковое его медленіе произошло или отъ незнанія прямо своей должности, или же отъ слабости и нерадѣнія, ибо изъ всѣхъ помянутыхъ приложеній ничего такого, чтобъ его отъ должнаго рапорта удерживало, не видно. И сего ради губернской канцеляріи велѣть отъ него, Пленеснера, потребовать отвѣта, что уже оною хотя рапортомъ (?) отъ него и требуется, но какъ сей онаго Пленеснера,—менѣе сказать нельзя,—нерадивый поступокъ не подаетъ надежды быть ему въ службѣ способнымъ, а толь паче и главнымъ командиромъ, то его нынѣ же отъ должности отрѣшить и на мѣсто его опредѣлить другаго. Доколѣ же на его мѣсто другой отправленъ будетъ, то сію охотскую экспедицію препоручить находящемуся тамъ полковнику Зубрицкому.

„3) Копіисту Злыгостеву, который прямо черезъ доносъ свой показалъ усердіе и вѣрность къ службѣ, произведя его канцеляристомъ, вы-

---

[1]) Настоящее предписаніе Вяземскаго, сколько намъ извѣстно, не было еще нигдѣ напечатано, а потому мы приводимъ его въ подинникѣ. А. С.

дать въ награжденіе, не въ зачетъ, его жалованье за полгода, а при томъ губернской канцеляріи велѣть изъ доноса его въ примѣчаніе взять и то, что какимъ образомъ показанные злодѣи, ссыльные въ Охотскѣ, содержимы были; также имѣть въ виду и то, такъ-ли они, какъ злодѣи, въ Большерѣцкъ отправлены были, чего ради доношенія полковника Зубрицкаго, такъ равно и доношеніе, поданное отъ купца Казаринова и приложенное при томъ письмо, писанное попомъ Устюжиновымъ къ извѣстному злодѣю, отослать въ Иркутскую канцелярію, что все при семъ и послано; ибо того, чтобъ оной попъ былъ по тому письму спрашиванъ, здѣсь не видно, и достойно, однако, прямаго вниманія, что иногда не былъ-ли и онъ съ тѣми злодѣями въ согласіи; тѣмъ болѣе навлекаетъ на него то подозрѣніе, что и сынъ его съ тѣми злодѣями ушелъ; и сего ради, сего попа, взявъ въ губернскую канцелярію, допросить. При взятіи его-жъ всѣми мѣрами стараться забрать его письма, въ коихъ иногда и показанныхъ злодѣевъ каковые-либо о замыслѣ ихъ совѣты найдены быть могутъ.

„4) Иркутской канцеляріи дать знать и о томъ, что бывшій въ Большерѣцкѣ капитанъ Ниловъ опредѣленъ былъ командиромъ прямо безъ наималѣйшаго разсмотрѣнія о его въ такомъ отдаленномъ мѣстѣ способности, ибо изъ рапорта Большерѣцкой канцеляріи видно, что онъ нисколько своей должности исполнять былъ, отъ пьянства, не въ состояніи.

„5) Изъ присланныхъ же приложеній видно и то, что многіе люди уже были допрашиваемы какъ въ Большерѣцкѣ, такъ и въ Охотскѣ, но учинены-ль оные свободными, а равно, чтобы оные были и согласники злодѣямъ—по дѣлу не видно: чего ради губернской канцеляріи рекомендовать, чтобы оная, или кому поручено будетъ произвести слѣдствіе, отнюдь ни подъ какимъ видомъ невинные люди ни малѣйшаго притѣсненія и огорченія претерпѣть не могли; однимъ словомъ, сказать, чтобы благонамѣреннымъ людямъ показываемо было прямое человѣколюбіе.

„6) Купца Казаринова, какъ изъ поданнаго имъ доношенія видно, доказано уже его благонамѣреніе тѣмъ, что онъ, безъ всякаго у него требованія, объявилъ попомъ писанное къ злодѣямъ письмо, а по сему и не можно имѣть о немъ такого сумнѣнія, чтобъ онъ со злодѣями имѣлъ какое-либо участіе, чего ради, буде онъ подъ карауломъ содержится, тотчасъ освободить, и за сію вѣрность и сохраненіе присяги господину губернатору въ награжденіе сдѣлать ему, во взятіи съ него при питейномъ торгу въ таможнѣ съ его товаровъ пошлинъ, снисхожденіе, по разсмотрѣнію своему. Равно, буде и другіе таковые благонамѣренные, касательно до сего дѣла усердіе свое покажутъ, или

кои уже такъ, какъ и Казариновъ, показали, то имѣетъ онъ, г. губернаторъ, доносить о таковыхъ ея величеству, кои, по ихъ усердію и вѣрности, безъ награжденія оставлены не будутъ" [1]).

На основаніи этого предписанія, Пленеснера уволили отъ службы, а всѣхъ лицъ, прикосновенныхъ къ дѣлу, со всею перепискою, вытребовали изъ Камчатки и Охотска въ Иркутскъ, гдѣ и производилось вторичное слѣдствіе о бунтѣ.

V.

Прошло болѣе года послѣ ухода изъ Камчатки бунтовщиковъ, но о дальнѣйшей ихъ судьбѣ не было ничего извѣстно ни въ Иркутскѣ, ни въ Петербургѣ. Наконецъ, въ началѣ августа 1772 г., иркутскій губернаторъ получилъ отъ кяхтинскаго пограничнаго коммисара извѣстіе, сообщенное изъ Пекина, что судно „Св. Петръ", въ сентябрѣ 1771 г., приходило въ Микао, гдѣ бунтовщики объявили, что они поляки, идущіе съ русскимъ товаромъ отъ рѣки Амура въ восточную Индію.

Кромѣ того, въ октябрѣ 1772 года, былъ полученъ изъ Большерѣцка, отъ Шмалева и Перова, рапортъ, въ которомъ они доносили, что ушедшіе съ Беньевскимъ: штурманскій ученикъ Измайловъ и камчадалъ Парапчинъ съ женою возвратились въ Большерѣцкъ. При этомъ Шмалевъ представилъ и произведенное надъ ними слѣдствіе, изъ котораго видно, что, по выходѣ судна „Св. Петръ" въ море, оно шло вдоль Курильской гряды, въ виду острововъ, и черезъ шесть дней, т. е. 18-го мая, подошло къ четвертому острову Маканруши, гдѣ, въ удобномъ для якорной стоянки заливѣ, стало на якорь. Здѣсь штурманскіе ученики Зябликовъ и Измайловъ, камчадалъ Парапчинъ, матросъ Сафроновъ и 10 рабочихъ Холодилова составили заговоръ, чтобы въ удобное время, когда часть команды будетъ на берегу, или ночью, завладѣть судномъ и возвратиться на немъ въ Большерѣцкъ. Но матросъ Андріяновъ донесъ объ этомъ заговорѣ Беньевскому, который сперва хотѣлъ казнить главныхъ виновниковъ, но потомъ отмѣнилъ это намѣреніе и 29-го мая отдалъ письменный приказъ, чтобы Зябликова, Измайлова, Парапчина съ женою и Сафронова наказать кошками, и затѣмъ Измайлова и Парапчина съ женой, какъ зачинщиковъ бунта, оставить на необитаемомъ островѣ Маканруши, снабдивъ ихъ небольшимъ количествомъ продовольствія. Во время одиннадцати-дневной стоянки

[1]) Получено въ Иркутскѣ 7-го апрѣля 1772 г. съ курьеромъ Афанасьемъ Соловинымъ.

судна у этого острова, вся команда была занята тягою такелажа и печеньемъ хлѣба въ земляныхъ печахъ. По исполненіи же наказанія провинившимся, Беньевскій въ тотъ же день ушелъ въ море.

Несчастныя жертвы мести Беньевскаго долго странствовали по острову, питаясь, по истощеніи запасовъ продовольствія, ракушками и кореньями, и случайно напали на слѣдъ жилья. Оказалось, что за годъ передъ тѣмъ на этомъ островѣ поселилась артель купца Протодіяконова, занимавшаяся промысломъ морскихъ звѣрей, гдѣ они и нашли себѣ пріютъ. На другой годъ прибыло къ острову судно купца Никонова, которое и доставило страдальцевъ, въ іюнѣ 1772 года, въ Камчатку, откуда, подъ строгимъ конвоемъ, ихъ препроводили въ Иркутскъ, вмѣстѣ съ священникомъ Устюжиновымъ и другими лицами, прикосновенными къ дѣлу.

Слѣдствіе, произведенное надъ Измайловымъ и Парапчинымъ въ Камчаткѣ, въ октябрѣ 1772 г., было препровождено въ сенатъ, а 31-го декабря 1773 года отправлено къ генералъ-прокурору и послѣднее донесеніе Иркутской губернской канцеляріи, съ допросами, снятыми со всѣхъ подсудимыхъ въ Иркутскѣ. Допросы сняты съ 36-ти лицъ, въ томъ числѣ и со священника, погребавшаго Нилова. Всѣ они содержались въ Иркутскѣ подъ строгимъ карауломъ, и нѣкоторые изъ нихъ, при уклончивыхъ показаніяхъ, были сѣчены.

VI.

Послѣднее донесеніе не успѣло еще дойти до Петербурга, а императрицѣ было уже извѣстно, что Беньевскій, съ своими сообщниками, прибылъ во Францію, а въ апрѣлѣ 1773 г. резидентъ нашъ въ Парижѣ, Н. К. Хотинскій, донесъ императрицѣ, что изъ числа бѣжавшихъ изъ Камчатки съ Беньевскимъ къ нему явилось 16 мужчинъ и одна женщина, съ просьбою принять ихъ подъ свое покровительство. Императрица приказала Хотинскому доставить ихъ въ Петербургъ и на этотъ предметъ вице-канцлеръ кн. Голицынъ выслалъ ему кредитивъ въ 2,000 руб. На основаніи этого распоряженія, 26-го августа 1773 г., они отправлены были Хотинскимъ въ Гавръ, откуда на купеческомъ суднѣ „Маргарита“, 30-го сентября, ихъ доставили въ Петербургъ.

Императрица обласкала ихъ, и 2-го октября, препроводивъ къ кн. Вяземскому письмо объ нихъ Хотинскаго, собственноручно написала ему слѣдующее:

„Семнадцать человѣкъ изъ тѣхъ, кои бездѣльникомъ Беньевскимъ были обмануты и увезены, по моему соизволенію, нынѣ сюда возвра

тились и имъ отъ меня прощеніе обѣщано, которое имъ и дать надлежитъ: ибо за свои грѣхи наказаны были, претерпѣвъ долгое время и получивъ свой животъ на морѣ и на сухомъ пути; но видно, что русакъ любитъ свою Русь, а надежда ихъ на меня и милосердіе мое не можетъ сердцу моему не быть чувствительна. И такъ, чтобъ судьбину ихъ рѣшить наискорѣе и доставить имъ спокойное житье, не мѣшкавъ, извольте ихъ требовать отъ графа Панина, ибо они теперь въ вѣдомствѣ иностранной коллегіи, которая имъ нанимаетъ квартиру. Приведите ихъ вновь къ присягѣ и спросите у каждаго изъ нихъ, куда они желаютъ впредь свое пребываніе имѣть, кромѣ двухъ столицъ, и, отобравъ у нихъ желаніе, отправьте каждаго въ то мѣсто, куда самъ изберетъ. Еслибъ всѣ желали ѣхать паки на Камчатку, тѣмъ бы и лучше, ибо ихъ судьба была такова, что прочихъ удержитъ отъ подобныхъ предпріятій. Что же имъ денегъ и кормовыхъ на дорогѣ издержите, то сіе возьмите изъ суммы тайной экспедиціи“ [1]).

Судейкинъ и Рюминъ съ женою пожелали жить въ Тобольскѣ; Бочаровъ въ Иркутскѣ, съ увольненіемъ отъ службы; Ляпинъ, Березнинъ и Сафроновъ — въ Охотскѣ; Поповъ и Бреховъ — въ Камчаткѣ, промышленникъ Иванъ Лапинъ и остальные 7 человѣкъ рабочихъ Холодилова — въ Иркутскѣ, съ приписью въ купечество. Всѣхъ ихъ отправили изъ Петербурга къ мѣсту жительства 5-го октября съ двумя сенатскими курьерами.

Дополнительное слѣдствіе о бунтѣ, посланное изъ Иркутска 31-го декабря 1773 г., было получено въ Петербургѣ уже въ то время, когда судьба подсудимыхъ была рѣшена. Спустя нѣсколько дней по полученіи послѣдняго донесенія о бунтѣ, князь Вяземскій, по волѣ государыни, 31-го марта 1774 г., сообщилъ иркутскому губернатору нижеслѣдующую высочайшую резолюцію:

„1) Измайлова и Парапчина съ женою освободить; 2) хотя священникъ Устюжиновъ и навлекъ на себя подозрѣніе дружескою связью съ измѣнниками, но какъ онъ сдѣлалъ сіе по примѣру большерѣцкаго командира, сына же отдалъ имъ въ наученіе по родительской любви и уже наказанъ вѣчною разлукою съ нимъ и тюремнымъ заключеніемъ, то объявить ему прощеніе; 3) полковника Пленеснера, какъ уже отрѣшеннаго отъ должности, оставить безъ взысканія, за его поступки, въ которыхъ не видно умысла, а только оплошность; 4) Но-

---

[1]) Этого интереснаго документа нѣтъ и не могло быть въ дѣлахъ иркутскаго архива, и мы позаимствовали его изъ «Русскаго Архива» 1865 года, стр. 433 и 434. А. С.

рину, Софьину и подмастерью Дементьеву объявить прощеніе и опредѣлить вновь на службу; 5) священнику Семіонову и прочимъ 27-ми человѣкамъ, не соблюдшимъ долга своего, вмѣнить въ наказаніе двухлѣтнее ихъ заключеніе и снова привести ихъ къ присягѣ; 6) розданныхъ злодѣями казенныхъ денегъ ни съ кого не взыскивать; 7) полковнику Зубрицкому замѣтить, что тѣлесное при слѣдствіяхъ наказаніе дѣлаетъ подсудимыхъ болѣе упорными, и предписать, чтобы впредь старался открывать истину посредствомъ приличныхъ вопросовъ, не употребляя воспрещенныхъ ея величествомъ истязаній; 8) никого болѣе къ слѣдствію не привлекать и все дѣло предать забвенію".

Курьеръ, съ которымъ было отправлено это высочайшее повелѣніе, прибылъ въ Иркутскъ 31-го мая 1774 г., и въ тотъ же день всѣ подсудимые были выпущены изъ тюрьмы, а недѣлю спустя, ихъ отправили въ Охотскъ, съ выдачею отъ казны прогоновъ.

Послѣ бунта, въ Камчаткѣ остались три государственныхъ преступника: Семенъ Гурьевъ въ Большерѣцкѣ, Петръ Ивашкинъ въ Верхнемъ, а Иванъ Сновидовъ въ Нижнемъ острогѣ. 19-го ноября 1772 г., по высочайшему повелѣнію, Гурьевъ, съ роднымъ братомъ Иваномъ и двоюроднымъ Петромъ, находившимися въ ссылкѣ въ Якутскѣ, былъ прощенъ и уволенъ на жительство въ свое имѣніе, въ Калужской губерніи. Милость эта была оказана братьямъ Гурьевымъ за непринятіе участія Семеномъ Гурьевымъ въ бунтѣ. Съ восшествіемъ на престолъ Павла Петровича былъ прощенъ и Ивашкинъ, съ правомъ выѣхать изъ Камчатки куда пожелаетъ; но Ивашкинъ, пробывъ въ ссылкѣ болѣе 50-ти лѣтъ, успѣлъ состариться и одряхлѣть, и потому просилъ начальство, чтобы вмѣсто свободы была назначена ему пенсія по 200 руб. въ годъ. „Слабость силъ моихъ, — писалъ Ивашкинъ, — мѣшаетъ снискивать пропитаніе". Переписка по этому предмету длилась нѣсколько лѣтъ, за разными справками [1]) и, наконецъ, долго ожидаемая имъ пенсія была назначена. Но увѣдомленіе объ этомъ не застало уже Ивашкина въ живыхъ: онъ умеръ 12-го апрѣля 1806 г. Товарищъ его по ссылкѣ, Сновидовъ, умеръ еще въ царствованіе Екатерины II. Со времени этого бунта правительство прекратило посылку въ Камчатку на жительство государственныхъ преступниковъ.

А. С. Сгибневъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) Странно сказать, но это фактъ, что изъ Петербурга спрашивали иркутскаго губернатора о томъ, когда и за что былъ сосланъ Ивашкинъ. А. С.

ВЫСЫЛКА ИЗЪ РОССІИ БРАТЬЕВЪ МАССОНОВЪ.

Разсказъ изъ временъ императора Павла.

1796 г.

I.

Французъ по языку и національности, Массонъ былъ швейцарецъ по мѣсту рожденія и гражданскому состоянію, женевскій уроженецъ[1]). Онъ имѣлъ старшаго брата, который гораздо прежде его вступилъ въ русскую службу: сперва ротнымъ командиромъ въ артиллерійско-инженерный кадетскій корпусъ, гдѣ былъ тогда директоромъ извѣстный генералъ П. И. Мелиссино [2]); потомъ, въ 1788—1789 г., съ чиномъ артиллеріи преміеръ-маіора, при штабѣ князя Потемкина, въ постоянномъ сослуженіи и сообществѣ княжескаго „генеральсъ-адъютанта“ графа де-Жерманьяка, дежурнаго генерала Николая Михайловича Рахманова [3]) и артиллеріи генералъ-аншефа Ивана Ивановича Меллера [4]). Массонъ старшій,—по-русски Иванъ Яковле-

---

[1]) Взрослій въ горномъ селеніи, называемомъ Mont Terrible (Страшная-Гора); род. 1762, † 1807 г.

[2]) Петръ Ивановичъ, генералъ отъ артиллеріи, съ 1783 г. директоръ кадетскаго корпуса и съ 1790 г. инспекторъ артиллеріи, умеръ 1797 г.

[3]) Въ послѣдствіи генер.-поруч., отличившійся въ войнѣ съ шведами и участвовавшій въ персидской кампаніи 1796 года, подъ начальствомъ графа Вал. Ал. Зубова. Д. Р.

[4]) Баронъ съ 30-го іюня 1789 г., родоначальникъ линіи Меллеровъ-Закомельскихъ, начавшій службу съ 1740 г. Онъ исправлялъ часто обязанности ген.-

вичъ,—пользовался особеннымъ вниманіемъ своихъ могущественныхъ начальниковъ, Потемкина и Зубова, чего, впрочемъ, и былъ вполнѣ достоинъ, по своимъ качествамъ и полезной дѣятельности. Сколько намъ извѣстно изъ нѣкоторыхъ постороннихъ свѣдѣній, онъ, вообще, оставилъ добрую о себѣ память—человѣка благороднаго, умнаго и просвѣщеннаго. Служба его не проходила безъ поощреній: участіе въ турецкихъ войнахъ доставило ему крестъ, золотую шпагу и чинъ полковника.

Разумѣется, чрезъ содѣйствіе старшаго брата, и младшій, пріѣхавшій въ Россію въ исходѣ 1786 г., былъ принятъ на мѣсто преподавателя въ артиллерійскій же корпусъ поручикомъ, съ двойнымъ окладомъ жалованья, т. е. и по военному чину, и по должности наставника. На службѣ оба брата различались какъ своими чинами, такъ и придаточными прозваніями къ ихъ фамиліи, по мѣсту рожденія каждаго: старшій писался Массономъ-де-Шанвилльe (de Chanvilliers)[1]), а младшій Массономъ-де-Бламонъ (de Blamont).

И тотъ и другой заботились о своей натурализаціи въ Россіи, не упуская возможныхъ способовъ устроить въ ней свое общественное положеніе и водвориться прочно въ новомъ отечествѣ, внимательнымъ изученіемъ его языка, нравовъ и обычаевъ, завязкою полезныхъ для себя знакомствъ между вліятельными лицами (въ чемъ много способствовалъ имъ землякъ и пріятель ихъ, Лагарпъ, наставникъ великихъ князей[2]), и, наконецъ, связями семейными. Оба они поженились на остзейскихъ помѣщицахъ, владѣвшихъ недвижимыми имѣніями: первый на эстляндской уроженкѣ, племянницѣ Мелиссино, дочери генерала Ирманна (Yhrmann), бывшаго лѣтъ двадцать генералъ-губернаторомъ въ Сибири и директоромъ Колыванскихъ горныхъ заводовъ; а второй—на дочери лифляндца, барона Розена, доводившейся, по отцу, родственницею Сиверсамъ, Эссенамъ, Унгернъ-Штернбергамъ, а по матери—Безбородкамъ и Тамара.

Массонъ-младшій, сколько можно судить по его Запискамъ, получилъ на родинѣ очень хорошее образованіе и обладалъ способностями недюжинными. Эти достоинства, рядомъ съ усердіемъ къ службѣ, искательностію и настойчивымъ желаніемъ сдѣлать себѣ карьеру, пріѣ-

---

фельдцейхмейстера, имѣлъ георгіевскую звѣзду и андревскую. Убитъ при осадѣ Килiи, 10-го октября 1790 г.

[1]) Иначе еще его называли: Массонъ-де-Шанъ-Валонъ.

[2]) Frederic-César-Laharpe, полковникъ, въ послѣдствіи директоръ Гельветической республики; р. 1754, † 1838 г. Д. Р.

обрѣли ему довѣріе и даже особенное благорасположеніе непосредственнаго его начальника, Мелиссино, который привязался къ нему какъ къ сыну, и до конца своей жизни пользовался всякимъ случаемъ выдвигать его впередъ. Надобно замѣтить здѣсь, что, сверхъ личной симпатіи своей къ Массону, старикъ Мелиссино любилъ вообще покровительствовать и дружить иностранцамъ, пролагавшимъ себѣ дорогу на Руси: самъ онъ былъ сынъ венеціанскаго грека изъ Кефаліоніи, медика по профессіи, переселившагося въ Россію при Петрѣ Великомъ, чѣмъ и объясняется это постоянное сочувствіе къ пришельцамъ.

И вотъ для стараго генерала скоро представился случай существенно порадѣть своему любимцу. Николай Ивановичъ Салтыковъ, одинъ изъ сильнѣйшихъ тогда вельможъ, президентъ военной коллегіи и главный воспитатель великихъ князей Александра и Константина Павловичей [1]), заваленный въ то время дѣлами по своему вѣдомству, при вновь возникшей войнѣ съ Турціей, и за отсутствіемъ князя Потемкина (чѣмъ, естественно, увеличивались обычныя военно-административныя работы президента), просилъ однажды Мелиссино, давняго своего пріятеля и даже родича или свойственника въ какой-то степени, пріискать ему, Салтыкову, кого-либо изъ образованныхъ офицеровъ, для письмоводства на иностранныхъ языкахъ, какъ по дѣламъ военно-служебнымъ, такъ и по частнымъ сношеніямъ, а вдобавокъ, и для отправленія обязанности гувернера-преподавателя при его сыновьяхъ (хотя уже числившихся въ придворномъ званіи камеръ-юнкеровъ) [2]). Мелиссино тотчасъ же рекомендовалъ ему поручика Массона на это мѣсто, обѣщавшее скорыя повышенія, и тотъ занялъ новую свою должность, въ началѣ 1789 г., съ производствомъ въ чинъ капитана драгунскаго полка и назначеніемъ въ число адъютантовъ президента военной коллегіи. Съ тѣхъ поръ, въ теченіе осьми лѣтъ, онъ жилъ въ императорскомъ дворцѣ, при своемъ сановномъ начальникѣ, у котораго (по собственнымъ словамъ) сдѣлался домашнимъ человѣкомъ, имѣвшимъ всегда приборъ за его столомъ [3]). Это обстоя-

---

[1]) Тогда генер.-аншефъ, въ послѣдствіи фельдмаршалъ, съ 8-го сентября 1790 г. графъ, а съ 30-го августа 1814 г. свѣтлѣйшій князь; р. 31-го октября 1736, † 16-го мая 1816 г.

[2]) У Н. И. Салтыкова было три сына: Дмитрій (р. 1767, † 1826), Александръ (въ послѣдствіи тайн. сов. и членъ государственнаго совѣта, р. 1775, † 1837) и Сергѣй (въ послѣдствіи дѣйств. тайн. сов. и членъ государственнаго совѣта, р. 1777, † 1828 г.).

[3]) Массонъ говоритъ объ этомъ съ замѣтнымъ самодовольствомъ, вдаваясь въ нѣкоторыя подробности о своемъ житьѣ-бытьѣ у Салтыкова. Онъ поясняетъ,

тельство поставило Массона въ полную возможность находиться въ обществѣ людей высшаго круга, пріобрѣсти между ними многія знакомства и, при особѣ своего патрона, быть спутникомъ двора, во всѣхъ его переѣздахъ. Молодые Салтыковы, которыхъ окончательнымъ научнымъ образованіемъ занимался Массонъ, упоминающій о томъ не безъ самовосхваленія, очень полюбили своего ментора, успѣвшаго снискать расположеніе и отца ихъ. Массонъ находился безотлучно при молодыхъ людяхъ и обыкновенно сопровождалъ ихъ къ великимъ князьямъ, когда они ходили раздѣлять съ своими царственными сверстниками учебныя занятія, по данному на то разрѣшенію Екатерины II. Неоднократно онъ составлялъ, по порученію стараго графа, изъ преподавательскихъ отмѣтокъ общій годовой отчетъ, на французскомъ языкѣ, объ успѣхахъ въ наукахъ и о поведеніи великихъ князей для поднесенія августѣйшей ихъ бабкѣ.

Въ новой службѣ Массону повезло: онъ скоро получилъ опять повышеніе въ чинѣ и стоялъ на хорошемъ счету. Послѣднее обстоятельство особенно доказывается тѣмъ, что въ 1795 г. онъ былъ удостоенъ порученія отправиться къ родственнымъ императорскому дому дворамъ: въ Байрёйтъ, Штутгардтъ и Карлсруэ, съ извѣщеніемъ о рожденіи одной изъ великихъ княженъ [1]),— порученіе хотя и неважное само по себѣ, но во всякомъ случаѣ незаурядное. Ловкій французъ понемногу начиналъ быть человѣкомъ замѣтнымъ и даже пріобрѣлъ на столько вѣса, что могъ оказывать поддержку лицамъ, обращавшимся къ его содѣйствію. Наконецъ, когда царствовавшая императрица послѣ бракосочетанія вел. кн. Александра Павловича и по отъѣздѣ на родину наставника его, полковника Лагарпа (въ 1795 г.), сформировала при новобрачной четѣ особый придворный штатъ, то въ составъ этого молодаго двора съумѣлъ попасть и Массонъ въ качествѣ секретаря при особѣ великаго князя съ зачисленіемъ въ Екатеринославскій гренадерскій полкъ, коего шефомъ состоялъ Александръ Павловичъ.

Такое назначеніе улыбалось Массону вѣроятностію завидно-счастливой будущности, особенно въ виду свѣтлыхъ душевныхъ свойствъ юнаго Александра; но внезапная кончина императрицы Екатерины и воцареніе Павла разбили въ дребезги всѣ эти надежды, всѣ расчеты и произвели роковой переворотъ въ судьбѣ обоихъ братьевъ.

Павелъ Петровичъ, бывши еще наслѣдникомъ престола, терпѣть не могъ французовъ, не жаловалъ Лагарпа и косо посматривалъ на

между прочимъ, что ежедневный столъ у него, состоявшій изъ 24-хъ приборовъ, содержался на счетъ императорскаго двора.

[1]) Анны Павловны, въ послѣдствіи королевы Нидерландской. Она родилась 7-го января 1795, † 17-го февраля 1865 г. Д. Р.

всѣхъ его земляковъ и друзей. Первыхъ не взлюбилъ онъ съ самаго путешествія своего по Европѣ (подъ именемъ Сѣвернаго графа) за легкость и живость національнаго характера; дальнѣйшія же политическія событія и революціонные ужасы довершили въ немъ ненависть ко всему французскому. Что касается Лагарпа, не особенно старавшагося таиться съ своими либеральными мнѣніями, то Павелъ видѣлъ и въ немъ и во всѣхъ пріѣзжихъ его соотечественникахъ—республиканцевъ прирожденныхъ, а потому кровныхъ братьевъ французскимъ якобинцамъ. Понятно, что за подобными воззрѣніями наслѣдника престола каждый изъ этихъ господъ при малѣйшей неблагопріятной случайности могъ легко подпасть его негодованію и суровой раздѣлкѣ въ будущемъ.

Въ числѣ многихъ, Массону пришлось отвѣдать и то, и другое.

Задолго до бѣды, онъ, бывая нерѣдко то въ Павловскѣ, то въ Гатчинѣ, и встрѣчаясь тамъ съ великимъ княземъ, имѣлъ случаи самъ замѣтить, что сильно не нравится ему, хотя не могъ съ точностію угадать, за что̀ именно: иногда думалъ онъ, что за казавшееся многимъ наружное сходство свое съ Лагарпомъ; порою же подозрѣвалъ, что за знакомство съ г-жею Бенкендорфъ, удаленною тогда Павломъ отъ своего двора [1]). Наконецъ, Массону приходило въ голову и то, что причина нерасположенія великаго князя кроется въ его недовѣрчивости ко всѣмъ французамъ вообще. Впрочемъ, первоначальный поводъ къ этому неблаговоленію могъ быть поданъ еще однимъ обстоятельствомъ, съ виду малозначущимъ, но въ сущности весьма характеристичнымъ.

Однажды молодые графы Салтыковы, вмѣстѣ съ Массономъ, выѣхали верхомъ на прогулку въ окрестностяхъ Павловска, какъ вдругъ увидѣли издали наслѣдника престола; но вмѣсто того, чтобы сойти съ лошадей и отдать ему надлежащій поклонъ, молодые люди опрометью повернули назадъ и ускакали въ рощу. Массонъ попытался было ихъ остановить, но вынужденъ былъ, наконецъ, послѣдовать за ними, а между тѣмъ, Павелъ имѣлъ время разглядѣть всѣхъ этихъ господъ.

Кромѣ того, Массонъ попалъ у него на замѣчаніе заграничными сношеніями своими съ родственниками и друзьями, а еще болѣе—участіемъ, принятымъ въ подобныхъ же внѣшнихъ сношеніяхъ самой ве-

---

[1]) Анна-Юліана, рожденная баронесса Шиллингъ-фонъ-Канштадтъ, супруга полковника (въ послѣдствіи генерала отъ инфантеріи) Христофора Ивановича Бенкендорфа, подруга дѣтства и совоспитанница Маріи Ѳедоровны, пріѣхавшая въ Петербургъ изъ Штутгардта (послѣ своего замужства), но удаленная Павломъ, а потомъ вновь призванная ко двору по вступленіи его на престолъ. Д. Р.

ликой княгини Маріи Ѳедоровны. Заграничная корреспонденція вообще была непріятна ея супругу и казалась ему неумѣстною; малѣйшій же признакъ благоволенія великой княгини къ кому-либо изъ окружавшихъ ее особъ обоего пола, или даже отдѣльное представленіе кого-либо ея высочеству, служили достаточнымъ поводомъ къ неудовольствію великаго князя и устраненію неугодныхъ ему лицъ. Онъ внезапно удалилъ отъ своего двора г-жу Бенкендорфъ, единственную даму, послѣдовавшую за великою княгиней въ Россію и удостоенную особеннымъ ея довѣріемъ. Между тѣмъ, наслѣдникъ престола узналъ, что Массонъ-младшій поддерживаетъ знакомство съ этою дамой, и Павелъ Петровичъ не преминулъ сдѣлать за то укоризненный намекъ графу Салтыкову, какъ начальнику Массона. По словамъ же послѣдняго, все дѣло было въ томъ, что г-жа Бенкендорфъ, со времени запрещенія ей доступа ко двору, относилась иногда къ Массону съ маленькими письменными порученіями, невиннѣйшаго содержанія, въ родѣ какихъ-нибудь просьбъ о ходатайствѣ передъ Салтыковымъ за того или другаго изъ знакомыхъ ей офицеровъ, въ комъ она принимала участіе, при чемъ, иной разъ прилагались и запечатанныя записочки къ великой княгинѣ, которыя услужливый французъ, по тогдашнему своему положенію, имѣлъ удобные случаи передавать вѣрно по принадлежности. Великій же князь, одержимый въ это время какою-то особенною недовѣрчивостью, зорко слѣдилъ за корреспонденціей супруги своей, требуя, чтобы всѣ получаемыя на ея имя письма проходили черезъ его руки и прочитывались при немъ самомъ [1]). И само-собою разумѣется, что дознанное имъ, или только заподозрѣнное съ чьей-нибудь стороны, пособничество негласной пересылкѣ писемъ могло быть принято за продерзость вопіющую.

Со стороны Массона, по собственному его сознанію, прорывались и нѣкоторые другіе поступки, хотя не заключавшіе въ себѣ ничего

---

[1]) Массонъ разсказываетъ, между прочимъ, слѣдующій случай, происшедшій, впрочемъ, гораздо позднѣе. Однажды Павелъ (уже императоръ) встрѣтилъ на лѣстницѣ, ведущей въ покои супруги его, мекленбургскаго дворянина, присланнаго отъ своего двора съ извѣщеніемъ о благополучномъ разрѣшеніи отъ бремени наслѣдной принцессы мекленбургской, Елены Павловны.

— Ну, сударь, готовы-ли вы,—спросилъ посланца Павелъ,—скоро-ли вы уѣзжаете?

— Государь,—отвѣтилъ тотъ,—я только ожидаю писемъ отъ императрицы, которыя долженъ повезти съ собою.

— Да развѣ кто-нибудь, кромѣ меня одного, можетъ здѣсь распоряжаться?— вскричалъ вспыливній императоръ, и тутъ же приказалъ взять мекленбургца подъ арестъ, въ которомъ продержалъ его двое сутокъ, а потомъ велѣлъ отвезти его до русской границы. Д. Р.

предосудительнаго, но во всякомъ случаѣ необдуманные, неловкіе для человѣка, вращающагося въ придворной стихіи, а слѣдовательно, обязаннаго тщательно принаравливать свои дѣйствія и слова къ господствующему тамъ направленію.

Такъ, напримѣръ, онъ не могъ удержаться отъ обнаруженія своихъ симпатій къ французскимъ республиканцамъ. При поѣздкѣ въ Германію съ упомянутымъ выше порученіемъ къ дворамъ виртембергскому, баварскому и баденскому, онъ вздумалъ воспользоваться случаемъ увидѣть вновь кого-нибудь изъ этихъ, заинтересовавшихъ тогда Европу, воиновъ революціоннаго знамени; и вотъ, въ Байрёйтѣ, онъ сговорился съ однимъ встрѣтившимся ему тамъ русскимъ гвардейскимъ офицеромъ навѣстить плѣнныхъ французовъ, содержавшихся за нѣсколько миль отъ города. Оба они обѣдали вмѣстѣ съ французскими офицерами и сдѣлали кое-какіе подарки солдатамъ, которыхъ провѣдали въ крѣпости. По возвращеніи же въ Россію, молодой спутникъ Массона имѣлъ нескромность пересказать подробности этого посѣщенія Павлу Петровичу.

Въ другомъ случаѣ, Массонъ обмолвился неумѣстною оговоркой. Читая однажды вслухъ передъ великими князьями Александромъ и Константиномъ, въ присутствіи многихъ придворныхъ господъ, извѣстіе о побѣдѣ надъ французами, онъ остановилъ вниманіе слушателей на томъ обстоятельствѣ, что мѣсто, откуда писана реляція, находится не впереди поля сраженія, а за нимъ въ нѣсколькихъ миляхъ. Кто-то изъ присутствовавшихъ не пропустилъ подхватить тутъ же это замѣчаніе чтеца въ томъ смыслѣ, что оно какъ нельзя лучше доказываетъ пристрастіе къ французамъ и республиканскій образъ мыслей.

Наконецъ, Массонъ состоялъ членомъ какого-то, основаннаго генераломъ Мелиссино, филадельфійскаго общества. По увѣренію Массона, это общество было только шуточная затѣя; но Павелъ не былъ любителемъ подобныхъ шутокъ и относился къ нимъ болѣе чѣмъ серьезно.

Всѣхъ этихъ мелочей, накопившихся понемногу въ изрядный итогъ, достало съ избыткомъ для того, чтобъ заронить въ умѣ наслѣдника престола невыгодное понятіе о Массонѣ, обнаружившееся весьма осязательно для послѣдняго въ нѣкоторыхъ случаяхъ.

При лѣтнихъ переѣздахъ императорскаго двора въ Павловскъ,—постоянное мѣстопребываніе наслѣдника,—Массонъ также сопровождалъ туда графа Салтыкова въ качествѣ его адъютанта, и получалъ тамъ отдѣльную для себя квартиру. Въ 1794 г., какъ и прежде, она была назначена ему въ домѣ, довольно-отдаленномъ отъ дворца; но, на этотъ разъ, по пріѣздѣ въ Павловскъ, въ 11 часовъ вечера, когда,

усталый отъ дневныхъ хлопотъ, онъ совсѣмъ расположился въ отведенномъ помѣщеніи на покой и уже заснулъ, то былъ внезапно разбуженъ офицеромъ, явившимся отъ имени его императорскаго высочества, съ требованіемъ: „удалиться немедленно изъ Павловска, гдѣ онъ, Массонъ, оставаться не можетъ“. Тотъ отозвался, что находится въ этой квартирѣ по распоряженію президента военной коллегіи, но что онъ доложитъ графу о настоящемъ приказаніи его высочества, которое и выполнитъ завтра утромъ. Офицеръ отвѣчалъ, что воля вѣкаго князя есть именно та, чтобы Массонъ не оставался въ Павловскѣ даже и въ теченіе этой ночи.

— Мое дѣло было,—прибавилъ посланный,—сообщить вамъ объявленное требованіе въ точности, а тамъ ужъ дѣлайте, какъ сами знаете.

Массонъ, полагаясь на распоряженіе своего непосредственнаго начальника и не имѣя въ виду никакого другаго пріюта въ позднюю пору ночи, не заблагоразсудилъ выбраться тотчасъ же изъ занятой имъ квартиры, а переночевалъ въ ней и утромъ передалъ Салтыкову о случившемся.

—„Надо думать,—сказалъ графъ,—выслушавъ Массона,—что или ваша французская фамилія черезчуръ не по вкусу великому князю, либо онъ считаетъ васъ, какъ всегда, сторонникомъ г-жи Венкендорфъ; а быть можетъ, ему хотѣлось этимъ досадить собственно мнѣ, по неудовольствію за исполненіе приказанія императрицы объ отобраніи нѣсколькихъ баталіоновъ изъ его гатчинскихъ войскъ. (Такое приказаніе государыни состоялось изъ того, что Павелъ въ составъ своихъ гатчинцевъ нерѣдко набиралъ солдатъ, служащихъ въ ближайшихъ, по мѣсту стоянки, полкахъ, перезывая оттуда ихъ къ себѣ, чѣмъ люди какъ бы поощрялись къ самовольнымъ уходамъ въ подрывъ всякой дисциплинѣ).

Однако-жъ, по той или другой причинѣ послѣдовало ночное распоряженіе относительно Массона, а только онъ вынужденъ былъ избрать себѣ убѣжищемъ убогую чухонскую лачугу въ сосѣдней деревушкѣ, пока ему не дали помѣщенія въ одномъ изъ павильоновъ сада великаго князя Александра Павловича [1]).

---

[1]) Дача в. к. Александра Павловича находилась близь Павловска, на дорогѣ въ Славянкѣ и называлась: «Александрово, увеселительный садъ его выс. в. кн. Александра Павловича». Нѣкто С. Джуковскій издалъ, въ 1794 г. и вторично въ 1810 г., описаніе этого сада въ стихахъ, съ интересными гравюрами. На первой изъ нихъ изображенъ гр. Н. И. Салтыковъ; онъ повѣсилъ на сукъ вѣтвистаго дерева свои ордена и ленты и взявшись за плугъ, въ который впряжены два вола, пашетъ землю—аллегорическое изображеніе его дѣятельности какъ пѣстуна, воспитателя великихъ князей. Надъ нимъ паритъ го-

Нѣсколько времени спустя, молодые графы Салтыковы вступили въ отправленіе своихъ новыхъ камеръ-юнкерскихъ обязанностей при особѣ наслѣдника престола. Замѣтивъ въ этихъ юношахъ нѣсколько насмѣшливый складъ ума, а въ старшемъ изъ нихъ—манеру отвѣчать слишкомъ замысловато, или философствовать (какъ это казалось великому князю), да еще вдобавокъ кланяться не довольно чинно, Павелъ приписывалъ все это воспитательному вліянію на нихъ Массона, жалуясь старику Салтыкову, что одинъ изъ его сыновей отдаетъ поклоны какъ-будто нехотя.

— Видно по всему,—съострилъ однажды его высочество, намекая каламбуромъ на фамилію Массона,—что молодой Салтыковъ постройка каменной кладки. (On voit bien que le jeune Soltykow est fait de maçonnerie).

За всѣмъ тѣмъ, наслѣдникъ не воспротивился командировкѣ Массона къ родственнымъ его высочеству дворамъ въ Германіи, съ извѣщеніемъ о рожденіи одной изъ великихъ княженъ; но, по обратномъ пріѣздѣ вѣстника изъ-за границы, снова выказалъ свое къ нему расположеніе. Явившись къ великой княгинѣ Маріи Ѳедоровнѣ, для отчета въ своей поѣздкѣ и для передачи ей, вмѣстѣ съ письмами отъ родныхъ, еще нѣкоторыхъ изустныхъ сообщеній, Массонъ удостоился съ ея стороны самаго милостиваго пріема, но Павломъ не былъ допущенъ до личнаго ему представленія привезенныхъ писемъ, несмотря на ходатайство о томъ великой княгини, и она сама уже должна была вручить ихъ супругу. Надобно полагать, что на сей разъ Массону выпало неудовольствіе со стороны великаго князя за свиданіе съ плѣнными французами, о которомъ разсказано выше.

Всѣ эти случаи являлись выразительно-зловѣщими признаками невзгоды, грозившей Массону въ послѣдствіи. Но изъ его воспоминаній незамѣтно, чтобъ они въ свое время особенно его тревожили или внушали ему какія-нибудь опасенія за будущее. Кажется, онъ слишкомъ полагался на покровительство графа Салтыкова, или, быть можетъ, раздѣлялъ съ многими лицами, близкими ко двору, бывшую въ ходу между ними мысль, что будто бы преемникомъ Екатерины станетъ, непосредственно за нею, Александръ.

лубь и яркое солнце освѣщаетъ стоящій вдали, на горѣ, храмъ Фелицы, подъ сводомъ котораго съ жертвенника курится фиміамъ.

«Александрово» въ послѣдствіи подарено было кн. Салтыкову, и переходя отъ владѣльца къ владѣльцу—извѣстно нынѣ подъ названіемъ Аппенковой дачи; въ заглохшемъ, запущенномъ саду ея, на горкѣ стоитъ и до сихъ поръ каменная бесѣдка—это храмъ Фелицы: подъ сводомъ его зачастую учились внуки императрицы Екатерины II. Ред.

При жизни своей матери, Павелъ не возставалъ противъ назначенія ею Массона, по рекомендаціи Салтыкова, въ свиту Александра Павловича, на должность его секретаря; но какъ только взошелъ на престолъ, то немедленно назначилъ для своего старшаго сына другой штабъ, совершенно иного состава, куда маіоръ Массонъ включенъ не былъ; а въ тоже время отъ новаго наслѣдника престола отошло и званіе шефа надъ Екатеринославскимъ полкомъ, въ которомъ Массонъ числился штабъ-офицеромъ. Такимъ образомъ, экс-секретарю приходилось отправляться изъ столицы въ этотъ полкъ на дѣйствительную строевую службу въ силу общеобязательнаго правила, установленнаго Павломъ по всѣмъ войскамъ.

Отсюда мы поведемъ разсказъ о дальнѣйшихъ происшествіяхъ съ Массономъ—собственными его словами.

II.

.....Не говоря уже о потерѣ почетнаго мѣста, — именно въ ту минуту, когда оно могло имѣть болѣе значенія, — эта царская немилость и во многихъ другихъ отношеніяхъ являлась для меня сущимъ несчастіемъ. При переходѣ въ свиту великаго князя Александра, я оставилъ свою службу у гр. Салтыкова и перечислился въ другой полкъ изъ прежняго, ближайшаго къ столицѣ, гдѣ всегда дотолѣ состоялъ по спискамъ и гдѣ были всѣ офицеры мнѣ знакомы, а полковой командиръ—мой пріятель. Теперь же мнѣ предстояло лишиться этихъ удобствъ и отправляться, на правахъ сверхкомплектнаго маіора, къ своему новому полку, въ безвѣстную даль, за три тысячи верстъ, въ догонку за нимъ на походѣ его въ Персію, къ дѣйствовавшему тамъ отряду. Въ довершеніе этихъ затрудненій, они застигли меня семьянином: я соединилъ свою судьбу, которую считалъ здѣсь упроченною, съ молодой женщиной, теперь только-что оправившейся отъ родовъ, чье достояніе, притомъ, все зависѣло отъ исхода сложной и разорительной тяжбы, усильно требовавшей моего неотлучнаго пребыванія въ Петербургѣ.

Въ этомъ безвыходномъ положеніи прибѣгнулъ я къ великому князю Александру: онъ отвѣчалъ, что не смѣетъ ничего ни сказать, ни сдѣлать. Своею добротой и любезностью онъ лишь заставилъ меня сильнѣе почувствовать и несчастіе разстаться съ нимъ, и ожиданіе бѣдъ грядущихъ, какія могли еще мнѣ встрѣтиться въ этомъ случаѣ. Я тогда обратился къ графу Салтыкову: тотъ отозвался, что въ настоящее время немыслимо входить съ какимъ бы ни было обо мнѣ представленіемъ, что единственно возможная для него мѣра — нѣсколько

повременить относительно меня исполненіемъ высочайшей воли (объ отправкѣ офицеровъ къ ихъ полкамъ); но что теперь, если я не хочу просить отпуска, такъ всего полезнѣе для меня будетъ ѣхать поскорѣе въ свой полкъ и поотдалиться отъ двора, покуда вел. кн. Александръ и онъ самъ, гр. Салтыковъ, не успѣютъ сдѣлать для меня чего-нибудь получше.

Я уже готовился поступить по этимъ совѣтамъ, какъ 13-го декабря 1796 г., утромъ, когда я собирался изъ дому къ великому князю, вошелъ ко мнѣ офицеръ и пригласилъ слѣдовать за нимъ къ генералъ-директору полиціи, Архарову [1]). Не бывши до тѣхъ поръ обязаннымъ принимать приказанія ни отъ кого, кромѣ великаго князя, я колебался передъ исполненіемъ объявленнаго мнѣ требованія, но офицеръ удостовѣрилъ меня, что оно состоялось по высочайшему повелѣнію. На этомъ основаніи, вмѣсто того, чтобъ идти въ Зимній дворецъ, и отправился къ Архарову. Тамъ сказали, что генералъ въ этотъ часъ находится у его величества и ввели меня въ большую залу, гдѣ я нашелъ одного только человѣка, своего стараго знакомца и при томъ однофамильца. Встрѣча эта меня поразила, въ особенности, когда соименникъ мой, г. Массонъ, передалъ мнѣ, что ему совершенно неизвѣстно, зачѣмъ онъ позванъ, что́ сильно его смущало. Наше взаимное недоумѣніе увеличилось, когда мы увидѣли вошедшаго къ намъ брата моего, тоже въ сопровожденіи офицера.

Мы долго толковали между собой о причинахъ столь неожиданнаго созыва и шутили по этому поводу. Наконецъ, мнѣ пришло на мысль, что, при всеобщей сумятицѣ и переворотахъ за послѣднее время въ области дѣлъ и составѣ служащихъ лицъ, вся эта передряга вышла изъ-за какой-нибудь понадобившейся справки, ради которой насъ собрали для распроса. Однако, Архаровъ все еще не возвращался, а между тѣмъ истекалъ урочный часъ, когда мнѣ слѣдовало быть по должности у великаго князя, и я намѣревался было уйти, чтобы явиться къ нему во дворецъ; но тутъ одинъ изъ дежурныхъ офицеровъ удержалъ меня, говоря, что ему велѣно не выпускать насъ отсюда. Это удивило насъ до крайности: нашихъ шпагъ ни отъ кого не было отобрано и мы арестованными себя считать не могли. Пока между нами продолжалась бесѣда обо всѣхъ этихъ странностяхъ, пріѣхалъ Архаровъ. Я началъ съ нимъ объясненіе жалобою на поступокъ офицеровъ и спрашивалъ: имѣетъ-ли онъ что-либо мнѣ приказать, или же я, въ самомъ дѣлѣ, нахожусь подъ арестомъ?

[1]) То есть, къ бывшему тогда вторымъ по наслѣдникѣ престола, Александрѣ Павловичѣ, с.-петербургскимъ генералъ-губернаторомъ. Генералъ отъ инфантеріи Николай Петровичъ Архаровъ р. 1742, † 1814. г. Д. Р.

— Какъ же по вашему могло быть иначе,—отвѣчалъ онъ неопредѣленно,—если офицеры дѣйствовали по моему порученію, а я—по повелѣнію государя императора. Въ настоящую минуту вы можете идти отсюда; но въ семь часовъ вечера извольте опять явиться ко мнѣ; теперь же ничего болѣе сказать я вамъ не могу.

Наступала уже ночь, а мы съ девяти часовъ утра пробыли здѣсь въ ожиданіи этого милаго рѣшенія, которое ничего намъ не объяснило. Мы съ братомъ вышли, крайне раздосадованные и озадаченные этимъ дѣломъ, не вѣдая, что́ о немъ подумать. Вѣрно какая-нибудь ошибка, недоразумѣніе, или тайный извѣтъ, либо перехваченное письмо компрометирующаго содержанія, гдѣ мы могли быть случайно названы,—вотъ около какихъ вѣроятностей вращались наши догадки и предположенія. Тутъ мнѣ вспомнилось, что за три мѣсяца предъ симъ (еще при покойной государынѣ), меня чуть было не втянули въ одно дѣло по тайной полиціи,—и совершенно безвинно, слѣдующимъ образомъ:

Одинъ французскій эмигрантъ, находившійся при русской арміи въ Польшѣ, подъ командой генерала Апраксина [1]), какъ-то поссорился съ нимъ изъ-за женщины. Генералъ сталъ мстить ему гоненіемъ по службѣ и довелъ француза до того, что онъ рѣшился грозить своему начальнику и даже вызывалъ его на дуэль. Чтобы отдѣлаться отъ неугомоннаго подчиненнаго, Апраксинъ возвелъ на него пошлое обвиненіе въ якобинствѣ, о чемъ послалъ доносъ по вѣдомству тайной полиціи. Несчастнаго схватили. При его арестованіи нашли у него на столѣ два заготовленныхъ письма: одно къ генералу Мелиссино, а другое—заключавшее въ себѣ прошеніе къ императрицѣ, съ адресомъ на мое имя. Письма эти были отправлены къ Зубову и показаны Екатеринѣ; потомъ переданы графу Н. И. Салтыкову, какъ моему начальнику, при чемъ, въ тайнѣ отъ меня, производились розыски и дознанія: не состоялъ-ли я въ какомъ-нибудь общеніи съ арестованнымъ офицеромъ. Несомнѣнно, что будь я менѣе извѣстенъ начальству и не имѣй поддержки, сгибнуть бы мнѣ за одно съ этимъ эмигрантомъ; а между тѣмъ, я не вѣдалъ даже его имени и всѣ сношенія наши ограничивались тѣмъ, что этотъ человѣкъ, зная обо мнѣ по наслышкѣ, какъ о своемъ соотечественникѣ, и доставъ мой адресъ, счелъ меня въ состояніи оказать ему услугу, а потому готовился послать ко мнѣ, для представленія по назначенію, свое письмо на имя импе-

---

[1]) Это былъ сынъ извѣстнаго въ Семилѣтнюю войну фельдмаршала С. Ѳ. Апраксина, Степанъ Степановичъ, командовавшій корпусомъ съ 1794 г. въ Польшѣ; генералъ-поручикъ, въ послѣдствіи генералъ отъ кавалеріи и александровскій кавалеръ; р. 1756, † 1827 г. Д. Р.

ратрицы, въ которомъ ходатайствовалъ объ удовлетвореніи его невыданнымъ жалованьемъ. Все это сдѣлалось мнѣ извѣстнымъ отъ секретарей, имѣвшихъ въ рукахъ его письма, да отъ самого моего начальника. Еслибъ въ адресованномъ ко мнѣ посланіи эмигранта содержалась малѣйшая фраза двусмысленнаго свойства, нѣтъ сомнѣнія, что мнѣ распроститься бы съ свободой: мѣсто, какое я занималъ, только прибавило бы вѣсу подозрѣніямъ противъ меня.

Такъ-то легко было каждому попасть въ бѣду, по милости любаго встрѣчнаго, кому вздумалось бы отнестись къ вамъ съ нескромнымъ письмомъ, или хоть только именовать васъ въ своемъ письмѣ къ другому. Эти неутѣшительныя соображенія, высказанныя мною брату, крѣпко тревожили насъ, и, какъ увидимъ далѣе, опасенія наши оказались небезосновательными.

Столько же по обязанности, какъ изъ любопытства, мы постарались аккуратно явиться въ часъ, указанный грознымъ Архаровымъ. Вслѣдъ за нами прибылъ и товарищъ нашъ по задержанію, старый г. Массонъ, не имѣвшій съ нами никакого сродства, кромѣ одинаковаго имени [1]). Мы могли только заключить отсюда, что несчастное имя это было оподозрѣно и скомпрометировано [2]). Навѣрно, если бы въ Петербургѣ нашлось до полсотни лицъ съ этою фамиліей, всѣ они были бы задержаны поголовно и одновременно.

Архаровъ, вернувшійся отъ императора, проходя мимо насъ въ свой кабинетъ, промолвилъ сухо:

— А, вы здѣсь... погодите минуту.

Тутъ онъ нарядилъ нѣсколько разсылокъ, которыя, какъ мы догадывались, касались до насъ, а вскорѣ затѣмъ пріѣхалъ оберъ-полиціймейстеръ Чулковъ, раскланявшійся съ нами очень холодно при входѣ. Дѣло начинало намъ казаться серьезнымъ; мы теряли всякое терпѣніе и сами терялись въ разныхъ предположеніяхъ, какъ вдругъ явился одинъ знакомый намъ господинъ, который оказался въ состояніи разрѣшить для насъ мудреную загадку.

Это былъ нѣкій итальянишко (petit italien) изъ Піемонта, служив-

---

[1]) Его настоящая фамилія была де-Мужо (de Mougeot). Онъ жилъ въ Россіи лѣтъ съ тридцать, и я не знаю, по какой причинѣ онъ перемѣнилъ имя свое на наше.

[2]) Замѣчу кстати, что имя «Массонъ» было особенно противно въ Россіи людямъ суевѣрнымъ и невѣжественнымъ: они смѣшивали его съ названіемъ «фармазоновъ» (то есть, франкъ-масоновъ), которыхъ считали безбожниками и колдунами. Одна старуха, изъ императрицыной прислуги, отплевывалась и крестилась всякій разъ непремѣнно, когда со мною встрѣчалась, или слышала, что упоминаютъ мое имя. Авт.

шій при артиллерійскомъ кадетскомъ корпусѣ и называвшій себя графомъ Піаченцой (comte de Plaisance). Блѣдный, перепуганный, запыхавшійся, онъ только что вошелъ въ залу, какъ въ изнеможеніи бросился на кресло, стоявшее подлѣ меня. Пока офицеръ, который его привелъ, побѣжалъ спросить, по его просьбѣ, стаканъ воды, я наклонился къ нему и заговорилъ по-итальянски, чтобы слова мои не были поняты окружавшими насъ дежурными:

— По какому случаю вы приведены сюда, графъ? Не знаете-ли, зачѣмъ и мы здѣсь?

— О, дорогой мой г. Массонъ,—сказалъ онъ прерывисто,—простите меня! Боже мой! Это я,—да, именно я, причиною всему; я ужъ знаю, что̀ это значитъ. Я писалъ, видите-ли, письмо въ Москву [1]), къ г. Беберу (Boeber), бывшему нашему корпусному инспектору, и сообщалъ ему нынѣшнія петербургскія новости, между прочимъ, о высылкѣ отсюда сардинскаго уполномоченнаго за его шутки на счетъ указа о круглыхъ шляпахъ; да тутъ же и прибавилъ, что, пожалуй, тоже самое какъ бы ни случилось и съ г. Массономъ, старшимъ вашимъ братцемъ.

Едва достало у него времени и духу сдѣлать передо мной это признаніе и выпить свой стаканъ воды, какъ его позвали къ великому инквизитору, Архарову. Я тотчасъ же пересказалъ брату о моемъ нечаянномъ открытіи. Мы сами не знали, должны-ли смѣяться, или робѣть, когда къ намъ привязываются изъ-за такой пустой, незначущей фразы. Между нами и кавалеромъ де-Босси, сардинскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, знакомство было только шапочное. Что касается графа Піаченцы, это былъ человѣкъ довольно дрянной, но довольно опасный: мелкій интриганъ, пройдоха, который всячески хлопоталъ пролѣзть въ люди и не былъ разборчивъ на средства къ цѣли. Онъ состоялъ преподавателемъ при кадетскомъ корпусѣ, въ званіи офицера. Я и братъ, мы оба служили съ нимъ прежде въ этомъ учебномъ заведеніи, и какъ братъ мой былъ тамъ инспекторомъ классовъ, то ему иногда доводилось принижать тщеславіе этого господчика, которому Мелиссино давалъ насмѣшливыя клички, то графа де-Плезантри (de la Plaisanterie), то графа Мирлифиша (Mirlifiche). Несмотря на свои подленькія продѣлки, графъ этотъ вообще былъ учтивъ, предупредителенъ и услужливъ. Мнѣ показывалъ онъ всегда доброе расположеніе, особенно съ тѣхъ поръ, какъ я получилъ мѣсто при дворѣ, и я не предполагалъ въ немъ охоты мнѣ вредить. Его крайнее смущеніе видимо доказывало, что онъ провинился передъ

[1]) Тамъ оно и было вскрыто. Авт.

нами только неосторожностью, а не умышленнымъ оговоромъ, и что онъ самъ боялся, болѣе нежели мы, послѣдствій своей выходки.

Наконецъ, позвали и брата моего на очную ставку съ случайнымъ обвинителемъ. Послѣдній былъ въ такомъ страхѣ, что не могъ произнести ни одного слова. Понадобились уже ободрительные пріемы со стороны Архарова, чтобы дать ему смѣлость объясниться. Генералъ требовалъ отъ него показаній, именемъ императора, и, съ перехваченнымъ письмомъ въ рукахъ, спрашивалъ писавшаго: почему тотъ полагалъ, что съ г. Массономъ-старшимъ можетъ быть поступлено, какъ съ сардинскимъ уполномоченнымъ?

Графъ Піаченца отвѣтилъ, наконецъ, запинаясь:

— Потому, что г. Массонъ, читая газеты у генерала Мелиссино, постоянно принималъ сторону французовъ, утверждая, что они хорошіе солдаты, что они побили цесарцевъ (les impériaux) и итальянцевъ; а за однимъ обѣдомъ онъ даже восхвалялъ Бонапарта и говорилъ, что это великій полководецъ.

Братъ мой, приглашенный оправдываться противъ столь важныхъ обличеній, отвѣчалъ, что о французахъ и полководцѣ ихъ онъ говорилъ только съ чисто-военной точки зрѣнія, не касаясь политическихъ вопросовъ. На это Архаровъ возразилъ съ горячностью, что „недостойно русскаго офицера отзываться въ одобрительномъ смыслѣ, съ какой-бы ни было стороны, о войскѣ разбойниковъ и ихъ предводителѣ". Когда же братъ мой замѣтилъ, что наличный свидѣтель легко могъ извратить его слова, по незнанію нѣмецкаго языка, на которомъ происходилъ разговоръ, то графъ Піаченца сказалъ:

— Я, однако же, хорошо понялъ въ немъ слова: „революція" и „Бонапартъ" и уразумѣлъ, что рѣчь шла о войнѣ и политикѣ.

Тогда Архаровъ объявилъ, что для него дѣло разъяснилось достаточно, чѣмъ и закончилъ свой премудрый допросъ.

Я ждалъ своей очереди вмѣстѣ съ товарищемъ, нашимъ однофамильцемъ; но оберъ-полиціймейстеръ, выходившій изъ комнаты, возвратился и объявилъ, что дѣло насъ болѣе не касается и что мы свободны удалиться. Я разсудилъ подождать брата, а нашъ соименникъ спѣшилъ воспользоваться разрѣшеніемъ уйти, чтобы поскорѣе успокоить свою встревоженную семью, и выпросилъ у меня мои сани доѣхать къ себѣ домой, такъ какъ его квартира находилась въ отдаленной части города, за Невою. Упоминаю объ этомъ обстоятельствѣ только потому, что оно произвело важное для меня затрудненіе и было причиной, что мнѣ не пришлось уже болѣе увидѣть великаго князя (Александра Павловича).

Пріемная зала была еще полна разными лицами, или вытребован-

ными сюда, или явившимися просить у Архарова извѣстій о своихъ родственникахъ, задержанныхъ по его распоряженію. Между прочими былъ тутъ и совѣтникъ Эйлеръ (чей отецъ столь знаменитъ въ ученомъ мірѣ): онъ ходатайствовалъ о дозволеніи еще имѣть свиданіе съ своимъ семнадцатилѣтнимъ сыномъ, котораго недавно отлучили отъ него...

Вмѣсто ожиданнаго мною брата, вошелъ къ намъ Архаровъ, расточая на право и на лѣво удары тростью своимъ слугамъ, за то, что они недовольно скоро посторонились при его проходѣ. Увидѣвъ меня въ пріемной, онъ остановился передо мною и спросилъ по-русски, очень грубо: зачѣмъ я еще здѣсь?

— Жду брата,—отвѣчалъ я.

— Ступайте, ступайте отсюда, не стѣсняясь вашимъ братомъ; вамъ тутъ нечего теперь дѣлать.

И затѣмъ онъ потребовалъ себѣ шубу, велѣлъ подавать карету и уѣхалъ во дворецъ.

Его отъѣздъ туда, послѣ десяти часовъ вечера, когда государь обыкновенно ложился спать, чрезвычайно встревожилъ меня за брата: надо было думать поэтому, что дѣло приняло оборотъ слишкомъ важный. Мнѣ еще были неизвѣстны подробности допроса, изложенныя выше, и я сильно безпокоился относительно его исхода. Соображая, что мнѣ лучше начать дѣйствовать въ пользу брата, нежели ждать его, я быстро вышелъ; но экипажъ мой, отвозившій нашего однофамильца, еще не пріѣхалъ обратно, а извощичьихъ саней уже не попадалось на улицахъ: мнѣ пришлось направиться во дворецъ пѣшкомъ, по глубокому снѣгу. Отъ этого я запоздалъ и пришелъ во дворецъ, когда великій князь легъ уже въ постель. Разстроенный донельзя, я завернулъ тамъ же къ графу Салтыкову. Онъ меня ожидалъ и, повидимому, зналъ уже о моемъ приключеніи, которое, съ первыхъ словъ нашей бесѣды, старался представить дѣломъ, весьма для меня серьезнымъ; а я, съ своей стороны, желалъ его увѣрить, что лично ко мнѣ оно ничуть не относилось, и что братъ мой одинъ былъ замѣшанъ въ эту пустую исторію.

— „Не заблуждайтесь на этотъ счетъ,—сказалъ мнѣ графъ,—я, нынѣшнимъ вечеромъ, былъ званъ два раза къ императору, собственно по поводу васъ. Онъ васъ считаетъ человѣкомъ опаснымъ, и дѣло вашего брата тутъ не при чемъ: оно не дѣлаетъ разницы во мнѣніи императора.

Я возразилъ графу, что если Е. В. правосуденъ, то вѣдь и я ни въ чемъ не виновенъ, и мнѣ страшиться нечего. Я ссылался на поведеніе и дѣйствія мои—единственныя условія отвѣтственности, въ

коихъ могутъ требовать отъ меня отчета. Я съ жаромъ вызывалъ графа на засвидѣтельствованіе обо мнѣ, которое онъ долженъ сдѣлать въ этомъ случаѣ, зная меня такъ близко, въ теченіе почти девяти лѣтъ.

— Ничего я не могу сдѣлать,—былъ его отвѣтъ,—императоръ и слышать ничего не хочетъ; только съ большимъ трудомъ мнѣ удалось ослабить первые удары.

— Но какое же преступленіе мое? Въ чемъ я обвиняюсь?

— Достаточно того, что императоръ васъ подозрѣваетъ и не довѣряетъ вамъ; а я при томъ и не могу ручаться за ваши политическія мнѣнія.... Подать бы вамъ лучше въ отставку завтра же [1]), да удалиться отъ двора въ ожиданіи, пока государь не поутихнетъ и пока все это не уладится....

Наконецъ, разговоромъ этимъ я убѣдился, что желаютъ, просто-на-просто, меня уничтожить: предлогъ къ тому, изъ-за перехваченнаго письма и нѣсколькихъ нескромныхъ выраженій, не могъ быть отнесенъ ко мнѣ, когда доноситель приписываетъ ихъ исключительно одному лишь моему брату, если-бъ я даже и раздѣлялъ его вину; но вѣдь я понималъ, что за другими какими-нибудь предлогами дѣло не станетъ; да къ тому-же, развѣ государь въ нихъ нуждался?

Однако, возмущенный этою напастью и вялымъ отношеніемъ къ дѣлу, въ такую рѣшительную минуту, со стороны человѣка, при которомъ я служилъ столь долго и небезполезно, я сказалъ ему, съ увлеченіемъ, вдохнутымъ безупречною совѣстью:

— Вашему сіятельству извѣстно, что я человѣкъ честный и благородный. Я былъ вѣренъ обязательствамъ, принятымъ на себя со вступленія въ русскую службу; я былъ правъ и чистъ передъ довѣріемъ, которымъ вы меня почтили, и ни словомъ, ни дѣломъ не подалъ противъ себя повода къ чему бы то ни было. Ничто устрашить меня не можетъ. Государь воленъ располагать моею жизнью: она въ его власти, но никто не въ правѣ доискиваться на днѣ моей души чувствъ и мнѣній, чтобы судить ихъ. Ни монаршая власть, ни страхъ смерти или оковъ не могутъ ихъ измѣнить, когда я внутренно сознаю ихъ честными и чистыми.

---

[1]) Въ это время было весьма опасно подавать въ отставку. Государь, разгнѣвавшись на то, что нѣсколько сотъ офицеровъ разныхъ чиновъ представили просьбы объ увольненіи, издалъ указъ, которымъ объявлялись недостойными и неспособными быть впредь на службѣ, какъ военной, такъ и гражданской, всѣ тѣ, отъ кого съ этихъ поръ поступятъ прошенія объ отставкѣ. Сверхъ того, подавшимъ уже таковыя велѣно было оставить столицу въ 24 часа. Авт.

Графъ Салтыковъ насмѣшливо улыбнулся и ничего на это не сказалъ; а я, простившись съ нимъ, зашелъ къ его сыновьямъ.

Я нашелъ ихъ крайне смущенными на счетъ моего положенія,— смущенными болѣе, чѣмъ былъ я самъ. Они узнали о безпрестанныхъ разъѣздахъ Архарова, взадъ и впередъ, то къ ихъ отцу, то отъ него къ императору. Во время моего задержанія они посылали къ женѣ моей; но посланецъ, человѣкъ вѣтренный, порядочный сплетникъ и хлопотунъ, изъ непрошеннаго усердія къ молодымъ графамъ, предложилъ ей, отъ ихъ имени, возвратить всѣ письма и бумаги, какія у меня имѣлись отъ нихъ, чего ему вовсе не поручалось. Этотъ неосторожно-суетливый человѣкъ надѣлалъ бездну тревоги моей семьѣ, тогда какъ я, къ ея успокоенію, давалъ уже знать о себѣ, что будто бы только экстренныя служебныя надобности удерживали меня у генералъ-директора полиціи. Между тѣмъ, сообщеніе, переданное посланнымъ отъ Салтыковыхъ, заставило жену мою думать, что я арестованъ, и она, въ смятеніи и ужасѣ, предположивъ, что у меня могли быть какія-нибудь подозрительныя бумаги, запрятала всѣ лежавшія на моемъ письменномъ столѣ.

Я разсказалъ молодымъ графамъ о положеніи дѣла и совѣтовался съ ними о томъ, что слѣдовало бы дѣлать, чтобъ выручить брата моего изъ рукъ полицейской инквизиціи. На совѣщаніи нашемъ положено было отправиться мнѣ сейчасъ же къ Аракчееву, генералъ-адъютанту императора, ставшему любимцемъ его внезапно. Это былъ старый мой товарищъ по службѣ въ кадетскомъ корпусѣ, одинъ изъ прежнихъ учителей молодыхъ Салтыковыхъ и бывшій подчиненный моего брата, къ которому сохранилъ свое уваженіе. Я зналъ, что онъ презиралъ пронырливаго итальянца и даже однажды отдалъ на посмѣяніе своихъ пріятелей полученное отъ него письмо. Аракчеевъ всегда показывалъ мнѣ дружбу, а я имѣлъ случай быть ему полезнымъ: собственно по моей рекомендаціи онъ давалъ прежде уроки сыновьямъ графа Салтыкова по предмету военной архитектуры, что и послужило первоначальною причиной быстраго его возвышенія въ послѣдствіи.

Немедленно отправившись къ нему, я его засталъ еще бодрствующимъ среди множества офицеровъ всѣхъ родовъ оружія, сопровождавшихъ его изъ царскихъ комнатъ, послѣ отхода государя ко сну. Аракчеевъ попросилъ меня въ свой кабинетъ; но, несмотря на всѣ мои просьбы и убѣжденія, отказался взять на себя трудъ замолвить слово въ пользу моего брата, повторяя многократно, что онъ, Аракчеевъ, вмѣнилъ себѣ въ правило: не вмѣшиваться ни въ какія дѣла, кромѣ своей военной части, и не входить ровно ни во что, касающееся двора и политики. Затѣмъ, жалуясь на усталость и неодоли-

мый позывъ ко сну, онъ мнѣ пожелалъ доброй ночи и пошелъ въ спальню, а я удалился прочь въ размышленіи о друзьяхъ и о скоропостижной перемѣнѣ въ человѣкѣ, который, за три дня до нынѣшняго, осаждалъ бы меня всяческими изъявленіями преданности.

Отчаявшись въ возможности добиться за эту ночь какой-либо перемѣны къ лучшему въ дѣлѣ моего брата, я отправился къ нему утѣшить сколько-нибудь его жену и успокоить свою, которую полагалъ найти въ жестокомъ разстройствѣ; но былъ радостно удивленъ, увидѣвъ брата со всѣми своими: онъ разсказывалъ имъ о нашихъ приключеніяхъ и начиналъ уже тревожиться на счетъ неизвѣстныхъ ему причинъ моего отсутствія. Тутъ-то онъ сообщилъ мнѣ подробности интереснаго допроса, о которомъ сказано выше. Архаровъ, воротившись изъ дворца, отпустилъ брата домой, съ наказомъ опять явиться завтра утромъ. По всей вѣроятности, онъ тогда не успѣлъ уже видѣть императора, а безъ его повелѣнія не смѣлъ приступить ни къ какимъ дальнѣйшимъ распоряженіямъ. Мы съ братомъ утѣшали себя надеждой, что въ теченіе ночи пройдетъ у государя гнѣвное расположеніе духа и что все это дѣло обойдется безъ худшихъ послѣдствій. Однако-жъ, напутственная заповѣдь Архарова о явкѣ къ нему на слѣдующій день, вдобавокъ къ тому, что я слышалъ отъ стараго графа и что зналъ о характерѣ императора, о его предубѣжденіяхъ, все это возрождало во мнѣ серьезныя опасенія. Я пошелъ къ себѣ домой, вмѣстѣ съ женою; но, успокоивая ее, самъ оставался сильно озабоченнымъ и весь отдался печальному раздумью.

Здѣсь было уже высказано въ своемъ мѣстѣ, что я стоялъ не на столько близко къ особѣ государя, чтобы имѣть возможность оскорбить его лично, или даже ему досадить. Слѣдовательно, я могъ казаться ему подозрительнымъ и опаснымъ лишь по наговорамъ недоброжелательства; особенные же, на счетъ меня, виды императора явно доказывали, что въ немъ возбуждены были стародавнія предубѣжденія. Но кѣмъ и чѣмъ именно? Этого я не могъ себѣ указать для истолкованія столь невыгоднаго обо мнѣ понятія. Роль, которую я игралъ, была не такъ значительна, чтобы могла обращать на меня пристальное вниманіе, а тѣмъ менѣе навлекать зависть. Чувства и убѣжденія, какія я питалъ, были свойственныя французу, взросшему въ горахъ Швейцаріи и гонимому съ дѣтства религіознымъ фанатизмомъ. Относительно революціи я сходился во взглядахъ съ людьми просвѣщенными и прямодушными, которые въ основной идеѣ этого великаго событія видѣли преобразовательное движеніе на благо человѣчества, любовь къ свободѣ и истинную славу націи. Но среди общества, гдѣ мнѣ приходилось жить съ оглядкой, слѣдя постоянно за самимъ со-

бою, я всегда велъ себя весьма сдержанно, довольствуясь только не хвалить во всеуслышаніе того, что̀ порицалъ внутренно. При дворѣ я достаточно выучился не высказывать своихъ мыслей, хотя никакъ не могъ говорить вопреки имъ. Такимъ образомъ, мои недоброхоты могли находить лишь отрицательные, а не положительные доводы къ обвиненію меня въ политической ереси. Скажу при этомъ случаѣ, что для человѣка, имѣющаго свои принципы, ничего не можетъ быть тяжеле положенія, подобнаго моему въ эпоху революціи.

Враговъ у себя я не зналъ и подозрѣвалъ только двухъ-трехъ особъ способными пожелать мнѣ зла, даже до готовности сгубить меня клеветою или доносомъ. Одна изъ этихъ особъ—придворная дама, которая, между тѣмъ, обязана была бы особеннымъ ко мнѣ уваженіемъ и, пожалуй, болѣе чѣмъ уваженіемъ,—признательностью,—если бы она, какъ мать, умѣла оцѣнить мои услуги и образъ дѣйствій по отношенію къ ея дѣтямъ. Но она меня ненавидѣла; ненавидѣла по невѣжеству и предразсудкамъ своимъ, болѣе чѣмъ по какой-либо иной возможной причинѣ. Вѣчно окруженная сбродомъ шутовъ, карликовъ, дурачковъ и святошъ, она была непримиримымъ врагомъ каждой личности, дерзавшей мыслить, и всякаго знанія; но такъ какъ странности и причуды этой госпожи давно сдѣлали ее посмѣшищемъ въ свѣтѣ, а ненависть и нападки съ ея стороны равнялись лучшей рекомендаціи въ глазахъ людей разумныхъ, при томъ же и самъ императоръ понималъ ее какъ нельзя вѣрнѣе,—то я не думалъ, что имѣю причины ее бояться. Несмотря на всю ея власть надъ своимъ мужемъ, я слишкомъ уважалъ послѣдняго, чтобы допустить мысль, будто онъ способенъ на какой-нибудь серьезный поступокъ изъ-подъ ея внушеній [1]).

Другая особа была нѣчто въ родѣ лакея, проскочившаго въ офицеры, но удержавшаго за собою цѣликомъ духъ и ремесло кореннаго своего состоянія. Назвать его по имени значило бы вмѣстить въ одномъ словѣ совокупность всего, что только есть самаго презрѣннаго, но все-таки не дать въ этомъ полнаго указанія для лицъ, съ нимъ незнакомыхъ. То былъ представитель особаго разбора глупцовъ, гру-

---

[1]) Очевидно, что здѣсь рѣчь идетъ о матери питомцевъ Массона, то-есть о женѣ графа Николая Ивановича Салтыкова, дѣйствительной статсъ-дамѣ, Натальѣ Владиміровнѣ, рожденной княжнѣ Долгоруковой (р. 1737, † 1812). Отзывъ этотъ совпадаетъ и съ другими на ея счетъ намеками Массона въ его Запискахъ. За то относительно самого Н. И. Салтыкова, бывшаго своего начальника, авторъ замѣтно старается быть умѣреннымъ и даже слишкомъ скромнымъ, какъ видно изъ того, что на страницахъ, посвященныхъ характеристикѣ многихъ вельможъ, статья о Салтыковѣ совсѣмъ выпущена и замѣнена нѣсколькими рядами точекъ. Д. Р.

быхъ и наглыхъ; одинъ изъ тѣхъ неотвязныхъ шпіоновъ, которыхъ сколько ни гони вонъ, а они снова пробираются вспять; изъ тѣхъ тварей, кого и унизить нельзя, потому что онѣ смѣются надъ общимъ къ нимъ презрѣніемъ; изъ тѣхъ существъ, наконецъ, что подчасъ употребляются знатнымъ барствомъ на постыдныя послуги, не имѣя въ себѣ ничего человѣческаго, кромѣ ушей для подслушиванія за дверьми, ногъ для побѣгушекъ и рукъ для обшариванья чужихъ кармановъ. Упоминаемый субъектъ былъ до того глупъ и пошлъ, что непостижимо, какъ онъ могъ быть и злобенъ въ равной степени; наклонности же имѣлъ онъ столь подлыя, что становишься, бывало, въ тупикъ, замѣчая противуестественное ихъ сочетаніе съ такою страстію, какъ честолюбіе. Всякое правосудіе озадачилось бы надъ вопросомъ: слѣдовало-ли держать его на привязи, какъ безумнаго, или же вздернуть на висѣлицу, какъ мошенника.

Вотъ какова была эта грязная шавка (le roquet), что̀ цѣлыхъ десять лѣтъ, невѣдомо съ чего, лаяла, гдѣ попало, на меня и моего брата. Я не подозрѣваю иныхъ къ тому причинъ, кромѣ какой-то ревности, питаемой низкими и порочными душонками къ своимъ же соотечественникамъ на чужбинѣ, ибо, къ стыду своему, я долженъ признаться, что это былъ землякъ мой. Онъ служилъ—должно-быть, обметальщикомъ пыли — при библіотекѣ Павла, подъ вѣдѣніемъ Николаи. За глупости свои и нахальство этотъ человѣкъ заставилъ выгнать себя въ шею (буквально)..... Затѣмъ, служа и на другихъ должностяхъ, онъ не разъ бывалъ увольняемъ съ такимъ же почетомъ; но, по привычкѣ, ставилъ себя выше подобныхъ бездѣлицъ: онѣ были недостаточны, чтобы понудить его убраться во-свояси. Ему удалось даже пролѣзть во дворецъ за хвостомъ одного большаго барина; а госпожа, о которой я говорилъ недавно, приняла его подъ свое покровительство. Изъ ея лакейской онъ безпрерывно таскался и по чужимъ, куда могъ имѣть доступъ, смиряясь передъ необходимостью прятаться отъ хозяевъ дома, какъ существо, никѣмъ не терпимое. Государь положительно запретилъ ему показываться себѣ на глаза: но какъ знать? Сплетни его, переходя послѣдовательно отъ лакея къ лакею и до камердинера, могли изъ переднихъ восходить гораздо далѣе и выше.....

Было еще и третье лицо, впрочемъ, не до такой степени презрѣнное, которое возбуждало мои сомнѣнія. Не назову его изъ нежеланія нанести тѣмъ непріятность какому-нибудь почтенному родственнику, могущему быть у него въ Женевѣ. Скажу только, что это былъ штабъ-офицеръ (маіоръ), сперва приближенный къ особѣ Павла, а потомъ попавшій въ немилость. Считая меня тогда въ состояніи посодѣй-

ствовать ему передъ военнымъ министромъ [1]), онъ сталъ во мнѣ искать, и я, по стеченію обстоятельствъ, вовлеченъ былъ въ частыя съ нимъ свиданія. Его сношенія съ принцемъ Нассау [2]), которому онъ сподвижничалъ на походѣ въ Шампань; тѣсное знакомство съ Эстергази [3]), а въ особенности поступки съ Лагарпомъ и молодымъ Роланомъ (Roland), его соотечественникомъ, не давали ему правъ на уваженіе. Приторныя іезуитскія рѣчи, вѣчно таинственный видъ и хвастовство политическими мнѣніями—казались мнѣ недобрыми признаками двуличія и лживости.

Онъ разсказывалъ, что если императору случалось говорить о Лагарпѣ и обо мнѣ, то всегда съ ироніей. Отсюда само собою разумѣется, что подобные разговоры о насъ происходили съ участіемъ этого господина (когда онъ былъ въ чести), при чемъ ему было весьма удобно и ловко выставлять меня въ неблаговидномъ свѣтѣ. Такое предположеніе съ моей стороны оправдывалось, повидимому, послѣдующимъ его поведеніемъ [4]).

Вотъ единственныя личности, кого я имѣлъ поводъ подозрѣвать въ недоброжелательствѣ къ себѣ..... Размышленія эти не давали мнѣ покоя, такъ что я вдругъ вскочилъ съ постели перебрать свои бумаги, чтобы уничтожить изъ нихъ всѣ, какія могли бы показаться подозрительными и повредить мнѣ или моимъ друзьямъ. Я уже сказалъ выше, что жена моя, встревоженная наканунѣ посланнымъ отъ Салтыковыхъ, взяла предосторожность припрятать мои бумаги и между ними одну тетрадь, о которой она знала, что я часто вписываю туда замѣтки,

---

[1]) Такъ Массонъ часто называетъ Н. И. Салтыкова, предсѣдательствовавшаго въ военной коллегіи.

[2]) Нассау-Зигенъ (Карлъ-Генрихъ-Николай-Оттонъ), нѣмецкій принцъ, извѣстный романическою страстью къ рыцарскимъ похожденіямъ и военнымъ подвигамъ, бывшій съ 1788 г. адмираломъ русскаго флота, но уволенный отъ службы императоромъ Павломъ; р. 1745, † 1805.

[3]) Эстергази, графъ Валентинъ-Владиславъ, офранцуженный потомокъ венгерскихъ магнатовъ, генералъ французской службы при Людовикѣ XVI, эмигрировавшій, въ 1791 г., въ Россію и водворившійся тамъ до самой смерти своей. Пользовался особенною благосклонностью и щедротами русскаго двора; р. 1740, † 1805.

[4]) Массонъ насчитываетъ у себя трехъ враговъ, и изъ нихъ двое, самыхъ завзятыхъ, оказываются его соотечественниками. Обстоятельство это знаменательно; оно свидѣтельствуетъ объ отсутствіи той благоразумной системы въ поведеніи на Руси выходцевъ латинской расы, какою доблестно отличаются у насъ представители германской. Нѣмцы всегда дружно и мастерски поддерживали одинъ другаго на пролагаемой дорогѣ въ гору, тогда какъ первые становились на ней поперегъ другъ дружкѣ, или шли въ разбродъ и подставляли взаимно ногу, не хуже природныхъ «россіянъ». Д. Р.

преимущественно послѣ того, какъ побываю при дворѣ. Это было что-то въ родѣ дневника, наполненнаго довольно любопытными подробностями. Я тутъ же его изорвалъ, а въ послѣдствіи очень сожалѣлъ, и не разъ, объ истребленіи этого сборника моихъ замѣтокъ. Каждодневныя маленькія событія, представляющіяся намъ почти не стоющими вниманія или ничтожными въ ту минуту, когда мы ихъ переживаемъ, являются, со временемъ, весьма важными данными для мѣстныхъ и характеристическихъ подробностей, которыя даютъ столько жизни и интереса историческимъ запискамъ. По мѣрѣ того, какъ эти бѣглыя замѣтки кладешь на бумагу, къ нимъ прилагаешь и свои личныя сужденія, воспринимающія отчетливо весь отпечатокъ современной имъ поры и неподдѣльно-искреннія, потому что они вызваны фактами въ самый моментъ событія.....

Управившись съ этими предохранительными мѣрами и видя, что еще не разсвѣло, я собирался опять лечь въ постель; но всѣдъ затѣмъ вдругъ послышался стукъ въ двери: то пришли за мной, съ зовомъ къ Архарову..... Я наскоро надѣлъ мундиръ и шарфъ, такъ какъ подобало явиться къ генералу, успокоилъ, сколько могъ, жену, увѣривъ ее, будто бы иду только проводить брата, и поѣхалъ, взволнованный и разстроенный этимъ вторымъ призывомъ болѣе, чѣмъ желалъ бы казаться.

Тамъ я нашелъ брата, явившагося по одновременному требованію. Еще не наступилъ дневной свѣтъ, а генералъ-директоръ полиціи находился уже у государя. Въ ожиданіи мы прохаживались по большой залѣ, куда введи однихъ насъ. Тутъ не было никого, кромѣ двухъ дежурныхъ офицеровъ, наблюдавшихъ за нами: насъ, видимо, сторожили. Наконецъ, пріѣзжаетъ штабъ-офицеръ изъ дворца и объявляетъ, что ему поручено свезти насъ къ оберъ-полиціймейстеру. Такое перемѣщеніе къ второстепенному должностному лицу возвѣщало намъ, что участь наша рѣшена царскимъ словомъ, и что мы предаемся въ руки исполнительной власти..... Я былъ осужденъ, не бывши обвиненнымъ и даже допрошеннымъ: меня оставили въ полнѣйшей неизвѣстности о причинахъ моего задержанія, такъ-что уже самъ я вынужденъ былъ искать ихъ, или въ разборѣ собственныхъ, совершенно-невинныхъ поступковъ, или предполагать эти причины въ необъяснимомъ предубѣжденіи императора. Былъ-ли я жертвою политической его подозрительности по отношенію къ его сыну, или простаго каприза? Этого я не зналъ, да не знаю и до сихъ поръ.

Братъ мой—тотъ, по крайней мѣрѣ, былъ сводимъ на очную ставку съ мнимымъ извѣтчикомъ; былъ хотя поименованъ имъ въ письмѣ, наряду съ иностраннымъ посланникомъ, подтрунившимъ надъ пре-

слѣдованіемъ круглыхъ шляпъ; наконецъ, доведенъ до сознанія въ томъ, что считалъ Бонапарта великимъ полководцемъ, а французовъ недурными солдатами. Все-таки это имѣло видъ какихъ-нибудь фактовъ, какихъ-нибудь основаній. Положимъ, что ихъ можно находить не совсѣмъ достаточными для поступленія, какъ съ преступникомъ, съ заслуженнымъ штабъ-офицеромъ, отличавшимся въ военныхъ дѣйствіяхъ, получившимъ за то крестъ и почетное оружіе..... но вѣдь теперь становилось очевиднымъ, что главная вина его заключалась въ томъ, что онъ мой братъ, а слова, въ которыхъ его укоряли, послужили только придиркой для роковой развязки [1]).

Подъ конвоемъ двухъ офицеровъ, сопровождавшихъ насъ въ особыхъ саняхъ, отправились мы къ оберъ-полиціймейстеру. Онъ весь сіялъ еще гордостью и восторгомъ отъ вчерашняго пожалованія ему Анненской ленты за побѣдоносный отпоръ многочисленной толпы зѣвакъ, собравшейся было поглазѣть на зрѣлище большаго парада войскъ. Насъ ввели въ пріемную, куда вскорѣ онъ вошелъ и сказалъ намъ довольно вѣжливо, по-русски:

— Весьма сожалѣю, будучи обязанъ объявить вамъ, что, по волѣ государя, вы должны быть препровождены въ ваши мѣста.

Онъ буквально выразился такимъ образомъ, а потому нашему воображенію предоставлялось выбирать любое между разнородными значеніями, какія можетъ имѣть слово „мѣсто“: т. е., между изгнаніемъ за границу, Сибирью, казематомъ или эшафотомъ. Г. Чулковъ не могъ или не хотѣлъ высказаться яснѣе. Я старался истолковать себѣ этотъ приговоръ въ наиболѣе благопріятномъ смыслѣ, а между тѣмъ, мы оба стали просить дозволенія видѣть нашихъ женъ и дѣтей передъ разлукой съ ними. Оберъ-полиціймейстеръ дѣлалъ на это возраженія; мы настаивали на своемъ, и онъ, наконецъ, склонился на снисхожденіе, вызвавшись поѣхать для исходатайствованія намъ просимой милости. По возвращеніи же назадъ, онъ объявилъ, что выпросилъ для насъ,—съ большимъ трудомъ,—два часа времени, чтобы устроиться съ нашими дѣлами и „достать необходимый запасъ денегъ на дальнюю дорогу“. Надо полагать, что именно этому послѣднему доводу (со стороны Чулкова) обязаны мы были дарованною намъ льготою, ибо государственные преступники обыкновенно пересылаются на счетъ казны; но полицейскіе агенты дѣлаютъ при этомъ безнаказанно прижимки лицамъ, отданнымъ въ ихъ руки. Я замѣтилъ на слова оберъ-

[1]) Массону-старшему могло вредить въ глазахъ Павла и то обстоятельство, что онъ пользовался прежде отмѣннымъ расположеніемъ Потемкина и Зубова; а всѣ ихъ любимцы были государемъ не терпимы. Д. Р.

полиціймейстера, что не легко добыть въ столь короткій срокъ крупную сумму и спросилъ съ негодованіемъ: „какъ было бы поступлено въ случаѣ, еслибъ мы не достали бы столько денегъ?“

Оберъ-полиціймейстеръ, повидимому, смѣшался и замолчалъ, взглянувъ на своего секретаря (весьма плутоватую и жесткую физіономію), а тотъ проговорилъ, нахально посмѣиваясь:

— Ну, когда у васъ нѣчѣмъ платить прогоновъ за почтовыхъ лошадей, то вы будете препровождены, какъ прочіе преступники, отъ селенія до селенія,—вплоть до самаго мѣста доставки...“.

По счастливой случайности, со мною было триста рублей, полученныхъ наканунѣ, и я не считалъ умѣстнымъ пускаться въ новыя возраженія; но этотъ наглый отвѣтъ заставилъ меня бояться: не рѣшено-ли сослать насъ въ Сибирь.

Тутъ Чулковъ, подозвавъ двухъ офицеровъ, приставилъ по одному изъ нихъ ко мнѣ и брату (къ каждому особо), при чемъ съ нѣкоторою напыщенностью провозглашалъ наши имена и званія; потомъ вынулъ свои часы и сказалъ нашимъ приставамъ, тѣмъ же тономъ:

— Теперь часъ пополудни; вы отвѣчаете головою за этихъ господъ, чтобы они были представлены сюда ровно въ три часа.

Когда же одинъ изъ офицеровъ, казавшійся человѣкомъ мягкимъ и сострадательнымъ, сталъ было говорить, что назначенное время чересчуръ коротко и что сани, лошади и необходимыя для отъѣзда бумаги не могутъ быть готовы такъ скоро, то оберъ-полиціймейстеръ грозно крикнулъ на него:

— А ты забылъ, что-ли, чьимъ именемъ я тебѣ приказывалъ? Ты здѣсь зачѣмъ? Чтобы слушаться меня, или совѣты мнѣ давать? Вотъ я сію же минуту освобожу тебя отъ труда служить царю, коли ты тяготишься повиновеніемъ! Я тебя спущу мигомъ,—слышишь?

Офицеръ (въ чинѣ маіора) повѣсилъ голову и взволнованнымъ голосомъ произнесъ, обращаясь къ намъ:

— Пойдемте, господа, пойдемте [1]).

Бывшіе съ нами слуги, видя, что насъ такъ долго задерживаютъ у оберъ-полиціймейстера, воротились оттуда домой и сказали о томъ нашимъ женамъ. Тѣ бросились изъ дому, въ слезахъ и отчаяніи, но повстрѣчались съ нами на улицѣ. Завидѣвъ насъ, одна лишилась чувствъ, а другая горько зарыдала. Ихъ экипажъ обступила толпа, мгновенно привлеченная любопытствомъ и сожалѣніемъ. Это зрѣлище

[1]) Этому офицеру пришлось тогда сопровождать домой моего брата, жена котораго, тронутая видимымъ участіемъ со стороны этого добраго человѣка и вѣжливымъ его обращеніемъ, со слезами предложила ему, въ знакъ признательности, золотую коробочку; но онъ принялъ ее только послѣ усиленныхъ просьбъ. Авт.

поколебало въ насъ присутствіе духа: до сихъ поръ негодованіе придавало мнѣ силы переносить наше униженіе съ твердостью; теперь же оно смѣнилось чувствомъ горестнаго умиленія... Я сѣлъ въ сани къ своей бѣдной подругѣ и поѣхалъ къ себѣ, сопровождаемый офицеромъ. Жена была въ увѣренности, что насъ съ братомъ ведутъ на смерть и что ей никогда болѣе не увидѣть своего мужа. Отъ избытка собственной скорби, я не могъ ничего объяснить женѣ; а она, отъ ужаса и волненія, не въ состояніи была ни понимать, ни слушать меня. Бо́льшую часть дорогаго времени, даннаго на устройство дѣлъ, я провелъ въ заботѣ успокоить и вразумить ее. Наконецъ, мнѣ удалось внушить ей кое-какія надежды, и она, собравшись съ духомъ, заявила себя достойною того дѣла, за которое я страдалъ [1]). Она даже помогала мнѣ въ укладкѣ чемодана, покуда я рылся въ бумагахъ, приводилъ ихъ въ порядокъ, да написалъ нѣсколько писемъ, поручая ими жену участію моихъ покровителей и друзей... Увы, то былъ трудъ напрасный: я уже не имѣлъ ихъ въ это время! Офицеръ, безотлучно и повсюду слѣдившій за мною, не мѣшалъ мнѣ ни въ чемъ: писать, запасаться вещами, брать съ собою бумаги, рвать ихъ,—однимъ словомъ, дѣлать что угодно [2]); но отказалъ въ просьбѣ отпустить меня, на честное слово, во дворецъ, или пойти туда вмѣстѣ со мною. Разлука съ женою была такъ невыразимо-тяжка для меня, что я рѣшался на все, чтобы только склонить великаго князя на ходатайство передъ императоромъ.

Но время шло.... вотъ офицеръ вынулъ свои часы и молча показалъ мнѣ: двухчасовой срокъ исполнился. Приходилось навсегда исторгнуть себя изъ объятій моей несчастной подруги, которую я покидалъ въ самомъ ужасномъ положеніи. При раздирающей душу сценѣ

[1]) Въ подинникѣ «elle se montra digne de la cause pour laquelle je souffrais». Въ этой фразѣ Массонъ видимо увлекается трагизмомъ своего тогдашняго положенія, какъ бы рисуясь въ ней жертвою политическихъ убѣжденій, тогда какъ на предъидущихъ страницахъ онъ отстаиваетъ свою полнѣйшую невиновность, и словомъ и дѣломъ, въ какихъ-либо либеральныхъ поползновеніяхъ. Д. Р.

[2]) Крайности сходятся... и въ преувеличеніяхъ самовластія, и въ излишествахъ свободы. То и другое часто бываетъ въ противорѣчіи съ самимъ собою. Здѣсь мнѣ дозволили располагать моими бумагами, имѣть при себѣ все, чего мнѣ хотѣлось, и даже взять съ собою прислугу безъ паспорта, чего нигдѣ и никогда въ подобныхъ случаяхъ не допускается. Но еслибъ я уѣзжалъ изъ Россіи по доброй волѣ, то не было бы конца всевозможнымъ къ тому препонамъ, затрудненіямъ, проволочкамъ: тогда нужно было бы выполнить предварительную формальность троекратной публикаціи; меня останавливали бы и распрашивали на каждой заставѣ, обыскивали бы на каждой таможнѣ. А въ настоящемъ случаѣ меня обошли всѣ эти препятствія, стѣсненія и неудобства... Авт.

нашего прощанія, когда я обращался къ женѣ съ послѣднимъ словомъ утѣшенія и совѣта, шестинедѣльная дочь наша, Лёленька (Lolinka), мирно почивала среди неутѣшно-плачущей семьи. Нѣсколько слезинокъ, безмолвно канувшихъ изъ моихъ глазъ въ колыбель дорогой малютки, были единственнымъ прощальнымъ ей привѣтомъ отца-изгнанника..... Наконецъ, я оторвался отъ объятій отчаянной жены и попрощался съ плачущими навзрыдъ домашними. Конвойный офицеръ, тронутый этою картиной общаго горя, сказалъ мнѣ съ чувствомъ:

— По всему видно, что, по крайней мѣрѣ, вы не были для прислуги недобрымъ господиномъ.

Особенно растрогала меня выказавшаяся въ этомъ случаѣ привязанность ко мнѣ русскаго солдата, моего деньщика. Онъ просился ѣхать за мною, куда бы ни повезли меня. Оберъ-полиціймейстеръ отказалъ этой просьбѣ за невозможностью разрѣшить ее, но позволилъ мнѣ взять съ собою одного служителя изъ иностранцевъ,—и разогорченный деньщикъ провожалъ меня далеко за-городъ, ѣдучи за мною на маленькихъ санкахъ....

Но оставимъ эти грустныя подробности, близкія только моему сердцу и болѣзненно отдающіяся въ немъ до сей поры (писано въ 1800 г.). Почти тѣ-же самыя печальныя сцены происходили у моего брата, за которымъ заѣхалъ я изъ дома. Мы съ нимъ снова отправились къ исполнителю царской воли, еще въ невѣдѣніи, что съ нами будетъ. За время нашей двухчасовой отлучки, куплено было, на нашъ счетъ, двое крытыхъ саней; но какъ прежде отъѣзда понадобилось получить новыя инструкціи, то г. Чулковъ заставилъ насъ долго ждать въ комнатѣ, оберегаемой карауломъ.... Ахъ, зачѣмъ не дали намъ провести это, потраченное даромъ, время съ нашими женами и дѣтьми!

III.

Наши горькія думы были прерваны входомъ Чулкова: приготовленія къ отъѣзду поспѣли. Я и братъ усѣлись, каждый особо, въ легкія крытыя сани, которыя долженствовали быть для насъ подвижною тюрьмой, подъ надзоромъ офицера и унтера, имѣвшихъ порученіе везти насъ такимъ образомъ, то-есть, врозь. Братъ мой опять спросилъ, куда мы ѣдемъ? Вмѣсто всякаго отвѣта, офицеръ, только-что усѣвшись въ сани, таинственно вынулъ изъ своей курьерской сумки пакетъ за императорской печатью и показалъ надписанный на оборотной сторонѣ адресъ: „Графу Палену, нашему генералъ-губернатору въ Митавѣ“. Этотъ поступокъ офицера вывелъ насъ изъ жестокаго безпокойства. Подозвавъ моего деньщика, который

еще ѣхалъ за нами, я взялъ его за руку, обнялъ на прощанье и сказалъ ему:

— Ступай теперь назадъ, любезный мой Данило, и скажи Марьѣ Ивановнѣ [1]), что насъ повезли на Митаву.

Едва мы отъѣхали нѣсколько верстъ отъ Петербурга, какъ провожатый офицеръ сталъ намъ оказывать внимательность и вѣжливость, исполненныя самаго искренняго человѣколюбія. Онъ усадилъ насъ съ братомъ въ одни сани, чтобъ намъ было посвободнѣе, съ нашимъ слугой, а самъ, съ своимъ сержантомъ, занялъ другія, такъ что наше вынужденное путешествіе, совершавшееся очень быстро, не прибавило для насъ новыхъ непріятностей къ тѣмъ скорбнымъ чувствамъ, что̀ уносили мы за собою въ сердцахъ нашихъ вмѣстѣ съ мрачными опасеніями за неизвѣстную участь, ожидающую насъ впереди. Я ѣхалъ по дорогѣ, давно мнѣ знакомой. Когда-то, въ счастливое время, часто ѣзжалъ я по ней, вдвоемъ съ братомъ же, то по случаю его свадьбы за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, то для свиданій съ своей невѣстой, моею теперешнею женой.... И вотъ, нынѣ пришлось намъ снова держать путь черезъ тѣ-же мѣста, обитаемыя многими нашими знакомыми, друзьями и родными..... Хотя офицеръ нашъ,—какъ я уже говорилъ,—былъ къ намъ очень добръ и непритязателенъ, но все-таки онъ везъ насъ въ качествѣ арестантовъ, состоявшихъ на его личной отвѣтственности, и потому его нѣсколько безпокоило, что мы часто встрѣчаемся со множествомъ людей знакомыхъ, между которыми оказывались почти всѣ станціонные начальники. Изъ числа ихъ, служившій въ Токкенгоффѣ (Tockenhoff), или, иначе, Чудлеѣ (Tschoudley), прежнемъ имѣніи моего тестя, барона Розена, проданномъ герцогинѣ Кингстонъ [2]), былъ также и фермеромъ моей невѣстки, на ея мызѣ, что̀ не подалеку отъ названной станціи. Онъ въ особенности выказалъ изумленіе и участіе, увидя насъ ѣдущими подъ конвоемъ. Мой братъ, получивъ отъ него при этомъ случаѣ нѣкоторую сумму арендныхъ денегъ, нашелъ способъ вложить ему въ руку записочку къ своей женѣ; но провожатый нашъ подмѣтилъ это, и съ тѣхъ поръ

---

[1]) Русское имя жены моей. Авт.

[2]) Англичанка Елисавета Чудлей (или Чудли), сперва жена капитана Гервея (въ послѣдствіи графа Бристольскаго), а по разводѣ съ нимъ—герцога Кингстона (Kingston), извѣстна, какъ авантюристка, своими скандалезными похожденіями, расточительными затѣями и странствованіями по Франціи, Италіи и Россіи, р. 1720, † 1788. Тяжебное дѣло жены Массона, о которомъ онъ упоминалъ здѣсь выше, велось съ наслѣдниками герцогини Кингстонъ изъ-за оставшагося послѣ нея имѣнія, пріобрѣтеннаго ею въ Остзейскомъ краѣ.

Д. Р.

онъ постоянно бралъ предосторожность входить прежде насъ въ станціонные дома, для предупрежденія находившихся тамъ лицъ, что мы государственные преступники, съ которыми запрещается разговаривать на единѣ или принимать отъ нихъ какія-либо бумаги. Тогда вездѣ начали относиться къ намъ опасливо и уклончиво, такъ что мы насилу могли добиться отвѣтовъ на самые незначущіе вопросы, какіе случалось дѣлать при перемѣнѣ лошадей, или во время нашей торопливой дорожной трапезы. Ѣхали мы день и ночь, оплачивая прогоны и продовольствіе провожатыхъ собственными деньгами. Чтобы устранить съ нашей стороны всякое сомнѣніе въ честности своей, офицеръ показалъ намъ данную ему подорожную, для удостовѣренія, что онъ снабженъ казенными деньгами только на одинъ обратный путь.

Мы прибыли въ Ригу черезъ три дня послѣ нашего выѣзда и остановились тамъ отобѣдать, да кстати размѣнять русскія ассигнаціи, не имѣвшія въ Курляндіи хода. Я отнесся къ здѣшнему своему пріятелю, швейцарскому негоціанту, и тотъ обратилъ всѣ наши наличныя деньги въ голландскіе червонцы, оказавъ намъ притомъ кое-какія услуги, на сколько отъ него зависѣло при грустныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ онъ увидѣлъ меня. Одною изъ самыхъ щекотливыхъ и унизительныхъ для насъ особенностей этого путешествія была необходимость встрѣчаться часто съ людьми знакомыми. Съ ихъ стороны, и невольное отчужденіе отъ насъ, при видѣ нашего конвоя, и любопытство, или даже самое участіе, безразлично подбавляли горечи въ наше положеніе. Такъ, напримѣръ, встрѣтили мы, между Ригой и Митавой, генерала Ламсдорфа, бывшаго придворнаго кавалера великихъ князей [1]); а далѣе съѣхались съ генераломъ Сухтеленомъ, короткимъ нашимъ знакомымъ [2]), на его обратномъ пути изъ Польши. Но болѣе замѣчательная по нѣкоторымъ послѣдствіямъ была встрѣча съ Гревеницемъ (Graevenitz), старинnымъ нашимъ товарищемъ, бывшимъ воспитанникомъ Штутгардтской военной академіи, который ѣхалъ въ это время посланцемъ къ русскому двору отъ герцога Виртембергскаго. Онъ завтракалъ на станціи, гдѣ мы только перемѣняли лошадей, не выходя изъ экипажа, и хотя мы сидѣли въ глубинѣ нашей кибитки, такъ что не могли его видѣть, онъ все-таки насъ узналъ въ ту минуту, когда мы двинулись съ мѣста въ дальнѣйшій

---

[1]) Ламздорфъ, или Ламбсдорфъ, Матвѣй Ивановичъ (Густавъ-Маттіасъ), воспитатель вел. князей Николая и Михаила Павловичей, въ послѣдствіи генералъ отъ инфантеріи, графъ (съ 1-го іюля 1817 г.) и членъ государственнаго совѣта, р. 1745, † 1828.

[2]) Сухтеленъ, графъ Петръ Корниловичъ, инженеръ-генералъ, вступившій въ русскую службу съ 1783 г.; р. 1751, † 1836. Д. Р.

путь. По пріѣздѣ же своемъ въ Петербургъ, г. фонъ-Гревенцъ заставилъ много плакать бѣдныхъ нашихъ женъ, разсказавъ имъ, что будто бы при этой встрѣчѣ мы хотѣли остановиться и поговорить съ нимъ, но что наши провожатые грубо осадили насъ назадъ, подъ навѣсъ кибитки, а затѣмъ велѣли гнать лошадей впередъ, во всю прыть. Весь разсказъ этотъ—чистая небылица, выдумка, столь же непріятная для нашихъ женъ и неделикатная со стороны ея изобрѣтателя, сколько несправедливая относительно русскаго офицера, бывшаго неизмѣнно-вѣжливымъ и даже предупредительнымъ съ нами отъ начала до конца. Подчиненный ему сержантъ, на перерывъ съ нашимъ служителемъ, всячески хлопоталъ оказывать намъ всевозможныя услуги. Никогда никто не позволялъ себѣ грубаго къ намъ прикосновенія. Я уже замѣтилъ выше, что у насъ даже не были отобраны шпаги и что мы оставались въ мундирахъ. Вся обстановка нашего арестованія выражалась только присутствіемъ при насъ провожатыхъ.

Мы имѣемъ единственную лишь причину пенять на почтеннаго нашего капитана, и вотъ какую именно: при разставаньи съ нами, онъ принялъ на себя порученіе доставить отъ насъ къ женамъ открытыя письма, обѣщая свято вручить ихъ по принадлежности. Однако-жъ наши жены совсѣмъ не получили ихъ и даже, когда узнали, послѣ многократныхъ справокъ и розысковъ, о возвращеніи въ столицу и о мѣстѣ жительства этого офицера, то онъ и не сознался въ томъ, что сопровождалъ насъ и что имѣлъ къ нимъ какое-нибудь порученіе.

Послѣ мы узнали, что письма были отданы Архарову, и что одинъ изъ его давнихъ пріятелей, питавшій участіе къ нашимъ женамъ[1]), даже уговаривалъ его отправить къ нимъ эти письма, но безъ успѣха. Былоли ему свыше велѣно поступать подобнымъ образомъ—не знаю; но удерживать письма, предназначенныя единственно для нѣкотораго успокоенія разгорченныхъ женщинъ, успокоенія лишь въ томъ, что ихъ мужья живы и здоровы, не дать имъ узнать, куда увезены они,—это такая изысканная жестокость, такая напрасная, ненужная мѣра, что послѣ того вполнѣ повѣришь возможности особеннаго наслажденія, которое находятъ мучители въ страданіяхъ жертвъ своихъ.

По пріѣздѣ въ Митаву, вечеромъ, насъ повели прямо во дворецъ герцоговъ курляндскихъ, занимаемый нынѣ русскимъ генералъ-губернаторомъ. Это былъ знакомый намъ баронъ фонъ-деръ-Паленъ, человѣкъ, исполненный вѣжливости и благовоспитанности, которымъ всю цѣну узнаешь, когда находишься въ положеніи, равномъ нашему. Мы

---

[1]) Достойный генералъ Зайцевъ. Авт.

не застали его дома и должны были дожидаться въ большой дворцовой залѣ, гдѣ я на досугѣ предался своимъ скорбнымъ думамъ. Тутъ жила прежде моя милая сестра Габріэль [1]), недавно только оставившая здѣшній замокъ.... Сколько сопоставленій былаго съ настоящимъ, сколько воспоминаній, и нѣжныхъ и грустныхъ, пронеслось передо мною въ эти минуты!

Баронъ фонъ-деръ-Паленъ [2]) вскорѣ возвратился: онъ сразу насъ узналъ и казался весьма удивленнымъ нашей катастрофой. Офицеръ вручилъ ему привезенный пакетъ, и мы съ томленіемъ ждали рѣшенія нашей судьбы.

— Господа,—сказалъ генералъ, прочитавъ бумагу,—вы сами знаете, что́ такое служба: я очень сожалѣю, что обязанъ исполнить полученное мною повелѣніе. Мнѣ предписано выпроводить васъ, подъ конвоемъ, за границу,—и ничего болѣе.

Это положительно высказанное объявленіе сняло съ насъ тяжкое бремя неизвѣстности. Прежде мы часто слыхали разсказы, что будто бы иностранцы, обреченные изгнанію, бываютъ подвергаемы унизительному обращенію и оскорбленіямъ, о которыхъ одна мысль проникала насъ дрожью негодованія; а между тѣмъ, мало-ли чего не могли сдѣлать съ нами? Но баронъ Паленъ не только сообщилъ намъ безъ всякихъ околичностей содержаніе императорскаго повелѣнія, а еще поставилъ себѣ за удовольствіе отбросить въ его исполненіи малѣйшій оттѣнокъ непріятныхъ формальностей, которыя многими на мѣстѣ барона были бы употреблены при этомъ случаѣ. Онъ распорядился угостить насъ чаемъ и обращался къ намъ съ разными вопросами. Не зная, въ чемъ мы были обвинены, но желая не выказать передъ нами своего невѣдѣнія, онъ вызывалъ насъ удовлетворить его любопытству въ теченіе завязавшагося разговора. При этомъ онъ сказалъ, что такъ какъ порученіе, возложенное на сопровождавшаго насъ офицера, окончено, то на время остальнаго пути будетъ назначенъ къ намъ другой, которымъ навѣрно мы останемся довольны. Этотъ новый офицеръ вскорѣ явился. То былъ лифляндецъ, нѣкто г. Кельхенъ (Kelchen), близко знакомый моему брату и даже ему обязанный

---

[1]) Въ качествѣ гувернантки принцессъ курляндскихъ. Авт.

[2]) Баронъ, а съ 22-го февраля 1799 г. графъ, Петръ Алексѣевичъ (Петръ-Людвигъ) фонъ-деръ-Паленъ, при Екатеринѣ II генералъ-поручикъ и александровскій кавалеръ; при Павлѣ генералъ отъ кавалеріи, андреевскій кавалеръ и великій канцлеръ Мальтійскаго ордена. Былъ губернаторомъ лифляндскимъ, эстляндскимъ и курляндскимъ, с.-петербургскимъ военнымъ губернаторомъ, первоприсутствующимъ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и главнымъ директоромъ почтъ; р. 1745, † 13-го февраля 1826 г. Д. Р.

кое-какими услугами. Видъ признательности съ его стороны, а съ нашей — изъявленіе радости при этомъ свиданіи, что̀ выказалось въ присутствіи губернатора, не отклонили послѣдняго отъ сдѣланнаго имъ назначенія. Напротивъ, онъ еще выразилъ удивленіе, когда узналъ, что мы несли до сихъ поръ путевые расходы на собственный счетъ и приказалъ отпустить новому провожатому необходимую сумму для довершенія нашего путешествія изъ казенной кассы. Наконецъ, мы его оставили съ благодарнымъ чувствомъ за его обязательное обхожденіе и отправились на почтовый дворъ вмѣстѣ съ Кельхеномъ [1]).

Тутъ петербургскій конвойный офицеръ и его сержантъ пришли проститься съ нами. Тому и другому сдѣлали мы денежные подарки въ благодарность за ихъ доброе съ нами поведеніе, при чемъ офицеръ повторилъ свое обѣщаніе посѣтить нашихъ женъ и передать имъ порученныя нами письма, но, какъ уже сказано выше, онъ не сдержалъ слова.

Г. Кельхенъ, озабоченный дорожными сборами въ непредвидѣнное имъ путешествіе, вынужденъ былъ уйти отъ насъ на короткое время для необходимыхъ распоряженій, въ ожиданіи заказаннаго нами ужина, почему и оставилъ насъ въ гостинницѣ послѣ патетическаго заклинанія въ томъ, что мы, какъ лица, ввѣренныя его стражѣ, не можемъ отказать ему въ нашемъ честномъ словѣ—не дѣлать попытокъ къ бѣгству за время его непродолжительной отлучки. Обстоятельство это подало поводъ къ довольно-забавной тревогѣ. Едва онъ ушелъ, какъ въ занятой нами комнатѣ стало дымить, такъ что нельзя было тамъ оставаться, и мы, по предложенію хозяйки, перешли обогрѣваться въ другую, гдѣ она и велѣла накрывать столъ. Между тѣмъ, Кельхенъ возвращается назадъ, поспѣшая съ нетерпѣніемъ присоединиться вновь къ своимъ арестантамъ и удостовѣриться въ ихъ вѣрности данному слову. Онъ быстро входитъ въ горницу, въ которой насъ оставилъ, но находитъ ее порожнею и неосвѣщенною: пустота, мракъ и запахъ дыма поражаютъ его страшнымъ изумленіемъ, и онъ, вообразивъ себѣ, что мы убѣжали совсѣмъ, бросается стремглавъ во дворъ, а оттуда

[1]) По странному совпаденію случайностей, мнѣ пришлось пользоваться обязательностью генерала Палена и при въѣздѣ моемъ въ Россію, какъ при удаленіи изъ нея. Въ 1786 г., на пути въ Петербургъ, я встрѣтилъ его съ нѣсколькими офицерами въ одномъ станціонномъ домѣ. Увидя во мнѣ иностранца, не знающаго туземнаго языка, онъ, въ продолженіе всей дороги, что̀ я проѣхалъ въ сообществѣ съ нимъ, оказывалъ мнѣ всевозможные знаки самой любезной внимательности. Не предчувствовалось мнѣ тогда, что тотъ же самый человѣкъ, кто, такимъ образомъ, являлся въ качествѣ руководителя, напутствовавшаго меня въ Россію, окажется, черезъ одиннадцать лѣтъ спустя, исполнителемъ порученія выпроводить меня оттуда... Авт.

на улицу, неистово крича: „караулъ!“ и призывая на помощь. Его изступленные крики всполошили весь домъ; хозяйка выбѣжала къ нему; но онъ, ничего не слушая, напустился на нее съ угрозами и бранью. Насилу она могла растолковать ему, что мы преспокойно сидимъ въ дальней комнатѣ дома, куда онъ тотчасъ же примчался впопыхахъ, внѣ себя отъ радости, что нашелъ насъ наконецъ. Мы долго смѣялись за ужиномъ напрасной его тревогѣ, а въ полночь пустились съ нимъ въ дальнѣйшій путь черезъ Курляндію.

На восьмой день ѣзды прибыли мы въ Полангенъ, дрянной польскій городишко, на самой окраинѣ Русской имперіи, смежно съ Пруссіей. Тамъ г. Кельхенъ насъ оставилъ, а маіоръ, командовавшій пограничною стражей на этой заставѣ, далъ намъ простаго казака проводить насъ до перваго прусскаго поста, подъ названіемъ Ниммерсатъ (Nimmersat), съ наказомъ получить росписку въ томъ, что мы туда прибыли. При нашемъ переѣздѣ черезъ границу, намъ не читали никакого карательнаго приговора, не провозглашали никакого запрета на возвращеніе наше въ Россію и оставили мнѣ мой мундиръ и шпагу, а брату— его почетную саблю и орденъ, безъ всякаго предъявленія намъ какихъ-либо требованій. Мы пріѣхали въ Ниммерсатъ, первый пограничный пунктъ прусскихъ владѣній, какъ бы въ видѣ путешественниковъ, сопровождаемыхъ почетнымъ карауломъ. Увы! На самомъ-то дѣлѣ, мы сознавали себя выброшенными, какъ преступники и безпаспортные, въ чужую страну, не зная, приметъ-ли насъ она, въ такую эпоху, когда цѣлая Европа казалась огромнымъ судилищемъ политической инквизиціи.

Спросятъ меня, быть можетъ: да развѣ большое несчастіе быть удаленнымъ изъ Россіи? Теперь (въ 1800 г.), конечно, я начинаю чувствовать, что нѣтъ, и приношу спасибо русскому правительству: вѣдь насъ, вмѣсто высылки за границу, могли точно также спровадить въ Камчатку; стало быть, надо считать за благодѣяніе уже и то, что намъ не сдѣлали столько зла, сколько были въ состояніи сдѣлать. Но, съ другой стороны, пусть представятъ себѣ тогдашнее положеніе Европы. Быть изгнанными туда, въ качествѣ людей, провинившихся мнѣніями, оказывалось для насъ худшею бѣдой, нежели бы попасть въ сибирскія пустыни. Законы и постановленія, дѣйствовавшіе тогда во Франціи, заграждали намъ входъ въ отечество въ наказаніе за нашу преданность его священному дѣлу; законы и уставы, не менѣе строгіе, лишали насъ повсюду пристанища, доступнаго даже и бродягамъ. Мы очутились безъ средствъ къ жизни, когда мгновенно были разбиты самыя завѣтныя узы, единственныя, что̀ связывали насъ съ обществомъ. Насъ оторвали отъ нашихъ семействъ, отъ города, гдѣ сосре-

доточивались всѣ наши сердечныя привязанности, отъ страны, къ которой жребій приростилъ жизнь нашу,—страны, гдѣ мы оставили свое благосостояніе и общественное положеніе, свои надежды, молодость и плоды долгой службы. Послѣ двадцатилѣтняго почти отсутствія, послѣ великихъ событій, потрясшихъ европейскій міръ, мы стали чуждыми и Франціи, и Швейцаріи, и Германіи,—цѣлому свѣту.

Напрасно вдыхали мы въ предѣлахъ Пруссіи, подъ правленіемъ болѣе умѣреннымъ и льготнымъ, упоительный для насъ воздухъ свободы гражданской и нравственной [1]): не могъ онъ вытѣснить изъ нашихъ сердецъ угнетавшія ихъ чувства. Удрученныхъ горемъ женъ, покинутыхъ дѣтей, разрушенное достояніе, пропавшія заслуги,—мы все это оставили въ Россіи. Птичка, которой въ неволѣ дали свить себѣ гнѣздо, выпущенная потомъ на свободу, станетъ-ли утѣшаться ею? Увы! И сердце, и крылья свои она оставила въ прежнемъ жилищѣ, куда неодолимо тянутъ ее голоса подруги и народившейся семьи. Ей нелюбо открытое раздолье полей, и долго витаетъ она около клѣтки, гдѣ задержалось все, что ей дорого и мило....

IV.

Этою меланхолическою и, повидимому, глубоко-прочувствованною метафорой заключаетъ Массонъ разсказъ о своемъ внезапномъ изгнаніи. Намъ остается прибавить къ переданному отрывку его автобіографіи нѣсколько дополнительныхъ свѣдѣній о послѣдующихъ обстоятельствахъ въ судьбѣ изгнанниковъ и ихъ семействъ.

Послѣ высылки братьевъ Массоновъ изъ Россіи, оставшіяся въ Петербургѣ жены ихъ довольно долго томились неизвѣстностію о томъ, что́ сталось съ увезенными мужьями и почти цѣлый мѣсяцъ не могли добиться освѣдомленія объ участи изгнанныхъ: и самъ Архаровъ, и

---

[1]) Я обязанъ засвидѣтельствовать мою признательность пруссакамъ и отдать справедливость ихъ правительству. Какихъ новыхъ непріятностей не могли мы себѣ ожидать въ нашемъ темномъ, безправномъ положеніи? Однако-жъ, были приняты съ участіемъ всеобщимъ. Офицеры войскъ, стоявшихъ гарнизономъ въ Мемелѣ, Тильзитѣ и Кенигсбергѣ, наперерывъ заявляли намъ свое радушіе. Самъ губернаторъ, г. фонъ-Брунекъ (v. Bruneck), былъ столько любезенъ и внимателенъ, что, пригласивъ насъ къ себѣ, оказалъ намъ возможное покровительство и снабдилъ насъ необходимымъ орудіемъ обезпеченія личности: письменными видами. Я здѣсь нашелъ родныхъ и прежнихъ друзей. Почтенный графъ Лендорфъ (Lehndorff), мой давній покровитель, предложилъ мнѣ пріютъ въ своемъ помѣстьѣ Резау (Rèsau), близъ польской границы, гдѣ я поджидалъ жену, а потомъ съ нею вмѣстѣ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ въ этомъ отрадномъ уединеніи. Авт.

его „архаровцы“ безжалостно и злорадно отказывали просительницамъ въ какихъ бы то ни было справкахъ. Не знаемъ, откуда, наконецъ, онѣ получили желанныя извѣстія, но, по всей вѣроятности, добыли ихъ путемъ неоффиціальнымъ изъ-за границы; быть можетъ, по письмамъ отъ мужей, тайно доставленнымъ черезъ надежныя руки.

Жена Массона-младшаго,— какъ видно, особа съ характеромъ замѣчательно энергическимъ,— рѣшилась на смѣлую попытку обратиться непосредственно съ личною просьбой къ самому императору Павлу. Не надѣясь быть къ нему допущенной, она однажды стала близъ Зимняго дворца, въ ожиданіи обычнаго выѣзда государя на верховую прогулку, и когда императоръ поравнялся съ нею, она бросилась передъ нимъ на колѣни, съ крикомъ:

— Правосудія, государь! молю о правосудіи мужу, не о помилованіи!

— Вашъ мужъ и его братъ виновны,— отвѣчалъ Павелъ,— а я люблю порядокъ у себя въ имперіи. Отойдите прочь, если не хотите попасть подъ ноги моей лошади.

И затѣмъ онъ собрался ѣхать далѣе, но отчаянная женщина схватилась за узду лошади, говоря:

— Лучше мнѣ умереть, нежели быть женою человѣка, лишеннаго чести!...

Императоръ не сталъ болѣе слушать и отъѣхалъ отъ просительницы, упавшей въ обморокъ.

И все-таки семья Массона (по собственному его показанію) не была оставлена милостивымъ участіемъ особъ царствующаго дома. Великій князь Александръ Павловичъ, приказавъ выдать женѣ своего бывшаго подчиненнаго, немедленно послѣ его высылки, три тысячи рублей жалованья, причитавшагося ему за послѣднее время службы, дѣлалъ еще негласныя пособія его семейству отъ себя и супруги своей. Императрица Марія Ѳедоровна, по дѣятельному предстательству своей матери, герцогини Виртембергской [1]), пробовала ходатайствовать передъ государемъ за опальныхъ, но получила гнѣвный отказъ. Однако жъ, императрица не оставила намѣренія быть имъ полезною и обѣщала своей матери благодѣтельствовать имъ по возможности, чего, впрочемъ, осуществить не успѣла.

Какъ водится, петербургскіе знакомые и друзья братьевъ Массоновъ и аристократическая родня женъ ихъ тотчасъ же всѣ гуртомъ отшатнулись отъ людей, зачумленныхъ несчастіемъ. Массонъ съ особенною горечью вспоминаетъ по этому случаю эгоистичное и чер-

[1]) Ея королевское высочество герцогиня Фредерика-Доротея-Софія.

ствое поведеніе своего недавняго благопріятеля, секретаря императрицы, барона Николаи [1]), который (будто-бы), не только холодно выслушалъ просьбу жены его о содѣйствіи, но оскорбительно жестко обошелся съ нею, отвѣтивъ ей отказомъ въ грубой формѣ. Въ числѣ весьма немногихъ лицъ, явившихся исключеніемъ и не измѣнившихъ своихъ добрыхъ отношеній къ пострадавшимъ, были молодые графы Салтыковы, которые тайкомъ помогали семьѣ бывшаго своего воспитателя, да еще дружески расположенный къ нему баронъ Унгернъ-Штернбергъ, тотъ, самый, что́ былъ нѣкогда генералъ-адъютантомъ Петра Третьяго, вѣрнымъ ему до конца [2]). Почтенный старикъ часто навѣщалѣ г-жу Массонъ (доводившуюся ему родственницей), показывалъ ей самое теплое сочувствіе и выхлопоталъ ей и невѣсткѣ ея заграничные паспорты для слѣдованія къ мужьямъ.

Распродавъ, по чемъ попало, бо́льшую часть своей движимости, обѣ невѣстки, съ дѣтьми, отправились навсегда къ мужьямъ за границу. Нельзя сказать, чтобы переселеніе это обошлось безъ непріятностей и происшествій,—по крайней мѣрѣ, для г-жи Массонъ-младшей, относительно имущественныхъ ея интересовъ. Во-первыхъ, на недвижимое ея имѣніе наложенъ былъ секвестръ подъ предлогомъ обезпеченія тяжебнаго процесса съ наслѣдниками герцогини Кингстонъ (упомянутаго выше и заведеннаго лѣтъ за двадцать до той поры). Потомъ она лишилась самыхъ цѣнныхъ своихъ вещей, погибшихъ въ морѣ съ кораблемъ, который везъ ихъ въ Пруссію и потерпѣлъ крушеніе у Мемельскаго рейда. Но сама г-жа Массонъ съ дѣтьми благополучно добралась до мѣста пребыванія своего мужа и соединилась съ нимъ въ помѣстьѣ графа Лендорфа, Резау, послѣ продолжительной разлуки.

Въ этомъ убѣжищѣ Массону-младшему удалось погостить недолго. Могущественное вліяніе русскаго правительства досягало всюду въ Германіи изгнанника и нигдѣ не давало ему заживаться на одномъ мѣстѣ. Въ Пруссіи, откуда настоятельно домогались его удаленія, Массонъ былъ вынужденъ оправдываться передъ особою самого короля въ дѣлѣ, за которое подвергся высылкѣ изъ Россіи. Точно также выживали его изъ Гамбурга, Регенсбурга, Байрёйта, отъ одного изъ принцевъ Виртембергскихъ, предложившаго было ему свое гостепріимство.

Преслѣдованія эти возникли вслѣдствіе нескромныхъ рѣчей братьевъ Массоновъ, вѣроятно, не стѣснявшихся въ своихъ жалобахъ, такъ и вслѣдствіе напечатанія одной статьи отъ имени друзей и ихъ зна-

---

[1]) Баронъ Андрей Львовичъ (Ludwig-Heinrich) тайн. совѣт.; р. 1737, † 1820 г.

[2]) Баронъ Карлъ Карловичъ, генералъ-поручикъ при Петрѣ III, а при Павлѣ генералъ отъ инфантеріи; р. 1730, † 1799 г. Д. Р.

комыхъ въ журналѣ Архенгольца „Минерва“ (май, 1797, стр. 366), подъ заглавіемъ: „Ernstliche Aufforderung und Bitte, an die, in russischen Diensten gestandenen Herren von Masson“. Въ этой статьѣ, редактированной, впрочемъ, въ тонѣ весьма умѣренномъ и сдержанномъ, описывались извѣстныя лишь съ внѣшней стороны обстоятельства изгнанія обоихъ братьевъ изъ Россіи, при чемъ лица, подписавшія статью, выражая твердое упованіе на правосудіе императора Павла, „взывали“ о томъ, чтобы дѣло это было разъяснено полною гласностью, которая или поставила бы обвиненныхъ въ возможность заявить торжественно свои оправданія, если таковыя имѣются, или, въ противномъ случаѣ, разоблачила бы „передъ цѣлымъ свѣтомъ“ виновность наказанныхъ.

Неизвѣстно, участвовали-ли они сами, хотя бы изъ подъ-руки, въ составленіи и опубликованіи этой статьи, такъ непрактично задуманной въ ихъ пользу и несвоевременно обращенной къ разбирательству общественнаго мнѣнія; но желанныхъ послѣдствій она не имѣла по отношенію къ русскому правительству и не могла подѣйствовать на него внушительно, какъ выходка, не соотвѣтствовавшая ни тогдашнему его направленію, ни всѣмъ традиціямъ. А между тѣмъ, она несомнѣнно должна была показаться собственною затѣей самихъ изгнанниковъ, заслонявшихся чужими именами, и еще болѣе раздражить противъ нихъ императора [1]).

Давленіе извнѣ грозной силы давало себя чувствовать, прямо или косвенно, на всемъ, что до нихъ относилось. Въ Гамбургѣ, напримѣръ, вышелъ такой случай: Массонъ-младшій, всегда большой любитель литературныхъ занятій, написалъ французское стихотвореніе въ память Екатерины II, на тему, предложенную на конкурсъ желающимъ, по вызову тамошняго русскаго литературнаго кружка, состоявшаго подъ покровительствомъ императорской миссіи [2]). Судьями для разцѣнки сочиненій на заданную тему и для присужденія премій были избраны ученые члены гамбургскаго лицея. Стихотвореніе Массона, скрывшаго въ подписи имя свое подъ анаграммой, было признано достойнымъ

[1]) Августъ Коцебу, въ своихъ возраженіяхъ на «Записки» Массона, заявляетъ себя авторомъ этой статьи, издѣваясь надъ Массономъ, что тотъ счелъ ее, въ самомъ дѣлѣ, произведеніемъ своихъ друзей или родныхъ.

[2]) Что это былъ за кружокъ—намъ обстоятельно неизвѣстно. Со словъ Массона мы знаемъ только, что общество это образовалось изъ проживавшихъ въ Германіи богатыхъ русскихъ баръ и можемъ быть увѣрены, что въ его программу не входило ни малѣйшее помышленіе о собственно-русской литературѣ, а что наши диллетанты космополитически сочувствовали только общеевропейской, задавая ей, впрочемъ, воспѣвать темы изъ исторіи русскихъ государей.

Д. Р.

второй медали; но когда гамбургскій лицей удостовѣрился, кто именно авторъ этого произведенія и узналъ при томъ, что въ Петербургѣ оно принято неблагопріятно, то долго не смѣлъ выслать присужденную медаль по назначенію и уже черезъ годъ слишкомъ препроводилъ ее къ автору, да и то лишь вслѣдствіе настойчиваго его требованія.

Не находя постояннаго и надежнаго убѣжища въ Германіи, изгнанникъ не могъ найти себѣ мѣста и за предѣлами ея, во Франціи. Просьба его о разрѣшеніи на въѣздъ туда была первоначально отринута французскимъ правительствомъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ считается эмигрантомъ, и, такимъ образомъ, несчастный влачилъ нѣсколько лѣтъ безотрадную жизнь скитальца, лишеннаго отчизны и вѣрнаго крова,—сперва разрозненнаго съ женой и дѣтьми, а потомъ вынужденнаго дѣлить съ ними горемычную долю отверженца.

Массонъ-младшій успѣлъ, наконецъ, пристроиться во Франціи, вступивъ въ ея службу офицеромъ войскъ, расположенныхъ въ Гельветической республикѣ. Что послѣдовало далѣе съ нимъ и съ старшимъ его братомъ—свѣдѣній объ этомъ мы въ виду не имѣемъ. Извѣстно только, что Массонъ-младшій умеръ въ 1807 году, 45-ти лѣтъ отъ роду.

Д. Д. Рабининъ.

КЪ L-ти ЛѢТІЮ II-го ОТДѢЛЕНІЯ

Собственной Е. И. В. Канцеляріи.

Объяснительныя записки и замѣтки Сперанскаго

1828 г.

III [1]).

Представляя вашему императорскому величеству сводъ существующихъ законовъ по гражданской части и отчетъ о содержаніи его начальника II-го отдѣленія статсъ-секретаря Балугьянскаго[2]), считаю долгомъ изложить кратко: 1) существо сей работы; 2) сравнительное отношеніе ея къ иностраннымъ уложеніямъ; 3) дѣйствительную ея пользу и употребленіе.

О существѣ свода.

Гражданское наше законодательство, начиная съ перваго Уложенія, обнимаетъ слишкомъ 176 лѣтъ. Всѣ указы и постановленія, на семъ пространствѣ времени разсѣянные, привесть въ одинъ составъ, дать имъ систематическую связь, такъ, чтобъ они представляли одно цѣлое, одну книгу, какъ бы однимъ пріемомъ и въ одно время сочиненную, безъ повтореній и противорѣчій— въ семъ состояло дѣло свода и существо задачи, II-му отдѣленію въ началѣ 1826 года данной.

Два условія къ разрѣшенію ея были необходимы: 1) общій планъ и 2) изысканіе матеріаловъ и изложеніе ихъ по сему плану.

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1876 г., томъ XV, стр. 430—441.

[2]) Въ отчетѣ Балугьянскаго объ этомъ сводѣ, который онъ назвалъ сводомъ земскихъ законовъ по гражданской части, помѣщено краткое обозрѣніе сего труда, основанія, пространство и исполненіе его. А. В.

I. Планъ. Въ немъ два существенныя свойства: полнота объема и ясность,— полнота, чтобъ не упустить ничего, къ составу гражданскихъ законовъ принадлежащаго; ясность, чтобъ все было на своемъ мѣстѣ безъ смѣшенія и повтореній.

Объемъ плана опредѣленъ въ самомъ началѣ работы, по соображенію съ лучшими иностранными, какъ древними, такъ и новыми сочиненіями, и по сравненію съ уложеніями: французскимъ, прусскимъ и австрійскимъ. Когда по плану сему работа была окончена, то при повѣркѣ и при сравненіи главы съ главою оказалось, что не только ничего не пропущено, но много у насъ есть предметовъ, коихъ нѣтъ въ другихъ уложеніяхъ. Причины сему показаны будутъ ниже.

Ясность плана. Расположеніе главныхъ предметовъ во всѣхъ уложеніяхъ сходно; но расположеніе въ подробностяхъ во всѣхъ разнообразно. Въ нашемъ планѣ принятъ распорядокъ, который, по свойству нашихъ законовъ, казался болѣе удобнымъ. Впрочемъ, сей распорядокъ всегда легко можно перемѣнить и исправить перемѣщеніемъ главъ и раздѣловъ.

II. Изысканіе матеріаловъ и изложеніе ихъ по плану. Здѣсь дѣло состояло: 1) въ томъ, чтобъ опредѣлить съ достовѣрностію все количество матеріаловъ; 2) отдѣлить изъ нихъ то, что принадлежитъ вообще къ гражданскимъ законамъ, и изъ сего уже извлечь то, что, послѣ многихъ перемѣнъ, нынѣ какъ законъ дѣйствуетъ и имѣетъ свою силу.

Опредѣленіе и удостовѣреніе въ матеріалахъ. Для сего сперва изъ разныхъ архивовъ собраны реестры всѣхъ узаконеній, по симъ реестрамъ отысканы самыя узаконенія; такимъ образомъ полнота ихъ удостовѣрена всѣми возможными способами.

Извлеченіе. Изъ сего общаго состава всѣхъ законовъ, по предметамъ государственнымъ, казеннымъ, полицейскимъ и уголовнымъ, отдѣлены сначала тѣ, кои принадлежатъ къ составу законовъ гражданскихъ. Симъ положено начало дѣлу; но если бы отъ сего начала вдругъ поступить къ извлеченію законовъ дѣйствующихъ, то произошло бы неминуемо смѣшеніе, и никогда цѣли достигнуть было бы невозможно: на одинъ и тотъ же случай представляется 5, 6, 10 законовъ, въ разныя времена изданныхъ: какой изъ нихъ должно считать дѣйствующимъ и какой отмѣненнымъ, и чѣмъ именно отмѣненнымъ? Изъ сего открылась

необходимость раздѣлить все законодательство на періоды, осмотрѣть каждый періодъ отдѣльно, и въ каждомъ опредѣлить, какіе законы въ немъ были дѣйствующими по каждому предмету; чѣмъ и какъ они отмѣнились въ послѣдующемъ періодѣ; что въ немъ осталось изъ предъидущаго и что прибавлено вновь, и такимъ образомъ довесть все до времени настоящаго. Слѣдовательно, надлежало составить два свода: одинъ историческій, въ коемъ изложены законы со всѣми ихъ измѣненіями, и другой сводъ законовъ существующихъ. Послѣ сего, если бы вопросили: почему тотъ или другой законъ поставленъ въ числѣ дѣйствующихъ, и точно-ли онъ есть дѣйствующій; нѣтъ-ли другаго въ отмѣну? или же, напротивъ, если бы вопросили: почему тотъ или другой законъ не поставленъ въ числѣ дѣйствующихъ; гдѣ и когда онъ отмѣненъ? на всѣ сіи вопросы отвѣтъ готовъ въ сводѣ историческомъ и не можетъ быть съ достовѣрностью сдѣланъ, какъ только посредствомъ сего свода; слѣдовательно, онъ есть основаніемъ всему дѣлу. Столько-то справедливо замѣчаніе Монтескье: qu'il faut éclairer l'histoire par les loix et les loix par l'histoire. Очевидно, впрочемъ, что первый сводъ труднѣе послѣдняго; но послѣдній дѣльнѣе, полезнѣе для употребленія. Первый представляетъ, какъ законы наши образовались, возрастали, измѣнялись; а послѣдній представляетъ то, что въ нихъ осталось и есть неизмѣнно. На составленіе перваго свода употреблено 15 мѣсяцевъ; второй совершенъ въ 6 мѣсяцевъ.

Особенное прилагаемо было попеченіе, чтобъ въ сводѣ не было противорѣчій и, кажется, цѣль сія достигнута. Но есть два рода противорѣчій: одни въ законѣ, а другія въ самыхъ началахъ, на коихъ онъ основанъ. Такъ, напримѣръ, много было противорѣчій въ законахъ о выкупѣ родовыхъ имѣній; въ сводѣ всѣ они согласшены и подведены подъ одинъ послѣдній законъ единообразный; но въ основаніи сего самаго закона есть противорѣчіе: дозволено выкупать проданное родовое имѣніе за цѣну купли въ теченіе двухъ лѣтъ; между тѣмъ, другимъ закономъ, каждому купившему имѣніе, хотя бы оно было и родовое, дозволено обращать его въ залогъ неограниченно. По сему закону, купившій родовое имѣніе всегда можетъ заложить его втрое выше цѣны его, и, слѣдовательно, выкупъ сдѣлать невозможнымъ. Такимъ образомъ между закономъ о дозволеніи выкупа и закономъ о дозволеніи

залога есть очевидное противорѣчіе; но противорѣчія сего никакимъ сводомъ исправить невозможно: тутъ самый законъ требуетъ исправленія.

Сравненіе настоящаго свода съ иностранными уложеніями.

Въ двухъ разныхъ отношеніяхъ можно установить сравненіе настоящаго свода съ иностранными уложеніями: 1) по пространству предметовъ, 2) по внутреннему ихъ достоинству.

Пространство. Сводъ содержитъ въ себѣ 7,341 статью. Въ сихъ статьяхъ, составленныхъ болѣе нежели изъ 20,000 разныхъ указовъ, заключается:

1) Все то, что въ иностранныхъ законодательствахъ именуется собственно гражданскимъ уложеніемъ (code civil, Bürgerliches Gesetzbuch).

2) Все то, что въ нихъ разумѣется подъ именемъ коммерческаго уложенія (code de commerce).

3) Все то, что въ нихъ составляетъ судебное уложеніе (code de procédure civile, Bürgerliche Gerichtsordnung).

И сверхъ того, въ статьяхъ свода заключаются:

4) Законы о состояніяхъ; во французскомъ уложеніи они слегка упомянуты; въ австрійскомъ они отнесены къ законамъ политическимъ, и въ одномъ только прусскомъ изложены съ подробностью.

5) Законы о совершеніи актовъ состоянія, купли и продажи, залога, межевыхъ и проч. Законы сіи извѣстны во Франціи отдѣльно подъ именемъ уставовъ нотаріата; въ другихъ же государствахъ они разсѣяны въ разныхъ постановленіяхъ.

6) Уставъ межевой; часть сія въ другихъ государствахъ составляетъ особенный отдѣлъ законовъ, и въ уложеніе не входитъ.

7) Учрежденіе судебныхъ мѣстъ отчасти только изложено въ прусскомъ судебномъ уложеніи; въ другихъ же не собрано и не приведено въ единство.

Слѣдовательно, сверхъ трехъ уложеній: гражданскаго, коммерческаго и судебнаго, сводъ заключаетъ въ себѣ еще четыре устава, въ полномъ собраніи гражданскихъ законовъ необходимые,— четыре существенныя части, къ одному цѣлому принадлежащія.

Внутреннее достоинство. Совсѣмъ другія и противныя сему заключенія представляются при сравненіи внутренняго до-

стоинства нашего свода съ иностранными уложеніями. Въ сводѣ есть тѣ-же главы и тѣ-же раздѣлы, какъ и въ уложеніяхъ, есть даже ихъ и больше, но въ сихъ главахъ и въ сихъ раздѣлахъ недостаетъ весьма многихъ существенныхъ статей, не опредѣлено многихъ весьма важныхъ случаевъ. Такъ, напримѣръ, у насъ, какъ и вездѣ, есть глава о духовныхъ завѣщаніяхъ; но у насъ она вся заключается въ 90 статьяхъ, а во французскомъ уложеніи она составляетъ 161, въ австрійскомъ—175, въ прусскомъ—616, и всѣ сіи статьи не суть лишнія какія-либо подробности, но правила важныя, необходимыя. Другой примѣръ: глава объ опекѣ и попечительствѣ у насъ составляетъ 35 статей, а во французскомъ уложеніи—126, въ австрійскомъ—97, въ прусскомъ—1,007. Подобные сему примѣры можно указать, если не въ каждой главѣ, то почти въ каждомъ раздѣлѣ.

Слѣдовательно, сколько объемъ свода нашего обширенъ и полонъ, столько составныя его части недостаточны и скудны.

Сіе и быть иначе не могло. Гражданскіе законы нигдѣ не были произведеніемъ умозрѣнія. Они вездѣ возникали отъ дѣлъ и случаевъ. Слѣдовательно, чѣмъ болѣе дѣлъ, чѣмъ жизнь государства была продолжительнѣе, чѣмъ кругъ его дѣйствія обширнѣе, тѣмъ гражданскіе его законы обильнѣе, тѣмъ составъ ихъ полнѣе. Сто семьдесятъ пять лѣтъ гражданскаго нашего законодательства [1]) есть эпоха весьма краткая въ сравненіи съ другими [2]). Прибавить къ сему должно, что другіе народы вступили въ гражданскую жизнь съ великимъ наслѣдствомъ; мы, напротивъ, мы ничего почти не наслѣдовали отъ римлянъ, и весьма мало отъ грековъ. Все богатство наше въ семъ родѣ есть наше собственное, благопріобрѣтенное. Справедливѣе можно дивиться тому, что мы имѣемъ, нежели тому, чего у насъ нѣтъ. Дополнить недостающее, довершить недоконченное, дать каждому предмету законодательства надлежащую его полноту и пространство,—есть дѣло уложенія. Оно будетъ тѣмъ лучше, чѣмъ своды, на коихъ оно основано, будутъ совершеннѣе.

---

[1]) Началомъ дѣйствующаго у насъ законодательства пріемлется Соборное Уложеніе 1649 года.

[2]) Законодательство многихъ европейскихъ державъ начинается съ VII-го вѣка, и, слѣдовательно, объемлетъ XII почти столѣтій.

Польза свода и употребленіе.

Польза свода можетъ быть двоякая по двумъ разнымъ предположеніямъ:

Первое предположеніе. Разсмотрѣвъ сей сводъ и удостовѣрясь посредствомъ особой коммисіи въ его точности, ввести его въ употребленіе. Въ одной книгѣ (около 500 листовъ) судебныя мѣста нашли бы не только все то, чего теперь они должны искать въ кипахъ указовъ, но нашли бы и болѣе и скорѣе, а что всего важнѣе, нашли бы не они одни, но вмѣстѣ съ ними тоже самое нашли бы и истецъ, и отвѣтчикъ; исчезли бы отъ сего всѣ выписки изъ законовъ, часто невѣрныя, и еще чаще произвольныя, исчезъ бы промыселъ или искусство подбирать законы. Ссылка на статью въ сводѣ была бы равно ясна и рѣшительна и для судей, и для подсудимыхъ.

Выгода сія очевидна, но, разсматривая ее ближе, открываются вслѣдъ за нею важныя неудобства. Когда законы сами въ себѣ недостаточны, тогда ясность ихъ обнаруживаетъ еще болѣе ихъ недостатки. Все пропущенное, все неопредѣленное становится очевиднѣе. Симъ ослабляется уваженіе, которое всегда должно сохранять къ законамъ, даже и къ недостаточнымъ. Сверхъ сего, недостатку закона часто пособляютъ толкованіемъ; но яснаго толковать нельзя; слѣдовательно, при ясныхъ, но недостаточныхъ законахъ большая часть дѣлъ осталась бы не рѣшенною, и законодательная власть нашлась бы въ необходимости непрестанно входить въ разборъ дѣлъ тяжебныхъ и судебныхъ и издавать дополненія.

Второе предположеніе. Принять сей сводъ основаніемъ къ составу уложенія. Онъ, дѣйствительно, можетъ служить таковымъ основаніемъ. Надлежитъ только каждой главѣ и каждому раздѣлу дать надлежащее пространство, разрѣшить случаи, въ нихъ неопредѣленные, пополнить недостатки, и въ нѣкоторыхъ только предметахъ, впрочемъ, не многочисленныхъ, составить проекты нужныхъ измѣненій. Кажется, трудъ сей въ теченіе настоящаго года можетъ быть оконченъ.

Между тѣмъ въ теченіе сего года составленъ будетъ подобный сему сводъ законовъ уголовныхъ и законовъ судебной полиціи. Быть можетъ, что достанетъ времени на составъ и уло-

женія уголовнаго. Такимъ образомъ, въ 1829 году все дѣло можетъ быть окончено, и столѣтнія начинанія въ три первые года царствованія вашего императорскаго величества получатъ совершеніе. М. Сперанскій.

14-го января 1828 г.

IV.

О ЗАКОНАХЪ РИМСКИХЪ И РАЗЛИЧІИ ИХЪ ОТЪ ЗАКОНОВЪ РОССІЙСКИХЪ.

Законы, по раздѣленію, принятому въ Юстиніановомъ уложеніи, суть или естественные (jus naturae), или общенародные (jus gentium), или римскіе (jus civile); сіи послѣдніе суть или публичные, ко всему государству принадлежащіе (jus publicum), или приватные, къ пользамъ частныхъ людей относящіеся (jus privatum).

На семъ раздѣленіи въ послѣдствіи основано другое, болѣе употребительное.

Законы суть или естественные, или положительные; естественные (jus naturae) суть тѣ, кои однимъ здравымъ разумомъ установляются; положительные (jus positivum) установляются верховною властію.

Естественные законы дѣлятся на два рода: публичные и приватные (jus publicum et jus privatum). Законы естественные публичные еще дѣлятся на два рода: на внутренніе и внѣшніе (jus civitatis et jus gentium). Законы естественные приватные не дѣлятся на роды, но располагаются по ихъ предметамъ такъ же, какъ и законы положительные приватные.

Законы положительные, такъ же какъ и естественные, дѣлятся на два главные рода: на публичные и приватные.

Законы положительные публичные (jus civitatis statuarium) заключаютъ въ себѣ:

1) Законы государственные основные (jus fundamentale).
2) Законы о правахъ состоянія (jus privilegiorum).
3) Законы управленія (jus politicae).
4) Законы уголовные (jus criminale).
5) Законы церковные (jus ecclesiasticum).

Законы положительные приватные не имѣютъ родовъ и дѣлятся, по предметамъ, на законы: о лицахъ, о вещахъ, и объ искахъ (jus personarum, jus rerum et jus actionum); въ послѣдствіи имъ присвоено въ особенности именованіе законовъ граж-

данскихъ (jus civile), хотя въ первоначальномъ смыслѣ всѣ роды законовъ, свойственныхъ Риму, назывались: jus civile, и законы сіи противополагались законамъ внѣшнимъ (juris gentium). Здѣсь представляется сіе раздѣленіе въ общемъ его начертаніи; безполезно было бы исчислять всѣ измѣненія и поправки, въ нихъ сдѣланныя; первоначальная ихъ основа есть одна и таже—система Юстиніанова.

Сія система, во-первыхъ, есть произвольна и неудобна, и, во-вторыхъ, не можетъ быть приложена къ Россійскому законодательству.

Произвольность системы Юстиніановой.

Въ преклонномъ и близкомъ уже къ паденію вѣкѣ Римской имперіи, ни въ умѣ, ни въ силѣ государственнаго управленія нельзя было, по естественному вещей порядку, ожидать здравыхъ и точныхъ о законахъ понятій. Римскіе законы, памятникъ тысящелѣтняго гражданскаго образованія и великой законодательной мудрости, въ изложеніи Юстиніановомъ представляютъ развалину великолѣпнаго зданія, въ коей рукою слабыхъ и малосвѣдущихъ художниковъ наудачу слѣплены разнородные драгоцѣнные остатки.

Не найдя въ преданіяхъ общаго чертежа законодательства, законники Юстиніановы выдумали свой, понятіямъ того времени свойственный, но обширности предмета несоразмѣрный; когда же по сему тѣсному чертежу приступили къ построенію, тогда на опытѣ оказалось, что многіе матеріалы оставались безъ размѣщенія; сему неудобству желали пособить двумя средствами и допустили двѣ новыя погрѣшности: 1) непрестанное отъ чертежа отступленіе, вставки въ немъ и поправки, разнообразныя и часто противорѣчащія опредѣленія однихъ и тѣхъ же понятій; 2) когда же и сіе средство было недостаточно, тогда приврѣпляли уже оставшіяся части одна къ другой безъ всякаго чертежа, безъ всякой почти связи или съ связью, изъ греческихъ полу-ученыхъ того вѣка тонкостей сплетенною.

Къ погрѣшностямъ перваго рода должно отнести два главные раздѣленія законовъ, сими законниками введенныя, раздѣленіе ихъ на естественные и положительные, а потомъ на публичные и приватные.

Есть, безъ сомнѣнія, законы природы, Творцомъ ея установлен-

ные, но законы сіи не противополагаются законамъ, верховною человѣческою властію установленнымъ. Они составляютъ не особенный родъ, но основаніе всѣхъ законовъ человѣческихъ. Законы сіи объемлютъ всю природу, а не одно царство животныхъ, и, слѣдовательно, нельзя опредѣлить ихъ однимъ инстиктомъ животныхъ, нельзя сказать: jus naturae est quod natura omnia animalia docuit. Еще менѣе можно допустить другое опредѣленіе, коимъ желали первое исправить, а именно, что законы естественные суть тѣ, кои изъ однихъ началъ здраваго разума къ благосостоянію государства произвести можно, какъ-будто законы положительные, верховною властію издаваемые, основаны не на тѣхъ же началахъ разума, но разума, объемлющаго различіе климата, степень образованія и мѣстныхъ обстоятельствъ, безъ чего и здравымъ онъ быть не можетъ.

Раздѣленіе законовъ на публичные и приватные также неправильно и произвольно.

Законъ имѣетъ двѣ составныя части: правило и охраненіе, Охраненіе всѣхъ законовъ есть сила государственная (публичная), и, слѣдовательно, съ сей стороны всѣ законы суть публичные.

Цѣль законовъ публичныхъ, какъ, напримѣръ, законовъ безопасности, столько же относится къ государству вообще, какъ и къ частнымъ людямъ въ особенности; слѣдовательно, съ сей стороны, и законы безопасности могутъ назваться приватными. Трудно вообразить себѣ, что есть государства безъ обывателей, и, слѣдовательно, представить законы, полезные государству, но безполезные для частныхъ людей. Правда, что есть собственность частная и собственность государственная (res publica et res privata); въ семъ уваженіи приватнымъ законамъ должно было противопоставлять только законы государственнаго хозяйства, а не всѣ вообще законы, къ частной собственности не принадлежащіе.

Не взирая однако же на всѣ недостатки Юстиніановой системы, таково было превосходство римскихъ законовъ въ существѣ ихъ, что изложеніе ихъ, хотя и безобразное, принято въ Европѣ во всеобщее почти употребленіе. Недостатки сего изложенія старались исправить разными дополненіями и измѣненіями, и хотя доселѣ въ семъ не успѣли, хотя коренной порокъ сей системы,—произвольность плана,—ничѣмъ не можетъ совершенно быть исправленъ, тѣмъ не менѣе, однако же, чѣмъ болѣе употреб-

ляли времени и трудовъ въ обработаніи его, тѣмъ болѣе самою работою къ нему привыкали и тѣмъ сильнѣе прилѣплялись.

Къ сему присоединилось другое обстоятельство.

Римскіе законы, вскорѣ послѣ разрушенія Западной имперіи и послѣ завоеванія Европы сѣверными народами, вошли въ ней въ употребленіе. Юстиніаново уложеніе, особенно послѣ открытія извѣстныхъ флорентинскихъ пандектовъ, укоренилось во всѣхъ училищахъ, во всѣхъ судахъ, содѣлалось святынею для всѣхъ законниковъ. Тщетно было бы помышлять испровергнуть тысящелѣтнее могущество, особливо когда нѣтъ еще системы, которая бы могла замѣнить его съ очевиднымъ преимуществомъ.

Совсѣмъ другія обстоятельства были въ Россіи и сіе ведетъ ко второй статьѣ настоящаго замѣчанія.

О несовмѣстности Юстиніановой системы съ россійскимъ законодательствомъ.

Есть догадки, что въ первыхъ вѣкахъ основанія Россійскаго государства Юстиніаново уложеніе законовъ, подъ именемъ законовъ греческихъ, имѣло нѣкоторое участіе въ составѣ нашего законодательства и что въ позднѣйшія времена, съ переводомъ Фотіева номоканона или кормчей книги, градскіе законы, въ ней содержащіеся, отрывокъ или, лучше сказать, послѣдствіе системы Юстиніановой, принимаемы были у насъ въ соображеніе. Но сіе суть догадки, а подлинники законовъ, до насъ дошедшіе, указуютъ намъ совсѣмъ другіе источники.

Русская Правда очевидный имѣетъ отпечатокъ сѣверныхъ германскихъ законовъ; новгородскія граматы и судебники 1497 и 1550 годовъ, сохраняя еще нѣкоторое сходство съ сими законами, имѣютъ уже свой мѣстный, природный обликъ.

Ни въ раздѣленіи предметовъ, ни въ судебномъ языкѣ ничего нѣтъ похожаго на изложеніе Юстиніаново. Въ предисловіи къ Уложенію 1649 года хотя и постановлено принимать въ соображеніе градскіе законы греческихъ царей и хотя, быть можетъ, что нѣкоторые законы и дѣйствительно оттуда заимствованы, но ни въ языкѣ, ни въ системѣ уложенія нѣтъ ничего римскаго, ничего Юстиніанова.

Въ законахъ, а особенно въ уставахъ (регламентахъ), во время Петра Перваго изданныхъ, учрежденія и уставы нѣмецкіе

были принимаемы въ соображеніе. Сіе доказывается и содержаніемъ ихъ, и слогомъ, и самыми словами; но рѣшительнаго поворота отъ россійскаго природнаго законодательства къ системѣ Юстиніановой, ни въ сихъ уставахъ, ни въ послѣдующихъ не видно.

Первые слѣды нѣкотораго сближенія съ сею системою являются въ Наказѣ 1768 года. Но Наказъ сей остался безъ дѣйствія.

Такимъ образомъ отъ самой древности до временъ нашихъ, россійское законодательство, исключая двухъ эпохъ: при Ярославѣ и при Петрѣ Великомъ, дѣйствовало и возрастало собственными своими природными силами, и, можетъ быть, одно во всей Европѣ ничего почти не почерпало въ общемъ источникѣ законовъ, въ римскомъ правѣ.

Отсюда происходитъ не только въ существѣ законовъ, но и въ системѣ ихъ, а еще болѣе въ языкѣ судебномъ и дѣловомъ столь рѣзкое различіе между законодательствомъ европейскимъ и россійскимъ, что соединить ихъ нѣтъ почти никакой возможности, не перемѣнивъ обычаевъ, навыковъ, образы мыслей, всѣхъ судей и дѣлопроизводителей.

Есть многія сходства въ законахъ и особенно въ дѣлопроизводствѣ, но сіи сходства возникли не отъ подражанія, но отъ того общаго правила, что одинакія обстоятельства производятъ у разныхъ народовъ одинакія послѣдствія. Проявляются даже нѣкоторыя и въ словахъ подражанія, но это суть болѣе покушенія и попытки, нежели обдуманный и рѣшительный планъ законодательства.

Изъ сего слѣдуетъ, что естьли бы система уложенія Юстиніанова и дѣйствительно была основательна, то и тогда можно бы было только пожалѣть, что она съ нашими обычаями не совмѣстна, но, по счастію, и жалѣть не о чемъ. Одно неудобство: молодые наши законники, вмѣсто одной, должны учиться двумъ разнымъ системамъ: россійской и римской; ибо никто ни въ какомъ государствѣ не долженъ имѣть притязаній быть истиннымъ законовѣдцемъ, не зная законовъ римскихъ, такъ какъ никто не можетъ быть свѣдущъ въ исторіи своей страны безъ познанія исторіи общей; но и сіе неудобство со временемъ прекратится. Не выше силъ человѣческихъ слить обѣ системы въ одну, т. е. составить изложеніе римскихъ законовъ по системѣ россійскаго

уложенія и тогда обученіе ихъ будетъ столько же просто и удобно, сколько нынѣ оно трудно и рѣдко бываетъ основательно.

V.

ИСТОРІЯ ПОШЛИНЪ ВЪ РОССІИ.

Періодъ первый. Пошлины до 1654 года апрѣля 30-го взимаемы были на заставахъ по дорогамъ со всѣхъ товаровъ и припасовъ, привозимыхъ въ города на продажу и отдаваемыхъ на откупъ [1]).

Періодъ второй. Измѣненіе сего порядка уставною грамотою 1654 года. Она положена была на престолъ въ Успенскомъ соборѣ. Установленіе рублевой пошлины, т. е. по 10 коп. съ рубля, при самой продажѣ въ городахъ, а не при провозѣ. Учрежденіе внутреннихъ таможень на вѣрѣ. Неудобства сего порядка: 1) не продавать и не мѣнять на дорогахъ, 2) двойныя и тройныя пошлины при перепродажѣ, 3) обманы и подлоги.

Періодъ третій. Ровно чрезъ 100 лѣтъ, и именно съ 1-го апрѣля 1754 г., отмѣна внутреннихъ пошлинъ. Манифестъ о семъ и исторія его. Весь доходъ составлялъ около 900,000. Замѣна его прибавкою 13 милл. къ пошлинамъ пограничнымъ и портовымъ.

Періодъ четвертый. Отрѣшеніе разныхъ мѣстныхъ пошлинъ, не взирая на всеобщее запрещеніе еще существовавшихъ: 1) при мирномъ торжествѣ 1775 г.—25 статей; 2) въ 1777 г.—10 статей; 3) въ 1780 г.—7 статей, итого 42 статьи.

VI.

ИСТОРІЯ ПОШЛИНЪ ВЪ АНГЛІИ.

Роды пошлинъ: Land-tax, Stamps, Excise, Assessed-taxes, Custom:

1) Land-tax есть ничто иное, какъ поземельный сборъ.

2) Stamps соотвѣтствуетъ нашей гербовой и штемпельной пошлинѣ. Она собирается не только съ разныхъ актовъ граж-

[1]) Означеніе пошлинъ: головщина, посаженныя, привальныя, грузовое, полозовое, дужное, складочное, перевальное, съ ядомыхъ харчей, съ боя скотины, съ квасу, сусла, масла коноплянаго, съ солода, съ овсяной крупы, съ золы, съ мыла, съ дегтя, съ шлей, съ рогожъ, съ лаптей, съ хомутовъ и проч.

данскихъ, но и съ разныхъ лицензій, выдаваемыхъ на дробную продажу и разныя вѣтви торговли: на продажу вина и водки, на дикихъ лошадей и проч. Безмѣрное ихъ количество; отъ одного пенса до 10-ти фунтовъ.

3) Акцизы. Пошлина, взимаемая съ разныхъ внутреннихъ произведеній, какъ-то: съ пива, съ сидра, съ хмѣлю, съ кофе, съ стекла, съ шелковыхъ и другихъ фабрикъ, съ соли. Для сбора ихъ Англія и Валлисъ раздѣлены на 50 округовъ (collections).

4) Пошлины неизмѣнныя (assessed-taxes). Пошлины на окна, домы, слугъ, кареты, лошадей, собакъ, съ пудры и съ фамильныхъ гербовъ.

Сообщ. **А. Ѳ. Вычковъ.**

ИЛЬЯ ВАСИЛЬЕВИЧЪ БУЯЛЬСКІЙ,

заслуженный профессоръ С.-Петербургской мед. хирург. академіи.

1789—1866.

II [1]).

Успѣхъ операціи, произведенной въ октябрѣ 1833 г. надъ больнымъ воспитанникомъ Царскосельскаго лицея Воейковымъ, открылъ И. В. Буяльскому другое поприще дѣятельности. Въ то самое время, когда о ней разговаривали всюду съ одинаковымъ участіемъ и похвалами оператору, воспитатель наслѣдника цесаревича (нынѣ царствующаго Государя Императора) В. А. Жуковскій, пригласилъ его къ себѣ и предложилъ прочесть нѣсколько лекцій анатоміи и физіологіи, съ примѣненіемъ къ судебной медицинѣ, великому князю наслѣднику цесаревичу. Въ помощь къ этимъ лекціямъ должно было быть составлено краткое и популярное изложеніе ихъ, исключительно для цесаревича, и особая программа въ видѣ таблицы. Программа въ видѣ таблицы была составлена и напечатана въ типографіи генеральнаго штаба, въ ряду руководствъ, предназначенныхъ для преподаванія наслѣднику цесаревичу. Краткій учебникъ также былъ составленъ, но преподаваніе не состоялось [2]). Вмѣсто того, по предложенію генералъ-адъютанта Мердера, И. В. Буяльскій составилъ общій обзоръ анатоміи и физіологіи, въ видѣ одной лекціи. Десять лѣтъ спустя, въ 1844 г.,

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1876 г., томъ XV, стр. 289—310.

[2]) Въ 1836 году И. В. Буяльскій читалъ курсъ анатоміи и физіологіи, съ примѣненіемъ къ судебной медицинѣ, для принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго. Курсъ этотъ, по общей сложности употребленнаго на него времени, продолжался 43 часа. Я. Ч.

И. В. Буяльскій напечаталъ, составленный тогда краткій популярный учебникъ и приложенную къ нему программу, подъ названіемъ „Краткой общей анатоміи человѣческаго тѣла“, но въ весьма ограниченномъ числѣ экземпляровъ, такъ что въ продажѣ, кажется, ея не было.

Въ то время, когда Илья Васильевичъ вступилъ на хирургическую карьеру, весьма были часты случаи производства литотоміи, а затѣмъ, нѣсколько лѣтъ спустя, введена въ хирургическую практику литотритія, имѣвшая много сторонниковъ и привлекавшая вниманіе по безкровности операціи. И. В. Буяльскій много видѣлъ литотомій у профессора Буша и въ послѣдствіи самъ дѣлалъ еще болѣе, и всегда съ замѣчательнымъ искусствомъ и успѣхомъ. Но онъ не былъ противникомъ и литотритіи, гдѣ она могла быть предпочтена кровавому извлеченію камня. Надобно однако-жъ признаться, что какъ ни давно дѣлалась литотомія въ Россіи — чуть-ли не со второй четверти прошлаго столѣтія—производство ея во многихъ случаяхъ бывало несчастливо и причиной этого служили анатомическія трудности, а именно смутныя и не полныя описанія regionis perinaei въ учебникахъ. Руководясь собственною 30-лѣтнею опытностью и глубокимъ изученіемъ этого труднаго отдѣла топографической анатоміи, Илья Васильевичъ взялъ на себя трудъ изложить въ подробности все производство литотоміи и литотритіи и приготовилъ роскошный атласъ рисунковъ, поясняющихъ каждый моментъ операціи и каждый анатомо-топографическій отдѣлъ оперируемаго пункта. Когда атласъ былъ готовъ, съ русскимъ и латинскимъ текстомъ, и по справедливости оцѣненъ знатоками дѣла, правительство изъявило согласіе принять на себя издержки изданія, съ отнесеніемъ ихъ, по высочайшему повелѣнію, на счетъ кабинета его величества. Веденіе этого дѣла поручено было конференціи С.-Петербургской медико-хирургической академіи, откуда авторъ выбылъ уже въ 1844 году за выслугою 30-лѣтняго срока. Но какъ дѣла въ конференціи шли въ тѣ времена медленно и эта медленность увеличивала цѣнность издержекъ безъ пользы для изданія, то Илья Васильевичъ отказался отъ казенной помощи и издалъ атласъ на свой собственный счетъ [1]). Этотъ атласъ, по полнотѣ и изяществу изданія былъ достойнымъ дополненіемъ прежде изданнаго Буяльскимъ атласа и принятъ съ одобреніемъ всѣми учеными обществами, академіями и факультетами. Одинъ экземпляръ его поднесенъ императору Николаю Павловичу и доставилъ автору въ награду брилліантовый перстень (6-го января 1852 г.), а вѣнское императорское медицинское общество избрало его своимъ корреспондентомъ (24-го марта 1854 г.).

[1]) «Анатомико-хирургическія таблицы о вырѣзываніи и разбиваніи мочевыхъ камней», съ русскимъ и латинскимъ текстомъ. Спб. 1852. Fol.

Если мы нѣсколько подробно остановились на двухъ изданныхъ Буяльскимъ хирургическихъ атласахъ, то не потому, чтобы оперативная дѣятельность его ограничивалась этими двумя родами операцій, а потому только, что два означенные атласа, по доступности ихъ чрезъ латинскій текстъ для ученыхъ всего свѣта, сдѣлали извѣстнымъ имя Буяльскаго во всей Европѣ и Америкѣ. Напротивъ, не было хирургической операціи, которой бы онъ не дѣлалъ въ своей продолжительной практикѣ (число всѣхъ сдѣланныхъ имъ операцій простирается за 2,000, несмотря на то, что онъ не участвовалъ ни въ одной войнѣ, гдѣ иногда маловажный разрѣзъ идетъ за операцію), и, можетъ быть, не было у насъ оператора, который бы дѣлалъ самыя сложныя, трудныя и опасныя операціи съ бо́льшимъ искусствомъ, увѣренностію и успѣхомъ. Онъ дѣлалъ такія операціи, какихъ въ его время никто въ Россіи не дѣлалъ, какъ, напримѣръ, перерѣзку прибавочнаго Вилизіева нерва на шеѣ[1]), резекцію верхней челюсти[2]), извлеченіе инороднаго тѣла изъ таза чрезъ овальное отверстіе, операцію влагалищнаго свища, и первый ввелъ въ употребленіе въ Россіи сѣтеновскую клейстерную повязку[3]). Кромѣ того, занимаясь оперативнымъ акушерствомъ, онъ сдѣлалъ въ этой отрасли хирургіи нѣсколько смѣлыхъ нововведеній, оправданныхъ полнымъ успѣхомъ. Такъ, для остановленія смертельнаго кроветеченія при выкидышахъ, зависѣвшаго отъ задержанія въ маткѣ умершаго плода, заноса или послѣда, онъ первый рѣшился на извлеченіе содержимаго матки желѣзною литотомическою ложкою и 8 разъ, въ различное время, произвелъ эту операцію съ успѣхомъ[4]). Мы не говоримъ уже объ его пластическихъ операціяхъ, герніотоміяхъ, трепанаціяхъ, вырѣзываніяхъ опухолей на шеѣ — операціяхъ иногда болѣе трудныхъ, чѣмъ полдюжины ампутацій—извлеченіе инородныхъ тѣлъ чрезъ мышечныя стѣнки и т. п.

III.

Рядомъ съ оперативною хирургіею шли у И. В. Буяльскаго постоянныя анатомическія занятія и чередовались между собою. Занявъ должности адъюнкта анатоміи и хирургической клиники, онъ не переставалъ исполнять обязанности прозектора анатоміи еще цѣлыя девять

[1]) «Военно-Медицинскій Журналъ» 1835, XXVI, стр. 25.

[2]) «Военно-Медицинскій Журналъ» 1843, XLII, стр. 385.—«Записки по части врачебныхъ наукъ» 1844, кн. I.

[3]) «Медицинскій Вѣстникъ», 1863, стр. 365.

[4]) «Труды общества русскихъ врачей въ С.-Петербургѣ» 1852, V, стр. 60.—«Библіотека медицинскихъ наукъ», 1861, прибав. стр. 259.—«Другъ Здравія», 1860, № 43.—«St.-Petersburger Medicinische Zeitschrift», 1862, № 6.

лѣтъ и уволенъ отъ этой должности (19-го ноября 1829 года) по тяжкой болѣзни, полученной при одной спеціальной анатомической работѣ. Должность прозектора въ тѣ времена была очень сложна. Кромѣ приготовленія препаратовъ для преподаванія анатоміи и обогащенія кабинета, на прозекторѣ лежала обязанность судебно-медицинскаго вскрытія мертвыхъ тѣлъ, присылаемыхъ въ теченіе учебнаго курса изъ полиціи, а также производство репетицій студентамъ, т. е. повтореніе съ ними полнаго курса анатоміи. Буяльскій исполнялъ все это съ неуклоннымъ своимъ прилежаніемъ, такъ что и съ этой стороны пріобрѣлъ очень лестную извѣстность. Доказательствомъ служитъ то, что ему поручено было составить краткое руководство, которымъ бы врачи всѣхъ вѣдомствъ могли пользоваться при судебно-медицинскомъ вскрытіи мертвыхъ тѣлъ и онъ исполнилъ порученіе съ успѣхомъ. Составленное имъ руководство[1]) разослано было во всѣ врачебныя управы и потомъ, съ небольшими дополненіями, вошло въ Сводъ Законовъ, не потерявъ своего значенія по образцовой точности и практической цѣлесообразности и въ настоящее время. Другое доказательство въ томъ, что онъ считался и дѣйствительно былъ первымъ и лучшимъ бальзамировщикомъ въ Россіи, пользуясь безраздѣльною славою по этой части болѣе 40 лѣтъ. Первое приложеніе своего искусства показалъ онъ еще бывши студентомъ, въ 1811 году, по рекомендаціи профессора П. А. Загорскаго и подъ его руководствомъ.

Въ 1811 году умерла въ Петербургѣ несчастною смертью жена испанскаго посланника Зеа Бермудесъ. Стоя у камина, она нечаянно зажгла на себѣ платье, сильно обгорѣла и черезъ 6 дней умерла отъ этой ожоги. Тѣло ея вскрыто и бальзамировано Яворскимъ и Буяльскимъ.

Тотчасъ по окончаніи курса, въ 1814 году, Буяльскій уже безъ посторонней помощи бальзамировалъ тѣло другой знатной дамы, герцогини де-Тарантъ, кузины несчастнаго Людовика XVI. У этой покойницы найдены нашимъ анатомомъ 507 мелкихъ желчныхъ камней, изъ коихъ 9 были величиною въ лѣсной орѣхъ, 14—величиною съ горошину, а остальные съ конопляное зерно; въ 1816 году—тѣло графа Ильи Андреевича Безбородко, у котораго также найдены 5 большихъ желчныхъ камней; въ 1818 году—молодаго графа Кочубея, въ 1819—министра Козодавлева, въ 1820—грузинскаго царевича, въ 1823 — графа Шувалова и въ 1824, по высочайшему повелѣнію

[1]) «Руководство врачамъ къ правильному осмотру мертвыхъ человѣческихъ тѣлъ для узнанія причины смерти, особливо при судебныхъ изслѣдованіяхъ». «Военно-Медицинскій Журналъ» 1824, III, № 2, стр. 195.

императора Александра I, тѣло тетки императора, герцогини Виртембергской Антоніи, умершей ex gangraena pulmonis sinistri et lienis. При бальзамированіи этого тѣла, онъ нечаянно ранилъ себѣ указательный палецъ лѣвой руки и не обратилъ на это вниманія; но на другой день получилъ воспаленіе венъ и лимфатическихъ сосудовъ всей лѣвой конечности, вслѣдствіе чего прохворалъ 8 мѣсяцевъ и два года плохо владѣлъ лѣвою рукою [1]). Въ томъ же 1824 году онъ бальзамировалъ тѣло барона Б. Б. фонъ-Кампенгаузена и графини Безбородко. У послѣдней найдено имъ полное зарощеніе желчнаго пузыря, повидимому отъ нарыва въ печени, прорвавшагося въ пузырь и втянувшаго его въ воспалительный процессъ. Это зарощеніе произошло задолго до смерти и, кажется, не этотъ-ли случай описанъ И. В. Буяльскимъ, какъ примѣръ необыкновеннаго аппетита отъ безпрерывнаго и непосредственнаго выдѣленія желчи въ желудочно-кишечный каналъ [2]). Въ 1825 году бальзамировалъ тѣла: командира гвардейскаго корпуса генерала Уварова, сенатора Сталыпина, флигель-адъютанта Новосильцова, убитаго на дуэли Черновымъ, министра финансовъ Гурьева и графа Милорадовича, застрѣленнаго Каховскимъ 14-го декабря во время бунта на Исаакіевской площади. Бальзамированіе послѣдняго произведено по высочайшему повелѣнію императора Николая I. Въ 1826 г.—тѣло сенатора графа Орлова, въ 1827 г.—графа Маркова. Въ 1828 г. Буяльскій получилъ высочайшее повелѣніе бальзамировать тѣло императрицы Маріи Ѳеодоровны и (25-го октября) исполнилъ порученіе съ замѣчательнымъ успѣхомъ, за что и получилъ особенную благодарность покойнаго императора чрезъ министра двора князя Волконскаго [3]). Въ 1831 году, по высочайшему повелѣнію, онъ бальзамировалъ тѣло княгини Ловичъ,

---

[1]) При увольненіи отъ должности прозектора, это несчастное раненіе и послѣдовавшая затѣмъ тяжкая и продолжительная болѣзнь зачтены были И. В Буяльскому въ службу и онъ получилъ прозекторское свое жалованье (800 р. ас.) въ пожизненную пенсію. Я. Ч.

[2]) «Необыкновенный аппетитъ послѣ воспаленія въ правомъ боку, продолжавшійся 10 лѣтъ, до самой смерти».—«Библіотека медицинскимъ наукъ» 1862, стр. 284.—«Медицинскій Вѣстникъ» 1862, № 43.—«Другъ Здравія» 1864, № 24.

[3]) Покойный И. В. Буяльскій сохранилъ на всю жизнь печальное воспоминаніе о несправедливомъ и незаслуженномъ недоброжелательствѣ, выказанномъ къ нему лейбъ-медикомъ Рюлемъ по этому случаю. При выборѣ анатома для бальзамированія тѣла усопшей императрицы-матери, императоръ Николай Павловичъ обратился къ Рюлю, чтобы онъ указалъ знающаго и опытнаго анатома. Рюль назвалъ нѣсколько фамилій, но государь далъ замѣтить, что это не тѣ, кого онъ имѣлъ въ мысляхъ, но не умѣлъ припомнить. Рюль назвалъ еще двѣ-три фамиліи. Тогда государь замѣтилъ, что это все не тѣ... *(см. на оборотѣ).*

второй супруги цесаревича Константина Павловича; въ 1833—князя Голицына, въ 1836—графа Мусина-Пушкина; въ 1843—принцессы Ольденбургской, и въ разные послѣдующіе годы—графини Гендриковой, графа Апраксина генеральши Витовтовой, Солнцева и др.

До 1843 года Буяльскій употреблялъ при бальзамированіи свой собственный способъ, описанный имъ въ „Медицинскомъ Вѣстникѣ" 1866 года [1]), а съ тѣхъ поръ—способъ Гаппаля, и имѣлъ случай убѣдиться, что наливаніе крѣпкаго раствора acetatis aluminii должно быть предпочитаемо употребленію другихъ солей глинозема.

Наконецъ, въ доказательство любви Буяльскаго къ анатоміи и постоянныхъ занятій ею, должно упомянуть о богатомъ частномъ кабинетѣ его, совмѣщавшемъ большое количество самыхъ рѣдкихъ, искусныхъ и дорогихъ препаратовъ, какъ анатомическихъ, такъ и хирургическихъ. Кабинетъ этотъ основанъ съ первыхъ дней самостоятельной дѣятельности Буяльскаго и росъ и умножался цѣлыя 50 лѣтъ, такъ что только продолжительностію собиранія его можно объяснить, какимъ образомъ частныхъ средствъ одного человѣка могло достать на накопленіе такихъ ученыхъ богатствъ. Множество препаратовъ въ этомъ кабинетѣ приготовлены самимъ владѣльцемъ его [2]). Кромѣ того, здѣсь выразилась еще одна рѣдкая черта нашего ученаго, не щадившаго никакихъ трудовъ для точнаго выполненія принятыхъ на себя обязанностей. Покойный Буяльскій хорошо рисовалъ и всякая рѣдкая или странная анатомическая или патологическая форма, встрѣченная среди анатомическихъ занятій или въ хирургической практикѣ, тотчасъ набрасывалась на бумагу въ вѣрномъ снимкѣ, съ точнымъ обозначеніемъ, гдѣ и по какому поводу сдѣланъ рисунокъ. По этимъ ри-

---

— У того фамилія не нѣмецкая... Того я хочу,—прибавилъ онъ,—что бальзамировалъ тѣло Милорадовича.

Рюль принужденъ былъ назвать Буяльскаго и императоръ приказалъ пригласить именно его. Буяльскій объяснялъ это тѣмъ, что Рюль лично къ нему, можетъ быть, и не питалъ никакого непріязненнаго чувства, но крайне былъ недоброжелателенъ вообще къ русскимъ врачамъ и даже открыто высказывалъ свое недоброжелательство: «Пока я буду медицинскимъ инспекторомъ маріинскихъ учрежденій,—говорилъ онъ,—никогда не будетъ, не только старшимъ врачомъ, но и ординаторомъ въ учрежденіяхъ подъ моимъ вѣдомствомъ, ни одинъ русскій врачъ».

На дѣлѣ такъ и было.

[1]) «Медицинскій Вѣстникъ» 1866, № 28, стр. 321.

[2]) Кабинетъ этотъ подаренъ И. В. Буяльскимъ С.-Петербургской медико-хирургической академіи, вмѣстѣ съ печатнымъ каталогомъ, въ 1864 году, и принятъ ею съ глубокою благодарностью.

сункамъ авторъ ихъ слѣдилъ въ послѣдствіи за цѣлою исторіею любопытнаго анатомическаго или патологическаго образованія, классифицировалъ однородные предметы и имѣлъ возможность все, что встрѣчалось новаго, безъ труда и безъ ошибки сравнивать съ прежде видѣннымъ, а въ патологическомъ отношеніи слѣдить даже за самымъ развитіемъ образованія.

IV.

И. В. Буяльскій прослужилъ ровно 30 лѣтъ въ преподавательской должности въ Петербургской медико-хирургической академіи и получивъ званія академика (28-го января 1842 г.) и заслуженнаго профессора (20-го августа 1838 г.) ея, уволенъ изъ академіи (6-го октября 1844 г.) съ пенсіею по закону, и въ тоже время утвержденъ почетнымъ членомъ ея. Но при этомъ онъ сохранилъ всѣ остальныя свои должности, а именно: профессора анатоміи въ академіи художествъ, консультанта Маріинской больницы, консультанта-оператора военно-учебныхъ заведеній и совѣщательнаго члена медицинскаго совѣта при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Всѣ эти должности занималъ онъ до конца жизни. Въ сущности дѣятельность его мало измѣнилась, но получила болѣе практическое, прикладное значеніе. Въ наукѣ онъ сталъ популяризаторомъ и распространителемъ знаній, накопленныхъ долгимъ изученіемъ и опытомъ, въ хирургической практикѣ—авторитетомъ, который никѣмъ уже не оспоривался и не могъ быть оспоренъ, такъ какъ, кромѣ знаній, опирался на талантѣ, котораго нельзя было не признать. Большая часть литературныхъ работъ его принадлежитъ именно этому времени,—работъ безъ претензій, но съ печатью правды, скромной, но твердой увѣренности и фактической доказательности. Многочисленныя статьи его, печатавшіяся въ разныхъ русскихъ повременныхъ изданіяхъ, были простымъ и весьма краткимъ изложеніемъ того только, что онъ самъ видѣлъ, провѣрилъ и испыталъ, безъ гипотезъ, безъ теоретическихъ объясненій, безъ малѣйшихъ попытокъ подвести видѣнное и испытанное подъ какія-либо апріорическія теоріи. „Я даю вамъ матеріалъ,—какъ будто говорилъ онъ, печатая то или другое сообщеніе изъ своей практики,—а вы разработайте его соотвѣтственно современной наукѣ", и въ этомъ скромномъ самоограниченіи нельзя не признать великой заслуги глубокаго и всегда самообладающаго ума.

Къ этому же времени дѣятельности И. В. Буяльскаго относится наибольшее распространеніе внѣшней его извѣстности. Онъ былъ членомъ многихъ ученыхъ обществъ, какъ въ Россіи, такъ и за границею, а именно: Императорскаго Виленскаго медицинскаго общества

(съ 12-го января 1822 г.), Московскаго физико-медицинскаго (съ 2-го октября 1822 г.), Имп. Виленскаго университета (съ 25-го января 1830 г.), Имп. Московскаго общества естествоиспытателей (съ 27-го января 1830 г.), Американскаго философическаго общества въ Филадельфіи (съ 6-го января 1833 г.), Имп. Виленской медико-хирургической академіи (21-го сентября 1837 г.), Общества русскихъ врачей въ С.-Петербургѣ (19-го февраля 1838 г.), Имп. Харьковскаго университета (20-го августа 1838 г.), Имп. С.-Петербурской медико-хирургической академіи (6-го октября 1844 г.), Вѣнскаго медицинскаго общества (24-го марта 1854 г.), Имп. Московскаго университета (28-го іюля 1864 г.) и Общества русскихъ врачей въ Москвѣ (15-го сентября 1864 г.) Но, кромѣ этихъ, такъ сказать, офиціальныхъ доказательствъ извѣстности, можно положительно утверждать, что нѣтъ медика въ Россіи, который бы не зналъ и не уважалъ его имени, и нѣтъ ни одного болѣе или менѣе образованнаго русскаго человѣка, который бы незнакомъ былъ съ его именемъ или даже не гордился бы имъ. И это, не смотря на то, что не только литература, но простая письменная гласность и публичность у насъ доступны были въ его время крошечному меньшинству, а самъ И. В. Буяльскій ненавидѣлъ похвальбу и никогда не хвасталъ ни трудомъ, ни талантомъ, ни лично, ни чрезъ многочисленныхъ учениковъ своихъ.

И. В. Буяльскій принадлежалъ къ разряду примѣчательнѣйшихъ общественныхъ дѣятелей на русскомъ медицинскомъ поприщѣ. Его мужественная и во всю жизнь вѣрная самой себѣ чисто русская личность неопровержимымъ образомъ доказала, что есть русская національная медицина и возможны русскіе самородные дѣятели, способные развиваться безъ иностранныхъ вліяній и достигать возможной полноты умственнаго и спеціально-практическаго совершенства изъ своей собственной природы. Своеобразность его развитія отразилась на всей общественной его дѣятельности и на всѣхъ точкахъ соприкосновенія его съ современнымъ общественнымъ бытомъ. И какъ преподаватель, и какъ хирургъ, и какъ гражданинъ страны своей, всегда онъ былъ одинаковъ, всегда русскій человѣкъ, каждая мысль и дѣйствія котораго понятны, объяснимы и въ высокой степени симпатичны съ національно-русской точки зрѣнія. Очень можетъ быть, что онъ мало подходитъ къ теперешнимъ образцамъ, съ которыми бы вздумалось сравнить его, но онъ заключалъ собою и совмѣщалъ въ себѣ тѣ отдѣльные и, къ сожалѣнію, мимолетные образы, которые являлись въ болѣе раннюю эпоху прогрессивно-преобразовательныхъ стремленій Россіи. Отдѣльныя черты Щепиныхъ, Погорѣцкихъ, Шумлянскихъ и Мухиныхъ слились и выработались въ Буяльскомъ въ одно полное цѣлое.

И. В. Буяльскій принялъ на себя обязанности преподавателя, бывъ

вполнѣ готовъ исполнить ихъ, и можно навѣрное сказать, что когда онъ сталъ преподавать анатомію, никто въ Россіи не зналъ такъ анатоміи, какъ онъ. Эти знанія пріобрѣлъ онъ постоянной и почти ежедневной, въ теченіе семи лѣтъ, работой въ анатомическомъ кабинетѣ, не прекращавшейся, впрочемъ, и въ позднѣйшее время. Но этого мало. Онъ ясно понималъ цѣль изученія анатоміи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и трудность изученія ея для молодыхъ людей, никогда прежде не останавливавшихъ мысли на этомъ предметѣ знаній. Если анатомію считалъ онъ основою всей медицины, то въ тоже время считалъ ее главною и коренною основою хирургіи, безъ которой нельзя и думать о хирургическихъ операціяхъ. Поэтому онъ совмѣщалъ въ своемъ преподаваніи какъ описательную, такъ и топографическую анатомію (такъ какъ послѣдняя въ то время не преподавалась отдѣльно), указывая съ особенною настойчивостію на важнѣйшіе отдѣлы послѣдней. Необходимость усвоенія этихъ знаній подсказана ему была собственнымъ опытомъ, а важность его всего лучше подтверждается тѣмъ, что даже въ новѣйшихъ французскихъ учебникахъ оперативной хирургіи играютъ еще важную роль при оперативныхъ производствахъ такъ-называемыя опознательныя точки. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ увѣренъ, что для изученія анатоміи не достаточно видѣть препаратъ, а надобно самому сдѣлать его и пристально и отчетливо заниматься препарованіемъ. Для хирурга же это и еще нужнѣе: ему мало быть знающимъ, но надо еще быть умѣлымъ. Et discas oportet, et quod didicisti agendo confirmes. Поэтому въ своихъ курсахъ онъ принялъ за правило, чтобы каждый студентъ непремѣнно занимался препарованіемъ по всѣмъ отдѣламъ анатоміи—чего до него вовсе не было.

Преподавателю мало однако же знать свой предметъ, но надобно еще правильно понимать свое преподавательское призваніе. Въ этомъ отношеніи И. В. Буяльскій служилъ однимъ изъ тѣхъ классическихъ типовъ, у которыхъ любовь къ наукѣ не отдѣляется отъ любви къ учащимся и накопленныя знанія дѣйствительно служатъ запасомъ для раздачи ученикамъ своимъ. Онъ тогда только считалъ долгъ свой исполненнымъ, когда успѣвалъ дѣйствительно научить своихъ слушателей, не ограничиваясь тѣмъ, чтобы такъ или иначе прочитать имъ полный курсъ, какъ дѣлывали нерѣдко иностранные учители въ Россіи. Конечно, это дѣло трудное и тяжелое, но Буяльскій считалъ его единственно честнымъ исполненіемъ своей обязанности. Поэтому-то въ тридцать лѣтъ профессорства не пропустилъ онъ ни одной лекціи, ни одной репетиціи и десятки разъ повторялъ и разъяснялъ то, что затрудняло учащихся. „Нельзя будетъ переѣхать на лодкѣ,—говаривалъ онъ въ дни прекращенія сообщеній черезъ Неву (постоян-

ныхъ мостовъ тогда не было),—переѣду на льдинѣ", и дѣйствительно переѣзжалъ чуть не на льдинѣ. Студенты знали это, проникались уваженіемъ къ труду, понимали важность своевременности занятій и уровень знаній ихъ былъ весьма высокъ и—что нынѣ было бы дивомъ—почти постоянно у всѣхъ одинаковъ. Экзамены въ академіи были тогда строги и торжественны, какъ настоящіе публичные отчеты возмужалыхъ людей объ употребленномъ времени и трудѣ; но правдѣ сказать, было о чемъ и отчетъ отдавать, потому что учебные курсы дѣйствительно наполнены были ученіемъ, и ничѣмъ болѣе какъ ученіемъ.

V.

Какъ хирургъ, И. В. Буяльскій былъ самобытный и великій талантъ, развившійся изъ самаго себя, изъ своей собственной природы. Русская медицина всегда славилась хирургами, бо́льшая часть которыхъ получили образованіе у иностранныхъ учителей, и личныя свои наблюденія, работу мысли своей, провѣрили и, такъ сказать, санкціонировали заграничными авторитетами. Съ Буяльскимъ не было ничего подобнаго. Всѣмъ, что́ онъ былъ—обязанъ онъ самому себѣ, и все, что онъ дѣлалъ—дѣлалъ изъ самого себя. Во всю свою долгую каррьеру онъ ни разу не былъ за границею и даже мало, повидимому, заботился о подробномъ знакомствѣ съ иностранною хирургическою литературою. Можетъ быть, этого нельзя похвалить, но, по складу жизни, сперва онъ не имѣлъ возможности исполнить то, что всѣ считали естественнымъ и необходимымъ дополненіемъ домашняго медицинскаго воспитанія, а въ послѣдствіи не считалъ уже и нужнымъ, такъ какъ собственное творчество замѣняло для него чужестранныхъ учителей.

И нельзя поэтому не удивляться глубинѣ его соображеній, обширности его взглядовъ и точности сужденій при всякомъ представлявшемся оперативномъ случаѣ, равно какъ точности и искусству при выполненіи оперативнаго плана, основаннаго исключительно на одной собственной мысли. Если же при однихъ личныхъ своихъ средствахъ Буяльскій стоялъ такъ высоко среди далеко не низкаго общаго уровня современной ему хирургіи въ Россіи, то чего бы онъ могъ достигнуть, еслибъ воспользовался еще всѣми средствами европейскаго образованія по своей спеціальности?

Тайна хирургическихъ успѣховъ И. В. Буяльскаго очень проста. Онъ считалъ хирургію однимъ изъ лечебныхъ средствъ, а не художествомъ, предназначеннымъ къ прославленію оператора, оперируемаго же своего — живымъ человѣкомъ, у котораго общіе законы жизни не перестаютъ дѣйствовать, будетъ или не будетъ произведена та или

другая операція. Поэтому, при назначеніи этого лечебнаго средства, онъ поступалъ также какъ и при назначеніи всякаго другаго лекарства: точно распознавалъ болѣзнь, опредѣлялъ и изучалъ встрѣтившуюся болѣзненную форму, устанавливалъ терапевтическія для нея показанія и ясно различалъ, гдѣ необходимо оперировать и какъ оперировать и гдѣ нѣтъ. Такимъ образомъ объ операціяхъ изъ хвастовства или для славы, объ операціяхъ для счета, не могло быть и рѣчи. Смѣлость и дерзость сопредѣльны между собою, говаривалъ онъ; но мысль, что имѣешь дѣло съ живымъ человѣкомъ, должна быть постоянно присуща хирургу, чтобы первая не перешла въ послѣднюю. И, не думая о славѣ, онъ каждой новой операціею увеличивалъ свою славу.

Обдуманность дѣйствій, дальновидность и соображеніе послѣдствій и исходовъ операціи принадлежали также къ числу заслугъ Буяльскаго, и съ одной стороны указывали ему новые пути, по которымъ до него никто не ходилъ (примѣры этого приведены уже выше), а съ другой удерживали его отъ рутинности въ операціяхъ.

— Операція дѣлается иногда для того, чтобы сохранить жизнь, говорилъ онъ, но мы обязаны подумать и о томъ, чтобы эта сохраненная жизнь, по возможности, была менѣе тягостна.

Разъ пригласили его посмотрѣть новорожденнаго младенца, у котораго была atresia ani congenita. До него былъ уже профессоръ Х. Х. Саломонъ, но, осмотрѣвъ младенца, ничего не предпринялъ, не желая принять на свою личную отвѣтственность этотъ важный случай. Послѣ того былъ приглашенъ профессоръ Н. И. Пироговъ, два раза осматривалъ ребенка и въ оба раза утвердительно сказалъ, что, для сохраненія жизни дитяти, нѣтъ другаго средства, какъ anus praeternaturalis въ лѣвой подвздошной сторонѣ, послѣ чего можно уже будетъ подумать объ открытіи естественнаго пути. Но отецъ ребенка, понимая важность и опасность предложенной операціи, не согласился на нее. Наконецъ, черезъ 36 часовъ по рожденіи младенца, приглашенъ былъ Буяльскій, но по первому осмотру ничего не предпринялъ. На другой день утромъ опять осмотрѣлъ младенца и тоже ни на что не рѣшился. Наконецъ, вечеромъ въ тотъ же день (это было 11-го февраля 1847 г.), осмотрѣлъ его въ третій разъ и, почувствовавъ перистальтическое движеніе прямой кишки, сдѣлалъ проколъ троакаромъ на естественномъ мѣстѣ и избавилъ ребенка (который теперь здравствуетъ), если не отъ смерти, то отъ безобразія, которое бы сдѣлало жизнь его очень тягостною [1]).

[1]) Случай этотъ описанъ въ «Военно-Медицинскомъ Журналѣ» 1847, XLIX, 100, и въ «Другѣ Здравія» 1847, № 17, стр. 131. Отецъ оперированнаго ре-

Если хирургическая операція есть такое же врачебное средство, какъ и всякое другое лекарство, въ чемъ едва-ли кто будетъ противорѣчить, то изъ этого очевидно, что хирургъ обязанъ, производя ее, заботиться и объ ея исходахъ, какъ заботился о цѣлесообразности. А это значитъ, что хирургъ обязанъ не только направлять, но въ случаѣ надобности и исполнять всѣ показанія послѣдовательнаго или поопераціоннаго леченія. И. В. Буяльскій придавалъ этому очень большую важность и, можетъ быть, своей внимательности и искусству въ это именно время леченія, обязанъ наибо́льшимъ успѣхомъ своей хирургической дѣятельности. Понятна поэтому его строгость къ нарушителямъ этого общаго правила, составлявшаго, впрочемъ,—надобно отдать справедливость,—существенную принадлежность русской хирургической школы въ его время.

— Хирургъ, нелечащій послѣ операціи или неумѣющій лечить больныхъ своихъ, — говаривалъ онъ, — не имѣетъ права говорить о своихъ успѣхахъ, потому что еслибъ успѣхи у него и бывали (что́ очень мало вѣроятно), то не ему принадлежатъ, между тѣмъ какъ всякій неуспѣхъ долженъ непремѣнно лечь на его совѣсть.

Любя хирургію, какъ природное свое призваніе, и никогда не отказываясь отъ хирургической операціи, гдѣ она дѣйствительно могла быть полезна и необходима, И. В. Буяльскій никогда не былъ безпощаднымъ хирургомъ и никогда не считалъ хирургическую операцію ни цѣлью искусства, ни исключительнымъ средствомъ хирургической терапіи. Можетъ быть, никогда еще хирургическій талантъ не былъ такъ консервативенъ и никогда, можетъ быть, хирургическій консерватизмъ не былъ такъ глубоко раціоналенъ и отъ того такъ блистательно успѣшенъ, какъ въ рукахъ Буяльскаго. Сотни людей обязаны ему сохраненіемъ членовъ, иногда уже приговоренныхъ къ отнятію другими хирургами.

— Легко отнять руку или ногу, — говаривалъ онъ, — легко даже щегольнуть быстротою и изяществомъ операціи съ часами въ рукахъ, но никогда еще не удавалось и не удастся приставить ошибочно или напрасно отнятую руку или ногу. И какъ напрасное увѣчье, какъ бы ни блистательно было произведено оно, не можетъ быть вознаграждено ни славою хирурга, ни позднимъ его раскаяніемъ, то обязанность честнаго человѣка — семь разъ подумать, прежде чѣмъ одинъ разъ отрѣзать.

И онъ думалъ и вдумывался въ каждый предста́влявшійся случай,

---

бенка подарилъ Буяльскому серебряную вазу, на крышкѣ которой отлить сидящій младенецъ съ трозакаромъ въ рукѣ. Я. Ч.

и, убѣдившись въ ненужности ампутаціи, уже отстаивалъ свое мнѣніе со всею свойственною ему твердостію. Конечно, не всѣ смотрѣли на это дѣло его глазами, и ничего нѣтъ мудренаго, что при консультаціяхъ многіе сотоварищи-хирурги не только не любили, но и боялись его участія, какъ спокойной, скромной, но тѣмъ не менѣе строгой и непріятной улики въ легкомысліи, а потому и избѣгали его.

Изъ множества случаевъ подобнаго рода укажемъ на нѣкоторые.

Въ Маріинскую больницу поступилъ золотушный мальчикъ съ костоѣдою больше-берцовой кости, повыше лодыжки. Окружность сустава и вся стопа заняты были большой сплошною опухолью, но суставъ не участвовалъ въ страданіи. Одному молодому врачу очень хотѣлось сдѣлать ампутацію и приглашенный на совѣщаніе Н. Ф. Арендтъ согласился на операцію и подтвердилъ даже необходимость ея. Но Буяльскій былъ противнаго мнѣнія, доказывая возможность выздоровленія безъ ампутаціи. Операція отложена до утра; но узнавшій объ ней мальчикъ до того перепугался, что получилъ горячку съ бредомъ, такъ что ампутація была по неволѣ отложена, а черезъ три мѣсяца онъ совершенно выздоровѣлъ безъ отнятія ноги.

Былъ въ той же больницѣ и другой мальчикъ, воспитанникъ с.-петербургскаго воспитательнаго дома, съ совершенно такимъ же разстройствомъ больше-берцовой кости и также приговоренный Арендтомъ къ ампутаціи голени; но, по настоянію Буяльскаго, операція сперва отложена, а потомъ отмѣнена и мальчикъ выздоровѣлъ ровно черезъ годъ по поступленіи въ больницу, безъ потери ноги.

Молодой человѣкъ, графъ Н...., катаясь въ манежѣ верхомъ, сброшенъ былъ лошадью, ударился правой рукою о барьеръ и получилъ переломъ предплечевой кости. Но при паденіи съ лошади онъ, вѣроятно, автоматически хотѣлъ опереться переломленною рукою въ землю и отломкомъ кости прорвалъ въ двухъ мѣстахъ мышцы, кожу, рубашку и сюртукъ. Однако-жъ онъ сохранилъ еще силы тотчасъ же вскочить съ мѣста паденія и выбѣжать изъ манежа, между тѣмъ какъ кровь лилась струею изъ рукава сюртука.

Созвано много врачей и въ числѣ первыхъ пріѣхалъ Н. Ф. Арендтъ. Осмотрѣвъ руку и вынувъ изъ раны осколки кости, длиною въ $1^1/_2$ дюйма, онъ въ туже минуту послалъ за полковымъ наборомъ инструментовъ, чтобы немедленно сдѣлать ампутацію. Въ это время пріѣхали Буяльскій и П. А. Нарановичъ. Осмотрѣли опять руку всѣ вмѣстѣ и Буяльскій посовѣтовалъ не спѣшить съ ампутаціею и отложить ее до завтра. На другой день опять съѣхались. Арендтъ поручилъ Нарановичу приготовить инструменты, считая ампутацію неизбѣжною и безотложною; но Буяльскій, снова осмотрѣвъ поврежденіе, не согласился дѣлать опе-

раціи. Прошло еще два дня—новая консультація и опять несогласіе Буяльскаго. Наконецъ, на седьмой день мнѣніе Арендта принято было всѣми врачами, собранными на совѣтъ. Тяжело было положеніе Буяльскаго, тяжело было ему противорѣчить общему голосу, страшна была принимаемая имъ на себя отвѣтственность: но дѣлость надкостной плевы, вѣра въ живыя силы молодаго и ничѣмъ еще не испорченнаго организма и мысль о горькой участи блестящаго молодаго человѣка безъ правой руки пересилили всякое себялюбивое помышленіе и онъ отказалъ въ своемъ согласіи на ампутацію. Знатные родственники больнаго, весь петербургскій большой свѣтъ, дворъ, принимали живое участіе въ этомъ молодомъ человѣкѣ и въ случившемся съ нимъ приключеніи. Всѣ ждали съ нетерпѣніемъ, чтобы такъ или иначе рѣшена была судьба его. Петербургскіе врачи-нѣмцы и горячіе почитатели Арендта, съ негодованіемъ разносившіе по городу вѣсти объ упрямствѣ Буяльскаго, обрадовались новому случаю очернить его и безъ удержа терзали его хирургическую репутацію. Трудно сказать, чье положеніе было хуже, того-ли, кто настаивалъ на операціи, или того, кто всѣми силами противился ей. Оба хирурга стояли почти на одинаковой высотѣ извѣстности, ученыхъ заслугъ и славы: но одинъ ничѣмъ не рисковалъ, опираясь на согласіе большинства консультантовъ и на книжные авторитеты, тогда какъ другой рисковалъ всѣмъ, что добыто полувѣковымъ трудомъ, ни откуда не ожидая ни помощи, ни поддержки, кромѣ собственной совѣсти, рисковалъ тѣмъ болѣе, что вся его настойчивость объяснялась простымъ упрямствомъ. Н. Ф. Арендтъ обидѣлся и пересталъ ѣздить на консультаціи; И. В. Буяльскій захворалъ отъ волненія, пустилъ себѣ кровь и принялъ паціента на свои руки, а черезъ двѣнадцать недѣль обрадованъ былъ, какъ величайшимъ подаркомъ, запискою, написанною той самой рукою, которая, бывъ тогда приговорена къ ампутаціи, ему одному обязана не только сохраненіемъ, но и полнымъ возстановленіемъ.

Бывали, впрочемъ, и такіе случаи, гдѣ хирургическій консерватизмъ Буяльскаго удобно встрѣчалъ согласіе, если въ дѣло не замѣшивалась борьба самолюбій и консультанты удерживались въ границахъ взаимнаго уваженія. Въ примѣръ этого можно привести слѣдующій случай. Командиръ л.-гв. Егерскаго полка генералъ Моллеръ, нечаянно поскользнувшись, переломилъ голень близь самаго пяточно-голеннаго сустава, но надъ лодыжками. Переломъ осложненъ былъ разрывомъ связокъ сустава и весьма скоро вызвалъ очень сильное воспаленіе вокругъ поврежденія. Для леченія приглашены были Буш, Арендтъ, Буяльскій, Саломонъ, и старшій лекарь полка докторъ Садовскій. Предсказаніе было очень ненадежное. За воспаленіемъ сустава и

окружающихъ его тканей, черезъ восемь дней появились на стопѣ и голени гангренозные пузыри, величиною въ лѣсной орѣхъ, а по мѣстамъ вдвое и втрое крупнѣе. Ихъ было такъ много, что на десятый день насчитали до 60. Н. Ф. Арендтъ объявилъ, что времени терять не слѣдуетъ и непремѣнно надобно сдѣлать amputationem cruris, а на одиннадцатый день привезъ и инструменты для ампутаціи. И. В. Буяльскій однако же первый подалъ голосъ, что ампутаціи не слѣдуетъ дѣлать и основывалъ свое мнѣніе на томъ, что гангренозные пузыри появились поздно, именно не раньше 9-го дня послѣ происхожденія поврежденія. Съ мнѣніемъ его согласился и Саломонъ. И. Ф. Вушъ опоздалъ на консультацію и явился уже послѣ того, какъ высказаны были два предъидущія мнѣнія: но выслушавъ доказательства pro и contra, онъ присталъ къ мнѣнію Буяльскаго и Саломона. Операцію отложили. Огорченный Арендтъ не выдержалъ и высказалъ свое неудовольствіе:

— Послушались Буяльскаго и будете жалѣть. Онъ вѣдь вѣчно противорѣчитъ и его никогда не слѣдуетъ приглашать на консультаціи.

Сожалѣній, однако-жъ, не было. Тотчасъ же послѣ консультаціи больной крѣпко уснулъ и проспалъ нѣсколько часовъ, а затѣмъ началъ видимо поправляться и совершенно выздоровѣлъ безъ потери ноги.

Какъ мы видѣли, Н. Ф. Арендтъ на консультаціяхъ постоянно былъ недоволенъ Буяльскимъ, ворчалъ на его противорѣчія и всякій разъ повторялъ вслухъ самъ-себѣ, что его не слѣдуетъ и не надо приглашать на консультаціи; а явись у него новый серьезный больной, опять посылаетъ за Буяльскимъ, опять сердится, что тотъ высказываетъ свое мнѣніе и опять увѣряетъ всѣхъ, а больше всѣхъ—самого себя, что не слѣдуетъ и не надо приглашать Буяльскаго. Такъ было сорокъ лѣтъ и такъ было бы еще другія сорокъ лѣтъ, еслибъ природа продлила вѣкъ обоихъ знаменитыхъ хирурговъ. И было такъ не съ однимъ Арендтомъ; только онъ былъ самый откровенный, вовсе не злой и въ простодушіи своемъ высказывавшій прямо въ глаза и удовольствія и неудовольствія свои. Вотъ примѣръ. Княгиня Т..., катаясь съ ледяныхъ горъ, упала съ высоты $2^1/_2$ сажень и сильно ушибла плечо. Пока привезли ее домой и пріѣхали Саломонъ и Арендтъ, прошло $2^1/_2$ часа. Ушибенное плечо до того распухло и разболѣлось, что трудно стало его изслѣдовать и еще труднѣе точно опредѣлить существовавшее въ немъ поврежденіе. Однако-жъ изслѣдовали, но пришли къ различнымъ заключеніямъ: Саломонъ нашелъ вывихъ головки средне-плечевой кости, а Арендтъ увѣрялъ, что вывиха нѣтъ, а есть переломъ ключицы. Спорили, спорили, а помириться не могли и рѣшили послать за Буяльскимъ. Когда онъ пріѣхалъ, они не сказали ему своихъ мнѣній, а просто по-

просили его изслѣдовать больное плечо, потому что они не увѣрены въ своемъ diagnosis и не могутъ согласиться между собою. Изслѣдованіе продолжалось недолго и Буяльскій обратился къ обоимъ хирургамъ:

— Теперь я знаю, какое здѣсь поврежденіе. Но такъ какъ вы, господа, первые видѣли его, то потрудитесь первые высказать свое мнѣніе, а потомъ я скажу свое и докажу его.

— Ну, хорошо,—возразилъ горячившійся Н. Ф. Арендтъ,—я вамъ скажу. Христіанъ Христіановичъ находитъ тутъ вывихъ плеча, тогда какъ, по моему, никакого нѣтъ вывиха, а просто переломлена ключица. Въ этомъ-то вотъ мы и не можемъ согласиться цѣлый часъ.

— А согласиться надо,—отвѣчалъ Буяльскій,—потому что оба вы правы: и плечо вывихнуто и ключица переломлена.

Саломонъ разсмѣялся своимъ обыкновеннымъ беззвучнымъ смѣхомъ, при которомъ гораздо больше выражалось веселости въ глазахъ, чѣмъ въ движеніяхъ мышцъ лица, а Арендтъ разсердился.

— Ну, что, не говорилъ я вамъ,—обратился онъ къ Саломону,—что не надо посылать за Буяльскимъ. Онъ вѣчно противорѣчитъ просто изъ любви къ противорѣчію, да еще, кажется, и смѣется надъ нами.

Однако-жъ приступили къ новому изслѣдованію и дѣйствительно убѣдились въ присутствіи и вывиха, и перелома. Затѣмъ всѣ вмѣстѣ весьма скоро вправили вывихъ и наложили повязку на переломленную ключицу.

Бо́льшая часть хирурговъ въ Петербургѣ, какъ бы они ни относились къ Буяльскому, въ трудныхъ случаяхъ непремѣнно приглашали его за разрѣшеніемъ недоумѣній, и, можетъ быть, не было недоумѣнія, которое бы не разрѣшалось имъ. Буяльскій какъ-будто рожденъ былъ для разрѣшенія сомнѣній. Никто такъ старательно не изслѣдовалъ больныхъ, никто такъ глубоко не вдумывался въ настоящее и будущее каждаго представлявшагося случая и никто такъ положительно и твердо не высказывалъ своихъ мнѣній. Эта твердость мнѣній весьма часто не нравилась другимъ консультантамъ, но Буяльскій считалъ ее обязательною для себя, а потому смягчалъ ее тогда только, когда аргументаціи противной стороны точно доказывали его ошибочность, что́ случалось очень рѣдко. Твердость мнѣній составляла отличительную черту его характера, а изъ нея сама собою вытекала правдивая настойчивость, не преклонявшаяся ни передъ какимъ авторитетомъ и не щадившая никого и ни въ чемъ. Нераздѣльность этихъ качествъ съ личностію Буяльскаго проявлялась какъ въ ранней молодости его, такъ и въ старости. Вспомните исторію барона Кампенгаузена и графа N., чтобы убѣдиться, что Илья Васильевичъ былъ въ этомъ отноше-

ніи совершенно одинаковъ въ 25 и 65 лѣтъ жизни. Правда, онъ не навязывалъ своихъ мнѣній, но и не скрывалъ ихъ, или, еще точнѣе, не умѣлъ и не искалъ скрывать ихъ, что, при его авторитетѣ, могло тогда приниматься за навязчивость и вооружало противъ него всѣхъ лицемѣровъ, хвастуновъ и вообще людей, имѣвшихъ основаніе бояться яркаго дневнаго свѣта. Люди науки, хирурги опытные и знающіе, но не самонадѣянные, люди съ сердцемъ и любовью къ человѣчеству, всѣ, которые въ оперируемомъ видѣли живаго человѣка, дорожащаго жизнью, а не простой объектъ опыта или наблюденія, всѣ такіе люди (мы говоримъ только объ умершихъ), какъ Вушъ, Саломонъ, Арендтъ, и Неммертъ, глубоко уважали Буяльскаго, дорожили его мнѣніемъ, хоть иногда спорили и даже не соглашались съ нимъ. Мало того, всѣ они, не исключая даже Буша, маститаго его учителя, считали его полезнымъ совѣтникомъ при постели больнаго или у операціоннаго стола и не отказывали себѣ пользоваться совѣтами его. Поэтому-то въ цѣлыя сорокъ лѣтъ практической дѣятельности Буяльскаго не было, можетъ быть, въ Петербургѣ ни одной важной операціи, при обсужденіи или производствѣ которой онъ не присутствовалъ бы какъ консультантъ. И едва-ли мы ошибемся, сказавъ, что гдѣ присутствовалъ Буяльскій, тамъ рѣдко случался неуспѣхъ.

VI.

Лѣтомъ 1864 года исполнилось 50 лѣтъ медицинской службы И. В. Буяльскаго. Конференція С.-Петербургской медико-хирургической академіи выразила желаніе почтить особымъ торжествомъ юбилей его и исходатайствовала чрезъ военнаго министра разрѣшеніе открыть подписку на выбитіе особой медали въ честь юбиляра, на устройство праздника и на учрежденіе въ академіи анатомической преміи или медицинской стипендіи его имени. Но когда эти приготовленія дошли до свѣдѣнія И. В. Буяльскаго, то онъ обратился къ покойному президенту С.-Петербургской медико-хирургической академіи П. А. Дубовицкому съ просьбою не собирать денегъ на юбилярный обѣдъ для него и обѣда не дѣлать, а „вмѣсто того,—писалъ онъ,—я буду просить позволенія вашего и профессоровъ академіи, въ тотъ день, который будетъ назначенъ, отблагодарить всѣхъ, кому угодно будетъ ко мнѣ пожаловать, чѣмъ Богъ послалъ“. Эта просьба юбиляра была уважена и празднованіе юбилея его приняло семейно-медицинскій характеръ. Праздникъ состоялся 20-го сентября 1864 года (ему слѣдовало быть 24-го іюля — день полученія Буяльскимъ лекарскаго диплома, но такъ какъ лѣтомъ бо́льшая часть петербургскихъ жителей

разъѣзжается изъ города, то юбилейное торжество было отложено до осени) и домъ его едва могъ вмѣстить всѣхъ желавшихъ поздравить знаменитаго юбиляра. Отъ имени С.-Петербургской медико-хирургической академіи поднесена ему была большая золотая медаль, на лицевой сторонѣ которой изображенъ его портретъ съ надписью вокругъ: „Отъ Императорской медико-хирургической академіи и россійскаго медицинскаго сословія", а на оборотной сторонѣ надпись въ лавровомъ вѣнкѣ: „1864 года іюля 24-го дня, съ высочайшаго соизволенія, заслуженному профессору Ильѣ Васильевичу Буяльскому, въ воспоминаніе пятидесятилѣтія на поприщѣ службы и науки". Въ тоже время объявлено высочайшее соизволеніе на пожалованіе ему, вмѣсто аренды, наградныхъ денегъ по 3,000 руб. въ годъ на 12 лѣтъ. Депутаціи и поздравленія отъ высшихъ медицинскихъ учрежденій, отъ ученыхъ обществъ, а также и отъ многихъ паціентовъ его, обязанныхъ ему, кто жизнію, кто избѣжаніемъ увѣчья или сохраненіемъ здоровья, продолжались цѣлый день. Празднованіе этого юбилея подробно описано въ „Медицинскомъ Вѣстникѣ" 1864 года, №№ 20 и 44.

И. В. Буяльскій умеръ 8-го декабря 1866 года и похороненъ на Охтенскомъ кладбищѣ.

Я. А. Чистовичъ.

МОЯ ЖИЗНЬ и ХУДОЖЕСТВЕННО-АРХЕОЛОГИЧЕСКІЕ ТРУДЫ,

разсказъ академика Ѳ. Г. Солнцева.

III [1]).

Мои первыя частныя работы.—Домашній кругъ А. Н. Оленина.—И. А. Крыловъ.—К. П. Брюловъ.—Поѣздка во Псковъ.—Художникъ Михайловъ.

1829—1838 г.

По выходѣ изъ пансіонеровъ академіи, я поселился съ отцомъ и сталъ заниматься частными работами. Рисовалъ у И. В. Буяльскаго для изданія его сочиненія, давалъ уроки рисованія у Дериныхъ, Уваровыхъ, Кутузовыхъ и др. Такія занятія давали мнѣ не много прибытку; правда, кое-какъ я могъ существовать, но о какомъ-либо достаткѣ нечего было и думать. Я могъ бы обратиться къ А. Н. Оленину, и онъ навѣрное не отказался бы помочь мнѣ, но я боялся идти къ нему, такъ какъ считалъ себя виноватымъ передъ нимъ, отказавшись ѣхать въ Китай [2]). Такъ прошло года съ полтора.

Однажды, возвращаясь съ урока, мнѣ пришлось проходить мимо квартиры Оленина. У подъѣзда стоялъ его камердинеръ Богучаровъ (который умѣлъ рисовать и гравировать на мѣди); онъ узналъ меня и спросилъ:

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1876 г., томъ XV, стр. 109—128; 311—323.

[2]) Въ послѣдствіи я узналъ, что Алексѣй Николаевичъ долго не забывалъ объ этомъ отказѣ. Когда я былъ въ Москвѣ, то онъ, адресуя мнѣ туда письма «въ Китай городъ», слово «Китай» подчеркивалъ. Затѣмъ, при удобномъ случаѣ, говаривалъ мнѣ: «Хорошо ты сдѣлалъ, что поупрямился и не поѣхалъ къ дуракамъ китайцамъ». Ѳ. С.

— Что вы къ намъ не зайдете? Васъ что-то давно невидно.

— Да боюсь идти,—отвѣчалъ я.

— Что за вздоръ,—сказалъ Богучаровъ, — неужели вы думаете, что Алексѣй Николаевичъ будетъ сердиться. Зайдите; онъ боленъ,—подумаетъ, что вы узнали и зашли навѣстить его.

Я послушался добраго совѣта и зашелъ къ Алексѣю Николаевичу. Онъ принялъ меня очень радушно, какъ-будто между нами ничего не бывало, и сказалъ:

— Вотъ кстати пришелъ; мнѣ нужно нарисовать академическіе мундиры, такъ какъ нынѣшніе предполагается измѣнить. Да вотъ еще «Липицкое сраженіе» меня мучитъ; мнѣ рисовали многіе, да не нравится. Но прежде сдѣлай мундиры.

Мундиры я нарисовалъ очень скоро. Алексѣй Николаевичъ остался рисункомъ доволенъ и назначилъ мнѣ за работу 300 руб.; значительность суммы меня поразила, тѣмъ болѣе, что тогда я не имѣлъ почти никакихъ занятій и потому крайне нуждался въ деньгахъ. Деньги мнѣ выданы были, по предписанію Алексѣя Николаевича, изъ академіи.

Затѣмъ я нарисовалъ Липицкое сраженіе, бывшее близъ города Юрьева-Польскаго, въ 1216 г.[1]). За эту работу я получилъ 200 руб.; послѣ того Алексѣй Николаевичъ предложилъ мнѣ нарисовать «рязанскія древности» [2]). Я принялся за работу. Рисовать надо было въ кабинетѣ Алексѣя Николаевича. Между прочимъ у меня нарисована была бляха, рисунокъ этотъ и лежалъ на столѣ. Однажды пріѣхалъ къ Алексѣю Николаевичу профессоръ перспективы—М. Н. Воробьевъ. Замѣтивъ на столѣ

---

[1]) Рисунокъ этотъ, равно какъ и объяснительныя къ нему замѣчанія А. Н. Оленина, не были изданы. Замѣчу кстати, что при императорскомъ русскомъ археологическомъ обществѣ образована, въ 1873 г., особая коммисія, изъ пяти членовъ, подъ предсѣдательствомъ Н. И. Стояновскаго, для изданія многочисленныхъ археологическихъ трудовъ Оленина.

[2]) Въ Рязанской губерніи, Спасскаго уѣзда, близъ села, называемаго Старая Рязань, тремя крестьянами найдены были, въ 1822 г., разные предметы, принадлежавшіе къ царской одеждѣ, къ нашей церкви и къ старинному нашему оружію; такъ, напримѣръ, найдено было 13 золотыхъ бляхъ разнаго размѣра, усыпанныхъ драгоцѣнными камнями и жемчугомъ (бляхи нѣсколько схожи съ нынѣшними панагіями, носимыми обыкновенно архіереями). бармы — украшеніе царской или велико-княжеской одежды, разныя кольца, перстни и многія др. вещи. Вотъ эти-то древности и предложилъ мнѣ нарисовать Алексѣй Николаевичъ. Ѳ. С.

бляху и принявъ ее за настоящую, онъ хотѣлъ рукою сдвинуть ее; но, увидѣвъ свою ошибку, сказалъ: «неужели это нарисовано!» По этому случаю Алексѣй Николаевичъ замѣтилъ:

— Да, ужъ лучшей похвалы искусству нельзя сдѣлать.

Вмѣстѣ со мной занимались у А. Н. Оленина и другіе молодые люди. Бывало, при окончаніи работы, я спрашивалъ Алексѣя Николаевича: «не угодно-ли еще что-нибудь приказать?»

Онъ нѣсколько времени ничего не отвѣчалъ, зная, что если не дать мнѣ занятія, то уйду домой, а потомъ передъ обѣдомъ обыкновенно говорилъ: «Ты обѣдаешь у меня».

Надобно, впрочемъ, сказать, что Алексѣй Николаевичъ вообще не любилъ садиться обѣдать безъ постороннихъ лицъ. Онъ былъ чрезвычайно общительный и гостепріимный человѣкъ. Гостей у него постоянно было очень много: художники, литераторы, офицеры Семеновскаго, Измайловскаго и Конногвардейскаго полковъ, разныя извѣстныя лица; наконецъ, чуть-ли не всѣ сколько-нибудь замѣчательные иностранцы, пріѣзжавшіе въ Петербургъ, непремѣнно бывали у Алексѣя Николаевича. О количествѣ гостей, посѣщающихъ семейство Оленина, можно судить по тому, что на дачѣ Алексѣя Николаевича, Пріютино, за пороховыми заводами, находилось 17 коровъ,—а сливокъ никогда не доставало.

Гостить у Олениныхъ, особенно на дачѣ, было очень привольно: для каждаго отводилась особая комната, давалось все необходимое и затѣмъ объявляли: въ 9 часовъ утра пьютъ чай, въ 12—завтракъ, въ 4 часа обѣдъ, въ 6 часовъ полдничаютъ, въ 9—вечерній чай; для этого всѣ гости сзывались ударомъ въ колоколъ; въ остальное время дня и ночи каждый могъ заниматься чѣмъ угодно: гулять, ѣздить верхомъ, стрѣлять въ лѣсу изъ ружей, пистолетовъ и изъ лука, при чемъ Алексѣй Николаевичъ показывалъ, какъ нужно натягивать тетиву. Какъ на дачѣ, такъ и въ Петербургѣ, игра въ карты у Олениныхъ никогда почти не устраивалась, развѣ въ какомъ-нибудь исключительномъ случаѣ; за то всегда, особенно при Алексѣѣ Николаевичѣ, велись очень оживленные разговоры. А. Н. Олениnъ никогда не просилъ гостей художниковъ рисовать, а литераторовъ читать свои произведенія; какихъ-либо подарковъ или поднесеній ни отъ кого не прини-

малъ. Несмотря на глубокую ученость Алексѣя Николаевича, при немъ всѣ держали себя свободно [1]).

Въ многочисленномъ кругу Олениныхъ довелось мнѣ съ иными сблизиться, съ другими познакомиться, третьихъ видѣть или слышать о нихъ отзывы. Разумѣется, не о всѣхъ этихъ лицахъ я могу говорить въ моихъ воспоминаніяхъ. Я скажу только о нѣкоторыхъ.

Прежде всего упомяну, какъ объ особенномъ случаѣ, что когда пріѣхалъ въ Петербургъ извѣстный ученый и естествоиспытатель А. Гумбольдтъ, то онъ не преминулъ посѣтить Оленина. Въ Петербургѣ разсказывали, что послѣ вечера, проведеннаго въ домѣ Алексѣя Николаевича, Гумбольдтъ замѣтилъ, что онъ объѣхалъ оба земныя полушарія и вездѣ долженъ былъ только говорить, а здѣсь съ удовольствіемъ слушалъ [2]).

У Оленина я встрѣчался съ И. А. Крыловымъ, К. П. Брюловымъ, съ А. С. Пушкинымъ, Гнѣдичемъ, Жуковскимъ и съ другими болѣе или менѣе извѣстными лицами.

И. А. Крыловъ, какъ я его помню, былъ высокаго роста, весьма тучный, съ сѣдыми, всегда растрепанными, волосами; одѣвался онъ крайне неряшливо: сюртукъ носилъ постоянно запачканный, залитый чѣмъ-нибудь, жилетъ надѣтъ былъ вкривь и вкось. Жилъ Крыловъ довольно грязно. Все это крайне не нравилось Олениннымъ, особенно Елисаветѣ Марковнѣ и Варварѣ Алексѣевнѣ. Онѣ дѣлали нѣкоторыя попытки улучшить въ этомъ отношеніи житье-бытье Ивана Андреевича, но такія попытки ни къ чему не приводили. Однажды Крыловъ собирался на придворный маскарадъ и спрашивалъ совѣта у Елисаветы Марковны и ея дочерей; Варвара Алексѣевна по этому случаю сказала ему:

— Вы, Иванъ Андреевичъ, вымойтесь да причешитесь, и васъ никто не узнаетъ.

Случилось также, что Алексѣй Николаевичъ какъ-то пригласилъ Крылова къ себѣ на дачу, въ Пріютино, гдѣ пробылъ Иванъ

---

[1]) Хотя А. Н. Оленинъ никого не стѣснялъ своей ученостью, но надъ нимъ, даже при дворѣ, подсмѣивались, повторяя слова, сказанныя объ Алексѣѣ Николаевичѣ А. Л. Нарышкинымъ: «Оленинъ членъ всѣхъ ученыхъ обществъ, только не архимандритъ Александро-Невской лавры».

[2]) Надобно замѣтить, что А. Н. Оленинъ владѣлъ очень хорошо иностранными языками; онъ зналъ также и древніе языки. Ѳ. С.

Андреевичъ довольно долго. Въ это время Елисавета Марковна съ Варварой Алексѣевной велѣли передѣлать и вычистить всю квартиру Крылова; купили также новую мебель. Какъ отнесся къ такой заботливости Иванъ Андреевичъ — мнѣ не извѣстно; но когда, недѣли черезъ двѣ, Елисавета Марковна съ Варварой Алексѣевной навѣстили Крылова, то въ новоотдѣланной ими квартирѣ онѣ увидѣли множество голубей, которые разгуливали по мебели, столамъ и проч. Елисавета Марковна предпринимала и другія мѣры къ исправленію Ивана Андреевича во внѣшней неряшливости, но все было напрасно, и его оставили въ покоѣ.

Такимъ же Крыловъ былъ и въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ; напримѣръ, если попадалась ему въ руки какая-либо книга, то онъ, бывало, непремѣнно умудрится затаскать ее; поэтому Алексѣй Николаевичъ никогда не давалъ ему рѣдкихъ или цѣнныхъ изданій.

У Оленина Иванъ Андреевичъ бывалъ каждый день. Послѣ занятій въ публичной библіотекѣ, онъ отправлялся къ Алексѣю Николаевичу, при чемъ отъ самой библіотеки всю дорогу нанималъ извощиковъ и обыкновенно приходилъ пѣшкомъ. Дѣлалъ онъ это просто потому, что любилъ поговорить съ простымъ народомъ. Разъ какъ-то Крыловъ пришелъ къ Оленину очень усталый. Алексѣй Николаевичъ спросилъ его:

— Почему ты не скажешь, что тебѣ трудно ходить пѣшкомъ?

И сейчасъ же написалъ графу Уварову записку, что вотъ-де по тучности, Иванъ Андреевичъ очень мучится, приходя ко мнѣ пѣшкомъ изъ библіотеки, и потому слѣдовало бы купить ему экипажъ. Уваровъ представилъ эту записку, въ подлинникѣ, государю и его величество повелѣлъ выдать Крылову 3,000 рублей „на экипажъ“. Иванъ Андреевичъ купилъ лошадь и дрожки.

Крыловъ являлся къ Олениныхъ около 4-хъ часовъ, когда обыкновенно подавали обѣдъ. Самъ Алексѣй Николаевичъ имѣлъ всегда хорошій аппетитъ, но Иванъ Андреевичъ въ этомъ отношеніи превосходилъ его. Напримѣръ, на масляницѣ, у Олениныхъ приготовлялись блины различныхъ сортовъ[1]). Между прочимъ, подавались полугречневые блины, величиною въ тарелку и тол-

[1]) Надобно замѣтить, что у А. Н. Оленина были какъ-то особенно хороши: квасъ, хлѣбъ и блины. Ѳ. С.

щиною въ палецъ. Такихъ блиновъ, обыкновенно съ икрою, Иванъ Андреевичъ съѣдалъ, въ присѣстъ, до 30-ти штукъ.

Крыловъ въ миломъ семейномъ кружку Олениныхъ былъ довольно словоохотливъ. Однажды, на масляницѣ, Иванъ Андреевичъ пришелъ къ Оленину раздосадованный, сердитый. Алексѣй Николаевичъ, замѣтивъ это, спросилъ:

— Что ты такой пасмурный?

— Ходилъ подъ балаганы гулять и ужасно прозябъ,— отвѣчалъ Ивачъ Андреевичъ.

— Охота тебѣ туда таскаться,—замѣтилъ Алексѣй Николаевичъ.

— Да нѣтъ, позвольте,—заговорилъ Крыловъ.—Я подошелъ къ одному балагану; вышелъ «дѣдъ», снялъ съ головы шляпу и, показывая ее публикѣ, спрашиваетъ: «Въ шляпѣ ничего нѣтъ, господа?» Отвѣтили, что ничего. «Ну, такъ погодите», сказалъ «дѣдъ», поставилъ шляпу на перила и скрылся. Это меня заинтересовало; я рѣшился подождать, чѣмъ кончится дѣло. Ждалъ, ждалъ, а «дѣда» нѣтъ. Наконецъ, часа черезъ полчаса, онъ вышелъ, приподнялъ съ перилъ шляпу и, опять показывая ее публикѣ, спросилъ: «Ничего нѣтъ въ шляпѣ?» Отвѣчаютъ: ничего. «Старикъ» заглянулъ въ шляпу и преспокойно говоритъ: «А вѣдь и въ самомъ дѣлѣ ничего!» Одурачилъ всѣхъ насъ совершенно: каково, съ добрыхъ полчаса ждалъ я его выхода, какую-де онъ штуку выкинетъ! А штука-то самая простая.

Басни свои, какъ извѣстно, Иванъ Андреевичъ писалъ на разныхъ лоскуткахъ, которые и таскалъ иногда съ собою въ карманѣ. Елисаветѣ Марковнѣ и вообще на женской половинѣ Крыловъ никогда не читалъ своихъ басень; за то чуть-ли ни каждую басню прочитывалъ Алексѣю Николаевичу по нѣсколько разъ; Олениныъ дѣлалъ при этомъ замѣчанія. Крыловъ очень серьезно выслушивалъ эти замѣчанія и сообразно съ ними дѣлалъ поправки.

Однажды, за обѣдомъ, Олениныъ сказалъ Ивану Андреевичу:

— Ни одинъ литераторъ не пользуется такой славой, какъ ты: твоихъ басень вышло болѣе десяти изданій.

На это Иванъ Андреевичъ отвѣчалъ:

— Что-жъ тутъ увидительнаго? Мои басни читаютъ дѣти, а

это такой народъ, который все истребляетъ, что ни попадется въ руки. Поэтому моихъ басень много и выходитъ.

Крыловъ рѣдко разговаривалъ о художествахъ и почти никогда не высказывалъ объ этомъ своихъ сужденій. Разъ только Иванъ Андреевичъ замѣтилъ объ извѣстной картинѣ профессора Бруни «Воздвиженіе Моисеемъ мѣднаго змія», что если бы онъ былъ женатъ, то не повелъ бы жену смотрѣть эту картину.

— Почему же?—спросили Крылова.

— Да потому,—отвѣчалъ онъ,—что на ней изображены одни страдающіе, а изъ праведныхъ и не болящихъ никого нѣтъ[1]).

Крыловъ не любилъ читать много серьезнаго; но если хотѣлъ что-нибудь изучить, то непремѣнно достигалъ своей цѣли. Такъ, извѣстно, что когда ему было уже болѣе 40 лѣтъ, онъ выучился греческому языку. Поводомъ къ этому послужило слѣдующее обстоятельство, о которомъ я слышалъ отъ А. Н. Оленина. Извѣстный литераторъ Гнѣдичъ приходилъ къ Алексѣю Николаевичу читать свой переводъ «Иліады». Чтеніе происходило нерѣдко въ присутствіи Ивана Андреевича, который обыкновенно вступался въ разговоръ, высказывалъ свои замѣчанія о переводѣ. Въ этихъ случаяхъ Гнѣдичъ говорилъ Крылову:

— Вѣдь ты не знаешь греческаго языка; ну, и молчи.

Иванъ Андреевичъ, наконецъ, разсердился: взялъ да и выучился греческому языку. Интересно, какъ онъ учился. Бывало,

---

[1]) Такое замѣчаніе Ивана Андреевича довольно справедливо. По моему мнѣнію, картина Бруни представляетъ много недостатковъ. Она слишкомъ велика и цѣлая половина ея занята воздухомъ. Мы, художники, вообще стараемся, чтобы не пропадалъ холстъ понапрасну. Появленіе змѣй въ наказаніе еврейскому народу былъ моментъ. Между тѣмъ, для того, чтобы вылить мѣднаго змѣя и сдѣлать для него мраморную колонну, какъ это изображено на картинѣ Бруни, для этого потребовалось-бы много времени, въ теченіе котораго народъ долженъ былъ гибнуть. Такъ оно и есть на картинѣ, которая поэтому производитъ тяжелое, подавляющее впечатлѣніе. На картинѣ бо́льшая часть людей распростерта на землѣ. Нѣтъ ни одного лица, которое бы располагало къ себѣ. Моисей и Аронъ помѣщены на третьемъ планѣ и то какими-то кудесниками. Здѣсь все страдаетъ, все умираетъ; мальчикъ на первомъ планѣ успѣлъ уже сгнить. Все это я объясняю тѣмъ, что Бруни не вчитался въ разсказъ Моисея, хотя и заимствовалъ у него сюжетъ.

Картина эта находится теперь въ императорскомъ эрмитажѣ, куда озаботился ее перенести самъ Бруни, служившій при эрмитажѣ. До поступленія туда Бруни, его картина служила чуть ни перегородкой, отдѣлявшей одну залу отъ другой въ академіи, такъ мало находили въ ней достоинствъ. Ѳ. С.

сидитъ за греческой грамматикой, а рядомъ съ ней лежитъ раскрытый какой-нибудь романъ; если кто-нибудь заставалъ его за этимъ занятіемъ, онъ тотчасъ же прикрывалъ грамматику романомъ.

Однажды Гнѣдичъ пришелъ, по обыкновенію, читать свой переводъ Алексѣю Николаевичу. Присутствовавшій въ это время Крыловъ вступилъ въ споръ, началъ доказывать Гнѣдичу, что какой-то стихъ онъ перевелъ неправильно. Гнѣдичъ спросилъ Ивана Андреевича:

— Да ты почему знаешь?

Крыловъ взялъ подлинникъ, прочиталъ стихъ по-гречески и перевелъ. Гнѣдичъ былъ совершенно пораженъ такой неожиданностію и сказалъ:

— Какъ же ты говорилъ, что незнакомъ съ греческимъ языкомъ?

— Да я выучился только недавно,—отвѣчалъ Иванъ Андреевичъ.

Прибавлю еще, что Крыловъ очень уважалъ Оленина; онъ совершенно опустился, когда лишился своего друга Алексѣя Николаевича.

Однокашникъ мой по академіи К. П. Брюловъ былъ старше меня однимъ возрастомъ; я познакомился съ нимъ на академическомъ театрѣ. Брюловъ считался хорошимъ актеромъ, особенно натурально игралъ онъ роль писаря Грицко въ пьесѣ: «Казакъ стихотворецъ».

Карлъ Павловичъ былъ прекраснымъ товарищемъ, но имѣлъ нѣкоторыя причуды или странности. Онъ не любилъ заниматься днемъ, за то цѣлыя ночи просиживалъ за работой. Вскорѣ послѣ поступленія въ академію, онъ удивилъ наставниковъ своими успѣхами въ искусствѣ; въ учебныхъ же классахъ всегда спалъ, и вообще науками занимался очень небрежно; во время лекцій Брюловъ съ товарищемъ своимъ Мейеромъ (въ послѣдствіи историческимъ живописцемъ) строили во время классовъ всякія проказы. Товарищи считали Брюлова оракуломъ во всемъ, что касалось искусства; поэтому чуть-ли ни всѣ воспитанники приглашали, за ситникъ съ масломъ, Брюлова къ себѣ и просили что-нибудь показать, или нарисовать: онъ никогда не отказывался отъ та-

кихъ приглашеній. Это происходило, вѣроятно, отъ скупости Брюлова, которая не оставляла его и въ послѣдствіи. Своихъ знакомыхъ, даже такихъ, какъ Глинка, Пушкинъ и др., онъ всегда принималъ у себя утромъ, такъ какъ вечеромъ нужно было хоть чай подать.

По окончаніи курса, получивъ первую золотую медаль за картину «Явленіе Аврааму трехъ ангеловъ у дуба Мамврійскаго», Брюловъ уѣхалъ въ Италію, гдѣ пробылъ 12 лѣтъ и потомъ два года путешествовалъ по Греціи, Турціи и проч. Возвратившись въ Петербургъ, онъ, по старой памяти, навѣстилъ меня; потомъ я заходилъ къ нему довольно часто [1]).

Въ это время Брюловъ возведенъ былъ въ званіе профессора академіи, и, въ видѣ программы на это званіе, принялся за исполненіе громадной картины: «Осада Пскова». Для этой работы ему необходимо было посѣтить Псковъ; при этомъ онъ заявилъ желаніе, чтобы вмѣстѣ съ нимъ командировали и меня. Такъ какъ я занимался тогда по порученіямъ Алексѣя Николаевича, то не зналъ, отпуститъ-ли онъ меня въ Псковъ. Брюловъ поѣхалъ къ Оленину просить обо мнѣ; Алексѣй Николаевичъ согласился, и мы стали собираться въ дорогу.

Это было лѣтомъ 1836 г.

Передъ отъѣздомъ мы отправились къ Алексѣю Николаевичу въ Пріютино, чтобы проститься съ нимъ. Дорогою я сообщилъ Брюлову, что недалеко живетъ на дачѣ актриса Асенкова съ дочерьми. Брюловъ изъявилъ желаніе познакомиться съ ними. Мы заѣхали, пробыли здѣсь довольно долго, такъ что въ Пріютино пріѣхали часовъ въ 6. Елисавета Марковна спросила насъ: обѣдали-ли вы? Намъ пришлось солгать, и мы отвѣчали, что обѣдали. Елисавета Марковна замѣтила намъ:

— Я изъ вашего отвѣта поняла, что вы не обѣдали.

И тотчасъ же приказала накрыть столъ. Мы пробыли у Олениныхъ вечеръ. Алексѣй Николаевичъ не далъ намъ никакихъ особенныхъ порученій. Дня черезъ два мы отправились во Псковъ.

Пріѣхали туда ночью. На другой день утромъ, часовъ въ 9, я предложилъ Брюлову походить по городу, посмотрѣть досто-

[1]) При возвращеніи Брюлова изъ-за границы, данъ былъ въ честь его великолѣпный обѣдъ, по окончаніи котораго надѣли на Брюлова вѣнокъ изъ цвѣтовъ. Ѳ. С.

примѣчательности его и нарисовать что-нибудь. Брюловъ согласился. Не прошло и полчаса со времени нашей прогулки, какъ Брюловъ изъявилъ желаніе позавтракать.

— Ну, зайдемъ куда нибудь, сказалъ я.

— Погоди,— сообщилъ мнѣ Брюловъ,— у меня здѣсь есть родственникъ, полковникъ Башаруловъ, который женатъ на моей сестрѣ.

На гауптвахтѣ мы узнали, гдѣ жилъ полковникъ, и пошли. Сначала насъ не хотѣли пустить въ домъ, но когда сестра Брюлова, невидавшая его болѣе 15-ти лѣтъ, узнала своего брата, то насъ приняли. Тутъ мы позавтракали, пообѣдали, поужинали, да такъ всю ночь и просидѣли за столомъ. Домой возвратились часовъ въ 10 утра и легли спать.

Около 6-ти часовъ мы пошли гулять на бульваръ. Чрезъ нѣсколько времени замѣтили неизвѣстнаго намъ обоимъ горбатаго старичка, который выступалъ очень манерно, какъ бы стараясь обратить на себя вниманіе другихъ. Я сказалъ Брюлову:

— Посмотри, какъ онъ актеритъ.

Брюловъ, не задумываясь, отвѣчалъ: «Это должно быть здѣшній губернаторъ».

— Не можетъ быть,—усумнился я.

— Хочешь пари на бутылку пива?—предложилъ Брюловъ.

— Согласенъ.

Замѣтивъ насъ, старичекъ подошелъ къ намъ и вѣжливо спросилъ, кто мы такіе? Я отвѣтилъ, что такой-то, а товарищъ мой—К. П. Брюловъ, знаменитый живописецъ.

— Васъ-то мнѣ и надо,—сказалъ старичекъ.—Я здѣшній губернаторъ Пещуровъ. Почему вы ко мнѣ не пришли?

— Да мы думали завтра явиться къ вамъ.

— Почему же не сегодня? Нѣтъ, ужъ вы непремѣнно приходите сегодня,—просилъ Пещуровъ.

Дѣлать было нечего. Мы переодѣлись и явились къ губернатору. Онъ принялъ насъ очень любезно, удержалъ довольно долго и на другой день пригласилъ къ завтраку. У Пещурова мы встрѣтились съ барономъ Раденомъ, который прямо отъ губернатора увелъ насъ къ себѣ въ гости. Здѣсь мы просидѣли всю ночь, а утромъ явились къ губернатору на завтракъ, хотя намъ было ужъ вовсе не до завтрака.

Сѣли за столъ. Брюловъ, между прочимъ, сказалъ:

— Намъ бы теперь соленыхъ огурцовъ.

К. П. Брюловъ держалъ себя у губернатора совершенно свободно, рисовалъ съ его дочерьми, шутилъ и проч.

Такъ начали мы проводить время. Брюлову это было на руку, а мнѣ не совсѣмъ-то нравилось. Поэтому я рѣшился приняться за дѣло; вѣдь не для хожденія по гостямъ пріѣхали мы во Псковъ. Разъ, какъ-то вечеромъ, Брюлову не поздоровилось; я приставилъ ему горчицу и уложилъ спать. Желая воспользоваться этимъ временемъ, я пошелъ рисовать извѣстный въ стѣнѣ проломъ Баторія. Чрезъ нѣсколько времени прибѣжалъ ко мнѣ Брюловъ и съ упрекомъ сказалъ:

— Какъ не стыдно оставлять больнаго человѣка!

— Надо же когда нибудь и дѣломъ заняться,—замѣтилъ я.

— Дѣло не уйдетъ; вѣдь не къ спѣху.

Пришлось возвратиться домой.

Поѣхали мы въ Печерскій монастырь; дорогою Брюловъ простудился. Остановились въ харчевнѣ. Я приставилъ Брюлову горчишники, уложилъ въ постель и ушелъ въ монастырь рисовать. Не болѣе какъ черезъ часъ, онъ прибѣжалъ ко мнѣ и упрекнулъ меня за то, что я ушелъ отъ него.

— Вѣдь мнѣ одному скучно, говорилъ Брюловъ.

Въ монастырѣ мы рисовали немного; особеннаго ничего не сдѣлали. Я срисовалъ древнія сабли, бердыши, копья, трубы и нѣкоторыя другія вещи.

Во время пребыванія во Псковѣ, что можно было рисовать украдкой отъ Брюлова, я рисовалъ; Брюловъ же былъ, большею частію, нездоровъ. Поэтому онъ почти ничего не сдѣлалъ для своей картины: напачкалъ только карандашомъ воздухъ, и съ тѣмъ уѣхалъ въ Петербургъ.

Для выполненія задуманной картины, Брюловъ читалъ главнымъ образомъ исторію Карамзина, но эта исторія ему не нравилась, онъ говорилъ:

— Здѣсь все цари, а народа нѣтъ.

Я посовѣтовалъ ему прочитать извѣстную исторію Пскова соч. Евгенія Болховитинова. Брюловъ пришелъ въ восхищеніе, когда прочелъ описаніе крестнаго хода во время штурма Баторіемъ стѣнъ Пскова; впереди всѣхъ ѣдетъ монахъ верхомъ на лошади.

Брюловъ принялся писать картину. Когда онъ ее почти окончилъ, то я, случайно зайдя къ нему, на вопросъ Карла Павловича—какъ мнѣ она нравится? замѣтилъ:

— Крестный ходъ превосходенъ; но гдѣ же «осада Пскова»?

Брюловъ задумался, ничего не сказалъ, и, кажется, съ этихъ поръ совершенно оставилъ картину, хотя въ послѣдствіи и говорилъ:

— Я подумаю, какъ бы изобразить осаду.

По возвращеніи изъ Пскова въ Петербургъ, когда Брюловъ занялъ хорошую квартиру и устроилъ свою мастерскую,—покойный государь Николай Павловичъ посѣтилъ его вмѣстѣ съ императрицей. Представивъ императрицѣ Брюлова, государь сказалъ Карлу Павловичу:

— Я не заставляю писать тебя, потому что подобныя дарованія не любятъ принужденій; но я желалъ бы, чтобы все, что ни напишешь, ты приносилъ ко мнѣ. Я приму съ удовольствіемъ.

— Ваше В—во,—сказалъ Брюловъ,—я желалъ бы написать портретъ вашъ.

— Но я не могу располагать временемъ, когда бы мнѣ можно было быть на натурѣ. Впрочемъ, вотъ что: пріѣзжай въ Петергофъ; тебѣ дадутъ тамъ квартиру. Когда у меня будетъ свободное время, я стану заходить къ тебѣ. Но прежде напиши портретъ съ моей хозяйки.

Брюловъ переѣхалъ въ Петергофъ; это было лѣтомъ 1837 г.

Императрица обыкновенно не назначала времени, когда она могла бы придти къ Брюлову, который, поэтому, долженъ былъ постоянно ждать прихода Е. В.; а ждать скучно. Разъ какъ-то государыня извѣстила Брюлова, что будетъ къ нему въ 12 часовъ утра. Брюловъ забылъ это и куда-то скрылся. Въ это время пришла государыня; сейчасъ же послали отыскать Брюлова. Нашли; онъ прибѣжалъ въ попыхахъ и началъ извиняться своею забывчивостію.

Государыня замѣтила:

— Тебя увѣдомила женщина,—ты долженъ былъ ждать меня изъ учтивости; тебя извѣстила императрица, и ты ослушался.

Государыня осталась очень недовольною. Но потомъ, когда Брюловъ мастерски написалъ кавалькаду: императрицу на лошади

съ двумя дамами и кавалеромъ, государыня примирилась съ Брюловымъ.

Подобное же случилось и при писаніи портрета государя. Николай Павловичъ приходилъ также не въ опредѣленные дни, а когда считалъ наиболѣе для себя удобнымъ. Какъ-то случилось, что Брюловъ ждалъ государя нѣсколько дней сряду; государь не приходилъ. Въ это время пріѣхалъ къ Брюлову Н. В. Кукольникъ съ приглашеніемъ его на свои имянины. Брюловъ отказывался отъ этого приглашенія, но Кукольникъ уговорилъ его. Брюловъ уѣхалъ на имянины, да вмѣсто одного дня загулялъ надолго. Случилось такъ, что государь пришелъ именно въ это время къ нему. Искали, искали Брюлова, а его и слѣдъ простылъ: онъ двѣ недѣли пропадалъ у Кукольника..... Прибавлю къ этому, что портреты во весь ростъ какъ съ императора, такъ и съ императрицы, остались ненаписанными Брюловымъ.

Со времени возвращенія изъ-за границы, Брюловъ упрочилъ за собою славу первокласснаго художника. Поэтому во многихъ знатныхъ домахъ появились его бюсты. Затѣмъ, когда разнесся слухъ о печальномъ разрывѣ Брюлова съ женою, которую онъ удалилъ отъ себя недѣли черезъ двѣ послѣ свадьбы, въ нѣкоторыхъ домахъ убрали его бюсты. Это глубоко поразило Брюлова. Жена барона П. А. Клодта, которую Брюловъ очень любилъ и уважалъ, разсказывала мнѣ, что К. П. часто уходилъ на антресоли къ ея дѣтямъ и тамъ плакалъ, какъ ребенокъ. У барона Клодта Брюловъ бывалъ почти ежедневно и занимался больше съ дѣтьми, рисуя имъ по цѣлымъ днямъ разныя историческія сцены и событія. Когда ему замѣчали, что онъ уже слишкомъ уединяется отъ общества, то Брюловъ съ горечью говорилъ:

— Я не могу выдти изъ дому: на меня станутъ указывать пальцами.

Въ обращеніи съ другими Брюловъ былъ не совсѣмъ пріятенъ. Правда, онъ считался остроумнымъ, говорилъ иногда увлекательно, но былъ рѣзокъ на словахъ, любилъ слишкомъ зло подшутить. Впрочемъ, иногда и самъ попадался.

Однажды пріѣхало къ Брюлову въ мастерскую какое-то семейство и пожелало видѣть ученика его Н. А. Рамазанова. Брюловъ послалъ за нимъ; когда онъ пришелъ, то Брюловъ, обращаясь къ посѣтителямъ, произнесъ:

— Рекомендую — пьяница.

Рамазановъ, указывая на Брюлова, прехладнокровно отвѣтилъ:

— А это—мой профессоръ.

Брюловъ получалъ много денегъ, но расходовалъ ихъ безтолково; скупость-же его была велика.

Брюлову поручено было скопировать съ «Іоанна Богослова» Доминикини; но почти все скопировалъ одинъ изъ талантливыхъ учениковъ его Г. К. Михайловъ [1]). Когда принесли деньги за копію, Брюловъ получилъ ихъ, но Михайлову ничего не далъ, сказавши:

— Ты, Гриша, пропьешь.

Брюловъ умеръ за границей, въ 1852 году.

К. П. Брюловъ былъ геніальнымъ историческимъ живописцемъ, портретистомъ и жанристомъ; онъ былъ также замѣчательнымъ миѳологическимъ живописцемъ. Про него разсказывали, что онъ весьма основательно изучилъ нѣкоторыхъ латинскихъ писателей.

Высоко-художественныя работы Карла Павловича извѣстны и оцѣнены по достоинству. Такія картины, какъ «Послѣдній день Помпеи», «Распятіе» (въ петербургской Петропавловской лютеранской церкви), «Вознесеніе Богородицы на небо» (запрестольный образъ въ петербургскомъ Казанскомъ соборѣ), «Спаситель во гробѣ» (въ домовой церкви графа Адлерберга) и многія другія—обезсмертили имя К. П. Брюлова. Въ особенности это должно сказать о первыхъ двухъ. Въ картинѣ «Послѣдній день Помпеи» каждая фигура имѣетъ особый оттѣнокъ, дышетъ жизнію и правдою, хотя, по многочисленности этихъ фигуръ, Брюловъ и не могъ рисовать ихъ съ натуры. Онъ такъ хорошо воспользовался двойнымъ освѣщеніемъ этихъ фигуръ,—солнечнымъ и Везувія,—какъ ни одинъ художникъ. Въ противуположность картинѣ Бруни («Воздвиженіе Моисеемъ мѣднаго змія»), гдѣ все страдаетъ и мучится, у Брюлова все основано на любви. Въ «Послѣднемъ днѣ Помпеи» любовь царитъ вездѣ: любовь къ отцу, любовь къ дѣтямъ, любовь къ золоту и т. д.; даже мальчикъ схватываетъ птичку съ любовью, для того, чтобы спасти ее.

---

[1]) Насколько мнѣ извѣстно, только этому художнику Брюловъ позволялъ копировать съ своихъ работъ и дѣлать драпировку на своихъ картинахъ.

Ѳ. С.

Вскорѣ послѣ возвращенія изъ-за границы, Брюловъ получилъ заказъ написать «Распятіе» для лютеранской Петропавловской церкви. Писалъ онъ не особенно долго—мѣсяцевъ 8, и обыкновенно съ натуры [1]). Разумѣется, Брюловъ старался облагородить лицо Спасителя, придать ему наивозможно духовное выраженіе. И надобно отдать справедливость, выраженіе вышло неподражаемое; воздухъ удивительно хорошъ. Вообще, по моему мнѣнію, «Распятіе» написано геніемъ. Этимъ, вѣроятно, и объясняется трудность копій съ его «Распятія», какія есть—неудачны. Были попытки напечатать его, но это положительно не удалось. Брюловъ получилъ за свою работу 12,000 руб.

Брюловъ занимался не постоянно, иногда съ довольно значительными перерывами; но если онъ принимался за работу, то просиживалъ цѣлые дни и ночи. Его мастерскую посѣщало очень много публики; но во время, такъ сказать, вдохновенія, когда онъ весь отдавался труду, Брюловъ никого не пускалъ къ себѣ изъ постороннихъ.

Ученики во всякое время могли приходить къ Брюлову; онъ внимательно разсматривалъ ихъ работы, давалъ дѣльные совѣты и указанія; все объяснялъ съ любовію. Вообще скажу, что Брюловъ былъ великолѣпный профессоръ: многіе талантливые ученики развились подъ его руководствомъ.

Брюловъ, можетъ быть, больше, чѣмъ кто-либо другой, сознавалъ достоинство своихъ работъ, но онъ никогда не отзывался дурно о чужихъ работахъ; въ этихъ случаяхъ онъ былъ какъ-то снисходителенъ, хотя дѣлалъ каждой работѣ полную оцѣнку. Если же Брюловъ встрѣчалъ такое исполненіе картины, какого онъ не могъ сдѣлать, то это сильно огорчало его. Однажды Г. К. Михайловъ посѣтилъ галлерею кн. Бѣлосельскихъ и встрѣтилъ здѣсь прекрасно написанную Веласкецемъ голову. Михайловъ передалъ объ этомъ Брюлову. Этотъ указалъ на только что оконченный имъ портретъ Кукольника. Михайловъ замѣтилъ:

— Хорошъ-то хорошъ портретъ, да куда ему противъ ма-

[1]) Въ академіи рисовали Спасителя на крестѣ обыкновенно съ натуры. Ставили крестъ, руки натурщика продѣвались въ петли, а самъ онъ стоялъ, опираясь на подставку. Замѣчательно, что, при этомъ положеніи, минутъ черезъ 5 натурщикъ начиналъ блѣднѣть и затѣмъ снимали его уже изнеможденнаго.

Ѳ. С.

стерской головы, что̀ я видѣлъ,— простодушно замѣтилъ Михайловъ.—Вѣдь у васъ что? вѣдь голова-то Кукольника чуть не мукой-то написана!

Это взорвало Брюллова и они тотчасъ же отправились въ галлерею Бѣлосельскихъ смотрѣть Веласкеца. Возвратившись домой, Брюловъ молча легъ на постель и съ головою накрылся одѣяломъ. Портретъ Кукольника исполненъ былъ превосходно, но голова Веласкеца оказалась, по собственному сознанію художника, впрочемъ, не высказанному явно, гораздо лучше.

Таковъ былъ Карлъ Павловичъ Брюловъ.

Однимъ изъ талантливыхъ учениковъ Брюлова былъ Григорій Карповичъ Михайловъ; онъ считался прекраснымъ копіистомъ. По окончаніи курса въ академіи, Михайловъ отправился на казенный счетъ за границу, гдѣ и пробылъ нѣсколько лѣтъ, не зная ни одного иностраннаго языка. Разсказывали, что въ Римѣ онъ познакомился съ однимъ англичаниномъ, который ни слова не говорилъ по-русски. Они жили вмѣстѣ, ходили гулять, обѣдать и потомъ, когда разстались, вели другъ съ другомъ переписку.

Михайлова спрашивали, какъ же онъ разговаривалъ съ своимъ другомъ? Михайловъ отвѣчалъ, что они никогда не разговаривали. Придутъ, бывало, въ кафе, потребуютъ бутылку вина, пьютъ и молчатъ. Если Михайловъ получалъ отъ англичанина письмо, то онъ, обыкновенно, говорилъ: «это отъ моего пріятеля» и преспокойно клалъ письмо въ карманъ, не интересуясь его содержаніемъ.

По случаю болѣзни, въ Римѣ проживалъ нѣкоторое время министръ двора князь П. М. Волконскій, который нерѣдко приглашалъ къ себѣ русскихъ художниковъ обѣдать. Однажды Михайловъ за обѣдомъ у князя отвѣдавъ вина, сказалъ:

— Такъ этимъ-то виномъ васъ угощаютъ? У насъ здѣсь лучше вино. Въ слѣдующій разъ я свое принесу.

Когда Михайловъ приглашенъ былъ вторично обѣдать, онъ принесъ съ собою бутылку вина, поставилъ передъ собою и время-отъ-времени выпивалъ. Волконскій попросилъ Михайлова, чтобы тотъ поподчивалъ его своимъ виномъ. Михайловъ налилъ. Волконскій попробовалъ и сказалъ:

— Да это гадость.

Послѣ этого Михайловъ попросилъ вина у Волконскаго, въ свою очередь попробовалъ, и произнесъ:

— Ваше, дѣйствительно, лучше.

Волконскій уѣхалъ въ Россію, а Михайловъ еще нѣсколько времени оставался въ Римѣ. По возвращеніи въ Петербургъ, онъ явился къ Волконскому, который довольно долго разговаривалъ съ нимъ, но такъ какъ ему нужно было куда-то ѣхать, то и просилъ Михайлова зайти въ другой разъ. Михайловъ ушелъ, но чрезъ нѣсколько минутъ опять вернулся.

— Я позабылъ передать вамъ письма изъ Италіи, сказалъ Михайловъ.

— Да вѣдь съ этого и надо было начать,—замѣтилъ Волконскій.

Потомъ Михайлова послали въ Мадридъ. Прощаясь, Волконскій просилъ Михайлова писать. Онъ написалъ, чрезъ нѣсколько времени, письмо на 4-хъ листахъ почтовой бумаги большаго формата; во всемъ письмѣ не было ни точекъ, ни запятыхъ, и начиналось оно такъ: «Ну ужъ Мадритишка!». Въ Мадридѣ Михайловъ пробылъ довольно долго и привезъ оттуда болѣе 10 весьма хорошихъ копій.

Волконскій очень любилъ Михайлова, о которомъ отзывался: «онъ у меня въ русскомъ духѣ». Михайловъ и умеръ на дачѣ Волконскаго.

У А. Н. Оленина нерѣдко бывалъ Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, которому, видимо, очень нравилось общество Алексѣя Николаевича. Онъ даже сватался за Анну Алексѣевну и ей посвятилъ одно или два прелетныхъ стихотвореній. Однако же бракъ этотъ не состоялся, такъ какъ противъ него была Елисавета Марковна. По этому случаю Пушкинъ говорилъ, что не даромъ же ему свѣтила луна съ лѣвой стороны, когда онъ пріѣзжалъ въ Пріютино.

IV.

Моя поѣздка для археологическихъ работъ въ Москву и во Владиміръ-на Клязьмѣ.—Холера.—Крестьянинъ Телушкинъ.

1830—1832.

Послѣ того, какъ я нарисовалъ «Липицкое сраженіе» и «Рязанскія древности», А. Н. Оленинъ поручилъ мнѣ рисовать «Керченскія» и «Фанагорійскія древности». При этомъ Алексѣй Николаевичъ сказалъ, что когда я изготовлю нѣсколько рисунковъ, то надобно будетъ попытаться издать ихъ въ Парижѣ. Однако же, намѣреніе это не исполнилось. Попытались мы издать рисунки здѣсь, въ Петербургѣ, но и тутъ ничего не вышло.

Въ началѣ 1830 г. я окончилъ рисунки керченскихъ и фанагорійскихъ древностей. Нѣкоторыя вещи я рисовалъ на камнѣ. Алексѣй Николаевичъ остался чрезвычайно доволенъ моими рисунками и представилъ ихъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, императору Николаю Павловичу. Быть можетъ, уже въ это время государь обратилъ на меня свое милостивое вниманіе, которое продолжалось до самой смерти императора.

9-го мая 1830 г. я былъ отправленъ, по высочайшему повелѣнію, въ Москву и въ другіе русскіе города «для срисовыванія старинныхъ нашихъ обычаевъ, одѣяній, оружія, церковной и царской утвари, скарба, конской сбруи и прочихъ предметовъ, принадлежащихъ къ историческимъ, археологическимъ и этнографическимъ свѣдѣніямъ» [1]).

При отправленіи моемъ въ Москву, Алексѣй Николаевичъ былъ крайне внимателенъ, и оказывалъ истинно родительскую ко мнѣ любовь и заботливость: онъ далъ разныя наставленія относительно цѣли моей поѣздки, высказалъ нѣкоторыя житейскіе совѣты; спрашивалъ, какъ я думалъ отправиться въ путь-дорогу; просилъ меня показать, какъ я уложу свои краски, наконецъ какъ самъ помѣщусь въ дорожномъ экипажѣ? Наконецъ, Алексѣй Николаевичъ послалъ рекомендательныя письма обо мнѣ къ митрополиту

---

[1]) Слова изъ особой записки А. Н. Оленина, подъ заглавіемъ: «Свѣдѣнія о трудахъ г. академика Солнцева по части древностей россійскаго государства». Записка эта сообщена намъ Н. И. Стояновскимъ. Ред.

московскому Филарету и къ президенту московской дворцовой конторы князю Н. Б. Юсупову.

Митрополитъ принялъ меня весьма милостиво и обѣщалъ оказывать полное свое содѣйствіе. Князь Юсуповъ изъявилъ чуть-ли не бо́льшую еще готовность быть для меня полезнымъ во время пребыванія моего въ древней столицѣ: онъ показалъ извѣстную свою галлерею, отвелъ для меня превосходную казенную квартиру, потомъ пріѣзжалъ въ Оружейную палату смотрѣть на мои работы нерѣдко приглашалъ меня къ себѣ обѣдать, вообще обращался со мною очень привѣтливо и радушно.

При такой внимательности ко мнѣ лицъ, отъ которыхъ зависѣла успѣшность моего дѣла, я тотчасъ же по пріѣздѣ въ Москву принялся за работу. Не болѣе какъ черезъ полтора мѣсяца, мнѣ удалось послать А. Н. Оленину девять рисунковъ, — въ томъ числѣ два печатныхъ, мною раскрашенныхъ, изображающихъ шишакъ в. кн. Ярослава Всеволодовича и шесть прорисей на прозрачной бумагѣ, съ разныхъ украшеній, насѣченныхъ золотомъ съ нѣкоторыхъ старинныхъ оружій. По этому поводу Алексѣй Николаевичъ мнѣ, между прочимъ, писалъ, 24-го іюля 1830 г.:

«Разсмотрѣвъ съ крайнимъ удовольствіемъ сей новый опытъ вашего прилежанія и особеннаго искусства въ вѣрномъ и пріятномъ при томъ изображеніи столь сухихъ, въ существѣ своемъ, предметовъ, но столь занимательныхъ и столь полезныхъ для историка, археолога и—главнѣйшее—для художниковъ,—остается мнѣ только повторить вамъ искреннія съ моей стороны похвалы, которыя вы уже неоднократно заслуживали за исправное и отличное исполненіе порученнаго вамъ дѣла».

При этомъ А. Н. Оленинъ предписалъ мнѣ съѣздить во Владиміръ, въ Юрьевъ-Польскій и въ Троицко-Сергіеву лавру, на каковыя поѣздки деньги я могъ получить, по ходатайству Алексѣя Николаевича, изъ академіи.

Передъ отъѣздомъ изъ Москвы я послалъ А. Н. Оленину нѣсколько рисунковъ и, между прочими, латы или зерсалы царя Алексѣя Михайловича. При этомъ я предложилъ, что хорошо было бы срисовать и дѣтскія латы в. кн. Димитрія Донскаго. Алексѣй Николаевичъ вполнѣ одобрилъ рисунки; нѣкоторые изъ нихъ, въ томъ числѣ и зерсалы, онъ представлялъ государю. «Его величество изволилъ изъявить свое удовольствіе на счетъ отдѣлки

рисунковъ». По поводу же «дѣтскихъ латъ Димитрія Донскаго», которыя будто бы дѣйствительно принадлежали этому князю, Оленинъ писалъ мнѣ:

«Я обязанъ вамъ сказать, въ осторожность, что вы должны худо вѣрить всѣмъ наименованіямъ, даннымъ въ Оружейной палатѣ разнымъ предметамъ стариннаго нашего оружія, утвари, одеянія и скарба. Особенно остерегайтесь въ показаніяхъ о принадлежности тѣхъ вещей такому-то, будто бы знаменитому вельможѣ, князю или царю. Покойный П. С. Валуевъ, нѣкогда начальствующій надъ московской Мастерской Оружейной палатой, имѣлъ страсть приписывать сіи предметы въ принадлежность знаменитымъ людямъ въ исторіи русской. Онъ это дѣлалъ безъ всякаго основанія и безъ доказательствъ, а единственно по пустымъ преданіямъ или по собственному изобрѣтенію. Также и г. Свиньину прошу не вѣрить: его воображеніе слишкомъ пылко для холодныхъ археологическихъ изслѣдованій.

«И такъ, если вы въ старинныхъ самыхъ описяхъ Мастерской Оружейной палаты не найдете подтвержденія, что такая-то вещь или предметъ принадлежитъ именно такому-то, то всякій разъ слѣдуетъ писать такимъ образомъ: доспѣхъ, латы, брони, зерсало, кольчуга, шлемъ, шишакъ, прилбица и проч., нарядъ, платье, кресла и проч., приписываемые такой-то особѣ. «И такъ, мнимые дѣтскіе латы в. к. Димитрія Донскаго прошу не срисовывать. Я ихъ очень знаю и могу васъ увѣрить, что онѣ ему никогда не принадлежали; ибо въ томъ вѣкѣ, въ которомъ онъ жилъ, т. е. отъ 1349 по 1362 г., не токмо въ Россіи, но нигдѣ въ Азіи и въ Европѣ такого рода латъ не употребляли»

Вскорѣ послѣ этого Алексѣй Николаевичъ прислалъ мнѣ, въ концѣ августа 1830 г., подробное предписаніе о томъ, въ какіе города или мѣста мнѣ слѣдовало ѣхать, что и какъ я долженъ былъ дѣлать.

„Поручаю вамъ весьма подробно карандашомъ означать на самыхъ рисункахъ: а) Какъ, по преданіямъ мѣстнымъ, оружіе или другой какой-либо предметъ, или особая часть онаго называлась? какъ-то, въ головномъ оружіи: шлемы [1]), шишаки, прилбицы, наплешники.

[1]) «Шлемъ», сокращенное изъ «шеломъ», которое происходитъ отъ слова «шеломить». Шеломили, т. е. ударяли въ голову человѣка обыкновенно чеканомъ особаго рода оружіемъ, въ родѣ молотка съ тупымъ и острымъ концами. Ѳ. С.

мисюрки [1]), и части ихъ: козырьки, переносицы, личины, наушія или ланитники, затыльники и кольчужныя къ нимъ сѣтки, и проч., и проч., и проч. б) Всѣ сіи имена записывать вамъ въ особую тетрадь, съ ссылками или указаніемъ карандашомъ на рисованные вами предметы подъ сими именами. в) На всѣхъ вами вырисованныхъ подробностяхъ и на прорисяхъ ставить явственно нумера или литеры, чтобъ можно было ихъ, при отдѣлкѣ предметовъ (здѣсь въ С.-Петербургѣ) начисто, безошибочно размѣщать и, наконецъ, г) для надлежащаго эфекта, при окончательной отдѣлкѣ, нужно вамъ будетъ особые имѣть рисуночки, красками сдѣланные, хотя въ маломъ видѣ, общаго вида и цвѣта рисуемаго вами предмета, или какой-либо важной части онаго.

„На семъ основаніи должны вы подготовить рисунки, предлежащіе вамъ къ исполненію: во Владимірѣ, Юрьевѣ-Польскомъ и въ Троицкой лаврѣ. А именно: во Владимірѣ слѣдуетъ срисовать видъ собора, въ маломъ размѣрѣ, и вырисовать подробности наружнаго сего вида, если они заслуживаютъ особое уваженіе изображеніемъ какихъ-либо старинныхъ нашихъ костюмовъ, гражданскихъ и военныхъ, или обрядовъ нашихъ. Тоже самое должно вамъ дѣлать и въ Юрьевѣ-Польскомъ. Мнѣ сказывали, что на камняхъ, изъ которыхъ сіи храмы построены, много находится ваятельной работы, въ родѣ барельефовъ, и хотя при перестройкѣ сихъ храмовъ камни были перемѣшаны, но еще видны многіе предметы, изображающіе одѣяніе нашихъ князей и военачальниковъ. Вотъ что мнѣ сказывали, правда-ли это или нѣтъ,— не знаю. Вы сами это разсмотрите и воспользуйтесь тѣмъ, что можетъ быть выгодно для художниковъ. При семъ поручаю вамъ снять планъ съ тѣхъ церквей и фасады ихъ или прорѣзы, буде понадобятся, представить не перспективно, а геометрально, съ показаніемъ ихъ размѣровъ саженями, аршинами, вершками или дюймами. Въ Троицкой лаврѣ рисуйте только то, что можетъ касаться до одѣянія, оружія и скарба предковъ нашихъ... Ѣдучи изъ Владиміра въ Юрьевъ-Польской, не доѣзжая до сего города около 20-ти или болѣе верстъ, нужно будетъ вамъ справиться: какъ съ большой дороги вамъ попасть на село Лыково, близь котораго, въ урочищѣ, называемомъ Жары, въ Лѣсничьемъ оврагѣ, найдены были остатки шишака в. к. Ярослава Всеволодовича. Я прошу васъ побывать самимъ на этомъ мѣстѣ, отыскавъ въ селѣ Лыковѣ (буде можно) тѣхъ бабъ, которыя сей шишакъ нашли. При чемъ прошу вѣрно срисовать костюмы бабъ и дѣвокъ села Лыкова... Я вамъ пришлю имѣющіеся у меня абрисы и прориси богатаго

---

[1]) «Мисюрка»—стальная, невысокая шапка, съ чешуйчатыми наушниками и затыльникомъ. Ѳ. С.

шлема Александра Невскаго и шишака Ярослава Всеволодовича для прилежнѣйшей повѣрки съ подлинниками, чѣмъ и прошу заняться немедленно по возвращеніи вашемъ въ Москву.

„NB. Приложите все ваше стараніе, съ помощію П. Н. Безобразова [1]), къ отысканію въ близкомъ самомъ разстояніи, или, лучше сказать, въ окружностяхъ Юрьева-Польскаго, урочищъ подъ именами: Юрьева и Авдова горы, и между ими ручей Тугень".

Когда я прибылъ во Владиміръ и явился къ тамошнему губернатору Курутѣ, тотъ сказалъ, что онъ уже извѣщенъ обо мнѣ Олениным.

Проѣздомъ въ Юрьевъ-Польскій я побывалъ близь села Лыкова «для провѣрки съ подлинниками, — какъ писалъ Алексѣй Николаевичъ, — шишака Ярослава Всеволодовича и шлема Александра Невскаго».

Вѣроятно, здѣсь, въ урочищѣ Жары, произошло сраженіе, описанное въ лѣтописи. Въ то время, какъ Ярославъ отдыхалъ, враги неожиданно напали на него и онъ не успѣлъ надѣть на себя свои боевые доспѣхи. Непріятельская конница наскакала на эти доспѣхи и втоптала ихъ въ землю, а именно: стальную кольчугу и шишакъ. Обложенный серебромъ, шишакъ сохранился очень хорошо; поэтому не трудно было опредѣлить, что онъ дѣйствительно принадлежалъ отцу Александра Невскаго: спереди шишака сдѣланъ Михаилъ архангелъ и святые именъ отца Ярослава, дѣда и прадѣда; кромѣ того, на шишакѣ находится надпись: «Архистраже Михаиле помози рабу твоему Ѳеодору». При св. крещеніи Ярославъ получилъ это имя, но извѣстно, что древніе князья наши не любили называться христіанскими именами. Шишакъ Ярослава находится теперь въ Оружейной палатѣ въ Москвѣ.

Скоро разнеслась вѣсть, что въ Нижнемъ Новгородѣ холера; стали показываться случаи заболѣванія этой болѣзнію и во Владимірѣ. Я уже собирался ѣхать въ Юрьевъ-Польскій, какъ получилъ отъ Алексѣя Николаевича предписаніе оставить всѣ дальнѣйшія изслѣдованія и немедленно возвратиться въ Москву, а оттуда въ Петербургъ. Я отправился въ дорогу, но мнѣ пришлось проѣхать только 75 верстъ: въ одной деревнѣ меня остановили и продержали 28 сутокъ. Благодаря внимательности станціоннаго

[1]) П. Н. Безобразовъ служилъ совѣтникомъ въ одной изъ палатъ во Владимірѣ, племянникъ А. Н. Оленина. Ѳ. С.

смотрителя, который оказался очень хорошимъ человѣкомъ, мнѣ отвели особую избу, гдѣ я и короталъ кое-какъ время. Отъ нечего дѣлать рисовалъ портреты съ смотрителя и съ нѣкоторыхъ другихъ лицъ. Въ Москву меня не пустили и я долженъ былъ ее объѣхать; близъ Твери меня продержали 8 дней, въ Торжкѣ трое сутокъ, затѣмъ въ Ижорѣ, и, наконецъ, я прибылъ въ Петербургъ.

Алексѣй Николаевичъ принялъ меня съ распростертыми объятіями.

— Я думалъ, что ты уже погибъ, — говорилъ онъ мнѣ. Я послалъ князю Д. В. Голицыну тысячу рублей и просилъ передать ихъ тебѣ. Получилъ-ли ты деньги?

Я отвѣчалъ, что нѣтъ, и Алексѣй Николаевичъ выдалъ мнѣ 1,000 руб. Прибавлю къ этому, что, какъ я узналъ въ послѣдствіи, въ Москвѣ мои знакомые служили обо мнѣ панихиды.

Въ сентябрѣ слѣдующаго 1831 г. холера появилась въ Петербургѣ. Какихъ-либо достопримѣчательныхъ событій за это время я не могу припомнить [1]).

Черезъ нѣсколько времени послѣ возвращенія моего изъ Владиміра въ Петербургъ, я пришелъ къ Алексѣю Николаевичу, который жилъ тогда на Гагаринской набережной, и засталъ его видимо чѣмъ-то озабоченнымъ. Онъ обратился ко мнѣ съ такими словами:

— Видишь ты шпицъ Петропавловскаго собора? Недавно

---

[1]) Разскажу лишь вотъ что: однажды, на Пескахъ, я видѣлъ, какъ казаки разгоняли тупыми концами пикъ небольшія толпы народа. Поэтому я боялся выходить на улицу, тѣмъ болѣе, что народъ хваталъ иногда проходящихъ чиновниковъ. Когда же приходилось куда-нибудь идти, то я старался миновать большихъ улицъ, особенно, если замѣчалъ народное движеніе. Разъ, проходя по Гороховой улицѣ, я замѣтилъ карету, въ которой везли больныхъ въ госпиталь. У Каменнаго моста толпа набросилась на эту карету, вытащила изъ нея больныхъ, отпрягла лошадей, а ее самую опрокинула въ канаву, съ криками: «холеру потопили!» Носился слухъ, что двоихъ докторовъ убили, и вообще ихъ преслѣдовали, почему они старались одѣваться какъ можно проще, чтобы ихъ не узнали. О появленіи государя Николая Павловича среди бунтующей толпы на Сѣнной площади я слышалъ общеизвѣстный разсказъ. Любопытно, что когда холера миновалась, у А. Н. были какіе-то французы и, между прочимъ, сказали ему: «Какъ глупъ русскій народъ: правительство принимаетъ мѣры противъ бѣдствія, а онъ бунтуетъ». Алексѣй Николаевичъ замѣтилъ на это, что народъ—вездѣ народъ. И дѣйствительно вскорѣ, во время холеры, въ Парижѣ случилось тоже самое, да еще хуже. Ѳ. С.

какой-то мужичекъ чинилъ на немъ безъ лѣсовъ крестъ и ангела. Ждалъ я—ждалъ, чтобы кто-нибудь написалъ въ газетахъ, кто это такой мужичекъ и какимъ образомъ онъ туда взобрался, но ничего не дождался. Съѣзди ты, пожалуйста, въ крѣпость и узнай объ этомъ русскомъ богатырѣ.

Я отправился въ крѣпость: здѣсь мнѣ сказали, что починки на шпицѣ дѣлалъ крестьянинъ Телушкинъ, который проживаетъ теперь тамъ-то. Я съѣздилъ къ Телушкину и привезъ его къ А. Н. Оленину. Алексѣй Николаевичъ началъ спрашивать—кто онъ, чѣмъ занимается, какъ рѣшился, безъ лѣсовъ, на починку креста и ангела на шпицѣ Петропавловскаго собора, какъ выполнилъ онъ это дѣло и проч.? Телушкинъ бойко отвѣчалъ на всѣ вопросы и разсказалъ все, какъ было.

Послѣ этого Алексѣй Николаевичъ попросилъ меня изготовить рисунокъ, какъ взлѣзалъ Телушкинъ по шпицу собора, а самъ написалъ и издалъ объяснительную къ тому маленькую брошюру.

Вотъ эта брошюра, съ рисункомъ, составляющая теперь библіографическую рѣдкость и сообщенная намъ Н. И. Стояновскимъ. Издана она въ апрѣлѣ 1831 года, подъ заглавіемъ: «О починкѣ креста и ангела (безъ лѣсовъ) на шпицѣ Петропавловскаго собора, въ С.-Петербургѣ». Подобное же описаніе помѣщено въ «Панорамѣ С.-Петербурга», Спб., 1834 г. (стр. 117—124). Мы нашли интереснымъ для нашихъ читателей напечатать первичный источникъ—брошюру А. Н. Оленина.

Въ октябрѣ и ноябрѣ прошлаго 1830 года, смотря изъ моихъ оконъ на с.-петербургскую крѣпость и на шпицъ Петропавловскаго собора, какъ я, такъ и мои домашніе и нѣкоторые изъ нашихъ знакомыхъ, всякой почти день любовались (но съ крайнимъ опасеніемъ и страхомъ) неимовѣрною смѣлостію русскаго кровельщика. Ожидая до сихъ поръ, чтобъ кто либо изъ гг. журналистовъ упомянулъ о семъ чрезвычайномъ происшествіи, и не находя ни слова о томъ въ с.-петербургскихъ повременныхъ сочиненіяхъ, я рѣшился, какъ очевидный свидѣтель, воздать съ моей стороны должное, по всей справедливости, смѣлому и досужему ремесленнику. На сей конецъ я приказалъ отыскать нашего богатыря-кровельщика, и отобравъ отъ него родъ допроса, долгомъ почитаю сообщить оный почтенной публикѣ.

Ярославской губерніи казенный крестьянинъ, кровельнаго цеха мастеръ Петръ Телушкинъ, узнавъ, что предпринимается необходимая починка въ крестѣ и въ ангелѣ на колокольномъ шпицѣ Петропавловскаго собора, и сообразивъ, сколько тысячъ рублей и времени должно будетъ употребить на устроеніе лѣсовъ, для безопаснаго и спокойнаго производства сего дѣла, явился съ письменною просьбою, въ которой объяснялъ, что онъ всѣ исправленія въ крестѣ и въ ангелѣ берется произвести безъ всякихъ лѣсовъ, съ тѣмъ только условіемъ, чтобъ ему заплачены были матеріалы, нужные для сихъ починокъ [1]);

[1]) За сіи матеріалы, по словамъ Телушкина, слѣдуетъ ему 1,471 руб. А. О.

за труды же свои онъ ничего не назначалъ, предоставляя высшему начальству наградить его по благоусмотрѣнію. Выгодныя сіи предложенія были приняты— и Телушкинъ, какъ бѣдный мастеровой, не имѣя залоговъ, заложилъ, такъ сказать, жизнь свою въ обезпеченіе принятаго имъ на себя дѣла. Вся его надежда была на свое безстрашіе, ловкость и большую тѣлесную силу [1]). Шесть лѣтъ сряду передъ симъ предпріятіемъ, онъ искалъ лучшихъ способовъ къ исполненію дерзновеннаго своего намѣренія, и произвелъ его въ дѣйствіе слѣдующимъ образомъ.

Въ колокольномъ шпицѣ Петропавловскаго собора, сверхъ отдѣленія надъ колоколами, или сверхъ слуховыхъ оконъ, имѣются два люка, или отверстія въ $^3/_4$ аршина въ квадратѣ. Сіи люки отворяются наружу, и чрезъ оныя можно выходить на мѣдную золоченую одежду шпица. Верхній люкъ отстоитъ отъ слуховыхъ оконъ на 8 или 10 сажень. Телушкинъ, войдя во внутренность шпица изъ отдѣленій слуховыхъ оконъ, добрался сквозь деревянныя внутреннія укрѣпленія (пролѣзая въ иныхъ мѣстахъ, по стѣсненію, въ одной рубашкѣ), до втораго или верхняго люка, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ окинуть около шпица веревку, дабы изъ нее сдѣлать родъ веревочнаго кольца (см. на чертежѣ: лит. A), которое придерживало бы его плотно къ самому шпицу, въ то время, когда онъ по немъ полѣзетъ къ кресту. Къ несчастію Телушкина, въ этомъ мѣстѣ, т. е. при верхнемъ люкѣ, шпицъ такъ былъ еще широкъ въ своемъ поперечникѣ, что никакъ нельзя было окинуть около него веревку въ этомъ мѣстѣ. Сіе обстоятельство принудило Телушкина привязать одинъ конецъ веревки ко внутреннимъ укрѣпленіямъ шпица (л. B), а другимъ накрѣпко себя обхватить около пояса (л. C), скрѣпивъ тутъ веревку глухимъ узломъ, и такимъ образомъ спустился на ней по наружности шпица, изъ верхняго люка (л. D) на 6 сажень внизъ. Здѣсь Телушкинъ, остановясь, началъ, вмѣстѣ съ веревкою, къ поясу привязанною, обходить винтомъ около шпиля (л. E), упираясь сильно ногами (т. е. носками сапоговъ) въ вертикальные фальцы, или загибы мѣдныхъ золоченыхъ листовъ (л. F), покрывающихъ Петропавловскій шпицъ. Фальцы сіи, или загибы, имѣютъ не болѣе двухъ вершковъ ширины; въ сіи-то фальцы Телушкинъ, упираясь ногами, захватывалъ ихъ руками (л. G) одними только пальцами, ибо иначе придерживаться за нихъ было ему невозможно. Отъ сего усилія часто у него выступала кровь изъ-подъ ногтей.

Такимъ средствомъ, Телушкинъ, обходя около шпица винтомъ, или спиралью, и подымаясь выше и выше, подбирая за собою увивающуся кольцомъ веревку (л. H) около шпица, наконецъ достигнулъ снаружи до верхняго люка (л. D). Вошедши чрезъ оный во внутренность шпица, онъ къ привязанной около пояса веревкѣ придѣлалъ крѣпкую изъ оной петлю (л. I), и отвязавъ другой конецъ сей веревки, привязанной ко внутреннимъ укрѣпленіямъ шпица, продернулъ сей конецъ (л. K) сквозь петлю (л. I) у пояса, чтобъ веревочное кольцо, обведенное около шпица (л. A), по мѣрѣ утоненія онаго (когда по немъ подниматься будетъ) безпрестанно стягивать къ поясу, дабы его не относило отъ шпица. Здѣсь нужно замѣтить, что вдоль по шпицу, въ $4^1/_2$ аршинахъ другъ отъ друга, начиная отъ верхняго люка до оконечности шпица, подъ яблокомъ, прикрѣплены крюки желѣзные (л. L), выступающіе на два вершка отъ мѣд-

[1]) Телушкинъ, будучи средняго роста, поднимаетъ однако же до 13-ти пудовъ вѣсу. А. О.

ной крыши [1]). Телушкинъ придумалъ ими воспользоваться. На сей конецъ, взявъ изъ внутренности шпица приготовленныя тамъ двѣ веревки (л. M), онъ на оконечности каждой сдѣлалъ по глухой петлѣ (л. N), а нѣсколько пониже по другой глухой же петлѣ (л. O), въ которую продѣлъ другой конецъ веревки (л. P). Приготовленныя такимъ образомъ двѣ веревки накинулъ онъ на крюкъ первыми ихъ петлями, отъ верхняго люка черезъ одинъ крюкъ, т. е. на 8 аршинъ вышины. Тутъ, придерживаясь одной рукой за веревку (л. Q) отъ той петли, у крюка висящую, а ногою ставъ на ту же веревку (л. R), во вторую петлю продѣтую, сей конецъ веревки, другою рукою (л. S) сквозь вторую петлю, притягивалъ къ крюку въ верхъ, сгибая симъ дѣйствіемъ ногу (л. T) и привязывая сей конецъ на время пристяжнымъ ямскимъ узломъ, ко второй петлѣ (л. S). Употребляя то же средство и для другой ноги, онъ, согнувши ихъ наравнѣ одну съ другою, и распрямивши ихъ вдругъ, поднимался въ верхъ всѣмъ тѣломъ, стягивая въ то же время къ поясу обведенное около шпица веревочное кольцо (л. A). Поднявшись такимъ образомъ до самаго крюка, за который задѣты были первыя петли у двухъ подъемныхъ веревокъ (л. M), онъ сперва ставъ обѣими ногами на одну веревку, другую петлю зацѣпилъ за другой крюкъ. Перейдя же на сію послѣднюю, онъ то же дѣлалъ съ другою веревкою, и такимъ образомъ, накидывая попеременно двѣ сіи петли съ веревками на крюки, и подымаясь на нихъ постепенно, Телушкинъ, наконецъ, долѣзъ до самаго яблока, или шара. Сія часть шпица имѣетъ 4 аршина въ поперечникѣ, слѣдственно, около двухъ аршинъ свѣса со всѣхъ сторонъ шпица.

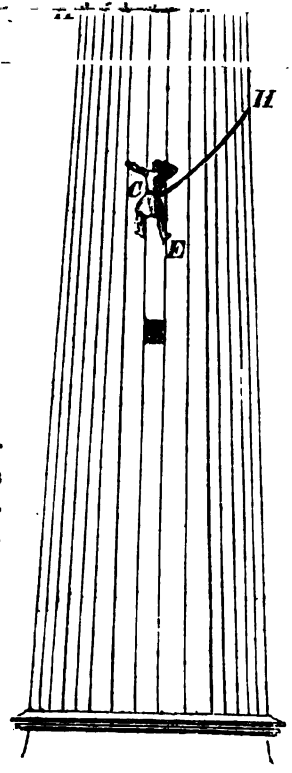
Тутъ Телушкину предлежало довершить послѣднее дѣйствіе дерзновеннаго его предпріятія. Нужно замѣтить, что въ этомъ мѣстѣ окружность шпица (л. U) не болѣе имѣетъ одного аршина въ поперечникѣ. Телушкинъ, захвативъ шпицъ около сего мѣста другими веревками, сдѣлалъ себѣ изъ нихъ два новыя стремени или петли (л. V), въ которыя онъ просунулъ ступни ногъ своихъ до подъема; другою же веревкою, также за оконечность шпица захваченною, онъ обвилъ себя на-крѣпко около пояса (л. W) и, тогда, опираясь ногами въ шпицъ, повисъ всѣмъ тѣломъ на этой веревкѣ. Въ таковомъ, почти горизонтальномъ положеніи, Телушкинъ, собравъ въ обѣ руки, свернувши бухтою [2]), имѣвшуюся за поясомъ его шестисаженную веревку (л. X), которой одинъ конецъ былъ привязанъ къ оконечности шпица (л. Y), взбросилъ другой на яблоко, чтобъ захватить имъ крестъ. Пользуясь сильнымъ вѣтромъ, который раскачивалъ даже самый шпицъ, Телушкинъ такъ ловко и удачно окинулъ свою веревку около креста, что свободный ея конецъ помощію вѣтра мигомъ попалъ къ нему въ руки. Тогда, сдѣлавъ петлю на самомъ этомъ концѣ, онъ началъ веревку передергивать около креста, такъ, чтобы она вдвойнѣ за оный захватывала, и чтобы тѣмъ концомъ можно было затянуть ее за крестъ. Такимъ образомъ Телушкинъ, передернувъ веревку около креста, началъ дѣлать петли на свободномъ ея концѣ, чтобы изъ оныхъ составить себѣ родъ лѣсенки, которая бы однимъ концомъ была прикрѣплена къ кресту, а другимъ къ оконечности

---

[1]) По малости масштаба, сіи крюки въ чертежѣ не показаны, но означены только точками подъ литерами: Z Z Z.

[2]) Бухта, рѣченіе морское, означающее веревку, свернутую въ нѣсколько круговъ одинъ на другомъ, для перебрасыванія съ судна на берегъ, или vice versa

А. О.



Moyens employés par le couvreur russe Telouschkine pour monter, sans échafauds, sur la boule de la flèche, à la Cathédrale de St. Pierre et Paul, pour y réparer la croix et l'ange.

La hauteur du clocher jusqu'à la boule de la flèche, inclusivement: 57 sagènes ou 399 pieds anglais. La flèche avec la boule 26 sagènes.

Способы русскаго кровельщика Телушкина, чтобъ взлѣсть безъ лѣсовъ на яблоко, что̀ надъ шпицомъ Петропавловскаго собора, для починки креста и ангела.

Вышина колокольни до яблока на шпицѣ включительно 57 сажень или 399 англійскихъ футовъ; а шпицъ съ яблокомъ 26 сажень.

КРЕСТЬЯНИНЪ ПЕТРЪ ТЕЛУШКИНЪ

на шпицѣ Петропавловскаго собора

въ 1830 г.

разныхъ лицъ работы на сумму около 300,000 руб., но скоро спился. Такъ за-частую пропадаютъ наши русскіе самородки-таланты... [1]).

[1]) Кстати разскажу здѣсь нѣсколько случаевъ о ловкости, находчивости и смѣтливости нашихъ простолюдиновъ. На Петергофской плитной ломкѣ спускали съ берега на суда колонну, назначенную для монумента Александру I, что̀ находится теперь противъ Зимняго дворца. Лѣса, сдѣланные для спуска колонны, подломились. Завѣдывавшій этимъ дѣломъ архитекторъ Монферанъ

отправился въ Петербургъ донести, что къ назначенному времени колонна не можетъ быть доставлена. При спускѣ колонны находился кн. В. В. Долгорукій. Онъ обратился къ подрядчику, купцу Яковлеву, и сказалъ:

— Вотъ вы, русскіе, и этого не могли сдѣлать порядочно.

— Ваше сіятельство, — отвѣчалъ Яковлевъ, — этотъ случай намъ послужитъ къ лучшему: стоитъ только наложить тяжести на концы переломленныхъ балокъ и колонна сама ляжетъ на суда. Вольно было торопиться архитектору ѣхать съ докладомъ.

Въ случаѣ удачнаго окончанія этой работы князь обѣщалъ рабочимъ по 5 руб. на брата. По распоряженію подрядчика, тяжести на концы балокъ были положены и колонна благополучно спустилась на суда. Тотчасъ же повезли ее въ Петербургъ. При обратномъ пути, Монферанъ встрѣтилъ колонну около Петергофа, и не мало этому удивился.

Въ городѣ Валдаѣ отлитъ былъ колоколъ въ 2,000 пудовъ для петербургскаго Троицкаго собора, что въ Измайловскомъ полку. Чтобы доставить этотъ колоколъ на мѣсто, требовалась, по расчетамъ инженеровъ, 80 лошадей. Это загородило бы все шоссе и стоило бы дорого. Къ А. Н. Оленину, бывшему членомъ при построеніи собора, явился валдайскій мѣщанинъ и объявилъ, что онъ привезетъ колоколъ на 6-ти или даже на 4-хъ лошадяхъ.

— Какимъ манеромъ?—спросилъ его Алексѣй Николаевичъ.

— Это секретъ; если я скажу, то и всякій его привезетъ.

— Будь увѣренъ, что я твоего секрета никому не открою.

— Я сдѣлаю въ величину колокола 4 обода, — объяснилъ мѣщанинъ,—въ боковыхъ ободахъ сдѣлаю оси, обошью досками и покачу его, такъ что не только не спорчу дорогу, а еще укатаю шоссе.

Послѣ доклада объ этомъ государю, Алексѣй Николаевичъ снабдилъ подрядчика задаткомъ и формальнымъ предписаніемъ. Колоколъ привезенъ былъ изъ Валдая въ Петербургъ благополучно. Мѣщанинъ получилъ 5,000 руб. и золотую медаль на анненской лентѣ.

При сооруженіи памятника Петру I, что нынѣ въ Александровскомъ саду, отъ подножнаго камня откололъ былъ огромный кусокъ, который надо было убрать съ площади, но недоумѣвали какъ это сдѣлать. Одинъ крестьянинъ взялся его «прибрать» за ничтожную плату. Когда это было дозволено, онъ вырылъ яму по близости монумента, свалилъ въ нее камень и засыпалъ его, а землю увезъ въ пойкахъ Ѳ. С.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОЧЕРКЪ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ и СОБЫТІЙ НА КАВКАЗѢ.

Ф. К. Клюки-фонъ-Клугенау.

XIII [1]).

Дѣйствія въ 1837 г. въ Дагестанѣ.—Фезе, начальникъ отряда.—Движеніе въ Аварію, Койсубу, Ашильту, Ахульго, Унцукуль, Тилитль и Хунзахъ.— Дорога между Хунзахомъ и Шурою.

1837 г.

Еще во время дѣйствій чеченскаго отряда дѣлались приготовленія къ экспедиціи въ Нагорномъ Дагестанѣ. Баронъ Розенъ, поручая отрядъ, предназначавшійся для дѣйствій, генералу, говорилъ: „что если Шамиль успѣетъ занять Хунзахъ, тогда вліяніе его въ Нагорномъ Дагестанѣ утвердится и русскимъ несравненно труднѣе будетъ противудѣйствовать его дальнѣйшимъ противу насъ замысламъ; а посему необходимо предупредить его движеніемъ нашимъ въ Аварію, и если обстоятельства того потребуютъ, сдѣлать это еще до вскрытія весеннихъ водъ". Цѣль экспедиціи предполагалась двоякая: уничтоженіе Шамиля и постоянное занятіе Хунзаха нашими войсками.

Для достиженія первой цѣли надежнѣйшимъ средствомъ Розенъ находилъ—истребленіе селенія Ашильты, сдѣлавшагося главнымъ притономъ мятежниковъ и разбойниковъ. Впрочемъ, выборъ средствъ къ уничтоженію Шамиля онъ предоставлялъ на произволъ Клугенау.

Второй же цѣли, т. е. занять Хунзахъ и устроить удобнѣйшее съ нимъ сообщеніе Шуры, должно было непремѣнно достигнуть.

---

[1]) См. «Русскую Старину», томъ XI, стр. 131 — 152; 497 — 515; томъ XII, стр. 544 — 554; томъ XV, стр. 144 — 162; 377 — 387.

Кромѣ этихъ двухъ главныхъ цѣлей, Розенъ также предлагалъ стараться въ особенности проникнуть какъ можно далѣе по аварскому Койсу, дабы получить понятіе о дорогѣ, ведущей по сей рѣкѣ и чрезъ главный Кавказскій хребетъ въ Кахетію. (Слѣдовательно мысль о соединеніи Нагорнаго Дагестана съ Грузіею кратчайшимъ путемъ существовала уже въ 1837 г.).

Дабы навести страхъ на горцевъ, Розенъ предписывалъ примѣрно наказать вообще всѣхъ мюридовъ, а также унцукульцевъ и белаканцевъ, какъ жителей большихъ деревень.

Отрядъ для экспедиціи предназначался состоять: изъ 9-ти баталіоновъ, 8-ми горныхъ единороговъ, 8-ми кегорновыхъ мортирокъ и 250 казаковъ. Кромѣ того, разрѣшалось требовать милиціонеровъ отъ шамхала тарковскаго, Магометъ-хана казикумыкскаго и акушинскаго кадія, смотря по надобности. На расходы, какъ военные, такъ и экстраординарные, было отпущено всего 15 т. руб. сер. Клугенау входилъ съ представленіемъ къ барону Розену, излагая, что отрядъ хотя и назначенъ состоять изъ 9-ти баталіоновъ, но числительное его состояніе не будетъ превышать 3,500 чел. Равно доносилъ, что сумма 15 т. руб. сер. далеко недостаточна, дабы покрыть всѣ расходы во время военныхъ дѣйствій. Баронъ Розенъ не принялъ во вниманіе представленій Клугенау; а потомъ, когда экспедиція поручена была Фезе, то отрядъ состоялъ уже изъ 10-ти баталіоновъ и подъ ружьемъ было 5 т. чел. Выписка же изъ отчета отряднаго коммисіонера показываетъ, что на экспедицію издержано не 15 т. и не 25 т., а 100 т. руб. сер., не считая убитыхъ лошадей, потерю аммуниціи, выпущенныхъ зарядовъ и патроновъ.

Когда же почти всѣ приготовленія къ экспедиціи были сдѣланы, то начальникомъ отряда назначенъ былъ Фезе.

Клугенау былъ назначенъ начальникомъ пѣхоты и охотно пошелъ бы въ экспедицію, если-бы не опасался, что всѣ дурныя распоряженія падутъ на него; а потому онъ заблаговременно отказался отъ экспедиціи.

Съ назначеніемъ Фезе начальникомъ 19-й дивизіи начинаются непріятности для Клугенау.

Фезе выступилъ съ отрядомъ 7-го мая, двигаясь весьма медленно, по причинѣ трудной разработки дороги, и прибылъ въ Хунзахъ почти чрезъ мѣсяцъ по выступленіи изъ Шуры.

Въ продолженіе всей экспедиціи 1837 года главное сборище горцевъ, бывшее уже послѣ занятія нашимъ отрядомъ сел. Ашильты, простиралось не болѣе, какъ до 3-хъ т. чел. и состояло изъ гумбетовцевъ, андійцевъ, тиндальцевъ и жителей другихъ обществъ, по ан-

дійскому Койсу лежащихъ; а до взятія Ашильты непріятель не собирался въ значительномъ числѣ и самыя большія партіи Шамиля не превышали одной тысячи человѣкъ.

10-го іюня 1837 г. Фезе увѣдомилъ о взятіи Ашильты, а 15-го—лежащаго въ 2-хъ верстахъ оттуда замка Шамиля. Отъ Ашильты отрядъ нашъ, неожиданно атакованный горцами, отступилъ къ Унцукулю, а 24-го — чрезъ Холотлинскій мостъ прибылъ къ Тилитлю, который и началъ бомбардировать. По заключеніи здѣсь мира съ Шамилемъ, генералъ Фезе возвратился въ Хунзахъ.

10-го іюля Фезе увѣдомилъ, что, по выполненіи Шамилемъ и тилитлинцами всѣхъ условій, предписанныхъ нами, и по выходѣ его съ мюридами, со всѣхъ сторонъ Нагорнаго Дагестана бывшими при немъ, отрядъ отступилъ чрезъ Куядинское ущелье къ Хунзаху, куда прибылъ 10-го числа.

„Шамиль, увѣряя, что онъ раскаивается въ прежнихъ своихъ поступкахъ, обѣщалъ отнынѣ жить спокойно и не вмѣшиваться ни въ какія дѣла".

„Покореніе остальныхъ немирныхъ селеній койсубулинскихъ есть теперь преимущественно предметъ нашихъ соображеній".

Въ это увѣдомленіе вкрались нѣкоторыя неточности:

При заключеніи мира, Шамиль, съ своей стороны, не обязывался никакими условіями и выходъ его зависѣлъ собственно отъ него. Порядокъ заключенія мирныхъ условій былъ слѣдующій: сперва Фезе послалъ своего переводчика съ казикумыкскими старшинами предложить Шамилю, чтобы онъ съ своими мюридами оставилъ замокъ и вышелъ изъ Тилитля, для чего обѣщалъ дать ему свободный пропускъ. На это предложеніе посыпались со стороны непріятеля ругательства и градъ пуль въ переговорщиковъ. Потомъ вторично были посланы къ Шамилю трое казикумыкскихъ старшинъ для переговоровъ о мирѣ; Шамиль согласился дать въ заложники своего племянника и прислалъ Фезе письмо слѣдующаго содержанія:

„Отъ Шамиля, Ташовъ-хаджи, Кибитъ-Магомы, Абдурахмана карахскаго, Магометъ-Омаръ-Оглы и другихъ почетныхъ ученыхъ дагестанцевъ. Выдавая аманатовъ Магометъ-Мирзѣ-хану, мы заключили миръ съ россійскимъ государемъ, котораго никто изъ насъ не нарушитъ, съ тѣмъ однако жъ условіемъ, чтобы ни съ какой стороны не было оказано ни малѣйшей обиды противъ другой. Если же какая-либо сторона нарушитъ данныя ею обѣщанія, то она будетъ считаться измѣнницею, а измѣнникъ почитается проклятымъ предъ Богомъ и предъ народомъ. Сіе наше письмо объяснитъ всю точность и справедливость нашихъ намѣреній".

Нечего сказать,—лестныя для насъ условія.

Хотя условія мира весьма не понравились Фезе, но, получивъ ихъ, онъ снялъ осаду Тилитля и на другой день отступилъ; причемъ просилъ Магометъ-Мирзу-хана достать отъ Шамиля другое письменное доказательство, что́ казикумыкскій ханъ ему и обѣщалъ. Когда отрядъ нашъ былъ уже въ Куядинскомъ ущельѣ, дѣйствительно получено отъ Шамиля другое письмо, которое немногимъ разнится отъ перваго и было слѣдующаго содержанія: „Сіе письмо объясняетъ заключеніе мира между россійскимъ государемъ и Шамилемъ. Сей миръ заключается выдачею въ аманаты Магометъ-Мирзѣ-хану со стороны Шамиля двоюроднаго брата, пока прибудетъ его племянникъ; со стороны Кибитъ-Магомы — двоюроднаго его брата, со стороны Абдурахмана карахскаго—сына его, для прочности сего мира, съ тѣмъ, чтобы ни съ какой стороны не было никакой обиды и измѣны противъ другой; ибо измѣнникъ считается проклятымъ предъ Богомъ и народомъ". Помянутыя лица приведены къ присягѣ въ присутствіи казикумыкскаго мирзы Закія и Идриса, 6-го іюля, въ деревнѣ Тилитль.

Шамиль оставилъ Тилитль тогда только, когда Фезе съ отрядомъ отступилъ къ Карадахскому мосту.

Условія мира убѣждаютъ, что Шамиль вовсе не раскаивался въ своихъ поступкахъ.

Съ 21-го іюля по 25-е августа 1837 г. отрядъ занимался учрежденіемъ сообщенія между Хунзахомъ и Шурою, чрезъ Белаканы, разработкою дороги чрезъ Койсубулинскій хребетъ и устройствомъ переправы въ Зирянахъ, съ необходимымъ помѣщеніемъ для гарнизона. Это лучшее изъ всего сдѣланнаго въ эту экспедицію.

Экспедиція 1837 года имѣла единственнымъ выгоднымъ для насъ результатомъ утвержденіе въ Аваріи, занятіе Хунзаха и устройство сообщенія между этимъ пунктомъ и Темиръ-ханъ-Шурою, чрезъ Белаканы, Зиряны и Бурундукъ-Кале. Но если бы Фезе внялъ благоразумнымъ совѣтамъ Клугенау и выступилъ въ концѣ мая, то онъ сохранилъ бы лучше отрядъ и могъ бы надѣяться на значительный успѣхъ, сберегъ бы болѣе продовольственныхъ запасовъ, и, слѣдовательно, менѣе былъ бы связанъ въ своихъ дѣйствіяхъ и не довелъ бы отряда до отчаяннаго положенія, которое заставило солдатъ сдѣлаться виновными, мѣняя свою одежду на хлѣбъ. Если бы Фезе имѣлъ въ виду собственно истребленіе Шамиля, а не его жилища, и не раздроблялъ бы силъ, то не претерпѣлъ бы тройнаго неуспѣха: два раза при Тилитлѣ и одинъ разъ подъ Ашильтою. Если бы Фезе устремился вначалѣ всѣми силами противъ Тилитля, то нельзя предсказать, какія произошли бы отъ этого послѣдствія, особенно, когда Шамиль не

успѣлъ еще укрѣпиться и отрядъ не упалъ духомъ. Не зная края и не имѣя понятія о горной войнѣ, Фезе дѣлалъ ошибку за ошибкой, уронилъ духъ солдатъ, напрасно потерялъ болѣе 900 человѣкъ, не говоря уже о матеріальной потерѣ, два раза сознался въ своей слабости: предписавъ подполковнику Бучкіеву отступить и заключить миръ съ Шамилемъ. Шамиль, до начатія военныхъ дѣйствій въ 1837 г., только самъ считалъ себя владѣтелемъ; по окончаніи же экспедиціи, заключенный съ нимъ миръ уполномочивалъ его именоваться владѣтельнымъ лицомъ, а непокорныя намъ общества считать своими владѣніями.

Вотъ гибельные результаты экспедиціи 1837 года. Начальникъ подобной экспедиціи за сдѣланныя имъ ошибки, а главное, за лживыя свои донесенія, которыми онъ обманывалъ правительство, долженъ бы былъ подвергнуться строгому взысканію, какъ преступникъ, но, къ сожалѣнію, онъ награжденъ и награжденъ щедрою рукою [1])!

Экспедиція 1837 года могла имѣть блистательные результаты; Шамиль дорого заплатилъ бы за намѣреніе свое защищаться съ горстію мирюдовъ въ Тилитлѣ. Уничтоженіе его возстановило бы на долгое время спокойствіе въ Дагестанѣ. Непокорныя намъ общества безусловно бы намъ покорились вслѣдствіе страха къ русскому оружію, а не вслѣдствіе мира, заключеннаго съ Шамилемъ. Успѣшныя дѣйствія дали бы возможность проникнуть глубже въ горы по аварскому Койсу, ознакомиться съ мѣстностію и племенами, ее населяющими, и сообразить средства къ проложенію сообщенія изъ Дагестана въ Кахетію чрезъ главный Кавказскій хребетъ, — сообщенія, столь необходимаго для водворенія спокойствія и важнаго во всѣхъ отношеніяхъ.

---

[1]) Въ этой главѣ (въ печати очень сокращенной) видно желаніе автора умалить генерала Фезе, выставляя его нераспорядительнымъ, опрометчивымъ, незнающимъ края и даже лгущимъ въ своихъ донесеніяхъ. Авторъ возмущенъ тѣмъ, что Фезе, назначенный командующимъ войсками въ Дагестанѣ, отнимаетъ власть и первенство отъ Клугенау, тогда какъ, сколько мнѣ извѣстно, дѣйствія Фезе въ Дагестанѣ въ 1837 году были энергическія, рѣшительныя и полезныя. Онъ не только занимаетъ Аварію и, послѣ взятія и истребленія Ашильты и Тилитля, лишаетъ Шамиля пристанища и власти въ горахъ, но проложеніемъ дороги чрезъ Арастау и Койсубулинскій хребетъ, а также устройствомъ укрѣпленій въ Моксонѣ, Белаканахъ, Зирянахъ, Бурундукъ-Кале учреждаетъ прямое сообщеніе Хунзаха съ Темиръ-ханъ-Шурою, существующее по настоящее время.

Если же войска были изнурены и терпѣли лишенія, то, по трудности войны въ Дагестанѣ, тоже самое не разъ случалось при Клугенау и другихъ командовавшихъ тамъ войсками. О — ѣ.

XIV.

Ожиданіе императора Николая на Кавказѣ. — Отказъ Фезе отъ представленія Шамиля въ Тифлисъ.— Возложеніе этого порученія на Клугенау.— Свиданіе его съ Шамилемъ.— Отказъ Шамиля отъ поѣздки.—Спокойствіе въ Дагестанѣ.

1837 г.

Экспедиція 1837 года была представлена со стороны Фезе совершенно въ превратномъ видѣ корпусному командиру, который, съ своей стороны, невинно ввелъ въ заблужденіе правительство, донеся, что съ изъявленіемъ покорности Шамилемъ и его сообщниками весь Дагестанъ покорился. Вслѣдствіе этого барону Розену было сообщено, что государь императоръ намѣревается ѣхать на Кавказъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ приказано было вытребовать Шамиля и его сообщниковъ, изъявившихъ уже покорность, въ Тифлисъ, гдѣ они должны были испросить всемилостивѣйшее прощеніе.

Розенъ сообщилъ объ этомъ генералъ-маіору Фезе предписаніемъ отъ 21-го августа 1837 года:

„По всеподданнѣйшему докладу Его И. В-ву отношенія моего къ г. военному министру о взятіи укрѣпленнаго селенія Тилитля отрядомъ, подъ начальствомъ вашего превосходительства состоящимъ, государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ, дабы сдѣланы были Шамилю и главнымъ его сообщникамъ: Ташовъ-хаджи, Кибиту-Магомѣ и карахскому кадію Абдурахману внушенія воспользоваться прибытіемъ Его В-ва въ Кавказскій край и испросить милость предстать предъ лицо самого монарха, дабы лично молить о всемилостивѣйшемъ прощеніи, и, принеся со всею искренностію раскаяніе въ прежнихъ поступкахъ, изъявить чувства вѣрноподданнической преданности. Его В-ву угодно, дабы ваше пре-во въ этомъ случаѣ дѣйствовали отъ моего имени, или отъ вашего собственнаго, лично или чрезъ агентовъ, но отнюдь не отъ имени государя императора.

„О таковой высочайшей волѣ увѣдомляя ваше пре-во, присовокупляю, что хотя вамъ поручается употребить въ семъ дѣлѣ мѣры единственно убѣжденія, но какъ государю императору благоугодно, дабы Шамиль непремѣнно былъ представленъ лично Его В-ву, то и предоставляется вашему пре-ству, въ случаѣ неуспѣха въ убѣжденіяхъ, требовать отъ Шамиля, какъ залогъ вѣрности и доказательство чистосердечія въ принесенной присягѣ, чтобы онъ согласился на отправленіе его къ государю императору.

„Его В-во остается однако-жъ въ полной увѣренности, что, не прибѣгая къ сей послѣдней крайности, ваше пре-ство, соображаясь съ понятіями и характеромъ горскихъ народовъ, воспользуетесь всѣми сред-

ствами къ убѣжденію Шамиля, и тѣмъ исполните высочайшую волю съ желаемымъ успѣхомъ и удовлетворительностію.

„Когда же Шамиль испроситъ себѣ милость на представленіе Его В-ву, то долженъ быть присланъ въ Тифлисъ къ пріѣзду государя императора, т. е. къ 6-му октября.

„Его В-ву также угодно, чтобы вмѣстѣ съ Шамилемъ и его главными сообщниками были представлены и аманаты, выданные имъ при покореніи селенія Тилитля.

„Я остаюсь въ полной увѣренности, что ваше пре-ство употребите всѣ средства къ точному исполненію сей монаршей воли. При семъ должно стараться удостовѣрить Шамиля, что онъ не подвергнется ничему неблагопріятному, и возвратится въ домъ свой съ честію".

Генералъ-маіоръ Фезе отказался отъ этого порученія, отговариваясь болѣзнію и возложилъ привести его въ исполненіе на генерала Клугенау, давъ ему предложеніе отъ 12-го сентября 1837 года.

Клугенау, получивъ предложеніе 14-го сентября и зная, что Его И. В-во имѣлъ прибыть въ Тифлисъ 6-го октября, когда долженъ былъ уже тамъ находиться и Шамиль съ сообщниками, рѣшился вести съ нимъ переговоры лично, какъ для выиграніе времени, такъ и для того, чтобы въ случаѣ согласія Шамиля доставить его въ Тифлисъ къ назначенному числу. Основываясь на этомъ и зная, сколь велико недовѣріе къ намъ людей, о которыхъ здѣсь идетъ дѣло, онъ видѣлъ, что переговоры съ Шамилемъ черезъ агентовъ повлекутъ только за собою безполезную потерю времени, котораго такъ мало уже оставалось для убѣжденія его и отправленія въ Тифлисъ къ 6-му октября. Агентамъ, каковы бы они ни были, онъ не считалъ приличнымъ повѣрить все то, что могло бы быть сказано имъ самимъ, да они и не были бы въ состояніи передать Шамилю слова его въ томъ смыслѣ и съ тою силою, которыя въ этомъ случаѣ необходимы. Единственная надежда на успѣхъ состояла въ томъ, если Шамиль согласится, по требованію его, явиться въ назначенномъ мѣстѣ для личныхъ съ нимъ переговоровъ.

Въ самый день упомянутаго предписанія, т. е. 12-го сентября, Клугенау послалъ нарочнаго въ сел. Каранай, съ приказаніемъ тамошнимъ жителямъ Беку-Алихалоу, Али-бекъ-Оглы и Али-беку-Ченка-Али-Оглы немедленно явиться къ нему. Люди эти, пользовавшіеся большимъ довѣріемъ у горцевъ и у самаго Шамиля, прибыли 13-го числа къ Клугенау, получили отъ него подробное наставленіе, какія имъ съ своей стороны надлежало употребить убѣжденія, дабы Шамиль, не опасаясь ничего для него неблагопріятнаго, рѣшился явиться къ нему для лич-

ныхъ переговоровъ, и въ тотъ же день были отправлены къ Шамилю съ письмомъ слѣдующаго содержанія:

„Шамилю Гимринскому.

„Хотя я и не сомнѣваюсь въ довѣріи твоемъ къ человѣку, съ которымъ посылаю это письмо, однако-жъ не могу поручить ему все то, о чемъ мнѣ нужно переговорить съ тобою. Ты знаешь, Шамиль, что я всегда совѣтовалъ тебѣ доброе для тебя самого и для всѣхъ горцевъ; знаешь, что всѣ мои старанія клонились къ тому, чтобъ водворить среди васъ спокойствіе, и чрезъ то сдѣлать всѣхъ васъ счастливыми. Теперь мнѣ хочется навсегда упрочить благосостояніе твое, а какъ этого достигнуть, я могу только лично сказать тебѣ. Поэтому ты долженъ непремѣнно увидѣться со мною, гдѣ хочешь, въ Каранаѣ, на вершинѣ, или у родника; то, о чемъ я хочу поговорить съ тобою, относится также къ Ташовъ-хаджи, Кибитъ-Магомѣ и брату его Абдурахману и карахскому Абдурахманъ-кадію; а потому, если ты согласенъ на свиданіе со мною, то какъ можно скорѣе пошли за всѣми этими людьми и прикажи имъ дожидаться тебя въ Чиркатѣ, или гдѣ считаешь за лучшее, для того, чтобъ, воротившись, ты могъ разсказать имъ все, что отъ меня услышишь. Ты знаешь, что я никогда не измѣнялъ своему слову, а потому долженъ быть увѣренъ въ своей безопасности, когда я ручаюсь тебѣ въ томъ моей честью. Знай, Шамиль, что отъ теперешняго твоего поведенія и отъ послушанія твоего мнѣ зависитъ счастіе всей твоей жизни и твоихъ дѣтей. Одно только скажу тебѣ: если хочешь, для твоего благополучія, слѣдовать моимъ совѣтамъ, то надобно исполнить мои требованія сколько можно поспѣшнѣе. Если ты полагаешь, что для свободнаго пропуска къ тебѣ Кибитъ-Магомы съ братомъ и Абдурахманъ-кадія карахскаго нужно позволеніе правителя Аваріи полковника Ахмедъ-хана, то я прилагаю при семъ на имя его письмо, которое ты отправь съ надежнымъ человѣкомъ. Поспѣшай дѣлать то, чего я требую, и вѣрь, что отъ послушанія твоего зависитъ все твое счастіе“.

14-го сентября 1837 г. посланные изъ Караная прибыли въ Чиркатъ, гдѣ нашли Шамиля и отдали ему это письмо; 15-го числа они возвратились въ Каранай, а 16-го прибыли къ Клугенау съ слѣдующимъ отвѣтомъ отъ Шамиля:

„Отъ бѣднаго писателя сего письма Шамиля генералъ-маіору Клюки-фонъ-Клугенау. Докладываю в. п-ству, что свиданіе въ пятницу по нашему закону не позволено, почему я отложилъ его на другой день, а потому прошу васъ прибыть къ извѣстному роднику въ субботу, для свиданія, 16-го сентября 1837 года“.

Дабы не прерывать начатыхъ успѣшно переговоровъ, Клугенау въ тотъ же самый день отвѣчалъ Шамилю слѣдующимъ письмомъ:

„Письмо твое я получилъ; весьма радъ, что ты имѣешь ко мнѣ довѣріе, и еще болѣе буду радоваться, когда ты послѣдуешь моимъ совѣтамъ, которые дамъ я тебѣ для собственнаго твоего счастія. Я уважаю причины, по которымъ ты не можешь завтра видѣться со мною, и потому завтра я буду ночевать въ Каранаѣ, а послѣ завтра очень рано выѣду къ роднику, куда и ты поспѣши съ нѣсколькими гимринскими старшинами, чтобъ мы въ тотъ же день могли возвратиться".

Взявъ съ собою 15 донскихъ казаковъ и 10 каранайскихъ жителей, Клугенау, 18-го сентября, спустился къ роднику, гдѣ Шамиль уже ожидалъ его; хотя посланные и предваряли Шамиля, чтобъ онъ явился не иначе какъ лишь съ нѣсколькими гимринскими старшинами, однако-жъ при немъ было не менѣе 200 вооруженныхъ человѣкъ, которые въ нѣсколькихъ мѣстахъ были расположены. Клугенау остановился на вершинѣ близь лежащаго холма и потребовалъ къ себѣ Шамиля, который тотчасъ-же явился къ нему, сопровождаемый частію вооруженнаго народа, воспѣвавшаго при этомъ случаѣ священныя пѣсни изъ корана; прочіе-жъ оставались у родника.

Тутъ начались между ними переговоры, при которыхъ присутствовали трое изъ самыхъ приближенныхъ Шамиля. Клугенау истощилъ всѣ совѣты и всѣ убѣжденія, которыя бы могли внушить Шамилю, что выполненіе имъ предложенія не только не причинитъ ему ничего неблагопріятнаго, но, напротивъ, составитъ счастіе его и многихъ другихъ; на всѣ изъявленія съ его стороны сомнѣній и недовѣрчивости, Клугенау дѣлалъ ему самыя разительныя опроверженія, и, однимъ словомъ, не упустилъ сказать ему ничего, что хотя сколько нибудь могло бы способствовать къ выполненію возложеннаго на него порученія. Слова Клугенау, какъ можно было замѣтить, произвели весьма благопріятное дѣйствіе; Шамиль увѣрялъ, что онъ вполнѣ чувствуетъ справедливость его убѣжденій и, съ своей стороны, совершенно согласенъ отправиться въ Тифлисъ, присовокупляя однако-жъ къ тому, что такъ какъ онъ, Кибитъ-Магома, Абдурахманъ-кадій карахскій и Ташовъ-хаджи поклялись не предпринимать ничего важнаго безъ общаго между ними согласія, то онъ и не можетъ сказать ему ничего рѣшительнаго безъ личнаго или письменнаго сношенія съ ними [1]).

Около 3-хъ часовъ пополудни переговоры прекратились. На про-

---

[1]) Свиданіе Клугенау съ Шамилемъ послужило сюжетомъ мастерски исполненной картины; она написана кистью кн. Гагарина (бывшаго вице-през. акад. худож.) и подарена имъ покойному кн. П. Р. Багратіону. Ред.

щанье Клугенау, изъявляя надежду, что внушенныя Шамилю чувства покорности не измѣнятся, протянулъ ему руку, которую тотъ съ своей стороны поспѣшилъ взять, но Ахверды-Магометъ, находившійся при Шамилѣ, схвативъ его за руку, старался удержать отъ этого, сказавъ:

— Возможно-ли, чтобы Имамъ Дагестана подавалъ руку гяуру.

Клугенау, по пылкости своего характера, былъ такъ взбѣшенъ дерзкимъ поступкомъ Ахверды-Магомета, что, несмотря на присутствіе 200 отчаянныхъ мюридовъ, хотѣлъ ударить его костылемъ, но Шамиль бросился между ними, отвелъ ударъ, назвалъ Ахверды-Магомета безразсуднымъ и самъ протянулъ руку Клугенау.

По возвращеніи въ Темиръ-ханъ-Шуру, Клугенау не терялъ надежды на успѣхъ, потому что не только слова, но и самое лицо Шамиля при переговорахъ ясно обнаруживали готовность его воспользоваться предстоявшимъ счастливымъ случаемъ удостоиться испросить себѣ лично всемилостивѣйшее монаршее помилованіе и пощаду. Шамиль также возвратился въ Гимры, и на другой день послалъ нарочнаго къ Кибитъ-Магомѣ и другимъ, объясняя имъ сдѣланное ему предложеніе и испрашивая ихъ мнѣнія. Клугенау, желая усилить выгодное впечатлѣніе, произведенное личными его внушеніями въ Шамилѣ, на другой день, т. е. 19-го сентября послалъ къ нему письмо слѣдующаго содержанія:

„Шамилю Гимринскому, отъ 19-го сентября 1837 года.

„Не одинъ разъ видѣлъ ты, сколько я желаю тебѣ и всѣмъ горскимъ народамъ добра и счастія; вспомни совѣты и наставленія, которые давалъ я тебѣ относительно твоего поведенія и поступковъ всѣхъ горцевъ. Ты видишь теперь, что еслибъ слушался меня, то не подвергъ бы себя и другихъ тѣмъ бѣдствіямъ, которыя вы недавно потерпѣли; Богъ наказалъ васъ за то, что вы не внимали моимъ словамъ, которыя писалъ я вамъ для собственнаго вашего спокойствія и благоденствія. Но о прошедшемъ вспоминать нечего, пусть оно послужитъ вамъ всѣмъ урокомъ для будущаго. Силою оружія нашего ты принужденъ былъ, наконецъ, изъявить покорность россійскому правительству, и долженъ благодарить Бога и милостивое начальство за дарованную тебѣ пощаду. Теперь есть еще средство упрочить твое благополучіе, и я, желая тебѣ добра, совѣтую воспользоваться имъ.

„Великій императоръ нашъ намѣренъ осчастливить Кавказскій край своимъ присутствіемъ и скоро прибудетъ въ Тифлисъ; корпусный командиръ желаетъ, чтобы ты отправился туда же и лично повергъ свою вѣрноподданническую преданность къ священнымъ стопамъ государя императора. Если ты чистосердечно раскаиваешься въ прежнихъ пре-

ступленіяхъ своихъ и намѣренъ впередъ жить спокойно и служить усердно нашему правительству, какъ прилично вѣрноподданному Его И. В-ва, то поспѣши воспользоваться милостью корпуснаго командира, который, по великодушію своему, доставитъ тебѣ случай лично умолять Его И. В-во о дарованіи тебѣ помилованія и всемилостивѣйшаго прощенія. Сколь велики могущество и сила россійскаго государя императора, столько же безпредѣльны его милосердіе и благость. Онъ не отвергаетъ чистосердечнаго раскаянія и прощаетъ своихъ подданныхъ, какъ отецъ прощаетъ дѣтей. Воспользуйся случаемъ, который самъ Богъ тебѣ посылаетъ; убѣди также Ташовъ-хаджи, Кибитъ-Магому, брата его Абдурахмана и карахскаго Абдурахманъ-кадія, чтобы они вмѣстѣ съ тобою, просили милости предстать предъ лице того монарха, предъ которымъ благоговѣетъ и трепещетъ вся вселенная. Если ты для собственнаго счастія твоего поспѣшишь выполнить желаніе его высокопр-ства, то со всѣми названными мною лицами какъ можно скорѣе пріѣзжай въ Темиръ-ханъ-Шуру, откуда я самъ, какъ уже обѣщалъ тебѣ, отвезу васъ въ Тифлисъ. Вѣрь моему генеральскому слову, что какъ здѣсь, такъ и въ дорогѣ, всѣ вы будете совершенно безопасны. Если раскаяніе ваше искренно, то вамъ не должно сомнѣваться въ милосердіи всемилостивѣйшаго государя нашего. Повѣрь мнѣ, что вѣрноподданническая преданность твоя будетъ принята милостиво, и ты возвратишься домой съ честію. Знаю, Шамиль, что самъ ты желалъ бы отъ всего сердца воспользоваться счастіемъ, которое корпусный командиръ такъ милостиво тебѣ предлагаетъ, но есть люди, которые будутъ тебя отвлекать отъ того; не вѣрь имъ, они не друзья, а враги твои, они знаютъ, что если удостоишься всемилостивѣйшаго прощенія отъ милосердаго нашего монарха, то уже не будешь зависѣть отъ нихъ, а чрезъ то они лишатся случая, подъ предлогомъ распространенія шаріата, заниматься грабежами и разбоями. Если Кибитъ-Магома, Ташовъ-хаджи и другіе не склонятся на твои убѣжденія, ты не смотри на нихъ и пріѣзжай ко мнѣ одинъ; если не можешь сдѣлать этого явно, такъ сдѣлай секретно, но только непремѣнно пріѣзжай въ Каранай, оттуда Алхалоу проводитъ тебя ко мнѣ. Припомни все, что лично мною тебѣ сказано, и вѣрь моей чести, что какъ говорилъ я тебѣ, такъ и будетъ выполнено. Послѣдуй моему отческому совѣту, поспѣши выполнить желаніе корпуснаго командира, и я ручаюсь, что тогда тебѣ не нужно будетъ скитаться по ущельямъ и искать себѣ пристанища у людей, непокорныхъ нашему правительству. Получивши всемилостивѣйшее прощеніе нашего монарха, ты будешь жить, гдѣ захочешь, и всякая вражда недоброжелателей твоихъ умолкнетъ предъ милостью государя императора".

Въ отвѣтъ на это Шамиль писалъ, что къ Кибитъ-Магомѣ и другимъ лицамъ посланы отъ него нарочные, по возвращеніи которыхъ онъ поспѣшитъ доставить рѣшительный отвѣтъ.

Между тѣмъ Клугенау приказалъ каранайскимъ жителямъ Алхалоу, Али-бекъ-Оглы и Али-бекъ-Ченка-Али-Оглы отправиться въ Гимры и всячески стараться уговорить Шамиля склониться на его предложеніе, и, несмотря ни на что, прибыть въ Темиръ-ханъ-Шуру для отправленія въ Тифлисъ.

24-го сентября прибыли къ Клугенау Алхалоу, Али-бекъ-Оглы, Али-бекъ-Ченка-Оглы, гимринскіе кадій Молла-Арифу, Абду-Риза-Оглы и почетный житель Мухаммедъ-султанъ-Магома-Оглы; они доставили ему слѣдующее письмо Шамиля отъ 24-го сентября:

„Я совѣтовался со всѣми учеными и старшинами, которые находятся въ моемъ вѣденіи и говорилъ имъ все, что вами мнѣ сказано, и даже болѣе, сколь было полезно, чтобъ я отправился вмѣстѣ съ вами въ Тифлисъ; но они на это не согласились, оказали на меня неудовольствіе, и, наконецъ, клялись: если я дѣйствительно намѣренъ отправиться въ Тифлисъ, то они непремѣнно убьютъ меня; ни одинъ изъ нихъ не нашелся, чтобы въ семъ дѣлѣ оказалъ свое согласіе, почему мнѣ и невозможно выполнить вашего предложенія—прибыть къ вамъ для исполненія извѣстнаго дѣла".

„Увѣдомляю васъ, что я исполню, кромѣ этого дѣла, все, что вами только будетъ приказано, по довѣрію, которое мы имѣемъ другъ къ другу; не упрекайте меня потому только, что мнѣ невозможно было исполнить вашего предложенія, почему прошу сіе отложить, а приказать къ исполненію другія дѣла, касающіяся моей пользы.

„Прибылъ ко мнѣ вашъ посланный Алихаловъ, съ которымъ я и написалъ къ вамъ сіе письмо, и который разскажетъ вамъ все подробно".

Люди, принесшіе это письмо, между прочимъ, разсказали слѣдующее:

— Прежде нежели былъ полученъ отвѣтъ Кибитъ-Магомы, Абдурахмана карахскаго и Ташовъ-хаджи, Шамиль старался внушить приближеннымъ своимъ, сколь полезно было бы для него и для многихъ другихъ, если бы онъ удостоился имѣть счастіе представиться государю и получить прощеніе его; но бо́льшая часть изъ нихъ, руководимая, конечно, личными выгодами, не только не раздѣляла его мнѣнія, но, напротивъ, упрекала его, говоря, что онъ первый старался распространить шаріатъ и былъ его главою, а теперь самъ хочетъ передаться на сторону невѣрныхъ.

Въ это самое время Шамиль получилъ письмо отъ командовавшаго Сунженскою линіею полковника Пулло, который требовалъ отъ него

двухъ депутатовъ изъ почетныхъ старшинъ для представленія ихъ государю императору. Обстоятельство это дало новое орудіе приверженцамъ Шамиля къ отвращенію его отъ согласія на отправленіе въ Тифлисъ, и, конечно, не мало поколебало этого недовѣрчиваго горца, которому еще весьма свойственно было сомнѣваться во всѣхъ нашихъ увѣреніяхъ.

Наконецъ, получены были отвѣты главнѣйшихъ сообщниковъ Шамиля, которые единогласно отказались отъ согласія на предложеніе объ отправленіи ихъ въ Тифлисъ и убѣждали его самого поступить также. Все это вмѣстѣ заставило Шамиля написать Клугенау приведенное выше письмо.

Хотя каранайскіе и гимринскіе старшины, доставившіе письмо Шамиля, рѣшительно объявили, что послѣ предложенія, сдѣланнаго полковникомъ Пулло, они не имѣютъ уже никакой надежды на склоненіе Шамиля къ поѣздкѣ въ Тифлисъ, потому что онъ гораздо скорѣе согласится удовлетворить требованію начальства высылкою отъ себя двухъ депутатовъ, нежели подвергать самого себя опасности, въ чемъ всѣ приближенные старались его увѣрить; но Клугенау, желая исполнить въ точности предписаніе барона Розена, вручилъ имъ для отдачи Шамилю послѣднее письмо, писанное въ томъ же смыслѣ какъ и первое. Сверхъ того, онъ поручилъ посланнымъ передать словесно Шамилю, что-бъ онъ не смотрѣлъ на пустыя угрозы ничтожныхъ людей и поспѣшилъ бы исполнить волю корпуснаго командира, въ противномъ случаѣ неповиновеніе его навлечетъ на него немилость начальства, и тогда всѣ приверженцы не спасутъ его отъ праведнаго наказанія.

Въ отвѣтъ на это Шамиль писалъ къ Клугенау:

„Отъ бѣднаго писателя сего письма, предоставляющаго всѣ свои дѣла на волю Божію, Шамиля. Сентября 28-го дня 1837 года:

„Докладываю вамъ, что, наконецъ, я рѣшился не отправляться въ Тифлисъ, если даже и изрѣжутъ меня по кускамъ, потому что я многократно видѣлъ отъ васъ измѣны, которыя всѣмъ извѣстны“.

Причиною такого внезапнаго оборота этого дѣла было, безъ сомнѣнія, неумѣстное вмѣшательство полковника Пулло, который также, съ своей стороны, вступилъ въ переговоры съ Шамилемъ, убѣждая его съ сообщниками представиться государю, а если онъ самъ не хочетъ ѣхать въ Тифлисъ, то предлагалъ отправить туда двухъ депутатовъ, которыхъ должно было послать чрезъ крѣпость Грозную. Горцы, всегда недовѣрчивые, могли уже сомнѣваться въ искренности переговоровъ собственно отъ того, что они велись отъ двухъ разныхъ лицъ; сверхъ того, самыя предложенія различествовали, а такъ какъ послѣднее

дѣлалъ Пулло, котораго они ненавидѣли и считали своимъ непримиримымъ врагомъ, то ничего нѣтъ удивительнаго, что они сочли эти переговоры неискренними и полагали, что русскіе прибѣгали къ этому средству собственно для овладѣнія главными лицами Нагорнаго Дагестана.

Такимъ образомъ, 1837-й годъ окончился для насъ неудачами: въ военномъ отношеніи мы не достигли цѣли, а въ политическомъ—Шамиль имѣлъ право сомнѣваться въ искренности нашихъ переговоровъ, и, слѣдовательно, мы потеряли довѣріе горцевъ.

Несмотря на эти неудачи, Шамиль не предпринималъ никакихъ наступательныхъ дѣйствій въ концѣ 1837 года и почти въ продолженіе всего 1838 года, и оставилъ въ покоѣ сомнительно намъ покорившіяся общества [1]): Гумбетъ, Андію, Кіалаль, Джашалалъ, Хидатль, Хозрекъ и Карахъ. Причиною этого бездѣйствія въ военномъ отношеніи было то, что онъ имѣлъ заботы у себя дома: послѣ разоренія Ашильты, Шамиль убѣдился, что мѣсто жительства его небезопасно и можетъ подвергнуться новымъ нападеніямъ, и потому онъ старался избрать другое, болѣе вѣрное убѣжище. Выборъ его удачно палъ на Ахульго, содѣлавшейся для насъ достопамятною. Для укрѣпленія этого пункта онъ не жалѣлъ ни средствъ, ни издержекъ; до приведенія же его въ оборонительное положеніе, Шамиль проживалъ большею частію въ Чиркатѣ.

Исидоръ Гржегоржевскій.

---

[1]) Бездѣйствіе Шамиля въ продолженіе болѣе года служитъ лучшимъ доказательствомъ успѣшныхъ дѣйствій экспедиціи 1837 года и пораженій, нанесенныхъ Шамилю генераломъ Фезе. **О—й.**

ГЛАВНАЯ КОНТОРА „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

въ С.-Петербургѣ, Надеждинская, д. № 42.

ОТДѢЛЕНІЕ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ

въ Москвѣ, при Книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, домъ Алексѣева.

ОБЪ ИЗДАНІИ ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ СТАРИНА“

ВЪ 1876-МЪ ГОДУ.

СЕДЬМОЙ ГОДЪ.

„РУССКАЯ СТАРИНА“, ежемѣсячный журналъ отечественной исторіи и исторіи литературы, съ портретами, гравированными на мѣди и на деревѣ, достопамятныхъ русскихъ дѣятелей, со снимками и рисунками,—въ 1876-мъ году издается въ томъ же объемѣ и въ тѣже сроки: 12 книгъ въ годъ, составляющихъ три тома, каждый болѣе 1,000 стр. большаго формата.

Еще можно получить третье изданіе „РУССКОЙ СТАРИНЫ“, годъ первый, 1870 г., двѣнадцать книгъ, въ трехъ большихъ томахъ съ портретами, снимками и шестьюдесятью рисунками (виньетами), гравирован. Акад. Сѣряковымъ, цѣна восемь рублей съ пересылкою.

Экземпляры „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ 1870 годъ, въ хорошихъ переплетахъ, продаются по одиннадцати рублей (12 книгъ въ трехъ томахъ) съ пересылкой.

Подписная цѣна на годовой экземпляръ журнала, 12-ть книгъ:

ВОСЕМЬ рублей

съ доставкой въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ и съ пересылкою въ губерніи.

Иностранные: 10 р.—вся Европа, Египетъ и Сѣв.-Американ. Штаты; 15 р—Азія; 16 р.—остальная Америка.

Книжные магазины пользуются при подпискѣ обычною уступкою

На оборотѣ:

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція отвѣчаетъ вполнѣ за точную и своевременную доставку журнала городскимъ подписчикамъ Главной Конторы, и тѣмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которые выслали подписную сумму *по почтѣ* въ Редакцію «Русской Старины», въ Спб., Надеждинская, д. № 42, съ сообщеніемъ подробнаго адресса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ (NB) *допущена* выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адресса просятъ извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣстожительства; при перемѣнѣ адресса изъ городскихъ въ иногородные доплачивается—64 к.; изъ иногородныхъ въ городскіе — 50 к.; и изъ городскихъ или иногородныхъ въ иностранные — недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже, какъ по полученіи слѣдующаго нумера журнала.

Билеты на полученіе журнала высылаются особо тѣмъ изъ иногородныхъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 16 коп. почтовыми марками.

Францъ Карлъ Кнугенау

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ», 1876 г., т. XV.

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 4-го ФЕВРАЛЯ 1876 г. — ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.

ВОСТОЧНАЯ ВОЙНА.

Письма кн. И. Ѳ. Паскевича къ кн. М. Д. Горчакову.

III[1]).

1854 г.

6-го іюня 1854 г.—Яссы, въ часъ пополуночи.

Любезнѣйшій и почтенный князь Михаилъ Дмитріевичъ. Наши желанія исполняются. Дай Богъ, чтобы въ это время не застала васъ атака отъ турковъ и французовъ и прочихъ; кажется, что дѣла поправляются. Я здѣсь занимаюсь корпусомъ Шабельскаго. Я угадалъ, что австрійцы могутъ спустить корпусъ на Окно и уже началъ посылать узнавать объ этомъ и вчерась получилъ извѣстіе, что они послали саперовъ, дабы разработывать дороги; что я сдѣлалъ по этому распоряженію, вы получите завтра извѣстія. Еще разъ, дай Богъ, чтобы успѣли хорошо отойтить. Если вы что перемѣните, то я разрѣшаю. Вамъ всегда истинно-уважающій и преданный. Князь Варшавскій[2]).

15-го іюня 1854 г.—Яссы.

Вы получите, любезнѣйшій князь Михаилъ Дмитріевичъ, вмѣстѣ съ симъ копію съ письма ко мнѣ государя императора, отъ 9-го (21-го)

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1876 г., томъ XV, стр. 163—191; 388—401.

[2]) Письмо это было послано вмѣстѣ съ офиціальнымъ предписаніемъ о снятіи осады Силистріи и переводѣ арміи на лѣвый берегъ Дуная. Его привезъ адъютантъ свѣтлѣйшаго, ротмистръ Протасовъ; онъ прискакалъ къ Силистріи къ полуночи, 8-го іюня, въ то самое время, когда князь Горчаковъ собирался, въ 3 часа утра, произвести штурмъ Арабскаго и Песчанаго укрѣпленій. Генералъ Ушаковъ въ своихъ запискахъ приводитъ, на память, содержаніе вышеприведеннаго письма въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Желаніе наше

іюня [1]). Кажется, что, судя по ходу болѣзни, я пробуду здѣсь еще дни четыре или пять, а потомъ думаю ѣхать въ Гомель, гдѣ государь позволилъ мнѣ нѣсколько времени полечиться. Я уже давно не получаю отъ васъ извѣстій; пожалуйста, увѣдомляйте меня чаще, посылая курьеровъ, которые, на поворотѣ бобруйскаго шоссе, будутъ отправлять ко мнѣ эстафеты въ Гомель. Командуя войсками на прежнемъ основаніи, сообщайте мнѣ за извѣстіе въ тоже время, когда доносите государю, о всемъ важномъ, какъ было положено прежде. Вашъ на всегда душевно преданный. Князь Варшавскій.

18-го іюня 1854 г.—Яссы.

Вмѣстѣ съ симъ получите вы, любезнѣйшій князь Михаилъ Дмитріевичъ, между прочими свѣдѣніями, полученными мною сейчасъ черезъ Варшаву, послѣднюю телеграфическую депешу барона Мейендорфа. Извѣстія, имъ сообщаемыя, довольно хороши: если австрійцы начнутъ переговоры, то все можетъ быть съ ними окончено или, по крайней мѣрѣ, мы выиграемъ время; если же они введутъ войска только въ Малую, а потомъ хотя бы и въ Большую Валахію, то у нихъ менѣе будетъ войскъ на сѣверной ихъ границѣ; а можетъ быть, они удовольствуются занятіемъ Букареста, если и мы съ своей стороны будемъ очищать княжества.

Какъ бы то ни было, намъ нельзя еще совершенно полагаться на свѣдѣнія Мейендорфа, ибо его могли обмануть. Да и наша настоящая позиція, какъ я многократно говорилъ и повторю, за Серетомъ. Вы знаете, любезный князь, почему я не могу дать вамъ предписанія; вникните, однако, въ слова флигель-адъютанта графа Л е в а ш о в а и вспомните положеніе вашей арміи; я же могу только дать совѣтъ, а не приказаніе. Князь Варшавскій.

19-го іюня 1854 г.—Яссы.

Изъ записокъ генерала Коцебу я съ истиннымъ сожалѣніемъ узналъ, любезнѣйшій князь Михаилъ Дмитріевичъ, о вашемъ нездоровьи; но успокоился, когда увидѣлъ, что вы на другой же день намѣрены были писать ко мнѣ.

любезный князь, исполнилось: государь приказалъ прекратить осаду Силистріи и отвести войска на лѣвый берегъ Дуная». Очевидно, что въ памяти генерала Ушакова смѣшалось содержаніе письма князя Варшавскаго съ посланнымъ имъ тогда же предписаніемъ, что, впрочемъ, неудивительно, такъ какъ онъ Записки свои писалъ въ деревнѣ, не имѣя подъ рукою официальной переписки; поэтому онъ и избралъ для своего труда слѣдующій эпиграфъ: «Аще что погрѣшено будетъ, Бога ради исправляйте, а не кляните, понеже писала рука бренна».

[1]) Копіи этой у насъ не имѣется. Ред.

Я прочиталъ всѣ бумаги, привезенныя ко мнѣ съ курьеромъ 16-го числа, и прошу васъ только сдѣлать распоряженіе, чтобъ одинъ изъ парковъ, направляемыхъ вами въ Берлатъ, прибылъ съ полнымъ грузомъ въ Яссы не позже 1-го іюля.

Мысли мои о дѣйствіяхъ вашихъ я уже вамъ передалъ и сообщилъ ихъ военному министру для доклада государю императору.

Здоровье мое худо поправляется: страданія отъ контузіи хотя уменьшились, но лихорадка, почти ежедневно бывающая, совершенно изнуряетъ мои силы. Завтра, рано утромъ, я выѣзжаю изъ Яссъ; ѣду по дорогѣ на встрѣчу курьеровъ изъ Петербурга и поворочу со ст. Гдовска въ Гомель, гдѣ, надѣюсь, перемѣна воздуха поправитъ мое здоровье.

Оставляю вамъ, любезнѣйшій князь, сына моего и князя Лобанова; изъ адъютантовъ же и состоящихъ при мнѣ беру съ собою графа Опперманна, Потапова, Протасова и Игельстрома; графа Езерскаго отправляю къ графу Ридигеру, а всѣхъ прочихъ оставляю вамъ. Бумаги, присланныя отъ васъ на имя военнаго министра, отправляю сегодня съ фельдъегеремъ въ С.-Петербургъ. Вамъ душевно-преданный. Князь Варшавскій.

20-го іюня 1854 г.—Яссы.

Сейчасъ прибылъ курьеръ, отправленный изъ Калараша 17-го іюня. Очень радъ, любезнѣйшій князь Михаилъ Дмитріевичъ, что здоровье ваше поправилось.

Все, что вы мнѣ пишете отъ 17-го числа, сходно съ мнѣніемъ моимъ и вамъ остается, на основаніи извѣстной вамъ высочайшей воли его императорскаго величества, дѣлать всѣ дальнѣйшія распоряженія по ближайшему усмотрѣнію вашему.

Не имѣя въ виду ни того, что изложено вамъ въ собственно-ручномъ письмѣ государя императора отъ 7-го іюня, ни того, что писалъ вамъ военный министръ того же числа (копіи съ коихъ вы прислали теперь мнѣ), я писалъ вамъ лично мое мнѣніе и очень радъ, что оно во всемъ согласовалось съ предположеніями его величества.

Вслѣдъ за отправленіемъ сего курьера, я выѣзжаю изъ Яссъ и ѣду, какъ вамъ уже изъ предъидущаго моего письма извѣстно, на нѣкоторое время въ Гомель, гдѣ надѣюсь отъ перемѣны климата поправить мое здоровье. Искренно и душевно преданный. Князь Варшавскій.

23-го іюня 1854.—Ст. Фасовъ.

Сейчасъ встрѣтилъ курьера отъ государя императора; спѣшу сказать только нѣсколько словъ вамъ, любезнѣйшій князь Михаилъ Дмитріевичъ. Посылаю къ вамъ рапортъ военнаго министра и разрѣшеніе о томъ, кому начальствовать войсками въ Бессарабіи и Подоліи. Его ве-

личество изволитъ приглашать меня ѣхать, чтобы окончить леченіе, въ Царицыно, Умань; но я уже во сто верстахъ отъ Умани и думаю ѣхать въ Гомель и оттуда буду писать къ вамъ. Вы вѣрно получили прямое разрѣшеніе на счетъ будущихъ вашихъ дѣйствій; мои же мысли вамъ также извѣстны изъ прежнихъ моихъ бумагъ и разговоровъ. Простите, любезнѣйшій князь; будьте здоровы и вѣрьте моей искренней привязанности. Лихорадка меня не оставила; ночью легче, но все дурно днемъ. Прошу васъдать мнѣ знать, что вы будете дѣлаьь и что дѣлаете.

26-го іюня 1854 г.—М. Гомель.

Сейчасъ и въ одно время получилъ я, любезнѣйшій князь Михаилъ Дмитріевичъ, письмо ваше, отъ 21-го іюня, съ запискою о сдѣланныхъ вами распоряженіяхъ послѣ моего отъѣзда и фельдъегеря съ письмомъ государя отъ 23-го іюня. Тотъ же фельдъегерь везетъ къ вамъ письмо его величества, копія котораго мнѣ сообщена; въ письмѣ семъ государь императоръ изволитъ излагать подробную инструкцію, какъ вамъ дѣйствовать; затѣмъ, а равно за сдѣланными уже мною во время пребыванія въ Яссахъ и прежде распоряженіями и моими къ вамъ письмами, я въ настоящее время, отсюда и спѣша отправлять курьера, ничего прибавить не имѣю. Благодарю васъ, любезнѣйшій князь, за обѣщаніе позаботиться о сынѣ. Со времени выѣзда изъ Молдавіи, лихарадки вотъ уже третій день какъ у меня не было, а боль въ ногѣ мало по малу уменьшается, такъ, что, можетъ быть, черезъ мѣсяцъ я буду опять въ состояніи сѣсть на лошадь. Вамъ душевно преданный. Князь Варшавскій.

14-го іюля 1854 г.—Гомель.

Благодарю васъ, почтеннѣйшій князь Михаилъ Дмитріевичъ, за письма ваши и сообщенныя мнѣ бумаги и свѣдѣнія. Входя въ ваше положеніе, я понимаю вполнѣ трудность его: съ одной стороны турки на Дунаѣ, съ другой—надобно ожидать австрійцевъ; а вамъ, въ особенности въ Молдавіи, почти не съ чѣмъ ихъ встрѣтить. Впрочемъ, теперь остается ожидать, какъ объяснятся обстоятельства: чѣмъ окончатся переговоры Австріи, что предпримутъ турки на Дунаѣ и, наконецъ, какія намѣренія англо-французовъ: пойдутъ-ли они за вами или обратятся къ десантамъ на черноморскіе берега. Вы имѣете, любезнѣйшій князь, прямыя наставленія отъ государя императора и, слѣдовательно, будете дѣйствовать сообразно съ ними и съ ходомъ происшествій. Берегите свое здоровье, которое теперь вамъ нужно болѣе чѣмъ когда-нибудь. Мое здоровье, кажется, поправляется: отъ перемѣны воздуха лихорадка моя почти меня оставила и я пробую уже ходить не съ костылемъ, а съ палкою. Простите, почтеннѣйшій князь,

вѣрьте моему истинному къ вамъ почтенію и преданности. Князь Варшавскій.

26-го іюля 1854 г.—Гомель.

Я получилъ письма ваши, любезнѣйшій князь Михаилъ Дмитріевичъ, отъ 13-го и 18-го сего іюля и благодарю васъ за сообщаемыя свѣдѣнія. И такъ, турки васъ не безпокоили при отступленіи и вы успѣете окончить его, вѣроятно, прежде встрѣчи съ австрійцами.

Мнѣніе ваше отступить въ наши предѣлы есть единственное средство удержать расположеніе Пруссіи, которая не будетъ имѣть причины быть противъ насъ, когда мы отойдемъ въ наши границы. Изъ сообщенныхъ мнѣ копій съ писемъ къ вамъ государя императора, кажется мнѣ, ясно видна и воля его императорскаго величества на счетъ сего отступленія. По моему мнѣнію, одно только можетъ, въ случаѣ выхода австрійцевъ въ Молдавію, имѣть вредныя послѣдствія: это то, что генералъ баронъ Сакенъ слишкомъ раздробилъ свои войска. Конечно, необходимо было наблюдать за горными проходами и дорогою изъ Буковины; но успѣетъ-ли онъ собрать свои разсыпанные баталіоны, когда по обстоятельствамъ вы отступите въ наши предѣлы?

Благодарю васъ, любезнѣйшій князь, за увѣдомленіе о сынѣ, Лобановѣ и Корсаковѣ. Здѣсь здоровье мое видимо поправилось, такъ, что я на дняхъ думаю выѣхать въ Варшаву и принять команду, куда и прошу васъ адресовать присылаемыя по прежнему бумаги.

Примите увѣреніе въ чувствахъ искренняго моего уваженія и дружбы. Вамъ навсегда преданный князь Варшавскій.

12-го августа 1854 г.—Варшава.

Почтеннѣйшій князь Михаилъ Дмитріевичъ, я получилъ всѣ депеши ваши по случаю отступленія изъ княжествъ; всѣ ваши распоряженія нахожу сходственными съ нынѣшними нашими обстоятельствами. Дай Богъ только, чтобы австрійцы удовольствовались только симъ нашимъ снисхожденіемъ; но изъ бумагъ вашего двоюроднаго брата вы видите, какъ г. графъ Буль толкуетъ наше отступленіе. Больше нечего сказать, будьте здоровы и вѣрьте искренней приверженности къ вамъ. Князь Варшавскій.

29-го августа 1854 г.—Варшава.

Письмо ваше, почтеннѣйшій князь Михаилъ Дмитріевичъ, я получилъ и благодарю васъ за увѣдомленіе обо всемъ, что у васъ дѣлается.

Свѣдѣнія о расположеніи войскъ гренадерскаго, 1-го и 2-го пѣхотныхъ корпусовъ не были вамъ доставлены, потому что со времени моего пріѣзда сюда войска остались въ прежнемъ расположеніи, ко-

торое уже вамъ извѣстно. Тѣмъ не менѣе, согласно желанію вашему, прилагаю теперь, какъ росписаніе нынѣшняго расположенія войскъ, такъ и проектъ расположенія на зимнихъ квартирахъ въ томъ случаѣ, если не послѣдуетъ разрыва съ Австріею. Въ этотъ проектъ включены и войска гвардейскихъ корпусовъ, которыя, какъ нынѣ получены свѣдѣнія, направляются въ западныя губерніи.

Гвардейская кирасирская дивизія прибываетъ въ Слонимъ въ первыхъ числахъ октября; 1-я и 2-я пѣхотныя и 1-я легкая кавалерійская гвардейскія дивизіи предположено перевести на назначенныя имъ квартиры въ концѣ октября; время же прибытія 3-й пѣхотной и 2-й легкой кавалерійской гвардейскихъ дивизій еще не опредѣлено, равномѣрно какъ и время передвиженія въ Царство Польское 1-й легкой кавалерійской и 2-й пѣхотной дивизій 1-го корпуса.

Въ Кіевѣ, какъ изволилъ писать мнѣ государь императоръ, собираются запасныя войска, числомъ до 20,000, и кавалерійскіе резервы; но болѣе подробныхъ свѣдѣній объ этихъ войскахъ я не имѣю. Будьте только здоровы, впрочемъ все, что ни дѣлается, кажется, въ нашу пользу. Примите увѣреніе въ совершенной привязанности. Князь Варшавскій.

4-го сентября 1854 г.—Варшава.

Письмо ваше, почтеннѣйшій князь Михаилъ Дмитріевичъ, отъ 31-го августа, я получилъ и благодарю васъ за оное: но до сихъ поръ вы мнѣ ничего не писали о томъ, что произошло у васъ съ валахскою милиціею и я только изъ собственноручныхъ писемъ государя императора къ вамъ, ко мнѣ въ копіяхъ присланныхъ, вижу, что съ войсками этими было какое-то неудовольствіе.

Сегодня по телеграфу получено высочайшее повелѣніе о роспускѣ войскъ, подъ Варшавою собранныхъ, на квартиры по тому проекту, который уже сообщенъ вамъ и въ которомъ произошли только незначительныя измѣненія, о коихъ я приказалъ увѣдомить васъ. Поздравляю съ окончаніемъ кампаніи, которой исходъ никто не могъ предвидѣть. Вашего сіятельства навсегда преданный князь Варшавскій.

P. S. Что Меншиковъ дѣлаетъ?

7-го октября 1854 г.—Варшава.

Благодарю васъ за письмо ваше отъ 1-го (13-го) октября, любезнѣйшій князь Михаилъ Дмитріевичъ. Вы правы, говоря, что мы въ трудныхъ обстоятельствахъ. Мы точно находимся теперь въ такомъ положеніи, что опасность намъ со многихъ сторонъ угрожаетъ. Поэтому прежде всего строго разобрать должно, гдѣ опасность представляется наибо́льшая, послѣдствія которой будутъ для Россіи гибельнѣе? Раз-

стоянія у насъ такъ велики, что мы не можемъ быть сильны на всѣхъ пунктахъ или обращать всѣ силы на одинъ пунктъ противъ нападенія въ настоящую минуту съ тѣмъ, чтобы потомъ успѣть оборониться на другомъ пунктѣ, гдѣ опасность можетъ быть важнѣе. Мы принуждены такъ расчитывать, чтобы не терять ни минуты изъ виду главнѣйшаго непріятеля, отъ успѣховъ котораго будетъ зависѣть весь успѣхъ войны, а можетъ быть, и будущая судьба Россіи.

1) Въ настоящую минуту непріятель атаковалъ насъ въ Крыму. Главнѣйшая цѣль атаки его на Крымъ есть, конечно, истребленіе нашего флота.

Флотъ нашъ защищенъ севастопольскими укрѣпленіями.

Князь Меншиковъ имѣлъ 42 баталіона, 16 эскадроновъ, 12 сотень и до 100 орудій. Къ нему еще съ генераломъ Хомутовымъ и генераломъ Рыжовымъ прибыло 12 баталіоновъ, 12 эскадроновъ, 18 сотень и 48 орудій. Такимъ образомъ, онъ съ одною 16-ю дивизіею, отъ васъ посланною, имѣлъ уже 54 баталіона, 28 эскадроновъ, 30 сотень и 148 орудій, кромѣ матросовъ до 10-ти или 15-ти тысячъ.

Съ сими силами въ укрѣпленіяхъ можно—вы сами согласитесь—держаться противъ арміи, вдвое сильнѣйшей той, которую привели союзники. Князь Меншиковъ не захотѣлъ держаться около крѣпости и вышелъ въ поле. Помните, что я недавно еще писалъ вамъ объ этомъ. Ему слѣдовало бы, по моему мнѣнію, не предлагать сраженіе, но защищать крѣпость, находясь во флангѣ. Онъ могъ бы усилить гарнизонъ и угрожать флангу непріятеля въ случаѣ осады. Неоспоримо то, что онъ, дѣйствуя такимъ образомъ, могъ бы легко обойтись безъ подкрѣпленій.

2) Между тѣмъ, вы съ вашею арміею отступили за Прутъ,—отступили потому, что вамъ на флангѣ и въ тылу угрожала 200 т. австрійская армія, а противъ васъ до 60-ти и даже, какъ вы сами говорите, до 80-ти т. турковъ. Положеніе сіе не измѣнилось и теперь; напротивъ, Австрія совершенно окончила свои приготовленія и устроила магазейны.

Вы имѣли 150 т. Мы всегда съ вами, и не разъ, говорили, что, имѣя 150 т. и расположивъ изъ нихъ 40 на верховьяхъ Прута, 40 на низовьяхъ Дуная, и держа 70 въ центрѣ между двумя означенными отдѣлами, можно было бы вездѣ встрѣчать непріятеля 120 т., куда бы онъ ни направился; жаль, что, считая потерю Севастополя и флота неизбѣжными, вы, кромѣ 16-й пѣхотной и резервной уланской дивизіи, отправили туда 12-ю пѣхотную и 1-ю драгунскую, и, наконецъ, 10-ю, 11-ю пѣхотныя и 2-ю драгунскую дивизіи.

Затѣмъ у васъ осталось 5½ дивизій пѣхоты и 3 только дивизіи кавалеріи.

Если теперь турки начнутъ наступать на Лидерса, а австрійцы двинутъ свои корпуса изъ Буковины и сѣверной Молдавіи, то, не встрѣчая никакихъ войскъ въ сѣверной Бессарабіи и Подоліи, они безъ боя могутъ занять Бессарабію, Подолію, Волынію, почти всю Херсонскую губернію.

Остается только желать, чтобъ австрійцы не предприняли ничего противу насъ до наступленія зимы; и если англо-французы не успѣютъ взять Севастополя, то дѣла наши могутъ поправиться, и я вполнѣ надѣюсь, что съ помощію Божіею они поправятся; но, по расчетамъ человѣческимъ, положеніе, въ которомъ мы находимся, самое затруднительное, изъ котораго можемъ счастливо выдти только по бездѣйствію Австріи, по какой-либо глупости турокъ и по могущимъ быть дурнымъ вѣтрамъ на Черномъ морѣ.

Сейчасъ полученіе мною увѣдомленіе о назначеніи вашемъ главнокомандующимъ южною арміею, съ каковою высочайшею милостію и поздравляю васъ отъ всей души.

Письмо сіе я написалъ, привыкши, любезный князь, съ вами разсуждать и даже думать вслухъ, и увѣренъ, что оно останется между нами. По послѣднимъ свѣдѣніямъ, дѣла наши вообще недурны, ибо Меншиковъ долженъ отстоять Севастополь, развѣ у него хлѣба не станетъ, въ чемъ онъ будетъ самъ виноватъ; австрійцы, какъ будто угождая намъ, отошли отъ Каменца и Тирасполя, но придвигаются въ Польшѣ, и едва-ли откроютъ кампанію и въ нынѣшнюю осень.

Меншиковъ кончитъ съ союзниками и ваши войска возвратятся на свои мѣста. Княгиня ваша здорова. Нечего было благодарить за квартиру, ибо вы знаете мою всегдашнюю готовность вамъ угодить. Вамъ на всегда преданный. Князь Варшавскій.

30-го октября 1854 г.—Варшава.

(Переводъ съ французскаго). Любезный князь, вмѣстѣ съ посылкою, доставленной на ваше имя нашимъ посланникомъ въ Вѣнѣ, препровождаю къ вамъ копіи: рапорта графа Штакельберга и письма барона Будберга, только что полученнаго мною [1]). Изъ послѣдняго, представляющаго вѣрную картину настоящаго положенія, вы усмотрите, что наши дѣла въ Германіи нѣсколько поправились, по крайней мѣрѣ на столько, что въ предстоящую зиму намъ нельзя будетъ опасаться войны съ Австріею. Понятно, что военныя дѣйствія въ Крыму

[1]) Документовъ этихъ у насъ не имѣется. Ред.

будутъ имѣть рѣшительное вліяніе на дальнѣйшій ходъ переговоровъ; но все позволяетъ намъ отнынѣ расчитывать на болѣе или менѣе чувствительное пораженіе союзниковъ. Пожелаемъ, чтобъ оно было полное. Князь Варшавскій.

(Ноябрь. 1854 г.—Варшава).

(Переводъ съ французскаго)[1]). Любезный князь, въ минуту отправки курьера съ посылкою на ваше имя отъ князя А. Горчакова, я получилъ отъ послѣдняго телеграмму, содержаніе которой должно быть немедленно сообщено вамъ.

Прилагаю ее при семъ, и радъ, что замедлилъ отправкой депешъ вашего двоюроднаго брата: безъ этого замедленія пришлось бы посылать къ вамъ втораго курьера, чтобы извѣстить васъ о намѣреніяхъ Омеръ-паши и о томъ положеніи, которое предполагаютъ занять австрійцы, въ виду наступательнаго движенія турокъ.

При этомъ случаѣ примите мою благодарность за тѣ подробныя извѣстія, которыя вы изволили сообщить мнѣ изъ Крыма. Дѣло 5-го ноября кажется мнѣ гибельнымъ для насъ, столько же по причинѣ понесенной нами напрасной потери людей, сколько по нравственному вліянію этого дѣла на Европу, которая истолковала его въ смыслѣ побѣды, одержанной врагами нашими.

Вообще я никакъ не могу оправдать принятой княземъ Меншиковымъ системы дѣйствій. Мнѣ кажется, ему слѣдовало бы устроить контръ-апроши посредствомъ редутовъ, возведенныхъ въ долинѣ, чтобы заставить непріятеля атаковать ихъ; это доставило бы ему всѣ тѣ преимущества, которыми онъ нынѣ пользуется. Прощайте, любезный князь. Княгиня и дѣти ваши здоровы; я видѣлъ ихъ вчера. Примите увѣреніе въ моей искренней и неизмѣнной привязанности. Князь Варшавскій.

8-го декабря 1854 г.—Варшава.

Государь императоръ изволилъ милостиво дать знать сегодня по телеграфу о производствѣ сына моего въ генералъ-маіоры, по вашему представленію.

Благодарю васъ душевно, почтеннѣйшій князь Михаилъ Дмитріевичъ, за сына и за Лобанова. Ваше участіе въ этомъ принесло мнѣ большое удовольствіе. Жаль только, что они не имѣли случая быть въ серьезныхъ дѣлахъ.

Покорнѣйше благодарю ваше сіятельство также за письмо ваше отъ 21-го ноября.

Но дружба — дружбой, а служба—службой. Позвольте мнѣ,—по

[1]) Безъ означенія числа; вѣроятно, оно относится къ ноябрю мѣсяцу. Ред.

старой привычкѣ говорить съ вами откровенно обо всемъ, до войны касающемся,—сказать и теперь нѣсколько словъ о нашемъ положеніи, чего, можетъ быть, я прежде не говорилъ.

Мнѣ кажется, что ваше сіятельство придаете гораздо болѣе цѣны опасности въ Крыму, нежели опасности, несравненно важнѣйшей, угрожающей намъ со стороны Австріи.

Теперь у князя Меншикова слишкомъ 100 баталіоновъ и 100 эскадроновъ, съ огромною артиллеріею, и, кажется, 6, а можетъ быть и 8, полковъ казаковъ. Съ этими силами, то есть до 70 т., кромѣ матросовъ, при крѣпости, можно защищаться, если бы англо-французы прислали еще 30 или 40 т., лишь бы у нихъ достало хлѣба. Ваше же сіятельство, съ находящимися у васъ нынѣ войсками, защищая линію около ста верстъ, отъ Бырлата до Рени, можете разбить Омеръ-пашу, если онъ на васъ пойдетъ; ибо онъ, по всѣмъ свѣдѣніямъ изъ газетъ, не можетъ собрать противу васъ болѣе 40 или 45 т. Наконецъ, говорятъ, что Омеръ-пашѣ приказано отправиться въ Крымъ. Поэтому, со стороны турковъ вамъ уже не будетъ предстоять никакой опасности.

Напротивъ того, дѣла съ австрійцами вашему сіятельству извѣстны. Вамъ сообщались всѣ свѣдѣнія о ходѣ переговоровъ съ ними, о ихъ вооруженіяхъ и силѣ. Теперь они въ такомъ положеніи, что разрывъ съ ними, кажется, неизбѣженъ. Можетъ быть даже, что за Австріею увлечена будетъ и вся Германія; слѣдственно, настоящая опасность — здѣсь. Дѣло идетъ уже не о Севастополѣ, но о лучшихъ нашихъ южныхъ провинціяхъ, и, можетъ быть, о Царствѣ Польскомъ, то есть о населеніи почти въ 15 милліоновъ.

Предупредить это можно только тогда, когда мы будемъ имѣть сильную армію въ Польшѣ и на углу австрійскихъ владѣній, противъ Каменца.

Государь императоръ изволилъ уже, какъ вамъ извѣстно, повелѣть образовать здѣсь промежуточный корпусъ. Корпусъ сей столь важенъ, что необходимо изыскать всѣ средства, чтобы его усилить, взявъ оттуда войска на увеличеніе его, откуда только можно.

Сильная армія въ Царствѣ Польскомъ и другая между Каменцемъ и Дубно—однѣ только могутъ остановить Австрію, которая, можетъ быть, тогда и не войдетъ въ наши предѣлы, когда оба ея фланга и тылъ будутъ угрожаемы. Можетъ быть, что тогда австрійцы даже, если бы и принуждены были къ войнѣ, то неохотно дѣйствовать будутъ, а армія наша будетъ имъ предлогомъ не идти впередъ и даже не начинать войны.

И такъ, по моему убѣжденію, не только отсюда нельзя брать войскъ, но ихъ необходимо усилить около Дубно. Посему, если бы вы

спросили моего мнѣнія, я бы никакъ не могъ, съ своей стороны, согласиться на отправленіе 4-й и 5-й пѣхотныхъ дивизій, тѣмъ болѣе, что я убѣжденъ, что ни въ Крыму, ни противъ турокъ нѣтъ необходимости въ бо́льшемъ числѣ войскъ. Не знаю, можетъ быть, я не хорошо выражаюсь, но желалъ бы передать другимъ это убѣжденіе, ибо дѣло идетъ о величайшей опасности.

Что же касается до предположенія вашего возвратить 2-й корпусъ, если онъ не будетъ нуженъ, то это, я думаю, дѣло невозможное, ибо ходу войскамъ, взадъ и впередъ, будетъ на четыре мѣсяца и при томъ въ такое время, когда, по дурной погодѣ, половина войскъ можетъ быть потеряна отъ болѣзней.

Посылку же 10 баталіоновъ въ Крымъ, я, съ своей стороны, нахожу весьма полезною; ибо когда бы непріятель высадился въ Евпаторіи и, конечно, не болѣе какъ тысячъ въ 15, то онъ, какъ ваше сіятельство справедливо замѣчаете, не пойдетъ на Перекопъ, но будетъ, вѣроятно, дѣйствовать въ тылъ князя Меншикова; въ такомъ случаѣ, сіи 10 баталіоновъ съ кавалерійскою дивизіею могли бы служить достаточнымъ авангардомъ, усиливая еще тѣмъ армію Меншикова 10-ю баталіонами.—Сегодня я увижу вашу княгиню и поцѣлую ей ручку. Прощайте, Богъ съ вами. Вамъ всегда преданный князь Варшавскій.

1855 г.

20-го января 1855 г.—С.-Петербургъ.

Письма ваши, любезный князь Михаилъ Дмитріевичъ, отъ 4-го и 9-го декабря получилъ я наканунѣ отъѣзда моего изъ Варшавы. Выѣздъ мой былъ столь внезапенъ, что я не успѣлъ отвѣчать.

Пріѣхавъ въ С.-Петербургъ, я уже не писалъ, потому что всѣ высочайшія предположенія на случай будущихъ дѣйствій вамъ извѣстны и государь императоръ сообщаетъ ихъ оныя прямо вамъ.

Благодарю васъ, любезный князь, за послѣднее письмо и за доставляемыя свѣдѣнія. Его величество передалъ мнѣ записку вашу о народномъ сопротивленіи непріятелю.

Я представилъ мнѣніе мое; въ главныхъ чертахъ я согласенъ съ вами и мы только различествуемъ въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, а именно: по недостаточному числу у меня въ арміи казаковъ, я не могу выставить партизанскіе отряды въ Дубно и Ровно и удобнѣе будетъ это вамъ, такъ какъ у васъ огромная кавалерія и 13 полковъ казаковъ.

Признаюсь, я былъ очень удивленъ, любезный князь, что вы просите отъ моей арміи двѣ дивизіи 2-го корпуса. Вы знаете, какъ важно

для Австріи, въ глазахъ Европы, занятіе Царства Польскаго и Варшавы въ самомъ началѣ кампаніи. Чтобы я сталъ дѣлать съ 4-мя дивизіями противъ 150 т. австрійской арміи? Къ счастію для дѣла, что государь императоръ изволилъ окончательно рѣшить, что войскъ изъ дѣйствующей арміи къ вамъ отдѣлять не будетъ.

Затѣмъ, прощайте, любезный князь, примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ уваженіи и преданности. Князь Варшавскій.

25-го февраля 1855 г.—Варшава.

Любезнѣйшій князь Михаилъ Дмитріевичъ.

Въ ночь съ 5-го на 6-е февраля выѣхалъ я изъ С.-Петербурга, оставивъ государя императора Николая Павловича легко нездоровымъ отъ простуды.

18-го числа неожиданно поразила меня страшная вѣсть о кончинѣ его величества, благодѣтеля нашего. Нужно-ли говорить вамъ о глубокой скорби, въ которую повергло меня это несчастіе? Бо́льшаго горя не можетъ быть!

Письма ваши отъ 12-го и 14-го февраля я получилъ.

Изъ прилагаемыхъ въ копіи депешъ вы увидите, что дѣла съ Австріею клонятся къ миру. По всему кажется, что австрійцы убѣдились въ невозможности безъ французовъ произвести что-либо рѣшительное.

По присланному мнѣ изъ С.-Петербурга росписанію вижу, что у васъ въ южной арміи 160 баталіоновъ. Если вы употребите изъ нихъ 30 или даже 40 баталіоновъ для занятія Одессы и крѣпостей, у васъ все еще останется для дѣйствія въ полѣ не менѣе 120 баталіоновъ. Противъ такого числа войскъ, при столь огромной, какъ ваша, кавалеріи, австрійцамъ нельзя будетъ начать дѣйствія менѣе какъ съ 5-ю корпусами, да и то на открытыхъ и ровныхъ мѣстахъ они ничего вамъ сдѣлать не могутъ. Дѣйствія противъ Царства Польскаго, конечно, представляютъ имъ болѣе выгодъ, ибо они могутъ тутъ быть гораздо сильнѣе меня кавалеріею; но какъ у меня съ гвардіею до 120 баталіоновъ, то и тутъ имъ не легко было бы имѣть рѣшительный успѣхъ.

Сожалѣю вмѣстѣ съ вами о происшествіи подъ Евпаторіею, случившемся такъ не во время и не кстати; но надѣюсь, что оно не будетъ имѣть никакого важнаго вліянія. Жаль также, что прежде не приступлено было къ постройкѣ редута за Киленъ-Балкою: контръапроши въ правый флангъ непріятельскихъ работъ и мнѣ всегда казались лучшимъ способомъ дѣйствій, какъ я писалъ о томъ еще въ сентябрѣ (1854 г).

Я окончилъ уже это письмо, когда узналъ о назначеніи васъ главнокомандующимъ и крымскою арміею. Поздравляю васъ и увѣренъ, что у васъ все пойдетъ хорошо.

Прощайте, любезный князь, будьте здоровы.

Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности. Князь Варшавскій.

Телеграфическія депеши:

Отъ 22-го февраля 1855 года.

Графъ Нессельроде—князю Варшавскому.

Посылаю двѣ депеши отъ князя Горчакова въ предположеніи, что онѣ еще неизвѣстны вашей свѣтлости.

Вѣна.—19-го февраля (3-го марта).

Въ приказѣ по арміи императоръ Францъ-Іосифъ объявляетъ войскамъ, что имянной полкъ его величества императора Николая Павловича сохраняетъ и въ будущее время это названіе, чтобы увѣковѣчить память дружбы, соединявшей сихъ монарховъ, и помощи, оказанной имперіи въ тягостное время.

Вѣна.—19-го февраля (3-го марта).

Императоръ Францъ-Іосифъ сказалъ, что онъ не можетъ свыкнуться съ мыслію, что лишился друга, испытаннаго во всѣхъ случаяхъ и въ особенности, что этотъ ударъ постигъ его въ такую минуту, когда его величество надѣялся доказать на дѣлѣ свою вѣрность почившему государю; что онъ надѣется, что императоръ Александръ Николаевичъ приметъ, какъ часть наслѣдія своего, ту дружбу, о коей его величество сохранитъ вѣчную память; что онъ горько сожалѣетъ о томъ, что лишился случая доказать императору Николаю I-му, что онъ возвратится на прежній путь. Императоръ Францъ-Іосифъ убѣжденъ, что императоръ Александръ II явитъ въ дѣлѣ возстановленія мира таковую же возвышенность и твердость видовъ, какъ его августѣйшій предшественникъ. Эрцъ-герцогъ Вильгельмъ отправляется завтра вечеромъ въ Петербургъ.

9-го марта 1855 г.—Варшава.

Письмо ваше отъ 26-го февраля, любезнѣйшій князь Михаилъ Дмитріевичъ, я получилъ только два дня тому назадъ. Благодарю васъ за сообщенныя вами свѣдѣнія. Я понимаю хорошо, что положеніе ваше въ Крыму теперь не легко. Слава Богу еще, что въ послѣднее время приняли тамъ, наконецъ, планъ дѣйствій, сообразный нашему положе-

нію и наиболѣе обѣщающій успѣха: контръ-апроши въ правый флангъ непріятельскихъ работъ. Давно уже слѣдовало бы намъ, вмѣсто всѣхъ неудачныхъ попытокъ къ атакѣ, начать строить редуты по обѣимъ сторонамъ оврага, и, такимъ образомъ, подвигаться постепенно съ лѣваго фланга впередъ.

Хотя лежачаго не бьютъ, но и я долженъ сознаться, что князь Меншиковъ, о которомъ я всегда былъ такого же хорошаго мнѣнія, какъ и вы, распоряжался, какъ по всему видно, съ непонятною безпечностію, особенно въ отношеніи къ продовольствію. Войскъ у васъ будетъ теперь много, но трудно будетъ, думаю, изыскать средства прокормить ихъ. Достаточные запасы въ Крыму, не знаю, есть-ли, а при настоящей распутицѣ, не знаю также, можно-ли надѣяться на успѣшный подвозъ хлѣба и фуража?

Вамъ гораздо ближе извѣстны обстоятельства наши; не зная подробностей, не могу сообщить вамъ мыслей своихъ на счетъ плана будущихъ дѣйствій подъ Севастополемъ, тѣмъ болѣе, что спѣшу окончить письмо, чтобы скорѣе отправить вамъ депеши, присланныя сюда на ваше имя изъ Вѣны.

Пишите мнѣ чаще и подробнѣе. Отъ души желаю вамъ здоровья и блестящихъ успѣховъ.

Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности. Князь Варшавскій.

Благодарю васъ за Лобанова, а еще болѣе за память о моемъ сынѣ.

4-го апрѣля 1855 г.—Варшава.

Благодарю васъ, любезный князь Михаилъ Дмитріевичъ, за ваше письмо отъ 21-го марта и за доставленныя свѣдѣнія.

Я совершенно съ вами согласенъ, что положеніе ваше не блестящее. Причинъ къ тому очень много, но какъ помочь, право, сказать мудрено.

Одно изъ главныхъ условій успѣха—это продовольствіе, въ которомъ, по вашимъ словамъ, вы не терпите недостатка. Что же касается до фуража, котораго, какъ вы говорите, у васъ недостаетъ, то въ этомъ отношеніи положеніе непріятеля едва-ли лучше; у васъ, по крайней мѣрѣ, скоро будетъ подножный кормъ и болѣе пространства кормить лошадей, а непріятель, если и можетъ подвезти зерновой фуражъ, то во всякомъ случаѣ не можетъ имѣть довольно сѣна для того, чтобы содержать большое число кавалеріи.

Что же касается до числительности войскъ, то, какъ вы сами пишете, вы равносильны съ непріятелемъ и войскъ у васъ довольно для того, чтобы съ помощью Божіею держаться.

Отъ души желаю вамъ, любезный князь, успѣха.

О дѣлахъ политическихъ я не говорю, ибо вы все знаете изъ посылаемыхъ къ вамъ депешъ.

Желая вамъ здоровья, прошу принять увѣреніе въ чувствахъ искренняго моего уваженія и преданности. Князь Варшавскій.

11-го августа 1855 г.—Варшава.

Послѣднее письмо ваше, любезнѣйшій князь Михаилъ Дмитріевичъ, я получилъ.

Вслѣдъ затѣмъ получена и ваша телеграфическая депеша объ атакѣ на Федюхину гору 4-го (16-го) августа. Хотя атака эта и не удалась, но, видно, она не имѣла для насъ столь дурныхъ послѣдствій, какъ можно было предполагать. Изъ газетъ же видно, что аттака сія произвела не сильное впечатлѣніе на союзниковъ, которые, несмотря на все свое хвастовство, пишутъ только въ своихъ бюллетеняхъ, что они отразили нападеніе наше съ успѣхомъ и что мы потеряли втрое болѣе людей.

Вотъ чѣмъ союзники ограничиваютъ до сихъ поръ свои донесенія и нигдѣ не говорятъ и не кричатъ, какъ объ Альмѣ и Инкерманѣ, что они одержали побѣду. Это для меня лучшее доказательство, что дѣло 4-го (16-го) августа не было для насъ такъ дурно.

Дай Богъ, чтобы вамъ представилась возможность хорошенько отплатить гг. союзникамъ.

Княгиня Агафоклея Николаевна живетъ теперь въ Ботаническомъ саду. Сегодня я ее видѣлъ здоровою. Навсегда преданный и почитающій князь Варшавскій.

14-го октября 1855 г.—Варшава.

Покорнѣйше благодарю васъ, любезный князь Михаилъ Дмитріевичъ, за ваше письмо отъ 3-го октября. Недавно сообщилъ я вамъ мои мысли на счетъ вашего положенія. Я прежде писалъ и теперь пишу только мое личное мнѣніе. Не знаю, согласно-ли оно съ вашимъ, и потому не навязываю вамъ своихъ идей; но мнѣ кажется, что ваша внутренняя линія представляетъ вамъ преимущество предъ непріятелемъ, который, дѣйствуя по линіи внѣшней, принужденъ раздѣлять свои силы и, слѣдственно, ослабляться.

Другое обстоятельство, которое вамъ,—видно.— любезный князь, было неизвѣстно, это то, что поведеніе германскихъ державъ вовсе не связано съ происшествіями въ Крыму. Пруссія всегда ведетъ себя одинаково. Австрія, которая сначала старалась насъ пугать, даже и нынѣ, съ несчастнымъ оборотомъ дѣлъ въ Крыму, уменьшила свою армію, чѣмъ не только показала, что не хочетъ насъ атаковать, но даже поставила себя въ невозможность вести съ нами (войну) въ настоящее время.

По послѣднимъ достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, которыя я получилъ изъ Австріи, независимо вовсе отъ увѣдомленій нашего посла, паденіе Севастополя не только не перемѣнило намѣреній австрійскаго правительства, но, напротивъ, оно обратило свои арміи на мирное положеніе, кромѣ войскъ въ княжествахъ и Италіи. И такъ, если Австрія насъ не атаковала, то это потому только, что вначалѣ у насъ было собрано до двухъ сотъ тысячъ человѣкъ въ Польшѣ, и по отзыву самого главнокомандующаго, генерала Гессе, на требованіе Франціи вступить въ Польшу, Австрія не была довольно сильна, чтобы вторгнуться въ наши предѣлы, а въ настоящее время Австрія сама себя обезоружила, и, чтобы привести армію вновь на военное положеніе, у нея едва-ли достанетъ денегъ.

Вотъ почему намъ до сихъ поръ не страшны 500 т. нѣмцевъ.

Впрочемъ, повторяю, что эта моя манера смотрѣть на вещи, которыя мнѣ довольно близко извѣстны.

Прощайте, любезный князь, примите увѣреніе въ чувствахъ искренняго моего уваженія и преданности. Супруга ваша, слава Богу, здорова, также и дѣти ваши. Про себя скажу, что я терплю необыкновенныя боли въ желудкѣ, которыя меня сна лишаютъ вотъ уже четыре недѣли. Князь Варшавскій.

Примѣчаніе. Письмомъ отъ 14-го октября 1855 г. прерывается переписка фельдмаршала съ княземъ Горчаковымъ. Письмо Паскевича отъ 16-го сентября 1855 г. или, вѣрнѣе, довольно обширное его критическое обозрѣніе дѣйствій кн. Горчакова въ Крыму, было имъ лишь продиктовано, но не подписано и не отправлено. Этотъ интересный документъ напечатанъ въ «Русской Старинѣ» изд. 1872 г. томъ VI, стр. 427—435; 604—605. Съ половины ноября князь Варшавскій, пересталъ заниматься дѣлами. Во время тяжкой болѣзни фельдмаршала, его должно было, конечно, не мало утѣшать то теплое участіе, которое не переставали принимать въ немъ члены царственной семьи. Полагаемъ, что для читателей «Русской Старины», не будетъ лишено интереса прочесть нижеслѣдующую депешу, посланную 27-го ноября 1855 г. императрицею Александрою Ѳедоровною на имя генералъ-фельдмаршала:

«Хотя я ежедневно имѣю извѣстіе о ходѣ вашей болѣзни: благодарю Бога и радуюсь, что вы чувствуете облегченіе и желаю, чтобы вы удостовѣрились, сколь я сердечно пекусь о вашемъ здоровьи, и тѣмъ болѣе, что я всегда раздѣляла съ покойнымъ въ Бозѣ почившимъ супругомъ моимъ милостиво дружеское и никогда неизмѣнное расположеніе его къ вамъ».

Копія съ этой депеши весьма обязательно доставлена въ редакцію «Русской Старины» г. А. Роспоповымъ. Ред.

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ".

Кириллъ Флоринскій

въ 1761 г.

Въ дополненіе къ помѣщеннымъ въ „Русской Старинѣ" актамъ о Кириллѣ Флоринскомъ, привожу слѣдующее донесеніе графа Чернышева изъ Парижа, отъ 31-го августа 1761 года:

„Находящійся здѣсь при домовой посольской церкви іеромонахъ Кириллъ Флоринскій, будучи недоволенъ своимъ состояніемъ и опредѣленнымъ ему жалованьемъ, отзывается, что онымъ ему здѣсь пробавляться не можно, хотя я оное въ разсужденіи старца и за довольное почитаю, и, при всякомъ случаѣ, по гордости и наглости своей, оказываетъ мнѣ неучтивство и грубости, а притомъ безпрестанно заводитъ всегда нескладныя съ церковниками своими распри и шумъ, и, не имѣя между собой надлежащаго порядка, жалобами съ обѣихъ сторонъ столько меня обезпокоиваютъ, что я принужденъ, наконецъ, В. И. В-во всеподданнѣйше просить избавить меня отъ сего безпокойнаго человѣка и позволить мнѣ отправить его отсюда обратно въ Россію".

Кстати замѣчу, что этого Кирилла Флоринскаго не должно смѣшивать съ другимъ Кирилломъ Флоринскимъ, ректоромъ Славяно-греколатинской академіи и умершимъ въ санѣ архимандрита Троицко-Сергіевой лавры.

Сообщ. **С. М. Соловьевъ**.

Парикмахеръ княгини Салтыковой.

(Начало XIX стол.).

(Переводъ съ французскаго). Въ „Русской Старинѣ" изд. 1874 г., томъ IX, стр. 383—390, я прочелъ нѣсколько страницъ, имѣвшихъ для меня тѣмъ бо́льшій интересъ, что онѣ воскресили во мнѣ старыя, давно забытыя воспоминанія. Я говорю объ интересной статьѣ г. Рябинина по поводу злосчастной княгини Козловской и той дамы, которая держала своего крѣпостнаго парикмахера въ клѣткѣ.

Сущность этой послѣдней исторіи мнѣ передавали въ Петербургѣ, лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, въ кругу одного изъ тѣхъ знаменитыхъ семействъ, мѣсто котораго при дворѣ отмѣчено уже нѣсколькими поколѣніями. Надобно, однако, сознаться, что, несмотря на авторитетъ лицъ, сообщившихъ мнѣ это извѣстіе, я съ трудомъ могъ повѣрить ему. Теперь изъ статьи „Русской Старины" я узналъ, что разсказъ объ

этомъ странномъ событіи находится въ Запискахъ Массона, свидѣтельство котораго имѣетъ въ этомъ случаѣ большой вѣсъ, такъ какъ онъ, по своему положенію, могъ имѣть объ этомъ дѣлѣ самыя точныя свѣдѣнія. Именно вслѣдствіе личныхъ отношеній, въ которыхъ находился Массонъ, и по совпаденію его разсказа съ тѣмъ, что было передано мнѣ въ Петербургѣ, сомнѣніе въ совершенной истинѣ разсказа Массона оказывается, къ несчастію, почти невозможнымъ.

Благодаря свѣдѣніямъ, доставленнымъ мнѣ въ Россіи, и по означенному обстоятельству я могу даже назвать имя той дамы, которая держала своего парикмахера въ клѣткѣ и которое Массонъ умалчиваетъ, а также могу сообщить развязку этой трагической исторіи, которую Массонъ не могъ передать, такъ какъ она случилась нѣсколько лѣтъ спустя по выходѣ въ свѣтъ его Записокъ.

Дама, о которой идетъ рѣчь, была никто иная, какъ родная сестра той жестокой княгини Козловской, о которой разсказано въ „Русской Старинѣ“ именно,—графиня Наталія Владиміровна Салтыкова, рожденная княжна Долгорукова (р. 1737 † 1812 г.), жена фельдмаршала графа (потомъ князя) Николая Ив. Салтыкова († 1816 г.), бывшаго воспитателемъ в. к. Александра Павловича и ближайшимъ начальникомъ маіора Массона [1]).

Развязка была довольно странная. Несчастному крѣпостному парикмахеру удалось, наконецъ, убѣжать изъ клѣтки и изъ дома своихъ господъ. Графиня Салтыкова, воображая, что никто не знаетъ еще про

[1]) Напомнимъ его разсказъ о парикмахерѣ:

«Я зналъ придворную даму, которая держала у себя въ спальнѣ нарочно устроенную темную клѣтку, куда запирала своего крѣпостнаго парикмахера. Она сама выпускала его оттуда ежедневно, въ урочное время, совершенно такъ, какъ вынимаютъ свой гребень изъ футляра, для прически; а потомъ тотчасъ-же замыкала его опять, нерѣдко послѣ многочисленныхъ пощечинъ, доставшихся ему за туалетомъ. Несчастному узнику ставились въ ящикъ: кусокъ хлѣба, кружка воды, маленькая скамейка и необходимая посуда. Ему приходилось видѣть дневной свѣтъ только тогда, когда слѣдовало убирать парикъ на плѣшивой головѣ своей старой тюремщицы. Она ставила эту подвижную темницу у изголовья своей кровати и брала ее съ собой при поѣздкахъ въ имѣніе. И мужъ этой безчеловѣчной женщины допускалъ такіе ужасы! Какъ не тревожили его сонъ вздохи несчастнаго, томившагося близъ него въ четырехъ стѣнахъ своей клѣтки! Причина этого необыкновеннаго варварства была та, что престарѣлая мегера хотѣла скрыть отъ всѣхъ свое безволосье и ношеніе парика, — и вотъ ради чего она отчуждила осемнадцатилѣтняго молодаго человѣка отъ всякаго общества людскаго, чтобы втайнѣ поновлять руками его свои обветшалыя прелести. Побои же и голодное содержаніе, сверхъ заточенія, онъ терпѣлъ, во первыхъ, за попытку къ побѣгу, а во-вторыхъ, за то, что, не смотря на все искусство и старанія бѣдняка, старуха становилась съ каждымъ днемъ все старѣе и отвратительнѣе». (См. «Русскую Старину», томъ IX, стр. 387—388).

ея парикъ и, опасаясь, чтобы тайна эта теперь не была открыта, въ испугѣ, не только весьма настоятельно требовала отъ полиціи отыскать ея парикмахера, но даже прямо обратилась съ этимъ къ императору Александру, какъ это дозволяло ея общественное положеніе.

Но императоръ былъ уже предупрежденъ. Полиція представила подробное донесеніе его величеству о незаконныхъ дѣйствіяхъ княгини и о той участи, которой избѣгнулъ несчастный парикмахеръ. Извѣстно, съ какимъ уваженіемъ императоръ Александръ относился постоянно къ семейству своего бывшаго воспитателя и въ особенности къ княгинѣ; онъ не могъ не отвѣтить ей съ обычною своею вѣжливостію, но, въ тоже время, строго запретилъ полиціи розыскивать бѣглеца и возвращать его господамъ; однако, слѣдовало также придумать что-нибудь для успокоенія почтенной дамы и для прекращенія этого прискорбнаго дѣла?

Достойно вниманія средство, придуманное по этому поводу полиціей. Она извѣстила графиню формальной бумагой, что парикмахеръ ея сіятельства найденъ утонувшимъ въ одномъ изъ притоковъ Невы, и что вѣроятно, отчаяніе побудило этого человѣка лишить себя жизни.

Подобная выдумка, употребленная для успокоенія графини Натальи Владиміровны Салтыковой, назидательна не менѣе всего остальнаго.

Читатель «Рус. Стар.».

Увольненіе Бѣлинскаго изъ Московскаго университета

въ 1831 и 1832 гг.

Въ «Русской Старинѣ» 1876 г., томъ XV, стр. 62, въ письмахъ В. Бѣлинскаго упоминается имъ о моемъ отцѣ, профессорѣ и инспекторѣ Московскаго университета, Павлѣ Степановичѣ Щепкинѣ.

Предоставляя еще живымъ свидѣтелямъ порядка содержанія казенныхъ студентовъ сказать, правду-ли говоритъ Бѣлинскій, что ихъ кормили въ университетѣ «пакостною падалью, стервятиной и супомъ съ червями», замѣчу только то, что знаю десятки казенныхъ студентовъ того времени и никто никогда отъ нихъ сего не слыхалъ, а равно, чтобы покойный П. С. Щепкинъ «ругалъ студентовъ канальями».

Не прошло двухъ лѣтъ послѣ выхода Бѣлинскаго изъ университета, П. С. Щепкинъ оставилъ службу по болѣзни и въ скорости умеръ. Тотчасъ послѣ выхода изъ университета П. С. Щепкинъ получилъ отъ студентовъ подарокъ: большой серебряный вызолоченый кубокъ, на крышкѣ кубка небольшой бюстъ Лейбница, а на самомъ кубкѣ вырѣзана надпись: «профессору Щепкину—благодарные студенты».

Относительно самаго факта удаленія изъ университета Бѣлинскаго привожу здѣсь представленіе инспектора П. С. Щепкина помощнику попечителя, съ отмѣтками покойнаго моего отца.

«Г. помощнику попечителя отъ (?) числа 1832 г.

«№ 3. Съ 1-го числа февраля 1829 г. находится на казенномъ содержаніи

университета, по отдѣленію физико-математическому, Василій Сомовъ, изъ мѣщанъ, поступившій въ университетъ въ сентябрѣ 1828 г., изъ казенноконтныхъ воспитанниковъ Рязанской гимназіи. Въ продолженіе втораго учебнаго года онъ непрерывно былъ боленъ; въ началѣ третьяго, по выходѣ изъ больницы, опять началъ слушаніе лекцій; но при распространеніи въ Москвѣ холеры, въ первые дни впалъ въ оную и, претерпѣвши всю жестокость ея, вышелъ изъ больницы уже въ маѣ 1831 года. Въ началѣ 4-го учебнаго года поступилъ онъ на лекціи 2-го курса, которыя слушалъ усердно и успѣшно, но не болѣе трехъ мѣсяцевъ, ибо послѣ того опять занемогъ и доселѣ врачуется въ университетской больницѣ.

«Виссаріонъ Бѣлинскій, сынъ штабъ-лекаря, поступилъ въ словесное отдѣленіе въ сентябрѣ 1829 года и затѣмъ вскорѣ на казенный коштъ. По окончаніи перваго учебнаго курса, онъ не оказалъ достаточныхъ успѣховъ для перевода на ординарныя лекціи отдѣленія. Въ теченіе же минувшаго учебнаго года, съ января мѣсяца до начала годовыхъ испытаній, лечился въ больницѣ. Бѣлинскій, самъ чувствуя свое безсиліе для продолженія наукъ, просилъ, въ 1831 году, уволить его отъ университета и опредѣлить въ канцелярскіе служители.

«Не имѣя надежды, чтобы Сомовъ и Бѣлинскій: первый—по совершенно разстроенному здоровью, а второй—также по слабому здоровью и при томъ по ограниченности способностей, могли образоваться полезными чиновниками по учебной службѣ, долгомъ почитаю представить о семъ во вниманіе в. п. и просить объ увольненіи ихъ отъ университета».

Отмѣтка внизу: «Они уволены въ семъ же году».

Другая отмѣтка: «Зри входящій № 50».

Во входящемъ № 50 отмѣчено: «№ 50. Выписка изъ журнала 27-го сентября, Унив. Пр., № 3,905: Объ увольненіи съ казеннаго коштa слушателей: Василія Сомова и Виссаріона Бѣлинскаго, по болѣзни и ограниченности способностей, по моему представленію. См. № 3».

Списано съ подлинныхъ черновыхъ, переплетенныхъ въ книгу.

Такимъ образомъ В. Бѣлинскій освобожденъ отъ всякаго обязательства къ казнѣ при увольненіи изъ университета, конечно, благодаря представленію, что изъ него не можетъ образоваться полезный чиновникъ по учебной части.

Сообщ. С. П. Щепкинъ.

Примѣчаніе. Сообщенный С. П. Щепкинымъ документъ совершенно точно разъясняетъ вопросъ о времени увольненія Бѣлинскаго изъ университета. Если Виссаріонъ Григорьевичъ въ 1831 г. просилъ о увольненіи и, какъ видно изъ собственныхъ его писемъ, напечатанныхъ въ «Рус. Ст.» томъ XV, стр. 484—490, пересталъ уже быть студентомъ съ сентября 1831 года, то формальное увольненіе его состоялось только въ 1832 г. Что Бѣлинскій въ дѣйствительности уволенъ изъ университета въ сентябрѣ 1831 года, это, повторяемъ, онъ свидѣтельствуетъ въ своеручныхъ письмахъ, подлинники которыхъ находятся въ редакціи. Такъ напр. 21-го мая 1832 г. онъ пишетъ: «.... въ сентябрѣ исполнится годъ, какъ я выключенъ изъ университета» и въ томъ же письмѣ: «девять мѣсяцевъ таилъ я отъ васъ свое несчастіе...». (См. «Русскую Старину» томъ XV, стр. 86). Ред.

XXV-ти ЛѢТІЕ
„ИСТОРІЯ РОССІИ“ С. М. СОЛОВЬЕВА
1851—1876.

Газеты принесли намъ извѣстіе, что въ московскомъ учено-литературномъ мірѣ родилась мысль вспомнить, тѣмъ или другимъ способомъ, что въ настоящемъ году исполнится 25 лѣтъ со времени появленія перваго тома „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ“ С. М. Соловьева [1]). Мысль эта должна встрѣтить сочувствіе во всѣхъ занимающихся „Русскою исторіею“ и, скажемъ даже болѣе, во всѣхъ образованныхъ русскихъ людяхъ: въ нашемъ молодомъ еще обществѣ рѣдки труды, подобные труду проф. Соловьева, ибо рѣдко подобное упорное и настойчивое трудолюбіе, особенно рѣдко оно въ соединеніи съ умомъ, талантомъ и образованіемъ. Чѣмъ рѣже подобные труды, тѣмъ болѣе общество должно цѣнить ихъ; пусть служатъ они мѣриломъ того, что можетъ быть достигнуто, цѣлью, къ достиженію которой должны стремиться молодыя силы. Въ другихъ странахъ наука не отдѣлена рѣзкою гранью отъ жизни практической: люди дѣла находятъ себѣ отдыхъ въ трудахъ научныхъ (Гладстонъ пишетъ о Гомерѣ; гр. Дерби его переводитъ); представители умственнаго труда нерѣдко переходятъ къ жизни практической, никогда не оставляя литературы (Гизо, Маколей); успѣхъ литературный получаетъ бо́льшое вознагражденіе прежде всего въ томъ почетѣ, которымъ окружается каждый важный литературный подвигъ, составляющій предметъ гордости народа, среди котораго онъ совершенъ, зависти другихъ народовъ. Намъ еще далеко до этого: людей науки, внѣ круга цѣховыхъ ученыхъ, у насъ еще мало; вѣрной оцѣнки еще менѣе, но пора же однако намъ цѣнить по достоинству то, что у насъ дѣлается, тѣмъ болѣе пора, что у насъ жизнь скорѣе отвлекается отъ умственнаго труда, чѣмъ привлекается къ нему.

[1]) Вполнѣ сочувствуя этой мысли, редакція «Русской Старины» обратилась къ профессору русской исторіи въ Петербургскомъ университетѣ К. Н. Бестужеву-Рюмину, нѣкогда слушателю лекцій С. М. Соловьева съ просьбою: въ сжатомъ очеркѣ, опредѣлить значеніе монументальнаго труда «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ».

Предлагаемая статья есть исполненіе желанія ред. «Русской Старины» и ее, безъ сомнѣнія, съ полнымъ удовольствіемъ и искреннимъ сочувствіемъ прочтутъ многочисленные почитатели ученыхъ заслугъ С. М. Соловьева. Ред.

Помня все это, считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о значеніи для русской науки и, еще болѣе, для русской жизни 25-ти-лѣтняго непрерывнаго подвига, который принялъ на себя С. М. Соловьевъ.

„Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ"—трудъ, вызванный не положеніемъ автора:—это не руководство или учебникъ, написать который можетъ побудить профессора потребность студентовъ,—а также и не внѣшними побужденіями: это ничто иное какъ осуществленіе давно задуманной мысли, къ которому авторъ готовился долгими предварительными занятіями, этюдами для котораго служили его первые труды: „Объ отношеніяхъ Новгорода къ в. князьямъ" (магистерская диссертація 1845 г.); „Исторія отношеній между князьями Рюрикова дома" (докторская диссертація 1847 г.); статьи о смутномъ времени (въ „Современникѣ" 1848—49 гг.) и о Малороссіи (въ „Отеч. Зап." 1849 г.) и т. д. Во всѣхъ этихъ статьяхъ видно было полное и широкое знакомство съ источниками, твердая и ясная мысль, развивающаяся послѣдовательно и неуклонно, и если нѣсколько исключительно, то и самое это свойство должно было скорѣе послужить въ пользу, чѣмъ во вредъ дальнѣйшему развитію исторической науки: развитіе, какъ извѣстно, совершается, главнымъ образомъ, посредствомъ ясныхъ и опредѣленныхъ воззрѣній, которыя, доведенныя до конца, вызываютъ отпоръ и ведутъ къ другой ступени, тоже въ свою очередь грозящей впасть въ крайность, но уже ограничивающей крайность предшествовавшую. Конечно, рядомъ съ воззрѣніями опредѣленными и ясными стоятъ и должны стоять инстинктивныя чаянія, гаданія и исканія; но, оставаясь на степени инстинкта, эти послѣднія многое будятъ, на многое наталкиваютъ, но не даютъ такого сильнаго движенія, какъ первыя. Такія чаянія и гаданія стоятъ постояннымъ memento mori для всѣхъ исключительныхъ теорій; но ни одной сознательной теоріи не дано умереть вполнѣ: она оставляетъ яркую черту въ развитіи мысли народной, входитъ значительно далеко въ плоть и кровь послѣдующихъ поколѣній. Когда появилась теорія, представителемъ которой былъ и остался С. М. Соловьевъ, въ наукѣ русской исторіи не было теоріи: Татищевъ собиралъ матеріалы; кн. Щербатовъ, быть можетъ, и думалъ служить своей исторіей аристократическому началу, но не совладалъ съ громаднымъ матеріаломъ и не привелъ его въ стройность; о томъ, что онъ хотѣлъ сказать, можно догадываться только теперь, зная его дѣятельность и другія его писанія. Монументальный трудъ Карамзина, его „священная книга царей и народовъ" не заключала и не могла заключать въ себѣ теоріи русской исторіи: по взгляду той эпохи, въ которой воспитался и выросъ Карамзинъ, главная задача исторіи—представить въ яркихъ образахъ человѣка въ его высшихъ и низшихъ проявленіяхъ—человѣческія страсти стояли на первомъ планѣ для историка, а съ ними личная дѣятельность; вѣра

въ личную дѣятельность заходила такъ далеко, что Петру приписывали, смотря по оттѣнку воззрѣній, или все добро или все зло современной Россіи. Воззрѣнія вѣка, состояніе просвѣщенія, условія экономическія считались смѣняющимися декораціями и костюмами однихъ и тѣхъ же актеровъ. Вотъ почему, отведя небольшія главы состоянію общества и отославъ бо́льшую часть подробностей, часто въ высшей степени характеристическихъ, въ примѣчанія, историкъ спѣшилъ къ драмѣ людскихъ отношеній и изображая прошлое, давалъ уроки настоящему: нравственная проповѣдь въ образахъ художественныхъ — вотъ смыслъ и значеніе исторіи Карамзина, которая теперь, сверхъ своихъ неумирающихъ достоинствъ художественныхъ и ученыхъ, пріобрѣла еще для насъ значеніе важнаго памятника эпохи Александра I. Полевой хотѣлъ къ русской исторіи приложить мысли, выработавшіяся изъ изученія исторіи средневѣковой Европы и Франціи; но приложеніе этихъ воззрѣній требовало болѣе внимательнаго изученія той почвы, на которую они переносились; къ тому же, и въ самой Европѣ въ ту пору мысль работала только надъ средними вѣками и отчасти надъ Римомъ; великое движеніе исторической науки, совершающееся на нашихъ глазахъ, только еще начиналось. Только теперь является возможность ввести исторію славянскаго племени вообще, и русскаго въ особенности, во всеобщую исторію; однимъ приложеніемъ поспѣшно заимствованныхъ результатовъ, полученныхъ на очень ограниченномъ полѣ, ничего нельзя было достигнуть, и попытка Полеваго, при всей его высокой даровитости, оказалась преждевременной.

Въ университетѣ Московскомъ, когда въ немъ учился Соловьевъ, было два замѣчательные профессора, представители двухъ направленій, которые въ то время раздѣляли на два лагеря небольшую горсть людей сознательно интересующихся русскою исторіею: имена Каченовскаго и Погодина уже произнесены читателемъ. Эти два человѣка принесли много пользы русской исторической науки; но ни одинъ не создалъ теоріи, и понятно почему: Каченовскій — скептикъ, и глаза котораго даже въ старости блестѣли, когда онъ выражалъ сомнѣніе въ чемъ нибудь [1]), — былъ важенъ тѣмъ, что онъ указывалъ на сомнительность выводовъ, дѣлаемыхъ изъ нашихъ лѣтописей, на сомнительность той высокой степени процвѣтанія, которая предполагалась въ эпохѣ до-исторической. Онъ былъ не правъ тѣмъ, что заподозрилъ лѣтописи, но былъ правъ тѣмъ, что отрицалъ колоритъ позднѣйшаго времени, наводимый на событіе, якобы на ихъ основаніи. Въ этомъ отношеніи С. М. Соловьевъ идетъ отъ Каченевскаго.—Погодинъ былъ чисто русскій человѣкъ, повсюду носившій въ себѣ инстинктивное русское сознаніе;

[1]) Позволяю себѣ привести эти слова С. М. Соловьева изъ личнаго разговора 1858 г. К. В.

какъ человѣкъ инстинкта, онъ былъ всегда противникъ теоріи. Въ этомъ — какъ я имѣлъ уже случай сказать — его сила; но однимъ инстинктомъ нельзя ограничиваться: хотя инстинктъ ставитъ часто вопросъ шире сознанія, но его внушенія бываютъ уже черезъ-чуръ широки и неопредѣленны; толкая, будя, подчасъ останавливая, онъ не даетъ точки опоры. Точку опоры умственное развитіе находитъ въ теоріяхъ. Теорію принесла школа, однимъ изъ главныхъ представителей которой былъ С. М. Соловьевъ. Школа эта внесла съ собой понятіе о развитіи, о постепенной смѣнѣ умственныхъ и нравственныхъ понятій, о постепенномъ ростѣ народномъ. Народы—по ученію школы—постепенно переходятъ отъ рода къ государству. Этою теоріею дана была точка опоры сознанію; стало яснымъ, что перемѣняются не только костюмы и обычаи, но измѣняются воззрѣнія, основа всякаго общественнаго состоянія. Въ настоящее время можно спорить о формахъ, которыми проходила жизнь народная, можно отодвигать грани того или другаго періода, можно отрицать значеніе того или другаго явленія, но нельзя не признать, что исторія есть изображеніе развитія народа, что „исторія есть народное самосознаніе".

Эта мысль впервые выражена была въ русской наукѣ С. М. Соловьевымъ и К. Д. Кавелинымъ. Поминая дорогое для каждаго студента моего времени имя любимаго профессора, нельзя не пожалѣть, что онъ такъ давно отказался отъ русской исторіи, которой онъ обязанъ былъ служить. С. М. Соловьевъ остался на своемъ посту и до сихъ поръ продолжаетъ дѣло, начатое тридцать лѣтъ тому назадъ (онъ профессоръ съ 1845 г.), продолжаетъ все въ томъ же духѣ и направленіи. Высокая мысль, высказанная такъ давно (я слышалъ ее на первой лекціи въ 1848 г.) до сихъ поръ руководитъ его трудомъ. Она еще не перешла въ общественное сознаніе, но должна когда-нибудь перейти, должна стать руководительнымъ маякомъ и государственнымъ людямъ, и представителямъ мысли и литературы, и всѣмъ, кто такъ или иначе участвуетъ въ общественномъ движеніи. Если исторія народа есть его самосознаніе, то, слѣдовательно, народъ въ своей исторической жизни постепенно раскрываетъ свои нравственныя свойства; стало быть, чуждыя вліянія только будятъ то, что спало въ немъ; стало быть, личности являются только представителями той степени общественнаго сознанія, на которой они появляются и могутъ сдѣлать не болѣе того, что возможно при данномъ положеніи, стало быть, состоянія общественныя находятся между собою въ прямой зависимости: одно вытекаетъ изъ другаго и въ общемъ каждое вноситъ что-нибудь новое, то есть вызываетъ къ дѣятельности такую сторону народной жизни, которая или совсѣмъ не выходила, или выходила очень слабо; но вызвать новое можно только тогда, когда въ обществѣ сознательно или безсознательно живетъ уже потребность въ обно-

вленіи той или другой стороны общественной жизни. Вотъ почему историческія явленія не спадаютъ съ неба, а приготовляются длиннымъ рядомъ явленій, иногда понятныхъ только послѣ того, какъ совершилось уже событіе, ярко кидающееся въ глаза и освѣщающее то, что ему предшествовало. Теперь все это можетъ казаться общеизвѣстнымъ, но именно благодаря въ значительной степени дѣятельности С. М. Соловьева. Въ проведеніи нити развитія черезъ всю русскую исторію заключается одно изъ важнѣйшихъ заслугъ его громаднаго труда.

Прежде удѣльный періодъ казался безсмысленнымъ, безсвязнымъ: въ немъ ничего не видали, кромѣ ряда утомительныхъ для памяти драмъ, вызванныхъ слабостью князей, раздѣлившихъ свои владѣнія на удѣлы,— историкъ ввелъ въ него руководящую мысль: періодъ этотъ явился необходимымъ плодомъ извѣстнаго состоянія, выраженіемъ извѣстнаго начала. Вы можете ограничивать кругъ дѣятельности этого начала, видѣть рядомъ съ нимъ, во взаимнодѣйствіи другія начала, но обязаны уже искать такія начала. До Соловьева время отъ смерти Василія Костромскаго до Ивана Калиты казалось, по выраженію Карамзина, „темнымъ лѣсомъ". Соловьевъ умѣлъ найти свѣтъ въ этой тьмѣ, объяснить условія, при которыхъ выдвинулось московское княжество; онъ умѣлъ привести въ связь дѣятельность московскихъ князей съ дѣятельностію владимірско-суздальскихъ: Калиту съ Донскимъ и Боголюбскимъ и Всеволодомъ большимъ гнѣздомъ. Дѣятельность Ивана III явилась у него въ связи съ дѣятельностію его предшественниковъ; Иванъ IV пересталъ казаться чудовищемъ. Большой трудъ, потраченный имъ на объясненіе борьбы, веденной Грознымъ съ боярами, не остался безъ вліянія на современную исторіографію и, можетъ быть, въ будущемъ окажется еще важнѣе. Смутное время приведено въ связь съ предъидущимъ: указаны въ немъ попытки къ преобладанію тѣхъ элементовъ, которые были подавлены дѣятельностію московскихъ князей, указанъ и элементъ, давшій побѣду порядку. Дѣятельность первыхъ Романовыхъ приведена въ связь съ дѣятельностію Петра, которая такимъ образомъ сдѣлалась понятною и поставлена впервые въ свою законную историческую обстановку. Въ дѣятельности правительства и жизни общества въ періодъ отъ Петра до Екатерины внимательный читатель „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ" уже видитъ почву для дѣятельности Екатерины. Такимъ образомъ главныя явленія русской исторіи приведены историкомъ во взаимную связь и оправдались слова его предисловія:

„Не дѣлить, не дробить Русскую Исторію на отдѣльныя части, періоды, но соединять ихъ, слѣдить преимущественно за связью явленій, за непосредственнымъ преемствомъ формъ, не раздѣлять началъ, но разсматривать ихъ во взаимнодѣйствіи, стараться объяснять каждое явленіе изъ внутреннихъ причинъ, прежде чѣмъ выдѣлить его изъ общей связи событій и подчинить внѣшнему вліянію—вотъ обязанность исто-

рика въ настоящее время, какъ понимаетъ ее авторъ предлагаемаго труда". („Исторія Россіи", томъ I, изд. 1851 г. стр. 1).

Обязанность эта, какъ мы видимъ, исполнена историкомъ: явленія русской жизни приведены въ связь. Дальнѣйшее движеніе науки можетъ переставить кое-что и даже многое въ этой связи и все-таки за авторомъ останется великая заслуга, все-таки именемъ его отмѣченъ одинъ изъ важнѣйшихъ шаговъ въ развитіи нашей науки.

Исполненіемъ главной, по мнѣнію самого автора, обязанности историка не ограничивается все значеніе его труда; трудъ этотъ представляетъ еще нѣсколько другихъ важныхъ сторонъ. Въ тѣсной связи съ общимъ характеромъ труда, съ стремленіемъ объяснить общій ходъ русской исторіи, стоитъ другая его отличительная черта: болѣе чѣмъ кто-либо другой изъ людей, занимающихся русскою исторіею, знакомый съ ходомъ исторіи запада и его исторіографіи, что онъ доказалъ своими трудами по всеобщей исторіи (напримѣръ „Размышленія"—въ „Вѣстникѣ Европы", „Курсъ новой исторіи", рецензіи въ „Атенеѣ" и др. журналахъ), С. М. Соловьевъ постоянно освѣщаетъ свой трудъ аналогіями, преимущественно съ исторіею народовъ славянскихъ. Ученикъ Каченовскаго и не могъ идти другимъ путемъ: отказавшись отъ крайностей и увлеченій своего учителя, онъ не могъ не взять его лучшей стороны и не повести далѣе его дѣла: „Важная заслуга Каченовскаго,—говоритъ самъ С. М. Соловьевъ,—состояла въ стараніи сблизить явленія русской исторіи съ однохарактерными явленіями у другихъ и, что всего важнѣе, преимущественно у славянскихъ народовъ". Аналогія у автора „Исторіи Россіи" играетъ иную роль, чѣмъ у автора „Исторіи русскаго народа". Близкое знакомство съ источниками и внимательное изученіе западной исторіографіи не дозволили первому впасть въ ошибки послѣдняго и не допустили его прямо прикладывать результаты западной науки къ явленіямъ русской жизни, да и самая наука запада отъ 1829 г. до 1851 г. сдѣлала значительные успѣхи; не надо забывать также, что Полевому доступна была преимущественно французская наука; его преемникъ знакомъ равно и съ нѣмецкой и англійской. Конечно, и съ 1851 г. наука не стоитъ неподвижно и много новыхъ просвѣтовъ открывается на времена первоначальныя; но историкъ, занятый продолженіемъ своего труда, можетъ пользоваться только тѣмъ, что проливаетъ свѣтъ на оставшуюся ему часть пути и предоставитъ будущимъ работникамъ дополненіе того, что требуетъ дополненія въ его первыхъ шагахъ. Справедливость этого замѣчанія не можетъ однако измѣнить того значенія, которое „Исторія Россіи" пріобрѣла въ наукѣ исторической; услуга, оказанная ею въ этомъ отношеніи, останется навсегда и долго еще, и съ этой стороны, она будетъ служить указателемъ начинающимъ работу.

Широкій взглядъ, которымъ авторъ руководствовался въ своемъ

трудѣ, его знакомство съ европейскою наукою и рѣшимость поставить на надлежащую высоту отечественную исторіографію, не позволила ему ограничить свою задачу изложеніемъ однихъ событій, а побудила дать равное значеніе и былевой и бытовой исторіи.

Указавъ на то, что событія суть не иное что какъ проявленіе общественныхъ условій, г. Соловьевъ долженъ былъ обратить особенное вниманіе на эти условія и дѣйствительно на страницахъ его труда появляются обширные очерки, касающіеся вѣрованій, отношеній между сословіями, права, и въ особенности литературы и просвѣщенія разныхъ эпохъ. Если не всѣ эти стороны обработаны съ равною полнотою и внимательностію и при томъ неравномѣрно въ разныя эпохи, то не слѣдуетъ забывать, что здѣсь историкъ находится въ зависимости отъ развитія въ отечественной литературѣ той или другой отрасли знанія, и, извѣстно, что многихъ вопросовъ, напримѣръ, юридическихъ и экономическихъ, разработка коснулась только весьма недавно и то еще далеко не полна; остаются повсюду важные пробѣлы: гдѣ не взяты во вниманіе многіе источники, гдѣ остаются темными цѣлыя эпохи. Въ особенности эти замѣчанія примѣняются къ новому времени, а потому и немудрено, что и въ общемъ историческомъ сочиненіи нѣкоторыя стороны жизни минувшаго изображены болѣе или менѣе эпизодически. Спѣшу еще замѣтить, что г. Соловьевъ далекъ въ своемъ трудѣ отъ старанія скрыть пробѣлы науки произвольными соображеніями и догадками. Это очень важное достоинство его книги, ибо такимъ образомъ яснымъ оказывается, куда должны направить свои работы новые дѣятели. Такимъ образомъ, при всей своей неполнотѣ, избѣжать которой было нельзя при современномъ состояніи науки, и со стороны бытовой „Исторія Россіи“ имѣетъ свои важныя достоинства, не только потому, что она первый опытъ полнаго всесторонняго обозрѣнія прошлаго русской земли, но и по тщательной отдѣлкѣ многихъ вопросовъ, главнымъ образомъ, всего относящагося къ литературѣ: очерки литературы едва-ли не лучшіе изъ тѣхъ страницъ этой книги, которыя посвящены описанію быта; не надо забывать и того, что есть такія стороны жизни, которымъ впервые отведено мѣсто въ исторіи г. Соловьевымъ: таковъ вопросъ о вліяніи русской территоріи на исторію народа. Вопросъ этотъ, занимавшій уже и до него въ Россіи людей науки, не вносился, однако, въ историческія сочиненія.

Составитель „Исторіи Россіи“ не только внесъ свой вкладъ въ науку общимъ построеніемъ и разносторонностію своего изложенія, но онъ еще многое сдѣлалъ для критики источниковъ. Такъ, его замѣчанія о составѣ лѣтописей поражаютъ своею вѣрностью; такъ, важны многія его замѣтки на то или другое лѣтописное извѣстіе, сличенія разныхъ извѣстій объ одномъ и томъ же событіи. Когда разсказъ его дошелъ

до той эпохи, съ которой печатный матеріалъ становится неудовлетворительнымъ, онъ пошелъ искать матеріалъ въ архивахъ, и съ этой стороны „Исторія Россіи“ въ значительной степени становится источникомъ первостепеннымъ: на выписки, приводимыя авторомъ въ такомъ обиліи, изслѣдователь можетъ вполнѣ положиться; но, сверхъ того, его указанія могутъ послужить путеводною нитью для каждаго допущеннаго въ архивъ. Теперь, по крайней мѣрѣ, русская наука имѣетъ хотя общія указанія тѣхъ сокровищъ, которыя хранятся въ архивахъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ общій очеркъ событій Русской Исторіи до 1760-хъ годовъ XVIII в., основанный на несомнѣнныхъ первоначальныхъ матеріалахъ, а не на сомнительныхъ сказаніяхъ преимущественно иностранцевъ. Благодаря такому чисто-документальному направленію послѣднихъ томовъ „Исторіи Россіи“, многія событія и лица прошлаго, многія стороны русской жизни являются значительно въ новомъ свѣтѣ: вспомнимъ хотя царствованіе Елисаветы Петровны и значеніе семилѣтней войны, которая до сихъ поръ объяснялась личными причинами, а теперь оказывается политическою необходимостью; самыя событія этой войны часто получали подъ перомъ историка иной характеръ (Гросъ-Эгерсдорфское сраженіе); вспомнимъ также то значеніе русской старинной дипломатіи, которое—долго упускаемое изъ виду—теперь встаетъ, благодаря подробному пересказу С. М. Соловьева.

Такимъ образомъ, съ какой бы стороны мы ни посмотрѣли на „Исторію Россіи“, мы должны будемъ признать ее явленіемъ важнымъ, знаменующимъ наступленіе новой эпохи въ русской исторіографіи: она значительно подняла уровень научныхъ требованій и внесеніемъ разсмотрѣнія новыхъ сторонъ, и внесеніемъ новаго матеріала. Если появится художественная исторія Россіи, назначенная для обширной публики, и мы вѣримъ, что появленіе ея возможно въ довольно близкомъ времени, то авторъ такой исторіи долженъ будетъ сознаться, что многимъ онъ обязанъ „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ“, въ этомъ же сознается каждый изъ занимающихся русской исторіей, какъ бы онъ ни расходился съ г. Соловьевымъ въ воззрѣніяхъ на отдѣльныя событія и даже въ нѣкоторой степени и на общее развитіе, какъ бы онъ ни сознавалъ необходимости иного освѣщенія нѣкоторыхъ сторонъ и внесенія новыхъ почти незатронутыхъ историкомъ вопросовъ. Вотъ почему намъ кажется не только приличнымъ, но даже и необходимымъ, выраженіе общественнаго уваженія къ неутомимой и безупречной научной дѣятельности уважаемаго историка, которому большинство нынѣ пишущихъ, прямо или не прямо, обязано своимъ историческимъ образованіемъ и къ трудамъ котораго каждый изъ насъ обращается и долго будетъ обращаться въ своихъ работахъ за соображеніями, указаніями или справками.

К. Н. Бестужевъ-Рюминъ.

Родные отголоски, сборникъ стихотвореній русскихъ поэтовъ для юношества, съ рисунками И. Панова, гравированными Паннемакеромъ, изданіе П. Н. Полеваго. Парижъ и Петербургъ, 118 стр.

На русскомъ языкѣ давно не являлось такого роскошнаго иллюстрированнаго изданія, какъ это. Художникъ И. С. Пановъ, составлявшій для него рисунки, доказалъ, что онъ смѣло можетъ стать на ряду съ лучшими европейскими рисовальщиками, прославившимися заграничными иллюстраціями. Невозможно перечислить, какое богатство воображенія и художественнаго творчества, соединенное съ знаніемъ малѣйшихъ подробностей русскаго быта, разсыпано въ многочисленныхъ рисункахъ и виньеткахъ этого изящнаго сборника. Малѣйшее украшеніе, заглавныя буквы, фронтисписы, заголовки и т. п. составлены чрезвычайно красиво и совершенно въ русскомъ стилѣ. Въ сборникѣ помѣщено пятьдесятъ стихотвореній лучшихъ нашихъ поэтовъ: Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Аксакова, Тютчева, Кольцова, Никитина, Баратынскаго, Жуковскаго, Майкова, Огарева и др. Выбраны изъ нихъ небольшія пьесы или отрывки, относящіяся преимущественно къ русской жизни, русской природѣ, русскому быту.

Историческія изслѣдованія и статьи К. Побѣдоносцева. Спб. 1876 г., 352 стр. Ц. 2 р.

К. П. Побѣдоносцевъ извѣстенъ въ нашей юридической литературѣ своимъ «Курсомъ гражданскаго права», въ двухъ томахъ. Первый томъ этого замѣчательнаго труда (вотчинныя права) вышелъ вторымъ изданіемъ въ 1873 году; второй (права семейственныя и наслѣдственныя) въ 1875 г. Кромѣ того, онъ составилъ «Судебное руководство»—сборникъ правилъ, положеній и примѣровъ изъ теоріи и практики гражданскаго судопроизводства и издалъ два переводныя сочиненія религіознаго содержанія. Нынѣ вышедшій трудъ этого уважаемаго ученаго состоитъ изъ статей, печатавшихся въ разныхъ журналахъ по исторіи русскихъ учрежденій. Появленіе этого сборника авторъ объясняетъ избраніемъ его въ члены московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ и говоритъ, что предметъ, до котораго касаются предлагаемыя статьи, не утратилъ еще своего интереса. Съ этимъ нельзя не согласиться. Главная статья сборника, занимающая двѣ трети его, весьма любопытна и представляетъ сжатый, но весьма обстоятельный историческій очеркъ крѣпостнаго права въ Россіи, начиная съ эпохи Уложенія и оканчивая царствованіемъ Павла. Помѣщичья власть при Алексѣѣ Михайловичѣ, отношеніе Петра I къ крѣпостному праву, значеніе помѣстнаго владѣнія, раздача имѣній, какъ способъ увеличенія крѣпостнаго сословія при Екатеринѣ II и Павлѣ I,—оттѣнены авторомъ яркими красками и представляютъ много любопытныхъ данныхъ. Въ отдѣлѣ, озаглавленномъ «Анекдоты изъ XVIII столѣтія», разсказаны три уголовныхъ дѣла: одно, начавшееся въ 1706 году и окончившееся—въ 1744 году; второе, при Петрѣ I, какъ примѣръ очистительной пытки и третье—убійство Жуковымъ, начавшееся пыткою виновныхъ въ 1754 году и окончившееся въ 1766 любопытнымъ указомъ Екатерины II. Въ разсказѣ объ этомъ дѣлѣ много чрезвычайно любопытныхъ подробностей о томъ, какъ допрашивались у насъ обвиненные, объ остановкѣ смертной казни въ 1744 году и проч. Въ концѣ книги приложено нѣсколько старинныхъ актовъ о крестьянахъ, разныя отпускныя, покормежныя, поступныя и т. п. Вообще интересный сборникъ К. П. Побѣдоносцева цѣнный вкладъ въ отдѣлъ русскихъ историческихъ и юридическихъ книгъ.

Хроника недавней старины. Изъ архива князя Оболенскаго-Нелединскаго-Мелецкаго. Спб. 1876, 398 стр., цѣна 3 руб.

Нелединскій-Мелецкій (1752 — 1829), какъ писатель, какъ поэтъ можетъ быть поставленъ на ряду съ барономъ Дельвигомъ, Веневитиновымъ и др., имена которыхъ уже изглаживаются изъ памяти потомства. Какъ литераторъ, Нелединскій-Мелецкій не можетъ быть названъ знаменитостью, но какъ статсъ-секретарь императора Павла I, какъ искусный правовѣдъ, какъ одинъ изъ образованнѣйшихъ, честнѣйшихъ и истинно благородныхъ людей своего времени, онъ вполнѣ достоинъ доброй и многолѣтней памяти. Въ данномъ случаѣ, книгу князя Д. А. Оболенскаго можно назвать серьезнымъ пріобрѣтеніемъ исторической литературы. Въ этой книгѣ, помимо полнѣйшей біографіи Нелединскаго-Мелецкаго, рядъ самыхъ яркихъ, бытовыхъ картинъ высшаго круга въ царствованія Павла и Александра I и очень много характеристическихъ чертъ обоихъ императоровъ, государыни Маріи Ѳеодоровны и приближенныхъ къ нимъ особъ. Вошедшіе въ составъ изданія: дневникъ кн. А. П. Оболенскаго и три письма князя П. А. Вяземскаго, конечно, обратятъ на себя вниманіе читателей. Письма кн. П. А. Вяземскаго, пересыпанныя аттической солью, присущей произведеніямъ нашего маститаго литератора и искрами свойственнаго ему остроумія, могутъ служить доказательствами неувядаемости этого дарованія, свѣтскаго ума и трезваго взгляда на отношенія новаго поколѣнія къ старому, зачастую подвергающемуся не всегда безпристрастнымъ нападкамъ. Приложенія книги состоятъ изъ писемъ Маріи Ѳеодоровны и цѣлаго уголовнаго дѣла, въ которомъ преступникъ былъ уличенъ Нелединскимъ-Мелецкимъ, выказавшимъ себя при слѣдованіи не только опытнымъ юристомъ, но и весьма тонкимъ психологомъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА
„РУССКУЮ СТАРИНУ“
1876 г.

СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, три большіе тома, съ портретами русскихъ достопамятныхъ дѣятелей, гравированными на мѣди и на деревѣ, также со снимками и рисунками—**ВОСЕМЬ** руб. съ пересылкою.

Главная контора «Русской Старины» въ С.-Петербургѣ, Надеждинская, д. № 42.

Отдѣленіе главной конторы въ Москвѣ, при книжномъ магазинѣ **И. Г. Соловьева**, на Страстномъ бульварѣ, домъ Алексѣева.

☛ **Редакція отвѣчаетъ** вполнѣ за точную и своевременную доставку журнала **городскимъ** подписчикамъ главной конторы, и тѣмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которые выслали подписную сумму **по почтѣ** въ Редакцію «Русской Старины» въ Спб., Надеждинская, д. № 42, съ сообщеніемъ вполнѣ точнаго адреса.

Статьи, которыя помѣщаются въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“, относятся къ слѣдующимъ отдѣламъ:

I. Записки (мемуары) и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія (монографіи), обзоры, очерки и разсказы объ отдѣльныхъ эпохахъ и событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII и XIX-го вѣковъ.—III. Историческіе матеріалы изъ архивовъ и частныхъ собраній.—IV. Жизнеописанія и новые матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, духовныхъ и свѣтскихъ писателей, артистовъ и пр.—V. Очерки изъ исторіи русской литературы и искусствъ и матеріалы къ нимъ: неизданныя почему-либо въ свое время произведенія извѣстныхъ отечественныхъ писателей и артистовъ, ихъ переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники, статьи полемическія и проч.—VI. Историческіе разсказы, преданія и анекдоты; эпиграммы, пародіи, шутки изъ рукописной литературы XVIII и XIX-го вв.—Характерныя челобитныя, домашніе дневники, черты нравовъ русскаго общества прошлаго времени и проч. листки изъ записной книжки „Русской Старины“.—VII. Народная русская словесность: историческія, бытовыя и сатирическія пѣсни XVII и XVIII-го вв.—Стихи и пѣсни духовные и раскольничьи.—Замѣтки и выписки изъ подлинныхъ дѣлъ о суевѣріяхъ русскаго народа.—VIII. Библіографическій листокъ новыхъ, преимущественно историческихъ книгъ.—IX. Родословія русскихъ достопамятныхъ людей.

Можно получить третье изданіе „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ 1870 года цѣна **ВОСЕМЬ** рублей безъ переплета и **11** руб. въ хорош. переплетѣ съ пересылкой.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ седьмой. АПРѢЛЬ. 1876 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Записки **Михаила Гарновскаго**: дворъ императрицы Екатерины II въ 1787—1788 гг. Сообщ. **А. И. Левшинъ** 687

II. Митрополитъ Ростовскій **Арсеній Мацѣевичъ** и дѣло объ отобраніи церковныхъ имѣній въ 1762—1763 гг. Историческій очеркъ профессора **Н. И. Варсова** . 721

III. Бунтъ Беньевскаго въ Камчаткѣ, 1771 г. (Окончаніе). Статья **А. С. Сгибнева** 757

IV. Самсон-ханъ Макинцевъ и русскіе бѣглецы въ Персіи, 1806—1853 гг. Статья **Ад. П. Берже**. 770

V. Воспоминанія **Татьяны Петровны Пассекъ**, главы XV-XVII, 1828—1834 гг., очерки Москов. дворянскаго быта 805

VI. Александръ Николаевичъ **Сѣровъ**: очерки и замѣтки его о музыкѣ. Сообщ. **В. В. Стасовъ**. 853

VII. Листки изъ записной книжки «Русской Старины»: 1) Замѣтки о портретахъ Лжедимитрія I-го: а) Киліанъ, граверъ начала XVII вѣка. Сообщ. **П. Н. Петровъ** (871); б) Акварельный портретъ 1605 г. Сообщ. **Г. Н. Геннади** (873); в) Живописные портреты Самозванца и Марины Мнишекъ (874). 2) Народныя преданія: Разинъ и Пугачевъ. Сообщ. **Д. Садовниковъ** (875).

VIII. Указъ начальникамъ губерній по поводу смерти императора Петра Великаго, 1725 г. 876

IX. Библіографическій листокъ новыхъ русск. книгъ (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЯ: Къ этой книгѣ приложены: I. Точный снимокъ съ указа по поводу смерти Петра Великаго, 1725 г., подписанный главнѣйшими его сподвижниками.— II. Указатель личныхъ именъ, находящихся въ XV-мъ томѣ «Русской Старины».

Находится въ продажѣ и можно еще получить **третье изданіе** „Русской Старины“ **1870** г. Цѣна **8** руб. безъ переплета и **11** руб. въ хорошемъ переплетѣ, съ пересылкой.

Продолжается подписка на «Русскую Старину» 1876 г. Цѣна 8 руб. съ пересылкой.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева (Больш. Садовая, д. № 49—2).
1876.

IV-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го апрѣля.

Библіографическій листокъ новыхъ русскихъ книгъ.

Архивъ князя Воронцова. Книга восьмая. Москва, 1876 г., 582 стр.

Громадный и интересный архивъ семейства, занимавшаго, въ лицѣ своихъ главныхъ представителей, значительныя мѣста въ правительствѣ, дѣлается достояніемъ публики и науки, почерпнувшей изъ него много новыхъ данныхъ и свѣдѣній. Странно было бы повторять о пользѣ подобныхъ изданій, о необходимости обнародованія важнѣйшихъ бумагъ изъ архивовъ семействъ, члены которыхъ занимали въ теченіе многихъ лѣтъ видныя мѣста въ средѣ общества и служебной іерархіи. Неужели примѣръ ин. Воронцова не подвигнетъ наши именитые дворянскіе роды къ извлеченію изъ ихъ семейныхъ архивовъ богатствъ, хранящихся подъ спудомъ безъ пользы для кого бы то ни было? Неужели никогда не сдѣлаются достояніемъ исторіи бумаги Строгановыхъ, Шереметевыхъ, Салтыковыхъ, Апраксиныхъ, Безбородко и множества другихъ не менѣе извѣстныхъ фамилій?... Не хотимъ думать этого, и будемъ ждать появленія на свѣтъ документовъ и изъ другихъ русскихъ архивовъ. Само собою разумѣется, что разборъ этихъ документовъ долженъ быть порученъ лицамъ, знакомымъ съ исторіей, любящимъ науку и вполнѣ добросовѣстнымъ. Подобныя изданія фамильныхъ архивовъ не должны заключать документы, относящіеся только къ свѣтлымъ сторонамъ дѣятельности историческихъ лицъ, предковъ владѣльца архива. Исторія — не панегирикъ и должна равно сохранять безпристрастіе въ оцѣнкѣ и обнародованіи фактовъ и событій. Такія, хотя многотомныя и дорого стоившія изданія, какъ, напримѣръ, собраніе писемъ Наполеона I, обнародованное его племянникомъ, возбуждаютъ только сожалѣніе о напрасно истраченныхъ суммахъ, такъ какъ изъ переписки этой тщательно исключены всѣ письма, не приносящія чести ихъ автору, да и напечатанныя — старательно очищены отъ всѣхъ рѣзкихъ фразъ и неблаговидныхъ сужденій вѣнценоснаго автора.

По отношенію къ полнотѣ и разносторонности сообщаемаго историческаго матеріала, издатель «Архива князя Воронцова» исполнилъ трудъ свой весьма добросовѣстно и старательно. Можно лишь сдѣлать двѣ-три замѣчанія относительно, такъ сказать, редакторской стороны изданія: жаль, напримѣръ, что при обнародованіи документовъ не держались хронологическаго порядка въ размѣщеніи ихъ. Такъ, въ первомъ томѣ этого изданія, приводя документы государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ за 1742-й годъ, редакторъ продолжаетъ печатаніе ихъ въ четвертомъ томѣ и потомъ въ шестомъ, посѣщая между ними бумаги, относящіяся къ гораздо позднѣйшему времени. Нельзя не пожалѣть также, что документы, писанные на иностранномъ языкѣ, не переводятся на русскій. Такъ, вышедшая нынѣ восьмая книга почти вся напечатана по-французски, что, конечно, не можетъ быть удобно для большинства русскихъ читателей. Въ этомъ томѣ заключается автобіографическая записка графа Семена Романовича Воронцова и письма къ нему графа Ростопчина отъ 1791 по 1825-й г. (129 писемъ, изъ нихъ только три на русскомъ языкѣ). Къ нимъ присоединяются письма его же къ Александру Романовичу (всего 7, отъ 1800 по 1803 г.; изъ нихъ четыре по-русски) и къ Михаилу Семеновичу Воронцовымъ (22 письма отъ 1813 по 1825 г.). Въ концѣ тома помѣщены 23 письма Семена Романовича къ Ростопчину отъ 1798 по 1825 годъ,— все по-французски, хотя послѣднія письма были переведены въ «Русскомъ Архивѣ» 1872 года и могли бы явиться здѣсь вмѣстѣ съ подлинниками. Серію этихъ писемъ прерываетъ только документъ о первомъ дняхъ царствованія Павла I, напечатанный уже въ «Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей» 1864 г.

Въ письмахъ Ростопчина обнаруживается весьма рельефно свѣтлая личность Семена Романовича Воронцова, этого друга Питта, оставшагося вполнѣ русскимъ, несмотря на долгое пребываніе за границей. Не менѣе рельефно рисуется въ перепискѣ и самъ Ростопчинъ — остроумный, часто весьма желчный, но пристрастный и увлекающійся цѣнитель современныхъ ему людей и событій. Въ письмахъ его встрѣчаются часто самыя противорѣчивыя сужденія объ одномъ и томъ же лицѣ, но, какъ справедливо замѣчаетъ издатель Архива, въ письмахъ нельзя искать безусловной, исторической истины: въ нихъ отражаются интересы минуты, но какъ переходчива минута, такъ измѣнчивы и неточны показанія писемъ. Въ нихъ Ростопчинъ жертвовалъ иногда правдою для краснаго словца, но они несомнѣнно отличаются наблюдательностію и яркостію изложенія. Злорѣчіе же его, особенно проглядывающее въ послѣднихъ письмахъ, объясняется раздраженіемъ и одиночествомъ, въ которомъ, покинутый обществомъ, доживалъ онъ свой вѣкъ.

Цѣна 8-ми томовъ «Архива» — семнадцать руб. съ полтиной — слишкомъ высока, въ особенности если принять во вниманіе, что въ внѣшнемъ отношеніи изданіе менѣе нежели посредственно: бумага плохая, шрифтъ крупный, печать вообще разгонаста, документы печатаются безъ переводовъ—точно они предназначаются лишь для десятка изслѣдователей и для избраннаго

ГЛАВНАЯ КОНТОРА „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

въ С.-Петербургѣ, Надеждинская, д. № 42.

ОТДѢЛЕНІЕ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ

въ Москвѣ, при книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева.

ОБЪ ИЗДАНІИ ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ СТАРИНА“

ВЪ 1876-МЪ ГОДУ.

СЕДЬМОЙ ГОДЪ.

„РУССКАЯ СТАРИНА“, ежемѣсячный журналъ отечественной исторіи, исторіи литературы и искусствъ, съ портретами, гравированными на мѣди и на деревѣ, достопамятныхъ русскихъ дѣятелей, со снимками и рисунками,—въ 1876-мъ году издается въ томъ же объемѣ и въ тѣже сроки: 12 книгъ въ годъ, составляющихъ три тома, каждый болѣе 1,000 стр. большаго формата.

Подписная цѣна на годовой экземпляръ журнала, 12 книгъ:

ВОСЕМЬ рублей

съ доставкой въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ и съ пересылкою въ губерніи.

Иностранные: 10 р.—вся Европа, Египетъ и Сѣв.-Американ. Штаты;
15 р.—Азія; 16 р.—остальная Америка.

Книжные магазины пользуются при подпискѣ обычною уступкою.

Еще можно получить **третье изданіе** „РУССКОЙ СТАРИНЫ“, годъ первый, 1870 г., двѣнадцать книгъ, въ трехъ большихъ томахъ, съ портретами, снимками и шестьюдесятью рисунками (виньетами), гравирован. Акад. Сѣряковымъ, цѣна **восемь** рублей съ пересылкой.

Экземпляры „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ 1870 года, въ хорошемъ переплетѣ, продаются по **одиннадцати** рублей, 12 книгъ въ трехъ томахъ, съ пересылкой, безъ переплета—**восемь** руб. съ пересылкой.

На оборотѣ:

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція отвѣчаетъ вполнѣ за точную и своевременную доставку журнала городскимъ подписчикамъ Главной Конторы, и тѣмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которые выслали подписную сумму *по почтѣ* въ Редакцію „Русской Старины", въ Спб., Надеждинская, д. № 42, съ сообщеніемъ подробнаго адресса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, и почтовое учрежденіе, гдѣ (NB) *допущена* выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адресса просятъ извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣстожительства; при перемѣнѣ адреса: изъ городскихъ въ иногородные доплачивается 64 к.; изъ иногородныхъ въ городскіе — 50 к., и изъ городскихъ или иногородныхъ въ иностранные—недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже, какъ по полученіи слѣдующаго нумера журнала.

Билеты на полученіе журнала высылаются особо тѣмъ изъ иногородныхъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 16 коп. почтовыми марками.

Поступилъ въ продажу въ книжныхъ магазинахъ, въ С.-Петербургѣ, у *Вольфа*, *Исакова* и *Кехрибарджи* только что отпечатанный **второй томъ «Русской Родословной книги»**

Цѣна 2 рубля съ пересылкой

Тамъ же можно получить **первый томъ «Русской Родословной книги»** (*осталось немного экз.*) Спб. 1873 г., въ 8-ю д., стр. 400.

Цѣна 3 рубля съ пересылкой,

а за оба тома, заключающіе въ себѣ родословіи многихъ дворянскихъ, титулованныхъ и нетитулованныхъ фамилій,—

ПЯТЬ рублей съ пересылкой.

ЗАПИСКИ МИХАИЛА ГАРНОВСКАГО

1786 — 1790 [1]).

1787 г.

Господинъ Завадовскій дѣлалъ неоднократныя попытки просить Александра Матвѣевича (Дмитріева-Мамонова) къ себѣ на ужинъ, но Александръ Матвѣевичъ, слѣдуя совѣтамъ г-на Рибопьера, всегда отъ онаго отказывался. Декабря 6-го, нужно было г-ну Рибопьеру отлучиться въ Кронштадтъ; симъ случаемъ пользуясь, г. Завадовскій вынудилъ наконецъ, у Александра Матвѣевича обѣщаніе отъужинать 8-го числа. Г. Рибопьеръ, возвратясь изъ Кронштадта, предвозвѣщалъ его превосходительству изъ сего ужина столько хлопотъ, что Александръ Матвѣевичъ весьма былъ встревоженъ.

— «И въ самомъ дѣлѣ, стараются меня помирить съ графомъ Александромъ Андреевичемъ (Безбородко); что князь (Потемкинъ) будетъ обо мнѣ думать!»

На ужинъ прошены были и ужинали бо́льшею частью тѣ, кои къ Александру Матвѣевичу вхожи, въ томъ числѣ и г. Рибопьеръ; былъ тамъ и графъ Александръ Андреевичъ, но съ симъ Александръ Матвѣевичъ въ разговоръ не входилъ. Послѣ сего званъ Александръ Матвѣевичъ на ужинъ къ графу Брюсу и г. оберъ-камергеру (Ив. Ив. Шувалову).

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1876 г., томъ XV, стр. 9—38; 237—265; 471—499.

14-го и 15-го дня (декабря) государыня была очень нездорова. Врачи опасались приключенія горячки; но со вчерашняго дня есть Ея И. В-ву легче.

Дворъ доволенъ подвигами г. Текеллія. Однако же, графъ-докладчикъ (Безбородко) получилъ изъ Астрахани извѣстіе объ оныхъ, хотя необстоятельное, но за нѣсколько дней до пріѣзда г. Драшковскаго, 10-го сего (декабря) мѣсяца сюда пріѣхавшаго. Подвиги закубанскіе были бы еще пріятнѣе, еслибъ трехнедѣльное (по счету Ея И. В-ва 27 дней) его свѣтлости молчаніе не подало двору повода заниматься ожиданіемъ нечитанныхъ вѣстей со стороны Очаковской.

Государыня огорчена была до крайности таковымъ молчаніемъ. Отсутствіе его свѣтлости изъ Елисавета не было принято въ оправданіе. Ея И. В-ву благоугодно еженедѣльно получать отъ его свѣтлости вѣсти, хотя бы онѣ, кромѣ извѣстія о благосостояніи войскъ и полуденныхъ Россіи предѣловъ, ничего важнаго въ себѣ не заключали. А сіе, кромѣ другихъ резоновъ, и для того, чтобъ имѣть случай отвращать публику отъ лживыхъ, о положеніи нашихъ тамошнихъ дѣлъ, мыслей, почерпаемыхъ въ иностранныхъ вѣдомостяхъ, и опровергать безпрестанно носящіеся по городу несправедливые слухи.

Ея и. высочество великая княгиня (Марія Ѳедоровна) не престаетъ пребывать въ крайнемъ унынiи. Между тѣмъ, его и. высочество великій князь (Павелъ Петровичъ) продолжаетъ пріуготовляться къ походу (въ южную армію). Недавно поданъ государынѣ списокъ тѣмъ особамъ, которыхъ великій князь въ походѣ при себѣ имѣть желать изволитъ. Оныя суть: графъ Валентинъ Платоновичъ (Мусинъ-Пушкинъ), г-да Вадковской, Бенкендорфъ, Марковъ и одинъ офицеръ. Списокъ сей еще не конфирмованъ.

Данная г. Логинову отъ графа Александра Андреевича (Безбородко) къ г. Завадовскому рекомендація не возъимѣла желаемаго успѣха. Г. Волковъ настроилъ г. Судіенкова сказать г. Завадовскому, что Логинову дано было письмо для одного только наружнаго вида. Графъ Александръ Андреевичъ сердился на сіе, но перемѣнить не могъ. Одинъ Иванъ Перфильевичъ (Елагинъ) вознамѣрился подать въ пользу Логинова голосъ.

Супруга г. Завадовскаго разрѣшилась отъ бремени и на сей конецъ его пр-ство отпущенъ на 29 дней домой.

Петръ Степановичъ (Валуевъ) намѣренъ точно проситься къ вамъ. Много резоновъ есть подозрѣвать, что онъ, отпросясь потомъ въ деревню, останется во оной навсегда.

1788 г.

(Января 9 и 11-хъ чч.). Великій князь, услыша, что экипажу его, отправленному въ армію, дано было повелѣніе возвратиться сюда, представлялъ государынѣ, если Ея И. В-ву не благоугодно отпустить его въ армію, то онъ, въ такомъ случаѣ, не можетъ не согласиться съ волею ея; но ежели, сходственно съ даннымъ ему обѣщаніемъ, позволится послѣ разрѣшенія отъ бремени великія княгини ѣхать туда, то на что возвращать сюда экипажи его?

Послѣ сего позволено экипажамъ продолжать путь свой, куда они отправлены. Между тѣмъ, великая княгиня поручила графу Валентину Платоновичу (Мусину-Пушкину) принести государынѣ благодарность за то, что ея съ великимъ княземъ не разлучили [1]).

Съ тѣхъ поръ, какъ рѣшено дѣло, чтобъ великому князю до времени въ армію не ѣхать, не говорилъ онъ ничего ни съ Павломъ Сергѣевичемъ (Потемкинымъ), ни съ Михайломъ Сергѣевичемъ Потемкинымъ, ни съ г. Рибопьеромъ и даже при отпускной аудіенціи не сказалъ Павлу Сергѣевичу (Потемкину) ни слова. Напротивъ сего, съ графинею Екатериною Васильевною (Скавронскою) обходится великій князь по прежнему, то есть весьма благосклонно.

Въ концѣ прошедшія недѣли, нѣкто находившійся при дѣлахъ въ Иркутской губерніи коллежской ассесоръ Парфеньевъ [2]) подалъ государынѣ, посредствомъ дежурнаго генералъ-адъютанта графа Брюса, запечатанное письмо, въ которомъ объявя, что онъ имѣетъ донести Ея И. В-ву нѣкоторое важное дѣло, просилъ, чтобъ оное приказано было разсмотрѣть тому, кому Ея И.

[1]) См. объ этомъ въ историческихъ матеріалахъ, хранящихся въ библіотекѣ дворца въ Павловскѣ и напечатанныхъ въ «Русской Старинѣ», изд. 1873 г., томъ VIII, стр. 865—871 и др.

[2]) Доносчикъ на Якобія. Ред.

В-во заблагоразсудить изволитъ, исключая только графа Безбородко и графа Воронцова, яко людей, преступленіями въ доносѣ уличаемыхъ.

Графу Брюсу поручено было учинить екстрактъ изъ сего доноса, въ которомъ, какъ меня увѣрялъ тотъ, кто сочинялъ екстрактъ, находятся неоспоримыя доказательства, что прекращеніе нашихъ съ китайцами торговъ произошло отъ причиненныхъ китайцамъ разныхъ притѣсненій, которыя, по желанію обоихъ графовъ, производилъ въ дѣйство г. Якобій. Намѣреніе было вымучить отъ китайцевъ знатную сумму денегъ. При доносѣ приложены копіи съ писемъ, между Якобіемъ и обоими графами по сей части производившихся, и если подлинники окажутся съ копіями сходны, то, по мнѣнію сочинителя екстракта, будетъ худо помянутой троицѣ.

Государыня, прочтя екстрактъ, находилась въ превеликомъ смущеніи, не говоря объ ономъ никому ни слова; доноситель же отправленъ, для изслѣдованія дѣлъ, въ тайную экспедицію.

Чтобъ о семъ доносѣ ближе узнать мысли Ея И. В-ва, принужденъ я былъ открыть происшествіе сіе, посредствомъ г. Рибопьера, Александру Матвѣевичу, которой до вчерашняго дня ничего и ни отъ кого объ ономъ не слышалъ.

Вчерась его пр-во разговаривалъ о семъ съ государынею, которая доносителя почитать изволитъ за съумасшедшаго человѣка. Но какъ заключеніе сіе не сходно съ заключеніями сочинителя екстракта, то я думаю, что государыня и отъ Александра Матвѣевича мысли свои въ семъ случаѣ скрываетъ. Впрочемъ, быть можетъ и то, что доносителя назовутъ съумасшедшимъ, а особливо, если удастся графу Александру Андреевичу женить одного изъ Кочубеевъ на княжнѣ, дочери генерала-прокурора.

Графа Александра Андреевича грѣшно назвать явнымъ намъ недоброхотомъ, ибо тайная Богъ вѣсть; но графъ Воронцовъ злодѣйствуетъ вездѣ. Касательно требованія на переселеніе запорожцовъ денегъ одинъ только онъ горланилъ въ Совѣтѣ вопреки сему, да и когда государыня согласиться на оное изволила, то не могъ онъ удержаться не сказать:

— «Что же мы въ Совѣтѣ пѣшки представлять будемъ?»

9-го числа сего мѣсяца, Михайла Сергѣевичъ (Потемкинъ) призванъ былъ въ Совѣтъ для объясненія по нѣкоторымъ дѣ-

ламъ. Кромѣ графа Воронцова, никто Михайлѣ Сергѣевичу не противорѣчилъ. Секретарю, читавшему представленія его превосходительства, приказалъ графъ Воронцовъ вдругъ молчать; Совѣту же объявилъ:

— «Мы послѣ объ этомъ одни трактовать будемъ».

Всѣ сочлены Совѣта, услышавъ сіе, сидѣли, потупивъ глаза, не говоря ни слова. И когда секретарь, по просьбѣ Михайлы Сергѣевича, началъ вновь читать, чтобы начатое прочесть до конца, то графъ Воронцовъ и паки сказалъ грознымъ образомъ:

— «Вѣдь я уже сказалъ, что не теперь объ этомъ трактовать будемъ!»

Послѣ сего Михайла Сергѣевичъ принужденъ былъ изъ Совѣта выдти.

Тотъ же графъ, будучи въ Саратовѣ, просилъ 100,000 руб. за уничтоженіе принесенныхъ на г. Поливанова (саратовскій губернаторъ) доносовъ; но какъ сей желалъ откупиться дешевле просимой съ него суммы, то графъ не разсудилъ за благо назвать виноватаго правымъ. Его сіятельство поручилъ разсмотрѣть доносы двумъ своимъ креатурамъ, которыя, будучи менѣе богаты графа, согласились обѣлить г. Поливанова за гораздо умѣреннѣйшую цѣну. Графъ, спровѣдавъ о семъ, далъ дѣлу новой оборотъ. Стараніемъ его, г. Поливанова велѣно судить въ московскаго сената департаментахъ.

Говорятъ, что разорваніе коммерческаго съ Англіею трактата, союзу нашему съ сіею державою толико противное, основано на подобномъ вышеписанной ухваткѣ фундаментѣ. Немного Россіи барыша отъ того, что Англія не рублями, но ефимками взносить теперь въ казну обязана пошлинныя за товары деньги. Недавно велѣно было предложить англійскому министерству, что, по теперешнимъ обстоятельствамъ, заключеніе съ Англіею коммерческаго трактата менѣе нежели прежде затрудненіямъ подвержено. На сіе англійской первой министръ отвѣтствовалъ нашему посланнику:

— «О семъ поговоримъ мы послѣ».

Въ теченіи многихъ дѣлъ наблюдается старая система. Графъ Воронцовъ диктуетъ. Графъ Безбородко пишетъ и къ подписанію подноситъ. Александръ Матвѣевичъ, будучи, впрочемъ, сильнѣе всѣхъ ихъ, не входитъ ни въ какія почти дѣла.

Пошептомъ говорятъ въ городѣ, что г. Судіенковъ отправился къ его свѣтлости (Потемкину) для того, чтобъ склонить его свѣтлость на удаленіе отъ двора Александра Матвѣевича (Мамонова); къ сему присовокупляютъ, что и государыня на сіе согласна.

Отправившійся въ Малороссію г. Завадовской украшенъ рогами, Львомъ Кирилловичемъ (гр. Разумовскимъ) его превосходительству наставленными. Исторія сія не подвержена ни малѣйшему сумнѣнію.

На мѣсто г. экзекутора Рылѣева, переименованнаго преміеръ-маіоромъ и въ числѣ сухопутныхъ войскъ въ Средиземное море отправляющагося, опредѣленъ въ коллегію одинъ изъ сыновей покойнаго Адама Васильевича Олсуфьева.

Къ командованію сухопутными войсками, въ Средиземное море на корабляхъ отправленными, половина Совѣта прочила г. Гудовича, другая половина — г. Леонтьева. Дворъ же избиралъ къ сему г. Заборовскаго, нынѣ здѣсь находящагося. Въ городѣ, кромѣ Александра Матвѣевича, отъ котораго я вѣсть сію услышалъ, никто о семъ не знаетъ. Александръ Матвѣевичъ уповаетъ, что таковой выборъ не будетъ его свѣтлости противенъ.

Подношу при семъ копію съ указа, дополнительнаго къ тому, которой состоялся о нарядѣ войскъ въ Средиземное море[1]).

Третьяго дня получено здѣсь двору весьма пріятное извѣстіе, что императоръ (римскій) рѣшился уже объявить оттоманамъ войну. Интернунція (въ Константинополѣ), если не найдетъ способа къ уходу, предписано сдѣлать компанію нашему г. Булгакову (т. е. будетъ заключенъ въ крѣпость).

Носятся слухи, что князь Дашковъ въ Кіевѣ женился. Княгиня, мать его (Екатерина Романовна), крайне печалится о семъ.

Слышно также, что Евгеній Петровичъ Кишкинъ увольняется отъ дѣлъ на два года, и что должность его править повелѣно будетъ г. Архарову.

Недавно пріѣхалъ сюда изъ Москвы князь Василій Васильевичъ Долгоруковъ, который вскорѣ къ вамъ отправиться имѣетъ.

Говорятъ, что вышедшую замужъ княжну Вяземскую снаб-

---

[1]) См. приложенія въ концѣ Записокъ Гарновскаго.

дилъ приданымъ г. Сутерландъ. Это быть можетъ, ибо переводы денегъ приносятъ г. банкиру не малые доходы.

При семъ подношу и еще копію, изъ рукъ въ руки по городу носящуюся (?).

(Января 14-го). Графъ Алексѣй Григорьевичъ (Орловъ) отправился уже въ Москву. Говорятъ, что его сіятельство намѣренъ предпринять путешествіе въ чужіе краи. Сей графъ до отъѣзда своего проговорилъ въ одномъ мѣстѣ за обѣдомъ:

— «Уже слишкомъ двадцать дней прошло, какъ нѣтъ никакихъ отъ одного фельдмаршала извѣстій».

Вотъ небольшое доказательство, что и сія фамилія доброжелательствовать его свѣтлости не намѣрена, сколько бы его свѣтлость добра ей ни желалъ.

Ожидаютъ сюда графа Ѳедора Григорьевича (Орлова).

Начальство надъ отправляющимся въ Средиземное море флотомъ имѣетъ быть поручено г. Грейгу. Сей, прочевъ (т. е. по прочтеніи имъ) взятые съ полоненнаго съ кораблемъ въ Цареградѣ капитана Тизделя отвѣты, вопрошенъ былъ Ея И. В-вомъ, чтобы онъ, находясь въ обстоятельствахъ, подобныхъ Тизделевымъ, сдѣлалъ?

— «Я бы, пользуясь тогдашнимъ попутнымъ вѣтромъ, рѣшился пройти чрезъ Константинопольскій каналъ въ Средиземное море и свершилъ бы сей путь не болѣе какъ въ 30 часовъ».

Носятся площадные слухи, что графъ Петръ Александровичъ (Румянцовъ) намѣренъ отъ командованія арміею отказаться.

Его и. высочество великій князь изволитъ предполагать предпріять путь въ Елисаветъ февраля 7-го дня. Въ маршрутѣ обѣдовъ для его и. высочества не назначено, а одни только ночлеги и небольшое число растаговъ. Экипажъ е. и. в. и 75 верховыхъ лошадей отправились къ вамъ генваря 17-го дня. Великая княгиня сдѣлалась гораздо повеселѣе. Многіе заключаютъ изъ сего, что государыня изволитъ удержать великаго князя здѣсь, подъ претекстомъ беременности великой княгини.

Здоровье графа Валентина Платоновича (Мусина-Пушкина) поправляется. Кого угодно его свѣтлости (кн. Потемкину) видѣть, въ отсутствіи графа Валентина Платоновича, начальникомъ во(енной) коллегіи?

Господинъ Рибопьеръ начинаетъ и паки скучать здѣшнимъ пребываніемъ своимъ. Не благоугодно-ли будетъ подтвердить ему остаться здѣсь подъ какимъ-нибудь претекстомъ, какой вамъ изобрѣсти заблагоразсудится. Правда, онъ проживаетъ здѣсь болѣе нежели бы прожить могъ, живучи въ полку, но что дѣлать? Теперешнее дѣлъ положеніе требуетъ, чтобы онъ остался здѣсь непремѣнно, а иначе по двору будетъ во многомъ неудача. Могу похвастать, что и я принятъ Александромъ Матвѣевичемъ отмѣнно благосклонно, но не столь откровенно однако же, сколько г. Рибопьеръ. Его прев-ство нерѣдко изволитъ мнѣ показывать его свѣтлости и ваши (т. е. Василія Степановича Попова) письма, бесѣдуя при томъ со мною о дѣлахъ, до его свѣтлости касающихся, и о преданности своей къ его свѣтлости. Но съ г. Рибопьеромъ разговариваютъ и разсуждаютъ вмѣстѣ повседневно о всякой всячинѣ. Я наблюдалъ, впрочемъ, въ поведеніи моемъ равновѣсіе, дабы не быть подозрительнымъ графу Александру Андреевичу (Безбородко), котораго я столько же ласкаю.

По пріѣздѣ сюда вашихъ курьеровъ, являюсь я, избравъ удобное время, прежде всѣхъ къ графу Александру Андреевичу и напоминаю его сіятельству, что мнѣ тако поступать отъ васъ предписано, и такимъ же образомъ поступаю и у Александра Матвѣевича. Въ противномъ случаѣ былъ бы или тотъ, или другой въ претензіи. Реляціи Ея И. В-ву подносятся руками Александра Матвѣевича, но съ согласія графа Александра Андреевича (Безбородко).

Въ домѣ графа Александра Андреевича, находившемся въ теченіе 11-ти мѣсяцевъ въ крайнемъ унынiи, стало теперь повеселѣе. Наканунѣ новаго года былъ на дачѣ у его сіятельства балъ, на коемъ, кромѣ домашнихъ, также цесарскаго посла, Хорвата, Глѣбова и Демидова, находилось 156 человѣкъ принцевъ и принцессъ театральныхъ. Съ новаго года начались у него (Безбородко) и будутъ еженедѣльно представляться театральныя зрѣлища. Г. Волковъ сказывалъ мнѣ:

— «Я васъ увѣряю, что графъ сталъ теперь при дворѣ по прежнему. Вы увидите сами; съ нимъ для одного вида поступали дурно».

Напротивъ сего, люди, имѣющіе входъ къ Александру Матвѣевичу, твердятъ противное сему.

Съ Александромъ Матвѣевичемъ никогда я ни слова о Петрѣ Степановичѣ (Валуевѣ) не говорилъ и я не понимаю, съ чего ему вздумалось мнѣ сказать о немъ сегодня:

— «Кажется, пора князю (Потемкину) разстаться съ Волховскимъ. Князь всѣхъ его штукъ не знаетъ».

Будьте увѣрены, что не г. Рибопьеръ поселилъ о Волховскомъ такія мысли, а чуть-ли ни сама государыня, не знаю, отъ кого, о происках его спровѣдавшая.

Третьяго дня исходатайствовалъ Александръ Матвѣевичъ г. Храповицкому въ награжденіе 10,000 руб. Не подумайте, чтобъ это награжденіе значило что-нибудь важное. Ни мало нѣтъ. Это сдѣлано въ досаду графу Александру Андреевичу, чтобы дать публикѣ знать, будто бы Храповицкій дѣлами ворочаетъ. Въ самомъ же дѣлѣ, у Храповицкаго нѣтъ никакихъ дѣлъ. Самъ г. Храповицкій не могъ довольно надивиться пріобрѣтенному награжденію, не зная, за что оное воспослѣдовало [1]).

Уже обозъ г. Судіенкова отправился отсель, вскорѣ же и самъ онъ отправиться къ вамъ намѣренъ. О семъ сказалъ мнѣ сегодня Александръ Матвѣевичъ:

— «Я думаю, что князь не дастъ себя ему въ обманъ».

Еще до пріѣзда сюда г. Загорскаго, готовилъ я отправленіе къ вамъ, но долженъ былъ до сихъ поръ ожидать подписанія рескриптовъ и посылаемыхъ, по повелѣнію Ея И. В-ва, въ письмахъ графа Александра Андреевича, разныхъ копій. Александръ Матвѣевичъ приказалъ мнѣ увѣдомить васъ, что прежде сегодня нельзя было, за недосугами, г. Загорскаго къ вамъ отправить. Я уповаю, что письмомъ Ея И. В-ва его свѣтлость будетъ доволенъ. По пріѣздѣ г. Загорскаго, 11-го сего мѣсяца, Александръ Матвѣевичъ подносилъ Ея И. В-ву письмо его свѣтлости, въ коемъ, между прочимъ, прошено было о скорѣйшей присылкѣ на привезенныя г. Загорскимъ депеши отвѣтовъ. Государыня изволила сказать:

— «У меня княжія письма не лежатъ безъ отвѣтовъ, лишь бы князь былъ въ перепискѣ столько аккуратенъ, сколько я, и не заставлялъ бы меня ожидать своихъ курьеровъ».

Графъ Александръ Андреевичъ велѣлъ мнѣ къ послѣ зав-

---

[1]) За переписку комедій.

траму приготовить другаго курьера. Подоспѣли и еще депеши, съ которыхъ нужно сообщить его свѣтлости копіи.

На будущей недѣлѣ отправится къ вамъ требуемый г. Билеру помощникъ, и съ онымъ шифры, какъ бывшіе въ прошедшемъ году въ употребленіи, такъ и вновь выдуманные, дабы вы, въ случаѣ полученія отъ кого-либо изъ нашихъ министровъ секретныхъ депешъ, могли оныя дешифрировать.

Не безъизвѣстно, что главнокомандующимъ банками предоставлено было право завести монетной дворъ. Теперь заведеніе таковаго монетнаго двора препоручено князю Александру Алексѣевичу (Вяземскому). Оба начальники банковъ огорчены симъ до крайности. Въ Совѣтѣ занимаются теперь разсужденіемъ о недостаткѣ въ государствѣ мѣдной монеты, и князь Александръ Алексѣевичъ (Вяземскій) торжествуетъ по сей части надъ всѣми. Спасибо ему, къ его свѣтлости расположенъ онъ изрядно. Бывши недавно у его сіятельства, помогъ я ему надъ банками издѣваться и симъ его столько тронулъ, что онъ сказалъ:

— «Будь увѣренъ, любезный другъ, его свѣтлость ни по арміи, ни по строенію черноморскихъ судовъ не будетъ терпѣть въ деньгахъ недостатка. Я радъ всѣми силами служить его свѣтлости. Недавно послалъ я къ нему нарочнаго курьера съ испрошеніемъ наставленія на счетъ черноморскихъ судовъ. Ни въ чемъ и ни подъ какимъ видомъ не хочется мнѣ съ его мыслями повстрѣчаться, но, напротивъ того, чтобы все шло по волѣ его».

Множество ассигнованныхъ его сіятельствомъ вдругъ на армію денегъ утвердило истину пророчества сего.

Николай Ивановичъ (Салтыковъ), пріѣхавъ сюда, не намѣренъ былъ нигдѣ являться; но вдругъ всѣ узнали въ городѣ о его пріѣздѣ, почему онъ и принужденъ былъ посѣтить многихъ. Два раза былъ на аудіенціи у Ея И. В-ва и принятъ весьма благосклонно. Вчерась отправился онъ въ деревню, отколь онъ, не заѣзжая сюда, обратный путь продолжать къ вамъ намѣренъ. Кажется, онъ побывалъ здѣсь кстати: онъ успѣлъ объ Очаковѣ поселить во многихъ мысль, крѣпости онаго приличную.

Недавно государыня изволила спросить графа Александра Андреевича:

— «Зачѣмъ Глѣбовъ, подполковникъ, шатается здѣсь праздно?»

Графъ отвѣтствовалъ, что его свѣтлость позволилъ Глѣбову пробыть здѣсь до окончанія тяжебныхъ дѣлъ его.

И дѣйствительно, г. Глѣбовъ занимается дѣлами, ибо, выстроивъ половину огромнаго дома за 100,000, старается отстроить и другую.

Въ русскихъ газетахъ напечатана рѣчь, сочиненная г. Грибовскимъ, которую, отъ лица правительствующаго сената, намѣренъ былъ говорить въ новой годъ Ея И. В-ву Александръ Алексѣевичъ (Вяземскій); но его высокопревосход-ству исполнить сего не удалось. Государыня, выслушавъ слова: «сенатъ приноситъ В. И. В-ву благодарность....» изволила рѣчь прервать отзывомъ:

— «Я довольна благодарностію сената».

Напротивъ сего, рѣчь, говоренная преосвященнымъ Гавріиломъ, понравилась Ея И. В-ву и государыня приказать изволила подать оную себѣ на бумагѣ. Александръ Матвѣевичъ приказалъ мнѣ препроводить вамъ копію.

Г. Рибопьеру хотѣлось бы хотя не болѣе недѣли съ вами повидаться. Это бы, кажется, не худо было. Вы бы успѣли кое-о-чемъ съ нимъ переговорить, но и въ такомъ случаѣ обратно его прислать сюда нужно.

(Конецъ января). Во время пребыванія и. и. в-чествъ въ Гатчинѣ, государыня и паки изволила совѣтовать великому князю остаться здѣсь до тѣхъ поръ, пока великая княгиня разрѣшится отъ бремени, и какъ сего ожидать надлежитъ въ маѣ мѣсяцѣ, то въ іюнѣ позволено его высочеству предпріять путь въ армію. Великій князь, бывъ симъ предложеніемъ крайне недоволенъ, отвѣтствовалъ, что ко удержанію его здѣсь и тогда какой-нибудь претекстъ найдется. Государыня, получа таковой отзывъ, расположена была дать строгимъ образомъ чувствовать и словесно и письменно, что совѣты ея, не иначе какъ за повелѣнія, требующія непремѣннаго исполненія, должны быть пріемлемы; но кончилось сіе по возвращеніи ихъ и. в-ствъ изъ Гатчины, то есть, 23-го числа сего. мѣсяца, оказаніемъ съ одной стороны покорности и изъявленіемъ снисхожденія съ другой [1]).

[1]) См. объ этомъ въ подлинной перепискѣ в. к. Павла Петровича и его супруги съ императрицею Екатериною, хранящейся въ библіотекѣ дворца въ

Господинъ Архаровъ сюда пріѣхалъ. И сей чуждается теперь извѣстнаго общества.

— «Чортъ ихъ знаетъ, что имъ сдѣлалось. Всѣмъ имъ неловко, да и сами-то между собою перессорились. Перестану къ нимъ ходить, а особливо одинъ изъ этихъ господъ окруженъ все такими каналіями, что гадко на нихъ и глядѣть. Это правда, что Орловъ поѣдетъ въ чужіе краи и въ Италіи будетъ, но я дамъ себя повѣсить, если онъ флотомъ командовать будетъ. Онъ отъ сего совершенно отказался, и этотъ нажаловался государынѣ на многихъ. Что онъ думаетъ? Повѣрятъ ему?—вздоръ! На князя (Потемкина) говорили, говорили, что денегъ много истрачено по пустому, теперь государыня сама видѣла Херсонъ и разныя въ тѣхъ мѣстахъ заведенія, то можетъ-ли кто ее послѣ сего увѣрить, что деньги истрачены даромъ. Тоже надобно разумѣть и о прочихъ намѣстникахъ, которыхъ онъ почти всѣхъ ввелъ въ подозрѣніе».

При дворѣ нерѣдко бываетъ пасмурно, а особливо при полученіи ежечасныхъ вѣдомостей о почти повсемѣстномъ недостаткѣ въ хлѣбѣ. Между тѣмъ комедіи продолжаются. Дѣписатели повѣствуютъ, что бывали времена, въ которыя нѣсколько лѣтъ къ ряду случались неурожаи въ хлѣбѣ. Дай Богъ, чтобъ исторія сія была басня. О г. Синельниковѣ говорятъ вездѣ крайне дурно.

Очаковымъ занимается площадь, публика, совѣтъ и дворъ. Дворъ (т. е. Екатерина) имѣетъ къ его свѣтлости довѣренность, но прочія три части разглагольствуютъ о семъ сходственно съ ихъ познаніями, не посовѣтуясь однако же никогда съ пятью чувствами, имъ дарованными. Нѣкто изъ Совѣта, производя безразсудные ропоты на упущенія и входя въ споры, давно бы уже въ семь дней завладѣлъ Очаковымъ, еслибъ Богъ всѣхъ звѣрей надѣлилъ рогами, хотя такими, каковые ему самому носить нѣкогда случилось.

Отгадайте, кто лишилъ Москву Красной площади, остатками нѣкоторыхъ древностей гордившейся?

Указъ о нарядѣ въ Архипелагъ сухопутныхъ войскъ не есть дѣяніе рукъ коллежскихъ. У кого палка въ рукахъ, тотъ и ка-

---

Павловскѣ и напечатанной въ «Русской Старинѣ» 1873 г., т. VIII, стр. 870—871 и друг. Ред.

пралъ. По причинѣ болѣзни графа Валентина Платоновича проектъ означеннаго указа сочиненъ изъ словъ графа Брюса и буквъ графа Александра Андреевича (Безбородко), Совѣтомъ апробованныхъ. Г. Боуверъ рекомендованъ—не знаю кѣмъ. Главнымъ начальникомъ отряда имѣетъ быть г. Леонтьевъ. Охотниковъ много, кромѣ казаковъ, изъ коихъ ни одинъ несвойственной ему службы нести не желаетъ. Однако же выберутъ изъ нихъ охотниковъ, хотя по неволѣ.

Александръ Матвѣевичъ (Мамоновъ) не престаетъ продолжать своей къ его свѣтлости преданности. Боже избавь начать что-нибудь говорить, въ присутствіи его, противъ его свѣтлости. Равномѣрно и дворъ доброжелательствуетъ его свѣтлости по прежнему, въ доказательство сему можетъ служить препровождаемый при семъ отъ Ея И. В-ва тулупъ въ ящикѣ, обшитомъ черною клеенкою, собственною Ея И. В-ва рукою на имя его свѣтлости надписанномъ:

— «Князь, можетъ быть, тамъ пообносился».

Въ разсужденіи малаго числа людей на лицо въ Преображенскомъ полку, при бомбардирской ротѣ находящихся, отправленіе оныхъ къ вамъ, до вторичнаго его свѣтлости объ нихъ отзыва, остановлено. Государыня охотно ихъ отправить прикажетъ, но теперь желаетъ знать: не согласится-ли свѣтлѣйшій князь приказать напередъ укомплектовать означенную роту.

У князя Александра Алексѣевича (Вяземскаго) происходятъ теперь балы по случаю извѣстной свадьбы, 23-го числа сего мѣсяца въ домѣ его совершившіяся. Поздравя симъ его сіятельство съ моей стороны и принеся ему и паки благодарность за четырехмѣсячной отпускъ экстраординарной суммы, съ присовокупленіемъ поклона, что, кромѣ его, никто бы не въ состояніи былъ удовлетворить толь знатными суммами въ такое короткое время. Его сіятельство отозвался:

— «У меня на весь годъ деньги для его свѣтлости (кн. Потемкина) готовы. Въ мартѣ начну помышлять объ отпускѣ оныхъ на лѣтніе мѣсяцы. Сверхъ отправленныхъ мѣдныхъ денегъ, велѣлъ я записать и еще таковыхъ, если оныя его свѣтлости потребны будутъ. За хлѣбъ слѣдующія въ Смоленскую и Могилевскую губерніи деньги я заплачу, и буду оныя вычитать изъ послѣдующихъ отпусковъ».

Послѣ сего происходили шутки на счетъ банковъ, его сіятельству весьма пріятныя, а для насъ полезныя. Ибо безъ сего отпуски экстраординарныхъ суммъ производились бы помѣсячно. Графъ Петръ Александровичъ (Румянцовъ) удовольствованъ также по май мѣсяцъ посредствомъ кредитивовъ, чрезъ коллегію къ нему доставленныхъ. Червонцы дорожаютъ. Менѣе трехъ рублей десяти копѣекъ купить оныхъ нельзя. Завтрашняго дня отправлю къ вамъ 80,000 червонцевъ и 200,000 рублей мелкою серебряною монетою съ господиномъ преміеръ-маіоромъ Черниковымъ, нарочно для сего изъ здѣшняго гарнизона истребованнымъ; ассигнаціи у меня всѣ цѣлы. На червонцы нельзя было ничего обмѣнять, потому что съ нуждою и вышеписанныя 80,000 червонцевъ въ городѣ набрать можно было. Въ томъ числѣ тысячу занялъ г. Сутерландъ у графа Александра Романовича (Воронцова).

Столище графа Андрея Петровича (Шувалова) становится со дня на день хуже.

24-го числа сего мѣсяца скончался старикъ Минихъ на 88-мъ году отъ рожденія своего.

Вскорѣ отправится къ вамъ господинъ Глѣбовъ, о коемъ государыня нѣсколько разъ изволила спрашивать графа Александра Андреевича: зачѣмъ онъ здѣсь живетъ?

Подносимая при семъ копія носится изъ рукъ въ руки по городу, хотя въ ней и ничего нѣтъ похожаго на правду.

(Февраля 11-го). Въ прошломъ 1787 году выписаны были вновь изъ Англіи къ здѣшнему порту, чрезъ г. Сутерланда, разныя для черноморскаго флота вещи, коихъ, по примѣру прежнихъ, не хотѣли выпустить изъ таможни безпошлинно. Сначала адресовался я съ словесною о семъ просьбою къ его сіятельству графу Александру Романовичу Воронцову, но сей потребовалъ отъ меня письменной подачи и увѣрялъ при томъ, что, кромѣ его свѣтлости, ни для кого другаго въ свѣтѣ онъ вещей изъ таможни безпошлинно не отпустилъ бы. Подношу при семъ регистры помянутымъ вещамъ, письмо мое объ нихъ къ его сіятельству и отзывъ его ко мнѣ. Не предвидя тутъ ни малѣйшаго для его свѣтлости личнаго одолженія, я для того лично въ письмѣ моемъ ничего о его свѣтлости не упомянулъ. Теперь вещи уже отправлены на подводахъ черноморскаго флота съ генералъ-лейтенантомъ Кур-

гановымъ до Брянска сухимъ путемъ, отколь онѣ отправятся въ Херсонъ водою. Г. Курганову дано отъ меня 2,210 руб. 17 коп., изъ коихъ онъ долженъ заплатить извощикамъ за провозъ до Брянска, полагая за пудъ по 55-ти копѣекъ, 1,710 руб. 17 коп., остальные пятьсотъ рублей употребить на прокормленіе находящихся при немъ 11 человѣкъ военнослужителей, для сбереженія вещей изъ полковъ здѣшней дивизіи ему данныхъ, и на наемъ байдака до Херсона.

(Въ 20-хъ чч. февраля). На прошедшей недѣлѣ конфирмованъ поднесенной отъ правленія ассигнаціоннаго банка докладъ, коимъ уничтожено пять директоровъ и до ста-пятидесяти человѣкъ прочихъ разнаго званія чиновъ, въ вѣдомствѣ сего правленія здѣсь и по городамъ находившихся. Лишившимся мѣстъ велѣно, для полученія новыхъ, явиться въ герольдію.

Вчерась по утру трактовано въ Сенатѣ о поставщикахъ винныхъ и о чинахъ статскихъ. Касательно поставщиковъ хотятъ подражать «Титову милосердію», но чины чуть-ли не вздорожаютъ, соразмѣрно настоящей во всемъ дороговизнѣ. «Не изъ дворянъ въ чины не производить. Секретарямъ не изъ дворянъ, до сего званія дослужившимся, пребывать во ономъ чинѣ не менѣе двѣнадцати лѣтъ. Чрезъ чинъ не производить; въ одномъ чинѣ служить, по крайней мѣрѣ, три года. Въ годъ только одинъ разъ производить». Князь Александръ Алексѣевичъ (Вяземскій) отупѣлъ и со дня на день болѣе тупѣетъ. Се плоды наступившей старости и старыхъ гоненій.

Вчерашняго дня, послѣ обѣда, отвратилъ Богъ отъ Россіи великое несчастіе. Одинъ изъ фонарей, висящихъ въ эрмитажѣ, упалъ въ нѣсколькихъ шагахъ позади императрицы, во время хожденія Ея И. В-ва въ эрмитажѣ. Велѣно, чтобъ впредь фонари не на вервіяхъ, но на цѣпяхъ висѣли.

Извѣстный доносъ похожъ на правду; вскорѣ прибудетъ сюда г. Якобій и другіе изъ отдаленныхъ мѣстъ къ сему дѣлу причастные. Доноситель Трифоновъ, а не такъ, какъ я прежде его назвалъ. Онъ находился предъ симъ секретаремъ при г. Якобіѣ, гдѣ будучи имѣлъ случай запастись какъ копіями, такъ и подлинниками въ немаломъ числѣ. Содержавшись у г. Шешковскаго болѣе недѣли, ходитъ онъ теперь по волѣ, жительство

имѣетъ, однако же, у г. Шешковскаго же, утверждающаго, что еще не было доноса, подобнаго сему, съ столь ясными доказательствами. Мнѣ пересказано содержаніе только трехъ бумагъ, при доносѣ находившихся:

1-е — письмо г. Осунскаго, служащаго секретаремъ при г. Якобіѣ, къ нѣкоему Ладыженскому: «Дворъ, получа извѣстіе о прекращеніи съ китайцами торговъ, крайне досадовалъ. Но... подателя сего проситъ Иванъ Варфоломеевичъ (Якобій) употребить къ угоовариванію китайцевъ, чтобъ они учинили на границы наши нападеніе. Если китайцы произведутъ сіе въ дѣйство, тогда и паки донесено будетъ двору, которой принужденъ будетъ прислать къ намъ войско. Извѣстные вамъ при дворѣ многомогущіе люди тако сего желаютъ. Тогда-то достигнемъ мы до намѣреній нашихъ».

2-е — отвѣтъ Ладыженскаго: «Письмо секретаря вашего я получилъ. Желалъ бы я получить таковое за подписаніемъ собственной вашей руки, дабы тѣмъ удобнѣе могъ соотвѣтствовать волѣ вашей».

3-е — отвѣтъ г. Якобія къ г. Ладыженскому: «Подтверждаю секретаремъ моимъ къ вамъ писанное». Были и другія гораздо важнѣе сихъ бумагъ, которыхъ, однако же, Трифоновъ, кромѣ г. Шешковскаго, никому не показывалъ; государыня грозитъ сдѣлать по сему дѣлу примѣрное наказаніе:

— «Не могу оставить безъ примѣрнаго наказанія людей, мною облагодѣтельствованныхъ, довѣренность же мою во зло употребляющихъ».

По пріѣздѣ г. Якобія имѣетъ быть учрежденъ комитетъ подъ предсѣдательствомъ графа Брюса.

..... (Безбородко?) только и держится по дѣламъ иностранной коллегіи, да и будетъ, сколько мнѣ кажется, держаться.

— «Не за кого взяться!»

Съ пріѣзда г. Завадовскаго извѣстная связь склеилась крѣпче. Повседневно обѣдаютъ у почтоваго двора и ужинаютъ у новаго рогоносца. Впрочемъ, кажется, какъ будто бы всѣ дѣла находятся въ разстройствѣ.

Г. Сухарева велѣно судить въ сенатѣ.

Велѣно, словесно, подавать отъ коллегіи ежемѣсячныя о числѣ больныхъ, въ обѣихъ арміяхъ находящихся, вѣдомости.

(Вторая половина февраля). Всѣмъ у пріему при дворѣ прошеній находящимся докладчикамъ велѣно, принимая прошенія, немедленно по онымъ докладывать. Графъ Александръ Андреевичъ удѣлилъ послѣ сего изъ числа набранныхъ имъ прошеній по нѣскольку сотоварищамъ своимъ. Еще до сего графъ просилъ государыню, чтобъ его отъ должности принятія челобитень уволить и, по примѣру предмѣстниковъ его, опредѣлить въ сенатъ. Государыня изволила отвѣтствовать на сіе:

— «Хорошо, посмотримъ».

Говорятъ, что Ивану Ивановичу Шувалову велѣно посовѣтовать графу Андрею Петровичу (Шувалову) идти въ отставку.

16-го числа сего мѣсяца, г. ректмейстеръ докладывалъ государынѣ прошеніе господъ Собакиныхъ [1]), приносившихъ жалобу въ томъ, что дѣла ихъ касательно раздѣла отцовскаго имѣнія до сихъ поръ не приведены къ окончанію. Губернатору жестоко вымыли за сіе голову.

— «Я давно слышу и знаю, что у васъ всѣ дѣла такъ заведены, чтобъ даромъ ничего не дѣлать».

Въ сей день Дворъ былъ не веселаго расположенія и въ сей день пріѣхалъ сюда г. Драшковской [2]). Къ старой досадѣ присовокупилась новая, дней съ пять къ ряду продолжавшаяся. Государыня недовольна, не получая отъ его свѣтлости отвѣта на такую статью, на какую Ея И. В-во съ нетерпѣливостію отвѣта ожидать изволила; не знаю, однако же, на какую именно. Нужно его свѣтлости продолжать съ Александромъ Матвѣевичемъ переписку, однако же всегда такую, которую бы можно было показывать Ея И. В-ву.

По пріѣздѣ Драшковскаго, государыня, поразмолвясь съ Александромъ Матвѣевичемъ (Мамоновымъ), пролежала на другой день въ постелѣ. Теперь опять все ладно.

Сіятельнѣйшая графиня Екатерина Васильевна (Скавронская) вчерашняго числа въ вечеру занемогла. Неизвѣстно, лихорадка-ль или горячка ея сіятельство въ постелю свалила. Данное ея сіятельству рвотное нѣсколько болѣзнь ея облегчило.

Въ здѣшнюю управу благочинія взяли недавно одного купца

---

[1]) Т. е. Яковлевыхъ, дѣтей Саввы Яковлевича.

[2]) Пріѣхалъ вторично. Въ первый разъ былъ 25-го сентября 1787 г. **Ред.**

подъ стражу, котораго, не давъ ему знать вины преступленія его, продержали подъ арестомъ три дни. Узнавъ о семъ, совѣстный судъ приказалъ, на основаніи высочайшаго учрежденія, оштрафовать управу 800 руб., изъ коихъ 300 руб. Никита Ивановичъ заплатить долженъ.

По дѣламъ г. Поливанова (саратовскаго губернатора) старается здѣсь родной братъ его, а какъ жена сего содѣлалась Рейсъ-ефендіевою (т. е. гр. Безбородко) любовницею, то думаютъ, что дѣла Поливанова преобразятся въ другой видъ.

Е. с. графу Валентину Платоновичу (Мусину-Пушкину) данъ недавно указъ, коимъ предписано давать строгій отчетъ въ деньгахъ, во время присутствія великаго князя въ Гатчинѣ на прогоны издерживаемыхъ; въ прошломъ году издержана на сіе знатная сумма денегъ. Великій князь огорченъ симъ до крайности.

Прежде нежели назначенъ къ командованію войсками сухопутными, въ Средиземное море отправляемыми, г. Заборовской, г. Грейгъ рекомендовалъ Ея И. В-ву г. Гантвиха. Государыня изволила дать знать, что для сего дѣла потребенъ человѣкъ греческаго исповѣданія.

Г. экзекуторъ Рылѣевъ рѣшился остаться при коллегіи по прежнему.

Подношу при семъ копіи съ манифестовъ, грековъ, сербовъ и молдаванъ къ ополченію противу агарянъ ободряющихъ.

(Февраля 23-го). На томъ самомъ основаніи, какъ я предъ симъ писалъ, успѣлъ я съ банковымъ на первый годъ долгомъ поквитаться нѣсколько часовъ прежде, нежели его сіятельство князь Александръ Алексѣевичъ (Вяземскій) получилъ о семъ письмо отъ его свѣтлости. Сіе полезно было многихъ ради причинъ: 1) Еще до наступленія срока начали въ банкъ вступать отъ покупщиковъ кричевскихъ деньги, которыхъ нынѣ собрано болѣе 30,000 руб. Сихъ денегъ не только въ банкѣ принимать не хотѣли, но и намѣрены были отправить ихъ обратно къ тѣмъ, отъ коихъ оныя вступили, толкуя, что, не приведя касающихся до перевода дѣлъ къ окончанію, банкъ съ покупщиками кричевскими не можетъ имѣть дѣла. Спасибо банковому директору г. Туманскому, съ помощію котораго стоило мнѣ не мало труда удержать означенныя деньги. Хотя партикулярно въ банкѣ о

семъ нужно было хлопотать до срока, чего его сіятельство князь Александръ Алексѣевичъ (Вяземскій), не зная обстоятельства дѣла, исполнить бы не могъ и родились бы изъ сего, наконецъ, хлопоты, расчеты и переписки на долгое время. 2) Сначала писалъ ко мнѣ г. Шталь, что, за исключеніемъ проданнаго имѣнія, осталось на его свѣтлости ежегоднаго банковаго долгу 92,640 руб., но потомъ, учиня точнѣйшій съ покупщиками расчетъ, какъ вы изъ подносимой при семъ записки усмотрѣть изволите, открылось, что осталось на его свѣтлости ежегоднаго въ банкѣ долгу только 89,760 руб. Сколь скоро вступятъ въ банкъ отъ покупщиковъ кричевскихъ всѣ 42,240 руб., то я оные поворочу въ экстраординарную сумму, изъ которой поступило отъ меня въ банкъ толикое же число денегъ въ добавокъ къ той суммѣ, которую принялъ я здѣсь по ассигнаціи г. Шталя. Данную мнѣ изъ банка квитанцію препроводилъ я къ г. Шталю.

Кажется, хлопочу я о пользѣ дѣлъ его свѣтлости (кн. Потемкина) столько, сколько болѣе не можно, не имѣя даже времени и не дерзая напомнить о себѣ, что, по теперешней во всемъ дороговизнѣ, принужденъ претерпѣвать нужду и въ покровѣ и въ пищѣ, яко вещахъ, необходимо человѣку нужныхъ.

(Мартъ). За нѣсколько времени предъ симъ украдены у г. Сутерланда, изъ кабинета его, золотые часы. Покража оныхъ столь чувствительна была г. Сутерланду, что онъ не только публиковалъ объ оной въ газетахъ, но и просилъ убѣдительнымъ образомъ г. оберъ-полиціймейстера о дачѣ строжайшаго приказанія полицейскимъ служителямъ, чтобы сіи употребили наиприлежнѣйшее стараніе въ отыскиваніи вора. Нѣкто изъ пріятелей г. Сутерланда, провѣдавши колико онъ въ семъ случаѣ заботился, написалъ къ нему дружеское, но шуточное письмо, въ коемъ, между прочимъ, изъяснился тако: «Какъ часы ваши украдены посѣтившимъ васъ съ Олимпа Юпитеромъ, то всѣ поиски, клонящіеся къ поимкѣ онаго, будутъ тщетны; ибо воръ удалился съ добычею паки на высоту неприступнаго жилища своего». Сей совѣтъ г. Сутерланду понравился. Онъ вознамѣрился объ украденныхъ часахъ болѣе не думать, да и г. оберъ-полиціймейстера просилъ о томъ же. Разговоръ съ симъ послѣднимъ былъ слѣдующаго содержанія:

Историческое явленіе въ домѣ оберъ-полиціймейстера.

Сут. — Хотя я ваше превосходительство прежде и просилъ объ учиненіи поисковъ надъ похитителемъ часовъ моихъ, но теперь прошу болѣе о семъ уже не пещись.

Об. — «Для чего?»

Сут. — Для того, что я вора знаю.

Об. — «Кто онъ таковъ? Какъ его зовутъ?»

Сут. — Юпитеръ.

Об. — «Что онъ за человѣкъ? Гдѣ онъ живетъ?

Сут. — На Олимпѣ!

Об. — «На Олимпѣ! Я эдакаго урочища здѣсь не знаю и никогда не слыхивалъ. (*Потомъ оборотясь къ стоявшимъ въ комнатѣ его полицейскимъ штабъ- и оберъ-офицерамъ*). Право не знаю! Да, да, бишь не на Петербургской-ли это сторонѣ?»

Одинъ изъ офицеровъ отвѣтствовалъ:

— Нѣтъ, ваше превосходительство, я знаю нѣмца Юпитера. Онъ серебрянникъ и живетъ въ Мѣщанской.

Об. — (*Къ Сутерланду*): «Не онъ-ли?»

Сут. — Нѣтъ! Тотъ, которой мои часы укралъ, грекъ.

Об. — (*Къ офицерамъ*). «Не знаетъ-ли кто эдакова грека?»

Оф. — Не знаемъ.

Об. — «Ну, чортъ его знаетъ, гдѣ искать!»

Ежели бы спустя дней нѣсколько послѣ сего, графъ Кирилла Григорьевичъ (Разумовскій) не истолковалъ г. оберъ-полиціймейстеру о Юпитерѣ и Олимпѣ, то бы онъ о сю пору ничего объ нихъ не зналъ. Между тѣмъ въ городѣ довольно сему смѣялись.

Графъ Яковъ Александровичъ (Брюсъ) занемогъ 22-го числа прошедшаго февраля желчью, по всему его тѣлу разлившеюся. Его сіятельство хотя не суевѣръ, однако же исцѣленіе недуга сего не хотѣлъ поручить искусству врачей-книжниковъ. Слѣдуя совѣту одного изъ своихъ офиціантовъ, вылечился графъ совершенно и въ короткое время нижеписаннымъ средствомъ: онъ смотрѣлъ въ продолженіе полутора часа на живую въ небольшомъ суднѣ безпрестанно плавающую щуку до тѣхъ поръ, пока оная, всосавъ въ себя непостижимымъ образомъ всю графскую желчь, околѣла. Таинство симпатическаго сего леченія происхо-

дило въ присутствіи многихъ находящихся при его сіятельствѣ штабъ- и оберъ-офицеровъ.

(Мартъ 1787 г.?). Вслѣдствіе полученнаго въ коллегіи сообщенія его свѣтлости о размѣщеніи нѣкоторыхъ полковниковъ въ полки, г. Поликарпову предписано указомъ отправиться немедленно и непремѣнно въ полкъ, куда онъ, 7-го марта, и дѣйствительно отправился уже. Сколько г. Поликарповъ ни старался, чтобы напередъ принести его свѣтлости благодарность за доставленіе ему полковничьяго чина, въ Кіевѣ, или гдѣ бы его свѣтлость ни изволилъ обрѣтаться, однако-жъ въ томъ ему не только на-отрѣзъ отказано было, но и въ подтвержденіе рекомендовано, чтобы онъ указу не противился. Его и. в. Великій князь, бывъ сначала на то согласенъ, чтобы г. Поликарпову ѣхать напередъ въ Кіевъ къ его свѣтлости, при которомъ случаѣ его высочество предполагалъ снабдить его рекомендательнымъ письмомъ, вдругъ потомъ изволилъ г. Поликарпову объявить:

— «Настоящія обстоятельства требуютъ, чтобы ты, не бывъ въ Кіевѣ, отправился прямо въ полкъ. Мое письмо сей разъ не только не будетъ для тебя полезно, но и вредно. Не входя въ изслѣдованіе причинъ, дѣлай то, что тебѣ графъ Валентинъ Платоновичъ совѣтуетъ, то есть поѣзжай въ полкъ и старайся заслуживать благоволеніе его свѣтлости».

Извѣстно, что Ея И. В-во не весьма благоволитъ къ сему новому полковнику. Сіе, кромѣ прочихъ доказательствъ, заключаютъ и изъ слѣдующаго происшествія. Въ то время, когда былъ наборъ кавалеровъ для и. и. в. молодыхъ принцевъ (Александра и Константина), и со стороны великаго князя представлены были кандидатами господа Плещеевъ и Поликарповъ, государыня изволила тогда сказать:

— «Сіи люди нужны его высочеству, да сверхъ сего они великіе въ свѣтѣ знатоки, и болѣе знаютъ, нежели подобаетъ знать кавалерамъ, назначаемымъ къ молодымъ воспитанникамъ».

Вотъ, уповательно, причина, почему графу Валентину Платоновичу (Мусину-Пушкину), да послѣ того и великому князю не хотѣлось, чтобы Поликарповъ съѣздилъ въ Кіевъ съ рекомендательнымъ отъ его высочества письмомъ. Я сіе заключаю и изъ собственныхъ словъ его высочества, Поликарпову сказанныхъ:

— «Пріѣздъ твой въ Кіевъ и мой о тебѣ туда отзывъ надѣлаютъ, есть-ли паче чаянія государыня о семъ спровѣдаетъ, его свѣтлости хлопотъ. Да куда ты къ князю хочешь ѣхать? и почему ты знаешь, что князь находится въ Кіевѣ?»

Изъ сего явствуетъ, какъ великій князь не думалъ, чтобы его свѣтлость находился по сіе время въ Кіевѣ, то посему и опасался снабдить туда Поликарпова письмомъ, дабы оное, въ случаѣ отсутствія его свѣтлости, не попалось въ руки Ея Величеству. Да какъ его высочеству и думать о семъ иначе можно было, когда, въ чемъ я смѣло васъ увѣрить могу, исключая одного судіи и имянно случайнаго человѣка, живущаго въ домѣ, окруженномъ львами, ввесь городъ твердилъ, что его свѣтлости нѣтъ въ Кіевѣ. Одни говорили, что его свѣтлость удалился изъ Кіева, потому что государыня изволитъ негодовать на него по поводу принесенной графомъ Задунайскимъ жалобы, прежде мною упомянутой. Другіе толковали, что его свѣтлость отправленъ по нѣкоторой коммисіи въ Варшаву. Еще другіе, что его свѣтлость находится въ другихъ мѣстахъ въ Польшѣ, а нѣкоторые утверждали и то, что его свѣтлость умеръ. Вѣрите-ли, что уже три воскресенія къ ряду, какъ по крайней мѣрѣ тысяча человѣкъ меня о семъ вопрошали, изъ коихъ каждому надлежало на его статью давать пристойный отвѣтъ. Вчерась, то есть, въ воскресенье, нѣкто изъ преданныхъ его свѣтлости, второклассной, у коего я былъ на поклонѣ, спросилъ меня, гдѣ Василій Степановичъ (Поповъ)? и какъ я ему сказалъ: въ Кіевѣ, то онъ вторично спросилъ меня: развѣ Василій Степановичъ не съ княземъ? На что я отвѣтствовалъ ему, что и его свѣтлость изволитъ находиться въ Кіевѣ. Я сіе тѣмъ смѣлѣе сказать могъ, ибо зналъ, что къ вышеупомянутому судіѣ писано было, что его свѣтлость, купно съ графомъ Александромъ Андреевичемъ, еще недавно изволили ѣздить въ Бѣлую церковь, и того же дня въ Кіевъ возвратились. Послѣ сего вопрошавшій меня баринъ сказалъ:

— «Боже мой, а меня увѣрили, что князь точно въ Варшаву поѣхалъ».

Вы изъ сего ясно усмотрѣть изволите, что таковыми о его свѣтлости повсемѣстными въ здѣшнемъ городѣ сказками занимаются духи, не только въ нижнемъ, но въ верхнемъ парламентѣ, еще въ превосходнѣйшемъ числѣ; разность сказокъ

сихъ состоитъ только въ томъ, что приверженные и доброхотствующіе его свѣтлости, услышавъ оныя, тоскуютъ чистосердечно и, вопрошая о семъ, имѣютъ видъ, прискорбіе и печаль изображающій; когда, напротивъ того, другіе, наслаждаясь сокровенно въ сердцѣ своемъ подобными сему лжишивательствами и ласкаясь событіемъ оныхъ, являютъ, вопрошая объ оныхъ, на лицѣ своемъ притворную улыбочку, коварныя помышленія маскирующую. Однако же и сіи робкія души, произнося имя его свѣтлости, трепещутъ.

Великій князь подарилъ Поликарпову при отъѣздѣ 500 руб. и сертукъ самаго темнѣйшаго зеленаго сукна, съ красными обшлагами, сказавъ ему при томъ, что:

— «Ты можешь такіе сертуки и въ полку ввести въ моду».

Таковые сертуки уже и прошлаго года на половинѣ его высочества носили.

Носятся здѣсь также слухи, что на кавказской линіи, по причинѣ бунтующихъ горскихъ народовъ, не весьма обстоитъ благополучно.

Михельсонша родила недавно сына; посему е. и. в. великая княгиня соизволила быть воспріемницею и, какъ извѣстно, что Михельсонъ, живши предъ симъ не въ лутшемъ съ женою согласіи, нынѣ живетъ съ нею согласнѣе, то думаютъ, что онъ для того съ нею живетъ нынѣ согласно, что она родила ему сына, не любилъ же ее потому, что прежде все дочерей рожала Но я о семъ иначе заключаю.

Михельсонъ человѣкъ пронырливый. Зная, что госпожа Бенкендорфша состоитъ у ея и. в-ва великой княгини въ милости, Михельсонъ весьма часто посылаетъ теперь жену свою къ сей госпожѣ на поклонъ, уповая симъ средствомъ найти себѣ кредитъ на половинѣ великаго князя. Вотъ причина Михельсонова съ его женою согласія. Впрочемъ, я знаю, что Михельсонъ престрашной волокита и любитъ женщинъ горячаго сложенія, то по сему увѣренъ я, что онъ холоднокровную жену свою никогда искренно любить не станетъ [1]).

---

[1]) Въ «Русской Родословной книгѣ» изд. 1873 г., томъ I-й, стр. 235-я, значится у Ив. Ив. Михельсона одинъ сынъ — Григорій, родившійся 24-го апрѣля 1791 г.; но если приведенныя выше страницы (707—709) относятся къ 1787 г., а не къ 1788 г. какъ ошибся Лонгиновъ, помѣстивъ этотъ листокъ подъ 1788-мъ

(Неизвѣстно какого мѣсяца?) Чрезмѣрная Петра Степановича (Валуева) задумчивость и частыя воздыханія, сопровождаемыя произнесеніемъ словъ: «ахъ, какъ бы далъ Богъ съ честью отъ князя отстать», удостовѣряютъ, что онъ, содѣлавшись помѣщикомъ, содѣлался купно и нарушителемъ собственнаго своего покоя. Я не думаю, чтобъ кто-нибудь мучился неизвѣстностью будущаго болѣе, какъ онъ. Изъ числа нравственныхъ его свойствъ трусость, недовѣрчивость и самолюбіе виднѣе прочихъ. Побуждаясь дѣйствіемъ сихъ страстей, нерѣдко напоминаетъ онъ мнѣ:

— «О, князь претонкой человѣкъ! — а Василій Степановичъ! знаете-ли вы его? — нѣтъ, сударь, вы его не знаете, а я знаю, довольно знаю».

Отвѣтствуя всегда, что мы, имѣя волю избирать себѣ начальниковъ, по выборѣ оныхъ обязаны долгомъ повиноваться имъ, а не качества ихъ разсматривать, не нравлюсь я Петру Степановичу, хотя, впрочемъ, и не нахожусь съ нимъ въ ссорѣ.

Третьяго дня посылалъ я къ нему нарочнаго, съ которымъ имѣлъ онъ слѣдующій разговоръ:

В.—Часто-ли вы бываете у Гарновскаго?

Ч.—Рѣдко. Да что и бывать по пустякамъ. Онъ также смотритъ къ верху, какъ и Василій Степановичъ. Ну, ужъ люди. Не дай Богъ имѣть съ ними дѣла.

В.—Правда: и я это примѣтилъ. Чертъ знаетъ, на кого этотъ Гарновскій надѣется. Онъ думаетъ князю своею перепискою понравиться, — вздоръ! Князь его даже терпѣть за это не будетъ. А Василій Степановичъ! — худо его Гарновскій знаетъ. Пусть только Василій Степановичъ пріѣдетъ сюда, то и станутъ его, какъ онучу, употреблять. Вотъ въ чемъ награжденіе ему состоять будетъ.

Ч.—Какою перепискою понравиться?

В.—Онъ, я думаю, всякую всячину пишетъ къ Василію Степановичу.

Ч.—Что же онъ пишетъ? онъ, мнѣ кажется, ничего не знаетъ.

В.—Конечно, не знаетъ. Поретъ, что вздумается.

Ч.—Неужели онъ такъ неосновательнъ?

годомъ, каковая ошибка несомнѣнна, такъ какъ гр. Безбородко съ кн. Потемкинымъ ѣздили въ Бѣлую церковь въ февралѣ 1787 г. (Сообщ. Н. И. Григоровичемъ), то не былъ-ли у знаменитаго Михельсона еще сынъ, умершій въ малолѣтствѣ и въ родословіи опущенный? Ред.

В.—Знаете-ли? никого не слушаетъ и даже дружескимъ совѣтамъ не внемлетъ. Кричитъ вездѣ и распинается за князя. Посудите! его-ли это дѣло? Никого изъ большихъ не почитаетъ, ну, пропащій человѣкъ. Намъ-ли съ большими людьми связываться? вѣдь за собаку пропадешь. Недавно подавалъ онъ о рекрутахъ записку, которою многихъ господъ огорчилъ. Это ему не такъ легко съ рукъ сойдетъ, какъ онъ думаетъ. У меня, слава Богу, есть кусокъ хлѣба, а у него что? Будетъ раскаиваться, да поздно. Нѣкоторые господа просили его къ себѣ обѣдать, а другіе ужинать; однако же онъ изъ одного упрямства не поѣхалъ къ нимъ.

Ч. — Богъ съ нимъ, какъ посѣетъ, такъ и пожнетъ. Что слышно о графѣ-докладчикѣ (Безбородко)?

В.—Мамоновъ съ ногъ его валитъ. Такъ и валитъ съ ногъ. Однако же Мамоновъ не Ланской покойникъ. Дастъ онъ себя знать и другимъ. Жалко, графъ предобрый человѣкъ. Ну, что будетъ, если Василій Степановичъ поступитъ на его мѣсто?—бѣда! пропали челобитчики. Съ нимъ и чертъ не сладитъ. Охъ, Василій Степановичъ! (покиваша главою) знаю я его; я увѣренъ, что Василій Степановичъ менѣе графа князю преданъ будетъ. Тогда онъ болѣе свои интересы и выгоды наблюдать станетъ.

Ч.—Неужели говорятъ объ этомъ?

В.—Чертъ ихъ знаетъ, что они затѣяли. Охъ, князь! Князь претонкой человѣкъ. Князь скоро сюда будетъ.

Ч.—Право?

В.—Такъ точно. Я это вѣрно знаю. Только Богъ знаетъ зачѣмъ. Вы ничего не слышали?

Ч.—Нѣтъ.

В.—Говорятъ, что начинаютъ уважать старика фельдмаршала графа Петра Александровича, однако же сей пишетъ государынѣ, что ему дали босую, нагую и невооруженную армію, которую противъ непріятеля никакъ вести нельзя. Представьте вы себѣ, что у насъ дѣлается? Фельдмаршалъ старикъ, право, человѣкъ съ достоинствами. У насъ, видите, никто не надобенъ, а теперь понадобился и Лошкаревъ, который недавно посыланъ былъ къ очаковскому пашѣ, чтобы склонить онаго къ сдачѣ крѣпости за извѣстную сумму денегъ; однако же паша не согласился. Представьте, и Лошкарева ласкаютъ теперь, котораго Василій Степановичъ почиталъ за ничто.

Услышавъ вѣсти сіи и выправясь о помянутомъ графскомъ представленіи, опровергъ я оное тотчасъ въ присутствіи графа Александра Андреевича (Безбородко) разными неоспоримыми доказательствами, а особливо нѣкоторыми собственными графа Петра Александровича рапортами и коллежскими журналами, совершенно убѣждающими, что неисправность въ войскахъ украинской арміи (если оная существуетъ) происходитъ единственно отъ того, что графъ Петръ Александровичъ (Румянцевъ) нерѣдко изъявлялъ недоброхотство въ исполненіи данныхъ ему, касательно реформы полковъ, изъ коллегій предписаній. Означенное представленіе графское читано уже въ Совѣтѣ. И такъ, я принужденъ буду, сколь скоро графъ Валентинъ Платоновичъ изъ Гатчины сюда прибудетъ, доложить его сіятельству, чтобъ онъ оное, яко несправедливое и въ предосужденіи должности коллегіею написанное, постарался въ Совѣтѣ [1]) опорочить.

Петръ Степановичъ (Валуевъ) просится къ вамъ для отдачи въ дѣлахъ своихъ отчета. Онъ знаетъ, что вы теперь заняты дѣломъ. И такъ, ему не въ томъ нужда, чтобъ явиться къ вамъ съ отчетомъ, но въ томъ, чтобъ побывать у себя въ деревнѣ.

Дворъ. — «Боюсь, чтобъ князь не пріѣхалъ теперь сюда. Онъ чрезъ это потеряетъ въ публикѣ всю свою репутацію. Однако же онъ вѣрно скоро сюда будетъ, я знаю его».

Глѣбовъ. — «Графъ Александръ Андреевичъ не въ такомъ теперь согласіи съ графомъ Воронцовымъ и г. Завадовскимъ, какъ было прежде. Графъ Петръ Александровичъ поднимается, а въ екатеринославской арміи только и воиновъ, что галера «Десна».

Сегюръ. — «Графъ Безбородко князя любитъ; но Воронцовъ мѣшалъ всему. Теперь Воронцовъ не такъ съ графомъ, какъ было прежде».

Чуть-ли Сегюръ, о которомъ знаютъ, что его свѣтлость его любитъ, не настроенъ говорить тако. Многіе думаютъ, что графъ Александръ Андреевичъ для того разстраиваетъ связь свою съ графомъ Воронцовымъ, чтобъ показать его свѣтлости свою преданность. Но это дума, Богъ знаетъ, правда-ли.

Какое бы ни было его свѣтлости намѣреніе, но я всѣхъ увѣ-

[1]) Есть такіе люди въ Совѣтѣ, которымъ зажимать ротъ нужно. **М. Г.**

ряю, что его свѣтлость вскорѣ сюда быть изволитъ. Это нужно для того, чтобъ содержать многихъ въ страхѣ. Слава Богу, что послѣ отправленія рескрипта, никто о скоромъ прибытіи сюда его свѣтлости не сумнѣвается.

Г. Мейносъ, будучи весьма доволенъ дворомъ, особливо же его свѣтлостію, не замедлитъ своимъ къ вамъ пріѣздомъ.

Теперь производятся здѣсь сильные изъ гвардіи и кадетскихъ корпусовъ выпуски. Сегодня выпущено изъ греческой гимназіи двадцать человѣкъ.

Господину губернатору Коновницыну предписано было объѣздить въ здѣшней губерніи всѣ казеннаго вѣдомства селенія, приглашая крестьянъ къ переселенію въ полуденныя мѣста. Почти всѣ крестьяне казенные согласны; да и помѣщичьихъ много охотниковъ явилось, кои думали, что и до нихъ таковое предложеніе касается.

Здѣсь, въ Ригѣ и въ прочихъ остзейскихъ городахъ, а можетъ быть въ Москвѣ и другихъ мѣстахъ, скитается весьма много праздношатающихся людей. Не благоугодно-ли его свѣтлости составить и еще волонтирской полкъ?

Ея сіятельство графиня Екатерина Васильевна (Скавронская) была нездорова. Жестокая простуда причинила ей въ лѣвой щекѣ, въ ушахъ и въ горлѣ, такой вредъ, что къ истребленію онаго надлежало шпанскою мухою пользоваться. Слава Богу, теперь есть легче и гораздо легче.

Александръ Матвѣевичъ (Мамоновъ) намѣренъ употребить всѣ силы, чтобы съ его свѣтлостію никогда не ссориться.

— «Я знаю, что дворъ иногда старается нашу братью съ княземъ поссорить, однако же меня до этого никогда довести не въ состояніи никто».

(Мѣсяца?) Дворъ былъ весьма доволенъ отзывомъ его свѣтлости, курьеромъ Тиле сюда привезеннымъ. Нѣкоторымъ наводило однако же скуку неполученіе писемъ отъ васъ. Я извинялъ васъ слабостью здоровья, множествомъ дѣлъ, которыми вы заняты, и скоростью отправленія курьера Тиле.

Александръ Матвѣевичъ, любя г. Рибопьера чрезвычайно, думаетъ, что сей единственно изъ угожденія къ его превосходительству здѣсь оставленъ. Почитая г. Рибопьера совершенно

преданнымъ себѣ человѣкомъ, его превосходительство неизвѣстенъ, что г. Рибопьеръ ведетъ съ вами переписку, о которой, если бы онъ зналъ, то, несмотря на то, что она не содержитъ въ себѣ ничего его превосходительству предосудительнаго, не имѣлъ бы онъ, по своей скромности и недовѣрчивости, теперешнія къ г. Рибопьеру довѣренности. Не худо бы было писать иногда къ г. Рибопьеру, кромѣ дѣлъ, вамъ потребныхъ, и такія письма, которыя можно было показывать его превосходительству, чего съ послѣднимъ вашимъ письмомъ нельзя было сдѣлать по причинѣ похвалы, въ началѣ вашего письма, заключеніямъ его изъявленнымъ.

Присланные къ вамъ изъ Астрахани виноградъ и арбузы поднесены мною его превосходительству Александру Матвѣевичу, ея сіятельству графинѣ Екатеринѣ Васильевнѣ, Екатеринѣ Ивановнѣ, Александрѣ Степановнѣ и г. Рибопьеру. Виноградъ былъ чрезвычайно хорошъ и гораздо лутше того, который прямо ко двору привозили. Онъ столь его превосходительству Александру Матвѣевичу полюбился, что часть онаго поднесена Ея И. В-ву.

Ввесь городъ ожидаетъ прибытія его свѣтлости вскорѣ.

Желая испытать силы Александра Матвѣевича, совѣтовалъ я г. Рибопьеру, еще до полученія имъ послѣдняго вашего письма, сдѣлать его превосходительству касательно васъ предложеніе. Вчерашняго дня г. Рибопьеръ, пользуясь веселымъ его превосходительства расположеніемъ, происшедшимъ отъ отзыва его свѣтлости, его превосходительству крайне полюбившагося, отозвался тако:

— «Слава Богу, дѣла наши хорошо идутъ, князь тебя любитъ, Василій Степановичъ тебѣ преданъ, ты ихъ также любишь, одного намъ недостаетъ...»

— А чего? спросилъ Александръ Матвѣевичъ.

— «Чтобы сбыть съ рукъ нашего недоброхота (Безбородко), а на его мѣсто возвести....»

— Трудно, отвѣтилъ Александръ Матвѣевичъ, однако же....

Выпускъ изъ греческаго корпуса учиненъ, какъ мнѣ кажется, не безъ происковъ директора онаго.

21-го марта. На прошедшей недѣлѣ, пришедъ по утру на поклонъ къ Александру Матвѣевичу, его превосходительство изволилъ спросить меня: что вы (т. е. В. С. Поповъ) ко мнѣ

пишете? оправились-ли вы отъ болѣзни? Я отвѣтствовалъ, что, между прочимъ, изволите требовать аптечки.

— «Какъ? аптечки! сказалъ его превосходительство; пожалуйте, не посылайте, сдѣлайте одолженіе, не посылайте. Я пошлю ему такую, которою онъ будетъ очень доволенъ».

Послѣ сего, его превосходительство, потребовавъ пера, чернилъ и бумаги, изволилъ написать записку, которую поручилъ господину Зотову поднести Ея И. В-ву. Чрезъ пять минутъ принесли отвѣтную записку, изъ которой его превосходительство далъ мнѣ знать только сіи слова: «аптечку для Попова я велѣла тотчасъ приготовить».

И такъ, вмѣсто одной, получите вы вдругъ двѣ аптечки, одну даръ Екатерины и другую поднесеніе Рейнсесово.

Его сіятельство графъ Александръ Андреевичъ желаетъ знать, что прикажете дѣлать съ Юговичемъ, переводчикомъ нашимъ, и отправить-ли его на флотѣ въ Средиземное море?

Въ пакетѣ, подъ № 4, изволите вы найти прекрасные стихи, подносимые вамъ г. Нарцискинымъ.

О прочихъ обстоятельствахъ донесетъ вамъ Иванъ Степановичъ (Рибопьеръ).

Марта 27-го. Его пр-ство Александръ Матвѣевичъ приказалъ мнѣ, отправляя сего курьера, просить васъ донести его свѣтлости, что Ея И. В-во желаетъ на письмо ея имѣть отъ его свѣтлости скорый, а при томъ, и обстоятельный отвѣтъ, ибо чинимыя въ Швеціи воинскія пріуготовленія обращаютъ на себя все вниманіе нашего двора и учрежденнаго при ономъ Совѣта. Я радъ, что государыня изволила рѣшиться требовать, въ семъ случаѣ, совѣта отъ его свѣтлости, ибо сіе послужитъ дѣйствующимъ лицамъ новымъ напоминовеніемъ, что они не во всемъ и не вездѣ всесвѣдущія.

Александръ Матвѣевичъ не теряетъ силы, да и партія не ослабѣваетъ. Ярость перваго противу послѣднихъ укрощается чинимыми отъ двора подарками, до коихъ первой великой охотникъ; дворъ же (т. е. Екатерина) не щадитъ оныхъ потому, что симъ средствомъ содержитъ между обѣими равновѣсіе. Отъѣздъ отсель Ивана Степановича многимъ пріятенъ, а для насъ совершенно вреденъ. Утверждаю, что пріятенъ не только по мно-

гимъ примѣчаніямъ моимъ, но и по словамъ Александра Матвѣевича:

— «Разставаясь съ Иваномъ Степановичемъ, плакалъ я, какъ ребенокъ. Желалъ бы быть съ нимъ навсегда вмѣстѣ, но по теперешнимъ обстоятельствамъ нельзя сему никакъ помочь. Скажу вамъ то, что я скрылъ и отъ самого Ивана Степановича. Три недѣли тому назадъ, какъ государыня изволила мнѣ сказать: «Рибопьеру пора ѣхать. Онъ имѣетъ полкъ, а теперь военное время». Посудите, что послѣ сего дѣлать?»

Изъ сего видно, что дворъ, почитая Ивана Степановича за предводителя его пр-ства, отъѣздомъ его доволенъ. Вреденъ отъѣздъ Ивана Степановича для насъ потому, что для уловленія его пр-ства разставлены сѣти. И сіе утверждать буду, кромѣ другихъ примѣчаній, собственными же его пр-ства словами:

— «Какой прекрасной цугъ ямскихъ лошадей у Петра Васильевича (Завадовскаго)! Знаете, онъ мнѣ хотѣлъ его подарить, однако же, я не взялъ, хотя, впрочемъ, подобнаго цугу въ городѣ нѣтъ».

И такъ нужно Ивана Степановича прислать сюда обратно.

Псковскаго пѣхотнаго полку подполковникъ Языковъ отправленъ въ Швецію для развѣдыванія о тамошнихъ воинскихъ пріуготовленіяхъ.

Его и. в. великій князь крайне холоденъ ко всѣмъ тѣмъ, кто его свѣтлости принадлежитъ, исключая ея сіятельства графини Катерины Васильевны. Надобно думать, что великій князь подозрѣваетъ, будто бы отъѣзду его въ армію помѣшалъ его свѣтлость. Однако же теперь его и. в-ство сдѣлался повеселѣе и съ превеликимъ жаромъ пріуготовляется вновь къ походу.

Ея сіятельство графиня Катерина Васильевна не успѣла ничего писать, потому что изволила отправиться во дворецъ для принесенія ихъ и. высочествамъ благодарности за то, что во время болѣзни ея сіятельства ихъ высочества о здоровьѣ ея сіят. изволили ежедневно освѣдомляться.

Четвертаго дня благоугодно было Ея И. В-ву посѣтить нечаянно конногвардейской его свѣтлости домъ (Таврической дворецъ). Вновь сооруженныя въ залѣ колонны крайне Ея И. В-ву понравились. Служителямъ, при помянутомъ домѣ находящимся, пожаловано 100 руб., а модель римской Петропавловской церкви велѣно перенести въ эрмитажъ.

Мнѣ велѣно курьера сего отправить безъ всякаго задержанія. Подношу вѣдомость, какова подана была государынѣ отъ графа Брюса о состояніи здѣшней дивизіи, на прошедшей недѣлѣ.

Апрѣля 5-го. Отзывъ о прибавочной суммѣ почелъ его сіятельство князь Александръ Алексѣевичъ (Вяземскій) за сдѣланной ему со стороны его свѣтлости выговоръ.

—«Не отъ меня зависитъ сдѣлать прибавку. Я самъ предвидѣлъ, что оная потребна будетъ, и для того спѣшилъ ассигнованіемъ туда денегъ до наступленія предписанныхъ именнымъ указомъ сроковъ, а при томъ старался доставлять таковыя, сколько возможно было, въ натурѣ. Теперь на меня же сердятся и мнѣ выговариваютъ. Пусть его свѣтлость пришлетъ исчисленіе, я доложу государынѣ. Мелкою-то серебряною монетою, которую только и берегъ для его свѣтлости, сколько отправлено!»

При семъ восклицаніи возведены были очи на небо, изображенное гіероглифомъ комнатнаго потолока. Выслушавъ сіе, старался я напередъ увѣрить его сіятельство, что свѣтлѣйшій князь чувствуетъ всѣ его одолженія, потомъ внушилъ ему, что отзывъ о прибавочной суммѣ есть ничто иное, какъ преданное благоразсмотрѣнію и благоволенію его сіятельства представленіе. Отвѣты сіи и присовокупленныя ко онымъ другія примѣчанія, кои предшествовали и кои сопровождаемы были покорность изъявлявшими поклонами, произвели въ мысляхъ его сіятельства желаемое дѣйствіе, ибо тотчасъ сдѣлался онъ и веселѣе и благосклоннѣе.

— «Хорошо, любезный другъ, конечно, прибавка потребна, спорить противъ сего нельзя. Были подобные сему примѣры и во время прошедшей войны. Кто могъ предвидѣть такую неслыханную и въ Россіи никогда небывалую дороговизну! Почему, какъ мнѣ, такъ и его свѣтлости, можно было угадать, что четверть муки обойдется не дешевле семи рублей? Какъ же не быть прибавки, когда по исчисленію отпускается за четверть только по 4 руб. по 50 копѣекъ? Ты говоришь также, любезный другъ, что его свѣтлость кормитъ не малое число войскъ такихъ, которыя въ росписаніи не показаны. Это стоитъ уваженія. Да для чего на нихъ ничего не требовано? Пусть свѣтлѣйшій князь при-

шлетъ исчисленіе, или я сдѣлаю таковое примѣрное, которое пошлю къ нему на аппробацію».

Услышавъ слова «примѣрное исчисленіе» изъ устъ, не всегда сердцу ихъ свойственные глаголы произносящихъ, и у коихъ деньги почитаются кумиромъ Юпитеромъ, доложилъ я его сіятельству, не прикажетъ-ли сдѣлать таковое исчисленіе въ коллегіи?

— «Хорошо,—сказалъ онъ,—прежде однако же нежели оное ко мнѣ по формѣ вступить, покажите мнѣ его партикулярно».

Вчерась по утру былъ я съ онымъ у его сіятельства и онъ встрѣтилъ меня тако:

— «Здравствуй, любезный другъ. Я, право, считалъ, что мнѣ дѣлаютъ выговоры, анъ, прочевши письмо въ другой разъ, вижу—твоя правда».

Послѣ сего, дабы пріуготовить ко внятію просьбы о деньгахъ духъ, къ выдачѣ оныхъ несклонный, пропѣлъ я въ честь его сіятельству, въ присутствіи всѣхъ его секретарей, прозою нѣсколько кантатовъ, къ чему, правду сказать, подалъ поводъ самъ его сіятельство разсказами о дѣяніяхъ своихъ, честь, славу и пользу государству приносящихъ. Весьма при семъ случаѣ не позабыты были любовь къ отечеству и преданность къ особѣ Ея И. В-ва.

Дошло дѣло до суммъ, нынѣ стараніемъ его и попеченіемъ въ обѣ арміи на чрезвычайные расходы отпускаемыхъ. Тутъ я, поблагодаря вновь его сіятельство за скорое оныхъ доставленіе, поднесъ со всевозможнымъ подобострастіемъ исчисленіе мое. Приступивъ къ разсмотрѣнію онаго, когда я примѣтилъ, что каждая прочтенная статья производила въ немъ вздохи, оханья и возведенія глазъ на небо, то я, напротивъ сего, при каждой же статьѣ дѣлалъ низкіе поклоны и проклиналъ неслыханную дороговизну. Прочтя всю бумагу, какая сдѣлалась въ немъ перемѣна, казалось, какъ-будто приключилось ему, Богъ знаетъ, какое несчастіе, въ такомъ онъ смятеніи находился. Сначала слышно было неоднократное повтореніе три милліона, жалостнѣйшимъ голосомъ произносимое, потомъ происходили подобныя впадшему въ отчаяніе человѣку тѣлодвиженія. Наконецъ, по долгомъ молчаніи, воспослѣдовали отзывы слѣдующіе:

— «Да, надобна прибавка; еслибъ я это зналъ сначала, то бы старался запасти деньги, но теперь гдѣ оныя вдругъ взять! Правда, есть у меня внѣ государства деньги, но чтобъ оныя

получить, надобно вести переписку—туда почта идетъ 65 дней, да оттуда 65 дней. Я послалъ къ его свѣтлости исчисленіе, о чемъ докладывалъ и государынѣ. Буду теперь ожидать отвѣта, или, хорошо, пусть ваше исчисленіе подпишетъ графъ Валентинъ Платоновичъ (Мусинъ-Пушкинъ) и, при письмѣ своемъ, пришлетъ оное ко мнѣ; я поднесу оное государынѣ и буду стараться просимыя деньги исходатайствовать. Я многимъ полезенъ быть могу, только самъ для себя вреденъ и дуренъ. Спать не могу, когда озабоченъ какимъ ни есть дѣломъ. Охъ, Боже мой, переживу-ли я это хлопотливое время! Всѣ только требуютъ, а никто въ мою часть не входитъ. Намедни говорилъ въ Совѣтѣ, что изъ Бѣлоруссіи много людей въ Польшу уходитъ, и предлагалъ, чтобъ противъ сего приняты были мѣры. Однако же, хоть ты говори, хоть нѣтъ, все равно. Земли у насъ много, но что значитъ земля безъ людей? Вѣдь никто объ этомъ не думаетъ».

При семъ случаѣ одинъ изъ его секретарей сказалъ:

— «Ваше сіятельство, надобно, чтобъ нашимъ людямъ было лутше у насъ, нежели тамъ, куда они бѣгутъ, тогда они не будутъ отъ насъ бѣгать».

По выходѣ моемъ отъ его сіятельства, вышли со мною вмѣстѣ господа Левъ Елагинъ и Борзовъ. Первой изъ нихъ, остановя меня, сказалъ:

— «И я вчерась говорилъ его сіятельству, что до трехъ милліоновъ надобно прибавить, но онъ насилу и на два соглашался. Между тѣмъ, за нужное нахожу сообщить вамъ слѣдующее. Правда, теперь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ четверть или куль муки, вѣсомъ въ девять пудовъ, продается по семи рублей четверть; но тамъ, гдѣ вы хлѣбъ покупаете, можетъ быть въ кулѣ не болѣе семи пудовъ вѣсу, то не лишнее-ли поставили вы въ исчисленіи вашемъ, требуя за таковой куль по семи рублей съ полтиною?»

Я на сіе отвѣтствовалъ, что въ моемъ исчисленіи ничего не упомянуто, ни о кулѣхъ, ни о вѣсѣ, а только о мѣрѣ, о которой и ему извѣстно, что четверть продается по семи рублей съ полтиною и дороже, съ провозомъ же и сего дороже.

Извѣстно, что и двору представленія о деньгахъ непріятны, а еще сего непріятнѣе Совѣту, гдѣ завтра о семъ трактовать будутъ, ибо письмо и при ономъ исчисленіе, съ коихъ подношу

при семъ копіи, отправлены къ его свѣтлости князю Александру Алексѣевичу вчерашняго дня. И такъ, подача исчисленія отъ лица коллегіи, кажется мнѣ, будетъ его свѣтлости пріятна. Между тѣмъ прошу дать наставленіе, держаться-ли сей подачи, или требовать и еще прибавки, и какой именно? Надобно знать, что князь Александръ Алексѣевичъ сожалѣетъ о выдачѣ денегъ не отъ недоброжелательства къ его свѣтлости, но отъ закоренѣлой привычки хранить и копить деньги.

(Продолженіе слѣдуетъ).

АРСЕНІЙ МАЦІЕВИЧЪ, МИТРОПОЛИТЪ РОСТОВСКІЙ

(По поводу XXV-го тома «Исторіи Россіи» г. Соловьева).

въ 1762—1763 гг.

«Общественные идеалы не выдумываются и не навязываются; они слагаются сами собою, вырабатываясь постепенно историческою жизнію народа и передаются отъ одного поколѣнія другому безчисленными нитями живаго преданія».

Изъ одного предисловія.

I.

О личности Арсенія Маціевича и его знаменитомъ дѣлѣ у насъ писано довольно. Починъ разработки этого интереснаго эпизода въ нашей церковной исторіи принадлежитъ И. А. Чистовичу, который, на основаніи документовъ государственнаго архива, первый изложилъ въ общихъ чертахъ, какъ біографію Арсенія, такъ и все дѣлопроизводство, возникшее въ св. синодѣ по поводу его „доношеній". Почтенный ученый ограничился впрочемъ лишь документальнымъ изложеніемъ дѣла, съ точки зрѣнія офиціальныхъ актовъ, бывшихъ у него подъ руками. Поэтому трудъ его вызвалъ дополнительное изложеніе фактовъ и критическія замѣчанія извѣстныхъ нашихъ историковъ: гг. Соловьева, покойнаго М. П. Погодина, графа М. Толстаго и другихъ (замѣчанія эти напечатаны въ газетѣ „День", гдѣ помѣщено и изслѣдованіе г. Чистовича). Нѣсколько позже, въ „Чтеніяхъ московскаго общества исторіи и древностей" напечатанъ и самый текстъ знаменитаго перваго „доношенія" преосвященнаго Арсенія св. синоду. Наконецъ, въ прошедшемъ году, въ „Православномъ Собесѣдникѣ" напечатаны „Чтенія изъ русской церковной исторіи за время царствованія Екатерины II" г. Знаменскаго, въ которыхъ почтенный профессоръ, пріобрѣтшій въ нашей духовной литературѣ вполнѣ заслуженную извѣст-

ность своими капитальными трудами по исторіи русской церкви, посвящаетъ нѣсколько главъ разсказу о секуляризаціи церковныхъ и монастырскихъ имуществъ при Екатеринѣ II и о „протестѣ"— какъ называетъ онъ „доношенія" Арсенія — противъ этой мѣры со стороны ростовскаго митрополита. Авторъ Чтеній сгруппировалъ массу фактическихъ подробностей, разбросанныхъ въ документальныхъ данныхъ, обнародованныхъ дотолѣ, и освѣтилъ свой оживленный разсказъ комментаріями съ своей точки зрѣнія.

Но во всѣхъ этихъ статьяхъ сторона біографическая и анекдотическая играетъ болѣе важную роль, чѣмъ самое дѣло Арсенія, и документальное изложеніе въ нихъ имѣетъ мѣста лишь настолько, насколько оно, по понятіямъ авторовъ, необходимо для характеристики Арсенія, которому исключительно одному приписывается, въ качествѣ не то эксцентрика, не то фанатика и человѣка безпокойнаго, все дѣло. Мы поэтому съ нетерпѣніемъ ожидали появленія въ свѣтъ XXV-го тома „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ" г. Соловьева, въ которомъ почтенному московскому ученому, при изложеніи первыхъ годовъ царствованія Екатерины II, предстояло подвести итогъ всему, что писано дотолѣ о дѣлѣ Арсенія и произнесть свой, если не окончательный, то во всякомъ случаѣ компетентный приговоръ историка, изрекающаго свои вердикты sine ira et studio, отрѣшившись отъ всякой тенденціи и предвзятой мысли. Съ появленіемъ въ прошедшемъ году означеннаго тома, наши ожиданія оправдались, но не вполнѣ: мы боимся, что читатель не будетъ удовлетворенъ ни тѣмъ освѣщеніемъ, какое даетъ г. Соловьевъ излагаемымъ имъ фактамъ, ни тѣмъ окончательнымъ заключеніемъ по этому дѣлу, къ какому онъ приходитъ по изложеніи всѣхъ его подробностей. Мы хотимъ предложить здѣсь, съ своей стороны, нѣсколько дополнительныхъ замѣчаній и свѣдѣній, руководясь, главнымъ образомъ, подлиннымъ архивнымъ дѣломъ объ Арсеніѣ Маціевичѣ, которое, какъ намъ кажется, г. Соловьевъ не исчерпалъ со всею тою полнотою и съ тѣмъ вниманіемъ, какихъ оно заслуживало въ интересѣ изученія замѣчательной личности Арсенія и его еще болѣе замѣчательнаго дѣла.

II.

О личности Арсенія почтенный историкъ не нашелся сказать что-либо хорошее. Отзываясь скудостію біографическихъ свѣдѣній о знаменитомъ ростовскомъ митрополитѣ, онъ приводитъ въ своемъ разсказѣ о немъ лишь такіе штрихи и детали, которые рисуютъ Арсенія въ некрасивомъ свѣтѣ. „Арсеній,—такъ начинаетъ г. Соловьевъ свой

трактатъ о его дѣлѣ,—не былъ похожъ ни на одного изъ двухъ главныхъ представителей ученой дружины малороссійскихъ монаховъ, которые начали вызываться въ Великую Россію при Петрѣ I-мъ, не имѣлъ ни высокихъ духовныхъ стремленій св. Димитрія Ростовскаго, ни ловкости, уклончивости, умѣнія жить—Ѳеофана Прокоповича. Онъ отличался отсутствіемъ сдержанности, болѣзненною раздражительностію, которая вела его къ очень непріятнымъ стокновеніямъ" (стр. 245 и слѣд.). Арсенія, далѣе, компрометируетъ, въ глазахъ историка, то обстоятельство, что до самаго воцаренія Елисаветы Петровны, „онъ былъ въ постоянной опалѣ, его удаляли изъ столицы, отъ высшихъ степеней іерархіи, посылали въ камчатскую экспедицію".

Намъ кажется не историчною такая постановка сужденія объ исторической личности. По прочтеніи этихъ строкъ, у простодушнаго читателя-профана естественно возникаетъ вопросъ: ужели въ самомъ дѣлѣ таковъ идеалъ историческаго дѣятеля, какимъ рисуетъ его въ этихъ словахъ г. Соловьевъ? Ужели историческому дѣятелю, для того, чтобы историкъ призналъ его историческое значеніе и заслуги и удостоилъ его болѣе или менѣе благосклоннаго отзыва, нужно непремѣнно подражать кому-либо изъ своихъ предшественниковъ, тѣмъ болѣе — „отличаться уклончивостію, ловкостью, умѣніемъ жить", разумѣя подъ этимъ послѣднимъ терминомъ тѣ способы пріобрѣтенія общественнаго положенія, которые обыкновенно практикуются въ эпоху упадка народовъ и ихъ нравственнаго разложенія? Какъ же, послѣ этого, думать о тѣхъ герояхъ исторіи, которымъ обязана своимъ поступательнымъ движеніемъ человѣческая мысль, кѣмъ созидалось грандіозное зданіе общечеловѣческой и христіанской цивилизаціи,— которые не склоняли своей гордой головы ни предъ какими кумирами и, конечно, не почему иному, какъ по этой причинѣ, нерѣдко сходили въ могилу непризнанные въ своихъ заслугахъ для государства и человѣческаго общества? Какъ будетъ судить г. Соловьевъ о тѣхъ благороднѣйшихъ представителяхъ человѣчества, которыхъ, по выраженію апостола, не былъ достоинъ весь міръ, и которые, однако-жъ, скитались въ пустыняхъ и вертепахъ и въ пропастяхъ земныхъ—скорбяще, озлоблени, въ милотяхъ и козіихъ кожахъ? „Отсутствіе сдержанности, болѣзненная раздражительность! Уклончивость, ловкость, умѣніе жить!" Выходитъ, по г. Соловьеву, что

> «Притворствовать предъ оглашеннымъ свѣтомъ
> Намъ иногда духовный долгъ велитъ,»

какъ поучаетъ у Пушкина одинъ почтенный pater. Это-ли мораль исторіи, которая, по выраженію незабвеннаго Н. М. Карамзина, „должна

быть священною книгой народовъ, скрижалью откровеній и правилъ, завѣтомъ предковъ потомкамъ, дополненіемъ и изъясненіемъ настоящаго, примѣромъ для будущаго?" Наконецъ, вотъ мораль, которую преподаетъ пастырю и служителю церкви слово Божіе: „ты же злопостражди, яко добръ воинъ Іисусъ Христовъ", пишетъ апостолъ Павелъ Тимоѳею. Что, если въ душѣ Арсенія дѣйствительно таились „сѣмена небесной благодати", не той іезуитской благодати, о которой говоритъ вышеупомянутый pater, а благодати дѣйствительной, той, которая, по ученію священнаго писанія, преподается пастырямъ Христова стада въ таинствѣ священства, и Арсеній въ своей дѣятельности не былъ ничѣмъ инымъ, какъ только добросовѣстнымъ исполнителемъ долга своего званія? Вотъ вопросъ, которымъ, по нашему мнѣнію, можно и должно было задаться историку, коль скоро онъ рѣшился произнесть свое сужденіе объ Арсеніѣ и его дѣлѣ, и проштудировать съ этой точки зрѣнія біографію Арсенія было бы, по нашему мнѣнію, въ высшей степени поучительно.

„Извѣстія о жизни его (Арсенія),— говоритъ далѣе г. Соловьевъ,— отличаются краткостію и темнотою". Это правда, хотя не до такой степени, какъ кажется почтенному историку. Въ синодальномъ архивѣ сохранилось, между прочимъ, біографическое показаніе Арсенія, данное имъ въ 1739 году, очевидно неизвѣстное г. Соловьеву, хотя оно уже напечатано г. Григоровичемъ въ „Ярославскихъ (и перепечатано въ Кіевскихъ) епархіальныхъ вѣдомостяхъ.

Но если біографическія свѣдѣнія объ Арсеніѣ, дошедшія до насъ, и не настолько подробны, насколько это было бы желательно, за то не много можно найти въ нашей исторіи личностей, нравственная физіономія которыхъ и характеръ ихъ стремленій были бы до такой степени ясны и опредѣленны, а вмѣстѣ съ тѣмъ, съ точки зрѣнія безпристрастной объективной исторіи, столь почтенны, какъ нравственная физіономія и характеръ стремленій Арсенія Маціевича. Въ самомъ дѣлѣ, въ ту злополучную и позорную для русскаго государства эпоху его исторіи, когда господствующее въ государствѣ вѣроисповѣданіе русскаго народа было преслѣдуемо и гонимо, Арсеній является энергическимъ и замѣчательно компетентнымъ борцомъ за дѣло православія, объ руку съ приснопамятнымъ исповѣдникомъ православія Ѳеофилактомъ Лопатинскимъ. Литературная дѣятельность его открывается блестящей апологіей „Камня Вѣры" противъ пасквиля лютеранскаго на этотъ трудъ Стефана Яворскаго [1]). Далѣе слѣдуетъ

[1]) Объ этомъ сочиненіи см. «Обзоръ русс. дух. литературы Филарета Черниговскаго». книга 2-я, стр. 85 и слѣд.

весьма тяжеловѣсный, по справедливости столь высоко цѣнимый въ нашей противораскольнической литературѣ полемическій трудъ его: „Дополненное обличеніе отвѣтовъ выгорѣцкихъ пустосвятовъ, данныхъ іеромонаху Неофиту“ [1]). Затѣмъ заслуживаетъ вниманія рядъ докладовъ, подробно и съ замѣчательною ученостію изложенныхъ: о лучшемъ устройствѣ синодальнаго управленія церкви (докладъ этотъ составленъ и поданъ императрицѣ Елисаветѣ Арсеніемъ вмѣстѣ съ Амвросіемъ Юшкевичемъ), о формѣ присяги для духовенства и архіереевъ, доклады св. синоду по поводу проекта отобранія монастырскихъ и церковныхъ имѣній въ казну: для того времени это цѣлая духовно-юридическая литература. Затѣмъ, въ патріотическое царствованіе императрицы Елисаветы, Арсеній занимаетъ одно изъ видныхъ мѣстъ въ той блестящей плеядѣ проповѣдниковъ-публицистовъ, къ числу которыхъ принадлежатъ Амвросій Юшкевичъ, Кириллъ Флоринскій, архимандритъ Владиміръ Каллиграфъ и самъ Дмитрій Сѣченовъ. Наконецъ, по удаленіи въ Ростовъ, онъ занимается неустанно проповѣдываніемъ слова Божія своей паствѣ, организаціей духовнаго образованія въ епархіи, полемикой съ расколомъ. Двѣнадцать толстыхъ рукописныхъ томовъ [2]) его проповѣдей и замѣтокъ разнаго содержанія представляютъ весьма краснорѣчивое свидѣтельство о весьма почтенныхъ его трудахъ и на этомъ поприщѣ. Это-ли „недостатокъ высокихъ духовныхъ стремленій св. Димитрія“, въ которомъ обвиняетъ Арсенія г. Соловьевъ?

Въ лицѣ Арсенія, во всякомъ случаѣ, предъ нами является величавый образъ представителя міровоззрѣнія, органически-развившагося

---

[1]) Объ этомъ сочиненіи см. «Православный Собесѣдникъ» 1861, т. 3-й.

[2]) Рукописи эти составляютъ собственность библіотеки ярославской духовной семинаріи, куда поступили, вмѣстѣ съ библіотекой Арсенія, послѣ его осужденія и ссылки. Изъ двѣнадцати томовъ сохранилось, впрочемъ, только одиннадцать, такъ какъ первый томъ этого собранія утраченъ (по крайней мѣрѣ намъ не былъ доставленъ). Проповѣди Арсенія всѣ почти не обработаны, не имѣютъ надлежащей гомилетической формы и вполнѣ литературной отдѣлки: это, большею частію, рядъ набросковъ, конспектовъ и выписокъ изъ св. писанія и твореній святоотеческихъ. Но, при всемъ томъ, изъ нихъ вполнѣ видно, что и въ дѣлѣ проповѣди Арсеній сталъ на новую дорогу сравнительно со своими предшественниками: вмѣсто схоластическаго построенія, онъ даетъ въ нихъ образцы здравой катехизаціи, вмѣсто разныхъ анекдотическихъ подробностей изъ исторіи гражданской и апокрифическихъ разсказовъ изъ исторіи церковной и свѣдѣній изъ средневѣковыхъ бестіаріевъ, которыми думали придавать интересъ своей проповѣди его предшественники, онъ даетъ чистое ученіе церкви, изложенное въ твореніяхъ святоотеческихъ, какъ этого требовалъ и Ѳеофанъ Прокоповичъ въ своемъ регламентѣ, хотя въ проповѣднической практикѣ знаменитый іерархъ далеко не осуществлялъ этихъ требованій. **Н. В.**

изъ общенародныхъ убѣжденій и вѣрованій — міровоззрѣнія, которое, что бы о немъ ни говорили въ настоящее время, по нашему мнѣнію, неизмѣримо выше, чѣмъ то, которымъ временно увлекалась умная Екатерина въ тотъ періодъ своего царствованія, къ которому относятся послѣдніе годы дѣятельности Арсенія. Предъ нами — вождь и глава почтенной и во многихъ отношеніяхъ весьма симпатичной старорусской патріотической партіи, человѣкъ самоотверженно и безкорыстно предавшійся обязанностямъ своего священнаго служенія, замѣчательно умный и ученый, свершающій подвигъ, предъ тяжестію котораго малодушно отступила цѣлая его корпорація, человѣкъ, ни разу не измѣнившій своему ясно сознанному идеалу, ни разу не поступившійся своими убѣжденіями ни предъ какими соблазнами и страхами. Существуетъ преданіе, что въ ревельской тюрьмѣ Арсеній начертилъ углемъ на стѣнѣ: „благо мнѣ, яко смирилъ мя еси“. Но самъ г. Соловьевъ не признаетъ этого преданія достовѣрнымъ: по его мнѣнію, послѣдними словами Арсенія предъ смертію было: „я и теперь утверждаю, что имуществъ отъ церквей отнимать не слѣдовало“ (стр. 256).

III.

„Но пусть, скажутъ, личность Арсенія сама въ себѣ почтенна и даже симпатична; не право было то дѣло, которому послужить счелъ себя призваннымъ Арсеній“. Такъ, повидимому, думаетъ и г. Соловьевъ: онъ прямо говоритъ, что при Екатеринѣ „вопросъ (о монастырскихъ имуществахъ) не могъ уже быть рѣшенъ такъ, какъ былъ рѣшенъ въ XV-мъ столѣтіи, и Арсеній палъ потому, что въ XVIII столѣтіи защищалъ мнѣніе Іосифа Волоцкаго“. Мы не имѣемъ намѣренія входить здѣсь въ подробное разсужденіе по этому предмету; но не можемъ, однако-жъ, не замѣтить, что едва-ли можно согласиться съ почтеннымъ историкомъ, если судить о дѣлѣ, не говоримъ уже съ точки зрѣнія искони дѣйствовавшаго въ православной церкви каноническаго права (см. кн. Дѣяній апост., гл. IV, Правила апост. 38 и 41, 7-го вселен. соб. прав. 13-е и др.), которое было одно и тоже, какъ во времена Іосифа Волоцкаго, такъ и въ царствованіе Екатерины II, но и съ точки зрѣнія права государственнаго, по которому, намъ кажется, государство не могло отчуждать въ свою пользу церковную собственность, не отмѣнивъ нѣкоторыхъ, дѣйствовавшихъ тогда, какъ и въ настоящее время, органическихъ законовъ, а также законовъ гражданскихъ, по которымъ имущества, жертвуемыя частными лицами въ пользу извѣстныхъ общественныхъ учрежденій съ опредѣленнымъ назначеніемъ, считаются неприкосновенными и воля жертво-

вателя ненарушимою. Монастырскія и церковныя имущества образовались изъ добровольныхъ даяній, главнымъ образомъ, частныхъ лицъ, благочестиваго православнаго люда, который, жертвуя свои трудовыя копѣйки Богу и алтарю, конечно, не имѣлъ въ виду, чтобы ими воспользовался кто-нибудь другой для какихъ-либо другихъ цѣлей. „Вѣрное государственное право,—справедливо замѣчаетъ покойный преосвященный Филаретъ Черниговскій—не отнимаетъ ни у кого правъ собственности“ [1]). Съ этой точки зрѣнія не правъ-ли былъ Арсеній, когда говорилъ: „узникъ и послѣдній богадѣленный — лучшій и счастливѣйшій (чѣмъ духовенство), понеже что кто ему даетъ, свободенъ въ томъ имѣется?“ Да это какъ нельзя лучше сознавала и сама императрица Екатерина. Въ указѣ, изданномъ въ августѣ 1762 года, критикуя постановленіе своего предшественника объ отобраніи монастырскихъ имѣній въ казну, она ставитъ ему въ вину именно то, что въ его глазахъ „надобность состояла только въ томъ, чтобы отобрать у духовныхъ имѣнія, а чтобы осмотрительныя взять мѣры о порядочномъ, какъ для церкви и духовнаго чина безъобидномъ, такъ и для отечества полезномъ управленіи, о томъ и не думано“. „Съ большимъ увѣреніемъ сказать можемъ, что мы вовсе удаленныя мысли и сердце имѣемъ отъ собственной нашей корысти въ строеніи дѣла Божія. Не имѣемъ мы намѣренія и желанія присвоить себѣ церковныя имѣнія, но только имѣемъ данную намъ отъ Бога власть предписывать законы о лучшемъ ихъ употребленіи во славу Божію“. Такимъ образомъ, по первоначальной мысли императрицы, церковныя имѣнія нуждались въ лучшемъ управленіи и въ болѣе цѣлесообразномъ употребленіи, а не въ отчужденіи ихъ отъ церкви въ распоряженіе государства: они должны были оставаться собственностію церкви. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что мысль объ отчужденіи монастырскихъ имуществъ въ пользу государства возникла внѣ всякой связи съ дѣйствительными органическими потребностями государства и съ складомъ русской государственной жизни, явилась совершенно случайно, подъ вліяніемъ увлеченія модною въ то время теоріей запада, имѣвшаго надобность сокрушать сильный тамъ клерикализмъ, котораго Россія никогда не знала. Въ данномъ случаѣ мѣра эта тѣмъ менѣе имѣла основаній, что со временъ Петра въ Россіи церковь служила уже государству болѣе, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ, и личнымъ трудомъ духовенства, приходскаго и монашествующаго, выносившаго на своихъ плечахъ, согласно узаконеніямъ и распоряженіямъ Петра, все дѣло народнаго образованія въ то время,

[1]) «Обзоръ русс. дух. литературы», кн. 2-я, стр. 90.

и матеріальными своими средствами, содержа при монастыряхъ богадѣльни для инвалидовъ и больницы. Такъ изъ дѣла объ Арсеніѣ мы, между прочимъ, узнаемъ, что съ Спасскаго Ярославскаго монастыря, находившагося въ его епархіи, имѣвшаго 14,000 душъ крестьянъ, въ экономическую канцелярію ежегодно взималось 3,000 р., а на содержаніе монастыря съ монахами оставлено было только 900 р. Кромѣ того, монастырь содержалъ на свой счетъ 71 человѣка инвалидовъ, на которыхъ расходовалъ 780 р. деньгами, да 240 четвертей хлѣба. Наконецъ, отнятіе отъ монастырей крестьянъ имѣло бы еще нѣкоторый смыслъ, если бы Екатерина задумала уничтожить крѣпостное право повсемѣстно въ Россіи; но, бывъ уничтожено по отношенію къ духовенству, оно, какъ извѣстно, въ отношеніи дворянства не только осталось неприкосновеннымъ, но и еще бо́льшую возъимѣло силу со времени отобранія имуществъ отъ монастырей.

IV.

Но, можетъ быть, будучи правъ въ своихъ воззрѣніяхъ, Арсеній не былъ легаленъ въ способахъ проведенія этихъ воззрѣній въ сознаніе своихъ сослужителей, засѣдавшихъ въ синодѣ, въ своемъ образѣ дѣйствій? Посмотримъ. Въ то время, когда Арсеній писалъ свое покорнѣйшее доношеніе св. синоду, отобраніе монастырскихъ имѣній въ казну не было еще совершившимся фактомъ, санціонированнымъ державною волею императрицы въ формѣ законодательнаго акта. Этотъ актъ, въ видѣ утвержденнаго императрицей доклада коммисіи о церковныхъ имуществахъ, состоялся лишь 24-го февраля 1764 года, а доношенія Арсенія писаны цѣлымъ годомъ раньше этого событія, именно 6-го и 15-го марта 1763 г. Въ это время вопросъ находился еще въ томъ нерѣшительномъ положеніи, когда со стороны лицъ призванныхъ и компетентныхъ слышались голоса лишь совѣщательные относительно лучшаго благоустройства церковныхъ имуществъ, о введеніи контроля надъ ихъ употребленіемъ духовенствомъ, для чего учреждена была коммисія, которая, по смыслу данной ей императрицей инструкціи, не имѣла другой цѣли, какъ только приведеніе въ ясность положенія церковныхъ имуществъ, и съ этою цѣлію выработала формы, по которымъ производилась ихъ опись, и затѣмъ выдала церквамъ и монастырямъ шнуровыя приходорасходныя книги. Въ заключеніе инструкціи, данной коммисіи, императрица, какъ и въ первомъ своемъ указѣ, утверждала, что правительство желаетъ только одного, именно, чтобы имущество церковное обращено было на дѣло Божіе, на утвержденіе благочестія: „Ибо мы собственно

своей въ томъ никакой пользы не ищемъ, и не намъ, но имени Божію служить стараемся" [1]). Всѣ пункты инструкціи коммисія не должна была считать за обязательный для себя законъ, все рѣшеніе дѣла предавалось на „полное благоизобрѣтеніе" самой коммисіи, „съ тѣмъ, что она власть имѣетъ или нашему мнѣнію послѣдовать, или что лучшее еще для блага народнаго придумаетъ". Сама императрица охотно выслушивала разнообразныя сужденія по дѣлу, между прочимъ, милостиво приняла совершенно однородныя по предмету съ доношеніями Арсенія св. синоду прошенія нѣсколькихъ епархіальныхъ преосвященныхъ, поданныя ей чрезъ синодъ, „о возвращеніи церкви ея достоянія, неправильно отъ нея отнятаго." Мы не имѣемъ подъ руками этихъ прошеній, но о нихъ ясно упоминается въ указѣ императрицы отъ 12-го августа 1762 г. Такимъ образомъ, намъ кажется, подача Арсеніемъ въ св. синодъ доношенія, въ которомъ старѣйшій по лѣтамъ и по сану іерархъ русской церкви высказывался по дѣлу, въ высшей степени важному для церкви, никоимъ образомъ не можетъ быть признана закононарушеніемъ и противленіемъ державной волѣ, какъ это нашелъ Сѣченовъ съ товарищами. Арсеній шелъ по проложенному пути, пути вполнѣ легальному, освященному столь недавнею практикой, когда представилъ св. синоду, своему непосредственному начальству, свое покорнѣйшее доношеніе, въ которомъ, по долгу присяги и согласно точному смыслу подлежащихъ параграфовъ духовнаго регламента, доводилъ до его свѣдѣнія объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ описываніе монастырскихъ и церковныхъ имуществъ офицерами и предлагалъ на его благоусмотрѣніе свои соображенія по всему этому дѣлу. Къ подачѣ своего голоса по этому дѣлу Арсеній былъ побуждаемъ и успѣхомъ своихъ прежнихъ опытовъ въ этомъ родѣ. По словамъ самого г. Соловьева (стр. 255), онъ подавалъ еще императрицѣ Елисаветѣ подобное же доношеніе, и оно имѣло полный успѣхъ: тогда остановились приведеніемъ въ исполненіе мѣры, подобной той, какую предприняла теперь Екатерина. Точно также первый указъ Екатерины по этому дѣлу, отъ 12-го августа 1762 года, отмѣнявшій законъ Петра III, написанъ, можно сказать, почти подъ диктовку Арсенія, вслѣдствіе письма его къ Бестужеву-Рюмину, содержаніе котораго было передано этимъ послѣднимъ Екатеринѣ. Когда Екатерина вступила на престолъ, замѣнивъ собою существовавшій дотолѣ голштинскій режимъ, все обѣщало, что ея внутрен-

[1]) Всѣ эти указы напечатаны въ Полномъ собр. законовъ. Подробныя выдержки изъ нихъ см. въ «Чтеніяхъ» г. Знаменскаго—«Православный Собесѣдникъ» 1875 г., февраль. Н. В.

ная политика будетъ національно-патріотическая, въ духѣ Елисаветы. Въ этомъ смыслѣ, какъ мы отчасти видѣли, императрица съ особенною настойчивостію высказывалась въ своихъ первыхъ манифестахъ и указахъ. Какъ могъ угадать Арсеній, сидя въ отдаленномъ Ростовѣ, неискренность этихъ столь категорическихъ заявленій императрицы, какъ ему было предугадать этотъ внезапный поворотъ въ ея образѣ мыслей — если признаемъ заявленія его манифестовъ искренними — когда ни того, ни другаго не могъ предусмотрѣть мужъ совѣта, искусившійся въ придворныхъ нравахъ, давній приближенный государыни, Бестужевъ-Рюминъ, не усумнившійся довести до ея свѣдѣнія содержаніе доношеній Арсенія и потерпѣвшій такой неожиданный афронтъ въ заступничествѣ за него? Очевидно, не одинъ Арсеній думалъ, что мысль объ отобраніи монастырскихъ имѣній въ казну не есть мысль императрицы, а лишь нѣсколькихъ лицъ изъ ея приближенныхъ.

Наконецъ, что всего важнѣе, въ дѣлѣ Арсенія имѣются положительныя и несомнѣнныя документальныя доказательства того, что, выступая съ своими „доношеніями", Арсеній отнюдь не думалъ расходиться съ видами и намѣреніями императрицы и противиться ея волѣ. Документы эти не даромъ обойдены молчаніемъ какъ со стороны обвинительнаго акта противъ Арсенія, редижированнаго тогдашнимъ оберъ-секретаремъ св. синода Остолоповымъ, такъ и со стороны почтеннаго нашего историка г. Соловьева. Дѣло въ томъ, что прежде, чѣмъ отправлять свои доношенія своему начальству, во все время до своего ареста, Арсеній не терялъ надежды и лично объясниться съ императрицей по вопросу, который такъ существенно затрогивалъ интересы церкви. Въ то время, какъ Екатерина, по ея собственному выраженію въ письмѣ къ Олсуфьеву, „умирала-боялась", чтобы ростовскій митрополитъ „новой раки чудотворцу Димитрію безъ нея не поставилъ", Арсеній съ мучительнымъ нетерпѣніемъ ждалъ прибытія ея въ Ростовъ по этому случаю и въ этомъ ожиданіи дѣлалъ всѣ необходимыя приготовленія, надѣясь своимъ образомъ дѣйствій и всѣмъ поведеніемъ въ присутствіи государыни уничтожить существовавшее въ ней убѣжденіе въ его „бѣшенствѣ". Между московскими корреспондентами Арсенія былъ нѣкто Алексѣй Ярославцевъ, директоръ какого-то присутственнаго мѣста, человѣкъ очень либеральнаго образа мыслей: въ письмахъ къ Арсенію онъ выражается, что указъ 8-го января даетъ поводъ дворянамъ своевольничать, что „духовенству нѣкоторые не уповаютъ быть въ покоѣ", что „дворянство необузданное забыло, что́—умереть, а помнитъ, что надлежитъ править и владѣть вотчинами не духовенству, а дворянству". Вотъ что, между прочимъ, писалъ Арсеній этому Ярославцеву. „Извѣстно намъ о ракѣ чудотворца Димитрія: однако

понеже по пути въ Москву везется, то ей въ Москвѣ и быть, а послѣ надѣяться — и въ Ростовъ прибудетъ". „Здѣсь слышно, будто въ походъ готовиться велѣно, а куды — никто не знаетъ, потому, думаю, не изволится (т. е. императрицѣ) въ Ростовъ въ постъ святый". „Что касается о прибытіи въ Ростовъ ея величества, то развѣ весною или лѣтомъ надѣяться, а теперь въ постъ и неизвѣстно и ненадежно". „Здѣсь уже съ надеждою поговариваютъ, что ея величество въ Москвѣ чудотворцу Димитрію приготовленную раку изволила смотрѣть. и выговорила ѣхать нынѣ въ Ростовъ. А слышалъ отъ берхъ-коллегіи президента, господина Шлатера, подъ его смотрѣніемъ и рака послана, потому онъ и знаетъ". „Здѣшній воевода Протасьевъ ѣздилъ въ Москву, и, оттуда возвратившись въ Ростовъ сего января 14-го числа, сказывалъ намъ, что сдѣланная святителю рака серебряная въ Москву привезена". „Здѣсь поговариваютъ, будто рака чудотворца Димитрія въ Ростовъ съ Москвы отправлена и для установленія на мѣсто ея, гдѣ надлежитъ, посланы двое подмастерьевъ. Правду-ли разглашаютъ?" „Здѣсь народъ поговариваетъ, что лѣтомъ сюды ожидаютъ прибытія (т. е. императрицы), а кому о томъ надлежитъ знать— тѣ персоны не утверждаютъ. Еще и тріумфальныхъ воротъ для прибытія не зачинаютъ дѣлать. Впрочемъ, и масляница здѣсь тихо прошла, а народъ гулящій отъ большихъ морозовъ спокойно масляницу провожали". Столь нетерпѣливыя ожиданія преосвященнаго Арсенія не сбылись. Зная „бѣшенство ростовскаго владыки", какъ выражалась императрица въ упомянутомъ письмѣ къ Олсуфьеву, она посѣтила Ростовъ не прежде, какъ Арсеній былъ уже осужденъ. Очевидно, между Арсеніемъ и императрицей существовали недоразумѣнія, поселенныя противниками Арсенія; императрица была возстановлена противъ ростовскаго владыки и ему не было оставлено никакихъ способовъ выяснить свой образъ мыслей и чувства по отношенію къ державной власти. Самъ Арсеній, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Ярославцеву, источникъ этихъ недоразумѣній указываетъ въ недоброжелательствѣ къ нему тогдашняго состава св. синода, который боялся. что, послѣ личныхъ объясненій съ императрицей, Арсеній будетъ допущенъ до присутствія въ св. синодѣ. „По какой причинѣ,—пишетъ Арсеній, искали моей присяги[1]), нынѣ отчасти открылося: надѣялись. что я во время коронаціи въ Москвѣ буду и хотѣли до присутствія

[1]) Т. е. присяги, данной Арсеніемъ при посвященіи въ архіереи. При этой присягѣ, какъ увидимъ ниже, Арсеній позволилъ себѣ нѣкоторую вольность, именно къ обычной ея формулѣ прибавилъ отъ себя нѣсколько словъ. Это, какъ сказано будетъ ниже, было однимъ изъ поводовъ къ данному св. синодомъ Арсенію выговору. Н. В.

въ синодѣ не допустить. И такъ-то потому явилось ко мнѣ довольное ихъ доброхотство. Сколько времени злоба торжествуетъ, и мнѣ бы не прилично злобу простирать, а святымъ людямъ и мыслить не довлѣетъ; развѣ кому мѣста жаль, тѣ старались не допустить. Да разумно, что и не поѣхалъ: Богъ съ ними". Только теперь, потерявъ всякую надежду объясниться съ императрицей лично, Арсеній пишетъ свое доношеніе, въ надеждѣ, что „ежели ея величеству обстоятельно о церкви Божіей и о нынѣшнемъ ея озлобленіи его святѣйшество святѣйшій синодъ изволитъ предложить, государыня всемилостивѣйшая не оставитъ церкви, какъ говорится въ доношеніи,— а одновременно съ доношеніемъ и двѣ копіи съ него—духовнику императрицы, протоіерею Дубянскому, и Бестужеву-Рюмину, при письмахъ, въ которыхъ просилъ ихъ, что когда о оной матеріи отъ св. синода ея императорскому величеству представлено будетъ, то-бъ тогда и оную копію ея величеству представить же". Мы считаемъ излишнимъ излагать здѣсь содержаніе доношенія; замѣтимъ лишь, что, отстаивая право церквей и монастырей на неприкосновенность ихъ имуществъ, Арсеній твердо стоитъ на почвѣ каноническаго права, что нигдѣ въ немъ не видно ни малѣйшаго неуваженія къ державной волѣ и власти императрицы, и все доношеніе имѣетъ характеръ не памфлета, а полемическаго ученаго трактата, направленнаго противъ тѣхъ представленій, по которымъ послѣдовали указы и „въ чаяніи томъ, какъ объяснилъ Арсеній на допросѣ, что какъ тѣ представленія не отвержены, такъ и его представленіе отвержено не будетъ".

Моментъ былъ слишкомъ важенъ, дѣло шло о нарушеніи одного изъ основныхъ правъ церкви, и, повторяемъ, мы не видимъ ничего законопреступнаго въ томъ, что одинъ изъ болѣе видныхъ представителей іерархіи, правильно, или, какъ думало большинство, не правильно отстраненный отъ непосредственнаго участія въ высшемъ церковномъ управленіи, пишетъ св. синоду доношеніе, въ которомъ напоминаетъ своимъ сослужителямъ, во имя священнѣйшихъ интересовъ церкви и ихъ непремѣннѣйшихъ обязанностей, о долгѣ ихъ званія.

V.

Наконецъ, можетъ быть, будучи правильно по существу и легально по формѣ, доношеніе Арсенія не было законно по изложенію и слововыраженію? Правда, рѣчь Арсенія нѣсколько наркотически дѣйствуетъ на слухъ современнаго читателя и ничего подобнаго, по изложенію и языку, не можетъ явиться въ области современной офи-

ціальной письменности. Но, намъ кажется, странно было бы судить въ этомъ случаѣ о дѣлѣ по современнымъ понятіямъ и воззрѣніямъ, съ точки зрѣнія современныхъ литературно-дѣловыхъ нравовъ и обычаевъ. Языкъ, которымъ написаны оба донесенія Арсенія,—языкъ всѣхъ прочихъ сочиненій Арсенія, не имѣющихъ ничего общаго съ вопросомъ о церковныхъ и монастырскихъ имуществахъ: его двухъ полемическихъ трактатовъ—противъ раскола и противъ протестантства, языкъ его докладовъ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, принятыхъ и одобренныхъ послѣднею, языкъ его доношеній св. синоду по дѣлу объ архимандритѣ Владимірѣ Каллиграфѣ[1]), принятыхъ безъ всякихъ замѣчаній св. синодомъ къ разсмотрѣнію и соотвѣтственному распоряженію. Мало того: это языкъ проповѣдей Стефана Яворскаго, Ѳеофана Прокоповича и самого св. Димитрія Ростовскаго.

Г. Соловьевъ, говоря о раздражительномъ тонѣ доношеній Арсенія, съ особенною силою указываетъ на противоположность, какая, по его мнѣнію, существуетъ въ этомъ отношеніи между нимъ и св. Димитріемъ. Трудно представить себѣ что-нибудь болѣе ошибочное, чѣмъ это сужденіе почтеннаго историка. Приснопамятный ростовскій святитель, предшественникъ Арсенія по каѳедрѣ, былъ не только одного духа съ своимъ преемникомъ, но и одного образа мыслей по тѣмъ вопросамъ, о которыхъ трактуется въ доношеніяхъ Арсенія. Темы этихъ послѣднихъ были любимыми темами св. Димитрія въ его проповѣдяхъ, и выраженія его, когда онъ говоритъ объ отношеніяхъ лицъ свѣтскихъ, особенно военныхъ, къ духовенству и церкви, были не менѣе энергичны, чѣмъ выраженія Арсенія. Противъ нѣкоторыхъ распоряженій самого Петра Великаго св. Димитрій высказывался съ гораздо бо́льшею рѣшительностію и смѣлостію, чѣмъ самъ Арсеній. Петръ, напримѣръ, какъ извѣстно, не разъ издавалъ указы, запрещавшіе подавать нищимъ милостыню, налагалъ даже штрафы за ея подачу. Св. Димитрій, въ одной своей проповѣди, какъ бы отвѣчая на это распоряженіе государя, говоритъ: „Помысли, человѣче, коль краты озлобляешь еси ближняго своего! Не токмо самъ милостыни не подаеши, но и прочимъ запрещаеши, да не подаютъ. Не токмо самъ не милосердъ, но и прочія на немилосердіе возставляеши". „Обычай имутъ нынѣшняго вѣка нищіе поминать Христа, пречистую Дѣву, святителя Николая; но ни тѣмъ преклонити возмогутъ къ милосердію. Во истину о таковыхъ довлѣетъ рещи: одебелѣ сердце людей сихъ и ушима своима тяжко слышатъ"[2]). Петръ учредилъ монастырскій приказъ,

[1]) Эти доношенія напечатаны въ нашей брошюрѣ: «Малоизвѣстные русскіе проповѣдники XVIII столѣтія». Спб. 1872.

[2]) См. Сочиненія св. Димитрія, т. II, стр. 235, 448. Н. В.

принявшій въ свое завѣдываніе церковныя имущества, — учрежденіе, естественно, не симпатичное духовенству. Въ одной изъ своихъ проповѣдей св. Димитрій говоритъ, имѣя въ виду, очевидно, это новое учрежденіе; „хощеши-ли грабити церковная? Спросися Иліодора, казначея царя Селевка, иже пришелъ бѣ въ Іерусалимъ грабити церковная и біенъ бысть ангельскими руками“ [1]). Не тоже-ли самое говоритъ и Арсеній, когда замѣчаетъ, что первый отыматель церковныхъ имуществъ былъ Юліанъ-отступникъ, а первый составитель штатовъ для духовенства—Іуда-предатель, что дѣятельность Мусина-Пушкина, перваго начальника монастырскаго приказа, ничѣмъ не лучше турецкихъ постановленій о христіанской церкви? Въ своемъ доношеніи Арсеній рѣзко выражается о правительственныхъ комиссарахъ-офицерахъ, производившихъ опись монастырскихъ и церковныхъ имуществъ. Но, кому неизвѣстно, какъ трактуетъ св. Димитрій не объ отдѣльныхъ фактахъ и лицахъ, а о цѣломъ военномъ сословіи, и не въ доношеніи, непредназначенномъ для опубликованія, а публично, въ проповѣди, произнесенной съ церковной каѳедры (Слово на день Обрѣзанія Господня): „Моисей,—говоритъ проповѣдникъ,—въ минуту негодованія на свой народъ, за измѣну истинному Богу, разбилъ, сходя съ горы, скрижаль закона на двѣ половины, такъ что на одной остались лишь отрицанія: не... не... не..., а на другой — убей, укради, прелюбы сотвори. Вотъ этой-то второй половины скрижали, говоритъ проповѣдникъ, и придерживаются теперь военные: убиваютъ, крадутъ, прелюбодѣйствуютъ“. По поводу евангельской исторіи о пирѣ Иродовомъ св. Димитрій говоритъ: „смотри, какъ пиръ совершается немилосердыхъ владѣтелей. Но и нынѣ во многихъ господахъ чуть не также: поядаютъ и пьютъ кровавые труды человѣческіе, а бѣдныхъ крестьянъ немилосердо мучатъ: снѣдаютъ люди вмѣсто хлѣба. Господамъ до пресыщенія всего довольно есть, а крестьянамъ бѣднымъ и укруха хлѣба худаго нестаетъ. Сіи объядаются, а тіи развѣ водою жажду свою утоляютъ, сіи веселятся, а тіи плачутъ на правежахъ“ [2]). Извѣстна также проповѣдь св. Димитрія, въ которой проповѣдникъ ищетъ Христа въ разныхъ сословіяхъ и нигдѣ его не находитъ: „развѣ въ людяхъ великихъ, въ боларехъ и судіяхъ, на правдѣ посаженныхъ, не нашелъ-ли бы Христа? Пошли быхомъ къ нимъ Христа

[1]) Тамъ же, т. II, стр. 47. Не менѣе сильно выражался св. Димитрій противъ мясоястія солдатъ въ посты, введеннаго Петромъ (—II, 317), противъ стѣсненія монашествующихъ (—II, 268), противъ ассамблей (—II, 453) и многихъ другихъ вещей, введенныхъ Петромъ, но не гармонировавшихъ съ строемъ тогдашнихъ религіозныхъ понятій русскаго народа.

[2]) См. Соч. св. Димитрія. II, стр. 319. Н. В.

искати, но тамо не доступно, рекутъ: не пора, инымъ временемъ придешь. А не по что и ходить къ нимъ, ибо глаголетъ писаніе: изыде беззаконіе отъ судей и старецъ. Въ тѣхъ насилу когда и бывалъ Христосъ: понеже нынѣшнихъ временъ злыхъ и они злы сотворилися и правда въ нихъ скудна, а милосердія нимало. О, человѣцы, въ послѣднихъ бѣдахъ страждущіи! Въ васъ Христосъ нынѣ, аки въ членахъ своихъ обитаетъ. Вы есте новые послѣднихъ сихъ временъ мученицы" [1]).

Вообще въ преданіяхъ и обычаяхъ современной Арсенію духовной и въ частности проповѣднической литературы гораздо больше, чѣмъ въ особенностяхъ его личнаго темперамента, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ искать объясненія того тона и способа выраженія, какими характеризуются его доношенія. Такой тонъ считался признакомъ духовнаго авторитета, властности, принадлежностію хорошей проповѣднической манеры. Припомнимъ, какъ говорили о мѣропріятіяхъ правительства, непріятныхъ для церкви и о другихъ публицистическихъ вопросахъ того времени, Амвросій Юшкевичъ, Кириллъ Флоринскій, Димитрій Сѣченовъ, Владиміръ Каллиграфъ. Не забудемъ, что это было время страстной жгучей борьбы двухъ направленій общественной мысли, и обѣ стороны вовсе не церемонились при выраженіи своихъ отношеній къ противной сторонѣ. Языкъ русскихъ духовно-публицистическихъ сочиненій этого времени можетъ быть сравненъ развѣ съ языкомъ французскихъ проповѣдниковъ временъ лиги [2]): „нынѣ совершилось наше спасеніе: низложенъ сатана и его ангелы", восклицаетъ одинъ проповѣдникъ, по поводу низверженія Бирона. Одно изъ словъ Юшкевича, въ день рожденія императрицы Елисаветы (1741 г.), раскрываетъ „ухищренную политику губителей отечественнаго счастія". „Былъ-ли кто изъ русскихъ искусный художникъ, инженеръ, архитектъ, а наипаче ежели былъ ученикъ Петра, тутъ они тысячу способовъ придумывали, какъ бы его уловить, къ дѣлу какому-нибудь подвесть и, такимъ образомъ, или голову ему отсѣчь, или послать его въ такое мѣсто, гдѣ необходимо умереть отъ голоду,— за то одно, что инженеръ, что архитектъ, что ученикъ Петра Великаго. Всѣхъ людей добрыхъ, простосердечныхъ, государству доброжелательныхъ и отечеству весьма потребныхъ, подъ разными претекстами губили, раззоряли, а равныхъ себѣ безбожниковъ, безсовѣстныхъ грабителей весьма любили и уважали. Только тѣломъ, только тѣнью здѣсь,

[1]) См. Сочин. св. Димитрія, т. II, стр. 118—122 и др.

[2]) См. весьма интересное сочиненіе: «De la democratie chez les prédicateurs de la ligue, par Charles Labitte, 2-de edition, Paris, 1866». Н. В.

а сердцемъ и душою внѣ Россіи пребывали. Всѣ свои сокровища, въ Россіи неправдою нажитыя, вонъ изъ Россіи за море высылали, и тамъ иные въ банки, иные на проценты многіе милліоны полагали". „Архіереевъ, священниковъ, монаховъ мучили, казнили, разстригали,— непрестанныя почты, и водою и сухимъ путемъ, отвозятъ ихъ въ дальніе сибирскіе города—Охотскъ, Камчатку, Оренбургъ",—такъ жаловался нѣкогда самъ Димитрій Сѣченовъ, теперь подобнымъ же образомъ дѣйствовавшій противъ Арсенія. Но не тоже-ли самое говоритъ и Арсеній, когда замѣчаетъ: „горе намъ, бѣднымъ архіереямъ, яко не отъ поганъ, но отъ своихъ мнящихся быти правовѣрныхъ, мучительство претерпѣваемъ" [1]).

Такъ говорили въ то время проповѣдники публично, съ церковныхъ каѳедръ, въ присутствіи двора и самой императрицы. Можетъ-ли насъ послѣ этого удивлять тонъ рѣчи Арсенія въ его доношеніяхъ, не предназначавшихся ни для публичнаго произнесенія, ни для высочайшихъ особъ, а адресованныхъ къ его собратамъ-архіереямъ, засѣдавшимъ въ синодѣ, въ которомъ и самъ онъ состоялъ равноправнымъ членомъ? Намъ кажется, что Арсеній, по меньшей мѣрѣ, съ полною справедливостію могъ во всякомъ случаѣ сказать о себѣ:

За слова меня пусть гложетъ,
За дѣла историкъ—чтитъ.

Вообще мы не понимаемъ, почему г. Соловьеву хочется непремѣнно представить личность Арсенія антипатичною и его дѣло—рѣшительно неправымъ. Намъ кажется, что изъ величія великой государыни ничего не убавилось бы, если бы современный историкъ призналъ въ осужденіи ею Арсенія одну изъ тѣхъ немногихъ ея ошибокъ, когда она, вопреки своему всегдашнему правилу—не увлекаться личными чувствами и отношеніями, когда идетъ рѣчь о дѣлѣ важности государственной,—позволила себѣ именно увлечься чувствами своего философскаго либерализма для того, чтобы нанести ударъ тому, что составляло одну изъ самыхъ законныхъ симпатій ея народа.

VI.

Есть еще одна сторона въ дѣлѣ Арсенія, не обратившая на себя всего того вниманія изслѣдователей, какого она, по нашему мнѣнію, заслуживаетъ. Образъ мыслей Арсенія, по вопросу о церковныхъ иму-

[1]) Подробнѣе объ этомъ см. въ статьѣ Н. А. Попова: «Придворныя проповѣди въ царствованіе Елисаветы Петровны», въ «Лѣтописяхъ русской литературы», 1859, кн. 3, и въ статьѣ М. И. Семевскаго «Очеркъ царствованія Елисаветы Петровны», «Русское Слово» 1859 г.

ществахъ, далеко не былъ образомъ мыслей лично Арсенія, и чувства, выраженныя имъ по этому предмету въ его доношеніи, отнюдь не были лишь личными его одного чувствами. Въ синодальномъ „дѣлѣ“ объ Арсеніѣ сохранилась переписка его съ нѣкоторыми современными ему архіереями, захваченная при его арестѣ, небезъизвѣстная и г. Соловьеву, какъ видно изъ приводимыхъ имъ незначительныхъ выдержекъ изъ нея, но не получившая у него должнаго освѣщенія. Переписка эта, по нашему мнѣнію, съ несомнѣнностію доказываетъ, что, за исключеніемъ Димитрія Сѣченова, между всѣми главнѣйшими представителями русской церковной іерархіи той эпохи было единомысліе и полная солидарность по вопросу о церковныхъ имуществахъ, что эти іерархи составляли партію, численностію значительно превышавшую партію поборниковъ правительственнаго проекта, что для этой патріотической партіи болѣе видный и болѣе энергичный митрополитъ ростовскій явился лишь ораторомъ въ силу своихъ связей, главнымъ же образомъ—своихъ отношеній къ знаменитому фельдмаршалу графу Алексѣю Петровичу Бестужеву-Рюмину, раздѣлявшему ея воззрѣнія, тому самому Бестужеву, которому императрица писала по этому дѣлу: „батюшка, Алексѣй Петровичъ, пожалуй, помогай совѣтами“, что, далѣе, если дѣло Арсенія приняло оборотъ, какого для него, повидимому, никто не ожидалъ, то единственно потому, что въ синодѣ, который, выражаясь словами Стурдзы, „двигался“, и въ это время, „по колеѣ духовнаго регламента и грозныхъ преданій вѣка Петрова“, всему дѣлу давалъ направленіе Димитрій Сѣченовъ, не даромъ столь щедро награжденный потомъ Екатериной. Г. Соловьевъ совершенно упускаетъ изъ вниманія, что по дѣлу Арсенія привлечены были къ суду епископъ костромской Дамаскинъ и маститый митрополитъ московскій Тимоѳей, и оба они не вышли изъ дѣла правыми: первому опредѣлено было дать выговоръ чрезъ одного изъ членовъ св. синода, хотя онъ и оправдывался тѣмъ, что письмо его (приводимое ниже) „исторично писано“; второй, если и не подвергся выговору, то единственно въ силу очевиднаго послабленія, оказаннаго изъ уваженія къ его маститой старости и высокому положенію,—послабленія, весьма недостаточно мотивированнаго тѣмъ, что одно изъ писемъ преосвященнаго Тимоѳея писано было еще до вступленія на престолъ императрицы. Кромѣ этихъ двухъ видныхъ представителей іерархіи, къ дѣлу Арсенія примыкаютъ: Сильвестръ, епископъ старогородскій, который доставилъ ему экземпляръ копіи съ инструкціи, данной императрицею коммисіи о церковныхъ и монастырскихъ имуществахъ, по поводу которой Арсеній и написалъ свое доношеніе,—по рѣшеніи дѣла Арсенія св. синодомъ, опредѣлено было дать и Сильвестру офиціальный вы-

говоръ; Амвросій, архіепископъ переяславскій; Аѳанасій, епископъ тверской; Гедеонъ Криновскій, епископъ псковскій, и Веніаминъ-Пуценъ-Григоровичъ, епископъ петербургскій,—всѣ четверо возставали противъ мнѣнія Димитрія Сѣченова (къ которому присоединился лишь Палладій, епископъ рязанскій), на конференціи синода съ сенатомъ, на что есть указаніе и у г. Соловьева (стр. 148); наконецъ, самъ Гавріилъ, архіепископъ с.-петербургскій, такъ малодушно отказавшійся. подобно Тимоѳею, при судѣ надъ Арсеніемъ, защитить своего единомышленника: на его сочувствіе идеямъ Арсенія есть указаніе въ письмѣ къ нему Сильвестра старогородскаго[1]): „получилъ я,—говорится здѣсь,—отъ вашего преосвященства письмо, въ которомъ стужительность мыслей вашихъ по извѣстнымъ обстоятельствамъ довольно изъясняется". На то, что между всѣми этими лицами существовало если не прямое соглашеніе въ образѣ дѣйствій, то, по меньшей мѣрѣ, полная солидарность въ образѣ мыслей,—мы видимъ указаніе въ этомъ же письмѣ Сильвестра: „то-то оно, про что въ Москвѣ неоднократно говаривано", восклицаетъ Сильвестръ.

Вотъ эти любопытныя письма. о которыхъ мы упомянули.

VII.

Въ 1761 г., когда Петромъ III изданъ былъ указъ объ отобраніи отъ монастырей недвижимыхъ имуществъ, митрополитъ Тимоѳей пишетъ къ преосвященному Арсенію Мацієвичу въ Ростовъ:

„Преосвященнѣйшій архіерею Божій, милостивый отецъ и искренній благодѣтель мой! Августа 1-го принялъ я писаніе вашего преосвященства всеприятно, въ коемъ объявленныя, въ прошедшемъ времени послѣдовавшія, несчастныя приключенія[2]) читалъ не безъ сожалѣнія. Въ насъ въ отдаленныхъ только мѣстахъ такимъ образомъ поступлено и скотъ по описѣ все взято; а въ Москвѣ сихъ наглостей не видѣли. Лошадѣ хотя всѣ описаны, однакъ и понынѣ не втобраны[3]) и остались подъ видѣніемъ нашимъ. Но и намъ сія отрада не

---

[1]) Письмо это, извлеченное нами изъ рукописнаго сборника библіотеки С.-Петербургской духовной академіи № 415, напечатано въ «Христіанскомъ Чтеніи» за 1872 годъ.

[2]) Разумѣется указъ Петра III объ отобраніи въ казну монастырскихъ и церковныхъ имуществъ.

[3]) Преосвященный Тимоѳей Щербатскій родомъ малороссъ, и, какъ видно изъ письма, до старости сохранилъ въ своей рѣчи и въ способѣ написанія словъ слѣды малороссійскаго нарѣчія. Свѣдѣнія о немъ, равно какъ и о другихъ упоминаемыхъ здѣсь преосвященныхъ, можно читать въ извѣстномъ изданіи Ю. В. Толстаго: «Списки архіереевъ» и проч. Н. В.

велика, ибо съ другой стороны не безъ жалости видѣть можно; что въ вотчинахъ отъ тѣхъ же нашихъ крестьянъ невозвратныя подѣланы разоренія: лѣсы порублены, сѣно наличное расхищено, мелкій скотъ и птицы индѣ прежде описи еще побраны, а индѣ при описѣ искоренены, въ прудахъ рыба выловлена, и какія только вообразить можно подѣлали какъ при описи бывшіе офицеры, такъ и самые крестьяне опустошенія. Да и при Москвѣ, въ черкизовскомъ моемъ прудѣ, не единожды описатели дерзостно рыбу ловили, однакожъ не единожды за то и смѣняемы были. Въ такихъ-то смутительныхъ обстоятельствахъ одна только суть отрадою—надежда. Spes alit, aliquando aliter agit. Spem mutat discordia fratrum. Diphtongum ex duabus vocalibus in unum coalescentem in varias dividêre, dissensu suo, nostrates in unum non habitantes, vocales. Superi clementissimi de nostra in Possidentis ruribus calamitate adjuvent propitius [1]).

„Впрочемъ съ неотмѣняемымъ моимъ усерднымъ пребываю доброжелательствомъ вашего преосвященства всѣхъ благъ всеусердный доброжелатель, богомолецъ и слуга, смиренный митрополитъ московскій Тимоѳей".

1762 года. Августа 2-го дня.

Въ моментъ написанія письма, Петра III не было уже въ живыхъ. Императрица Екатерина, вступивъ на престолъ, поспѣшила отмѣнить указъ, возбуждавшій общій ропотъ, о чемъ и объявила въ изданномъ ею манифестѣ. По этому случаю архіепископъ переяславскій и крутицкій Амвросій (имѣвшій мѣстопребываніе въ Москвѣ) пишетъ къ тому же преосвященному Арсенію:

---

[1]) Любопытная черта тогдашнихъ духовно-литературныхъ нравовъ: мѣста въ перепискѣ щекотливыя или наиболѣе интимныя всѣ излагались на латинскомъ языкѣ. Это мы видимъ и въ упомянутомъ выше письмѣ Сильвестра старогородскаго къ митрополиту Гавріилу, и, позже, въ перепискѣ Платона, митрополита московскаго, съ современными ему архіереями. Дѣлалось это, конечно, не съ другою цѣлію, какъ съ тою, чтобы наиболѣе интимныя мѣста въ перепискѣ, при незнакомствѣ лицъ, не получившихъ высшаго духовнаго образованія, съ латинскимъ языкомъ, не были прочитаны кѣмъ-либо, кромѣ того лица, кому письмо адресовано. Въ настоящемъ письмѣ латинскія фразы приписаны на поляхъ рукою самого преосвященнаго. Въ приложенномъ къ дѣлу переводѣ этихъ фразъ, сдѣланномъ, по порученію св. синода, «синодальнымъ переводчикомъ Григоріемъ Полѣтикой», слова эти переданы такъ: «Надежда питаетъ, а иногда инако поступаетъ. Надежду премѣняетъ несогласіе братій. Двогласную букву, составляемую изъ двухъ гласныхъ, на разныя гласныя буквы раздѣлили несогласіемъ своимъ наши, несогласно живущіе. Всемогій Богъ да поможетъ намъ въ бѣдствіи нашемъ, привращеніемъ въ наше владѣніе деревень». Н. В.

„Преосвященнѣйшій владыко, милостивый отецъ, батюшка и крайній мой благодѣтель! За отеческое вашего преосвященства писаніе много благодарствуя, отъ усердія моего поздравляю общею радостію, со вступленіемъ ея императорскаго величества на всероссійскій престолъ. Слава Богу, что мы всѣ отъ мысленнаго ига избавленіе получили; а теперь, какъ изъ манифеста изволите усмотрѣть, къ сентябрю мѣсяцу просимъ и ваше преосвященство къ намъ въ Москву пожаловать и намъ въ извѣстномъ дѣлѣ помогать, а паче въ богоугодныхъ своихъ молитвахъ къ Богу о томъ напомянуть, которымъ и самого себя препоручаю. Вашего преосвященства смиренный слуга и богомолецъ архіепископъ и архимандритъ Амвросій".

Но не прошло и нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ императрица возвратилась къ мысли своего предшественника и издала повелѣніе о переписи всего церковнаго и монастырскаго имущества, не предрѣшая, впрочемъ, этого вопроса въ той или другой окончательной формѣ. Митрополитъ Тимоѳей пишетъ по этому случаю къ Арсенію:

„Преосвященнѣйшій владыко, бодрый и великодушный архіерею Божій, искренній благодѣтель мой! Съ принятія вожделѣннаго вашего преосвященства письма, прошедшаго мая 30-го изъ Ростова отпущеннаго, въ которомъ ваше преосвященство братскую свою любовь ко мнѣ объявляете, не малую я радости возъимѣлъ причину, увѣдомившись изъ онаго и о здравіи вашего преосвященства Что же касается до упомянутой въ письмѣ вашего преосвященства печали, nunc non solum vestram sanctitatem, sed omnes nos dolenda ista tetigit metamorphosis, quae vitam nostram ad hemitus et dolores ducit. In patientia nostram servemus animam: pro omni supremo Regi regum et Domino dominantium devoté ac magnanimo de flammentibus praecordiis agenda sunt gratiae. Sic demerito dignivivendo pervenimus [1]). И за оную вашего святительства братскую доброжелательную любовь, какъ въ воспоминовеніи мене у престола Божія. такъ и въ прочемъ являемую, благодарно поклонъ мой и взаимное вашему преосвященству всѣхъ благосчастливыхъ сукцессовъ искренное мое братское свидѣтельствую усердіе.

„Вашего преосвященства временныхъ и вѣчныхъ благъ искреннежелающій доброхотъ, братъ, богомолецъ и слуга, смиренный митрополитъ московскій Тимоѳей".

---

[1]) Въ переводѣ Полѣтики слова эти переданы такъ: «нынѣ не токмо вашу святыню, но и всѣхъ насъ печальная сія тронула перемѣна, которая жизнь нашу ведетъ къ воздыханіямъ и болѣзнямъ. Въ терпѣніи стяжимъ душу нашу: за все вышнему Царю царствующихъ и Господу господствующихъ благоговѣйно и великодушно благодарить должно. Сего дожили мы по заслугамъ нашимъ».

Н. В.

Подобнымъ же образомъ и костромской епископъ Дамаскинъ, бывшій съ преосв. Арсеніемъ въ перепискѣ, писалъ ему, по поводу предпринятаго послѣднимъ толкованія псалмовъ, которое преосв. Арсеній, по мѣрѣ изготовленія, посылалъ на рецензію къ Дамаскину: „какъ 30-й (псаломъ) окончили, такъ дай Богъ и начатой,—пріидите возрадуемся Господеви,—псаломъ окончити. Богъ милостивъ, не оставитъ уповающихъ на него. Пусть дышутъ, однако столпъ и утвержденіе истины адскаго ихъ нимало боится дыханія. Я слыхалъ, что до привезенія изъ С.-Петербурга сдѣланной чудотворцу (св. Димитрію Ростовскому) раки, гость (императрица) отложилъ у вашего преосвященства быть. Чтобы оный гость Ростовъ. паче же ростовскую церковь и новоявленнаго святителя посѣтилъ, и у вашего преосвященства, яко усерднѣйшаго своего богомольца, небесныхъ же и земныхъ благъ желателя, оттостилъ, я, какъ себѣ, нелицемѣрно желаю. Мудры наши попы и причетники будутъ [1]). Только опасно, чтобы за математикою и астрономіею и тѣхъ мудрованіемъ въ собственной невѣждами не остались должности, а паче же иные изъ нихъ не запили съ голоду. Я вашего преосвященства мнѣнія держусь: довольно того, что и регламентомъ означено; да и того за бѣдностію исправить совершенно неудобно. Кто-то наипаче затѣваетъ странное оное ученіе (введеніе въ кругъ духовнаго образованія свѣтскихъ наукъ). и кто съ духовныхъ въ коммисіи—не знаю. Однако, какъ воля Божія будетъ. Осмѣливаюсь ваше преосвященство утрудить: не возможно-ль какъ окончаніе тридесятаго, такъ и прочихъ псалмовъ, кромѣ тѣхъ, которые отъ вашего преосвященства получилъ, толкованія трудовъ вашего преосвященства для списанія про нужду мою и церковную прислать и тѣмъ меня одолжить милостиво прошу, владыко святый, не оставь сего моего нужнаго испрошенія. Полученные мною отъ вашего преосвященства суть слѣдующіе: 21, 22, 76 и 30-й до 22-го стиха".

Нераньше, какъ уже послѣ этихъ писемъ, Арсеній отправляетъ свое письмо къ Алексѣю Петровичу Бестужеву-Рюмину (приведенное у Знаменскаго—„Прав. Собесѣд." мартъ, 1875 г., стр. 228—229), имѣвшее полное дѣйствіе, потому что, какъ мы видѣли, вслѣдъ за нимъ, по совѣту Бестужева, императрица отмѣнила распоряженіе Петра III и издала, въ августѣ 1762 г., свой манифестъ, возвращавшій церковныя вотчины въ руки духовенства (см. „Прав. Соб." февраль, стр. 122 и слѣд.).

---

[1]) Здѣсь рѣчь идетъ о сдѣланныхъ правительствомъ измѣненіяхъ и дополненіяхъ въ составѣ тогдашняго семинарскаго курса, противъ которыхъ возставалъ, какъ извѣстно, и Арсеній въ своемъ доношеніи. Н. В.

VIII.

Не дожидаясь результата своего перваго доношенія въ синодъ и писемъ къ духовнику императрицы и къ Бестужеву-Рюмину, Арсеній,—вѣроятно подъ впечатлѣніемъ тѣхъ злоупотребленій при описи церковныхъ и монастырскихъ имуществъ, допущенныхъ правительственными коммисарами-офицерами, о которыхъ говорится въ приведенныхъ выше письмахъ,—шлетъ въ св. синодъ второе доношеніе, прямо направленное противъ этихъ описей и приходорасходныхъ книгъ, разосланныхъ по монастырямъ и церквамъ коммисіей. Приводимъ этотъ памятникъ литературной дѣятельности Арсенія, доселѣ въ цѣломъ видѣ, если не ошибаемся, нигдѣ еще не напечатанный:

„Святѣйшему правительствующему синоду отъ синодальнаго члена, преосвященнаго Арсенія, митрополита ростовскаго и ярославскаго, доношеніе.

„Изъ полученныхъ мною, при указѣ ея императорскаго величества изъ святѣйшаго синода, присланныхъ къ моему смиренію для достодолжнаго вѣдома и надлежащаго исполненія, печатныхъ инструкціевъ и приложенныхъ при нихъ формъ, каковымъ образомъ отправленнымъ изъ коммисіи оберъ-офицерамъ домамъ архіерейскимъ и монастырямъ повелѣнныя описи сочинять, опредѣлено,—усмотрѣлъ я между прочаго въ тѣхъ формахъ, что тѣмъ офицерамъ обще съ монастырскими настоятелями надлежитъ въ монастыряхъ и пустыняхъ описывать церкви святыя, и сколько въ нихъ престоловъ, а въ другомъ указѣ, полученномъ мною-жъ изъ св. правительствующаго синода, между прочаго-жъ написано въ третьемъ пунктѣ: понеже-де къ сочиненію всѣмъ монастырямъ штатовъ потребно коммисіи знать о имѣющихся въ означенныхъ монастыряхъ ризницахъ и церковной утвари, дабы, по усмотрѣніи въ томъ каковаго гдѣ недостатка надлежащее къ снабдѣнію распоряженіе учинить было можно. Того ради означеннымъ же оберъ-офицерамъ изо всѣхъ вышеозначенныхъ монастырей за руками настоятельскими означеннымъ ризничнымъ вещамъ и прочей церковной утвари описей, гдѣ же таковыхъ описей нѣтъ, или и есть, да съ наличностію оныхъ вещей въ чемъ несходны, то оныя описи самимъ настоятелемъ, а въ небытность ихъ, кому тѣ монастыри въ правленіе поручены, при тѣхъ же оберъ-офицерахъ описать.

„И такъ, по сему слѣдуетъ непремѣнно показаннымъ офицерамъ въ алтарь входить и иногда священныхъ сосудовъ касаться, чего намъ законъ православный издревле, выключивши царскихъ персонъ, правилами и узаконеніями церковными запрещаетъ, что и во извѣстіи

учительномъ, при служебникахъ печатаемомъ, изображается: чести ради, рече, божественыхъ таинъ никто же отъ несвященныхъ во святый алтарь да входитъ, жены же никогда, пономари часто исповѣдающіися и божественнымъ тайнамъ причащающіися, трезвенно же и благочестно въ добродѣтели пребывающіи. Сіи пономари должни суть просфоры, вино, воду, ѳиміамъ и огнь въ алтарь внести, свѣщи же вжигати и угашати, кадильницу же и теплоту пріуготовляти и іерею подавати, алтарь весь чинно и часто умести и очищати аще землю отъ всякихъ уметій, яко же и стѣны и верхъ кровный отъ праха и паутины. Престолъ же и жертвенники іерею точію и діакону или иподіакону очищати и истирати, во еже николиже на нихъ обрѣстися праху или уметію коему, да не коснется со грѣхомъ священныхъ несвященная рука.

„Въ подтвержденіе же таковаго церковнаго узаконенія имѣется быти явственно стихъ великаго канона: кивотъ яко ношашеся на колесницѣ, Занъ, егда превращшуся тельцу, точію коснуся, Божіимъ искусися гнѣвомъ; но того дерзновенія убѣжавши душе, почитай божественная честнѣ.

„Въ книгахъ вторыхъ царствъ, въ главѣ 6-й, Занъ оный нарицается Оза, который, по признанію толкователей, не будучи священникомъ, но левитомъ, дерзнулъ, аще и въ случаѣ, коснутися кивота Божія; того ради пораженъ былъ и казненъ отъ Бога, такъ же смертію, понеже явствуетъ отъ другихъ мѣстъ писанія, яко не левиты, но священники кивотъ Божій носили и ему прикасалися. Аще же въ ветхомъ завѣтѣ крѣпкое было наблюдательство божественныя вещи почитати, то кольми сіе надлежитъ исполняти въ новомъ завѣтѣ, почитая божественныя честно, а наипаче алтарь божественный, и наблюдая, да не касается несвященная рука вещей, Богу освященныхъ, а наипаче дискосовъ, потировъ и прочихъ подобныхъ: о царѣ бо Львѣ четвертомъ, сынѣ Копронимовомъ, пишется въ церковныхъ исторіяхъ яко любяше драгіе камени, и дерзнулъ взяти изъ церкви св. Софіи съ каменми зѣло драгій вѣнецъ, Господу Богу отданный, въ немъ же бяху драгоцѣнныи каменіе карбункулы, которыми онъ уязвися, егда же оный вѣнецъ на главу свою возложи, абіе на челѣ его карбункулы прозябоша, сі есть вреды неисцѣлимыя, яже ему окаянную смерть принесоша.

„Аще же за вѣнецъ, Богу освященный, толикая казнь Божія, то чего надѣяться отъ Бога за сосуды, Богу освященные, къ храненію и совершенію таинъ святыхъ употребляемыи, а не почитаемыи и за простую вещь вмѣняемыи? Каковаго же почитанія надѣяться, егда пріидутъ таковыи божественныи вещи во область таковыхъ людей,

о которыхъ издревле въ притчахъ Соломоновыхъ, въ главѣ 4-й, свидѣтельствуется, на немъ же аще мѣстѣ воя соберетъ, нейди тамо, уклонися же отъ нихъ и измѣни, не уснутъ бо, аще зла не сотворятъ, отъимется сонъ отъ нихъ и не спятъ, тіи бо питаются пищею нечестія, виномъ же законопреступнымъ упиваются. Отъ таковыхъ свойствъ, какъ древнихъ воиновъ, такъ и нынѣшнихъ, а наипаче нашихъ, нельзя выключать; аще же и не о всѣхъ таковыя свойства признавать, однако надлежитъ засвидѣтельствовать, что много званныхъ, мало же избранныхъ, або тылко имъ власть, то готовы и Спаса и Богородицу ободрать, какъ то видѣть (можно) отъ бывой коллегіи экономіи, во время генерала Волкова, которая изъ начала моея бытности въ Ростовѣ опредѣлила было офицеровъ въ Спасоярославскій монастырь, переписывати евангелія, кресты и прочія въ ризницѣ утвари, и на то уже и указъ дала было монастырскимъ властямъ, просителямъ денегъ на починку монастыря: которому дѣлу я тогда оспорилъ, и такъ оно отмѣнилось, а послѣ по особенному разсмотрѣнію и на церковь призрѣнію отъ блаженныя памяти благочестивѣйшія самодержавнѣйшія великія государыни императрицы Елисаветы Петровны оная коллегія совсѣмъ упразднилася, и яко экономическая канцелярія синоду подчинена.

„Надѣяться же, что и нынѣ благополучно царствующая благочестивѣйшая императрица наша, государыня всемилостивѣйшая, не оставитъ церкви, ежели ея величеству обстоятельно о церкви Божіей и о нынѣшнемъ ея озлобленіи изволите ваше святѣйшество предложить, а наипаче, что еще церковь и отъ прешедшаго недавно бывшаго удара и раззоренія не отдохнула и въ чувство не пришла и ниже мало исправилась, а тутъ упять на нее навѣты и нападенія и таковыи подлоги, дабы ей современемъ въ конецъ истребиться: понеже теперь, напримѣръ, когда нашлются, по силѣ инструкціи, офицеры, то какъ въ прошломъ году, безъ яроваго хлѣба и съ малымъ числомъ сѣна остались, такъ и теперь будемъ съ тѣмъ же, или противу того, съ превосходствомъ оставаться, офицеры бо присланныи будутъ не малые вкладчики, аще по силѣ, аще въ противность инструкціи поступая. Крестьяне же, совершенно еще въ послушаніе монастырямъ и архіереямъ не пришедшіи, отъ оныхъ офицеровъ, по силѣ инструкціи, вопросы, по мужичьему своему уму, въ разсужденіе взявши, къ хлѣбной никакой другой работѣ будутъ огурны и не послушны; впредь же, ежели паче чаянія утвердится оброкъ на крестьянъ, чтобы имъ ничего не работать, но деньги давать, то они хотя и примутъ изначала сіе за благо, потому что придутъ имъ не токмо поля, но и лѣса и луга въ руки ихъ, однако послѣ, опустошивши лѣса, не будутъ въ

состояніи и не похотятъ, хотя душу изъ нихъ возьми, оброковъ платить: и такъ, домы архіерейскіе и монастыри не токмо безъ дровъ, но и безъ хлѣба, и безъ денегъ, и безъ водовоза, послѣдняго работника, останутся. Аще же бы и таковаго случая не послѣдовало, то у насъ не Англія,—едиными деньгами жить и пробиваться, а наипаче монастырямъ и домамъ архіерейскимъ, на которыхъ работать мужику сходняе и способняе, нежели деньги давать, которыми аще бы онъ изобиловалъ, то лучше ему умирать, нежели съ ними разставаться, и когда надлежащіи деньги отдастъ, то на едину нужду домашнюю и работу послѣднюю: воспослѣдуетъ домамъ архіерейскимъ и монастырямъ деньги сорить, какъ полову, того-жъ мужика, крестьянина своего прося и моля, дабы принялъ какія хочетъ деньги, а не отрицалъ бы послужить дому архіерейскому или монастырю, а онъ на то ниже будетъ смотрѣть, и за малое дѣло будетъ вдвое и втрое денегъ требовать, усматруя и промышляя, дабы тыижъ деньги, которыя отъ нихъ взяты, паки къ нимъ съ превосходствомъ возвратилися. Что же касается до нуждъ церковныхъ, напримѣръ, до починки домовъ и монастырей и храмовъ Божіихъ, такожъ и нуждамъ священнослуженія и жертвы безкровныя, о томъ нечего и воспоминать: не съ чего бо будетъ, хотя бы и самому архіерею и по одному на крылосѣ пѣвчему содержать, а о ризницѣ и о благолѣпіяхъ и о утваряхъ, церкви и служенію нужныхъ, нечего и говорить, и тако за малое время можетъ благочестіе все у насъ перевестися и слѣда ему не остаться, развѣ тылко въ памяти многимъ будетъ и въ сожалѣніи, яко въ толь древнемъ и благочестивомъ государствѣ, на весь свѣтъ славномъ и знатномъ, вдругъ не отъ татаръ, и ниже отъ иностранныхъ непріятелей, но отъ своихъ домашнихъ, благочестивыми и сынами церкви нарицающихся, церковь и благочестіе истребилося.

„Сожалѣніе же о томъ, всякому благочестія ревнителю, воспослѣдуетъ плачемъ Іереміинымъ, таковымъ со усугубленіемъ производимое: исходища водная изліетъ око мое о сокрушеніи дщере людей моихъ, какъ потемнѣ злато, измѣнися сребро доброе, разсыпашася камыцы святыни въ началѣ всѣхъ исходовъ.

„Чего недаждь Богъ намъ видѣть и дождаться, предосторожность же надлежитъ имѣть и Бога молить, въ которыхъ молитвахъ и я послѣднѣйшій одолжаяся, навсегда пребываю

„Святѣйшаго правительствующаго синода послушникъ смиренный Арсеній, митрополитъ ростовскій и ярославскій. Своеручно“.

Марта 15-го дня 1763 года.

Вмѣстѣ съ этимъ „доношеніемъ“, того же 15-го марта, преосв. Арсеній представилъ въ свят. синодъ и „покорное прошеніе“, слѣдующаго содержанія:

„Въ минувшемъ году, а въ которомъ—не помню, токмо при жизни блаженныя и вѣчнодостойныя памяти государыни императрицы Елисаветы Петровны, самодержицы всероссійскія, просилъ я ваше святѣйшество о увольненіи мене, за болѣзнію моею, отъ ростовскія епархіи, на обѣщаніе въ монастырь Спасской Новгородской-Сѣверской, и объ ономъ моемъ прошеніи никаковой резолюціи не получилъ. А нынѣ я не токмо во оной болѣзни, но и въ дряхлости и въ старости обрѣтаюсь. Того ради прошу покорно ваше святѣйшество по желанію моему отъ ростовскія епархіи въ означенный монастырь Спасскій Новгородскій-Сѣверскій меня уволить и опредѣлить по примѣру преосвященнаго Геннадія, епископа костромскаго, и пожаловать какоенибудь препитаніе, а наипаче на первый случай: о чемъ усугубляя мое прошеніе, пребываю святѣйшаго правительствующаго синода послушникъ смиренный Арсеній, митрополитъ ростовскій и ярославскій. Своеручно“.

Но событія совершились быстрѣе, чѣмъ ожидалъ преосв. Арсеній. Недоброжелатели его не дремали. Получивъ доношеніе Арсенія, св. синодъ нашелъ, что въ немъ „все, что ни есть, слѣдуетъ ко оскорбленію ея императорскаго величества, за что онъ великому подлежитъ сужденію; но безъ вѣдома Ея И. В-ва, св. синодъ къ тому приступить не смѣетъ, а передаетъ въ высочайшее благоразсмотрѣніе и высокомонаршую Ея И. В-ва безпригляднную милость“, о чемъ и представилъ ея величеству докладъ. Замѣчательная резолюція императрицы на этомъ докладѣ св. синода приведена у г. Соловьева въ цѣломъ составѣ. Согласно этой резолюціи, св. синодъ немедленно распорядился преосв. Арсенія, „чрезъ нарочито отправленнаго гвардіи оберъ-офицера, привезти въ Москву, а при томъ отъѣздѣ ризницы и людей, кромѣ трехъ нужнѣйшихъ служителей, его преосвященству съ собой не брать и имѣющіяся въ кельѣ письма собравъ, его преосвященства и того офицера печатями запечатавъ, взять“. Отправленъ былъ Семеновскаго полка капитанъ-поручикъ Николай Дурновъ, которому дана инструкція: „1) получа изъ св. синода запечатанный указъ, ѣхать въ Ростовъ на шести подводахъ съ крайнимъ поспѣшеніемъ, и какъ скоро туда пріѣдете, въ тоже самое время, митрополита Арсенія, объявя ему указъ, съ поспѣшеніемъ везти въ Москву, истребовавъ почтовыхъ надлежащее число подводъ; 2) по пріѣздѣ въ Москву, привезть того митрополита прямо въ Симоновъ монастырь, оставить въ казначейскихъ кельяхъ, подъ смотрѣніемъ офицера и пристойнаго числа сол-

дать, и самому объявить о томъ св. синоду репортомъ; 3) о дѣлахъ, тайности подлежащихъ, поступать по силѣ имяннаго императора Петра Великаго указа, отъ 1724 г. генваря 13-го". Дурновъ отправился въ Ростовъ 14-го марта, а 17-го числа того же мѣсяца онъ уже возвратился въ Москву, издержавъ на дорогу изъ данныхъ ему 50 р.— 25 р. 75 к., привезя съ собою Арсенія, а также секретаря консисторіи Ивана Волкова и протоколиста Семена Жукова, какъ лицъ, прикосновенныхъ къ дѣлу и подлежавшихъ допросу.

По прибытіи преосв. Арсенія въ Москву, св. синодъ имѣлъ нѣсколько экстренныхъ засѣданій, въ которыя собирался по ночамъ, съ 9-ти часовъ вечера и до часа пополудни слѣдующаго дня. Въ первомъ засѣданіи, происходившемъ 1-го апрѣля, опредѣлено было: 1) допросить Волкова: кѣмъ сочинены были два доношенія, присланныя въ синодъ Арсеніемъ, и почему ни одно изъ нихъ нескрѣплено имъ—секретаремъ; 2) отправить въ Ростовъ и въ Кострому къ епископу Дамаскину нарочитаго за экземпляромъ чинопослѣдованія въ недѣлю православія, „дополненнаго" Арсеніемъ, а равно вызвать въ Москву для допроса и самаго Дамаскина, что́ и было поручено прапорщику Преображенскаго полка Льву Толстому, которому и дана на этотъ предметъ соотвѣтственная инструкція; 3) сочинены допросные пункты обвиняемому: съ какого именно предпріятія и умыслу онъ, какъ первое свое, такъ и второе доношенія сочинить и въ синодъ прислать отважился, и не было-ли у него съ кѣмъ о томъ сношенія и совѣту, и не чинилъ-ли онъ письменно или словесно о томъ какого разглашенія. Вотъ отвѣты Арсенія. „1763 г. апрѣля 1-го дня, въ собраніи св. синода ростовскій митрополитъ Арсеній, по вышеписаннымъ апробованнымъ вопроснымъ пунктамъ допрашиванъ и сказалъ: 1) въ первопосланномъ-де отъ него марта 6-го доношеніи, его преосвященство ничего ко оскорбленію ея императорскаго величества быть не уповалъ, а все-де то писалъ по ревности и совѣсти, чтобъ не быть двоедушнымъ, а ежели что ко оскорбленію ея императорскаго величества имѣется, въ томъ проситъ прощенія и въ волю и милость ея императорскаго величества себя всеподданнѣйше предаетъ; 2) о всемъ, въ томъ доношеніи писанномъ, у его преосвященства ни съ кѣмъ сношенія и совѣта не было, а писано оное собственно отъ его преосвященства; 3) о всемъ, въ означенныхъ доношеніяхъ заключающемся, разглашенія никакого ни съ кѣмъ, какъ письменнаго, такъ и словеснаго, не было; 4) что-де его преосвященство сочинялъ не для возраженія на указы, но на представленія другихъ, по которымъ представленіямъ и тѣ указы послѣдовали, и въ чаяніи томъ, что какъ тѣ представленія не отвержены, такъ-де и его представленіе отвержено

не будетъ, а, по крайней мѣрѣ, что изъ того не воспослѣдуетъ оскорбленія Ея И. В-ва, а понеже оное вошло во оскорбленіе ея императорскаго величества, того ради и паки всесмиреннѣйше и всеподданнѣйше припадая къ ногамъ ея императорскаго величества, проситъ прощенія и помилованія". „О учиненномъ въ нынѣшнемъ году въ нѣдѣлю православія пополнительномъ чиноположеніи[1]) объявилъ, что въ ономъ ничего къ оскорбленію Ея И. В-ва не имѣется, а сочинялъ его преосвященство изъ древнихъ чиноположеній, которыя собраны и исправлены, и въ ономъ, изъ тѣхъ же древнихъ чиноположеній, грабители церковнаго имѣнія потому внесены, что многія не только монастырскія, но и церковныя земли отымаютъ, а суда на нихъ сыскать не можно".

Волковъ на допросѣ объяснилъ, что „на именные указы представленій чинить не слѣдуетъ, что-де онъ преосвященному неоднократно объяснялъ, что оные доношенія съ приказнымъ порядкомъ не сходственны, чего ради оныя имъ, Волковымъ, и не скрѣплены и по консисторіи въ исходящую книгу не записаны и нумеровъ на нихъ не поставлено, но прямо собственно отъ его преосвященства изъ келіи отправлены". Жуковъ, съ своей стороны, объяснилъ, что „до сочиненія и посылки въ синодъ тѣхъ доношеніевъ митрополитъ Арсеній ни съ кѣмъ письменныхъ переписокъ не имѣлъ и къ нему, митрополиту, ни отъ кого о томъ писано не было, кромѣ только того, что оный митрополитъ съ полученной отъ Сильвестра, епископа переяславскаго, инструкціи, данной коммисіи о церковныхъ вотчинахъ, копію къ костромскому епископу при письмѣ своемъ токмо для одного извѣстія послалъ, а отъ того епископа ничего на то писано не было. А когда-де первое доношеніе отъ 6-го числа въ синодъ отправлено, то того-жъ числа съ онаго двѣ копіи при письмахъ посланы отъ него,

---

[1]) Въ чинъ православія Арсеній внесъ отъ себя слѣдующія двѣ статьи, 1) «Иже возстанетъ на церкви Божіи, на храмы и мѣста святыя, зліи крамольницы и совѣтницы ихъ, да будутъ прокляти. 2) Всѣ насильствующіи и обидящіи святіи Божіи церкви и монастыри, отнимающе у нихъ данная имъ отъ древнихъ богомольцевъ и монарховъ благочестивыхъ имѣнія, и чрезъ то воплощенія Христова дѣло и безкровную жертву истребляющіи, аще не останутся (оставятъ?) отъ сего же таковаго начинанія, но и еще помышляти будутъ таковое злодѣйство, яко Ананія и Сапфира и яко крайніи врази Божіи, да будутъ прокляти». Въ печатномъ чинѣ православія, бывшемъ въ это время въ употребленіи, этихъ статей совсѣмъ не было, но онѣ были, какъ сказано въ дѣлѣ, въ чинѣ «рукописномъ 150-го года» (т. е. 1652 г.), за исключеніемъ словъ, отмѣченныхъ разрядкою, которыя вставлены лично Арсеніемъ. Н. В.

митрополита, къ духовнику Ея И. В-ва, протоіерею Ѳедору Яковлевичу Дубянскому, и къ генералъ-фельдмаршалу графу Алексѣю Петровичу Бестужеву-Рюмину, которыми-де письмами просилъ, что когда о оной матеріи отъ св. синода представлено будетъ Ея И. В-ву, то-бъ тогда и оную копію Ея И. В-ву представить-же; а потомъ и со втораго доношенія къ нимъ же, духовнику и фельдмаршалу, при письмахъ копіи посланы-жъ въ такой силѣ, чтобъ употребили они въ защищеніе церкви святой свое стараніе, а болѣе до сего какъ съ тѣхъ доношеніевъ, копій, такъ и писемъ о томъ, отъ онаго митрополита ни къ кому не было. Когда-жъ начаты были оныя доношенія сочиненіемъ и были переписываемы, то-де въ то время усмотря, что оныя противны указамъ объ ономъ, какъ онъ, Жуковъ, такъ и секретарь Волковъ, да секретарь же Кардовской и архидіаконъ Игнатій тому митрополиту представляли многократно, но токмо оный митрополитъ того ихъ представленія не слушалъ и объявлялъ, сердясь, такъ, что-де то не ваше дѣло, а надлежитъ оному быть непремѣнно".

Во второмъ засѣданіи, 4-го апрѣля, слушали протоколъ предъидущаго засѣданія и предположительно постановили: сослать Арсенія въ одинъ изъ отдаленныхъ монастырей съ отнятіемъ отъ него бумаги и чернилъ. Въ 3-мъ засѣданіи, 7-го апрѣля, слушанъ былъ вновь протоколъ объ Арсеніѣ и проектъ опредѣленія по его дѣлу съ выписками основаній для него изъ св. писанія (Варух. гл. I, Мѳ. гл. 22, посл. Петр. гл. 2, Римл. гл. 13, Ефес. гл. 5, Кол. гл. 3, Тит. гл. 3) и церковныхъ правилъ (Апост. прав. 31, 81, 83, 84; Сардик. соб., пр. 21), регламента (л. 6, 25) и указовъ (февр. 9, 1720; апр. 17, 1722; мая 11, 1725 г., о винахъ Ѳеодосія, арх. новгородскаго) и, наконецъ, выписки изъ дѣлъ, бывшихъ о самомъ Арсеніѣ, представляющія интересный біографическій матеріалъ о немъ: Мая 28-го 1742 г. онъ былъ перемѣщенъ на митрополичью каѳедру въ Ростовъ, и велѣно ему присутствовать въ св. синодѣ. Марта 1-го 1743 г. св. синодъ имѣлъ разсужденіе, что митрополитъ Арсеній до сихъ поръ „у присяги не былъ". Бывъ спрошенъ, Арсеній отвѣтилъ, что о томъ онъ лично объяснилъ императрицѣ (Елисаветѣ), о каковомъ отвѣтѣ св. синодъ постановилъ доложить государынѣ. 18-го мая того же года Арсеній принялъ присягу, но на присяжномъ листѣ оказалась его собственноручная приписка, именно къ рѣченію: „и послѣдовати мнѣ во всемъ и повиноватися всегда св. правительствующему синоду, яко правильной власти", прибавлены слова: „отъ Христа и апостоловъ происходящей чрезъ хиротонію". Когда св. синодъ указомъ потребовалъ у него справедливаго по архіерейству по этому дѣлу отвѣтствія", Арсеній отвѣчалъ, что сей его прилогъ въ присягу архіерейскую приписанъ наканунѣ

поставленія и оную присягу съ прилогомъ всѣмъ вслухъ тогда читалъ, а оный прилогъ не въ иной силѣ приписанъ, только въ противность и въ крайнее отверженіе раскольническаго исповѣданія, что-де церковь — не церковь, архіерей — не архіерей, священницы — не священницы, понеже-де священство, чрезъ хиротонію отъ Христа и апостоловъ происходящее, вовсе потерялось, а кромѣ таковыхъ богохульниковъ, онъ нечаетъ, чтобы кому другому, кто церкви святой придержится, могла быть противность: „вашему святѣйшеству какая показалась въ томъ противность прошу со всякою покорностію наставленія", — заключаетъ свое объясненіе Арсеній. Получивъ такое объясненіе, св. синодъ предположилъ имѣть о немъ сужденіе въ полномъ собраніи, но неизвѣстно почему, дальнѣйшаго хода это дѣло не имѣло—„надлежащаго рѣшенія по тому доношенію не учинено".

Вообще тонъ доношеній Арсенія не нравился св. синоду и производилъ такое впечатлѣніе, что 19-го августа того же 1743 года ему былъ посланъ официальный выговоръ.

Документъ этотъ выясняетъ для насъ со всею полнотою тѣ отношенія, какія установились между членами св. синода и Арсеніемъ, и какія, нѣтъ сомнѣнія, повліяли ближайшимъ образомъ и на рѣшеніе его судьбы, когда возникло дѣло по протесту его относительно церковныхъ имуществъ. Считаемъ поэтому не лишнимъ привести этотъ документъ въ полномъ составѣ.

„Архіерей ростовскій Арсеній! Всепресвѣтлѣйшая, самодержавнѣйшая великая государыня императрица Елисавета Петровна имяннымъ своимъ указомъ сего августа 12-го дня повелѣть соизволила, и, во исполненіе того ея императорскаго величества указа, св. синодъ приказали: за ниже изображенныя твои продерзости и противные Ея И. В-ва указамъ поступки учинить тебѣ выговоръ, а именно: понеже по вѣдѣнію правительствующаго сената въ св. синодѣ апрѣля сего 13-го числа опредѣлено и посланнымъ къ тебѣ Ея И. В-ва указомъ онаго-жъ апрѣля 18-го числа повелѣно, чтобы ты впредь показанныхъ въ томъ сенатскомъ вѣдѣніи происшедшихъ отъ тебя письменно поносительныхъ словъ въ доношеніяхъ и во всякихъ письменныхъ корреспонденціяхъ отнюдь не употреблялъ, подъ опасеніемъ показаннаго въ 55-й генеральнаго регламента главѣ штрафа; но ты оное высочайшее блаженныя и вѣчно достойныя памяти государя императора Петра Великаго установленіе послѣдовательно же и дражайшія Его И. В-ва дщери, нашея всемилостивѣйшія государыни о всецѣломъ и нерушимомъ во всѣхъ россійскаго государства правительствахъ отъ его, государя императора Петра Великаго, установленныхъ регламентовъ и указовъ храненіи, высочайшіе указы безстрастіемъ своимъ явно

презирая, не точію, чтобы тебѣ съ какими другими подобночинны»и тебѣ лицы надлежащія корреспонденціи, не повреждая чести ихъ никакими ругательными и поносительными словами, имѣть, но и къ высшей своей командѣ, а именно на посланный къ тебѣ, по доношенію тайной канцеляріи, о пріемѣ въ монастырь нѣкоего извѣстнаго тебѣ во изумленіи показаннаго колодника іюня 17-го указъ въ отправленномъ къ лицу св. синода іюля отъ 15-го доношеніи своемъ дерзнулъ между прочаго написать весьма продерзостно и уразительно, какъ бы къ некоему подчиненному лицу, съ крайне надменною злобою, а именно, что св. синодъ объ ономъ въ изумленіи показанномъ колодникѣ опредѣленіе зѣло яко бы неосмотрительное и продерзостное (учинилъ?), и выводилъ ты оныя свои рѣчи доказаніями не только истинѣ, но и твоей самой совѣсти противными, и будто бы отъ ревности Божіей, но весьма не по разуму, и яко бы св. синодъ то опредѣленіе учинилъ въ опроверженіе указу блаженныя и вѣчно-достойныя памяти государя Петра Великаго прошлаго 1723 г. въ сентябрѣ мѣсяцѣ, и будто-жъ бы въ противность указа нынѣ благополучно государствующія Ея И. В-ва прошлаго 1741 года декабря 12-го, и то ты написалъ весьма ложно и употребляя самъ крайней продерзости и высочайшимъ монаршимъ указамъ противности. А святѣйшій синодъ онымъ своимъ опредѣленіемъ никакого, какъ означенному государя Петра Великаго 1723 г. указу опроверженія, такъ и всемилостивѣйшія нашея государыни 1741 г. указу-жъ въ противность ничего не дѣлалъ, но точно отъ высочайшихъ Е. И. В-ва Петра Великаго сукцессоровъ, о пріемѣ паки изумленныхъ въ монастыри состоявшихся имянныхъ указовъ, собою, безъ собственнаго Е. И. В-ва соизволенія отмѣнить не дерзнулъ и дерзать не могъ, понеже въ состоявшемся Ея И. В-ва именномъ декабря 12-го 1741 г. указѣ изображено, что Ея И. В. матери, государыни императрицы Екатерины Алексѣевны и по ней престоломъ россійскимъ владѣющихъ не отрѣшаетъ, а какъ указы съ настоящимъ временемъ не сходны, о тѣхъ велѣно, учиня особливый реэстръ и объясня, для чего имѣютъ быть отставлены, объявить Ея И. В-ву, а не иному кому собою оныя отмѣнять; а показаннаго изумленнаго отъ св. синода повелѣно было въ монастыри принимать по силѣ помянутыхъ имянныхъ указовъ, а не собственно ако-бы новымъ какимъ самовольнымъ опредѣленіемъ. А въ вышепомянутой генеральнаго регламента 55-й главѣ напечатано: объявляется всѣмъ и каждому, чтобы никто ругательными словами коллегіи касатися не дерзалъ,—который противъ рѣшенія и поступковъ коллегіи у Е. И. В-ва ревизіи или милости просить намѣренъ, то надлежитъ ему сіе съ надлежащимъ воздержаніемъ просить, а не о особахъ и самомъ су-

щемъ дѣлѣ доносить. Да и въ 1721 году января 25-го состоявшемся высочайшемъ указѣ напечатано: уставляемъ духовную коллегію... и повелѣваемъ всѣмъ вѣрнымъ подданнымъ имѣть сіе за важное и сильное правительство и у него крайнія дѣлъ духовныхъ управы, рѣшенія и вершенія просить и судомъ его опредѣленнымъ удовольствоваться, и указовъ его слушать, и во всемъ, подъ великимъ за ослушаніе наказаніемъ, противъ прочихъ коллегій. Да докладныхъ Е. И. В-ву отъ св. синода апрѣля 12-го 1722 года пунктовъ въ 5-мъ представлено: кто гордо презираетъ власть церковную съ великимъ соблазномъ немощныхъ братій, и тако безбожія воню издаетъ,—и противъ того собственною Его И. В-ва рукою подписано: понеже синодъ въ духовномъ дѣлѣ равную власть имѣетъ, какъ сенатъ, того ради респектъ и послушаніе равное отдавать ему надлежитъ, и за преступленіе—наказаніе. А о послушаніи сенату въ подлинномъ Его И. В-ва указѣ 1711 г. марта 2-го написано: всѣ, кому о томъ вѣдать надлежитъ, какъ духовнымъ, такъ и мірскимъ, военнаго и земскаго управленія вышнимъ и нижнимъ чинамъ, что мы для всегдашнихъ нашихъ въ сихъ войнахъ отлучекъ опредѣлили управительный сенатъ, которому всякъ и ихъ указамъ да будетъ послушенъ, такъ, какъ намъ самому, подъ жестокимъ наказаніемъ или смертію, по винѣ смотря. А св. синодъ, какъ выше изображено, учрежденъ въ правленіи духовныхъ дѣлъ въ такой власти, какъ и сенатъ въ свѣтскихъ. И для того тебѣ вышеозначеннымъ Ея И. В-ва указомъ сего августа 12-го паки св. синодъ подтверждаетъ: дабы ты отъ вышеписанныхъ продерзостей отнынѣ конечно воздержался, и во всякихъ письменныхъ корреспонденціяхъ поступалъ, какъ вышеозначенные высокіе регламенты и Е. И. В-ва высокомонаршіе указы повелѣваютъ непремѣнно. А ежели ты впредь, въ подобное оному, паки будешь вступать противленіе и презорство, то яко помѣшатель добрыхъ порядковъ и общаго покоя, и яко противникъ и непріятель Ея И. В-ва воли и онаго высокаго, въ регламентахъ изображеннаго, учрежденія, не точію сана архіерейскаго, но, какъ вышеизложеннымъ указомъ объявлено, и клобука лишишься".

Мы не имѣемъ у себя подъ руками доношеній Арсенія, вызвавшихъ столь грозный, можно сказать, безпримѣрный въ нашей церковной исторіи, указъ св. синода, хотя и не имѣемъ основаній сомнѣваться въ томъ, что негодованіе синода, выраженное въ указѣ, было до нѣкоторой степени справедливо. Одно несомнѣнно: раздраженіе св. синода противъ Арсенія, выразившееся въ этомъ указѣ, отразилось и въ томъ рѣшеніи, какое принято было св. синодомъ по дѣлу двухъ послѣднихъ его доношеній: оно помѣшало св. синоду спокойно взвѣ-

сить силу его доводовъ противъ отобранія монастырскихъ и церковныхъ имѣній въ казну и остановиться исключительно на существѣ дѣла, а не на одномъ лишь способѣ изложенія этихъ доводовъ, по тону живо напоминавшаго тонъ его прежнихъ доношеній. Въ постановленіи св. синода по дѣлу Арсенія сказано: „по указу Ея И. В-ва св. синодъ, слушавъ производимаго о ростовскомъ митрополитѣ Арсеніи дѣла и произведенныхъ ему сего апрѣля 1-го предъ собраніемъ синода по вопроснымъ пунктамъ и вторичнаго 5-го числа допросовъ и учиненной изъ приличествующихъ къ сему дѣлу св. отецъ правилъ и указовъ выписки и по всему тому довольное имѣвъ разсужденіе, что оный митрополитъ Арсеній въ оскорбленіи Ея И. В-ва безъ всякаго извиненія виновнымъ оказуется, тѣмъ именно, что въ противность слова Божія и апостольскихъ преданій и презря свою архіерейскую и генеральную присяги и въ противность государственныхъ узаконеній на имянныя Ея И. В-ва въ 1762 и 1763 годахъ состоявшіеся о церковныхъ имѣніяхъ указы, присланными въ синодъ своими доношеніями таковыя учинилъ возраженія, которыя единственно до оскорбленія Ея И. В-ва слѣдуютъ, приводя въ оныхъ изъ многихъ словъ св. писанія и изъ нѣкоторыхъ книгъ превратныя толкованія, съ самымъ оныхъ словъ разумомъ и силою отнюдь несходственныя, а именно: 1) яко бы разосланныя изъ синода въ силу упомянутыхъ высочайшихъ указовъ въ домы архіерейскіе и монастыри приходныя и расходныя книги не токмо архіереямъ, начальнымъ пастырямъ, но и всему духовному чину тягость несносная и никогда же слыханная, и съ словомъ Божіимъ и закономъ не очень сходная; 2) что-де отъ временъ апостольскихъ всегда были имѣнія церковныя никому не подчинены, токмо единымъ апостоламъ, а послѣ нихъ архіереямъ, на едину волю и разсмотрѣніе ихъ оставлены, приводя къ тому изъ священнаго писанія язвительные примѣры и прещенія, яко Ананію и Сапфиру и самаго Іуду; 3) сверхъ же онаго такое свое мнѣніе полагаетъ, что-де никто же долженъ имѣніе отъ нихъ отбирать и на свое употреблять, отобранное же долженъ непремѣнно возвращать, а нынѣде не только возвращать не думаютъ, но и до послѣдняго взять, какъ-де было сдѣлано предъ симъ въ бывшее правленіе, и отниматель-де первый церковныхъ имѣній—царь Юліанъ Отступникъ, а отъ временъ князя Владиміра не только во время царствованія благочестивыхъ царей, но и во времена татарскія имѣлись свободны церковныя имѣнія; 4) хотя-де Мусина-Пушкина бывшее домамъ архіерейскимъ и монастырямъ заопредѣленіе поганскій обычай превосходило, однако-де церковь и бѣдные архіереи за нужду необходимую терпѣть уже было привыкли; понеже-де, что дано, о томъ не

истязовано, а нынѣ-де архіерейства бѣднаго узникъ и богадѣленный — счастливѣйшій, и такое-де мучительство не отъ погановъ, но отъ своихъ мнящихъ быти овецъ правовѣрныхъ претерпѣваемъ,—каковыя слова и примѣры явнымъ суть доказательствомъ, что оныя совсѣмъ развращенно и дерзко имъ къ тому приведены и истолкованы; 5) не оставилъ оный митрополитъ и о семинаріяхъ изъявить, будто имъ и быть не нужно, ибо-де какимъ нждивеніемъ академіи заводить, когда-де послѣднее пропитаніе отъ архіереевъ и монастырей отъемлется, заключая притомъ о проповѣдникахъ, что-де церкви умножать и порядки содержать надлежитъ, а у насъ-де таковой плодъ и въ думку не приходитъ, егда многи изволяютъ лучше кормить собакъ, нежели священниковъ и монаховъ, и усматриваютъ, дабы за церквами и монастырями имѣнія лишняго отнюдь не было, а подъ видомъ-де излишества и послѣднее отъемлютъ; 6) приводитъ же еще изъ Баронія исторіи о разореніи Франціи, что будто Богъ на нихъ прогнѣвался за похищеніе церковныхъ имѣній, и что мірстіи духовныя дѣла судили, а о постриженіи въ монашество такъ заключаетъ, что-де теперь желателей постриженія насилу изыщетъ, а послѣ-де негдѣ будетъ и взять, а безъ монашества не откуда быть архіереямъ,—сохрани-де Богъ таковаго случая, дабы нашему государству быть безъ архіереевъ,—что-де не иное что воспослѣдуетъ, токмо отъ церкви отступленіе, понеже возъимѣется нужда быть прежде поповщинѣ, послѣ-же безпоповщинѣ, и тако де нашему государству переходить будетъ на раскольническое или лютеранское или папистическое или атеистическое государство; 7) хотя же то доношеніе и окончено тѣмъ, что яко-бы все то писать и отъ слова Божія и закона предлагать не иная причина его привела, токмо ревность по Возѣ и законѣ Божіемъ, въ манифестахъ и указахъ довольно изображенная; аще-же-де возъимѣется въ томъ его погрѣшность, просить о прощеніи, но онаго ни за каковой резонъ почесть невозможно, ибо не только на имянные Ея И. В-ва указы, но и на повелѣнія своей команды ни каковыхъ, кольми паче язвительныхъ представленій чинить подъ наитягчайшимъ штрафомъ запрещено, да и таковой причины, чтобы вышеозначенное возраженіе съ такою дерзкою отвагою выдумывать и яко-бы подъ образомъ ревности представлять ему, митрополиту, да и никому отнюдь не было и нѣтъ; 8) что же касается до его вторичнаго доношенія, то и въ ономъ тажъ самая его дерзость заключается, ибо онъ, не удовлетворяяся означеннымъ на состоявшіеся о учиненіи оберъ-офицерамъ, архіерейскимъ домамъ и монастырямъ описей указы, такожъ изъ нѣкоторыхъ книгъ развращенныя, по своему разумѣнію, рѣчи привелъ, что будто за малое время можетъ благочестіе у насъ изве-

стися и слѣда ему не останется; 9) хотя же онъ на допросѣ показалъ, что яко-бы въ тѣхъ своихъ доношеніяхъ ко оскорбленію Ея И. В-ва ничего быть не уповалъ, а все-де то писалъ по ревности и совѣсти, и того ради всесмиреннѣйше припадая къ стопамъ Ея И. В-ва проситъ прощенія; но оное его показаніе не истинное, ибо канцелярист Жуковъ на допросѣ объявилъ, что отъ него съ вышеозначенныхъ доношеніевъ посланы въ Москву къ нѣкоторымъ знатнымъ двумъ персонамъ копіи, о чемъ онъ, митрополитъ, при вторичномъ допросѣ объявлялъ о томъ свое безпамятство, а потомъ показалъ, что таковыя копіи къ упомянутымъ персонамъ отъ него посланы были съ тѣмъ, чтобы они о тѣхъ доношеніяхъ, если оныя не представятся, представили Ея И. В-ву и хотя точно упомнить не можетъ, а о употребленіи тѣмъ персонамъ въ защищеніе или въ пользу церкви святой старанія—въ письмахъ къ нимъ было; 10) о чинимомъ имъ, митрополитомъ, въ нынѣшнемъ году, въ недѣлю православія, пополнительномъ чиноположеніи показалъ, что въ ономъ ничего къ оскорбленію Ея И. В-ва не заключается, а сочинялъ-де изъ древнихъ чиноположеній, изъ коихъ въ ономъ грабители церковнаго имѣнія потому внесены, что многія не токмо монастырскія, но и церковныя земли отъимаютъ, а суда на нихъ сыскать неможно. И хотя въ ономъ подлинномъ, взятомъ изъ Ростова пополнительномъ чиноположеніи включенная клятва съ прежнимъ въ 150 рукописнымъ, а не печатнымъ экземпляромъ и сходственна, однако съ прибавкою нѣкоторыхъ рѣчей. Но понеже оной въ недѣлю православія церемоніи во все свое архіерейство не чинилъ, а только въ семъ году, и къ костромскому епископу копію упредительно для того же послалъ, то и та, включенная въ ономъ церемоніалѣ на обидчиковъ св. церкви клятва не къ чему иному клонится, точію къ тому, какъ и вышеозначенныя доношенія. А сверхъ того и другія перемѣны по своему мудрованію въ томъ чиноположеніи онъ учинилъ безъ вѣдома синода, чего ему, по архіерейской присягѣ, чинить не надлежало". Затѣмъ выводятся на справку вины Арсенія, подробно изложенныя въ приведенномъ выше выговорѣ ему, и затѣмъ заключается этотъ обвинительный актъ такимъ образомъ. „Того ради приговорили: онаго митрополита Арсенія, яко уже и прежде въ немалыхъ противу узаконенныхъ государственныхъ правъ преступленіяхъ, а нынѣ и наипаче въ тяжкомъ и оскорбительномъ ея императорскому величеству, также архіерейской и генеральной присягѣ и всѣхъ государственныхъ узаконеній преступничествѣ оказавшагося, за тѣ его тяжкія вины и преступничества, въ силу апост. 84 правила, архіерейства, а по его, на въ 743 году учиненномъ ему выговорѣ, подпискѣ, и клобука лишить, и

послать въ отдаленный монастырь на крѣпкое смотрѣніе, и бумаги и чернилъ ему не давать, что-бъ и учинить съ нимъ синоду слѣдовало. Но какъ Ея И. В-ва указомъ повелѣно синоду, назнача по суду сентенцію, представить Ея И. В-ву для конфирмаціи, то синодъ, безъ особливаго Ея И. В-ва повелѣнія, учинить сего не смѣетъ. А яко тотъ митрополитъ Арсеній, по гражданскимъ правамъ, еще и жесточайшему за то свое преступничество осужденію подлежитъ, то, какъ и о просимомъ имъ прощеніи и помилованіи, предать въ высочайшую Ея И. В-ва волю, ибо синодъ по однимъ только духовнымъ правамъ означенный тому митрополиту судъ и по оному свою сентенцію учинилъ, и для того сіе синодальное опредѣленіе въ оригиналѣ къ высочайшему благоусмотрѣнію и конфирмаціи представить ея императорскому величеству при всеподданнѣйшемъ докладѣ, въ которомъ упомянуть, что и о бывшей у того митрополита съ костромскимъ епископомъ и съ другими о той матеріи корреспонденціи въ синодѣ слѣдуется, и что по слѣдствію окажется, о томъ ея императорскому величеству донесеніе быть имѣетъ впредь".

Резолюція Екатерины II-й по дѣлу Арсенія извѣстна. Апрѣля 14-го. „въ половинѣ девятаго по полуночи", въ обычное присутствіе св. синода, состоявшее изъ преосвященныхъ Димитрія новгородскаго, Тимоѳея московскаго, Гавріила с.-петербургскаго, Гедеона псковскаго, Амвросія крутицкаго, Аѳанасія тверскаго и архимандрита новоспасскаго Мисаила, были допущены преосвященные Сильвестръ переяславскій и Тихонъ воронежскій, архимандриты монастырей: Донскаго Варлаамъ, Симонова — Гавріилъ, Высокопетровскаго — Сильвестръ и Заиконоспасскаго—Гавріилъ и, по прочтеніи оберъ-секретаремъ Остолоповымъ указа св. синода въ окончательной формѣ, съ Арсенія синодальнымъ ризничимъ, іеромонахомъ Гавріиломъ, сняты были мантія, панагія и бѣлый клобукъ и отобранъ посохъ.

Н. Ив. Барсовъ.

БУНТЪ БЕНЬЕВСКАГО ВЪ КАМЧАТКѢ

въ 1771 г.

VII [1]).

Спутники Беньевскаго: Рюминъ, Судейкинъ и Бочаровъ, въ бытность свою въ Парижѣ, передали резиденту Хотинскому журналъ своего путешествія съ Беньевскимъ. Журналъ этотъ былъ препровожденъ Хотинскимъ въ иностранную коллегію, которая представляла его для прочтенія императрицѣ. Кромѣ того, Беньевскій самъ описалъ свою жизнь и путешествія, на французскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: „Voyages et mémoires de Maurice Auguste Comte de Benjowski. Paris, 1791", но сочиненіе это, переведенное на всѣ европейскіе языки, наполнено такими вымыслами, которые только и могла создать разгоряченная фантазія пылкаго, смѣлаго и предпріимчиваго искателя сильныхъ ощущеній.

Не придавая, такимъ образомъ, никакого значенія труду Беньевскаго, мы укажемъ на статьи о Беньевскомъ нашего почтеннаго труженика по исторіи флота — Берха, сдѣлавшаго въ нихъ критическую оцѣнку журналу Рюмина и литературному труду Беньевскаго [2]).

Журналъ Рюмина заключаетъ въ себѣ такъ много любопытныхъ свѣдѣній о приключеніяхъ спутниковъ Беньевскаго во время ихъ путешествія отъ Курильскихъ острововъ до береговъ Франціи, что мы не можемъ обойти ихъ молчаніемъ.

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1876 г., томъ XV, стр. 526—547.

[2]) Смотри «Побѣгъ графа Беньевскаго изъ Камчатки во Францію» («Сынъ Отечества» 1821 г., № XXVII и № XXVIII) и «Записки канцеляриста Рюмина о приключеніяхъ его съ Беніовскимъ» («Сѣверный Архивъ» 1822 г., мартъ, № 5 и 6, и апрѣль, № 7). А. С.

Высадивъ Измайлова и Парапчина съ женою на островъ, Беньевскій въ тотъ же день снялся съ якоря и шелъ вдоль Курильской гряды. Въ ночь съ 2-го на 3-е іюня встрѣтили въ морѣ сильный штормъ, который продолжался до 6-го числа. Во время этого шторма дурно уложенный въ трюмѣ грузъ тронулся и судно едва не погибло. 7-го іюня увидѣли землю. Недостатокъ воды и хлѣба заставилъ ихъ пристать къ берегу, принадлежащему, какъ оказалось, Японіи. Японцы указали имъ удобную бухту для якорной стоянки и наливки водой и даже отбуксировали туда ихъ судно своими бусами (лодками). Но въ этой бухтѣ не допустили русскихъ съѣхать на берегъ, хотя Беньевскій объявилъ имъ, что судно „Св. Петръ“ голландское, слѣдующее въ Нагасаки для торговыхъ цѣлей. Японцы доставили имъ на судно потребное количество прѣсной воды и нѣсколько бочекъ пшена, но до самаго отхода судна остались непреклонными въ своихъ требованіяхъ — не съѣзжать на берегъ.

12-го іюня путешественники оставили берега Японіи и до 20-го іюня быстро подвигались впередъ, при благопріятномъ вѣтрѣ. 20-го іюня увидѣли берегъ, у котораго и остановились на якорѣ въ удобной бухтѣ. Прибрежные жители приняли ихъ радушно, снабдили свѣжею провизіею и дозволили испечь на берегу потребное количество хлѣба. По мнѣнію Берха, они останавливались у острова Такао-Сима; 31-го іюля снова отправились въ путь и 7-го августа пришли на видъ острова Формозы, но до 16-го числа лавировали около его, не находя удобнаго якорнаго мѣста. Наконецъ, 16-го августа прибыли къ гальоту двѣ лодки съ индійцами, которые и указали гальоту удобную бухту. На другой день Пановъ, съ нѣсколькими человѣками команды, отправился на берегъ, для отысканія прѣсной воды. Индійцы сдѣлали на нихъ неожиданное нападеніе, при чемъ убили Панова и Попова, а промышленниковъ Логинова [1]), Лапина, Казакова и Кудрина ранили. Беньевскій, въ отомщеніе за смерть своихъ спутниковъ, приказалъ захватить проходившую мимо судна индійскую лодку и убить находившихся на ней пять человѣкъ индійцевъ. Кромѣ того, отправилъ на берегъ вооруженную команду, которая, найдя двухъ раненыхъ индѣйцевъ, умертвила ихъ, а жилища разбѣжавшихся индійцевъ и ихъ лодки сожгла. Похоронивъ на берегу Панова, Логинова и Попова, и наливъ водою, 21-го августа 1771 г., гальотъ снялся съ якоря, дождавшись попутнаго вѣтра.

Увлеченный жестокимъ штормомъ, гальотъ двое сутокъ держался подъ парусами въ проливѣ между Китайскимъ берегомъ и Формозою.

---

[1]) Логиновъ вскорѣ умеръ отъ ранъ.

Наконецъ, потерявъ счисленіе, нѣсколько сутокъ блуждали въ виду береговъ, не зная своего мѣста на картѣ. Къ счастію, 1-го сентября встрѣтили на лодкѣ китайцевъ, которые доставили ихъ судно въ удобную гавань около города Тасонъ, откуда, подъ проводкою лоцмана, перешли въ Макао, гдѣ и бросили якорь 12-го сентября.

Португальскія власти города встрѣтили ихъ радушно и доставили на судно съѣстные припасы и фрукты. 13-го сентября, по распоряженію Беньевскаго, вся команда гальота была свезена на берегъ въ особо приготовленный для нея домъ. Оказалось, что Беньевскій продалъ гальотъ губернатору, со всѣмъ такелажемъ, артиллеріею и провіантомъ, но за какую цѣну—неизвѣстно. Такой самовольный поступокъ Беньевскаго вооружилъ противъ него Степанова, Виноблана и большую часть команды, которая, кромѣ того, была недовольна Беньевскимъ за то, что онъ, выдавая команду судна за венгерцевъ, запретилъ русскимъ, во время молитвы, креститься, чтобы тѣмъ не обнаружить ихъ національность.

Обстоятельство это заставило Беньевскаго написать къ своей командѣ прокламацію, въ которой онъ уговаривалъ команду образумиться и не давать себя въ обманъ людямъ, которыхъ лукавство извѣстно. „Если искренно любите меня и почитать будете, то вамъ клянусь Богомъ, что моя искренность ежедневно доказана будетъ; если же, напротивъ, я увижу, что ваши сердца затвердѣли и меня больше почитать не будете, то сами заключать можете, что отъ меня тоже ожидать надлежитъ“,—заключилъ Беньевскій свою прокламацію.

Убѣжденіе это подѣйствовало на команду и она вновь признала его своимъ командиромъ и покровителемъ, за исключеніемъ одного Степанова. Беньевскій послѣ примиренія написалъ къ своей командѣ новую прокламацію. Въ ней онъ, между прочимъ, высказалъ, что онъ ихъ болѣе не винитъ и дѣло сего помнить не хочетъ. Причемъ обѣщалъ имъ разныя блага: „имѣйте усердіе ко мнѣ: я буду вамъ заступою, никакого оскорбленія вамъ не будетъ, и ежели Богъ насъ въ Европу принесетъ, то я вамъ обѣщаю, что вы вольны будете и со всѣмъ удовольствіемъ, хотя во весь вѣкъ вашъ, содержаны, что, писавши рукою своею, подтверждаю“ [1]). Степановъ, желая обнаружить обманъ Беньевскаго, не могъ однако-жъ сдѣлать этого въ Макао, потому что губернаторъ города не зналъ никакого иностраннаго языка, кромѣ латинскаго, на которомъ и объяснялся съ нимъ Беньевскій при своихъ сдѣлкахъ о продажѣ судна. По этой причинѣ Степановъ подалъ свою жалобу въ Кантонъ китайскому правительству, черезъ

[1]) Объ эти прокламаціи Беньевскаго напечатаны въ «Рус. Арх.» 1865 г.

голландскихъ агентовъ. Въ ней, между прочимъ, онъ излагалъ, что всѣ они увезены Беньевскимъ изъ Камчатки обманомъ и просилъ захватить его, какъ бѣглеца.

Беньевскій поторопился выѣхать изъ Макао, тѣмъ болѣе, что свирѣпствовавшая здѣсь лихорадка похитила 15 человѣкъ команды, въ томъ числѣ Турчанинова, Зибликова и штурмана Чурина, который былъ и командиромъ и штурманомъ гальота „Св. Петръ". 4-го января 1772 года, Беньевскій со всею своею командою перебрался съ берега на двѣ большія китайскія джонки, на которыхъ и доплылъ до Кантона. Здѣсь вся команда была размѣщена на двухъ зафрахтованныхъ Беньевскимъ французскихъ купеческихъ судахъ: „Дофине" и „Лаверди", на которыхъ они и отправились 11-го января изъ Кантона къ берегамъ Франціи. Степановъ, за вмѣшательство его въ распоряженія Беньевскаго, былъ оставленъ въ Макао.

По выходѣ въ море, путешественники встрѣтили попутный вѣтеръ, сопровождавшій ихъ почти до острова Иль-де-Франсъ, около котораго въ мартѣ бросили якорь. Здѣсь запаслись провизіею и налились водою, и 24-го марта снялись съ якоря. 4-го мая остановились у необитаемаго острова, для ловли черепахъ, и простояли здѣсь на якорѣ до 11-го числа. 7-го іюля достигли цѣли своего путешествія—Портъ-Луи, гдѣ всѣ были свезены на берегъ и помѣщены въ большой и удобной квартирѣ, со столомъ, нанятой французскимъ правительствомъ.

На пути къ острову Иль-де-Франсъ умеръ Батуринъ, и въ береговомъ госпиталѣ оставлено 4 человѣка больныхъ. Незадолго до прихода судовъ въ Портъ-Луи, умерло еще трое рабочихъ Холодилова, отъ лихорадки. Такимъ образомъ, въ Портъ-Луи, изъ числа 63-хъ чел. мужч. и 7 женщинъ, ушедшихъ изъ Камчатки, оказалось на лицо 37 мужчинъ и 3 женщины.

Изъ Портъ-Луи Беньевскій уѣхалъ въ Парижъ, гдѣ сдѣлалъ французскому правительству предложеніе о завоеваніи острова Формозы; но какъ правительство имѣло уже намѣреніе занять островъ Мадагаскаръ, то и предложило ему принять на себя заботы о заселеніи этого острова, на что онъ и согласился. Между тѣмъ, оставшіеся въ Портъ-Луи безъ денегъ русскіе, пожелали узнать о дальнѣйшей своей судьбѣ, и потому написали къ Беньевскому въ Парижъ, чтобы онъ позаботился о нихъ, при чемъ нѣкоторые ему объявили свое желаніе возвратиться на родину. Беньевскій прислалъ имъ слѣдующій лаконическій отвѣтъ:

„Ребята! Я ваше письмо получилъ. До моего пріѣзда ваша командировка отмѣнена есть. Послѣ всякой мнѣ свое намѣреніе ска-

жетъ. До моего пріѣзда живите благополучно. Я есмь вашъ пріятель баронъ де-Беньевскій".

По возвращеніи своемъ въ Портъ-Луи, онъ убѣдилъ Устюжинова, Чулошникова, Андріянова съ женою, Потолова и 7 рабочихъ, отправиться съ нимъ на Мадагаскаръ. Винбланъ уѣхалъ въ Швецію, Хрущевъ, Кузнецовъ и Мейдеръ поступили во французскую службу: первый капитаномъ, второй—поручикомъ[1]), а третій лекаремъ. Пять человѣкъ умерло въ госпиталѣ въ Портъ-Луи, а остальные 17 человѣкъ пожелали, несмотря ни на какія убѣжденія Беньевскаго, отправиться на родину. Беньевскій выдалъ имъ паспорты, въ которыхъ были названы они венгерцами, возвращающимися на родину.

27-го марта 1773 г.[2]), партія эта выступила изъ Портъ-Луи пѣшкомъ, съ цѣлію добраться до Парижа и явиться тамъ къ нашему резиденту. Не зная никакого языка, кромѣ своего роднаго, путешественники съ большими затрудненіями добрались, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, до Парижа, сдѣлавъ пѣшкомъ около 550 верстъ. О дальнѣйшемъ ихъ путешествіи въ Россію было говорено выше. Теперь остается сказать еще нѣсколько словъ объ остальныхъ похожденіяхъ Беньевскаго.

23-го марта французская эскадра, съ переселенцами, отправилась къ Мадагаскару, куда и прибыла въ началѣ февраля 1774 года. Беньевскій дѣятельно занялся заселеніемъ сѣверной части острова. Но постоянная борьба съ туземцами и ссоры съ губернаторомъ Иль-де-Франса, которому были подчинены мадагаскарскіе переселенцы, заставили Беньевскаго, черезъ полтора года, оставить свой постъ и бѣжать, на купеческомъ суднѣ, въ Англію.

Здѣсь прожилъ онъ 8 лѣтъ, занимаясь составленіемъ извѣстныхъ уже намъ записокъ о своихъ приключеніяхъ. Затѣмъ, въ апрѣлѣ 1784 г., онъ отправился въ Соединенные Штаты, гдѣ успѣлъ убѣдить одинъ коммерческій домъ содѣйствовать ему въ покореніи Мадагаскара. Съ этою цѣлію Беньевскій отплылъ изъ Балтимора, въ октябрѣ 1784 года, и въ январѣ 1785 г. прибылъ къ Мадагаскару. Но едва успѣлъ онъ высадиться на берегъ со своимъ незначительнымъ конвоемъ, какъ капитанъ корабля, напуганный пальбою на берегу, снялся съ якоря и ушелъ въ море, оставивъ такимъ образомъ Беньевскаго на произволъ судьбы. Проживъ безполезно два мѣсяца, во ожиданіи возвращенія судна, на содѣйствіе котораго онъ расчитывалъ при дальнѣйшихъ своихъ дѣйствіяхъ, Беньевскій въ это время потерялъ большую часть своей команды, среди которой распростра-

---

[1]) Надо замѣтить, что Кузнецовъ былъ простой крестьянинъ. А. С.

[2]) Слѣдовательно, въ Портъ-Луи прожили они слишкомъ 8½ мѣсяцевъ. А. С.

нилась какая-то эпидемическая болѣзнь. Оставшись, наконецъ, на третьемъ мѣсяцѣ самъ-третей, онъ перешелъ на сторону дикарей, у которыхъ до того пользовался извѣстностію, пріобрѣтенною еще въ предшествующее свое пребываніе на островѣ. Онъ предложилъ имъ выгнать французовъ съ Мадагаскара. Дикари приняли его предложеніе и стали охотно обучаться подъ его руководствомъ разнымъ маневрамъ. Первыя ихъ попытки нападенія на французовъ увѣнчались успѣхомъ; но при второмъ нападеніи, 23-го мая 1786 г., островитяне, напуганные сильнымъ натискомъ французовъ и мѣткою стрѣльбой, разбѣжались, а Беньевскій, раненый пулею въ грудь, умеръ на мѣстѣ. Питомецъ Беньевскаго, Иванъ Устюжиновъ, сопровождавшій его во всѣхъ путешествіяхъ въ теченіе 18-ти лѣтъ, лишившись своего воспитателя, въ 1789 г. вернулся въ Сибирь, гдѣ и поступилъ потомъ въ гражданскую службу.

VIII.

Бунтъ Беньевскаго, и въ особенности обѣщаніе бунтовщиковъ придти вновь въ Камчатку съ непріязненною цѣлію, надѣлали не мало хлопотъ, не только сибирскому начальству, но и высшему правительству.

Зубрицкій, принявъ отъ Пленеснера управленіе Охотскимъ портомъ, 10-го октября 1772 г. донесъ въ Иркутскъ, „что Беньевскій можетъ возвратиться съ нѣсколькими судами и потому необходимо имѣть здѣсь всякую осторожность. Хотя я и послалъ въ Камчатку предписаніе прислать изъ остроговъ требованія о порохѣ, свинцѣ и проч., но не скоро получится отвѣтъ. А судя по охотскимъ пушкамъ, которыя всѣ стараго манера и съ раковинами, надо полагать, что такого же качества пушки и въ Камчаткѣ. Да и половина всей команды безъ ружей и шпагъ, а у кого и есть ружья, то негодныя, и потому не угодно-ли будетъ прислать пушекъ, по три на острогъ,—всего 24, съ снарядами, небольшаго фасону, ибо ихъ трудно перевозить изъ Якутска въ Охотскъ. Потребно ружей—1,000, свинцу 200 пуд., пороху 100 пуд., артиллеристовъ 24 и солдатъ 200, а ежели можно, то и болѣе, потому что въ людяхъ крайній недостатокъ. Офицеровъ всего 15, да и то изъ нихъ 7 пьяницъ и никуда негодныхъ, а состоящіе здѣсь команды размѣщены слѣдующимъ порядкомъ:

Въ Охотскѣ солдатъ 100, казаковъ 101; въ Ижигѣ строевыхъ 99, казаковъ 137. Въ острогахъ: Ямскомъ солдатъ и казаковъ 37, въ Тауйскомъ сотникъ и 18 казаковъ, въ Большерѣцкомъ и Нижнекамчатскомъ сотниковъ 4, дворянинъ 1, казаковъ 63; въ Тигильской крѣпости 53 казака, 1 офицеръ и 25 рядовыхъ“.

Изъ Камчатки Шмалевъ также писалъ о присылкѣ подкрѣпленія. пушекъ и артиллерійскихъ снарядовъ на случай нападенія на Камчатку иностранцевъ. Но иркутская губернская канцелярія не имѣла въ своемъ распоряженіи достаточныхъ средствъ къ удовлетворенію этихъ требованій и ограничивалась только строгими инструкціями и предписаніями, безпрестанно посылаемыми начальнику Камчатки, относительно принятія мѣръ къ военной оборонѣ края. Иркутское начальство дѣлало это для очищенія своей совѣсти, безпрестанно получая, въ свою очередь, по этому предмету предписанія отъ кн. Вяземскаго. Въ Петербургѣ, не зная о дальнѣйшихъ намѣреніяхъ Беньевскаго, послѣ прибытія его въ Парижъ, не на шутку опасались за цѣлость нашихъ колоній въ Тихомъ океанѣ.

Императрица Екатерина II, для приведенія камчатскихъ дѣлъ въ порядокъ, еще 30-го апрѣля 1772 г. назначила туда главнымъ командиромъ лично ей извѣстнаго премiеръ-маіора фонъ-Бема, съ жалованьемъ по 600 руб. въ годъ.

Въ инструкціи, данной Бему, между прочимъ, было сказано: „Большерѣцкой и другіе остроги привести въ новое положеніе, чтобы они были безопасны отъ бунтовщиковъ. Военную команду осмотрѣть и пополнить солдатскими и казачьими дѣтьми, а негодныхъ къ службѣ отослать въ Охотскъ, чтобы напрасно хлѣба не поѣдали".

12-го октября 1773 г., Бемъ прибылъ въ Камчатку съ большимъ запасомъ провіанта и артиллерійскихъ снарядовъ. Но не долго этому дѣятельному и вполнѣ честному начальнику пришлось управлять Камчаткою. Интриги новаго иркутскаго губернатора Нѣмцова, человѣка честолюбиваго и до крайности мелочнаго, заставили Бема выйти въ отставку. Поводомъ къ этимъ интригамъ послужила переписка князя Вяземскаго съ Бемомъ, помимо иркутскаго губернатора.

Въ то время, когда Беньевскій снарядилъ во Франціи экспедицію на Мадагаскаръ, императрицѣ не была еще извѣстна настоящая цѣль экспедиціи и потому, опасаясь за Камчатку, она поручила кн. Вяземскому дать Бему нѣкоторыя указанія на случай нападенія на Камчатку Беньевскаго. По этому поводу, Вяземскій, 26-го марта 1773 г., написалъ Бему весьма секретное письмо, въ которомъ, изложивъ въ краткихъ словахъ предшествующую жизнь Беньевскаго, до посылки его въ Камчатку, между прочимъ сообщалъ ему слѣдующее:

„..... Нынѣ же, по дошедшимъ извѣстіямъ ко двору, явился онъ (Беньевскій) во Францію, гдѣ и нашелъ себѣ покровительство, какъ у державы, Россійской имперіи недоброхотствующей. Хотя же отъ двора нашего и объявлено было, черезъ газеты чужестранныя, о характерѣ и дѣйствіяхъ сего отчаяннаго, но, не взирая на то, дворъ французскій

не токмо далъ объ немъ, такими же газетами, во всемъ противное понятіе, называя его барономъ и защищая всю объ немъ истинную исторію, но получено нынѣ извѣстіе, что тотъ же французскій дворъ, вооружа для него фрегатъ и малую флотилію, отправляетъ его съ 1,500 человѣкъ войска, якобы въ Остъ-Индію, для завоеванія тамъ новаго у варваровъ селенія, въ самомъ же дѣлѣ, по примѣчаніямъ, прямое намѣреніе его экспедиціи укрывается".

„Все сіе хотя еще кажется неимовѣрно, но когда началось безуміе въ дачѣ ему пристанища и въ защищеніе его передъ публикою уже сдѣлано, то и прочія догадки, о которыхъ ниже упоминается, казаться должны не безъ основанія. И такъ, данное отчаянному оружіе въ руки, сколько ни кажется смѣха и презрѣнія достойнымъ, благоразуміе однако-жъ заставляетъ и противъ безумнаго стремленія остерегаться, тѣмъ паче, когда оно отчаянною головою въ дѣйство производится, которою, такъ какъ побуждаемою мщеніемъ, французы, не сожалѣя объ ней, пользоваться, можетъ быть, захотятъ. Но какъ при томъ, Беньевскаго, во время заарестованія въ Петербургѣ, самъ я видѣлъ человѣкомъ, которому жить или умереть — все едино, то изъ сего не безъ основанія и подозрѣвать можно, что онъ, зная свободный проѣздъ до Камчатки и имѣя о берегахъ и о жителяхъ ея свѣдѣнія, не покусился бы иногда сдѣлать и на нее какіе-либо поиски".

„.... А какъ извѣстно, что Камчатка ни съ какими чужестранными землями и на чужихъ земляхъ никакого торгу не производитъ, то неминуемо и должно вамъ быть явнымъ доказательствомъ тайнаго или явнаго непріятельскаго покушенія всякаго чужестраннаго судна приближеніе... Имѣйте всегда за главное правило предупреждать всѣ злодѣйскія ухищренія добрыми распоряженіями, а силу отражать мужественнымъ сопротивленіемъ. Причины сей ко всѣмъ предпріемлемымъ вами осторожностямъ не надлежитъ никому объявлять, но содержать въ крайнемъ секретѣ, дабы пустою иногда опасностію не востревожить тамошнихъ жителей".

Въ другомъ письмѣ кн. Вяземскій писалъ Бему, что, по нѣкоторымъ даннымъ, предположенія правительства о намѣреніи Беньевскаго посѣтить Камчатку оправдываются, а потому императрица надѣется, что, въ случаѣ непріятельскаго покушенія на ввѣренный ему край, онъ не допуститъ враговъ похвастаться побѣдою. На что Бемъ, между прочимъ, отвѣчалъ: „Я почитаю жизнь свою наименьшею жертвою, если случай потребуетъ лишиться оной для пользы государства".

Наконецъ, 27-го апрѣля 1775 г. Вяземскій увѣдомилъ Бема, что императрица разрѣшила ему производить жалованье по 1,000 руб. въ годъ.

Нѣмцовъ нисколько не стѣснялся упрекать Бема въ сношеніяхъ его съ Вяземскимъ помимо прямаго своего начальства. Бемъ въ свое оправданіе препроводилъ къ нему копію со всей своей переписки съ генералъ-прокуроромъ: „Дѣлаю это,— писалъ онъ Нѣмцову,— чтобы доказать, что не имѣю никакой склонности, которая бы могла вредить чести моей. Но, дабы вы не думали, что всѣ прежнія мои дѣйствія клонились въ пользу мою, то для того, и по вольности дворянства, подаю въ отставку“ [1]).

По полученіи указа объ отставкѣ, Бемъ, 14-го марта 1779 г., сдалъ должность тому же капитану Шмалеву, и весною хотѣлъ уже выѣхать въ Охотскъ, но непредвидѣнныя обстоятельства заставили его снова принять дѣла управленія.

Въ исходѣ апрѣля 1779 г., прибылъ изъ Петропавловской гавани въ Большерѣцкъ курьеръ съ извѣстіемъ, что 18-го апрѣля пришли въ гавань два иностранныя военныя судна. Здѣсь надо замѣтить, что, по окончаніи второй экспедиціи Беринга, Петропавловская гавань совершенно опустѣла. Тамъ жилъ только сержантъ съ 10 солдатами, для присмотра за разными принадлежащими экспедиціи вещами. Всѣ строенія Беринга давно сгорѣли, а выстроенная имъ церковь разрушилась. При заботахъ же правительства объ укрѣпленіи Камчатки, никому не приходило въ голову, чтобы иностранцы могли сдѣлать нападеніе на Камчатку съ этой стороны, а потому гавань оставалась безъ всякой защиты. При такихъ условіяхъ и предостереженіяхъ Вяземскаго извѣстіе о приходѣ иностранной эскадры не могло не навести страха на всѣхъ жителей полуострова, тѣмъ болѣе, что они подготовлены были къ непріятельскому нападенію разсказами спутниковъ Беньевскаго и безпрестанными указами о принятіи мѣръ къ оборонѣ. Большерѣцкая канцелярія не могла и предполагать, чтобы суда пришли съ добрымъ намѣреніемъ. И потому былъ созванъ военный совѣтъ, который, подъ предсѣдательствомъ Бема, рѣшилъ: по недостатку артиллеріи и команды не предпринимать пока никакихъ рѣшительныхъ мѣръ, но послать на эскадру депутацію, изъ лицъ неслужащихъ, съ письмомъ отъ Бема, который остался во главѣ управленія, потому что считалъ безчестнымъ оставить свой постъ въ такой критическій для края моментъ. Депутатами были избраны: крѣпостной человѣкъ Бема—Пота, знавшій нѣмецкій языкъ, купецъ Посельскій и прикащикъ купца Панова.

Кромѣ того, былъ посланъ нарочный въ Нижнекамчатскъ, чтобы тамъ имѣли предосторожность отъ иностранцевъ, а въ Верхнекамчатскъ

---

[1]) Рапортъ Бема отъ 31-го августа 1777 года.

послано предписаніе, чтобы въ секурсъ отправить всѣхъ лишнихъ солдатъ въ Петропавловскую гавань, съ исправною аммуниціею и ружьями; взаимѣнъ же этой команды передвинуть 20 человѣкъ въ Верхнекамчатскъ изъ Тагильской крѣпости. Въ случаѣ же непріязненныхъ дѣйствій со стороны иностранцевъ, вооружить всѣхъ окрестныхъ обитателей и чинить отпоръ.

Между тѣмъ, депутація прибыла въ Петропавловскую гавань и была очень любезно принята на эскадрѣ. Оказалось, что эта эскадра принадлежала третьей экспедиціи Кука. Когда Кукъ, 14-го февраля 1779 г., былъ убитъ на Сандвичевыхъ островахъ, начальство надъ экспедиціею принялъ Клеркъ. Онъ просилъ депутацію снабдить эскадру свѣжимъ мясомъ и провіантомъ; но какъ просьба эта не могла быть исполнена безъ разрѣшенія Бема, то Клеркъ, въ свою очередь, послалъ депутацію въ Большерѣцкъ. Она состояла изъ капитана Гора, лейтенанта Кинга и доктора Вебера, знавшаго нѣмецкій языкъ.

По отбытіи экспедиціи изъ Камчатки, Шмалевъ доносилъ въ Иркутскъ: „Оные гости нами съ Бемомъ, съ надлежащимъ по званію ихъ почтеніемъ, съ оказываніемъ благопристойности, приняты и на собственномъ нашемъ коштѣ содержаны и по здѣшнему мѣсту, сколько-возможно, были довольствованы, т. е. чаемъ и сахаромъ снабжены, изъ нашего же кошта, безнедостаточно, въ чемъ они весьма довольными отзывались".

Бемъ распорядился послать на эскадру двадцать головъ рогатаго скота, въ то число, по слабости здоровья главнокомандующаго, двѣ дойныя коровы, для пропитанія молокомъ и, кромѣ того, 250 пуд. ржаной муки.

Несмотря на всѣ завѣренія англичанъ, что они путешествуютъ съ ученою цѣлію, Шмалевъ не вѣрилъ имъ и убѣждалъ иркутскаго губернатора о скорѣйшей высылкѣ въ Камчатку солдатъ, пороху и пушекъ.

Въ другомъ своемъ донесеніи къ сибирскому генералъ-губернатору, онъ, между прочимъ, писалъ: „Хотя иркутскій губернаторъ предписывалъ, чтобы, въ случаѣ прибытія въ Камчатку иностранцевъ, не допускать ихъ съѣзжать на берегъ болѣе 10-ти человѣкъ и то для самыхъ необходимыхъ надобностей, но я не встрѣчаю возможности исполнить этого предписанія, потому что всѣ ружья у казаковъ негодныя. Изъ Якутска и Охотска высылаютъ въ Камчатку только тѣ изъ нихъ, которыя негодны къ дѣлу. Хорошей артиллеріи и канонировъ также нѣтъ. Всѣ имѣющіяся здѣсь пушки скорѣе сдѣлаютъ вредъ нашей прислугѣ, чѣмъ непріятелю, а канониры вовсе не знаютъ своего дѣла, такъ что при пальбѣ въ высокоторжественные дни рѣдко

обходится безъ несчастія. При отбытіи англичанъ изъ Большерѣцка. служителя, заряжавшаго пушку, совсѣмъ разбило".

Новый иркутскій губернаторъ Кличка донесъ князю Вяземскому о приходѣ англичанъ въ Камчатку. Въ отвѣтъ на это донесеніе, кн. Вяземскій, 10-го августа 1779 г., писалъ ему, что, по докладѣ императрицѣ о приходѣ англичанъ въ Камчатку, ея величество повелѣла: „отпущенный имъ провіантъ и скотъ принять на счетъ казны. Но такъ какъ путь въ Камчатку сдѣлался уже извѣстенъ иностранцамъ, то привести ее въ оборонительное положеніе".

Это новое подтвержденіе на счетъ укрѣпленія камчатскихъ гаваней надѣлало не мало хлопотъ суетливому Кличкѣ. Во всѣ стороны были посланы гонцы для выбора въ пограничныхъ крѣпостяхъ годныхъ къ дѣлу пушекъ и ружей. Главнымъ командиромъ въ Камчатку назначилъ онъ бывшаго въ военной службѣ кол. ас. Франца Рейнике[1]), которому предписывалось построить въ Петропавловской гавани редуты. Для этихъ работъ долго искали человѣка, знающаго инженерное искусство, но такого въ Сибири не оказалось, и потому вмѣсто его назначили въ распоряженіе Рейнике сержанта, знающаго хорошо рисованіе. Для пользованія же военной команды въ Камчаткѣ, по неимѣнію въ Иркутскѣ лекаря, назначили туда другаго сержанта, знавшаго лечить отъ оспы, а для обученія солдатъ артиллеріи— 4 канонира. Снарядивъ такимъ образомъ Рейнике, Кличка поспѣшилъ отправить его въ Камчатку.

Но едва Рейнике успѣлъ выѣхать изъ Иркутска, какъ Кличка получилъ отъ Шмалева[2]) донесеніе о вторичномъ приходѣ англичанъ:

„Таже англійская эскадра прибыла въ Петропавловскую гавань, 13-го августа 1779 г., подъ командою капитана Гора, ибо капитанъ Клеркъ умеръ на пути въ Камчатку. По сѣверной сторонѣ гавани устроили они ему могилу, у березоваго дерева: обложили ее дерномъ и обнесли частоколомъ. Самое же погребеніе производилось при пушечной пальбѣ, по своему закону"[3]).

Въ другомъ своемъ донесеніи Шмалевъ писалъ: „Я долженъ сознаться, что, при второмъ прибытіи англичанъ, я бралъ съ собою въ Петропавловскую гавань ссыльнаго Ивашкина, знающаго нѣмецкій языкъ". При этомъ онъ еще разъ просилъ о присылкѣ военныхъ снарядовъ.

Рейнике прибылъ въ Камчатку осенью 1780 и до весны 1781 г.

[1]) Отца нашего извѣстнаго гидрографа Михаила Францовича Рейнике.

[2]) Отъ 1-го ноября 1779 года.

[3]) Въ 1787 г., въ бытность Лаперуза въ Петропавловской гавани, французы поставили надъ этою могилою небольшой памятникъ. А. С.

не могъ приступить ни къ какимъ работамъ. Затѣмъ обстоятельства заставили его и вовсе отложить ихъ на нѣкоторое время. По указамъ 19-го марта 1782 и 2-го и 6-го марта 1783 г. въ Сибири учреждены намѣстничество и особая Охотская область, въ составъ которой вошла и Камчатка. Управленіе областью было ввѣрено охотскому коменданту. Въ городахъ положено имѣть разныя присутственныя мѣста и городничихъ, а въ округахъ—исправниковъ, со своимъ штатомъ чиновниковъ. По этому поводу Камчатку наводнили толпою пьяныхъ и выгнанныхъ со службы чиновниковъ, съ которыми поручилось Рейнике открыть всѣ присутственныя мѣста, положенныя по новымъ штатамъ, въ которыхъ во все время ихъ существованія не было никакой переписки, кромѣ требованія содержанія чиновникамъ и объ отдачѣ ихъ подъ судъ. Исполнивъ это порученіе, Рейнике не вмѣшивался уже въ дѣла управленія, ожидая прибытія назначеннаго въ Охотскъ перваго коменданта полковника Козлова-Угренина.

Угренину строго было подтверждено объ укрѣпленіи Камчатки. Онъ счелъ необходимымъ лично осмотрѣть ввѣренный ему край, для чего избралъ зимнее время. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1786 г. онъ выѣхалъ изъ Охотска. При немъ находилось 50 чел. казаковъ для конвоя и 10 человѣкъ прислуги. Городничій и исправники ѣхали впереди и выгоняли на дорогу инородцевъ, для вырубки кустарниковъ и лѣса, мѣшавшихъ проѣзду большаго возка Угренина, устроеннаго съ желѣзною печью. Въ этотъ возокъ впрягалось до 60 собакъ, да подъ конвой и прислугу до 250 собакъ, согнанныхъ на дорогу со всего полуострова. Наступила весна, а Угренинъ все путешествовалъ, но только уже по рѣкамъ на плотахъ и ботахъ, которые сплавляли мѣстные жители. Наступила, наконецъ, другая зима и онъ тогда только собрался въ обратный путь въ Охотскъ и въ томъ же экипажѣ.

Проѣздъ этотъ окончательно разорилъ камчадаловъ. Потерявъ удобное время для промысловъ, они, кромѣ того, лишились всѣхъ своихъ собакъ, которыя пали отъ изнуренія и голода. Событіе это сохранилось тамъ въ народной памяти, подъ названіемъ собачьей оспы.

Въ бытность Угренина въ Камчаткѣ, онъ навелъ тамъ такой на всѣхъ страхъ своими притѣсненіями и жестокими наказаніями, что самое появленіе Беньевскаго, котораго не переставали все-таки ожидать, не напугало бы ихъ такъ, какъ напугалъ Угренинъ. Въ это-то тяжелое для всѣхъ камчадаловъ время распространился по полуострову слухъ, что въ Петропавловскую гавань пришли два хорошо вооруженные французскіе фрегата. На этотъ разъ суда принадлежали той націи, которая сильно покровительствовала Беньевскому, а потому

никто не сомнѣвался въ томъ, что они пришли съ непріязненною цѣлію. Угренинъ въ это время находился въ Нижнекамчатскѣ и, получивъ объ этомъ извѣстіе, не зналъ, что предпринять. Въ Петропавловской гавани весь гарнизонъ состоялъ изъ 25-ти казаковъ, при одномъ офицерѣ, а на укрѣпленія, построенныя тамъ Рейнике, надежда была плохая: они заключались въ одной земляной батареѣ о трехъ маленькихъ пушкахъ. Наконецъ, прибывшій къ Угренину курьеръ привезъ отрадное извѣстіе, что суда эти принадлежатъ къ ученой экспедиціи Лаперуза и что они не намѣрены предпринимать никакихъ военныхъ дѣйствій. Тогда Угренинъ самъ отправился на эскадру съ большою свитою, взявъ съ собою и Ивашкина въ качествѣ переводчика. Лаперузъ принялъ его съ почетомъ и пушечной пальбой. Передъ отправленіемъ своимъ въ море, Лаперузъ послалъ въ Петербургъ, къ французскому посланнику, консула Лесепса, съ донесеніемъ о своемъ путешествіи. Лесепсъ до Охотска ѣхалъ съ Угренинымъ, и по прибытіи въ Парижъ, напечаталъ свое путешествіе, переведенное, въ 1801 г., на русскій языкъ.

Рейнике и Угренинъ доносили въ Иркутскъ, что пока не будутъ доставлены въ Камчатку крѣпостныя орудія большаго калибра, до того времени камчатскія гавани не могутъ быть защищены отъ нападенія непріятельскихъ судовъ. На этомъ основаніи, при снаряженіи, въ 1787 г., кругосвѣтной экспедиціи Муловскаго, для охраненія права нашего на земли, россійскими мореплавателями открытыя, одному изъ судовъ экспедиціи предписывалось идти съ грузомъ, въ томъ числѣ и съ пушками, прямо въ Петропавловскую гавань. Но война съ Турціею и ожидаемый разрывъ съ Швеціею остановили экспедицію. Впрочемъ, время успѣло нѣсколько сгладить впечатлѣнія, произведенныя бунтомъ Беньевскаго, и правительство не очень уже безпокоилось объ укрѣпленіи Камчатки, тѣмъ болѣе, что возвратившійся въ Россію сынъ священника Устюжинова привезъ извѣстіе, что главный виновникъ всѣхъ напрасныхъ тревогъ, Беньевскій, убитъ. Прошло еще нѣсколько десятковъ лѣтъ и въ Европейской Россіи мало по малу стали забывать о бунтѣ Беньевскаго, и только въ Камчаткѣ молва о полякѣ Бейноскѣ и его подвигахъ въ теченіе столѣтія переходила изъ поколѣнія въ поколѣніе и, украшаясь постепенно разными вымыслами, сдѣлалась въ настоящее время любимою мѣстною народною легендою.

А. С. Сгибневъ.

САМСОНЪ ЯКОВЛЕВЪ МАКИНЦЕВЪ

и

РУССКІЕ ВѢГЛЕЦЫ ВЪ ПЕРСІИ [1].

I.

Справедливая и достойная оцѣнка русскаго солдата въ отзывахъ о немъ Фридриха Великаго и Наполеона I окончательно утвердила его громкую извѣстность въ Европѣ. И дѣйствительно, что можетъ быть выше нашего солдата, олицетворяющаго собою тѣ именно качества боевой силы, которыя составляютъ гордость и могущество любой арміи! Но изъ поколѣнія въ поколѣніе вѣрный самому себѣ и всегда строгій исполнитель своего долга, онъ становился иногда выше того уровня, на которое его возвело общественное мнѣніе. Такимъ онъ является по преимуществу на Кавказѣ, гдѣ жизнь его достойна особеннаго, всесторонняго изученія. Зачисленный въ службу и оторванный отъ родной семьи, безъ всякой надежды на скорое къ ней возвращеніе, а быть можетъ и навсегда, онъ, съ приходомъ въ здѣшній край, всецѣло отдавался исполненію долга, съ этихъ поръ единственной руководящей его идеѣ. Во имя ея вступалъ онъ въ нескончаемую борьбу съ мѣстностью, климатомъ и людьми, подвергался всякаго рода лишеніямъ и съ презрѣніемъ относился къ встрѣчавшимся ему на каждомъ шагу опасностямъ. Завоевывая каждый клочекъ земли цѣною крови, онъ не останавливался въ шествіи своемъ и настойчиво пролагалъ чрезъ грозныя и угрюмыя горныя трущобы и непро-

[1]) При составленіи этой статьи, я пользовался главнымъ образомъ офиціальными документами и статьею Н. В. Ханыкова: Служебная дѣятельность ген.-м. Альбранда (Тифлисъ, 1850), а также собственными замѣтками во время моего пребыванія въ Персіи въ 1853—1855 гг. **Ад. В.**

глядную чащу дѣвственныхъ лѣсовъ путь къ внесенію первыхъ сѣмянъ просвѣщенія и цивилизаціи къ враждебнымъ намъ племенамъ. Эта именно боевая жизнь, со всею ея обстановкою, и выработала изъ нашего солдата тотъ особый типъ, который мы назовемъ типомъ кавказскаго солдата, превосходившаго своего собрата по оружію, внѣ предѣловъ здѣшняго края, не только закаленностью въ бою, опытностью и какою-то поразительною сметливостью, но, полагаемъ, болѣе глубокимъ сознаніемъ своего призванія, своего нравственнаго долга. Кончилась война, не стало и прежняго солдата, но остались его дѣянія, т. е. тѣ именно элементы, изъ которыхъ онъ снова воскреснетъ въ чудной боевой эпопеѣ Кавказа, чтобы вѣчно жить для славы Россіи и русскаго народа.

Таковъ нашъ взглядъ на прежняго кавказскаго воина, завоевавшаго Россіи одну изъ богатѣйшихъ ея окраинъ, а съ нею неувядаемую славу и полную признательность грядущаго потомства. Но, усвоивъ себѣ такое убѣжденіе, мы съ тѣмъ болѣе тяжелымъ чувствомъ обращаемся къ тѣмъ отдѣльнымъ личностямъ изъ кавказскаго военнаго сословія, которыя, заклеймивъ память о себѣ гнусною измѣною, передались чуждому имъ правительству, какъ бы въ вѣчное посрамленіе и оскорбленіе своихъ соотечественниковъ.

Подобные случаи современны первымъ годамъ нашего прихода въ Закавказскій край и повторялись, въ бо́льшей или мѣньшей степени, до конца 1830-хъ годовъ. Главнымъ притономъ нашихъ дизертировъ была въ особенности Персія, куда имъ легко было укрываться отъ заслуженнаго наказанія за совершенныя преступленія, благодаря большому протяженію нашей границы съ этою державою, необходимости содержать на разныхъ ея пунктахъ или вблизи оттуда воинскія команды и трудности усмотрѣть за переходомъ черезъ сухую границу. Но, помимо страха отъ преслѣдованія законовъ, побѣги нашихъ солдатъ вызывались и другими причинами. Такъ, между прочимъ, лейбъ-гвардіи Московскаго полка штабсъ-капитанъ князь Кудашевъ доносилъ графу Паскевичу изъ Нахичевани, отъ 26-го сентября 1828 года:

„Побѣги изъ Тифлисскаго полка, сколько я могъ узнать, происходили отъ того, что 1) полк. Волжинскій не весьма можетъ дать хорошій духъ полку и заботливо распоряжаться о выгодахъ солдата; 2) полкъ весьма обижается, что ваше сіятельство не взяли его въ походъ противъ турокъ; 3) полкъ нѣкоторое время получалъ дурной хлѣбъ, ибо сухари, оставшіеся въ магазинѣ, выдавались ему взамѣнъ муки; 4) полкъ не получилъ нѣкоторыхъ денегъ во́-время, а за разработку Кавказской дороги, гдѣ работы производились въ 1825 и

1826 годахъ, вовсе не получалъ; 5) во все лѣто въ полку не отпускались мясная и винная порціи, отчего солдаты почти всѣ страдали жестокими недугами; 6) что когда плѣнные русскіе проходили изъ Тавриза, а особливо 42-го егерскаго полка, солдаты представили Тифлисскаго полка людямъ жизнь въ Персіи бѣжавшихъ въ обворожительномъ видѣ для солдата, и 7) нѣкоторые солдаты мнѣ открыли, что подсылаемые изъ Персіи шпіоны подговариваютъ ихъ тайно на побѣгъ прямо къ Аббасъ-мирзѣ".

Но каковы бы ни были причины, вызывавшія нашихъ солдатъ къ совершенію одного изъ гнуснѣйшихъ преступленій, дѣло въ томъ, что изъ нихъ образовались въ разныхъ мѣстахъ пограничныхъ намъ ханствъ Персіи болѣе или менѣе значительные зародыши русскаго населенія, тѣмъ болѣе для насъ вредные, что они служили пагубнымъ примѣромъ для другихъ и облегчали имъ средства къ побѣгу. Эта основа бѣглаго населенія увеличилась въ послѣдствіи военноплѣнными, взятыми, въ 1827 году, въ отрядѣ генерала Красовскаго, въ дѣлѣ на р. Карасу, и плѣнными, не захотѣвшими воспользоваться размѣномъ послѣ заключенія Туркменчайскаго трактата. Ниже мы увидимъ, какихъ правительству стоило трудовъ вывести большинство тѣхъ и другихъ изъ Персіи и положить предѣлъ злу, начинавшему принимать значительные размѣры.

II.

Самымъ замѣчательнымъ изъ русскихъ бѣглецовъ, какъ по значенію, такъ и по вліянію, пріобрѣтенному въ Персіи, былъ вахмистръ Нижегородскаго драгунскаго полка [1]) Самсонъ Яковлевъ Макинцевъ. По происхожденію малороссіянинъ и уроженецъ Кавказской линіи, онъ ушелъ за границу еще въ 1802 году, въ командованіе здѣшнимъ краемъ князя Павла Димитріевича Цицianова (1802—1806). Мы не имѣемъ достовѣрныхъ извѣстій объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ первые годы пребыванія Макинцева въ Персіи, но думаемъ, что они представляли мало утѣшительнаго. Не говоря уже о болѣзненно-нравственномъ его настроеніи въ минуты, когда онъ мысленно переносился подъ родное небо или въ среду своихъ боевыхъ товарищей, ему предстояло свыкнуться съ другимъ климатомъ, съ новыми условіями жизни, наконецъ, съ населеніемъ, которому онъ ни въ чемъ не могъ симпатизировать, а на все это требовалось не мало времени, а еще болѣе характера и терпѣнія. Кромѣ того, одною изъ важнѣйшихъ его заботъ было изысканіе средствъ къ существованію. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ

[1]) Въ актахъ Кавказской Археографической коммисіи: «Борисоглѣбскаго», см. т. VI, ч. II, стр. 348.

на первыхъ порахъ, подобно другимъ бѣглецамъ, промышлялъ какимъ-нибудь ремесломъ или же прокармливался поденною работою у одного изъ зажиточныхъ армянъ, но ни тотъ, ни другой способъ пропитанія не могъ долго соотвѣтствовать его природнымъ наклонностямъ. Какъ человѣкъ боевой, онъ и въ Персіи задумалъ посвятить себя дѣлу военному и съ этою цѣлью началъ пріискивать случай опредѣлиться на службу, что для него не могло представить особаго затрудненія, такъ какъ персидское правительство всегда охотно принимало въ свои войска нашихъ дезертировъ, далеко превосходившихъ персіянъ знаніемъ военнаго дѣла и дисциплиной. И дѣйствительно, старанія Макинцева не замедлили увѣнчаться успѣхомъ. Представленный наслѣднику престола Аббасъ-мирзѣ, онъ, по приказанію его, былъ зачисленъ наибомъ [1]) въ эриванскій полкъ, состоявшій тогда подъ командою сартиба [2]) Мамедъ-хана. Недолго спустя, онъ былъ пожалованъ въ чинъ султана [3]).

Съ перваго же времени поступленія на службу Макинцевъ, или, какъ его обыкновенно называли, Самсон-ханъ [4]), обратилъ особенное вниманіе на другихъ бѣглецовъ нашихъ, разсѣянныхъ по разнымъ мѣстамъ Персіи, преимущественно же въ эриванскомъ ханствѣ, изъ которыхъ нѣкоторые, забывъ вѣру праотцевъ, обратились къ исламу. Прекративъ эти случаи прозелетизма, онъ началъ усердно ихъ собирать и зачислять въ свой полкъ, при чемъ, явившись покровителемъ и защитникомъ своихъ единовѣрцевъ, не могъ не обратить на себя вниманія Аббасъ-мирзы, который на смотру, произведенномъ полку въ Тавризѣ, до того остался доволенъ обмундировкою и выправкою дезертировъ, что пожаловалъ его маіорскимъ чиномъ.

Прошло еще нѣкоторое время и дезертиры, навербованные Самсон-ханомъ, достигли числительностью половины наличнаго состава въ полку. Между послѣдне поступившими было также нѣсколько нашихъ офицеровъ, бо́льшою частью изъ закавказскихъ туземцевъ, какъ напримѣръ, Соломонъ Ениколоповъ, Давидъ и Заалъ Сагиновы [5]) и пр., что не мало послужило къ ослабленію въ персидскомъ войскѣ вліянія англійскихъ инструкторовъ. „Русскіе,—говорилъ Аббасъ-мирза,—сосѣди и враги наши; рано или поздно война съ ними неиз-

---

[1]) Прапорщикъ.

[2]) Генералъ-маіоръ.

[3]) Капитанъ.

[4]) Изъ имѣвшихся у меня подъ рукою матеріаловъ не видно, когда именно Макинцевъ былъ возведенъ въ ханское достоинство.

[5]) Сагиновы бѣжали въ Персію во время командованія на Кавказѣ ген. Тормасова (1809—1811). Ад. В.

бѣжна, а потому намъ ближе знакомиться съ ихъ боевымъ ученіемъ, чѣмъ съ ученіемъ англичанъ".

Говорятъ, что Самсон-хана особенно смущало отсутствіе въ полку хорошихъ музыкантовъ, такъ какъ состоявшими при немъ и обученными англичанами онъ не могъ быть доволенъ. Впрочемъ, къ устраненію этого неудобства представился вскорѣ случай. Изъ Александрополя бѣжало три музыканта, которыхъ онъ немедленно представилъ Аббасъ-мирзѣ, при чемъ исходатайствовалъ имъ жалованье, съ тѣмъ, чтобы они образовали хорошій хоръ изъ 30-ти молодыхъ людей, которыхъ имъ поручитъ правительство. Какъ этою, такъ и другими услугами, направленными къ явной пользѣ и возвышенію полка, Самсон-ханъ снискалъ особенное уваженіе своихъ единовѣрцевъ, которые на вторичномъ смотру громко стали выражать передъ Аббасъ-мирзою неудовольствіе противъ своего командира Мамедъ-хана, ни по вѣрѣ, ни по языку ими не терпимаго, и открыто просить о назначеніи начальникомъ ихъ Самсон-хана, съ производствомъ его въ серхенги [1]). Аббасъ-мирза, хорошо понимавшій силу и нравственное вліяніе Самсон-хана на его сотечественниковъ, отъ которыхъ многаго могъ ожидать въ будущемъ, поспѣшилъ исполнить просьбу дезертировъ, образовавъ изъ нихъ, подъ командой его, особый полкъ, подъ именемъ бехадыранъ, т. е. богатырей. Съ этихъ поръ Самсон-ханъ начинаетъ вербовать къ себѣ не только бѣглецовъ, но и молодыхъ людей изъ мѣстныхъ армянъ и несторіянъ, неусыпно заботится о своевременномъ удовлетвореніи ихъ жалованьемъ, что въ Персіи всегда сопряжено съ особенными трудностями, и обмундировываетъ всѣхъ на русскій образецъ. Кромѣ того, одною изъ важнѣйшихъ заботъ его было склонить ихъ къ семейной жизни; съ этою цѣлью онъ располагался съ полкомъ то въ Марагѣ, то въ Урміи или Салмасѣ, т. е. въ тѣхъ именно мѣстностяхъ, въ которыхъ преобладаетъ христіанское населеніе. Эта послѣдняя мѣра, помимо чисто нравственной пользы, имѣла и другое весьма важное значеніе, такъ какъ христіанскія семейства черезъ такое родство пріобрѣтали, какъ себѣ, такъ и имуществу своему, защитниковъ противъ насилій и грабежей персіянъ. Но какъ по пословицѣ: „гдѣ нн пожилъ солдатъ, тамъ и расплодился", то Самсон-ханъ не упустилъ изъ виду изыскать средство къ предоставленію солдатскимъ дѣтямъ первоначальнаго образованія, приказывая отдавать ихъ въ армянскія школы, при чемъ желавшихъ посвятить себя въ послѣдствіи военной службѣ зачислялъ въ свой полкъ, другихъ же отдавалъ для обученія ремеслен-

[1]) Полковникъ.

никамъ, лично и строго слѣдя за ихъ поведеніемъ. И теперь еще можно встрѣтить въ Персіи потомковъ нашихъ дезертировъ, промышляющихъ съ успѣхомъ тѣмъ или другимъ ремесломъ.

Такая заботливость Самсон-хана о своихъ единовѣрцахъ много содѣйствовала къ увеличенію личнаго состава полка новыми бѣглецами, хотя онъ въ этихъ случаяхъ не пренебрегалъ и нѣкотораго рода насиліемъ. „Причины побѣговъ изъ Хойскаго отряда солдатъ,—писалъ князь Кудашевъ къ графу Паскевичу, отъ 5-го октября 1828 года,—тѣ, что бывшій драгунскаго полка вахмистръ и теперь находящійся при Аббасъ-мирзѣ въ большой довѣренности Самсонъ, стараясь сколько можно увеличить число русскихъ бѣглыхъ, посылаетъ уговаривать солдатъ и, напаивая виномъ, когда солдаты бываютъ въ командировкѣ, захватываетъ оныхъ. Наши же солдаты, зная, въ какой довѣренности у Аббасъ-мирзы сей носящій генеральскіе эполеты Самсонъ и о выгодахъ бѣжавшихъ къ нему, соглашаются на сіе при удобныхъ случаяхъ“...

Обращаясь къ боевой службѣ нашихъ дезертировъ подъ начальствомъ Самсон-хана, нельзя не упомянуть о тѣхъ заслугахъ, которыя они оказали персидскому правительству въ Курдистанѣ, а въ особенности въ 1820 и 1821 гг. во время войны съ Турціей, содѣйствовавъ не мало къ одержанію побѣды надъ сераскиромъ Чопанъ-оглы при Топракъ-кале.

Въ послѣднюю войну нашу съ Персіей, Самсон-ханъ отказался сражаться противъ русскихъ. „Мы клялись,—говорилъ онъ,—на святомъ евангеліи не стрѣлять противъ своихъ одновѣрцевъ и клятвѣ нашей не измѣнимъ“. Цѣль его была остаться въ Тавризѣ подъ предлогомъ защиты города въ случаѣ его осады, но онъ въ томъ не успѣлъ, такъ какъ Аббасъ-мирза его взялъ съ собою въ походъ, съ условіемъ однако же, что полкъ его будетъ въ резервѣ, а самъ онъ состоять при немъ въ качествѣ совѣтника. Послѣ взятія Сардаръ-абада и до самаго вступленія войскъ нашихъ въ Тавризъ, Самсон-ханъ жилъ то въ Марагѣ, то въ Курдистанѣ.

Въ 1832 году онъ съ полкомъ сопровождалъ Аббасъ-мирзу въ походѣ его противъ Герата. Въ одной изъ происшедшихъ тамъ вылазокъ авганцы потерпѣли сильное пораженіе, заставившее ихъ укрыться въ цитадель Роуза-гахъ, извѣстную гробницею чтимаго ими святаго. Взятіе этого укрѣпленнаго мѣста было поручено Самсон-хану, который овладѣлъ имъ безъ особеннаго труда, при чемъ навелъ паническій страхъ на осажденныхъ, испугавшихся, по словамъ Риза-Кули-хана, извѣстнаго правителя Герата, „высокихъ и разноцвѣтныхъ сул-

тановъ на киверахъ русскаго баталіона, принятыхъ ими за ослиные хвосты".

Дальнѣйшее пребываніе Аббасъ-мирзы подъ Гератомъ не принесло никакой пользы и походъ его, благодаря вмѣшательству англійскаго повѣреннаго Макъ-Ниля (Mac Nell) кончился также безуспѣшно, какъ и прежнія экспедиціи противъ этого города, стоившія персидскимъ шахамъ громадныхъ денегъ и многочисленнаго войска. Въ Персіи даже сложилась поговорка: „областьЕратская—это кладбище для персидскаго войска". Главною причиною этихъ неудачъ, какъ и въ данномъ случаѣ, всегда была недовѣрчивость и подозрительность англійской политики, видѣвшей въЕратѣ ключъ къ Индіи и трепетавшей за цѣлость своихъ тамошнихъ владѣній.

На возвратномъ пути изъ-подъ Герата, Аббасъ-мирза скончался въ Мешедѣ, 10-го октября 1833 года. Въ слѣдующемъ году не стало и Фетхъ-Али-шаха: онъ умеръ въ Испагани, 8-го октября.

Въ Персіи, какъ извѣстно, смерть царствующаго шаха всегда влечетъ за собою безпорядки и неурядицы, близкіе къ анархіи. Въ такое время, по обыкновенію, является нѣсколько претендентовъ на престолъ, изъ которыхъ каждый отстаиваетъ свои права, при чемъ дѣло нерѣдко доходитъ до кровопролитія. Такое положеніе дѣлъ, отражающееся главнымъ и самымъ пагубнымъ образомъ на населеніи, продолжается до тѣхъ поръ, пока болѣе сильная сторона не восторжествуетъ и не упрочитъ за собою верховной власти. Почти тоже случилось при восшествіи на престолъ Мамедъ-мирзы, сына Аббасъ-мирзы и внука покойнаго шаха. Главнымъ претендентомъ на этотъ разъ явился Али-шахъ Зилли-султанъ, тѣмъ болѣе опасный, что вѣсть о смерти Фетхъ-Али-шаха, заставъ его въ Тегеранѣ, дала ему возможность захватить въ свои руки всѣ сокровища и деньги казны, тогда какъ Мамедъ-мирза, по званію правителя Адербейджана, находился въ Тавризѣ и не располагалъ ровно никакими средствами. Говорятъ, что въ это трудное время Самсон-ханъ, съ своимъ полкомъ, оказалъ важныя услуги молодому государю, какъ охраненіемъ личной его безопасности, такъ и готовностью, въ случаѣ нужды, силою оружія отражать всякія непріязненныя дѣйствія противъ него другихъ соискателей короны. Были даже слухи, что онъ разбилъ подъ Зенганомъ Сейфъ-уль-мулькъ-мирзу, выступившаго съ войскомъ противъ Мамедъ-мирзы [1]), но они ничѣмъ не подтвердились и новый шахъ прибылъ благополучно въ Тегеранъ, не встрѣтивъ на пути никакого сопро-

---

[1]) Донесеніе ген-м. Краббе барону Розену, отъ 12-го декабря 1834 г.—Сейфъ-уль-мулькъ-мирза—сынъ Зилли-султана Али-шаха. Ад. В.

тивленія. Войска же, дѣйствительно высланныя Зилли-султаномъ, встрѣтивъ на пути Мамедъ-мирзу, тотчасъ же перешли на его сторону и вмѣстѣ съ жителями столицы признали власть своего законнаго государя. Зилли-султанъ былъ схваченъ и заключенъ въ Ардебильскую крѣпость, изъ которой въ послѣдствіи бѣжалъ въ Турцію, гдѣ и умеръ.

Воцареніе новаго шаха повлекло за собою возвышеніе новыхъ временщиковъ. Сильный и ненавистный всей Персіи каймакамъ Мирза-Абуль-Касимъ, сынъ извѣстнаго въ свое время Мирза-Безюрга, былъ умерщвленъ по шахскому повелѣнію и на сцену выступилъ первый любимецъ шаха Хаджи-Мирза-Агаси, облеченный въ санъ перваго министра.

Съ перемѣною правительства, положеніе Самсон-хана, однако же, не измѣнилось, что тѣмъ болѣе удивительно, что Хаджи-Мирза-Агаси хорошо зналъ его ненависть къ себѣ и тѣ дурные отзывы, на которые тотъ не скупился на счетъ его. Въ послѣдствіи они, повидимому, сошлись и вотъ по какому случаю. Когда, въ 1837 году, Мамедъ-шахъ, по примѣру дѣда и отца, задумалъ экспедицію въ Хорасанъ и, въ числѣ другихъ, вытребовалъ въ Тегеранъ Самсон-хана, то на смотру войскамъ лично и нѣсколько разъ благодарилъ его за хорошее состояніе командуемаго имъ полка. Очень понятно, что тѣже одобренія и похвалы посыпались со стороны шахской свиты. Молчалъ одинъ только Хаджи. На слѣдующій день, онъ послалъ за Самсон-ханомъ, и, когда тотъ явился, привѣтствовалъ его слѣдующими словами:

— „Знаешь-ли, Самсонъ, почему я вчера на смотру отнесся къ тебѣ съ такимъ равнодушіемъ?“—и тутъ же продолжалъ: „потому, чтобы моя признательность къ тебѣ не слилась съ признательностью другихъ и чтобы сегодня благодарить тебя здѣсь, у себя, въ вящшее убѣжденіе присутствующихъ въ моемъ личномъ къ тебѣ уваженіи и расположеніи“.

Понятно, что такое вниманіе перваго министра не могло не польстить самолюбію Самсон-хана. Затѣмъ, Хаджи-Мирза-Агаси пригласилъ его къ завтраку. Самсон-ханъ поклонился въ знакъ согласія, но ни до чего не дотрогивался, отозвавшись тѣмъ, что не имѣетъ привычки завтракать. Услышавъ это, Хаджи сказалъ:

— „Обмокни, по крайней мѣрѣ, палецъ въ соль и докажи тѣмъ, что любишь меня“.

Самсон-ханъ послѣдовалъ приглашенію и лизнулъ соли.

— „Ну, продолжалъ съ самодовольнымъ видомъ министръ, теперь я убѣдился, что ты любишь меня; останемся же и впредь искренними друзьями“.

Произнеся это, онъ приказалъ принести дорогую кашмирскую шаль и, накинувъ ее на плечи Самсон-хана, отпустилъ его.

Вскорѣ послѣ этого свиданія, Мамедъ-шахъ выступилъ противъ Герата, куда за нимъ послѣдовалъ и Самсон-ханъ съ своимъ полкомъ. Изъ персидской исторіи Роузету-Сефа мы знаемъ, что, во время штурма этого города, на Самсон-хана, Мустафа-Кули-хана Семнанскаго и Вели-хана Тенгабинскаго была возложена атака со стороны такъ называемой Пепельной башни (Хакистерй), но что движеніе это не имѣло успѣха: Вели-ханъ былъ убитъ, а Самсон-ханъ раненъ. Другихъ свѣдѣній объ участіи Самсонъ-хана въ этомъ походѣ не имѣется. Но прежде чѣмъ мы прослѣдимъ дальнѣйшую его судьбу въ Персіи, обратимся къ прочимъ русскимъ бѣглецамъ, во множествѣ разсѣяннымъ, въ описываемое время, по разнымъ мѣстностямъ персидскаго государства и заслуживающимъ полнаго нашего вниманія.

III.

Пребываніе дезертировъ въ Персіи было, само собою разумѣется, далеко не въ видахъ нашего правительства и еще генералъ Ермоловъ, отправленный, въ 1817 году, въ качествѣ чрезвычайнаго посла ко двору Фетхъ-Али-шаха, употребилъ все стараніе къ возвращенію ихъ въ Россію; но усилія его, кромѣ непріятныхъ объясненій по этому предмету съ персидскими властями, другихъ послѣдствій не имѣли. Точно также безуспѣшны были домогательства ближайшихъ его преемниковъ, по званію главнокомандующаго на Кавказѣ, графа Паскевича и барона Розена. Да и можно-ли было расчитывать на благопріятный исходъ этого дѣла, когда сами персіяне, подъ разными предлогами, старались удерживать какъ нашихъ дезертировъ, такъ и плѣнныхъ, подвергая тѣхъ и другихъ, въ случаяхъ малѣйшей съ ихъ стороны попытки къ возвращенію, самымъ тяжкимъ оскорбленіямъ.

Вотъ что, между прочимъ, доносилъ гр. Паскевичу нашъ консулъ въ Тавризѣ Амбургеръ, отъ 15-го мая 1828 года:

„Я употребилъ сильнѣйшія настоянія касательно выдачи плѣнныхъ, но до сихъ поръ безуспѣшно. Персіяне не повинуются предписаніямъ начальства и скрываютъ плѣнныхъ, доставшихся имъ въ продолженіе послѣдней войны, можетъ быть, потому, что самъ наслѣдникъ и прочіе принцы къ тому подаютъ примѣръ. Я подалъ на сей счетъ ноту Мамедъ-мирзѣ, завѣдывающему всѣми дѣлами по случаю отъѣзда Аббасъ-мирзы, и присоединилъ къ сильнѣйшему требованію о выдачѣ плѣнныхъ подобное же—о возвращеніи намъ бѣглыхъ солдатъ, опираясь на V-ю статью прибавочныхъ къ Туркменчайскому трак-

тату статей, относящихся до временнаго занятія нашими войсками областей персидскихъ, и усилилъ оную изъявленіемъ воли вашего сіятельства задержать знатнѣйшихъ персидскихъ чиновниковъ, находящихся у насъ въ плѣну.

„Если я не въ точности исполнилъ ваше предписаніе и пріобщилъ къ требованію о выдачѣ плѣнныхъ подобное же о выдачѣ бѣглыхъ солдатъ, то я къ сему былъ почти вынужденъ наглостью, съ которою здѣсь поступаютъ относительно послѣднихъ. Ихъ водятъ публично по улицамъ прежде-бѣжавшіе солдаты, состоящіе нынѣ въ сарбазахъ въ бехадыранскомъ полку и правительство персидское нимало не старается скрывать такое постыдное поведеніе свое. На счетъ сей я еще прежде сдѣлалъ письменное замѣчаніе его высочеству, какъ равно и о носимыхъ оными бѣглыми россійскихъ знаковъ отличія и офицерами онаго полка русскихъ эполетъ. На сіе послѣднее получилъ я отзывъ, что ношеніе таковыхъ знаковъ уже строжайше запрещено и я замѣтилъ, что эполеты дѣйствительно сняты. Чувство сильнаго негодованія, при видѣ сихъ бѣглыхъ всегда на улицахъ Тавриза. заставило меня превзойти предписаніе вашего сіятельства и я прошу на сей счетъ вашего извиненія".

Въ ноябрѣ того же 1828 года на уклончивость персидскаго правительства отъ выдачи намъ бѣглецовъ жаловался и Грибоѣдовъ, объясняя это сколько медлительностью его въ подобныхъ дѣлахъ, столько же всегдашнимъ желаніемъ отклоняться отъ всякаго справедливаго нашего требованія. Тѣмъ не менѣе, онъ не отчаявался въ достиженіи полнаго удовлетворенія и уже заручился было обѣщаніемъ о выдачѣ намъ Самсон-хана, но неожиданно приключившаяся ему смерть, нарушившая пріязненныя наши отношенія съ Персіей, отсрочила рѣшеніе вопроса о дезертирахъ до возстановленія прежнихъ добрыхъ отношеній съ этою державою.

Въ 1830 году, при преемникѣ покойнаго Александра Сергѣевича, кн. Н. А. Долгоруковѣ, послѣдовало всемилостивѣйшее прощеніе русскихъ дезертировъ съ дозволеніемъ имъ возвратиться на родину.

„Всемилостивѣйшее прощеніе это—пишетъ кн. Долгоруковъ[1]) графу Паскевичу,—было объявлено нѣкоторымъ изъ нашихъ солдатъ консуломъ нашимъ Амбургеромъ; тоже самое сдѣлалъ и я по возвращеніи моемъ въ Тавризъ. Всѣ они увѣряли о желаніи, какъ своемъ, такъ и большей части дезертировъ возвратиться на родину, но вмѣстѣ съ тѣмъ объявили, что на одно словесное обѣщаніе положиться не могутъ; а если миссія будетъ принимать ихъ въ свой домъ и отправлять

[1]) Секретное донесеніе его изъ Тавриза, отъ 22-го мая 1830 года.

постепенно въ Россію, то они примутъ сіе за явный знакъ всемилостивѣйшаго прощенія и немедленно оставятъ службу Персіи; переходить же отсюда тайнымъ образомъ не рѣшаются, ибо страшатся быть схваченными и подвергнуться жесточайшей участи, тѣмъ болѣе, что уже двое изъ нихъ, покусившіеся на побѣгъ изъ Мараги, были пойманы и строгимъ образомъ наказаны".

„О таковомъ отзывѣ русскихъ дезертировъ, подающемъ весьма малую надежду на возвращеніе ихъ въ отечество, я, долгомъ почитая довести до свѣдѣнія вашего сіятельства, имѣю честь присовокупить, что всемилостивѣйшее прощеніе, хотя и объявлено имъ со всевозможною осторожностью, легко можетъ содѣлаться гласнымъ и дойти до свѣдѣнія Аббасъ-мирзы, что можетъ дать поводъ къ весьма непріятнымъ объясненіямъ; почему я нахожусь въ необходимости просить покорнѣйше снабдить меня подробнымъ по сему дѣлу наставленіемъ и удостоить предписаніемъ, не угодно-ли войти въ прямое сношеніе съ персидскимъ правительствомъ о находящихся здѣсь нашихъ дезертирахъ въ особенности, или вообще о постановленіи взаимныхъ условій касательно передачи бѣглецовъ".

Но всякое открытое распоряженіе къ отправленію въ Россію дезертировъ противурѣчило политикѣ нашего правительства, такъ какъ, будучи несогласно съ туркменчайскимъ трактатомъ, оно могло произвести непріятныя распри и повредить во многомъ другомъ нашимъ дѣламъ, особенно же той довѣренности, которую мы успѣли пріобрѣсти со стороны тегеранскаго двора. А потому рѣшено было вовсе отъ того воздержаться, предоставивъ миссіи нашей тайнымъ образомъ оказывать дезертирамъ, буде они, чистосердечно раскаясь, изъявятъ желаніе возвратиться въ Россію, возможное пособіе къ переходу границы, но не массами, а отдѣльно [1]).

На этомъ дѣло, повидимому, до времени и остановилось. Между тѣмъ случаи возвращенія къ намъ дезертировъ были по прежнему весьма рѣдки, но за то уменьшились въ закавказскихъ войскахъ и новые побѣги, что въ особенности должно было отнести къ попечительности отдѣльныхъ отрядныхъ начальниковъ [2]).

Но вотъ наступилъ 1837 годъ, ознаменовавшійся путешествіемъ императора Николая на Кавказъ и посѣщеніемъ, между прочимъ, Эривани, куда Мамедъ-шахъ, находившійся тогда подъ Гератомъ, выслалъ для привѣтствія своего августѣйшаго сосѣда наслѣднаго принца (нынѣшняго шаха) Насръ-Эддинъ-мирзу съ Эмиръ-Низамомъ Мамедъ-

[1]) Отношеніе графа Чернышева къ барону Розену, отъ 7-го іюля 1832 года.
[2]) Отношеніе барона Розена къ гр. Чернышеву, отъ 15-го іюня 1833 года.

ханомъ. Въ разговорѣ съ послѣднимъ государь выразилъ непремѣнное желаніе, чтобы баталіонъ, составленный въ Персіи изъ нашихъ дезертировъ и военноплѣнныхъ былъ распущенъ и чтобы русскіе солдаты были возвращены въ ихъ отечество, съ воспрещеніемъ впредь принимать въ персидскихъ владѣніяхъ нашихъ бѣглецовъ. Содержаніе этого разговора, по высочайшему повелѣнію, было передано тогдашнимъ главнокомандующимъ на Кавказѣ барономъ Розеномъ полномочному министру нашему въ Персіи, графу Симоничу, съ тѣмъ, чтобы онъ склонилъ Мамедъ-шаха исполнить означенное требованіе государя. Вскорѣ послѣ того графу Симоничу было сообщено, что Самсонъ-ханъ, по высочайшему повелѣнію, не только будетъ изъятъ отъ всякаго наказанія, но что ему назначится денежное вознагражденіе, если онъ успѣетъ привести баталіонъ изъ нашихъ дезертировъ на русскую границу и сдать его тамъ подлежащимъ военнымъ властямъ. Что же касается возвращенія самого его, то государь, принимая въ соображеніе 30-ти лѣтнее пребываніе его въ Персіи и заведенныя тамъ связи, предоставляетъ ему на выборъ: возвратиться въ Россію или остаться въ Персіи. Въ заключеніе депеши было сказано, что если бы персидское правительство отказало въ дачѣ разрѣшенія на выводъ дезертировъ, съ чѣмъ графъ Симоничъ уполномочивался обратиться къ нему офиціально, то государь разрѣшаетъ ему оставить свой постъ со всѣми членами миссіи, не ожидая дальнѣйшихъ по настоящему дѣлу инструкцій [1]). Для бо́льшаго же успѣха въ нашемъ требованіи, графу Симоничу было разрѣшено лично отправиться подъ Гератъ, въ лагерь шаха.

Между тѣмъ шахъ, какъ и слѣдовало ожидать, изъявилъ полное согласіе на исполненіе желанія, выраженнаго государемъ, въ доказательство чего тогда же передалъ графу Симоничу, для отправленія къ нашему консулу въ Тавризъ, два дести-хата или собственноручныя повелѣнія на имя правителя Адербейджана Кахраманъ-мирзы и Эмиръ-низама Мамедъ-хана, коими имъ предписывалось собрать всѣхъ нашихъ перебѣжчиковъ, живущихъ во ввѣренной имъ области, и передать ихъ русскому консулу. Для лучшаго же успѣха въ этомъ дѣлѣ графъ Симоничъ просилъ генерала Головина, смѣнившаго на Кавказѣ барона Розена, прислать опытнаго офицера для вывода дезертировъ въ наши границы. Выборъ ген. Головина палъ на капитана Альбранда [2]).

[1]) Депеша графу Симоничу, отъ 5-го февраля 1838 года.

[2]) Альбрандъ, Левъ Львовичъ, родился въ семействѣ бѣдныхъ дворянъ Херсонской губерніи и получилъ скудное домашнее воспитаніе. Въ 1819 г. онъ былъ принятъ на службу въ штатъ канцеляріи херсонскаго военнаго губернатора

IV.

Порученіе, возложенное генераломъ Головинымъ на капитана Альбранда, было столько же трудное, сколько и опасное. Не говоря уже о томъ, что его отправляли въ Персію безъ всякой вооруженной силы для вывода оттуда цѣлой толпы необузданныхъ и погрязшихъ въ преступленіяхъ дезертировъ, онъ въ данномъ случаѣ ничѣмъ не былъ обезпеченъ и въ отношеніи личной своей безопасности. Все, на что онъ могъ и долженъ былъ расчитывать, заключалось въ глубокомъ знаніи нашего солдата и въ умѣніи силою слова пробудить въ немъ тѣ святыя чувства любви къ родинѣ, которыя никогда не остываютъ въ русской груди. На какую-либо существенную, невынужденную услугу со стороны персидскаго правительства, какъ мы увидимъ ниже, было мало надежды.

Прибывъ 19-го іюня 1838 г. въ Тавризъ, онъ немедленно былъ представленъ генеральнымъ нашимъ консуломъ Кодинцемъ принцу Кахраманъ-мирзѣ, который, въ виду предъявленныхъ ему шахскихъ дестихатовъ, тотчасъ же распорядился, чрезъ Эмиръ-низама Мамедъ-хана, отправить во всѣ деревни ввѣренной его управленію Адербейджанской области нарочныхъ съ строгимъ подтвержденіемъ старшинамъ безотлагательно выслать всѣхъ русскихъ дезертировъ въ Уджанъ,—поляну съ загороднымъ дворцомъ Аббасъ-мирзы, въ 50-ти верстахъ отъ Тавриза, куда Кахраманъ-мирза съ войскомъ выступалъ въ лагерь на лѣтніе мѣсяцы. Выборъ Уджана, какъ сборнаго пункта, обусловливался тѣмъ, что въ Тавризѣ, при занимаемой имъ, съ садами, площади въ нѣсколько миль и съ населеніемъ въ 75 т. душъ мало обузданныхъ фанатиковъ, встрѣтилось бы болѣе неудобствъ къ усми-

---

и въ первыя 13 лѣтъ часто переходилъ изъ одного вѣдомства въ другое. Такъ, въ 1823 г. онъ опредѣлился въ канцелярію попечителя керченской и бугазской торговли съ черкесами и абазинцами; въ 1828 г. поступилъ въ канцелярію управлявшаго полевымъ коммисаріатомъ бывшей 2-й арміи и, въ качествѣ чиновника этого вѣдомства, участвовалъ въ тогдашнемъ турецкомъ походѣ; въ 1830 г. онъ перешелъ въ канцелярію главнокомандующаго 1-ю арміею, гдѣ и оставался до ноября 1831 г., т. е. до увольненія его въ отставку, по болѣзни. Въ 1832 г. Альбрандъ прибылъ на Кавказъ въ чинѣ титулярнаго совѣтника, изъ котораго въ томъ же году былъ переименованъ въ штабъ-ротмистры за дѣло подъ Гимрами, гдѣ раненъ тремя пулями въ грудь; въ 1834 г. онъ принимаетъ участіе въ дѣлахъ на правомъ флангѣ; занимаетъ должность старшаго адъютанта при штабѣ въ Тифлисѣ; въ 1836 г. находится на Лабинской линіи и за дѣло на Маломъ Зеленчукѣ, въ Хасаутскомъ ущельи, награжденъ чиномъ капитана; въ 1837 г. участвуетъ въ экспедиціи барона Розена на сѣверо-восточный берегъ Чернаго моря. **Ад. В.**

ренію дезертировъ на случай какихъ-либо между ними безпорядковъ, или же къ собранію ихъ, если бы они вздумали разбѣжаться. Но мѣра эта, при всей ея предусмотрительности, далеко не могла быть принята за ручательство въ искренности дальнѣйшихъ дѣйствій персидскаго правительства. Оно, напротивъ, съ самаго прибытія Альбранда въ Тавризъ, пустило въ ходъ ту подпольную противъ него интригу, которая создала ему цѣлый рядъ затрудненій, тѣмъ болѣе неудобныхъ къ устраненію, что они бо́льшею частью вызывались недоброжелательною и коварною къ Россіи политикою англичанъ. Послѣдніе, въ полномъ убѣжденіи, что осада Герата, руководимая самимъ шахомъ, есть дѣло нашего правительства, въ неудовольствіи своемъ, пользуясь неудачами персіянъ и требованіемъ нашимъ о выдачѣ дезертировъ, старались увѣрить всѣхъ въ нашей неблагонамѣренности. „Русскіе,—говорили они,—вызвавшіе экспедицію шаха противъ Герата, отъ чего мы (англичане) старались отклонить его, берутъ своихъ дезертировъ въ то самое время, когда они болѣе всего могли бы принести пользы и причиняютъ тѣмъ самымъ зло Персіи, которая полагается на дружбу ихъ". Само собою разумѣется, что, кромѣ Эмиръ-низама, лично объяснявшагося съ государемъ въ Эриванѣ о выдачѣ намъ дезертировъ, всѣ прочіе охотно вѣрили подобнымъ разглашеніямъ англичанъ и смотрѣли на насъ съ крайнимъ неудовольствіемъ. Не могъ сочувствовать выводу изъ Персіи русскихъ и самъ Мамедъ-шахъ, дорожившій расположеніемъ ихъ, а особенно состоявшихъ при немъ подъ Гератомъ дезертировъ, на которыхъ онъ возлагалъ лучшія надежды при штурмахъ и въ дѣлахъ рѣшительныхъ. Неопровержимымъ тому доказательствомъ можетъ служить выраженіе въ собственноручномъ его повелѣніи Кахраманъ-мирзѣ о выдачѣ намъ дезертировъ: „сдѣлать это безъ принужденія"; другими словами, ограничиться выдачею намъ лишь тѣхъ, которые изъявятъ добровольное желаніе возвратиться въ Россію.

Послѣ сказаннаго не можетъ не быть понятна та безустанная бдительность и напряженное вниманіе, съ которыми Альбрандъ и нашъ консулъ должны были слѣдить за точнымъ исполненіемъ упомянутаго выше распоряженія Кахраманъ-мирзы. Этой именно заботливости ихъ слѣдуетъ приписать, что къ концу іюля въ Уджанѣ собралось до 170 дезертировъ. 30-го числа того же мѣсяца Альбрандъ обратился ко всѣмъ вообще русскимъ въ Адербейджанѣ, число которыхъ доходило до 1,000 человѣкъ, съ слѣдующимъ приказомъ:

„Государь императоръ, любя храбрыхъ воиновъ своихъ, какъ родныхъ дѣтей, пріѣзжалъ въ прошломъ году на Кавказъ, чтобы узнать

нужды солдатъ, братьевъ вашихъ, служащихъ Богу и отечеству вѣрою и правдою. Милосердый государь не забылъ и васъ, бѣжавшихъ отъ своихъ знаменъ, влачащихъ безславную жизнь въ Персіи, краѣ чуждомъ, гдѣ у васъ нѣтъ ни матери, ни брата, гдѣ вы гибнете, какъ Богомъ отверженные люди. Великій государь, жалѣя о васъ, какъ о заблудшихъ дѣтяхъ своихъ, въ неизреченномъ милосердіи своемъ даровавъ вамъ полное и совершенное всемилостивѣйшее прощеніе, потребовалъ отъ персидскаго шаха, чтобы онъ ему отдалъ васъ. Шахъ согласился и персіяне намъ выдаютъ васъ.

„Командиръ отдѣльнаго кавказскаго корпуса ген.-лейт. Головинъ командировалъ меня для объявленія вамъ всемилостивѣйшаго прощенія и для принятія отъ персидскаго правительства тѣхъ изъ васъ, которые, принявъ милосердіе благословеннаго государя нашего, какъ даръ Бога, добровольно возвратятся въ Россію.

„Объявляя вамъ о милосердіи государя императора, даровавшаго вамъ полное и совершенное прощеніе и о томъ, что я прибылъ въ Тавризъ, зову съ собою въ Россію тѣхъ изъ васъ, ребята, которые еще не потеряли вѣру въ Бога и любовь къ благословенному государю и отечеству и которые желаютъ спасенія души; съ твердымъ упованіемъ на великое царское слово прійдите, ребята; я, израненный въ бояхъ товарищъ вашъ, прійму васъ, какъ братьевъ, и съ заботою отца отведу на Русь святую, гдѣ васъ ожидаютъ милосердіе и прощеніе, гдѣ кровные ваши.

„Но тѣ изъ васъ, которые, утративъ вѣру въ Бога и любовь къ славному, великому, всѣми благословенному государю нашему, отвергнутъ его милосердіе, тѣ нечестивые злодѣи пусть не являются ко мнѣ; персіяне силою приведутъ ихъ на границу нашу и тамъ, вмѣсто милосердія и прощенія, постигнетъ ихъ заслуженная казнь; родина отвергнетъ ихъ, какъ Богу ненавистныхъ чадъ, и, какъ говоритъ священное писаніе: „возвратятся грѣшники во адъ, еси языцы забывающіе Бога“.

Двѣ недѣли спустя послѣ отдачи приказа, а именно 13-го августа, кап. Альбрандъ, въ сопровожденіи Кодинца, отправился въ Уджанъ, гдѣ лично объявилъ окружившимъ его въ буйномъ безпорядкѣ дезертирамъ о дарованномъ имъ государемъ прощеніи и долго уговаривалъ ихъ покинуть чуждую имъ Персію. Толпа мало по малу стала утихать, при чемъ отдѣлившіеся отъ нея 35 человѣкъ объявили готовность возвратиться въ Россію; всѣ же прочіе и въ томъ числѣ 48 человѣкъ, принявшихъ мусульманскую вѣру, упрямо отказались отъ милосердія государя; двое же изъ нихъ даже предложили нанести Альбранду и консулу оскорбленіе. Такая неслыханная дерзость,

повлекшая за собою, по настоятельному требованію Альбранда, заарестованіе главнѣйшихъ возмутителей, вмѣстѣ съ тѣмъ не замедлила обнаружить, что причиною встрѣченнаго со стороны дезертировъ упорства было само персидское правительство. Заключеніе это мы выводимъ изъ того: 1) что мѣстное начальство, передъ самою сдачею дезертировъ, прямо имъ объявило, что оно выдастъ намъ только желающихъ возвратиться въ Россію; прочіе же, остающіеся подъ покровительствомъ Персіи, получатъ приличное вознагражденіе; 2) требованіе Кахраманъ-мирзы выпустить изъ-подъ ареста всѣхъ тѣхъ дезертировъ, которые пожелаютъ остаться въ Персіи, и 3) письма перваго министра Хаджи-мирза-агаси къ Эмиръ-низаму Мамедъ-хану, которымъ онъ строго приказывалъ обратить особенное вниманіе на выраженіе въ собственноручномъ повелѣніи шаха: „сдѣлать это безъ принужденія", давая тѣмъ понять волю его величества.

Но, несмотря на всѣ эти препятствія, Альбрандъ настойчиво и твердо продолжалъ порученное ему дѣло. Убѣдившись, благодаря вліянію, пріобрѣтенному имъ на большинство дезертировъ въ Тавризѣ, что главныя причины, удерживающія ихъ отъ возвращенія на родину, заключаются въ нежеланіи женатыхъ разстаться съ семействами и въ увѣренности тѣхъ изъ нихъ, которые страшились наказанія за прежніе проступки, что персидское правительство не только не принудитъ ихъ силою возвратиться, но поощритъ сопротивленіе ихъ,—онъ устранилъ первое неудобство исходатайствованіемъ у генерала Головина средствъ къ выводу семействъ[1]) женатыхъ солдатъ, а второе—настоятельнымъ и энергическимъ требованіемъ заарестованія самыхъ закоренѣлыхъ бѣглецовъ, чрезъ что явно было доказано, что персидское правительство рѣшилось въ точности исполнить желаніе государя императора.

Кромѣ того, капитанъ Альбрандъ, вслѣдствіе желанія, выраженнаго ему дезертирами, имѣть, въ бо́льшее себѣ успокоеніе, напечатанную и подписанную корпуснымъ командиромъ бумагу съ изображеніемъ высочайшей воли о возвращеніи ихъ въ Россію, испросилъ себѣ у генерала Головина предписаніе слѣдующаго содержанія:

„Государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ:

„Всѣмъ чинамъ баталіона шахской гвардіи, составленнаго изъ русскихъ дезертировъ, а также и прочимъ, живущимъ въ Персіи, объявить всемилостивѣйшее прощеніе за побѣгъ и прежніе ихъ проступки, буде оные не были сопряжены съ смертоубійствомъ.

[1]) Въ Салмасѣ, Хоѣ, Урміи и въ деревнѣ Каравиранѣ насчитывалось до 200 семейныхъ дезертировъ. Ад. В.

„Офицеровъ баталіона уволить на родину ихъ, безъ всякаго наказанія, прежними чинами.

„О таковой милости августѣйшаго монарха нашего къ воинамъ нашимъ, увлекшимся заблужденіемъ въ Персію, къ народу чуждому для сердца русскаго и по вѣрѣ и обычаямъ, предписываю вамъ объявить имъ.

„Скажите имъ, что великодушный государь нашъ хорошо знаетъ русскаго солдата; знаетъ, что хотя онъ и впадаетъ иногда въ проступки, но никогда не угасаетъ въ его сердцѣ теплая вѣра въ Бога, преданность къ законному царю, любовь къ своей родной русской землѣ. Изъясните имъ, что Его И. В-во на границѣ своего царства встрѣчаетъ ихъ своимъ прощеніемъ, какъ въ святомъ божественномъ нашемъ евангеліи сказано о чадолюбивомъ отцѣ, встрѣтившемъ на порогѣ своего дома блуднаго сына; подобно ему, съ искреннимъ раскаяніемъ и твердымъ упованіемъ на великое царское слово, пусть и они смѣло придутъ на родную землю, подъ кровъ общаго нашего отца, великаго государя императора".

Такимъ образомъ Альбранду удалось выслать изъ Тавриза къ концу октября съ усерднымъ помощникомъ своимъ, штабсъ-капитаномъ Дудинскимъ, 143 чел., въ числѣ коихъ было 64 женатыхъ, такъ что всѣхъ, съ женами и дѣтьми, онъ склонилъ къ выходу 315 душъ, которыхъ и направилъ къ Араксу, гдѣ для пріема ихъ былъ назначенъ подполковникъ князь Баратовъ.

Вслѣдъ затѣмъ Альбрандъ получилъ приказаніе ѣхать въ Тегеранъ для вывода оттуда баталіона, только что возвратившагося изъ-подъ Герата, который спасся отъ занятія персіянами, благодаря британской настойчивости Потинджера, посланнаго лордомъ Оуклендомъ (Auckland) вмѣсто войска на помощь Яръ-Мухаммедъ-хану.

V.

Капитанъ Альбрандъ прибылъ въ Тегеранъ 8-го ноября 1838 г. вмѣстѣ съ полковникомъ Дюгамелемъ, преемникомъ гр. Симонича по званію полномочнаго министра. 13-го числа того же мѣсяца онъ обратился къ баталіону съ приказомъ, во всемъ сходнымъ съ отданнымъ въ Тавризѣ, но съ прибавленіемъ въ заключеніи слѣдующихъ словъ:

....„Ребята! я 17 лѣтъ служу Богу и отечеству вѣрою и правдою: я пролилъ кровь мою за родину святую; я братъ вашъ по сердцу и, какъ братьевъ моихъ, прошу васъ не накликать на себя гнѣва царскаго, но милосердіе его и прощеніе за побѣгъ и прежніе проступки принять какъ даръ Бога. Не вѣрьте, ребята, тѣмъ безбожнымъ зло-

дѣямъ, которые совращаютъ васъ: они безъ сожалѣнія будутъ смотрѣть на вашу гибель, когда милосердый государь въ гнѣвѣ своемъ потребуетъ васъ силою оружія и когда, вмѣсто прощенія, вы получите тяжкое наказаніе. Не думайте укрыться побѣгомъ: на днѣ Персіи и Турціи отыщутъ васъ и силою доставятъ въ Россію. Шахъ персидскій и султанъ турецкій дали слово нашему государю отнюдь васъ не держать у себя на службѣ и выдать васъ,—знайте это".

Но трудности, которыя Альбранду удалось такъ скоро и успѣшно преодолѣть въ Тавризѣ, были ничто въ сравненіи съ тѣми, какія онъ встрѣтилъ въ шахской резиденціи. Подробности о выводѣ отсюда баталіона нашихъ дезертировъ довольно обстоятельно изложены въ небольшой, нынѣ весьма рѣдкой, брошюрѣ нашего извѣстнаго и уважаемаго ученаго Н. В. Ханыкова: „Очеркъ служебной дѣятельности генерала Альбранда", изъ которой мы себѣ позволяемъ извлечь относящійся до этого предмета разсказъ:

„Перебѣжчики наши составляли здѣсь (въ Тегеранѣ) уже не разрозненные клочки населенія, неознакомившіеся другъ съ другомъ и неуспѣвшіе приготовиться къ сопротивленію; напротивъ, они образовали здѣсь значительную и довольно хорошо вооруженную горсть людей, преданныхъ своему начальнику, Самсон-хану, и сильныхъ безнаказанностью своего дерзкаго своеволія между населеніемъ, смотрѣвшимъ на нихъ, какъ на людей, пользующихся особенною милостію ихъ слабаго, но страшнаго свою жестокостью правительства.

„Къ тому же, самый составъ баталіона, гдѣ полки имѣли и численный, и нравственный перевѣсъ, враждебныя внушенія иностранныхъ агентовъ, дѣйствовавшихъ на легковѣріе перебѣжчиковъ несбыточными обѣщаніями содѣйствія ихъ сопротивленію и даже, въ случаѣ нужды, дарованія имъ вѣрнаго убѣжища въ Багдадѣ [1]), и, наконецъ, справедливое опасеніе Самсон-хана потерять свое значеніе съ выводомъ баталіона изъ Персіи,— все это дѣлало мало вѣроятнымъ успѣхъ порученія Альбранда, гдѣ нельзя было надѣяться на искреннюю помощь со стороны персіянъ, боявшихся смѣлости нашихъ солдатъ и не желавшихъ лишиться этой лучшей части своихъ регулярныхъ войскъ. Альбрандъ сознавалъ эти затрудненія, но рѣшился побороть ихъ.

„Скоро послѣ пріѣзда его въ Тегеранъ, пришла къ нему первая горсть бѣглецовъ; въ переднемъ ряду ихъ стоялъ угрюмый старикъ, очевидно, командовавшій толпою; онъ недовѣрчиво смотрѣлъ на Альбранда,

[1]) Англичане обѣщали даже сформировать изъ нихъ тамъ легіонъ, дать имъ знамя и производить лучшее содержаніе. Извѣстно также и то, что они подговорили нѣкоторыхъ бѣжать въ Кабулъ, отъ чего они были удержаны графомъ Симоничемъ. Ад. В.

когда тотъ говорилъ имъ о милостивомъ забвеніи, коему государь императоръ предалъ ихъ прошлую вину, когда онъ старался пробудить въ нихъ заснувшую на чужбинѣ любовь къ родинѣ и, когда буйная толпа порывалась перебить Альбранда, старикъ повелительнымъ взглядомъ принуждалъ ее къ молчанію; но, по выраженію мускуловъ блѣднаго лица его и по зловѣщему блеску впалыхъ глазъ, видно было, что не почтеніе руководило имъ въ этомъ случаѣ, но что онъ молча копилъ въ душѣ ядъ желчнаго отвѣта на рѣчь Альбранда. Давъ ему докончить, онъ выступилъ на шагъ впередъ и голосомъ, дрожащимъ отъ полноты чувства, высказалъ ему всѣ трудности (солдатской на Руси) службы, и, сравнивъ ихъ съ льготами настоящаго положенія, заключилъ: „И ты затѣмъ пришелъ сюда, чтобы сладкою рѣчью выманить насъ на муку; такъ знай же, что не сдобровать тебѣ у насъ!“ и при этомъ словѣ онъ коснулся рукоятки кинжала. Альбрандъ вспыхнулъ. Больно ему было слышать вдали отъ родины хулу на нее: больно ему было видѣть горькое заблужденіе старика, выливавшееся изъ страдальческой души его въ дикихъ и сильныхъ словахъ; онъ быстро подошелъ къ нему, распахнулъ грудь свою и сказалъ:

— „Старикъ, ты вздумалъ стращать меня; ты думаешь, что мнѣ дорога жизнь, которою я не разъ жертвовалъ въ честномъ бою?... Такъ вотъ тебѣ моя грудь: пронзи ее,—но умирая, я заклеймлю тебя проклятіемъ за то, что ты отступилъ отъ вѣры своей, забылъ царя и святую родину и что слова твои не отъ Бога, а отъ сатаны, который губитъ тебя!“

„Какъ ни просты были эти слова, но, увлеченіе Альбранда, обнаженная грудь его, на которой кровавымъ пятномъ горѣла славная гимринская рана, подѣйствовали сильнѣе всякаго краснорѣчія на слушателей его. Старикъ отступилъ назадъ и затрясся. Очевидно было, что сердце его отозвалось на молодецкій поступокъ Альбранда: темный пламень глазъ его исчезъ, въ нихъ выступили слезы, онъ упалъ на колѣна, крѣпко обвилъ руками ноги Альбранда и долго рыдалъ, не могши произнести ни одного слова; наконецъ, едва внятнымъ голосомъ онъ простоналъ: „прости или зарѣжь меня“. Альбрандъ хотѣлъ вырваться изъ судорожныхъ объятій его, но это было невозможно. Старикъ прильнулъ къ нему и, не поднимая лица отъ земли, повторялъ съ настойчивостью отчаянія тоже самое. Растроганный до слезъ драматичностью этого положенія, Альбрандъ наклонился къ старику и, положивъ ему руки на голову, простилъ его. Прощеніе это освѣтило угрюмыя дотолѣ лица всѣхъ другихъ бѣглецовъ; увлеченные примѣромъ своего вожака, они бросились къ Альбранду, цѣловали его руки, плакали и въ одинъ голосъ вызывались идти съ нимъ на край свѣта.

„Такимъ образомъ первый шагъ былъ сдѣланъ. Но сколько трудностей оставалось еще преодолѣть. Одною изъ главныхъ было противудѣйствіе Самсон-хана, — противудѣйствіе тѣмъ болѣе опасное, что персидское правительство не могло и даже не хотѣло употреблять никакихъ мѣръ, чтобы ослабить его вредное вліяніе; а потому Альбрандъ рѣшился видѣться съ нимъ и попробовать надъ нимъ силу убѣжденія. Съ большою недовѣрчивостью принялъ его Самсон-ханъ въ своемъ богатомъ домѣ, окруженный приближеннѣйшими людьми своего баталіона. Альбрандъ хорошо зналъ, что этого человѣка, составившаго себѣ въ новомъ своемъ отечествѣ имя, связи и богатство, почти невозможно склонить возвратиться въ Россію, гдѣ онъ долженъ будетъ потерять непремѣнно два первыя преимущества; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ зналъ также, что, несмотря на долгое пребываніе между мусульманами, Самсон-ханъ сохранилъ горячее чувство любви къ родной вѣрѣ и что, для проявленія этого чувства, онъ жертвовалъ достояніемъ своимъ и даже рисковалъ навлечь на себя негодованіе персидскаго правительства, соорудивъ въ одной изъ Адербейджанскихъ деревень своихъ христіанскій храмъ, котораго золотой куполъ поражалъ необычайностью своею въ Адербейджанѣ, среди населенія, не терпящаго явнаго или, лучше сказать, гласнаго исповѣдыванія никакой другой религіи, кромѣ шіитскаго толка мусульманской вѣры; по сему, если оставалась надежда склонить его къ возврату, то не иначе, какъ дѣйствуя на это глубокое религіозное убѣжденіе.

„Альбрандъ представилъ ему тягость грѣха, принимаемаго имъ на свою душу удержаніемъ столькихъ христіанъ отъ исполненія обязанностей ихъ вѣры; показалъ эму опасность, которой онъ подвергаетъ ихъ вовсе отступиться отъ христіанства, увлекшись, по человѣческой слабости, обманчивыми наущеніями враговъ исповѣдыванія Христа, и, наконецъ, привелъ его къ сознанію, что все это онъ дѣлаетъ не изъ какого-либо чистаго, безкорыстнаго побужденія, а просто съ тѣмъ, чтобы нѣсколько послѣднихъ лѣтъ жизни провести въ тщеславномъ довольствѣ и копя богатства, которыя не спасутъ его ни отъ мукъ послѣдняго раскаянія, ни отъ страшнаго послѣдняго отвѣта за гробомъ. Самсон-ханъ не ожидалъ нападенія съ этой стороны своего завѣтнаго чувства и потому его не трудно было поколебать. Онъ въ началѣ горячо и даже грубо спорилъ съ Альбрандомъ, желая его вывести изъ спокойствія и заставить сказать что-либо могущее служить предлогомъ къ прекращенію разговора, изъ котораго онъ чувствовалъ, что не выйдетъ побѣдителемъ; но Альбрандъ видѣлъ это и отстранилъ отъ себя, напавъ на живую струну этого стараго сердца. Тогда Самсон-ханъ пересталъ возражать: долго молча слушалъ убѣ-

жденія Альбранда и кончилъ тѣмъ, что просилъ его остановиться и не растравлять рану поздняго сожалѣнія о побѣгѣ изъ родины, куда ему нѣтъ возможности возвратиться, и поклялся не мѣшать болѣе выводу баталіона изъ Персіи, уклонившись отъ прямаго содѣйствія этому дѣлу только потому, чтобы не возбудить противъ себя гнѣва правительства, въ службѣ котораго онъ полагалъ еще оставаться.

„Послѣ этого команда Альбранда стала быстро прибывать, но тогда персидское правительство, не вѣрившее въ началѣ возможности вывода перебѣжчиковъ, стало заботиться о томъ, чтобы помѣшать ему, и шахъ, опасавшійся прямаго сопротивленія этой мѣрѣ, на которую онъ изъявилъ согласіе, косвенно побуждалъ баталіонъ не соглашаться на возвращеніе, объявивъ торжественно на смотру, что силою онъ къ тому никого не будетъ принуждать. Наконецъ, когда все это не помогло и у Альбранда собралось 153 человѣка, адъютантъ-баши (ген.-адъют.) Хусейнъ-ханъ, желая угодить своему правительству, подговорилъ 40 человѣкъ изъ нихъ къ побѣгу изъ Тегерана съ оружіемъ и со всею боевою аммуниціею, думая, что этотъ примѣръ подѣйствуетъ и на остальныхъ и увлечетъ ихъ отказаться отъ объявленнаго желанія идти на родину. Но замыселъ этотъ не удался и, вмѣсто того, чтобы повредить успѣху дѣла, онъ ускорилъ его. Нравственное вліяніе, пріобрѣтенное Альбрандомъ на перебѣжчиковъ, было такъ велико, что они сами открыли ему заговоръ своихъ товарищей и не только заставили ихъ отказаться отъ исполненія его, но и арестовали ихъ. Въ тоже время Альбрандъ и самъ, и черезъ поручика Яневича, присланнаго къ нему изъ Тифлиса, старался дѣйствовать на поляковъ[1]). Онъ доказалъ имъ ненадежность защиты, обѣщанной имъ иностранными агентами, примѣрами прошедшаго, гдѣ всѣ усилія чужеземныхъ правительствъ не могли преодолѣть твердой воли Россіи и измѣнить ея предначертаній; указалъ имъ на Индію, гдѣ денежныя выгоды составляютъ главную цѣль завоевателей и, наконецъ, разительнымъ примѣромъ вліянія своего на русскій отдѣлъ баталіона убѣдилъ польскія роты, что имъ нечего смотрѣть на персіянъ и ждать отъ нихъ покровительства. Упорство ихъ поколебалось и они скоро затѣмъ изъявили также согласіе идти въ Россію.

„Такимъ образомъ, къ декабрю, весь баталіонъ, состоявшій изъ 4-хъ холостыхъ и одной женатой роты, въ составѣ 385 человѣкъ, добровольно подчинился Альбранду. 6-го декабря, въ день тезоименитства государя императора, въ домѣ, занимаемомъ баталіономъ, совершено было, армянскимъ священникомъ, молебствіе, въ присут-

[1]) Говорили, что они старались пробраться въ Индію. **Ад. В.**

ствіи полномочнаго министра нашего, полковника Дюгамеля, и всѣхъ членовъ миссіи, послѣ чего, за обѣдомъ, даннымъ солдатамъ, Альбрандъ произнесъ имъ рѣчь, которая окончательно укрѣпила ихъ въ добромъ ихъ намѣреніи: воодушевленіе слушателей его не знало границъ, прошедшее для нихъ какъ-будто бы не существовало и они со слезами радости благодарили Альбранда за то, что онъ помогъ имъ развязаться съ тяжкимъ впечатлѣніемъ сдѣланнаго ими проступка. Этимъ расположеніемъ людей надобно было пользоваться и Альбрандъ рѣшился выступить, не теряя времени и несмотря на позднее время года и на трудность достать провіантъ и перевозочныя средства, при явномъ нежеланіи правительства помочь этимъ заготовленіямъ. Но успѣхъ развиваетъ энергію и въ слабыхъ натурахъ, а у Альбранда не было недостатка въ этомъ качествѣ: съ помощію самихъ перебѣжчиковъ и при ревностномъ содѣйствіи полковника Дюгамеля, онъ устранилъ всѣ затрудненія и, выступивъ 22-го декабря изъ Тегерана, 5-го марта слѣдующаго 1839 года благополучно прибылъ со всею своею командою въ Тифлисъ".

Такъ окончилось это трудное порученіе. Выводъ 597 дезертировъ, 206 женъ и 281 дѣтей, а всего 1,084 душъ, стоилъ казнѣ 19,971 р. с., суммы относительно весьма не значительной. Въ рапортѣ, при которомъ Альбрандъ представилъ отчетъ о сдѣланныхъ имъ расходахъ, онъ, между прочимъ, говоритъ: „Не персидское правительство мнѣ сдало дезертировъ и вывело ихъ на наши границы,—я ихъ увлекъ, увелъ въ Россію. Дѣйствуя не силою войска, но нравственною силою, я не могъ обойтись безъ издержекъ, но издержки эти ничтожны въ сравненіи съ тѣми, которыя нужно было бы сдѣлать, чтобы принудить ихъ вооруженною рукою къ возврату".

Дальнѣйшая судьба дезертировъ слѣдующая: еще въ іюлѣ 1838 г. графъ Чернышевъ сообщилъ ген. Головину, что государю императору угодно было повелѣть всѣхъ возвратившихся изъ Персіи дезертировъ опредѣлить на службу въ финляндскіе линейные и архангелогородскій горнизонный баталіоны. Въ послѣдствіи, по ходатайству ген. Головина, послѣдовало высочайшее повелѣніе объ обращеніи всѣхъ семейныхъ дезертировъ въ кавказское линейное казачье войско и объ увольненіи 30 чел. русскихъ стариковъ на родину. Что же касается принявшихъ мусульманскую вѣру, то ихъ велѣно было подвергнуть только церковному покаянію „за вѣроотступленіе, вынужденное долговременнымъ пребываніемъ въ Персіи и крайностью[1]).

[1]) См. отношенія гр. Чернышева къ генералу Головину отъ 23-го іюля 1838 г. и 29-го января 1839 года.

Вотъ дальнѣйшая судьба Альбранда: въ январѣ 1839 г., за успѣшный

VI.

Обратимся къ Самсон-хану. Изъ предъидущей главы мы знаемъ, что онъ, не поддавшись убѣжденіямъ кап. Альбранда, рѣшился остаться въ Персіи. Впрочемъ, Альбрандъ и не настаивалъ особенно на его возвращеніи, руководствуясь въ этомъ случаѣ высочайшимъ повелѣніемъ, состоявшимся какъ въ отношеніи Самсон-хана, такъ и солдатъ, принявшихъ мусульманскую вѣру и взятыхъ персидскимъ правительствомъ подъ строгій надзоръ [1]).

Но съ выводомъ изъ Персіи баталіона, Самсон-ханъ не могъ не потерять значительной доли своего прежняго вѣса. Въ особенности же ему было трудно лишиться командира баталіона Скрыплева, составлявшаго лучшую его опору и много содѣйствовавшаго Альбранду къ выводу дезертировъ изъ Персіи.

Скрыплевъ, сынъ полковника вѣдомства черноморскаго флота, служилъ въ Россіи прапорщикомъ въ Нашебургскомъ пѣхотномъ полку и ушелъ въ Персію еще въ молодыхъ лѣтахъ. Оставшись тамъ около 10-ти лѣтъ, онъ женился на дочери Самсон-хана, дослужился до чина серхенга (полковника) и получалъ до 1,000 червонцевъ ежегоднаго дохода. Но ни положеніе, ни родственныя связи,—словомъ, ничто не могло привязать его къ чужбинѣ: пренебрегши всѣмъ, онъ возвратился въ Россію. Вмѣстѣ съ нимъ, Самсон-ханъ отправилъ, съ раз-

---

выводъ нашихъ дезертировъ изъ Персіи, произведенъ въ маіоры; въ мартѣ того же года — въ подполковники и, наконецъ, за участіе въ экспедиціи ген. Головина въ Дагестанъ—въ полковники. Въ слѣдующемъ 1840 г. Альбрандъ зачисленъ въ отрядъ, дѣйствовавшій на правомъ флангѣ, а въ 1841 г., по разстроенному здоровью, отправляется сначала въ Петербургъ, а потомъ заграницу. По возвращеніи въ Россію, онъ, по высочайшему повелѣнію, былъ прикомандированъ къ образцовому кавалерійскому полку, а затѣмъ назначенъ дежурнымъ штабъ-офицеромъ штаба корпуса путей сообщенія. При назначеніи гр. Воронцова намѣстникомъ, онъ снова возвращается на Кавказъ, принимаетъ дѣятельное участіе въ даргинской экспедиціи 1845 г., въ которой лишился руки. Въ 1846 г. онъ находился въ походѣ при построеніи Ачкоевскаго укрѣпленія, за что произведенъ, въ слѣдующемъ году, въ ген.-маіоры и назначенъ начальникомъ 2-го отдѣленія черноморской береговой линіи. Осенью того же года онъ уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ получилъ назначеніе коменданта въ Шлиссельбургъ. Но ему не жилось на сѣверѣ и онъ съ радостью принялъ предложеніе гр. Воронцова—возвратился въ Закавказье въ качествѣ эриванскаго военнаго губернатора. Прибывъ въ концѣ ноября 1849 г. въ Тифлисъ, онъ немедленно отправился къ мѣсту назначенія, но, простудившись въ дорогѣ, сильно заболѣлъ и 13-го декабря 1849 г. скончался въ Эриванѣ, гдѣ и преданъ землѣ.

[1]) Рапортъ кап. Альбранда ген. Головину, отъ 6-го января 1839 г., изъ Зенгана.

Ад. В.

рѣшенія Альбранда, своего довѣреннаго, который, по собраніи достовѣрныхъ свѣдѣній о Скрыплевѣ, обязанъ былъ возвратиться въ Персію. Полученнымъ этимъ путемъ извѣстіямъ онъ предоставилъ окончательно рѣшить вопросъ о собственномъ возвращеніи на родину, что тѣмъ болѣе было желательно нашему правительству, что въ Хамаданѣ, Кирманшахѣ, Хорасанѣ, а въ особенности въ Багдадѣ и Адербейджанѣ осталось еще много дезертировъ, которыхъ Самсон-ханъ при первомъ случаѣ могъ собрать на службу Персіи. Но онъ остался при первомъ рѣшеніи и навсегда отказался отъ Россіи, Скрыплевъ же во уваженіе оказанныхъ имъ услугъ по выводу баталіона, согласно ходатайству генерала Головина, по высочайшему повелѣнію, былъ опредѣленъ сотникомъ въ одинъ изъ линейныхъ казачьихъ полковъ, предназначавшихся къ поселенію на Лабинской линіи [1]).

Послѣ выступленія баталіона, Самсон-ханъ возвратился въ Тавризъ, гдѣ, по порученію правительства, занялся образованіемъ новаго полка, въ составъ котораго поступили и тѣ дезертиры, которые пожелали остаться въ Персіи. Спустя нѣсколько лѣтъ, ничѣмъ особеннымъ не отмѣченныхъ въ жизни Самсон-хана, онъ снова выступаетъ на поприще военныхъ дѣйствій, и на этотъ разъ, облеченный полною довѣренностью шаха, оказываетъ Персіи многія, весьма важныя услуги.

Извѣстно, что послѣдніе годы жизни Мамедъ-шаха ознаменовались возстаніемъ въ Хорасанѣ, составляющимъ едва-ли не самый грустный и кровавый эпизодъ царствованія этого государя. Будучи слѣдствіемъ тѣхъ враждебныхъ отношеній, которыя установились между шахомъ и роднымъ его дядею, Аллахъ-Яръ-ханомъ, оно было вызвано сыномъ послѣдняго, Хасанъ-ханомъ, извѣстнымъ подъ именемъ Салара и въ отсутствіи отца управлявшимъ Хорасанскою областью. Послѣ первыхъ неудачъ и разбитія правительственныхъ войскъ, Мамедъ-шахъ снарядилъ новый отрядъ въ 7—8 т. человѣкъ, въ составъ котораго вошелъ и баталіонъ Самсон-хана. Разсказываютъ, что едва только баталіонъ вступилъ въ Тегеранъ, какъ шахъ немедленно потребовалъ къ себѣ Самсон-хана.

— Добро пожаловать, Самсонъ!—обратился онъ къ нему;—ты знаешь, что въ Хорасанѣ возмущеніе и что я отправляю туда войско. Я потребовалъ тебя, чтобы знать совѣтъ твой, кого мнѣ назначить главнокомандующимъ. Я слушаю тебя!

— Средоточіе вселенной,—отвѣчалъ Самсон-ханъ,—рабъ твой полагаетъ, что благоразуміе требуетъ назначить одного изъ принцевъ

---

[1]) Отношеніе гр. Чернышева къ ген. Головину, отъ 22-го февраля 1839 года, № 128. **Ад. В.**

(шахъ-задэ) и непремѣнно изъ сыновей Аббасъ-мирзы (да освятитъ Аллахъ его могилу!), если бы даже таковой былъ еще въ колыбели. При этомъ только условіи, клянусь бородою падишаха (да сохранится она отъ всякой нечистоты), Аллахъ увѣнчаетъ твои предпріятія вожделѣннымъ успѣхомъ.

Выслушавъ такое мнѣніе, шахъ тутъ же остановился выборомъ въ родномъ своемъ братѣ, Гамза-мирзѣ, поручивъ ему имѣстѣ съ званіемъ главнокомандующаго и управленіе Хорасанскою областью, при чемъ выразилъ непремѣнную волю, чтобы онъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ сообразовался съ указаніями Самсон-хана и ни подъ какимъ видомъ не предпринималъ ничего важнаго, не посовѣтовавшись съ нимъ предварительно. Къ чести Гамза-мирзы должно сказать, что онъ дѣйствительно свято исполнялъ волю своего царственнаго брата; Самсон-ханъ же не только не дѣлалъ ему уступокъ, но иногда даже выходилъ изъ предѣловъ предоставленнаго ему права, нанося принцу тяжкія обиды, которыя тотъ переносилъ безропотно. Такъ, напримѣръ, во время стоянки войска въ Керусъ-абадѣ (?) случилось слѣдующее:

Самсон-ханъ, желая по какому-то дѣлу видѣться съ Гамза-мирзою, отправилъ къ нему своего адъютанта, нѣкоего маіора Симонъ-бека, узнать, можетъ-ли онъ принять его. Посланный возвратился съ отвѣтомъ, что онъ засталъ у принца эмиръ-тумана [1]) Мамедъ-Али-хана Макинскаго, сартиба Ибрагимъ-хана Салмасскаго и Риза-Кули-хана Карадагскаго, и что потому никто изъ прислуги не рѣшился о немъ доложить. Ничтожное обстоятельство это, въ которомъ вся вина Гамза-мирзы заключалась развѣ только въ томъ, что онъ принялъ у себя людей, которыхъ Самсон-ханъ считалъ далеко ниже себя, до того его взбѣсило, что онъ немедленно отправился къ принцу и, войдя безъ доклада въ комнату, въ присутствіи всего собранія произнесъ:

— О Аллахъ! Взгляните на сына покойнаго наслѣдника, на этого царственнаго повелителя и нашего великаго полководца: вотъ тѣ люди, съ которыми онъ думаетъ усмирить Хорасанъ!

Сказавъ это, онъ хлопнулъ дверью и скрылся.

Пораженный такою внезапностью и догадавшись въ чемъ дѣло, Гамза-мирза тотчасъ отправилъ людей просить къ себѣ Самсон-хана; но когда всѣ усилія побудить его къ тому оказались тщетны, онъ потребовалъ къ себѣ Симонъ-бека.

— Ради Аллаха и его 12-ти имамовъ,—обратился онъ къ нему,—за что Самсон-ханъ сыплетъ на главу мою пепелъ и заставляетъ меня предъ всѣми ѣсть грязь? Развѣ онъ не могъ сдѣлать мнѣ замѣчаніе

[1]) Начальникъ 10 т. чел.

на-единѣ? Чѣмъ же я виноватъ, что ко мнѣ приходятъ эти сожженные отцы и бесѣдуютъ со мною сидя? Скажи ему, пусть призоветъ къ себѣ этихъ болвановъ и разъ навсегда прикажетъ имъ не садиться въ моемъ присутствіи, или же, что еще лучше, пусть выгонитъ души этихъ незевенговъ чрезъ всѣ отверстія ихъ тѣла!

Вотъ до чего вліяніе Самсон-хана было сильно на Гамза-мирзу!

Обращаясь къ военнымъ дѣйствіямъ въ Хорасанѣ, упомянемъ, что послѣ разбитія Салара при Зейдарѣ, Гамза-мирза, преслѣдуя его чрезъ Буджнурдъ, нашелся вынужденнымъ оставить въ этомъ городѣ часть отряда подъ начальствомъ Мамедъ-Али-хана Макинскаго и спѣшить въ Мешедъ, гдѣ, по дошедшимъ до него слухамъ, вспыхнуло возмущеніе. Но едва только онъ успѣлъ туда прибыть и возстановить порядокъ, какъ получилъ извѣстіе, что оставленный имъ въ Буджнурдѣ гарнизонъ вырѣзанъ Саларомъ и что однимъ изъ первыхъ палъ самъ Али-ханъ; обстоятельство это до того встревожило Гамза-мирзу, что онъ немедленно выступилъ противъ инсургентовъ, оставивъ Мешедъ на попеченіи Самсон-хана съ отрядомъ въ 300 чел., котораго $^2/_3$ составляли русскіе бѣглецы.

Въ Персіи, какъ извѣстно, всякое передвиженіе войскъ влечетъ за собою не только въ военное, но и въ мирное время, въ попадающихся на пути деревняхъ или селеніяхъ разореніе и притѣсненіе поселянъ, которые зачастую не только лишаются всего своего имущества, но, вдобавокъ, подвергаются побоямъ и всякаго рода насиліямъ. Вотъ почему бо́льшая часть персіянъ имѣетъ привычку обносить свои деревни каменною стѣной и, по возможности, избѣгать всякихъ сношеній съ сарбазами. Предосторожность эта однако же соблюдается не вездѣ и отсутствію ея должно приписать, что сарбазы Гамза-мирзы, вспомнивъ старую привычку, съ особеннымъ усердіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, принялись грабить жителей встрѣчныхъ деревень. Послѣдніе, въ виду такихъ безчинствъ, отправили въ Мешедъ депутатовъ, чтобы, при содѣйствіи тамошняго шейхъ-уль-ислама [1]), заручиться письмомъ Самсон-хана къ принцу объ удержаніи сарбазовъ отъ дальнѣйшихъ безпорядковъ и о возвращеніи имъ награбленнаго у нихъ имущества. Одновременно съ прибытіемъ депутатовъ, въ Мешедъ привезли тѣло убитаго въ Буджнурдѣ Мамедъ-Али-хана Макинскаго, которое, еще за городскими воротами, было встрѣчено небольшимъ отрядомъ войскъ, назначеннымъ Самсон-ханомъ для отданія послѣдняго долга человѣку, смерть котораго произвела глубокое впечатлѣніе не только въ столицѣ Хорасана, но и въ шахской резиденціи.

[1]) Т. е. глава вѣры; блюститель вѣры—духовное званіе въ Персіи; а въ Турціи—высшее духовное лицо въ государствѣ. **Ад. В.**

Шейхъ-уль-исламъ Мешеда, желавшій всегда быть самовластнымъ въ городѣ и потому не терпѣвшій присутствія въ немъ правительственныхъ войскъ, лично присутствовалъ на похоронахъ Мамедъ-Али-хана. Замѣтивъ въ процессіи такую малочисленность сарбазовъ и желая убѣдиться, дѣйствительно-ли ими ограничивается все наличное число шахскихъ войскъ, воспользовавшись прибытіемъ депутатовъ отъ ограбленныхъ деревень, послалъ просить къ себѣ Самсон-хана подъ предлогомъ личнаго объясненія по весьма важному дѣлу.

Самсон-ханъ не пошелъ къ нему, а послалъ Симонъ-бека. Послѣдній, отправляясь къ шейхъ-уль-исламу, совершенно случайно взялъ съ собою находившагося у него въ услуженіи несторіанца, по имени Мхро, отличавшагося чрезвычайно безобразной наружностью. Переговоривъ о чемъ было нужно, шейхъ-уль-исламъ спросилъ Симонъ-бека:

— Я полагалъ, что у васъ въ крѣпости много войска; между тѣмъ вчера, на похоронахъ Мамедъ-Али-хана, замѣтилъ, что едва-ли вы имѣете болѣе 200 чел. Неужели вы не боитесь съ ними оставаться въ Мешедѣ?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Симонъ-бекъ,—вы ошибаетесь. У насъ, слава Аллаху, кромѣ вчерашнихъ сарбазовъ, наберется еще до 1,000 чел. солдатъ-людоѣдовъ, которыхъ мы не выпускаемъ изъ крѣпости, опасаясь, чтобы они не пожрали встрѣчныхъ дѣтей, женщинъ и даже мужчинъ, а что еще того хуже, не разрыли бы свѣжихъ могилъ. Войско же, которое вы вчера видѣли, было не изъ людоѣдовъ.

— О имамъ Риза! О Фатьма Кумская! — выкликнулъ испуганный Шейхъ-уль-исламъ. — 1,000 чел. людоѣдовъ! Нѣтъ божества, кромѣ Аллаха! Что это за извѣстіе? Я дѣйствительно когда-то слышалъ, что на сѣверѣ живетъ какое-то племя урусовъ (русскіе), которое пожираетъ людей, но пусть печенка моя обратится въ кебабъ, а внутренность въ воду, если я когда-нибудь этому вѣрилъ. Теперь же, убѣдившись въ истинѣ, желалъ бы видѣть такого людоѣда.

Симонъ-бекъ позвалъ Мхро.

Увидѣвъ его, шейхъ-уль-исламъ такъ и обомлѣлъ: лицо его вытянулось и, долго дрожа всѣмъ тѣломъ, разсматривалъ онъ неподвижно стоявшаго предъ нимъ Мхро.

— О Аллахъ! О Мухаммедъ!—проговорилъ онъ, наконецъ,—что за рожа: она дѣйствительно подтверждаетъ въ немъ людоѣда. Но, ради моей бороды, чѣмъ же вы кормите этихъ людей?—обратился онъ къ Симонъ-беку.

— Преимущественно издохшими лошадьми, верблюдами, ослами и проч.,—отвѣчалъ Симонъ-бекъ,—а если такой падали не имѣется, то

и хлѣбомъ. Вотъ. если желаете, мы выпустимъ ихъ изъ крѣпости, но предупреждаю васъ, что вы не досчитаетесь въ городѣ нѣсколькихъ сотенъ дѣвочекъ и мальчиковъ.

— Ради имени Али! ради души твоего отца! не говори этихъ словъ, Симонъ-бекъ,—возразилъ шейхъ-уль-исламъ,—и не испытывай насъ. Вѣдь мы, слава Аллаху, не ослы, чтобы изъ одного любопытства лишиться нѣсколько сотъ мальчиковъ и дѣвочекъ; развѣ ты не знаешь, что въ нихъ все наслажденіе правовѣрныхъ? Пусть я прежде провалюсь въ глубочайшее отдѣленіе ада, чѣмъ соглашусь на твое предложеніе. Что міръ со всѣми его благами, безъ дѣвочекъ и мальчиковъ? О, Мегди! о, Риза!

Тѣмъ аудіенція и кончилась.

Оставшись одинъ, шейхъ-уль-исламъ еще долго размышлялъ о страшномъ племени людоѣдовъ и мысль о возможности сдѣлаться свидѣтелемъ его неистовства приводила его въ невольное содраганіе. Единственное и лучшее средство отвратить такое несчастіе было, по его мнѣнію, заискать расположеніе Самсон-хана. Съ этою цѣлью онъ отправился къ нему на свиданіе.

Самсон-ханъ принялъ шейхъ-уль-ислама съ подобающею его сану почестью, а какъ это было около полудня, то пригласилъ его позавтракать у него. Подойдя къ столу, Самсон-ханъ налилъ себѣ водки и, прежде чѣмъ ее выпилъ, снялъ шапку и перекрестился. Тоже самое онъ повторялъ каждый разъ, когда наливалъ себѣ вина. Послѣ завтрака шейхъ-уль-исламъ спросилъ его:

— Почему ты, передъ тѣмъ чтобы выпить водку или вино, снималъ шапку и пальцами крестилъ свою голову?

— Снятіе шапки, — отвѣчалъ Самсон-ханъ, — означаетъ: „Господи, подобно тому, какъ обнажена голова моя, передъ тобою открыты грѣхи мои“. Знаменіе же креста есть воспоминаніе распятія Іисуса во искупленіе грѣховъ рода человѣческаго. Крестясь, мы просимъ у Бога отпущенія грѣховъ во имя распятаго Сына Его, а также благодаримъ за то, что Онъ сохраняетъ насъ въ здравіи и удостоиваетъ ниспосылаемыхъ благъ своихъ,—словомъ, мы также прославляемъ нашего Бога, какъ и вы молитесь своему.

Услышавъ такія рѣчи, шейхъ-уль-исламъ обратился къ присутствующимъ и сказалъ:

— Валлахъ-биллахъ (ей! ей!)! такая ревность къ Аллаху можетъ заслужить не только отпущенія грѣховъ, но, клянусь вашими бородами, и самаго прощенія людоѣдства.

Еще до безпорядковъ, возникшихъ въ Мешедѣ, правительственныя войска успѣли овладѣть Келатомъ, считающимся родиною Надиръ-

шаха. Извѣстіе это до того обрадовало шаха, что онъ немедленно отправилъ на имя Гамза-мирзы фирманъ, которымъ повелѣвалось безотлагательно поручить Самсон-хану снять планъ названной крѣпости и затѣмъ ѣхать въ Тегеранъ для личной передачи его величеству всѣхъ подробностей, сопровождавшихъ овладѣніе этимъ столь важнымъ пунктомъ. Но Гамза-мирза, хорошо понимая, что отсутствіе Самсон-хана при тогдашнемъ возбужденномъ состояніи Хорасана, могло поставить его въ величайшее затрудненіе, рѣшился удержать его при себѣ, а исполненіе шахской воли возложить на Симонъ-бека. По прибытіи послѣдняго въ Тегеранъ, онъ немедленно былъ представленъ шаху. Его величество, прочитавъ предварительно привезенныя имъ донесенія отъ Гамза-мирзы и Самсон-хана и оставшись вполнѣ доволенъ распоряженіями брата, взялъ планъ Келата и началъ слушать обстоятельный разсказъ его покоренія, при чемъ до того увлекся изложеніемъ Симонъ-бека, что тутъ же возвелъ его въ ханское достоинство, съ пожалованіемъ ему ордена „Льва и Солнца“, украшеннаго алмазами, дорогой шали и 60 тумановъ (180 р. с.) деньгами, упомянувъ по этому случаю, что „награждаетъ его не только за собственную службу, но и за службу Самсон-хана“. Кромѣ того, на имя Самсон-хана послѣдовалъ собственноручный рескриптъ шаха слѣдующаго содержанія:

„Доброжелатель державы, Самсон-ханъ. Ты протянулъ цѣпь правосудія отъ Хорасана до воротъ тегеранскихъ (т. е. не разорялъ и не грабилъ деревень). Да будетъ лицо твое бѣлымъ! Извѣстія изъ Хорасана и изъ лагеря, а равно планъ Келата представилъ нашему священному взору Симонъ. Хвала Симону, стотысячная хвала! Въ воздаяніе его заслугъ мы оказали ему монаршую милость. Власть же надъ отрядомъ и всѣ хорасанскія дѣла предоставляемъ тебѣ. Будь бдителенъ. Гамза-мирзѣ предписано безъ твоего согласія не рѣшать никакихъ дѣлъ“.

Между тѣмъ Саларъ, во время отсутствія Гамза-мирзы изъ Мешеда, не оставался безъ дѣла. Собравъ до 4,000 туркменъ и курдовъ, онъ двинулся къ столицѣ Хорасана, куда его приглашали жители, объявившіе, что они вовсе не намѣрены поддерживать шахскія войска. Въ самомъ городѣ возникли безпорядки, и говорятъ, что во время этой суматохи Самсон-ханъ рѣшился направить пушку противъ городской цитадели, при чемъ одно ядро ударило въ куполъ мечети.

Слухи о происходившемъ въ Мешедѣ не миновали Гамза-мирзы. Онъ тотчасъ же поспѣшилъ на помощь Самсонъ-хану, но съ появленіемъ его дѣла шахскихъ войскъ не только не поправились, а, напротивъ, приняли еще худшій оборотъ, такъ какъ войска нашлись

вынужденными ретироваться въ цитадель, а инсургенты, ободренные удачею и пользуясь народнымъ волненіемъ, подступили къ городу.

Положеніе Гамза-мирзы было отчаянное. Окруженный со всѣхъ сторонъ непріятелемъ и не ожидая ни откуда подкрѣпленія, онъ обратился съ просьбой о помощи къ Яръ-Мухаммедъ-хану Герацскому, въ которомъ видѣлъ единственную надежду на спасеніе столицы Хорасана, съ переходомъ коей въ руки инсургентовъ провинція эта должна была бы считаться потерянною для Персіи. Яръ-Мухаммедъ-ханъ отозвался на этотъ призывъ, и, несмотря на позднее уже время года, явился во главѣ 4,000 всадниковъ къ Мешеду и немедленно вступилъ въ прямыя сношенія съ принцемъ. Но, убѣдившись въ превосходствѣ непріятельскихъ силъ, онъ удержался вступить въ открытый бой съ Саларомъ, а предложилъ Гамза-мирзѣ идти съ нимъ въ Гератъ съ тѣмъ, чтобы весною снова открыть военныя дѣйствія, которыхъ успѣхъ, по его увѣренію, обезпечивался еще и тѣмъ, что въ этотъ промежутокъ времени къ нему могла подоспѣть помощь изъ Тегерана. Гамза-мирза принялъ совѣтъ и, оставивъ Самсон-хана въ цитадели, самъ, подъ прикрытіемъ Яръ-Мухаммедъ-хана, отправился къ сторонѣ Герата.

Въ то самое время, какъ Хорасанъ служилъ театромъ этихъ событій, въ Тегеранѣ также произошли большія перемѣны: скончался Мамедъ-шахъ, и Насръ-Эддинъ, провозгласивъ себя шахомъ, уже успѣлъ прибыть въ столицу. Со смертью шаха и съ удаленіемъ отъ дѣлъ Хаджи-Мирза-Агаси, измѣнилась и политика новаго правительства. Эмиръ-Таги-ханъ, преемникъ Хаджи-Мирза-Агаси по званію перваго министра, зная всю громадность жертвъ, поглощенныхъ хорасанскимъ возмущеніемъ, хорошо понималъ, что дальнѣйшее продолженіе войны могло довести Персію до конечнаго разоренія, а потому всѣ его заботы сосредоточились на возможно скорѣйшемъ усмиреніи мятежа, чтобы затѣмъ всецѣло заняться внутренней реорганизаціей, въ которой настоятельно нуждалось государство. Онъ началъ съ того, что отправилъ въ Хорасанъ нѣсколько довѣренныхъ людей, съ цѣлью убѣдить инсургентовъ сложить оружіе, съ обнадеженіемъ ихъ въ безусловномъ прощеніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдовало распоряженіе объ отозваніи Гамза-мирзы и о назначеніи на его мѣсто Султанъ-Мурадъ-мирзы, съ порученіемъ ему, на всякій случай, если бы мѣры кротости оказались безуспѣшными, отряда войскъ въ 7 тыс. чел., при 18-ти орудіяхъ. Разсказываютъ, что Саларъ соглашался было сложить оружіе, но, узнавъ о движеніи Султанъ-Мурадъ-мирзы, отказался отъ своего намѣренія, видя въ этомъ назначеніи неискренность правительства.

Султанъ-Мурадъ-мирза выступилъ изъ Тегерана 20-го октября 1848 года и, слѣдуя къ Мешеду, остановился передъ Себзеваромъ, требуя сдачи города, котораго защиту Саларъ ввѣрилъ сыну своему, Эмиръ-Асланъ-хану. Когда же требованіе это было отвергнуто, принцъ приступилъ къ блокадѣ, но безуспѣшно, что его и заставило отступить къ Амрудистану. По взятіи этой крѣпости, онъ снова двинулся къ Себзевару, чтобы обезпечить свой тылъ, такъ какъ почти одновременно съ нимъ туда спѣшилъ и Саларъ.

Между тѣмъ холодъ и голодъ опустошали шахскую армію. Два уже года, какъ въ Хорасанѣ не было урожая и населеніе отказывалось продовольствовать войска, питая къ нимъ закоренѣлую ненависть. Вдобавокъ къ этому, сношенія центральнаго правительства съ его генералами почти прекратились, ибо письменныя сообщенія рѣдко доходили по назначенію, будучи перехватываемы Саларомъ.

Столь безвыходное положеніе дѣлъ крайне озабочивало Эмиръ-Таги-хана и онъ не зналъ, на что рѣшиться. Да и что можно было сдѣлать среди зимы? Наконецъ, онъ рѣшился еще разъ испытать мѣры кротости. Хорасанцевъ начали убѣждать въ безпредѣльной къ нимъ милости шаха, съ обѣщаніемъ имъ щедрыхъ наградъ, если они оставятъ Салара и перейдутъ на сторону правительства. Въ тоже время Султанъ-Мурадъ-мирзѣ было послано новое подкрѣпленіе. Всѣ эти мѣры имѣли на этотъ разъ полный успѣхъ. Мелкія крѣпости и города, одинъ за другимъ, стали переходить на сторону шаха и въ числѣ ихъ Турбетъ, котораго покорность послужила ключомъ къ взятію Себзевара. Овладѣвъ этимъ важнымъ пунктомъ, Мурадъ-мирза двинулся къ Мешеду. Въ Нишабурѣ онъ встрѣтился съ Гамза-мирзою, уже получившимъ фирманъ о своемъ отозваніи.

Въ персидской исторіи „Мулхекати-Роузетусъ-сефа“, составленной Риза-Кули-ханомъ, между прочимъ, разсказывается: „Подъ начальство его (т. е. Султанъ-Мурадъ-мирзы) поступилъ и Самсон-ханъ, въ отрядѣ котораго находились Аббасъ-Кули-ханъ, сынъ Ибрагимъ-хана Бакинскаго, убившаго князя Павла Дмитріевича Цицianова, съ Хойскимъ полкомъ, Али-ханъ Карагёзлу съ Хамаданскимъ полкомъ, Хасанъ-Али-ханъ съ полкомъ Геррусскимъ, Абдулъ-Али-ханъ, начальникъ артиллеріи, съ 4-мя орудіями, 2-мя мортирами, кавалеріей Чебіанлу, Карадаглу, Гиліяни, милиціею Мафи и др. Когда армія Мурадъ-мирзы приближалась къ Мешеду, противъ нея выступилъ Саларъ, но послѣ весьма жаркаго дѣла долженъ былъ возвратиться въ городъ. Нѣсколько дней спустя, онъ съ сыномъ своимъ Эмиръ-Асланъ-ханомъ и хорасанцами сдѣлалъ вылазку изъ ноуканскихъ воротъ и напалъ на отрядъ Самсон-хана, но послѣдній храбро его встрѣтилъ и послѣ

сраженія, продолжавшагося нѣсколько часовъ, отъ дыма орудій и ружей, день обратился въ мрачную ночь; хорасанскія, египетскія и индійскія сабли обагрили землю кровью, цвѣтомъ неуступавшей Румскому атласу, при чемъ лицо Самсон-хана приняло багровый цвѣтъ, а лицо Салара, отъ стыда, цвѣтъ шафрана и онъ пустился въ бѣгство, не останавливаясь до самыхъ воротъ Ноукана. Отрядъ Самсон-хана преслѣдовалъ бѣгущихъ до названныхъ воротъ и возвратился съ большою добычею и плѣнными. Наконецъ, положеніе Салара сдѣлалось критическимъ и онъ, не будучи въ состояніи держаться въ городѣ, прибѣгъ къ защитѣ священной гробницы имама Ризы. Между тѣмъ, отряду, имѣвшему во главѣ Самсон-хана, было дано приказаніе овладѣть Мешедомъ, въ который они и вступили, не встрѣтивъ сопротивленія со стороны жителей. Вслѣдъ за этимъ послѣдовала сдача Салара Самсон-хану, а нѣсколько позже и казнь, которой онъ былъ преданъ съ сыномъ своимъ Эмиръ-Асланъ-ханомъ и братомъ Мухаммедъ-Али-ханомъ. Прочіе родственники его потеряли всякое значеніе и лишились занимаемыхъ ими должностей".

Въ первыхъ числахъ марта 1849 года, вечеромъ, 101 пушечный выстрѣлъ возвѣстилъ Тегерану о взятіи Мешеда.

Такъ кончилась эта война, на которую Персія истощила всѣ свои силы, свою честь и въ слѣпотѣ своей собственными руками трудилась надъ разореніемъ одной изъ лучшихъ своихъ провинцій и вѣрнѣйшаго оплота со стороны Авганистана.

VII.

Съ подавленіемъ хорасанскаго бунта, правительственныя войска получили приказаніе возвратиться на свои штабъ-квартиры, при чемъ имъ предписывалось, во избѣжаніе въ дорогѣ всякихъ затрудненій въ продовольствіи, выступать отдѣльными отрядами, съ наблюденіемъ въ этомъ случаѣ извѣстной очереди. Такое распоряженіе не могло, однако же, не подать повода къ нѣкотораго рода неудовольствію между полковыми командирами и начальниками отдѣльныхъ частей, изъ которыхъ каждый хотѣлъ быть впереди, ибо хорошо зналъ, что чѣмъ позже онъ выступитъ, тѣмъ менѣе ему удастся поживиться на счетъ сельскихъ жителей, подвергающихся, при подобномъ передвиженіи войскъ, какъ мы упомянули выше, всевозможному разоренію. Не спѣшилъ одинъ только Самсон-ханъ. Но равнодушіе это не обошлось ему даромъ. Нѣсколько офицеровъ и сарбазовъ, наскучивъ медленностью и боясь открыто выразить неудовольствіе, составили заговоръ съ цѣлью лишить его жизни. Но въ то самое время, когда они задумали осу-

ществить свой замыселъ, Самсон-хану удалось, благодаря усердію преданныхъ ему слугъ изъ христіанъ, переодѣвшись въ женское платье, по плоскимъ крышамъ домовъ выбраться за городъ и на заранѣе приготовленныхъ лошадяхъ, съ небольшою свитою, бѣжать въ Тегеранъ, гдѣ онъ ласково былъ принятъ шахомъ. Вслѣдъ за нимъ возвратился и его полкъ, которому тогда же былъ назначенъ новый начальникъ, при чемъ главные зачинщики заговора подверглись строгому наказанію. Что же касается Самсон-хана, то ему были отданы въ командованіе полки Хойскій и Марагскій, съ приказаніемъ возвратиться въ Хорасанъ. Спустя полгода, онъ скончался, завѣщавъ похоронить себя въ дер. Сургюль, близъ Тавриза, въ сооруженной имъ тамъ церкви.

Самсон-ханъ умеръ 73-хъ лѣтъ отъ роду. Онъ былъ женатъ три раза. Первая жена его была армянка изъ дер. Кизылджа, близъ Салмаса. Отъ нея онъ имѣлъ трехъ дочерей, изъ коихъ одна, Марія вышла за Скрыплева, съ которымъ въ послѣдствіи уѣхала въ Россію и поселилась на Лабинской линіи; другая, Меври-ханумъ (Мавра), сочеталась бракомъ съ Асланъ-ханомъ Ениколоповымъ и живетъ въ Марагѣ, гдѣ мужъ ея состоитъ маіоромъ въ Марагскомъ полку. Что касается третьей дочери, то судьба ея мнѣ неизвѣстна.

Послѣ смерти первой жены, собственноручно убитой Самсон-ханомъ за невѣрность [1]), онъ вступилъ во второй бракъ съ побочною дочерью грузинскаго царевича Александра [2]), Елисаветою, отъ которой имѣлъ сына Джебраила и дочь Анну, вышедшую за Джебраила Ениколопова и живущую нынѣ въ Урміи,—мѣстопребываніи ея мужа по званію завѣдывающаго христіанскимъ населеніемъ въ Урміи, Салмасѣ и Курдистанѣ. Всѣ дѣти Самсон-хана крещены въ православіе.

Третья жена Самсон-хана была халдейка и умерла бездѣтною.

Самсонъ-ханъ былъ высокаго роста и красивой наружности. Познанія его были очень ограничены: умѣя читать на родномъ языкѣ, онъ писалъ по-русски крайне неправильно; на языкахъ же персидскомъ и турецкомъ, несмотря на 50-ти лѣтнее пребываніе въ Персіи, объяснялся съ большими ошибками. Не могу не разсказать, по этому поводу, слѣдующаго забавнаго случая: однажды Мамедъ-шахъ исполнилъ какую-то просьбу Самсон-хана. Послѣдній, желая поблагодарить его величество, вмѣсто того, чтобы сказать **мемнунемъ кыблеи-алемъ**, т. е. я доволенъ, средоточіе вселенной! выразился

[1]) Послѣ этого несчастнаго случая, какъ бы во искупленіе совершеннаго имъ преступленія, Самсон-ханъ построилъ мечеть и при ней основалъ школу, которую содержалъ также на свой счетъ.

[2]) Сынъ Ираклія II и братъ Георгія XII, послѣдняго царя Грузіи. **Ад. В.**

меймунемъ кыблеи-алемъ, т. е. я обезьяна, средоточіе вселенной! Шахъ, понявъ ошибку, не могъ не разсмѣяться, и тутъ же пожаловалъ ему за доставленное удовольствіе кирманшахскую шаль.

Самсон-ханъ былъ большой хлѣбосолъ и вообще пользовался особеннымъ уваженіемъ за свою сердечную доброту, выражавшуюся безразлично и одинаково ко всѣмъ, прибѣгавшимъ къ его помощи. Какъ христіанинъ, онъ былъ твердъ въ правилахъ своей вѣры, и рѣдко проходилъ день, чтобы онъ не удѣлялъ времени на чтеніе евангелія и псалмовъ. Имѣя собственный домъ въ Тавризѣ, онъ устроилъ въ одной изъ его комнатъ часовню и выписалъ изъ Трепизонда греческаго священника, одной изъ обязанностей котораго было сопровождать его во всѣхъ поѣздкахъ и экспедиціяхъ. При отправленіи богослуженія въ часовнѣ, священнику прислуживалъ Самсон-ханъ съ дочерьми. Къ сожалѣнію, онъ умеръ, не успѣвъ исполнить послѣдняго христіанскаго долга, такъ какъ священникъ, заболѣвъ въ дорогѣ, долженъ былъ возвратиться въ Тавризъ.

Самсон-ханъ не оставилъ состоянія, такъ какъ во время послѣдняго хорасанскаго бунта вошелъ въ долги для уплаты жалованія своему полку; правительство же не только не возвратило его наслѣдникамъ должныхъ ему 12 т. червонцевъ, но распорядилось даже о продажѣ его деревни и дома въ Тавризѣ, для удовлетворенія его кредиторовъ.

Единственный сынъ Самсон-хана, полковникъ Джебраилъ-ханъ, находится въ настоящее время при шахѣ въ качествѣ его адъютанта. Онъ, подобно отцу, три раза вступалъ въ бракъ и, кромѣ малолѣтняго сына отъ послѣдней жены, другихъ дѣтей не имѣетъ.

.... Это было лѣтомъ 1853 года, въ одной изъ окрестностей Тегерана. Солнце стояло высоко на безоблачномъ небѣ и будто обливало горячею влагою. Въ воздухѣ стояла невозмутимая тишина. Я сидѣлъ въ палаткѣ и приводилъ въ порядокъ свои путевые наброски. Вдругъ около меня послышались шаги. Я поднялъ голову: передо мною стоялъ высокій, худощавый старикъ.

— Ваше благородіе! не купите-ли рыбки? Помогите бѣдному.

Я взялъ изъ рукъ его форель и сунулъ ему червонецъ.

Костюмъ, наружность и самый языкъ, на которомъ изъяснялся незнакомецъ, не могли не заинтересовать меня. Мы разговорились.

„Кто ты такой и откуда?“—началъ я.

— Я-то,—я солдатъ, ваше благородіе.

„Какъ же ты сюда попалъ?“

— Да вотъ уже годовъ съ двадцать, какъ бродяжничаю здѣсь.

„Значитъ, изъ бѣглыхъ?“

— Изъ нихъ, изъ самыхъ....

„Женатъ или нѣтъ?“

— Семья большая.

„Что-жъ, и дѣти есть?“

— То-то, много ихъ, всѣхъ 9 человѣкъ.

„А жена армянка?“

— Изъ урмійскихъ.

„Полагать надо, что и вѣру свою забылъ?“

— Ну, нѣтъ, ваше благородіе, до этого не дай Богъ. То ужъ не человѣкъ, что вѣру забылъ. У меня вотъ какъ: коли молюсь святой иконѣ, то со всей семьей; сотворю крестъ, а жена и дѣти за мной; коли же кто зазѣвался, тутъ же затрещину отпускаю. Бога нешто можно забывать?

„А что, знавалъ ты Самсон-хана?“

— Самсона Яковлевича-то? у него въ полку служилъ.

„Что-жъ, хорошъ былъ человѣкъ?“

— Куда хорошъ! хорошій человѣкъ нешто уйдетъ къ басурманамъ?

„Какъ? Самъ же вѣдь ты ушелъ?“

— Онъ и сманилъ, будь ему не ладно.

„Значитъ—каешься?“

— Каяться-то поздненько; прошлаго не вернешь....

Тутъ онъ хотѣлъ сказать еще что то, но губы его задрожали, на глазахъ навернулись слезы; онъ отвернулся и вышелъ изъ палатки...

Ад. П. Берже.

ВОСПОМИНАНІЯ Т. П. ПАССЕКЪ.

1810—1842.

Въ концѣ 1872 года и началѣ 1873 г., въ „Русской Старинѣ“ (томъ VI, стр. 607—648 и томъ VII, стр. 181—211; 291—335) напечатано четырнадцать главъ изъ записокъ Татьяны Петровны Пассекъ, подъ названіемъ „Изъ раннихъ лѣтъ, изъ жизни дальней“. Представляя нынѣ продолженіе этихъ „Воспоминаній“ мы, въ виду того, что въ средѣ читателей „Русской Старины“ 1876 г. могутъ быть лица, не знакомыя съ первыми главами, считаемъ необходимымъ вкратцѣ изложить ихъ содержаніе.

Первая глава записокъ не поступившая въ печать, начинается со времени царствованія императрицы Екатерины II и продолжается до 1812 года. Въ ней говорится о происхожденіи рода Яковлевыхъ, о послѣднихъ представителяхъ этого рода, лично извѣстныхъ автору. Старшій изъ братьевъ Яковлевыхъ, Петръ Алексѣевичъ, увозитъ молоденькую швейцарку, прибывшую въ Петербургъ, въ качествѣ компаніонки, съ семействомъ фонъ-Сухтелена, въ свое имѣніе, село Новоселье, Тверской губ., близъ города Корчева, гдѣ у нихъ родится сынъ и двѣ дочери; старшая изъ нихъ, Наталья Петровна, мать автора записокъ. Этимъ дѣвушкамъ дана была фамилія Яковлевыхъ, въ виду имѣвшагося быть ихъ узаконенія. Далѣе описывается устройство и житье въ Новосельѣ; воспитаніе дѣтей; роскошная обстановка и образъ жизни помѣщика-аристократа временъ императрицы Екатерины; отбытіе Петра Алексѣевича, въ 90-хъ годахъ, на службу въ Кременчугъ, гдѣ, по навѣтамъ, онъ попадаетъ подъ судъ, вслѣдствіе чего, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, ему запрещенъ выѣздъ изъ Кременчуга; тѣмъ временемъ кашинскій помѣщикъ Петръ Ивановичъ Кучинъ дѣлаетъ предложеніе Натальѣ Петровнѣ; ему отказываютъ, онъ ее увозитъ, вѣнчается съ нею въ г. Клинѣ, ѣдетъ въ Москву, гдѣ примиряется съ родными своей жены, а чрезъ ихъ посредство, и съ Петромъ Алексѣевичемъ. Очеркъ семейства

Кучиныхъ, рожденіе автора записокъ въ Новоселье. Петръ Алексѣевичъ Яковлевъ въ Кременчугѣ женится на вдовѣ одного изъ его чиновниковъ, Ульской; оправданный, ѣдетъ въ свое имѣніе; съ дороги отправляетъ приказъ матери своихъ дѣтей оставить Новоселье. Вскорѣ по пріѣздѣ въ имѣніе, Петръ Алексѣевичъ получаетъ извѣстіе, что сынъ его, Николай Петровичъ Яковлевъ, скоропостижно скончался въ Петербургѣ, гдѣ онъ служилъ въ канцеляріи императора и уже обратилъ на себя вниманіе умомъ и способностями. Извѣстіе это поражаетъ Петра Алексѣевича; апоплексическій ударъ лишаетъ его употребленія языка, правой руки и ноги. Жена везетъ его на излеченіе въ Тверь.

Вторая глава („Рус. Ст," т. VI) начинается туманными представленіями автора о своемъ младенчествѣ и разсказомъ, какъ въ первый разъ является маленькій Саша, воспитанникъ Ивана Алексѣевича Яковлева, меньшаго брата Петра Алексѣевича. Саша съ отцомъ, матерью, 10-ти лѣтнимъ братомъ Егоромъ Ивановичемъ и Павломъ Ивановичемъ Голохвастовымъ, прибыли въ Новоселье въ началѣ лѣта 1813 года; къ нимъ присоединяется второй братъ Яковлевыхъ, Александръ Алексѣевичъ, и вмѣстѣ съ Иваномъ Алексѣевичемъ уѣзжаютъ въ Тверь къ больному брату; семейство Ивана Алексѣевича остается въ Новосельѣ и дружески сближается съ обѣими дочерьми Петра Алексѣевича [1]). Далѣе говорится о томъ, какъ мать Саши сблизилась съ Яковлевыми, пріѣхала изъ-за границы въ Москву, гдѣ, въ 1812-мъ году, родится Саша, и какъ Иванъ Алексѣевичъ съ Сашей, его матерью, старшимъ сыномъ своимъ, Егоромъ Ивановичемъ, и Павломъ Ивановичемъ Голохвастовымъ, уже готовые къ выѣзду изъ Москвы, были застигнуты вступившимъ въ столицу непріятелемъ; какъ они проводятъ въ Москвѣ нѣсколько дней, въ продолженіе которыхъ Иванъ Алексѣевичъ видится съ Наполеономъ, который поручаетъ ему доставить отъ него письмо къ императору Александру Павловичу и даетъ пропускъ на выѣздъ его изъ Москвы со всѣми ему близкими.

Для груднаго Саши съ кормилицей, матерью и раненымъ П. И. Голохвастовымъ дается четырехмѣстная карета, остальные ѣдутъ въ линейкѣ; за ними, подъ видомъ принадлежащихъ къ ихъ семейству, выходитъ пѣшкомъ толпа народа [2]).

Непріязненное чувство, родившееся въ авторѣ записокъ къ Сашѣ съ

---

[1]) Меньшая дочь Петра Алексѣевича Яковлева, Елисавета Петровна, была замужемъ за докторомъ медицины Карломъ Карловичемъ Смоланомъ и жила въ Корчевѣ.

[2]) Въ 4-й тетради «Русскаго Архива» 1874 года, въ статьѣ «Wahrheit und Dichtung» высказано сомнѣніе въ справедливости шести фактовъ раз-

перваго съ нимъ знакомства, мало по малу исчезаетъ и переходитъ во взаимную привязанность, которая, какъ видно изъ послѣдующихъ главъ, не уничтожается, а въ лѣта дѣтства, отрочества и юности развивается въ дружбу. Въ Твери Петръ Алексѣевичъ Яковлевъ умираетъ, оставя женѣ своей, по духовному завѣщанію, имѣніе Шумново; остальное состояніе его переходитъ къ тремъ братьямъ покойнаго. Одновременно съ наслѣдствомъ послѣ Петра Алексѣевича, Яковлевы получаютъ еще большое наслѣдство послѣ своего двоюроднаго брата. Дочерямъ Петра Алексѣевича они выдаютъ по 3,000 р. ассигнаціями; нѣсколько времени братья Яковлевы владѣютъ полученными наслѣдствами сообща, и ведутъ процессъ съ Катериной Валерьяновной, вдовой покойнаго, оспаривая законность ея брака и духовное завѣщаніе [1]).

разсказанныхъ въ запискахъ «Изъ жизни дальней», случившихся съ семействомъ Ивана Алексѣевича Яковлева, въ продолженіе того времени, которое оно провело въ Москвѣ, при занятіи ея непріятелемъ.

Справедливость этихъ фактовъ подтвердилъ своимъ свидѣтельствомъ, въ собственноручно подписанной и доставленной въ редакцію «Русской Старины» запискѣ, Егоръ Ивановичъ Герценъ, единственный, оставшійся въ живыхъ, очевидецъ разсказаннаго, бывшій тогда уже десяти-лѣтнимъ мальчикомъ и хорошо помнящій все, что онъ видѣлъ въ продолженіе того времени; онъ живетъ въ Москвѣ.

Такъ какъ г-жа Пассекъ, находясь въ Корчевѣ и почти въ младенческомъ возрастѣ, лично не могла видѣть происходившаго съ семействомъ Яковлевыхъ въ Москвѣ, при занятіи ея непріятелемъ, а только слышала объ этомъ разсказы въ ихъ средѣ, то, при составленіи записокъ своихъ, говоря о 12-мъ годѣ, обратилась, какъ къ очевидцу, къ Егору Ивановичу Г—ну и съ его разсказа записала всѣ вышеупомянутые шесть фактовъ. Ред.

[1]) Въ «Русскомъ Архивѣ», въ статьѣ «Wahrheit und Dichtung», приводится документъ, отъ 9-го августа 1813 года, за № 240, изъ котораго видно, что Катерина Валерьяновна промѣняла братьямъ оставленную ей, по духовному завѣщанію, деревню Шумново и слѣдующую ей седьмую часть въ наслѣдственныхъ имѣніяхъ, за 30,000 ассигнаціями; но изъ упомянутаго документа не видать, приведенъ-ли онъ былъ въ исполненіе; а что онъ приведенъ не былъ въ исполненіе, доказывается тѣмъ, что Катерина Валерьяновна Шумновымъ владѣла, провела въ немъ всю жизнь и въ 1830-хъ годахъ текущаго столѣтія тамъ умерла. Шумново, по духовному завѣщанію перешло дѣвицѣ Марьѣ Степановнѣ Барыбиной, а та продала его г-жѣ Карповой, рожденной Рудаковой. Седьмую часть свою въ Васильевскомъ и прилежащихъ къ ней деревняхъ Катерина Валерьяновна передала дарственной записью автору записокъ. Дарственная запись совершена была при содѣйствіи покойнаго инженеръ полковника Николая Николаевича Загоскина. Эту седьмую часть купилъ у автора записокъ Иванъ Алексѣевичъ Яковлевъ.

Вѣроятно, Яковлевы и желали войти съ Катериной Валерьяновной въ соглашеніе, и, конечно, при такихъ условіяхъ не могли ее уличать въ фальшивости завѣщанія и опровергать законность ея брака, называя ее Ульской; когда же полюбовная сдѣлка не состоялась, тогда начался процессъ. Катерина

Въ августѣ пріѣзжаетъ изъ Швеціи въ Новоселье третій братъ Яковлевыхъ, Левъ Алексѣевичъ, и черезъ нѣсколько времени, съ Иваномъ Алексѣевичемъ и его семействомъ, переѣзжаютъ въ Москву, гдѣ нанимаютъ вмѣстѣ большой домъ, у Рождества въ Палашахъ [1]).

По отбытіи въ Москву Яковлевыхъ, семейство автора записокъ, какъ разсказано въ 3-й и 5-й главахъ, не поступившихъ въ печать, переселяется въ деревню Карповку, гдѣ проводитъ весну и лѣто, а на зиму переѣзжаетъ въ ново-выстроенный домъ, въ Корчевѣ. Описывается дѣтство автора въ деревнѣ и Корчевѣ и жизнь дворянъ средней руки, того времени, въ деревнѣ и въ уѣздномъ городѣ.

Въ шестой и послѣдующихъ главахъ, напечатанныхъ въ „Русской Старинѣ", разсказывается какъ зимами мать автора записокъ, вмѣстѣ съ нею, ѣздитъ мѣсяца на два, на три въ Москву, останавливается тамъ въ домѣ 80-ти лѣтней тетки Яковлевыхъ, княжны Анны Борисовны Мещерской, съ которой на одномъ дворѣ живетъ сестра Яковлевыхъ, княгиня Марья Алексѣевна Хованская, очень любившая дѣтей Петра Алексѣевича Яковлева. Наталья Петровна бываетъ у Яковлевыхъ, гдѣ, въ удовольствіе Саши, автора записокъ удерживаютъ по нѣсколько дней. Очерчивается образъ жизни Яковлевыхъ,—представителей исконныхъ бояръ, дворянъ-москвичей,—старающихся устроиться на заграничный манеръ, съ сохраненіемъ всѣхъ удобствъ русской жизни.

Характеристика лицъ, окружавшихъ дѣтство автора записокъ, частію взято изъ прежде сдѣланнаго очертанія этихъ личностей перомъ друга ея дѣтства и товарища ея игръ [2]).

Въ одинъ изъ пріѣздовъ въ Москву, автора отдаютъ въ пансіонъ. Очеркъ воспитанія и ученія въ общественныхъ заведеніяхъ того времени. Праздники и воскресенья, провождаемые то въ домѣ княгини Хованской, то у Яковлевыхъ, гдѣ, исполняя требованіе Саши, временами

Валерьяновна подала жалобу, что вынуждена была на полюбовное соглашеніе притѣсненіями. Процессъ продолжался долго. Въ дѣлѣ Катерины Валерьяновны принималъ участіе Петръ Хрисанфовичъ Обольяниновъ, и она процессъ выиграла. Сообщ. Т. П. Пассекъ.

[1]) Сообщено Егоромъ Ивановичемъ Г—мъ.

[2]) Въ предисловіи къ Воспоминаніямъ г-жи Пассекъ сказано въ «Русской Старинѣ» 1872 г. (томъ VI, стр. 603) «Перо одного изъ писателей нашего времени привело уже нѣсколько художественныхъ бытовыхъ картинъ, въ которыхъ ярко освѣщены члены этой фамиліи (Яковлевы); однако, это не отнимаетъ ни интереса, ни значенія отъ воспоминаній близкой родственницы, совоспитанницы и друга его дѣтства. Если г-жа Пассекъ, при общности замѣтокъ съ этимъ писателемъ, и вынуждена въ первыхъ двухъ-трехъ главахъ воспользоваться нѣкоторыми изъ характеристикъ, начертанныхъ его перомъ, тѣмъ не менѣе въ послѣдующихъ главахъ у нея много и своихъ фактовъ, подмѣченныхъ съ чисто женской наблюдательностью». Ред.

оставляютъ у себя пансіонерку на нѣсколько дней и долѣе. Игры, забавы, чтеніе вмѣстѣ Сашей. Милорадовичъ и другіе генералы 12-го года въ домѣ Яковлевыхъ. Поѣздка пансіонерки на вакацію въ Тульскую деревню къ дядѣ ея, Александру Ивановичу Кучину, заслуженному воину, другу Алексѣя Петровича Ермолова. Образъ жизни достаточнаго помѣщика. Вакація, проведенная въ подмосковной княгини Хованской, образъ жизни стариннаго русскаго дома. Кончина матери автора записокъ въ домѣ княжны Мещерской. Общее сожалѣніе о ней. Сиротство. Братья Яковлевы дѣлятся имѣніями[1]); Иванъ Алексѣевичъ первое лѣто проводитъ въ Васильевскомъ. Первыя письма

[1]) По раздѣлу, Новоселье съ Уходовымъ и Покровское достались на долю Льву Алексѣевичу. Перхушково съ шатцкимъ имѣніемъ—Александру Алексѣевичу; Васильевское съ деревнями—Ивану Алексѣевичу.

Въ статьѣ «Wahrheit und Dichtung» предполагается, что Петръ Алексѣевичъ желалъ оставить свои имѣнія братьямъ, а не дѣтямъ своимъ, и что, повидимому, онъ имѣлъ на этотъ предметъ такой же взглядъ, какъ и его братья, Левъ Алексѣевичъ и Иванъ Алексѣевичъ, которые оба имѣли незаконныхъ дѣтей, и оба оставили по себѣ духовныя завѣщанія, въ которыхъ подробно распорядились всѣмъ, что имѣли, надѣливши дѣтей своихъ капиталами, а родовыя имѣнья, по тѣмъ же духовнымъ, отдали законнымъ наслѣдникамъ.

Петръ Алексѣевичъ Яковлевъ дѣтямъ своимъ ничего не оставилъ.

Александръ Алексѣевичъ, не задолго до смерти своей, женился на матери своего побочнаго сына, Алексѣя Александровича, усыновилъ его, передалъ ему все свое состояніе, завѣщая ему остальнымъ дѣтямъ своимъ выдать по 3,000 рублей серебромъ, что Алексѣй Александровичъ и исполнилъ.

Левъ Алексѣевичъ, кончившій жизнь прежде Ивана Алексѣевича и племянника своего Алексѣя Александровича Яковлевыхъ, законныхъ наслѣдниковъ послѣ него, завѣщалъ всѣ свои имѣнія одному Ивану Алексѣевичу съ тѣмъ, чтобы онъ изъ нихъ наградилъ дѣтей его, по своему усмотрѣнію. Дѣтямъ же своимъ, сверхъ дома въ Москвѣ, со всею движимостію, оставилъ 216,000 руб. серебромъ капитала, составленнаго, какъ говорили, большей частію изъ доходовъ съ Новоселья и отъ продажи уходовскаго лѣса. Иванъ Алексѣевичъ далъ дочери Льва Алексѣевича свою Керенскую деревню; сыновьямъ же, сверхъ оставленнаго ихъ отцомъ, не далъ ничего. По свидѣтельству Е. И. Г-на: «два лучшія родовыя имѣнія: Новоселье съ Уходовымъ и Васильевское съ деревнями, Иванъ Алексѣевичъ продалъ. Новоселье съ Уходовымъ купилъ г. Гурьевъ, сколько помнится, за сумму между 500 и 800 тысячъ руб. ассигнаціями. Васильевское съ деревнями Иванъ Алексѣевичъ продалъ племяннику своему, Николаю Павловичу Голохвастову, какъ выражался онъ, по родству, за 500 тысячъ ассигнаціями. Николай Павловичъ уплатилъ дядѣ 390 тысячъ, остальныя 110 тысячъ отдать былъ не въ состояніи; это послужило поводомъ къ разрыву его отношеній съ дядею.

«Весь капиталъ, полученный за проданныя родовыя имѣнія, Иванъ Алексѣевичъ передалъ, по духовному завѣщанію, дѣтямъ своимъ и матери Александра Ивановича. Егору Ивановичу онъ оставилъ 150,000 р. серебромъ, Александру Ивановичу — 300,000 р. серебромъ, матери его — 200,000 р. серебромъ, сверхъ

Саши изъ Васильевскаго къ автору Воспоминаній. Возвращеніе въ Москву. Первые учителя Саши: французъ Бушо и нѣмецъ Экъ; страшная лѣнь ученика; для поощренія Саши къ занятіямъ присоединяютъ къ его урокамъ автора записокъ. Это помогаетъ; Саша начинаетъ заниматься, но не изъ соревнованія, какъ это имѣлось въ виду, а изъ удовлетворенія потребности товарища занятій, который бы помогалъ ему нести бремя склоненій и спряженій. Саша сочувствуетъ прислугѣ и крестьянамъ.

Въ 8-й главѣ „Воспоминаній“ (не напечатанной) авторъ выходитъ изъ пансіона; первое развитіе религіознаго чувства; жизнь въ кашинскомъ имѣніи у бабушки; первый выѣздъ на балъ въ Кашинское собраніе; переселеніе къ отцу въ Корчеву. Въ главѣ 9-й авторъ описываетъ женитьбу отца. Домъ баронессы Корфъ. Полудѣтская любовь. Въ послѣдующихъ главахъ, въ „Русской Старинѣ“ помѣщенныхъ, Яковлевы просятъ привезти автора записокъ въ Москву на время коронаціи и для занятій, съ новыми учителями, вмѣстѣ съ Сашей. Вліяніе ея на занятія Саши и вліяніе на него учителя русской словесности и исторіи; живое литературное движеніе; оно образуетъ основныя черты характера Саши; черты эти начинаютъ выступать. Вслѣдствіе одиночества, симпатіи и потребности высказывать мысли и чувства, авторъ записокъ повѣряетъ свою любовь Сашѣ, который принимаетъ въ этомъ горячее участіе; это сближаетъ ихъ дружески. Декабристы. 1826-й годъ. Коронація. Зимою отъѣздъ автора записокъ въ Корчеву. Маленькій пансіонъ; занятія съ дѣтьми. Частая переписка съ Сашей; отрывки изъ его писемъ. Возвращеніе въ Москву; новые учителя. Вліяніе Шиллера. Знакомство и посѣщеніе Алексѣя Александровича Яковлева. Его вліяніе. Естественныя науки и энциклопедисты. Серьезныя занятія; юность, лиризмъ. Дружба Саши съ Никомъ. Впечатлѣніе этой дружбы на автора записокъ....

того, въ Москвѣ два дома съ движимостію, да еще Александру Ивановичу родовое имѣніе въ 226 душъ въ Ярославской губерніи. Единственное имѣніе, оставшееся у Ивана Алексѣевича, подмосковное село Покровское, онъ назначалъ, по духовному завѣщанію, старшему сыну сестры своей, Дмитрію Павловичу Голохвастову, съ условіемъ, чтобы тотъ выдалъ значительную денежную сумму Александру Ивановичу и дѣтямъ Льва Алексѣевича. Дмитрій Павловичъ весьма справедливо замѣтилъ дядѣ, что, при условіяхъ, связанныхъ съ его подаркомъ, ему придется поплатиться собственными средствами, посовѣтовалъ ему оставить Покровское законному послѣ него наслѣднику, Алексѣю Александровичу Яковлеву. Въ послѣдствіи, при посредствѣ Александра Ивановича, Дмитрій Павловичъ согласился принять Покровское. Законный же наслѣдникъ, Алексѣй Александровичъ, не получилъ отъ дяди, Ивана Алексѣевича Яковлева, никакого наслѣдства». Сообщ. Е. И. Г—нъ.

Вотъ изложеніе содержанія предъидущихъ главъ „Воспоминаній Т. П. Пассекъ", напечатанныхъ въ „Русской Старинѣ" 1872 и1873 гг.— продолженіе ихъ предъ читателями.

Цѣль предлагаемыхъ записокъ есть воспроизведеніе въ легкихъ, живыхъ очеркахъ частнаго и общественнаго быта высшаго московскаго дворянства за время полъ вѣка тому назадъ. Останавливаясь главнымъ образомъ на родственникахъ, друзьяхъ своей молодости и близкихъ знакомыхъ, (почти всѣ сошли въ могилу) составительница „Воспоминаній" не имѣетъ ни малѣйшихъ претензій придавать имъ историческое или историко-литературное значеніе; это не болѣе какъ нравописательные эскизы. Главнѣйшихъ лицъ своего разсказа Т. П. Пассекъ выводитъ либо подъ уменьшительными, либо даже подъ вымышленными именами, такъ какъ для цѣли ея труда важны не самыя лица, а то, въ какой мѣрѣ выразилось въ нихъ поколѣніе того времени. какъ отразилась та среда, въ которой взросли ея друзья ея покойный мужъ—въ свое время уважаемый писатель и ученый, ея близкіе родные—весьма типическіе представители русскаго общества 1820—1840-хъ гг.

Ред.

ГЛАВА XV [1]).

1828—1829.

«Les premières amours».
Vaudeville en un acte.

. . . . . .

Было холодное, зимнее утро. День едва пробивался сквозь замерзшія окна. Они выходили на двѣ противоположныя стороны, въ палисадники, и были до половины запушены снѣгомъ, что придавало комнатѣ блѣдный, холодный оттѣнокъ. Ни одинъ изъ учителей нашихъ не приходилъ. Около полудня Саша спустился внизъ и вошелъ въ гостиную, гдѣ я сидѣла на диванѣ, закутавшись въ теплую шаль, и перенизывала съ одной нитки на другую гранаты, только что подаренныя мнѣ однимъ родственникомъ.

Саша остановился у стола противъ дивана и, смотря на мою работу, съ видомъ соболѣзнованія сказалъ:

— «Охота тратить время на вздоръ. Отдайте кому-нибудь донизать ваши бусы. Неужели нѣтъ занятія подѣльнѣе. Вотъ мы начали читать «Wahlverwandschaft», да не можемъ одолѣть и начала. Я принесъ Гёте, хотите продолжать? Да бросьте эту дрянь».

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1872 г., томъ VI, стр. 607—648; изд. 1873 г., томъ VII, стр. 181—211; 291—335.

— Работа не помѣшаетъ мнѣ слушать. Садись и читай.

— «Вы знаете, что я терпѣть не могу мелкія женскія работы, особенно въ вашихъ рукахъ. Онѣ вамъ не къ лицу».

— Что же мнѣ къ лицу по твоему?

— «Мало-ли что! платье малиновое, локоны по плечамъ».

— Кажется, вопросъ былъ о занятіяхъ? Не хочу слушать Гёте. Убирайся.

— «Ну, полноте сердиться! Богъ съ вами, нижите гранаты; онѣ вамъ будутъ къ лицу. Изгонять Гёте не за что, онъ ни въ чемъ не виноватъ. Слушайте, я буду читать».

Саша вынулъ изъ кармана небольшаго формата томъ сочиненій Гёте, сѣлъ на диванъ и, медленно развертывая книгу, говорилъ:

— «По широтѣ и глубинѣ генія, Гёте сравниваютъ съ моремъ, на днѣ котораго сокровища; но я лучше люблю Шиллера— эту германскую рѣку, льющуюся между феодальными замками и виноградниками, отражающую Альпы и облака, покрывающія ихъ вершины. Быть можетъ, я еще не дорось до Гёте? Но нѣтъ, у него въ груди не бьется такъ нѣжно-человѣчески сердце, какъ у Шиллера. Шиллеръ съ своимъ «Максомъ», съ своимъ «Донъ-Карлосомъ» всегда будетъ мнѣ ближе».

— Посмотримъ, что намъ скажетъ Гёте о «Wahlverwandschaft».

Только что мы прочитали начало разговора между Эдуардомъ, Шарлотой и архитекторомъ о химическомъ сродствѣ, какъ въ гостиную вошла Луиза Ивановна и объявила, что Иванъ Алексѣевичъ собирается ѣхать съ нами во французскій театръ и уже отправилъ Егора Ивановича взять ложу въ бель-этажѣ, поближе къ сценѣ. Я этому очень обрадовалась и выразила свою радость; Саша же, не отнимая глазъ отъ книги, сказалъ тономъ пренебреженія:

— «Какая это тамъ такая пьеса идетъ, что и папенька собирается ее смотрѣть?»

— А вотъ, если желаешь знать, отвѣчала Луиза Ивановна, прогуляйся на верхъ, — тамъ у папеньки лежатъ газеты, ты и посмотри.

— «Благодарю покорно, — сказалъ Саша,—ужъ пусть лучше это будетъ мнѣ сюрпризомъ. Не понимаю,—продолжалъ онъ съ недовольнымъ видомъ,—что за охота разъѣзжать по театрамъ въ такой холодъ. Папенька круглый годъ сидитъ безвыходно въ жар-

кихъ комнатахъ, въ тепломъ халатѣ, въ валенкахъ,— и вдругъ, откуда рысь взялась, не боится ночью ѣхать въ театръ и на морозѣ ждать экипажа. Удивляюсь! и кто это натравилъ его на театръ. Ложи въ маленькомъ театрѣ тѣсныя, насъ толпа—духота будетъ страшная».

— Да ты не ѣзди, сдѣлай милость,—возразила Луиза Ивановна на ворчанье Саши,—плакать не будутъ. Обойдутся безъ твоего драгоцѣннаго присутствія,—и, обратясь ко мнѣ, продолжала: утромъ былъ у насъ сенаторъ, хвалилъ французскую трушу и пьесу, которую сегодня даютъ. Онъ совѣтовалъ свозить насъ посмотрѣть ее. А вашей милости, сказала она Сашѣ, сенаторъ возьметъ кресло рядомъ съ собою.

Это извѣстіе примирило его съ поѣздкой въ театръ.

Когда Луиза Ивановна ушла въ свою комнату, Саша принялъ строгій видъ, какой обыкновенно принималъ, готовясь сдѣлать мнѣ поученіе или отдать приказъ, и сказалъ:

— «Нарадовались поѣздкѣ въ театръ,—ну, и довольно. Теперь удѣлите вниманія Гёте».

Всеобщее баловство, развивавшее самолюбіе и эгоизмъ, постоянные примѣры капризовъ и деспотизма, не безслѣдно прошли для Саши; они запали въ его душу, и, едва-ли сознаваемые имъ самимъ, временами проявлялись сквозь всѣ его хорошія свойства и замѣчательный умъ, и въ жизни его были виною значительныхъ ошибокъ и огорченій.

— «Мы остановились на томъ, — сказалъ Саша, принимаясь за книгу,—что въ природѣ есть тѣла родственныя и тѣла чуждыя другъ другу». И сталъ читать:

«Вызвавши насъ на разговоръ, ты такъ легко не отдѣлаешься, говорилъ Эдуардъ. Въ этомъ явленіи сложные случаи интереснѣе всего, по нимъ изучаются степени родства болѣе или менѣе близкія, отдаленныя, крѣпкія. Но всего любопытнѣе ихъ разъединенія».

— «Неужели это печальное слово, которое, къ сожалѣнію, слишкомъ часто слышится въ обществѣ, явилось и въ естественныхъ наукахъ?—замѣтила Шарлота».

— «Конечно», — отвѣчалъ Эдуардъ. «Въ прежнія времена слово «Scheiden-Künstler» было почетный титулъ, которымъ опредѣляли химиковъ».

— «Хорошо, что его уничтожили», возразила Шарлота; «со-

единять – великая наука, великая заслуга. Eigenschaftlehr будетъ всегда, вездѣ желаннымъ гостемъ. И такъ какъ идетъ объ этомъ рѣчь, то представьте мнѣ хотя два такихъ случая».

— «Если вы этого желаете», сказалъ архитекторъ, «вотъ вамъ примѣръ: то, что мы называемъ известковымъ камнемъ, есть, въ болѣе или менѣе чистомъ видѣ, известковая земля, тѣсно соединенная съ нѣжной кислотой, которая намъ извѣстна въ воздухообразной формѣ. Едва только известковый камень придетъ въ соприкосновеніе съ разжиженной сѣрной кислотой, какъ тотчасъ съ ней соединится и оба вмѣстѣ являются гипсомъ, а нѣжная, воздушная кислота отлетаетъ прочь. Тутъ было разъединеніе и новое соединеніе. Видя такія явленія, химики считали себя въ правѣ опредѣлить ихъ словами: выборъ (Wahl) и выборъ по сродству (Wahlverwandschaft) и, дѣйствительно, предпочтеніе одного тѣла другому дѣлается какъ-будто по выбору».

— «Извините меня», сказала Шарлота, «въ этомъ явленіи я вижу не выборъ, а естественную необходимость, и то едва-ли; легко быть можетъ, что все это — дѣло случайности. Когда рѣчь идетъ о вашихъ тѣлахъ природы, мнѣ все кажется, что выборъ одного тѣла другимъ находится въ рукахъ химиковъ. Разъ соединены—и Богъ съ ними. Жаль только нѣжную, воздушную кислоту, которая снова должна блуждать въ безконечномъ пространствѣ».

— «Отъ нея зависитъ», замѣтилъ архитекторъ, «соединиться съ водой и явиться въ образѣ минеральнаго, цѣлебнаго источника».

— «Хорошо гипсу», возразила Шарлота, «онъ готовъ, онъ тѣло, онъ насыщенъ; а бѣдному изгнаннику придется, можетъ быть, много перестрадать прежде, нежели онъ достигнетъ новаго соединенія».

— «Если я не ошибаюсь», сказалъ Эдуардъ улыбаясь, «у тебя за этими словами таится задняя мысль. Признайся, ты представляешь себѣ меня известью, архитектора—сѣрной кислотой, которая насыщаетъ меня; я превращаюсь въ гипсъ и лишаюсь твоего милаго присутствія».

— «Если совѣсть заставляетъ тебя дѣлать такое предположеніе—нечего и объясняться», отвѣчала Шарлота; «сравненія милы, нравятся, ими любятъ играть, но человѣкъ на столько выше простыхъ элементовъ, что, роскошно надѣливши эти явленія краси-

выми названіями: «Wahl» и «Wahlverwandschaft», хорошо сдѣлаетъ, если обратится къ себѣ и подумаетъ объ истинномъ значеніи этихъ словъ».

— «Значеніе этихъ словъ ясно,—сказалъ Саша, опуская книгу; химическое сродство есть основаніе симпатіи и антипатіи въ людяхъ. Вѣроятно, потребность симпатіи ведетъ къ тому высокому братству, которое будетъ въ конечной эпохѣ человѣчества».

— Для меня симпатія свята уже тѣмъ, что прямо противоположна эгоизму; подъ словомъ эгоизмъ я понимаю не врожденное чувство самосохраненія, а любовь къ самому себѣ, доведенную до преступнаго холода ко всему, кромѣ себя, готовую поглотить все и всѣхъ во имя своихъ наслажденій и даже прихотей.

— «Эгоизмъ и любовь въ душѣ нашей, сказалъ Саша, представляются мнѣ, если ужъ дѣло пошло на естественно научные термины, свѣтомъ и тяжестью. Эгоизмъ мраченъ, холоденъ, стремится къ средоточію, къ своему *я*, какъ центръ тяжести,— онъ точка, нуль. Любовь свѣтла, огненна, расширяетъ наше бытіе; она, какъ солнце, свѣтитъ и грѣетъ».

— Поэтому для эгоизма нѣтъ ничего на свѣтѣ, кромѣ своего щедушнаго *я*, за то нѣтъ ему и вѣчности; для любви же нѣтъ *я*, это — *мы*, *мы* — двоихъ, *мы*—всего рода человѣческаго, *мы*— всего творенія, и нѣтъ ей предѣловъ въ мірѣ конечномъ; она гостья оттуда.

— «И, конечно, какъ свѣтъ побѣждаетъ тьму, такъ и любовь должна побѣдить эгоизмъ. Тогда только человѣкъ совершитъ свое земное назначеніе».

— Если бы....

— «Счастье мое, прервалъ меня Саша, что судьба послала мнѣ тебя, а «Wahlverwandschaft» насъ сблизило. Безъ тебя я былъ бы весь сосредоточенъ на себѣ и въ себѣ. Съ тобой я научился заботиться о другихъ, любить, высказываться. Когда тебя увозятъ отъ насъ, невысказанныя думы и чувства подавляютъ меня».

— Тогда пиши свой дневникъ.

— «Пробовалъ; но перо такой холодильникъ, сквозь который рѣдко проходитъ истинное, горячее чувство, не замерзнувши.

— Все же лучше — выскажешься.

— «Да неужели ты думаешь, что мысли тѣсно въ душѣ моей? Мнѣ надобно подѣлиться ею, а не выкинуть изъ головы».

— Подѣлишься съ читателями.

— «Кто же будетъ читать? ты! тебѣ я лучше передамъ мою мысль, мое чувство — живымъ словомъ. Такимъ образомъ рождается магнетическое соотношеніе. Сверхъ того, когда писанное слово попадаетъ въ чужія руки въ часы досуга, то является какой-то круглой сиротой; тутъ мою исповѣдь начнутъ разбирать по законамъ здраваго смысла, который составляетъ такую неотъемлемую собственность слоновъ, порядочныхъ людей и ньюфаундлендскихъ собакъ».

— Напрасно; если писанное искренно и съ талантомъ, оно всегда встрѣтитъ сочувствіе.

— «Видалъ я это сочувствіе. Сколько разъ я бывалъ боленъ душой въ театрѣ при представленіи Шекспира и Шиллера. Разъ давали «Разбойниковъ»; я, задыхаясь, смотрѣлъ на эту юношескую поэму, на это страданіе Шиллера, принявшее плоть въ Карлѣ Морѣ, на этотъ развратъ его вѣка, принявшій плоть во Франціи, — какъ почтенный сосѣдъ мой, черезъ меня, громко спросилъ своего товарища:

— Какъ вы думаете, неужели столько ружей принадлежатъ дирекціи?

— Помилуйте, отвѣчалъ другой, развѣ вы не видите по погонамъ, что это солдатскія ружья.

Я взглянулъ на моего сосѣда съ полной ненавистью; но онъ такъ спокойно сидѣлъ на своемъ креслѣ, такъ пользовался своимъ правомъ въ силу пяти рублей ассигнаціями, что я, вмѣсто проклятія, попросилъ у него понюхать табаку, хотя въ жизнь мою не нюхалъ.

— Ворошиловскій, сказалъ онъ мнѣ, поднося табакерку съ раствореннымъ ртомъ.

Куда какъ пріятно послѣ этого писать!»

— Приведенный тобою примѣръ ничего не доказываетъ,— это исключеніе. Встрѣтилъ же авторъ сочувствіе въ тебѣ и, конечно, не въ одномъ тебѣ.

— «Да, но отнесемте и это къ исключеніямъ».

— Меньше, чѣмъ приведенный тобою примѣръ.

— «Странное дѣло, вы слышите за стѣною пѣсню — и вамъ

сейчасъ воображеніе представляетъ дѣву, которая поетъ, непремѣнно прекрасную, одушевленную; а когда читаете книгу, оттого-ли, что ужъ есть матеріальная опора — эта бумажная подкладка для мысли,—о писавшемъ никто не думаетъ, словно книга, какъ плѣсень, выросла изъ воздуха».

— Когда же думать объ авторѣ, увлекаясь чтеніемъ?

— «Пускай бы такъ; но мало того: если пѣсня грустна, вы вѣрите, что поющей грустно, а сочинителю никогда не дозволяютъ имѣть, въ самомъ дѣлѣ, тѣхъ чувствъ, которыя онъ высказываетъ. Если же находятся люди, которые даютъ себѣ трудъ представить автора, то представляютъ его себѣ по своему вкусу, и его же послѣ винятъ, если онъ не таковъ».

— Я этого не замѣчала.

— «У насъ есть знакомый, который пламенно любилъ Гюго до поѣздки своей въ Парижъ, а какъ увидалъ, что лицо его не покрыто блѣдностью и взоръ не восторженъ, такъ и пересталъ въ него вѣрить.

— Ты, Саша....

— «Нѣтъ, еще слово», прервалъ меня Саша: «а ужъ какъ дойдетъ до того, что я восторгъ свой, мысль свою буду продавать за 5 рублей ассигнаціями, т. е., безъ вычета лажа, за 5 рублей 75 копѣекъ, тогда всякая охота писать пропадаетъ. Разумѣется, человѣкъ, который покупаетъ фунтъ сыра и мою книгу, имѣетъ полное право требовать, чтобы сыръ и книга были по его вкусу, имѣетъ право обругать лавочника и меня, ежели ему на его 5 рублей дано не то, чего ему хочется. Дивятся, зачѣмъ адепты прятали свою науку. Я больше дивлюсь рѣшительности поэтовъ, которые внутреннѣйшую мысль свою даютъ толпѣ, а толпа, какъ обезьяна Крылова, понюхаетъ, перевернетъ и броситъ».

— Нѣтъ, ужъ это слишкомъ, Саша....

— «Куда какъ пріятно послѣ этого писать, а ты еще совѣтуешь. Слово живое—то-ли дѣло; оно свободно, вольно; это мое врожденное право, какъ пѣснь для соловья,—оно несется въ воздухъ, ему не нужно ни сплюснуться въ тискахъ, ни втѣсниться на бумагу. Между книгой и рѣчью такое же различіе, какъ между нотами и музыкой»....

На этомъ мѣстѣ разговоръ нашъ прерванъ былъ приходомъ горничной дѣвушки Марины. Она накрыла скатертью столъ пе-

редъ диваномъ, поставила на него бутылку люнеля и стала готовить къ завтраку.

Я съ юныхъ лѣтъ, отъ времени до времени, писала свой дневникъ. Перебирая бумаги, мнѣ попались давно заброшенные листки дневника, и это давнопрошедшее утро прошло передъ моимъ внутреннимъ взоромъ со всѣми его впечатлѣніями.

Когда завтракъ былъ готовъ, въ гостиную вошла мать Саши, а за ней братъ его, Егоръ Ивановичъ, еще румяный отъ мороза. Потирая руки, онъ объявилъ, что билетъ взятъ и переданъ деръ-Геру (такъ мы называли Ивана Алексѣевича за-глаза), ложа № 4-й отъ сцены; пьеса — комедія-водевиль Скриба: «Les premières amours» [1]). Сашѣ показалось чрезвычайно забавнымъ, что выборъ палъ на такую наивную пьесу. Глаза у него заблистали и въ нихъ показалась та плутовская улыбка, которая является у дѣтей, когда они сбираются выкинуть какую-нибудь шалость. Онъ, вообще, быстро переходилъ отъ серьезнаго состоянія къ ребячеству, повидимому, не зная, куда дѣвать переполнявшую его энергію. За завтракомъ онъ говорилъ безъ умолка, острилъ; потомъ налилъ рюмку люнеля и, держа въ одной рукѣ рюмку, въ другой — бутылку, запѣлъ на всю комнату французскую пѣсню:

Le grenadier qui partagea sa vie
Entre l'amour, le vin et la folie, etc.

Съ послѣднимъ словомъ куплета выпилъ вино и, не выпуская изъ рукъ рюмки и бутылки, затянулъ другой куплетъ такимъ отчаяннымъ голосомъ, что Макбетъ, лежавшій спокойно свернувшись у печки, вскочилъ и страшно сталъ лаять, отыскивая взоромъ причину тревоги.

— Да замолчи, пожалуйста, сказала Сашѣ мать, оставь вино и рюмку; точно что найдетъ на него — вдругъ взбѣсится.

Сквозь смиренную мину, съ которой Саша повиновался, видно было, что онъ придумывалъ, какую бы штуку еще выкинуть. Соображеніе у него было чрезвычайно быстро, мгновенно рождалась острота, а иногда и дерзкая выходка, безъ малѣйшаго намѣренія обидѣть — просто отъ повадки дѣлать и говорить, что взбрело на умъ, не стѣсняясь. Такъ, разъ, когда Сашѣ было лѣтъ

[1]) Этотъ водевиль давали первый разъ въ Парижѣ въ 1825 г., 12-го ноября, на театрѣ Gymnase Dramatique. Т. II.

10 или 11, Иванъ Алексѣевичъ при немъ пригласилъ отобѣдать одного хорошаго знакомаго, человѣка добраго и уважаемаго; тотъ, поблагодаривши, отказался, говоря, что теперь постъ, а онъ скоромнаго не ѣстъ. Вдругъ Саша провозгласилъ: «привыкъословъ смиренный родъ сухоядѣніемъ питаться»; ему показалось кстати привести этотъ стихъ. Всѣ остолбенѣли отъ изумленія и досады. Гость нашелся: улыбаясь, онъ отнесъ эту дерзость къ ребячеству и остроумію. Такъ ему потворствовали и спускали все и всѣ. Конечно, съ возрастомъ онъ сталъ сдержаннѣй, но наклонность никого и ничего не щадить для остраго слова удержалась.

Въ четыре часа мы пошли наверхъ обѣдать. Иванъ Алексѣевичъ, съ видомъ человѣка, озабоченнаго дѣлами, ускоренными шагами ходилъ рундомъ по комнатамъ, куря свою коротенькую трубочку, и, притворяясь, что насъ не замѣчаетъ, нѣсколько разъ пробѣжалъ мимо.

Когда поставили на столъ кушанье, тогда только, принимаясь разливать супъ, онъ сдѣлалъ видъ, что насъ увидалъ и раскланялся. Мать Саши, досадуя на эту комедію, сказала:

— Что вы здороваетесь съ нами, точно мы видимся въ первый разъ.

— Ахъ, извините, пожалуйста, глупъ, старъ,—началъ было обычную исторію старикъ; но счастію, Саша прервалъ начинавшуюся комическую драму, заговоривши о театрѣ, и обѣдъ кончился благополучно, что не всегда удавалось.

Въ шесть часовъ я была уже въ бѣломъ мериносовомъ платьѣ, съ гранатами на шеѣ и съ любимой прической Саши. Онъ строго наблюдалъ за моимъ туалетомъ. Я же относительно своего туалета всегда была чрезвычайно небрежна.

Чтобы не попасть въ толпу, мы пріѣхали въ театръ, когда онъ былъ еще пустъ. При насъ стали освѣщать его. Мало по малу партеръ наполнился. Ложи, одна за другой, открывались. Въ бель-этажѣ показались дамы, дѣвушки, почти въ бальныхъ платьяхъ, дѣти въ кудряхъ, съ голыми плечиками. Между полувоздушными нарядами дамъ блестѣли эполеты, аксельбанты, чернѣли фраки. Отъ смѣшанныхъ голосовъ и шороха шаговъ шелъ по театру гулъ. Изъ партера наводили на ложи лорнеты. Строился оркестръ. Занавѣсъ, изображавшій храмъ, временами слегка

колебался. Мы съ Сашей, въ полголоса, обмѣнивались замѣчаніями на счетъ входившихъ въ ложи и въ партеръ. Бездѣлица возбуждала въ насъ смѣхъ, тѣмъ сильнѣе овладѣвавшій нами, что мы старались его сдерживать.

Передъ поднятіемъ занавѣса, въ партеръ вошелъ сенаторъ, такъ у насъ въ домѣ звали Льва Алексѣевича Яковлева [1]), съ видомъ дипломата; какъ-то однимъ плечомъ впередъ, онъ проходилъ рядами креселъ, слегка кланяясь съ знакомыми, посылая намъ въ ложу улыбки и какой-то гіероглифъ рукой, должно быть, очень забавный, по крайней мѣрѣ, такъ слѣдовало думать. Садясь на свое кресло, онъ указалъ Сашѣ на другое—рядомъ. Черезъ минуту Саша былъ въ партерѣ.

Занавѣсъ поднялся.

Шелъ водевиль «Les premières amours», содержаніе самое простое. Эмелина, единственная дочь богатаго землевладѣльца, любитъ своего двоюроднаго брата Шарля, съ которымъ вмѣстѣ росла и шесть лѣтъ какъ разсталась. Отецъ Эмелины желаетъ выдать ее замужъ за молодаго сосѣда, сына своего друга Ренвиля, котораго ни отецъ, ни дочь никогда не видали. Эмелина отказывается. Отецъ уступаетъ ея волѣ, но молодой Ренвиль не уступаетъ, и является къ нимъ подъ именемъ Шарля. Эмелина, увидавши его, вглядывается, вскрикиваетъ: «Шарль, я узнаю тебя!» бросается къ нему на шею и они поютъ:

Beaux jours de notre enfance
Les voilà revenus...

Саша быстро обернулся на нашу ложу, взглянулъ на меня и улыбнулся.

Оставшись вдвоемъ, Эмелина и Ренвиль возобновляютъ короткость дѣтскихъ лѣтъ, говорятъ другъ другу *ты*, и въ наивныхъ куплетахъ, вспоминая прежнее время, поютъ:

Ainsi que moi tu te souviens
De nos jeux, de nos entretiens,
De ces romans si pleins de charmes,
Qui nous faisaient verser des larmes.

---

[1]) Весьма обстоятельная родословная старинной дворянской фамиліи Яковлевыхъ и ея побочныхъ вѣтвей помѣщена въ «Русской Родословной книгѣ», изданной «Русской Стариной» въ 1873 г., томъ I, стр. 353—356 и 378. Т. П.

И кончаютъ дѣтской пѣсней, подъ которую Эмелина дѣлаетъ нѣсколько па, говоря:

Puis Charles en cadence
M'embrassait, je crois.

Шарль, цѣлуя ее:

C'est comme autrefois.

Раздаются рукоплесканія; на сцену летятъ букеты; слышится bis; граціозная сцена повторяется.

Мы съ Сашей въ восторгѣ.

Сенаторъ уѣхалъ послѣ перваго акта на какое-то агрономическое засѣданіе, мы отправились домой съ половины второй пьесы, чтобы не тѣсниться при разъѣздѣ.

„Les premières amours» былъ любимый водевиль Саши; онъ купилъ себѣ эту пьесу и часто повторялъ изъ нея куплеты.

Наступило 25-е марта, день рожденія Саши. Въ этотъ день мы обмѣнялись желѣзными кольцами, въ видѣ змѣи, держащей во рту хвостъ. Внутри колецъ вырѣзаны были наши имена, годъ и число. Въ послѣдствіи эти кольца у насъ обоихъ куда-то запропастились, такъ что мы и не замѣтили ихъ утраты. Вечеромъ съѣхались родные и знакомые поздравить Ивана Алексѣевича съ новорожденнымъ и вмѣстѣ отпраздновать этотъ день. Мы же настоящимъ образомъ отпраздновали его въ комнатахъ Луизы Ивановны. Туда явились и Карлъ Ивановичъ Зонненбергъ, и Карлъ Ивановичъ Кало, и дѣти сенатора, и Никъ, и чай на просторѣ, дессертъ, ужинъ, фортепьяно, пѣніе. Торжество окончилось сюрпризомъ, устроеннымъ Сашей самому себѣ. Онъ продекламировалъ со мною приготовленную нами къ этому дню сцену изъ трагедіи Озерова: «Фингалъ».

Онъ былъ Фингалъ, я—Моина.

Въ этотъ годъ мы часто навѣщали дѣтей сенатора, а въ дни именинъ его и его дѣтей у него обѣдали. Въ торжественные дни обѣдъ всегда готовилъ его знаменитый поваръ. Поваръ этотъ служилъ въ англійскомъ клубѣ, нажилъ хорошее состояніе, женился, жилъ по-барски, но постоянно мучился мыслію, что онъ крѣпостной, и предложилъ за себя выкупъ; сенаторъ отказалъ.

Поваръ съ горя принялся пить, спустилъ весь свой капиталъ,

сталъ служить по домамъ, нигдѣ не могъ ужиться. По смерти господина, онъ получилъ вольную, но было уже поздно. Такъ онъ и пропалъ безъ вѣсти.

Одно изъ грустныхъ воспоминаній оставили во мнѣ два крѣпостные художника: живописецъ, и скульпторъ. Живописецъ, по фамиліи Летуновъ, давалъ уроки рисованія мнѣ и Сашѣ; кроткій, тихій, онъ былъ постоянно грустенъ, и, видя наше сочувствіе, иногда высказывалъ намъ свое безпокойство относительно сыновей своихъ, которымъ давалъ нѣкоторое образованіе. Онъ имѣлъ большое семейство и былъ бѣденъ. Какъ окончилась судьба его—не знаю; но, спустя много лѣтъ, услыхала, что старшій сынъ его кончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ на медицинскомъ факультетѣ, и въ послѣдствіи былъ инспекторомъ въ клиникѣ.

Скульпторъ, ученикъ Витали, обращалъ на себя вниманіе замѣчательнымъ талантомъ. Онъ страстно любилъ свое искусство, болѣзненно жаждалъ видѣть лучшія произведенія рѣзца, учиться подъ голубымъ небомъ Италіи, мечталъ о славѣ, и, можетъ, былъ бы славою Россіи, но, постоянно страдая чувствомъ своей неволи, умеръ въ молодости—мученикомъ своей несчастной участи.

Да будетъ благословеніе Божіе надъ императоромъ Александромъ—Освободителемъ.

Вскорѣ послѣ Благовѣщенія наступила Святая недѣля, съ гуляньемъ подъ Новинскимъ, и Саша первый разъ обѣдалъ въ рестораціи. Денегъ ему почти вовсе не давалось, а если и давалось, то въ самыхъ гомеопатическихъ пріемахъ. Такимъ образомъ, на Святой недѣлѣ 1829 года, при освидѣтельствованіи казны, у него оказался полу-имперіалъ, а праздничныхъ дней предстояло довольно. Обсудивъ, онъ рѣшился на третій день праздника прогулять его разомъ. Повязавши претщательно платокъ съ бантомъ papillonnée, надѣвши новый сюртукъ, въ первомъ часу, отправился онъ съ бадинкой въ рукѣ, съ лорнетомъ въ другой, и полу-имперіаломъ въ карманѣ, подъ Новинское.

Halte-là!

Какое сердце не дрожитъ,
Тебя благословляя!

Ежели въ прозаической жизни Москвы есть что нибудь фантастическое и поэтическое, то это ея—гулянья, ея Подновинское,

ея 1-е мая. Люди, усталые отъ зимы, городъ, перемерзнувшій отъ стужи, идутъ подъ Новинское встрѣтить весну; люди, усталые отъ поста, идутъ подъ Новинское встрѣтить праздникъ. Тамъ гуртомъ торжествуютъ Святую недѣлю; тамъ все, отъ князя Д. В. Голицына до дворника Ивана Алексѣевича Бучкина, пируетъ, веселится, радуется празднику Божію и празднику природы. Экспромтомъ выстроенный городъ, съ кабакомъ вначалѣ, рестораціей «Яра» въ концѣ и комедіями въ срединѣ, зоветъ всѣхъ: кого весной, кого барабаномъ и музыкой, кого дорожкой, посыпанной желтымъ пескомъ. Тамъ вы увидите, какъ нашъ добрый мужичекъ, отдѣленный перегородкой отъ посыпанной пескомъ дорожки, выпивши стаканчикъ вина, съ дѣтской простотой души хохочетъ надъ паяцомъ и обезьяной. Увидите, бывало, писцовъ, забывшихъ о существованіи канцелярій, секретарей, экзекуторовъ,—въ бархатныхъ галстукахъ и жилетахъ, въ панталонахъ съ лампасами и съ шляпою на бекрень; былые московскіе щеголи,—дурныя изданія щеголей парижскихъ, нѣчто въ родѣ брюссельскихъ контрафакцій; beau monde, въ итальянскихъ соломенныхъ шляпкахъ, въ корсетахъ madame Кѣ,—блѣдный, кружевной, блондовый; тамъ встрѣчались люди эполетъ, аксельбантъ, выпушекъ, петличекъ, правительствующій сенатъ и медико-хирургическая академія. Съ поконъ вѣка мы любили Подновинское. Сначала его видали издали, изъ кареты, подъ охраною нянюшекъ и мамушекъ; карета останавливалась противъ каждой комедіи, гдѣ комедіанты выходили на балконъ. Какіе наряды, какой языкъ у этого чудовища въ медвѣжьей шкурѣ! и паяцъ въ бѣлой рубашкѣ, въ конической шапкѣ—выпачканный сажей! о, какъ бы мы были счастливы, если бы могли заглянуть туда—въ балаганъ; мы вздыхали и не смѣли надѣяться. Прошли эти времена, и мы стали обхаживать всѣ комедіи: и Турнье, и Молдуано, и три панорамы, каждая съ Ніагарскимъ водопадомъ, съ экспедиціей Росси и съ мадамой у входа. Наконецъ, комедіи стали менѣе занимать насъ. Мы уже посѣщали ихъ не всѣ, а, на выборъ, двѣ, три, но страсть къ Подновинскому не уменьшалась, и мы чуть не плакали, когда дождь уменьшалъ днемъ или двумя Святую недѣлю.

И такъ, въ четвергъ на Святой, съ новой тросточкой и полуимперіаломъ, Саша отправился гулять подъ Новинское; тамъ встрѣтился съ Никомъ; посидѣвши вмѣстѣ на жердочкѣ, какъ попугаи,

они пошли обѣдать въ «Яру». Юношѣ, въ первый разъ отъ роду, обѣдать въ ресторації—равняется первому выѣзду въ собраніе шестнадцати-лѣтней барышни, танцовавшей до того въ танцъ-классахъ подъ фортепьяно, и подъ визгъ одной скрипки. Чтобы показаться настоящими roué, они потребовали карту, и, блуждая по номенклатурѣ, гораздо менѣе имъ извѣстной, нежели Вернерова минералогическая, остановились на ouchа au sterled и au Champagne и на трюфляхъ, какъ на самомъ дорогомъ, и по той же причинѣ потребовали бутылку Іоганнисберга, старѣе самого Меттерниха.... Другіе товарищи ихъ, также явившіеся въ «Яру», смиренно спросили обѣдъ въ 5 р. ассигнаціями и въ 5 р. лафитъ; наѣлись досыта, напились досыта, а для Саши съ Никомъ обѣдъ кончился не такъ благополучно. Ухи,— разсказывали они намъ,— не могли они въ ротъ взять, раковинкой съ трюфелями не могъ бы быть сытъ и бедуинъ въ степи. А между тѣмъ оказалось, что не только завѣтный полу-имперіалъ, но и деньги Ника были истреблены; закуривши на тощакъ сигары, они поглядывали d'un oeil de convoitise на сосѣдей, облизывавшихся послѣ бифстекса и рябчиковъ.

Съ наступленіемъ весны Иванъ Алексѣевичъ сталъ заговаривать о поѣздкѣ въ свое имѣніе — Васильевское, а пока, чтобы пользоваться прелестной погодой, которая стояла въ томъ году, почти каждый день возилъ насъ въ Лужники.

Лужники находятся на низменной сторонѣ Москвы-рѣки, противъ Воробьевыхъ горъ, которыя колоссальная мысль художника хотѣла превратить въ храмъ Божій.

Съ вершины Воробьевыхъ горъ, мы не разъ засматривались на величественную картину Москвы. Безконечный городъ стлался подъ горою на необозримое пространство и исчезалъ въ неопредѣленной дали, пышно освѣщенной заходящимъ солнцемъ, лучи котораго вонзались въ золотые куполы церквей.... Дивный видъ, кто его не знаетъ въ Москвѣ?! Императоръ Павелъ привелъ сюда madame Lebrun, чтобы она его сняла. Lebrun простояла часъ, съ благоговѣніемъ сказала: «не смѣю», и бросила свою палитру. Императоръ Александръ хотѣлъ тутъ молиться за спасеніе отечества. Разъ передъ вечеромъ, на самомъ мѣстѣ закладки храма, передъ красотой картины, озаряемой прощальными лучами солнца,

Саша и Никъ поклялись въ вѣчной дружбѣ и въ любви къ человѣчеству.

— Ребячество, ребячество! скажу и я, и прибавлю слова Христа: «о, будьте дѣтьми!»

Конечно, спустя много лѣтъ, иначе понялась жизнь, но поднимемтесь выше, взглянемте на начало, изъ котораго истекала дѣтская восторженность того времени,—неужели не видно въ этомъ того высокаго инстинкта, по которому человѣкъ стремится разлить во вселенную духъ свой; неужели не видно всемогущей, всепоглощающей любви, связующей людей въ человѣчество! И какая откровенность! какое безкорыстіе въ мечтахъ! Да будутъ онѣ благословенны! Сколько разъ послѣ того они всходили на эту гору и примѣривали, такъ-ли, впору-ли ихъ душѣ и видъ, и солнце, и гора. Сколько разъ они ходили туда, чтобы смыть съ души насѣдавшую на нее пыль и возвращались чистыми.

Спустя десять лѣтъ, Саша съ женою въѣзжали въ Москву по можайской дорогѣ, огибая ее. Весьма немногіе знаютъ этотъ лабиринтъ проселочныхъ дорогъ, пересѣкающихся, узенькихъ, грязныхъ, которыя окружаютъ Москву. Дождь изъ проливнаго превратился въ осенній, похожій на мокрое облако. Глубоко врѣзывались колеса въ глинистую землю. Городъ былъ въ верстѣ или. много, въ двухъ, но его почти не было видно изъ-за тумана; нѣсколько зданій неопредѣленно пробивались изъ-за влажной завѣсы, большею частію старые знакомые, родные, давно невиданные.... «сердце билось, глядя на нихъ, разсказывалъ Саша. Симоновъ монастырь, гдѣ мы такъ часто бродили между надгробными памятниками, Крутицкія казармы, Донской монастырь, густыя массы Нескучнаго сада, Дѣвичій монастырь и Лужники—нижняя ступенька Воробьевыхъ горъ....» Они шагомъ въѣхали, по совершенно непроѣзжаемой дорогѣ, въ гору. Саша не узналъ горы, такъ какъ никогда не подъѣзжалъ съ этой стороны. Колокольня Дѣвичьяго монастыря указала, что это именно Воробьевы горы. Онъ миновать ихъ не могъ, не могъ проѣхать подлѣ, не посѣтивши мѣста закладки двухъ храмовъ: храма во имя Спасителя и храма во имя любви, которую проповѣдовалъ Спаситель.

Саша велѣлъ ямщику остановиться, подалъ руку женѣ и вмѣстѣ пошли на святое мѣсто.

Дождь не унимался, они скользили по глинѣ, вѣтеръ дулъ

прямо въ лицо. Чувство, наполнявшее душу, было то, съ которымъ мы приближаемся къ могилѣ друга, къ единственному осязаемому видимому знаку прошедшей жизни, нѣкогда близкой намъ. Вотъ тропинка, по которой такъ часто всходили, вотъ Москва-рѣка, опоясавшая гору, отдѣлявшая отъ толпы.... Посѣщеніе это носило печать чего-то литургическаго, важно-таинственнаго и священнаго.

Много лѣтъ прошло, какъ Саша не видалъ горы; онъ вспомнилъ наши прогулки, вспомнилъ клятвы, произнесенныя полу-ребяческими устами, и исповѣдывался на этомъ мѣстѣ—не измѣнился-ли онъ, не измѣнило-ли его счастье, и сознался, что онъ все тотъ же, только пошелъ дальше, поднялся въ болѣе обширную сферу духа, но что любовь не изсякла и частная жизнь не поглотила универсальной, и что съ многими погибшими юными мечтами не погибли всѣ надежды его.

Но какъ перемѣнилась гора! гдѣ то торжественное солнце, тотъ городъ исполинъ, то ликованье свѣта, воздуха, растеній, гдѣ каменный ковчегъ, въ которомъ хранились зародыши храма? гдѣ мѣсто, благословенное царемъ благословеннымъ, художникомъ и народомъ,—мѣсто обѣта? Разбросанные камни лежали около ямы, дождь сѣялся, и вѣтеръ уродовалъ форму деревьевъ, которыя едва могли стоять. Тяжелое чувство грусти тѣснилось въ грудь отъ могильнаго вида и всплывало надъ восторгомъ. Вспомнился ему художникъ-страдалецъ [1]), который не разъ склонялъ на его грудь главу, убѣленную не лѣтами, а горестями, изъ устъ котораго онъ слышалъ его дивную жизнь, въ которой сочетались апоѳеозъ художника съ анаѳемой. На этой горѣ каждому невольно представляются образы изъ этой поэмы, живо и ясно. Представляется юноша съ голубыми глазами, вдохновенный творческою властію призванія; юноша говоритъ: «да будетъ онъ тутъ». Онъ еще безвѣстный, еще царь не знаетъ его, но онъ знаетъ себя, онъ уже утвердилъ свой проектъ тѣмъ чувствомъ: «добръ бо есть», которымъ Господь сопровождаетъ свое твореніе. Для него храмъ совершенъ, онъ въ этомъ увѣренъ, какъ въ своемъ существова-

[1]) Академикъ Александръ Лаврентьевичъ Витбергъ — геніальный художникъ, строитель храма Христа Спасителя въ Москвѣ. Подробныя его записки, портретъ и рисунокъ Храма Спасителя (его проектъ) напечатаны въ «Русской Старинѣ» 1872 г. (изд. второе), томъ V, стр. 16, 159 и 519. Т. П.

нiи. Передъ нимъ храмъ высится торжественный, крестообразный, увѣнчанный ротондой. Юноша видитъ свой храмъ, болѣе того, онъ самъ превращается въ него! Его черепъ раздвинулся въ гигантскій куполъ колоссальной мыслью; иконы, статуи—это его фантазія; эти звуки мѣди — его пѣснь, — пѣснь призыва и ликованья; эти колоннады — его объятія; въ этихъ капителяхъ, барельефахъ, фрескахъ — его плоть, его душа, тайна его бытія, — тайна, которую онъ самъ иначе понять не могъ, какъ выводя ее изъ цѣлой горы, написавъ мраморомъ, гранитомъ и поставивъ въ виду цѣлаго города.

Но вотъ идетъ царь великаго народа, смиренно Богу отдать побѣду; тихо восходитъ онъ по извучистой тропинкѣ,—за нимъ его православный народъ. Развѣваются хоругви, раздаются псалмы: народъ, рукою царя, идетъ положить первый камень будущаго храма. Кто встрѣчаетъ царя? юноша. Юноша уже не безвѣстный. Онъ стоитъ свѣтлый, радостный, кладетъ второй камень, и съ трепетомъ и съ молитвою приступаетъ къ таинству созданія. Счастливъ ты, юноша, въ тебѣ узнали того, кого ты проявилъ въ себѣ, и склонились передъ тобою. Ты жилъ для того, чтобы прославить Его храмомъ, и тебя славятъ: ты—храмъ Его.

Потомъ воображеніе переноситъ въ дальній край. Нужда матеріальная давитъ художника. Онъ униженъ, сосланъ, очерненъ. Обремененный большимъ семействомъ, онъ бѣденъ. Сынъ его души—его храмъ, убитъ во чревѣ матери, а на рожденіе его онъ употребилъ всѣ силы души своей. Но художникъ и теперь живетъ въ своемъ великомъ чертежѣ, въ своемъ храмѣ. Храмъ—это его объективы, его теодицея, исполненіе всѣхъ мечтаній, выраженіе всѣхъ фантазій, отвѣтъ на всѣ вопросы и... и храмъ существуетъ,— что за дѣло, въ чертежѣ или въ художникѣ. Онъ отдѣлываетъ его части, — здѣсь прибавляетъ ударъ рѣзца, тамъ барельефъ. Вездѣ является онъ сильнымъ, великимъ, и вмѣстѣ, дѣтски довѣрчивымъ, полнымъ свѣжихъ, юныхъ чувствъ. Онъ страдалъ, но не былъ несчастенъ... нѣтъ, одна толпа несчастна отъ внѣшняго. Человѣкъ силенъ, когда оторвется отъ душныхъ, низкихъ заботъ полуживотной жизни и поднимется въ область духа. Въ этой области нельзя быть несчастнымъ...

Но возратимся къ 1829 году.

Послѣ прогулки на Воробьевы горы, Саша и Никъ сдѣлались

неразлучны. Въ эти свѣтлые дни юношескихъ мечтаній и симпатіи, чертились колоссальные планы, они отдавались сильно занятіямъ и вѣрилось съ восторженностію первой любви. Когда же Никъ уѣхалъ въ деревню, то они переписывались. Любопытно бы было сравнить эти письма,—говорилъ въ послѣдствіи Саша,—съ тѣми письмами, которыя онъ писалъ ко мнѣ въ 20-хъ годахъ; взглянуть, какъ росла душа, какъ и что въ ней измѣнялось, взвѣсить въ тѣхъ и другихъ долю ребенка и долю будущаго человѣка, постепенное исчезновеніе одной доли души и постепенное возрастаніе другой.

Характеры Саши и Ника были совершенно противоположны. Никъ, флегматическій по сложенію, безъ энергіи по наружности, но глубоко-чувствующій въ душѣ, нѣжный, поэтическій, былъ вѣчно задумчивъ, говорилъ мало, двигался еще меньше; отъ тѣхъ мѣстъ въ чтеніи, отъ которыхъ Саша приходилъ въ восторгъ, Никъ молча отиралъ слезы. Несмотря на это, между ними не было никогда ни спора, ни разногласія.

Профессоръ Морошкинъ, говоря о Сашѣ и Никѣ, сказалъ: «Саша—это вѣчно дѣятельный европеецъ, живущій экспансивной жизнію, который принимаетъ идеи съ тѣмъ, чтобы ихъ уяснить, развить, разбрасывать. Никъ — квіетическая Азія, въ душѣ которой почила глубокая мысль, ей самой не ясная».

Еще до прогулки на Воробьевы горы, Никъ, услыхавши, что мы весной ѣдемъ въ деревню, принесъ къ намъ: «Phylosophische Briefe»—Шиллера, и предложилъ Сашѣ читать ихъ вмѣстѣ. Слезы навертывались у него на глазахъ, когда онъ читалъ первое письмо Юлія къ Рафаилу. Въ отвѣтъ на это письмо, Саша схватилъ томъ сочиненій Карамзина и взволнованнымъ голосомъ прочиталъ: «Нѣтъ Агатона! нѣтъ моего друга!» Они понимали, что каждый говоритъ эти слова самъ отъ себя, но боялись высказаться. Никъ, посылая Сашѣ идиліи Геснера, на запискѣ подписался: «вашъ другъ-ли—еще не знаю»; и первый сталъ говорить ему *ты*. Съ прогулки на Воробьевыхъ горахъ Никъ часто сталъ бывать у насъ. Утрами онъ съ Сашей ходилъ гулять; любимыя мѣста ихъ прогулокъ были за Дорогомиловской заставой и Воробьевы горы. Саша всегда ждалъ Ника у раскрытаго окна своей комнаты, а если еще спалъ и окно было затворено, Никъ бросалъ въ окно камешки и будилъ его.

. . . . . .

ГЛАВА XVI.

Васильевское.

. . . . . сердце бьется
При имени твоемъ, пустынное село,
И ясной думою внезапно разцвѣло.

Растопчина.

Это было въ маѣ 1829 года. Погода стояла великолѣпная. Деревья распускались, траву осыпали золотистые цвѣты цикоріи.

Точно-ли мы скоро ѣдемъ въ Васильевское? еще поѣдемъ-ли? вопросъ этотъ тревожно занималъ насъ. Мы робко вѣрили, робко надѣялись.

Намъ страстно хотѣлось въ деревню.

Когда пришли изъ деревни подводы и загромоздили полъ-двора, мы съ восторгомъ смотрѣли на нихъ, на крестьянъ, хлопотавшихъ около лошадей, и на лошадей, какъ онѣ, фыркая, ѣли сѣно.

Въ домѣ поднялась страшная суета. Прислуга начала таскать барскія вещи, свои пожитки и укладываться на воза. Всѣ были раздражены, ссорились за болѣе удобныя мѣста на подводахъ для своихъ мѣшковъ, подушекъ, коробковъ. Камердинеръ Ивана Алексѣевича былъ разстроенъ до того, что рвалъ на себѣ волосы съ досады, и со всѣми бранился; какъ что онъ ни положитъ, все ему кажется не такъ, да не эдакъ, выкидаетъ и перебросаетъ. Тѣ изъ прислуги, которые отправлялись съ подводами, ходили одѣтые и подпоясанные по дорожному, улаживали себѣ на подводахъ помѣщенія и прощались съ остававшимися въ Москвѣ.

Когда подводы, нагруженные гора-горой, съѣхали со двора, все стихло и опустѣло. Всѣ были утомлены до того, что, убравши валявшіеся по комнатамъ клочки сѣна, солому, веревки, оставшіяся отъ укладки, разошлись отдыхать. Даже Макбетъ, высунувши языкъ, растянулся на заднемъ крыльцѣ съ видомъ такого изнеможенія, какъ-будто и онъ участвовалъ во всеобщей суетѣ и отправлялъ подводы.

Въ однѣхъ курахъ появилось больше прежняго хлопотливости; онѣ суетились по двору, торопясь другъ передъ другомъ подбирать остатки овса и кой-гдѣ просыпавшуюся крупу.

День стоялъ жаркій, на небѣ ни облач[illegible]

Саша спустился съ верха по лѣстницѣ и, остановясь на предпослѣдней ступенькѣ, позвалъ меня.

Я подошла къ нему.

— «Какая тоска и пустота во всемъ домѣ,—сказалъ онъ, держась за поручья лѣстницы,—точно всѣ вымерли; въ довершеніе этого удовольствія—наверху духота невыносимая, папенька не позволяетъ открыть ни одного окна—боится простудиться въ 20 градусовъ жара. Погода прелестная, непростительно оставаться въ комнатахъ. Пойдемте въ палисадникъ».

— Пойдемъ,—отвѣчала я,—подожди меня, я сейчасъ приду, только возьму зонтикъ.

— «На что это зонтикъ, три шага отъ дома — не бойтесь, не загорите».

— Я думала, мы будемъ ходить по палисаднику,—тамъ тѣни мало, а солнце такъ и палитъ.

— «Прогуливаться мы не будемъ, а пройдемъ прямо въ бесѣдку и станемъ читать. Вы что хотите?»

— Мнѣ все равно, бери что тебѣ нравится.

— «Если такъ—я возьму «Phylosophische Briefe»—Шиллера. Онѣ подходятъ къ настроенію моего духа».

Палисадникъ, въ который мы пошли, начинался отъ самаго дома. Рѣшетка, густо опушенная подстриженной акаціей, отдѣляла его отъ двора. Среди палисадника было нѣсколько клумбъ съ цвѣтами и съ десятокъ кустовъ сирени, жимолости и бузины, среди которыхъ стояла бесѣдка. Но что же это была за бесѣдка?

Это было что-то въ родѣ комнаты безъ оконъ, выстроенной изъ сосноваго теса, мѣстами разщелившагося. Сквозь разщелины тонкими нитями пробирались солнечные лучи, наполняя бесѣдку золотисто-туманнымъ полусвѣтомъ; когда мы, входя въ бесѣдку, растворили настежъ дверь, солнце хлынуло черезъ всю комнату широкимъ потокомъ и ярко освѣтило ее. Мы помѣстились подлѣ низенькаго столика, на широкой деревянной лавкѣ, стоявшей вдоль всей внутренней стѣны.

Саша положилъ на столикъ книгу и, приготовляясь читать, сказалъ:

— „Я чрезвычайно люблю эти письма. Въ нихъ такъ много чувства, широкихъ идей, пониманія молодой души“.

— Ты любишь ихъ потому,—замѣтила я,—что этими письмами объяснялся съ Никомъ въ своихъ чувствахъ.

— „Быть можетъ, и потому. Мнѣ надобенъ былъ другъ—юноша, въ объятіяхъ котораго мнѣ было бы вольно, съ которымъ я могъ бы рука объ руку идти въ жизнь. На требованіе души моей онъ и явился такимъ, какъ я мечталъ, какимъ представилъ его въ этихъ письмахъ Шиллеръ. Мы сблизились... какъ — и самъ не знаю,—сблизились и навсегда".

Помолчавши немного, онъ вздохнулъ, сказалъ нѣсколько театрально: «Поза, Поза! Гдѣ ты?» и сталъ читать первое письмо Юлія къ Рафаилу:

«Ты уѣхалъ, Рафаилъ, и природа утратила свою прелесть. Желтые листья валятся съ деревъ, мгла осенняго тумана, какъ гробовой покровъ, лежитъ на умершей природѣ; одиноко блуждаю я по задумчивымъ окрестностямъ, громко зову моего Рафаила, и больно мнѣ, что мой Рафаилъ мнѣ не отвѣчаетъ. Здѣсь въ первый разъ мы разъясняли основныя духовныя начала, и Юлій открылъ свое близкое родство съ Рафаиломъ....»

Саша остановился и пристально посмотрѣлъ на меня.

У меня навертывались на глазахъ слезы, мнѣ казалось, что отъ меня что-то отнимаютъ.

До этого времени у Саши не было ни друга, ни товарища, кромѣ меня, и у меня никого, кромѣ его; видя какой страстный характеръ принимаетъ его дружба къ Нику, я его къ Нику ревновала.

Сдѣлалъ-ли Саша видъ, что не замѣчаетъ происходившаго во мнѣ, или дѣйствительно не замѣчалъ, только онъ письма Юлія продолжать не сталъ; облокотясь на столикъ, онъ медленно перевертывалъ листокъ за листкомъ въ книгѣ,—миновалъ мыслящія существа и идеи, и остановился на любви.

«Теперь, мой Рафаилъ», продолжалъ читать Саша, «позволь мнѣ остановиться. Высота достигнута, туманъ упалъ, я стою среди безконечности, точно среди цвѣтущаго ландшафта. Чистѣйшій солнечный свѣтъ расширяетъ всѣ мои понятія, и такъ, любовь—лучшее явленіе одушевленнаго міра, всемогущій магнитъ вселенной, источникъ вдохновенія и высшаго блага. Любовь—проявленіе единой, нераздѣльной силы, образъ прекраснаго, чувство, основанное на переливѣ одной личности въ другую, на размѣнѣ своей сущности.

Въ одинъ вечеръ,—ты помнишь, Рафаилъ,—души наши соприкоснулись въ первый разъ. Всѣ твои высокія качества, всѣ твои совершенства сдѣлались моими. Любовью къ тебѣ я становлюсь тобою....»

Относя всѣ эти слова къ Нику, я грустно думала, вспоминая «Wahlverwandschaft»: «Хорошо извести—она насыщается сѣрной кислотой; каково-то бѣдной воздухообразной частичкѣ, которой приходится одиноко отлетать въ безконечность! Придется-ли еще ей когда проявиться въ образѣ цѣлебнаго источника».

Не смотря на меня, Саша опустилъ на столъ книгу, тихо взялъ мою руку и сжалъ ее съ такимъ огнемъ, что мнѣ показалось, будто воздухъ вспыхнулъ вокругъ насъ. Мгновеніе продолжалось молчаніе. Я взглянула на Сашу: по лицу его катились слезы.... Изъ тихаго, спокойнаго взора моего онъ все понялъ—и огорчился. Въ послѣдствіи онъ оцѣнилъ то чувство, которое я имѣла къ нему, и сохранилъ ко мнѣ привязанность брата.

Быть можетъ, у него и загоралась привязанность болѣе живая, какъ это и показалось ему, вѣроятнѣе же юношескій возрастъ, полное отсутствіе женскаго общества, пылкость, создали въ его воображеніи чувство, котораго, въ сущности, и не было никогда. По своему страстному характеру, онъ относился къ Нику также горячо, какъ и ко мнѣ, если еще не горячѣе.

Мое тихое, спокойное чувство, дружба съ Никомъ, далѣе, университетскіе товарищи, наука и проч. способствовали тому, что и его привязанность ко мнѣ приняла характеръ болѣе ровный. Въ послѣдствіи онъ говорилъ объ этомъ періодѣ времени: «Моя пламенная дружба къ Корчевской кузинѣ мало по малу приняла характеръ болѣе ровный».

Съ ребячества привыкнувши быть единственнымъ товарищемъ Саши, естественно, что я, временами, тосковала, видя, какъ другой заступаетъ мое мѣсто, и какъ, ради этого другаго, онъ оставляетъ меня одну цѣлые часы, чего прежде не бывало.

Наконецъ, наступилъ день отъѣзда въ деревню. Съ нами ѣхали Карлъ Ивановичъ Зонненбергъ и восьмилѣтній сынъ сенатора Сережа (знаменитый въ послѣдствіи фотографъ-художникъ С. Л. Левицкій).

. . . . . .

Васильевское[1]) находится напротивъ того берега Москвы-рѣки, на которомъ стоитъ Кунцево и Архангельское. Иванъ Алексѣевичъ, объѣхавшій почти всю Европу, говорилъ, что мало видалъ мѣстъ живописнѣе Васильевскаго.

Съ Марьинской горы и изъ нѣкоторыхъ комнатъ стоявшаго на ней новаго дома виднѣлась рѣка, за ней село, церковь среди зелени, старый, полуразрушенный домъ съ садомъ, и, на нѣсколько верстъ кругомъ, деревеньки, села, горы, засѣянныя поля, пересѣченныя рощами и лѣсами.

Новый домъ стоялъ на Марьинской горѣ одиноко, около него не было ни двора, ни надворныхъ строеній. Съ одной стороны его огибалъ глубокій оврагъ, поросшій тальникомъ, крапивой и чертополохомъ, по окраинамъ котораго лѣпились, свѣсившись надъ нимъ, старыя ветлы, да небольшая кухня. Противоположно оврагу, передъ фасадомъ дома, гора отлогой покатостію тянулась до столѣтней липовой рощи. Съ правой стороны дома она крутымъ обрывомъ спускалась къ рѣкѣ, а противъ всего низменнаго берега, на которомъ стоитъ Васильевское, простиралась горной возвышенностью, мѣстами поросшей лѣсомъ.

Передъ домомъ, по такъ называемому двору, росло нѣсколько большихъ кустарниковъ и развѣсистыхъ деревьевъ; въ густой, цвѣтущей травѣ, покрывавшей гору, виднѣлись протоптанныя дорожки.

Домъ былъ новый, выстроенный изъ крупнаго сосноваго лѣса, ни снаружи, ни внутри не оштукатуренный. Въ немъ пахло смолой, мѣстами вытекавшей изъ стѣнъ янтарными каплями и нитями. Комнаты были свѣтлы и довольно просторны. Онѣ казались еще просторнѣе отъ того, что въ нихъ было очень мало мебели, и то самой простой. Комната Саши была въ мезонинѣ, тамъ стояла его некрашенная кровать съ сыромятнымъ тюфякомъ, широкая липовая лавка и такой же столъ, да два-три стула и полка для

[1]) Васильевское продано было Иваномъ Алексѣевичемъ Яковлевымъ племяннику его, Николаю Павловичу Голохвастову, потомъ перешло къ графинѣ Александрѣ Сергѣевнѣ Паниной, супругѣ графа Александра Никитича Панина.

Когда эта часть моихъ записокъ была уже передана въ редакцію «Русской Старины», я получила печальное извѣстіе, что графиня Александра Сергѣевна кончила жизнь, исполненную добра и любви къ ближнему. Васильевское она передала внуку своему и крестнику, князю Щербатову, старшему сыну своей дочери. Т. П.

книгъ. Я помѣщалась внизу, въ небольшой комнатѣ съ итальянскимъ окномъ, подлѣ котораго стоялъ сосновый столикъ и стулъ. За неимѣніемъ кровати, я спала на полу, на двухъ сложенныхъ вмѣстѣ тюфякахъ.

Пока выбирали изъ экипажей наши вещи, а съ подводъ съѣстные запасы и поклажу, мы всѣ собрались въ чайную комнату, выходившую изъ корридора. Тамъ, на длинномъ липовомъ столѣ, уже кипѣлъ самоваръ, стояли разныя принадлежности къ чаю и большой горшокъ холоднаго молока съ густыми, майскими сливками. Все это, вмѣстѣ съ чистымъ воздухомъ и живописной мѣстностью, возбуждало сильный аппетитъ и восторженное настроеніе духа. Мы съ наслажденіемъ пили чай и сливки, съ увлеченіемъ говорили о прелестяхъ деревни и составляли проекты прогулокъ и занятій. Иванъ Алексѣевичъ сидѣлъ въ концѣ стола, на диванѣ, и молча пилъ чай, кидая наблюдательные взгляды, холодно слушая наши страстныя рѣчи, и вдругъ, оглянувши всѣхъ, сказалъ:

— Удивительно, какъ прекрасная природа и деревенскія сливки располагаютъ къ чувствительности; у меня такъ и вертятся на умѣ стихи да романсы, особенно нейдетъ изъ головы одинъ трогательный романсъ: «Ахъ, батюшки, бѣлъ козелъ!» выразительнѣе всего повторяется припѣвъ «бѣлъ козелъ!» Не поетъ-ли кто изъ васъ «бѣлаго козла»?

— «Никто не поетъ и не знаетъ»,—съ досадой отвѣтилъ Саша.

— Ну, такъ, можетъ, кто-нибудь знаетъ одну извѣстную чувствительную пѣсню, — и улыбаясь, речитативомъ пропѣлъ, или скорѣе, проговорилъ:

Какъ на рѣчкѣ, на Казанкѣ,
Дѣвка, стоя, фартукъ мыла;
Мывши, фартукъ обронила,
Бѣлы ноги замочила;
На фартучкѣ пѣтушки,
Золотые гребешки.

Неподвижный взоръ, съ которымъ все это было сказано, улыбка, не живая, вытекающая изъ внутренняго состоянія духа, а безжизненная, какъ бы наложенная снаружи,—обдавали холодомъ.

Всѣ поняли, что воспоминаніе о бѣломъ козлѣ и пѣсня сказаны на смѣхъ нашему лирическому настроенію, и комедія сыграна,

чтобы убить его,—съ недоумѣніемъ переглянулись и отвѣтили Ивану Алексѣевичу горькой, натянутой усмѣшкой, на которую онъ не обратилъ никакого вниманія, и, довольный тѣмъ, что понизилъ общій восторгъ до нуля, спокойно продолжалъ пить свой чай.

Назовите лунатика по имени—и онъ упадетъ: такъ и мы упали съ неба въ бѣдную сферу жизни. Одни пошли хлопотать устраиваться, другіе—разбирать свои вещи.

Меня Саша позвалъ пройтиться къ рѣкѣ.

По тропинкѣ, сбѣгавшей съ обрыва, мы спустились прямо къ водѣ на небольшую песчаную площадку, мѣстами поросшую мелкой травкой и низенькими желтыми цвѣточками. Подъ горой насъ обдало влагой и теплотой. Вода стояла неподвижно и была до того прозрачна, что сквозь нее видѣлся на днѣ песокъ, и вблизи берега можно было пересчитать камышки.

Пополоскавшись въ водѣ руками, подивившись ея теплотѣ и порадовавшись на виды, открывавшіеся изъ-за рѣки, мы устроились по близости воды. Я помѣстилась на широкомъ камнѣ, на которомъ, купаясь, клали бѣлье; Саша, облокотясь на руку, прилегъ на травѣ.

Солнце заходило, бросая на землю прощальные лучи, день преображался въ задумчивый вечеръ. Легкій вѣтерокъ тронулъ воду, воздухъ, потянулъ съ горы запахомъ ночныхъ фіалокъ и затихъ. И какъ-то молодо и чудно на сердцѣ было.

. . . . . .

Мало по малу, мы совсѣмъ устроились въ деревнѣ и распредѣлили время прогулокъ и занятій. Саша писалъ статью о «Валленштейнѣ» Шиллера и читалъ ее мнѣ, писалъ письма къ Нику, которыхъ мнѣ не читалъ. Сверхъ того, готовился къ экзамену для поступленія въ университетъ, несмотря на то, что отецъ его былъ противъ университета.

Въ липовой рощѣ находилось одно мѣсто, до того красивое, что Саша его назвалъ Эрменонвилемъ, въ память Жанъ Жака Руссо. Это была четыреугольная площадка, съ одной стороны открытая на рѣку, а съ остальныхъ затѣненная густыми вѣтками липъ. Эрменонвиль всѣмъ до того нравился, что въ немъ устроили скамейки, столъ, и ходили туда съ работой, книгами и даже съ завтракомъ.

Много прошло времени послѣ моего нравоучительнаго посланія Сашѣ, по поводу исповѣди Жанъ Жака, многое измѣнилось и въ нашихъ понятіяхъ. По совѣту Саши, я прочитала нѣкоторыя мѣста изъ знаменитой «Исповѣди», и хотя многаго не поняла и не выразумѣла вполнѣ эту исповѣдь страдальца, эту энергическую душу, которая выработалась черезъ мастерскія часовщиковъ, передніе, порочныя паденія, до высшаго нравственнаго состоянія, до всепоглощающей любви къ человѣчеству, но растрогалась и, въ знакъ раскаянія, въ своемъ поспѣшномъ приговорѣ перевела съ французскаго языка какую-то небольшую статью, гдѣ проводилась параллель между Руссо и великими страдальцами за истину. Саша предложилъ мнѣ прочитать вмѣстѣ съ нимъ въ Эрменонвилѣ всѣ сочиненія Руссо. Мы начали съ «Contrat social»; имъ Руссо надолго покорилъ насъ своему авторитету—такъ сильно и увлекательно онъ излагалъ свои идеи; а его поэтическое бѣгство отъ людей въ Эрменонвиль привязало насъ къ нему лично. Намъ казалось, что онъ несъ на себѣ всѣ скорби XVIII столѣтія, и выразилъ собою все, что содержалось теплаго и энергическаго въ основѣ французской философіи того вѣка. Послѣ «Contrat social» мы стали читать «Discours sur l'inégalité de l'homme» и, минуя «Эмиля», принялись за «Новую Элоизу». Мы еще не знали жизни, смотрѣли на нее съ высоты фантасмагоріи, знали по теоріи ея расчеты, отношенія, маленькую мораль и нигдѣ не попадали въ водоворотъ этой жизни. Мы судили о людяхъ по героямъ и дѣвамъ Шиллера, имѣющимъ образъ человѣческій, но безтѣлесный, какъ абстрактная идея. Письма Юліи къ Сенъ-Пре насъ утомляли однообразіемъ и мало нравились физической, порывистой любовью. Самый слогъ этихъ писемъ намъ былъ мало симпатиченъ. Мы долго тянули первую часть, а на второй бросили.

Сашѣ очень хотѣлось кататься по рѣкѣ въ лодкѣ,—отецъ ни подъ какимъ видомъ не позволялъ,—тѣмъ сильнѣе влекло его это удовольствіе, и онъ достигъ его украдкой. При помощи одного пріятеля изъ прислуги, онъ добылъ лодку и, утрами, пока отецъ его еще спалъ, плавалъ въ ней съ Ларькой и Левкой-цирюльникомъ (такъ ихъ называли въ домѣ всѣ вообще). Накатавшись до-сыта, они прятали лодку въ прибрежномъ тростникѣ, привязавши веревочкой къ колышку, вколоченному въ дно рѣки.

Выучившись управлять лодкой, Саша сталъ уговаривать меня покататься съ нимъ, пока всѣ еще спали. Не довѣряя его искусству въ управленіи лодкою, я долго не рѣшалась; наконецъ, уступила его просьбамъ. Въ назначенный день, какъ только разсвѣло, я встала съ постели, одѣлась, вышла на балконъ и сѣла на ступенькѣ лѣстницы.

Заря разгоралась. Природа медленно пробуждалась отъ сна.

Вскорѣ на селѣ показалось движеніе. Изъ-за горизонта брызнули лучи солнца и сотни радугъ, перекрещиваясь, перекинулись черезъ цвѣтущій лугъ, надъ которымъ опаловымъ моремъ стояла роса.

На балконъ вошелъ Саша.

По мокрой травѣ, пробираясь мокрыми кустами, мы пришли къ рѣкѣ, вывели изъ тростника лодку и вдвоемъ сѣли въ нее. Весла тронули воду, лодка скользнула и пошла по теченію, оставляя за собой струистый слѣдъ; село, домъ, лѣсъ, берега отразились въ рѣкѣ и, отодвигаясь, безпрестанно мѣняли физіономію. Одно голубое небо оставалось неизмѣннымъ.

Тишина царствовала глубокая. Все было неподвижно. Самое солнце, казалось, стало на пути своемъ и высилось въ лазури волшебствомъ. Только весла всплескивали воду, да иногда чайка, вскрикнувъ, проносилась надъ нами, или куличекъ, чуть слышно чивикая, выбѣгалъ изъ тростника на прибрежный песокъ.

Подъ прелестью этого кроткаго утра мы, какъ очарованные, плыли молча, сливаясь душой со всеобщимъ покоемъ. Когда же вышли изъ-подъ обаянія, насъ охватила безотчетная радость и раздолье. Мы говорили, смѣялись, пѣли перекликались съ эхомъ; приставши къ берегу, легко выпрыгнули изъ лодки, привязали ее и весело, беззаботно вбѣжали въ домъ. Всѣ еще спали. Мы стали пробираться въ комнату Саши; противъ ее, изъ двери въ дверь, выходила комната Егора Ивановича. Услыша наши шаги и голоса, онъ пробудился и, сквозь дверь, сердито крикнулъ:

— Экъ васъ нелегкая носитъ спозаранка, угомона на васъ нѣтъ, сами не спите и другимъ спать не даете.

Мы притихли, молча вошли въ комнату Саши и раскрыли среднее окно.

Иногда Иванъ Алексѣевичъ приглашалъ насъ съ собой про-

гуляться; обыкновенно это случалось въ самый палящій зной, въ два или три часа по полудни. Для этихъ прогулокъ онъ всегда надѣвалъ новый, длинный сюртукъ, бралъ круглую шляпу, трость съ золотымъ набалдашникомъ и водилъ насъ по широкой проѣзжей дорогѣ, среди засѣянныхъ полей, или по открытому берегу рѣки, между громадныхъ обломковъ мрамора.

Коммисія строеній храма Спасителя въ Москвѣ, на Воробьевыхъ горахъ, узнавши, что въ Васильевскихъ горахъ находится мраморъ, просила у помѣщика разрѣшенія выломать нѣсколько кусковъ на пробу. Иванъ Алексѣевичъ согласился. Коммисія, вмѣсто того, чтобы мраморъ ломать, нашла удобнѣе дѣйствовать порохомъ. Горы взорвали на довольно значительное пространство. Мраморъ въ отдѣлкѣ оказался красивъ, сколько помнится, шоколаднаго цвѣта, съ пунцовыми жилками. Глыбы взорваннаго мрамора рѣшено было купить для постройки храма Спасителя. Чтобы удобнѣе была его доставка, присланы были въ Васильевское инженеры строить на рѣкѣ шлюзы. Когда инженерныя работы были готовы, тогда до 30-ти барокъ нагрузили мраморомъ и отправили по Москвѣ-рѣкѣ къ Воробьевымъ горамъ, но онѣ едва тронулись съ мѣста, какъ всѣ потонули. Говорятъ, будто барки эти съ намѣреніемъ были просверлены.

Такъ какъ построеніе храма на Воробьевыхъ горахъ не состоялось, то много обломковъ мрамора осталось разбросанными на мѣстѣ, занимая по берегу рѣки пространство, больше чѣмъ на версту. Эти разорванныя горы, эти громадныя каменныя глыбы, представляли видъ дивій и живописный, но прогуливаться въ полуденный зной среди раскаленныхъ камней—было истиннымъ наказаніемъ. Когда спадалъ жаръ, мы, уже безъ Ивана Алексѣевича, ходили къ старому дому въ садъ собирать клубнику и смотрѣть, какъ старый поваръ Сафонычъ троитъ мятную и розовую воду, или шли въ Полушкинскій боръ за ягодами и грибами. Саша въ этихъ прогулкахъ намъ сопутствовалъ рѣдко. Онъ больше любилъ, послѣ обѣда, съ книгой лежать подъ развѣсистой липой, стоявшей среди такъ называемаго двора, и читать, или сумерками смотрѣть на трепетное мелканіе зарницы.

Одна изъ нашихъ прогулокъ оставила такое свѣтлое впечатлѣніе, что Саша вспомнилъ о ней въ своихъ запискахъ объ Италіи.

Это было на закатѣ солнца; возвращаясь изъ лѣса, мы выбрались на полянку къ рѣкѣ и остановились, пораженные волшебной красотой открывшейся намъ картины. Вся панорама, видимая съ Марьинской горы, съ опускавшимся солнцемъ тонула въ туманномъ пурпурѣ вечерней зари: очертанія предметовъ скрадывались, воздухъ и легкій паръ надъ рѣкою алѣли, а надъ нами и за нами синѣло холодное небо. Вдругъ, среди безмолвія, раздался звукъ пастушескаго рожка и бубенчиковъ, и изъ-за деревьевъ, медленно выступая, другъ за другомъ, показалось небольшое стадо, а за нимъ миловидный крестьянскій мальчикъ лѣтъ четырнадцати. Это явленіе до того стройно совпало съ цѣлымъ, что на всѣхъ лицахъ вызвало улыбку безконечнаго счастія.

Въ исходѣ іюля Иванъ Алексѣевичъ собрался посѣтить племянника своего, Дмитрія Павловича Голохвастова, въ его селѣ Покровскомъ, лежащемъ верстахъ въ двухъ отъ Новаго Іерусалима. Поѣздкѣ этой больше всѣхъ радовался Саша; онъ надѣялся черезъ посредство Дмитрія Павловича склонить отца на согласіе къ поступленію его въ университетъ.

Въ Савинѣ монастырѣ, расположенномъ въ самой живописной мѣстности, мы обѣдали. Не доѣзжая Покровскаго, Ивану Алексѣевичу разсудилось еще отдохнуть въ небольшой деревушкѣ. Экипажи остановились у плетня, подъ тѣнью березъ. Сквозь плетень виднѣлся огородъ и стоявшія тамъ колодки пчелъ, посреди подсолнечниковъ и краснаго мака.

— Вотъ что прекрасно,—сказалъ Иванъ Алексѣевичъ, указывая на пчельникъ,—трудолюбивыя пчелы, запахъ меда, воска, цвѣты, все это преполезно. Пока лошади отдохнутъ, мы въ пчельникѣ понаберемся здоровья.

Всѣ вышли изъ экипажей, разсуждая о трудолюбивыхъ пчелахъ и о приносимой ими пользѣ и удовольствіи.

Изъ ближней избы показался старикъ, хозяинъ пчельника; онъ привѣтливо пригласилъ насъ въ огородъ и отворилъ калитку.

По тропинкѣ, протоптанной между грядъ огурцевъ и моркови, пришли мы къ пчельнику. Около ульевъ, жужжа, вилися пчелы и окружили насъ со всѣхъ сторонъ. Мы стали отъ нихъ отмахиваться, хозяинъ просилъ насъ стоять покойно, но было уже поздно. Раздраженныя пчелы изступленно стали нападать на насъ. Одна

изъ нихъ забилась мнѣ въ волосы, и, запутавшись въ нихъ, визжала и рвалась вонъ. Я трясла своими длинными, густыми кудрями, чтобы освободиться отъ пчелы, но она, выпутываясь изъ нихъ, ужалила мнѣ ухо. Движенія мои взбѣсили пчелъ окончательно. Онѣ напали на насъ съ такимъ неистовствомъ, что мы, отмахиваясь отъ нихъ чѣмъ попало, опрометью бросились изъ огорода. Нѣсколько пчелъ гнались за нами до экипажей. Торопливо отворивши дверь кареты, мы впрыгнули въ нее и подняли окна. Тутъ только увидали, что всѣ были пережалены.

— «Вотъ и понабрались здоровья»,—говорили мы печально, прикладывая сырую землю къ болѣвшимъ мѣстамъ.

Иванъ Алексѣевичъ еще долго оставался на пчельникѣ, толковалъ съ хозяиномъ, и, къ нашему удивленію, ни одна пчела его не тронула.

Въ Покровское мы пріѣхали около вечера; Дмитрій Павловичъ встрѣтилъ насъ чрезвычайно радушно. Онъ помѣщался во флигелѣ, и уступилъ намъ тамъ лучшія комнаты.

Мы прогостили въ Покровскомъ около недѣли, осмотрѣли библіотеку Дмитрія Павловича, поля, луга, засѣянныя клеверомъ, тирольскихъ коровъ, конскій заводъ, земледѣльческія машины, привезенныя имъ изъ-за границы, пробовали стоявшую на пруду водоподъемную машину, но она не подѣйствовала.

Въ праздникъ ѣздили къ обѣднѣ въ Новый Іерусалимъ, гдѣ осмотрѣли всю церковь и ризницу.

Саша переговорилъ съ Дмитріемъ Павловичемъ на счетъ своего поступленія въ университетъ. Онъ былъ согласенъ съ мнѣніемъ Саши, далъ слово урезонить дядюшку и сдержалъ его.

Несмотря на то, что Иванъ Алексѣевичъ согласился на поступленіе Саши въ университетъ, когда мы возвратились въ Васильевское, онъ позвалъ его къ себѣ въ кабинетъ и задалъ ему жестокій нагоняй, говоря, что онъ натравилъ на него Дмитрія Павловича, что всѣ во всемъ ему перечатъ, и кончилъ словами:

— Хотя я и не желаю, чтобы ты поступалъ въ университетъ, но такъ какъ этого желаешь ты и Митя, то принужденъ согласиться.

Саша, выслушавши съ покорнымъ видомъ натацію до конца, прибѣжалъ къ намъ въ радостномъ изступленіи и объявилъ, что онъ чуть не студентъ.

Раздѣляя радость Саши, я въ тоже время почувствовала, что меня какъ-будто что-то кольнуло въ сердце: боль эта сказала, что для товарища моего дѣтства и юности начинается новый періодъ жизни, и что скоро между нами, кромѣ Ника, протѣснится многочисленная толпа товарищей и наука.

Что же сказать еще объ утрѣ жизни моей и Саши въ Васильевскомъ? Она была полна, но однообразна. О чемъ бы еще вспомнить? Да вотъ: вспомнился мнѣ случай съ огромной величины филиномъ. Въ одинъ темный, претемный, осенній вечеръ филину этому вздумалось прилетѣть къ барскому дому и усѣсться на рябинѣ, которая росла подлѣ одного изъ оконъ чайной комнаты, и раскричаться что есть мочи. Саша сидѣлъ со мной у этого окна за столикомъ и читалъ вслухъ. На столикѣ горѣла свѣча. Услыхавши крикъ филина почти надъ нами, мы вздрогнули; Саша бросился вонъ изъ комнаты, схватилъ ружье, и, въ сопровожденіи нѣсколькихъ человѣкъ прислуги, отправился на охоту за филиномъ. Минутъ черезъ десять мы услышали, какъ во дворѣ грянулъ выстрѣлъ, а вслѣдъ затѣмъ появился и стрѣлокъ, держа за лапы огромнаго филина, застрѣленнаго имъ. Взоръ стрѣлка былъ дикъ, глаза лихорадочно горѣли. Филина разсматривали, дивились его величинѣ, и не знали, что съ нимъ дѣлать. Когда волненіе Саши утихло, онъ сталъ жалѣть зачѣмъ убилъ филина. И точно, зачѣмъ—жилъ бы онъ себѣ да жилъ въ трущобахъ Полушкинскаго бора, да не подпускалъ своимъ крикомъ робкихъ крестьянъ къ курганамъ. А и то сказать, кто же его звалъ къ барскому дому. Ну, и попался. По дѣломъ,—не въ свои сани не садись.

Вспоминается мнѣ еще случай съ бѣлкой. Въ одно прекрасное утро шли мы изъ лѣса домой; по пути намъ встрѣчалось много бѣлокъ, прыгавшихъ по деревьямъ. Съ Сашей было заряженное ружье, но онъ не тронулъ ни одной изъ нихъ. Подходя къ дому, мы увидали еще одну бѣлку; она, весело прэмчавшись между листьевъ по деревьямъ, усѣлась прямо противъ насъ на вѣткѣ и накрылась пушистымъ хвостомъ. Мгновенно раздался выстрѣлъ, и бѣлка, распустивши хвостъ, упала къ нашимъ ногамъ. Саша бросилъ ружье и залился слезами.

Приближалась осень. Вечера становились холодны и длинны. Наступала пора отъѣзда въ Москву. Иванъ Алексѣевичъ боль-

шую часть времени оставался въ своемъ кабинетѣ, пересматривалъ отчеты писаря Епифаныча и толковалъ о хозяйствѣ со старостой.

Въ концѣ сентября все было готово къ отъѣзду. Большая часть прислуги и вещей уже были отправлены. Утрами слегка морозило. Полевыя работы прекратились, ихъ замѣнилъ мѣрный звукъ цѣпа. Инструкціи по хозяйству были отданы. Староста, верхомъ на пѣгой лошади, ждалъ во дворѣ отъѣзда господъ. Въ воздухѣ пахло опавшими листьями и дымкомъ овиновъ. Сквозь рѣдкіе пурпуровые и золотистые листья деревъ сверкали бѣлые стволы березъ и капли утренняго тумана, задержанныя въ свернувшихся листочкахъ.

Въ Покровскомъ мы ночевали, въ Перхушковѣ обѣдали, вечеромъ въѣхали въ Москву. Опять гремитъ мостовая, въ окнахъ домовъ горятъ огни, въ лавочкахъ торгуютъ. Мы дома, точно и не выѣзжали никогда.

Это было наканунѣ Покрова.

Въ Покровъ выпалъ снѣгъ, и стала зима.

ГЛАВА XVII.

Университетъ.

1829 — 1830.

Наука и симпатія.

Немедленно принялись хлопотать о поступленіи Саши въ университетъ. Университетскій совѣтъ, узнавши, что онъ числится на службѣ, отказалъ ему въ правѣ держать экзаменъ. Отецъ предложилъ Сашѣ слушать комитетскія лекціи, но онъ отъ нихъ наотрѣзъ отказался.

Раздосадованный этимъ отказомъ, Иванъ Алексѣевичъ поѣхалъ просить князя Юсупова, подъ начальствомъ котораго Саша считался служащимъ. Князь приказалъ своему секретарю написать, что онъ командируетъ его слушать университетскія лекціи для усовершенствованія въ наукахъ.

Спустя нѣсколько дней, Саша выдержалъ вступительный экзаменъ и явился домой студентомъ физико-математическаго отдѣленія. Замѣчателенъ былъ отпускъ Саши на первую лекцію. Карлу Ивановичу Зонненбергу поручалось сопровождать его. Передъ

отпускомъ Иванъ Алексѣевичъ давалъ Зонненбергу инструкцію, какъ бережно доставить Шушку (подъ названіемъ Шушка значился Саша) въ школу (подъ школой подразумѣвать слѣдовало университетъ) и обратно домой; предписывалось лично присутствовать на лекціи; смотрѣть, чтобы Шушка, уѣзжая изъ школы, садясь въ санки, былъ закутанъ; а то-де онъ, пожалуй, думая, что теперь студентъ — шапку на бекрень, шубу на одно плечо. Зонненбергъ, проникнутый достоинствомъ роли ментора, почтительно слушая, рисовался передъ Иваномъ Алексѣевичемъ, шаркалъ и, съ видомъ человѣка, готоваго постоять за себя и другихъ, закидывалъ ногу за ногу. Саша торопился уѣхать, глаза его горѣли радостью освобождающагося плѣнника и вмѣстѣ съ тѣмъ выходилъ изъ себя съ досады на распоряженія, которыя дѣлались относительно его.

Мы проводили ихъ до передней, потомъ смотрѣли изъ окна, какъ они выѣзжали со двора, оберегаемые сидѣвшимъ на облучкѣ, рядомъ съ кучеромъ, камердинеромъ Саши, Петромъ Ѳедоровичемъ; они, торжественно улыбаясь, кланялись намъ изъ широкихъ саней, застегнутые медвѣжьей полостью.

Зонненбергъ сопровождалъ Сашу въ школу и присутствовалъ на лекціяхъ, въ качествѣ ментора, около трехъ мѣсяцевъ; а Петръ Ѳедоровичъ сопровождалъ и оберегалъ его въ продолженіи всего курса, въ теченіи котораго передружился со всѣми университетскими солдатами, узналъ имена всѣхъ профессоровъ и студентовъ физико-математическаго факультета, и зналъ, по какимъ днямъ какія лекціи читаются.

Когда санки съ Сашей, повернувъ за уголъ, скрылись, въ домѣ какъ-будто опустѣло. Онъ уѣзжалъ и вчера, и прежде, но это было не обязательно, а теперь онъ долженъ уѣзжать съ утра и быть внѣ дома до двухъ часовъ по полудни; и такъ годы, и поѣздки это—основа новаго порядка жизни, который долженъ удалить его изъ родительскаго дома. По отъѣздѣ Саши, всѣ разошлись по своимъ дѣламъ. Я вошла въ его комнату, сѣла на диванъ, за тотъ столъ, за которымъ мы нѣсколько лѣтъ учились и читали вмѣстѣ, взяла книгу, хотѣла читать, но не читалось, а думалось, думалось....

Какъ-будто ничто не измѣнилось, но безотчетно чувствовалось, что внутреннее содержаніе жизни уже не то. Повидимому, тоже

самое чувствовалъ и отецъ Саши. Закуривши свою коротенькую трубочку, онъ задумчиво ходилъ вдоль амфилады комнатъ до учебнаго стола своего Шушки. Мы молча понимали другъ друга, мнѣ было жаль старика, жаль уходившей жизни, и слезы, одна за другой, скатывались по лицу моему на книгу. Въ домѣ тишина была глубокая. Въ два часа въ ворота быстро влетѣли санки съ Шушкой, Зонненбергомъ и Петромъ Ѳедоровичемъ, сіявшими удовольствіемъ.

Точно въ волшебной сказкѣ, домъ вдругъ какъ бы пробудился отъ очарованнаго сна, — все пришло въ движеніе, заговорило. За обѣдомъ Зонненбергъ сохранялъ самодовольный видъ человѣка, сознающаго, что онъ отлично выполнилъ возложенную на него важную обязанность, и только, отъ времени до времени, коротко сказывалъ Ивану Алексѣевичу, какъ онъ выслушалъ всю лекцію, какъ закутывалъ Сашу и не давалъ кучеру Авдѣю нестись стремглавъ по Москвѣ.

Новый студентъ былъ одушевленъ до высшаго градуса, весь обѣдъ говорилъ, не умолкая. Описалъ профессоровъ, студентовъ, аудиторію, даже швейцара Михаила, и вкратцѣ передалъ содержаніе лекцій. Послѣ же обѣда, въ комнатахъ матери, представилъ всѣхъ въ лицахъ, не забывъ и Зонненберга съ Петромъ Ѳедоровичемъ и Авдѣемъ.

Саша поступилъ въ университетъ семнадцати лѣтъ, въ 1829 г., въ октябрѣ мѣсяцѣ, и пробылъ въ немъ четыре года; изъ этихъ лѣтъ одинъ принадлежитъ холерѣ, и потому былъ исключенъ изъ числа лѣтъ курса.

Воспитанный въ одиночествѣ и уединеніи, онъ страстно увлекался всякой новостью и готовъ былъ броситься на шею каждому, кто ему былъ симпатиченъ, до того откровенно, что невольно вызывалъ горячій отвѣтъ: такой отвѣтъ себѣ онъ встрѣтилъ въ университетѣ.

Однажды Саша, будучи уже женатымъ на Наташѣ, вмѣстѣ съ Вадимомъ Пассекомъ вспоминалъ о временахъ ихъ университетской жизни. «Жизнь эта,—говорилъ одинъ изъ нихъ,—оставила у насъ память одного продолжительнаго пира дружбы, пира идей, пира науки и мечтаній, непрерывнаго, торжественнаго, иногда бурнаго, иногда мрачнаго, разгульнаго, но никогда порочнаго». Наташа попросила ихъ сдѣлать намъ полный очеркъ этого періода ихъ жизни.

Саша отвѣчалъ, «что оживить это прошедшее время, сдѣлать вполнѣ понятнымъ въ разсказѣ, невозможно; чтобы вспомнить всѣ мечты, всѣ увлеченія, — продолжалъ онъ, — надобно очень многаго не знать, очень многаго не испытать, надобно перезабыть бездну фактовъ, стереть съ души бездну пыли, соскоблить пятна, заживить рубцы, освѣтить весь міръ алымъ свѣтомъ востока, всѣмъ предметамъ дать положительныя тѣни, утреннюю свѣжесть и разительную новость. Мало того, надобно, чтобы друзья юности собрались вмѣстѣ въ той же комнатѣ, обитой красными обоями, съ золотыми полосками, передъ тѣмъ же мраморнымъ каминомъ и въ томъ же дыму отъ трубокъ».

— Да,—замѣтилъ Вадимъ,—никто изъ насъ не забудетъ этой завѣтной комнатки. Когда, возвратясь въ Москву, я ѣхалъ мимо того дома, въ которомъ она находится, то былъ грустно пораженъ, увидавши вывѣску портнаго надъ ея окномъ, а на вывѣскѣ красовались ножницы съ раскрытымъ ртомъ, зовущія проходящихъ снять мѣрку. Мнѣ было смертельно жаль и досадна эта профанація храма юности.

— «Я увѣренъ,—шутя сказалъ Саша,—что если существуютъ духовные міазмы, то этотъ портной шьетъ мечтательные фраки, энциклопедическіе жилеты и фантастическіе сюртуки; увѣренъ, что его работники мечтаютъ сдѣлаться великими портными и пересоздать фасоны; увѣренъ, что онъ самъ «ein Bügeleisener Held», но не пойду къ нему заказывать платья, чтобы не увидать утюга на мѣстѣ бюстика Наполеона и мѣрки на мѣстѣ Фауста, чтобы не увидать его самого на мѣстѣ Ника».

Воспоминая и перебирая эпоху студенческой жизни, они сдѣлали изъ нея тотъ выводъ, что все это прошедшее группируется около двухъ началъ, составляющихъ сущность тогдашней жизни. Начала эти—наука и симпатія, остальное—обстановка, рамки, полу-внѣшнее, полу-постороннее.

Въ величественномъ храмѣ науки индивидуальность Саши не могла проявиться ни особенно рѣзко, ни особенно самобытно; онъ тутъ былъ ученикомъ, положимъ, хорошимъ ученикомъ, но все-таки ученикомъ. За то товарищество представляло ему самое многостороннее поприще выразить всѣ изгибы тогдашней души; тутъ была жизнь, совершенно свойственная и его нраву, и его фантазіямъ, и его убѣжденіямъ. Въ университетѣ онъ встрѣтилъ,

и не могъ не встрѣтить, между попутчиками, плывшими, какъ и онъ, по морю человѣческаго вѣдѣнія, людей, близкихъ душѣ. Онъ страстно бросился въ ихъ объятія и они страстно открыли ихъ ему.

— «На нашемъ факультетѣ,—говорилъ намъ Саша,—царилъ почти такой же безпорядокъ, какъ и въ моемъ домашнемъ воспитаніи. Физико-математическій факультетъ распадался, по своему составу, на два различныя, вмѣстѣ соединенныя, отдѣленія. Обѣ отрасли преподавались не полно; но такъ какъ математическія науки шли лучше, то большая часть студентовъ занималась исключительно математикой, значительно умножая собою малое число занимающихся ею дѣйствительно по призванію. Первымъ—математика ничего не принесла, замѣтилъ онъ, кромѣ учительскаго званія по окончаніи курса; строгая метода ея можетъ сдѣлать пользу только хорошо организованной головѣ; посредственные люди не съумѣютъ перенести этой методы въ другія области вѣдѣнія; для нихъ мощныя средства анализа и синтеза, геометріи и алгебры, совершенно безполезны».

— Кто были у васъ и считались лучшіе профессора математики?—спросила Сашу его жена.

— «Профессоръ Щепкинъ, читавшій дифференціальныя и интегральныя исчисленія, былъ не безъ достоинствъ; онъ имѣлъ хорошій даръ изложенія, въ чемъ состоялъ недостатокъ у весьма знающаго профессора Перевощикова. Жаль только, что это былъ человѣкъ, мало слѣдившій за движеніемъ науки. Высшую алгебру читалъ Ив. Ив. Давыдовъ, философъ, филологъ, историкъ, критикъ, латинистъ, эллинистъ и математикъ; въ математикѣ, къ несчастію, мудрено отдѣлываться кудрявыми фразами, алгебра неумолима. Преподаваніе физическихъ наукъ представляло разнохарактерный дивертисементъ».

Во главѣ профессоровъ природовѣдѣнія стоялъ въ то время Михаилъ Григорьевичъ Павловъ, человѣкъ, отъ природы одаренный сильной логикой и убѣдительною рѣчью. Онъ своимъ преподаваніемъ началъ новую эпоху въ жизни университета. Въ Германіи Павловъ сроднился съ натуръ-философіей, съ многообъемлющими взглядами на науку и, въ особенности, съ ея динамической физикой. Онъ открылъ студентамъ сокровищницу германскаго мышленія и направилъ ихъ умъ на несравненно высшій способъ изслѣдованія и познанія природы, нежели тотъ, ко-

торымъ они могли почерпнуть что-нибудь въ наукѣ изъ преподаванія до Павлова; но что еще важнѣе, Павловъ своей методой навелъ на самую философію. Вслѣдствіе этого многіе принялись за Шеллинга и за Окена, и съ тѣхъ поръ московское юношество стало все больше и больше заниматься философіей, заниматься отчетливо и успѣшно. Павлову принадлежитъ честь начала и споспѣшествованія развитію философіи въ Московскомъ университетѣ».

Когда Саша вступилъ въ университетъ, Павловъ былъ въ полномъ блескѣ своей славы. Польза его лекцій была существенная, воззрѣніе натуръ-философіи уяснялось, взглядъ становился шире, мышленіе привыкало къ логической формѣ; методу Павлова стали примѣнять къ другимъ отраслямъ естествознанія, онѣ оживились, сочленились въ одно цѣлое, органическое, лишась своего странно-разбросаннаго характера, въ которомъ являлись у атомистовъ.

— «Павлову вторилъ,—продолжалъ Саша,—одинъ Максимовичъ, читавшій органографію растеній, остальные профессора естественныхъ наукъ съ ожесточеніемъ пользовались каждымъ случаемъ съострить надъ натуръ-философіей и бросить смѣшное на преподаваніе физики. Съ своей стороны, и Павловъ не оставался въ долгу и платилъ имъ съ процентами и рекамбіями. Такимъ образомъ преподаваніе на физико-математическомъ отдѣленіи было чисто полемическое. На эти полемическія лекціи студенты стекались со всѣхъ отдѣленій. Разумѣется, я ратовалъ подъ знаменами «Idealitetische Lehre» и рѣзался съ нападавшими профессорами.

«Къ числу профессоровъ, нападавшихъ на Павлова, принадлежалъ и Фишеръ-фонъ-Вальдгеймъ, извѣстный своею ученостію всей Европѣ. Профессора Московскаго университета начала 1830-хъ годовъ представляли два стана: одинъ изъ нѣмцевъ, другой—изъ не нѣмцевъ. Въ числѣ первыхъ были люди ученые и кромѣ Фишера—Лодеръ, Гильдебрандтъ и, пожалуй, Геймъ. Они отличались незнаніемъ русскаго языка и нежеланіемъ его знать, равнодушіемъ къ студентамъ, духомъ западнаго кліентизма, ремесленничества, неумѣреннымъ куреніемъ сигаръ и множествомъ крестовъ, которыхъ никогда съ себя не снимали».

Вскорѣ Саша занялъ первое мѣсто въ аудиторіи по естествен-

нымъ наукамъ и послѣднее въ Обществѣ естествоиспытателей, гдѣ считался élève de la société. Мало по малу, онъ сдѣлался студентомъ съ вѣсомъ и шагнулъ въ высшую аристократію аудиторіи. Занявши мѣсто на вершинѣ зеленыхъ талантовъ и раздѣляя его съ весьма немногими, онъ, еще отчасти ребенокъ, видѣлъ въ этомъ сбывающіяся мечты о славѣ, какъ вдругъ одно обстоятельство поставило его еще выше.

Для того, чтобы разсказать это обстоятельство, надобно, вздохнувши, признаться, что въ то время нѣкоторые изъ студентовъ держали себя съ такимъ недостаткомъ самодостоинства относительно профессоровъ, что нѣкоторые профессора позволяли себѣ бранить цѣлую аудиторію самыми дерзкими выраженіями. Наступала пора окончить этого рода непріятности.

Лѣта 1832-го, весной, студенты политическаго отдѣленія, долго перенося грубости одного изъ профессоровъ, рѣшились публично показать ему свое неудовольствіе: при первой дерзости освистать его и выгнать изъ аудиторіи.

Приготовивши такой дѣтскій праздникъ, они кликнули кличъ въ разные факультеты. Само собой разумѣется, на зовъ всѣ явились и не остались праздными зрителями. Дѣтскій праздникъ былъ веселъ до безконечности. Профессоръ, по привычкѣ, не замедлилъ сказать дерзость и его изгнали не только изъ аудиторіи, но и съ университетскаго двора.

Когда же это событіе дошло до свѣдѣнія императора Николая Павловича, онъ приказалъ этому профессору оставить университетъ.

На другой день вышеупомянутаго дѣтскаго праздника, въ домъ къ Ивану Алексѣевичу явился, не совсѣмъ въ трезвомъ видѣ, университетскій солдатъ (Саша увѣрялъ, что университетскіе солдаты никогда не бываютъ трезвы отъ того, что чадъ юныхъ мечтателей переходитъ въ ихъ головы); онъ принесъ Сашѣ записку отъ ректора, съ приглашеніемъ явиться къ нему въ пять часовъ, послѣ обѣда. Саша былъ увѣренъ, что ректоръ приглашаетъ его не затѣмъ, чтобы свистать и топать, и потому il se hâtait lentement; однако, не теряя бодрости, отправился, нарочно опоздавши часомъ.

Возвратясь домой, Саша, прежде всего, описалъ намъ наружность ректора: «видъ его, — говорилъ онъ, — до того теократи-

чески назидателенъ, что одинъ студентъ, изъ семинаристовъ, пришедши къ нему за табелью, подошелъ подъ благословеніе и постоянно называлъ его ваше преподобіе, отецъ ректоръ». Потомъ разсказалъ, что ректоръ началъ бесѣду съ нимъ выговоромъ, продолжавшимся добрыхъ полчаса, сказаннымъ, добавилъ онъ шутливо, очень дурнымъ слогомъ, тѣмъ самымъ, которымъ написана его физика. Затѣмъ слѣдовалъ фирманъ — написать, что происходило на шумной лекціи, что дѣлалъ онъ и что дѣлали другіе, и что, вѣроятно, для поощренія, ректоръ заключилъ рѣчь тѣмъ, что никакъ не теряетъ надежды, что Сашу и подобныхъ ему карбонарій, пользуясь сей вѣрной оказіей, отдадутъ въ солдаты. Имѣя такую перспективу, ежели не блестящую обстоятельствами, то блестящую пуговицами, онъ счелъ за благо отъ всего отпереться, сказавъ, что на лекціи былъ, желая употребить на пользу свободный часъ, что шумъ слышалъ, но кто, какъ, для чего шумѣлъ — знать не знаетъ. Ректоръ взбѣсился, — говорилъ Саша, — разругалъ дѣвчонку, подававшую въ это время чай, и велѣлъ ему явиться на другой день въ совѣтъ.

Въ совѣтъ явилось подсудимыхъ четверо, Саша пятый. На допросѣ ничего не узнали и поѣхали къ попечителю; тамъ, обсудивши, рѣшили: всѣхъ пятерыхъ посадить на недѣлю въ карцеръ, на хлѣбъ и на воду.

Въ семействѣ Саши всѣ были встревожены, и на слѣдующій день съ волненіемъ ожидали его возвращенія съ лекціи, но вмѣсто его явился экипажъ съ однимъ Петромъ Ѳедоровичемъ. Онъ подалъ Ивану Алексѣевичу записку отъ Саши, въ которой тотъ извѣщалъ, что его посадили въ карцеръ на недѣлю.

Вслѣдъ за Петромъ Ѳедоровичемъ пріѣхалъ Никъ и сообщилъ подробности ареста.

— Саша, — говорилъ онъ, — спокойно явился въ аудиторію и встрѣченъ былъ товарищами съ громкимъ привѣтомъ. Среди лекціи пришелъ за нимъ въ аудиторію унтеръ-офицеръ; толпа студентовъ, въ томъ числѣ и онъ, Никъ, встала съ лавокъ, окружила его и тріумфально проводила до карцера, родъ подвала въ нижней части университета. Входъ къ нимъ, добавилъ Никъ, запрещенъ, и потому товарищи, въ продолженіе дня, ограничиваются только тѣмъ, что подходятъ къ рѣшетчатому окну карцера.

При этомъ извѣстіи, всеобщая тревога за Сашу перешла въ

огорченіе, досаду на него и безпокойство за его здоровье. Отправлены были записки къ сенатору Л. А. Яковлеву и Дмитрію Павловичу Голохвастову съ приглашеніемъ немедленно пріѣхать. По прибытіи ихъ, составился родственный совѣтъ, что предпринять для скорѣйшаго освобожденія изъ подвала, вѣроятно сыраго и нечистаго, слабаго здоровьемъ — Шушки. Рѣшено было, чтобы сенаторъ и Дмитрій Павловичъ обратились къ вліятельнымъ лицамъ и объяснили какъ это событіе разстроило стараго, немощнаго отца Саши, и что недѣля въ подвалѣ на хлѣбѣ и водѣ должна сильно повредить слабому здоровью молодаго человѣка. Ходатайство было успѣшно, приказано было Сашу освободить послѣ трехъдневнаго заключенія. По прошествіи этого срока, Сашѣ объявлено было, что онъ свободенъ: вмѣстѣ съ тѣмъ, Петръ Ѳедоровичъ, ежедневно являвшійся къ окну карцера узнавать, все-ли обстоитъ благополучно, принесъ ему изъ дома записку отъ Ивана Алексѣевича, въ которой сообщалось, что за нимъ отправляется экипажъ. Саша этимъ оскорбился, ко всеобщему неудовольствію домашнихъ, отъ своего преждевременнаго освобожденія отказался, и присланныя за нимъ дрожки отправилъ обратно домой, съ запиской, что онъ не желаетъ воспользоваться тѣмъ, чего лишены товарищи его заключенія.

— Сидите, пожалуй, если есть охота, —сказалъ ему ректоръ на его отказъ, и оставилъ его досидѣть недѣлю.

Саша понималъ, какую глорію разольетъ на него это семидневное заключеніе, и потому, оставляя мысль о будущихъ репримандахъ, съ самоотверженіемъ оставался въ подвалѣ.

Когда онъ появился домой, нельзя сказать, чтобы его приняли съ восхищеніемъ, несмотря на то, что онъ предсталъ цвѣтущій здоровьемъ, улыбающійся.

По выслушаніи продолжительной натаціи и репримандъ на половинѣ отца, Саши спустился внизъ, на половину матери, и тамъ разсказалъ намъ до подробности, какъ провелъ время въ карцерѣ: изъ его разсказа мы узнали, что онъ не былъ лишенъ ни пріятнаго общества, ни хорошаго продовольствія.

— Какъ только наступала ночь,—разсказывалъ онъ,—Никъ и еще четверо товарищей, съ помощію четвертаковъ и полтинниковъ, являлись къ намъ; у кого въ карманѣ ликеръ au quatre fruits, у кого паштетъ, у кого рябчики, у кого подъ шинелью бутылка

клико. Разумѣется, мы встрѣчали съ восторгомъ и друзей и ихъ съѣстные знаки дружбы. Свѣчей зажигать намъ не позволялось. Опрокинувши стулья, мы дѣлали около нихъ юрту изъ шинелей, высѣкали огонь, зажигали принесенную свѣчу и ставили ее подъ стулъ такимъ образомъ, чтобы изъ оконъ нельзя было ее видѣть, потомъ ложились на каменный полъ, и начинался пиръ до поздняго вечера, тутъ, кажется, и засыпали, а ночью опять праздникъ. И такъ—всѣ семь дней.

Къ числу замѣчательныхъ событій, въ продолженіи пребыванія Саши въ университетѣ, принадлежатъ посѣщеніе Московскаго университета Гумбольдтомъ и министромъ народнаго просвѣщенія Уваровымъ. При министрѣ велѣно было избрать на каждомъ факультетѣ по студенту, которые публично прочитали бы по лекціи изъ какого-нибудь предмета своего факультета. Саша избранъ былъ по части естественныхъ наукъ, и первый разъ долженъ былъ выйти публично на сцену, притомъ при министрѣ и московской аристократіи. Самый предметъ, о кристализаціи, далъ ему возможность перейти отъ Раше-де-Пиля и Гайю къ философскимъ воззрѣніямъ; лекція его шла превосходна. Министръ подвелъ его къ генералъ-губернатору.

. . . . . .

Далѣе жизнь шла обычнымъ образомъ: экзамены, ночи за лекціями, ночи у товарищей, видимое возрастаніе души, видимое расширеніе взгляда на міръ Божій, ученые споры, стремленіе помирить матеріализмъ съ германскимъ мышленіемъ, и аспираціи къ политической дѣятельности.

При поступленіи Саши въ университетъ, характеръ Московскаго университета былъ частію патріархальный. Начальство обращало на него не слишкомъ большое вниманіе, лекціи читались и не читались; студенты физико-математическаго отдѣленія жаловались на это, говорили, что Фишеръ, преподававшій зоологію, читаетъ лѣниво, разсѣянно, недостаточно, объ однѣхъ Radiata, руководясь своей системой. Рейсъ—во весь годъ только прочелъ предисловіе Берцелія и двѣ главы перваго тома «Oxigene Hydrogene», и то на французскомъ языкѣ, котораго, говорили студенты, и самъ хорошо не зналъ. Ему помогалъ Геймъ. А. Л. Ловецкій преподавалъ минералогію по собственному руководству,—сколько прочтется; М. П. Павловъ, при всѣхъ достоин-

ствахъ, о которыхъ сказано выше, прочиталъ одно введеніе въ физику. Можно-ли было, при такихъ условіяхъ, выучиться чему-нибудь основательно, въ связи, и съ нѣкоторой параллельностію, усвоить себѣ разныя отрасли естественныхъ наукъ? Конечно, нѣтъ. Но, несмотря на все это, Саша говорилъ, что онъ много пріобрѣлъ въ университетѣ и глубоко ему благодаренъ.

Студенты приходили на лекціи какъ и въ чемъ хотѣли: на иныхъ виднѣлись эксцентрическія платья, волосы чуть не до плечъ, прикрытые крошечными фуражками, едва держащимися на юныхъ головахъ. На шеяхъ пестрѣли разноцвѣтные шарфы. Сумерками студенты шеренгами прохаживались по Тверскому бульвару, съ такимъ рѣшительнымъ, вызывающимъ видомъ, что гуляющіе давали имъ дорогу.

Съ окончаніемъ попечительства князя Оболенскаго характеръ университета измѣнился.

(Продолженіе слѣдуетъ).

АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ СѢРОВЪ.

Матеріалы для его біографіи.

1841—1842[1]).

Письма А. Н. Сѣрова къ В. В. Стасову.

29-го сентября 1841 г.

Давно собирался я побесѣдовать съ тобою на счетъ реальнаго направленія драматической музыки, и вообще, какъ для дальнѣйшаго развитія моей теоріи, и въ особенности, въ отношеніи къ Мейерберу, какъ представителю этого направленія. Драматизмъ..... Прежде, нежели разсмотримъ этотъ элементъ въ музыкѣ, разсмотримъ его plus généralement [2]). По-моему, дуализмъ направленія существуетъ не въ одной музыкѣ, а точно столько же и такъ же въ собственной поэзіи, т. е. въ обоихъ искусствахъ, которыхъ матеріалы—самъ человѣкъ. Даже скорѣе можно сказать, что въ музыку это дѣленіе перешло изъ собственной поэзіи. (Мудрено, да и безполезно разсуждать, что создано человѣкомъ ранѣе: музыкальный звукъ или слово?). И такъ, есть поэзія лирическая и поэзія драматическая. Предметъ послѣдней—внутренній человѣкъ въ моментѣ внѣшняго его проявленія, въ столкновеніи съ внѣшнимъ міромъ, microcosmus in macrocosmo, предметъ первой, разумѣется, тотъ же внутренній человѣкъ, только самъ по себѣ, т. е. хотя и подъ вліяніемъ „der Aussenwelt“ [3]), но безъ отношенія къ опредѣленному моменту его проявленія, и сосредоточенный въ самомъ своемъ *я*. Направленіе драматическое несравненно дробнѣе лирическаго, оно также

---

[1]) См. «Русскую Старину», изд. 1876 г. томъ XV, стр. 129—143; 348—363.

[2]) Въ болѣе общемъ смыслѣ.

[3]) Внѣшняго міра.

обширно и разнообразно, какъ сама природа! Оттого это направленіе въ совершенствѣ гораздо менѣе доступно человѣку нежели лирическое, оттого субъективныхъ поэтовъ (лириковъ) даже accomplis [1]) можно насчитать много, а объективный поэтъ едва-ли не одинъ Шекспиръ.... Мнѣніе, что въ драматическую область должны входить одни великія, міровыя страсти и чувства, мнѣ кажется не справедливымъ. Конечно, драматическая поэзія, какъ и всякое изящное искусство, не должна искать главныхъ предметовъ въ пошлостяхъ прозаической жизни. Это значитъ унижать достоинство искусства! (Оттого мнѣ также противны нѣкоторыя изъ глупыхъ мелкихъ театральностей, какъ картины, которыхъ предметы: толпа разныхъ гадостей передъ кабакомъ [2]), или подробности какого-нибудь задняго двора! Какъ-будто не достало въ мірѣ Божьемъ прекраснаго! Вѣрность подлиннику не выкупаетъ здѣсь пошлости впечатлѣнія). За то: если драматическая поэзія не должна спускаться до этой сентины, то и не должна плавать въ седьмомъ небѣ, ея мѣсто неразлучно съ человѣкомъ на земномъ шарѣ. За нашей атмосферой нѣтъ драмы. (Какая-нибудь аудіенція ангеловъ и архангеловъ предъ престоломъ Творца можетъ войти только въ прологъ идеальной драмы, напримѣръ, „Фаустъ“ Гёте, и то уже тутъ теряется истинный драматическій характеръ). Это можно понимать и физически (какъ въ сказанномъ примѣрѣ), и переносно, т. е. не позволять драматической поэзіи теряться въ мечтаніяхъ; ея элементъ — жизнь, а жизнь проявляется только движеніемъ, дѣйствіемъ. C'est une vérité trop connue [3]). Мечтаніе же, une rêverie contemplative [4]), выходитъ изъ предѣловъ драматизма. Часто, весьма часто, люди-поэты смѣшиваютъ въ себѣ идеи драматизма и лиризма, т. е. не хотятъ хорошенько отдать себѣ отчетъ: какое ихъ настоящее направленіе или призваніе, и оттого обрываются на чуждомъ ихъ природѣ поприщѣ. Взгляни на Кукольника—онъ поэтъ истинный, но поэтъ чисто субъективный, а безпрестанно пишетъ драмы, которыя, разумѣется, никогда не достигнутъ своей цѣли и будутъ наполнены недостатками — обдѣлка реальныхъ подробностей никогда не придастъ драматизма основѣ. Въ музыкѣ, какъ самомъ неуловимомъ, духовномъ искусствѣ, различіе или границы между драматизмомъ и лиризмомъ гораздо менѣе ощутительны, нежели въ собственной поэзіи. Но эти границы существуютъ, и производитель въ области музыки долженъ ихъ ясно видѣть, иначе.... горе ему! Все,

[1]) Совершенныхъ.

[2]) Въ послѣдствіи, одною изъ лучшихъ сценъ оперы «Вражья сила» вышла именно сцена, изображающая «толпу предъ кабакомъ». В. С.

[3]) Это слишкомъ извѣстная истина.

[4]) Созерцательная мечтательность.

что я до сихъ поръ говорилъ, никакъ не клонится къ тому, чтобъ исключить изъ драмы вовсе все субъективное, все лирическое — безъ этого элемента, лица драматическія никогда не получатъ полнаго дыханія жизни, имъ будетъ недоставать индивидуальности, потому что индивидуальность особенно проявляется въ субъективности. Но въ этомъ-то равновѣсіи между двумя борющимися элементами и состоитъ вся задача. Разрѣшаютъ ее въ своихъ произведеніяхъ вполнѣ, т. е. всегда, при всѣхъ возможныхъ случаяхъ, непрерывно, одни величайшіе геніи. Такихъ на свѣтѣ было, по моему мнѣнію, только два: Шекспиръ и Моцартъ. Прочіе великіе дѣйствователи въ областяхъ поэзіи и музыки (не забудь, что касательно музыки я буду говорить только о музыкальной драмѣ) хотя довольно ясно чувствовали эти границы и стремились къ равновѣсію, но въ произведеніяхъ своихъ иные часто увлекались субъективностью по своей мечтательной природѣ (Шиллеръ, Веберъ); иные, наученные примѣромъ другихъ, съ намѣреніемъ уклонялись отъ всего туманнаго, мечтательнаго, не давали простора своей душѣ, и отъ излишней натуральности перестали быть натуральными (V. Hugo, dans ses drames et ses romans bien entendu [1]) и Мейерберъ). Я нимало не хочу этимъ отнять у поименованныхъ безсмертностей сколько-нибудь ихъ величія: „на небѣ звѣздъ много; но и звѣзда отъ звѣзды разнится во славѣ своей!“ (кажется, такъ въ катихизисѣ); направленіе Victor Hugo въ его драмахъ и Мейербера въ двухъ его операхъ („Robert“ и „Les Huguenots“) можно назвать чисто реальнымъ. (Съ тѣмъ однако-жъ, что Мейерберъ, какъ композиторъ, стоитъ несравненно выше, нежели Victor Hugo какъ драматическій поэтъ). Изъ двухъ его оперъ, „Гугеноты“ еще гораздо болѣе реальны, нежели „Робертъ“, оттого „Робертъ“, по моему мнѣнію, ближе къ общему идеалу оперы. За то „Гугенотовъ“ можно считать образцомъ историческаго стиля въ операхъ. Въ „Робертѣ“ c'est l'homme qui agit, въ „Гугенотахъ“ c'est une nation [2]). „Робертъ“—романъ, „Гугеноты“ — исторія. Въ своемъ родѣ, „Гугеноты“ совершеннѣйшее созданіе; но вопросъ, можно-ли этотъ родъ считать совершенствомъ въ музыкѣ? По моему мнѣнію, вопросъ этотъ долженъ быть разрѣшенъ отрицательно. Et la raison [3])? Музыка нѣжное, духовное искусство, не должна быть унижаема до представительницы матеріальныхъ подробностей, которыя, разумѣется, необходимы, une fois que l'opéra historique existe [4]). Мало сказать, что такое обращеніе съ искусствомъ

[1]) Викторъ Гюго, разумѣется, въ своихъ драмахъ и романахъ. **В. С.**

[2]) Въ «Робертѣ» дѣйствуетъ человѣкъ, въ «Гугенотахъ»—народъ.

[3]) А причина?

[4]) Разъ, что существуетъ историческая опера.

унижаетъ его, c'est une prostitution de la muse [1]). Муза, какъ богиня, не считаетъ ничего для себя невозможнымъ, но она съ горестью соглашается на требованія историческаго композитора, который вымучиваетъ отъ нея дѣятельность, недостойную богини. Мнѣ, сколько помнится, эти мысли, кажется, согласны съ твоимъ мнѣніемъ о Мейерберѣ, и, слѣдовательно, должны быть для тебя пріятны. Но какъ хорошъ Мейерберъ въ этихъ непозволительностяхъ! Одинъ онъ можетъ такъ прекрасно грѣшить; я увѣренъ даже, что богиня музыки, хотя и считаетъ его за un garçon dépravé [2]), но любитъ его смертельно, а какъ же намъ его не любить, вѣдь мы только люди! Мейерберъ всегда будетъ „la désolation de ses imitateurs“ [3]), а у него они есть, какъ и у всякаго великаго. О, эти подражатели, они право преполезный народъ; на нихъ, sans aucun scrupule [4]), можно анатомировать всѣ недостатки ихъ первообраза, и тѣмъ избавить себя отъ непріятнаго чувства! Въ нихъ, какъ это всегда случается, недостатки ихъ образца принимаютъ какой-то рѣзкій, рѣшительный характеръ. Чѣмъ можно лучше убѣдиться въ фальшивости реальнаго направленія музыки, какъ не „Жидовкою“ Галеви! Прислушайся: тотъ же великолѣпный шумъ въ оркестрѣ, какъ и у Мейербера, тѣже тромбоны, тѣже барабаны и литавры, тѣже диссонансы, тотъ же рѣзкій ритмъ, только гдѣ же музыка? Гдѣ голосъ души человѣческой? Фальшивость направленія ясно обнаруживается. Чувствительность Моцарта обратилась у подражателей его въ сантиментальность, но эта сантиментальность произвела „Фауста“ Шпора! Блестящая реальность Мейербера перешла у подражателя его въ напыщенную безчувственность и произвела „Жидовку“.

24-го октября 1841 г.

Недавно я изучилъ всю оперу Шпора „Фаустъ“. Тамъ есть одно мѣсто, финалъ перваго акта, гдѣ дѣйствующіе люди и адскіе духи сливаются въ одинъ страшный хоръ, оканчивающійся торжественнымъ разрушеніемъ зáмка одного злодѣя. Вотъ кутящая музыка, ухо теряется въ безконечныхъ изгибахъ самыхъ смѣлыхъ, самыхъ фантастическихъ модуляцій, громъ, шумъ, трескъ, грохотъ, порывы какого-то адскаго веселья, и сквозь это все—чистыя, свѣтлыя проявленія человѣческаго голоса, и все сливается въ какой-то величественный лабиринтъ впечатлѣній, ужасающій своею смѣлостію, но и плѣняющій своею строй-

---

[1]) Это проституція музы.
[2]) Развращеннаго малаго.
[3]) Приводить въ отчаяніе своихъ подражателей.
[4]) Безъ всякаго зазрѣнія.

ностію! Жаль, что мнѣ, можетъ быть, долго не придется указать тебѣ все это на дѣлѣ, т. е., чтобы предъ нами эта музыка была исполнена голосами и инструментами во всемъ ея блескѣ и величіи....

Жанръ Листа заключается въ моментальной картинности музыкальныхъ впечатлѣній, слѣдовательно, его метода, его conception діаметрально противоположны общимъ законамъ послѣдовательности во времени, которая до сихъ поръ считалась необходимымъ условіемъ выраженія музыкальныхъ мыслей. По твоимъ понятіямъ, оригинальное воззрѣніе Листа на музыку открыло новый путь искусству; по моему, эта оригинальность весьма занимательна, какъ рѣдкая игра организаціи, какъ блестящая monstruosité [1]), но скорѣй способна сбить съ толку людей, жаждущихъ музыкальнаго наслажденія, чѣмъ доставить имъ пріятныя минуты, и никогда не произведетъ переворота въ музыкальномъ мірѣ, а останется замѣчательнымъ памятникомъ заблужденій человѣческихъ. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ за странная мысль искать моментальной совокупности впечатлѣній тамъ, гдѣ вся жизнь, вся тайна наслажденій заключается въ безпрерывныхъ, едва уловимыхъ измѣненіяхъ во времени, въ безконечныхъ переходахъ, переливахъ изъ одного душевнаго настроенія въ другое при одномъ мѣрномъ движеніи, въ болѣе или менѣе ощутительныхъ контрастахъ durch Aneinandersetzung впечатлѣній [2]).

Какъ ни говори, а чудовищность, хотя и геніальная, а все чудовищность, т. е. безобразіе! Жанръ Листа, по моему, вовсе неспособенъ произвести des chefs d'oeuvre, т. е. дать бытіе такимъ музыкальнымъ созданіямъ, предъ величіемъ которыхъ будутъ падать ницъ будущія поколѣнія.

Напротивъ того, всѣ творенія Листа, какъ дѣти съ чудовищною организаціею, недолговѣчны.....

....Предѣлы между собственно поэзіей и музыкою весьма занимательный предметъ, который еще надолго будетъ играть важную роль въ нашей корреспонденціи. Здѣсь же скажу еще немного: заблужденія весьма многихъ современныхъ головъ объ истинной области му-

---

[1]) Чудовищность.

[2]) Какъ видно изъ слѣдующаго письма, А. Н. Сѣровъ скоро и самъ сознался, что не совсѣмъ былъ правъ въ своихъ нападкахъ на меня: я только высказывалъ здѣсь свою мысль, что, по моему мнѣнію, Листъ, въ своихъ фортепьянныхъ фантазіяхъ на «Роберта», «Гугенотовъ», «Норму», «Пуританъ», «Донъ-Жуана» и т. д. (намъ только тогда и извѣстныхъ изъ всѣхъ его сочиненій), стремился придать фортепьяннымъ пьесамъ драматическій современный колоритъ, и потому старался выражать одновременно нѣсколько настроеній дѣйствующихъ лицъ, и при этомъ историческую, жизненную или ландшафтную обстановку.

В. С.

зыки, также о предѣлахъ между лиризмомъ и драматизмомъ, проявляются не въ однихъ фортепьянныхъ произведеніяхъ, а и въ другихъ твореніяхъ, болѣе важныхъ. Возьми Берліоза. По моему, онъ совсѣмъ не новый Бетховенъ, совсѣмъ не геній, а просто сумазбродъ. Я слышалъ его „Fantaisie dramatique: la vie d'un poète" (аранжированную Листомъ, слышалъ его „Requiem" въ весьма хорошемъ исполненіи, читалъ подробные анализы прочихъ его твореній, и повторяю, что онъ сумазбродъ. Не постигаю, съ чего берутъ люди идею непремѣнно выучиться ходить по потолку, когда можно ходить по полу. Это меня просто бѣситъ всегда и во всемъ, точно также какъ знакъ < > надъ фортепьяннымъ аккордомъ [1]), какъ бѣготня и визготня для віолончеля etc. И знаешь, что̀ мнѣ кажется, что люди, которые прибѣгаютъ къ противуестественному и доходятъ до сумасшедшихъ крайностей, высказываютъ этимъ недостатокъ въ душѣ своей источника чистыхъ наслажденій, сообразныхъ съ всепремудрыми законами вѣчнаго творчества. A. S.

При семъ препровождается къ тебѣ „Иже херувимская".

1842 г.

10-го февраля 1842 г.

Прежде всего спасибо за послѣднее посланіе—оправданіе о Листѣ. Въ немъ я весьма ясно увидѣлъ, какъ я неудачно, или, лучше сказать, совершенно напрасно велъ такую жаркую атаку. Но всему виною неточность твоихъ выраженій или, вѣрнѣе, вообще человѣческаго языка, надъ которымъ еще много-много надо трудиться, чтобы сдѣлать его способнымъ выражать всѣ оттѣнки мыслей. И замѣть, языкъ человѣческій весьма достаточенъ, когда рѣчь идетъ о довольно поверхностномъ познаніи предметовъ, но только вникни въ глубину, изучи что-нибудь во всей полнотѣ, con amore, и тебѣ придется или создать совершенно новый способъ выражаться (къ которому, слѣдовательно, надобно привыкнуть), или молчать (что̀ иногда бываетъ весьма досадно). Было время, что германскіе философы подвергались самымъ злымъ насмѣшкамъ за выдуманныя ими по необходимости, совершенно небывалыя, странныя и для непосвященныхъ совершенно туманныя слова и рѣченія—было и прошло. Теперь даже въ разговорномъ языкѣ легко допускается: „прототипъ", „реальность", „субъ-и объ-ективность", „идеологія" и т. п. Но въ области музыки еще нѣтъ никакой опредѣлительности не только у насъ, по-русски, но и у нѣмцевъ, и у францу-

[1]) Это вещь неисполнимая на фортепьяно, такъ какъ это инструментъ ударный, а усиленіе и ослабленіе звука возможно только на инструментахъ струнныхъ и духовыхъ. В. С.

зовъ. И отчего это? отъ того именно, что люди, которые глубоко понимали музыку, рѣдко старались много и хорошо писать о ней, а тѣ, которые о ней пишутъ, по большей части, въ ней самой ничего не смыслятъ. Поэтому для меня наша переписка и съ этой стороны кажется весьма важною. Излишнюю скромность отбросивъ въ сторону, мы можемъ сказать, что кое-что таки въ музыкѣ понимаемъ, и, слава Богу, въ состояніи порядочно изъясняться, слѣдовательно, на насъ должна лежать непремѣнная обязанность, даже въ самыхъ сокровенныхъ переливахъ истинъ, наблюденій или предположеній изъ души въ душу, стремиться къ возможной точности, ясности, опредѣлительности и изящности выраженій, а не ограничиваться одними тусклыми намеками. Такъ должно быть, во 1-хъ, во избѣжаніе mésentendus [1]), подобныхъ нынѣшнему, во 2-хъ, для упражненія, ибо можетъ весьма легко статься, что насъ судьба заставитъ говорить не только между собой, но и во всеуслышаніе многихъ. Привычка обратится въ натуру, и мы достигнемъ цѣли всѣхъ говорящихъ со смысломъ, т. е. убѣдимъ.....

По моему, Листъ—геніальный исполнитель (понимаешь? даже въ сочиненіи, въ творчествѣ своемъ); онъ передаетъ объективно и какъ нельзя лучше то, что́ для всѣхъ другихъ казалось бы тусклымъ намекомъ въ чужомъ твореніи, но самъ не напишетъ ни симфоніи, ни оперы, и, слѣдовательно, не композиторъ! Damit basta!

3-го марта 1842 г.

.....Ты весьма хорошо понимаешь духовную музыку, именно такъ, какъ и должно понимать. Въ главныхъ основаніяхъ я съ тобою совершенно согласенъ, но въ нашихъ теоріяхъ всегда оттѣнки различны. Ты признаешь духовную музыку за высшую драматическую и совершенно чисто-объективную. По моему, она необходимо драматическая въ высокомъ значеніи, но если гдѣ можетъ быть допущено постоянное сліяніе субъективности съ объективностью, то именно въ духовной музыкѣ. И вотъ почему: богослуженіе основано на единствѣ мыслей и чувствованій, на согласіи душъ предстоящихъ, которые собрались въ одно мѣсто, для того, чтобъ воедино возноситься къ Всевышнему. При такомъ единомъ стремленіи душъ, всѣ собравшіеся люди необходимо должны быть однимъ человѣкомъ, однимъ лицомъ. Этотъ общій человѣкъ поетъ и выраженіе пѣнія его есть духовная музыка! Что́ же такое лиризмъ (по моей теоріи), какъ не пѣніе отдѣльнаго человѣка, безъ отношенія къ окружающему, безъ дѣйствія? (въ драматизмѣ и

[1]) Недоразумѣній.

окружающее и дѣйствіе—необходимыя условія). По моему, лиризмъ на высшей степени есть прямое выраженіе энтузіазма, восторга, и поэтому самому чрезвычайно приличенъ священнымъ звукамъ. Смотря съ этой точки, я нахожу нѣсколько неточнымъ слово пафосъ, когда рѣчь идетъ о духовной музыкѣ обыкновеннаго богослуженія. И въ духовной музыкѣ можетъ быть весьма много родовъ, смотря по ея употребленію. Напримѣръ, возьми „Requiem": это панихида, и въ такомъ случаѣ лиризма, восторга недостаточно. Здѣсь драматизмъ преобладаетъ, здѣсь pathos—необходимый элементъ. Но въ литургіи, тихой, спокойной, полной благоговѣйнаго созерцанія божества въ его таинствѣ, полной умиленія, радости, пафосъ можетъ быть только второстепеннымъ элементомъ, и только изрѣдка, такъ сказать, проглядывать сквозь свѣтлую, прозрачную массу лиризма. Въ чистой рѣкѣ отражается и небо, и берега, и жилища человѣка, но рѣка спокойно катитъ свѣтлыя свои струи, струи лазоревыя, отъ того, что небо даритъ ей свой цвѣтъ при каждомъ переливѣ. Въ такомъ настроеніи писалъ я свою „Херувимскую"; въ несовершенномъ успѣхѣ виноватъ не я, а мой конь, съ которымъ молодой всадникъ еще справиться не можетъ. О, еслибъ я съ нимъ могъ справиться, съ этимъ Буцефаломъ, тогда ты бы не осмѣлился колебаться, соотвѣтствуетъ-ли моя „Херувимская" заглавію („Духовная пѣснь"), даже и не подумалъ бы сожалѣть о недостаткѣ пафоса, потому что (смѣю тебя увѣрить) мой лиризмъ совершенно бы захватилъ всю твою душу, и ты признался бы самому себѣ, что эта „Херувимская"—настоящая духовная пѣснь. Не подумай, однако, что я въ себѣ признаю одно лирическое направленіе. Ничуть, объективность душитъ меня всякій разъ, какъ я принимаюсь писать что-нибудь, и замѣтъ, только тогда я стараюсь уноситься въ лиризмѣ, когда я мысленно уже совершенно завладѣлъ объектомъ, и, разумѣется, тогда могу попасть на настоящій родъ, тонъ или колоритъ сочиненія. Но точно такъ, какъ во время лирическихъ восторговъ слабость всадника позволяетъ буйному коню попадать на дороги, избитыя, опошленныя безталантностью человѣческою, вмѣсто того, чтобы, выростивъ изъ самого себя крылья, уноситься въ безвѣстные предѣлы, точно такъ и объективное мое направленіе иногда можетъ быть видно только развѣ изъ тѣхъ надстрочныхъ совѣтовъ исполнителю, на которые я, по неволѣ, долженъ быть очень щедръ, и отъ того, часто могу казаться композиторомъ на словахъ, а не творцомъ звуковъ. Ты разбиралъ мою „Херувимскую", слѣдовательно, долженъ былъ вникнуть въ нее; но при всемъ томъ, по необходимости, ты не получилъ того впечатлѣнія, которое было цѣлью моей духовной пѣсни, и въ этомъ виновато, разумѣется, слабое, слишкомъ слабое осуществленіе моихъ

идей. Я могу нѣсколько оправдаться только тѣмъ, если заставлю прослѣдить тебя „Херувимскую“ вмѣстѣ со мною (что́, впрочемъ, для недоброжелательнаго взгляда можетъ опять показаться композиторствомъ на словахъ, чего я боюсь какъ огня). Сдѣлаю это въ возможной краткости. Я надѣюсь, что ты не упрекнешь меня въ омузыкаленіи словъ: „Иже херувими тайно образующе“. Здѣсь, по моему мнѣнію, я достигъ того, чего желалъ. Первые два такта совершенно просты и должны быть исполнены съ тихимъ величіемъ (общій тонъ всего сочиненія); музыкальная форма стиха избрана была нарочно прямо соотвѣтствующею паденію фразы (—˘˘) для бо́льшей ясности. Второй разъ слова „Иже херувими“ повторяются съ возможною силою и широкостью человѣческихъ голосовъ. Отъ словъ „и животворящей“, при повтореніи основной мысли, начинаются модуляціи. И здѣсь я очень тебѣ благодаренъ, что ты меня не упрекнулъ въ томъ, что я модулировалъ въ тоны, отдаленные отъ начальнаго (G-dur). Я никакъ не могу признать эти модуляціи за недостатокъ, несмотря на то, что ихъ такъ считали всѣ, до сихъ поръ слушавшіе мою „Херувимскую“ (разумѣется, на органѣ или фортепьяно, а не въ пѣніи), даже Шубертъ. Въ этихъ переходахъ я безотчетно слѣдовалъ своему увлеченію, а оно въ выборѣ способа никогда меня не обманывало. Притомъ, когда я захочу отдать себѣ отчетъ въ этихъ нѣсколько неясныхъ переходахъ, то мнѣ кажется, что они могутъ выразить таинственность и нѣкотораго рода смятеніе души (въ самомъ отдаленномъ и глубокомъ смыслѣ) при мысли о Трисвятомъ. Оставаясь въ полученномъ чрезъ модуляцію тонѣ H-dur), въ которомъ, при мéньшей противъ начальнаго простотѣ, болѣе торжественности, три голоса „воспѣваютъ трисвятую пѣснь“. Я нарочно продолжилъ эту мысль, чтобы дать свободу лиризму, но, какъ всегда, погрѣшилъ нѣсколько поспѣшными и тривіальными окончаніями мелодій. Во время solos для разныхъ голосовъ, я незамѣтно старался возвратиться къ начальному тону и тѣмъ округлить сочиненіе. Отъ словъ „всякое нынѣ“—новая мысль, сперва минорная (къ мысли о землѣ примѣшивается грусть), потомъ рѣшительная, и, наконецъ, заключеніе, какъ ты сказалъ „morendo maestoso“, которое въ исполненіи обратилось у меня въ обыкновенную органную каденцу (Orgelpunct, point-d'orgue).

Этотъ недостатокъ часто и долго будетъ встрѣчаться въ моихъ попыткахъ, потому что я сочиняю фантазируя за органомъ, а сочиняю (je conçois) всегда и вездѣ, въ кабинетѣ, въ обществѣ, на улицѣ, даже въ департаментѣ. Я думаю, что только такимъ непрерывнымъ думамъ о музыкѣ я обязанъ тѣмъ, что ты начинаешь во мнѣ что-то

видѣть и не отчаяваться. За то, la réaction est impitoyable [1]), я начинаю чувствовать нѣкоторыя необходимыя горечи, какъ человѣкъ въ разладѣ съ кругомъ своихъ занятій. Мнѣ начинаютъ поговаривать: „если вы артистъ въ душѣ, то зачѣмъ же вы не слѣдовали своему призванію; зачѣмъ вы служите?“ [2]). Этого, конечно, надобно было ожидать, и ты совѣтуешь этому радоваться, но все-таки непріятно, особенно передъ однимъ человѣкомъ (съ которымъ ты недавно рядомъ гдѣ-то сидѣлъ) [3]). Пока онъ увидитъ настоящее мое значеніе, много воды утечетъ, а, можетъ быть, ему и не суждено видѣть, или... мнѣ не суждено быть чѣмъ-нибудь. О, сомнѣніе, сомнѣніе!... Неужели цѣлая жизнь моя такъ пройдетъ, неужели никто, никогда не скажетъ мнѣ: „Александръ, вотъ твоя дорога, теперь ужъ, чуръ, не сбиваться!“ Съ какимъ теплымъ чувствомъ бросился бы я на эту стезю, и тогда уже ничто бы мнѣ не препятствовало: горе тому, кто осмѣлился бы мнѣ загородить дорогу, я бы его уничтожилъ!

Но нѣтъ, этого не будетъ, я тогда былъ бы слишкомъ счастливъ, а полнаго счастія, кажется, нѣтъ на землѣ! О, сомнѣніе, сомнѣніе!... Сверхъ того, мнѣ иногда западаетъ въ голову мысль: дѣятельность на эстетическомъ поприщѣ, кромѣ производителей, требуетъ непремѣнно другихъ людей, для которыхъ бы создавалось. А какъ мало людей достойныхъ! Я живу 22 года на бѣломъ свѣтѣ, а до сихъ поръ встрѣтилъ только тебя одного такимъ человѣкомъ, о которомъ можно думать всегда, который ни съ чѣмъ встрѣчающимся не будетъ въ диссонансѣ, и еще есть много-много 2—3 существа, о которыхъ я часто вспоминаю съ наслажденіемъ, прилагая ихъ души къ предстоящему. А прочіе!.. Значитъ, стоитъ-ли быть дѣятельнымъ, не лучше-ли ограничиться наслажденіемъ созерцать уже существующее, чѣмъ творить достойное созерцанія, когда такъ мало людей, умѣющихъ созерцать? Важный вопросъ, на который я жду скораго отвѣта. Другое: я боюсь, не обманываютъ-ли меня собственныя мои способности? Что я одаренъ въ сильной степени эстетическимъ чувствомъ, это я ни передъ собою, ни передъ другими не колеблюсь высказывать, это сознаніе есть лучшая часть моего бытія, но не принимаю-ли я способность отлично видѣть и понимать изящное за способность творить изящное,—способность пассивную за активную? Это иногда случается, объ этомъ говоритъ и

---

[1]) Реакція безжалостна.

[2]) Въ сенатѣ это говорилъ Сѣрову оберъ-прокуроръ его, Михаилъ Матвѣевичъ Карніолинъ-Пинскій (впрочемъ, другъ отца его), а въ министерствѣ юстиціи—начальникъ отдѣленія и даже директоръ департамента.

[3]) Отецъ Сѣрова, съ которымъ я имѣлъ во французскомъ театрѣ большой разговоръ о музыкальныхъ способностяхъ и призваніи его сына. В. С.

Гёте въ статьѣ (неконченной) „Über den Dilettantismus“. Если это такъ? И на сіе жду твоего мнѣнія. Но забудь: это все смертные приговоры, и потому я требую самыхъ ясныхъ и точныхъ доказательствъ, говори совершенно напрямикъ. Но какъ жаль, что, при всей твоей искренности, въ этомъ случаѣ я никогда не буду вполнѣ довѣрять тебѣ, поэтому-то и прошу доказать мнѣ какъ $2 \times 2 = 4$. Подумай подольше и отвѣть посильнѣе. Я все боюсь, что и я самъ въ себѣ, и ты во мнѣ, ошибаемся. Ты какъ-то все щадишь меня, ожидая, не знаю на какомъ основаніи, чего-то бо́льшаго. А это бо́льшее что-то не является. Казалось бы пора: Александръ Македонскій 14-ти лѣтъ смирилъ Буцефала, а нѣкоторый тебѣ извѣстный Александръ, 22-хъ лѣтъ, не можетъ хорошенько распознать, на какого коня онъ посаженъ и куда ѣдетъ! Горькая участь! Иногда, какъ я тебѣ уже тысячу разъ высказывалъ, мнѣ дѣйствительно кажется, что во мнѣ много, очень много силъ, что онѣ только еще не всѣ проснулись, что поприще моей дѣятельности ясно открыто предо мною, и что впереди многое манитъ меня... за то иногда я самъ себѣ жалокъ, предо мною туманъ, а въ душѣ горькое чувство нищеты. Эта отчаянная альтернатива ясно отражается въ моихъ слабыхъ попыткахъ. Я начинаю ихъ съ истиннымъ увлеченіемъ, которое постепенно ослабѣваетъ, отъ сознанія недостаточности, и я кончаю потому только, что надобно кончить. Хотя, съ другой стороны, меня нѣсколько утѣшаетъ то, что въ цѣломъ музыкальномъ мірѣ весьма, весьма мало безукоризненныхъ произведеній, особенно что касается до восторга или увлеченія, которое даже въ самыхъ лучшихъ твореніяхъ является мимолетно. Такова человѣческая натура, но мнѣ это крайне досадно. Исполняешь или слушаешь какое-нибудь классическое созданіе, вливаешь въ себя чистѣйшее наслажденіе, и вдругъ, точно какой-то туманъ, все смѣшивается, сбивается, земное перетягиваетъ, человѣческая нелѣпость проглядываетъ, и все оттого, что кончилось чувствованное, началось дѣланное! И это вездѣ: въ симфоніяхъ, въ ораторіяхъ и въ операхъ, въ хорахъ и пѣсняхъ, въ инструментахъ и въ голосахъ! Жаль, а пособить нечѣмъ! Легко убѣдиться, что безъ дѣланнаго или всѣ творенія не должны превышать какихъ-нибудь 24-хъ тактовъ, или большія произведенія будутъ по необходимости носить печать отрывочности. Въ отношеніи спаекъ, по моему, меньше всѣхъ другихъ погрѣшилъ Моцартъ, исключая развѣ тамъ, гдѣ его геній не могъ освободиться отъ вліянія его времени, именно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его оперъ, гдѣ часто звуки довольно безжизненно толкутся почти на одномъ мѣстѣ. И въ солнцѣ есть пятна!

15-го марта 1842 г.

Опять принимаюсь бесѣдовать съ тобой, чтобы хотя нѣсколько доказать недосказанное въ прошломъ посланіи. Я приводилъ въ примѣръ безсмертныхъ классиковъ, вздыхая, что и у нихъ „дѣланное" частенько бываетъ замѣтно. Знаешь-ли ты, кто, по моему мнѣнію, совершенно избѣжалъ такихъ пятенъ (и то, впрочемъ, въ одномъ только изъ своихъ созданій)? Это Веберъ въ своемъ „Фрейшюцѣ". И отчего? оттого, что онъ допустилъ драматизмъ и объективность въ высшей степени. Онъ даже удерживалъ себя часто отъ развитія какой-нибудь прекрасной мысли, мотива прелестнаго, для того, чтобъ не замедлить сценичнаго движенія, и, повѣрь, отъ этого музыка не пострадала. Но для такого способа надобно было имѣть мечтательность Вебера, сильную дозу превосходной субъективности, иначе равновѣсіе нарушилось бы непремѣнно: это и случилось у Мейербера. Онъ въ концепціи „Роберта" и „Гугенотовъ" принялъ исключительную объективность; но такой способъ, при недовольно парящей субъективности, спустился до какого-то механическаго лѣпленія — и муза съ негодованіемъ закрыла лицо свое! Мейерберъ въ двухъ своихъ знаменитыхъ операхъ, безъ всякаго сомнѣнія, есть единственный феноменъ, достойный глубокаго изученія, но только какъ феноменъ. Знаешь-ли, я теперь иногда штудирую его оперы (разумѣется, несравненно холоднѣе, нежели прежде), и не могу не удивляться. Боже мой! чего здѣсь нѣтъ! какой элементъ музыки пропущенъ, когда все такъ полно, такъ ясно, такъ величественно! Одного нѣтъ, святаго вдохновенія, и оттого всѣ достоинства только сквозятъ изъ-подъ блестящаго лака шарлатанства! Вотъ именно этого-то шарлатанства вовсе нѣтъ у Карла-Маріи Вебера, котораго Мейерберъ, безъ сомнѣнія, взялъ себѣ за образецъ. Во „Фрейшюцѣ" надобно въ высшей степени удивляться простотѣ во всемъ: въ созданіи, въ характерахъ, въ средствахъ, въ мелодіи, въ гармоніи и въ обдѣлкѣ! Ничего нѣтъ натянутаго, ничего не натуральнаго. Все мило и ясно, какъ спокойная природа, или величественно-бурно, какъ гроза. Я до того влюбленъ въ „Фрейшюца", что никакъ не могу согласиться поставить его хотя на волосъ ниже первой оперы въ мірѣ, т. е. Моцартова „Донъ-Жуана" [1]). Они оба лучше, и каждый въ другомъ родѣ. Вотъ эти двѣ оперы могутъ главнѣйшимъ образомъ

[1]) Въ этомъ признаваніи «Донъ-Жуана» первою на свѣтѣ оперою чувствуется лишь отголосокъ слышаннаго постоянно отъ знакомыхъ нѣмцевъ-музыкантовъ, которымъ въ то время А. Н. Сѣровъ часто вполнѣ довѣрялъ, какъ авторитетамъ и истиннымъ знатокамъ. Самъ онъ лично зналъ тогда «Донъ-Жуана» еще очень мало. В. С.

быть представителями двухъ направленій музыки: сѣвернаго (нѣмецкаго) и южнаго (итальянскаго).

Довольно пока объ этихъ свѣтилахъ, объ нихъ уже столько говорено, даже между нами (но все говорить хочется). Лучше обратимся къ предмету, о которомъ еще вовсе не бесѣдовали, который, однако, весьма занимателенъ и весьма важенъ. А именно: къ музыкѣ русской [1]).

Вотъ тебѣ мое о ней мнѣніе, на которое прошу немедленнаго и точнаго отвѣта. Русская земля такъ велика, что въ ней объ единствѣ направленія въ чемъ-нибудь почти говорить нельзя, но такъ какъ не всѣ ея части имѣютъ равную значительность и не всѣ примитивно-русскія (что́ именно для насъ нужно), то въ отношеніи народной музыки или народнаго чувства въ музыкѣ надобно ограничиться средней полосой европейской Россіи, т. е. губерніями около-московскими и Малороссіею: послѣднею въ тѣхъ только земляхъ, гдѣ примѣсь польскихъ элементовъ менѣе чувствительна. По моему, элементовъ поэзіи народной (въ обширномъ значеніи, включая и музыку) у всѣхъ народовъ только два: грусть и удальство (первый субъективно-объективный, или чисто субъективный, второй объективно-субъективный, или чисто объективный: я какъ-то безотчетно склоненъ къ дуализму во всѣхъ своихъ теоріяхъ). Чтобъ убѣдиться въ этомъ, стоитъ перебрать пѣсни, романсы и баллады испанцевъ, итальянцевъ, французовъ, нѣмцевъ, британцевъ, даже древнихъ грековъ и современныхъ, какъ и прежнихъ, русскихъ. Грусть и удальство для народной поэзіи—это все, это цѣлый міръ! И дѣйствительно, примѣшай къ этимъ двумъ элементамъ величественно-граціозную религію грековъ, и ты получишь Иліаду и Одиссею, Анакреона и Пиндара! (Какое глупое у меня вырвалось выраженіе: „примѣшай!“—точно дѣлать Гомера по рецепту, но ты меня извиняешь и понимаешь). Присоедини къ тѣмъ же элементамъ аравійскую блестящую пестроту—и вотъ тебѣ романсы Сида и пр. Присоедини рыцарство феодальное и католицизмъ—получишь баллады среднихъ вѣковъ прочей Европы. Наконецъ, облеки все въ формы нѣсколько азіятской, варварской, грубой и вмѣстѣ наивной, прелестной славянской миѳологіи, и ты получишь славянскую или русскую поэзію.

---

[1]) Этс разсужденіе о русской музыкѣ всего болѣе вызвано было совершившимся въ это время знакомствомъ Сѣрова съ М. И. Глинкой и его первой оперой. Глинка пишетъ въ своихъ «Запискахъ»: «Великимъ постомъ 1842 г. я познакомился съ семействомъ Табаровскихъ и Сѣровыхъ. Александръ Николаевичъ Сѣровъ былъ въ то время очень молодой человѣкъ, образованный (онъ учился въ училищѣ Правовѣдѣнія), и очень хорошій музыкантъ; онъ игралъ на фортепьяно, нѣсколько на віолончелѣ, въ особенности же бойко читалъ съ листа», см. «Русскую Старину» 1870 г., третье изданіе, томъ II, стр. 351. В. С.

Но въ ней „démêler ce qui est beau“ [1]) теперь довольно трудно, отъ несчастнаго привтеченія совершенно чуждыхъ и между собою почти противоположныхъ элементовъ. Могла-ли сохраниться красота народной поэзіи во всемъ ея дѣвственномъ величіи, когда весь народный бытъ такъ долго былъ совершенно задавленъ глупыми монголами. И потомъ, по возрожденіи, эта смѣшная и вовсе не поэтическая борьба между восточнымъ варварствомъ, византійскимъ безвкусіемъ и нѣмецкою аккуратностью, а далѣе, обезьянничество Петра Великаго и карикатурный видъ Россіи въ маскарадномъ платьѣ! Можно-ли было народной поэзіи удержаться, не потерявъ благородства и не сдѣлаться почти пошлымъ достояніемъ черни. Увы! теперь уже многаго воротить нельзя, но надобно поблагодарить наше время за истинно умныя и прекрасныя попытки возстановлять въ народной простодушной формѣ древнія сказанія, и тѣмъ возбуждать вкусъ къ поэтической старинѣ нашей (Пушкинъ. Лермонтовъ). Все, что я говорилъ до сихъ поръ о народной поэзіи въ тѣсномъ смыслѣ, прямо относится и къ музыкѣ, ибо народная музыка неразлучна съ народною поэзіей.

Здѣсь необходимо, впрочемъ, маленькое отступленіе: говоря о музыкѣ, не надобно забывать, что это искусство въ нашу эпоху преобладаетъ предъ прочими сторонами эстетической жизни человѣчества, или, лучше сказать, теперь служитъ почти единственнымъ выраженіемъ этой жизни. По законамъ постепенности исторической, такое явленіе приготовлялось вѣками.

При нынѣшнемъ состояніи общества, истинная народная поэзія можетъ быть достойнымъ образомъ выражена только въ музыкѣ. Значитъ, если существуютъ попытки возобновленія простыхъ формъ старинной русской поэзіи въ стихахъ, то такія же попытки должны быть и въ музыкѣ, и эти попытки, по изложенной теоріи, должны быть несравненно значительнѣе стихотворныхъ.

Это именно: двѣ русскія оперы—„Жизнь за Царя“ и „Аскольдова могила“. Къ истинному моему прискорбію, для бо́льшей ясности я долженъ былъ поставить рядомъ два произведенія вовсе не парнаго достоинства и не парнаго направленія. Направленіе у каждой изъ этихъ оперъ близко къ истинно-русскому, но настоящій путь еще не отысканъ. Въ первой помѣшали тому слѣдующія обстоятельства: 1) квасно-патріотическій и вовсе не оперный, даже вовсе не сценическій сюжетъ (въ чемъ и геніальный авторъ музыки съ сожалѣніемъ признается) [2]); 2) новость композиторства въ дѣлѣ оперномъ; отъ того,

[1]) Распознать, что изящно.

[2]) Въ послѣдствіи взглядъ Сѣрова на «Жизнь за Царя» до того измѣнился

при превосходныхъ частяхъ, цѣлость вовсе утрачена, при геніально-изящныхъ средствахъ, цѣль не достигнута.

Во второй операѣ сюжетъ лучше „Ивана Сусанина“, гораздо ближе къ настоящему оперному, но либретто слѣплено безъ малѣйшаго понятія о дѣлѣ, и во многомъ просто безсмысленно; въ музыкѣ никакъ нельзя не видѣть таланта Верстовскаго, но кромѣ того, что онъ, не получивши ученаго музыкальнаго образованія, по необходимости погрѣшилъ противъ весьма многаго и весьма важнаго,—кромѣ того, композиторъ поставилъ себя на надлежащій для оперы „Standpunct“, и отъ того, все, что даже и есть хорошаго, счастливаго въ этомъ произведеніи (арія „Въ старину живали дѣды“, большая арія Петрова надъ могилой, хоръ христіанъ, прекрасный мотивъ послѣдняго терцета), все какъ-будто не на своемъ мѣстѣ, и не производитъ настоящаго дѣйствія, а нравится какъ отдѣльная вещь (исключеніе: одна пѣсня Торопки: „Ужъ какъ вѣетъ вѣтерокъ“).

Такого недостатка въ основномъ взглядѣ вовсе нѣтъ въ операѣ Глинки. Напротивъ, тамъ Standpunct выбранъ самый достойный. Даже этотъ Standpunct такъ величественно-благороденъ, что многое въ операѣ можетъ казаться сухимъ, и тогда опять надобно упрекнуть композитора въ выборѣ такого жалкаго сюжета. Гдѣ тутъ разнообразіе въ драматическихъ положеніяхъ, гдѣ энергія въ характерахъ! даже цѣлой половинѣ сюжета, польскому элементу, не дано достойнаго представителя! 10 корифеевъ не замѣнятъ одного дѣйствующаго лица. За то, что можно было сдѣлать изъ такого либретто, то сдѣлано, еще съ лихвою. Роль Вани, истинно поэтическое созданіе, выполнена въ музыкѣ единственно, вполнѣ геніально. Притомъ и обработка оперы совершенно достойна нашего времени. Вотъ тебѣ въ нѣсколькихъ словахъ мое мнѣніе о русской музыкѣ и о нынѣшнемъ ея проявленіи. Чтобъ дополнить обзоръ прошедшаго и существующаго взглядомъ на будущее, скажу, что, по моему мнѣнію, для русской оперы нуженъ волшебный сюжетъ для того, чтобъ развернуть всѣ богатства нашей миѳологіи и выразить настоящій русскій взглядъ на природу [1]). Если

въ противуположную сторону, что когда я, въ 1859 г., высказывалъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» мнѣніе о недостаточности и полной недраматичности сюжета «Жизнь за Царя», онъ съ гнѣвомъ и негодованіемъ напалъ на меня въ тогдашнемъ журналѣ «Искусства», а въ послѣдствіи повторилъ это и въ своемъ собственномъ журналѣ «Музыка и Театръ», и не переставалъ восхищаться «органичностью», «цѣльностью» и другими качествами содержанія этой оперы.

[1]) Это не собственная мысль А. Н. Сѣрова: она, безъ сомнѣнія, навѣяна тогдашними убѣжденіями Глинки, который въ это время только что кончилъ

такой сюжетъ будетъ обработанъ съ истиннымъ знаніемъ русскаго духа, съ пламеннымъ увлеченіемъ и съ выполненіемъ современныхъ требованій въ отношеніи театральной музыки, тогда настоящая стезя будетъ проложена, и судьба русской музыки рѣшится! Можетъ быть, намъ съ тобой этого не придется долго ждать, Глинка почти написалъ свою вторую оперу „Русланъ и Людмила“. Я не знаю этого созданія, но, судя по сюжету и по композитору, заранѣе радуюсь! О, съ тѣхъ поръ, какъ я по случаю лично познакомился съ М. И. Глинкою, я въ него вѣрую, какъ въ божество! Много, очень много я еще буду говорить съ тобою объ этомъ человѣкѣ, и, разумѣется, мы не избѣжимъ новыхъ горячихъ споровъ! Но то и весело! Adieu! A. S.

29-го марта 1842 г.

Мнѣ какъ-то смѣшно подумать о такомъ гигантскомъ предпріятіи, какъ опера [1]), когда я довольно знаю свое безсиліе. Конечно, во всякомъ случаѣ этюды не мѣшаютъ, но все-таки чрезвычайно много почти непобѣдимыхъ для меня трудностей. Не надобно-ли поучиться прежде посерьезнѣе, или учиться всему вмѣстѣ, по мѣрѣ надобности? Ты, можетъ быть, самъ никогда еще не думалъ, что́ значитъ писать оперу? а я такъ думалъ. Скажу больше, у меня давно готовится въ головѣ широкій планъ, который частью уже обозначенъ и на бумагѣ, но который я самъ запрятываю подальше отъ себя, чтобъ не соблазняться [2]). Сверхъ того, когда, вооружившись дерзкою бодростью, я и хотѣлъ бы серьезно приняться за такой огромный трудъ, то опять важная остановка: у меня нѣтъ готоваго либретто, я долженъ написать его самъ, а это уже рѣшительно не по мнѣ [3]). Пѣть прозу нельзя, а я въ жизни не написалъ ни полстиха! Развѣ не сдѣлать-ли такъ: сочинить либретто сцена по сценѣ, въ видѣ такихъ схемъ, какія оставлены намъ Шиллеромъ и Гёте, и дать выполнить стихами какому-нибудь умному литератору [4])? По крайней мѣрѣ, я никогда бы не согласился писать музыку театральную на такое либретто, которое мнѣ не совершенно бы приходилось по вкусу. Ха, ха, ха! Ей Богу,

---

«Руслана и Людмилу» и приступалъ къ постановкѣ ея на сцену (въ первый разъ эта опера дана въ томъ же году, 26-го ноября).

[1]) Это возраженіе на предложенный мною проектъ писать оперу.

[2]) Изъ разговоровъ съ А. Н. Сѣровымъ я узналъ въ тоже время, что этотъ сюжетъ былъ заимствованъ изъ романа «Аскольдова могила». Въ послѣдствіи, черезъ 22 года, онъ послужилъ основою для оперы «Рогнѣда».

[3]) Двадцать лѣтъ спустя, въ 1862 г., принявшись за «Юдиѳь», онъ считалъ это, наоборотъ, какъ нельзя болѣе «по себѣ», и даже не затруднялся писаніемъ стиховъ.

[4]) Такъ именно и сочинено въ послѣдствіи либретто «Рогнѣды». В. С.

не могу удержаться отъ смѣху, кто́ это такъ важничаетъ, такъ кризничаетъ? Человѣкъ, который не слыхалъ ни единой ноты своей, выполненной другимъ инструментомъ, какъ фортепьяно, человѣкъ, который никогда не учился ни генералъ-басу, ни контрапункту, ни инструментовкѣ, который бродитъ на пропалую, какъ слѣпецъ, по рвамъ и косогорамъ! Право, мнѣ что-то сдается, что съ моей оперой будетъ тоже, что съ моей „натуральной исторіей". Ты, можетъ быть, не знаешь еще, что я, когда былъ лѣтъ девяти, былъ помѣшанъ на идеѣ написать натуральную исторію въ родѣ Бюффона или Ласепеда. И съ такими мыслями, съ утра до вечера, каждый день рисовалъ разныхъ звѣрей. За то немножко выучился рисовать, такъ какъ алхимики, добиваясь найти философскій камень, хорошо познакомились съ природой и положили твердыя основанія цѣлой наукѣ—химіи. Что будетъ, то будетъ. Твой A. S.

8-го апрѣля 1842 г.

Во первѣйшихъ, позволь мнѣ тебя поздравить съ причастіемъ великихъ таинъ искусства, и потомъ—дай немного призадуматься,—вотъ уже почти два часа, какъ я оставилъ залу, а я все еще внѣ себя: гдѣ я? гдѣ мы? что это, на яву или во снѣ! неужели я точно Листа слышалъ? Надобно покаяться: я ожидалъ многаго по описаніямъ, предчувствовалъ многое по какому-то невѣдомому убѣжденію, но дѣйствительность далеко за собою оставила всѣ надежды! Счастливы, истинно счастливы мы, что живемъ въ 1842 г., когда на свѣтѣ есть такой исполнитель, и этотъ исполнитель заѣхалъ въ нашу столицу и намъ довелось его слышать. Восклицаній много, для меня даже слишкомъ много, но дѣлать нечего, удержаться невозможно, надобно выдержать лирическій кризисъ, пока можно будетъ съ толкомъ выражаться..... ты на меня за это не разсердишься..... О, какъ я счастливъ, какое сегодня торжество, какъ-будто весь Божій свѣтъ смотритъ иначе! И все это надѣлалъ одинъ человѣкъ своимъ исполненіемъ! О, какъ велика великость въ музыкѣ! Рѣшительно не могу связать ни одной мысли—все существо мое въ какомъ-то неестественномъ напряженіи, въ какомъ-то неизъяснимомъ восторгѣ, въ какомъ-то блаженномъ упоеніи. Ты меня столько знаешь, что не примешь всѣхъ этихъ, можетъ быть, нѣсколько смѣшныхъ восклицаній за фразы, столько знаешь, что истинно поймешь мое положеніе, да ты и самъ, разумѣется, въ такомъ же..... Пожалуйста, потому, не вини меня, если у меня мысли во все продолженіе письма будутъ весьма не въ порядкѣ.

Да, теперь я понимаю, отчего Листъ избралъ себѣ инструментомъ піано, и отчего онъ только исполнитель! Теперь я понимаю, что́ значитъ исполнять и что́ значитъ музыка. Странное дѣло, какъ жалки

люди, какія мерзкія созданія, противныя, ничтожныя, когда между ними есть существа, которыя осмѣливаются хладнокровно разсуждать о такомъ исполненіи, судить и рядить, какъ-будто о политикѣ, или, еще того хуже, изъ какихъ-нибудь видовъ—порицать!

Какъ я тебѣ благодаренъ за характеристику Листа, какъ писателя для піано, въ статьѣ о немъ и о Тальбергѣ. Твой взглядъ бросилъ совершенно новый свѣтъ на сегодняшнія мои впечатлѣнія.... Я Листа не могу считать иначе какъ исполнителемъ, даже въ его собственныхъ вещахъ. Ибо онъ что дѣлаетъ? Онъ беретъ мотивы изъ „Донъ-Жуана", или какой-нибудь венгерскій маршъ, и т. д. и выражаетъ ихъ на своемъ всемощномъ инструментѣ. Какъ онъ ихъ выражаетъ—въ этомъ-то и геній. Да, скрипка, віолончель—превосходные инструменты, но каждый на своемъ мѣстѣ, въ оркестрѣ, въ драмѣ. Единственный инструментъ—независимый и полный, хотя слабый въ сравненіи съ голосами и оркестромъ, какъ отдѣльный человѣкъ въ отношеніи ко вселенной (какъ microcosmus въ отношеніи къ macrocosmus)—это, разумѣется, піано. Быть гигантомъ въ исполненіи—для этого нужно избрать фортепьяно, въ октавахъ котораго всѣ четыре голоса человѣческіе, и безконечный рядъ инструментовъ, отъ флейты до литавръ и барабана.

Представимъ, въ самомъ дѣлѣ, человѣка, съ исполинскою музыкальною раздражительностью или воспріимчивостью, и представимъ, что его природа надѣлила прекраснымъ теноромъ (лучшій тэмбръ изъ всѣхъ существующихъ); если онъ дѣйствительно исполинъ въ душѣ, то онъ, разумѣется, обработавъ свой голосъ до высшей степени, все будетъ жалѣть о недостаточности своихъ силъ—теноръ никакъ уже не передастъ звуковъ баса, сопрано, въ ихъ истинномъ значеніи; тѣмъ менѣе голосъ человѣческій въ состояніи выразить тѣ безчисленные звуки, которыми полна природа и которые воспроизводятся только инструментальной музыкой, слѣдовательно, онъ всегда будетъ въ зависимости отъ другихъ, и, слѣдовательно, несчастливъ.

А клавикорды—и на нихъ Листовы пальцы!

Пока довольно. Твой Александръ Сѣровъ.

Сообщ. В. В. Стасовъ.

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ".

Портреты Лжедимитрія Перваго и Марины Мнишекъ.

Помѣстивъ при этомъ томѣ „Русской Старины" совершенно точный снимокъ съ весьма рѣдкой и чрезвычайно интересной гравюры Луки Киліана портрета Лжедимитрія Перваго, 1606 года,—считаемъ не лишнимъ напечатать въ этомъ же томѣ три замѣтки: свѣдѣніе о жизни гравера Киліана,—замѣтку Г. Н. Геннади объ отысканномъ имъ акварельномъ портретѣ того же самозванца 1605 г. и извѣстіе о современныхъ 1604 г. живописныхъ портретахъ Лжедимитрія Перваго и Марины Мнишекъ.

I.

Лука Киліанъ, граверъ.

Киліанъ (Kilian)—фамилія художниковъ аугсбургскихъ, представляющая непрерывно послѣдовательный рядъ 13-ти граверовъ, работавшихъ съ половины шестнадцатаго за половину восемнадцатаго вѣка. Родоначальникъ фамиліи, Бартоломей, золотыхъ дѣлъ мастеръ, родомъ изъ Силезіи, переселившійся въ Аугсбургъ и занимавшійся частью рѣзьбою на благородныхъ металлахъ. Онъ умеръ 1588 г., всего 40 лѣтъ, оставивъ нестарую жену съ двумя сыновьями—Лукою 9-ти лѣтъ и Вольфгангомъ—7-ми лѣтъ. Лука и Вольфгангъ Киліаны, по замужствѣ матери, вышедшей за славнаго въ свое время гравера, Доминика Кустосъ, сдѣлались лучшими учениками отчима и воспитателя, не менѣе его трудолюбивыми и также много выполнившими сюжетовъ и сценъ историческихъ и портретовъ.

Лука Киліанъ родился 1579 г. въ Аугсбургѣ, жилъ всего

58 лѣтъ, † 1637 г.; послѣ школы Д. Кустоса, на его счетъ, ѣздилъ въ Италію (вмѣстѣ съ братомъ Вольфгангомъ) и изучалъ тамъ венеціанскихъ мастеровъ. По силѣ и тонкости рѣзца, Лука Киліанъ оказывался опаснымъ соперникомъ Эгидію Саделеру, такъ что прославленная кисть молодаго живописца того времени—Шпрангера—одинаково бойко и смѣло передавалась искуснымъ рѣзцомъ Луки, какъ и Эгидіемъ, но въ болѣе серьезныхъ произведеніяхъ великихъ мастеровъ изящный рисунокъ былъ ближе у Эгидія. Въ этомъ вся разница. Что касается портретовъ, то, безчисленное множество ихъ, выполненное рѣзцомъ Луки Киліана, отличавшимся тщательностью и сходствомъ, — дальше этихъ качествъ не представляетъ и не можетъ представлять, по времени, другихъ достоинствъ. Ихъ не требовалось; и живопись, въ лицѣ Тиціана, только проявила близкую къ нашему времени заботливость о выпискѣ кожи, со всѣми тѣльными, чуть примѣтными, переливами свѣта и тѣни. У прочихъ же великихъ мастеровъ и колористовъ, сила общаго выраженія скрывала неполноту выписки полутоновъ, ограничивая заботливость мастера-живописца, въ этомъ отношеніи, одною рельефностью. Граверу начала XVII вѣка нечему было подражать, поэтому, въ выдѣлкѣ портретовъ, и разнообразить свою манеру выполненія рѣзцомъ какихъ бы то ни было отступленій отъ нормальнаго, общепринятаго характера, болѣе или менѣе рѣзкаго выдѣленія лица съ главными тѣнями. Лука Киліанъ представляетъ, слѣдовательно, типъ техническаго выполненія своего времени не только не дурной и не слабый, но одинъ изъ первыхъ: этимъ объясняется распространенность славы его школы по всей Европѣ, дававшей ему заказы. Польша была одною изъ наиболѣе щедрыхъ закащицъ въ Аугсбургѣ портретовъ своихъ замѣчательныхъ дѣятелей. Въ число ихъ попалъ и Лжедимитрій Первый, пущенный изъ Польши добывать у царя Бориса русскій престолъ въ Москвѣ.

Раздача портретовъ своихъ собственныхъ, или покровителей, была тогда очень распространена въ образованномъ обществѣ при какихъ-либо важныхъ случаяхъ и, этимъ обстоятельствомъ, кажется, легче всего объяснить существованіе портрета Лжедимитрія. Могъ заказать его тщеславный Мнишекъ, какъ тесть, превознося свою дочь и изобразивъ ее въ обычномъ польскомъ костюмѣ—царицею московскою. Заказъ послѣдовалъ, а событія, также мгновенно свергнувшія въ пропасть, какъ и поднявшія отважнаго проходимца, по всей вѣроятности, не дали еще случая Мнишку раздавать чванно портреты своимъ кліентамъ. Трагическая судьба Лжедимитрія, сдѣлавъ его им ючень распространеннымъ въ Германіи, дала возможность граверу сбывать экземпляры лица „царя московскаго Димитрія“,—чѣмъ и объясняется

теперешнее, хотя весьма рѣдкое, нахожденіе ихъ въ продажѣ. Крайняя же рѣдкость портретовъ Марины,—какъ личности въ Германіи никому неизвѣстной, мало кого интересовавшей, и потому немогшей сбываться покупателямъ—въ свою очередь опять объясняется очень естественно. Не будь это такъ, попади портретъ въ Польшу—вышло бы наоборотъ: рѣдкость составлялъ бы тогда Самозванецъ, а не Марина.

Не сбывая и не видя причины беречь не проданную доску, граверъ ее уничтожилъ и этимъ далъ возможность даже, за рѣдкостью оттисковъ, оспаривать самое существованіе гравированнаго портрета Марины Мнишекъ. Таковы наши предположенія по поводу гравированныхъ рѣзцомъ Луки Киліана портретовъ Лжедимитрія и Марины Мнишекъ.

Кромѣ Луки Киліана, оставившаго нѣсколько сотъ портретовъ и сюжетовъ всякаго рода, да брата его Вольфганга (1581 — 1662) не меньше работавшаго,—извѣстны дѣти, внучата и правнуки послѣдняго. У Вольфганга Киліана были два сына граверы: Филиппъ (1628—1693), исполнившій до 300 досокъ, и Бартоломей (1630—1696). У Филиппа два сына граверы: Вольфгангъ Филиппъ (1654—1732) и Іеремія (1656—1730). У Вольфганга Филиппа четыре сына граверы: Максъ Филиппъ (1674—1715), Іоганнъ-Фридрихъ (золот. дѣлъ мастеръ) 1681—1747; Павелъ (1687—1718) и Георгъ (1683—1755). У Георга опять трое: Георгъ Христофъ (1709—1781), Іоганнъ (1716—1744) и Филиппъ Андрей (1714—1759).

Сообщ. **П. Н. Петровъ.**

II.

Въ 1870 г. пробылъ я нѣсколько времени въ Дармштадтѣ, гдѣ въ придворной и вмѣстѣ съ тѣмъ публичной огромной библіотекѣ (Hofbibliothek) нашелъ крайне любопытный портретъ Лжедимитрія Перваго, портретъ современный. Онъ находится въ рукописномъ сборникѣ, названномъ Thesaurus picturarum, составленномъ въ 1572—1620 годахъ, и описанномъ въ книгѣ библіотекаря Валтера: Beiträge zur Kenntniss der Hofbibliothek zu Darmstadt (D. 1867); портретъ упомянутъ на стр. 148. Особую цѣну придаетъ ему приложенное, писанное старымъ нѣмецкимъ шрифтомъ, извѣстіе, объясняющее, что изображеніе Димитрія было привезено въ 1605 г. въ Гейдельбергъ пріѣхавшимъ туда польскимъ посланникомъ. Вотъ это извѣстіе:

Anno 1605 im October ist ein vornemer Gesanter aus Polen ghen Heidelberg khommen, welcher den Khurfürsten Pfaltzgrafen wie auch zuvor die Khayserl. Magestät und andere Khur- und vornembste Fürsten Deutscher Nation zu seines Königes zweitter ehehochzeit beruffen und gebotten. Derselb hat mit

sich dahin gebracht das Original des beigefügten Contrefaicts Demetrii Iwanowitz eines jungen gewesenen Münchs, der sich vor einen natürlichen Erben und legitimen successorem des grossherzogthumbs der Moskaw ausgeben, auch unter solchem schein in den vorigen 1604 und diesem 1605 Jhar dasselben mit gewaldt angemasset, so wohl bei leben, als auch nach absterben Goudonow Foedorwitz vermöge nachstvolgenden verbstantliches berichts, welchen der gemelt gesannt neben dem Bildt mitgebracht».

(Переводъ). „Года 1605, въ октябрѣ, прибылъ въ Гейдельбергъ знатный посланникъ изъ Польши, который приглашалъ и просилъ курфирста пфальцграфа, равно какъ передъ тѣмъ и его императорское величество съ другими курфирстами и знатнѣйшими князьями нѣмецкой націи на вторичную свадьбу своего короля. Этотъ посланникъ привезъ съ собой подлинникъ прилагаемаго изображенія Димитрія Іоанновича, молодаго бывшаго монаха, который объявилъ себя природнымъ наслѣдникомъ и законнымъ преемникомъ великаго княжества Московскаго, и, подъ этимъ видомъ, въ прошедшемъ 1604 и текущемъ 1605 году, силою присвоилъ себѣ это владѣніе, какъ при жизни, такъ и по кончинѣ Годунова Ѳеодоровича, согласно нижеслѣдующему обстоятельному повѣствованію, которое вышеупомянутый посланникъ привезъ вмѣстѣ съ изображеніемъ".

На портретѣ находится латинская надпись, золотыми буквами:

„Димитрій Іоанновичъ, великій князь Московіи. 1604. Возвраста своего на 23 году".

Портретъ Лжедимитрія акварельный, довольно грубо исполненный, поясной, въ 4-ю долю листа. Онъ напоминаетъ извѣстный портретъ самозванца (съ гравюры Киліана), прекрасный снимокъ съ котораго, исполненный акад. И. П. Пожалостинымъ, приложенъ при этомъ томѣ „Русской Старины": таже одежда, тѣже короткіе волосы и бородавка на носу, только очертаніе рта совсѣмъ другое. На фонѣ золотомъ надпись: Demetrius Iwanowice Macnus Dux Moschoviæ. 1604 ætatis suæ 2 3. Форматъ маленькій in 4°.

Сообщ. Г. Н. Геннади.

III.

Въ 1876 году имени Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича Историческій Музей въ Москвѣ сдѣлалъ чрезвычайно цѣнное, въ историческомъ отношеніи, пріобрѣтеніе. Для этого Музея предназначаются доставленные нынѣ въ С.-Петербургъ два живописные подлинные, начала XVII-го вѣка, портрета: Лжедимитрія и Марины Мнишекъ, находившіеся въ замкѣ Вишневецъ. Эти изображенія обѣихъ личностей писаны красками на холстѣ, во весь ростъ, поколѣнно. Та и другая фигуры стоятъ: самозванецъ въ латахъ, Марина—въ поль-

скомъ костюмѣ, сшитомъ по образцу французской моды того времени. На обоихъ портретахъ у фигуръ лежатъ царскія короны, а на второмъ планѣ прописаны нѣкоторыя сцены: сраженіе—на портретѣ самозванца, въѣздъ въ Москву и коронованіе на портретѣ Марины. Живопись значительно выцвѣла, поблекла, холстъ кое-гдѣ прорванъ. Тотъ и другой значительно сходны съ гравированными Киліаномъ портретами, самозванца и его жены.

Желательно, чтобы изданы были кѣмъ нибудь изъ любителей старины возможно точные, разумѣется въ малую величину, снимки, писанные красками, съ этихъ чрезвычайно интересныхъ портретовъ.

Народные разсказы.

Разинъ въ Симбирскѣ.

Одинъ изъ атамановыхъ полковниковъ, передаетъ народная память, по имени Чювичъ, былъ разбитъ на голову, на томъ самомъ мѣстѣ, въ симбирскѣ, гдѣ теперь находится Макинъ садъ[1]). Въ отчаяніи, не зная какъ спастись отъ непріятеля, онъ кинулся въ рѣку и утонулъ. Съ того времени протокъ между островомъ и берегомъ сталъ называться Чювичемъ.

Примѣчаніе. Это преданіе чуть-ли не единственное, сохранившееся у мѣстныхъ жителей про осаду Симбирска Разинымъ. Въ немъ есть доля исторической правды: нестройныя толпы крестьянъ, покинутыя бѣжавшимъ атаманомъ на произволъ судьбы, бросились къ Волгѣ, на струга, и, преслѣдуемые царскимъ войскомъ, частью перетонули въ рѣкѣ, частью были перебиты, или попались въ плѣнъ.

Пугачевъ въ Симбирскѣ.

Когда Пугачевъ сидѣлъ въ Симбирскѣ, заключенный въ клѣтку, много народа приходило на него смотрѣть. Въ числѣ зрителей былъ одинъ помѣщикъ (по другимъ разсказамъ—исправникъ), необыкновенно толстый и короткошея. Не видя въ фигурѣ Пугачева ничего страшнаго и величественнаго, онъ сильно изумился. „Такъ это Пугачевъ,—сказалъ онъ громко,—ахъ ты дрянь какая! А я думалъ, что онъ Богъ-вѣсть какъ страшенъ!“ Звѣрь звѣремъ сталъ Пугачевъ, когда услыхалъ эти слова, кинулся къ помѣщику, даже вся клѣтка затряслась, да какъ зареветъ: „Ну, счастливъ твой Богъ! Попадись ты мнѣ раньше, такъ я бы у тебя шею-то изъ-за плечъ повытянулъ!!“ При этомъ заключенный такъ поглядѣлъ на помѣщика, что съ тѣмъ сдѣлалось дурно.

Сообщ. Дм. Садовниковъ.

---

[1]) Если не ошибаюсь, мѣсто это принадлежитъ въ настоящее время г-ну Норутовичу и находится на склонѣ Симбирской горы къ Волгѣ. Д. С.

Указъ по поводу смерти Петра Великаго

28-го января 1725 г.

(Снимокъ съ подлинника).

„Русская Старина“ неоднократно представляла при своихъ книгахъ вполнѣ точно-воспроизведенные снимки съ подписей, писемъ и цѣлыхъ документовъ, писанныхъ достопамятнѣйшими дѣятелями отечественной исторіи. Такимъ образомъ читатели этого изданія имѣютъ предъ собою резолюціи Петра Великаго на одномъ изъ докладовъ (см. томъ IV), письмо Екатерины II (см. томъ XI), князя Потемкина-Таврическаго (см. томъ XIII), кн. М. И. Голенищева-Кутузова-Смоленскаго (см. томъ II, изд. третье, и томъ V), снимки съ двухъ страницъ записокъ А. Т. Болотова (см. томъ VIII „Русск. Ст.“), снимки съ подписей и писемъ нѣкоторыхъ русскихъ писателей, каковы: Грибоѣдовъ, В. А. Жуковскій, Дельвигъ, Кюхельбекеръ, Баратынскій, кн. В. Одоевскій и друг. (см. томъ XIII), предсмертное письмо композитора М. И. Глинки (см. томъ II, изд. третье) и друг.

При настоящемъ томѣ „Русской Старины“ прилагается снимокъ съ цѣлаго историческаго документа: это указъ начальникамъ губерній отъ главнѣйшихъ сподвижниковъ Петра Великаго, отъ его птенцовъ, которые, сплотившись вокругъ возведенной ими на престолъ Екатерины I, разослали этотъ указъ вмѣстѣ съ манифестомъ о кончинѣ державнаго преобразователя Россіи и о присягѣ его преемницѣ. Любопытны подписи этихъ сенаторовъ, полководцевъ, министровъ, а нѣкоторыхъ изъ нихъ и будущихъ „верховниковъ“, т. е. членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, немедленно взявшихъ бразды правленія, исторгнутыя смертью изъ мощныхъ рукъ великаго государя. Здѣсь мы встрѣчаемъ подписи слѣдующихъ лицъ: Александръ Меншиковъ (извѣстно, что онъ только подписывался, но почти вовсе не умѣлъ писать и читать писанное), князь Аникита Репнинъ, канцлеръ графъ Головкинъ, генералъ-адмиралъ графъ Апраксинъ, графъ Петръ Толстой, графъ Иванъ Мусинъ-Пушкинъ, князь Василій Долгоруковъ, графъ Яковъ Брюсъ, князь Дмитрій Голицынъ, князь Григорій Юсуповъ.

Изъ поименованныхъ десяти лицъ пятеро, именно, Меншиковъ, Головкинъ, Апраксинъ, Толстой и Голицынъ, вошли въ составъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, учрежденнаго 8-го февраля 1726-го года.

Читатели, „Русской Старины“ разбирая подписи этихъ представителей власти въ Россіи за сто пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, конечно замѣтятъ своеобразность правописанія нѣкоторыхъ изъ нихъ, особенно, напримѣръ, интересна подпись графа П. А. Толстаго, кровожаднаго „инквизитора“, т. е. начальника Тайной Канцеляріи, и потомъ, въ свою очередь, страдальца-узника въ казематѣ Соловецкой обители.

Печатанъ въ Санктпѣтербурхѣ при Сенатѣ.
Генваря 30. дня, 1725 году.

Приложеніе къ „Русской Старинѣ“ изд. 1876 г. томъ XV.

Типографія В. С. Балашева (Б. Сад., № 2—49).

ЮРІЙ ѲЕДОРОВИЧЪ САМАРИНЪ,

† 19-го марта 1876 г.

Угасъ еще одинъ яркій свѣтильникъ русской мысли.

19-го марта, послѣ кратковременной болѣзни, скончался въ Берлинѣ Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ.

Окончивъ курсъ наукъ въ Московскомъ университетѣ въ 1838 г., Юрій Ѳедоровичъ, въ 1844 г., получилъ въ томъ же университетѣ степень магистра послѣ блистательной защиты диссертаціи своей „Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ". Любовь къ ученымъ занятіямъ съ юношескаго возраста влекла эта на поприще служенія науки, но, къ великому его сожалѣнію, мечта эта въ то время не могла осуществиться и онъ поступилъ на службу въ 1-й департаментъ правительствующаго сената. За симъ, въ качествѣ чиновника по особымъ порученіямъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, онъ былъ командированъ въ Ригу. По возвращеніи изъ Риги, въ 1849 г., назначенъ состоять при симбирскомъ гражданскомъ губернаторѣ князѣ Черкаскомъ, а потомъ командированъ въ распоряженіе кіевскаго генералъ-губернатора Бибикова, при которомъ и занималъ, хотя короткое время, должность правителя канцеляріи. Въ началѣ 1850-хъ годовъ, получивъ разрѣшеніе оставить службу, онъ поселился въ деревнѣ, въ Самарской губерніи, временно проживалъ въ Москвѣ и С.-Петербургѣ и во время крымской кампаніи поступилъ въ ряды ополченія, въ которомъ и оставался до окончанія кампаніи. Въ 1858 г. приглашенъ былъ, по высочайшему повелѣнію, къ участію въ занятіяхъ редакціонной коммисіи по устройству быта крѣпостныхъ крестьянъ. Исполнивъ это порученіе, Юрій Ѳедоровичъ принялъ назначеніе члена отъ правительства въ Самарскомъ губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи, а потомъ при открытіи земскихъ учрежденій принялъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ самарскаго земства. Въ концѣ 1863 г., по высочайшему повелѣнію, не состоя на службѣ, былъ приглашенъ въ Царство Польское для участія въ занятіяхъ по устройству быта крестьянъ; наконецъ, въ качествѣ гласнаго, до послѣдняго времени онъ усердно занимался дѣлами московскаго земства и московской городской думы.

Вотъ краткій перечень официальной дѣятельности человѣка, имя котораго извѣстно всей Европѣ, съ уваженіемъ произносится каждымъ

русскимъ и повторяется теперь многочисленными его друзьями и почитателями съ чувствомъ глубокой сердечной скорби.

Крайне скромный перечень официальныхъ сторонъ дѣятельности Юрія Ѳедоровича не можетъ объяснить значенія той утраты, которую, въ лицѣ его, понесло русское общество. Необычайныя природныя дарованія, высокая, никакими свѣтскими соблазнами неподкупная честность жизни и убѣжденій, обаятельная прелесть въ личныхъ сношеніяхъ, веселая игривость ума при глубинѣ и ясности мысли, легкость и красота рѣчи, неизмѣнная вѣрность въ дружбѣ — всѣ эти качества соединялись въ лицѣ Юрія Ѳедоровича въ такой гармонической цѣльности, что невольно склоняли самихъ противниковъ мнѣній и убѣжденій Юрія Ѳедоровича къ признанію въ немъ въ высокой степени замѣчательнаго, изъ ряду выходящаго типа русскаго человѣка. Дѣятельность такого человѣка, до какихъ предметовъ она бы ни касалась, не могла оставаться не замѣтною,— она вездѣ оставляла видные слѣды и вѣрная оцѣнка этой дѣятельности принадлежитъ наступившему уже для Юрія Ѳедоровича потомству. Но оцѣнка значенія этого замѣчательнаго человѣка въ нашемъ обществѣ будетъ не полна, если не раскрыта будетъ въ подробности степень его личнаго непосредственнаго нравственнаго вліянія на кругъ людей, съ которыми жизнь, обстоятельства и служба его, волею или неволею, сводили. Матеріаломъ для изслѣдованія этой стороны дѣятельности Юрія Ѳедоровича должна служить многочисленная и разнородная его частная переписка. Намъ извѣстно, что покойный неутомимо велъ корреспонденцію съ лицами разныхъ мнѣній и разныхъ общественныхъ положеній. Частная переписка такого мыслителя, какимъ былъ Юрій Ѳедоровичъ, должна составлять общественное достояніе, коль скоро она не касается предметовъ частнаго интереса. Самъ покойный сознавалъ силу своего личнаго вліянія на людей. Въ письмѣ къ одному изъ близкихъ друзей своихъ, укорявшихъ его за то, что тратитъ силы и время на мелочныя занятія, онъ, между прочимъ, писалъ: „Теперь нужно творить не учрежденія, а людей; тутъ одинъ путь — непосредственное, прямое дѣйствіе человѣка на человѣка, въ той ограниченной сферѣ, въ которой личное вліяніе можетъ дѣйствовать. Приходится лѣпить и обжигать людей, какъ кирпичи. Можетъ быть я и ошибаюсь, принимая свое личное призваніе за главную задачу времени, по крайней мѣрѣ, такое мое глубокое убѣжденіе“.

Одна изъ главнѣйшихъ задачъ „Русской Старины“, сохранять для грядущихъ поколѣній русскаго народа сказанія о заслугахъ его достойнѣйшихъ сыновъ, поэтому мы долгомъ считаемъ открыть ея страницы для матеріаловъ къ біографіи одного изъ лучшихъ и идеальнѣйшихъ по уму, дарованіямъ и высокимъ нравственнымъ качествамъ общественнаго дѣятеля, какимъ былъ и, въ памяти изъ вѣка въ вѣкъ, пребудетъ Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ. Убѣдительнѣйше просимъ друзей и знакомыхъ покойнаго сообщать намъ все то, что можетъ служить цѣли уясненія всѣхъ сторонъ жизни, характера и дѣятельности вновь утраченнаго нашимъ Отечествомъ высоко-достойнаго русскаго человѣка.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Въ Археографической Коммисіи (С.-Петербургъ, у Чернышева моста д. шестой гимназіи) можно получать слѣдующія ея изданія:

1. Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей: томы VI, VII, VIII, IX и XV, по 2 руб. за томъ—10 р.

2. Лѣтопись по списку монаха Лаврентія (второе изданіе) 3 р.

3. Лѣтопись по Ипатскому списку (второе изданіе) 3 р.

4. Повѣсть Временныхъ лѣтъ по Лаврентіевскому списку, изданная посредствомъ свѣтопечати 4 р.

5. Повѣсть Временныхъ лѣтъ по Ипатскому списку, изданная фотолитографически 4 р.

6. Новгородская лѣтопись по Синодальному харатейному списку, изданная посредствомъ свѣтопечати, цѣна 4 р.

7. Указатель къ первымъ восьми томамъ Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей, томъ 1-й (А—I), состоящій изъ 1, 2 и 3-го выпусковъ. (Цѣна каждому выпуску 50 коп.) 1 р. 50 к.

8. Акты Историческіе: томы IV и V, по 2 руб.—4 р.

9. Алфавитный Указатель къ Актамъ Историческимъ 75 к.

10. Дополненіе къ Актамъ Историческимъ, томы V—XII, по 2 р.—16 р.

11. Указатель къ первымъ десяти томамъ Дополн. къ Актамъ Историческимъ 1 р. 50 к.

12. Русская Историческая Библіотека, томы I и II-й по 2 р.—4 р.

13. Документы, объясняющіе исторію Западно-Русскаго края и его отношенія къ Россіи и къ Польшѣ (съ тремя картами) 2 р.

14. Историческое изслѣдованіе о Западной Россіи 75 к.

15. Дневникъ Люблинскаго Сейма 1569 г. 3 р.

16. Акты, относящіеся къ исторіи Западной Россіи, томъ V-й, цѣна 2 р.

17. Акты, относящіеся къ исторіи Южной и Западной Россіи, т. I, II, IV—VIII, по 2 руб. цѣна 14 р.

Того же изданія томъ третій цѣна 3 р.

18. Акты на иностранныхъ языкахъ, относящіеся къ Россіи, т. I и II, 4 р.

19. Дополненія къ Актамъ на иностранныхъ языкахъ 2 р.

20. Сказанія иностранныхъ писателей о Россіи, томъ первый 2 р.

Того же изданія томъ второй 1 р. 50 к.

21. Сказаніе Массы и Геркмана о смутномъ времени въ Россіи (съ портретомъ Массы, планомъ Москвы 1606 г. и дворцомъ Лжедимитрія) 2 р.

22. Русско-Ливонскіе акты 2 р.

23. Акты, относящіеся до юридическаго быта древней Россіи: т. I и II, по 2 руб.—4 р.

24. Великія Минѣи Четіи, собранныя всероссійскимъ митрополитомъ Макаріемъ, выпускъ первый: Сентябрь, дни 1—13, цѣна 5 р.

Того же изданія выпускъ второй: Сентябрь, дни 14—24, цѣна 3 р.

Того же изданія выпускъ четвертый: Октябрь, дни 1—3, цѣна 3 р.

Того же изданія выпускъ пятый: Октябрь, дни 4—18; цѣна 3 р.

Во всѣхъ главныхъ книжныхъ магазинахъ, въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ, продаются слѣдующія изданія

Н. В. ГЕРБЕЛЯ:

1) **Полное собраніе сочиненій Шиллера** въ переводахъ русскихъ писателей. 1875—1876. *Изданіе пятое.* Два большіе тома въ 1448 страницъ. Содержаніе: *Томъ I. Стихи.* Біографія Шиллера, составленная издателемъ, 291 стихотвореніе и 11 драматическихъ произведеній (Донъ-Карлосъ, Лагерь Валленштейна, Пикколомини, Смерть Валленштейна, Марія Стюартъ, Орлеанская дѣва, Мессинская невѣста, Вильгельмъ Телль, Димитрій Самозванецъ, Семела и Привѣтствія искусствъ) въ переводахъ: Аксакова, Бенедиктова, Гербеля, Даниловскаго, Достоевскаго, Дмитріева, Жуковскаго, Крешева, Лермонтова, Ляпина, Майкова, Мея, Миллера, Мина. Михайлова, Пушкина, Струговщикова, Тютчева, Фета, Шевырева и другихъ. *Томъ II. Проза.* Четыре драматическихъ произведенія въ прозѣ (Разбойники, Заговоръ Фіеско, Коварство и Любовь и Мизантропъ), два большихъ историческихъ сочиненія (Исторія Тридцатилѣтней войны и Отпаденіе Нидерландовъ отъ испанскаго владычества), одинъ романъ (Духовидецъ) и рядъ статей по части эстетической критики и другимъ предметамъ, въ переводахъ: Вейнберга, Гербеля, Достоевскаго, Михайлова и Полеваго.

Цѣна за оба тома 7 руб.; съ 20-ю гравюрами—9 руб.; въ англійскомъ переплетѣ, тисненномъ золотомъ—10 руб. 50 коп.

2) **Полное собраніе сочиненій Шекспира** въ переводахъ русскихъ писателей. 1876. *Изданіе второе.* Четыре тома, содержащіе въ себѣ 132 листа (2112 стр.) большаго формата. Съ портретомъ Шекспира и полной его біографіей, написанной П. Н. Полевымъ. Четыре тома, содержащіе въ себѣ 132 листа (2112 страницъ) большаго формата, изъ которыхъ каждый равняется 2½ листамъ нашихъ большихъ журналовъ.

Здѣсь помѣщены всѣ 37 драматическихъ произведеній Шекспира (Коріоланъ, Король Лиръ, Отелло, Тимонъ Аѳинскій, Сонъ въ Иванову ночь, Много шуму изъ ничего, Макбетъ, Двѣнадцатая ночь, Гамлетъ, Буря, Троилъ и Кресида, Ричардъ II, Генрихъ IV, части 1-я и 2-я, Генрихъ V, Генрихъ VI, части 1-я, 2-я и 3-я, Ричардъ III, Генрихъ VIII, Ромео и Джульетта, Усмиреніе своенравной, Король Джонъ, Венеціанскій купецъ, Какъ вамъ будетъ угодно, Антоній и Клеопатра, Зимняя сказка, Периклъ, Конецъ—всему дѣлу вѣнецъ, Виндзорскія проказницы, Комедія ошибокъ, Безплодныя усилія любви, Цимбелинъ, Мѣра за мѣру, Титъ Андроникъ, Два веронца и Юлій Цезарь), въ переводахъ: Вейнберга, Грекова, Дружинина, Корженевскаго, Кронеберга, Миллера, Островскаго, Рыжова, Сатина и Соколовскаго. Каждой пьесѣ предшествуетъ этюдъ о ней; въ концѣ пьесы помѣщены необходимыя примѣчанія.

Цѣна за всѣ четыре тома 14 руб. Въ изящномъ англійскомъ переплетѣ, тисненномъ золотомъ, 16 руб.

3) **Полное собраніе сочиненій Лорда Байрона** въ переводахъ русскихъ поэтовъ. *Изданіе второе.* Четыре тома. 1873—1876. Содержаніе. *Томъ I:* Біографія Байрона, «Еврейскія мелодіи» (30 пьесъ), «Часы досуга» (9 пьесъ), «Семейныя стихотворенія» (5 пьесъ), «Мелкія стихотворенія» (36 пьесъ), восемь поэмъ («Паризина», «Шильонскій узникъ», «Мазепа», «Осада Коринѳа», «Гяуръ», Беппо», «Абидосская невѣста» и «Манфредъ») и романъ «Чайльдъ-Гарольдъ», въ переводахъ: Вейнберга, Гербеля, Дружинина, Жуковскаго, Козлова, Крешева, Лермонтова, Майкова, Мея, Мина, Минаева, Михаловскаго, Огарева, Плещеева, Полежаева, Пушкина, Случевскаго, Тургенева, Тютчева, Фета, Щербины и другихъ. *Томъ II:* Полный прозаическій переводъ «Донъ-Жуана», сдѣланный А. Л. Соколовскимъ. *Томъ III.* Двѣ поэмы («Морской разбойникъ» и «Жалоба Тасса»), двѣ трагедіи («Сарданапалъ» и «Марино Фальеро»), одна сатира («Англійскіе барды и шотландскіе обозрѣватели»), одна мистерія («Каинъ») и одно посланіе («Къ Августѣ»). *Томъ IV:* Двѣ поэмы («Лара» и «Островъ»), двѣ трагедіи («Двое Фоскари» и «Вернеръ») и одна мистерія («Небо и Земля»), въ переводахъ Буренина, Вейнберга, Гербеля, Г***, Минаева и Соколовскаго. Три первые тома продаются, 4-й—приготовляется къ изданію.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

ВЪ XV ТОМѢ

„РУССКОЙ СТАРИНЫ"

1876 г.

(ЯНВАРЬ — АПРѢЛЬ).

А.

Аббасъ-Кули-ханъ, 1838 г., 800.

Аббасъ-мирза, сынъ персидскаго шаха, † 1833 г., 225—230, 771—782; 794.

Абдулъ-Али-ханъ, 800.

Абу-Муселимъ, шамхалъ тарковскій 1836 г., 379, 646.

Авраменко, подполков., † 1837 г., 383.

Аладовы, 26.

Александра Павловна, вел. княж., въ замуж. палатина венгерская, р. 1783 † 1801 г., 25.

Александръ I, импер., 25; 204; 226, 228; 266—269; 287; 408; 467; 551—582; 603; 643; 676—677; 681; 707; 806.

Александръ, грузинскій царев., 202; 226.

Али-бекъ, 152; 651; 656.

Альбрандтъ, Левъ Львовичъ, ген.-маіоръ, † 1849 г. Очеркъ служебной его дѣятельности, 770—792.

Амбургеръ, консулъ въ Персіи 1828 г., 778, 779.

Амвросій, архіеп. переяславскій 1762 г., 738—740, 756.

Ангальтъ, гр. 1787 г., 19, 23, 238.

Андріяновъ, 761.

Андрониковъ, князь 1853 г., 179.

Антонія, герцогиня Виртемб., † 1824 г., 603.

Анчугала, разбойникъ, сподвижникъ Пугачева, 197.

Апраксина, гр. 1787 г., 25.

Апраксинъ, гр. генер.-адмиралъ 1725 г., 876.

Апраксинъ, Степ. Степ., генер. отъ кавал., р. 1757 † 1827 г., 260, 261; 492; 559.

Апраксинъ, гр ..., † 184... 604.

Апрѣлевъ, поруч., † 1828 г., 370—371.

Арбеневъ, 1787 г., 487.

Арбузовъ, 1787 г., 479.

Арендтъ, Н. Ѳ., лейбъ-медикъ, 300, 301, 309; 611—615.

Архаровъ, Никол. Петр., генер. директ. полиціи 1796 г. р. 1742 † 1814 г., 238—244; 498; 558—581; 692, 698.

Асеньева, актриса, 625.

Афанасьевъ, граверъ 1815 г., 125.

Ахмедъ-ханъ, правитель Аваріи 1836 г., 159—161; 652.

Аѳанасій, еписк. тверской 1762 г., 738, 739, 756.

Б.

Бабичевъ, кн., 32.
Багратіонъ, кн. П. Р., 653.
Бакаровичъ, Дарья Алексд., 458.
Баранцевъ, А. А. Сообщ.: Письма кн. И. Ѳ. Паскевича къ кн. М. Д. Горчакову, 1853—1855 гг.: 163—191; 388—401; 659—674.
Баранцевъ, курьеръ 1787 г., 264.
Баратовъ, кн., подполков., 786.
Баратынскій, Евгеній Абрам., поэтъ, 876.
Барсовъ, Никл. Ив. проф. Сообщ.: Записки Алекс. Ск. Стурдзы «О судьбѣ православной церкви русской, въ царств. имп. Александра I», 266—288; статья: «Арсеній Маціевичъ, митропол. Ростовскій въ дѣлѣ о монаст. имѣн. 1762—1763 гг.», 721—756.
Барунова, 22, 26.
Барыбина, Марья Степан., 807.
Барышникова, 257.
Ватуринъ, Іосифъ, полковн. 1770 г., 528, 536—540; 760.
Ватюшковъ, Конст. Никол., писатель, 316.
Бауеръ, 471, 473.
Башаруловъ, полковн., 626.
Веберъ, 1796 г., 561.
Безбородко, гр. Алсд. Андр., государств. канцл., р. 1747 † 1799 г., 11—37; 238—265; 471—499; 687—715.
Безбородко, гр. Илья Андр., † 1816 г., 602.
Безбородко, графиня, † 1824 г., 603.
Безобразовъ, П. Н., чиновникъ во Владимірѣ, 1830 г., 638.
Бейкосвъ см. **Веньевскій**.
Векъ, Филиппъ Ив., 35, 36.
фонъ-Вемъ, премьеръ-маіоръ 1772 г., 762—766.
Венцендорфъ, Алсд. Христоф., въ послѣдствіи графъ, 688.
Венцендорфъ, гр. Анна-Юліана, рожд. барон. Шиллингъ-фонъ-Канштадтъ, 19; 552—555.
Веньевскій, гр. Морицъ-Августъ, венгерецъ, † 1786 г. Бунтъ его въ Камчаткѣ въ 1771 г. и послѣдующія похожденія, 526—547; 757—769; 540.
Верже, Адольфъ Петр. Сообщ. истор. біографич. очеркъ: «Самсон-ханъ Макинцевъ и русскіе бѣглецы въ Персіи», 770—804; 236.
Верингъ, мореплаватель 1779 г., 765.
Верліозъ, композиторъ, 1841 г., 352, 858.
Вермудесъ, Зеа, супруга испанскаго посланн., † 1811 г., 602.
Верресъ, граверъ, 468.
Вертенъ, 37.
Верхъ, Вас., статья его о Беньевскомъ въ «Сынъ Отеч.» 1821 г., 757, 758.
Верхъ, адъютантъ 1828 г., 375.
Бестужевъ-Рюминъ, гр. Алексѣй Петр., генералъ-фельдмарш. 1763 г., 729—749.
Бестужевъ-Рюминъ, К. Н., профес. Сообщ. Письмо канцл. гр. Алекс. Петр. Бестужева-Рюмина, 1764 г., 211—212; статью: «Пав. Мих. Строевъ», 426—429; «XXV-ти-лѣтіе Исторіи Россіи—С. М. Соловьева», 679—686.
Бестужевъ, Никл. Алсд., декабристъ, 320.
Бетховенъ, композиторъ, 140, 858.
Бибиковъ, генер.-аншефъ 1773 г., † 1774 г., 193—195.
Бибиковъ, директ. театра 1787 г., 245.
Бичуринъ, о. Іакинфъ, 319, 320.
Блюхеръ, прусс. генер., 208.
Бобровъ, петерб. актеръ 1825 г., 95, 96.
Богдановичъ, учит., 121, 122.
Богучаровъ, лакей, 617, 618.
Болдыревъ, лекарь, 292.
Болотовъ, Анд. Тимоѳ., 876.
Боне, суконный фабрикантъ, 24.
Ворзовъ, 1788 г., 719.
де-Боссе, сард. повѣрен., 1796 г., 561, 562.
Воуверъ, 1788 г., 699.
Вочаровъ, Дмитрій, 1771 г., 540; 757.
Воченковъ, актеръ, 1825 г., 96.
Вреховъ, корякъ, 541, 546.
Врикъ, иркутскій губерн., 1771 г., 530, 541.
Вровинскій, 34.
Врунн, проф. живописи, 623, 630.
Врюсъ, гр. Яковъ Александр., ген.-аншефъ, † 1791 г., 22—32; 247; 496; 687—717, 876.
Брюловъ, Карлъ Павлов., проф. акад. худож., † 1852 г., 624—632.
Будбергъ, баронъ 1854 г., 666.
Булацель, офиц. 1828 г., 375.
Булгаковъ, Як. Ив., р. 1743 † 1809 г.,

дст. тн. сов., посланникъ въ Константинополѣ, 459; 692.
Вулгаковъ, 246, 258.
Вуль, гр. 1854 г., 663.
Вунаковскій, 1723 г., 507.
Вуссе, полковн. 1828 г., 367—371.
Вучкіевъ, подполковн. 1837 г., 649.
Вушъ, И. Ф., проф. клиники, 296—306, 600, 612—615.
Вушъ, садовн., 31.
Вуяльскій, Илья Вас., заслужен. проф. Спб. медико-хир. акад., р. 1789 † 1866 г., біографическій очеркъ, 289—310; 599—616; 124, 125; 617.
Быковскій, посланецъ малорусск. прав. 1722 г., 506.
Бычковъ, А. Ѳ. акад. Сообщ.: «Мих. Мих. Сперанскій въ 1826—1828 гг., его объяснительныя зап. и замѣтки, 430—441; 586—598.
Вѣгичевъ, В. П., писатель, 224.
Вѣгичевъ, Степ. Никит., 224.
Вѣгичевъ, Дм. Никит., сенаторъ, 223, 224.
Вѣлинскій, Вис. Григ., р. 1810 † 1848 г., Новыя данныя для его біографіи 1810—1840 гг., 46—87; 324—347; 677—678.
Вѣлинскій, Конст. Григ., † 1862 г., 48; 326, 327, 336—346.
Вѣлинскій, Никан. Григ., 48, 326, 332, 336, 342—346.
Вѣлинская, Александра Григ., 48, 336, 346, 347.
Вѣлобородовъ, сподвижникъ Пугачева, 1774 г., 196, 198.
Вѣлосельскіе, князья, 631.
Вѣлинъ, секундъ-маіоръ 1787 г., 32.
Вюлеръ, 1788 г., 696.
Вюлеръ, баронъ Ѳ. А. Сообщ.: «Замѣтка о Лермонтовѣ», 220—221.
Вюффонъ, 869.

В.

Вадковской, 1787 г., 688.
Валтеръ, библіотек. 1867 г., 873.
Валуевъ, Птр. Степ., 1787 г., 22, 26; 241, 246, 265; 481, 488; 636; 689, 695, 710, 712.
Варнекъ, А. Г., совѣти. академіи худож., 1817 г., 119, 127; 317—319.
Васильевъ, помощ. инспектора, 314.
Васильевъ, офиц. 1828 г., 370.
Веберъ, докторъ 1779 г., 766.
Веберъ, К. М., композиторъ, 351—356; 864.
Вейдемейеръ, 1787 г., 486.
Вейкартъ, 27.
Вейнаринъ, генер. 1772 г., 194.
Вейнахтъ, купецъ, 26.
Великопольскій, 256.
Вели-ханъ, 778.
Величкинъ, Мих., актеръ, 96.
Вельгинскій, Д. М., професс., 295, 296.
Вельяминовъ, бригад., презид. малороск. коллегіи 1722 г., 505—515.
Вельяминовъ, Птр. Лук., 1787 г., 490, 492.
Вельяминовъ, сподвиж. Ермолова 226, 228.
Верстовскій, 867.
Верховскій, 226.
Викулинъ, предвод. дворянства, 223.
Вилліе, Як. Вас., лейбъ-медикъ, 295, 303, 307.
Вильгельмъ, эрцъ-герцогъ, 671.
Винбергъ, Ѳ. Ѳ., начальникъ экспед. заготв. госуд. бумагъ, 469.
Винбланъ, Августъ, 1769 г., 526, 535—540; 759, 761.
Виртембергская герцогиня, Фредерика-Доротея-Софія, 1796 г., 582.
Виртембергскій герцогъ, Евгеній, 455.
Висковатовъ, К. А. Сообщ. «Разсказъ объ Александрѣ Вас. Суворовѣ», 1799 г., 213—216.
Висковатовъ, переводъ «Гамлета», 101.
Витбергъ, Алед. Лаврент., акад., 826.
Витовтова, генеральша, † 184..., 604.
Вишняковъ, лекарь, 292.
Віельгорскій, гр. Мих. Юрьев., 102, 142.
Воейковъ, Алексѣй, воспитан. Царскосел. лицея, 308, 310; 599.
Войновичъ, гр. 1787 г., 485, 486.
Волжинскій, полковн. 1828 г., 771.
Волковъ, Ив., секретарь консисторіи 1763 г.. 747—749.
Волковъ, 1787 г., 688, 694.
Волконскій, кн. Птр. Мих., министръ двора, † 1852 г., 632, 633.
Волоцкой, Іосифъ, 726.
Волынскій, Артемій Петр., 211.

Ворейко, Вонифатій, уніатъ, 455.
Воробьевъ, М. Н., профес. акад. худож. 1829 г., 618, 619.
Воронцовъ, гр. Семенъ Роман., посолъ при лондонскомъ дворѣ, р. 1744 † 1832 г., 483, 488.
Воронцовъ, гр. Алсд. Роман., госуд. канцлеръ, р. 1741 † 1805 г., 16; 241—265; 483—497; 690, 691, 700, 712.
Воропановъ, генер. 1828 г., 367.
Врангель, поруч., 464.
Вревская, баронес., Евпраксія Никол., рожд. Вульфъ, 467.
Вревскій, бар. Б. А. Сообщ. замѣтку: «Смерть барона Павла Вревскаго» 1855 г., 221—222.
Вревскій, бар. Пав. Асд., генер.-адъют., † 1855 г., 221, 222.
Вреде, бар., 226.
Высоцкій, медиц. адъюнктъ, 296.
Высоцкій, 1787 г., 254, 260.
Вьетанъ, скрипачъ, 135.
Вяземскій, кн. Алсд. Алсв., генер.-прокуроръ, р. 1727 † 1793 г., 11, 21, 29; 238, 256—258; 476, 481, 484, 493; 696—720; 762—764.
Вяземскія, княжны, 495, 692.

Г.

Гавріилъ, преосв. 1787 г., 265; 489, 697; 756.
Гавріилъ, іеромонахъ 1763 г., 756.
Гагаринъ, кн. директ. петерб. театровъ 1827 г., 103.
Гагаринъ, кн. 1837 г., вице-президъ. акад. худож., 653.
Гагаринъ, кн. 1787 г., 492.
Гагринъ, 1774 г., 197, 198.
Гаевскій, С. Ф., адъюнктъ медицины, 295.
Гамза-мирза, персид. принцъ 1838 г., 794, 795, 797, 798.
Гантихъ, Карлъ Егор., генер.-поруч. 1787 г., 495; 704.
Гарновскій, Михаилъ, арт. полк. Записки его, 1783—1788 гг., 11—38; 237—265; 471—499; 687—718. Упом. 218.
Гартонгъ, генер. 1828 г., 360—374.
Гейзеръ, 35.
Гейнъ, проф. 847, 851.
Гейротъ, Ф. Ф., профес., 295—303.
Гельфрейхъ, 36.
Гендрикова, графиня, 604.
Генвельтъ, композиторъ, 1841 г., 142.
Геннади, Г. Н. Сообщ. «Замѣтку о портретѣ Лжедимитрія I», 871, 873—874.
Генъ, оф. егер. пол. 1828 г., 373.
Генъ 2-й, полков. казнач. 1828 г., 373, 374.
Георгій Черный, предвод. сербовъ 1807 г., 206.
Георгій XII, послѣдній царь Грузіи, 802.
Германъ, 24, 25.
Герардъ, батал. адъют. 1828 г., 373, 375.
Герберштейнъ, Сигизмундъ, императ. посолъ, авторъ сочиненія о Россіи, 1, 2.
Герценъ, Алексид. Ив., писатель, 1812 г., † 1870 г., 805—852.
Герценъ, Ег. Ив., 806, 807, 812.
Гете, писатель, 139, 349, 350; 811—813; 854; 863, 868.
Гибсъ, А., операторъ, 300, 301.
Гильдебрандтъ, Ф., проф., 296, 847.
Гинина, Мих. Ив., композиторъ, 130; 625; 865—876.
Гиоба, Иванъ, войск. писарь 1763 г., 218.
Гицбовъ, подполковн. 1787 г., 246—265; 488; 694—700; 712.
Гицбовъ, Степ. Богд., маіоръ, † 1718 г., любовн. инокини Елены, 442, 443.
Гицдичъ, Никл. Ив., писат., р. 1789 † 1833 г., 101; 316; 620, 623—624.
Гоголь, Никл. Вас., писат., р. 1809 † 1852 г. Письма его къ П. П. Косяровскому, 1827—1828 гг., 40—45.
Голенищевъ-Кутузовъ-Смоленскій, кн. Мих. Иллар. р. 1745 † 1813, 876.
Голикдо, испанецъ, 123.
Голицынъ, кн. Дм. 1725 г., 876.
Голицынъ, кн. Дм. Влад., 639.
Голицынъ, кн. 1832 г., 84.
Голицынъ, кн. Никл. Серг., ген.-лейтен., военный писат., 235.
Голицынъ, кн. Алсд. Никл., министръ народн. просв. р. 1773 † 1844 г., 315.
Голицынъ, кн., † 1833 г., 604.
Голицынъ, кн. Серг. Мих., 450.
Головачевскій, Кириллъ Ив., инспекторъ акад. худ. 1815 г., 112—116.

Головинъ, генер.-адъют., 364—375, 781—793.
Головинъ, гр. Гавр. Ив. канцл. р. 1660 † 1734 г., 876.
Голохвастовъ, 1787 г., 29.
Голохвастовъ, 1832 г., 84.
Голохвастовъ, Алсд. Ив., 810—852.
Голохвастовъ, Егоръ Ив., 806, 812.
Голохвастовъ, Никл. Павл., 809.
Голохвастовъ, Дм. Павл., 839, 840, 850.
Гольдгойеръ, директ. Царскосельс. лицея 1833 г., 309.
Гольмъ, фабрикантъ суконъ, 25.
Гора, капит. 1779 г., 766.
Горнъ, Марія Александр., 82.
Горчаковъ, кн. Мих. Дм. Письма къ нему И. Ѳ. Паскевича, 1853—1855 гг., 163—191; 388—401; 659—674.
Горчаковъ, кн. Алсд. Мих., тн. сов. и посланникъ въ Вѣнѣ, нынѣ госуд. канцлеръ, 667.
фонъ-Гревеницъ, 1796 г., 576, 577.
Грейгъ, начальн. флота 1788 г., 693, 704.
Грекова, Марія Александр. 1787 г., 27, 241, 265, 488.
Грековъ, 1819 г., 226.
Гренквистъ, почтмейстеръ 1802 г., 218.
Гречъ, офиц. 1828 г., 375.
Гржегоржевскій, Исидоръ Алксандров., † 1871 г. Состав. очеркъ дѣйствій генер. Клюки-фонъ-Клугенау на Кавказѣ, 1836—1850 гг., 144—162; 377—387; 645—658.
Грибовскій, 1788 г., 697.
Грибоѣдовъ, Алсд. Серг., † 1829 г., 779.
Григоровичъ, напечаталъ: «Біографическое показаніе Арсенія въ 1739 г.», 724.
Григорьевъ, Петръ Ив., актеръ, 105, 108.
Громовъ, С. А., проф., 295.
Гротъ, Як. Карл., акад. Сообщ.: «Воспоминаніе о гр. М. А. Корфѣ», 422—425.
Груздовъ, Ф. В., учит. математики, 122—123.
Гудовичъ, 1788 г., 692.
Гумбольдтъ, 851.
Гурьевъ, гр. Дм. Алсд., министръ финансовъ, р. 1751 † 1825 г., 603.
Гурьевъ, Семенъ, ссыльный 1762 г., 527, 535, 546.
Гусева, Елена Иван., актриса, 91.
Гуттуевъ, 492.
Гюго, Викторъ, писат., 349; 817; 855.

Д.

Дамаскинъ, еписк. костр. 1762 г., 741, 747.
Даргомыжскій, Алсд. Серг., композиторъ, р. 1813 † 1869 г., 130.
Дашкова, кн. Екат. Ром. 1787 г., 26, 491; 692.
Дашковъ, кн. 1787 г., 25; 489, 490—492; 692.
Двигубскій, ректоръ Москов. универ. 1829 г., 46—87; 324—347.
Декалонгъ, генер.-поруч. 1774 г., 196, 197.
Делифидъ, 488.
Дельвигъ, писат. 876.
Демидова, г-жа, 1787 г., 28.
Демидовъ, 1788 г., 694.
Демидовъ, поруч. Финл. пл. 1828 г., 364.
Дерфельденъ, Вилимъ Христофор., генер. отъ кавал. 1799 г., † 1819 г., 215.
Джебраил-ханъ, полковн., адъют. персид. шаха, 802.
Джунковскій, С., авторъ стихотвор. «Александрово» 1794 г., 555.
Дибичъ, баронъ 1826 г., 231.
Дивовъ, прапор. егер. пл. 1828 г., 370.
Дмитріевъ-Мамоновъ, М. Вас., 1786 г., 18.
Дмитріевъ-Мамоновъ, гр. Алсд. Матв., р. 1758 † 1803 г., ген.-адъют. Екатерины II, 1786—1788 гг., 14—37; 239—265; 471—499; 687—716.
Добрынинъ, Гавр. Ив., 455.
Долговъ, купецъ, 33; 237—242.
Долгорукой, кн. Вас. 1725 г., 876.
Долгорукой, кн. Вас. Вас. 1783 г., 12; 692.
Долгорукой, кн., генер. 1806 г., 205.
Долгорукой, кн. В. В. 1831 г., 644.
Домашневъ, капит. 1824 г., 464.
Донне, граверъ, 469.
Дохтуровъ, юнк. егер. пл. 1828 г., 372.
Драшковскій, курьеръ, 1787 г. 254; 474; 480; 688; 703.
Дубасовъ, И. Сообщ.: «Самоучка-механикъ 1812 г.», 219—220.
Дубянскій, протоіерей, духовн. Екатерины II, 1763 г., 732, 749.

Дуве, маіоръ 1774 г., 200.
Дудинскій, штабсъ-кап. 1838 г., 786.
Дурасовъ, Андр. Зинов., ген. 1829 г., 51, 52.
Дурновъ, Никл., капит.-поруч. 1763 г., 746, 747.
Душникевичъ, 252, 264, 265.
Дюваль, 30.
Дюгамель, полковн., полномочный министръ въ Персіи, 1838 г., 786, 791.
Дюсисъ, 101.
Дядьковскій, проф. 1809 г., 292.

Е.

Егоровъ, А. Е., проф. акад. худож., 115, 119, 127, 319.
Евгорскій, гр. 1854 г., 661.
Екатерина II, императрица, 11—33; 252—264; 471—499; 688—719; 721—737; 742; 754; 762, 876.
Елагинъ, Ив. Перфил., об.-гофмейстеръ, сенаторъ, р. 1725 † 1796 г., 487; 688.
Елагинъ, Левъ, 1788 г., 719.
Елена Павловна, вел. кн., дочь импер. Павла, въ супруж. принц. Мекленбургъ-Шверинская, † 1803 г., 25.
Елисавета Петровна, импер., 722—750.
Елпинскій, лекарь, 299.
Енгалычевъ, кн. Н. Н. Сообщ.: «Новыя данныя для біографіи В. Г. Бѣлинскаго», 46—87; 324—347.
Енквлоповъ, дезертиръ, 773, 802.
Ермолаевъ, археологъ, 119.
Ермоловъ, Алсд. Петр., флигель-адъют. Екатерины II, 13.
Ермоловъ, Алексѣй Петр., ген. отъ артил., р. 1777 † 1861 г., 218; 225—234; 778; 809.
Ефремовъ, Петръ Алексн. По поводу гравюры «Бѣлинскій во гробѣ» 347. Сообщ.: письма фонъ-Визина къ Я. И. Булгакову 1774 и 1778 гг., 461—463; 459, 464.
Ефремовъ, 16, 248—249.

Ж.

де-Жерманьянъ, гр. 1789 г., 548.
Жилинъ, оф. егер. пл. 1828 г., 373.
Жолобовъ, маіоръ 1774 г., 197, 198.
Жуковскій, Вас. Андр. писат. р. 1783 † 1852 г., 620, 876.
Жуковскій, Мих. Степ. тайн. совѣтн. † 1836 г. 210.
Жуковскій, Степанъ Мих., статсъ-секретарь, тн. совѣт., сообщ. подлин. живоп. портретъ И. И. Михельсона, 210.
Жуковъ, Семенъ, протоколистъ 1763 г., 747—749; 755.
Журавка, полковн. Стародубскаго полка. 1723 г., 506.

З.

Заборовскій, 1788 г., 692, 704.
Завадовскій, гр. Петръ Васил., ст. секрет. Екатерины II, р. 1738 † 1812 г., 13—35; 246—265; 474—498; 687; 692, 702. 712, 716.
Загорскій, П. А., проф. анатоміи 1811 г., 291—295; 602.
Загорскій, 1788 г., 695.
Загорскій, В. А., штабъ-лек., 304.
Загоскинъ, офиц. егер. пл. 1828 г., 373, 375.
Загоскинъ, Никл. Никл., инжен. полковн., 807.
Зайцевъ, генер. 1796 г., 577.
Зайцевъ, капралъ, 261.
Залусвой, гр., фл.-адъют. 1828 г., 366—376.
Засѣцкая, г-жа, 219.
Захарьинъ, И. Н. Сообщ. письмо Бѣлинскаго 1840 г., 47, 343, 347.
Зилли-султанъ, 776, 777.
Зиновьевъ, Степ. Степ., полном. мин. въ Испаніи въ 1772 г., 458, 459.
Зиновьева, Екат. Алсд., супруга полном. мин., р. 1748 † 1781 г., 458.
Злыгостевъ, кошістъ, 1771 г., 532. 533, 542.
Знаменскій, проф., по поводу «Чтенія изъ русской церковной исторіи за время царств. Екатерины II», 721, 741.
Зонненбергъ, Карлъ Ив., 821.
Зонтагъ, Генріета, пѣвица 1830 г., 102, 104, 130.
Зоричъ, ген.-маіоръ 1783 г., 12.
Зотовъ, Захаръ Конст., камерд. Екатерины II, 11; 242; 253; 492; 715.
Зубрицкій, полкв. 1764 г., 528—546; 762.
Зюзичъ, проф., 295.

Заблятовъ, Филиппъ, штурманскій ученикъ 1771 г., 535, 537, 540, 544, 760.

И.

Ибрагимъ-ханъ, 1838 г., 794, 800.
Иванисовъ, 50.
Ивановъ, А. И., профес. акад. худож. 1817 г., 119.
Ивановъ, прапорщ. 1824 г., 464.
Иванъ, протопопъ 1721 г., 442.
Ивашкинъ, прапорщ. 1742 г., † 1806 г., 527, 547; 767, 769.
Ивеличъ, гр. 1837 г., 383.
Игельстромъ, 1854 г., 661.
Игнатій, архидіаконъ, 1763 г., 749.
Игнатьевъ, подпор. егер. пл. 1828 г., 373, 375.
Игнатьевъ, капит. егер. пл. 1828 г., 372.
Извѣковъ, капит.-лейтен. 1763 г., 527, 529.
Измайловъ, Герасимъ, штурм. ученикъ 1771 г., 535—546; 758.
Ираклій II, 802.
Ирманнъ, генер., генер.-губернат. Сибири 1786 г., 549.
Исаевъ, капралъ 1787 г., 261.

І.

Іевлевъ, гвар. офиц. 1787 г., 489, 490, 491.
Іорданъ, Ѳед. Ив., ак. граверъ, 125, 321.
Іосифъ II, имп. австрійскій, 27.

К.

Кавелинъ, Конст. Дм., проф., 682.
Кавосъ, капельмейстеръ, 102.
Казариновъ, отст. маіоръ, 482.
Казариновъ, Петръ, куп. 1771 г., 533—537, 543, 544.
Каллиграфъ, Владиміръ, архимандритъ 1763 г., 725, 733, 735.
Калнишевскій, Петръ, Запорожской кошевой атаманъ 1787 г., 217, 218.
Кало, Карлъ Ив., 821.
Калундаевъ, Селиванъ, казакъ, 27.
Каменогорскій, актеръ, 101.
Каменскій, гр. Мих. Ѳед., 29.
фонъ-Кампенгаузенъ, бар. Б. Б., † 1824 г., 301; 603; 614.
Капаскини, пѣвецъ 1787 г., 246.
Карамзинъ, Никл. Мих., исторіографъ, р. 1766 † 1826 г., 680; 722.
Каратыгинъ, Петръ Андр., актеръ и писатель. Сообщ. «Воспоминанія о театрѣ», 88—108; 57.
Кардовской, секретарь 1763 г., 749.
Карніолинъ-Пинскій, Мих. Матв., об.-прокуроръ, потомъ сенат., 862.
Карпова, рожденная Рудакова, 807.
Карташевскій, Григ. Ив., д. ст. сов. 325—327.
Кахраманъ-мирза, правитель Адербейджана, 1838 г., 781—785.
Каченовскій, Мих. Троф., проф. Москов. универс., р. 1775 † 1842 г., 681, 684.
Кейль, поруч., 24.
Кельханъ, 26.
Кельхенъ, офиц. 1796 г., 578, 579, 580.
Кеникъ, художн., 1786 г., 22, 257.
Киліанъ, Лука, аугсбургскій художн. р. 1579 † 1637 г. Гравюра его «Лжедимитрій I», 3, 8. Замѣтка о немъ, 871—874.
Киліанъ, Бартоломей, золотыхъ дѣлъ мастеръ и рѣзчикъ, † 1588 г., 871.
Киліанъ, Вольфгангъ, граверъ, р. 1581 † 1662 г., 871—873.
Киліанъ, Филиппъ, грав., р. 1628 † 1693 г., 873.
Киліанъ, Бартоломей, граверъ, р. 1630 † 1696, 873.
Киліанъ, Вольфгангъ-Филиппъ, граверъ, р. 1654 † 1732 г., 873.
Киліанъ, Іеремія, грав. р. 1656 † 1730 г., 873.
Кингстонъ, герцогиня Елисавета, р. 1720 † 1788 г., 30; 575; 583.
Кингъ, лейтен. 1779 г., 766.
Кинцъ, авт. либретто «Фрейшюцъ», 351.
Кириловъ, 120, 121.
Киселевъ, генер.-адъют., 235.
Кишкинъ, Евгеній Петр. 1788 г., 692.
Клеркъ, начальн. морской экспедиціи, 1779 г., † 1779 г., 766.
Климовскій, оперный пѣвецъ, 90.
Кличка, иркутс. губерн. 1779 г., 767.
Клодтъ, бар. П. А., 629.
Клюкн-фонъ-Клугенау, Ф. К., ген.-лейт., р. 1791 † 1850 г. Дѣйствія его на Кав-

казѣ 1836—1838 г., 144—162; 377—387; 645—658.
Кнорринъ, подполк., 28.
Ковалинскій, 492.
Кодинецъ, генеральный консулъ въ Персіи, 1838 г., 782, 784.
Козловъ-Угренинъ, полковн., комендантъ г. Охотска 1783 г., 768, 769.
Козловъ, об.-кригскоммисаръ, 32.
Коздавлевъ, Осипъ Петр., министръ внутр. дѣлъ, † 1819 г., 602.
Коношинъ, полковн., 1723 г.; 506.
Колокольцовъ, 29; 254—255.
Комбурлей, 254.
Коновницынъ, губернаторъ 1788 г., 713.
Константиновъ, П, граверъ акад., 469.
Константинъ Павловичъ, вел. кн., 25; 343.
Коростелевъ, Дементій, солдатъ 1771 г., 540.
Корсаковъ, Нкл. Ив., 29; 492.
Корсаковъ, 1854 г., 663.
Корфъ, гр. Модестъ Андр., членъ госуд. совѣта, р. 1800 † 1876 г. Очеркъ его жизни и воспоминанія о немъ, 402—421.
Косаговъ, Анд. Ив., кап., 456.
Костомаровъ, Никл. Ив. Сообщ. статью «По поводу современнаго портрета Лжедимитрія Перваго, 1606 г.», 1—8; Историч. очеркъ: «Павелъ Полуботокъ», 500—525.
Костроминъ, Федоръ, куп. 1771 г., 540.
Косяровскій, Никл. Петр. Сообщ. Неизданныя письма Никл. Вас. Гоголя, 1827—1828 гг., 39—45.
Коцебу, Августъ, писатель 1798 г., 584.
Коцебу, генер. 1854 г., 660.
Кочубей, 1787 г., 482, 690.
Кочубей, гр., † 1823 г., 602.
Кошелевъ, Р. А., 273, 280, 286, 287.
Краббе, генер.-маіоръ 1834 г., 776.
Красовскій, генер. 1827 г., 772.
Кречетниковъ, Мих. Никит., 1787 г., 479.
Криновскій, Гедеонъ, епископъ псковской 1763 г., 738, 756.
Кроминъ, офиц. егер. пл. 1828 г., 367—372.
Крузе, капит., 365, 369.
Крыловъ, Ив. Анд., баснописецъ, р. 1768 † 1844, 316; 620—624; 817.
Кудашевъ, кн. штабсъ-капит. 1828 г., 771, 775.
Кузнецовъ, крестьянинъ 1771 г., 761.
Кувольникъ, Несторъ Васил., писатель, 629, 631, 632; 854.
Кукъ, мореплаватель, † 1779 г., 766.
Куницынъ, унт.-оф., 480.
Куперъ, А., 306.
Кургановъ, генер.-лейт. 1788 г., 700.
Курута, владимірс. губернат. 1830 г., 638.
Кустосъ, Доминикъ, грав., 871, 872.
Кучинскій, корн., 464, 466.
Кучинъ, Петръ Ив., кашинскій помѣщикъ, 805, 806.
Кучинъ, Алсд. Ив., 809.
Кушелевъ, 1787 г., 261.
Кюхельбекеръ, писатель, 876.

Л.

Лабзинъ, А. Ѳ., вице-президентъ акад. худож., 1818 г., 118, 119.
Лагарпъ (Frédéric-César-Laharpe), полковникъ, р. 1754 † 1838 г., 549, 550—552, 569.
Ладыженскій, 1788 г., 702.
Лажечниковъ, И. И., писатель, 51, 52, 65.
Лазаревскій, А. М. Сообщ. два письма гр. П. А. Румянцева, 1771—1772 гг., 212—213.
Ламсдорфъ, Матв. Ив., 576.
Лаперузъ, мореплаватель 1773 г., 769.
Ласенедъ, 869.
Лебядниковъ, прапорщ. егерск. полка 1828 г., 373.
Левашовъ, гр., флигель-адъют. 1854 г., 660.
Левшинъ, Алексѣй Иракліев., членъ госуд. совѣта. Сообщ. «Записки Михаила Гарновскаго» 1783—1788 гг., 11—38; 237—265; 471—499; 687—718.
Лейтонъ, морской генер. штабъ-докторъ, 1820 г., 300, 301.
Ленсдорфъ, гр. (Lehndorff), 1796 г., 581, 583.
Леоновъ, 27.
Леонтьева, Екат. Александр., рожд. гр. Румянцева, 1787 г., 482, 483.
Леонтьевъ, 1788 г., 692, 699.
Лермонтовъ, Мих. Юрьев., поэтъ, р. 1814 † 1841 г., 220, 221, 866.

Лермонтовъ, Алсд., офиц. 1828 г., 374.
Лессепсъ, консулъ 1773 г., 769.
Летуновъ, живописецъ, 822.
Либерихъ, 27.
Линдеръ, Алсд. Никл., намѣстн. Царства Польскаго, 666.
де-Линь, принцъ Карлъ-Іоаннъ, р. 1735 † 1814 г., 478.
Листъ, композиторъ, 857—859, 869, 770.
Лобановъ, кн. 1854 г., 661, 663, 667, 672.
Лобановъ-Ростовскій, кн. Алексѣй Борисовичъ. Сообщ. письмо Артемія Волынскаго къ кн. Кантеміру 1738 г., 211; письма Фонъ-Визина 1772 и 1773 гг. къ С. С. Зиновьеву, 458—461.
Ловецкій, лекарь, 292.
Ловецкій, А. Л., профес., 851.
Ловичъ, княгиня, вторая супруга вел. кн. Константина Павловича, † 1831 г., 603.
Логиновъ, 245, 257; 488, 495, 496; 688.
Лодеръ, профес., 847.
Ложковъ, свящ. 1771 г., 535.
Ломанъ, капралъ, 261.
Ломбардъ, начальникъ судна, 1787 г., 264.
Лонгиновъ, Мих. Никл., 10.
Лопатинскій, Ѳеофилактъ, архимандр. Спасскаго монастыря 1718 г., 442; архіепископъ, членъ Синода, 1741 г., 724.
Лопухинъ, Иванъ, 1742 г., 527.
Лошкаревъ, 1788 г., 711.
Лукинъ, откупщикъ, 27.
Луфтъ, 139.
Львовъ, Никл. Алексд., 21, 245.
Львовъ, Серг. Лаврент., 481.

М.

Мавринъ, 1787 г., 265.
Магомедъ-ханъ, казикумыкскій кадій, 1837 г., 646, 647,
Мазаровичъ, повѣренный въ дѣлахъ въ Персіи, 228; 233.
Майковъ, Алк. директ. Петербургскихъ театр. 1825 г., 88.
Майновъ, офиц. 1828 г., 375.
Макинцевъ, Самсонъ Яков., вахмистръ Нижегород. драгун. полка 1802 г., дезертиръ, ген.-лейтен. персидск. службы, 770—804.
Максимовичъ, профес., 847.
Макушины, братья, 315.
Макъ-Нилъ, англійскій повѣрен. 1832 г., 776.
Малиновскій, 1787 г., 260.
Мамедъ-Али-Мирза, 227.
Мамедъ-Али-ханъ, 794—796.
Мамедъ-мирза, правитель Адербейджана 1834 г., 776—778.
Мамедъ-ханъ, 773, 774, 782—785.
Мамедъ-шахъ, 1837 г., 777—802.
Манъ, Георгъ. Сообщ.: «Французы въ Россіи въ 1812 г.», 218, 219.
Марія Георгіевна, супруга грузинскаго царя Георгія XII, 225.
Марія Ѳеодоровна, императрица, 688, 689, 693, 697, 716.
Марневичъ, М.. 224.
Марнелъ, іеромонахъ 1718 г., 442.
Марковъ, гр., † 1827 г., 603.
Мартосъ, Ив. Петр., ректоръ скульптуры акад. худож. 1817 г., 118, 119.
Мартыновъ, актеръ, 95.
Массена, маршалъ, р. 1758 † 1817 г., 216.
Массонъ-де-Шанвиллье (de Chanvilliers)—старшій, Ив. Яковл., инспект. класс. кадетск. корпуса. Высылка его изъ Россіи 1796 г., 548—585.
Массонъ-де-Вламонъ (de Blamont) младшій, маіоръ, секретр. вел. кн. Александра Павловича, р. 1762 † 1807 г. Высылка изъ Россіи 1796 г., 548—585; 676.
Массонъ, Габріэль, гувернантка, 578.
Массонъ, Марья Ив., 575, 582, 583.
Матакевичъ, докт., 295.
Маціевичъ, Арсеній, митрополитъ Ростовскій. Біографія его, 721—756.
Межовъ, В. И., библіофилъ и библіографъ, 224.
Мейдеръ, Магнусъ, лекарь 1765 г., 527, 529, 540; 761.
Мейендорфъ, 1807 г., 207.
Мейендорфъ, баронъ, 1853 г., 179; 397; 401; 660.
Мейерберъ, композиторъ, 131—133, 853—856; 864.

Мейеръ, арт. офиц. 1783 г., 11.
Мейеръ, историчес. живопис., 624.
Мейнерсъ, 1783 г., адъютантъ, 12.
Мейносъ, 1788 г., 713.
Мелесъ, Анатолій, настоятель Глуховскаго монаст., 455.
Мелиссино, Пт. Ив., генер. отъ артил., директ. кадетс. корпуса, † 1797 г., 548—562.
Меллеръ, Ив. Ив, ген.-аншефъ 1789 г., † 1790 г., 548.
Меллеръ, артил. полковн. 1787 г., 29; 263, 264.
Мельниковъ, А. И., ректоръ архитектуры 1827 г., 319.
фонъ-Менгденъ, 1858 г., 224.
Менкобъ, 1787 г., 256.
Меншиковъ, кн. Александръ 1725 г., 876.
Меншиковъ, кн. Алсд. Серг., адмиралъ, 229, 664—672.
Мессингъ, 1787 г., 27.
Мещерская, княжна, Анна Борисовна, 808, 809.
Мещерскій, кн. Пт. Серг., 1817 г., 281, 283, 285.
Миклашевскій, 1787 г., 20, 21, 23.
Милорадовичъ ... 1787 г., 20—23.
Милорадовичъ, гр. Мих. Андр., с.-петербургскій военный ген.-губернаторъ, † 1825 г., 320, 321, 603, 609.
Милютинъ, Дмит. Алексв., авторъ сочин. о войнѣ Суворова въ Италіи, 235.
Минихъ, гр., д. тайн. совѣтн., сынъ ген.-фельдмарш., † 1788 г., 700.
Миранда, гр., 1787 г., 243.
Мирза-Абдулъ-Вехабе, 227.
Мирза-Абдулъ-Касимъ, каймакамъ 1834 г., 777.
Мирза-Безюрга, 1834 г., 777.
Мирлифишъ, гр., см. **Піаченца**.
Мисаилъ, архиманд. новоспасскій 1763 г., 756.
Миславскій, Самуилъ, синодальн. членъ 1776 г., 458.
Михайловъ, надв. сов., 1787 г., 22.
Михайловъ, Григ. Карпов., художникъ, 630—633.
Михельсонъ, Ив. Ив., генер., р. 1740 †1807 г., его біограф., 192—209: 495; 709.
Мнишекъ, Марина, по поводу ея портрета, 872, 873.
Мокринскій, прапор. 1828 г., 372.
Моллеръ, командиръ л.-гв. егерс. полка, 612.
Монферанъ, художн. 1831 г., 643.
Морбахъ, профес. физики, 455.
Морковъ, ген. 1787 г, 252; 488; 688.
Морозовъ, лекарь, 299.
Морошкинъ, профес. Моск. унив., 828.
Моцартъ, композит., 855, 856, 863, 864.
Мочаловъ, москов. трагикъ 1829 г., 57.
Мугибъ-Али-ханъ, персидскій посолъ при Оттоманской Портѣ, 227.
де-Мужо̀, французъ 1796 г., 560.
Муловскій, кругосвѣтная экспедиція его въ 1787 г., 769.
Мунго Понтонъ, граверъ 1844 г., 469.
Муравьевъ, Н. Н., генер. штаба капитанъ, отправленіе его въ Хиву, 233.
Мусинъ-Пушкинъ, гр. Ив. Алексв., сенаторъ, † 1729 г., 110; 876.
Му̀синъ-Пушкинъ, гр. Валентинъ Платоновичъ, фельдмарш., 12—29; 247—263: 484—498; 688—719.
Мусинъ-Пушкинъ, гр., † 1836 г., 604.
Мустафа, ханъ ширванскій, 226.
Мустафа-Кули-ханъ, 778.
Мухановъ, П. А., 421.
Мухинъ, Е. О., профес., 292.
Мхро, несторіанецъ, 796.
Мюратъ, Іоахимъ, неаполитан. король, 19.

Н.

Надеждинъ, профес., издат. журн.: «Телескопъ» 1832 г., 325—328.
Надиръ-шахъ, 798.
Назаръ-Али-ханъ, 228.
Нарцискинъ, 1788 г., 715.
Нарышкина, Анна Никитична, 22; 482.
Нарышкина, Елена Алексдр., супруга кн. Аркадія Алексдр. Суворова, р. 1785 † 1855 г., 454.
Нарышкинъ, Алсд. Алсд. 1787 г., 22, 30.
Насакинъ, капит. 1828 г., 366.
Насакинъ, штб.-капит. 1828 г., 369.

Насръ-Эддинъ-мирза, наслѣдн. принцъ персид., нынѣ шахъ, 780, 797.
Нассау-Зигенъ, (Карлъ-Генрихъ-Николай-Оттонъ), принцъ, адмир. русскаго флота 1788 г., р. 1745 † 1805 г., 480, 569.
Нахимовъ, Пав. Степ., адмир., † 1855 г., 179, 222.
Ней, маршалъ французъ., 1812 г., 219, 373.
Нелюбинъ, А. П., 294.
Неофитъ, іеромонахъ, 725.
Нессельроде, гр., 227, 231, 233, 671.
Нестеровъ, поруч. 1828 г., 370.
Никитинъ, ученикъ академіи худож., 1822 г., 317.
Никитинъ, гр. 1854 г., 396.
Николаи, бар., Анд. Львовичъ, тн. сов., р. 1737 † 1820 г., 568, 583.
Николай I, импер., 228; 310; 409, 431; 600, 628—674; 780—791; 848.
Николева, дѣвица, 495.
Никъ, 812—849.
Нилова, капит. 1764 г., † 1771 г., 528—543.
Ниловъ, Пт. Андр., тамбовс. губернат. 1812 г., 219.
Ніепсъ-де-От.-Виктуръ, грав. 1862 г., 469.
Новиковъ, Никол. Ив., писатель 292.
Новицкій, капит. 1783 г., 11.
Новосильцевъ, флиг.-адъют., † 1825 г., 603.
Нодбекъ, ученикъ акад. худ. 1822 г., 317.
Нуцалъ-ханъ, правитель Аваріи, 150, 152.
Нѣмцовъ, иркутс. губернат. 1772 г., 762, 765, 766.

О.

Оболенскій, кн. Мих. Андр., начальн. Москов. архива, 3.
Оболенскій, кн. штб.-ротм. 1824 г., 464, 466.
Оболенскій, кн., попеч. Московс. универс., 852.
Обольяниновъ, Пт. Хрисанфов., 808.
Одоевскій, кн. Владм. Ѳедор., писат., 876.
Оле-Вуль, скрипачъ 1841 г., 135—137.
Оленина, Варв. Алексв., 620, 621.
Оленина, Елис. Марковна, 620—625.
Олениинъ, Алексѣй Никол., презид. акад. худож., † 1842 г., 113—128; 311—323; 617—644.
Олсуфьевъ, Адамъ Васил. 1787 г., 692; 730, 731.
Оппермант, гр. 1854 г., 661.
Ореусъ, И. И. Сообщ.: біографическій очеркъ «Ив. Ив. Михельсонъ, побѣдитель Пугачева, 1740—1807», 192—209.
Орловъ, кн. Григ. Григ. 1772 г., 459.
Орловъ-Чесменскій, гр. Алексѣй Григ., 1787 г., 476, 486, 487, 494, 498; 693, 698.
Орловъ, гр. Ѳед. Гр., 1787 г., 241, 693.
Орловъ, гр. В. Г., 116, 117.
Орловъ, гр., генер.-адъют. 1854 г., 388.
Остерманъ, гр., вице-канцл., 1787 г., 483, 488.
Остолоповъ, об.-секрет. св. синода 1763 г., 730, 756.
Осунскій, секретарь 1788 г., 702.
Оукленд, лордъ, 786.

П.

Павелъ I, импер., 264, 267; 551—582; 688—716.
Павловъ, Мих. Григ., проф., 846—852.
фонъ-деръ-Паленъ, гр. Пт. Алексѣев., р. 1745 † 1826 г., 574—579.
Панинъ, гр. Никита Ив., 1773 г., 458.
Панинъ, гр. Вик. Нкт., 1832 г., 84.
Пановъ, Вас., поруч. гвар. 1770 г., 528—540; 758.
Паранчинъ, 758.
Парфеньевъ, кол. асс. 1788 г., 689.
Пасквичъ, кн. Варшавскій, И. Ѳ. † 1856 г.; письма его къ М. Д. Горчакову. 1853—1855 гг., 166—191; 229; 388—401; 659—674; 771—779.
Пассекъ, Татьяна Петровна ея «Воспоминанія 1810—1842 гг.», 805—852.
Пассекъ, Вадимъ, 843, 844.
Паста, пѣвица 1841 г., 137, 138.
Пеликанъ, В. В., 296, 298.
Перевалова, Мих., капралъ 1771 г., 540.
Перевощиковъ, Дм. Матв., инспект. Москов. универс. 1830 г., 59, 62; 846.
Перовъ, капит. 1771 г., 533, 544.
Перри, Джонъ, англ. инженеръ 1715 г., 504.
Петровъ, В. В., учит. физики, 294.

Петровъ, Я. В., учит. ботаники, 295.
Петровъ, Дмитрій, крестьянинъ-механикъ; передвиженіе церкви въ Мордовскѣ 1812 г., 219, 220.
Петровъ, П. Ник. Сообщ.: замѣтку о Киліанѣ, граверѣ портрета Лжедимитрія I, 871—873.
Петръ I, импер., 730, 750, 751; 876.
Петръ III, импер., 788, 739.
Пеутлингъ, поруч., 464.
Пещуровъ, псковск. губернат. 1836 г., 626.
Пироговъ, Н. И., проф. медиц. хирургъ, 609.
Піаченца, гр., итальянецъ 1796 г., преподават. въ кадетск. корпусѣ, 561, 562.
Платонъ, въ послѣдствіи Москов. митрополитъ, законоучит. вел. кн. Павла Петровича, 267.
Пленеснеръ, полковн. 1761 г., 527—546; 762.
Плещеевъ, Серг. Ив., полковн. 1788 г., 707.
Погодинъ, Мих. Петр., акад., р. 1800 1875 г., 681; 721.
Погорѣцкій, проф., 303.
Пожалостинъ, Ив. П., акад. гравер. «портр. генер. Ив. Ив. Михельсона», 210; снимокъ съ гравюры Киліана «Лжедмитрій I», 8; 874.
Покасовскій, студентъ, 299.
Полевой, Нкл. Алексв., писатель, р. 1796 † 1846 г., 99, 681, 684.
Полетика, Григ., синодальный переводчикъ, 739, 740.
Поливановъ, саратов. губернат. 1788 г., 691, 704.
Поливарновъ, полковн. 1788 г., 707—709.
Полторацкій, Дм. Марк., агрономъ, 219.
Полуботокъ, Пав. Леонт., времен. малорос. наказн. атаманъ, † 1724 г., 500—525.
Польманъ, егермейстеръ 1786 г., 19.
Поповъ, Вас. Степ., правитель канцел. кн. Потемкина-Таврическаго. Письма къ нему Мих. Гарновскаго, 1786—1788 гг., 11—38; 237—265; 471—499; 687—718.
Поповъ, В. М. 1821 г., 281—286.
Поповъ, Мих. Максим., учит. Пензен. гимн., потомъ тайн. сов., чиновн. III-го отд., † 1868 г., 50.
Поповъ, Ив., крестьян. 1771 г., 541, 546; 758.
Порѣзовъ, Матв. 1732 г., 450.
Посельскій, куп. 1779 г., 765.
Потаповъ, Алсд. Львов., 1854 г., 661.
Потемкина, Татьяна Васил., 489.
Потемкинъ-Таврическій, кн. Григорій Алсд., 471—499; 687, 692, 693, 720; 876.
Потемкинъ, гр. Пав. Серг., 202—203; 479, 498, 689.
Потемкинъ, Мих. Серг., генер.-поруч., 689, 690, 691.
Потиндэверъ, англичанинъ, 786.
Предтеченскій, Е. М., учит. русск. языка, 120.
Претчъ, грав. 1862 г., 469.
Прозоровскій, кн. Иванъ, 451
Прозоровская, кн. Марія, 451.
Прокоповичъ, Феофанъ, 725, 733.
Прокофьевъ, И. П., проф., 318.
Протасовъ, ротмистръ, 1854 г., 659, 661.
Прюмъ, 1841 г., 135.
Пугачевъ, самозв., 195—202, 875.
Пузинъ, 1787 г., 253, 265; 481.
Пулло, полковн., начальн. чеченцевъ 1836 г., 147, 149; 656—658.
Пустошкинъ, сѣвскій воевода, 455, 456.
Пущенъ-Григоровичъ, Веніаминъ, епископъ с.-петерб., 738.
Пушкинъ, Алсд. Серг., поэтъ, † 1837 г., 406, 407; 464—467; 620, 625, 633; 722; 866.
Пущинъ, 497.

Р.

Раденъ, бар., 626.
Разинъ, Степанъ, атаманъ, 874, 875.
Разумовскій, гр. Андр. Кирил. 1817 г., 117.
Разумовскій, гр. Левъ Кирилл., 692.
Разумовскій, гр. Кирилла Григор. 1788 г., 706.
Рамазановъ, актеръ, 315, 316.
Рамазановъ, Нкл. Алсд. художн., 629, 630.
Рамбурхъ, 1787 г., 492.
Растопчинъ, гр. Ѳед. Вас., 1812 г., 218.
Рахмановъ, 1787 г., 260.
Рахмановъ, Нкл. Мих., дежурн. генер., 1789 г., 548.
Рачинскій, юнкеръ егер. пл. 1828 г., 372.
Рачинскій, А. В. Сообщ.: «Кириллъ Флоринскій, епископъ Сѣвскій», 454—458. Письма кн. Прозоровскихъ и Суворовыхъ къ вице-канцл. А. М. Голицыну, 450, 451.

Реадъ, генер., † 1855 г., 221.
Ребиндеръ, штабмейст., 1787 г., 242, 243.
Рейнессъ, 1787 г., 26, 36.
Рейнике, Францъ, колл. ассес. 1779 г., 767—769.
Рейсъ, профес., 851.
Репнинъ, кн. Аникита, 1725 г., 876.
Репнинъ, кн. Никл. Вас., фельдм. р. 1734 † 1801 г., 257, 260; 478, 493, 494.
Реутъ, ген.-маіоръ 1836 г., 155—159, 162; 378.
Рехъ, 1787 г., 473.
Ржевскій, полковн., 1787 г., 29.
Рибопьеръ, Ив. Степ. 1786—1788 гг., 18; 242, 243; 480—492; 687—694, 713, 714, 716.
Ридигеръ, генер., 1854 г., 661.
Риза-Кули-ханъ, персидс. историкъ, 775, 794, 800.
Римскій-Корсаковъ, 214.
Ровинскій, Д. А., сенаторъ, его собраніе гравюръ, 469.
Розерсонъ, 1787 г., 27.
Розиковъ, юнкеръ 1824 г., 464.
Розенъ, бар. Григ. Влад., генер.-адъют., р. 1782 † 1841 г., 157; 377—386; 645—658; 776—781.
Розинъ, каптенармусъ 1771 г., 529.
Роланъ, французъ 1796 г., 569.
Роспоповъ, А. Сообщ.: «Встрѣча съ А. С. Пушкинымъ въ Могилевѣ, 1824 г.», 464—467; депеша императ. Александры Ѳедоровны къ кн. Варшавскомъ 1855 г., 674.
Росси, графиня, см. **Зонтагъ**.
Ростовцевъ, Алсд., штаб.-кап. 1828 г., 372.
Ростовцевъ, Вас., капит. 1828 г., 373, 375.
Рубанъ, И. Н., 1787 г., 27; 259, 265; 488.
Рубецъ, посланецъ малоросс. правительства 1722 г., 506.
Румянцевъ, Алсд. Ив., 1723 г., 522—524.
Румянцевъ-Задунайскій, гр. Петръ Алсд., фельдмарш., р. 1725 † 1796 г., 15—23; 212, 213; 250—264; 474—498; 693, 700, 711, 712.
Руссо, писатель, 836.
Рыкалова, москов. актриса 1829 г., 57.
Рылѣевъ, с.-петерб. об.-полицеймейстеръ, 1787 г., 31.
Рылѣевъ, преміеръ-маіоръ 1788 г., 692, 704.
Рѣпинскій, Гр. Козьм., сенаторъ. Сообщ.: «Атаманъ Калнишевскій», 217—218.
Рюль, лейбъ-медикъ, 603.
Рюминъ, Ив., казакъ, 1771 г., 539, 540, 546, 757.
Рябининъ, Д. Д. Статья: «Высылка изъ Россіи братьевъ Массоновъ въ 1796 г.», 548—585; 675.

С.

Сабанинъ, старшій адъют. егер. пол., 1828 г., † 1875 г., 372.
Савенна, проф. медицины, 125.
Савичъ, Семенъ, генер. писарь 1723 г., 507—515.
Сагиновы, Давидъ и Заалъ, дезертиры, 773.
Садлеръ, Эгидій, граверъ, 872.
Садовниковъ, Д. М. Сообщ. народные разсказы объ Иванѣ Грозномъ, Разинѣ и Пугачевѣ, 470, 875.
Садовскій, старшій лекарь лб.-гв. егерскаго полка, 612.
Салаватъ, сподвижникъ Пугачева, 196—198.
Саларъ, персид. мятжн., 798, 799—801.
Салминъ, начальн. Пугачевской артилеріи, 197.
Саломонъ, Христіанъ Христ., профес. медиц., 125, 298; 609—615.
Салтыкова, гр. Наталья Владим., рожд. княж. Долгорукова, статсъ-дама 1796 г., р. 1737 † 1812 г., 567, 568; 675—677.
Салтыковъ, кн. Ник. Ив., воспитатель вел. кн. Александра и Константина Павловичей, потомъ фельдмаршалъ, р. 1736 † 1816 г., 21, 23, 257; 487, 495; 550—583; 676; 696.
Салтыковъ, Дм. Никл., р. 1767 † 1826 г., 550—552; 583.
Салтыковъ, Алсд. Ник., тайн. сов., р. 1775 † 1837 г., 550—563; 583.
Салтыковъ, Серг. Никл., дс. тн. сов. р. 1777 † 1828 г., 550—552; 583.
Салтыковъ, гр. П. И., 247.
Самборовичъ, Евстратій, архимандр. елецкій 1723 г., 519, 520.
Самойловичъ, Михаилъ, гадяцкій полк., 1691 г., 501.

Самойловъ, Матв., солдатъ 1771 г., 537.
Самойловъ, Алсд. Ники. 1787 г., 256—264.
Самойловъ, Вас. Мих., актеръ 1825 г., 94, 316, 320, 322.
Самсон-ханъ, см. **Мамницевъ**.
Саргоръ, офиц. лейбъ-егер. пл., 1828 г., 368, 373, 375.
Сгибневъ, Алксн. Ст. Сообщ. ст.: «Скорняковъ-Писаревъ и гр. Девіеръ въ Сибири, 1727—1743 г., 444—450. «Бунтъ Беньевскаго въ Камчаткѣ въ 1771 г.», 526—547; 757—769.
Сегюръ, гр. 1787 г., 243—247; 480, 494, 712.
Сейфъ-уль-мулькъ-мирза, 1834 г., 776.
Семенова, Екат. Семен., актриса 1826 г., 94, 316.
Сеножскій, прапорщ., 464.
Серафимъ, с.-петерб. митропол. 1825 г., 321, 323.
Сервѐ, композиторъ 1841 г., 130, 135.
Сержпутовскій, генер.-лейт., 1853 г., 165.
Сильвестръ, епископъ, старо-городскій, 1762 г., 737—738, 748, 756.
Симоничъ, гр., полномочный министръ въ Персіи, 1837 г., 781, 786.
Симонъ-бекъ, маіоръ, 1838 г., 794—798.
Синельниковъ, Ив. Максим., 1787 г., 25; 256; 698.
Скавронская, гр. Екат. Васил., 18, 251—260; 689, 703, 713, 714, 716.
Скамони, художн., 468—470.
Сканчи, офиц. егер. пол., 1828 г., 372.
Скворцовъ, учит. миѳологіи, 124.
Скотниковъ, граверъ, 1839 г., 3.
Скульской, офиц. егер. пол., 1828 г., 370.
Скрыплевъ, командиръ баталіона, 1838 г., 792, 793, 802.
Смолановъ, Карлъ Карл., докт., 806.
Смѣловскій, Т. А., 294.
Сновидовъ, сержантъ 1742 г., 527, 547.
Собакины, 1787 г., 28, 703.
Соковьскій, 338.
Солнцевъ, Ѳед. Григ., акад.-худож. Его жизнь и художественно-археологическіе труды, 1801 — 1876 г., 110—128; 311—323; 617—644.
Солнцевъ, 604.
Соловьевъ, С. М., проф., ректоръ Москов. университ., справка его о Лермонтовѣ, 221; сообщ.: «Кириллъ Флоринскій», 675. XXV-тилѣтіе его «Исторіи Россіи 1851—1876 г.», 679—686; 721—736.
Сольцій, 1787 г., 36.
Сомовъ, Василій, студ. Москов. универ. 1831 г., 678.
Сорокинъ, 1783 г., 11.
Сосницкій, Ив. Иван., актеръ, 93; 316, 322.
Софьинъ, штурманъ 1771 г., 529, 537—539, 546.
Сперанскій, гр. Мих. Мих., членъ госуд. совѣта. Объяснительныя записки и замѣтки его 1828 г., 430—441; 586—598; 407, 409—411.
Станевичъ, 1817 г., 282.
Старовъ, 1787 г., 239.
Стасовъ, В. В. Сообщ. письма къ нему А. Н. Сѣрова, 1841—1842 гг., 130—143, 348—363; 853—870. Воспоминанія о гр. М. А. Корфѣ, 402—421.
Степановъ, Ипполитъ, 1771 г., 539, 540; 759, 760.
Степановъ, П. А. Сообщ. изъ его воспоминаній: «Подъ Варною 10 сентб. 1828 г.», 364—376.
Столыпинъ, сенат., † 1825 г., 603.
Стояновскій, Н. И., членъ государ. совѣта. Сообщ. рисун. «Крестьян. Петръ Телушкинъ на шпицѣ Петропавл. собора въ 1830 г.», 642; 618, 634, 640.
Стрекаловъ, Степ. Ѳед., 1787 г., 29; 239, 247, 265.
Строгановъ, бар., посланникъ въ Константинополѣ, 227, 230, 233.
Строевъ, Пав. Мих., академ. археологъ, р. 1796 † 1876 г. Біографическій о немъ очеркъ, 426—429.
Струдза, А. С. Изъ записокъ его: «О судьбѣ православной церкви русской въ царствов. императора Александра I», 266—288.
Суворова, кн. Варвара, рожд. княж. Прозоровская, супруга фельдмарш., 451.
Суворовъ-Рымникскій, кн. Алсд. Васил., р. 1729 † 1800 г., 213—216; 450, 451, 472.

Суворовъ-Рымникскій, князь Аркадій Алексд., р. 1780 † 1811 г., 452, 454.
Суворовъ, поруч. 1828 г., 366.
Судейкинъ, Спиридонъ, канцелярист 1771 г., 540, 546, 757.
Судіенковъ, 21, 23; 241—246, 265, 497, 689, 695, 710, 712.
Суминъ, поруч. егер. пол., 1828 г., 372.
Сулейманъ-мирза, шамхалъ тарковскій, † 1836 г., 378, 379.
Сумароковъ, Панкратій, унт.-офиц. 1787 г., 480.
Султанъ-Ахмедъ-ханъ, 226.
Султанъ-Мурадъ-мирза, 1848 г., 799, 800.
Сутерландъ, банкиръ 1787 г., 24, 28, 481, 693, 700, 701, 705.
Сухаревъ, 1787 г., 29, 702.
Сухотинъ, 1787 г., 497.
Сухтеленъ, Пт. Корнил., гр., инжен.-ген., р. 1751 † 1836 г., 105, 576.
Фонъ-Сухтеленъ, 805.
Сѣверный, гр. см. **Павелъ I.**
Сѣровъ, Алсд. Ники., р. 1820 † 1871 г., письма его къ В. В. Стасову, 1841—1842 гг., 129—143; 348—363; 853—870.
Сѣряковъ, Л. А., акад., гравюры его: «Бѣлинскій во гробѣ», 346; портретъ «Клугенау», 659.
Сѣченовъ, Димитрій, митроп. новгор., 1763 г., 455; 725—738.

Т.

Табаровскихъ семейство, 865.
Талейранъ, 219.
Тальбо, граверъ 1862 г., 469.
Танѣевъ, 1787 г., 251.
де-Тарантъ, герцогъ, † 1814 г., 602.
Тарновскій, 224.
Татищевъ, Вас. Никит., историографъ, р. 1686 † 1750 г., 680.
Татищевъ, 1787 г., 490.
Тверской, учитель франц. яз., 123.
Тегглевъ, помощн. инспектора академіи худож., 1817 г., 114.
Текелій, генер. 1787 г., 688.
Телушкинъ, Петръ, крестьян., кровельщикъ. Работы его на шпицѣ Петропав. собора въ Спб., 1830 г., 640—642.
Теряевъ, А. М., проф. зоологіи и минералогіи, 295.
Тидель, капит. 1787 г., 486, 693.
Тизенгаузенъ, Эрнестъ, поруч. егер. пол., 1828 г., 364, 365, 374.
Тилле, курьеръ, 713.
Тиличѣевъ, офиц. 1828 г., 369.
Тимофей, митропол. москов. 1762 г., 737—740, 756.
Тихонравовъ, К. Н. Сообщ. «Проклятіе Глѣбова 1721 г.», 442—443.
Толль, гр., 174.
Толстой, гр. Петръ Андреев., начальн. Тайной Канцеляріи, 1726 г., 876.
Толстой, Левъ, Прапорщ. преобр. полка 1763 г., 747.
Толстой, М., гр., 721.
Толстой, Ю. В. Сообщ. «Планъ похода въ Индію въ 1800 г.», 216—217; 454.
Трефуретъ, секретарь А. В. Суворова, 1799 г., 214, 215.
Трифоновъ, 1788 г., 701, 702.
Трощинскій, Дм. Прокоф., 1787 г., 21.
Трубецкой, кн. Никита Юрьев., 1723 г., 521.
Туманской, издатель: «Зеркала свѣта, 1786 г.», 17.
Туманскій, дирек. банка 1788 г., 704.
Тургеневъ, Алсд. Ив., писатель, 1817 г., 281, 285.
Тутолминъ, арханг. губернат. 1787 г., 217.
Турчаниновъ, камеръ-лакей 1742 г., 527, 529, 540; 760.

У.

Уваровъ, полквн. 1787 г., 492.
Уваровъ, генер., командиръ гвардейс. корпуса, † 1825 г., 603.
Уваровъ, полквн. егер. пол. 1828 г., 373, 375.
Уваровъ, гр. Серг. Сем., министръ народнаго просвѣщ., 621, 851.
Угрюмовъ, Г. И., профес. акад. худож., 1817 г., 116, 119.
Уденъ, В., профес., 295.
Унгернъ-Штернбергъ, бар. Карлъ Карл., генер. отъ инфант., р. 1730 † 1799 г., 583.

Устюжиновъ, свящ., участникъ заговора Беньевскаго, 1771 г., 534—546; 761, 762.
Утинъ, Никл. Ив., проф. граверъ, 125.

Ф.

Фалькенштейнъ, гр., см. **Іосифъ II**.
Фезе, генер.-маіоръ, 1836—1838 гг., 381—387; 646—658.
Фетхъ-Али-шахъ, † 1834 г., 225, 227, 228; 776, 778.
Филаретъ, Черниговск. преосвящ., 727.
Филаретъ, митропол. москов. 1830 г., 635.
Фитингъ, курьеръ, 30, 239, 240.
Фицгербертъ, 1787 г., 494.
Фишеръ-фонъ-Вальдгеймъ, Г. И., проф., 292, 847, 851.
Флоринскій, Кириллъ, еписк. Сѣвскій, † 1795 г., 454—457; 675; 725, 735.
Фомичъ, 1787 г., 28.
Фонъ-Визинъ, Денисъ Ив., писат., письма его: къ Зиновьеву, 1772, 1773 г., 458—461; къ Я. И. Булгакову, 1774, 1777, 1778 гг., 461—463.
Фонъ-Визины, Павелъ и Петръ, 1773 г., 459, 460.
Францъ, сукон. мастеръ 1787 г., 25.
Францъ-Іосифъ, импер. австр., 671.
Фуксъ, Е. Б., правитель канцел. А. В. Суворова, 214.

Х.

Хаджи-Мирза-Агаси, первый министръ Персіи, 1837 г., 777.
Ханыковъ, Н. В., писат. и ученый, 770, 787.
Харинъ, маіоръ 1774 г., 200, 201.
Хмѣтевскій, капит.-лейтен. 1771 г., 530.
Хованская, кн. Марія Алексѣев., рожд. Яковлева, 808, 809.
Ховровъ-Мирза, принцъ, во главѣ персидскаго посольства въ Спб., 104, 105.
Хомутинъ, 1787 г., 253.
Хорватъ, 1787 г., 481, 694.
Хотинскій, резидентъ 1771 г., 757.
Храповицкій, Алсд. Вас., статсъ-секрет. Екатерины II, 245—262; 480, 695.
Хрущевъ, капит. гвардіи 1763 г., 527, 529, 536, 540; 761.
Хунтъ, Робертъ, грав. 1844 г., 469.
Хусейнъ-ханъ, 1838 г., 790.

Ц.

Цалабанъ, дс. ст. сов., 299.
Цвѣтаевъ, Л. А., профес., ст. сов., 80.
Циціановъ, кн. Пав. Дмитр., 1802—1806 г., 772.
Цыгоровъ, 1787 г., 22.

Ч.

Чарнышъ, Ив., генеральный судья 1723 г., 509—514.
Чекалевскій, П. П., вице-президъ. акад. худож., 1817 г., 117, 118, 312.
Чемезовъ, Евграфъ, граверъ, 468.
Черкасскіе, князья, 1787 г., 481.
Черниковъ, премьеръ-маіоръ, 1788 г., 700.
Черныхъ, сотникъ 1771 г., 534—538.
Чернышевъ, гр., 1761 г., 675.
Чернышевъ, гр., 1787 г., 250.
Чернышевъ, гр., 1838 г., 780, 791.
Чертковъ, Евграфъ Алексд., 1787 г., 33.
Чика, казакъ, сподвжн. Пугачева, 195.
Чистовичъ, Я. А. Состав. біографическій очеркъ: «Илья Васильевичъ Буяльскій», 289—310; 599—616.
Чистяковъ, Мих. Борисов., 65.
Чичеринъ, Алсд. Никл., 1787 г., 28.
Чопанъ-оглы, сераскиръ, 1821 г., 775.
Чулковъ, с.-петербург. об.-полицеймст., 1796 г., 560—574.
Чулошниковъ, купецъ 1770 г., 534, 537; 761.
Чумаковъ, проф. математики, 55.
Чумиковъ, А. А. Сообщ.: «Таинственный узникъ 1802 г.», 218.
Чуринъ, штурманъ 1771 г., 534—541; 760
Чувичъ, сподвижникъ Сеньки Разина, 874.

Ш.

Шамиль, имамъ кавказскій, 146—162; 377—387; 645—658.
Шаховской, кн. Алсд. Алсд., драмат. писат., р. 1777 † 1846 г., 320, 323; 492.

Шебуевъ, В. И., проф. акад. худож., 1817 г., 116, 119.
Шейблеръ, фабрикантъ, 1787 г., 24.
Шекспиръ, поэтъ, 816, 854, 855.
Шереръ, проф. химіи, 294.
Шешковскій, Степ. Ив., 1788 г., 701, 702.
Шиллеръ, писатель, 140; 349, 812, 816; 868.
Шильдеръ, Карлъ Андр., инжен. ген., генер.-адъют., р. 1785 † 1854 г., 179, 180, 189, 190.
Шихъ-Али-ханъ, 225.
Шмалевъ, капит., 1771 г., 530—533, 544; 763, 765, 767.
Шлатеръ, берхъ-коллегіи президентъ, 731.
Шпоръ, композиторъ, 856.
Шпрангеръ, живописецъ, 872.
Шпренгпортенъ, 1787 г., 19.
Штакельбергъ, 1787 г., 479, 496.
Штакельбергъ, гр. 1854 г., 666.
Шталь, 1788 г., 705.
Шубертъ, Францъ, композиторъ, 140, 141, 350, 861.
Шуваловъ, Ив. Ив., об.-камерг., р. 1727 † 1797 г., 496, 687, 703.
Шуваловъ, гр. Андр. Петр., членъ совѣта, 1787 г., 34, 36; 241—259; 703.
Шуваловъ, гр., † 1823 г., 602.
Шульгинъ, И. П., извлеченіе его изъ дѣлъ тайной экспед. 1787 г.: «Атаманъ Калнишевскій», 217.

Щ.

Щепкинъ, профес., медиц. акад., 303.
Щепкинъ, П. С., инспект. Москов. универс. 1830 г., 61, 677, 846.
Щепкинъ, С. П. Сообщ.: «Увольненіе Бѣлинскаго изъ Московск. университета», 677—678.
Щепкинъ, Мих. Сем., актеръ 1829 г., 57, 95.
Щербатова, кн., рожд. кж. Дашкова, 490.
Щербатовъ, кн. Мих. Мих., исторіографъ сенаторъ, р. 1733 † 1790 г., 680.
Щербатовскій, см. Тимоѳей, митрополи. московскій.
Щербининъ, М. П. Статья: «Время Ермолова 1816—1827 г., «225—234; очеркъ «кн. Аркадій Суворовъ», 452—454.
Щукинъ, С. С., совѣтн. академіи худож. 1817 г., 117, 119, 126; 317—819.

Э.

Эйлеръ, совѣтникъ 1796 г., 563.
Экунинъ, актеръ, 93.
Экъ, 1787 г., 238, 240.
Эмиръ-Асланъ-ханъ, 800, 801.
Эмиръ-Низамъ-Мамедъ-ханъ, 780—785.
Эмиръ-Таги-ханъ, первый министръ Персіи, 799.
Энгельгардтъ, 1787 г., 264.
Энгельгардтъ, офиц., 1828 г., 374, 375.
Эртель, 1812 г., 219.
Эстергази, гр. Валентинъ-Владиславъ, генер. французской службы, эмигрантъ, р. 1740 † 1805 г., 569.

Ю.

Юговичъ, переводчикъ, 1788 г., 715.
Юній, 1787 г., 28.
Юрьевичъ, поруч. 1824 г., 464, 466.
Юсуповъ, кн. Н. Б., президентъ москов. двор. конторы, 1830 г., 635.
Юсуфъ-ханъ, 228.
Юшкевичъ, Амвросій, 1763 г., 725, 735.

Я.

Яковій, Ив. Варѳолом., 1788 г., 690, 701, 702.
Яворскій, Стефанъ, 1763 г., 724, 733.
Яворскій, Ѳедр. Моисеев., прозекторъ анатоміи, 1810 г., 293, 297, 602.
Языковъ, подполковн., 1788 г., 716.
Яковлева, Екат. Валерьянов., 807, 808.
Яковлева, Елис. Петров., въ замужествѣ Смоланова, 806.
Яковлева, Наталья Петр., 805.
Яковлевъ, Никол. Петр., 806.
Яковлевъ, Алексѣй Алексдр., 809.
Яковлевъ, Алсд. Алексв., 806, 809, 810, 852.
Яковлевъ, Ив. Алексв., 806—834, 843—852.

Яковлевъ, Левъ Алексѣевичъ, 808, 809, 820, 850.
Яковлевъ, Петръ Алексѣевичъ, 805—809.
Яковлевъ, Алексѣй Семеновичъ, актеръ, 90, 316.
Яковлевы, 1788 г., см. **Собакины**.
Якубовскій, студентъ, 139.
Яковичъ, поруч., 790.
Ярославцевъ, Алексѣй, москов. чиновникъ, 1762 г., 730, 731.
Яръ-Мухаммедъ-ханъ, 786, 797.

Ѳ.

Ѳеофилактъ, митр. кавказск., 1818 г., 225.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ изд. 1876 года.

ТОМЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.

ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЪ, АПРѢЛЬ.

Записки и Воспоминанія.

стр.

I. Записки Михаила Гарновскаго: дворъ императрицы Екатерины II-й въ 1783—1788 гг. . 9, 237, 471 и 687

II. Записки А. С. Стурдзы: Судьба русской православной церкви въ царствованіе императора Александра I. Сообщ. профессоръ Н. И. Барсовъ 266

III. Моя жизнь и художественно-археологическіе труды. Разсказъ академика Ѳ. Г. Солнцева, 1801—1876 гг. Главы I—IV, 1801—1836 гг. . . . . 109, 311 и 617

IV. Воспоминанія Петра Андреевича Каратыгина о русскомъ театрѣ, 1826—1836 гг. 88

V. Воспоминанія Татьяны Петровны Пассекъ, 1810—1842 гг. Главы XV—XVII 805

Изслѣдованія, біографическіе и историческіе очерки.

I. Лжедимитрій Первый, по поводу современнаго его портрета, 1606 г. Статья Н. И. Костомарова . . 1

Замѣтки: 1) Граверъ Киліанъ, начала XVII-го в. Сообщ. П. Н. Петровъ (стр. 871). 2) Акварельный портретъ Лжедимитрія, 1605 г. Сообщ. Г. Н. Геннади (стр. 873). 3) Живописные портреты Лжедимитрія и Марины, 1605 г. (стр. 874).

стр.

II. Павелъ Полуботокъ. Историческій очеркъ Н. И. Костомарова 500

III. Митрополитъ Ростовскій Арсеній Маціевичъ и дѣло объ отобраніи въ казну монастырскихъ имѣній, 1762—1763 гг. Историческій очеркъ. Составилъ профес. Н. И. Барсовъ. 721

IV. Бунтъ Беньевскаго въ Камчаткѣ въ 1771 г. Статья А. С. Сгибнева. . . . . 526 и 757

V. Михельсонъ—побѣдитель Емельяна Пугачева. Біографическій очеркъ, 1740—1807 гг. Состав. И. И. Ореусъ. 192

VI. Высылка изъ Россіи братьевъ Массоновъ въ 1796 г. Статья Д. Д. Рябинина 548

VII. Очеркъ военныхъ дѣйствій и событій на Кавказѣ, 1835—1838 гг. Сост. И. Гржегоржевскій. . 144, 377 и 645

VIII. Самсон-ханъ Макинцевъ и русскіе бѣглецы въ Персіи, 1806—1853 гг. Историко-біографическій очеркъ. Составилъ Ад. П. Берже. 770

IX. Илья Васильевичъ Буяльскій, заслуженный профессоръ С.-Петербургской медико-хирургической академіи, 1789—1866 гг. Біографическій очеркъ. Составилъ профессоръ Я. А. Чистовичъ. . . . . 289 и 599

X. Графъ Модестъ Андреевичъ Корфъ, 1800—1876 гг. Біографическій очеркъ и воспоминанія. Сообщ. академикъ Я. К. Гротъ и В. В. Стасовъ . . 422 и 402

XI. Двадцатипятилѣтіе «Исторіи Россіи» С. М. Соловьева, 1851—1876 гг. Статья профессора К. Н. Бестужева-Рюмина 679

Указы, переписка, замѣтки, разсказы и анекдоты.

Царствованіе Петра I.

I. Проклятіе Степана Богдановича Глѣбова. Указъ святѣйшаго синода 21-го ноября 1721 г. Сообщ. К. Н. Тихонравовъ 442

Царствованіе Екатерины I.

I. Указъ по поводу кончины императора Петра I-го, отъ 30-го января 1725 г. 876

стр.

Царствованіе Петра II.

I. Скорняковъ-Писаревъ и гр. Антонъ Девьеръ въ Сибири. Очеркъ по подлиннымъ документамъ. Сообщ. А. С. Сгибневъ 444

Царствованіе Анны Іоанновны.

I. Артемій Петровичъ Волынскій: письмо къ кн. А. Д. Кантеміру, 1738 г. Сообщ. кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій. 211

Царствованіе Екатерины II.

I. Графъ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ: его письмо къ родственнику, 1764 г. Сообщ. профессоръ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ 211
II. Графъ Петръ Александровичъ Румянцовъ: письма къ Бахчевскому и Милорадовичу, 1771—1772 гг. Сообщ. А. М. Лазаревскій 212
III. Кириллъ Флоринскій, епископъ сѣвскій въ 1761 и 1773 гг. Сообщ. А. В. Рачинскій и акад. С. М. Соловьевъ. 454 и 675
IV. Атаманъ Запорожской Сѣчи Петръ Калнишевскій въ 1787 и 1801 гг. Замѣтки о его судьбѣ. Сообщ. Л. Н. Майковъ и Г. К. Рѣпинскій 217
V. Князь Александръ Васильевичъ Суворовъ:
I. Письма его о своей женитьбѣ, 1773 г. Сообщ. А. В. Рачинскій 450
II. Свиданіе Суворова съ Корсаковымъ. Разсказъ Трефурта. Сообщ. К. А. Висковатовъ 213

Царствованіе Павла.

I. Планъ похода въ Индію въ томъ видѣ, какъ онъ былъ договоренъ между Бонапартомъ и Павломъ I, 1801 г. Сообщ. Ю. В. Толстой. 216

Царствованіе Александра I.

I. Таинственный узникъ, 1802 г. Замѣтка. Сообщ. А. А. Чумиковъ 218
II. Парикмахеръ графини П. В. Салтыковой. Сообщ. Читатель „Русской Старины" 675
III. Князь Аркадій Александровичъ Суворовъ, 1780—1811 гг.: Его характеристика, написанная принцемъ Евгеніемъ Виртембергскимъ. Сообщ. М. П. Щербининъ . . 452

стр.

IV. Французы въ Россіи, письмо Полторацкаго, 1812 г. Сообщ. Георгъ Минъ 218

V. Алексѣй Петровичъ Ермоловъ:
Обзоръ изданія Кавказскихъ актовъ за его время, 1816—1827 гг., напечатанныхъ подъ ред. Ад. П. Берже. Статья М. П. Щербинина 225

Царствованія Николая I и Александра II.

I. Графъ Михаилъ Михайловичъ Сперанскій: его объяснительныя записки и замѣтки, 1826—1828 гг. Сообщ. Акад. А. Ѳ. Бычковъ. 430
I. Краткое обозрѣніе коммисіи составленія законовъ. . 433
II. Предположенія къ окончательному составленію законовъ. 434
III. О сводѣ законовъ по гражданской части. 586
IV. О законахъ римскихъ и различіи ихъ отъ законовъ россійскихъ. 592
и V. Замѣтки къ исторіи пошлинъ въ Россіи и Англіи . 597

II. Подъ Варною 10-го сентября 1828 г. Разсказъ П. А. Степанова 364

III. Восточная война 1853—1855 гг.: Письма фельдмаршала кн. И. Ѳ. Паскевича къ кн. М. Д. Горчакову. 163, 388 и 659

IV. Смерть барона Павла Вревскаго, 4-го августа 1855 г. Сообщ. баронъ Б. А. Вревскій 221

Исторія русской литературы.

Писатели XVIII-го вѣка.

I. Денисъ Ивановичъ Фонъ-Визинъ:
Письма его къ С. С. Зиновьеву и Я. И. Булгакову, 1772—1778 гг. Сообщ. П. А. Ефремовъ и кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій. 458

Писатели XIX-го вѣка.

I. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ:
Встрѣча съ нимъ въ Могилевѣ, 1824 г. Сообщ. А. Распоповъ 464

II. Николай Васильевичъ Гоголь:
Неизданныя его письма къ дядѣ, Петру Петровичу Косяровскому, 1827—1828 гг. Сообщ. Н. П. Косяровскій. 39

стр.

III. Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій:
I. Новыя данныя для его біографіи и очеркъ литературной дѣятельности, 1810—1840 гг. Сообщ. князь Н. Н. Енгалычевъ . . . . . 46 и 324
II. Увольненіе Бѣлинскаго изъ Московскаго университета въ 1831—1832 гг. Сообщ. С. П. Щепкинъ . 677
IV. Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ:
Замѣтка о выходѣ его изъ Московскаго университета, 1832 г. Сообщ. баронъ Ѳ. А. Бюлеръ и С. М. Соловьевъ. 220
V. Дмитрій Никитичъ Вѣгичевъ:
Замѣтки о немъ и его сочиненіяхъ. Сообщ. Д. Д. Рябининъ. 223
VI. Павелъ Михайловичъ Строевъ, † 6-го января 1876 г.
Некрологъ. Состав. профес. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ. 426
VII. Князь Николай Сергѣевичъ Голицынъ:
Замѣтка по поводу его труда: „Всеобщая военная исторія“ 234

Артисты и художники.

I. Александръ Николаевичъ Сѣровъ, 1820—1871 гг.:
Письма, очерки и замѣтки о музыкѣ, 1841—1842 гг. Сообщ. съ примѣчаніями В. В. Стасовъ. 129, 348 и 853
II. Дмитрій Петровъ, механикъ-самоучка:
Разсказъ изъ его жизни, 1812 г. Сообщ. И. Дубасовъ. 219

Замѣтки и преданія.

I. Способъ воспроизведенія на металлѣ гравюръ и рисунковъ—геліографія 468
II. Народныя преданія объ Иванѣ Грозномъ. Степанъ Разинъ и Емельянъ Пугачевъ. Сообщ. Д. Садовниковъ . 470 и 875

Портреты, чертежи и снимки.

I. Представители державной власти въ Россіи, 1682—1855 гг. Рисунокъ составилъ профессоръ А. Шарлеманъ, рисовалъ на деревѣ К. О. Брожъ, гравировалъ академикъ Л. А. Сѣряковъ.
(См. заглавный рисунокъ).

II. Портретъ Лжедимитрія Перваго, точный снимокъ съ гравюры Луки Киліана, 1606 г., воспроизвелъ на мѣди академикъ И. П. Пожалостинъ, отпечатанъ въ Парижѣ.

(См. объ этомъ портретѣ стр. 1—8 и 871—874).

III. Портретъ генерала отъ кавалеріи Ивана Михельсона, побѣдителя Пугачева, гравировалъ на мѣди академикъ И. П. Пожалостинъ, напечатанъ въ Парижѣ.

(См. объ этомъ портретѣ стр. 210).

IV. Портретъ императрицы Екатерины II, точный снимокъ съ гравюры Чемесова, 1762 г., воспроизвелъ художникъ Скамони; напечатанъ въ С.-Петербургѣ, въ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ.

(См. о производствѣ геліографическихъ снимковъ, стр. 468—470).

V. Портретъ Виссаріона Григорьевича Бѣлинскаго, съ рисунка, снятаго съ натуры академикомъ К. А. Горбуновымъ, 1848 г., гравировалъ академикъ Л. А. Сѣряковъ.

(См. стр. 347).

VI. Портретъ Ф. К. Клуки-фонъ-Клугенау. Рисовалъ В. С. Шпакъ, гравировалъ академикъ Л. А. Сѣряковъ.

(См. стр. 658).

VII. Крестьянинъ Петръ Телушкинъ на шпицѣ Петропавловскаго собора въ С.-Петербургѣ, 1830 г. Чертежи академика Ѳ. Г. Солнцева.

(См. объясненіе чертежей на 641—643 стр.).

VIII. Точный снимокъ съ указа по поводу кончины императора Петра Великаго, указъ 30-го января 1725 г.

(См. стр. 876).

Библіографическій листокъ русско-историческихъ книгъ.

1. Описаніе зимняго похода въ Хиву въ 1839—1840 гг., сочиненіе генеральнаго штаба ген.-лейт. **Иванина**, 8°, Спб. (На оберткѣ 1-й книги «Русской Старины» 1876 г.).
2. О военномъ искусствѣ и завоеваніяхъ монголо-татаръ и средне-азіятскихъ народовъ при Чингисъ-ханѣ и Тамерланѣ, соч. ген. **Иванина**, съ картами и чертежами, 8°, Спб., 1875 г., издана, по смерти автора, воен.-учен. комитетомъ глав. штаба, подъ редакціею ген.-лейт. кн. **Н. С. Голицына**. (Тамъ же).
3. Каспій: О походахъ древнихъ руссовъ въ Табаристанъ. Соч. **В. Дорна**. Спб., 1875 г., LVI и 718 стр., съ картами и таблицами. (Тамъ же).
4. Исторія россійской академіи. Соч. **М. И. Сухомлинова**. Спб., 1875 г. Выпускъ второй, 584 стр. (Тамъ же).
5. Книга о кіевскихъ богатыряхъ: сводъ 24-хъ избранныхъ былинъ древнекіевскаго эпоса. Составилъ В. П. **Авенаріусъ**, съ 12-ю картинами и портретомъ пѣвца Рябинина, 1876 г., XXI, 280 и XXXIV стр. (Тамъ же).
6. Братская Помочь пострадавшимъ семействамъ Босніи и Герцеговины, изданіе Петербургскаго отдѣла Славянскаго комитета, 1876 г. (На оберткѣ 2-й книги «Русской Старины» 1876 г.).
7. Историческія пѣсни малорусскаго народа, съ объясненіями **Вл. Антоновича** и **М. Драгоманова**. Томъ II, выпускъ 1-й, Кіевъ, XI и 166 стр. (Тамъ же).
8. Повѣсти изъ русской исторіи **А. Разина**, 12 книжекъ, до 52-хъ стр. въ каждой. (Тамъ же).
9. Россія и Азія, сборникъ изслѣдованій и статей по исторіи, этнографіи и географіи, **В. В. Григорьева**. Спб., 1876 г., 575 стр. (Тамъ же).
10. Русская библіотека, томъ VI, Иванъ Сергѣевичъ **Тургеневъ**, 434 стр. Изд. М. М. Стасюлевича. (Тамъ же).
11. Исторія дворянскаго сословія въ Россіи, соч. кандидата правъ М. **Яблочкова**. Спб., 1876, XL и 680 стр. (На оберткѣ 3-й кн. «Рус. Стар.» 1876 г.).
12. Полное собраніе постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго вѣроисповѣданія Россійской имперіи. Томъ III: «1723 годъ». Изд. 1875 г. (Тамъ же).
13. Москва, подробное историческое и археологическое описаніе города, изд. **А. Мартынова**, два тома, изд. 1873 и 1875 г. (Тамъ же).
14. Родные отголоски, сборникъ стихотвореній русскихъ поэтовъ для юношества, съ рисунками **И. Панова**, гравированными Паннемакеромъ, изд **П. Н. Полеваго**. Парижъ и Петербургъ, 118 стр. (Тамъ же).
15. Историческія изслѣдованія и статьи **К. П. Побѣдоносцева**. Спб., 1876 г., 352 стр. (Тамъ же).
16. Хроника недавней старины. Изъ архива князя **Оболенскаго-Нелединскаго-Мелецкаго**. Спб., 1876 г., 398 стр. Изд. кн. Д. А. Оболенскаго. (Тамъ же).

17. Архивъ князя Воронцова. Книга восьмая. Москва. 1876 г., 582 стр. (На оберткѣ 4-й книги «Русской Старины» 1876 г.).
18. Исторія Всемірной Литературы въ общихъ очеркахъ, біографіяхъ, характеристикахъ и образцахъ. Составилъ В. Зотовъ. Изд. М. Вольфа. Спб. 1876 г., въ 6. 8-ю долю. (Тамъ же).
19. Liste alphabétique de portraits russes, par A. Wassiltschikoff, 2 тома, 1875 г., VIII, 540 и 499 стр. (Тамъ же).

кружка, а отнюдь не для общества; не вездѣ надъ документами и на верху страницъ вполнѣ точные заголовки, облегчающіе справки; наконецъ, кромѣ одного портрета и двухъ или трехъ снимковъ, при 8-ми книгахъ нѣтъ приложеній. Но надо и то сказать, что «не красна изба углами — а своими пирогами», такъ и въ этомъ изданіи, нисколько не напоминающемъ по бѣдной внѣшности своего аристократическаго происхожденія, внутреннее содержаніе вполнѣ роскошно: въ вышедшихъ восьми томахъ «Архива кн. Воронцова», соединена масса драгоцѣннѣйшихъ сырыхъ матеріаловъ для исторіи нашего отечества XVIII и начала XIX-го вв. Честь и слава современному представителю именитой фамиліи Воронцовыхъ: лучшаго памятника своимъ вполнѣ достопамятнымъ предкамъ онъ не могъ соорудить.

Исторія Всемірной Литературы въ общихъ очеркахъ, біографіяхъ, характеристикахъ и образцахъ. Составилъ В. Зотовъ. Изд. М. Вольфа. Спб. 1876 г., въ б. 8-ю долю.

Предъ нами первый выпускъ обширнаго труда, который, по предположенію издателя, будетъ состоять изъ четырехъ томовъ, каждый, въ свою очередь, изъ двѣнадцати выпусковъ (отъ 12 до 15-ти листовъ), имѣющихъ выходить по выпуску каждые два-три мѣсяца. Подписная цѣна за все сочиненіе 20 руб., съ пересылкою 25 руб., а съ приложеніемъ «Портретной галлереи знаменитѣйшихъ литературныхъ дѣятелей всѣхъ временъ и народовъ» (около 200 портретовъ) цѣна 32 руб. съ пересылкою. Цѣль этого изданія дать русскому обществу такое популярное, возможно полное и, въ тоже время, сжатое сочиненіе, въ которомъ, на основаніи послѣдняго слова науки, высказаннаго лучшими историками литературъ всѣхъ цивилизованныхъ народовъ, было бы дано ясное и вѣрное понятіе обо всѣхъ эпохахъ въ литературѣ, обо всѣхъ замѣчательныхъ писателяхъ и произведеніяхъ и, въ тоже время, представляло бы отрывки, характеризующіе эти произведенія. Изданіе это, какъ справедливо въ немъ замѣчено, есть одинъ изъ первыхъ опытовъ на русскомъ языкѣ и должно пожелать, чтобы этотъ опытъ нашелъ сочувствіе и поддержку нашихъ соотечественниковъ. Энергія и предпріимчивость г. М. Вольфа, какъ издателя, и обширныя, многостороннія свѣдѣнія редактора этого изданія, В. Р. Зотова и его многолѣтняя опытность въ историко-литературныхъ работахъ позволяютъ надѣяться, что «Исторія Всемірной Литературы» будетъ весьма удовлетворительна, хотя, разумѣется, какъ опытъ, и не чужда нѣкоторыхъ, хотя бы и серьезныхъ недостатковъ. Во всякомъ случаѣ, потребность въ такой книгѣ, написанной въ столь широкихъ рамкахъ, какъ то предполагаетъ исполнить В. Р. Зотовъ, давно настоятельно сознавалась. Г. Вольфъ, какъ намъ кажется, вполнѣ вѣрно подмѣтилъ эту потребность и, не останавливаясь предъ значительностью затратъ на изданіе, рѣшился ее удовлетворить.

Вышедшій нынѣ первый выпускъ (160 стр.) заключаетъ въ себѣ «Исторію литературы востока» (Индія, Китай, Японія, Персія) и представляетъ очеркъ значительно полнѣйшій противу того, что на русскомъ языкѣ до сихъ поръ по сему предмету и съ этою же цѣлью появлялось.

В. Н.

Liste alphabétique de portraits russes. par A. Wassiltschikoff, 2 тома, 1875 г., VIII, 540 и 499 стр. Цѣна 4 руб. за оба тома.

Прежде всего пожалѣемъ, что этотъ словарь русскихъ портретовъ,—плодъ слишкомъ десятилѣтнихъ трудовъ,—написанъ на французскомъ языкѣ, тогда какъ, очевидно, для русскихъ онъ необходимѣе и интереснѣе. Почтенный авторъ описываетъ 2,430 гравированныхъ портретовъ замѣчательныхъ русскихъ людей отъ Петра Великаго до вступленія на тронъ Александра I, то есть, до 1801 г. Въ этотъ списокъ, расположенный въ алфавитномъ порядкѣ, не вошли даже такія лица, какъ напримѣръ, Кутузовъ-Смоленскій и Багратіонъ, хотя и начавшіе военное поприще при Екатеринѣ II, но прославившіеся въ 1807 и 1813 г. Портреты, описанные авторомъ, находятся въ нашей публичной библіотекѣ, въ эрмитажѣ, въ парижской библіотекѣ, коллекціяхъ Вигеля (въ Московскомъ университетѣ), Геннади и самого автора, пользовавшагося трудами покойнаго кн. Лобанова-Ростовскаго и превосходнымъ трудомъ Д. А. Ровинскаго, котораго коллекціи гравированныхъ портретовъ русскихъ людей едва-ли не богатѣйшая изъ всѣхъ подобныхъ собраній въ Россіи и за границей.

Въ книгѣ г. Васильчикова къ описанію каждаго портрета присоединена краткая біографія изображеннаго лица, что далеко не лишнее, въ особенности для иностранныхъ читателей. Оконченный авторомъ еще въ 1870 году, трудъ этотъ изданъ въ свѣтъ только недавно и напечатанъ по распоряженію нашей академіи наукъ. Въ столь обширномъ трудѣ есть, конечно, пропуски и промахи, но, во всякомъ случаѣ, онъ заслуживаетъ полнѣйшаго вниманія. На западѣ изученіе портретовъ приняло размѣры настоящей науки, и трудъ нашего соотечественника между сочиненіями Лелона и его продолжателя Льето, Бромнея, Фюсели, Губера, Роста, Наглера, Вейгена, Барча, Пассавана, Кольнаги, Эванса и др. займетъ видное мѣсто.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА
„РУССКУЮ СТАРИНУ“
1876 г.

СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, три большіе тома, съ портретами русскихъ достопамятныхъ дѣятелей, гравированными на мѣди и на деревѣ, также со снимками и рисунками—**ВОСЕМЬ** руб., съ пересылкою.

Главная контора «Русской Старины» въ С.-Петербургѣ, Надеждинская, д. № 42.

Отдѣленіе главной конторы въ Москвѣ, при книжномъ магазинѣ **И. Г. Соловьева**, на Страстномъ бульварѣ, домъ Алексѣева.

☛ **Редакція отвѣчаетъ** вполнѣ за точную и своевременную доставку журнала **городскимъ** подписчикамъ главной конторы, и тѣмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которые выслали подписную сумму **по почтѣ** въ Редакцію «Русской Старины» въ Спб., Надеждинская, д. № 42, съ сообщеніемъ вполнѣ точнаго адреса.

Статьи, которыя помѣщаются въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“, относятся къ слѣдующимъ отдѣламъ:

I. Записки (мемуары) и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія (монографіи), обзоры, очерки и разсказы объ отдѣльныхъ эпохахъ и событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII и XIX-го вѣковъ.—III. Историческіе матеріалы изъ архивовъ и частныхъ собраній.—IV. Жизнеописанія и новые матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, духовныхъ и свѣтскихъ писателей, артистовъ и пр.—V. Очерки изъ исторіи русской литературы и искусствъ и матеріалы къ нимъ: неизданныя почему-либо въ свое время произведенія извѣстныхъ отечественныхъ писателей и артистовъ, ихъ переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники, статьи полемическія и проч.—VI. Историческіе разсказы, преданія и анекдоты; эпиграммы, пародіи, шутки изъ рукописной литературы XVIII и XIX-го вв.—Характерныя челобитныя, домашніе дневники, черты нравовъ русскаго общества прошлаго времени и проч. листки изъ записной книжки „Русской Старины“.—VII. Народная русская словесность: историческія, бытовыя и сатирическія пѣсни XVII-го и XVIII-го вв.—Стихи и пѣсни духовные и раскольничьи.—Замѣтки и выписки изъ подлинныхъ дѣлъ о суевѣріяхъ русскаго народа.—VIII. Библіографическій листокъ новыхъ, преимущественно историческихъ книгъ.—IX. Родословія русскихъ достопамятныхъ людей.

Можно получить третье изданіе „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ 1870 года,
цѣна **ВОСЕМЬ** рублей безъ переплета и **11** руб. въ хорош. переплетѣ, съ пересылкой.

Семевскій.

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

FEB 3 '67 H
CANCELLED
1561-560

JAN 29 '75 H
CANCELLED
4567
DEC 30 '76

OCT 4 1974
CANCELLED
4631459
OCT 12 1974 H

3 2044 089 934 731